

ВИТАЛИЙ КАЛГИН

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
СОВРЕМЕННОГО
МИФА
ВИКТОР

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Герои эпохи: биографии

Виталий Калгин

**Цой. Последний герой
современного мифа.
Новая редакция**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 785.071.1(470)
ББК 85.318

Калгин В. Н.

Цой. Последний герой современного мифа. Новая редакция /
В. Н. Калгин — «Издательство АСТ», 2021 — (Герои эпохи:
биографии)

ISBN 978-5-17-138446-3

Виктор Цой — одна из самых известных и ключевых фигур отечественной рок-музыки, фронтмен знаменитой ленинградской рок-группы «КИНО». С момента трагической гибели музыканта прошло более 30 лет, но его музыка и тексты по-прежнему не оставляют равнодушными людей совсем разных поколений. Каким он был на самом деле? Как рождалась легенда? Можно ли отличить правду от фантазии? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней... Автор книги попытался рассказать о невымышленном Викторе Цое, попробовал детально восстановить факты его биографии и творческой жизни. В книгу вошли откровенные свидетельства родных, близких, друзей музыкантов — коллег Цоя, а также уникальные материалы — рассказы очевидцев, фотографии, письма, документы из личных архивов. Текст публикуется в новой редакции с дополнениями.

УДК 785.071.1(470)

ББК 85.318

ISBN 978-5-17-138446-3

© Калгин В. Н., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	7
Часть 1. Цой и его «КИНО»	11
1962–1981	11
Детство и юношество	11
«Радоваться надо!»	18
1982–1986	35
«Сорок пять»	35
Разрыв	47
От «Пряжки» до «Сорока шести»	61
«Начальник Камчатки»	67
«НОЧЬ»	76
«Это не любовь»	86
«КИНО» в кино	101
«АССА»	126
1987–1990	136
1987	136
«Группа крови»	157
Звездная болезнь Цоя. А была ли она?	176
1988	187
«Звезда по имени Солнце»	217
Цой и его деньги	223
Телохранители Цоя	227
1989	229
«Последний герой»	251
1990	258
После «КИНО»	283
Влияния и компромиссы	294
Борис Гребенщиков и Виктор Цой	297
Зависть или непонимание?	302
Георгий Гурьянов	315
Юрий Каспарян	329
Игорь Тихомиров	336
Группа «КИНО» – 2021	338
Часть 2. Родные и близкие	341
Марьяна	341
Валентина Васильевна	363
Роберт Максимович	371
Наташа	376
Юрий Белишкин	383
Великий и ужасный Юрий Айзеншпис	387
Знакомство	387
Влиял ли Айзеншпис на «КИНО»?	391
Айзеншпис – крутой мафиози?	395
Айзеншпис превратил группу «КИНО» в поп-проект?	395
Айзеншпис нажился на Цое?	396
Марьяна и Айзеншпис	398

Часть 3. «Если время пришло – уходи...»	400
Смерть Цоя (такая, какой она была на самом деле)	400
«Черный альбом»	469
Часть 4. «После красно-желтых дней»	483
Через 30 лет...	483
Мистика (загадки Цоя: подлинные и ложные)	497
Цой или не Цой?	505
Необъяснимое (о любви)	510
Пророк света	511
«Игла» и ее Remix	514
Часть 5. Документы	525
Интервью	525
Евгений «Титя» Титов	525
Игорь Борисов	527
Дмитрий Бучин	528
Алексей Гостев	529
Антон Галин	533
Марк Шлямович	534
Роман Альтер	538
Роман Смирнов	540
Игорь Петровский	543
Наталья Крусанова	546
Иван Бахурин	547
Галина Кононова	548
Людмила Козловская	549
Константин Кинчев	549
Михаил Кувшинов	550
Дмитрий Конрадт	554
Виктор Елизаров	555
Игорь Бушланов	556
Ольга Карпушина	557
Игорь Черидник	557
Элла Аграновская	558
Александр Бурцев	560
Андрей Хлобыстин	561
Александр Флоренский	564
Дмитрий Мишенин	565
Ирина Сокол	569
Письма (из почты Виктора Цоя)	573
Вместо заключения	586
Иллюстрации	591

Виталий Калгин
Виктор Цой. Последний герой
современного мифа. Новая редакция

© Калгин В. Н., текст, 2021

© Цой В. Р., стихи, по лицензии ООО Национальное музыкальное издательство., 2021

© Оформление. ООО.Издательство АСТ., 2021

* * *

*В наших глазах крики – вперед!
В наших глазах – окрики «стой».
В наших глазах – рождение дня
И смерть огня.*

*В наших глазах – звездная ночь.
В наших глазах – потерянный рай.
В наших глазах – закрытая дверь.
Что тебе нужно – выбирай...*

Виктор Цой

От автора

Жизнь любой известной персоны обрастает определенным количеством мифов и легенд. И неудивительно, что сами звезды и их продюсеры сочиняют о себе небылицы – пересуды всегда поднимают популярность.

Но человек, которому посвящена эта книга, жил в то время, когда шоу-бизнес в его нынешнем медийном воплощении еще не родился и когда можно было стать знаменитым за счет своего основного занятия – творчества. К тому же этому человеку скандалы претили. Он никогда не выставлял напоказ свою личную жизнь и тщательно избегал критики в адрес своих знакомых и друзей.

Однако легенд и о нем со временем появилось немало. По разным причинам. Но уж точно не за счет эпатажного поведения, приписываемого всем рокерам, а скорее за счет подлинной харизмы и, как бы горько это ни звучало, из-за трагической гибели.

Вымыслы касаются практически всех аспектов – начиная с истоков музыкального стиля и истории песен и заканчивая фактами биографии и ролью того или иного человека в его жизни. Одни домыслы «возвеличивают», другие «принижают» и часто уживаются в голове одного и того же человека, решительно противореча друг другу и здравому смыслу. Одним он представляется лубочной легендой, ангелом и пророком, героем-бунтарем, другим – своим в доску парнем, который, так же как все, курил, матерился, пел песни и любил жизнь во всех ее проявлениях... Интересно, что рождаются искусственные образы не только «в народе», но и в его непосредственном окружении – фантазируют и бывшие приятели, и коллеги, и случайные знакомые, и авторитетные музыкальные критики.

Итак, поговорим о лидере знаменитой ленинградской рок-группы «КИНО» Викторе Цое. Каким он был на самом деле и как шел процесс создания его образа в массовом сознании? Можно ли как-то отличить правду от фантазии? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней.

Виктор Цой. Лидер группы «КИНО». Поэт, музыкант. Он погиб «в солнечный день в ослепительных снах», завершив перед этим запись своего последнего альбома, в котором голос его, кажется, уже тогда звучал из совершенно иного мира. Смерть Цоя стала его вторым рождением. На следующий же день после его гибели родился миф, его легенда, и случилось это в далеком от нас, сегодняшних, августе 1990 года.

Сегодня, даже по прошествии тридцати одного года с момента его трагической смерти, для многих в нашей стране никогда не вравший и не лицедействовавший Цой значит гораздо больше, чем иные политические лидеры, артисты и писатели. Он всегда был самим собой. Ему нельзя не верить. Одинокая, справедливая, добрая и честная романтика Цоя привлекала людей всегда – и тогда и сейчас. Сейчас, возможно, еще больше.

В конце 1997 года в журнале «Ровесник» журналист Алексей Поликовский написал такие слова:

«Миф о "КИНО" отпечатался на серой штукатурке домов, где с помощью баллончика с краской было выведено краткое, как лозунг: "Виктор Цой жив!" Это миф о рокере в черном, взлетевшем на небо в своем покореженном, всмятку разбитом автомобиле, миф о поэте, который, несмотря на смерть (или благодаря смерти), все равно остался здесь, с нами».

Сегодня поклонники со стажем знают о Викторе почти все – от детских приключений и шалостей Вити до последних звездных гастролей группы «КИНО» – и могут так или иначе отличить правду от лжи. Те же, кому сегодня пятнадцать, любят и уважают Виктора ничуть не меньше «стариков», но знают они гораздо меньше и, наверное, именно поэтому верят в придуманные истории о своем кумире. И это не их вина.

К сожалению, то «энергетическое» поле, которое оставил после себя Цой, породило шквал информации, целое море мнений, противоречащих друг другу. В них трудно ориентироваться, и из них порой невозможно составить цельный образ Цоя. Чем больше читаешь о нем, тем больше размываются его черты, тем сложнее его понять и почувствовать. И «биографические» книги часто не приносят пользы, так как написаны по одному и тому же шаблону, с одной и той же общепринятой точки зрения.

Сайты и издания перепечатывают старую информацию (да еще и в урезанном виде) под новой обложкой и с другим заголовком, а журналисты занимаются украшательством фактов ради того, чтобы статья или передача были более «эффектны» для некоего среднестатистического «массового читателя».

Я решил написать новую книгу о Викторе Цое. Книгу, которая хоть в какой-то степени отличалась бы от всех ранее изданных.

Решиться было непросто. «Наивный поклонник, ни разу не видевший Цоя, что он может сказать? Зачем воспринимать его всерьез? У него нет никаких прав писать и рассуждать о Цое», – скажут читатели. Да, я поклонник группы «КИНО», не довелось мне увидеть Цоя живым и побывать на его концертах, но я владею информацией, причем информацией из первых рук, ведь я лично встретился со многими по-настоящему близкими Цою людьми. И писать об этом имею полное право.

Вот что с наилучшими пожеланиями написал мне Игорь Петрученко, один из тех людей, кто был знаком с Виктором и бывал еще на акустических квартирных концертах «КИНО»:

«Если Вы задумали писать книгу, то, пожалуйста, пишите ее, описывая предмет повествования с Вашей точки его восприятия. Если Вы находились внутри истекших времен и Вам есть, что сказать по этому поводу, так и скажите. Если же Вы – не участник тех событий, так и пишите извне, "со своей колокольни". Так будет и честнее, и интереснее. Существует немало фильмов, авторских циклов и отдельных теле-радиопередач, мемуаров, публицистики, книг, журналов ("Рокси", "РИО" и др.), интервью и т. д., где показана и описана та эпоха. Наконец, осталась огромная масса аудио- и видеоконцертных записей. Хотя, смотря что Вы задумали – сборник интервью или собственно книгу. Это совсем разные вещи. Воспоминания людей, видевших Цоя в жизни, – воспоминания о встречах в магазине, в коридоре, в "Сайгоне", на улице, еще где-то... Воспоминания и интервью людей, которые играли с Цоем на одной сцене, записывались вместе, жили с ним рядом, нельзя назвать "избитыми" и "замыленными". Это и была "жизнь" во многих проявлениях, прожитая совместно с Виктором Цоем его близкими и друзьями, фрагменты которой представлены во всевозможных вариантах. Они максимально отражают (каждый в отдельности) тот след, который Цой оставил в их собственной судьбе, так же как глина наиболее правдоподобно хранит отпечаток от Вашего ботинка... Надеюсь, у Вас все получится».

Поначалу планировалось развеять мифы и домыслы, которыми обросла тема «КИНО» и имя самого Виктора Цоя. Но потом я решил рассказать о Цое людям, далеким от «темы». Для того чтобы это сделать, пришлось ввести в текст биографические и исторические факты, касающиеся самого Виктора Цоя, а также группы «КИНО», и опустить многое из общеизвестного.

Основная задача этой книги – показать молодым поклонникам «КИНО» то, каким снежным комом вокруг самой личности Цоя и абсолютно всего, что его касается, выросли предрассудки и фантазии. Даже то, что сейчас вроде бы известно всем и неопытному глазу кажется очевидным, в значительной мере искажено журналистскими комментариями и досужими домыслами.

Цой – это целая планета, и в рамках одной публикации невозможно отразить все грани его натуры. Разумеется, мнения людей субъективны и ограничиваются их собственным восприятием, но, опираясь на проверенные факты и комментарии по-настоящему близких Цою людей, и я старался дать максимально полную картину того, что было.

Самым главным и решающим фактором стало то, что мою работу достойно оценили музыканты группы «КИНО», родные и близкие люди Виктора Цоя.

Огромное спасибо музыкантам группы «КИНО» – Георгию Гурьянову (посмертно), Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову и его жене Марине, которым понравилась идея написания книги и которые согласились дать комментарии, что, несомненно, явилось самым ценным из всего изложенного. Спасибо Наталии Разлоговой за предоставленную информацию и фотоматериалы. Спасибо за помощь в создании этой книги Александру Цою, Рашиду Нугманову и сайту www.yahha.com.

Также большое спасибо маме Марьяны, Инне Николаевне Голубевой (тоже посмертно), за теплый прием и уникальные комментарии, спасибо Игорю Борисову и Андрею Крисанову (увы, тоже посмертно), в далеком 1988 году помогавшим группе «КИНО» на концертах. Они не только поделились своими воспоминаниями, но и предоставили фотографии из личных архивов. Спасибо Юрию Белишкину – администратору группы «КИНО», Олегу Толмачеву – гастрольному директору группы, а так же Виталию Фролову – эксперту, знатоку и коллекционеру – за предоставленные материалы и ценную информацию.

Спасибо за комментарии Алексею Рыбину, одному из создателей и экс-участнику группы «КИНО», спасибо Алексею Вишне, талантливому музыканту и звукорежиссеру, киносценаристке Ирине Легкодух, Дмитрию Левковскому, экс-администратору Рок-клуба и директору групп «Игры», «Народное ополчение», спасибо музыканту группы «АУ» Евгению Титову за понимание и подробные воспоминания. Особая благодарность Джоанне Стингрей, Жоэлю Бастенеру, Константину Кинчеву, Марку Шлямовичу, Евгению Додолеву, Антону Галину, Дмитрию Бучину, Игорю и Людмиле Петровским, Ирине Сокол, Наталье Крусановой, Роману Альтеру, Сергею Жегло, Роману Смирнову, Дженни Яснец, Ивану Бахурину, Анатолию Соколову, Николаю Краснопевцеву, Федору Лаврову, Владу Шебашеву, Сергею Фирсову, Алине Туляковой-Алонсо, Галине Кононовой, Всеволоду Гаккелю, Андрею Хлобыстину, Александру Флоренскому, Михаилу Кувшинову, Людмиле Козловской, Владимиру Густову, Дмитрию Конрадту, Светлане Борисевич, Элле Аграновской, Игорю Петрученко за помощь, интересные рассказы, комментарии и материалы.

Отдельно хочется поблагодарить Алексея Гостева, главного редактора алма-атинского журнала «Алау», за предоставление интересного материала и фотографий, Александра Николаевича Житинского (царствие ему небесное) за написанные им книги и материалы, а также руководителя арт-студии "Doping-pong" Дмитрия Мишенина.

Благодарю за предоставленные материалы, воспоминания и чудесные стихи Сергея Алексеевича Конопиева, Дмитрия Громова, Марию Василенко, Андрея Андреева, Юлию Данилову, Наталию Максимец, Вячеслава Мещерякова, Наталью Колосову, Марину Струкову, Ольгу Лехтонен, Елену Гилеву, Алекса Штека, а также многих других людей, пожелавших остаться неизвестными...

Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать свои фотоматериалы в книге. Хочется сказать огромное человеческое спасибо Виктору Лаврешкину, Анатолию Кругловенко, Елене Константиновой, Оксане Омельчак, Виктору Елизарову, Валерию Алахову, Владимиру Быстрову, Виктору Немтинову, Евгению Юфиту, Алексею Вишне, Олегу Зотову, Леониду Фельдману, Александру Бойко, Дмитрию Зашеринскому, Йону Кальдану, Диане Русовой, Айно Болдиной, Наталье Ивановой, Олегу Скрягину, Метсуру Вольде и другим, чьи фотографии и материалы были использованы в оформлении этой книги. Благодарю всех тех, кто помогал в датировках и поиске верной информации, в частности – Алексея Марчену и Владимира Долгова.

Благодарю за понимание родных и близких мне людей, всех тех, кто был рядом, кто верил и надеялся, всем тем, кто искренне ждал выхода книги. Спасибо Вам, милые и дорогие мне люди...

Отдельно хочу поблагодарить людей, поддержавших меня в моем начинании, которые, несмотря на занятость, нашли возможность помочь мне подготовить книгу. Благодарю: Дмитрия Давыдкина (Москва), Александра Каминского (Николаев), Ларису Михно (Санкт-Петербург), Максима Ефремова (Тула), Анастасию Кривенда (Минск), Александра Давыдова (Омск), Марину Гребенькову (Курск), Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Елену Невскую (Оренбург), Владимира Воробьева (Нижний Новгород), Василия Игнатьева (группа «Фильм»), Елену Коноплеву, Ксению Новоселову (Санкт-Петербург), Светлану Галямину (Курган), Алену Ащеркину (Санкт-Петербург), Евгения Кушнира (Киев), Наталью Леонову (Москва), Алексея Николаевского (Калуга), Ольгу Вундер (Токио).

Сразу хочу сказать, что не следует безоговорочно верить всему тому, что говорят люди. В книге собраны мнения и воспоминания людей, на которые они имеют полное право. Но мнения при этом могут быть совершенно разными. И никто не сможет этого изменить.

Прошу прощения, если в процессе повествования мной были допущены резкости в суждениях или выражениях, но это неизбежно, ибо невозможно рассказать всей правды, не задев при этом ничьих чувств. В любом случае автор не обязан соглашаться или не соглашаться с мнениями людей, которые здесь приведены...

Часть 1. Цой и его «КИНО»

1962–1981

Детство и юношество

Родился Виктор Цой 21 июня 1962 года в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье учительницы физкультуры и инженера, в роддоме Московского района (м. «Парк Победы», улица Кузнецовская, д. 25), ныне в этом здании расположена кардиоклиника.

Брак родителей Виктора был смешанным: отец, Роберт Максимович, по происхождению этнический кореец из Казахстана, мать, Валентина Васильевна, – русская, коренная ленинградка.

Новорожденного Витю привезли в дом № 193 по Московскому проспекту, где тогда жили его родители, но детство он провел в «доме со шпилем» (ул. Бассейная, 41/190). Впоследствии Виктор сменит много квартир, почти все они будут находиться недалеко от этого места, в южной части города...

1 сентября 1969 года Витя Цой пошел в первый класс, в школу № 362, где преподавала его мать.

В 1976 году Виктор перешел в школу № 507 (ул. Фрунзе, 22), что было связано со сменой места работы Валентины Васильевны.

В начальных классах Витя учился неплохо, но явную склонность проявлял разве что к рисованию, и в 1974 году (с четвертого класса) родители отдали его в художественную школу № 1 «Казанский собор» (наб. канала Грибоедова, 26), возле Львиного мостика. Там Витя учился у Татьяны Ганжало – супруги Николая Николаевича Ганжало, одного из преподавателей художественного училища им. Серова. По рассказам очевидцев, «...вспоминает она его как маленького и чумазого, с размазанными под носом соплями... И ей удивительно, что впоследствии он стал звездой».

Уже со средней школы Виктор все больше проявлял себя как «гуманитарий»: его интересовали литература и искусство, а точные науки не вызывали отклика в его душе. В 7-м классе появились тройки, и окончание восьмилетки чуть не стало проблемой. К этому времени Виктор уже решил стать художником, и успеваемость по общеобразовательным предметам перестала его волновать.

Как говорил впоследствии сам Виктор:

«До четвертого класса я учился очень хорошо, даже был отличником. Потом стал учиться очень плохо, потому что повзрослел и почувствовал, что все это неинтересно. И в дальнейшей жизни, кроме литературы, ничего не пригодится».

В ту пору в Китае проводилась «культурная революция», организованная председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном, и по этому поводу ходили анекдоты, разнообразные реальные и выдуманные истории. Одноклассники Цоя конечно же с ходу записали Виктора в «китайцы» и, как только по телевизору передавали что-то о событиях в Китае, сразу же призывали его к ответу. Не всерьез, конечно, но, по воспоминаниям его мамы, Валентины Васильевны, мальчика это очень обижало.

В одном из своих интервью Виктор говорил:

«В детстве меня дразнили ”японцем“ и я очень обижался. Сейчас мне в голову не придет выяснять, кто по национальности мои друзья. Есть среди них русские, украинцы, евреи, армяне... Но это не мешает нам общаться. Я думаю, вести такой учет просто глупо. Люди не делятся на хороших немцев и плохих французов».

Первая гитара, подаренная Виктору родителями, появилась в пятом или шестом классе. Отец Виктора, Роберт Максимович, показав сыну аккорды, совершенно не мог представить, во что выльется это его новое увлечение. Виктор же, подойдя к делу очень серьезно, быстро освоил инструмент и уже в 8-м классе организовал в школе свою группу.

Роберт Максимович, отец Виктора Цоя:

«Помню, запрется в ванной, чтобы мы не слышали, и играет. У него тогда голос ”ломался“, вот он и стеснялся. Даже нас. И все у матери спрашивал: ”Почему же у меня голос такой высокий, как у девчонки?“»

Виктор Цой:

«Я не избег общей участи мальчишек моего возраста, охваченных желанием овладеть столь престижным в те годы инструментом...»

В мае 1976 года в Этнографическом музее Ленинграда прошла городская выставка «Мы любим Родину свою». На ней тринадцатилетний Виктор Цой представил станковую композицию «Все на БАМ», подготовленную еще в 1975 году под руководством Е. А. Клочковой. Его рисунок занял второе место в конкурсе.

Валентина Васильевна Цой, мама Виктора Цоя:

«Работа была, по-моему, ничего особенного. Но умел Витя точно уловить то, что витало в воздухе. Это у него позже и в музыке проявилось. Чувствовал он как-то по-своему пульс времени. Тогда все только и говорили о БАМе. Витя тоже был романтиком. Нарисовал поезд, едущий на БАМ, ребят с гитарами».

Дмитрий Белов, одноклассник Виктора Цоя:

«В начале седьмого класса, а это был 1976 год, наша классная руководительница, она же завуч школы и учитель географии, привела на какое-то занятие трех новеньких и сказала, что теперь эти мальчики будут учиться с нами. Там было два офицерских сына, я до сих пор с ними дружу, Саша Деменков и Саша Сухарев, и длинненький такой Витя Цой.

Из нашего класса все с ним дружили и общались, каждый знал его очень хорошо, но так получилось, что именно я на многих занятиях сидел с ним за одной партой. И воспоминания мои о нем, конечно, не как о музыканте, тем более великом музыканте в нынешней интерпретации, а как о художнике. Я видел, что новичок что-то рисует постоянно в тетрадке и у него хорошо получается. Я стал спрашивать: ”А почему? А как?“ И выясняется, что он учился в художественной школе. Поэтому он был и, наверное, остался для меня скорее как художник...

Наше послешкольное времяпровождение часто проходило на крыше красивого большого дома напротив парка Победы. Огромная плоская крыша была покрыта рубероидом и толем. Это было что-то типа клуба, тем более тогда не было ни маньяков, ни бомжей и выходы на крышу были открыты. Просто с двенадцатого этажа выход на технический этаж и там дальше на самую крышу. Шикарный вид на город, а если кто-то где-то доставал бинокль, это было вдвойне интересно. Там было здорово и летом, и зимой. Мы скидывались все по какой-то мелочи и покупали пачку сигарет. Старались курить ”Век“. 35 копеек они стоили. Если не было спичек, мы рассаживались рядком втроем или вчетвером. Кто-то первый на улице прикуривал сига-

рету, докуривал ее, закуривал второй, от него третий, потом четвертый. А там уже и первый опять мог начать хотеть курить. И вот пачка вылетала за два часа, и мы вели какие-то интересные разговоры.

Другим довольно частым развлечением нашим было шляться по городу. Без цели, но не где-то во дворах, пугая прохожих, а по каким-то центральным улицам, отмахать весь Московский проспект и свернуть до Невского, а то и до Старо-Невского проспектов. Это было легко. А если встретится какой-то кинотеатр, то всегда было интересно и в охотку зайти в него. Седьмой класс вспоминать трудно, совсем детский период: снежки, каток... А вот когда мы начали взрослеть – это, наверное, 10-й класс (те, кто в него не попадал, шли в училище или ПТУ, как Цой), – мы начали пробовать жизнь. Стали интересны сигареты, стала интересна выпивка. Мы уже сравнительно повзрослели, и впереди нас ждала большая жизнь, и можно было говорить уже про армию, про профессию и о том, что не просто кому какая девчонка нравится, а кто с какой ходит...

Витя жил, все знают, на углу Московского проспекта и Бассейной улицы (д. 41). Это довольно замечательное здание, потому что на нем единственный в Питере шпиль – попытка Ленинграда в 40–50-х годах угнаться за Москвой. Жил он на втором этаже, в невзрачной коммуналке, там и сейчас под окошками остановка 63-го и 13-го автобусов. У него дома я наблюдал его за рисованием и даже храню несколько его рисунков. Он рисовал мою подружку, а также подарил две красивые акварели-натюрморта плакатного формата с какими-то фирменными импортными бутылками.

Так получалось, что почти все сборища были все-таки в моей квартире. У меня их было две. Папа с мамой жили отдельно и всегда были в командировке. Или там, или там мы проводили время. Водку тогда пили редко, обычно вино или какой-нибудь портвейн. Причем пили из пиалок, которые привозил мой отец. Надо сказать, что Витя в этом плане был более продвинутый. Как-то я ему говорю: да давай вина-то, а он: нет, давай портвейн. Мы чокнулись, выпили... У меня перехватывает дыхание, я тянусь за огурцом или что там могло лежать на столе, за колбасой, он в это время, пользуясь своими длинными руками, перехватывает мою руку, сжимает ее со словами: "Нет, нет, нет. Вот терпи-терпи". Глаза у меня выпучены, но через полминуты дыхание восстанавливается, он меня отпускает и говорит: "Закуси, вот теперь закуси". И когда у меня уже совсем улыбка на лице, он заканчивает: "Вот теперь ты понял, как это хорошо". Нет, мы не были пьяницами, конечно нет. Это обычное пацанячье взросление...

В нем вообще тогда было больше фартовости, ловкости... Он где-то достал ботинки по большому блату, модель тогда называлась "носороги", здоровые такие полуботинки, очень, я бы сказал, такие тупорылые. Так они были у него не просто фирменные, они были еще и многоцветные. Какие-то зеленые, красные проплешины, наверное и белые были, на черном фоне. Он натирал их бесцветным кремом и мечтал о цветных кремах. Кто-то ему сказал, что за границей продают отдельно красненький, зелененький, синенький крема именно вот для таких ботинок. Потом даже кто-то из старших ребят из Германии ему привез какой-то один цвет, красный по-моему. Витя выставлял эти ботинки носками к двери в прихожей. Причем на расстоянии шага, чтобы, не дай бог, на них не наступили. Я таких ботинок не видел, наверное, вот уже с тех лет. Тогда это было супермодно...»

Еще в художественной школе, в 1976 году, Виктор Цой сдружился с одноклассником Максимом Пашковым, и именно в это время образовалась группа, которая чуть позже получила название «Палата № 6». Более продвинутый Пашков, носивший настоящие джинсы, вельветовую жилетку и модную «битловскую» прическу, к тому моменту уже умел хорошо играть на гитаре, взял на себя роль вокалиста, а Цою, после приобретения вскладчину в комиссии-онке бас-гитары, досталась роль бас-гитариста. Барабанщиком же новоиспеченной группы стал

Виталий Соколов, которому за неимением ударных пришлось довольствоваться пионерским барабаном и всевозможными железяками.

Максим Пашков, друг юности Виктора Цоя:

«В основном тексты (на английском) и музыку писал я. А Витя очень помогал с аранжировками. У него с детства был просто отличный вкус. Он выдавал интересные пассажи на гитаре. Но первое время очень стеснялся петь».

Алексей Пугачев, художник, приятель Виктора Цоя:

«С Витей мы знакомы с девятого класса. Я жил тогда на Петроградской, а учился рядом с Сенной площадью, в 1-й Петербургской гимназии, вместе с его друзьями. Была такая группа, "Палата № 6": мой друг и одноклассник Максим Пашков сочинял для нее музыку и тексты. Тогда еще Витя не писал ни музыки, ни текстов, но много рисовал. Специально ничего не показывал, но когда я приходил к нему домой, он тогда жил у парка Победы на Московском проспекте, то всюду – на стенах, на мольберте, даже на полу, лежали его рисунки. Не заметить их было просто невозможно. Кстати, из тех времен у меня сохранилась одна тетрадка, в которой сочинена и нарисована история вымышленного государства, где все персонажи – наши общие знакомые. Рисовал ее Максим Пашков по большей части. Возможно, есть в ней рисунки и Цоя. Но какие именно, теперь уже не разобрать. Но вот совершенно точно: на этой странице нарисован Виктор в надетом на голову двурогом шлеме. Другую картину мне Витя просто подарил, нравилась она мне очень. А еще одну, на которой дома и улицы изображены, я у него выменял...

Витя сам себе шил рубашки и джинсы. А я вот, например, шить не умел. Максим тоже. Мы что-то кроили из чего-то. У меня были две перчатки. Одна красная, другая черная. Тонкие такие, лайковые. Они женские были, но их растянули в мокром виде, обрезали кончики пальцев. Вите они жутко нравились, и он все их цыганил у меня. А я все думал, что бы такое равноценное получить взамен. У него как раз стояла в работе картина, и я махнул. Она даже недоделанная была, один фрагмент он просто сделал при мне. Вот эту середину, треугольник, он при мне забил. Но все же особенно мне дорога картина, подаренная Виктором. Я не случайно вспомнил о ней, оформляя обложку видеошколы игры на гитаре...»

Планы Цоя, желавшего получить художественное образование, поначалу сбывались: после восьмого класса, в 1977 году, он поступил в художественное училище им. Серова (ул. Пролетарской Диктатуры, 5), в просторечии – Серовку.

Георгий Гурьянов, музыкант группы «КИНО»:

«Серовка – жуткое такое советское режимное заведение. Я старше на год Виктора, поэтому мы не столкнулись там. Свинья говорил, что это "рассадник пацифизма", это абсолютная правда...»

«Палата № 6» просуществовала достаточно долго (около пяти лет) и стала для Виктора настоящей музыкальной лабораторией. Пашков, оставшийся доучиваться в художественной школе, приходил на репетиции в Серовку, и на местном комплекте аппаратуры музыканты разучивали пассажи из наиболее популярных композиций Deep Purple и Black Sabbath. Вскоре после того, как «Палата» стала репетировать в Серовке, Виталий Соколов прекратил музицирование, но в училище, по счастливой случайности, нашёлся новый барабанщик, Анатолий Смирнов, – разносторонне одаренный художник и музыкант, который уже тогда поглядывал в сторону профессиональной сцены.

На сайте художников и реставраторов <http://m666.ru> можно прочитать историю о том, как одного из тогдашних преподавателей, а ныне директора училища Сергея Алексеевича Кирпичева, студенты стали расспрашивать о Цое, и тот совершенно серьезно рассказал, что студент Цой всех доставал проявлениями характера – игнорировал занятия, а когда изредка появлялся в аудитории, то вел себя максимально независимо, как в общении, так и в учебе, хотя, несомненно, обладал талантом.

По воспоминаниям другого преподавателя, «Цой писал хорошие натюрморты, а на втором курсе начал писать кривые рожи, вследствие чего вылетел из училища».

Существует много историй, связанных с этим периодом учебы Цоя. Художественное училище размещалось в то время рядом со Смольным, там, где сейчас консульство Великобритании. На четвертом этаже здания был мужской туалет, в котором юные реставраторы и художники мыли кисточки. Раковины были покрыты таким слоем краски, что вытирать кисти о них было неприятно, и студенты использовали стены.

Со слов очевидцев известно, что был один священный участок стены с надписью: «Тут был Цой». Все учащиеся, от зеленых первокурсников до матерых дипломников, свято верили, что надпись оригинальная и оставлена рукой музыканта.

Раз в году, во время летних каникул, туалет ремонтировали: все «безобразие» на стенах просто покрывали коричневой масляной краской. И каждый год, первого сентября, в туалет приходили студенты с реставрационного отделения и восстанавливали надпись: чистили и слегка подкрашивали. Для выпускников Серовки этот туалет с подписью Виктора Цоя – маленький символ тогдашней, советской эпохи...

Есть еще одна училищная байка, связанная с Цоем. В ту пору преподавателем графики был Владимир Васильевич Фомичев. Он, энергичный и жесткий, но толковый, за какую-то дерзость якобы «дал Цою по шее». Один из сокурсников Виктора вспоминал: «Сам не видел, но, судя по возрасту участников сего происшествия, могу предположить, что было так: Фомичев, молодой, здоровый мужик, дал по шее пятнадцатилетнему сопляку, от чего тот сложился как этюдник. При всем моем уважении к Цою по-другому просто и быть не могло!» Кстати, Жанна Иванова, бывшая одноклассница Цоя, ничего подобного не помнит, что дает основания думать, что рассказанная история смахивает на обычную байку.

Тогда Цоя больше всего интересовала никак не живопись, а музыка и поэзия. Гитара, кстати, по словам Кирпичева, всегда была при Цое, он даже в училище с ней ходил. Да и ношение длинных волос в конце 70-х воспринималось как несомненный вызов советскому обществу. Сергей Алексеевич рассказывал, что «директриса училища Хилькевич выгнала Цоя с формулировкой "за разгильдяйство" и никогда об этом не жалела». Об этом же вспоминал и бывший одноклассник Цоя Анатолий Смирнов.

Сегодня невозможно точно установить, почему же Виктор был в действительности отчислен из училища – «за разгильдяйство» или же из-за распространенных тогда гонений на рок-музыку, но факт остается фактом: в 1978 году Виктора отчисляют из училища (официально за неуспеваемость), и он устраивается штамповщиком на завод, параллельно продолжая учебу в вечерней школе.

Виктор Цой:

«Меня выгнали, но во многом была и моя вина, потому что я не могу сказать, что отличался особой успеваемостью, так как в то время я увлекся музыкой. Поскольку это для меня было уже совсем не интересно, то само собой закономерно, что если бы меня и не выгнали, я бы сам ушел».

Игорь Гудков, друг юности Виктора Цоя:

«Познакомились-то мы, когда, естественно, были молодыми. Просто жили в одном районе – Московском. Я туда переехал с Гражданки. Родители получили квартиру новую, и, конечно, у меня был дефицит общения после своей уличной истории на Гражданке, где остались все мои друзья. Через весь город ездить было невозможно, и я быстро нашел себе знакомых здесь. У нас была своя компания вокруг Андрея Панова по кличке Свин (Свинья) – первого панка Советского Союза, с которым мы организовали группу “Автоматические удовлетворители”. Когда к нам пришел Цой, у нас уже была устоявшаяся компания, но он в ней прижился. Хочу сказать, что тогда общество было совершенно толерантно, хотя слова такого не было – “толерантность”. Я Цоя всегда воспринимал как абсолютно русского, вообще никогда не воспринимал его как корейца. Это нас не волновало. Наше общество не делилось на евреев, русских. У нас была своя компания, Цою было у нас легко. Наверно, первый раз он почувствовал себя в своей тарелке именно в нашей среде. Была тусовка, мы не были музыкантами. А Цой тогда уже играл в группе “Палата № 6” на бас-гитаре, это был 1979 год».

28 июля 1980 года Цой поступил в СПТУ-61 (ул. Стойкости, д. 30, корп. 2) на специальность «резчик по дереву». По мнению преподавателей художественного училища, это была специальность (и вообще заведение), куда попадали одни разгильдяи.

Как бы там ни было, Цой был принят в училище, откуда той же осенью, в сентябре, поехал на сельхозработы в колхоз, где познакомился с гитаристом и певцом Сергеем Тимофеевым (экс-«Берега»), который тоже сочинял симпатичные битловые песни. Вернувшись в Питер, они собрали в стенах училища группу «Ракурс», с которой регулярно играли на дискотеках.

Сергей Тимофеев, друг юности Виктора Цоя:

«“Ракурс” – это самая первая группа Цоя, до этого он ни в каких группах не играл. Это реставрационное училище, которое заканчивал в том числе и Кирилл Миллер. Цоя в это время выгнали из училища Серова, он поступил сюда на резчика по дереву. Я учился на альфрейно-живописной росписи. Так как я с восьмого класса занимался музыкой, то и пытался собрать группу. В колхозе мы и собрались. Стало ясно, что Цой играет на гитаре, на бас-гитаре – Сафошкин, на барабанах – Толик Кондратюк плюс разные сессионные приходящие музыканты. Репетировали, выступали на конкурсах по ДК. Записей нет, так как тогда немислимо трудно было записаться. Пели мои и цоевские песни. В то время в колхозе как раз он сочинил “Алюминиевые огурцы”, “Любит Вася диско, диско и сосиски”, “Я бездельник”. Тогда Цой прикалывался к песням типа “Люблю я макароны” (перепевка итальянской песни по-русски), “Черная суббота” группы “Мифы” Геннадия Барихновского... Могу процитировать строчки припева, написанные им для моей песни, которые никто не слышал, – тут проявилась вся его гениальность:

Зачем же жизнь беречь, игра не стоит свеч,
Расстанься с ней без сожаления,
И все твои друзья забудут твою смерть,
Забудут твою смерть и день рождения...»

Нужно отметить, что если преподаватели художественного училища в буквальном смысле цедят воспоминания о Викторе сквозь зубы, то преподаватели СПТУ-61 до сих пор с нескрываемым восторгом вспоминают своего ученика, часто приходят к нему на могилу, рассказывают новым поколениям учащихся о таланте Виктора Цоя. В здании СПТУ (сейчас это лицей) сохранилась дипломная работа Виктора – резной дверной наличник с солнцем, там можно увидеть памятную табличку...

Яков Яковлев, однокурсник Виктора Цоя:

«Ездили мы в колхоз картошку убирать. Нас разбивали тогда на бригады-пятерки. Трактор уже взборонил поле и набросал для нас ящиков, чтобы было куда корнеплод складывать. А Витя в это время спал неподалеку – не любил он такую работу. Я ему и говорю: ”Витек, пойдем картошку собирать, вон нас уже ищут“. Он поднял голову, пробурчал что-то и дальше спать завалился. И недаром. В зависимости от количества собранной картошки бригаде присваивали определенные места – чем ближе к первому месту окажешься, тем больше денег заработаешь. Но разница в сумме все равно смешная – те, кому присвоили первое место, получили 12 рублей на всех, а мы, занявшие предпоследнее, – 9. Цой – человек дальновидный, он наверняка догадывался об этом. И вместо того чтобы пахать как лошадь, предпочитал отсыпаться».

Антон Галин, приятель Виктора Цоя:

«Цой только-только начал на своей гитарке бренькать... Он как раз пошел учиться в какую-то путягу, если я не ошибаюсь... Да, из Серовки он отвалил и пошел... Резчиком по дереву. Все хвастался мне... Все время, помню, ходил с ножичком, что-то ковырял, объяснял, что-то резал нам... Что-то говорил там такое... Он тогда все время хохотал, удивлялся – вот, говорит, я там музыку играю, у него там какая-то другая группа была, о, так всем нравится, смешно».

Егор Белкин, музыкант:

«Сейчас у меня играет басист, который играл с Цоем еще до Рыбы. Они вместе учились в ПТУ, потом работали резчиками по дереву в какой-то мастерской. Его зовут Миша Сафошкин. У него сохранились его портреты руки Цоя и фотографии, где они вповалку селедками спят. Цой всегда ночевал где-то вне дома. Жили они далеко, и ему неудобно было добираться...»

К началу 1980 года Смирнов начал пропускать репетиции и концерты, поскольку в поисках приработка постоянно где-то халтурил. В этих случаях его подменял Владимир Дорохин из группы с эксцентричным названием «Электрофрикционные колебания как фактор износа трамвайных рельс». Кстати, именно Дорохин сыграл в двух песнях альбома «Слонолуние», который «Палата № 6» записала дома у Пашкова, в Мучном переулке, используя два бытовых магнитофона.

В июне «Палата № 6» выступила на выпускном школьном вечере с чуть более известным «Пилигримом», в котором играли Дюша Михайлов, Алексей Рыбин, Олег Валинский и Борис Ободовский.

А что касается умения резать по дереву, то однажды Цоя, еще бывшего студентом СПТУ-61, показали в ленинградской программе «Монитор» как талантливого резчика по дереву, и надо сказать, что это умение впоследствии очень пригодилось Виктору. Известна коллекция нэцке, выполненная им с большим изяществом и мастерством, а у Наталии Россовской, бывшей жены лидера группы «Зоопарк» Михаила (Майка) Науменко, хранится пепельница, сделанная Цоем в виде стопы, каждый из пальцев которой представляет собой миниатюрный фаллос.

Наталия Россовская, жена Михаила Науменко:

«Пепельница – у меня. Раньше мы ей пользовались, пока наш приятель (художник из Гжели) не стал выставять ее в ЦДХ. Мне стало стыдно, я ее отмыла и убрала. Для потомков (хи-хи). Пальцы как пальцы. Мне они ничего такого не напоминают...»

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«У меня есть только пепельница в виде рта. Одна из многих поделок, которые Цой вырезывал из дерева и неизменно дарил своим друзьям».

Георгий Гурьянов:

«Из Серовки он перешел в другое училище, менее художественное, но более ремесленное. Он же очень рано женился, ему надо было независимо существовать, деньги зарабатывать. Краснодеревщики – я очень ценю эту профессию: реставрация, дерево, – очень классная вещь».

Андрей Тропилло, звукорежиссер:

«Я любовался Цоем, когда он лепил из пластилина... Действительно, лучше всего у него получалось, конечно, рукоделие. Виктор хорошо лепил, рисовал и резал по дереву. Вся его квартира была завалена разноцветными листами, скульптурками и поделками. Витя сделал на день рождения Майку Науменко чудесную резную деревянную пепельницу в виде большой ступни, на которой вместо пальчиков маленькие залупленные х...и. Я умолял Майка:

– Подари!

– Нет, не могу, мне Цой подарил. Да зачем тебе-то, ты ж не куришь?

А у меня и не возникло бы желания использовать такой артефакт по прямому назначению. Гениальная совершенно была красота...»

Павел Крусанов, музыкант группы «Абзац», приятель Виктора Цоя:

«В училище, овладевая профессией краснодеревщика, Цой получил навыки резьбы по дереву и время от времени одаривал приятелей своими поделками: кому-то досталась пепельница в форме сложенной в горсть ладони, так что тушение окурка в ней выглядело дурно, точно пытка, кому-то – нунчаки с вырезанным на концах палок Ильичом, кому-то – деревянный фаллос, который следовало вместо ручки подвешивать в туалете к цепочке сливного бачка (помните, были такие сливные бачки с цепочками?). Одно время Цой носил дубль этого резного, довольно натурально сработанного красавца в кармане и при встрече со знакомыми и малознакомыми девушками быстро им его протягивал, дескать, это вам. Девушки машинально брали шутовину в руку, но через миг, сообразив, вскрикивали – ай! – и, залившись краской, испуганно, точно в руке у них оказалось парное конское яблоко, бросали деревянную игрушку под ноги. На публике они всегда такие пуританки... Впрочем, сказать, что таков был характерный стиль цоевской шутки, все же нельзя. Такова была одна из граней его стиля».

«Радоваться надо!»

В конце 70-х годов с подачи одного из приятелей Максима Пашкова Виктор Цой знакомится с Андреем Пановым – Свиной. В то время Панов (уже тогда весьма известная личность в узких кругах) и вся его компания, в которую входило довольно много известных ныне в музыкальной тусовке людей, находились под творческим влиянием Евгения Юфита – «Юфы», будущего кинорежиссера, идеолога советского некрореализма, с которым Свинья познакомился еще в бытность учеником вечерней школы.

Евгений Юфит, кинорежиссер:

«Я познакомился со Свиной совершенно случайно, на улице, кто-то из моих приятелей его окликнул».

Андрей Панов, лидер группы «Автоматические удовлетворители»:

«Когда мы начали идиотничать, еще не было никаких панков. Один раз позвонил Юфа вечером. Говорит: "Ты знаешь, на Западе появилась группа каких-то кретинов типа нас. Называется Sex Pistols. Сейчас передали одну вещь по "Голосу Америки""». Юфа всегда слушает "голоса". Ну, я говорю: "Как музыка?" – "Типа Slade, – говорит, – только хуже раз в пять". Я говорю: "Ладно. Чего там внимание обращать?" И повесил трубку».

Так что можно смело принять на веру версию о том, что панк в Советский Союз не пришел с Запада, а появился там самостоятельно. Очень хорошее определение дал Алексей Рыбин, написавший в своей книге "«Кино» с самого начала", что «зачатие произошло в Англии, а само дитя появилось в мрачных коридорах советской школы...»

Как известно, Юфа собственно рок-музыкой почти не интересовался, его больше увлекали совершенно другие вещи. По словам знакомых с ним людей, он уже тогда проявлял себя талантливым манипулятором, «режиссером», и легко мог убедить человека совершить какой-нибудь «добродетельный» поступок (тем более если это было связано с извлечением денег из кармана манипулируемого).

Евгений Титов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Юфа умел добиться того, что довольно большие группы людей (совершенно бескорыстно) совершали самые идиотские и бессмысленные действия, иногда наносящие ущерб их здоровью и психике, и при этом эти люди (а также и зрители) были уверены, что то, что они делают, имеет большую культурную и эстетическую ценность.

Вот это и было настоящим искусством (!) – то, что Юфа добивался от людей нужных ему действий и мог управлять этими процессами. А если бы все это не воплощалось в реальность, в действие, а оставалось только в его воображении, это не было бы предметом искусства. Мало ли что просто бродит в голове? Тем более что речь идет об игровом кино, живописи и постановочной фотографии. Свинья очень ценил Юфу, в чем-то они дополняли друг друга. И очень многое в ранних песнях "АУ" отсылает к эстетике некрореализма Юфита. И эту эстетику потом переняли очень многие наши и панк-, и рок-, а теперь уже и поп-группы и другие сочинители-исполнители».

Еще до появления в стране пластинки легендарных английских панков Юфа со Свиньей (еще про панков не знавшие, но уже игнорировавшие нормы поведения советских граждан) совместно с другими ребятами решили сходить в кино. Им было по 15–16 лет, денег на билеты не было, и администрация кинотеатра предложила им расчистить снег за проход на сеанс. В процессе чистки снега Юфа с Андреем скинули куртки (было жарко!), затем свитера, и так вскоре разделись совсем догола, к великому ужасу обывателей. Немногим позже даже пришлось убегать от разъяренных столь неожиданным стриптизом любителей кино, пришедших на сеанс...

Как вспоминал сам **Панов**:

«Тогда мы все находились под влиянием Юфы. Никакие панки здесь вообще ни при чем – никакие Роттоны, никакие Pistols. Все это Юфины телеги. Юфа был и остался главным идеологом, а я типа игрушки для битья. Он такой законспирированный, как Ленин. Всегда появится в последний момент... Вообще это очень заразительный человек. Он может своим психозом заразить кого угодно. Все эти некрореализмы и прочее... А потом стали появляться разные плакаты, показали их по телевизору, и мы сразу завелись. Идиотничаем. То в трусах зимой по улице, то обвешиваемся разными паяльниками-фигальниками, надеваем одежду не по размеру... А как-то показали, что они еще и булавками обвешиваются. Нам понравилось. Мы

типа тоже меломаны, давай булавки... Я помню, для полного идиотства кто-то надел галифе, а у меня были такие здоровые клешши – финские, вельветовые. Я взял их и ушил внизу очень красиво. Ходил по улицам, и все смеялись. А через три года смотрю – все в таких ходят, стало модно. На улицах нас сначала никто не трогал. По той причине, что про панков не знали. Ну, идиоты и идиоты. Идиотами и были. И остались, собственно. А когда начались панки-фиганки, тогда начались дурацкие гонения. А за что? И так – кретины, и так – кретины».

Ребята радовались жизни на всю катушку. Ходить по улицам советского города в галифе, обвешанных паяльниками-фигальниками, в то время рискнул бы далеко не каждый... От себя, как автор, добавлю, что в свое время (правда, гораздо позже описываемых событий) тоже ходил по улицам с мертвым мышонком (разумеется, настоящим), приколотым большой английской булавкой к лацкану рубашки...

Поскольку Андрей Панов жил с матерью, Лией Петровной (известной балериной), в девятиэтажке на углу улицы Типанова и проспекта Космонавтов, в большой квартире, где у него была отдельная комната, то компания собиралась, как правило, у него. По многочисленным воспоминаниям, Свинья жил в комнате, где не было ничего, кроме плаката Sex Pistols на стене, дерюжки на полу и колонки от магнитофона с уходящим в стену проводом. Сам магнитофон стоял в комнате у матери, чтобы не попасть ненароком под «горячую руку» Андрея либо его приятелей...

Алексей Рыбин, один из основателей группы «КИНО»:

«Квартира Свина была нашим клубом, репетиционным помещением, студией звукозаписи, фонотекой – в общем, базой. Здесь мы отдыхали, обменивались новостями, пили, играли, пели, даже танцевали (по-нашему, по-битнически). У Свина была кое-какая аппаратура, как бытовая, так и полупрофессиональная, и было на чем послушать пластинки и во что воткнуть гитары. Словом, это был наш Рок-клуб».

Однажды именно сюда один из знакомых Максима Пашкова привел, собственно, самого Максима и Виктора Цоя.

Андрей Панов:

«У меня был сосед, живший этажом выше. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в Серовке. И у них группа хорошая, три человека – ”Палата № 6“. Тоже как бы въехали в панк-рок и все такое... Все очень здорово, типа, дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу... Короче, они пришли – Максим Пашков, Цой и барабанщик. Не помню, как его звали. Хороший барабанщик, кстати. Оригинал. Жаль, что не пошел по этой стезе впоследствии. Ну, Максим очень активный человек, больше всех разговаривал. Потом поступил в театральный. А Цой придет и сидит в углу...»

Уже тогда Цой резко отличался от компании первых питерских панков.

Игорь Гудков, знакомый Виктора Цоя по ленинградской тусовке, вспоминал:

«Цой не был пэтэушником, тем, о ком пел Майк в своей песне ”Гопники“...»

Павел Крусанов:

«Цой – наполовину кореец – невольно нарушал стереотип. В повседневной жизни он был неразговорчив – не молчун, но изъяснялся всегда кратко, а иногда и веско, однако же, по большей части, без задней мысли и рассчитанных многоходовок. Даже шутил так: по-спартански, лапидарно, словно вырубал на камне слова и старался, чтобы их оказалось поменьше. Верши-

ной остроумия для такого человека, видимо, должна была бы стать шутка без слов: шутка-жест, шутка-акция. Свидетельствую: случались у Цоя и такие».

Алексей Рыбин:

«Свин познакомился с ребятами из группы ”Палата № 6“, и они стали активно принимать участие в общем веселье. Песни были замечательно мелодичны, что сильно выделяло их из общего, довольно серого в музыкальном отношении питерского рока. Лидер группы Макс (Максим Пашков) пел профессиональным тенором и здорово играл на гитаре, а ансамбль отличался просто замечательной сыгранностью и аранжировками. А что такое аранжировка, молодые битники тогда вообще понятия не имели, и все это было чрезвычайно интересно и ново. ”Палата“ играла довольно специальную музыку – панк не панк, хард не хард, что-то битловское, что-то от Black Sabbath – в общем, интриговала».

В общем, Максим и сам Виктор быстро влились в тусовку и вскоре стали принимать довольно активное участие в панковских мероприятиях «свинской» компании и всевозможных панк-акциях, о чем свидетельствуют очевидцы и чудом сохранившиеся фотографии.

По воспоминаниям участников компании Свиньи, тусовку очень веселили всевозможные загородные прогулки, распитие портвейна и различные хулиганско-панковские импровизации, эпатажные провокации, рассчитанные на обывателей, например демонстрация голого тела рыбакам и отдыхающим.

Федор Лавров, музыкант группы «Народное ополчение»:

«Они все бухали вместе. Просто я тогда еще в школе учился и не видел Цоя. Когда я познакомился со Свиньей, там уже сменилась тусовка».

Павел Крусанов:

«Каждая наша встреча сопровождалась радостным распитием портвейнов, сухих вин, горьких настоек и в редком случае водки, что было сродни разведке боем на незнакомой территории – мы тщились узнать, какие ландшафты скрыты там, за гранью трезвого сознания, и что за звери их населяют».

Не стоит сильно удивляться таким воспоминаниям. Молодежь (особенно предпочитающая рок-музыку) во все времена стремилась к «расширению сознания» различными способами и средствами. Этого не отнять и у нынешних 15–20-летних молодых людей. Просто реакция человеческого организма может быть разной: юношеское увлечение или зависимость до конца жизни... А всевозможные приключения и происшествия, думаю, составляли не меньшую часть жизни многих читателей этой книги.

Антон Галин:

«Сейчас, по воспоминаниям, может сложиться такое впечатление, что все эти люди – особые. Но ничего особенного, у нас была обычная жизнь. Советская и постсоветская. Ну ходили и хохотали. Никакой политики, кстати. Все были абсолютно аполитичны. Абсолютно никакой антисоветчины. Ну так, иронично относились к Брежневу, но ни об одном из своих знакомых я не могу сказать, что это был такой ярый антисоветчик типа Солженицына. Все просто как-то оттягивались, реально оттопыривали свою жизнь, как хотели. Тогда просто не было ничего. Просто пытались весело проводить время. Никаких развлечений, никаких дискотек, ничего нет. Развлечений никаких. Если сам себе не придумаешь, то никаких и не будет...»

Евгений Юфит:

«Как-то мы с Цоем шли на место сбора компании. Пока шли, Цой нашел дохлую утку и стал тащить ее за лапу, хотел порадовать Свинью. Она была еще не тухлая, но так... запашок уже шел. Когда проходили мимо трамвайного кольца со зданием для диспетчеров, выскочили пять водителей, они сказали нам: "Все, ребята, идите к нам, вы убили утку, сейчас мы милицию вызовем". Мы с Цоем с радостью пошли, естественно... Эти начали звонить в милицию, но та отказалась ехать из-за дохлой утки... К тому же в здании, куда нас привели, из-за запаха стало ясно, что утка абсолютно несвежая... И когда нас спросили: "А где вы ее взяли?" – мы ответили, что "убили ее дней пять назад и вот все ходим с ней, не знаем, куда ее..."»

Алексей Рыбин:

«Мы подходили к пивным ларькам, покупали пиво и выливали его друг другу на головы, чем поворачивали в кому очередь мужиков, дрожащих от похмелья, которые стояли сорок минут за кружкой пива, – и вот какие-то уроды, отстояв эту очередь сорок минут, с шутками и прибаутками покупают себе по кружке пива и друг на друга его выливают... Люди просто цепенели. Никто нас не бил за это, потому что они не могли даже пошевелиться, они были парализованы этим зрелищем. Никто не кричал, очередь просто замирала... В милицию же нас не забирали, потому что менты не понимали, что это такое».

Очень часто можно услышать рассказы Рок-клубовских «стариков» о том, как Свинья и Цой покупали шарики в киоске, наполняли их использованными презервативами и окурками, привязывали на нитку и спускали из окна на подоконники к соседям... К примеру, Антон Галин, друг детства Виктора Цоя, рассказывал, как они с Цоем ловили голубей, креативно раскрашивали их красками под попугаев и выпускали обратно на улицу. Доказать правоту или лживость подобных историй сегодня уже попросту невозможно. Да и не нужно, наверное.

Павел Крусанов:

«Ребят этих отличал здоровый цинизм и бестрепетное отношение к жизни, что немудрено – в девятнадцать лет думаешь, что дружба вечна, а счастье может длиться пусть не годами, но все равно долго. Когда Пине (Пиночету) милиционеры в ЛДМе отбили селезенку, Цой на мотив известного по той поре шлягера ("У меня сестренки нет, у меня братишки нет...") сочинил собственную версию этой песенки, которую в присутствии пострадавшего всякий раз негромко озвучивал:

У меня печенки нет,
Селезенки тоже нет,
А без них хлопот невпроворо-о-от...

Характерно то, что это вовсе не казалось нам бестактным: все смеялись, даже бедный Пиня...»

Позднее Максим Пашков вспоминал:

«Надо отдать должное Виктору Цою. Он хотя и участвует в этих мероприятиях (спали и мылись все вповалку, голыми), но на фоне других сохраняет человеческое лицо, чувство юмора и не опускается до пошлости. Цой был гораздо консервативнее всей остальной компании и в наших "забавах" никогда не шел до конца. Наверно, это шло от какой-то его внутренней застенчивости... В нем никогда не было разнузданности».

Осенью 1980 года «Палата № 6» распалась, потому что лидер группы и автор песен Максим Пашков утратил интерес к занятиям музыкой, поступил в театральный институт на курс

В. В. Петрова и ушел с головой в театральную жизнь. В начале 1981 года группа выступила на сейшене в общежитии СПбГТИ на улице Здоровцева в компании с «Пеплом», где к ним присоединился флейтист Борис Ободовский из только что распавшегося «Пилигрима», но той же весной «Палата № 6» окончательно ушла в прошлое.

Евгений Титов:

«Когда Свинья поступил в театральный институт в 1979 году, отец ему передал каким-то образом в подарок некоторую сумму денег, и эти деньги все были потрачены на музыкальную аппаратуру. Также что-то добавила Лия Петровна. Весь аппарат стоял дома, включая барабанную установку. И начались почти ежедневные домашние репетиции и веселье. Угрозы соседей, приходы участкового, милицейских нарядов – мама отбивала все наезды. И в конце концов договорились, что до 19.00 можно греметь и ”репетировать“ как угодно, но не позже. Это всех устраивало. Тогда же он познакомился с Цоем и Алконом (Максим Пашков), и у Свиньи репетировала ”Палата № 6“ – группа, в которой Цой играл на бас-гитаре. У Цоя тогда еще не было собственных песен. Его тогда выгнали из реставрационного училища, а Свинья бросил театральный и нигде не работал. Они почти каждый день проводили вместе на Космонавтов, у Свиньи дома или где-то еще. Так было года два, пока Цой не переметнулся в компанию Гребенщикова».

Вот что рассказывал сам Андрей Панов:

«А я как раз в это время свалил из театрального, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Аппаратуру купил, меломанство забросил... Поступал в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи деревянными – от папы. Мой папа свалил из страны законным путем в семьдесят третьем. И по их правилам, если ребенок учится, бухгалтерия оплачивает обучение. Финансирует его образование, значит. Конечно, я сразу купил всякого: барабаны там, три-четыре гитары... Все на это ухнул, короче. Взялся сразу за гитару и настолько заразился, что поехал и поехал. Каждый день с утра до ночи».

Как вспоминал Илья Смирнов, двух месяцев обучения на курсе Игоря Горбачева Андрею хватило, чтобы решить окончательно: «Играть надо в жизни, а не на сцене». Как видно из воспоминаний Свиньи, он, получивший от жившего за рубежом отца приличную сумму денег, покупает неплохой набор аппаратуры, музыкальных инструментов и создает первую в стране панк-группу, куда чуть позже приглашает Цоя играть на бас-гитаре. Цой, обладавший некоторым музыкальным опытом, согласился помогать на репетициях и концертах и первое время добросовестно выполнял функцию бас-гитариста, что очень нравилось Андрею, поскольку из тогдашнего окружения Свиньи играть толком никто не умел.

Андрей Панов:

«Конечно, я у Цоя много спрашивал – типа аккорды не аккорды... Как это сделать, как взять... У Максима с Витей группа была в техническом плане очень сильная. У нас сейчас таких нет. Ни в Рок-клубе, нигде. Потому что люди занимались музыкой, а не то что там – в рок играли».

Многие друзья Свиньи, да и сам Андрей, частенько подтрунивали над Цоем, призывая его к сочинению собственных песен, но Цой как-то умело уходил от темы. Видимо, сказывались комплексы, которые появились из-за влияния Максима Пашкова, считавшего себя бесспорным лидером в «Палате № 6». Но вскоре, после дружных уговоров друзей, Цой все-таки пробует что-то сочинить сам, и у него получается.

Вот что рассказывает об этом **Андрей Панов**:

«Цой был басистом, ничего не писал тогда. Поскольку Максим относился к нему несколько иронически, что ли, Цой был всегда очень зажатый. Комплексанутый, даже так скажу. Когда же мы остались с ним, два бездельника, я чуть ли не каждый день стал приезжать к нему по утрам. У него любимое занятие было снимать с пленки. Или читать. С ушами все в порядке, снимает, как рентген. Jennifer Rush снял, что удивительно! Там маразматические аккорды, очень сложно... Очевидно, что человек, который жутко много читал и жутко много снимал, должен был и сам начать писать, но у него был комплекс... И вот однажды, когда мы толпой писались у меня, мы на него надели: что тебе, мол, стоит стихи написать, музыку сочинить... Цой все кривлялся, а мы выпили и наседали, наседали... Он вышел в коридор и с натуги чего-то написал, помню, даже была там фраза о металлоконструкциях. Наша была накачка, панковская. Типа – все панки, все против... Мы посмотрели – действительно неплохо написал. В первый раз. А потом прорвало. Очевидно, если человек с малого возраста читает, аранжирует, должно было прорваться».

Олег Котельников, художник, друг Виктора Цоя:

«Андрей Панов, между прочим, именно он повлиял на Цоя в свое время, чтобы тот занялся написанием песен. Вместе играли – Виктор играл на басу и все время молчал. Неожиданно выдал какое-то двустишие, на что Свинья ему резко сказал:

– Ты должен песни писать, стихи. Мы все пишем, а ты сидишь и молчишь все время. Не стесняйся, у тебя получается лучше, чем у нас. Одни эти твои две строчки обо всем говорят – пиши, Витька, пиши!

Свинья, как все знают, был начитанный, образованный, папа у него был известный и крутой балетмейстер, авторитет у него был. И Виктор стал писать, а спустя полгода-год записал первый альбом».

Как было на самом деле, неизвестно, но прорыв действительно произошёл, и с одобрения друзей Цой начал сочинять что-то свое. Самой заветной мечтой его была покупка нормальной гитары. И вот когда однажды родители уехали на юг, оставив сыну девяносто рублей (из расчета три рубля в день), Виктор немедленно потратил все деньги на приобретение двенадцати-струнной гитары.

Андрей Панов:

«Был такой хороший случай. Родители уехали на юг, оставили Цою девяносто рублей из расчета трех в день. А у Цоя была мечта, как и у всех, – двенадцатиструнная гитара. Он побежал и тут же ее купил. 87 рублей она стоила. А на сдачу, поскольку голодный, у парка Победы купил беляшей по шестнадцать копеек. И, значит, натошак их навернул. Он очень долго потом это вспоминал. Говорил, лежал зеленый, один в квартире, блевал, умирал. До туалета было не дойти. Лежал несколько дней. С тех пор беляшей не ел».

Месяц Цой жил впроголодь, но зато теперь у него была гитара, о которой он так долго мечтал. И вот вскоре счастливый обладатель двенадцатиструнной гитары, оправившись от последствий отравления, явил на свет песни «Вася любит диско» и «Идиот».

Андрей Панов:

«Мне нравилось, я ему подыгрывал. Потом Цой просто стал репетировать с моим ВИА...»

Антон Галин:

«Все играли как-то сессионно в "АУ". Были такие сессионные музыканты, играли сессиями. Все приходили к Свинье. Это был лишний повод выпить, и все говорили – сегодня будем играть что-нибудь. Все просто нажирались винища и что-нибудь там потом играли».

Борис Стожаров, знакомый Виктора Цоя:

«Цоя я помню. Когда он приходил, сидел в углу, что-то мычал-бренчал, что-то играл...»

Панов часто хвалил Цоя за то, что он мастерски снимал аккорды всевозможных западных групп и умело пародировал многих советских исполнителей, в частности Боярского, чьи стиль и манера в какой-то мере повлияли на молодого Цоя.

Андрей Панов:

«Он неплохо пародировал советских исполнителей – жесты, манеры... Особенно он любил Боярского. И Брюса Ли, но это уже потом. А с Боярским было заметно очень. Он ходил в театры, знал весь его репертуар, все его песни. Ему очень нравилась его прическа, его черный бодлон, его стиль. Цой говорил: "Это мой цвет, это мой стиль". И действительно знал и исполнял репертуар Боярского очень неплохо».

Мнения самого Цоя о Боярском, увы, не сохранилось, но вот что касается черного, то доступны несколько интервью Виктора, в которых тот говорит о своей любви к этому цвету.

Алексей Рыбин:

«Мы Боярского слушали, развлекались, и Виктор некоторые песни наизусть знал. Да что там Боярский! Мы на концерт Валерия Леонтьева в СКК ходили! Это же было профессионально, почему не посмотреть. Я вот Эдуарда Хилия люблю до сих пор».

Евгений Титов:

«Да что там Боярский... Мы со Свиньей на концерт Педко Педкова вместе ходили, сидели на первом ряду, "фанатели". Даже билеты покупали. В начале 80-х был такой болгарский эстрадный исполнитель, с усами как у таракана или Вилли Токарева, с кордебалетом. Может, это творческий псевдоним был такой, я не знаю. Мы афишу увидели, приколотись – решили сходить. Может, его звали Петко Петков, но все равно смешно. Он был не просто Педко, а еще и Педков. Двойной удар. И афиша была красивая – в центре сидит этот шпендик Педко, с огромными, торчащими в разные стороны усами, а его облепила толпа полуголых девок, и все довольные. Круто, в общем... Боярский отдыхал».

Антон Галин:

«Я прекрасно помню, как я, Свинья, Цой и еще пара персонажей культовых ходили в оперу с пивом. Сидели там, пиво жрали на балконе и слушали оперу».

Сергей Селюнин, музыкант группы «Выход»:

«Как это ни странно, Цой и Боярский были очень похожи. Не то чтоб на одно лицо, нет, но в том, как они проходили мимо "Сайгона". Оба в черном и по сторонам старались не смотреть. В общем, такие оба индифферентные. Разница только в том, что Михаил Сергеевич служил в Театре Ленсовета, и "Сайгон" ему, по большому счету, был не нужен – просто по дороге попадался, а Цой, когда уже почти великий стал, по старой памяти наверное, забредал случайно. И еще одно существенное отличие: Цой увидит Марьяну и давай бурно целоваться, а Боярский никого у "Сайгона" не целовал совсем. Брезговал, наверно».

Про симпатии Цоя к Боярскому не очень ясно, поскольку спутники молодости Виктора говорят одно, а вот друзья более позднего периода такого увлечения засвидетельствовать не могут.

Рашид Нугманов, режиссер фильма «Игла», вспоминал:

«Дело в том, что ни сам Виктор, никто из его близких, с кем я общался, о таком увлечении не говорил. Но ведь противоречия тут на самом деле нет. Если уж быть педантичным, то надо бы, конечно, уточнить, чтобы потом не было разногласий. Я никогда не слышал от Виктора о его интересе к Боярскому или об их встречах».

В октябре 2014 года журналист газеты «Правда Севера» опубликовал интервью, взятое у Виктора Цоя в конце июня 1990 года. Приведу отрывок:

– У вас были какие-то очень любимые исполнители в детстве, в отрочестве?

– Цой (смущенно улыбаясь): – Я Боярского очень любил. Честно... И, конечно, Владимира Семеновича Высоцкого. Я и сейчас его люблю.

Кстати, что касается самого Боярского, то, когда Цой уже станет более или менее известен, именно он будет цензором по «литованию» текстов, курировавшим группу «КИНО».

Михаил Боярский, актер:

«Я достаточно близко был знаком с человеком, который мне понравился сразу. Это Виктор Цой. Я был его цензором. Мне приносили его тексты, для того чтобы я подписал: можно петь это или нельзя. И я подписывал – можно. Ну конечно, смешно. Он с хорошим юмором был, без фанатизма».

Шло время, и вот однажды случилось знаменательное событие, о котором **Алексей Рыбин** рассказал в своей книге ««Кино» с самого начала»:

«В один из обычных, прекрасных вечеров у Свина, когда все, выпив, принялись удивлять друг друга своими музыкальными произведениями, я и басист "Палаты" сидели на кухне и наблюдали за тем, чтобы три бутылки сухого, лежащие в духовке, не нагрелись до кипения и не лопнули раньше времени – наиболее любимая нами температура напитка составляла градусов 40–60 по Цельсию. Поскольку лично мы еще не были знакомы, я решил восполнить этот пробел:

– А тебя как зовут? – спросил я. – Меня Рыба.

– Меня Цой...»

Павел Крусанов:

«Когда мы познакомились с Цоем, а случилось это весной 1980 года, он красовался в узких черных штанах, черной рубашке и черной клеенчатой, утыканной булавками жилетке. Копна смолых волос, смугловатая кожа и агатовые глаза довершали этюд. Определенная степень внешней припанкованности отличала и других участников этой компании, почему-то называвших себя "битниками", – Пиню и Рыбу, однако настоящим, идейным панком (правда, в собственной, несколько специфической трактовке этого понятия) был здесь, пожалуй, только Свин – актер по жизни и беззаветный чудила с весьма своеобразным чувством юмора. Нейтральнее других выглядел Олег Валинский, поэтому, должно быть, к нему так и не приросла никакая кличка...»

Алексей Рыбин:

«Мы начали выпивать, говорить о музыке, потому что больше ни о чем не говорили тогда, в те годы, и нашли какие-то общие музыкальные приоритеты, какие-то общие музыкальные группы у нас оказались, потом выяснилось, что Витя играет на бас-гитаре...»

Игорь Гудков:

«Тогда еще не было никаких "квартирников", никто не играл. Собирались на квартире у Андрея Панова в Московском районе. Он жил с матерью, она была известным хореографом, танцевала в балетной труппе нашего Мариинского театра. Позволяла нам собираться. Мы проводили там все время. Это был своего рода клуб по интересам. У Свина Цой познакомился с Алексеем Рыбиным, и они вдвоем начали что-то делать. Первый раз мы это увидели где-то через полгода с того момента, как он что-то там сочинил. Цой скромный был парень. Играл он, как я уже сказал, с Рыбиным, это была акустика. Все тогда играли очень плохо – в принципе, и до сих пор все играют плохо. Это было не главное, главное было, что ты мог написать песню. Это Виктор умел делать. Я помню, когда он впервые для нас сыграл на квартире нашего друга Паши Крусанова. Они пришли втроем – Цой, Рыбин и Олег Валинский (бывший глава Октябрьской железной дороги и нынешний вице-президент РЖД – он тогда в последний раз играл). Тогда это называлось не "КИНО", а группа "Гарин и гиперболоиды". Они пришли втроем и сыграли три песни. Мне тогда показалось, что это невообразимо круто. Это была песня "Когда-то ты был битником". И мы их заставили сыграть еще несколько раз».

Неожиданное знакомство действительно положило начало тесному общению и дружбе Виктора Цоя и Алексея Рыбина – Рыбы, тогдашнего музыканта группы «Пилигримы», с которым Цой в дальнейшем сблизился на почве одинаковых музыкальных пристрастий. Еще больше Виктора и Алексея сплотило совместное участие в исторической поездке 1981 года «Автоматических удовлетворителей» на подпольные концерты в столицу, устроенные Артемием Троицким.

Алексей Рыбин:

«Музыкальная активность, которую развил Свин, естественно, не могла остаться незамеченной на сером фоне русской музыки начала восьмидесятых. Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий... Кроме рок-н-ролла, его очень интересовала новая музыка, и в частности панк. Он, конечно, вышел на Свина. Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение в Москву для исполнения перед публикой их произведений... На подготовку этих грандиозных гастролей ушло недели примерно две. Было выпито умопомрачительное количество сухого вина, написана целая куча новых песен и записана магнитофонная лента под названием "На Москву!!!" – хотел бы я знать, где она сейчас, вещь была очень достойная. Когда запись была закончена и выбраны дни для поездки – суббота и воскресенье, поскольку все работали, а прогуливать боялись или не хотели, – стали думать и гадать, кто же поедет и кто на чем будет играть. Однозначно было "АУ (Автоматические удовлетворители)" – Свин, Кук и Постер, остальных вроде бы и не звали, но поехать хотелось многим, и Свин сказал, что все трудности с ночлегом и прочим он решит с Троицким сам и кто хочет ехать, может смело составить ему компанию. "Он звал 'АУ' – а может, у меня в 'АУ' сейчас десять человек играют – принимай, дорогой!" – обосновал Свин свое решение...»

Само собой, присоединиться к «АУ» решило довольно большое количество молодых людей из компании Свиньи, в том числе и Алексей Рыбин. На этих памятных концертах «АУ» Цой играл на басу и даже исполнил одну из своих песен, которая не произвела на аудиторию особого впечатления.

Алексей Рыбин:

«Первая песня Цоя была такая:

Вася любит диско, диско и сосиски...
В дискотеку Вася ходит каждый день.
В дискотеке Васю знает диск-жокей...
Вася-дискомен...

И что-то дальше в этом роде. Очень слабая песня. Да и вообще – не песня, считай... Потом еще "Идиот" был: "Я ненормальный человек, и ненормально все вокруг..." – вот эта вот вещь... Потом из этой песни сделан "Бездельник номер № 2"...»

Андрей Панов:

«С великой "наколки" Майка поехали мы в Москву. К Троицкому. Майк до этого уже был там с Гробоценковым и еще с кем-то. Якобы как панк. И мы зимой семьдесят девятого, по-моему, поехали туда большой толпой давать концерты. Там Витя еще спел свою не очень удачную вещь "Вася любит диско, диско и сосиски". Ну, тогда все очень сильно были против диско. Хорошая музыка, как мне сейчас кажется. А мы там проканалы с переделанной вещью Макаревича "...И первыми отправились ко дну". Ну, а Москва – город маленький, сразу все узнали, схватились за это: новые люди, новая музыка! И мы дали еще концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, оказалось, что и до Питера разговоры дошли».

Антон Галин:

«Все эти поездки со Свиньей в Москву несколько раз... Все это было по квартирам, десять человек каких-нибудь эстетов придут, посидят, похохочут и уйдут. Примерно в то время все и познакомились с Липницким, Троицким... с московской такой же тусовкой. "Звуки Му" – они же, в общем-то, так же начинали, все по каким-то квартирам играли... То есть среда формировалась примерно в одно время среди этих людей...»

Тут можно упомянуть об одном моменте. Сегодня воспоминания участников этого концерта весьма разнятся. К примеру, Игорь «Пиночет» Покровский на пару с Андреем «Дюшей» Михайловым утверждают, что концерт «АУ» был не зимой, а летом. Но это очевидная игра памяти, поскольку Алексей Рыбин, Артемий Троицкий и иже с ними вспоминают именно зимний концерт и Свина в русско-морозном варианте.

Алексей Рыбин:

«Был именно зимний концерт в большой компании и с кучей народу. У Рошала. На квартире. Устраивал Артем. Да. Это был именно зимний концерт в большом составе – Свин, Цой, Валинский, я, Пиночет, Дюша, Панкер, Кук и Постер. Играли на квартире у Рошала, а на следующий день выступали в каком-то подростковом клубе. Устраивал это все тоже Артем, а ночевали мы у его знакомой, которая работала в каком-то театре».

Поскольку исполненный в Москве «Вася» никого не впечатлил, Цой продолжил сочинять новые песни, и чуть позже родилась его, по сути, визитная карточка – «Мои друзья».

Пришел домой и, как всегда, опять один.
Мой дом пустой, но зазвонит вдруг телефон,

И будут в дверь стучать и с улицы кричать,
Что хватит спать. И пьяный голос скажет: «Дай пожрать».

Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.

Антон Галин:

«Я помню, я как-то к Цою пришел и помог ему с парой строчек... Он говорит: вот, помоги мне, пожалуйста, есть такая песня "Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Вот мы сидели с ним там, придумывали рифмы, это я как-то вот так вот помню... Помню, ничего такого, но что-то типа "помоги мне – в одном месте у меня никак..." Но потом что-то разрулили, и все. Ну и потом он стал уже ездить-ездить. А я уже поступил в театральный институт, мне вообще уже стало не до этого. Да, мне не очень было интересно все это, честно говоря, я и сейчас не очень... Я помню еще тогда, когда встречались какие-то общие знакомые, то хохотали по поводу того, что Цой популярен и кому-то нужен. Все говорили – во, Цой, хахаха. Потому что никто не мог понять – кому это все надо, зачем и к чему...»

Андрей Панов:

«После того случая его прорвало, как-то раз приходит, играет новую – она есть в первом альбоме: "Мои друзья всегда идут по жизни маршем..." Это его если не вторая, то третья песня вообще. А ее довольно тяжело сделать, настолько все музыкально накручено. Помню, он говорил: мне, мол, нравится, что мы все у тебя встаем и с похмелья идем к пивному ларьку, даже зубы не чистивши. Не знаю, в чем здесь романтика, но очень многие так говорят. Потом еще песню сочинил, потом еще. Хорошие вещи. Они нигде не записаны...»

Игорь Гудков:

«Первая песня, которую я услышал от Цоя, – "Когда-то ты был битником", это было дома у Паши Крусанова, который снимал квартиру. И вот Цой там тогда ее сыграл. Она ужасно всем понравилась, и вот тогда выяснилось, что у Цоя есть еще песни».

Михаил Дубов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Кстати, у меня на хате происходила премьера первой цоевской песни "Мои друзья всегда идут по жизни маршем" в 1981 году... Ко мне тогда завалилась вся тусовка во главе с Андрюхой, Витей, Артемом и т. д., предки откровенно ох...ли...»

Евгений Титов:

«"Мои друзья" вообще про Свиныю и его квартиру, когда Цой почти каждый день там тусовался в 1980/81-м, и пивной ларек на проспекте Космонавтов еще недавно стоял на том же месте...»

По легенде, 21 марта 1981 года на Крестовском острове, в ресторане «Трюм», на дне рождения Андрея Тропилло, Цой впервые публично исполнил песню «Мои друзья». Тут необходимо отметить, что на самом деле Цой выступал, скорее всего, скорее всего 22 марта (по иной версии – через неделю), причем уже в ресторане «Бриг», на улице Чайковского, 17, поскольку 21 марта «АУ» в ресторане «Трюм» попросту не выступали.

Евгений Титов:

«21 марта дирекция "Трюма" вообще всех выгнала. И как раз из-за поведения Свиньи и его товарищей. С самого начала они шокировали всех проходящих тем, что при входе имитировали акт коллективной мастурбации – то есть трясли х...ми на всех входящих приглашенных гостей и дальше в том же духе. Дирекция хотела сразу вызвать ментов, а самого именинника – Тропилло – не было, он только после девяти вечера приехал, когда уже ничего не происходило и Свинья с компанией уже свалили оттуда. И тогда Тропилло, которому было обидно, что он пропустил все "веселье", договорился с рестораном "Бриг" на следующий день и всех, кто был в "Трюме", пригласил туда. И вот там уже как раз и был концерт. Мне Тропилло рассказывал сам со слов гостей – типа, куда ты нас пригласил и что это за дебилы были, которые встречали нас с порога, тряся х...ми и с дикими воплями? Но он сам этого не видел, и ему было обидно. Потому он раскошелился на второй день банкета, чтобы уж точно ничего не пропустить...»

Как упоминает Евгений Титов, Тропилло действительно опоздал на свой день рождения. В тот вечер ему пришлось задержаться на концерте группы «Мифы» во Дворце молодежи, где он выполнял обязанности звукорежиссера. Пропустив из-за своего вынужденного опоздания все самое интересное, Тропилло решил все повторить и на следующий день арендовал зал ресторана «Бриг», где, собственно, уже и играли все желающие поздравить юбиляра. Кстати, сохранилась фотография с этого концерта, сделанная Валентином Барановским, талантливым фотографом, в ресторане «Трюм». Молодой, с небольшими юношескими усиками Цой сидит вытянув ноги рядом с дурачащимся Пановым и приятелями.

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«Примерно через месяц Тропилло решил отпраздновать свой тридцатилетний юбилей, который прошел в два этапа. Первый был в ресторане "Трюм", на Крестовском острове, куда он привез маленький аппарат и пригласил своих дружков-музыкантов. Но концерт не получился, потому что соседи сверху вызвали ментов, нам пришлось отключить аппарат и молча выпить. Через неделю он договорился в ресторане гостиницы "Нева" на улице Чайковского. Он гулял на широкую ногу и всех поил шампанским, а выступали "Автоматические удовлетворители" и Цой. Так был заложен фундамент новой волны...»

Андрей Тропилло вспоминал:

«Я родился 21 марта 1951 года. 21 марта 1981 года в ЛДМ был большой концерт группы "Мифы", грандиозное событие... Закончился этот концерт в полдесятого вечера... А у меня был друг, Саша Разумов, мы с ним родились в один день. Он работал барменом в гостинице "Астория". И мы с ним договорились, что мы на пару снимем ресторан "Трюм", только пока он там будет развлекать гостей, я подойду после концерта. Концерт задержался, и, когда я пришел, было уже почти десять вечера. Неожиданно выяснилось, что играть можно только до десяти, потому что дом, в котором был ресторан, заселен какими-то старыми коммунистами, которые уже стали милицию вызывать... Но мы все равно начали немного играть... На мой день рождения пришел коллектив "АУ", где на бас-гитаре играл Виктор Цой. Тогда они, правда, назывались еще не "АУ", а группа "Х...й". Вот именно так. Никакого "АУ" еще не было. Это потом оно появилось... На ударных у них был сегодняшний директор Октябрьской железной дороги... Присутствовало очень много разных людей, Гребенщиков, Майк, Троицкий и всякие иные...»

Когда я пришел туда, мне мой приятель Разумов говорит – ты знаешь, что они делали? И рассказывает мне, что вот Свин, Цой, Швед и еще пара человек сели в круг и дрочили. А гости – то были не только мои, но и товарища-бармена, и они были шокированы просто. Не знаю уж, дрочили ли они по-настоящему или там были у них муляжи х...ев, но дрочили они – это точно. Просто посередине зала, чем ввели народ просто в состояние ступора. И гости стали меня

стыдить, типа, ты что делаешь... В общем, мы решили просто перейти в другой зал. А у этого Саши был друг в ресторане "Бриг", а "Бриг" этот на улице Чайковского, недалеко от Большого дома. Там сейчас находится гостиница "Индиго", такая жирная... Так вот, именно там потом и состоялся второй день концерта, на котором, кстати, Цой играл на ударных инструментах. Это был единственный раз, когда я видел его за ударными. Но это было. И пел он песню "и в окне моем не горит свет..."... Гребенщиков спел в таком некоем стиле китч, с завываниями, песню "Москва златоглавая". И после нее Троицкий сказал Гребенщикову, что вот, мол, эта шпана сотрет тебя с лица земли...»

Андрей Панов:

«А потом нас пригласили в ресторан "Трюм" на тридцатилетие Тропилло. "АУ" все пришло, и с нами, естественно, Витя, поскольку мы все время вместе болтались. И, как сейчас мне кажется, была тогда у Гребенщикова мысль "АУ", ну, что ли, пригреть – все-таки новые люди, молва такая... А поскольку я вел себя там отвратительно, о чем очень жалею, и на всю катушку дурака валял, то он, видимо, поостерегся. Мы там поиграли, а потом Витя спел какие-то свои темы. У него к этому времени накопилось вещей пять. И Гребенщиков, очевидно, понял – вот кого надо брать. И правильно, кстати, понял. И с тех пор Витя приходил ко мне все меньше и меньше, говорил, что все время у БГ находится. И потом, когда уже у него был первый концерт в Рок-клубе, я к нему даже после не подошел, потому что Вите это уже было не надо и, я думаю, даже претило его понятию. Я это без обиды говорю. Просто он прошел этот период – и идиотства, и информационной накачки. У него уже был другой круг знакомых. Я сам прекрасно понимал обстановку, что я, в принципе, уже не нужен, там трамплин гораздо выше. Но это было потом. А вообще, пока Витя не стал большим человеком, он был, в общем-то, очень смешной парень...»

Именно на этом концерте Цой, сыгравший «Моих друзей», неожиданно получает признание Артемия Троицкого, который в ходе московских гастролей «АУ» не обратил на него никакого внимания. Но тут песня так подействовала на него, что Артем потом везде о ней рассказывал, в том числе и Борису Гребенщикову, предрекая: «Вот та молодая шпана, что сотрет вас с лица земли». Цой же, по словам Алексея Рыбина, взбодрился после похвалы Артема и начал работать над новыми песнями.

По воспоминаниям очевидцев, Гребенщиков тоже тогда был в «Бриге», но пропустил слова Троицкого мимо ушей и впервые официально услышал Цоя только в электричке, когда ехал с одного из своих квартирных концертов в Петергофе. И вот тогда БГ, как и Троицкий ранее, был поражен талантом и искренностью юного музыканта.

Из воспоминаний Бориса Гребенщикова, лидера группы «Аквариум»:

«Они подсели ко мне: "Можно мы песни споем?" Ну, я хоть и был выпивши легкого вина, ну, интересно, и все равно в электричке делать нечего – "ну давайте". Спели мне две песни. Первая была никакая, вообще ноль, а вторая была бриллиант просто сразу – "Мои друзья". У меня челюсть отвисла...»

Сегодня многие утверждают, что именно они познакомили Цоя и Гребенщикова. Поэтому история этой судьбоносной встречи стала мифом. Троицкий и по сей день доказывает, что «это именно я», Тропилло говорит, что «именно на своем дне рождения я их лично познакомил» и так далее, и тому подобное. Но единственный человек, который может знать наверняка, как именно это случилось (поскольку он был непосредственным свидетелем), – это Алексей Рыбин.

Алексей Рыбин:

«Никто их не знакомил. Они просто встретились в электричке и познакомились. Вместе со мной. Вот и все. Я Бориса знал еще раньше, но не близко. Мы менялись пластинками на "толчке". Сейчас никто уже не скажет, как все было на самом деле... Подозреваю, что Троицкий Цоя тогда еще сам не знал. Я не помню, "Трюм" был до или после "Дураков и Гастролей". Но и на "Дураках" Цой на Троицкого большого впечатления не произвел. Там главным был Свин. А Цой вообще находился в тени. У него и песен-то, кроме "Идиота", не было. А "Идиот" была слишком сложная песня для восприятия на панк-вечеринках».

Есть еще один нюанс: почему-то всегда считалось, что БГ в момент знакомства с Цоем и Рыбой был один. Но это не так.

Всеволод Гаккель:

«Как гласит легенда, сто раз кем-то пересказанная, Боб познакомился с Цоем в электричке. Только история почему-то умалчивает о том, что там были и все прочие участники группы "Аквариум", поскольку мы все возвращались со своего концерта».

Компания Свины постепенно перестает интересовать Цоя и Рыбина, и они все больше сближаются с Майком и Борисом Гребенщиковым, постепенно превращаясь из панков в "новых романтиков".

С Михаилом Науменко Цой и его приятели Алексей Рыбин и Олег Валинский познакомились примерно в одно время. Сначала это было заочное знакомство, которое произошло благодаря Игорю "Панкеру" Гудкову, который дал послушать ребятам только что записанный альбом "Сладкая Н". Чуть позже произошло и реальное знакомство. Случилось это, по словам Олега Валинского, в квартире Александра Жарова, друга Георгия Ордановского, лидера "Россиян".

По мнению многих знакомых Цоя, именно Майк стал для Виктора своего рода гуру, которому он показывал свои новые песни. Именно об этом говорит московский знакомый Виктора, Алексей Дидуров.

Алексей Дидуров, музыкант группы «Искусственные дети»:

«Майк для Цоя был еще и гуру, которому Цой, пацан-пэтэушник, носил на разбор и оценку новую песню. И именно Майк, дождавшись, когда Цой достигнет определенного уровня, нежно передал его БГ».

Алексей Рыбин:

«Поскольку мы любили группу "Аквариум", в силу того, что были точно такими же уродами, как и "Аквариум", и не любили группу "Мифы", то всегда хихикали над доморощенным хард-роком отечественного производства, который пел о том, что нужно открыть дверь и впустить свет... Об этом все пели. БГ об этом не пел и тем был нам мил. А Майк вообще пел про портвейн, баб и все остальное, чем просто нас обаял. И мы не могли не подружиться с Гребенщиковым, потому что других людей просто не было».

Виктор Цой:

«Если говорить о философии или взгляде на жизнь, то мне очень близок Майк, когда он говорит "Живи как живется". Другими словами то же самое говорится в "Дао дэ Цзин", где излагается принцип недеяния, но это не означает призыва лежать на спине и плевать в потолок...»

Наталья Россовская:

«Майк, несомненно, был учителем Цоя. Витя по молодости был очень в себе не уверен, и мнение Майка для него было решающим. Пока не появился Борис Борисыч. Кстати, к БГ Цоя отвел Майк. Почему-то об этом не принято говорить... Думаю, что Майк и Цой не были друзьями. В высоком понимании (а для меня "друг" – это очень серьезно). Майк помогал молодому музыканту, пока молодой музыкант не оперился. Майку нравилось "КИНО" с Лешей Рыбиным, а у меня с Цоем был нежный "школьный" роман... Все честно и чисто. Я знала все Витькины песни. Они с Лешей разрешали "подмурлыкивать", а иногда просили "подлялякивать" (в "Весне", например)...»

Общение Цоя с Пановым сводилось к случайным встречам на тусовках, поскольку компания Гребенщикова откровенно претила Свинье и его окружению.

Здесь уместно упомянуть об одной истории. Как-то Свинья, впервые приехав в Москву (а-ля молодой ковбой), пришел в «Салун Калифорния» на Самотеке и, распахнув дверь «учреждения» ногой, заявил: «Ну вы, б... я Свинья, мы на гастроли приехали!» В ответ он услышал: «А я Хозяин. Но ты, б..., можешь звать меня просто – Лелик». Этот Лелик (в миру Леонид Россиков), обладавший внушительным ростом и развитой мускулатурой, стал как бы телохранителем Свиньи, который, будучи настоящим панком, постоянно влипал в истории. И вот на одном из квартирников в Москве (у Владимира Левитина) Цой, игравший с Рыбой, случайно столкнулся со Свином. Крепко выпивший Панов начал обвинять Цоя в «мажорстве» и даже назвал его песни «сопливой эстрадой». Цой же парировал словами: «А ты все дерзаешь? Ну-ну, дерзай» – и похлопал того по щеке. И едва не попал под удар Лелика, который расценил движение Цоя как нападение на Свинью... Конфликт конечно же был улажен, но Свин неоднократно потом упрекал Цоя и Рыбу в «мажорстве», что вызывало у них жгучее раздражение, не меньшее, чем когда их называли панками, которыми ни Цой, ни Рыба себя не считали.

Илья Смирнов, журналист, организатор первых рок-концертов:

«Случались и от своих неприятности. Один из первых их концертов, еще с Рыбой, на квартире у замечательного человека Попова, который на самом деле был студент Плехановского института Володя Левитин... Мы старались шифровать людей, особенно связанных с распространением билетов и с журналом. Я знал его настоящую фамилию, а многие искренне полагали, что он Попов, а, например, студент МИМО Саша Лукин, ныне большой специалист по Китаю, был Матвеев – "что тот евангелист, что этот", как сказал бы Б. Брехт. Художнику Юре Непахареву даже звонили на завод, где он работал, и просили Хипова к телефону. Так вот, на тот квартирный концерт заявили ленинградские делегаты Всесоюзного съезда панков на Самотеке, Свинья и Нехороший, очень обиженные на Рыбу и Цоя за измену своему грязному делу, не простившие Цою предательского знакомства с Гребенщиковым, и, увидев неоромантические наряды, совсем озверели... И с хиппи тоже возникали проблемы...»

Итак, новыми учителями Цоя и Алексея Рыбина стали Майк и БГ, то есть можно с уверенностью сказать, что наставников Виктор и Алексей выбрали себе безошибочно.

Алексей Рыбин:

«Кстати, творчество Гребенщикова Панов действительно не любил. Он называл Бориса Борисыча Гробощенковым и морщился, когда мы с Цоем подбирали на гитаре песни с только что вышедшего "Синего альбома". Но он никогда никому и ничего не запрещал. Если уж ты попадал внутрь его квартиры, то дальше мог любить любую музыку и любых исполнителей».

Евгений Титов:

«Есть же большое интервью со Свиньей о Цое, там он сам подробно про все говорит. И даже не пьяный (вроде), так что, скорее всего, как он там говорит, так все и было. И даже то, что Цой перекинулся в компанию Гребенщикова, – так Свинья сам говорит, что это было правильно, так как с ними Цой больше смог сделать, вышел на другой уровень».

Андрей Чернов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Я никого не хочу обидеть, но Андрюхе были глубоко по х... и Цой, и Гребенчиков, и многие другие... Для него этого не существовало, о чем он и сказал Цою. Тот и телефон "забыл" после этого».

Впоследствии Цой действительно почти не пересекался с Пановым, разве что на фестивалях Рок-клуба.

Андрей Панов:

«Я еще некоторое время звонил ему, но... Один раз, правда, он сам позвонил, когда у него сын родился. Хотел пригласить на день рождения. Но я, естественно, был пьян, зачем-то ему нахамил и бросил трубку. Вот и все. Один раз мы встретились в Рок-клубе. Как говорил Зиновий Гердт в фильме "Соломенная шляпка": "Вы еще когда-нибудь виделись с вашей женой?" – "Да". – "Ну и что же?" – "Мы раскланялись". Так и мы с Цоем – даже не поговорили, вынужденно поздоровались, и все».

Николай Кунцевич, музыкант:

«Впервые я узнал о Викторе Цое в 1982/83 году, услышал на кассете (тогда были кассетные магнитофоны) песни "Восьмиклассница", "Алюминиевые огурцы" – собственно говоря, группу "КИНО"». А потом я узнал, что там поет Виктор Цой. Когда мы виделись с Андреем Пановым, мы никогда не говорили о Цое. У нас были другие темы для разговоров. О том, что Виктор играл с Андреем, я узнал из воспоминаний Алексея Рыбина, прочитав об этом в его книге...»

Как уже было сказано, удачные выступления с «АУ» в Москве и последующие тусовки сблизили Виктора и Алексея Рыбина, и после совместного похода ребят в СКК на концерт «Форварда» и «Автографа» (по сути, первых профессиональных рок-групп советской официальной сцены) все это вылилось в совместную поездку (в компании с общим другом – Олегом Валинским) в Крым, в поселок Морское. Поскольку идея поездки пришла спонтанно – с билетами было туго, так что до Крыма ребята добирались в разных поездках. Олег с Алексеем вместе, а Цою пришлось ехать одному, что совершенно не смутило Виктора, тем более впереди был отдых... Кстати, как вспоминал впоследствии Валинский, изначально ребята ехали не в Морское, а в местечко Солнышко, куда ребята после встречи на вокзале в Симферополе и отправились, но после того, как Солнышко разочаровало, было решено переехать в Судак, а затем в Морское.

Море, пляж, местное вино в трехлитровых баллонах и горячее желание реализовать творческий потенциал привели к тому, что именно там, в Морском, были впервые произнесены вслух слова о создании новой группы, которую с ходу окрестили «Гарин и Гиперболоиды». Отдых был совершенно забыт, и, вернувшись в Ленинград, молодые музыканты с головой погрузились в репетиции.

1982–1986

«Сорок пять»

Итак, работа, начатая еще в Морском, не прекращалась и по возвращении в Ленинград. Виктор, Алексей и Олег непрерывно репетировали дома, отдавая предпочтение той из их квартир, где отсутствуют родители. В результате упорного труда к осени 1981 года была готова идеально отработанная сорокаминутная программа, которую не стыдно показывать.

Олег Валинский, музыкант первого состава «КИНО»:

«Название "Гарин и Гиперboloиды" родилось от Гребенщикова. Цой уже был с ним знаком. Когда все началось, Цой обратился к Гребенщикову: мол, хотим играть, как назваться? Боб сказал: "Ну, назовитесь "Гарин и Гиперboloиды"". И все, больше мы об этом не думали».

Алексей Рыбин:

«Нам ужасно нравилось то, что мы делали. Когда мы начинали играть втроем, то нам действительно казалось, что мы – лучшая группа Ленинграда. Говорят, что артист всегда должен быть недоволен своей работой, если это, конечно, настоящий артист. Видимо, мы были не настоящими, потому что нам как раз очень нравилась наша музыка, и чем больше мы торчали от собственной игры, тем лучше все получалось. Это сейчас вокруг Цоя создана легенда и он воспринимается всеми как "загадочный и Богом отмеченный..." А он был совершенно обычным, неоригинальным и заурядным парнем. Который просто вдруг начал писать хорошие песни. Все. На этом, как говорится, "точка, конец предложения". Ничего сверхъестественного в нем не было вообще».

Павел Крусанов:

«Где-то с августа 1981-го Цой, одолжив у меня бонги, цилиндры которых были покрыты ярким малахитовым пластиком, вместе с Рыбой и Валинским усердно репетировал акустическую программу. "КИНО" в ту пору еще не родилось – группа называлась "Гарин и Гиперboloиды". Носитель редкого мелодического дара, Цой, разумеется, царил здесь безраздельно. Секрет заключался в эксклюзивной формуле вокала. Цой вел основную партию, а Рыба с Валинским заворачивали этот добротный продукт в такую, что ли, неподражаемо звучащую обертку. У Валинского был чистый, сильный, красивый голос, кроме того, он довольно долго и вполне профессионально пел в хоре – таким голосовым раскладкам, какие он расписывал для "Гарина...", позавидовали бы даже Саймон и Гарфункел. Цоевский "Бездельник" ("Гуляю, я один гуляю..."), под две гитары и перкуссию, грамотно разложенный на три голоса, был бесподобен. Возможно, это вообще была его, Цоя, непревзойденная вершина. Я не шучу – тот, кто слышал "Гарина..." тогда вживую, скажет вам то же самое (тропилловская запись альбома "45", составленного из песен той поры, делалась, увы, уже без Валинского, пусть и с участием практически всего "Аквариума"».

Конечно же, ни о какой концертной деятельности ребята пока мечтать не могли, все музицирование сводилось к исполнению песен в компании знакомых и друзей. И вот как-то получилось, что на дне рождения Игоря «Пиночета» Покровского (по другой версии, Алексея Рыбина, поскольку дни рождения Игоря и Алексея почти совпадают) появился Борис Гребенщиков, и, как рассказывает он сам, «самым существенным событием мероприятия стало то, что глубокой ночью Цой вместе с Рыбиным стали петь свои песни».

Уехал же Гребенщиков оттуда с четкой мыслью «о том, что нужно немедленно поднимать Тропилло и, пока вот это чудо функционирует, его записывать».

Борис Гребенщиков:

«Тогда как танком прокатило, я и подумать не мог, что такой величины автор вырос в Купчине и доселе никому не известен. На следующий день стал звонить друзьям-звукорежиссерам, уговаривая их немедленно записать песни Цоя, пока ребятам еще хочется играть. Я очень счастлив, что оказался в нужный момент и в нужное время».

Тем временем, к началу 80-х годов, в СССР сформировалось полноценное рок-движение, которое власть даже поддерживала, не желая провоцировать протестную стихию. Так, по государственной инициативе в 1981 году был открыт ставший настоящей легендой первый в Союзе Ленинградский Рок-клуб.

Разумеется, Цой, Рыбин и Валинский решили вступить в Рок-клуб, членство которого давало хоть какие-то возможности более-менее официально выступать перед публикой. 26 сентября 1981 года они подали заявку на вступление.

Отрепетировав всю программу еще раз, 29 сентября участники группы довольно успешно показали себя перед приемной комиссией совета Ленинградского клуба любителей рок-музыки и, ответив на ряд идеологических и других вопросов, 30 января 1982 года были приняты в Рок-клуб.

Николай Михайлов, президент Ленинградского Рок-клуба:

«Я помню, например, Виктора Цоя еще в составе группы "Гарин и Гиперboloиды". Народ их не очень любил, и они действительно играли плохо. Но уже тогда от Цоя настолько перло, что мы решили эту группу принять, дать им возможность развиваться. Они даже начали репетировать, хотя Цой и любил говорить, что пусть репетируют те, кто играть не умеет. Такая же история была с "АукцЫоном". Тех, кто показывал потенциал, но не дотягивал до нужного нам уровня, мы оставляли в кандидатах на вступление в Рок-клуб. "АукцЫон" был как раз кандидатом. У нас было то, что мы называли голосованием ногами. Когда группа не нравилась, народ шел в буфет пить пиво. Так вот, поначалу на выступлениях "АукцЫона" буфет был полон...»

Федор Лавров:

«В рок-тусовке было явственное расслоение даже по возрасту. Люди, которые были всего на несколько лет старше, хипповали. А для панков хиппи были вчерашним днем. Для нас "Аквариум", заявлявший, что они играли панк на фестивале в Тбилиси, был унылой хиппанской музыкой. Удивительно, что когда "КИНО" вступило в Рок-клуб, хотя Рыба и Цой были панками, к ним тоже стали относиться с ревностью».

Алексей Рыбин:

«В Ленинграде теперешние "лучшие друзья" Цоя нас вообще не воспринимали! Кроме "Аквариума" и "Зоопарка", нас все считали гопниками. И в Рок-клубе мы были какими-то отщепенцами. Нам устроили всего два концерта, в порядке общей очереди. И вся околмузыкальная тусовка нас презирала».

Алексей Вишня, музыкант, звукорежиссер:

«Я сразу поверил в Витю с Рыбой, а вот рок-общественность поначалу отнеслась к Цою довольно скептически. "КИНО" даже не хотели принимать в Рок-клуб: "Что они играют? Где зажигательный рок-н-ролл?! Устроили тут ля минор, до мажор, мы тоже так умеем!" Публика жаждала пафоса и общественных призывов, а не лирики...»

Владимир Рекшан, музыкант:

«Весной 1982 года, когда я пришел в Рок-клуб на концерт, о будущих потрясениях и речи не шло. Зал Дома народного творчества предназначался для театральных постановок, и отличались клубные концерты отвратительным звуком. Половину концертов народ проводил в буфете, где продавались пиво, кофе и мелкая закуска. Я обычно приходил на Рубинштейна, чтобы встретить знакомых и поболтать, проявив таким образом причастность к определенной социальной группе. Постоянно появлялись новые люди, и, если ты планировал продолжать сценическую деятельность, следовало держать нос по ветру. Никого не встретив в буфете, я отправился в зал и сел в партере, услышал, как объявили дебютантов: "Группа 'КИНО'!" Несколько человек в зале вяло захлопали в ладоши. На сцене появился сухопарый монгол в рубашке с жабо, сделал сердитое лицо и заголосил. Монгол оказался Цоем. Рядом с ним на тонких ножках дергался славянин, и оказался он Алексеем Рыбиным, Рыбой. Откуда-то из-под сцены периодически вылезал БГ с большим тактовым барабаном и исчезал обратно.

"И что они этим хотели сказать?" – несколько надменно подумал я, забыв, что и сам двенадцать лет назад выбегал на университетские подмостки босиком...»

Илья Смирнов:

«Нужно помнить, что Цой пэтэушник. И что он начинал свою карьеру среди ленинградских панков, тоже вполне пэтэушных, которые назывались "звери" и в свободное от хулиганства время как бы музицировали в манере Sex Pistols. Наследием этого периода стали песни в репертуаре "КИНО": "Мама-анархия", "Звери" и "Мои друзья". Цоя уже с новым составом "КИНО" в Рок-клуб сильно засасывало. Но ведь не засосало. Потому что Рок-клубовская тусовка, где "каскадеры на панели играют в Запад", не была единственной референтной группой. Параллельно существовало рок-движение со своей системой ценностей. На подпольных концертах не оценивали музыканта по покрою штанишек. Некий коллективный разум, всеобщий худсовет, рассредоточенный по сотням квартир, красных уголков, домашних студий звукозаписи, ухитрялся распознавать в море наивной самодеятельности "искру электричества" и потом поддерживать, чтобы талант не деградировал, а развивался: с ошибками, с конфликтами, с бытовыми неурядицами, но своим неповторимым путем...»

Вскоре группе пришлось расстаться с ударником. Олега Валинского забрали в армию, и Виктор с Алексеем остались одни.

Олег Валинский:

«Сначала меня направили в учебку в Павловск, там была радиоразведка... А потом полтора года я служил на Кубе... А придя из армии в ноябре 1983 года, я узнал, что Цой с Рыбой уже не играют вместе».

Виктор Цой:

«Первый концерт в Рок-клубе, в 81-м году, мы играли в таком составе: я и Рыба, барабаны – звучала фонограмма электрической ударной установки, Миша Васильев (из "Аквариума") играл бас, а Дюша (Андрей Романов, также "Аквариум") – клавишные. Концерт прошел ровно, понравился и нам, и публике».

Игорь Гудков:

«Я не помню, каким образом группа "КИНО" попала на сцену Рок-клуба. Единственное, что я помню, что выступали первыми, потому что последними играли самые известные в Рок-клубовской грядке. Помню, что Цой боялся выступать первым, все-таки первый концерт, все было не очень понятно... Собирали сценические костюмы им. Все принесли то, что у них было.

Я принес две рубашки, очки, узкие такие, у меня дома была родительская коллекция... В то время я учился играть на кларнете, ходил в джазовую школу безуспешно, но при этом у меня были кларнет и саксофон. И вот Цой увидел у меня саксофон и говорит – может, поможешь нам на саксофоне? Я говорю – ты что, я не умею играть на саксофоне! А он говорит – не надо ничего играть. Вот есть песня – “Когда-то ты был битником”, нужно играть одну ноту. Просто зажимать и выдавать одну ноту. Это я мог делать. Вот так и получилось мое появление на сцене с “КИНО”. Там Майк еще вылез с гитарой с одной стороны, я с саксофоном с другой, это была последняя песня. Звук был настолько плохой в Рок-клубе в то время, что ничего в принципе слышно не было... Никто ничего не понял. Я уверен, что никакой славы Цой тогда не стяжал, но публика, пришедшая на рок, в зале сидела. Конечно. Наверняка ничего из представленного им не понравилось, но нам понравилось очень. У нас была настоящая гримерка, с кем-то напололам. И это было очень здорово. У меня есть пара фотографий с этого концерта, где я с саксофоном скачу на первом плане...»

Виктор продолжал писать песни, подолгу оттачивал их, обыгрывая те или иные гармонии, Алексей приезжал к нему, вместе они придумывали аранжировки, готовясь к будущей гастрольной деятельности.

Алексей Рыбин:

«Витька был упорным и в этом плане трудолюбивым человеком. Некоторые песни рождались у него очень быстро, но над большей частью того, что было написано им с 1980 по 1983 год, он сидел подолгу, меняя местами слова, проговаривая вслух строчки, прислушиваясь к сочетаниям звуков, отбрасывая лишние и дописывая новые куплеты... Так же осторожно он относился и к музыкальной стороне дела. Витька менял аккорды до тех пор, пока не добивался гармонии, которая полностью удовлетворяла бы его, – в ранних его песнях практически нет сомнительных мест, изменить в них ничего невозможно».

После бурной встречи Нового, 1982 года и довольно удачных концертов в Москве, устроенных московским музыкантом Сергеем Рыженко, о которых можно прочесть в многочисленных воспоминаниях и рассказах свидетелей, Виктор с Алексеем, с подачи БГ, решают записать свой первый альбом. Решено было и сменить название группы, поскольку старое – «Гарин и Гиперболоиды», как этого и следовало ожидать, перестало устраивать музыкантов, тем более что применительно к дуэту Цой – Рыбин оно звучало достаточно странно. «Вы же новые романтики – вот и исходите из этого», – дал отеческое наставление Гребенщиков.

Алексей Рыбин:

«После поездки в Москву к Троицкому и Липницкому о наших удачных гастролях распространились слухи в Питере, на Цоя стали обращать внимание. Так что столица нас оценила первой. Мы искали какие-то пути... Все записывали свою музыку дома на магнитофон, по счастливому стечению обстоятельств мы познакомились с БГ и группой “Аквариум”. И, по моему, именно Борис инициировал эту запись, убедил Тропилло и своих друзей».

С рождением названия «КИНО» связано много разнообразных легенд. К примеру, Алексей Дидуров утверждал, что такое название закрепилось за группой после новогодних гастролей в Москве. Кто-то из гостей, увидев, как молодые, разогретые красным вином Алексей и Виктор плещутся в ванной голышом, произнес в восхищении: «Ну вы даете, ребята, просто кино какое-то!»

Сам же Алексей Рыбин вспоминал, что название «КИНО» пришло после того, как они с Цоем провели целый день за перебиранием всевозможных слов. Толкового на ум ничего не

приходило (рассматривались даже «Ярило» и «Пионеры»). В итоге, после целого дня мучительных переборов всевозможных существительных, внимание ребят, шагавших по Московскому проспекту, привлекла надпись «КИНО», одиноко светившаяся на крыше кинотеатра «Космонавт».

Алексей Рыбин:

«Я, кстати, сказал Вите: "А вот 'КИНО' как тебе?" – "Полное говно, – сказал Витя. – Не пойдет, это не название, безликое абсолютно, ничего за ним нет, ничего не понятно, какое кино, что за кино..." Прошел день в перебирании слов, и потом изможденный Витя сказал: "Хрен с ним, пусть будет 'КИНО'..."»

«Во всяком случае, ничем не хуже, чем "Аквариум"», – решили Цой с Рыбиным, и группа обрела новое имя.

Итак, группа меняет название на «КИНО» и решает сделать запись первого альбома. Для этого Цой и Рыбин заручаются поддержкой самого БГ и участников группы «Аквариум», после чего БГ договаривается со звукорежиссером Андреем Тропилло, который уже записывал альбомы «Аквариума».

«Продюсером этой записи выступил Борис Гребенщиков, который, услышав песни акустического дуэта Виктор Цой – Алексей Рыбин, проникся симпатией к молодой группе и загорелся желанием помочь "КИНО" записать первый альбом. Потенциал цоевских песен был виден невооруженным глазом, и БГ решил рискнуть. Закончив работу над "Треугольником", он, договорившись с Тропилло, пригласил "КИНО" в Дом юного техника на первые студийные пробы. Тропилло, не лишенный здорового авантюризма и имевший счастье наблюдать выступление Цоя с Рыбиным на какой-то безумной панк-вечеринке, согласился записывать "КИНО" без предварительного прослушивания».

Борис Гребенщиков:

«Я примерил рубашку продюсера в первом альбоме "КИНО". По необходимости пришлось это делать, потому что не было никого другого – Тропилло группа "КИНО" не интересовала, их запись была целиком моей инициативой».

С марта по апрель 1982 года группа «КИНО» с помощью музыкантов группы «Аквариум» в студии Андрея Тропилло записывает свой альбом.

Из интервью Виктора Цоя:

«Пленку мы записали в принципе быстро, но между днями записи были большие паузы. Она не дописана, вышла без наложений, голый костяк, такой "бардовский вариант". Я успел только в три песни наложить бас, и то сам накладывал. Мы бы, конечно, доделали, но вышла какая-то лажа со студией, и мы выпустили пленку. Слушать ее мне было стыдно, но уже сейчас, задним умом, понимаю – Борис был прав, пленка сделала свое дело. На мое удивление, она очень быстро и хорошо разошлась. Последовали приглашения на концерты из разных мест страны, мы начали ездить в Москву, были там много и часто, в Ленинграде с выступлениями было сложнее, играли часто на квартирах. Как правило, играли акустический вариант».

Записывался первый, полуакустический альбом группы на Охте, на улице Панфилова, в доме номер 23, в полулегальной студии ленинградского Дома пионеров и школьников Калининского района, где в то время располагалась студия Андрея Тропилло.

Запись велась на два обычных двухдорожечных «Тембра», на которых постоянно приходилось переключать скорости. В какой-то момент Борис Гребенщиков, находившийся за пуль-

том, забыл переключить скорость – и одна из песен, «Восьмиклассница», случайно оказалась записанной на девятой скорости.

Пустынной улицей вдвоем
С тобой куда-то мы идем,
И я курю, а ты конфеты ешь.
И светят фонари давно,
Ты говоришь: «Пойдем в кино»,
А я тебя зову в кабак, конечно.

У-у, восьмиклассница,
У-у, восьмиклассница.

Кстати, о «Восьмикласснице». Существует огромное количество версий происхождения этой песни.

К примеру, Алексей Рыбин рассказывал, что Цой написал эту песню после очередного романтического свидания с восьмиклассницей, девушкой, с которой познакомился в училище. Московский писатель Алексей Дидуров утверждал, что Цой написал песню после прочтения его романа в стихах о «голой восьмикласснице». Художник Андрей Медведев предлагал иную версию. По его мнению, Цой написал знаменитую песню после того, как познакомился с одной из многочисленных учениц Андрея у него дома.

Версию Алексея Рыбина можно считать самой достоверной, поскольку «Роман о голой восьмикласснице» был прочитан Цоем Дидуровым уже после написания песни, в ходе московских новогодних концертов «Гарина и Гиперболоидов» у Сергея Рыженко в 1982 году, а рассказ Медведева, в «салон» к которому Виктор стал заходить гораздо позже, чем была написана «Восьмиклассница», и вовсе выглядит неправдоподобно.

Что же касается самих «восьмиклассниц», то на эту роль претендовали много разных дам.

В одном из журналов, уже после смерти Виктора Цоя, было напечатано письмо некой девушки из города Ставрополя, по имени Ольга. Она рассказывала, что, будучи ученицей художественного училища в Ленинграде, познакомилась с Виктором Цоем, который тогда играл в ансамбле «Ракурс», выступавшем на танцах. Между ними разгорелись романтические чувства, и Виктор даже написал песню, которую посвятил Ольге.

Дженни Яснец, художник-дизайнер:

«Меня познакомил с Цоем мой покойный ныне друг, художник Андрей Медведев. Мы шли в районе метро "Автово" на день рождения к другому нашему общему другу, Гусеву, было лето, и все утопало в зелени. Мне было 15–16 лет, я выглядела абсолютно как ребенок, была в сарафане и детских сандалиях, покрашенных сиреневой темперой. Мы тогда раскрашивали обувь, что-то придумывали со своей одеждой.

Случайно мы встретили Цоя. Он был весь в черном, очень высокий, худой и очень красивый. Андрюша нас познакомил, и Цой пригласил нас на концерт. Я очень обрадовалась, я уже тогда начала ходить в Рок-клуб, и мне было очень интересно. Как гласит легенда, Цой спросил у Андрея: "Кто это?" Андрей ответил: "Это моя ученица, восьмиклассница". Андрей тогда занимался со мной композицией, так как я училась в Серовском училище и готовилась поступать в Мухинское. Потом Цой и спел в подарок Андрею на день рождения свою песню "Восьмиклассница"... Было, конечно, все не совсем так, как в песне. И старшей сестры у меня не было, и в кино никто не ходил, да и романа так и не случилось, хотя, конечно, вообще он производил впечатление. Высокий, стройный, черный, стильный...»

Приведенный рассказ – это воспоминание Дженни Яснец, девушки, которая в бытность свою студенткой Серовского училища действительно была знакома с Виктором Цоем. К сожалению, эта история – не более чем романтическая сказка, поскольку к моменту упомянутых событий Цою уже исполнилось 23 года и песня «Восьмиклассница» была давно написана. К тому же Дженни Яснец, равно как и Ульяне Цейтлиной и еще огромному количеству претенденток на эту роль, было тогда 16–17 лет, и тусовались они вовсе не с Цоем, а с художниками из компании Андрея Медведева и Георгия Гурьянова.

Георгий Гурьянов:

«Это наши девчонки, да. Наше окружение. Писанные красотки. Улечка, Дженни... Сегодня, жаль, редко видимся... Уля в Москве живет. Дженни в Питере. Хорошие девушки. Что я могу сказать еще? Они реальные очевидцы и свидетели того, что происходило с нами. И я могу это подтвердить».

Федор Лавров:

«Восьмиклассница» у Цоя замечательная песня, тогда она нам всем очень нравилась...

Несмотря на то что историй и легенд много, реальную историю написания песни и имя ее главной героини сегодня вряд ли удастся установить точно. Но я отвлекся...

Итак, музыканты «Аквариума» мужественно помогали молодой группе осуществить задуманное, и сам Андрей Тропилло сыграл чудесное соло на флейте в песне «Дерево». Правда, сложности создавало то, что Тропилло мешали бесконечные, отнимающие время проверки РОНО, пионеры из секции звукозаписи и всевозможные ученики, которые хотели научиться звукорежиссуре, а также периодические общественные нагрузки и поручения, которые необходимо было выполнять.

Алексей Рыбин:

«Запись альбома продолжалась с переменным успехом. То у Тропилло в студии была какая-нибудь комиссия, то мы не могли отпроситься со своих табельных мест, то еще что-нибудь мешало. Однажды Витьке пришлось даже съездить на овощебазу вместо Тропилло, а Андрей в это время записывал мои гитарные соло, Севину виолончель и Дюшину флейту на песню "Мои друзья". Попад в настоящую студию, мы слушали Тропилло как Бога Отца и Гребенщикова как Бога Сына. Мы выглядели послушными и боязливыми и были счастливы уже оттого, что у нас есть возможность записываться».

Всеволод Гаккель:

«Во всех записях, в которых мне доводилось принимать участие, был момент интриги. В то время для нас это было достаточно привычное времяпровождение. Все зависело только от того, насколько виолончель вообще уместна в контексте рок-музыки и насколько мобильно ты мог с легу ухватить характер песни и придумать, что ты можешь в ней сыграть. Мне нравится, как я сыграл в песне "Мои друзья". Но все-таки это была сессия, мы специально для этого приехали в студию. Моя партия в припеве у меня сложилась прямо в студии, что называется, "на коленке", и, как мне кажется, была совершенно адекватной и делала эту песню игровой. И я помню, как мы радовались удачной находке. Но в процессе сведения от нее почти ничего не осталось, то есть надо специально прислушиваться, чтобы расслышать виолончель. Я вообще считаю, что у этой песни был потенциал гимна ничуть не меньшей силы, нежели "Перемен", только она менее пафосная. Недавно Вишня предложил мне сыграть в его кавер-версии на песню "Время есть, а денег нет" на виолончели и гитаре. Конечно же я переслушал этот альбом, и у меня просто волосы встали дыбом от того, насколько все нелепо звучит».

Андрей Тропилло:

«Музыкантом Цой был нулевым, но тексты писал неплохие. Особенно про то, как их однажды загнали от реставрационного ПТУ, где Витя и освоил искусство производства подделок, в совхоз «Детско-сельский» собирать огурцы. Стояла мокрая осень, поле было глинистым, почва вязкая, а собираемые «реставраторами» огурцы были покрыты ровным слоем серой глины. Огурчики сияли на солнце металлическим блеском и вдохновили Цоя написать песню. Может быть, это был один из самых оригинальных рок-н-рольных текстов той поры...»

Алексей Рыбин:

«Одна из песен была придумана нами непосредственно в студии, в процессе настройки инструментов. Незавершенные наброски текста к композиции "Асфальт" у Цоя уже были. Мы попытались играть какие-то немислимые ходы, а Гребенщиков начал махать руками из аппаратурной и кричать: "Это надо писать! Это надо писать! Это новая песня!" Она вся была построена на одном риффе, и в ней не было даже рефрена».

Пару лет «Асфальт» регулярно исполнялся на акустических концертах, поскольку это была самая тяжелая и мощная вещь из всего репертуара «КИНО». Именно с нее весной 82-го года группа начала свое первое выступление в Рок-клубе. В программу входили еще три рок-н-рольных номера: гипнотический бит «Когда-то ты был битником», пивной марш-бросок «Мои друзья» и монотонная «Электричка», ритмически выдержанная в русле композиции Игги Попа Passenger и сыгранная позднее в жестком хард-роковом ключе на альбоме «Последний герой». «Электричка везет меня туда, куда я не хочу», – пел Цой низким голосом под энергичный аккомпанемент двух акустических гитар. Но реноме «КИНО» составили не вышеупомянутый рок-н-рольный блок и не ироничная псевдоиндийская стилизация «Ситар играл», а по-мальчишески угловатые и романтические «Восьмиклассница», «Бездельники», «Время есть, а денег нет», а также абсурдистский хит «Алюминиевые огурцы», написанный Цоем по следам осенних сельскохозяйственных работ.

В итоге вся студийная запись четырнадцати песен группы «КИНО» заняла полтора месяца. Завершив работу, молодые музыканты, горящие желанием сделать что-то принципиально новое в духе «новых романтиков», занялись оформлением своего первого альбома. Поскольку время записи (вместе с песней «Асфальт», впоследствии выпавшей) составляло ровно сорок пять минут, то именно это число и увековечилось в названии – «Сорок пять» («45»).

Виктор Цой:

«Первый альбом, который предшествовал нашему концертному выступлению, назывался "45". Назывался он так потому, что по времени звучания он длился 45 минут в первоначальной версии, с песней "Асфальт". Потом мне показалось, что это неудачная песня, мы ее убрали оттуда, а название сохранили».

Вечер наступает медленнее, чем всегда,
Утром ночь затухает, как звезда.
Я начинаю день и кончаю ночь.

24 круга прочь, 24 круга прочь,
Я – асфальт...

Изначально Виктор с Алексеем планировали сделать несколько фотографий в «новоромантическом виде» (с пистолетами в руках и в рубашках с жабо), чтобы использовать их в оформлении обложки альбома, но впоследствии от этой идеи отказались. Решено было взять за основу принцип оформления альбомов «Аквариума», обложки к которым делал Андрей «Вилли» Усов.

Ученик Андрея Тропилло, Алексей Вишня, к тому времени уже подружившийся с «КИНО», сделал несколько вполне приемлемых фотографий, и с их помощью ребята качественно оформили обратную сторону обложки, красиво написав названия песен и выходные данные. И вот альбом «родился»...

Виктор Цой:

«Альбом был акустическим, но даже на таком уровне записи это было очень сложно... Он стал довольно популярным в узких кругах любителей рок-музыки, хотя это и не рекламировалось, и не снималось на телевидении».

В интервью журналу «Рокси» Цой называет песни «45» «бардовским вариантом» и признается, что был против выпуска этого альбома, поскольку запись, с его точки зрения, получилась сырой.

Всеволод Гаккель:

«Мне конечно же нравились песни Цоя, но я не был его поклонником и не мог быть. Мы все принадлежали к одному кругу, все были друг с другом так или иначе знакомы, как это бывает в любом сообществе, объединенном одними интересами. Это было подвижное пространство, мы были просто приятелями, друзьями, некоторые даже дружили семьями. Группа «КИНО» была всего лишь одной из групп этого круга. То, что Цой (я так и не могу называть его Виктором, а «Витька» сейчас звучит как-то неправильно) стал известен более других, а ранняя смерть и вовсе возвела его в разряд «небожителей», – это уже совсем другая история. Когда он только появился в нашей компании, мы восприняли это нормально, обычно: вот появился еще один парень. Боб раньше других разглядел в Цое что-то особенное, увидел какой-то материал, из которого можно что-то слепить, и взял Цоя под свое крыло. Однако первый альбом, «45», записанный Андреем Тропилло под неусыпным оком Боба, едва не угробил эту группу на корню. Безусловно, его стали слушать, потому что в самих песнях было то, что заставляло их слушать. Но конечный «продукт» совершенно неудововарим... В это же время в этой же студии, учась друг на друге, писались и другие группы. Кто-то преуспел в студийной работе больше, кто-то меньше, но первый альбом «КИНО» – это что-то за гранью добра и зла. Впрочем, к старости мы становимся сентиментальными, проходит время, и какие-то вещи кажутся вполне допустимыми. Но альбом «45» – это брак, это нельзя было выпускать. Услышав такой результат, надо было все переписывать. Ужасная драм-машина, лязгающая гитара. Это невозможно, Цой так не играл. Я слышал его очень близко, я помню, как звучал этот же самый голос, и когда Цой играл один, и когда они с Рыбой играли в натуральных условиях. То есть нужно было просто правильно расставить микрофоны и включить уши, сделать так, чтобы два инструмента и голос звучали адекватно, чтобы между ними был нормальный баланс. Если бы я тогда умел это делать, я мог бы на этот процесс повлиять. Но мне казалось, что мои друзья понимают в этом лучше меня. При всей моей любви ко всем этим людям, я считаю, что это была катастрофа. Бобу и Тропилло не стоило браться за это дело, надо было оставить этих двух мальчиков играть на гитарах и петь свои песенки про алюминиевые огурцы, восьмиклассницу и так далее. В этом была проблема. Мы все хотели играть в какую-то чужую игру. Мне не избавиться от своего ощущения «Аквариума» – ведь это дни, месяцы, годы музицирования: помню, как мы звучали в реальности, когда играли дома. И звучали мы на порядок лучше, чем

это было записано. Но многим людям хотелось звучать современно, ведь с течением времени музыка менялась, менялось ее звучание и ее ощущение. Хотелось быть "в тренде" и соответствовать тенденциям того времени, так виделось движение вперед. Но при этом чуть ли не половина записей, сделанных в то время, – брак. Ни один звукозаписывающий лейбл, будь они в то время, не согласился бы выпустить такой альбом как продукт. Не было института продюсеров, которые могли бы беспристрастно оценить результат. И была очень завышенная самооценка. И в эпоху магнитоальбома можно было самим "выпускать" все что угодно. Хотя Тропилло пытался что-то перенять у знакомых звукорежиссеров фирмы "Мелодия" и брал у них на время какие-то микрофоны и студийные магнитофоны, обращался он со всем этим по наитию. Иногда получались неплохие результаты, но то, что было проделано с группой "КИНО" на их первом альбоме при участии их старших товарищей из группы "Аквариум", – это ужасно».

Скептически оценивал альбом и Рыбин – правда, спустя много лет:

«Единственное, что в "45" есть хорошего, – это трогательная непосредственность песен. Сами же песни представлены на альбоме очень наивно, а аранжировки отсутствуют как класс. Не скажу точно, какое значение имеют эти песни для меня, но вот в музыкальном плане мне очень интересен "Бездельник № 2", "Мои друзья" очень хорошая песня... Собственно, там все хорошие, от души написаны...»

«Я думаю, что Цою хотелось, вероятно, не совсем того, что получилось, – вспоминал Гребенщиков. – Скорее всего, ему хотелось рок-н-рольного звука – звука "КИНО", который возник на их альбомах впоследствии. Но из-за нехватки людей, из-за моего неумения сделать то, чего они хотят, и их неумения объяснить, чего именно они хотят, получилось "45"».

Художник **Сергей Бугаев**, приятель Виктора Цоя, вспоминал:

«Гребенщиков так внимательно и по-дружески, по-отцовски, по-братски воспринял появление Цоя. Я тогда жил у Гребенщикова, на улице Софьи Перовской. Цой принес ему первую кассету с "45" – пленку – тогда еще кассет не было фактически...»

Показательно, что ленинградская рок-тусовка альбом поначалу вообще не заметила, а московский подпольный журнал «Ухо» назвал песни «КИНО» «расслабленным бряцаньем по струнам», в котором «серной кислотой вытравлены всякий смысл и содержание». В тот момент сложно было поверить, что спустя буквально несколько лет большая часть композиций из «45» будет звучать чуть ли не в каждом дворе под приблизительный аккомпанемент ненастроенных шестиструнных гитар...

Илья Смирнов:

«Первую реакцию на концерты новоявленной группы "КИНО" запечатлел журнал "Ухо", там появились две рецензии – в номере два ругательная, в номере три за тот же 1982 год положительная... Ругали за то, что от этой музыки хочется спать. Во-первых, из нее "серной кислотой вытравлен всякий смысл", всякие там "вторые планы", "мысли" и прочая туфта. "КИНО" тогда представляло собой акустический дуэт Виктор Цой – Алексей Рыбин, плюс необязательный ударник с бонгами, иногда еще дискотечная колонка, через которую подключали гитару. В роли рекламного агента обычно выступал Гребенщиков: "Пригласите обязательно 'КИНО', не пожалеете..." Многие потом жалели. Понять почему, можно с помощью самиздатовского журнала "Ухо". Там была напечатана (на папиросной бумаге, 10 закладок под копирку) статья "Романтики в лайковых перчатках". КИНОшникам поставили в вину: первое – внешний вид, "как они выходят выступать: в кружевах, жилетках, бабочках, только что не во фраках". А это ведь напяливалось не просто так, а в подражание последнему англосаксонскому рок-поветрию, "неоромантикам". Не то чтобы рецензенты "Уха" были против моды, все прекрасно

понимали, что вся рок-музыка – ”депеша эта с Запада“ и распространилась у нас именно как мода, но преувеличенное внимание к внешней атрибутике, ”модничество“, оно не приветствовалось. Кроме того, подражать панкам в наших условиях можно было легко и непринужденно, смотри старую песню Володи Сигачева из ”ДДТ“ ”Мой дедушка панк“, а неоромантики советской сборки выглядели как Эллочка Людоедка в мексиканском тушкане. И вторая претензия журнала ”Ухо“ к Цою и Рыбе касалась уже содержания песен: то, что они ”нанизывают цепочку впечатлений и простейших реакций трехлетнего ребенка. Слушаешь, слушаешь куплет за куплетом, да, холодно, да, ”ношу шапку и шерстяные носки“... Летом, конечно, лучше. Ну и что дальше? А ничего. Просто ребята рассказали нам под музыку, что зимой холодно, а летом жарко. Мерси, но чем это лучше... эстрадных поделок про радугу над полем и весну в соловьях?... Масса повторов”. Информативная ценность минимальна, как и во всех песнях ”КИНО“, зато музыка вколачивает в сознание каждое слово... Простая электричка превращается в некое почти мистическое средство передвижения, наподобие чичиковской тройки у Гоголя... Творчество группы ”КИНО“ изначально наивное, бесхитростное и искреннее (как Рыбин писал про Цоя: ”За 20 минут сочинил ... песню ’Восьмиклассница‘, вернее, не сочинил, а зарифмовал все то, что с ним происходило на самом деле, от ’конфеты ешь‘, до ’по географии трояк‘, в дальнейшем это самовыражение было вписано в определенную культурную среду”. Математик Гребенщиков. Физик Андрей Тропилло, который хоть и назвал Цоя пэтэушником, но записывал их музыку на своей самодельной студии, и не просто записывал, а по ходу обучал ремеслу. Пианист-парадоксалист Сергей Курёхин. И многие, многие другие. Что такое, например, альбом ”КИНО“ ”45“? Два человека из ”КИНО“ и четыре из ”Аквариума“. Для Гребенщикова случайная встреча с Рыбой и Цоем в электричке стала как раз долгожданным воплощением его мечты: ”Где та молодая шпана?“»

Запись альбома тяжело далась как Виктору, так и Алексею. Собственно, это касалось и звукорежиссера, и участников группы «Аквариум». Виктор, в то время учившийся в художественном училище, отлынивал от занятий, выкраивая время на запись в студии, а Алексей, трудившийся монтажником сцены ТЮЗа, умудрялся получать мифические больничные, чтобы хоть как-то оправдать свое отсутствие на рабочем месте. Родные, конечно, ни о чем не догадывались – ну, бренчат ребята на гитарах, и пусть себе бренчат. Мало кто понимал, что за всем этим стоит в будущем...

Валентина Васильевна Цой:

«Работу над альбомом ”45“ Витя засекретил: ходил таинственный, ни о чем не рассказывал. Как-то вечером принес мне плеер: ”Мама, послушай!“ Мне понравилось. ”Во всяком случае, не хуже, чем у других!“ – решила я. Дала ему десять рублей, чтобы как-то стимулировать. Думала, он сладкого себе купит, а он вернулся с бутылкой водки. Ну, думаю, обычный парень вырос».

Из интервью Виктора Цоя:

«А из старых альбомов мне больше всего нравится первый альбом, ”45“, потому что... Ну, я не знаю почему, но нравится. Другое дело, что я из него немножко как бы вырос уже».

По мнению Андрея Тропилло, «45», в сущности, был сольным альбомом Цоя, а роль Алексея Рыбина свелась к тому, что «он пару раз на гитаре сыграл, а под конец записи вообще куда-то исчез». Надо отметить, что сам Алексей Рыбин не раз говорил, что работа в группе тогда действительно разделилась: Цой отвечал за творческую часть, а он – за административную: выступления, оплата, поездки, билеты. Но вот что касалось именно записи альбома, то тут все было, что называется, поровну.

Алексей Рыбин:

«Да, Цой совершенно отбил у меня охоту сочинять песни. Я был просто подавлен оби-
лием и качеством материала, который он постоянно мне показывал. Он писал постоянно, и
его вещи мне нравились. Я видел, что Витя пишет песни лучше, чем я. Со своей стороны, я
делал то, что лучше получалось у меня, я хорошо аранжировал. Но что касается слов Тропилло
насчет того, что "45" – сольник Цоя, – это следствие его маразма. Мы вообще с Цоем в ту пору
не расставались. И "45" мы делали от первой до последней ноты вместе. Это знают и БГ, и
Севка, и Фан, и все, кто там бывал. Делали все вместе, вплоть до обложки – у меня дома, на
Космонавтов...»

Не умея толком играть на инструментах, музыканты «КИНО» записали песни, которые
с удивительной точностью передавали атмосферу городской романтики того времени с ее веч-
ным безденежьем, бездельем и океаном нереализованных планов и ночных мечтаний. «Сига-
реты», «ночь», «телефон», «солнечные дни» – как бы там ни было, а «45» получился одним из
самых светлых и лиричных альбомов за всю историю русского рока.

Андрей Яхимович, музыкант группы «Цемент»:

«Это был просто новый виток подворотной песни. "ПТУ – рок". Ребят 80-х уже не устра-
ивали минорные песенки про "готов целовать песок" и "на могиле повесился сам прокурор",
и, естественно, должен был появиться Цой. И он появился».

Алексей Рыбин:

«Альбом "45" все хаяли. Говорили, что это самодеятельность ниже плинтуса. Нас под-
держали Борис Гребенщиков и вся его группа, Майк Науменко привечал, остальные травили».

Андрей Тропилло:

«Курёхин предсказывал большое будущее группе "КИНО", хотя предпосылок к этому в
начале творческого пути у Цоя не было. Еще в школе Цоя дразнили чукчей, гопники постоянно
на улице приставали. Наверное, поэтому Витя потом страстно увлекался фильмами с Брюсом
Ли. Он всегда хотел быть героем и считал, что одной крови с актером. Мог смотреть их по 10,
20 раз, постоянно показывал сцены оттуда. Витя выглядел скромным, молчаливым пареньком
с восточной внешностью, был отстраненным, потому что рокеры в восьмидесятые его прези-
рали».

Тот же Макаревич, с которым я общался, часто говорил: "Тебе не стыдно? Зачем ты с ним
возишься! Ладно, Боря – гений, а Цой-то этот тебе для чего?!" В Рок-клубе на Рубинштейна
любить "КИНО" считалось очень плохим тоном».

Запись альбома была закончена. Ее окончание и сам факт записи альбома дал «КИНО»
определенный статус. Группа заявила о себе и была услышана. Как сказал в одном из интервью
Виктор Цой:

«У нас появилась некоторая репутация, даже авторитет, мы уже сами могли выходить на
какие-то студии».

Андрей Усов, фотограф:

«Я знал Витю много лет... Познакомились мы в 1982 году. Он был немного нескладный,
совершенно неординарная внешность. Как чужестранец! Помню, Витя попросил – "Вилли, сде-
лай нам оформление альбома, как ты Боре Гребенщикову делаешь" – "А дай мне послушать
кассетку" – "А я тебе спою". И он мне все спел, весь первый альбом "45", прямо на поляне

перед "Юбилейным". У меня было какое-то ощущение прорыва, счастья! После я ходил ночью по Петропавловке с гитарой и пел прохожим песни группы "КИНО", которых еще никто не слышал».

Олег Котельников:

«С Цоем мы познакомились у Гены Зайцева, когда они с "Рыбой" принесли ему первый альбом слушать. Заслуг перед рок-н-роллом в то время у них еще не было, и Гена, член совета Рок-клуба, весьма скептически к ним отнесся. В тот день он был под впечатлением от привезенного из Уфы нового альбома Шевчука "Не стреляй", а тут пришли два красавца и поставили ему про дерево. Разумеется, Гена не мог не заметить контраста: с одной стороны, красивые тексты, нормальное пение, а с другой – предсмертный рев загнанного марала. Разумеется, однорукому нравилось больше "ДДТ", поэтому впоследствии он стал директором Шевчука. Цоя сразу шибко полюбил Тимур Новиков, и я часто стал встречать Виктора у Тимура – его приводил Гурьянов».

Артем Липатов, журналист:

«Кто же мне принес тогда, в 1983-м, кассету с альбомом "45"? Не помню. Конечно, там не было фирменного упругого баса, каспарьяновских гитаризмов и гурьяновского лаконичного ритма. Это была такая тинейджерская акустика, смешная, веселая, грустная. "Я посадил дерево", кто помнит. А еще лихая: "Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Это был уже панк – потому что настоящий панк – это не когда "я бубу ее каждый день" (так Майк Науменко однажды весело простебал Свинью, Андрея Панова), а когда вот так, формально строго, а по сути – наотмашь. Наотмашь Виктор Робертович умел».

Начало было положено. И, надо сказать, довольно успешно.

Разрыв

Еще до записи альбома, во время одного из «квартирников» на Петроградской стороне, Виктор и Алексей знакомятся с Владиком Шебашевым, который становится первым официальным фанатом группы «КИНО».

Примерно в это же время, в начале марта 1982 года, но уже в ходе записи «45», на одной из вечеринок Цой знакомится и с молодой художницей Марьяной, в скором времени ставшей Виктору не только подругой, но и полноценной участницей группы «КИНО» (в качестве гримера и костюмера), а впоследствии женой и матерью единственного сына, Александра.

Игорь Петровский, давний приятель семьи Виктора Цоя, вспоминал:

С Витей мы познакомились в начале 80-х и дружили до конца 1985 года, потом это как-то прекратилось. С Марьяной я познакомился во второй половине (в конце) 70-х, отчасти благодаря нашему знакомству они с Цоем и повстречались...

Как известно, Цой умел нравиться женщинам, и об этом вспоминают многие его знакомые и приятели.

Павел Крусанов:

«Разумеется, регулярно появлялся в нашей квартире и Цой. Благо от Днепропетровской улицы было рукой подать до полюбившегося ему женского общежития ПЖДП (Прижелезнодорожного Почтамта) Московского вокзала, располагавшегося (речь об общежитии) в Перцовом доме на Лиговке. Да, этого не отнять: он нравился женщинам – он был обаятелен, хорошо сло-

жен, молчаливость добавляла его решенному в черных тонах образу известную толику романтической загадочности, ну а когда он брал в руки гитару и начинал петь, его и вовсе окутывало облако какого-то запредельного очарования, так что девицы теряли над собой контроль и глаза их наливались томным матовым блеском. Не устояла даже милейшая и добрейшая майковская Наташка – дело едва не дошло до адюльтера, отчего Майк некоторое время на Цоя ревниво дулся. Собственно, здесь же, на Днепропетровской, Цой увел у Панкера Марьяну. Вернее, она сама увелась: отдадим должное слабому полу – практически невозможно соблазнить деву без ее встречного желания быть соблазненной».

В апреле 1982 года руководство Рок-клуба предложило «КИНО» выступить на концерте молодых групп. С помощью музыкантов группы «Аквариум» они исполнили семь песен.

Всеволод Гаккель:

«Я помню один из первых концертов группы "КИНО" в Рок-клубе с Рыбой на костылях при участии Боба с чудовищной драм-машинкой. Это был кошмар, полный хаос, ничего не слышно. Впрочем, в этой дурости что-то было. Все так или иначе относились к этому как к игре, и никто не судил друг друга. Но я считаю, что если бы эти двое ребят вышли бы просто с двумя гитарами, это было бы во сто крат лучше. Но в то время они находились "в лапах" Боба...»

Александр Андреев:

«Концерт этот состоялся 20 апреля 1982 года и представлял публике три молодые, только что принятые в Рок-клуб группы. Совет Рок-клуба решил усилить программу участием заслуженной группы "Реквием", ветеранов битловских праздников и пригородных танцплощадок, игравших, несмотря на мрачное название, жизнерадостный, но несколько архаичный для 1982 года бит. Сегодня это решение выглядит забавным, учитывая, что тремя дебютантами были "КИНО", "Странные игры" и "Выход"! Событие это, вне всяких сомнений, стало историческим. Его не единожды описывали в подробностях и участники, и очевидцы, поэтому не буду повторяться. Главное, он стал знаком прихода в Рок-клуб и в питерский рок вообще эры новой волны: положенный на ритмы Ска поэтический абсурд "Странных игр", саркастический философский реггей "Выхода" и уличная романтика "КИНО" стали краеугольными камнями в основании новой художественной парадигмы, позволившей питерским музыкантам сократить разрыв между ними и общемировой музыкальной культурой, в одночасье оказавшись если не впереди планеты всей, то уж точно впереди всей Страны Советов».

Алексей Рыбин:

«Однажды Майк, вернувшийся из Москвы, между стаканами сухого сообщил, что "познакомился с настоящим мафиози". Собутыльники, в числе которых находились мы с Цоем, поохали, поохали, позавидовали и продолжили выпивать. Никто из нас не знал, что вскоре с этим "мафиози" столкнемся и мы...»

Этим «мафиози» был Александр Липницкий – человек, по словам Алексея Рыбина, «сделавший для рок-групп из Ленинграда столько, что это сопоставимо с тем, что сделали для себя сами эти группы».

Летом молодые музыканты «КИНО» провели несколько концертов в Москве, в частности концерт у Александра Липницкого, на память о котором осталась удачно сделанная запись и воспоминания очевидцев...

Александр Липницкий, музыкант группы «Звуки Му»:

«Жаркие дни лета 1982 года. "КИНО" уже гремит – альбом "45" успешно конкурирует в Москве с самим "Аквариумом". 25 июля я устраиваю группе домашний концерт, пригласив московских художников и музыкантов. Хорошо накрытый стол стимулирует дуэт наших гитаристов, и песня "Лето", на мой вкус, никогда не была так сильно спета, как в тот день».

В городе плюс двадцать пять – лето!
Электрички набиты битком,
Все едут к реке.
День словно два, ночь словно час – лето!
Солнце в кружке пивной,
Солнце в грани стакана в руке.

Девяносто два дня – лето!
Теплый портвейн,
Из бумажных стаканов вода.
Девяносто два дня – лето!
Летний дождь наливает
В бутылку двора ночь.

Цой, Марьяна и Алексей, как и раньше, много времени проводят у Майка Науменко и, можно сказать, фактически становятся членами его семьи. Между женой Майка, Натальей, и Виктором в недалеком прошлом были романтические отношения, которые, впрочем, если судить по воспоминаниям самой Натальи, отнюдь не зашли далеко и отнюдь не повлияли на их дальнейшую дружбу.

Алексей Вишня:

«Когда мы познакомились с Цоем, он уже жил с Марьяной. Я запомнил ее высокой, крупной женщиной... До встречи с Витей Марьяна считалась подругой питерского рок-продюсера Игоря "Панкера" Гудкова, прославившегося в 1983 году записью совместного альбома LV лидера группы "Зоопарк" Майка Науменко и Бориса Гребенщикова. Цой же, по словам друзей-приятелей, был безумно влюблен в жену Майка Наташу. Предполагаю, что и она отвечала взаимностью. Но из семьи не ушла и любовь в себе задавила. Наташа оказалась человеком долга: у них с Майком рос четырехлетний сын Женя. Цой страдал. И Марьяна его утешила, став для Виктора незаменимой...»

Наталья Россовская:

«Ничего серьезного не было. Хотя я сама не знаю. Наверное, это все-таки была любовь с моей стороны. Совсем детская... Целовались, как школьники».

Я не стал приводить полностью рассказ Наташи Науменко о ее дружбе и романе с Цоем, хоть Виктор и выглядит в нем чистым и романтичным героем, то есть таким, каким он был в первый, «ленинградский» период. Но, несомненно, найдутся читатели, которым милее Цой такой, каким он показан в рассказе Натальи.

Инна Николаевна Голубева, мама Марьяны Цой:

«Да, они пропадали вечно в городе, у Майка. Но то, что рассказала жена Майка, Наташа, Житинскому конечно же не совсем соответствует действительности...»

К концу лета Цой и Марьяна с друзьями рванули в Крым, в поселок Малореченское, где наслаждались «диким» отдыхом. Сохранилось несколько фотографий, сделанных их общим другом, Владимиром «Дедом» Новиковым, которого они случайно встретили в Малореченском.

Алексей Рыбин:

Лето восемьдесят второго пролетело незаметно – я еще раза два съездил в Москву, Витька с Марьяшей – на юг, мы славно отдохнули и в начале осени снова встретились у меня на Космонавтов.

14 июля Цой получил диплом резчика по дереву и по возвращении из Крыма наконец-то оказался распределён на работу в Пушкин (в НПО «Реставратор») с обязательной двухгодичной отработкой по месту распределения. И теперь ему приходилось ездить к 8 утра в пригород и торчать под потолком анфилады Екатерининского дворца.

К осени 1982 года Алексею Рыбину, выполнявшему функции директора группы, удалось создать некое подобие концертного графика, правда, большинство выступлений проходило в столице. В основном это были квартирные сейшены, но изредка случались и более солидные мероприятия, например совместный с группой «Центр» концерт в МИФИ. Играли Цой с Рыбиным вдвоем, лишь пару раз компанию им составил барабанщик «Аквариума» Петр Трощенко.

Илья Смирнов:

«К примеру, концерт в жэковском красном уголке... Маленький зал в полуподвале человек на 70 при конторе, которая сейчас называется "управляющая компания", а тогда "жилищно-эксплуатационная", пенсионеры там собирались по праздникам, ну и такие, как мы, иногда. Так вот. Поют Рыба и Цой и, по-моему, Петр Трощенко на ударных. Из заднего ряда вдруг раздаются джазовые рулады, явно издевательские по отношению к выступающим. Я говорю: "Кто привел сюда Пономареву и еще напоил?" А это оказалась Олеся Троянская, героиня московского хиппизма, в окружении всей своей бригады. Исключительно безобидной. Один Миша Реалист чего стоил. Утюг на проволоке в качестве кистеня. Мы их убедили не мешать. Зато по окончании концерта они полезли на сцену: что это вы привезли за эстраду ленинградскую? Вот вам сейчас Олеся споеет по-настоящему "Карломарксовый портрет"...»

К сожалению, запись московского концерта в красном уголке ЖЭКа пока обнаружить не удалось, сохранились лишь фотографии Сергея Алексашенко, однако доступна запись другого квартирника – ленинградского выступления «КИНО» в общежитии ЛГУ.

Сергей Котеков, устроитель квартирных концертов:

«История несколько шире, чем история одного концерта... Дело было в 1982 году, это был концерт в общежитии матмеха ЛГУ, в небольшой комнате, – разновидность квартирника. Общежитие матмеха ЛГУ – да, это Петергоф, точнее Старый Петергоф, а еще точнее – Темяшкино. Там на третьем этаже был выделен блок, в котором были снесены перегородки, для проведения всяческих мероприятий, типа вечеров встреч групп, литературных вечеров и т. д. Поскольку так или иначе у меня был доступ к этой комнате, то я смог провести там несколько концертов.

Очень кратко. Один чел в нашей общежитии так или иначе вышел на БГ, а потом вывел на БГ меня. Где-то в это же время как-то сама по себе пришла идея устроить концерт БГ в общежитии. И как-то она сама собой удалась. Концерт был довольно странным... Но сама идея настолько всем понравилась, что следующим был почти тут же приглашен Майк. Потом был их совместный концерт, а потом Борис как-то передал послушать первый альбом "КИНО". Тот вариант несколько отличался от "канонического", но, к сожалению, лента у меня не сохрани-

лась – ”взяли послушать“. Мне ”киношники“ очень понравились, и Борис предложил позвать их на концерт тоже, что и случилось.

Да, именно БГ познакомил нас с ”КИНО“. Он тогда как раз закончил продюсировать их первый альбом и ”нес свет их творчества в массы“, а по-новому – промоутил там, где мог. После ”заумной“ лирики БГ и городских баллад Майка ”КИНО“ выглядели веселыми детьми, которые дорвались до инструментов. И это было в кайф. Девушки тащились больше.

”КИНО“ позвали петь в общагу. Все получилось просто замечательно – 28 октября 1982 года состоялся очень веселый и бодрый концерт. Запись концерта была плохая, лента бракованная, а потому сохранена только часть. Забавный момент – когда я передавал Вите деньги, собранные с народа, он сказал что-то типа: ”Ого, за это еще и деньги платят – офигеть“.

Запись концерта велась, но при записи ”КИНО“ что-то намудрили – писал не я, о чем и жалею. Запись была плохая, с перегрузами и разными другими проблемностями. Записано было все более или менее, но записано на бракованную ленту. Из-за этого большая часть концерта была с провалами. В общем, сохранена была только та часть, которая не сильно кривая. Одним из приколов тех концертов было то, что Борис, а потом и ”КИНО“ пели ”Пригородный блюз“ Майка.

Правда, ”КИНО“ у нас в общаге очень немного играло, в основном БГ и еще Майк – с ними я общался довольно много. А с Витей как-то не особенно наладилось. Почему – не помню. Сохранился ”билет на концерт“, после которого Витя и Леша мне его подписали...

Кстати, на концерт Цой прибыл с Марианной, она тогда уже сильно ”берегла свой Хой“. И они сразу после выступления уехали, и даже не на последней электричке, а Рыба остался в попытке познакомиться с какой-нибудь нашей девицей, но сильно промахнулся...

После этого был еще совместный концерт БГ и Майка, где они весело препираются. И еще один концерт БГ. После этого была идея пригласить весь акустический ”Аквариум“, но когда Миша Файнштейн озвучил мне цену, я понял, что мне столько не собрать, хоть тресни. И как-то на этом деле все прекратилось – мне нужно было писать диплом, была куча других забот. А потом пошли полулегальные концерты в разных ДК, и нужда в таких вот квартирниках, как в общаге, отпала...»

В конце 1982 года группа «КИНО» решает записать новый накопившийся материал.

Алексей Рыбин:

«Витька продолжал писать, и материала для второго альбома у нас уже было более чем достаточно. Теперь, когда мы разделили обязанности и всеми административными вопросами стал заниматься я один, мой товарищ начал насаждать на меня и все чаще и чаще требовал, чтобы я поскорее подыскал студию для новой записи».

Поскольку Андрей Тропилло был очень занят работой с группой «Аквариум» и не имел возможности уделить время «КИНО», Гребенщиков предложил Рыбину самостоятельно найти студию для записи и даже снабдил его многочисленными телефонами знакомых звукорежиссеров. В конце концов, после долгих поисков, Алексею повезло, и он нашел студию звукорежиссера Андрея Кускова в МДТ. На барабанах группе помогал Валерий Кирилов, впоследствии ставший барабанщиком «Зоопарка».

По воспоминаниям Алексея Рыбина, запись всех песен альбома прошла быстро и складно: практически за несколько часов вполне прилично записали болванки четырех песен. Кирилов, который до этого не был знаком ни с музыкой «КИНО», ни с Рыбиным и Цоем, оказался опытным барабанщиком, поэтому легко попал в нужный ритм. Однако несмотря на такую легкость и гладкость, судьба записи оказалась трагикомичной, ее не довели до конца по двум причинам: Цою вдруг разонравились студия, звук барабанов и вообще сама идея. После

записи Виктор забрал ленту с собой, сказав, что на этом следует остановиться, и спрятал ее «в шкаф».

Я сижу в кровати, только что из ванной, с мокрой головой.
На улице мороз, и рано, как ни странно, я пришел домой.

За стенкой телевизор орет,
Как быстро пролетел этот год,
Он так похож на прошлый год,
Я в прошлом точно так же
Сидел один, один, один...
В поисках сюжета для новой песни...

Алексей Рыбин:

«К сожалению, эту запись мы так и не довели до конца – Витьке вдруг разонравилась эта студия, звук записанных барабанов, хотя, на мой взгляд, он был вполне достойным. Мы собрались в Малом драматическом еще раз, записали голос, и Витька, забрав ленту себе, сказал, что пока на этом остановимся. У него не было настроения писать дальше. Отношения наши продолжали оставаться превосходными, он сказал, что просто устал и ему нужно сосредоточиться, чтобы записать полноценный альбом. А пара песен из записи в Малом драматическом потом так никуда и не вошла».

Валерий Кирилов, музыкант группы «Зоопарк»:

«Моя учеба шла по накатанным рельсам. Сокурсники оказались веселыми парнями, я завел массу интересных знакомств и озабочился изготовлением барабанов. Бабушка прислала мне из Литвы на покупку инструментов огромную сумму – 1500 рублей. Я купил подержанное пианино "Красный Октябрь", а барабаны решил изготовить на заказ. Мастер, который их делал, жил за городом и был подвержен запоям; я же по простоте душевной имел неосторожность заплатить ему всю сумму заранее. И вот теперь мне приходилось еженедельно мотаться на электричке к нему в Рыбацкое, так как метро там еще не было. Наконец барабаны были готовы. Красивые, прозрачные (из оргстекла), они и звучали здорово. Кстати, именно на них я писал музыку с Рыбой и Цоем. Почитать о той записи можно в Лешкиной книге "«Кино» с самого начала", а качество звука оценить на альбоме "Неизвестные песни Виктора Цоя". Работы не было, и пришлось бы мне собираться преподавать школьникам ксилофон и малый барабан, как тут произошло странное событие, которому я не придал тогда никакого значения. Мне позвонил незнакомец, назвался Рыбой и попросил записать с ним и его приятелем Витей несколько песен на внезапно подвернувшейся студии МДТ.

Кто это такие, я не имел ни малейшего представления, но мне было достаточно того, что они сказали гордо:

– Мы играем биг-бит!

Я согласился, и в назначенный час Леша с Витькой подъехали ко мне. Мы быстро спустили сложенную заранее установку вниз, затолкали ее в машину, с большим трудом влезли сами и покатали на улицу Рубинштейна, в театр. Уже в машине я уточнил некоторые детали и еще раз спросил:

– Так что играете-то?

– Биг-бит! – с заднего сиденья ответил придавленный бочкой Цой. На студии я быстро расставил инструменты, и, пока инженер обвешивал их микрофонами, Цой наиграл мне приготовленные к записи песни. Я показал ему по несколько ритмических рисунков к каждой из них;

он выбрал понравившиеся, разобрались с бреками, вступлениями и формами, а потом быстро записали болванки. Вернее, я не знаю, как назвать то, что мы записали. Рыба играл подобие первой гитары, Цой играл вторую, баса не было, а голос писался сразу – то есть все тогдашние законы звукозаписи были нарушены. Партия бас-гитары была наложена Шурой Храбуновым (“ЗОО“, первая гитара) много позже, почти десять лет спустя! А тогда мы взяли голым энтузиазмом и наглой молодостью. При записи “Последнего героя“ я был совершенно заморожен ритмом этой песни, поэтому она получилась сразу же. Примечательна история моей барабанной партии песни “Весна“. Майк написал “Лето“, песню для Цоя, и позже, когда я уже играл в “ЗОО“, Майк неизменно требовал, чтобы в “Лете“ на всех концертах мною игралась та самая партия из цоевской “Весны“. Ложилось замечательно, поэтому я не возражал, хотя каждый раз в душе хихикал при ее исполнении.

В студии Витя работал быстро и уверенно – если он и волновался немного, внешне было незаметно, а в “Поисках Сюжета“ некоторое волнение добавило остроты и небольшой оттенок нервозности. К сожалению, у меня не сохранилась вторая половина этой песни (ее случайно отгрызла кошка Киса), и на той записи она внезапно обрывается. Как и Витькина жизнь... Для них это была первая запись в профессиональной студии, и я рад тому, что был с ними тогда. По окончании смены мы втроем сидели в аппаратной и слушали материал. На магнитофоне мигала лампочка секундного метража, и Цой внимательно смотрел на нее... Пользуясь случаем, я попросил инженера сделать мне копию всей записи. Ту самую. В принципе, Леша Рыбин довольно точно описал эту запись в книге “«Кино» с самого начала“. Действительно: ну позвонили, ну приехали, ну записали... Вот только Рыба забыл написать о том, что, помимо оператора, за тем действием наблюдала фигуристка Марина Кожевникова, которая приехала в студию вместе с нами. После записи я остался на улице с Мариной и кучей тяжелых барабанов. Посреди ночи, без всяких шансов поймать такси. Рыба с Цоем моментально куда-то испарились после выхода из студии...

Много лет спустя Майк мне рассказал: они заявили к нему среди ночи хвастаться своей первой студийной записью и заставили его внимательно прослушать.

– Помню, я сонный ее слушал. Я сначала не хотел им совсем дверь открывать, но Наталья настояла. Спросил, кто барабанил, а они сказали, что Женя Иванов из “Пепла“ им присоветовал какого-то “кренделя“, я не помню, чтобы тебя до того раза слышал. Но похвалил, Кириллыч! Запись их похвалил!

В то время Майк опекал Цоя, и тот отвечал ему благодарностью, многие это помнят...

Позже Майк познакомил Виктора с БГ, сдал, так сказать, с рук на руки. Через несколько лет Майк, Цой, Буйнов и я стояли в служебном буфете “Лужников“ во время совместного концерта. Буйнов рассказал какую-то байку (он на это дело мастер), я же в ответ поведал ему о том, как “ЗОО“ участвовал в совместном концерте с Глызиным (бывали в те времена такие чудеса), где выступал парень, загримированный под Буйнова (“Веселые Ребята“ тогда только разошлись), и я стоял в полном недоумении от увиденного глюка...

То был концерт, посвященный памяти Саши Башлачева. Нечто странное сквозило в воздухе в тот вечер. Казалось, что все насыщены энергией необъяснимой тоски и неопределенности. Я не помню, чтобы кто-нибудь общался друг с другом так, как это делали мы. Все ходили как вареные. Не могу сказать, что игралось на том концерте. Меня так вообще весь день преследовала мысль: “Кто следующий, кто?“ Я вглядывался в лица музыкантов, и этот вопрос то терялся в сознании, то отчетливо проступал, как тошнота с похмелья. В тот день я отчего-то так и не сказал Витьке, что запись сохранилась у меня...»

По счастливому стечению обстоятельств, именно Кирилов сохранил копию этой записи, только одна песня «В поисках сюжета для новой песни» оказалась оборвана на полуслове. Кошка Кирилова размотала и сжевала часть пленки. Вот так пропало 11 метров записанной

ленты... Впоследствии запись была издана в 1992 году по инициативе Марианны Цой на грампластинках Петербургской студией грамзаписи, а позже, в 1996-м, переиздана «Мороз рекордз» на CD-диске «КИНО. Известные песни».

По воспоминаниям Марьяны, в конце января Цой, основательно испортивший пальцы трухлявой лепниной дореволюционных потолков, в конце концов добил своего начальника наплевательским отношением к работе, и тот счел за благо отпустить молчаливого молодого реставратора на все четыре стороны.

Инна Николаевна Голубева:

«Он же по специальности был резчик, а его почему-то распределили на лепнину. Как-то так получалось, что я не дотрагивалась до него никогда, а тут вот случайно коснулась его пальцев и ощутила, что у него кожа нежная, как у младенца... Просто тончайшая. А он, значит, там штукатуром почти каким-то работал, и пальцы его были просто в хлам».

Виктор, уставший от восьмичасового графика работы, мечтал уйти в дворники или кочегары, чтобы иметь хоть немного свободного времени для занятий музыкой, но ничего подходящего не подворачивалось. В результате он устроился рабочим в Управление паркового хозяйства, располагающееся на улице Лизы Чайкиной, 4/12, где вырезал детскую деревянную скульптуру в парке «Тихий отдых» на Каменноостровском проспекте, 81. До сих пор в том парке можно увидеть некоторые работы Виктора, к примеру «Грустный лев».

Андрей Усов:

«Цой занимался некоторое время рубкой деревянных скульптур в каком-то садово-парковом хозяйстве, и можете себе представить, что работы Цоя стояли на детских площадках – всякие мишки и прочее».

Кстати, сегодня в котельной «Камчатка», как утверждает легенда, можно увидеть некоторые из этих самых деревянных фигур, вырезанных Цоем во время работы в садово-парковом тресте. Но можно с уверенностью сказать, что фигуры, представленные в «Камчатке», – вовсе не работы Цоя. И доказать это легко. К примеру, многие видели там фигурку «Большого Уха» из одноименного мультлика Юрия Бутырина, якобы вырезанную Цоем. Однако несоответствие сразу бросается в глаза – Цой вырезал фигуры для украшения парка в период с 1983 по 1984 год, а рисованный мультипликационный фильм «Большой Ух» был выпущен творческим объединением «Экран» в 1989 году.

Сергей Фирсов, кочегар котельной «Камчатка», приятель Виктора Цоя:

«Нашу статую в "Камчатку" притащил Вилли с ближайшей детской площадки, к сожалению, а так порой хочется ее за цоевскую выдать, проклятая интеллигентность не дает! Цой в свое время дарил мне свои нэчке и пепельницы, но время слизало все...»

Сергей Жариков, музыкант:

«С Цоем меня познакомил Фирсов. Их дуэт с Рыбой появлялся у Трубецковых на 15-й Парковой, но я там с Витьком не пересекался. Они там в паре пели свои песенки, и Рыба был панком».

В середине февраля 1983 года Рок-клуб запланировал очередную акцию – концерт групп-побратимов по записи альбома «45» – «Аквариума» и «КИНО». Перед Цоем и Рыбиным остро встает проблема расширения состава группы, ведь они по-прежнему оставались дуэтом. А

музыка Цоя, по словам Рыбина, уже тогда «могла звучать только в электричестве, с полным составом».

Алексей Рыбин:

«Перед тем как уйти в армию, Олег – наш Гиперболоид – работал в одной командочке параллельно с нами, играл с ней на разных свадьбах, вечеринках – подхалтуривал, одним словом. Командочка, впрочем, была некоммерческой направленности: вокалист обожал Джона Леннона, гитарист торчал от Creedence – со вкусом у ребят было все в порядке. Я тогда познакомился с этой группой и теперь решил попытать счастья и созвонился с басистом, Максом. Выслушав мои предложения и условия, Макс согласился поиграть с "КИНО" в качестве сессионного музыканта. Я начал ездить к нему (он тоже жил в Купчине, недалеко от меня) и репетировать с ним Витькин материал. Однажды я ехал к Витьке на Гражданку – вышел из метро "Площадь Ленина" и ждал троллейбус, на котором нужно было проехать еще с полчаса, чтобы добраться до Витькиного нового дома. "Привет", – услышал я знакомый голос, повернул голову и увидел Макса с бас-гитарой в чехле, а рядом с ним – Юрку. Юрка тоже был с гитарой в руках – они, как выяснилось, ехали домой с какой-то очередной то ли халтуры, то ли репетиции, то ли еще чего-то. "Вы сейчас свободны?" – спросил я Макса и Юрку. "Свободны". – "Поехали к Витьке. Я как раз сейчас к нему на репетицию. Макс, ты уже можешь показать, что ты там напридумывал, может быть, Юра, и ты что-нибудь поиграешь – хотите? Можно попробовать". – "С удовольствием", – ответили продрогшие уже музыканты. Когда мы приехали к Витьке и я представил ему кандидатов в концертный состав "КИНО", Витька увел меня на кухню и неожиданно устроил мне небольшой нагоняй – впервые за все время нашей дружбы и совместной работы. Он был страшно недоволен тем, что я привел к нему в дом незнакомого ему человека – Каспаряна».

Цой поначалу совершенно не воспринял Каспаряна как кандидата на роль гитариста в группе «КИНО». Но, присмотревшись, он дал добро на продолжение репетиций Рыбина с Каспаряном.

Запланированный Рок-клубом концерт состоялся 19 февраля 1983 года. Новые песни «киношников» были отрепетированы в «электричестве», и на этот раз «КИНО» обошлось без помощи коллег из «Аквариума». Хотя, по мнению некоторых, спешка и несыгранность сильно подвели ребят.

Алексей Рыбин:

«Тот зимний Рок-клубовский концерт "КИНО" – "Аквариум" оставил у меня самые приятные воспоминания, и у большей части моих друзей тоже. Единственным темным пятном была едкая рецензия в рукописном журнале "Рокси" – там говорилось, что то не так, это не так, у Рыбы, мол, ширинка на сцене растянулась и вообще концерт был поганый. Почему поганый, я из статьи так и не понял».

Марьяна Цой, жена Виктора Цоя, в своей повести «Точка отсчета» констатировала:

«Это был второй электрический концерт группы в ее жизни. Первый состоялся почти год назад и, как положено первому блину, вышел комом. Второй блин тоже вышел комом. ... Рядом стоял его приятель, который почему-то решил, что он – бас-гитарист. С таким же успехом это могла сделать я или первый попавшийся водопроводчик. Я уже не помню, кто там был на барабанах, помню только, что весь состав на сцене Цою не помогал, а ужасно мешал и, несмотря на все Витины старания, ничего хорошего не получилось».

Алексей Рыбин:

«Мы играли первым номером – расширенный состав ”КИНО“: мы с Витькой, Каспарян, Макс и приглашенный в качестве сессионщика джазовый барабанщик Боря, мой старый знакомый. Марьяша в этот раз постаралась от души, и наш грим, я уж не говорю о костюмах, был просто шокирующим. Ансамбль звучал достаточно сыгранно, Витька играл на двенадцатиструнке, мы с Каспаряном дублировали соло, и звучало все, кажется, довольно мощно. В отличие от традиционных красивых поз ленинградских старых рокеров, мы ввели в концерт уже откровенно срежиссированное шоу – я иногда оставлял гитару и переключался на пластические ужасы – например в фантастической песне ”Ночной грабитель холодильников“ я изображал этого самого грабителя:

Он ночью выходит из дома,
Забирается в чужие квартиры,
Ищет, где стоит холодильник.
И ест...»

Юрий Каспарян, музыкант «КИНО»:

«У нас был общий барабанщик – у группы ”Гарин и Гиперболоиды“, где играли Виктор, Алексей Рыбин и Олег Валинский, и у нашего студенческого коллектива, где играли я, Михаил Борзыкин, два моих друга и опять же Олег Валинский, с которым мы до сих пор иногда видимся. Валинский был тем самым барабанщиком. Познакомили нас общие друзья. Когда Виктор с Рыбиным решили собрать серьезную группу, они пригласили играть на басу моего знакомого, Максима Колосова, через которого я, собственно, и попал в ”КИНО“ – он как-то ехал в гости к Виктору и позвал меня: поехали вместе! Так все и получилось».

Николай Мейнерт, журналист:

«Я был на зимнем концерте ”КИНО“ в Рок-клубе в 1983 году. С моей точки зрения, это был абсолютно провальный концерт, и Цой очень переживал по этому поводу. Я помню, каким несчастным он выходил за дверь. Потому что у них вся эта программа разваливалась, она какая-то не цельная у них, эклектичная, не хватало ни представления, ни опоры, ничего из того, что могло бы произвести на зрителя впечатление, не было. После этого выступал ”Аквариум“, который конечно же подавил их полностью.

Мнения после этого концерта были действительно разные, это уже сейчас вот репутация ”КИНО“ наложилась на впечатления постфактум. Потому что если посмотреть на это сейчас, то можно сказать – ерунда. Потому что “КИНО“ стало – ого-го... А тогда все было гораздо серьезнее. Поэтому это была действительно неудача, и я думаю, что эта неудача была внутренне логично объяснимой. У Цоя к тому времени был конфликт с Рыбиным и другие неурядицы...

Сам концерт, конечно, запомнился, я впервые тогда увидел ”КИНО“, приехал из Таллина, меня пригласил на этот концерт Рихо Бауман, я помню, что концерт перенесли, мне позвонил Ордановский, предупредил об этом... Конечно, приехали мы все на ”Аквариум“, я помню, как ”КИНО“ начало этот концерт, но запомнилась мне только одна песня – ”Ночной грабитель холодильников“. Все остальное было вяло и невразумительно... И самое главное, я помню выходящего после концерта Цоя с гитарой в руках, мы к нему подошли, спрашиваем – ну как? А он так в сторону рукой – ”ааа...“. То есть было очевидно, что он концертом недоволен. По крайней мере, такое впечатление создалось при взгляде со стороны. Поэтому лично я думаю, что считать этот концерт удачным, даже по меркам тех дней, можно только с очень большой натяжкой».

В процессе подготовки к концерту Цой присмотрелся к Юрию Каспаряну. Отношения же с Алексеем Рыбиным стали заходить в тупик: непонимание нарастало и появлялось все больше взаимных претензий. В итоге Алексей покинул группу, а Цой продолжил репетиции с Каспаряном. В интервью самиздатовскому журналу «Рокси» Алексей Рыбин объяснил свой уход так: «Цой как-то сказал мне: знаешь, в одной группе не должно быть двух лидеров».

Почему именно Алексей покинул группу, ни Цой, ни Рыбин толком никогда не говорили, а если и говорили, то вскользь, почти не касаясь истинных мотивов.

Вот как рассказывает сам **Алексей Рыбин** о разрыве с Цоем в своей книге «"Кино" с самого начала»:

«Однажды Витька позвонил мне и сказал, что он решил немедленно приступить к записи.

– А где? – поинтересовался я. Идея была неожиданной – мы не собирались ничего писать раньше чем через месяц-другой.

– Нужно все-таки опять с Тропилло договариваться, – сказал Витька. – Давай этим займемся.

– Ну хорошо, – согласился я, – с Тропилло мы договоримся. Тогда тебе срочно нужно начинать с нами репетировать – с Максом и Юркой.

– Нет, я думаю, что мы снова все сделаем с "Аквариумом". Это профессионалы, они сделают все как надо. Наши ребята еще не готовы. Новый альбом должен быть по музыке безупречным – они этого сделать не смогут.

– Нет, я не согласен, – сказал я. – В таком случае нужно подождать, пока Юрка с Максом все отточат. Мы должны этот альбом делать своим составом.

– Не надо меня учить, как мне делать мой альбом.

– Витя, если это твой альбом, делай его, пожалуйста, как хочешь. А если это альбом "КИНО", то это должно быть "КИНО".

– Леша, если у тебя такое настроение, то ведь я могу записать мой альбом и без твоей помощи.

– Пожалуйста, – сказал я и повесил трубку.

Больше мы с Витькой не созванивались никогда. "Мы странно встретились и странно расстаемся..." Дурацкий спор вдруг стал причиной совершенно дикого разрыва – группа "КИНО" перестала существовать. Это было как-то странно – совершенно, казалось бы, на пустом месте – ну, повздорили, ну, помирились... Но мы не вздорили и соответственно не мирились. Я чувствовал, что напряжение внутри "КИНО" в последние месяцы росло – и вот прорвалось...

Я заезжал иногда к Каспаряну – Витька ему тоже не звонил, мы поигрывали немного, а потом я перенес свою музыкальную деятельность в Москву – стал ездить туда каждую неделю и играть дуэтом с Сережкой Рыженко. С Юркой, естественно, я видаться тоже перестал.

Однажды, месяца два спустя, я встретил его случайно на улице и узнал, что Витька позвонил ему и предложил поиграть. Ну, в добрый час...

Юрий Каспарян:

«Ну вот раньше была группа – Цой и Рыбин. Потом они что-то не поделили, разругались и расстались. После этого Виктор позвонил мне и говорит: "Ну, поиграем?"»

Отвечая на вопросы журналистов «Московского комсомольца» в 2012 году, Алексей Рыбин так прокомментировал свой уход из «КИНО»:

«Я ушел из "КИНО", потому что игра в группе – это профессия. Одно дело – весело проводить время с друзьями, и совсем другое – выбрать музыку на всю жизнь. В мире не очень много групп, которые состоят из друзей-приятелей. Те же Rolling Stones не то что не разговаривают месяцами, они живут на разных континентах и собираются вместе лишь для работы.

Несколько лет мы с Витей дружили запоем. Нам было очень сложно поодиночке. Может, мы и разошлись-то в свое время потому, что слишком много общались, получилось такое перенасыщение друг другом. Он уходил в училище, я – на работу или в институт, маялись там полдня, но, как только за нами закрывались двери казенных учреждений, мы тут же встречались. И не расставались до поздней ночи. А часто и ночевали вместе».

Игорь Гудков:

«Они очень близко общались, одно время на протяжении двух лет вообще не расставались. Как однойцевые близнецы. Это привело к тому, что они друг от друга устали и расстались, расстались спокойно, не ссорясь, каких-то ”предъяв“ у них друг к другу не было. Просто взяли и в какой-то момент перестали вместе выступать».

Многим до сих пор непонятно, что случилось между Цоем и Рыбиным в далеком 1983 году. Но сегодня к Рыбину, наверное, у всего Питера странное отношение. По мнению членов группы «КИНО», он сложный человек. Даже непривередливые музыканты «АУ» довольно критически высказываются о нем и его делах. Цой же, по свидетельствам близких людей, впоследствии никогда его в разговорах не упоминал. Я, как автор этой книги, не могу делать каких-либо выводов об Алексее Рыбине, но могу сказать, что со мной лично Алексей Викторович всегда был предельно вежлив и мил.

Вот что рассказывал о нем **Виктор** в одном из своих интервью:

«С Алексеем в последний период нашего сотрудничества отношения все больше осложнялись, и это мешало работе... Алексей – человек с обостренным чувством лидерства. Он постоянно говорил, что лучше меня поет, лучше аранжирует, лучше играет на гитаре... Мне не очень нравилось, что Леша на концертах, которые он сам для себя организовывает, исполняет мои вещи, не ставя меня в известность... Кстати, зря Рыба все это дело выносит на страницы ”Рокси“, да и не прав он во многом, и не нравится мне, как он говорит о моей жене – в общем, не по-мужски все это...»

Сергей Жегло, один из московских знакомых Виктора Цоя:

«Рыбин напрасно на него обижался. Я думаю, Цой не мог поступить иначе».

Рашид Нугманов:

«Мне было интересно раннее творчество Виктора, но он всегда уклонялся от вопросов о Рыбине. Это их личное дело. Как-то на Беговой Аркаша Высоцкий, с которым я познакомил Виктора, раздобыл редкую фотографию Цоя и Рыбина на концерте и вручил ее Виктору. Тот взял нож, истыкал им всю фотографию и бросил подарок на диван. Я спросил его: ”Что так?“ Виктор только поморщился. Я, разумеется, не настаивал и больше никогда не расспрашивал».

А вот версия звукорежиссера **Алексея Вишни**, изложенная им у себя в ЖЖ:

«В распаде ”КИНО“ виноваты амбиции Алексея – он был постарше Виктора года на четыре, пообразованней, вестимо, тоже песни писал, ну и, конечно, имел лидерский потенциал. Тогда в группе ”КИНО“ функционировали два персонажа (Рыба и Цой), но ездили на гастроли они втроем. Марьяна была третьей. Гонорары делили соответственно: Цою 33 %, Марьяше 33 % и Рыбе 34 %. Рыба считал, что ему 34 % против цоевских 66 % запаadlo. Рыбин возмущался – как так! А Цой говорил, что они трое, значит, и гонорар надо делить на троих. В противном случае Рыба получал бы 50 %, а Цой 25 %, в связи с чем Алексей и был изгнан. Деление было законным, но несправедливым. Рыбин поднял об этом вопрос и был вышвырнут

Цоем под действием Марьяны, поскольку Рыба к тому моменту познакомил его на свою голову с Каспаряном.

Кстати сказать, “Аквариум” классического состава распался РОВНО из-за подобного. Рыбин жаждал получать с концерта столько же, сколько Цой, и никаких дополнительных (придуманных) причин в том не было. Каспарян был согласен получать вдвое меньше, а Рыбин нет. А вы как дети – творчество, понимаешь...»

Алексей Рыбин:

«Когда нас с Цоем, или БГ, или других музыкантов приглашали играть куда-нибудь на “квартирники”, то всегда был договор с организаторами на конкретную сумму, которая могла колебаться от двадцати пяти до ста рублей. Это только Майк ввел собственную таксу: минута концерта – рубль... У нас не было супергонораров».

Георгий Гурьянов:

«Как Цой относился к Рыбину? Наверное, иронично. Он не реагировал на упоминания его имени, считал его сумасшедшим, феерическим кретином... Думаю, он его терпеть не мог. Рашид Нугманов рассказывал как-то, как Цой при нем истыкал фото Рыбина ножом. Вот и все отношение. Я вообще отказывался играть с ними, пока Виктор не прогнал эту “рыбу” из группы».

Евгений Титов:

«Рыба познакомил Каспаряна с Цоем. Свинья, кстати, к Рыбе довольно прохладно относился.

Бывают люди комфортные, с которыми легко все получается, бывают – нет. Я не так близко его знаю, хотя в 80-х и дома у него бывал не раз, общались. Рыба такой, какой есть: имеет недостатки, имеет и достоинства. Как и все мы, не идеален. Как и Цой, который тоже имел недостатки и слабости, да? Живые люди, тем более тогда все были молодые – максималисты, и не всегда могли правильно оценивать и себя, и других.

Насчет дележа денег Цоя и Рыбы ничего не могу сказать, не знаю. Панкер или Пиночет могут про то время что-то вспомнить, но надо иметь в виду, что тот же Панкер может быть не вполне объективен, так как у него есть в этой истории свой собственный имидж, который он сам же во многом и формирует. В так называемой “официальной истории от Бурлаки и тов.” его роль при создании Свиньей группы “АУ”, мне (!) кажется, сильно преувеличена. Но надо знать историю с разных сторон, от разных, независимых друг от друга людей, не заинтересованных при этом в каких-то личных делах».

Дмитрий Левковский, администратор группы «Игры»:

«С “КИНО” в лице Рыбы, который тогда еще был как бы один из двух лидеров, я познакомился... в общем, как раз в то время, которое Леша описал в своей книжке «“Кино” с самого начала». Я устроился на работу в Оперную студию консерватории, а там как раз Рыба работал. Это, наверное, был 1982/83 год, надо уточнить. Это время, когда Марьяна активно окучивала Цоя и выдавливала Рыбу как воплощение некоммерческого развития. Потом стали ездить с Рыбой на квартирники цоевские куда-то в новые районы, на Комендантский, в полузаселенный дом. Комендантский тогда только осваивали, он вообще как Марс выглядел – ни транспорта, ни магазинов. Вот там и жил Шебашов, официальный фан “КИНО”. Там я с Цоем и познакомился. Точно, это 1983 год был. В том доме лишь две-три квартиры были заселены, соседей не было, и мы орали спокойно на весь дом...»

Ну, то, что Рыба ушел из “КИНО”, не совсем верно. Хотя Марьяна его и выдавливала активно, тем не менее тогда еще было непонятно, как все пойдет. Это выглядело как конфликт,

а не разрыв отношений. Что касается того, что Рыба чего-то там делить не хотел, то тут просто. Есть-то он тоже хотел, как и все остальные... Просто делить особо нечего было. Это же был «совок», не надо забывать. Все было на жопяном пару – от техники до методов продвижения. Копимашины были все под идентификационными номерами... И так далее. Поэтому любой реальный технический прикамбас использовался на полную. Оттуда студия Тропилло, к примеру».

Марьяна Цой в интервью **Александру Житинскому** говорила:

«Так получилось, что Цой довольно долго мыкался с составом... Сначала с этим Рыбой. Но Рыба – очень специфичный человек. Меня всегда потрясало, что Рыба на Цоя так орет: "Ну, ты там!" И когда Рыба дал интервью Старцеву, что это я его выгнала из группы, это подсознательно было правдой. Потому что я не понимала, кто главный в этой ситуации... В конце концов Рыба добился, что Цой его выгнал. А Витька если уж с кем расставался, то он отрезал сразу. У него не было так, чтобы пойти, выпить, выяснить отношения. Это ему не присуще вовсе. И Рыбы не стало в нашей жизни. Чик – и нету. Хотя я довольно долго булькала, что вот какой мерзавец».

Алексей Вишня:

«Концерты "КИНО" организовывали трое – Марьяна, Виктор и Рыба. И сто рублей гонорара делили поровну. Но однажды Леша возмутился и предложил "пилить" деньги иначе: половина ему – половина Марьяне с Цоем. Та резко ответила: "Получается, Витя меньше тебя будет зарабатывать?" Разругались в пух и прах, и Леху из "КИНО" прогнали. Цинизм проявился еще и в том, что он сам себе подложил свинью – место Рыбы занял гитарист Юрий Каспарян, которого Леша привел в группу. Каспарян оказался куда удобнее: молчаливый, неконфликтный, смотрел Цоя в рот и беспрекословно его слушался.

После разрыва с "КИНО" Леша запил. Я зализывал его раны – убеждал, что мы сможем собрать собственную команду и играть под его началом. Вылилось это в то, что я делал "трень-брень", а Рыба исполнял собственные песни. Через несколько лет он все же собрал группу "Оазис Ю", но в итоге разочаровался в музыке, направив силы на писательскую и продюсерскую деятельность. В чем преуспел: опубликовал сотни статей, десяток книг, в том числе "«Кино» с самого начала", "Майк: время рок-н-ролла", "Право на рок"...»

Я попросил **Алексея Рыбина** прокомментировать все вышеизложенное и получил такое объяснение:

«У меня в "«Кино» с самого начала" все написано. Мелкие обиды и мелкие ссоры были. Но глобально – нет. Люди типа Житинского любят грязь и сплетни. Житинский – при всем уважении – большой фантазер и часто выдает желаемое за действительное. Чем грязнее, тем интереснее. Но история искажается. Вот то, что говорит Вишня, правда. Финансовые споры у нас были. Но это не ключевой вопрос, это рабочий момент. Мне, в общем, все равно, что там кто будет думать. Я рок-музыкой как артист не занимаюсь уже лет 15 и не собираюсь. Мне это неинтересно. Но года за три до смерти Марьяны мы сидели у нее на кухне, выпивали (при этом я уже выпустил две пластинки каверов "КИНО" – с разрешения Марьяны) – она же была одним из инициаторов "реформы" "КИНО" в 1998-м, когда мы давали концерты песен Цоя... И Марьяна грустно сказала: "Ну что, Лешка, ведь никто кроме нас не знает, как все было на самом деле..." Вот так вот. Что же касается нелюбви ко мне Гурьянова, я его тоже не люблю...»

Из слов Алексея картина разрыва становится ясна. Все остальное – уже личные конфликты, мало имеющие отношения к теме.

От «Пряжки» до «Сорока шести»

Весной 1983 года Цой совместно с Каспаряном дает квартирный концерт, устроенный по наводке Владимира Быстрова, на Большом проспекте Васильевского острова.

Виктор Спаров, устроитель квартирных концертов:

«Васильевский остров, Большой проспект, дом 27. Мансардное помещение над крышей. Единственный квартирник с Цоем, где я был, поэтому помню хорошо... Если смотреть на фото, то рядом с Цоем, по идее, должен быть Каспарян... Можно сказать, что это у нас...

Мы с университетским другом снимали по соседству комнату, а остальные мансардные помещения пустовали. Боб (Владимир Быстров) возьми и предложи: а давай квартирник с Цоем проведем! С вашей стороны – помещение и портвейн, а с моей – организационная часть. Сказано – сделано. Сделано, разумеется, с помощью Сорокина. Портвейна было выпито немаленько! Было человек сорок, кто сидел у стен, кто лежал на полу. Через них перешагивали, когда выходили в туалет. Курили прямо на месте. Да, это 1983 год, а время года... А, черт! Память... По-моему, весна, где-то в районе апреля, поскольку все были в куртках, но легких... Запись велась на два магнитофона, но про судьбу записей ничего не знаю... Играли на пару – Цой с Каспаряном...

В принципе, мы рассчитывали на этих же пространствах провести квартирники и с БГ, и даже с Кинчевым, но у друга изменилась финансовая ситуация, он перестал вносить свою долю, и вскоре нам пришлось съехать оттуда. До сих пор жалею о такой упущенной возможности. По тем временам получилась бы классная рок-точка!»

В мае 1983 года в Ленинграде состоялся первый в городе, да и во всей стране, рок-фестиваль. Конечно же, далеко не все прошло так, как того хотелось рок-музыкантам, но сам факт проведения подобного мероприятия был отрядным, почти революционным.

«КИНО» из-за отсутствия полноценного состава в фестивале не участвовало, и Цоя очень раздражали вопросы на эту тему. По свидетельству Марьяны, его по двадцать раз на дню спрашивали, почему он не выступает. «Состава нет», – отвечал Виктор. «А в акустике?» – «Не хочу...»

Виктор Цой:

«Я думал даже выступить один, под акустическую гитару на фестивале, начал даже готовить программу, но так и не выступил. Как-то смутило, что больше никто не рвался выступать сольно...»

Отсутствие состава хоть и удручало Виктора, но отнюдь не тормозило работу. Он по-прежнему пишет новые песни и выступает на квартирниках, совмещая музыку с работой в садово-парковом тресте. Марьяна в одном из своих интервью вспоминала, как ездила с Охты, где они тогда жили, на работу к Цою в парк с бидончиком пива и жареным кабачком...

Каспарян, который поначалу смешил рок-тусовку, начал вписываться в стиль «КИНО», что очень радовало Цоя.

Александр Титов, музыкант группы «Аквариум»:

«Что касается Каспаряна, то перед тем как он появился в "КИНО", у него наверняка был период информационного голода, когда он тянулся к чему-то, но не имел источников. Это сказывалось на его игре, она была однообразной. Но он очень быстро вырос, потому что стал получать больше информации и потому, что он очень умный парень и у него хорошее ухо.

Он талантливый в музыкальном смысле человек. Он же самоучка, а когда самоучка достигает каких-то результатов, это говорит о его таланте, о том, что ему дано свыше».

Из воспоминаний **Марьяны Цой:**

«Как ни странно, Каспаряна привел все-таки Рыба. Каспарян – это был такой самородок, ну прямо из лесу вышел... Цой его играть учил. Я его каким-то другим вещам учила, типа: не вытирать руки о штаны».

Инна Николаевна Голубева:

«И появился Каспарян, который стоял и вот так вот, открывши рот, смотрел на Витю. Как робот буквально. Будто его заколдовали. Ловил каждый звук Витино голоса... Пришла как-то раз мадам Гребенщикова и сказала: "Выгони ты этого дурака. Он тебе всю обедню портит. Что ты взял какого-то младенца?" Ругалась с Витькой. А Витя говорит: "Ничего, молодой, научится". Вот так... Он уже папой таким себя представлял...»

Из интервью Виктора Цоя:

«Каким же будет новое "КИНО"? Я, Виктор Цой, гитара, скорее всего акустическая, и вокал. Юрий Каспарян, электрическая гитара. Владимир Арбузов, из "Мануфактуры", мы с ним, кстати, давно договаривались играть, да все не получалось, – бас-гитара. И за неимением барабанщика возьмем известного многостаночника – Александра Кондрашкина».

Как видим, планы Виктора вращались вокруг нового состава, и даже примерный состав группы был подобран, но в итоге получилось все совсем иначе... Пока Каспарян разучивал гитарные партии, Цой вкупе с Майком Науменко частенько давал «квартирники» в Озерках, у Павла Краева.

Павел Краев, устроитель квартирных концертов:

«Это была с моей стороны прежде всего помощь музыкантам. Майк, кстати говоря, никогда не заказывал квартирников. А Цой и Башлачев – они просили. Они меня просили просто: "Сделай квартирник, надо денег". У меня не получалось им заплатить столько, сколько им хотелось... 30 рублей обычно. Это моя гарантия была – 30 рублей. Конечно, не получалось. Но они очень хорошо скидывали. Я просил: "Ребята, у меня нет столько. Давайте на 50, например? Вам пополам по 25". А помогавший им иногда Наиль Кадыров, кроме портвейна, не получал ничего. Он потом приходил ко мне и сдавал пустые бутылки... Одним из самых ярких впечатлений от одного такого концерта, где Майк играл с Цоем и с Наилем, был момент, когда Серж внес авоську с водкой во время выступления. С авоськой, из которой торчали горлышки водочных бутылок. Это было, конечно, прекрасно. Все зааплодировали: полная авоська с водкой. Конечно, все радостно восторгнулось и похлопали в ладоши. И тут Майк сказал: "Цой, это не нам аплодисменты. А водке"».

Николай Иванов, знакомый Виктора Цоя:

«В 1982–1984 годах Цой часто играл "квартирники". 33 года назад я сделал запись выступления Цоя на квартире у Паши Краева. Позже она была издана, выпущена на CD «Виктор Цой – Акустика» (песни под гитару), но не с моей катушки, а в моноварианте. К сожалению, у меня сохранилась только копия, но магнитофоны у меня в то время были исправные, и качество на слух не пострадало. Копия урезана, из концерта оставлены только 9 песен. Кроме того, имеются две катушки – два известных альбома "КИНО" ("Это не любовь" и "Ночь"), записанные для меня Цоем за мелкую услугу – ремонт и настройка двух магнитофонов «Нота-203». Эти «Ноты» Цой в сопровождении Краева принес мне на квартиру, в которой я тогда жил,

на проспекте Metallistov. Как они записывались, мне неизвестно, но качество записи отличное...»

Летом 1983 года про Цоя вспомнили Вооруженные силы. Виктор решил «закосять». Получение психиатрического диагноза было единственным гарантированным «откосом» от службы в армии. Поэтому в середине августа 1983 года Цой с помощью Марьяны расцарапал себе вены и вызвал «Скорую», после чего оказался в психиатрической больнице № 2, расположенной на набережной реки Пряжка.

Рашид Нугманов:

«Афганская война была одной из дополнительных причин, по которым Виктор “косил” от армии в психушке. В те времена держалось устойчивое мнение, что у призывников с восточной внешностью более высокие шансы попасть в Афганистан».

Инна Николаевна Голубева:

«Да, Вите пришла повестка, и начиналась новая эпопея. Повестка пришла домой к родителям, значит, служить в доблестной армии. И начались звонки родителей. Роберт Максимович звонил и говорил Вите: “Ты честь семьи позоришь”. Вот это мне всегда было очень интересно – про семью и про честь их, родительскую... “Что ты не идешь в армию? Ты должен идти, должен служить”. Витя, конечно, и слушать не слушал их, все эти их бредни. Его родители были очень возмущены: “Ты позоришь нас, как так можно!” Им это казалось ненормальным, хотя Роберт Максимович тоже ни в какой армии не служил, потому что закончил Военмех».

Цоя, ориентировавшегося на рассказы друзей (уже «откосивших» таким способом), две недели в «психушке» представлялись веселым приключением, но ему не повезло. По прихоти врача, пытавшегося вывести его на чистую воду, Виктору пришлось провести в дурдоме долгих полтора месяца, после чего он был выписан «законным советским психом». По словам Марьяны, он покинул лечебное учреждение «почти прозрачным».

Марьяна Цой:

«На Цоя было страшно смотреть. Когда его выписывали, я еле дотащила Витю до машины и повезла домой – на очередную квартиру, которую мы тогда снимали. И вот просыпаюсь часа в два ночи, Цоя нет рядом. Выхожу на кухню: в темноте крошечной он что-то карябает карандашиком на разорванном спичечном коробке. Это был текст “Транквилизатора”...»

Юрий Каспарян:

«Это было непросто, Марьяна его навещала, я ждал, когда же он выйдет... Марьяша смешно рассказывала, как Цоя на Пряжку укладывали. Там нужно было под МДП закосять, маниакально-депрессивный психоз. Порезать вены и так далее. С этим брали. И у них там как-то было налажено со знакомыми, что его возьмут, но вены все равно нужно было резать. А Цой терпеть не мог крови. Палец колоть – это уже была проблема, тем более что человек на гитаре играл. А тут вены резать себе!.. В общем, вызвали они скорую, приехали врачи, а Цой сидит такой розовый, на руках царапины какие-то маленькие. Но забрали все равно! Из больницы он принес две песни: “Транквилизатор” и “Я иду по улице в зеленом пиджаке...” По поводу последней сказал: ты рок-н-роллы любишь – вот тебе, пожалуйста... Ну, чтобы мне было понятно, что играть, потому что я, кроме рок-н-ролов, ничего не играл тогда практически. Все время мучился: что за “новая волна” такая, что там надо играть на гитаре? Там ведь гитара не основной уже инструмент. А мы были гитарной группой все-таки. И все это нужно было аранжировочно соотнести как-то – по функциям, по всему. Непростая задача:

чтобы нововолновая эстетика присутствовала и в то же время чтобы все это оставалось простой гитарной музыкой. Я очень долго был в поиске, что видно по альбомам того периода: "Начальник Камчатки", "Ночь"».

Я выхожу из парадной, раскрываю свой зонт.
Я выхожу под поток атмосферных осадков.
Я понимаю, что это капризы природы.
Мне даже нравится чем-то эта погода.
У-у, транквилизатор...

Вскоре Цой, продолживший репетиции с Каспаряном, решил устроить демонстрационную запись новых песен и дать Каспаряну возможность одному поработать над материалом. Запись под рабочим названием «46» была сделана в студии Алексея Вишни, ученика Андрея Тропилло, с которым они познакомились на записи «Сорока пяти».

Алексей Вишня:

«В начале 1982 года я заканчивал свою учебу у Андрея Тропилло, в кружке акустики и звукозаписи в ДПШ № 2 Красногвардейского района. Как-то я пришел туда по делу и увидел, как Тропилло записывает какую-то группу "КИНО". Я спросил у Гребенщикова: "Что это такое?" Он ответил, что это новая супергруппа...

Спустя какое-то время Тропилло устроил концерт в общежитии Ленинградского кораблестроительного института. Концерт повязали в самом начале, и тогда все, взяв аппаратуру, поехали на автобусе на Чернышевскую, к Севе Гаккелю. Мы с Цоем тащили комбик. Он спросил меня: "Ты – Вишня?" Так и началось наше знакомство.

Как только я познакомился с Цоем, сразу понял, что это тот самый герой, который должен быть запечатлен на пленку и сохранен в веках. В этот момент всем подпольным продюсерам стало ясно, что этот человек достигнет самых больших высот в своей карьере. Так и случилось, и если окинуть взглядом прошлое, то никто из нашего Рок-клуба не завоевал такого количества аудитории. "Аквариум" взял годами, а Виктор сразу всех за короткое время.

У меня было одно условие – пишемся бесплатно. Я тогда был филиалом студии "Антроп", хотел прославиться и понимал, что это обязательно произойдет. В то время, если ты приносил кассету с записью "КИНО" в школу, – ты становился звездой».

К тому времени, при участии Тропилло, Вишня собрал у себя дома небольшую студию, которую назвал «Яншива Шела». Это нелепое название по всем правилам конспирации того времени скрывало имя самого звукорежиссера.

Вот что рассказал сам **Алексей Вишня** о той записи в своих воспоминаниях:

«С Рыбой мы перестали общаться. Он часто ездил в Москву и играл с Сергеем Рыженко, а я позвонил Цою. Несколько раз разговаривал с его мамой, но Виктора не было. "Он в больнице", – отвечала мама. "Ой, а что с ним?" – пытался я разузнать хоть что-нибудь. "Диабет", – отвечала мама... Наконец ответил Виктор: "Привет!" – "Витя, привет, это я! Ты что ваще, как ты себя чувствуешь?" – "Нормально..." Я не знал, как продолжать разговор. Чувствовал – что-то изменилось, что-то произошло с Виктором: "Вот, хотел вас в гости пригласить". – "На какой предмет?" Виктор держался подчеркнуто сухо. "Я магнитофон новый купил, давай попробуем сделать запись?" – "Зачем?" – "Как зачем, чтобы записать новый альбом". – "Я не совсем понимаю, зачем это нужно, Леша". – "Как зачем? Да приедь, посмотри, что тут у меня". – "А ты уже пробовал писать кого?" – "Да нет, вот сам пробовал, записал пару болванок..." – "И что?" – "Нравятся! Приезжай, сам послушаешь". – "Ну хорошо. Я позвоню завтра, может, решим

как с Марьяшей». В течение двух дней они приехали. Решили что-нибудь записать. Все было уже настроено и полностью готово к творческой работе, чего не могли не заметить музыканты. Не успев оглянуться, они записали уже первую болванку песни "Троллейбус". Юра играл соло, Витя пел, аккомпанируя на двенадцатиструнке, а я стучал по картонной коробке клизмой, насаженной на отвертку... Когда мы пили чай, любые паузы я старался заполнить новым на тот момент релизом "ДК". Цою очень нравился "Новый поворот", где вокалист безжалостно визжал: "Вооо-оот, новый повороооо-ооот. Что он нам несет – вино или компот. Или наблюдает нам за шивороооо-оооот", – Витя радостно подпевал магнитофонной записи и танцевал руками... В очередной песне я тоже нашел себе дело: Каспарян играл восьмыми нотами, а я вертел ручку панорамы, перебрасывая восьмые поочередно, из одного канала в другой. Мы сами не заметили, как все болванки уже записались. Достаточно было еще одного приезда, и запись будет готова. Так и случилось: в следующий раз Виктор приехал один. Мы где-то что-то подчистили, я склеил номера в нужном порядке и говорю: "А знаешь, как круто было бы альбом назвать? 'Сорок шесть!'" Виктор рассмеялся, выразив тем самым согласие. По крайней мере, мне это так показалось... Он попросил сделать несколько копий и увез их с собой. На следующий день был понедельник, и я отнес новый альбом на работу – дал копию парням. Потом одни друзья приехали послушать – забрали копию. Затем другие... В конечном итоге запись распространилась по всему городу... Конечно, "46" не был полноценным альбомом. Витя решил его записать у меня только для того, чтобы под эти записи могли тренироваться музыканты, но я об этом узнал позже, из интервью Цоя журналу "РИО". Потом "КИНО" переписали все эти песни по-новому: с Курёхиным, Бутманом, Кондрашкиным, Троценковым, Гребенщиковым. Они, конечно, лучше зазвучали, все эти песни, однако чувствовалось: музыкантам пригодился наш первый совместный опыт. Они очень хвалили обстановку в моей студии – мол, пишешься у тебя как человек. Я старался создавать музыкантам хоть какой-то комфорт. По крайней мере, около моих микрофонов спокойно можно было курить, пить чай в домашних тапочках».

Цой же, по воспоминаниям близких ему людей, никогда не воспринимал «Сорок шесть» как полноценный альбом группы «КИНО», хотя и смирился с тем, что запись «пошла в народ». Но для него она так и осталась демонстрационной лентой, рабочим материалом для Каспаряна.

Марьяна Цой:

«Цой немного позлился да и плюнул, но сам никогда не называл эту работу альбомом группы».

Алексей Вишня:

«Как музыканты они были тогда на нулевом уровне. Ничего не контролировалось на записи, как получалось, так и получалось. Что меня на протяжении всей записи удивляло, так это то, что музыканты мне ни разу не сказали: "Давай, Вишня, отмотаем пленку назад, все к чертовой матери сотрем и перепишем все заново!" Хотя это вполне можно было сделать. Цой умел играть на гитаре, но притом что его называли "бряцальщиком", он умел извлекать из гитары звук. Пускай это был и бряцающий звук, но это был хороший бряцающий звук, хороший чес».

Алексей Рыбин:

«Цой первые пять лет своей творческой работы с "КИНО" ходил для завсегдатаев Рок-клуба в "пэтэушниках", дворовых гитаристах».

Андрей Тропилло:

«Поддерживали Цоя всего несколько человек, в том числе Боря Гребенщиков. Остальные "КИНО" долго не замечали и игнорировали. Борис везде пропихивал "КИНО", хотя группу не хотели брать на фестивали. Я тоже защищал Цоя на худсоветах, говорил, что его нужно записывать, это городской романс, фольклор, такая форма песенная, которая может быть спета в подворотне под гитару...»

Вадим Демидов, музыкант группы «Хроноп»:

«В 1983-м мы с "хронопами" тусовались в "Ждановце" на Горьковском море, обычно все лето проводили в этом лагере политехников. Правда, "Хронопа" тогда еще не было, и поэтому правильнее сказать – будущие "хронопы": Саня Терешкин, Кира Кобрин, Максютя и я. И кто-то, кажется Саня, притащил кассетник, из которого доносилась очень странная песня с припевом "Я бездельник, у-у, мама-мама...". Мы, помню, сели на крыльце где-то на так называемой "женской аллее" и прослушали по кругу альбом "45" несколько раз. Скажу лишь, что я испытал от этих вещей такой культурный шок, какой не испытал уже никогда (ну, может, лишь с залом Боттичелли в галерее Uffizi я мог бы те ощущения сравнить, там я вообще расплакался).

Первые песни "КИНО" были настолько про меня, про моих друзей – что казалось, с нас прямо и списано. Мы просто не верили, что так можно! Цой нарушал все табу той эпохи, он пел на подростковом языке, вставляя разные классные рок-н-рольные словечки. И музончик был такой трогательный, наивный, лузерский – кайф! Я растворялся в этих песнях. "Белая гадость лежит под окном / Я ношу шапку и шерстяные носки / Мне везде неуютно, и пиво пить влом..." – что может быть прекраснее?

Тут еще надо сказать, что мы тогда торчали от всего "нового" – музыкального нью-вейва (Police, Talking Heads и т. д.), новой волны драматургии Людмилы Петрушевской, нового французского романа (Натали Саррот и всего такого), и дебютный альбом "КИНО" стал для нас первым альбомом "новой волны" отечественного рока. Чуть позже мы с "хронопами" стали по очереди выбираться в Ленинград и ходить на концерты тамошнего Рок-клуба. Сам я тоже сгонял в 83-м в Питер, но информации о выступлениях "КИНО" не смог найти, зато сходил на концерт группы "Союз любителей музыки рок", что по тем временам тоже было недурственно...»

Андрей Машнин, музыкант группы «Машнинбэнд»:

«Я приехал в Ленинград в конце 1983-го и поступил в институт. Поселился в общежитии на Стахановцев, где и услышал уже в 1984-м в первый раз группу "КИНО". Песенки эти – "Восьмиклассница", "Алюминиевые огурцы" и т. д. меня удивили и очень мне понравились. Я тогда из нашего больше всего любил группу "Динамик" (концерт в Кировске), а про Ленинградский Рок-клуб даже не знал. В общежитии нас жило шесть человек в комнате, все после армии. Один товарищ, Костя-морпех, играл на гитаре и пел песни "Воскресенья": "О чем поет ночная птица", "Я сам из тех", "Музыкант" и др. И это мне тоже нравилось. Сейчас, наверное, это смешно. Но другой музыки никто не знал, мы все были приезжие, из русского рока знали только "Машину времени". Макаревича мы тоже, кстати, пели с Костей. И вот я услышал Цоя на пленке, в десятой хрипучей перезаписи. Причем владельцы пленки сказали, что это "какие-то школьники". Видимо, решили, что раз про восьмиклассницу, так и поют восьмиклассники.

В декабре Виктора вместе с Майком Науменко приглашают в Свердловск, где они выступают на нескольких полуподпольных концертах. Воспоминания свидетелей тех событий собраны в замечательной книге Елены Пудовой «Осторожно, гололед!». В общем, 1983 год был довольно напряженным, и, как говорила Марьяна, «мы вздохнули с облегчением, когда он кончился».

«Начальник Камчатки»

В январе 1984 года Цой получает приглашение своего московского приятеля Александра Липницкого выступить с концертом в 30-й спецшколе. Это именно та самая школа, в которой Липницкий учился на пару с Мамоновым и из которой их исключили за то, что они «позорили доброе имя советских школьников». Именно этот самый концерт был, по сути, премьерным для «Звуков Му», еще с Африкой на басу. Помимо этого выступали Василий Шумов, «Браво» с Жанной Агузаровой, Сергей Рыженко, Василий Тегин и прочие. Цой был заявлен от питерских музыкантов, поскольку «Аквариум» всем составом был в числе зрителей и выступить не намеревался.

24 января 1984 года Цой и Каспарян совместно с Майком Науменко выступают в Ленинграде, в коммуналке на улице Добролюбова. Запись концерта была сохранена и впоследствии вышла как «Сейшен на Петроградской». Существуют также несколько фотографий В. Андреева и И. Петрученко, сумевших запечатлеть это мероприятие. 26 января с неменьшим успехом проходит квартирный концерт в Зоологическом переулке, дом 1.

4 февраля 1984 года Виктор и Марьяна регистрируют брак.

Инна Николаевна Голубева:

«Витя и Марьяна решили пожениться. Свадьба на носу, а денег не было. И тогда моя мама помогла, дала тысячу рублей на свадьбу. Я-то была как церковная крыса, у меня никогда не было денег, естественно. Я сочинила Марьяне туалет, конечно, что-то там юбка, пиджачок... И они с Витей поженились».

Марьяна Цой:

«Мы с Витькой сразу же договорились, что с родителями все будет чинно и благородно. А основное веселье устроим на следующий день, с друзьями. Цою сшили костюм, мне заказали платье у портнихи. В назначенный час пришли родственники в загс. И тут появился Борис Гребенщиков. В каком-то умопомрачительном виде: на лице концертный грим, на шее романтические тряпочки. Кроме того, он приволок несколько бутылок красного сухого... Словом, "приличной" свадьбы не получилось. А на второй день в нашу маленькую квартиру набилось около сотни гостей. Так мы и поженились. А через год родился Сашка».

Свадьбу, на которую собрались более ста человек, отметили довольно шумно. Достаточно вспомнить многочисленные рассказы свидетелей о том, как Владимир Липницкий (брат Александра Липницкого) размахивал ножом, или о том, как Майк, по словам Александра, одним «видом своего нежного, только начавшего набухать животика» утихомирил буяна.

Александр Титов, музыкант групп «КИНО» и «Аквариум»:

«Это была свадьба в стиле "панк". Все происходило у них на квартире. Туда набилось огромное количество народу, приехали гости из Москвы. Покойный Володя Липницкий, известный своими пьяными выходками на весь мир, бегал по квартире с измазанным в торте ножом, пытался кого-то прирезать, приставал к моей тогдашней жене. Все запомнили эту вакханалию на всю оставшуюся жизнь, потому что это было что-то сверхординарное, удивительное совершенно. У меня нет конкретных примеров, кроме этого ножа, который я вижу сейчас перед своими глазами. Майк, между прочим, произвел тогда интересный жест: когда Володя неся с этим ножом на очередную свою жертву, он встал на дороге, у него на пути в коридоре и сказал: "Вова, ну если тебе нужно кого-то прирезать, давай это буду я". И это его остановило моментально...»

Инна Николаевна Голубева:

«Жили они на съемных квартирах... Оба говорили в один голос, мне рассказывали, что где-то на Блюхера... Это куда ничего не едет, никакого метро нету. И там, значит, был один троллейбус, который там ходил раз, там, в полчаса, и больше ничего. До центра доехать было вообще невозможно. И вот они там снимали "однушку", такую маленькую-премаленькую. Я там была один раз у них...»

Алексей Вишня:

«Я бывал у них на Блюхера в гостях, но, хоть убей, не помню номер дома. Сейчас живу совсем рядом – 10 минут ходьбы. Они жили в точечном доме во дворах. Часто мимо него прохожу по пути в поликлинику...»

После свадьбы молодая семья занялась организацией быта, разменом квартир и переездом в трехкомнатную квартиру, после чего Цой и верный гитарист Юрий Каспарян вплотную подходят к подготовке ко второму фестивалю Рок-клуба. Именно тогда, к весне 1984 года, у них возникает желание сделать запись нового альбома, и «стряхнувший» с себя действие медикаментов и наконец пришедший в себя после «психушки» Цой приступает к работе над «Начальником Камчатки», который записывается в студии Андрея Тропилло с помощью «Аквариума» и приглашенных музыкантов. Именно Андрей Тропилло сохранил фонограмму «Начальника Камчатки», примерно сто минут студийной записи.

Марьяна Цой:

«Однако Витя буквально задыхался от обилия незаписанного материала, и это заставило его задать Титу вопрос. Тит отнесся благосклонно. Боб начал переговоры с Тропилло, у которого был записан альбом "45". Тропилло тоже не возражал. Запись заняла, если мне не изменяет память, не больше трех недель».

Юрий Каспарян:

«Когда Витя лежал в "дурке", он обещал, что скоро будут басист и барабанщик, все будет хорошо. Все и вправду получилось неплохо – Саша Титов, его безладовый бас... Он был самым опытным музыкантом из всех нас. Витя прислушивался к его мнению. По возрасту он, конечно, не вписывался, но в остальном все было нормально, играли, ходили, помню, в одинаковых плащах...»

Галина Ординова, участница группы «Колибри»:

«Понятно, что сегодня музыканты группы "КИНО" вряд ли расскажут, как они восходили на музыкальный Олимп, о том, как вершилась судьба группы на кухне у Гребенщикова... Ведь был же еще Титов, которого откомандировали в группу поднять ее музыкальный уровень...»

Александр Титов:

«Летом восемьдесят третьего года на Выборгском фестивале мы встретились с Гребенщиковым и он пригласил меня играть в "Аквариуме". Я стал часто бывать у него дома, туда же приходил и Витька. Я тогда был новичком в их компании и плохо еще разбирался в том, кто чем занимается. Правда, многих я знал с детства – в свое время мы вместе хипповали, была у нас такая тусовка. А Витька мне был совсем не знаком. Уже позже, где-то поздней осенью, я впервые услышал "45". Альбом, конечно, был раньше записан, но, видимо, все время мимо

меня ходил. Некоторые вещи из него очень хороши, да и весь альбом совершенно уникален по атмосфере. После этого мы с Витькой стали общаться гораздо больше...

Но изначально познакомил нас Борис, поскольку Витя приходил к Борьке постоянно в гости и мы постоянно пересекались там. Однако творческое сотрудничество у нас началось только в конце 83-го – начале 84-го года. Он играл один, с Рыбой вдвоем, у них были трудности с коллективом. Первый альбом "45" группы "КИНО" был записан у Тропилло, практически всеми нами вместе вперемешку.

Однако когда встал вопрос о записи следующего материала, того, что стало потом альбомом "Начальник Камчатки", – здесь он решил, что нужен состав. Чуть раньше появился Юрий Каспарян. Тогда же он предложил мне стать членом группы и играть. Барабанщика у нас сначала не было, и на барабанах играл кто угодно. Играл Сева Гаккель – виолончелист. Я играл в песне "Транквилизатор". Кто был в студии, кто мог это дело выдержать, – тот и делал. И только уже к концу записи "Начальника Камчатки" появился Георгий Гурьянов, Густав, он сыграл, по-моему, на единственной песне в альбоме.

Я сразу почувствовал, что это интересный проект. Во-первых, в плане песен. В песнях было что-то странное. Может быть, ощущение того, что он очень любил Брюса Ли. Он очень любил карате, кунг-фу. Наверное, отчасти по крови, а отчасти, скорее всего, из-за того, что у него менталитет героя был всегда.

Мне понравился привкус чего-то непохожего и очень мощного. И второе, что мне очень показалось привлекательным, – это то, что в этой группе никогда никто мне не говорил, что мне играть, мне была дана полная свобода, полный карт-бланш. Приветствовался любой мой эксперимент, любая странность, которую я мог туда привнести».

Вот что говорил сам **Виктор Цой** о записи нового альбома в интервью журналу «Рокси»:

«Будет больше инструментала. Наверно, и сами песни уже другие. Может быть, не такая конкретность текста... Может быть, я сам стал серьезнее, профессиональнее, трудно сказать».

Несмотря на то что постоянного состава группы по-прежнему не было, альбом был записан довольно быстро, буквально за 2–3 недели.

Это странное место Камчатка,
Это сладкое слово Камчатка.

Но на этой земле я не вижу тебя,
Я не вижу твоих кораблей,
Я не вижу реки, я не вижу моста,
Ну и пусть...

Юрий Каспарян:

«Если говорить о "Начальнике Камчатки", то материал был готов процентов... ну, если считать, что песня уже есть и должна быть аранжировка, то песня была готова процентов от 20 до 48, например».

Александр Титов:

«В студии творился полный бардак, и весь альбом записывался спонтанно. Это был интуитивный подход, абсолютно без репетиций. Материал делался так: мы приходили на студию, и там Цой показывал вещи. И мы прямо в студии пробовали все слепить. Я свои партии придумывал на ходу, часто ориентируясь на барабанщика, который с нами сегодня играет. Гурьянов

пришел в ” КИНО“ в 1984-м, когда мы ”Начальника Камчатки“ записывали. Он там на паре песен играет, на ”Транквилизаторе“ я играю на шейкерах и барабанах... Даже Севка Гаккель – на одной песне, какой – уже и не вспомню».

На барабанах стучали все кому не лень – Гаккель (ударные в композиции «Генерал») и Титов (малый барабан в «Транквилизаторе»), Губерман и некий безымянный ударник, фамилию которого, похоже, сегодня уже не вспомнит никто. В песнях «Троллейбус» и «Каждую ночь» на барабанах играл Петр Трощенко из «Аквариума». Впрочем, драм-машине (которую программировал БГ) также нашли место. К концу записи «нарисовался» будущий штатный барабанщик «КИНО» Георгий Гурьянов, однако ему осталась лишь роль перкуссиониста в финальной песне альбома «Прогулка романтика».

Всеволод Гаккель:

«На альбоме ”Начальник Камчатки“ написано, что я играю на барабанах. ”Начальник Камчатки“ – это было вообще случайное соучастие, обусловленное совместным времяпрепровождением. Не было никакой сверхзадачи. Все было сиюминутным: ”Может, сыграешь?” Нужно было просто сесть и тупо бить в бочку и на офф-бит попадать по малому барабану. Что я как-то элементарно и сделал. Так я сыграл на барабанах в ”КИНО“, чем могу гордиться, потому что группа ”КИНО“ мною уважаема, любима. Но, конечно, это анекдот. На момент записи песни ”Генерал“ в студии не оказалось ни одного барабанщика, и меня просто заставили тупо бить в бочку и малый барабан. И я в колоссальном напряжении, боясь слететь даже с этого прямого ритма, еле его отстучал. Потом этот звук барабанов обработали каким-то ужасным образом. Но для истории получилось так, что я был одним из барабанщиков группы ”КИНО“ (смеется).

Но драм-машина на этом альбоме не доминирует и нет лязгающей гитары. Правда, меня раздражает попискивание игрушечного Casio. И хотя группа еще не обрела тогда своего звука, все-таки общая картина здесь лучше, и альбом вполне приемлемый. Но, пожалуй, полноценно звучит только песня ”Троллейбус“, где на барабанах играет Петя Трощенко. А больше всего я люблю те записи ”КИНО“, которые были сделаны у Вишни...»

Алексей Вишня:

«На ”Начальнике Камчатки“ запись у Тропилло получилась несколько глуховатой: сказывалась изношенность старых магнитофонов ”Тембр“, принадлежавших Дому юного техника еще с незапамятных времен».

Андрей Тропилло:

«Борис постоянно советовал Вите в студии, что да как делать, музыканты ”Аквариума“ участвовали в записи альбомов ”КИНО“. БГ даже выступил саунд-продюсером ”Начальника Камчатки“. Мы вложили в Витю много сил и энергии, но все равно нашей любви и заботы для счастья Цоя явно не хватало. Он мечтал об огромной аудитории, о стадионах, чтобы его обожали миллионы...»

«Начальник Камчатки» стал первым электрическим альбомом группы «КИНО». Мнения насчет него разделились. Подпольная рок-пресса посчитала его «несколько занудным», но в то же время констатировала наличие в альбоме пяти несомненных хитов.

По мнению самого Цоя, «он (альбом) не получился таким, каким бы мы его хотели видеть по звуку и стилевой направленности, но с точки зрения эксперимента это выглядело интересно».

Юрий Каспарян:

«"Начальник" – эксперимент... Я бы не сказал, что это вне поп-музыки, но ориентировка была на западные вещи. С ориентацией на мировой культурный процесс, скажем так».

По мнению же **Вишни:**

«Если бы не записали у меня альбом "46", Тропилло бы не услышал убогость материала заранее и не нагнал бы на перепись этих песен (в "Начальник Камчатки") Бутмана, Губермана, Курёхина и еще черта в ступе. Он вообще не стал бы его записывать, ибо не нравился он особо Тропилло. Когда я сказал Андрею, что в восторге от "КИНО", он посмеялся надо мной: "Ну и нормально – ты же любишь АВБА – будешь писать "КИНО"».

Алексей Рыбин:

«После наивных "Сорока шести" с нестроящими гитарами и отсутствием дублей при записи, вследствие чего слышны к концу альбома усталость в голосе певца и полнейший нестроевич, на "Начальнике" все выверено, даже бэк-вокал Каспаряна звучит правильным аккордом. Сохранилась еще Витькина бесшабашность в совокупности с внутренним ощущением звездности своей и всех окружающих его музыкантов – БГ, Курёхин, Бутман, Гаккель, Троценков, Тит. Кто же еще, если не они, – тот самый "первый эшелон", попасть в который Витька всегда стремился. И эта бесшабашность и звездность, помноженная на большой уже концертный опыт и личный опыт сотрудничающих с ним музыкантов, дали отличный результат».

Юрий Каспарян:

«В "Начальнике Камчатки" много приглашенных музыкантов было: Троценков, Гребенщиков и Фанштейн, Бутман, Курёхин, Губерман руку приложил. Это даже не было чистым экспериментом. Просто было студийное время, надо было его как-то использовать, ну и материал был. Тогда еще не было Георгия, Титов с нами сотрудничал...»

Несомненно, записью альбома «Начальник Камчатки» группа «КИНО» сделала очень важный шаг в сторону будущей популярности.

В № 10 самиздатовского рок-журнала «Рокси» за 1985 год **Виктор Цой** скажет:

«Одно время мне "Начальник" очень не нравился. Очень вялый по звучанию альбом. Но любопытно, что сейчас, по прошествии более года, я замечаю, что такой звук – атмосфера занудства – входит в моду».

Почти то же **Цой** повторит в 1989 году в одном из своих интервью:

«"Начальник Камчатки" был электрическим и несколько экспериментальным в области звука и формы. Не могу сказать, что он получился таким, каким мы его хотели видеть по звуку, стилевой направленности, но с точки зрения эксперимента это интересно».

Борис Гребенщиков:

«В таком же смешанном составе, как и на "45", записали "Начальника Камчатки", причем я продюсировал не больше половины альбома, так как меня в это время стало вести в совершенно другую сторону. Я очень хотел его сделать, но закончили альбом без меня. Там и Сережка Курёхин каким-то образом принял участие, и ударники разные были, даже Петька Троценков приложил руку к барабану. Густав появился в самом конце, как раз на этом самом "Новом романтике". Витькина натура требовала, чтобы дальше все это развивалось в сторону уже большого рок-н-ролла, а мне хотелось это видеть в таком безупречном, точеном, полуакустическом виде. Но тут уже хотелось не хотелось, а права голоса я, по счастью, не имел. Я сам

себе в нем отказал, потому что навязывать людям то, что не в их природе, наверное, не надо. Я, по-моему, старался не навязывать».

Как уже было отмечено выше, в ходе записи альбома «Начальник Камчатки» у группы «КИНО» действительно появился штатный барабанщик – Георгий Гурьянов.

Георгий Гурьянов:

«Я тогда играл в группе "АУ", в которой Витя тоже когда-то играл. Я был одержим идеей создания группы, рок, поп, арт и так далее...

А Цоя я впервые услышал летом 1982 года. Дома, на бобине. Это был только что вышедший альбом "Сорок пять". Меня очень раздражал звук, ПТУ все это... Но вот строчки песен были далеко не однозначны. Тексты захватили меня, и захотелось познакомиться с автором поближе. Заочно мы уже были знакомы, среда-то общая.

Вообще странно, что мы раньше с ним не пересеклись. Ведь мы учились в одном художественном заведении, и я много о нем слышал. Короче, в какой-то момент я для себя решил, что должен непременно познакомиться с этим парнем.

Так и получилось. У меня был друг, Осел, который не то чтобы играл в "АУ", но был просто лучшим другом Свины. Роскошный такой панк... И мы с ним были неразлучниками. И вот однажды в метро, на станции "Василеостровская", уже не помню, что мы там делали, встретили Виктора. Так мы и познакомились. А вот вместе работать, играть мы стали позже, года примерно через два. До того просто пересекались время от времени в каких-то общих компаниях, присматривались друг к другу. Ездили в Москву не раз вместе... Хотя подружился мы с Цоем не сразу. Сначала он меня абсолютно очаровал песней "Транквилизатор" – впечатлениями от дурдома, где Цой успешно косил от армии. Сама идея молодого человека, который готов пойти в дурдом ради того, чтобы не попасть в армию, уже мне кажется выражением крайнего романтизма...

Я уже рассказывал, наверное, как я перебежал из группы "АУ" в группу "КИНО". Когда мы поехали с группой "АУ" на гастроли к Артемию Троицкому в Москву, все нажрались и начался ужас какой-то... Поэтому когда я встретил Витю на станции метро "Купчино", то набрался смелости, подошел к нему и сделал предложение. Конкретное предложение. Он меня выслушал молча, а потом позвонил через несколько дней. Так мы стали работать вместе. Я познакомился с Каспаряном, которого нашел Цой. Он великолепный музыкант: замечательно играет на гитаре, на пианино может сыграть, компьютер запрограммировать. Все что угодно может. У нас не было только бас-гитариста, и мы пользовались аквариумским. Но когда группа "КИНО" стала конкурировать с "Аквариумом", Гребенщиков забрал своего басиста обратно».

Антон Галин:

«Тогда вся основная возня была возле Свины, был такой персонаж, я с ним больше всего времени проводил. Цой там периодически появлялся, конечно, они там все в Купчине жили, а я приезжал к ним в гости, там тусовался. С Цоем я Гурьянова и познакомил. Он почему-то всегда об этом помнил и говорил всегда, что это именно я. Наверное, я. Честно говоря, не помню момента. Возможно... То ли мы вместе к Цою пришли, то ли я Цоя к нему привел... Совершенно вот не помню...»

Как вспоминала впоследствии Марьяна Цой, Георгий уже тогда был знаком с Цоем, пересекался с ним на тусовках, бывал на концертах (например, на концертах в Рок-клубе в 1982–1983 годах, на концерте в 30-й московской спецшколе в 1984 году) и даже ездил вместе с Виктором и Марьяной в Москву, но просто так получалось, что они ни разу не работали вместе. И вот наконец Георгий оказался на пустующем месте барабанщика «КИНО», которое и занимал до 1990 года. Некоторое время Георгий, уже будучи в составе «КИНО», помогал Федору

«Бегемоту» Лаврову и группе «Народное ополчение», но долго это не продлилось, Георгий просто не мог позволить себе играть в нескольких коллективах сразу. Он всецело посвятил себя одному проекту – «КИНО», хоть и помогал периодически некоторым коллективам, например «Играм».

Вот что вспоминал **Федор Лавров**, в группе которого Георгий Гурьянов играл после того, как ушел из «АУ»:

«Густав пришел записывать "Новогодье" в 1985-м, в ночь с 1984 на 1985-й мы еще записывались без него, на бариках играла Активная, я, Волосатого (Бучина) не было. Это была первая запись с Мотей. А потом Алекс привел Густава. И мы записали почти весь альбом с ним. Он точно пришел от "АУ". Его оттуда Алекс и узнал. А про "КИНО" не знаю. Он поиграл с нами, ему типа все в кайф было. Но потом он стал решать с Цоем. А Волосатый все просился и обижался, в общем, мы с ним уже дописали альбом и издали только к весне или даже к лету. И тогда же мне Густав сказал, что у него с "КИНО" все серьезно, и он не может играть в множестве проектов. "КИНО", конечно, играли не панк, не рок даже поначалу. Но текст про алюминиевые огурцы был смешной. Мы ржали и перепевали его. Вначале странно выглядел Леша Рыбин, когда он вылезал из холодильника на сцене и кидал в зал красный платок. Когда же Густав пришел в "КИНО", они стали играть эту угрюмую музыку с баритональным голосом а-ля готик-рок. И Кинчев был такой же. В общем, это не та музыка, от которой я когда-либо фанател...»

Из интервью **Георгия Гурьянова**:

– А почему альбом так странно называется? С «Камчаткой» – ясно. А при чем здесь «начальник»?

– Мы думали, как назвать альбом. Ну «КИНО»... Какое кино? Наш гений метафор Олег Котельников сразу придумал десяток названий, у него как-то сразу все это складывается. Ну вот он и выдал: «Начальник Камчатки». «Начальник Чукотки» – был такой советский фильм про молодого человека, которого послали на Чукотку бороться против капиталистов. Но при чем здесь Чукотка? Песня ведь «Камчатка». Просто возникла ассоциация с этим фильмом. И получилось, по-моему, здорово.

В конце мая 1984 года в Ленинграде был запланирован 2-й фестиваль ленинградского Рок-клуба.

И вот – «КИНО» уже в полном составе, который, как вспоминала Марьяна, «два года Вите снился», рванули на предфестивальное прослушивание. Группу вставили в график и, явившись в назначенный день в Рок-клуб, они отыграли перед отборочным жюри короткую программу.

Из-за хронической нехватки времени и слабой подготовки группа почти не удостоилась внимания отборочной комиссии, и в выступлении «КИНО» было отказано.

По словам Марьяны Цой, Виктор, и так молчаливый, на два дня вообще потерял дар речи. Удалось поднять все возможные связи, и благодаря усилиям некоторых подвижников, которые, кстати, не входили в отборочное жюри, но оказались дальновиднее, – ценой участия Гребенщикова и звонка Троицкого из Москвы – «КИНО» на фестиваль все-таки прорвалось.

Александр Титов:

«Помню, мы с только что взятым в группу Густавом (Георгием Гурьяновым) репетировали сет для участия в фестивале Рок-клуба, который должен был состояться по весне. Было это все, кажется, зимой 84-го. Нам тогда казалось, что звучали мы в целом очень вдохновляюще. Это был тот момент, когда группа в первый раз зазвучала так, как она будет уже звучать

до конца... Мы летали от счастья. И вот мы сходили в Рок-клуб и подали заявку на участие в фестивале. Нам не поверили, что мы готовы выступить на таком важном мероприятии, и назначили прослушивание. В определенный день худсовет Рок-клуба приехал к нам на точку, и мы сыграли им наш сет, после чего они нам формально отказали в участии в фестивале Рок-клуба! Мол, недостаточно сильный исполнительский уровень... Спасибо Борьке (Гребенцову), который вступился за нас, пошел в Рок-клуб и устроил там скандал. После долгих переговоров нам все-таки разрешили выступить в виде эксперимента и под личную ответственность Наташи Веселовой...

Сергей Фирсов:

«Что-то ходили долго, все думали... Я, помню, поймал в Рок-клубе БГ, говорю ему – вы что, с ума, мол, сошли "КИНО" не брать... А он: "Да я не знаю... Я – за, а вот остальные что-то не хотят". И так я со многими разговаривал. Потом "КИНО", конечно, взяли на фестиваль».

Но, как оказалось, – пробиться на мероприятие было мало. Фестиваль имел некий патриотический девиз, связанный с борьбой за мир, поэтому всем группам было предложено спеть по одной песне, написанной кем-нибудь из советских композиторов и связанной с этим девизом. Цой решительно отказался петь песни «совковых сочинителей» и специально для выступления написал «Безъядерную зону». Здесь имел место прямой расчет: кто мог сказать, что Виктор Цой – не советский композитор? Выступление группы «КИНО», поразившее жюри, поставили последним на фестивале, и именно этой песней 18 мая 1984 года Цой открыл 2-й фестиваль Ленинградского Рок-клуба. Сам фестиваль длился три дня. Разумеется, за три дня зрители устали, и было довольно сложно заставить их встряхнуться. К тому же «КИНО» больше года совершенно не выходили на сцену полным составом. Цой играл акустику несколько раз на квартирах или в малюсеньких залах, сидя на стуле. И все же он заставил себя слушать! Песня «Безъядерная зона» была признана лучшей антивоенной песней фестиваля. Питерская рок-публика была потрясена. С этого фестиваля и начался звездный путь Цоя.

В этом мотиве есть какая-то фальшь,
Но где найти тех, что услышит ее?
Подросткий ребенок, воспитанный жизнью за шкафом,
Теперь ты видишь солнце, возьми – это твое!
Я объявляю свой дом
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой двор
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой город
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой...

Журнал «Рокси» в то время писал: «Уместно будет к открытиям фестиваля отнести и "КИНО". Их теперешний триумф подготовлен долгой работой, ходящими по рукам студийными записями и фактом существования Цоя, от которого нельзя было рано или поздно не ожидать чего-нибудь в этом роде... Прически коллег Цоя, песня "Прогулка романтика" и многое другое позволяют уловить несомненную близость "КИНО" к новейшим школам».

Александр Титов:

«Мы сознавали, что нас может спасти только чудо, которое надо было сотворить. И нам это удалось, потому что концерт был очень мощный, кайфный. Я помню лица людей. Звук был полное г...но, как всегда. Я помню, что я был просто в истерике позитивной, потому что вдруг

в какой-то момент почувствовал, насколько это важно и мощно. И необычно. На черно-белых фотографиях с того концерта видно, какие у нас у всех квадратные глаза, как нам это все круто было. Это был фурор. Концерт этот был взрывом! Мы были отмечены как главное открытие 1984 года. И далее понятно...»

Алексей Рыбин:

«"Начальник" – мой любимый альбом "КИНО", единственный, наверно, слушая который я жалею, что не играл тогда уже вместе с Витькой. Это такой чистый, крутой и смелый эксперимент, равного которому в так называемом русском роке тогда не было. Может быть, и сейчас нет. Один из немногих альбомов, в котором можно не делать скидку на русскую нищету: мол, вот если бы здесь другую гитару, да другие обработки, да хорошие барабаны, вот тогда бы... Ничего подобного здесь нет. "Начальник" – отчаянно смелая запись. Тропилло здесь, конечно, тоже проявил себя. А один набор музыкантов чего стоит – Бутман, Курёхин, Титов и другие..."

Гроза за окном, гроза с той стороны окна,
Горят фонари и причудливы тени,
Я смотрю в ночь, я вижу, что ночь темна,
Но это не станет помехой прогулке романтика.

Нина Барановская, администратор Рок-клуба:

«Всерьез я к Цою стала относиться только после "Начальника Камчатки". Меня очень удивил этот альбом, особенно то, что его сделал очень молодой человек. Я до сих пор считаю, что это самый петербургский альбом в истории нашей отечественной рок-музыки. И никто, наверное, меня в этом никогда не разубедит».

Всеволод Гаккель:

«Мне очень нравилось, как играл Рыба, но только с приходом Юрия Каспаряна и Густава, когда группа отказалась от помощи старших товарищей, появилась законченность... Вот как, например, звучание группы Pink Floyd, как мы ее знаем после Dark Side of the Moon, окончательно сформировала гитара Дэвида Гилмора. И, только среагировав на это звучание, мы обратили внимание на первые альбомы с Сидом Барреттом».

Павел Кондратенко, музыкант группы «Алиса»:

«Это было до Кости. Был отборочный тур в Рок-клубе, потому что команд было много, а места – мало. Три дня всего фестиваль шел и, естественно, брали только лучших. Были монстры: "Аквариум", "Россияне", "Мифы" и так далее, а молодняк каждый год, надо отдать должное, отбирали из команд перспективных. Мы не знали вообще, хоть и жили в одном городе (Славка знал, он везде тусил, а мы не знали), что есть такая группа "КИНО". У нас была точка, мы ее так нормально отделали, и у нас был аппарат более-менее не плохой на тот момент. Мы на нем репетировали. Это 1984 год. На нашей точке решили сделать отборочный тур. Команды, которые должны выйти в финал, заранее уже были известны. Приехал президент Рок-клуба Коля Михайлов, говорит: "Попадете вы, и еще одна группа приедет – "КИНО". Что за "КИНО"? Смотрю такой, бежит ошалевший Шатл, кричит: "К нам какие-то люди пришли, модные такие, в длинных пальто. И во главе пришел Кола Бельды". <...> Пальто длинные такие, модные, пошитые в каком-то ателье, как на мафиози, очень похожие. У нас места нет, мы им говорим: «Повесьте пальто на кресла, на подлокотники». Они сыграли "Троллейбус", нам они понравились.

Мы последние должны играть. А мы-то должны удивить, у нас не музыка самое главное, а танец. У нас девиз был: "Главное – не музыка. Главное – танец". И мы думаем, а как? Во-первых, экстравагантная одежда. Лично у меня (я ногу сломал) одна нога была в гипсе, из которого выходили штаны клетчатые. Типа английского флага. Шотландка. Был фрак. А сверху почему-то вместо бейсболки была консервная банка "Кильки балтийские" и проволока. Боря-художник пел, у него такие уши были, колыхались. А у Шатла был такой нос, в противогазе, еще какая-то носопыра приделана из-под противогаза, и у него была то ли бурятская, то ли турецкая мандула: палка, палка, два струна. Он ее полоскал. То на гитаре сыграет, то на этой. В общем, та еще команда по одеянию была. И объявляют: "А сейчас группа 'Алиса' выйдет!" Все сидят, а мы по спинкам кресел сзади подбежали. По ходу попались пальто группы "КИНО", пробежались по пальто. Мы выскакиваем: уши шевелятся, килька бьется, носы сверкают. Все нормально. Такие пижоны. Встают демонстративно 4 человека и 25 минут чистят пальто. Свои пальто чистят. Это группа "КИНО" чистила пальто на выступлении группы "Алиса". Ну, закончили. Все нормально. Объявляют: "На фестиваль вышли 'КИНО' и 'Алиса', все остальные – домой". Все проиграли, две команды выиграли. Мы такие: "Ну, чего, надо отметить?" Они: "Мы вообще не пьем, но сегодня можно 100 грамм"... – "Вы извините, что мы вам пальто..." Они: "Не важно. Нормально. Вы же делали шоу. Это наши пальто попались вам во время вашего шоу. Мы неправильно их повесили". Познакомились так».

Дмитрий Левковский:

«Вот как раз тогда Цой поставил простую и ясную цель перед коллективом – стать самой модной группой СССР. Именно модной, эта тема тогда постоянно муссировалась. "КИНО" стало тогда группой модников-авангардистов благодаря Густаву».

Александр Сенин, музыкант группы «Кофе»:

«Я думаю, что Гурьянов был именно тем, кто идеологически сделал группу "КИНО". Ну и заслуги Марьяны Цой здесь бесспорны...»

«НОЧЬ»

26 мая 1984 года состоялся совместный концерт групп «КИНО» и «Аквариум» в ДК профсоюза работников пищевой промышленности (ДК пищевиков).

Юрий Каспарян:

«Концерт в ДК Пищевиков... Концерты бывали и часто отменялись: там комсомольцы рулили делом. А на территории ДК стоял такой большой памятник Ленину. Такой... несколько шире, чем обычно. И Витя, помню, всегда шутил: «Крепкий такой... пишевичок...»

Помню, как-то, кажется, в 1984 году, на мой день рождения мы выпили и пошли гулять, хотели куда-то на вечеринку попасть. И вот, значит, мы выходим за дом, идем, а там футбольное поле. Георгий, поскольку у него дома всегда были гантели, турники и прочие спортивные снаряды, решает показать нам с Цоем класс. Подходит к стоящим на поле футбольным воротам и, подпрыгнув, повисает на них. С усилиями подтягивается несколько раз, делает подъем-переворот, и тут ворота предательски начинают крениться. Георгий не успевает отпустить руки и со всего маху падает лицом в землю. Он был сильно травмирован, и когда мы с Виктором вели его домой, нас даже забрали в милицию, подумав, что мы его избили...»

Вспоминает **Александр Бойко, фотограф, художник:**

«Однажды, весной 1984 года, Тимур Новиков предложил мне пофоткать музыкантов "КИНО"... Мы встретились в доме народного творчества на Рубинштейна, но там поснимать

нам не разрешили, и пришлось остановиться у Инженерного замка. Тимур тут же за кадром был. Это была чуть ли не первая фотосессия "КИНО", мы сделали тогда много фотографий. Правда, там нет еще отработанных поз... Давно это было. Они не знали еще, как позировать, я не знал еще, как фотографировать. Первая съемка, знакомство...

Фото пленки с кадрами фотосессии, о которой вспоминает Александр, впоследствии были утеряны в Рок-клубе, куда Александр передал их по просьбе кого-то из руководства. Но недавно выяснилось, что небольшая часть негативов была совершенно случайно найдена Светланой Лосевой и сохранена. Вторая часть фотоархива Александра была незаконно изъята сотрудниками КГБ при обыске в его квартире и после нанесения на фото первичной оперативной информации впоследствии использовалась ими как компромат на музыкантов Рок-клуба.

Совсем недавно бывшие сотрудники 5-й Службы УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, на плечах которых некогда лежал тяжкий груз ответственности за «контрразведывательную работу по борьбе с идеологическими диверсиями», любезно передали журналистам «Фонтанки» свой немаленький служебный рок-н-рольный фотоархив – вторую часть бывшего фотоархива Александра Бойко, действуя по принципу: «Тогда это было нужно кому-то одному – теперь, видимо, нужно всем»...

Александр Бойко:

«Бесценный дар порвавших с прошлым... Хотел бы я посмотреть этим тварям в глаза. Они забрали 99 % моих фоток. Весь мой архив негативов и фотографий гэбэшники прихватили, а меня упекли по 224-й... С тех пор никаких следов, дело подсудное, украли все негативы, менты нагло использовали мои фото, делая на них пометки. А теперь, за ненадобностью, благородно слили».

Пару кадров из тех фотосессий вы, дорогие читатели, можете увидеть на страницах этой книги...

После 2-го фестиваля Ленинградского Рок-клуба Цой, ободренный успехом, увольняется с работы и, без сожаления расставшись с детской деревянной скульптурой, отправляется с Марьяной и друзьями на мини-фестиваль к Липницкому в подмосковный поселок Николина Гора.

Это был дачный кооператив, где жили известные ученые, музыканты, артисты, кинорежиссеры. Там же, на Москве-реке, был и небольшой дипломатический пляж, а рядом дача Александра Липницкого, на веранде которой он время от времени, к ужасу и неудовольствию некоторых именитых соседей, устраивал концерты «КИНО», «Аквариума», «Центра» и других ленинградских и московских групп. На втором этаже дачи была расположена домашняя студия, в оборудовании которой Липницкому помогала Стингрей.

Павел Пивоваров, тусовщик:

«Моя лучшая встреча с Цоем была такая... Фестиваль молодежи и студентов в 1985 году был в Москве, значит, это было в 1984. В фестивальное лето нам бы на траве спать не дали, и мы, скорее всего, не пиво бы ночью пили, а джинсы меняли на матрешек. Так что в 1984-м, точно.

В начале 80-х на площади Ногина в Москве тусовались скейтеры, "утюги", хиппи, просто молодежь модная. И тусовались практически круглосуточно: там до двух ночи работала пельменная для таксистов. Мы с моим приятелем тусовались всю ночь: лето, тепло! И прибились к стайке хиппи. А мы были тогда известные центровые "утюги", мажоры по-питерски. И к нам на огонек пришел Виктор, с гитарой! Он приезжал на квартирник, на улице Чернышевского

(Маросейка), квартирник обломался. Билет у него был на утро – и вот мы всю ночь сидели на лавочках, он спел "Восьмиклассницу". Мы так запали на эту песню, что он ее на бис раз пять исполнил! Мы купили пива, у нас Marlboro еще американские были, все угощались. Чудная ночь была. Хотели Витю до вокзала проводить, но сморились и прямо на Ногина, на газоне, спать завалились...

Я знал Айзеншписа неплохо, Наташу Медведовскую, Стаса Шиканова, Олега Соколова. Они все работали потом с "КИНО". Я был на многих Витиных концертах. Премьера "АССЫ" в ДК МЭЛЗ, "Крылья Советов", "Лужники". В МЭЛЗе даже подпевал "уууу, транквилизатор" в микрофон...

А потом, в 1991 году, я уже жил в Нью-Йорке. И все как-то не очень складывалось. Друзья московские домой звали. Известный фотограф и художник Игорь "Глюк" Вишняков в гости позвал и поставил "Черный Альбом": "И я вернусь домой... / Со щитом или на щите... / Но как можно скорей". Я прям расплакался тогда!!! И недели через две вернулся в Москву. А через пару месяцев Союз развалился...

По возвращении из Москвы Цой с Марьяной отправились в Крым «зайцами» с помощью знакомого, Сергея Фирсова, работавшего тогда проводником вагона Ленинград – Феодосия.

Сергей Фирсов:

«Я ездил тогда на поезде Ленинград – Адлер, через Крым. Было две прицепки, из которых одна оставалась в Керчи, а вторая в Феодосии. Никто не хотел ездить на прицепках, потому что там денег не было. Ты стоишь и ничего не зарабатываешь... Так ты едешь – чаем поишь и так далее, а я зато сутки просто лежал на пляже во время работы. Пока поезд ехал туда и обратно – я садился на первый попавшийся катер и ехал в Коктебель, все там знал. Поэтому, собственно, и возил туда Цоя и Марьяну...

Гурьянов тоже с ними ездил. Он был классный парень... Сначала он загорел, потом подстригся наголо и стал похож на уголовника – красная морда и абсолютно белая лысина. Он ходил в кепках всевозможных, и его менты винтили на каждом шагу... А мы с Цоем тефтели в столовых крали, да...

Поскольку денег катастрофически не хватало, поездка в Крым, по словам Марьяны Цой, была по своему безрассудству особенно выдающейся. Приходилось убегать от хозяев, требующих плату за проживание, собирать бутылки на пляже, питаться мидиями, красть тефтели в столовой и многое другое. Обо всех этих приключениях можно узнать из воспоминаний участников той поездки.

Георгий Гурьянов:

«Я прекрасно помню эту поездку. Витя и Марьяна поехали в Коктебель, а я отдыхал в Гурзуфе и потом поехал к ним. Там было ужасно. Ну, Коктебель – вообще чудовищное место, какое-то комариное гнездо. Я уговорил их перебраться в Гурзуф. Марьяна все время бухтела, что тут неудобно, дорого, все не то и все не так. С ними еще был саксофонист, друг Курёхина, Владимир Болучевский, так вот они на Чеховском пляже ныряли и собирали бутылки со дна моря, причем в таких количествах, что можно было покупать вино и развлекаться. А тефтели в столовых крали, да... Конечно, Советский Союз в полной красе... Мне нравилось очень в Гурзуфе. Я там не был очень давно...»

Владимир Болучевский, музыкант, знакомый Виктора Цоя:

«Утром мы с Цоем вставали пораньше, ходили по аллее вдоль набережной и собирали бутылки. На вырученные деньги мы покупали хлеб, молоко, банку консервов и шли кормить

наших девчонок. А еще ныряли на Чеховском пляже, наполняли кошелку мидиями, потом жарили их и ели...»

Валерий Алахов сохранил фотографию, которую можно увидеть в этой книге, – веселая компания: Игорь Веричев, Валерий Алахов, Диана Сюч (Фирсова), Виктор и Марьяна Цой, Игорь Бушланов, Ника Богданова и Владимир Арбузов стоят на набережной, а за их спинами отчетливо видны Аю-Даг и Адалары...

Валерий Алахов, музыкант группы «Новые композиторы»:

«Я тогда работал все лето в санатории в Гурзуфе... Летом приезжали друзья отдохнуть, собирались в компании по интересам... И с Виктором и Марьяной мы тоже познакомились в Гурзуфе, с подачи Густава. Но мы не общались толком ни с Цоем, ни с Марьяной: только здоровались и приветствовали друг друга... А фото сделал мой друг Лева (фамилию не помню) – фотограф Артека. Лео был наш друг, помню, что он тоже переехал тогда жить из Москвы в Крым и работал тогда в Артеке с 70-х... Он был профи. У меня есть его съемки – пленки-слайды 60 × 60 мм с нашими походами по Крыму. К сожалению, не везде Цой в кадре, но другие участники группы "КИНО" и "НК" есть...»

По возвращении из Крыма отдохнувший Цой стал подыскивать новую работу, в идеале мечтая устроиться кочегаром в котельную.

Еще в марте 1984 года в Ленинград приехала американка Джоанна Стингрей – молодая певица, которая впоследствии сыграла огромную роль в деле популяризации русского рока на Западе. Поскольку Джоанну интересовало абсолютно все, что касалось русского рока, она через Бориса Гребенщикова и Сергея Бугаева познакомилась и с группой «КИНО». Джоанна активно помогала многим рок-музыкантам. Благодаря и ее усилиям группа «КИНО» вскоре становится самой модной группой Ленинграда.

Джоанна Стингрей, певица:

«Впервые я приехала в Советский Союз в марте 1984 года, на одну неделю, но встрети-лась с Виктором и "КИНО" только во время второй поездки, тоже в 1984 году. Борис Гребен-щиков пригласил меня на фестиваль в Рок-клуб. Он сказал мне не говорить по-английски, и тогда он покажет мне своих друзей. Я помню "КИНО", вышедшее на сцену: четверо высо-ких, стильных ребят просто приковали мое внимание. Мне нравилось то, как группа выгля-дела, очень понравилась подача, как Виктор двигался во время исполнения песен, и хотя я не понимала многие слова, я подпевала. Песни и слова были очень запоминающиеся. Виктор был невероятно динамичный исполнитель. Трудно было не смотреть на него, его движения каза-лись естественными: он был сильный и сексуальный одновременно. После концерта и после того, как я была допрошена в КГБ, в конце концов я пришла на вечеринку, чтобы встретиться с Борисом, и когда я попала на это пати, Борис познакомил меня с другими гостями.

Следующее, что я помню: я была прямо перед Виктором и Юрием. Я сказала им, что мне понравилось то, как они играют, и они сказали "спасибо". Некоторое время мы разговари-вали (Юрий толком не говорил, поскольку не понимал английского языка), поэтому в основ-ном разговор был между Виктором и мной, и Виктор переводил его смысл для Юрия. Мне показалось очень интересным то, что при первом разговоре этот парень, которого я только что видела на сцене и характер которого казался, может быть, даже агрессивным, был не Виктор. При общении он был милый, забавный и даже немного застенчивый. Я сразу же нашла с ним контакт. Он казался очень реальным, не пытался вести себя так, как rock n' roller, или как-то прохладно. С ним было здорово, и излишне говорить, что с самой первой встречи мы стали очень близкими друзьями».

Дженни Яснец:

«Я ходила на концерты "КИНО" в основном в Рок-клуб. Было очень круто, ведь Цой как бы противостоял советской власти, зал просто взрывался от восторга... Когда мы ходили на концерты, мы действительно от маминых туфель отрезали каблуки. Это было. Действительно, 10 часов вечера – это реальная цифра, когда мне нужно было быть дома. И я всегда приезжала позже – к одиннадцати, к двенадцати. И у меня всегда были скандалы с родителями по этому поводу... Я просто обожаю его песни. Он приходил ко мне на день рождения вместе со своей женой Марьяной, у него тогда только родился ребенок. Иногда мы собирались у Медведева, приходил Цой и пел. Иногда мы ходили к Сергею Фирсову смотреть видео. И Цой с Марьяной, и я, и Фирсов жили тогда на проспекте Ветеранов. Смотрели концерты любимых музыкантов, например Дэвида Боуи... Цою было очень интересно, как он ведет себя на сцене...»

Георгий Гурьянов:

«У нас была постоянная вечеринка. И все делалось для того, чтобы вечеринка была еще роскошнее. Не верите? Как хотите. Была классная атрибутика, красивые девчонки, элегантные костюмы, модные штучки, хорошие напитки. И это не было каким-либо противопоставлением системе или еще чему-то. Это было просто желание хорошо проводить время, жить так, как хочется... Мы были богами вечеринок. Богами домашних дискотек. Это же был Советский Союз...

Потом еще высокая миссия довлела... Когда я смотрел на себя в зеркало, я видел отражение pop-star... Еще мы хотели быть international... Говорили по-английски, общались с корреспондентами... Я помню интервью Каспаряна: "Ай лав Джоанна вери мач..." И смех такой здоровый... Или вот это: "А вы всегда пишете песни, когда вы пьяный?" – "Да я вообще не пью! Я пью только на вечеринках или когда встречаюсь с тобой..."

И мы все это время находились под влиянием Бориса Гребенщикова, Высоцкого, Окуджавы и прочих... (смех)».

10 июня 1984 года в Петергофе проходит лауреатский концерт по итогам 2-го фестиваля Ленрокклуба. «КИНО» отыгрывает пару концертов (утром и вечером), один из которых был даже запечатлен на видео и фрагменты которого можно сегодня увидеть в Интернете.

Владимир Пыхонин, тусовщик:

«Мой приятель, Юрий Камышников, как-то в 1984 году пригласил меня на концерт в Петергоф. Репарка: мы тогда слушали Duran Duran, выглядели соответствующим образом.

В Петергофе таких, как мы, оказалось много. Юра сказал, что будет концерт – «КИНО», «Нокаут» и «Странные игры» (не помню точно про «Игры»). Я не знал, кто такие эти группы и тем более кто такой Цой. (Хотя, как потом выяснилось, мы учились с ним в одном училище...)

Было лето. Мы присели на травку возле памятника, который был напротив клуба. Решили закурить, но не было зажигалки (символично). Видим, рядом с нами сидит казах. Мы спросили у него зажигалку и уточнили: "Что за концерт в клубе"? Он так и сказал: "Группа 'КИНО' и т. д.". Первыми играл «Нокаут» (металл-жесткач), мы уже обломались и хотели уйти, но потом смотрим – какие-то цветные парни на сцену выходят и казах, тот самый. Ну а дальше был настоящий шок! Это было "КИНО"! Это было так круто! Это была такая мощная энергетика! "Мама, я узнал свое утро!"... Короче, утром я проснулся новым человеком! Счастливым! "КИНО" – это великая группа!»

12 июня в Ленинграде, в ДК им. Крупской, прошел еще один лауреатский концерт.

Из воспоминаний **Владимира Густова**, музыканта группы «Теле У»:

«Я лично Цоя не знал... Но один раз мы с Ляпиным играли с "КИНО" концерт. Первое отделение они, второе – мы (группа "Теле У"). Вот и все знакомство. Это было в каком-то ДК на Обуховской Обороне, под эгидой Рок-клуба... Все, что я запомнил про тот день, это то, что нас с Ляпиным подвез после концерта консул США и мы с ним всю дорогу стебались, что нас теперь КГБ под колпак возьмет. Где-то 1984 год был... Сам концерт особо не запомнился. "КИНО" тогда играло какой-то мрач, мне даже показалось, что на фашистскую тематику похоже. Они были в длинных плащах и действительно очень походили на офицеров СС...»

Нина Барановская:

«Однажды "КИНО" выступало на фестивале в ДК "Невский", и по социальной значимости, о которой тогда все любили говорить, выступление было отнюдь не слабым. Именно за это выступление партийные люди и называли Цоя фашистом. Тогда Рок-клуб курировала такая девица лет двадцати пяти, но уже с клеймом члена КПСС на лице. Работала она в Куйбышевском райкоме партии. После выступления "КИНО" она пришла и сказала: "Вы видели, как он стоит на сцене? Он же фашист!" Дело было, конечно, не в том, как он стоял, а в том, что он пел...»

Николай Кунцевич:

С Цоем я встречался в Гурзуфе летом 1984 года. Позднее, то ли в 1984-м, то ли в 1985-м, будучи в городе Ленинграде, я увиделся с Борисом Гребенщиковым, и он мне посоветовал прийти на концерт Ленинградского Рок-клуба (концерты Рок-клуба, который не имел своего помещения, проходили во многих местах, в частности в ДК им. Крупской), где я увижу выступление "КИНО". Честно говоря, это лучшее, что я когда-либо видел в то время. Бешеная энергетика, пластика, песни как на подбор: "Транквилизатор", "Генерал" и т. д. Потом я сдружился с "киношниками"...

Где Вы теперь и с кем,
Кто хочет быть судьей,
Кто помнит все имена?
Нам не хватает тем,
Не нарушай покой,
Эта ночь слишком темна.

Где твой мундир, генерал,
Твои ордена, спина как струна?
Ты уже слышал отбой.
Просто дождь бил по крыше твоей, генерал...

Всеволод Гаккель:

«Никаких особенных подробностей о том времени не припоминается. Тогда среди нас не было героев. Концерты были редки, и каждый концерт в силу этого становился событием и запоминался уже самим фактом происшедшего. И безусловно, мы придавали им гораздо большее значение, нежели сейчас, когда в городе еженедельно проходят десятки концертов и иногда молодым людям надо выбирать, на кого же пойти. И сколько концертов в месяц они могут себе позволить. Конечно же, концерты становились еще более важными, если в них принимали участие две-три самобитные группы».

19 сентября 1984 года Виктор Цой получает на руки военный билет и официально «уходит в запас», а 28 сентября Постановлением Министерства культуры группа «КИНО» внесена в «черный» список групп, запрещенных к выступлению на концертных площадках.

Георгий Гурьянов:

«Нам было совершенно наплевать на систему. Мы ее не замечали. Все эти слежки, стукачи из Рок-клуба, агенты КГБ, фотографировавшие из-за угла. Мы хихикали над всем этим, нам не то что не страшно было, наоборот. Мы специально себя вызывающе вели, показывали – вот какие мы, модные, красивые. Снимайте нас, что же вы... Пишите про нас в газетах своих, обсуждайте наши выступления...»

Инна Николаевна Голубева:

«А концерты давались по каким-то складам, каким-то заброшенным заводам. Где они могли выступать? Их никуда не пускали. Из подвала куда-то в дыру очередную они выходили и там играли свою музыку, и пели, и вообще наслаждались друг другом».

Примерно в это же время наконец-то сбывается заветная мечта Цоя – он увольняется из своего парка и устраивается работать кочегаром, которым всегда мечтал быть. Работа сутки через трое позволяла ему не отвлекаться от музыки, ездить на гастроли, давала некий заработок и ограждала от обвинений в тунеядстве. По легенде, сначала он работал в котельной, располагавшейся на правой стороне Невы, в Уткиной заводи – топил вместе с веселой бабушкой, у которой научился играть на балалайке.

Сергей Фирсов:

«Цой имел небольшой опыт кочегарства в маленькой котельной на правом берегу Невы. Отапливал он там склад ящиков и этими же ящиками и топил. Мы даже справляли там какой-то Новый год. Цой, я, Марьяша, Каспарян и Диана. И бабка, которая там тоже кочегарила. Бабка, кстати, была замечательная – виртуозно матюгалась и постоянно играла на балалайке очень классно. Цой брал у нее уроки. Я не знаю, сколько Цой там работал, но думаю, что не очень много... Может, сезон. Но не уверен».

По словам Марьяны Цой:

«Котельная, где работал Цой, находилась в жутком месте, которых в Питере пруд пруди. С одной стороны кладбище, с другой – парк, вокруг какие-то руины, где стаями бегали бродячие собаки. Огромный пустырь был завален деревянными ящиками, в центре стоял сарай, половину которого занимал сторож, карауливший ящики, а половину – кочегар, который топил котел, чтобы сторож не замерз. Причем топил он теми самыми ящиками, которые сторожил сторож».

Инна Николаевна Голубева:

«Витя резал скульптуру на Каменном острове, работал кочегаром на тароремонтном заводе, потом сажал азалии в горшки где-то, часто приносил их домой, но они почему-то не приживались».

Марьяна права: место, где работал Виктор, было унылым. Согласно сведениям о местах трудовой деятельности, указанным в заявлении-анкете (о выезде за границу), которое Цой подал в ОВИР ГУВД Ленобласти 17 октября 1989 года, в то время он работал кочегаром Ленинградского тароремонтного завода № 1, располагавшегося на проспекте Александровской фермы.

26 октября 1984 года Цой на пару с Каспаряном отыгрывает концерт в Сосновом Бору, а в ноябре Цой совместно с Майком едет в Новосибирск, где выступает в знаменитом Академгородке. Фотограф Андрей Маракасов запечатлел пару квартирных выступлений Цоя, и его фотоработы сегодня можно найти в глобальной Сети.

Андрей Маракасов, фотограф:

«Мы же просто когда-то жили этим. Года до 1987 я пытался фотографировать происходящее в Новосибирске на свой "Зенит", а когда хватало денег, то и слайды делал. Концерты, квартирники... Про Цоя мне сложно говорить – всего пара вечеров, автографы, несколько вопросов и ответов – вот и все. Про его значение – это уже другой разговор. С Цоем на удивление слайды получились более-менее неплохо, около 20 штук. Лет пять назад у меня попросили фотки, я начал оцифровывать архив. Раз в четыре выставлялся на выставках, в «Комсомолке» разок напечатали».

Чуть позже проходит выступление Цоя, Майка и БГ в Сосновом Бору под Ленинградом, а в начале января 1985 года Цой с Майком отыгрывают квартирные концерты, потом у Олега Ковриги и Александра Несмелова в Москве.

Олег Коврига, устроитель концертов, музыкальный продюсер:

«Концерт Майка с Цоем был первым концертом в моей жизни, за который я нес основную морально-материальную ответственность. В организации разных концертов я принимал участие и раньше. Но на подхвате. "На побегушках у подпольных менеджеров", как когда-то писали в "Комсомольской правде". А в этот раз Илья Смирнов привел авторов и во все остальное вникать особо не стал... Витя Цой на значительную часть публики произвел более яркое впечатление, чем Майк. Боясь, что народу будет мало и мы не сможем собрать 50 рублей, обещанных ребятам, я звал всех своих приятелей и знакомых приятелей. В результате пришли около семидесяти человек. Причем большая их часть видела и слышала Майка и Витю впервые. Витя, конечно, выглядел более открытым и веселым парнем. Так что на него и реагировали веселее. Не зря он потом действительно стал рок-звездой. А Майк был более смурным и закрытым, что не особо бросалось в глаза на электрических концертах, но в непосредственной близости, чтобы не обращать на это внимания, надо было уже врубаться в его песни.

В ходе концерта наш дружок Шура Несмелов выдвинул предложение повторить концерт завтра у него. Поскольку времени на "рекламу" (то есть поиск по телефону ещё каких-нибудь знакомых) практически не было, Гриня попробовал снизить завтрашнюю "ставку" с пятидесяти рублей до сорока. Витя сказал: "Ну ладно..." Но Майк слегка насупился и достаточно твердо произнес: "Нет. Мы же все-таки артисты". Почему-то этот довод всем нам показался весомым – и мы втроём дружно закивали: "Да-да... Конечно, артисты..."

У Шурки, естественно, народу уже было намного меньше, выпивали тихо, без особого шума – и в этой обстановке Майк с Витей в какой-то степени поменялись ролями. Там уже Майк был первым. По крайней мере, мне так показалось. Хотя почти все зрители "второго дня" прекрасно знали то, что они слушали. И национальным героем для них был именно Майк.

На второй день, когда Шура Несмелов открывал Майку и Цою дверь, Витя ему говорит:

– Здорово, химия! Как дела?

– Да все нормально. Дом стоит, свет горит.

– О! Это прямо как слова из песни.

И через какое-то время появилась песня "Печаль":

Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль.

Так откуда взялась
Печаль?..

Саня был счастлив, когда эту песню услышал».

Понуровский Евгений, деятель ленинградского Рок-клуба:

«Был еще концерт в Сосновом Бору – Цой и Каспарян 26 октября 1984 года, даже запись есть. Майка больше не было, а БГ был всего три раза, летом 84-го, в декабре 84-го и в 86-м, со всех трех концертов я и выложил фотки, а эта запись нигде и не всплывала, лежит у меня 30 лет. Мне тут обещали из Германии привезти винтажный катушечник, вот я и достану свои записи, а там и "Мануфактура" с Салтыковым, "Аквариум" – 86, ну и Цой с Каспаряном. Послушаю и решу, что с ними делать...»

В то время, в 1985 и 1986 годах, в Москве проводились акустические концерты с участием тогдашних питерских и московских рок-звезд. В 1985 году в нем приняли участие Майк, Цой и Сергей Рыженко, в 1986-м – Майк, Кинчев, Башлачев, Силя («Выход») и опять же Рыженко. Что же касается концертов у Ковриги и Несмелова, то впоследствии они были изданы на двойном CD отделением «Выход».

Есть о том периоде одно любопытное воспоминание. Евгений Сотсков, или Жэка, рассказывал, что слышал от одного своего приятеля историю о том, как в 1984 году его родители и он сам (будучи шестилетним ребенком) навещали институтских друзей и оказались в обыкновенной студенческой общаге, где вечером стали зрителями небольшого квартирника концерта. Концерт устроили заглянувшие «на огонек» некие Миша с Витей. Музыканты, по очереди приложившись к бутылке с портвейном, пели, а собравшиеся гости весело подпевали и хлопали... Далее рассказчик вспоминал, как сидел у Виктора на коленях и как тот, улыбаясь доброй улыбкой, исполнил песню «...звезды, упав, все останутся здесь, навсегда останутся здесь...»

К весне 1985 года у группы «КИНО» накопился материал для следующего альбома, и в студии Андрея Тропилло, который наконец поддался уговорам, началась работа над пластинкой «Ночь».

Не люблю темные стекла,
Сквозь них темное небо.
Дайте мне войти, откройте двери.
Мне снится Черное море,
Теплое Черное море,
За окнами дождь, но я в него не верю.

И я попал в сеть, и мне из нее не уйти,
Твой взгляд бьет меня, словно ток.
Звезды, упав, все останутся здесь,
Навсегда останутся здесь.

Юрий Каспарян:

«У нас была одна студия доступная, находилась она в Доме пионеров и школьников, учебная студия звукозаписи, которой руководил Тропилло... Там был фейсконтроль, и кого Тропилло хотел, того и писал. Это была единственная студия, похожая на настоящую. То есть

там были и магнитофон, и какие-то приборы. Все остальное было в кустарных домашних условиях».

Андрей Тропилло:

«С Витей Цоем работать было трудно: он, как прирожденный лидер, редко следовал фонограмме и пел, как правило, выше, чем нужно. И еще – он постоянно чмокал губами в микрофон. Мне даже приходилось покупать ему жирную гигиеническую помаду, чтобы этих причмокиваний не было слышно. Потом он тогда страшно увлекался Брюсом Ли, был на нем просто помешан. Например, когда записывались другие музыканты, Витя прыгал и отрабатывал какие-то невообразимые удары ногами и руками. Приходилось уводить его оттуда к чертовой матери в коридор».

Георгий Гурьянов:

«Альбом "Ночь" – это крутейшие песни и крутейшая аранжировка. На самом деле, супер. Но это вымученный альбом. Со студией была очень большая беда, потому что у Тропилло очень своенравный характер и вообще... В результате альбом был задвинут на полку и морозился там».

Александр Титов:

«С "Ночью" была просто странная история. Видимо, тропилловская студия заряжена другой энергией, и модная музыка, которую исполнял Витька, – она все-таки была больше чем мода, – там просто не канала. Энергетически что-то не совпадало и выталкивало друг друга. К тому же это происходило параллельно с записью "Дня Серебра", а это совсем другой альбом. Эти два альбома, в которых я участвовал, тогда очень друг другу мешали. И больше был ущерб альбому "Ночь"...»

Уже поздно, все спят, и тебе пора спать,
Завтра в восемь утра начнется игра,
Завтра солнце встанет в восемь утра.
Крепкий утренний чай, крепкий утренний лед.
Два из правил игры, а нарушишь – пропал,
Завтра утром ты будешь жалеть, что не спал.

Начатая «киношниками» работа растянулась почти на год, а на какой-то стадии и вовсе оборвалась, хотя объективных причин для подобного торможения не было.

Алексей Вишня:

«Тропилло не уделял времени: начальство Дома устроило проблемы с хождением взрослых. Иногда им приходилось скрываться по ночам, когда Дом находился под сигнализацией. Это страшно нервировало Цоя, но сделать было ничего нельзя – никак не ускорить. Пришлось ждать лета, а новые песни рвались наружу».

Мало того что начались постоянные проблемы со студией, так еще и «киношников» совершенно не устраивал звук. Хотелось сделать нечто модное, а в студии Тропилло, как выразился Александр Титов, «модный звук не писался вообще».

В марте 1985 года прошел 3-й фестиваль Ленинградского Рок-клуба, на котором Цой впервые вышел на сцену без гитары. Он пластично и легко передвигался во время исполнения песен. По мнению некоторых, на это повлияли концерты западных рок-групп, которые Цой смотрел у Александра Липницкого в Москве.

Многим, само собой, это не понравилось. К примеру, Александр Житинский писал, что «эта манера была совершенно чужда Цою. Вилять бедрами было совершенно не обязательно, да и с гитарой в руках Виктору было гораздо лучше». И Житинский был далеко не одинок в этом мнении.

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«...Мне довелось быть на концерте Цоя в 1985 году в клубе ЛПИ. Там ему испуганные хозяева клуба не смогли дать исправную аппаратуру. Так Цой стал петь под двенадцатиструнную гитару один. Народу набилось столько, что стоять приходилось на ручках кресел, для того чтобы его увидеть. А он пел часа два... После этого за одно только уважение к своим слушателям, я перед Цоем ку – два раза!»

В общем, как бы там ни было, выступление «КИНО» на фестивале было заслуженно оценено и группа получила лауреатское звание.

«Это не любовь»

Решение создать новый альбом у Вишни (не дожидаясь окончания записи альбома «Ночь») пришло к Цою внезапно. Поскольку со студией Тропилло начались проблемы, группе приходилось готовить материал урывками. И Цой, к тому времени написавший много песен про любовь, решил их записать отдельным альбомом. Тем более что студия Вишни, располагавшаяся в непосредственной близости от студии Тропилло, была очень удобна.

По воспоминаниям Алексея Вишни, «была весна, самое время петь о любви и фиксировать положительные эмоции».

И вот летом 1985 года, окончательно забросив недоделанный альбом «Ночь», группа собралась на студии Вишни для записи следующего студийника – альбома «Это не любовь».

Юрий Каспарян:

«Вите надоела эта рутина с альбомом «Ночь», и он быстро договорился с Вишней, так мы записали "Это не любовь"...»

Ты часто проходишь мимо, не видя меня,
С кем-то другим, я стою не дыша.
Я знаю, что ты живешь в соседнем дворе,
Ты идешь не спеша, не спеша...

О-о-у, но это не любовь...

О-о-у, но это не любовь...

Алексей Рыбин:

«В это время "КИНО" писало в студии у Тропилло альбом "Ночь", причем делали это по утрам. А когда Тропилло, запарившись, выгонял молодую группу, группа шла к Вишне, который, как я уже говорил, жил в двух шагах от студии "Антроп"...»

Алексей Вишня:

«Я уже освоил драм-машину, мы с Юрой быстро запрограммировали ритмы и приступили к записи. Звук очень понравился всем; новая драм-машина была слабой, но вносила модную краску».

Альбом получился относительно легким по настроению – в него были включены песни «Весна», «Уходи», «Ты выглядишь так несовременно» – и стал одним из самых любимых для Цоя.

Уходи, но оставь мне свой номер.
Я, может быть, позвоню.

А вообще я не знаю, зачем
Мне нужны эти цифры.
И я уже даже не помню,
Как там тебя зовут.
И теперь для меня
Номера телефонов как шифры.

Уходи! Оставь телефон и иди...

Алексей Вишня:

«Аппаратура была та же самая, что использовалась Тропилло в работе над альбомами "Электричество" и "Акустика" "Аквариума". Качество выросло заметно, но Виктору больше всего нравилось комфортно записываться в домашних условиях, в тапочках и футболке. Я пытался создавать ребятам максимально хорошее настроение. Все записалось за пару недель, приглашенный в группу басист Саша Титов за один день сыграл бас-гитару на все песни, и альбом был практически готов. Удалось привлечь в песне "Саша" Севу Гаккеля, случайно задержавшегося после записи "Акустической комиссии". "Это не любовь" вышел раньше, чем уже записанный, но еще не сведенный альбом "Ночь", и Цой пребывал в наипрекраснейшем расположении духа, ибо вышел здоровский альбом нормального качества и вот-вот, со дня на день, сведется "Ночь". Этот период жизни и творчества Виктора я хотел бы оставить в памяти навсегда, потому что именно таким я любил Цоя – бесшабашного и милого, готового в любой момент схватить гитару и запеть».

Из интервью Виктора Цоя:

«Условия студии были таковы, что выбора не было, три гитары и ритм-компьютер, никаких накладок. Вначале меня это угнетало, но в процессе работы даже стало нравиться, и под конец записи мы даже стремились к такому звуку».

Константин Рылеев:

«Впервые я услышал цоевские песни – "Когда-то ты был битником" и "Мои друзья" – в 1985 году. На чужой кассете, после песен "Аквариума". Запись была плохая. Мы думали, что это тоже "Аквариум", но ранний. Тексты были более простые, а мелодии намного интереснее, чем музыка Гребенщикова... Позднее же стала известна легендарная история, что Борис Борисович услышал Цоя в электричке. БГ был уже БГ. Слова Гребеня: "Первую вещь я не запомнил, а вторая была уже "Мои друзья идут по жизни маршем и остановки только у пивных ларьков..." У меня появилось ощущение, что я достал со дна моря запечатанную амфору и раскрыл ее". Определенная похожесть стилей "Аквариума" и "Кино" заметна в первом "киношном" альбоме – "45". Это понятно – музыканты "Аквариума" помогали Цою в записывании...

Где-то году в 1986-м мой приятель притащил чистейшую запись альбома "Это не любовь" – "КИНО". Был у него там какой-то знакомый в Питере. С одной стороны, темы переплетались

с темами обычной поп-музыки: “пришла – пошла”, “любовь – нелюбовь...” Но сама интонация была очень интересной, альбом можно было слушать без перерыва. Что мы и делали. Что-то там было упорное, искреннее, легкомысленное и даже наглое: “Уходи, но оставь мне свой номер, я, может быть, позвоню, но вообще я не знаю, зачем мне нужны эти цифры... Уходи, оставь телефон и иди!” Лиризм автора смешивался с незлым цинизмом. Но и в том и в другом случае герой песен был органичный и вызвал симпатию...»

«Это не любовь» стал последним «романтическим» альбомом «КИНО» – все последующие альбомы группы были сплошь «героическими» и очень серьезными. А по поводу исполнения лиричных песен, которых у Цоя было достаточно много, музыканты всерьез обсуждали план создания некоего бойз-бенда, который мог бы петь эти песни.

Юрий Каспарян:

«У Виктора было очень много ироничных песен про любовь в так называемой “киношной” стилистике. “Ты выглядишь так несовременно рядом со мной”, “Уходи – я тебя не люблю”, “Братская любовь”, “Ты обвела меня вокруг пальца” – замечательные песни, которые не очень соотносились с пафосным героическим амплуа, в котором выступала группа, и потому не входили в альбомы. По жизни Цой не был пафосным, он был веселым и писал вот такую лирику. Но исполнять эти песни мы не могли. Никак. Конечно, под них можно было создать отдельный бойз-бэнд, пошли такие мысли... Мы даже всерьез это обсуждали. Но все так и осталось на уровне разговоров. Поговорили, похихикали...»

Георгий Гурьянов:

«Да, идея такая была, потому что мы решили не исполнять лирические песни, поскольку они не соответствовали образу “КИНО”. Тогда и пришла в голову мысль... Тогда это было в порядке вещей – фантомы продюсерские, проекты... Вот мы и придумали бойз-бэнд, который исполнял бы эти песни. Мы даже серьезно подыскивали музыкантов, артистов... Естественно, все закончилось не начавшись».

В окончательный вариант альбома не вошло пять песен, записанных в то же время, – «Братская любовь», «Разреши мне», «Ты мог бы», «Любовь – это не шутка», «Ты обвела меня вокруг пальца», – после смерти Виктора изданных на диске «Неизвестные песни».

Виктор Цой:

«На “Это не любовь” мы не возлагали вообще никаких особых надежд. Там собраны некоторые старые вещи: “Весна”, например, и песни, предназначенные, так сказать, для внутригруппового использования. Когда я пишу песни типа тех, что вошли в “Это не любовь”, мне очень смешно. По идее, мы предназначали этот альбом молодым ребятам, лет под 20, а оказалось, что эту иронию улавливают более взрослые люди. Видимо, для молодежи требуется повышенный драматизм ситуации».

Юрий Каспарян:

«Записывались эти песни дома у Лешы Вишни перед “Группой крови”. Та сессия как-то заглохла, но песни остались – “Ты обвела меня вокруг пальца”, “Братская любовь” и прочее».

Я встретил ее, я встретил ее,
Она шла в кино.
И я пошел следом,
Я рядом купил билет.
И я подумал о том,

Что она может быть для меня сестрой,
И как раз в это время в зале
Погас весь свет.

Ах, эта братская, братская, братская, братская любовь.
Живет во мне, горит во мне.
Ах, эта братская, братская, братская, братская любовь.
Живет во мне, сожжет меня дотла.

Мнения по поводу выхода альбома «Это не любовь» разделились.

Артем Липатов:

«Это мой любимый период. 1985-й, ”Это не любовь“. Переход от голенастой акустики к герою, тоже с цыплячьей шеей – но уже с выросшим мясом. Неуклюжее, но решительное было время. На этом альбоме есть моя любимая песня:

Мастер слова и клинка,
Он глядит в свою ладонь.
Он пришел издалека
И прошел через огонь...»

Андрей Тропилло:

«Альбом явно на потребу дня, достаточно коммерчески удачный и задающий уровень, который народ готов потреблять сегодня. А это очень важно для успеха. По этому пути они и пошли, по пути коммерциализации. И получился мужественный попс».

Георгий Гурьянов:

«Это модный альбом. Очень. Я согласен. ”Это не любовь“, ”Ты выглядишь так несовершенно рядом со мной“... Шедевральные совершенно вещи, за один день записанные... ”Это не любовь“ вышел гораздо раньше, чем ”Ночь“. И он был гораздо моднее».

Юрий Каспарян:

«Только когда мы записали альбом ”Это не любовь“, я понял, что могу кому-то дать послушать несколько треков и похвастаться. Предыдущим материалом я не мог хвастаться. ”Это не любовь“ – первый альбом, который я мог без зазрения совести показывать, давать послушать, потому что предыдущие очень уж экспериментальные были. Вместо ударных там даже не драм-машина, а такое некое самопальное чудовище, недавно я узнал, что это было устройство группы ”Кофе“. У него не было тарелки совсем, и хай-хет звучал как ножницы. Но поскольку ребята слушали новую современную музыку, они определили саунд этой машинки очень модным. Отсюда, наверное, и пошло, что это модный альбом. Я им очень доволен».

Георгий Гурьянов:

«А я был счастлив и хвастался без зазрения совести, хотя там нет живых барабанов, на этом альбоме. Жалко, конечно, но не было возможности их записать. У нас не было возможности записывать музыку нормально. Была точка Тропилло, но там нельзя было барабаны записывать, только драм-машину, в квартирке у Вишни тоже невозможно было поставить барабаны, писали еще в каком-то театре, там, где Цой с Рыбой записывались. Ничего хорошего, в общем».

С мая по октябрь 1985 года концертов у «КИНО» почти не было. В конце июня Цой с Майком отправились на гастроли в Киев, но концерт сорвался, музыкантов арестовали и, по словам Марьяны Цой, «петь им пришлось не на квартире, а в районном управлении внутренних дел».

Александр Евтушенко, музыкальный менеджер:

«Перед тем как пригласить к нам Цоя и Науменко, я ездил в Ленинград. Побывал на концертах Рок-клуба и отметил несколько команд, которые мне показались особенно интересными. Тогда же познакомился с Борисом Гребенщиковым. Меня поразила простота, с какой он общался со зрителями. Никакой звездной болезни! Он был будто бы одним из нас. Позже я посетил "квартирник" с его участием. Это был для меня очень хороший опыт. Гребенщиков тогда опекал Цоя, и именно он предложил пригласить его в Киев. Сначала мы планировали провести два "квартирника" в Киеве: один с участием знаменитого в то время лидера группы "Зоопарк" Майка Науменко, а другой с начинающим музыкантом – Виктором Цоем. Но незадолго до начала выступления музыканты сами решили выступать вместе. Именно в квартире на Предславинской они пели и впервые играли вместе...

Приехали они в Киев с двумя акустическими гитарами и толстыми общими тетрадами, с текстами своих песен. Перед концертом все долго курили на балконе и попивали популярный в то время среди питерских рок-музыкантов портвейн. Собралось около двух десятков зрителей. Вход на "квартирник" был недешев – 20 рублей, а в то время на официальные концерты в залах можно было попасть всего за 5 рублей. На собранные деньги музыкантам выплатили гонорар и купили несколько ящиков вина, которые стояли прямо посреди зала.

Цой был очень концептуален: одет в черное, пил портвейн и курил папиросы "Беломор" ленинградского производства. А Майк был чем-то похож на ковбоя: в джинсах и клетчатой рубашке. Перед началом выступления Науменко сказал, что в Киев приезжает в третий раз, но бывал здесь как турист.

Мы рассчитывали, что концерт будет длиться два часа, но в самом разгаре в дверь настойчиво позвонили. По звонку мы сразу поняли, что это кто-то чужой, но ничего не оставалось, как открыть дверь. На пороге стоял участковый с двумя понятыми. Он назвал фамилии Цоя и Науменко (фраза "Всем оставаться на своих местах..." записалась на пленку), и мы поняли, что на нас "настучали". Мы до сих пор не знаем, кто это сделал, но в милиции были хорошо осведомлены, что в одной из киевских квартир выступят гости из ленинградского Рок-клуба...

И музыкантов, и зрителей доставили в московский райотдел милиции. Деньги, собранные за концерт, конфисковали. Зрителей, прочитав лекцию о том, что «они слушают не ту музыку», отпустили по домам, не забыв при этом сообщить в институты о «недостойном поведении студентов, которое способствует антисоветской агитации». К музыкантам милиционеры отнеслись уважительно, предоставили им отдельную камеру, однако продержали всю ночь. А наутро купили им билеты на самолет из их же собственных гонораров и отправили домой.

Немногим позже в ленинградский Рок-клуб пришло письмо из киевской милиции, в котором действия музыкантов квалифицировались как незаконная трудовая деятельность. В Рок-клубе на подобный сигнал не могли не отреагировать и на некоторое время отстранили группы «Зоопарк» и «КИНО» от выступлений.

Ольга Слободская, секретарь Ленинградского Рок-клуба с 1985 года:

«Первый раз я увидела папку с этим делом в 1985 году, когда стала секретарем Рок-клуба и разбирала всякие бумажки, сваленные в шкафу без всякого порядка. На папке синим фломастером, почерком Николая Михайлова написано: "Архив. Дело Майка с Киевом". Я заныкала ее куда-то подальше. На всякий случай.

Примерно в 1988 ЛМДСТ выделил нам наконец отдельную большую комнату и мы со всем нашим барахлом переехали в нее. Но поскольку Рок-клуб был организацией, мягко говоря, неформальной, в комнате был, можно сказать, проходной двор. В один прекрасный момент Михайлов попросил меня забрать домой большие неформатные фотографии наших фотографов, которые те делали для архива. Они просто не влезали в обычный советский деревянный шкаф и были в не очень хорошем состоянии. Я ему сказала, что заберу заодно и эту папку, чтобы ее не утащил кто-нибудь. Забрала и благополучно забыла. Вспомнила я о ней в прошлом году, когда собирала материалы для празднования 35-летия Рок-клуба. Но поскольку я примерно представляла, какое издание, кто будет делать, я поняла, что эти документы никуда не вписываются. И не стала их никому показывать... И вот время пришло...

Все музыканты Ленинградского Рок-клуба до 1988 года были, как тогда говорили, самодеятельностью – то есть считались непрофессиональными. Перед каждым выступлением группа или лидер группы, если он хотел выступить один, должны были прийти в Рок-клуб и принести список песен – чтобы утвердить программу. Все песни при этом должны были быть залитованы, то есть разрешены к исполнению. Это первое.

Второе: поскольку музыканты были непрофессиональными, они не могли официально получать за это деньги. То есть каждый квартирник – это риск и для организатора, и для музыканта. Риск быть обвиненным по статье 153 УК РСФСР – частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество. Вторая часть этой статьи гласила: «Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения, наказывается лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до трех лет с конфискацией имущества».

Вид промысла в данном случае – понятное дело, организация зрелищных мероприятий. Таким образом, налицо организованная группа – организатор и музыкант. А это еще и отягчающее обстоятельство. Так что можно было серьезно загреметь, если не начать давать грамотные показания.

Не знаю, почему в данном случае ОБХСС не стало докручивать это дело. Может, их обаяли Майк и Витя, может, им неохота было заниматься иногородними, может, были другие причины. Я даже не понимаю, как и почему эти бумаги оказались в Рок-клубе. По идее, нам должны были прислать только письмо Леноблсовпрофа с требованием разобраться – но, видимо, произошел просто какой-то украинско-российский бардак.

В Рок-клубе наказывали одним способом, но очень неприятным для музыкантов, – на какой-то период их лишали права выступать. К середине 1985 года мы, уже тертые калачи, понимали, как обмануть систему. И, конечно, никто всерьез никого и не хотел наказывать.

Тут важно понимать, что тогда клубов в сегодняшнем понимании этого слова не было. И август, когда мы узнали об этой истории, был мертвым месяцем, ничего не происходило, да и в сентябре по большому счету – тоже. Поэтому, по воспоминаниям куратора от ЛМДСТ Наташи Веселовой, мы лишили права выступления "КИНО" и "Зоопарк", кажется, на месяц, зная, что никто из них в ближайшее время и не собирался играть. В ноябре "КИНО" прекрасно отыграло концерт в Рок-клубе вместе с "Джунглями" и "Аквариумом", а "Зоопарк" – там же в декабре вместе с группой "Кофе". Об этом есть соответствующая запись в журнале выступлений групп Ленинградского Рок-клуба...»

Ждушей ребенка Марьяне, когда она узнала об аресте Цоя, пришлось приложить немало сил, чтобы не родить до положенного срока. К счастью, все обошлось – Майка и Цоя просто выдворили из Киева. Марьяна же, долгое время сидевшая дома без работы, через знакомых устроилась на пивоваренный завод «Вена», откуда и ушла в декрет...

Инна Николаевна Голубева:

«Она как-то долгое время не работала. И только пошла на работу. Ее одна приятельница, биолог, работала на пивном заводе и устроила ее туда. Марианна была уже на седьмом месяце беременности Сашкой и говорила: "Я обманула советскую власть, мама. Они мне декретные здесь выплатили". У нее так было все аккуратно, что никто не обратил никакого внимания».

Леонид Ладыженский, музыкант, устроитель концертов:

«В "КИНО" я не играл, играл в других группах: "Фионит" – это при 362-й школе, в которой, по легенде, учился Цой, потом "Облако", немножко с "Пеплом", с Книзелем, потом "продюсировал" "Битте-Дритте", "Два самолета"... А с Цоем в основном пересекались на "Поп-Механиках", и ляпинской, и курёхинской, пару раз в Крупе и ЛДМ на каких-то солянках. Один раз на Треугольнике ночь провели... Помню, как-то с Танюхой Егоровой подарили Цоюшке на ДР картину, где он на алюминиевом огурчике восседает... Танюха, на сегодня классный иконописец, а тогда просто хорошая девчонка, нарисовала на листе ватмана всех «киношников», забавно присевших на огромный огурец, потом поехали поздравлять, потом напились... Деталей не помню, тогда все сайгоновские пьянки были похожи как две капли марцифали и не воспринимались как материал для мемуаров. Помню, что была его днюха, отмечали вроде у Марьяны. Гребень уже тогда был для нас гуру, а остальные...»

26 июля 1985 года у Виктора и Марьяны родился сын – Саша.

Марьяна Цой:

«Очень хорошо помню, как Витя забирал нас из роддома. Шел какой-то отвратительный дождик, было жутко холодно, дул ледяной ветер. А Цой стоял совершенно мокрый, с огромным букетом красных роз. Я таких красивых цветов больше никогда в жизни не видела. Всю дорогу домой он держал сына на руках. Как хрустальную вазу, которую страшно уронить. И вдруг спросил: «Можно я посмотрю?» Откинул покрывало и увидел Сашку – лицо персикового цвета, тонкие волосики и глазки-щелочки. Витька посмотрел на него и гордо заявил: "Да, никто не скажет, что это не мой ребенок!"»

К сожалению, сегодня некоторые злые языки, типа Алексея Вишни или Андрея Тропилло, позволяют себе усомниться в данном факте, однако подобные голословные утверждения остаются только на совести тех, кто смеет их озвучивать.

Сергей Фирсов:

«Многие утверждают, что на некоторых фото Саша немного похож на Рикошета. Но! В 1984 году, когда зачинали Сашу, группа "Объект насмешек", как мне кажется, еще даже не вступила в Рок-клуб и никто не знал, кто такой Александр Аксенов. Впрочем, это можно уточнить у Михайлова. Но дело даже не в этом. С 1984 по 1988-й я входил в ближний круг семьи Цой. Я жил с девушкой по имени Марина Константинова, которая была одной из ближайших подруг Марьяны и была свидетельницей у них с Цоем на свадьбе. Поэтому я, хочешь не хочешь, очень многое знал о их семейных делах. Никаким Рикошетом тогда и не пахло, его просто никто не знал. "Объект насмешек" проходил прослушивание весной 1986 года, и, повторяю, – до этого никто не подозревал о существовании товарища Рикошета. Рикошет появился только после того, как Цой расстался с Марьяной. В то время я часто бывал у Цоев в гостях, еще чаще они у меня. Мы много слушали всякой музыки, справляли совместно дни рождения, всякие праздники, просто влегкую выпивали, ездили за город, загорали, далеко не всегда с музыкантами "КИНО". Поверьте, "Рики" тогда не было в принципе. Он был из другой, панковской тусовки. Тогда они практически не пересекались. Позже – да. Все перемешалось, но не в 1984

году. У Вишни, как и у Тропилло, да и у Бурлаки, не все стыкуется, а порой просто зашкаливает!»

Цой, на плечах которого лежала ответственность за жену и сына Александра, постоянно выступал на квартирных концертах, поскольку семья очень нуждалась в деньгах. Уволившись из кочегарки, он некоторое время сидел без работы, но, поскольку неработающий советский гражданин считался неполноценным, – приходилось как-то выкручиваться и, чтобы избежать принудительного трудоустройства на какую-нибудь фабрику или завод, Цой в компании Сергея Бугаева устраивается матросом-спасателем на лодочную станцию в парке Победы (Московский райсовет, Московский проспект, 129). Спасать людей Виктору, конечно же, не доводилось, поскольку, если верить воспоминаниям Бугаева, ни он, ни Цой на работе так и не появились, предпочтя заниматься своими делами, а полагавшуюся им зарплату отдать работавшему за них некому человеку, который действительно работал и спасал подвыпивших тонущих людей.

Немногим позже Виктор перешел на одну из самых тяжелых своих работ – ночным уборщиком бани № 19, располагавшейся на проспекте Ветеранов, 89/2. Виктору, которого уже тогда многие считали рок-звездой, приходилось ежедневно убираться в банном отделении.

Из воспоминаний **Сергея Фирсова**:

«Цой тогда работал в бане на проспекте Ветеранов, и работал час в день, но с 10 до 11 вечера. Это его ужасно ломало: когда все тусовки начинались, ему надо было срываться, ехать в баню и брандспойтом обдавать помещения».

Марьяна Цой:

«Я несколько раз ходила ему помогать и могу заверить, что занятие это тошнотворное. К тому же от каждодневных уборок в парилке у Вити стало побаливать сердце».

Инна Николаевна Голубева:

«Вот тоже был случай, когда Витя работал в тресте. Он подходит ко мне, я собираюсь на работу, а он уже раньше должен выскочить. Говорит: "Инна Николаевна, дайте мне, пожалуйста, 5 копеек на метро". Я говорю: "Витя, а на 'Беломор' надо?" Молчит...

Было очень трудно. Работала я одна, старалась за всех, мама ведь. А он так периодически работал... То он выходил, какой-то сторожил склад ящиков, потом топил печку этими же самыми ящиками, которые сторожил. В общем, абсурд. Когда родился Саша, была баня. Мужское отделение. А уже был маленький Сашка, и Марьяна, покормив Сашку, уложив, бежала ему туда помогать, в эту дурацкую баню. Вообще времена были крутые. А все держалось на мне: я работала одна и всех тянула на себе. Про их заработок не было речи. Хотелось только, чтобы хотя бы кто-то где-то когда-то их услышал. Поэтому, когда появилась Джоанна, это перевернуло всех. Они готовы были отдать все, что у них есть. Это потом стали отслюнивать разрешения и прочее, авторские права... Тогда ничего не было, лишь бы где-нибудь издалось – в Америке, в Гваделупе или еще где-нибудь, неважно. Чтобы где-то прозвучало, хоть что-то услышано было, не только на этих самых катушках, которые они друг другу дарили».

23 июля (по другой версии, 16–17 сентября) 1985 года Таллинн посетили ленинградские рокеры: Виктор Цой, Константин Кинчев и прочие. Чуть позже к ним присоединился Юрий Наумов, совершенно случайно оказавшийся на тот момент в Таллинне. Отдельно стоит упомянуть Людмилу «Терри» Колот (Bret Diamond) – будущую родоначальницу русского «панк-симфонизма», джазовую, блюзовую вокалистку, гитаристку, сотрудничавшую с Андреем Пановым, Алексеем Вишней, Святославом Задерием, Сергеем Жариковым и запи-

савшую первую в истории панк-симфонию. Выступления прошли в здании Таллинского ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината) имени В. Кингисеппа, в клубе Tselluloos.

Из воспоминаний очевидца:

«Было это вроде бы летом 85-го года. Концерт проходил в клубе ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината). Сейчас там гоп-тусовки проходят, типа драм-н-басс и т. п.

На этом же концерте в тот же день выступал Цой. Вроде бы еще были "АУ" со Свином. С аппаратом возникли какие-то проблемы, поэтому планировавшаяся электрическая программа не состоялась ни у кого. Выиграл, по словам очевидцев, только Цой».

Юрий Наумов, музыкант:

«Вообще, совместно я с Цоем не играл, только с Майком и Кинчевым. Но вот в Таллинне в 1985 году вместе выступали. Он выступал, его вполне тепло принимали. Насколько я помню, он спел "Это не любовь". Во время исполнения чувствовалась ирония в подаче...»

Марк Шлямович, устроитель концертов, продюсер:

«Я там был. Во-первых, Наумова тогда не было в природе. Юра приехал в Таллинн случайно с подругой и каким-то, похожим на волчонка, маленьким адъютантом. И поселился на несколько недель у меня в общежитии. Днем спал, ночью пел песни для меня и соседей. В Tselluloos была еще Терри – такая панкушка... Интересная. Полный андерграунд. Тогда входила в тусовку Кинчева. Они там все были обаятельны. Помню – и Витя, и Костя по очереди вышли со своими двенадцатиструнными гитарами, красивая акустика была, но все вокруг...

Не стоит внимания это событие, поверьте. Все было организовано так, что именно тогда я решил, что сам все организую, чтобы все увидели, что это замечательное искусство. И выполнил это».

Андрей Кузнецов, журналист:

«Это был один из первых такого типа прорывов на таллиннский берег. Выступали, кроме Цоя, – Кинчев (по-моему, в одиночку), "Терри" (такая полубрутальная питерская дама под настоящим именем Людмила Колот, она такого имени очень не любила) и еще какие-то люди. Был 1985 год. Расположение – бывшая целлюлозная фабрика, то есть место темное, неухоженное, недавно покинутое работниками.

Что помню? Кинчев пинал мониторную колонку (зачем?), ваш покорный слуга записывал действо на магнитофон "ВЕСНА" через микрофон (что круто), Цой пел "Транквилизатор", "Восьмиклассницу" и так далее по репертуару того времени, опять же, один, просто под гитару. В отличие от других музыкальных своих компаньонов, звук у него по тем временам был нормальный – слова определялись. Харизма уже катила. Без электричества зал был на ушах. К слову, пьяных не было. По крайней мере, я был трезв. Короче, никакого шабаша не присутствовало, хотя и назвать сие обычным концертом язык не поворачивается. Все-таки о ту пору на моей памяти были спокойные выступления "Аквариума" (в Таллиннском политехническом институте), "Машины Времени" и т. д. (1976–1985). Кто организовывал сам концерт, я не помню, возможно, Петр Целуйко или Марк Шлямович...

"Алиса" просила за действо 600 рублей, а, к примеру, Цой – 200. Но поскольку денег не было, а было это связано с тем, что приглашали одного Юрия Наумова, то выходила коллизия. Цой постоянно каждые 15 минут бегал и спрашивал у организатора 15 рублей...»

Чуть позже Виктор Цой с Юрием Каспаряном выступают на закрытии выставки художников-митьков в Усть-Ижоре (пос. Металлострой). Сохранившаяся фотосессия Виктора Немтинова воссоздает атмосферу того безудержного митьковского праздника и веселья...

Виктор Цой:

«Тельняшку не ношу. Хотя с митьками нахожусь в хороших отношениях...»

Виктор Немтинов, фотограф:

Я хорошо помню Цоя. У меня с памятью благополучно. Правда, с Виктором я встречался только во время съемок некоторых концертов и фильма «Рок» и не был с ним знаком достаточно близко. С ним очень Виктор Тихомиров дружил. Он замечательный литератор, и, собственно, много фотографий было сделано мной в мастерской этого прекрасного художника...

Наталья Тихомирова-Савельева:

«Пришел однажды вот этот мой юный папа с такой же юной мамой в гости. Пришел в новом свитере, который очень ему был мил. Глядь – а в кухне сидит еще один гость. Парень в точно таком же свитере. "Виктор!" – протягивает папа руку парню. "Виктор!" – тот ему в ответ. Так эти Вити стали когда-то друзьями».

Виктор Тихомиров, художник:

«Наша тесная митьковская мастерская считалась шикарным местом. Виктор Цой часто заходил к нам. Сидел часами, подбирал на гитаре мелодии, набрасывал на обрывках слова... Они, конечно, не сохранились. Мы не понимали тогда, кто такой Цой, какая его ждет слава. Он был просто хороший парень, добрый знакомый. У нас он встречался с друзьями, было дело, даже отмечал свой день рождения. Однажды так сидел-сидел, и я подумал: "Что зря время терять?" Взял да и написал два портрета Виктора с натуры. А он в ответ набросал карандашом мой портрет...»

Дмитрий Шагин, художник:

«Витя – часть митьковской легенды, для меня это очевидно. Мы дружили, он пел на наших выставках и квартирниках, выставлял вместе с нами свои картины. Помню их прекрасно: такие забавные человеко-роботы квадратненькие. А еще он – один из героев митьковского эпоса. Есть знаменитая история о том, как Дмитрий Шагин сдавал бутылки Виктора Цоя и Бориса Гребенщикова... Много раз Цоя рисовал Витя Тихомиров, есть прекрасные рисунки Саши Флоренского, где Цой поет, а митьки ему подпевают, перекрикивая. И у меня есть полотно "Цой в Сайгоне". "Сайгон" – кафе, где мы кофе пили.

Мой сменщик по котельной, его кличка Родион, до котельной работал в сторожах с Майком Науменко и Гребенщиковым.

В 1981-м я услышал магнитофонные записи Бориса, попросил Родиона, он меня с ним познакомил, и мы пришли к Борису на улицу Софьи Перовской. А Гребенщиков дружил с Цоем, очень его продвигал и всем про него рассказывал.

Первой цоевской песней, которую я услышал, была "Мои друзья идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Мне это легло на душу, я тоже любил пивные ларьки. Вообще, все это одна компания: "Аквариум", митьки, художники, музыканты. И Цой в ней не очень выделялся на самом деле. Он был тогда совсем не героический. Очень молчаливый, застенчивый. Это потом он стал таким крутым мэном, с ног до головы в черном. А тогда носил длинные волосы и цветастые наряды, хипповые.

В сентябре 1985-го митьки впервые заявили о себе, состоялась наша первая официальная выставка. Это было у черта на куличках, Усть-Ижора, Дом ученых "Металлострой". Дальние высылки, неподалеку тюрьма какая-то. Закрывалось все это мероприятие акустическим концертом Цоя и его гитариста Каспаряна. А тогда уже был горбачевский сухой закон, указ вышел

в марте, за полгода до этого. Нельзя было открыто выпивать и трудно было уже купить. Мы с Цоем пошли в сортир, заперлись вдвоем в кабинке, стали выпивать портвейн и разговаривать по душам. Ничего картинка, да? Цой и Шагин стоят в сортире! И Витя говорит: "Митя, как бы мне устроиться в котельную?" А к тому времени у меня был стаж работы в котельных лет десять. То есть уже ветеран. Спрашиваю: "Кем ты сейчас работаешь?" – "В бане уборщиком, из шланга полить, прибрать, все такое". Странная работа. Я говорю: "Вообще-то надо учиться, потому что котельная на газу, она более привилегированная, но туда просто так не возьмут, надо курсы заканчивать кочегарские. Попробуй найти угольную котельную, там можно устроиться и без корочек". Спустя какое-то время Цой действительно нашел котельную "Камчатка" и стал работать...»

12 октября 1985 года, на открытие нового сезона, Ленинградский Рок-клуб посетила примадонна – Алла Пугачева.

Вот что писал по этому поводу журнал «Рокси» № 10 1985 года:

«12 октября, Рок-клуб, открытие сезона. В зале – Михаил Боярский, Алла Пугачева – почти инкогнито, очевидно ищущая молодые таланты. На сцене и вокруг нее – ленинградское телевидение и кинохроника, привлеченная, наверное, выдающимися успехами Рок-клубовских ансамблей, а вовсе не присутствием известной певицы. Все горды, сплошные шушукания, разговоры – «Наконец-то заметили! Теперь что-то будет!» Сразу скажем о результатах: примерно три минуты концерта показали в программе ленинградских новостей в этот же вечер, в начале первого ночи (не правда ли, самое удобное время?), а Ляпина, по слухам, пригласили в "Рецитал"...»

Сохранился небольшой отрывок видеозаписи, позднее вошедший в фильм про Пугачеву – «Жди и помни меня»: взъерошенная АБ целенаправленно что-то «навевливает» сидящим вокруг музыкантам (она возбуждена, ведь у нее период увлечения рок-музыкой). А сидящий с краю Цой демонстративно и раздраженно отворачивается, всем своим видом как бы показывая свое отношение ко всему происходящему: «...достала»...

Николай Михайлов:

«Примерно в тот же период произошла одна забавная история. Алла Пугачева начала творчески заигрывать с рок-музыкантами. Ей очень нравился Рок-клуб, она приглашала нас на свой концерт, вела себя неформально, долго о чем-то разговаривала с Курёхиным. В итоге она выдала мне все свои секретные телефоны. Я даже и не думал по ним звонить, но тут у нас почти провалился очередной фестиваль. Наш аппаратчик куда-то сгинул со всей нашей техникой. А во Дворец молодежи как раз поступил отличный немецкий аппарат. Я попытался выпросить его у директора дворца, но он мне отказал. Тогда я Пугачевой и позвонил. Через 20 минут меня вызывает директор и говорит: "Николай Дмитриевич, ну нельзя же так все-таки. Аппарат возьмите, но так нельзя". Что она ему сказала, я не знаю. Алла Борисовна же в таких случаях в выражениях не стеснялась. Но аппарат она нам выбила...»

В ноябре произошли изменения в составе группы. 22 ноября 1985 года «КИНО» дало концерт в зале Рок-клуба, и это был первый концерт с новым бас-гитаристом. Из группы ушел Александр Титов.

Причина была проста: почти распавшийся к тому времени «Аквариум» усилиями Гребенщикова вновь собрался старым составом и на студии Тропилло начал работу над альбомом «Дети декабря». После выступления 26 сентября во Дворце молодежи «Аквариум» обрел былую славу и, как следствие, – плотный гастрольный график. Александр просто не смог больше разрываться между двумя группами и уведомил об этом Цоя.

Александр Титов:

«Как сейчас помню: позвонила Марьяша, и я сказал ей, что честнее всего для меня сейчас признаться в своей невозможности играть в "КИНО". Поставленный перед жестким выбором, я выбрал "Аквариум". "КИНО" – это все же другое поколение, а те проблемы, которые я для себя ставил, у них немного по-другому решались. Хотя бы на уровне текста... Если поставить рядом две эти группы, то они одинаковы для меня по ценности, но имеет значение смысл текстов. Для меня ближе был текст Гребенщикова».

Джоанна Стингрей:

«Я познакомилась с Титовым через Бориса. Поэтому я всегда идентифицировала его как члена "Аквариума", а не "КИНО"...»

Поскольку Александр не мог подвести группу перед фестивалем Рок-клуба, он подыскал себе замену, предложив Цою в качестве бас-гитариста Игоря Тихомирова из «Джунглей». Его кандидатура устроила всех.

Юрий Каспарян:

«Я затрудняюсь назвать точную дату прихода Игоря. Помню, это было связано с фестивалем ЛРК. Перед ним он уже всю программу знал. Он появился тогда, когда мы записывали "Неизвестные песни"...»

Георгий Гурьянов:

Подходит Титов и говорит: "Витя, ты знаешь, я буду играть в "Аквариуме", а в "КИНО" не буду играть». Витя покраснел и говорит: "Хорошо", – повернулся так на 45 градусов, подошел к Игорю Тихомирову: "Игорь, поиграешь у нас в группе?" Игорь: "Да, поиграю"».

Юрий Каспарян:

«У нас был одолженный у "Аквариума" бас-гитарист. И в какой-то момент возник конфликт интересов».

Георгий Гурьянов:

«Короче говоря, перед Александром встал выбор: или "КИНО", или "Аквариум". Да он никогда нашим не был. Он вернулся в группу "Аквариум". И все. Его Гребенщиков дал, а потом забрал в тот момент, когда почувствовал, что пахнет паленым, что группа "КИНО" его обошла, стала круче. Титов совершенно не вписывался в "КИНО", и это видно даже по фотографиям. У меня часто спрашивают – а это кто такой? Он же совершенно из другой компании. Конечно, он не вписывался. Он старше, хотя мы общались и в гости приходили друг к другу, но... Пока мы работали вместе, Виктор его уважал и прислушивался к нему. А потом перестал уважать...»

Юрий Каспарян:

«В альбоме "Это не любовь" мне нравится, как звучит бас-гитара. Очень хорошо звучит. Мы писали две недели или три этот альбом, а потом приходит Саша Титов после вечеринки, после гастролей "Аквариума", и за один день прописывает бас на всей пластинке. Это без вопросов, я поэтому и говорю, что Сашка просто супер... Просто он был не из нашей компании».

Джоанна Стингрей:

«И Юрий, и Густав – потрясающие бас-гитаристы: оба великолепно чувствуют музыкальный ритм и размер. Также игру обоих отличает зажигаемость («groove»). Я думаю, «КИНО» было и будет наиболее известно благодаря трем музыкантам из его первоначального состава: Виктору, Юрию и Густаву».

Александр Титов:

«У меня был период, когда после гибели Витьки я стал думать, что вот тогда, в 1986 году, когда я ушел из группы, у меня был выбор. Я мог бы уйти из "Аквариума" и играть в "КИНО". Выбрал "Аквариум". "Аквариум" был моего поколения, а Витька был на пять лет младше, и музыканты "КИНО" немножко младше меня. И, в общем-то, "Аквариум" был больше моей тусовкой, хотя я все равно ассоциировал себя с группой "КИНО". И когда Витька погиб, я очень много думал: что бы было, если бы я тогда не ушел.

Какие-то вещи могли бы сложиться по-другому. Мы ведь были не просто друзьями, а мы были близкими друзьями. Марьяна, покойная жена Витьки, – вообще моя подруга детства. Мы с 6 лет вместе с ней на даче жили. И когда я стал играть с Витькой, это было не просто то, что он пригласил какого-то басиста. Мы одна семья, понимаете? Поэтому для меня этот выбор был ужасно болезненным, я знаю, он тоже болезненно это воспринял, когда понял, что я вынужден уйти. И не было ни одного из музыкантов этой группы, кто бы равнодушно к этому отнесся.

И мне жить с этими демонами, с энергиями этого разрыва всю жизнь предстоит. Так вот, я думаю: что если бы я не ушел тогда? Я не пытаюсь придать себе большей значимости, но я думаю, что каждый человек, близкий, в определенном жизненном пространстве создает достаточное количество энергии, чтобы изменить ход событий, понимаете? Поэтому все могло бы быть иначе. Эффект бабочки».

В декабре 1985 года группа «КИНО» при помощи Джоанны Стингрей снимает два клипа – «Видели ночь» и «Фильмы».

Джоанна Стингрей:

«Мы здорово повеселились на съемках клипов "Ночь" и других... Юрий был на работе, так что не снимался, но Виктор, Густав и другие зажигали... Они никогда не делали видео раньше, и это было новое и интересное для них дело. Я им объяснила, что я снимала много разного и что нужно отпустить все и будет весело. Я думаю, что они иногда сомневались в том, что они делали, многое было слишком тупо, но в конце концов им понравилось. В качестве примера: когда Виктор играл на гитаре на дереве, он думал, что это будет выглядеть слишком глупо, а может, и не очень, но в конце концов эта сцена стала одной из лучших частей видео. Я не помню, как холодно было на улице во время съемок, но я всегда снимала с помощью естественного света, если это было возможно. Делать съемки в студии Тимура было странно, зная, что рядом КГБ, "Белый дом" – здание было прямо за окном».

8 декабря «КИНО» на пару с группой «Присутствие» отыгрывает концерт в ДК им. Володарского, а 20-го, в рамках предновогодней программы Рок-клуба, совместно с группой «Кофе», которую активно продвигает Алексей Вишня, группа выступает в ДК «Невский».

Вот тут следует особо отметить один факт. Именно на этом концерте в составе «КИНО» появляется второй гитарист – Юрий Лебедев.

По словам Андрея Бурлаки, тогдашнего редактора журнала «РИО», Цой, активно на тот момент стремившийся добиться как можно большей свободы собственного передвижения по сцене, хотел получить более плотное гитарное звучание. Однако несмотря на то, что звучание группы стало плотнее, Юрий Лебедев не задержался в составе «КИНО» надолго...

В свободное время музыканты «КИНО» наслаждались вечеринками в галерее «АССА». Галерея Тимура Новикова располагалась в расселенной квартире на Шпалерной улице. На тот момент «АССА» была самым модным местом в городе. В галерее тусовались художники-музыканты Ленинграда: Гребенщиков, Цой, Бугаев, Гурьянов, Курёхин и прочие, которые увлекались не только музыкой, но и живописью. В галерее, помимо выставок картин, часто проходили вечеринки и концерты.

Владимир Рекшан:

«Иногда я встречал Цоя на Невском. Точнее сказать – Цоя и его жену Марьяну. Виктор шел расслабленный, а Марьяна каждый раз ему что-то говорила с заговорщицким видом... Возле "Сайгона" помню Каспаряна, Гурьянова, художника Тимура Новикова, неизвестных мне девушек. Подходил Цой, весь в черном, компания смеялась и удалялась...»

Алексей Вишня:

«Власти в середине восьмидесятых уже не шибко свирепствовали. Музыканты свободно курсировали по Невскому проспекту, встречались во дворе Рок-клуба на улице Рубинштейна, тусовались, разливая под столом, на легендарной точке "ЧК" (название происходило от вывески "Чай – Кофе"). Главным отправным местом наших приключений было кафе "Сайгон" на углу Литейного и Невского. Кофе там стоил всего двадцать две копейки. Внутри толклись все-все-все: от продавцов западного винила до музыкантов и "сочувствующей" публики. Хорошая пластинка могла стоить до шестидесяти рублей – при средней зарплате инженера в сто двадцать.

В "Сайгоне" собирались взрослые бородатые мужики, совсем юные туда не совались. Тайком подливали в кофе коньяк, спорили об искусстве, курили травку, употребляли кое-что покрепче. Гребенщиков ежедневно приходил в "Сайгон" завтракать, и "Аквариум" там встречался, перед тем как двинуть на очередной концерт...»

Джоанна Стингрей:

«Однажды мы не могли найти такси, стояли на улице, и я уже чуть не плакала от холода. И Виктор был таким милым, он сказал: "Давай разговаривать и представлять, что мы на пляже, сидим в теплой воде". И мы начали играть в игру и рассказывать друг другу о том, в каком теплом месте мы бы сейчас хотели быть. В этот момент мы как раз закончили с Виктором песню Yemen – мы были на улице, ждали такси, обнимали друг друга из-за этого холода, но это был хороший момент, ведь мы написали песню Yemen. Yemen – это моя единственная песня в стиле регги, ведь она звучит, будто ты где-то на Ямайке, где тепло, время течёт медленно и все наполнено счастьем, и я не думаю, что эта песня появилась бы, если бы мы не застряли на улице в этом холоде...»

Мучительно рождавшийся альбом «Ночь» появится на свет лишь в январе 1986 года. И впоследствии этой студийной работе суждено будет стать яблоком раздора между группой «КИНО» и фирмой грамзаписи «Мелодия».

Из интервью Виктора Цоя:

– А каковы твои личные отношения с «Мелодией»?

– Еще хуже, чем с телевидением, потому что они – пираты. Выпускают пластинки группы «КИНО» без всякого согласования с нами, то есть в связи с выпуском пластинки («Ночь») никаких дел с нами не имели вообще. Я в одной газете прочитал, что выходит наш альбом. Я не знаю, почему в нашей стране государственная фирма может выпускать пластинки без раз-

решения и без всякого ведома автора, оформлять, как они хотят, писать что угодно. Я совершенно не понимаю, как все это возможно.

Вот как объяснил свои действия **Андрей Тропилло**:

«Действительно, пластинка получилась не очень красивая. Те, кто работал у меня в студии, знают, что одно из условий у меня такое: группа делает с записанным материалом то, что она хочет, а я – то, что считаю нужным. И альбом "Ночь" не был исключением. Я начал выпускать пластинки, на которых было написано, что записаны они в студии Ленинградского Рок-клуба, которой, кстати говоря, никогда не существовало... Из тех альбомов "КИНО", которые существовали, по качеству на тот момент проходила только "Ночь". Это был восемьдесят седьмой, и "КИНО" уже к тому моменту пошло по пути попсапии, но все-таки от прежнего имиджа ушло недалеко. Цой мне тогда ответил, что в принципе пластинку можно выпустить, а может, новый альбом записать? Договорились, что надо будет сделать оформление. Прождали, наверно, полгода, оформления, конечно, так и не появилось – и я стал снова к Цою обращаться. Потому что все остальные пластинки были уже сданы в производство, а "КИНО" все никак. Я подключил своего художника Колю Третьякова. Цой сказал: "Разбирайтесь с Марьяной. Марьяна за все будет отвечать". Мой художник встречался с Марьяной три раза, причем с очень большими трудностями, и они договорились о том, что все нормально и оформление ее устраивает. Расписок, конечно, никто никаких не брал. Я запустил все в производство с тем оформлением, которое одобрила Марьяна. Причем я даже допускаю, что группа в то время уже настолько витала в облаках, занималась съемками фильмов и тому подобным, что могла даже не слышать об этом. А потом, когда вышла пластинка, Цой мне заявляет: мы вообще про эту пластинку ничего не знали, мы не хотели, чтобы она выходила, и что это вообще за оформление? Мне Густав Гурьянов сказал: "Да у нас одиннадцать штатных художников!" А ты, мол, такое говно нарисовал, типа того. А дело все в том, что тянуть уже никак нельзя было. Нужно было или выпустить, или вообще никогда не выпускать».

Из интервью **Георгия Гурьянова**:

«У альбома "Ночь" ужасная обложка. Я не мог потом видеть Тропилло, я хотел его просто убить за эту обложку, потому что у группы "КИНО" было в распоряжении три великих художника, все наши друзья – Евгений Козлов, Тимур Новиков и Олег Котельников. Ну и мы с Витей. И тут вдруг такая обложка...»

Андрей Тропилло:

«Группа "КИНО" при всяком удобном случае кричала, что Тропилло, сволочь, не посоветовавшись с нами, напечатал пластинку, которую мы вообще знать не знаем. Но я думаю, что именно пластинка "Ночь" и песня "Анархия" сделали группе "КИНО" то самое паблисити, благодаря которому о них узнали широкие народные массы».

Солдат шел по улице домой
И увидел этих ребят.
«Кто ваша мама, ребята?» —
Спросил у ребят солдат.

Мама – анархия, папа – стакан портвейна.
Мама – анархия, папа – стакан портвейна.

Как бы там ни было, история с пластинкой «Ночь» испортила отношения группы «КИНО» с Андреем Тропилло (соответственно и с фирмой «Мелодия») навсегда. Как говорил потом сам Тропилло, группа «КИНО» для него как бы умерла в 1987 году.

Андрей Тропилло:

«Цой уехал в Москву, к гражданской жене Наташе Разлоговой, и мы практически потеряли связь. А с появлением в жизни Вити Юрия Айзеншписа ситуация пришла к своему логическому завершению: рокер стал поп-исполнителем. Тогда он для меня и "умер"...»

Как вспоминали свидетели тех событий, реакция Цоя на действия Тропилло и «Мелодии» была довольно простой. Он просто презрительно скривил губы и, выпустив с пренебрежением воздух – пффффф... – сказал: – «Гнилая контора, претензий нет».

«КИНО» в кино

Начало 1986 года связано у группы «КИНО» с выступлением 4 января в питерском ДК им. Шелгунова. На сей раз группе в качестве второго гитариста помогал Дмитрий Анашкин из «Электростандарта». Анашкин, равно как и Лебедев, долго не задержался в «КИНО», поскольку совершенно не устраивал «киношников» своей манерой игры и чуждым им стилем. Именно тогда возникла идея привлечь в группу в качестве перкуссиониста Сергея Бугаева, тем более что Африка был всеобщим знакомым и входил в тусовку «Новых художников».

Цой стал давать все больше акустических концертов, много ездил по стране, и популярность «КИНО», по словам Марьяны Цой, «нарастала как снежный ком».

Из Америки пришла долгожданная посылка от Энди Уорхола. В ней оказалось несколько подписанных им портретов Мэрилин Монро, несколько банок супа «Кэмпбелл» с автографами Уорхола на этикетках и два экземпляра первого издания книги «Философия Энди Уорхола (от А до В)», также с автографами.

Именные подарки от Энди Уорхола тогда получили Сергей Курёхин, Тимур Новиков, Виктор Цой, Сергей Бугаев Африка, Георгий Гурьянов, Андрей Крисанов, Олег Котельников и Борис Гребенщиков. Все они в то время входили в состав организованной ими Новой Академии Всяческих Искусств, на собрании которой они приняли решение о присуждении Энди Уорхолу звания академика. Тогда же (в январе 1986 года) была произведена в галерее «АССА» первая квартирная выставка Энди Уорхола в СССР.

Существуют разноречивые сведения о дальнейшей судьбе уорхоловского дара. Известно, что суп, принадлежащий Георгию Гурьянову, через некоторое время начал вытекать как желе; суп Бугаева, простояв лет семь-восемь в его коллекции, взорвался, и в дальнейшем, опять же по слухам, Бугаев выменял или получил в подарок суп Гребенщикова.

Что же касается Цоя, то, как вспоминал Рашид Нугманов, у Виктора банка супа, подписанная Уорхолом, красовалась на проспекте Ветеранов и впоследствии переехала в дом к Наташе Разлоговой, где и хранится по сей день. По воспоминаниям Нугманова, Виктор рассказывал ему, что Олег Котельников, получивший точно такую же банку, оказался единственным из всех, кто вскрыл ее и съел суп. Поступок, достойный настоящего художника...

Вообще 1986 год стал для «КИНО» годом открытий, что видно по воспоминаниям соратников по музыкальному цеху о том периоде жизни Цоя.

7 марта группа вместе с «Зоопарком» и «Аквариумом» выступает на концерте, посвященном 5-й годовщине Рок-клуба.

12 апреля Цой вместе с Николаем Михайловым выступает в Куйбышеве, где местные комсомолцы пристают к Виктору с провокационными вопросами, на которые Цой находит блестящие, остроумные ответы...

Николай Михайлов:

«Однажды мы с Виктором приехали в город Куйбышев. Это было в апреле 1986 года, за две недели до Чернобыльской катастрофы. Пригласил нас Саша Астров. Мы приехали с очень такой любопытной миссией: я рассказывал о деятельности Рок-клуба, а Виктор, не будучи очень разговорчивым человеком, пел в каком-то музыкальном кафе... Жили мы во Дворце молодежи. А началась эта поездка с того, что в местном Доме самодеятельности Виктору прямо по приезду заплатили 80 рублей... Он сказал: "Да-а, это, конечно, не деньги, но впервые мне платят, когда я даже еще не раскрыл гитару". А завершилось все это в каком-то кафе, где был вечер какой-то комсомольской организации. Они очень нападали на Виктора за то, что он поет такие безыдейные песни. И мы как могли с Сашей Астровым защищали его. Виктор совершенно разозлился и на нас, и на них и спел песню "Я объявляю свой дом безъядерной зоной". На что те самые комсомолцы начали говорить: "Вот может же человек, ведь понимает, что в этой жизни нужно, у него есть идейная позиция". Но тут уже разозлились мы с Сашей. И начали говорить: "Неужели не понимаете, что безъядерная зона – не только зона, свободная от ядерного оружия, но и свободная от электростанций атомных..." "Которые имеют обыкновенное время от времени взрываться", – сказал Виктор... И две недели спустя случилась Чернобыльская катастрофа. Не знаю, как себя чувствовали комсомолцы, а я себя чувствовал не очень-то уютно после этой поездки».

Александр Астров, устроитель концертов:

«Одним из моих первых земляков, кто услышал ленинградский "Зоопарк" в Куйбышеве, был Кук. У него был одноклассник, сейчас покойный, к сожалению, который учился в Москве, и он, приехав на каникулы из Москвы, рассказал, что... творятся безобразия. А все слушали Pink Floyd и King Crimson, но Discipline – это был уже авангард крутой. Какой-нибудь Television или Sex Pistols никто не слышал вообще!

Очень много тогда было непонятного и случайного... Я знал, что я хотел, но у меня не было жестких предпочтений, да и не могло быть. Расчет был на то, что вдруг получится. Я довольно долго разговаривал с Гребенщиковым, и что-то там не складывалось. А потом Цой, когда мы уже договорились и ехали с ним в Самару, сказал, что Гребенщиков пожалел: "Эх, а я не знал, если бы знал – с тобой бы поехал..." О коммерции никакой тогда никто не думал. Потому что, если бы я, например, думал о коммерции, то я не стал бы привозить "Ночной проспект" или "Центр".

...Цой должен был выступить в "стекляшке" райкомовской. Было два основных концерта. Сразу из аэропорта – в ДК 9 ГПЗ, там был концерт в таком полупустом зале. Но концерт нигде больше быть не мог. Потом мы у Рахилькина, который тогда работал сторожем в школе рядом с ДК, пили какую-то гадость. Потом он пошел в "стекляшку" Промышленного райкома. Там был не концерт, а больше такой "трепологии", за которую меня, кстати, уволили потом с работы. И это все было в пятницу. На следующий день был концерт в "Согласии", а в понедельник они уехали.

Цой никогда не пел про себя, даже если песня от первого лица. Всегда подразумевались еще какие-то люди, которые делают то же самое и живут точно так же. Всегда подразумевалась какая-то тусовка, которая не обязательно должна быть антисоветской, достаточно было того, что она была несоветской, показывала: в этой структуре, несмотря на всю ее жесткость, в принципе, возможна другая жизнь. И не просто жизнь каких-то отдельных отмороzków, а такая жизнь, когда люди живут *вместе*, что-то вместе делают. Даже Кинчев это уловил и начал

орать, что "мы – вместе!" Да, это был до какой-то степени перевод тех же Who, но он был востребован...»

Алексей Баранов, музыкант:

«В 1986 году "Седьмая ступень" записала свой первый "профессиональный" магнитоальбом. Появились контакты с питерским Рок-клубом – запись там очень хорошо приняли. Весной в Самару приехали Цой и Коля Михайлов, один из руководителей Рок-клуба. Они привезли очень качественно записанные магнитоальбомы, которые потом быстро разошлись по Самаре. Цой отыграл на паре площадок в городе, а ночью они прибыли в закрытое на ремонт университетское кафе "Гаудеамус", где и состоялось выступление "Седьмой ступени" в узком кругу. Отыграли очень сильно. Все были просто в восторге. Потом Цой пел свои песни под гитару почти до утра. Никогда не забуду эту ночь... Цой пел за столом, но с полной отдачей, как на концерте. Было человек 30. Много общались. Питерцы рассказывали, как им удалось создать Рок-клуб. Все это напоминало встречу подпольщиков. Рок-революция не за горами... Разошлись под утро. Жаль, фотографий нет...»

Покинувший группу Александр Титов не ошибся с выбором замены себе. Бас-гитарист Игорь Тихомиров оказался для группы поистине находкой, а его высокий профессиональный уровень позволил «КИНО» 31 мая 1986 года хоть и не совсем успешно, но все же выступить на 4-м фестивальном концерте Рок-клуба. Нужно отметить, что «КИНО» играло расширенным составом. Помимо Африки был приглашен клавишник Дмитрий Павлов, игравший в ресторане «Океан».

Александр Титов, незадолго до этого покинувший «КИНО»:

«Это был явно неудачный концерт. Цой запел совершенно другим голосом, в котором себя еще не почувствовал. Новый репертуар выглядел мутным и неразборчивым. Особенно меня поразила адская монотонность в аранжировках, которые казались тогда откровенно дубовыми. Возможно, во мне говорила ревность... И только значительно позднее я понял, что в этом повороте Цой был прав, точно рассчитав все надолго вперед. Это был самый первый концерт, который вдруг изменил их стиль, – именно концерт 1986 года, Рок-клубовский фестиваль в ДК "Невский". На этом концерте Витка весь свой репертуар запел низким голосом. До этого он пел более-менее нормальным голосом – здесь он сознательно стал петь низким. Ему сначала даже, я чувствовал, было не совсем удобно, он не мог выпеть, не очень хорошо себя слышал. Но ясно было, что это его решение, что он осознанно это сделал. Многие тогда на концерте говорили, что искусственно звучит и непривычно. Что это вдруг, как это? Но постепенно, видите, он добился своего».

Георгий Гурьянов:

«Вообще там было все не то и все не так. Для этого концерта мы взяли клавишника, басиста. Все было нормально отрепетировано, договорено, и в момент концерта все вдруг стали совершенно другие партии играть, от балды. Витя не был готов к такому повороту. Публика еще немножко отморозенная была. В общем, не пошло. Там был еще такой забой – "Любовь – это не шутка", в стиле Sex Pistols. Такое мощное рубилово, которое тоже никак не пошло. Все было не так. Сохранилась запись даже, свистящая такая... У нас у всех там были косяки – Каспарян, Тихомиров не то что-то играют... Крыша поехала. А я на общем фоне загнал все страшно быстро. Хай-энерджи получилось такое. В общем, это было неудачное выступление».

Действительно, многие называют то выступление «КИНО» неудачным. Возможно, потому, что шквальный успех «Аквариума» на фестивале затмил все. Гребенщикову кричали

«бис» и «браво», как на академическом концерте, он тонул в охапках сирени и розовых букетах, ошалевший народ раскачивал Дом культуры: «Рок-н-ролл мертв!»

Как писала Марина Тимашева, «на самом деле почти мертв от сознания провала был Виктор Цой». Виноватыми Цой считал слушателей: «Они ничего не поняли. Хотелось спуститься со сцены и набить морду первым четырем рядам». Утешителям Цой заявил: «Должно быть так, как у Гребенщикова. Он поступил нечестно – просто спел старые вещи. Я тоже мог так поступить, но вышел с новой программой...»

Андрей Тропилло:

«Мы вложили в Витю много сил и энергии, но все равно нашей любви и заботы для счастья Цоя явно не хватало. Он мечтал об огромной аудитории, о стадионах, чтобы его обожали миллионы.

– Знаешь, – как-то объявил Цой, – я бы хотел, чтоб меня любили не за песни, а за то, что я просто есть.

Я улыбнулся. Это же я годом ранее привел Вите цитату из Ницше о том, что из всех героев в истории есть всего 12 человек, которые важны не тем, в чем они участвовали, а сами по себе. И вот он тоже захотел стать героем, важным сам по себе, и стал для этого готов на все!

От этого Витино желания песни "КИНО" постепенно поповели. Году в 1985-м Цой вдруг сильно изменился, даже смеяться по-другому стал. Он вел себя так, будто его непрерывно снимают на пленку. "Мы ждем перемен" он сотворил на потребу публике, после провала с лирической программой на фестивале Рок-клуба. Из Цоя вдруг полез "несокрушимый" брюслиечный героизм, и, наверное, с точки зрения стратегии это было правильно...»

Как бы там ни было, но с приходом Игоря Тихомирова состав группы полностью стабилизировался. «КИНО» неотвратимо вступало в свой последний, «звездный», «героический» период.

Шефство Гребенщикова и «Аквариума» осталось в прошлом – Цой и его соратники больше не нуждались в помощи и советах, группа не только «вписалась» в рок-тусовку, но и стала одним из лидеров движения. Отрешенно-молчаливые, затянутые в черное, «киношники» начинают разительно выделяться на фоне остальных персонажей питерской и московской рок-сцены.

Егор Белкин:

«Я познакомился с Цоем на ленинградских фестивалях 86–87. Мне не все нравилось из того, что звучало на тех фестивалях, и я достаточно много времени проводил в буфетах. Стою один в буфете, и ко мне вдруг подходит человек восточной наружности и говорит:

– Слушай, у меня бабок нет, а у тебя есть? – Я говорю: – Да, есть. – Можешь угостить? – Угощу, – ответил я и взял ему то, что он хотел.

Так получилось, что мое знакомство с Цоем началось с того, что я угостил его выпивкой...

Я купил квартиру в центре, на Воронежской улице, в которой Цой часто оставался ночевать. Там жил художник один, и Цой часто у него зависал. Тот художник рассказывал мне, что Виктор спал в наушниках, чтобы ему в уши не заползли тараканы...»

Даниэль Орлов:

«У 32-го троллейбуса кольцо было на проспекте Маршала Суслова, соответственно от Ветеранов он пустой шел. И я часто, когда из центра возвращался, оказывался в этом пустом "тридцать втором" вместе с Цоем. В троллейбусе и начали общаться. Цой спросил, что я читаю. А я читал Чейза. У моего отца было томов тридцать самиздатовского, по два романа в томе.

Они с отцом начали обмениваться книгами, говорили о литературе, кино и музыке. В музыке он хорошо разбирался, а в книжках – нет. Парень был очень обаятельный. Мне казалось, что он всегда готов расхохотаться. Он и смеялся часто. Мы были молоды, мир вокруг менялся очень быстро, быстрее, нежели мы выросли. Тогда мы были романтиками. Все надеялись и верили, что вот-вот наступит что-то очень хорошее».

Зимой 1986 года группу «КИНО» приглашают принять участие в съемках кинофильма. Цой соглашается – ему интересно попробовать себя в новом амплуа.

Предложение поступило от студента режиссерского факультета ВГИКа Рашида Нугманова. Предыстория фильма такова. Осенью 1985 года студент операторского факультета Алексей Михайлов обратился к своему знакомому по ВГИКу, второкурснику Рашиду Нугманову, с предложением снять документальный этюд о рок-музыке. Алексею полагалась пятиминутная учебная работа, на которую было выделено две коробки черно-белой 35-миллиметровой пленки, и он задумал снять сюжет о западном роке, используя архивные материалы с рок-фестиваля «Вудсток». Но Нугманов сразу же предложил Михайлову пойти иным путем и снять фильм исключительно о русском роке, благо Михайлов был знаком с Константином Кинчевым. При этом снять не пятиминутную зарисовку в Москве, а максимально большую, насколько это возможно, картину в Питере. Рашид предложил сокурснику Алексея, Тельману Мамедову, присоединиться к производству фильма со своими положенными ему пятью минутами учебной работы, а остальное – покупку пленки, поездки в Ленинград, организацию производства – решил финансировать сам.

Архимед Искаков, учитель, персонаж фильма «Игла»:

«Начало 80-х годов – это был самый застой, настолько, что было ощущение, что дышать нечем. Тогда считалось, что мы самая читающая страна. Мы прочли все, что можно было: даже толстые сборники детективов на украинском языке, потому что на русском было невозможно что-то найти. У нас сложилась замечательная компания, где был я и мои друзья. Собирались мы все время у Рашида Нугманова, у будущего режиссера фильма "Игла". Мы начали сами читать на английском языке детективы, боевики, которые покупали в Москве, в Академкниге или букинистах. Отдавали от пяти до десяти рублей тайком за каждую книгу. Читали зверски, никаких курсов тогда особо не было. Мы читали так: вот книга, вот словарь. Двадцать раз в словарь посмотришь и запомнишь значение слова "again". Нас было около десяти ребят в возрасте от 20 до 30 лет. Все с высшим образованием, почти все холостые. Все центровые. Мы почти каждый день собирались у Рашида, пили вино "Прибрежное" за два рубля и пять копеек. Разговаривали за жизнь, обсуждали музыку и литературу. Тогда у нас появилось желание, инициатором был Рашид, издавать самиздатовский журнал. Главное правило – никакой политики, так писали все, что угодно. Журнал назвали "Ззга". В 80-е годы до Горбачева вообще ничего не разрешалось, вякнуть нельзя было. Мы выпустили два номера "Ззги", я туда свои очень неудачные стихи написал. Один номер был посвящен памяти Джона Леннона, а второй Джиму Моррисону, вокалисту группы The Doors. Печатали на ротапринтере, другой техники почти и не было. 100 экземпляров мы раздали друзьям. Нас сразу же замели в КГБ, полгода таскали. Мы все имели очень серьезные проблемы. Нас не били и не пытали, но биографию сломали. Дальше учителя мне нельзя было пройти. Мы продолжали встречаться у Рашика, читали, слушали "битлов", Высоцкого. Понимали, что мы молодые и крепкие, но еще никак не реализованные. Нам оставалось только пить вино и довольствоваться тем, что есть. Но потом наступил апрель 1985 года – перестройка. Горбачев пришел к власти, и сразу повеяло воздухом свободы, весной, талым снегом. И мы опять на кухне начали заводить разговоры о том, что нужно что-то менять. В один прекрасный вечер вдруг пришел взбудораженный Рашид Нугманов и говорит: "К нам из Москвы приехал Сергей Соловьев, знаменитый режиссер, который позже

поставил 'АССУ'. Он набирает здесь казахстанскую группу, завтра надо сдавать экзамены". Мы не сомневались, что сдадим все. По пьяной лавочке договорились в семь утра встретиться, наутро с бодуна пошли сдавать всего три человека: Рашид, его брат и Борька, наш художник. Они прошли и уехали...»

Вместе с известным московским тусовщиком Валерием Песковым, успевшим сыграть в студенческой постановке Нугманова «Маленькие голландцы», Рашид стал регулярно ездить в Ленинград. Там он познакомился с ленинградской тусовкой, которую почти в полном составе вскоре сам снял уже в своей картине.

Наталья Стрельцына, фотомодель:

«Дипломной работой Рашида Нугманова был фильм "Йа-хха!". В тот день почему-то все были заняты и водить по Питеру Рашида доверили мне... Он сразу сказал, что мы сначала идем к Майку Науменко, а потом к Цою знакомиться... Я не очень помню, почему я сразу не лишилась чувств, ведь мне было 16 лет и оба были моими кумирами... Дверь жуткой коммуналки нам открыла, по всей вероятности, "сладкая Н" в жутком же халате в цветок и сказала, что Майка нет дома... Тогда мы пошли к Цою... Так я впервые попала в мастерскую Андрюши Медведева на Загородном... На кухне были только Гриша Сологуб (которого я тоже видела впервые) и Цой... Цой гостеприимно спросил: "Будешь вино, девочка?"

...Я что-то простонала в ответ, и он налил мне красное вино в фарфоровую чашку (не забуду эту чашку!)... Я думала только об одном: как я могла надеть этот ужасный свитер именно сегодня!!! Следующая история с Цоем была намного веселее!»

Съемки фильма начались в мае 1986 года, о чем свидетельствуют воспоминания самого Рашида Нугманова и его записная книжка, сохранившая записи о «стрелках» с Цоем в «Камчатке» и адрес дискотеки «Невские звезды», где будут сняты кадры с «Алисой» и «Зоопарком».

Константин Кинчев, лидер группы «Алиса»:

«Цою очень важно было знать, что модно в данный момент. Он заявлял, что они, мол, самая модная группа. Не хочу сказать плохое, но конъюнктуру Цой очень чувствовал. Все, что модно, он отслушивал, отслеживал и анализировал».

Из воспоминаний Максима Пашкова:

«Когда я в 1986 году вернулся из армии, Цой сказал мне: "Видишь, какой я знаменитый? Очень просто все просчитать и понять конъюнктуру в данный момент. Во всей культуре существуют определенные дыры, которые надо затыкать, на них работать и делать звезду. Нужно только почувствовать, найти это место, и все"».

В 1986 году Цой действительно из робкого юноши превратился во взрослого человека с собственными принципами, от которого исходила, по словам окружающих, особая, неведомая энергия. Вместе с ним «КИНО» набирало обороты на пути к славе.

Практически сразу после фестивального концерта «КИНО» в полном составе отправилось в Киев на съемки в фильме «Конец каникул» (режиссер – выпускник Киевского института театрального искусства Сергей Лысенко).

Александр Евтушенко:

«От своих друзей я узнал о том, что в Доме ученых можно вклинить в план проведения мероприятий (такие планы были обязательны) со своей программой.

О группе "КИНО" администрация Дома ничего не знала, и мне не составило большого труда убедить директора пригласить перспективную молодежную группу.

Зал на сто мест был забит до отказа. Концерт был полной импровизацией. Послушать Цоя пришли молодые ученые в строгих костюмах и галстуках. Правда, уже после первой песни они галстуки снимали и принялись размахивать пиджаками над головой в такт музыке. Это уже были совершенно другие люди...

Во время концерта в зал ворвалась директор Дома ученых и, вытащив меня за руку, потребовала немедленно прекратить "это сборище". Она кричала: "Кого вы сюда привезли? Они же фашисты!" На мой вопрос: "Почему вы думаете, что группа 'КИНО' – это фашисты?" директор сказала: "Они же все в черном!"» К тому же ей очень не понравилась песня "Мы ждем перемен", всего через несколько месяцев ставшая настоящим гимном перестройки. Именно ее она назвала идеологической диверсией.

Я понимал, что нужно что-то делать, и начал тянуть время. Говорил, что на концерт пришла не какая-нибудь шпана, а молодые ученые, что ведут они себя так, потому что это рок-музыка. Одним словом, я убеждал директора до тех пор, пока концерт не закончился. Жалко, что самому мне не удалось его послушать полностью – он не записывался ни на видео, ни на магнитофон. Интересно, кстати: первое выступление Цоя в Киеве проходило рядом со столичной прокуратурой, а второе – возле здания КГБ.

Возможно, именно с концерта в Доме ученых и началось всеобщее признание группы "КИНО". Сразу же после выступления Виктору предложили сняться в фильме Сергея Лысенко "Конец каникул". Это была первая роль Цоя в кино. Именно на съемки этого фильма он приехал в Киев во второй раз...

С Виктором Цоем украинского режиссера и тележурналиста Сергея Лысенко судьба свела в 1985 году.

Сергей Лысенко, кинорежиссер:

«Как для нынешнего поколения знаковым устройством является компьютер, для моего таким предметом был магнитофон. Мы все воспитывались на магнитофонной культуре. Сперва это были западные коллективы, потом, в середине 80-х, пришел черед подпольных групп советского рока. Как-то в гостях у своего приятеля я услышал самый первый альбом Цоя – "45". И, как говорится, зацепило. Тогда я, студент пятого курса факультета кино Киевского театрального института, готовился к съемкам своей дипломной работы. Решил, что это будет музыкальный фильм, в котором непременно должна принять участие группа "КИНО". Окончательное решение по поводу съемок "КИНО" в кино я принял осенью 85-го. Кстати, помогло мне в этом появление в журнале "Аврора" заметок писателя Александра Житинского о ленинградском Рок-клубе. С одной стороны, эта статья меня немного успокоила в плане легальности происходящего. Своим институтским преподавателям я мог теперь с легким сердцем сказать, что собираюсь снимать не каких-то там подпольщиков, а талантливых молодых музыкантов, о которых пишут в прессе. С другой стороны – раззадорила, потому что я понял, что раз о парнях стали писать, скоро их начнут снимать. Мне же хотелось быть первым... Короче, я позвонил своему другу Роме Альтеру и сказал, что нам пора ехать в Питер знакомиться с "КИНО".

Вместе с ним и его женой Ирой мы погрузились в поезд и через сутки оказались в Ленинграде. Из контактов у нас был только телефон некой Яны, приятельницы нашего общего друга (Толика Векслярского). Он уверял, что Яна знает в Питере абсолютно всех и, безусловно, выведет нас на группу "КИНО".

Друг был прав – Яна оказалась приятной общительной девушкой, которая без промедления снабдила нас номером Николая Михайлова, президента Ленинградского Рок-клуба. Работал он тогда во Дворце молодежи. Мы поехали к нему и прямо в комнате, где сидел Коля,

столкнулись со Славой Задерием. К этому времени я кое-что уже слышал об этом музыканте и решил дать почитать ему сценарий – просто так, на пробу. Пробежав глазами три напечатанные на машинке странички, Задерий без всяких предисловий заявил, что сценарий совершенно не рок-н-рольный и соваться с ним к серьезным музыкантам не стоит. "Пригласите бит-группу 'Секрет', – сказал он, – они вам больше подойдут". После этой устной рецензии я изрядно пригорюнился. Если Задерию не понравился сценарий, то что скажет Цой? Но отступать уже было поздно.

Что до Коли Михайлова, то он оказался куда более доброжелательным. Выслушав нас, он посоветовал ехать непосредственно в Рок-клуб, на Рубинштейна, 13.

Вот там я наконец-то впервые увидел Виктора Цоя – правда, лишь на фотографии. Наталья Веселова, руководившая Рок-клубом, вывалила перед нами целый ворох снимков. Кого там только не было! "Аквариум", "КИНО", "Зоопарк", "Россияне", "Странные игры", Александр Башлачев и прочая, и прочая, и прочая... Помню, мы разглядывали эти фото как замороженные – это была словно дверца в другой мир... Веселова дала мне номер Цоя, и я в тот же вечер позвонил ему и сказал: "Виктор, я хотел бы снять вас и вашу группу в своем фильме". Договорились о встрече на следующий день.

Увиделись мы в кафе "Сайгон" – известном на весь бывший Союз тусовочном месте. Не знаю, во что он трансформировался позднее, но тогда это была классическая советская забегаловка с высокими столиками, за которыми можно было только стоять, и мрачноватым интерьером. Но тогда там можно было увидеть весь богемный Питер.

Цоя, я конечно же узнал сразу. Но даже если бы я не видел накануне его фотки, думаю, все равно бы не ошибся. Что-то такое было в этом человеке, что сразу обращало на себя внимание... До сих пор помню, как он возник в дверном проеме кафе (встретились мы днем, и народу в "Сайгоне" было немного), в черном плаще со значком "КИНО" на отвороте. (Конечно, это не был фирменный значок группы, просто на нем было написано "КИНО" латинскими буквами.) Мы пожали друг другу руки, и я в двух словах рассказал о цели нашего визита в Ленинград. После чего сунул ему в руки сценарий и стал с замиранием сердца ждать реакции. В ушах у меня все еще звучали слова Задерия... Но – о чудо! – Цой, перелистнув последнюю страницу, сказал, что прочитанное ему, в принципе, понравилось. И даже добавил нечто о "панк-романтике", которую он узрел в моем опусе. У меня отлегло от сердца, и я окончательно понял, что это тот парень, который мне нужен.

Самыми первыми моими впечатлениями от Цоя были исходящие от него спокойствие и уверенность в правильности того, что он делает. Я знал, что встречаюсь с одним из самых ярких питерских рок-музыкантов, и ожидал чего угодно. Но передо мной был совершенно нормальный, абсолютно адекватный, разумный человек. И еще помню, что при общении с ним у меня постоянно возникало ощущение некой недосказанности – как будто он знает больше, чем говорит.

Итак, сценарий ему понравился. Витя с удовольствием согласился сниматься. Тогда "КИНО" еще не была всенародно популярной группой, но Цой уже знал себе цену. Он прекрасно разбирался в музыке, у него был безупречный вкус.

Пока мы пили кофе в "Сайгоне", к нам ненадолго присоединился Сергей Курёхин – невысокий, улыбчивый парень, который, узнав, кто мы такие, тут же скалабурлил что-то насчет "'КИНО' снимается в кино", но подробностей, к сожалению, не помню. Конечно, кое-что я о нем к тому моменту слышал, но подлинного масштаба его личности оценить тогда еще не мог...

Потом мы немного прогулялись по Невскому, и Цой неожиданно предложил зайти к своему другу, художнику Тимуру Новикову, который жил неподалеку... Деталей этого визита, увы, моя память не сохранила. Помню только самого Новикова – очень внутренне собранного и в то же время веселого, помню его приятеля, художника по имени Кирилл, который, по его словам, занимался панк-живописью в городских туалетах (я был настолько поражен, что не

стал узнавать подробности). Помню, что из магнитофона доносился голос Джоанны Стингрэй, исполнявшей песню "Аквариума" "Мне снится пепел" на английском языке. В общем, все это было сплошным культурным шоком. За какую-то пару часов я познакомился с тремя столпами питерского андеграунда. К сожалению, никого из них уже нет в живых...

Любопытно, что с остальными участниками "КИНО" в первый свой приезд я так и не познакомился – уж не помню почему. Но покидал я Ленинград успокоенным – главным было то, что я встретился с Цоем, ему понравился сценарий и он дал принципиальное согласие на участие в съемках.

В следующий раз я приехал в Питер уже зимой – то ли в конце 85-го, то ли в начале 86-го года. На этот раз я взял с собой оператора Олега Смирнова – мне хотелось, чтобы он слегка окунулся в ленинградскую жизнь наших героев. Вот тогда-то Цой и познакомил нас с Георгием Гурьяновым и Юрием Каспаряном. (С Тихомировым я встретился уже в Киеве, когда группа прилетела на съемки.) Главным впечатлением было, что это – коллектив, спаянный и сплоченный. И очень гармоничный – все как бы дополняли друг друга, как ни банально это звучит. Позитивный, слегка брутальный Юра Каспарян, чувствительный, немного капризный Густав, мудрый Цой, сдержанный Игорь Тихомиров. Это был свой круг, своя тусовка, куда посторонним путь был заказан. Мой друг Сергей "Першинг" Першко, работавший со мной на съемках в качестве администратора (и очень много сделавший для фильма – так же, как и Рома Альтер), признавался, что воспринимает "КИНО" как монолит, в котором нет ни малейшей трещинки. Конечно же, лидером был Цой, но остальные отнюдь не были фоном для главного героя. Виктор, скорее, выступал как "первый среди равных". Мне он, кстати, говорил, что очень хочет, чтобы ребята тоже сочиняли песни. Но, насколько мне известно, Цой так и остался единственным автором всего репертуара "КИНО".

Фильм "Конец каникул" небольшой, из трех частей. Снимали недели две. "Киношники" прилетели в Киев в начале лета, это был 1986 год. У нас тогда еще был глухой "совок" – Советский Союз. Поздним вечером, часов в 11–12, я поехал встречать ребят в "Борисполе". Когда они спустились по трапу все в черном, в темных очках, у меня было ощущение (до сих пор его помню), что я выпустил джинна из бутылки... Витя был довольно замкнутым. Под конец, когда мы больше узнали друг друга, общаться стало легче. Несколько вечеров провели, просто разговаривая. Цой производил впечатление очень разумного человека. Как раз на время съемок пришелся Витин день рождения – 21 июня. Я подарил ему пластинку группы Duran Duran – он их тогда очень любил. Поскольку это было "чернобыльское" лето, парни немного боялись ехать в Киев, туда, где поблизости взорвалась атомная электростанция. Но все же приехали. Как известно, лучшее средство для выведения радионуклидов из организма – красное вино. Во время застолий именно его и пили. Цой достаточно спокойно относился к выпивке, как и к любого рода стимуляторам, несмотря на распространенное мнение, что рок-музыканты – это наркотики, сплошные дебоши, разбитая мебель в гостиницах. Жили ребята в гостинице "Славутич", что на левом берегу Днепра. Эксцессов не было. Правда, один раз, помню, Цой пришел на съемки с разбитой губой. Сказал, что поскользнулся и упал, мы дружно не поверили, но расспрашивать не стали...

Где-то неделю мы снимали Цоя вместе с группой, потом ребята уехали, и еще неделю мы снимали Виктора одного. Кстати, "КИНО" было очень монолитной группой. Несмотря на то что могло сложиться впечатление, что все вертится вокруг Виктора, на самом деле, когда ты видел их вместе, то понимал, что все они абсолютно равнозначны. И вот, когда мы снимали их вместе – по двенадцать часов в день, – музыкантов вполне удовлетворяла компания друг друга. Ну а потом, когда Цой остался в Киеве один, мы как-то старались скрашивать его одиночество – сидели "на хатах", как тогда говорили.

Виктор уже в то время, в 1986 году, понимал, что он "выстрелит" – станет звездой. А что касается работы, то у меня к нему не было никаких претензий. Цой в то время уже был

очень заинтересован таким явлением, как видеоклипы, и было видно, что вот этот киевский эксперимент был для него очень важен. Капризничал только барабанщик Густав Гурьянов – по поводу одежды, в которой он снимался. Я его просил что-то переодеть, а он долго со мной спорил. Ну а Цой к тому времени уже очень хорошо разбирался в клипах – видео Duran Duran на песню Wild Boys было для него эталоном. Он мне много и очень эмоционально рассказывал об этом навороченном клипе, но я только вздыхал в ответ, потому что понимал, что с нашей техникой снять такое невозможно.

Кстати, в описании концерта в Доме ученых, которое привел Евтушенко, много неточностей. Я присутствовал на концерте и могу с уверенностью сказать, что никаких молодых ученых, размахивающих пиджаками, там и близко не было. И вообще сам концерт проходил не в зале Дома ученых, а в фойе...»

Раньше в твоих глазах отражались костры,
Теперь лишь настольная лампа – рассеянный свет.
Что-то проходит мимо – тебе становится не по себе.
Это был новый день – в нем тебя нет.

Раньше в твоих глазах отражалась ночь.
Теперь, когда за окнами ночь, – твои глаза спят.
И вот на рассвете ты не заметил, как начался новый день.
Ты до сих пор в старом – там нет никаких преград.

Людмила Нагорная, знакомая Виктора Цоя:

«Виктор приехал в Киев по приглашению режиссера Сергея Лысенко. Он хотел снять группу "КИНО" в своей дипломной работе "Конец каникул". Так получилось, что съемка совпала с днем рождения Цоя, но он не подвел съемочную группу и прибыл к нам. Это был не первый его приезд сюда. Ранее он давал квартирник вместе с Майком Науменко. К сожалению, его выступление прервала милиция, Витя и Майк оказались в участке. После этого инцидента он рассказывал, что Киев – полицейский город. Так вот, в перерывах между съемками для киевской тусовки был организован концерт группы "КИНО". Место концерта оказалось странным – Дом ученых, рядом с которым тогда находился КГБ. Все выступление мы сидели и ждали прихода кагэбэшников. Но никто тогда не пришел, и концерт прошел ошеломляюще. Нас было человек шестьдесят, и организаторы выступления Роман Альтер и Александр Евтушенко с посетителями собрали чисто символическую плату. Ночью мы с компанией решили погулять по городу, и Витя упал в яму, немного разбив лицо. Потом переживал, что из-за этого будут проблемы со съемками фильма.

После часового концерта компания в пятнадцать человек с Витей и участниками группы "КИНО" отправилась на Михайловскую улицу – у кого-то там пустовала квартира, и все решили, что стоит устроить имениннику настоящий праздник. Мы подарили Вите букет роз и несколько ящиков вина. Он восхищался нашим городом. Когда мы рассказывали о своих планах на лето, о поездке в Крым, то Витя удивился: "У вас же не город, а курорт! Зачем ехать еще куда-то?" И киевлянки ему очень понравились. После ночи гуляний в одной из центральных кофейен он подарил розу официантке.

В Киеве на ребят из группы «КИНО» постоянно все засматривались. Они были похожими на инопланетян: одеты во все черное, а на голове – вечная взъерошенность. Странно, что сейчас бытует мнение, будто Цой был интровертом – закрытым и неразговорчивым. На самом деле он один из самых добродушных людей, которых я знала. Мир потерял потрясающего человека».

По воспоминаниям Алексея Ковжуна, музыканта, снимавшегося в «Конце каникул» вместе с Цоем, когда группа уже уехала, Цой остался – нужно было еще кое-что доснять для фильма. Тусовка после съемки продолжала выпивать, закусывать в одной из квартир. Около двух часов ночи у компании закончились сигареты и все пошло на улицу стрелять их. А поскольку людей было много, все разделились на группы и устроили соревнование: кто больше добудет. Выиграл Цой – настрелявший больше всех сигарет с фильтром. Сам же Цой этим достижением страшно гордился и счастливо улыбался.

Юрий Каспарян:

«Я недавно первый раз посмотрел фильм, в котором мы снимались в Киеве, – “Конец каникул”. Очень все понравилось. Тогда все его ругали, и мы в первую очередь, а сейчас я понял, что это замечательный исторический документ. Это первый фильм с группой “КИНО”, и нас там достаточно много, что редкость. У нас ведь нет практически никаких съемок, кроме нескольких концертов и Джоаннинных клипов. А тут целый фильм – четыре песни. Хороший фильм. Мы снимались в нем в июне 1986-го. Жили в Киеве, в гостинице “Славутич”. Я недавно в ней снова останавливался – она совсем не изменилась... Веселое время было. Все молодые, солнышко светит, вино надо пить, чтобы радиацию выводить. Мы старались делать это как можно чаще. Может быть, поэтому сам процесс съемок совсем не запомнился».

Георгий Гурьянов, которому в 1986 году совершенно не понравился этот фильм, пересмотрев его вновь в 2012 году, сказал:

«Как раз нужно было ехать сниматься – и грохнул Чернобыль. Не знаю, видел ли фильм Цой, но я его посмотрел гораздо позже, в конце 90-х годов. Конечно, наша поездка в Киев на съемки фильма... это было довольно драматично, и надо было найти какой-то консенсус. В результате мы поехали вчетвером и славно провели там время. Фильм получился очень актуальным, коротким, ясным и крутым. Хотя он очень наивный и у него ноль бюджета, но тем не менее это один из лучших фильмов с участием группы “КИНО”... Сюжет мне очень нравится, с этим хирургическим вмешательством и высвобождением главного героя из оков обывательской реальности... Это чистейшая, яркая мысль, и мне очень нравится».

Как явствует из рассказа Георгия Гурьянова, фильм отражал именно то, к чему все тогда стремились. А хотели все тогда известно чего – свободы.

Конечно, фильм «Конец каникул» не имел значительного резонанса. Вообще это был даже не фильм, а четыре смонтированных клипа. Говорят, что под конец Виктор поссорился с режиссером и заявил, что «сделает все, чтобы фильм не увидели».

Снятый же Рашидом Нугмановым фильм «Йя-Хха!» немедленно стал хитом в кругу поклонников рока: в те времена нечасто можно было увидеть на экране сразу столько героев рок-н-ролла, включая Кинчева, Гребенщикова и Цоя.

Самому Цою свои первые работы в кино не особо понравились, позднее он говорил, что «...заниматься этим профессионально, изображать кого-то, перевоплощаться в других людей мне как-то не в кайф... Я бы с удовольствием снимался в кино, если бы мне предоставили право там вообще не актерствовать, а выражать себя».

Артем Троицкий, музыкальный критик:

«Цой не актер – с даром перевоплощения дела у него обстоят неважно. В компании Лебедева, Смоктуновского и Калягина ему делать нечего. Он “зацепил” публику чем-то другим. Может, именно тем, что в нем нет ни капли суety или наигрыша, а есть надежность, спокой-

ствие и честность. Неудивительно, что в наши склонные к истерике времена многие видят в нем если не спасителя, то во всяком случае настоящего героя».

Рашид Нугманов:

«Если говорить о Викторе, то я вполне понял, почему он был недоволен "Концом каникул" и не хотел, чтобы картина увидела свет. Это то самое, о чем не раз говорилось, – его опасение лицедейства. К сожалению, в "Конце каникул" оно самое и есть: в постановочных сценах Виктор натушно играет кого-то, но не себя. Двое актеров-мажоров только усугубляют ситуацию. Материал ценен клипами "КИНО". Едко в адрес фильма высказывалась Марианна, Виктор же всегда уклонялся от обсуждения, а я никогда не настаивал на этом, не посмотрев его. Он ведь и сам этого фильма не видел в окончательном виде. Судя по его скупым фразам, он не придавал ему большого значения, относился больше как к кинопробам. Он вообще осторожно относился к миру кино – с большим интересом, но и с не меньшей опаской. Больше всего его напрягали необходимость лицедейства для посторонних людей перед камерой и истекающая отсюда угроза манипуляции его имиджем. Он ведь крайне требовательно, избирательно относился ко всему, что его окружало, и "посторонние элементы" отбрасывались без сожаления».

Немного отступив от повествования, можно сказать о том, что летом 2014 года режиссер Сергей Лысенко задумал написать книгу о съемках «Конца каникул», которую назвал «Атомное лето».

Сергей Лысенко:

«Я сейчас тоже пишу книгу. Ни на что глобальное я не замахиваюсь, просто пишу о том, что видел своими глазами и в чем принимал активное участие. В центре моей документальной повести – съемки фильма "Конец каникул" летом 1986 года в Киеве. Но, кроме этого, в ней я пытаюсь рассказать о такой интересной эпохе, как восьмидесятые, – конечно, в своем субъективном восприятии. А самым ярким воплощением этого времени был Цой. Есть своя печальная символика в том, что он он погиб в 90-м году, как бы завершив десятилетие...»

8 июня 1986 года в ДК МИИТ состоялся Фестиваль московской рок-лаборатории «Движение в сторону весны». Группа «КИНО» играла вместе с группами «Аквариум», «Алиса», «Звуки Му», «Николай Коперник».

Нина Барановская:

«Помню, когда московская рок-лаборатория впервые устроила нечто вроде фестиваля, в качестве гостей пригласили и питерские команды, в том числе "КИНО" и "Алису". После мрачных изысков москвичей выступление "КИНО" было как порыв свежего ветра. В антракте я подошла к Цою и сказала ему об этом. И он, несомненно радуясь отличному своему выступлению, с азартом произнес:

– Э, подождите, вот сейчас еще Костя выступит! Он им покажет!.. Куда Москве до нас!..»

Юрий Гаранин:

«Вообще, я никогда не был поклонником группы "КИНО". И если бы не прямая связь творчества Цоя и БГ – вряд ли он бы попал в поле моего внимания. Но тем не менее много раз с Михаилом Науменко мы порывались ехать к Цою в котельную "Камчатка". Но в самый последний момент падали без сил. Я, конечно, был с ним знаком. Но не накоротке. Короче, не выпивал. Однако горжусь своим фото, сделанным на фестивале "Движение в сторону весны" в 1986 году в ДК МИИТ».

27 июня 1986 года в Америке благодаря стараниям Джоанны Стингрей на американской фирме «Биг Таймз Рекордз» тиражом в 10 000 экземпляров был выпущен двойной альбом Red Wave («Красная волна»), где целая сторона одного из дисков была отдана песням «КИНО» (так же, по стороне, было предоставлено «Аквариуму», «Алисе» и «Станным играм»).

Два года подряд Джоанна частями вывозила в Штаты образцы музыки советского рока. Вывозила с риском, ибо недремлющая служба государственной советской безопасности всячески препятствовала распространению вредной крамолы.

Джоанна Стингрей:

«Мы взяли двухдорожечные ленты записанной музыки к Red Wave. Некоторые из них мы попытались спрятать в чемоданы или в карманы, а какие-то были спрятаны с задней стороны куртки и в других тайных местах. Это было страшно – идти через таможеню с лентами и другими вещами, но мы (я и моя сестра) были увлечены тем, что делали».

Наталья Веселова, куратор ленинградского Рок-клуба:

«Внезапно мы узнали, что Джоанна вывезла записи нелегально и выпустила альбом, двойной, за рубежом. Совет Рок-клуба был уже в курсе, и музыканты всех поставили в известность. Мы стали думать, что делать, чтобы как-то смягчить этот удар. Ждали самого плохого – мы боялись, что могут закрыть Рок-клуб. И вот, несколько раз обсуждая все это на каких-то своих встречах, мы решили, что музыканты должны сделать вид, будто они были не в курсе того, что Джоанна вывезла с такими целями вот эти вот записи. Наша позиция была ясна, а линия защиты выстроена...

Нас собрали в кабинете у Анны Александровны Ивановой, то есть нашей непосредственной начальницы, пришли кураторы из КГБ, и нужно было им отвечать. Они задавали вопросы – как, почему, как так получилось... Все музыканты придерживались оговоренной точки зрения. И когда им начали задавать вопросы – мол, вы действительно ничего не знали? – все как бы так пожали плечами, типа, мы не знали. А Цой сказал: я знал. И что? И почему я не должен был этого делать? Это был, конечно, шок, потому что, в принципе, мы договорились... Но Цой выпятил подбородок и сказал, что он знал. И, собственно говоря, ничего с ним сделать было нельзя...

Досталось больше всего директору Дома самодеятельности, Анне Александровне Ивановой. Нас с ней прогнали по всем инстанциям. Мы были в обкоме профсоюзов, в главном управлении культуры, нас ругали. Начальник отдела просто кричала на нас, показывая руками на титульную сторону вышедшего альбома, что дали бы ей автомат – она бы всех их расстреляла. Я была в шоке, честно говоря, так как впервые столкнулась с такой реакцией. В тот момент я была сильно обижена на нарушение Цоем договорённостей, но теперь, по прошествии времени, все стало на свои места. Цой поступил так, как считал нужным, и, в общем-то, он был прав...»

У Джоанны была и вторая цель – собрать картины «новых художников» для выставки «Красная волна» (Red Wave) в Лос-Анджелесе. Необходимо отметить, что в выставочном комитете «Красной волны» были музыкант и актер Дэвид Боуи и художник Кит Харинг, ставшие к тому времени в СССР культовыми героями.

Вернувшись в Америку, Стингрей показала картины «новых художников» Энди Уорхолу, с которым она познакомилась на съемках клипа «Отродье Беверли Хиллз» (Beverly Hills Brat), вручив ему коллаж Олега Котельникова «Е-Е» и коллаж Тимура Новикова «Город». Благодарный Уорхол обещал Джоанне отблагодарить советских художников и музыкантов по-своему. Джоанна сообщила об этом в Ленинград, и сообщество «новых художников» стало с интересом ждать посылки из Америки...

Что же касается вышедшего диска, то в его подзаголовке было указано: «Четыре подпольные группы из СССР». По одному экземпляру альбома Стингрей отправила руководителям стран: президенту США Рональду Рейгану и генсеку КПСС Михаилу Горбачеву, сопроводив это заявлением: «Что не могут достичь политики на дипломатическом уровне, с успехом получается у рок-музыкантов обеих стран». В результате такого «американского привет» случилось небывалое: Горбачев спросил у своих советников: «Какой такой "Аквариум"? Почему у них нет пластинки?» И Министерство культуры дало директиву фирме «Мелодия» в срочном порядке выпустить пластинки групп, указанных в альбоме, дабы создать иллюзию того, что пластинки этих групп давно выпущены и продаются.

Подсуетившаяся под это дело «Мелодия», как фирма-монополист, к концу 80-х соображившая, что на записях звезд андеграунда можно хорошо заработать, в 1988 году выпустила грампластинку с альбомом «Ночь», даже не удосужившись согласовать издание с автором песен (и не заплатив ему ни копейки). Как я уже упоминал выше – Цоя обидело даже не это, а то, что «Мелодия» проигнорировала его оформление конверта: обычно все обложки Цой оформлял сам.

3 августа 1986 года Цой выступает в Москве, в районе Ленино-Дачное (ныне Царицыно), в квартире Вадима Суровцева-Бутова, известного московского устроителя квартирных концертов. Именно там, в квартире Суровцева, а также у метро «Кантемировская», прошла последующая знаменитая фотосъемка Цоя работы Игоря Мухина.

Вадим Суровцев-Бутов, устроитель квартирных концертов:

«В 1986 году у меня дома в Москве, в районе станции метро "Кантемировская", проходили квартирные концерты Майка, БГ, Кинчева, Градского, Башлачева, Мамонова, Цоя, других исполнителей. Почти все писалось на двухкассетник Sharp с бытового микрофона. Концерт Виктора Цоя состоялся у меня 3 августа 1986 года. Что касается Мухина, то я высоко ценю его творчество фотографа-документалиста еще со времен публикации о квартирниках в "Студенческом меридиане". Недавно друзья прислали мне ряд интересных ссылок на его работы. Особенно тронула меня серия фотографий в автобусе. Мы там едем с Цоем. Я как бы окунулся волшебным образом в беззаботную атмосферу Москвы середины 80-х годов! К тому же в автобусе этого маршрута (217) я езжу почти 40 лет! А с девушкой спереди от Цоя я в те времена очень крепко дружил...»

В сентябре – октябре «КИНО» дает концерты в Риге и Таллине. 6 сентября 1986 года, согласно отчету Рижского Рок-клуба, в Риге, в зале Латгипрогорстроя, состоялся концерт группы «КИНО».

Андрей Яхимович:

«В то время мы вытаскивали из Питера в Ригу всех, кого могли... И вот решили вытащить Цоя. По-моему, у него тогда как раз вышел новый альбом. У нас же все только "Начальника Камчатки" слушали.

Честно говоря, в Риге они не произвели впечатления, потому что их все больше знали по акустике, еще когда Цой играл с "Рыбой"... И так немножко странно восприняли то, что ребята были одеты как *Dereche Mode*, а пели про какие-то там перемены.

В зале кто-то сказал даже – а что это за Мао Цзэдун приехал? Реакция была именно такая... Но они нормально выступили, такие все в черном... Там с ними уже тогда играл Тихомиров из группы "Джунгли", которую мы все как-то больше любили, потому что там профессиональнее все было. Кстати, это все как-то через Тихомирова все прошло, то есть

через "Джунгли"... К сожалению, материалов с концерта и не сохранилось у меня, разве что несколько фотографий с концерта. Цой там такой накрашенный, цветная картинка...

Зал Латгипрогорстроя, где выступало "КИНО", был такой приличный, мест на 400–500, что называется, институтский конференц-зал. Такие площадки были при всевозможных ДК, только без аппаратуры. Мы выставляли аппаратуру свою, а площадки были очень хорошо оборудованы под акустику и, в принципе, носили характер клуба. Это мероприятие не было, в общем-то, подпольным, наоборот, все было довольно серьезно, да и заведение было весьма серьезное – это был научно-исследовательский институт, практически в центре города.

Конечно, каких-то особенно ярких воспоминаний о том концерте у меня нет. Просто позвонили, договорились о приезде. Тогда же все было так – по телефонным звонкам... Договорились, мол, давайте вы приедете в Ригу. Перед этим "Джунгли" приезжали – видимо, сказали там, в Питере, что все нормально, и ребята приехали...

До выхода "АССЫ" в Риге не было такой дикой популярности "КИНО" и Цоя. В Риге вообще тогда было сложно всем выступать, потому что мы всегда были как-то так оторваны от России в целом...

Жили "киношники" в тот приезд по домам у местных в Болдерае, и я помню, что жаловались потом, естественно, на барабанщика "КИНО". Что-то он там тогда вытворил, как всегда... (смеется). Он же все время что-то вытворял – например, мог опоздать на самолет или выкинуть какую-нибудь штуку интересную... Его тогда "Густав" все звали, прозвище такое было...

Наши ребята с ними сдружились там потом, попили с ними там... Я как-то меньше, потому что, честно говоря, я немножко не понимал этого всего, да и постарше был как-то... Поэтому рок такой я не воспринимал как-то так всерьез. Да и играли они плохо тогда. Хотя тогда все играли плохо, по большому счету. А многие совсем плохо...

Хотя я вот помню, "Звуки Му" приехали, они очень так... рассмешили... И "Аквариум" очень хорошо прошел. Там челюсть отвисла. Потому что у нас тут немножко другие традиции были, у нас тут как-то больше такое рок-н-рольное, припанкованное, с ориентиром не на тексты, а на музыку больше... И поэтому Цой был так немножко... Как раньше говорили: "Хэви давай..." А здесь что? Вышел такой парень в черном, в браслетах, и вдруг как запел какими-то лозунгами... Перемен!!! И вот эта фраза всем очень запомнилась. А что это Цой стал как Мао Цзэдун? А вообще все нормально было... Вход на концерт тогда стоил два рубля. Но билеты нам было запрещено продавать – эти концерты считались творческим обменом молодежи. Поэтому мы собирали деньги в форме членского взноса Рижского Рок-клуба. Комсомольских деятелей на концерте было много. Они внешне мало отличались от простых членов Рок-клуба, но я их сразу вычислял по качественной финской обуви или кроссовкам, которые были доступны не всем. Ввели себя прилично. Через год Цой снялся в "АССЕ" и сразу стал героем всего советского пространства, нетитулованным народным артистом, чьи песни, нравятся ли они кому-то или нет, стали народными. Конечно, по линии Рижского Рок-клуба его уже было не достать».

Из воспоминаний **Николая Краснопевцева**, в прошлом поклонника «КИНО»:

Мне было 17 лет, ездил я в Таллинн, на концерт "КИНО", «писчал» и «вересчал» на этом концерте, фотоаппаратом "Зенит" размахивал, за кулисы ходил и т. д. Я сейчас совсем не фанат "КИНО", но вспомнить-то об этом мне очень приятно... Но, надо сказать, что лично с Виктором я знаком не был, мелкий тогда еще был, только фотографировал немного, на концертах был на нескольких... А потом в Риге, на концерте "Поп-Механики", где "КИНО" в полном составе аккомпанировали Курёхину, пробирався в закулисы, чтобы автограф взять. Я вот сканером нормальным для негативов обзаведусь – столько всякого смогу выложить про историю Рок-клуба в Риге. Главное, чтобы только на ностальгию не пробило.

Георгий Гурьянов:

Я не помню само выступление, сам концерт, но помню, как мы проводили там время, гуляли по Таллину. Я помню все, кроме момента выступления... Мне везде нравилось с ребятами. Даже в Киеве после Чернобыля. Как бы я там ни противился, но я получил большое удовольствие.

28–29 сентября 1986 года в Ленинграде Виктор Цой с Юрием Каспаряном сыграли небольшой квартирный концерт для немецких студентов, на улице Подводника Кузьмина. Сохранилось несколько не очень отчетливых фотографий, сделанных Виктором Морозовым, и небольшое воспоминание очевидца.

Николай Алексеев, устроитель квартирных концертов:

«Концерт проходил у меня на квартире в Ленинграде, на улице Подводника Кузьмина, дом 1/2, осенью 1986 года, за день или за два до концерта в "Красном Октябре". Играли Цой и Юра Каспарян, еще была Марина Смирнова, которая потом снималась в "Игле", были какие-то немцы. Играли полтора часа, потом пили. Вход был 1 рубль и бутылка – кто что принесет. Фотограф на квартирнике был Виктор Морозов (он умер). После концерта, когда расходились, Цой продал несколько контрамарок на концерт по 50 копеек, у Юры было две, и он так отдал...»

19 октября 1986 года прошел концерт во Дворце молодежи, когда впервые на сцене с группой «КИНО» появилась Джоанна Стингрей. Цой пел с ней песню «Двигайся, двигайся, танцуй со мной».

Марьяна Цой:

«Я совершенно от него этого не ожидала, стояла за кулисами (я обычно стою за кулисами, очень редко смотрю из зала, потому что у меня всегда ощущение, что что-то случится, а в зале столько народу, мне будет не выбраться. И с "Объектом" всегда за кулисами торчу – это не так бесполезно, как кажется). Джоанна попросила ее как-то представить. Цой взял микрофон – ну, думаю, сейчас скажет: "А вот Джоанна Стингрей". А он вдруг взял и выдал, что, несмотря на недостижение соглашения между нашими странами в Рейкьявике (не знаю, как он это выговорил), мы хотим доказать, что мы хотим мира. Это была целая фраза, и это было невероятно! Все просто замерли...»

Джоанна Стингрей:

«Я была очень взволнована тем, что буду играть с "КИНО". Первоначально я должна была присоединиться к Борису и "Аквариуму" на сцене Рок-клуба, на концерте, но прямо перед концертом Коля Михайлов (директор Рок-клуба) сказал Борису: "КГБ узнало, что Джоанна собирается петь, и лучше не делать этого". Я не выходила на сцену, но подошел Цой и сказал: "Эй, Джо, мы даем концерт во Дворце молодежи, и я хочу, чтобы ты вышла и спела вместе с нами. Что они могут нам сделать? Мы покажем, как русские и американцы ладят, так что давайте просто сделаем это".

Когда он вывел меня на сцену, я была так удивлена толпе зрителей, которые буквально сходили с ума... Это был один из самых захватывающих периодов в моей жизни».

Необходимо отметить, что на концерте 19 октября в ЛДМ в составе «КИНО» появился второй бас-гитарист, Андрей Крисанов, талантливый художник, сотрудничавший помимо «КИНО» с Сергеем Курёхиным. Крисанов проиграл с «киношниками» почти год и стал автором обложки альбома «Группа крови».

Чуть позже, 25 октября, «КИНО» выступило в Кирове, в рамках открытия местного Рок-клуба и первого рок-фестиваля. Организатором этого концерта стал Сергей «Джеки» Перминов из группы «ЧП». Первый вятский рок-фестиваль состоялся в ДК Металлургов, где на тот момент работал Перминов, иногда замещая директора Людмилу Пикову. Изначально планировалось, что фестиваль посетит группа «Странные игры», но те приехать не смогли, и Виктор Сологуб предложил группу «КИНО», и даже поехал вместе с ними. Вятские любители рок-н-ролла, ждавшие «Странные игры», большой компанией приехали в аэропорт встречать ленинградских рокеров, и когда показались «киношники», многие из встречающих откровенно «скисли». «А-а-а-а... "КИНО"... здрасьте...»

Валерий Девяткин:

«Я знать не знал, что устраивается какой-то фестиваль, не видел никаких афиш, и уж тем более не имел представления ни о каком Цое и «КИНО»... И когда я зашел в зальчик, где все это должно было происходить, – там уже выступало несколько команд. Играл "Шанс" из ДК Шинников, "Аттракцион" из ДК Строителей... Потом на сцену вышли "ЧП" – Перминов, Федяков, Пух, Быков и Кремлёв. Это было потрясно – их музыка отличалась от официального рока тем, что имела большую энергию протеста, пусть даже не совсем оформленного и не совсем осознанного. Вся молодежь ринулась к сцене, все засвистели, замахали руками...

Тем временем "ЧП" отыграли, и ведущий объявил, что вместо группы "Странные игры" выступит Виктор Цой и "КИНО" – встречайте!

А я еще в антракте бродил по коридорам ДК, заглядывал во все щели. Открываю одну из дверей и вижу: сидят незнакомые тогда музыканты "ЧП" и "КИНО". <...> Потом в дверях примерной я не раз сталкивался с Цоем, но внимания на это практически не обращал: Цой был простым парнем, но чувствовалось, что он знает себе цену. Время это подтвердило.

Когда "КИНО" заиграло – я поначалу подумал, что "ЧП" получше будет, но смотрю – публика кричит, машет руками пуще прежнего... Все "киношники" были в черных робах, и на спинах у них было написано "КИНО". Музыканты совершенно не двигались по сцене, только Цой тихонько пританцовывал. Исполняли, помнится, "Тем, кто ложится спать, спокойного сна"...

На следующий день все было то же самое. Вот только в "КИНО" я воткнулся гораздо серьезнее. И тексты и музыка у Цоя были гораздо круче, чем у "ЧП"...

Сохранилось несколько ужасного качества фотографий – группа «КИНО» в окружении Сергея Перминова, Виктора Сологуба и вятских любителей рока.

Виктор Сологуб, музыкант группы «Странные игры»:

«Ничего толком не помню... Только завтрак в гостинице и обратную дорогу, когда пьяный Витя с верхней полки упал. Потом мы с Гурьяновым в Москве разругались зачем-то... Молодые были, глупые! Потом помирились. Последние пару лет перед его смертью встречались и даже пару раз джемовали у него дома с винилом и моими машинками... Игнали, импровизировали.

А в Кирове концерт вроде как Сергей Перминов устраивал. «Джеки». Я просто за компанию поехал...

Михаил Коковихин:

«Это был знаменитый сейшн! Помню, кагэбэшники (типа Юрия Исупова) в черной "Волге" отслеживали наплыв "диссидюг" вроде Леши Безденежных. Виктор Цой – тоже в черном – незабываемо пел: "Перемен! Мы ждем перемен!"»

Владимир Головёнкин, один из организаторов кировского рок-движения:

«Организатора и идейного вдохновителя первого рок-феста в Вятке Сергея "Джеки" Перминова уже нет в живых. Он много лет жил в Петербурге и был знаком с питерской андеграундной творческой жизнью изнутри, а в Вятке в середине 1980-х годов практически не было рок-концертов. Джеки приглашал на открытие вятского Рок-клуба группу "Странные игры" и ждал именно их, но прилетел в Вятку только Виктор Сологуб и привез вместе с собой музыкантов группы "КИНО", что было неожиданно для всех. Насколько мне помнится, концерт "КИНО" в Кирове широко не афишировался, ажиотажа не было. Афиш я не помню, ну, может быть, только на ДК Металлургов была афиша рок-фестиваля, но если и была, то уж точно без "КИНО"».

Первый рок-фест стал событием исключительным. Участвовало четыре группы: "Шанс", "Аттракцион", "ЧП" и "КИНО". Фестиваль шел два дня в спортивном зале ДК Металлургов 25–26 октября 1986 года, если не ошибаюсь в датах. Пришли на фестиваль по большей части друзья музыкантов и друзья друзей. Ждали первый рок-фест, группу "Странные игры" из СПб, а появление "КИНО" в Кирове было незапланированным событием. В местной рок-тусовке их знали, конечно, по магнитоальбомам, но в начале 1980-х годов "КИНО", "Алиса", "Аквариум", "Странные игры" были известны в СССР, скажем так, узкому кругу людей, причастных к культуре катушечных магнитоальбомов, эти группы не звучали по радио и на ТВ.

Меня на фестиваль пригласили друзья, устроители мероприятия. Впервые случайно встретил Цоя и музыкантов "КИНО" за кулисами в курилке тубзика ДК Металлургов 25 октября 1986 года. Они были одеты во все черное с надписями "СПАСЕМ МИР!" на футболках. Это запомнилось и неестественно впечатлило как провокация, ведь коммунистическая идеология к этому не призывала.

Народу на "КИНО" собралось где-то половина спортивного зала, человек 200–300. Было устроено несколько рядов сидений, большинство сидели на полу. Под баскетбольным кольцом напротив была устроена сцена. После концертного рок-феста был устроен типа "Музринг" с музыкантами всех четырех групп, публика могла задавать вопросы. Что говорил Цой, дословно не запомнилось, что-то о том, что в Питере так же когда-то все начиналось по атмосфере, никого не хвалил, политику также не обсуждали.

Думаю, никто не расстроился, что приехало "КИНО", а не "Странные игры". Ну разве что Джеки. Думаю, он создал в Вятке свою версию "Странных игр" – группу "ЧП" – и ему было интересно всем и самому себе показать, что местный продукт не менее интересен, чем питерский. Меня сегодня более всего занимает в этой истории вопрос – почему именно Цой? Он в начале 80-х был простым панк-басистом. Думаю, именно первые пластинки "The Cure" круто развернули его мировоззрение, плюс "The Sisters of Mercy" и "The Smith", ну и врожденные таланты копировать и пафосно смешивать краски... В Вятке, закрытой для иностранцев, в начале 1980-х годов никто не слышал эти группы, поэтому Цой и "КИНО" впечатляли, и думаю, не только меня...

Пообщаться немного с Цоем мне выпало в Питере, по пути из аэрофлотовских касс на Невском до транспортной остановки у Гостиного двора, году в 1989-м... Рядом оказались в очереди за билетами на самолет... Меня интересовали его мысли о поездке в Вятку в 1986 и нет ли у него нового желания приехать в Вятку с концертом? Цой был глубоко замкнут и, мне показалось, сосредоточен внутренне на каких-то своих мыслях о главном, ответил, что мало что помнит о той поездке... В очередь он встал позднее меня человека за два, а я уже почти у кассы стоял... Предложил ему взять билеты, вдруг спешит куда... Цой промолчал, но паспорта протянул... Вышли из касс вместе, вот и пообщались. Беседы не получилось... Потом автобус мой быстро подошел...

Часто ли я вспоминаю тот концерт? Нет... Цой для меня далеко не главный музыкант в жизни».

Алексей Федяков, музыкант группы «ЧП»:

«Мы с Джеки ездили в Питер, договорились со "Странными играми", с Сологубами. А приехала почему-то неожиданно-негаданно группа "КИНО" с Витей Сологубом в качестве "ради-ста". Ну и хорошо, для провинциальных музыкантов от "КИНО" больше было пользы.

О Цое тогда в Вятке мало кто знал. Разве что на уровне песни "Алюминиевые огурцы". На концерте сразу стало понятно, что заехал супергерой. Люди в основном сидели, слушали. Тогда всем казалось, что танцы – это танцы. А русский рок – это святое, его надо внимательно слушать. Публика собралась разношерстная: от комсомольцев до нигилистов. Первый рок-фестиваль все-таки. Казалось, будто теперь все можно. А песни... Цой пел свой стандартный набор из мегахитов. Лучше всех обобщила впечатления от концерта мама Кости Кремлёва: "Монголец-то больно уж высоко прыгал". А так, глупые были все, молодые...

Каким запомнился тогда Цой? Лично с парнями из "КИНО" пообщаться не удалось, они сторонились всех чужих. И правильно. Этим не нужно было. Они в супергероев играли тогда, в героические позы вставали, как еще...

Цой умер уже более четверти века назад. Я до сих пор его поклонник».

Константин Кремлёв, музыкант группы «ЧП»:

«Группа "КИНО" за концерт получила 50 рублей и 2 бутылки разбавленного спирта из лаборантской школы № 51, где работал наш друг Сева... Можно еще вспомнить об Андрее Пушкареве и Игоре Шубине, которые без страховки ползали под потолком, закрепляя софиты. И про ГТРК, которые врубили свой яркий белый свет, сведя практически на ноль усилия Андрея и Игоря. Кстати, запись концерта потом таинственным образом исчезла. И про КГБ, которые пытались вербовать некоторых товарищей, чтобы они внедрились в нашу компашку, – правда. И про уважаемую Людмилу Петровну Пикову, директора ДК, которой угрожали лишить партбилета за наши перфомансы...»

Татьяна Жукова, куратор ДК Металлургов:

«Зрительный зал в качестве возможной площадки мы не рассматривали. И вообще, группа "КИНО" приехала в Киров случайно. Сергей уезжал в Питер за другой командой, с которой не срослось, и только благодаря обаянию Перминова мы услышали "КИНО". О приезде Цоя организаторы узнали, когда автобус с группой подъехал к ДК...»

Игорь «Ррь» Быков, музыкант группы «ЧП»:

«Мы были знакомы: Кремлёв, Пух (Иванищев) и я. До службы в армии вместе играли на танцах в нововятском ДК "Маяк" и рядом в парке на летней эстраде в 1982 году. В нашей тогдашней группе играл еще гитарист Дракон из города Орлова (в те времена Халтурин), и пел вокалист Саша.

В 1979 вместе с Пухом мы поступили в местное училище искусств, которое я окончил в 1983, а Пуха выгнали оттуда в 1982 за пьянку, и он ушел в "кулёк" (культпросветучилище), где его отец преподавал игру на гитаре. По распределению я попал в кировскую филармонию и с осени 1983 до весны 1984 играл там в команде "Вятич". 7 мая я ушел в армию, ушел в армию и Пух.

Весной 1986, отслужив, мы вернулись в Киров, и Кремлёв, который в армии после удара лопатой по голове закосил под дурака и досрочно дембельнулся, познакомил нас с Джеки (Перминовым), Федяковым и Ждановым. На первом этаже ДК Металлургов у нас была своя репетиционная точка, где все лето почти каждый день мы встречались и играли кавера из Гребня ("Время Луны" и др.) и свое – на тексты Джеки и Длинного ("Куд-куд-куд-куда...", "Фьорд" и др.). Но концертов у нас не было. Только в июне на Дне города отыграли один длинный

концерт. Погода была чудесная, пригнали две тракторные тележки, прямо перед входом в ДК сдвинули их, получилась импровизированная сцена. Народу была тьма-тьмущая.

Мы все тогда где-то работали. Я после армии был сторожем на строительстве ГТС, месяца полтора – худруком в ДК Металлургов, а потом – старшим методистом в ОНМЦ. Пух был директором ДК в Костино, типично кондового, деревенского, деревянного и одноэтажного ДК. Федяков рисовал афиши для ДК Металлургов как художник-оформитель, и у него была своя комната-мастерская. Джеки вместе с Вадиком Макиным (на его стихи мы записали позднее "Следы на песке") возглавляли в ДК Молодежный музыкальный клуб, который время от времени устраивал в ДК большие творческие молодежные тусовки "Эксперимент" с концертами музыкантов и выставками художников, а в конце октября 1986 ММК при поддержке директора ДК Металлургов Людмилы Пиковой и ее подруги Татьяны Жуковой открыли в Кирове Рок-клуб.

Открытие первого городского Рок-клуба состоялось 25–26 октября (в субботу и воскресенье) 1986 года в спортзале ДК Металлургов в виде двух сборных концертов, которые в среде музыкантов позднее принято было называть солянками, с участием трех местных групп: "Шанс", "Аттракцион" и "ЧП". Предполагалось, что гостями рок-фестиваля будут питерские музыканты группы "Странные игры".

Предварительно Джеки съездил в Питер, где сговорился со своими друзьями-музыкантами о приезде на первый рок-фестиваль в Киров. А днем 25 октября поехал встречать "Странные игры" в аэропорт Победилово, возможно, вместе с ним ездили еще и Длинный с Кремлёвым. Предполагалось, что все вернутся из Победилово на двух тачках и сразу в ДК Металлургов. Неожиданно для всех с Джеки приехала совсем другая питерская группа.

Помню, что устройство фестивальных концертов двигалось тогда с трудом. На директора ДК Пикову сверху сильно давили, чего-то все боялись. Нам в те времена, например, по звонку сверху не дали сыграть концерт, организованный в Кирово-Чепецке, хотя уже висели афиши в городе и были проданы все билеты.

Прически концертные нам накрутили не в парикмахерской, а прямо в нашей комнате две сестры. А химия была тогда только у Пуха, у Кремлёва были свои природные кудри.

Аппарат на сцене был наш, чепешный, добавленный личным аппаратом "Эстрада" (был в те времена такой) парнем, проводившим в ДК Металлургов занятия по аэробике. Кто сидел за пультом, не помню... Из нашей репетиционной комнаты, довольно большой по размерам (метров 35 квадратных) все музыкальное оборудование ушло на сцену, и освободившееся пространство кроме нас заселили музыканты еще двух кировских групп. Гостей предполагалось разместить отдельно.

На сцену выкатили мою личную ударную установку "Амати" оранжевого цвета, на которой я репетировал в ДК, плюс я приволок из ОНМЦ, где я тогда работал, и где были точно такие же "Амати", второй большой барабан оранжевого цвета, получился комплект с двумя большими барабанами, что по тем временам было крутой редкостью. Потом оказалось, что барабанщик гостей Георгий Гурьянов играет стоя, он убрал в перерыве все лишние барабаны, сдвинул их рядом с собой на сцене, оставил для себя только необходимое.

Народу в зале собралось много, человек двести. Когда перед концертом я вышел на улицу покурить, было уже темно, и оказалось, что очень много людей не могут попасть в ДК, так как билеты в кассе закончились. Молодой парень, он был с девушкой, подошел ко мне и спросил, нет ли у меня свободного билета. Я отдал ему две свои бесплатные проходки с "Колобком" – эмблемой Рок-клуба. Каждому из музыкантов давали тогда по два пригласительных билета, а мне пригласить из друзей никого не удалось. "Ты кто?" – спросил удивленный и неожиданно обрадовавшийся парень. "Колобаха", – подмигнул я в ответ...

Мне было тогда 23 года, я был молодой пацан, и для меня Ленинград был все равно что Нью-Йорк. После выступления "КИНО" мы оказались с ними в одной комнате, но ни с кем мне

так и не удалось пообщаться. Мне запомнилось только, что все "киношники" были в черном и все в длинных черных пальто из 1960-х, такие тогда в магазинах было не купить.

Когда после концерта все музыканты собрались вместе на сцене, был устроен "Музыкальный ринг" по типу телевизионного. Мне запомнился только один вопрос – барабанщику "КИНО". То ли коммунист, то ли комсомолец, то ли "засланный казачок" спросил Густава, который с начала выступления был в футболке: "Молодой человек, почему вы себе позволяете раздеваться на сцене по пояс? Вы же играете музыку для приличных людей?"

"Мне просто жарко", – ответил Георгий.

Я вступился за него, взял микрофон: "Вот вы же сидите в пиджачке и в галстук, вы же не на работе сейчас. Вы сидите и отдыхаете, а человек работает, выкладывается, и для вас в том числе. Вы попробуйте выйти на сцену, когда вокруг светят и жарят софиты. Люди за концерт "скидывают" на сцене по несколько килограмм... Он же не догола разделся..."

Марина Селезнева, художник-керамист:

«Мы дружили в те времена с Джеки и его женой Татьяной, именно они и пригласили меня на рок-концерт в ДК Metallургов октябрьской осенью в 1986 году, встретили и провели в зал. Выступления кировских групп я не помню, скорее всего, я оказалась в ДК перед концертом "КИНО". Зал был полон, и мы сели прямо на пол и оказались почти рядом с импровизированной сценой.

Запомнились удивительная пластика Цоя и его свободные перемещения на условной сцене, в пространстве ринга из натянутых канатов. Это было пластическое звуковое высказывание. Энергетика поющего, танцующего Цоя свободно уходила к слушателям-зрителям. Выступление было длинным, и после него от вербального общения со зрителями Цой отказался. Он давал понять, что устал, что общался песнями.

Снега в тот день не было, но когда мы возвращались с концерта, было холодно и очень темно. Еще запомнилось, что рядом со мной на остановке оказался Малков с детьми, который разрешил детям влезть на дерево, чтобы согреться...»

Директор ДК Metallургов Людмила Пикова сильно рисковала, приютив у себя в учреждении рокеров. Впрочем, спортивный зал ДК едва ли мог считаться идеальной концертной площадкой, но выбирать в тех условиях особо не приходилось. Концерт "КИНО" сопровождали сложности – в частности, с ними столкнулись ставившие свет перед выступлением Виктора Цоя специалисты "Светового салона" (коллектив электроцеха Кировского ТЮЗа). Размещать световые приборы в спортзале ДК Metallургов было технически трудно, и в результате огромное пространство зала "съело" все световое оформление.

15 ноября 1986 года Цой с Каспаряном выступают в Ленинграде, в зале ЛГИ имени Плеханова, для студентов Горного института.

Алексей Генник:

«Могу рассказать о концерте в ЛГИ: там были только Цой и Каспарян, а во втором отделении были "Телевизор" с Борзыкиным – с которого все ушли (не от неуважения, просто после Цоя хотелось полноты бытия...). Цой же был прекрасен. Это примерно конец ноября 1986-го... К тому времени у меня уже был опыт вписок на "Аквариум" или "Звуки Му" – как грузчика аппаратуры или помощника звукооператора, но здесь концерт проходил официально, для студентов Горного. Из "КИНО" приехали только Цой и Каспарян. И дали жару – конференц-зал на ушах стоял, все требовали "Восьмиклассницу". Они так и не спели ее, зато были "Алюминиевые огурцы", "Троллейбус", "Генерал", "Я иду по городу в зеленом пиджаке" – короче, было

очень круто. Цой был в кожаном плаще, Каспарян в короткой косухе, без баса и ударных они дали концерт на полтора часа».

Чуть позже Цой по приглашению едет в Долгопрудный, где дает пару акустических концертов в студенческом клубе «Кофейня» (по другой версии, «Коллеги») Московского физико-технического института. У организатора этих концертов сохранилось несколько довольно неплохих фотографий. Автор некоторых из них – Георгий Степанов – поделился своими воспоминаниями.

Георгий Степанов:

«Давно дело было, осенью 1986 года, скорее всего – в ноябре. Кто еще снимал Виктора, я не знаю. Могли многие, но я никого не знал. Был тогда глуп и мал, и снимал его мало. Конечно, у меня есть пленки-исходники, так что могу выслать эти кадры в чуть большем разрешении... Все мои снимки сделаны в клубе "Коллеги" на физтехе, где он и выступал – это 1-й этаж 7-го корпуса общежития МФТИ, там тогда наш факультет жил. Мы тогда уже были немножко знакомы с его песнями, и несколько хорошо знакомых и любимых он спел, но мне запомнилась только та, что я до того не слышал – "Электричка везет меня туда, куда я не хочу"...»

Из воспоминаний Г. Степанова:

«Я видел Цоя один раз, примерно в 1986 году. Обещано было выступление "Звуков МУ", "Бригады С" и тогда очень уже знаменитого "КИНО". Однако концерт откладывался из-за того, что один из московских музворотил выразил досаду, что ведущие всего этого дела в восторженности как-то его оттерли на второй план, не выставив на сцену какую-то существеннейшую часть аппарата. Пока это тактичное напоминание о себе доходило до сознания ведущих, шло время. Атмосфера из-за страшной накуренности и всеобщей истерики делалась почти невыносимой. Поэтому я слонялся по залу без дела и случайно увидел Цоя. Он и другие музыканты "КИНО" сидели за столиком, не ввязываясь ни в какие разговоры. Цой, казалось, был очень раздражен происходящим. Он сидел абсолютно неподвижно, курил и пил воду. Смуглое лицо его было мрачно. На запястье блестел массивный желтый браслет. Он напоминал какого-то якутского идола. Конечно же, именно он, неподвижно сидящий в центре этой неопишуемой московской суеты, был достоин поклонения, как никто другой».

Заканчивается год декабрьскими концертами в Москве (в кафе «Метелица») и Ленинграде (концерт в ДК Связи и в ЛРК, на дне рождения К. Кинчева).

Открытое столкновение произошло 6 декабря 1986 года в кафе «Метелица». Комсомол решил провести день творческой молодежи и выделил каждому жанру одно из центральных кафе на Калининке. Рокерам выставили неплохой аппарат от Намина, и хотя пропуски распределялись строго бюрократически, вся подпольная мафия пришла поглазеть на новый облик бывшего притона фарцов и наркоманов. Но до того, как Гарик Сукачев, Цой и другие возьмутся за гитары, предполагалась открытая дискуссия.

Однако пробравшийся вопреки воле организаторов концерта на сцену Святослав Заде-рий (представлявший уже тогда группу «Нате!») тоже исполнил две песни – «Шпиономания» и «Антиромантика», после чего организаторы концерта, запуганные дежурившими в зале сотрудниками КГБ, вырубili электричество выступавшей вслед за «Нате!» группе «КИНО». В результате толпа зрителей распевала цоевскую «Электричку» под дробь ударных, не забыв при этом слегка «настучать» по голове электромонтеру-любителю, разбиравшемуся с проводами у пульта... По счастливой случайности Сергей Борисов, заплативший червонец швейцару, смог пронести в зал видеокамеру и сделать запись, которая дошла до поклонников, правда в несколько урезанном виде...

Илья Смирнов:

В кафе «Метелица» на официальном комсомольском мероприятии Слава Задерий спел явную антисоветчину, власти спохватились и выключили электричество Цою...

Сергей Борисов, фотограф:

«Я посещал много разных мест и выставок, таская с собой как фото-, так и видеокамеру. Я даже не в состоянии вспомнить сразу, где я тогда успел побывать. Но некоторые события помню отчетливо: например выступление в "Валдае", где была и выставка, и уже звучало слово "АССА" – как заклинание или боевой клич. Тенденция многих модных центровых мест требовала впихнуть все самое новое и малоизвестное.

В "Метелице" было запрещено снимать, и я был вынужден сдать сумку с камерой в гардероб. Там тоже был винегрет из Криса Кельми и Макаревича – это было уже не их время, но они об этом еще не знали – и были заявлены действительные герои этого времени: "Черный обелиск" и "КИНО". Поэтому я, пользуясь советским организационным дебилизмом, вернулся в гардероб, взял сумку, вынул камеру в туалете и пошел снимать. Запрещали и обыскивали только на входе. Во время выступления "КИНО" администрация (с красными книжечками в кармане) после первой же песни попросила их покинуть сцену. Но Цой, не обращая на это внимания, запел "Электричку". Менты отключили электричество, но они явно не понимали, с кем имеют дело: концерт продолжился в акустике. Зал стал скандировать вместе с Цоем: "Электричка везет меня туда, куда я не хочу". Это произвело очень сильное впечатление. Менты вылезли на сцену и объявили, что концерт окончен по техническим причинам. Я не знаю точно, что подразумевалось под словом "АССА", возможно, остальные тоже, но это "что-то" понеслось и стало сильно напрягать администрацию культурных мест».

Георгий Гурьянов:

Я помню прекрасно. Очень хорошо помню этот концерт. Но поиграть там так и не удалось. Две-три песни, и все...

Юрий Каспарян:

«Этот концерт можно увидеть на YouTube. Мы смеялись, потому что это было уже то время, когда все стало можно, ну реально все это уже не преследовалось. Это как Ахматова говорила про Бродского: "Вон как нашего рыжего прижали, карьере ему делают". Вот примерно так и у нас получилось. Такой героический угар. Я все понимаю, но просто реально уже все было можно, а тут какие-то запреты. В общем, у людей какие-то рефлексy сработали последние. Причем нам это и не нужно было в принципе. Обычный концерт был бы веселей. А тут получилось такое нечто с диссидентским налетом. А мы никогда не были диссидентами».

Всеволод Грач, директор группы «Зоопарк»:

«Никаким особым бунтарем Цой не был. Это вот Миша Борзыкин, или Кинчев ранний, или на худой конец Рикшет... Песня "Перемен", как сам Витя говорил, совсем не о том, просто так фишка легла, что она стала бунтарским молодежным гимном. Такое бывает. Точно так же Джаггер поражался лет за 20 до того, что "Стрит Файтинг Мэн" стала гимном молодежной революции 68-го, хотя он вовсе это не подразумевал, когда ваял текст.

Ну, а уж в период начала 80-х – какой там бунт? Некое, может, стремление к анархии, свойственное молодежи в принципе, не более того. Впрочем, и это Цой через пару-тройку лет обстебал в ряде песен, и достаточно жестко. Можно вспомнить (помимо "Мамы-анархии") уморительную строчку из "Бошетунмая": "Все говорят, что 'Мы вместе!', но никто не знает в каком"! Я в первый раз услышал у Сашки Старцева – просто со смеху poleg».

Что же касается выступления «КИНО» в Рок-клубе на дне рождения Кинчева, то, как вспоминали очевидцы, сам юбиляр во время исполнения цоевского «Транквилизатора» танцевал в одном из проходов, чем жутко забавлял публику, не замедлившую к нему присоединиться...

В декабре 1986 года Цой знакомится с французом Жоэлем Бастенером, которому в будущем предстояло сыграть определенную роль в истории группы «КИНО».

Жоэль Бастенер, музыкальный продюсер:

«Не помню, честно, познакомились то ли у художника Андрея Медведева, то ли у Сергея Фирсова. Во всяком случае, нас могли бы познакомить разные люди: от Курёхина до Африки, так как мы бывали в гостях у тех или других. Где меня тогда только не было... Меня видели почти везде, кроме квартир тогдашних "понтов", которые уже тогда давали понять, что они не "с улицы" и имеют дело с элитой: у Боба я не бывал, и у Титова тоже нет, несмотря на то что в Москве я встречался с людьми гораздо другого размера. А Питер – там параметры были иного плана. Ориентира не хватало, по-моему, жили как в облаках. Это все было в декабре 1986 года.

У меня в то время были друзья типа членов семьи Натальи Минц, деятели театра и кино другого поколения. И заодно я имел отношение к подпольной литературе тех времен, будучи поклонником Юрия Мамлеева, который жил во Франции. Меня интересовали битники, диссиденты, только не те, кто бросался к ногам американского образа жизни, а те немногие, которые мечтали о новой форме, новом подходе к процессам освобождения... Это трудно себе представить, но таких было немало, в Париже, в Западном Берлине, в разных городах Италии...

Группу "КИНО" я слышал у многих: у художников в основном. Мы часто общались с Виктором до начала мая. Потом я уехал и целый год не приезжал в Россию. На момент знакомства с музыкантами "КИНО" я совершенно не воспринимал их музыку. Я увлекался более сложными формами, слушал, к примеру, freejazz, ведь я учился музыке по классу фортепиано и чувствителен к классическому или необычному звучанию, люблю арабскую музыку, индийскую, иранскую... Из рок-музыки я на тот момент воспринимал лишь экстремальное и надрывное (Ian Curtis, Jim Morrison) или, напротив, юмористическое, в стиле Френка Заппы. Что касается "КИНО", то я не разделял и их пристрастия к красивой одежде, стилизации, которая делала «киношников» похожими на мальчиковую группу. Сам я любил качественные вещи, предпочитал винтаж, носил чуть затертые знаменитые бренды 50-х. И поначалу они не понимали природы моего снобизма, но через несколько месяцев общения поняли. Трое из них были как я, и многие пристрастия Цоя тоже имели чисто эстетическую природу...

Мое субъективное восприятие положения не было понятным для большинства собеседников. Однако мы с художником Олегом Котельниковым прекрасно общались, что вызвало уважение со стороны Гурьянова и самого Цоя. С остальными художниками я тогда особо не общался – они ничего не понимали в музыке и не уважали Натали Минц. Зато я с удовольствием говорил о музыке с Цоем, который оказался гораздо более подкованным в этой сфере, чем можно было предположить. Цой все выбирал осознанно, многое перепробовал, и у него было потрясающее чутье на мелодии. Курёхин, кстати, тоже очень высоко ценил Виктора. Он любил и меня за близость наших музыкальных культур и мои нестандартные политические воззрения. С Сергеем мы много смеялись... А вот художники полюбили меня только тогда, когда увидели, что я могу им помочь в реализации их проектов, то есть после фестиваля в Бурже. В 90-е я часто останавливался у них, и на Мойке, и в других местах.

Я не скажу, что Цой меня как-то особенно любил, и я точно его частенько раздражал. Несомненно одно: я его завораживал, как и он меня. Мое увлечение им было парадоксальным, ничто не могло объяснить нашего взаимного интереса. То же самое происходило между

ним и Сашей Липницким. Они тоже полные противоположности. Но разница наших позиций была к моменту знакомства поистине огромной: я путешествовал по жизни «туристом», избегал работы, поскольку по отцу происхожу из старинной семьи художников, ювелиров, иллюстраторов, художников по фарфору. В XVIII веке моим предкам был пожалован дворянский титул. То есть, по классификации Бальзака, они были «подлинными аристократами». То есть вы представляете себе разницу между мной и юным пролетарием, которого псевдоинтеллектуалы презрительно величали пэтэушником? Ведь пролетарий, порождающий искусство, – невероятная редкость.

К моменту приезда в СССР я закончил факультет германистики, увлекался философией и начал изучать Восток. И в России у меня практически не было адекватных собеседников – меня окружали разномастные трепачи и патологические лгуны. Слушая их, я постоянно вспоминал слова Витгенштейна: «Не стоит говорить о том, чего нельзя высказать». И был ровно один русский музыкант, который умел промолчать, когда чувствовал, что не может сформулировать неведомое или не до конца понимает происходящее. Цой был единственным, кто взвешивал каждое сказанное слово. Именно поэтому его слова имеют такой большой вес, какими бы простыми и будничными они ни казались...»

Роман Смирнов, театральный режиссер:

«Приближался Новый год. Как-то мне позвонил Курёхин.

– Ромка, привет, как живешь?

– Отлично.

– У меня «Поп-Механика». Через неделю, в ДК Ильича. Ты можешь поговорить со Складом? Мне «Комарово» нужно.

– Я поговорю, но не знаю, согласится ли... Он же у нас звезда...

Игорек отнесся к предложению очень серьезно, и в назначенный день мы со Складом приближались к ДК Ильича. На подступах к ДК роилась толпа желающих, типа аншлага...

За кулисами дурдом. Сережа уже невменяем, мечется из одной гримерки в другую. Что-то кому-то кричит. Суёт в руки какие-то бумаги. В глазах безумие. На сцене беспредел.

Одновременно настраивалась симфоническая группа и группа «КИНО». Витя как всегда. В черном... Юрий – почти в чем мать родила, только на лице нев...бенный грим...

Мы с Игорьком сели в самую глубину зрительного зала. Там полутьма, гогот, дети.

– «АССУ»! «АССУ» давай!

Играл оркестр... Из-за кулисы выплыла оперная дива. Она сложила руки на груди и заголосила что-то пронзительно-классическое... Неожиданно из-за кулисы выполз Гаркуша, затем Юрий в одних узеньких плавках, с гитарой наперевес. Он шел спокойно и просто, словно из спальни в ванную. Дива продолжала звенеть... Юрий подключил гитару, которая тут же начала жутко фонить. Он попробовал что – то убрать на усилке. Но это только усилило всеобщий шухер. Звон, визг, Гаркушин балет, невозмутимые симфонисты...

Юрик справился с гитарой и начал периодически цеплять струны, не особенно заботясь о том, чтобы попадать в такт с задумчивыми симфонистами. Его окружили какие-то девчонки и стали оцеловывать... Когда они уплыли за кулисы, Юрий остался стоять на сцене с ног до головы в губной помаде...

На сцену вышла группа «КИНО» в полном составе. Играли что-то роковое и грозное. Витька уставился в пол и тряс в такт шевелюрой. Тиша по своей привычке – в потолок, чуть покачивая головой. Симфонисты ждали своего такта...

Когда «КИНО» уgomонилось, в полной тишине зазвучала «Прощальная» Гайдна... Под нее музыканты вставали и величаво покидали сцену. После снова врубилось «КИНО». Сцена заполнялась саксофонистами, трубочками, барабанами...

Скляр схватился за зонтик, вылетел на сцену и заскакал, как подраненный заяц. Его узнали.

– ”Комарово“ давай!!!

Сережа поднял тональность, и под аккомпанемент ”КИНО“ сотоварищи ”Комарово“ приобрело зловеще-маршевый характер. Напоминало что-то из Laibach...

И вот пробкой от шампанского грохнул Новый год... Первый и последний раз у меня на Садовой собралась такая толпа... Шухер начался с самого утра. Гонки по магазинам. Звонки телефонов. Еще в одиннадцать вечера, затарившись всем чем можно и разукрасив елочку, я не знал, кого и в каком количестве ждать. Обещали все, все, все...

Сначала появились молодожены – клоун Феликс Агаджанян со своей швейцаркой Аней. Были Олег Котельников, Андрюша Медведев... В половине двенадцатого раздался длинный настырный, как вой сирены, звонок. Я бросился к дверям и сразу был сбит с ног. С диким криком на меня обрушился Витька. То, что это он, я узнал по развевающемуся черному пальто. На лице маска с огромными ушами и выпученными глазами. За ним, улюлюкая, Джоанна с поросячьим пяточком в пол-лица. Потом Юрик. Замыкала шествие величавая Марьяна в разноцветном парике...

Джоанна принесла какую-то специальную краску для волос, и через несколько минут все прически были в рыже-зелено-красных пятнах... Это единственная фотка, на которой Цой с рыжими волосами. Выпивать стали, не дождавшись двенадцати... К столу почему-то сажались лишь фотографироваться.

Пространства казалось мало, и я орал ”УРА!” прямо в открытую форточку на всю Садовую...

Мы иногда забывали про Джоанну и говорили без примеси английских слов. Она смотрела вокруг обалдело и, казалось, все понимала...

Всю ночь мы гуляли на Невском... Это был единственный год, когда мы верили, что все будет за...сь: и у нас, и в стране, в которой живем... Всю ночь ”Лицедеи“ у Казанского блистали... И Борька Юхананов стихи читал на паперти лютеранского собора... Помню еще, что Джоанну потеряли в толпе на Невском... Юрик (пардон – ныне Георгий) весьма сокрушался... Под утро ее нашли. Это были самые святые и чистые годы... Они прошли...»

«АССА»

В конце 1986 года произошло важное событие в жизни Цоя: он дал согласие сняться в фильме Сергея Соловьева «АССА». Это предложение поступило в ходе московских концертов «КИНО».

С творчеством Цоя Соловьев познакомился весной 1985 года на постановке студента своей мастерской Рашида Нугманова «Маленькие голландцы», которая почти полностью шла под песни «Аквариума» и «КИНО».

По словам Нугманова, Сергей Александрович тогда впервые увидел «живьем» реальных представителей «альтернативной культуры» и всерьез увлекся ими, поэтому к моменту завершения монтажа фильма Нугманова «Йя-Хха!» уже знал, кто такой Цой.

По совету Рашида Нугманова Соловьев поехал в Ленинград, где познакомился лично с героями питерской тусовки. Понимая, что в определенном смысле за этими людьми будущее, Соловьев решил использовать их в своем фильме. Интересно, но, если верить словам Соловьева, – поначалу Цоя не было в списке «избранных». Только после просмотра «Йя-Ххи!» Соловьев оценил, какую мощь Виктор придал финалу ленты Нугманова, и понял, что песня «Мы ждем перемен» – абсолютно беспроектный билет. Поэтому эпизоды с участием Виктора были вписаны в фильм уже по ходу производства и остались, по мнению самого Цоя, «вставным зубом».

«АССА» снималась в Ялте с января по март 1987 года. Досъемки проходили в Питере в мае того же года.

Марьяна Цой:

«Цой с большим энтузиазмом вписался в это дело, у него начались поездки в Ялту, где шли съемки, а по возвращении он отрабатывал в "Камчатке" пропущенные смены, которые "в долг" отрабатывали без него друзья».

Еще в процессе подготовки к съемкам в декабре 1986 года на «Мосфильме» Цой познакомился с Наталией Разлоговой. В своей повести «Точка отсчета» Марьяна Цой напишет, что все происходившее между Виктором и Наталией «было очень серьезно».

Георгий Гурьянов:

«Наташа работала на этом фильме "АССА". Очаровательная Наташа... Я приехал раньше, тусовался там, со всеми познакомился, и уже потом приехал Витя. Он же в финальной сцене только участвовал. И вот, значит, я сразу ему рекомендовал Наташу как очаровательную девушку, с которой можно общаться здесь, в Ялте...»

Юрий Каспарян:

«Наташа – светская дама, хорошо образованная. Работала переводчицей-синхронисткой – фильма с французского языка переводила. С ней всегда было интересно, весело. Они познакомились на съемках фильма "АССА". Виктор влюбился... Я видел, что что-то у них там происходит, но не считал возможным задавать какие-то вопросы».

Марьяна Цой:

«Последний раз мы изображали с Цоем семейную пару на свадьбе Джоанны и Юрика. Знакомые для поддержания беседы что-то спрашивали меня про Витины планы, но, поскольку мы уже ничего не знали о планах друг друга, ответить мне было нечего».

Джоанна Стингрей:

«Я любила Марианну, она была в числе самых веселых людей, которых я встретила в России. Она всегда говорила то, что думала, часто шутила и смеялась над обстоятельствами, людьми и собой, при этом обладая очень мягким характером.

Я люблю Наташу, но она была совсем другой, не такой, как Марианна. Сначала она казалась немного более сдержанной, но когда я с ней познакомилась, она оказалась очень умной, и с ней очень интересно было общаться. Очень культурная, она, казалось, была частью высшего света, что производило впечатление на друзей Виктора и Марианны в Ленинграде».

Инна Николаевна Голубева:

«Сперва Цой от родителей как от чумы бежал... Потом он и от Марьяны убежал как от чумы, поскольку это тоже была другая среда совершенно, тоже мешала ему.

Есть такая даосская легенда: монах жил в уединении, ему приносили еду, а воду он пил, черпая ладонями из ручья. Мимо ехал крестьянин, пришел к монаху и принес ему выдолбленную тыкву. Говорит монаху: "Ты такой умный и бедный, вот тебе тыква, пей из нее, пожалуйста". Тот поблагодарил, принял подарок. Прошло время, монах сам приходит к крестьянину и возвращает тыкву. "Зачем же ты ее мне возвращаешь? Она тебе не нужна?" – "Она нужна мне только тогда, когда я пью воду. Когда она мне не нужна, я вешаю ее на дерево. Но в ней шумит ветер и мешает мне сосредоточиться".

Витя тогда, осенью, перед своим уходом очень интенсивно творил. Очень плодотворный период был. "Группа крови" как раз. Потом у него больше пошло про грусть".

По воспоминаниям Наталии Разлоговой, в январе – феврале 1987 года, в ходе съемок "АССЫ" в Ялте, Цой спел ей две песни, "Группу крови" и "Легенду", добавив, что еще не показывал их никому. "Киношники" точных дат появления этих песен не помнят, но считают, что "Группа крови" была написана Цоем гораздо раньше.

Александр Баширов, актер:

«У меня была куртка танковая, черная такая, а на рукаве ромб. Увидев меня, Цой спросил, что это, а я пошутил: "Группа крови!", но ему этого было достаточно. Наверное, каким-то образом я к созданию великой песни причастен, но что это я Витю вдохновил, не считаю. Источником его вдохновения было совершенно другое, а не конкретно кто-то или что-то. Думаю, у него спросить надо. Когда-нибудь...»

Никто не знает, откуда у Цоя родился такой необычный героический текст, тематически в корне отличавшийся от предшествующих песен группы: в то время у солдат советской армии не было нашивок, указывающих группу крови, и вообще – Цой был далек от подобных тем. Андрей Крисанов впоследствии вспоминал, что это именно он сподвиг Виктора к написанию подобных героических песен, но так ли это на самом деле и что именно его сподвигло, – знал только сам Цой.

Всеволод Гаккель:

«Я помню, что само словосочетание "группа крови" я подбросил Цою в каком-то компанейском разговоре как название некой группы. Вероятно, это словосочетание где-то у него в подкорке отложилось. А потом всплыло в песне...»

С 1987 года начинается постепенное отдаление Цоя от Питера, и вскоре он переезжает в Москву насовсем. Теперь в Питере проходит минимум концертов «КИНО». А после шумной премьеры «АССЫ» и выхода фильма в прокат Цой становится всенародно популярным. «АССА» быстро стала культовой картиной, потому что это была первая игровая лента в советском прокате о необычных и чумазых обитателях андеграунда. Сам Цой в картине появляется ровно в одном эпизоде – финальном, но именно его участие в фильме и исполненная им песня «Перемен!» сделали «АССУ» тем, чем она стала. Глядя на Цоя, молодежь поверила, что «если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день», можно сажать «алюминиевые огурцы на брезентовом поле» и ждать урожая.

Вместо тепла – зелень стекла,
Вместо огня – дым,
Из сетки календаря выхвачен день.
Красное солнце сгорает дотла,
День догорает с ним,
На пылающий город падает тень.

«Перемен!» – требуют наши сердца.
«Перемен!» – требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен:
«Перемен! Мы ждем перемен!»

Что же касается рассказов Соловьева о том, что ему якобы на пробах не понравился Цой и он его сначала выгнал, то это не более чем фантазия – ничего подобного не было.

Рашид Нугманов:

«Это обезоруживающая, веселая фантазия Сергея Александровича. Не могу себе представить, чтобы Соловьев выгнал Цоя, а тот потом опять влез к нему. Совершенно другой человек Виктор: он никогда бы не вернулся туда, откуда его выгнали. Могу засвидетельствовать, что Соловьев благоговел перед Цоем. Какое там "выгнал"... Наверняка сказано для красного словца, ведь Соловьев великолепный, захватывающий рассказчик, а увлекательный рассказ требует творческой фантазии».

То же самое можно сказать относительно слов Сергея Александровича о том, что Цой впервые в Ялте увидел настоящее море. Простите, а кто же тогда, как не Цой, отдыхал с Рыбой в Морском?? При чем задолго до какой бы то ни было «АССЫ». Хотя, очевидно, Соловьеву гораздо приятнее считать, что это именно он показал Цою настоящее море, научил его кататься на мотороллере по пляжу, и прочее, и прочее...

Если анализировать события, произошедшие с Цоем в течение двух лет, с 1986 по 1988 год, можно увидеть, как стремительно развивалась его жизнь. Съёмки в кино, концерты в разных городах, новые встречи, фестивали – и в то же время работа в котельной (нужно было на что-то жить и кормить семью, а концерты и съёмки практически никаких денег не приносили). О чем он думал, когда кидал лопатой уголь в печь? Может, о том, как просто подобным образом дать тепло людям, и о том, будет ли такой же эффект от творчества? Сохранились записи его тогдашних «квартирников» в Москве: Цой исполняет все свои лучшие песни, написанные довольно давно, но голос его звучит как-то печально, и песни словно меняются от этого, приобретая вкус скорби, который затем так отчетливо проявится в последних альбомах группы «КИНО». Рок-музыка пробивалась в официальный мир, становилась коммерческим продуктом. Фильм Сергея Соловьева «АССА», собравший, помимо актеров, питерских рок-н-ролльщиков, – Сергея Бугаева Африку, «Аквариум», «КИНО» и «Браво», – был презентован в Москве с огромным размахом. Это была безоговорочная победа – вчерашний андеграунд вышел на «большой экран», и миллионы зрителей во всех концах огромной страны воочию увидели героя нового времени. Затянутый в черное, киновеничный Цой стремительно шагнул в развевающемся плаще по нескончаемому коридору под начальный рифф песни – и вдруг врывался на сцену огромного зала, забитого молодежью. В этот момент Виктор олицетворял собой победу – под новый хит «КИНО» «Мы ждем перемен» (по просьбе Соловьева «КИНО» не исполняло эту песню на концертах, «придерживая» до выхода фильма) в зале зажигались свечи, и все вместе рождало ощущение пьянящего духа свободы и уверенности в скорой победе несбыточных надежд. Сам же Цой хорошо знал себе цену и иронично подстебывался в кругу друзей: «Правда, я похож на звезду?»

Георгий Гурьянов:

«По поводу песни "Перемен". В ней нет никакой политики. Совершенно. Абсолютно философский трактат, чисто внутренний мир. Но после смерти Виктора, буквально через год-два, эта песня стала как знамя... Каждый понимает как хочет, по-своему, но нужно знать и понимать немножко, о чем именно идет речь...»

Юрий Каспарян:

Песня "Перемен" – это романтический взгляд Цоя на мир... Не более того. Никаких политических призывов в ней нет.

Виктор Цой:

«Я подразумевал под "переменами" освобождение сознания от всяческих догм, от стереотипа маленького, никчемного, равнодушного человека, постоянно посматривающего "наверх". Перемен в сознании я ждал, а не конкретных там законов, указов, обращений, пленумов, съездов».

Анатолий Соколов, кочегар котельной «Камчатка»:

«Цоя больше интересовал творческий процесс. Остальное придумали. Многие ведь политизируют песню "Перемен". На самом деле она о внутренних решениях человека. Виктор вообще аполитичным был. С системой на самом деле не боролся, нам просто хотелось делать то, что мы делали. И чтоб никто не мешал. И потом, не забывайте, что при всей серьезности Виктор Робертович говорил иронически. Когда вокруг "КИНО" уже ажиотаж поднялся, он как-то отловил меня, встал в позу, скорчил серьезное лицо и поинтересовался: "Правда я похож на звезду?" Если честно, Цой всегда знал себе цену. Вряд ли бы он сейчас занимался рок-н-роллом. Его тянуло в разные стороны, очень любил кино».

Сергей Жегло, журналист:

«У Соловьева однажды возникло сомнение относительно Африки, и он решил в этой роли снять меня. Я в результате посмотрел хренову кучу фильмов французского кинематографа новой волны в директорском просмотровом зале "Мосфильма" – часть просранного материала с Африкой Соловьев мне в университете на Манежной показывал. Речь шла о том, что я поеду в Ялту развлекаться зимой. Я тогда в художественно-техническом училище учился на столяра (таким образом можно было статью по тунеядке обойти – не послали бы на высылки за сто первый километр с принудительным участием в земляных работах). Заходил иногда во ВГИК в красивых одеждах. Помню (это без всякой связи с Соловьевым, естественно), выхожу однажды отмороженный, лыка не вяжу вовсе, спускаюсь в метро, захожу в вагон, а там такой пижон сидит: справа от него торт в коробке, слева – шляпа широкополая. Я над ним нависаю с прущим из меня остервенением, и он убирает то ли торт, то ли шляпу, я падаю рядом. А вечером прихожу в гости и вижу этот дурацкий торт. И узнаю, что это Георгий Гурьянов был, барабанщик "КИНО". Ну и остальная группа, само собой, туда пришла тоже. Я им быстренько поставил сборник ремиксов Yello, и они были благодарны мне. Потом, правда, пришел какой-то сученыш вгиковский, который стал рассказывать, как фашистские идеи уже овладели всеми, и все, включая Цоя, заметно приуныли. Обычная была ложь... С Башлачевым я примерно так же, как с Цоем, дружил – странным образом, и тот, и другой мне песни в полумраке пели наедине. Типа, сидя напротив и нахмурившись серьезно. Башлачев пел "Время колокольчиков", как сейчас помню, и еще что-то... Но с Цоем я чаще встречался».

Мы не будем особо заострять внимание на фильме «АССА». Этой теме посвящено немало телепередач, есть масса свидетельств, рассказов, включая воспоминания самого Соловьева, который неизменно красочно, хоть и не всегда правдиво, описывает события тех дней.

Дмитрий Шумилов, музыкант группы «Вежливый отказ»:

«Я не сразу понял весь масштаб фигуры Цоя. Наверно, это тот случай, когда нет пророка в своем отечестве. Проще говоря, трудно трезво оценить того, с кем выпиваешь. Тем более Цой всегда говорил, что он поп-музыкой занимается. "Чем занимаешься?" – "Поп-музыкой". Я помню, он приехал в Ялту и говорит: "Вот, я новую песню написал". Это была песня "Бошетунмай": "Все говорят, что мы вместе, все говорят, но немногие знают в каком". Песня всех рассмешила. Я помню, как он летал по перилам в гостинице, как ниндзя какой-то, ну Брюс Ли – самое очевидное сравнение. Он самый сильный до сих пор, никто его не превзошел. Совер-

шенно самодостаточный человек, отдельная единица. Он как в фильме был Цой, так и вне фильма, в жизни был такой же Цой. Можно было бы сказать, что он сыграл самого себя, с единственной оговоркой – в реальной жизни он не пошел бы работать музыкантом в ресторан. Собственно, он начинает играть песню "Мы ждем перемен" в ресторане, и только потом появляется толпа в Зеленом театре. Меня всегда удивляла эта сцена: с одной стороны – "Мы ждем перемен", с другой – вот он говорит с этой теткой-администратором, потом встает и идет – а куда он идет? На ту же сцену, в тот же ресторан играть».

Юрий Шумило:

«Впервые я увидел Цоя в "Тавриде", где мы снимали все ресторанные сцены. Вижу: бродит по площадке такой высокий азиатский человек в черном. Посторонние на площадке – это моя зона ответственности. Подхожу, спрашиваю: "Почто здесь?" А он мне: "Я к Соловьеву приехал". Переспрашиваю Соловьева: "К вам?" А Соловьев: "Ты чего, Юрик? Это же наш композитор, знакомься – Витя Цой". Познакомились. Я увидел у него значок Шаолиня. Говорю: "Ты чего, имеешь какое-то отношение к этой теме?" Наверно, отсюда и взаимная симпатия возникла. Стали в перерывах всякие единоборческие темы обсуждать. Но фанатом Цоя я стал позже, когда снималось начало сцены с песней "Мы ждем перемен". Он встал на сцене ресторана, на площадке громко включили фонограмму (в кино ведь все под фанеру снимается), я стоял за камерой, за Павлом Тимофеевичем, и был буквально оглушен мощью, которая обрушилась из динамиков. Цой со своей кошачьей пластикой тоже впечатлил. Прямо уши к голове прижало. Павел Тимофеевич стоял, смотрел в дырочку (тогда еще камераменов никаких не было) и, когда закончился трек, повернулся ко мне и сказал: "Ну что, Юрок, понял?" Он-то к тому времени уже слышал это все. А меня оглушило. После этого я подсел на Цоя, для меня это было какое-то полное откровение – это ведь был тот же парень, с которым мы только сейчас болтали про Шаолинь и которого за звезду никто по большому счету не держал. Их вообще тогда никто звездами не считал. Были какие-то странные пацаны в странных одеждах, с гаджетами, которых мы тогда не видели. А у них тем временем уже была связь с границей, была Джоанна Стингрей – какой-то заступ за кордон, во всяком случае в виде предметов материальной культуры. Они уже были одеты иначе, чем мы, и вот эта одежда во многом отразилась в имидже Бананана. Помните этот их проезд с Крымовым в троллейбусе? Все эти очки, хламиды, большие американские ботинки – это казалось тогда странным и неожиданным. Мы понимали, что это модно, но модно как-то по-другому...

Когда на повестке дня встал вопрос съемки сцены в Зеленом театре, второй режиссер Витя Трахтенберг направил меня в парк Горького. В то время там уже проходили какие-то концерты, но были они вялые, на ползала. Когда собирались люди, я брал микрофон в будке, которая наверху амфитеатра, и довольно корявым языком вещал: "Будет такая-то съемка, приходите тогда-то, будут те и эти..." Доносил информацию. В версии Сергея Александровича решающими были звонки Вити Цоя по трем телефонным номерам, после которых волшебным образом собрался полный Зеленый театр. Этот поэтический образ меня тоже устраивает. Когда стали думать, откуда брать массовку, Цой сказал: "Да не волнуйтесь вы, два телефонных звонка – и все придут". Понятно, что для любого киношника, тем более тогдашнего, вообразить себе это невозможно. Поиск массовки, работа с ней – это самое тяжелое, что можно себе представить. И когда Соловьев все это увидел, он, естественно, был в глубоком обмороке. Поверить в это было трудно».

Андрей Самойлов, музыкальный продюсер:

«После фильма "АССА" приехали в Москву, надо было снять финальную сцену в парке Горького, в Зеленом театре. Соловьев говорит: "Надо завтра дать рекламу по радио и телевидению". Цой сидит так: "А чего рекламу давать? Надо пацанам позвонить двоим, завтра все

придут“. Соловьев говорит: ”Да нет, нужна массовка по полной программе“. Витя говорит: ”Да не надо“. Три-четыре номера набрал: ”Я буду завтра петь в Зеленом театре“. Часов с шести утра парк Горького начали заполнять. Снимали сцену вечером. Можете себе представить, что творилось в парке Горького, а уж в Зеленом театре – вызвали кучу милиции, ОМОН. Туда войти было просто невозможно. В два часа дня парк был забит полностью».

Рената Литвинова, актриса:

«У моего сокурсника Аркадия Высоцкого одно время останавливалась группа ”КИНО“ в неполном составе, но главное – впервые я увидела лежащего Виктора Цоя именно у него на диване. Это был молчаливый парень, весь в черном, высказывающийся про все весьма кратко. Например, на восторги влюбленного Аркадия по поводу его дамы сердца он отозвался двумя словами: ”Хорошая девчонка“. ”И все?“ – спросила я тогда, но подруга моя, про которую он это сказал, очень гордилась этим высказыванием и находила его весьма исчерпывающим. Виктор уже тогда был кумиром, всеми обожаемым, отстраненным. Как принц, накручивал на себя шарфы, закатывал рукава на черной куртке. Но подражать ему было трудновато – он передвигался как кошка, волосы, казалось, стояли ирокезом сами по себе, по-корейски. Узкие глаза, которые он подводил, копировала даже я. Если нужна была толпа на съемки для фильма ”АССА“, он совершал всего один звонок, и в указанное время в Зеленом театре стояла огромная толпа и бесплатная массовка для финальной сцены!»

Аркадий Высоцкий, сценарист, режиссер:

«Я действительно был немного знаком с Виктором Цоем и остальными ребятами из группы ”КИНО“, но у меня нет никакого желания делиться этими воспоминаниями. Кроме того, я уже очень плохо помню все, что тогда происходило... У меня есть фотографии, но ни точной даты, когда эта пленка была снята, ни обстоятельств съемки я уже не помню. Единственное, что помню – это ВГИК, место, которое мы называли ”переход“ – остекленный коридор вел от главного корпуса к учебной студии. Не уверен, но возможно, это тот момент, когда Цой приехал озвучивать ”Йя-Хху“, учебный фильм Рашида. Но, возможно, это снято годом позже, в тот день, когда после скандала в Зеленом театре на съемках ”АССЫ“ мы с Рашидом по просьбе Тани Друбич уговорили Цоя остаться в Москве и встретиться с Соловьевым во ВГИКЕ. Других эпизодов посещения Цоем ВГИКа я не помню.

Вообще-то Витя с Юрой Каспаряном у меня вдвоем были только один раз, ночевали пару ночей. У них был концерт в Дубне, они приехали, и днем мы были во ВГИКе, а вечером ездили на концерт, возможно, это все снято именно в тот приезд».

Георгий Острецов, художник, модельер:

«Сохранилась фотография – мы в коридоре ВГИКа, когда ”Йя-Хху“ готовили... Это моя единственная встреча с Цоем. Мы провели день в одной компании, но потом не общались. Цой с Каспаряном все время играли в кунг-фу, чем привлекали общее внимание, было весело, но сам Цой был уже на пике славы. Как Котельников потом сказал: ”Что ты хочешь, чувак в цепях имиджа“».

Перед съемкой финальной сцены фильма с выступлением группы «КИНО» по замыслу режиссера был устроен небольшой, разогревающий публику концерт. По многочисленным воспоминаниям, первой выступала группа «Вежливый отказ», затем «Звуки Му». Поскольку музыка «Вежливого отказа» была достаточно специфична, часто прерывалась всевозможными перформансами, то поклонники «КИНО», ждущие Цоя, недовольно свистели и выкрикивали: «Уходи-и-и!!! Оставь телефон – и иди-и-и!!!»

Когда же выступление «Вежливого отказа» закончилось под одобрительные вопли зрителей, не очень вежливо отказавших (в большинстве своем) этой группе в уважении и понима-

нии их музыки, на сцену вышли «Звуки Му», которые уже тогда были культовой рок-группой. Публика весьма и весьма оживилась, поскольку выступление Мамонова было очень интересным и на тот момент довольно зрелищным, и, разумеется, приняла все «на ура».

После выступления «Звуков Му» на сцене наконец появился долгожданный Виктор Цой, еще не «раскрученный» тогда по телевизору «кумир молодежи», а «широко известная в узких кругах» поклонников советского рок-андеграунда звезда. Восторженный рев зрителей достиг максимума. По воспоминаниям очевидцев, было очень забавно слышать из толпы крики типа: «Цой – отец родной!!!» Молодежь, увидев Цоя, буквально впала в экстаз, и, после того как группа «КИНО» исполнила пару песен и прекратила играть, зал просто взорвался.

Вышедший на сцену Сергей Соловьев попытался объяснить зрителям, что снимается фильм, необходимо помочь снять небольшой эпизод, но уже практически неуправляемая толпа, мало знакомая с творчеством Соловьева и вообще плохо представляющая, кто он такой, ничего не слушала. Собравшиеся громко требовали, чтобы «...толстый мужик убирался на хер и чтобы Витя продолжил свое выступление...»

Наконец часть зрителей, видя, что Цой со сцены не уходит, решила все-таки немного успокоиться и прислушаться к тому, что говорит этот странный «толстый мужик». В образовавшейся между криками паузе Соловьев, сорвав голос, сумел объяснить собравшимся, что он – режиссер, что он снимает сейчас свой новый фильм, что в данный момент ему нужно снять очень важный эпизод этого фильма, как раз с участием группы «КИНО», и что он очень просит всех зрителей ему в этом помочь.

Поняв наконец, в чем дело, толпа вновь радостно загудела, причем ее радость мало смутило даже упоминание о фонограмме, под которую будет петь Цой. Тех же, кто недовольно засвистел, Соловьев успокоил тем, что, после того, как нужный ему эпизод будет снят, выступление группы «КИНО» продолжится и все песни будут дальше опять исполняться вживую, без всяких фонограмм, поскольку под фонограмму надо только снять песню в этом эпизоде, а то вживую при киносъемке нельзя.

Появившиеся на сцене трое или четверо людей из съемочной группы начали разрывать вынесенные упаковки, доставать оттуда спичечные коробки и забрасывать эти коробки в первые ряды. Сквозь вновь усилившийся радостный рев толпы зрителей Соловьев с трудом пояснил, что горящие спички необходимы для сюжета и что поймавшие эти коробки должны перебрасывать их дальше, так, чтобы досталось всем. Коробок со спичками было очень много, так что, если судить по снятому эпизоду фильма, спички достались действительно практически всем зрителям.

Собравшиеся, проникнувшись столь высокой задачей помочь «важнейшему из искусств», вовсю принялись разбрасывать коробки со спичками во все стороны. Некоторые уже и поджигали их прежде времени и горящими бросали в своих соседей, что вызывало в толпе панику...

Наконец все было готово и началась съемка эпизода. Группа «КИНО» начала играть (под фонограмму, как и предупредил Соловьев), Цой запел. Зрители в это время вовсю продолжали зажигать спички, поднимая их горящими над своими головами и заходясь в экстазе...

После того как съемка эпизода была завершена, «КИНО» исполнило еще несколько песен, нарушив при этом все графики, поставленные режиссером. Цой просто не мог подвести собравшуюся публику...

Юрий Шумило:

«Перед съемкой "КИНО" был разогрев. Внутри рокерской тусовки была своя непростая жизнь, были черные и белые, кого-то там считали лабухом. Помню, что они долго препирались по поводу присутствия на сцене негра Вити – Димки Шумилова – и Сережки Рыженко. Помню,

что публика ждала БГ, а БГ не было... Съёмочный процесс происходит определенным образом. И пока не готовы все службы, съемку начинать нельзя. Собралась многотысячная толпа, которая ждала концерта Цоя и которой совершенно невозможно было объяснить, что не готов свет, или операторский кран, или еще что-нибудь. Ее это совершенно не волнует. Она ждет, когда все начнется. Поскольку тогда подобные события были чрезвычайно редки, набилось немыслимое количество народа, причем народа не очень договороспособного.

У меня было сто человек дружинников, те же любера в клетчатых штанах, только с повязками, и тридцать человек ментов. Я исходил из того, что у нас 990 посадочных мест и тридцати ментов из местного отделения вполне достаточно. А на место одной жопы садилось три. Скамейки ломались. Я был не готов. Это был вообще первый такой хеппенинг в Москве. Опыта не было ни у кого. Блюша, Саша Блюмин, вытащил большой короб со спичками и начал их раздавать. Пока был разогрев, пока снимали какие-то второстепенные планы, люди развлекали себя, как могли. Я как-то растерял своих сто дружинников – они сняли повязки и слились с толпой. Кому-то дали по голове. Потом, уже в конце, я видел, как один из моих стоял у сцены и бил кого-то молотком, свирепствовал, как все.

В итоге пришли тысяч 12–13 зрителей – неуправляемая толпа. Я носился с микрофоном, пытался навести какой-то порядок, но от меня ничего не зависело. Более того, любой мог дернуть меня за ногу и меня затоптали бы и не нашли. Началось буйство. Жгли дымовухи, у одной женщины загорелись волосы. Я сначала потушил ее, а потом просто взял за кадык и вырубил того, кто ее поджег. Когда был снят номер Цоя для фильма, я понял, что мы уже окончательно вывалились из светового режима, подошел к Вите и говорю: "Все сняли, хорошо, уезжаем". Он: "Нет, я обещал допеть". Я говорю: "Вить, сейчас люди погибнут, ты видишь, что происходит?" – "Я им обещал, я буду петь". Я говорю: "А если я тебе въе...у сейчас?" – "Ну въе...и". Я понял, что он готов драться. Скорее всего, весь разговор был слышен в микрофон, потому что, когда я обернулся назад, я понял, что все эти тысячи человек меня ненавидят. И это было так страшно – вот эта чаша с неконтролируемой толпой, с этими огнями, с этими горящими глазами. В меня полетели коробки спичек, кто-то кинул туфли, я увидел этого человека с молотком... Состояние было близко к безумию. Я подошел, выдернул какой-то шнур, кто-то меня обхватил, оторвал от земли и уволок со сцены. Это был Павел Тимофеевич Лебешев. Пока мы разбирались, на сцене спели еще пару песен и все закончилось. Потом за кулисами появился какой-то главный московский пожарник. Оказывается, люди, уходя, перевернули пожарную машину, просто уронили ее на бок...

Я до сих пор счастлив, что тогда никто не погиб, не покалечился, хотя я не уверен, может, что и было. Я оставался на передовой один, директор картины Вовка Дудин посидел в ложе дирекции и свалил. Как администратор на площадке я должен был после съемочного дня заполнять рапортчики. Я с перепугу написал, что все было нормально, но рассказал, как все было на самом деле, своей подруге – диспетчеру в студии. А она на следующий день доложила главному диспетчеру, что была такая беда. И понеслось: "Почему не доложили, были безобразия..." Помню, что тот главный пожарный чуть ли не до драки спорил с каким-то комсомольским деятелем за право меня расстрелять...

Цой сильно изменился после нашей картины. У него во время съемок образовались отношения с Наташей Разлоговой, девушкой из хорошей семьи, сестрой кинокритика Кирилла Разлогова. Наташа работала у нас помрежем, то есть бегала, меняла кадры, номера, вела всю документацию помрежа. С ее двумя иностранными языками это, конечно, не соответствовало ее уровню. У меня было такое впечатление, что она наш фильм рассматривала с прицелом на какие-то изменения в личной жизни. Когда появился Цой, она очень сильное влияние на него оказала. У него, безусловно, был какой-то нечеловеческий, животный магнетизм и специальный поэтический дар, но Наташа дала ему какую-то широту, он буквально видоизменился под ее влиянием. Она была отчасти его менеджером, и, видимо, не без ее участия он связался с

Айзеншписом. Его карьера начала развиваться, он стал собирать стадионы, начался чес на его имидже, на его имени. Завистники в рокерских кругах тут же заговорили, что Цой продался. Вот и шубу купил себе волчью... Было такое. Но Наташа его реально разнообразила, расширила кругозор. Может быть, я придумываю, но в альбомах, которые выходили после "АССЫ", я слышу Наташу, какие-то ее нотки, настроение, состояние».

Георгий Гурьянов:

«Концерт для фильма "АССА" в Зеленом театре... Ужасно раздражало, что он был вроде как для массовой, и когда эти уроды сняли свое убогое кино, они взяли и выключили звук. Когда снимали этот фильм мудацкий, перед нами целый час "Звуки Му" били по мозгам – дорвались до аудитории, которой никогда не видели... И вот играют и играют, играют и играют... Потом выключили звук. Цой, помню, никак на это не отреагировал. А я вот очень злился. Очень хотелось ударить по камере тяжелым предметом... С тех пор я возненавидел процесс киносъемки... Но этот пузырь, конечно, поганый... Соловьев... Так всех на...бать, прошу прощения... А перед людьми кто отвечает? Цой? Я там был и все видел гораздо лучше многих... Полная тупость и безынициативность».

Юрий Каспарян:

Я мало что помню про «АССУ». Помню выступление в Зеленом театре. Выкрик из зала, когда Соловьев подошел к микрофону: «Чем больше пузо – тем дальше от станка» *(улыбается)*
...

Сергей Жегло:

Мне очень нравилось, как Цой пел «Арию мистера Икс». Он им и был... В последний раз всю группу «КИНО» я видел утром того дня, когда Соловьев снимал заключительный эпизод «АССЫ». Я приехал в Зеленый театр после смены сторожевой службы, немножко очумевший, медленно пошел по залитым солнцем рядам ослепительно-белых скамеек вдоль сцены, а сверху четыре черные фигурки спускались мне перпендикулярно. Я не сразу понял, кто это, а потом почему-то подумал: «Интересно, подаст мне Цой руку первым?» Он подал.

Рашид Нугманов:

«Виктор относился к "АССЕ" довольно критично. Он так и не воспринял этот фильм полностью, хотя не скрывал, что доволен своим заключительным эпизодом, где ему не надо было лицедействовать. Нравилась ему и мастерская работа оператора Павла Лебешева. И уважительное отношение Сергея Соловьева к Цою не могло не льстить ему, хотя его творчество Виктор относил к "папиному кино", с чем я не всегда был согласен, зная Соловьева как мощного педагога, вложившего в своих студентов понимание настоящей профессии и давшего толчок появлению целой "казахской волны". После "Иглы" на Виктора со всех сторон посыпались предложения сниматься, но он все твердо отвергал, решив продолжать работу только со мной и постоянно меня к этому подталкивая, вместе с Наташей. Сейчас я клянусь себя, что сразу не ушел в следующую картину, которую мы могли бы запросто сделать с Цоем в 1988–1989 годах. Фестивальная жизнь, бесконечные поездки по стране и за рубеж, пустые рауты, эпатаж публики, заумь кинематографических тусовок, идиотское чиновничество в Союзе кинематографистов – вся эта мишура помешала состояться настоящему делу, увы. В результате съемочная пауза продолжалась три года, пока мы не запланировали новые съемки на осень 1990-го. Но человек предполагает...»

1987–1990

1987

1 марта 1987 года Цой с Каспаряном выступают в городе подмосковных физиков-ядерщиков Дубне, где, кстати, Цой ранее уже бывал с Марьяной. Сохранились прекрасные фотографии работы Игоря Бельведерского, которые впоследствии были использованы в оформлении CD-диска с записью концерта в Дубне, а также несколько фотографий, сделанных Сергеем Неговелевым.

Сергей Попов:

«Хорошо помню этот прекрасный концерт. Виктор уже был в этом ДК, но один. С Каспаряном было еще лучше, он отличный гитарист – умный, изобретательный, тонкий».

Сергей Неговелев, фотограф:

«Снимки у меня с концерта очень неудачные. Я снимал на просроченную крупнозернистую аэрофотопленку, освещение было никакое, только узенький лучик света в темноте...»

Далее путь группы лежит в Миасс и Челябинск, где, по многочисленным воспоминаниям очевидцев, концерт пытались запретить. Ситуацию, по словам Марьяны Цой, спасли «зрители, начавшие ломать в зале стулья».

8 марта 1987 года в восемь утра группа приехала в Челябинск (накануне они отыграли концерт в Миассе).

Когда «Москвич» белого цвета с группой «КИНО» подъехал к зданию ЧПИ, ныне ЮУрГУ, возле входа уже собралась толпа фанатов. Чтобы попасть на концерт, поклонникам приходилось подпольно доставать билеты, это были праздничные открытки со специальной печатью.

За общением группы с фанатами пристально наблюдали представители местной комсомольской организации. Известно, что когда кто-то из поклонников поставил бутылку пива на крышу машины, это чуть не стало поводом для отмены концерта.

«Компетентные органы» придрались к документам, которые у музыкантов были оформлены не так, как считали нужным в Челябинске. И гастроли решили запретить вообще, но, опасаясь реакции студентов, к главному корпусу политеха стянули чуть ли не весь гарнизон челябинской милиции во главе с областным начальством. Публика оказалась сильнее – после фактического разгрома зала концерт состоялся. Место проведения следующих двух концертов держали в строжайшей тайне. О них знали только свои. Цою устроили встречу с челябинскими педагогами, на которую, напугав учителей, все же пробрались многие любители рока. Последним стал «квартирник» в общежитии ЧелГУ.

Один из организаторов той самой встречи Дмитрий Филиппов рассказывал: после выступления в ЧПИ Цоя вместе с группой расположили в общежитии, где всю ночь напролет они пели песни.

«Цой очень любил пельмени, помню, ел он их с удовольствием, – делится воспоминаниями Дмитрий Филиппов. – Концерт проходил в холле на восьмом этаже. Тогда пришло очень много людей». По словам Дмитрия Филиппова, он тогда и не думал, что Виктор Цой может оказаться таким скромным и молчаливым. После концерта фанаты весело общались со звездой, и он без вопросов раздавал всем желающим автографы.

Третий концерт проходил в Доме учителя, ныне Творческом центре для детей «Автограф». Зрители были очень рады знакомству с ленинградской группой и Виктором Цоем. По воспоминаниям людей, перед группой сидел мальчик лет двенадцати и записывал все на катушечный магнитофон.

«К сожалению, мальчика уже не найти, – делится один из преподавателей. – А он мог стать счастливым обладателем уникальных записей».

Юрий Каспарян:

«У нас был концерт в городе Миасс, и потом нас отвезли в соседний город – Челябинск. Концерт в этом городе замечательно отпечатался у меня в памяти. Там решили прикрутить краник и устроили заседание партбюро или заседание обкома. И часа два или три они решали, что делать, жестко тормозили концерт. От этого возникли какие-то трения с народными массами. Произошел разгром зала. В результате они согласились, нам как всегда было все равно... Хотя, во всяком случае для меня, это было свежо. Как Виктор отнесся к этому? Ну как к этому можно отнестись? Ну, траблы какие-то. В тот моментик он что-то высказывал такое, конечно. Такие моменты происходили потому, что не было организации гастрольной деятельности совершенно, практики не было...»

Георгий Гурьянов:

«Ну, в Челябинске, я помню, там сломали двери и стулья. Такое было дело... Обычное. Ко мне, бандерлоги... Зал разгромили совсем. Вынесли двери вместе с коробкой. Это было в университете, по-моему, в актовом зале, огромные такие дубовые двери...»

Игорь Тихомиров:

Были выломаны двери. Руководство этого университета было в шоке. Студенты разрушили просто актовый зал...

20 марта 1987 года Виктор Цой выступает в КЗ Симферопольского музыкального училища им. П. И. Чайковского. Сохранились прекрасные фотографии, которые сделал фотограф Алексей Чугуй, и многие из них я, автор этой книги, использовал в своих работах о группе «КИНО».

Алексей Чугуй, фотограф:

Я лишь фотографировал Цоя. Что касается знакомства, то знакомством и закончилось, пообщаться с ним у меня так и не получилось. На тот момент меня интересовала больше фотография, так что я больше наблюдал его со стороны. А потом я Виктору даже передавал несколько своих фоторабот...

Николай Кунцевич:

«В 1987 году Виктор приехал из Симферополя, где он давал сольный концерт в концертном зале музыкального училища, и мы увиделись в Ленинградском дворце молодежи летом на фестивале Ленинградского Рок-клуба. Виктор передал мне привет от симферопольских ребят. О чем говорили с ним, я не помню, но отношение ко мне было доброжелательным. Впоследствии мы с ним виделись редко».

24 апреля 1987 года «КИНО» выступило с концертом в Ленинградском ДК работников связи.

Вадим Шестериков:

«На этом концерте произошел такой случай: перед выходом на сцену Витя объяснял музыкантам задачу: "Первым выходит Гурьянов и начинает очень долго и монотонно бить по барабанам, затем подключается Игорь с басом, потом Юра, а под конец, когда всем уже надоест, – выхожу я и мы начинаем "Транквилизатор"...»

Из этого мало что получилось – Георгий уже на втором ударе развалил установку, и пришлось музыкантам выбегать на сцену, по новой устанавливать барабаны, а затем уже начинать песню... Но концерт все равно удался!»

Весной 1987 года в ДК рижского Института инженеров гражданской авиации состоялся концерт курёхинской «Поп-Механики» (совместно с Westbam, одним из самых успешных и популярнейших диджеев Германии) при участии всех музыкантов группы «КИНО». Позже это выступление было издано как альбом *Popularnaja Mehanika Feat. Westbam – Live At Riga*.

Максимилиан Ленц, он же Westbam, основатель и владелец Low Spirit, в одном из интервью рассказывал:

«Мы познакомились с Курёхиным в Риге в 1987 году, где я наблюдал работу диджеев с кассетными записями. Сергей как раз в то время выступал в Латвии с "Поп-Механикой", и он предложил мне выступить в роли диджея на концерте на следующий день. Я согласился. Наш концерт был записан на магнитную ленту, которую буквально до дыр заслушивали самые разные люди в Берлине... Проект с Курёхиным оказался популярным в Германии благодаря передаче на телеканале *Neue Deutsche Welle*, а также благодаря миксам, сделанным с этой рижской кассеты».

Количество участников рижской и ленинградской записей просто не поддается описанию. Помимо Сергея Курёхина, Максимилиана Ленца, Виктора Цоя, Юрия Каспаряна, Игоря Тихомирова, Георгия Гурьянова, Александра Ляпина, Сергея Бугаева и Тимура Новикова, в них принимали участие еще более десяти человек, о многих из которых просто позабыли. Было так много участников, что забыли даже о Гаркуше, который читал текст во время концерта в Риге. Этот концерт стал переломным для развития российской музыки того времени. Мало кто из нынешних клубберов задумывался о том, когда в Петербурге впервые заговорили о техно. А произошло это как раз в 1987 году в Риге. После этой встречи питерские рокеры начали притягивать берлинских диджеев в Санкт-Петербург, и это способствовало появлению совершенно нового течения.

Надо сказать, что технику микса в 80-е активно применял Курёхин, но Сергей принадлежал к джазовой школе, к эпохе авангарда, а Westbam представлял нечто совершенно неизведанное. Питерским модникам, в частности Георгию Гурьянову и Виктору Цою, ситуация – диджей за вертушками – показалась жутко забавной. Впоследствии Георгий вспоминал, как сильно радовался Виктор. Кстати, по словам Гурьянова, Цой был абсолютным адептом электроники, человеком ритма. И, как свидетельствует Георгий, «Витя ничего общего не имел со всеми упырями, рок-н-ролльщиками, бородачами и прочими уродами. Витя был всегда со мной».

Виктор Цой:

«Я вообще против термина "рок" и не занимаюсь этим. Просто играю музыку, которая мне нравится».

17 мая 1987 года Цой в компании Александра Липницкого и Петра Мамонова выступает в Москве, в ДК имени Курчатова, на празднике в честь 25-летия основания The Beatles.

Александр Липницкий:

«"Звуки МУ" и "КИНО" едут в Курчатник (ДК Института им. Курчатова) – колыбель московского рок-андеграунда. Местные фанаты устроили славный праздник по случаю 25-летия основания The Beatles, и две любительские группы, "Звуки Му" и "КИНО", пытаются наладить на сцене что-то совместное. Русский рок-джет – вообще дело абсолютно гиблое, но у Витьки отличное настроение – он влюблен в маленькую Наташу, и мы играем вместе "Лифт на небо" и "Транквилизатор". В конце концов приходит время спеть что-то и из The Beatles – вместе с "Бригадой" и "Ва-Банком". Я тихо-тихо ускользаю со сцены. Цой: "Ты куда?" Я объясняю, что никогда в жизни ничего не пел, даже обязательных гимнов в школе. Витька хохочет: "Ты не можешь спеть «Hey Jude» вместе со мной?" – "Я и слов-то не знаю" – "А кто их знает?" – веселился Цой. Короче, Мамонову кто-то списывает на листок азбучные истины на английском, и мы дружно вместе подтягиваем: "Don't let me down"...»

Олег Соколов, участник административной команды группы «КИНО»:

«Помню, Витя мне рассказывал, как они с Мамоновым на тусовке битломанов вышли и стали петь "...кинь бабе лом..." ("Can't Buy Me Love"), на что битломаны круто на них обиделись... Там был какой-то юбилей The Beatles и тусовка ярых битломанов... Эту историю мне Витя рассказывал со смехом...»

Константин Елгешин, тусовщик:

«19 мая 1987 года я сфотографировал Цоя в Зеленом театре, там "АССУ" снимали, финальные сцены. Накануне этого в «Курчатнике» (ДК имени Курчатова) был большой концерт, на котором "КИНО" выступило в одном составе со "Звуками Му". Я очень жалею, что оттуда пленка куда-то пропала – там были очень веселые кадры: типа, Мамонов держит на руках Цоя, как ребенка, и все в таком духе. После концерта Цой вышел на сцену и сделал объявление: "Все, кто хочет, приходите послезавтра на съемки фильма". Я тогда тусил со стилистами, группой поддержки "Браво" и "Мистера Твистера", поэтому мы пришли своей толпой и сели где-то рядом в шестом-восьмом. Передо мной сидела Жанна Агузарова, которую я просто дернул за плечо, и, когда она повернулась, успел снять. А вот с Цоем было все сложнее... Он с чужими не контактировал, поэтому в ближний круг мне попасть не удалось... Удалось лишь пару фото сделать...»

В 1987 году Виктор Цой отыграл квартирный концерт, устроенный Татьяной Межениновой и Николаем Вишняком в Москве, в районе метро «Аэропорт». Сохранились замечательные фотографии, сделанные Георгием Гориним.

Георгий Горин, фотограф:

Сколько времени прошло... Я мало что помню. Организовывали концерт Таня Меженинова и Коля Вишняк. Я фотографировал... Надеюсь, мои фото кому-нибудь пригодятся. Тридцать лет лежали...

Татьяна Меженинова, организатор квартирных концертов:

«Года с 1985-го я была одним из московских устроителей квартирных концертов. Все питерцы, начиная с Гребенщикова, по традиции приезжали тусоваться в Москву. Тусовка у них была всегда в определенном месте – у Саши Липницкого на Каретном ряду, там была такая общая база. Он их всех встречал, с ними сидел и так далее и тому подобное. И было какое-то количество друзей, которые с ними общались. В тот момент было довольно мало свободных квартир у молодых людей, наших ровесников, тех, кому было двадцать или двадцать с небольшим, поэтому с этим было сложно... И вот одна из таких квартир была рядом с метро Аэропорт, на улице Асеева. Там жила моя подруга, и она вместе со своим молодым человеком

была очень увлечена рок-движением... У нас был такой приятель Коля Вишняк, один из концертных директоров в Москве всех приезжающих питерских групп. Когда у приехавших ребят кончались деньги, а кушать и гулять хотелось, Коля кидал клич и говорил: "Давайте попоем"... Назначался день и час, обзванивались люди, собирались все желающие, удовольствие стоило три рубля. Набивалось столько людей, сколько могла вместить однокомнатная квартира, и вот, собственно, пели – час, два... Цой на моей памяти играл в той квартире у Аэропорта раз шесть. Записей у меня точно не сохранилось, да я и не записывала никогда ничего... Конечно, люди что-то записывали, но поскольку все это были незнакомые люди из тусовки, то сегодня, наверное, записи уже не найти... Точно такие же концерты проходили в квартире на Кропоткинской (Барыковский пер., д. 1), организовывал их Юрий Кацман, но там было все проблемнее, туда часто менты приходили. Все же, как понимаете, было нелегально...»

Именно на одном из таких московских квартирных концертов 1987 года Виктор Цой исполнил песню «Не бойся, это только кино...», ставшую впоследствии легендарной.

Они сказали: «Надо пройти!»
Они не верят что есть другие пути.
Не бойся, это только кино,
Я знаю точно это кино,
Кончится фильм,
Зажгут свет и мы поедем домой.

Те, кто был раньше, вставляли в их ружья цветы.
В ответ на это свинец затыкал их рты...

Песня была исполнена Цоем на одном из московских квартирных концертов, на Коптевском бульваре, в квартире у художника Павла Шевелева.

Павел Шевелев, художник, в прошлом организатор квартирных концертов:

«Мы собирались у меня в Коптево... Организовывал все это Коля Вишняк, иногда – я. Сохранились записи на катушках, я записывал наши квартирники на "Электронику-004". Зрители располагались на надувной лодке, на столе, на полу, и скидывались по троячку-пятерочке... Мероприятия периодически навещала милиция, но иногда ее можно было спровадить, предложив "приходить внимать искусству не в форме, а как нормальные люди"».

По воспоминаниям очевидцев, Павел вел запись концерта и в самом конце между ним и Цоем произошла ссора, после чего Павел стер весь записанный материал. В результате совершенно случайно уцелел лишь небольшой отрывок песни и полный текст ее до сих пор неизвестен.

Рашид Нугманов впоследствии вспоминал:

«Да, Виктор исполнял эту песню в Алма-Ате у нас дома. Текст сейчас вспомнить сложно. Очень жалею, что не писали песен на магнитофон. Беспечность...»

19–24 мая 1987 года в Вильнюсе прошел фестиваль «Литуаника», ставший всесоюзным праздником рок-музыки, в котором участвовали такие интересные группы, как «Бригада С» (Москва), «КИНО», «Авиа» и «АукцЫон» (Ленинград).

Марк Шлямович:

«Поздней весной 1987 года хорошие ребята во главе с Миндаугасом Черняускасом организовали чудный фестиваль на сцене вильнюсского Дворца спорта: три дня, куча чудесных групп: "Чайф", "АВИА" с веселым еще Антоном Адасинским, "Калинов мост", "Вопли Видоплясова" с удивительным Олегом Скрипкой, "КИНО", "Звуки Му", "Бригада С", "Не ждали" из Таллина, "Алиса" – всех не упомянуть.

"КИНО" приехало с двумя женами: Витина Марьяна и жена Игоря Тихомирова, а также с бонус-музыкантами: Крисановым на басу и Африкой на перкуссии. И тот и другой ребята с большим апломбом, из тусовки "Густава" (Георгия Гурьянова), то есть нос кверху, общаются только с равными... Остальные, как всегда, приветливые, очень приятные люди: я про Витю с Марьяной, Игоря Тихомирова с его женой, Юрия Каспаряна.

Еще мне запомнился очень веселый момент. Он даже где-то запечатлен на фотографии. Поскольку фестиваль длился три дня, а выступление "КИНО" было запланировано на последний день, все свободное время мы ходили по Дворцу спорта, знакомились с новыми людьми, дурачились, болтали о том о сем.

Юра Каспарян объявил, что он и группа снимаются то ли в Сочи, то ли в Ялте в каком-то новом, по-видимому сногшибательном фильме. Сгорая от любопытства и белой зависти, я попросил его рассказать о фильме. Для этого мы почему-то уединились (Юра, Марьяна и я) в кабинке женского туалета Дворца спорта, и Юра вдохновенно поведал сюжет. После выхода фильма я понял, что речь шла о фильме Сергея Соловьева "АССА".

И еще был забавный случай. У нас всех на шее висели бейджики с аккредитацией и т. д. Виктор решил подурачиться. А тут рядом с нами появился прекрасный музыкант (царство ему небесное!) Гуннар Грапс из Таллинна – лидер, фронтмен/вокалист и барабанщик, пожалуй, на тот момент лучшей хард-роковой группы СССР "Магнетик бэнд".

Ничего не подозревавший Гуннар поздоровался со мной, и я тут же представил ему Виктора. "Гуннар!", "Виктор!"

Витя тут же сделал вид, что ничего не знает о Грапсе, стал ерничать, задавать глупые вопросы о группе, на что наивный Гуннар вежливо отвечал. У Вити был вид этакой "звезды", снизошедшей до простых землян. Однако когда Грапс терпеливо и серьезно ответил на все вопросы, решил узнать, с кем имеет дело, и, наклонившись к Витиному бейджику, громко, с эстонским акцентом, чуть заикаясь, медленно прочел: "Ви-ктор. Ага, Виктор, Цо-ой, ага, какая группа? Ааа. «КИНО», а, ну, хорошо, «КИНО»". То есть было видно, что прославленный эстонский рокер даже не слыхивал о Цое и его группе, и со стороны это выглядело так потешно, что я чуть не лопнул от смеха, особенно когда я увидел, как у Вити, убежденного, что все знают о "КИНО", по-детски растерянно округлились глаза.

Само выступление было хорошим, но не более. Могу сказать, что, с одной стороны, концерт был по большому счету, если сейчас говорить, не самым удачным для группы "КИНО", потому что были проблемы со звуком – гитара не строила. В зале все было хорошо, все были в черном... У Юры Каспаряна еще гитара была такая белая, эффектная, но почему-то она не строила, и Витя был в подавленном состоянии. Наверно, были какие-то внутренние раздраи...

Что-то мучило Виктора внутри, плюс звук был не идеальным, поэтому на большей части концерта звучала гитарная "каша". Для тех, кто любил "КИНО" и никогда его не видел, все вроде было хорошо, народ завелся, но я видел, что выступление было далеко не такое, каким могло бы быть. Но все равно всем понравилось, ребята на сцене выглядели эффектно, все в черном, единственный белый элемент – белая гитара Юрия Каспаряна. Спустя годы я встречал людей, которые были на этом первом и, увы, единственном выступлении группы "КИНО" в Вильнюсе, которое они вспоминают с восхищением. На следующий вечер после фестиваля "КИНО" и их компания уезжали домой в Питер. Я примчался провожать их на вокзал, на последние деньги купив им литовского творожного сыра на память о Литве...»

Андрей Кузнецов:

«Цой, в общем-то, не злоупотреблял сильными напитками, но тут, в 1987 году на "Литуанике", под воздействием моего друга Миши Литвинова, принял лишнего. Мы вместе приняли, несколько бутылок белого сухого. На следующий день пришлось давать Цою мыльный раствор, чтобы он проблевался, пришел в себя и смог адекватно выступить...»

Из газеты «Московский комсомолец»:

«"КИНО" расточало вокруг себя такую вселенскую усталость, что возникли мысли о финишной прямой для Виктора Цоя. Считаю "КИНО" одной из лучших советских рок-групп и надеюсь, что вильнюсская усталость – лишь случайный эпизод в их творческой биографии...»

3 июня 1987 года группа выступила на очередном, 5-м Рок-клубовском фестивале (в последний раз) со своей новой программой «Группа крови» и, хотя получила специальный приз «За творческое совершеннолетие», обычного одобрения от публики не дождалась, хотя мнения по поводу выступления были весьма разные. Питерская тусовка начала относиться к «КИНО» совсем по-другому.

Теплое место, но улицы ждут
Отпечатков наших ног.
Звездная пыль – на сапогах.
Мягкое кресло, клетчатый плед,
Не нажатый вовремя курок.
Солнечный день – в ослепительных снах.

Группа крови – на рукаве,
Мой порядковый номер – на рукаве.
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!

Марьяна Цой:

«Это было обидно для Вити, который любил эти песни и даже строил по поводу них определенные планы... После того как его не поняли, он обиделся – не на кого-то конкретно, а на весь Питер».

Андрей Тропилло:

«Ни одного хорошего концерта "КИНО" я не видел. Правда, здесь (в Ленинграде) на концертах он очень плохо играл. Может быть, где-нибудь в Москве, в "Олимпийском", они сыграли хорошо, но я там не был. Помню, у нас в Рок-клубе шел концерт, Цой пел на сцене, а Кинчев все подшучивал над ним и бросался в него какой-то старой пыльной обувью со стоптанными задниками, что нашел за сценой».

Юрий Каспарян:

«Я не помню зрительского разочарования на 5-м фестивале Рок-клуба. Я не помню, чтобы все сидели и молчали. У нас никогда не было провальных концертов. Может быть, просто не так громко кричали, как, например, хотелось бы Марьяне...»

Сергей Фирсов:

«Я помню, что мне выступление ”КИНО“ очень понравилось. И я вообще не помню ни одного плохого выступления ”КИНО“. Были, конечно, сыроватые, заметно было, что репетировали они мало, но так, чтоб откровенно плохое, такого нет. Не было. Просто все остальные группы тоже очень мощно выступали, может быть, на их фоне, конечно».

Александр Игудин, журналист, клипмейкер:

«На пятом рок-фестивале появление Цоя на сцене и вступительные аккорды ”Группы крови“ в буквальном смысле слова подняли зал с места. Ведущий даже испуганно закричал: ”Попрошу всех сесть“. А толпа просто бросилась к сцене...»

Алексей Вишня:

«В 1987 году Виктор выступал в Ленинградском дворце молодежи с программой, которая вылилась в самый популярный альбом команды ”Группа крови“. Удивительно, но публика песни снова не приняла. Зал почти не аплодировал, раздавались лишь редкие хлопки. Мне кажется, Цой просто не потянул такую большую площадку: обращаться со сценическим звуком ребята еще не умели...»

Владимир Рекшан:

«Фестиваль в ЛДМ представлял собой настоящую вакхическую вакханалию. Было ощущение скорой победы, сотни зрителей бродили вокруг зала счастливые и нетрезвые. Я мог бы тут наврать и сказать, что после концерта мы беседовали с Витей за кулисами и я передавал ему тайны песенного мастерства, но такого не было. Помню только, что мы с ним оказались в каком-то пространстве с окнами до потолка. Сидели положив ноги на стол, сильно хмельные. Цой стучал кулаком по столу, а я выл дурным голосом не помню какую песню...»

Михаил Дубов:

«Цою, кстати, нравилось мое «пение»... Помню, году так в 1986–87-м, придя из СА, встретил Витю с товарищами перед ЛДМом, во время Рок-клубовского фестиваля, он спросил: Ну что, Мишаня, чем занимаешься? Я ему говорю – дерИБАСю. А он – а что не поешь? Зря!!!»

Вадим Демидов:

«Впервые я увидел Цоя в 87-м, в ЛДМе, где проходил V фестиваль Ленинградского Рок-клуба. Я уже был знаком с Башлачевым, и вот мы с ним как раз столкнулись в фойе ЛДМ. Перебрасываемся какими-то фразами, и тут он кивает кому-то через плечо, – я обернулся и увидел Цоя. Он стоял под лестницей и курил. Помню, вид у него был немножко нездешний. Фойе было перенаселено, все галдели, ржали, а он стоял один и курил. Очень такой прямой.

”КИНО“ выступало в первый фестивальный день. Они вышли вшестером: два барабанщика (второй – Африка), два басиста, два гитариста (Цой и Каспарян). Такая сплошная симметрия. Зал, ясно, ждал хитов с альбомов ”Это не любовь“ и ”Ночь“, те тогда были очень популярны в узких рок-н-рольных кругах. А чуваки вышли и сыграли программу ”Группа крови“, которую к тому времени еще никто не слышал. Из зала выкрикивали названия желаемых песен, но чуваки гнули свою линию. Принимали их довольно вяло. Не освистывали, конечно, но хлопали жидко. Вот не помню, сыграли ли они под занавес сета хоть одну знакомую песню, скорее всего, нет. И ушли. По итогам феста ”КИНО“ наградят всего лишь за творческое совершенноелетие. Да еще призом отметят басиста Тихомирова. А через полгода ”Группа крови“ будет звучать из всех соковыжималок...

Если уж у нас покатила такая волна воспоминаний, то замечу, что ”Группу крови“ я полюбить так же сильно, как ранние альбомы, не смог. Не то что мне эти вещи казались фаль-

шивыми, нет, но это уже было не обо мне и не о нас, хотя отдельные вещи оттуда я и сейчас слушаю с удовольствием...»

Андрей Кузьмин, художник:

«Я видел Цоя несколько раз. Первый раз на концерте в ЛДМ, тогда у "КИНО" было зачем-то два ударника – Гурьянов плюс Африка, два басиста – Игорь Тихомиров плюс Андрей Крисанов. Все были в футболках "Спасем мир", привезенных, наверное, Джоанной... Помню странный разрыв шаблона – "КИНО" я уже тогда слышал, но вокалиста представлял себе совсем иначе. А тут вдруг элегантный азиат. Концерт был мощнейшим, помню до сих пор это ощущение сопричастности и радости. В общем, с тех пор я – киноман.

Затем я видел Виктора на улице, кажется, с ним еще был Каспарян. Они были очень элегантны... Затем – в мастерской у Виктора Тихомирова. Витя был пьян, сидел скромно в углу, улыбался и молчал. Он показался тогда очень позитивным, приятным человеком...»

Чуть позже запускаются съемки документального фильма питерского режиссера Алексея Учителя с претенциозным названием «Рок». Вообще, подобное внимание режиссеров к личности Цоя было закономерным. Они не могли не видеть харизму лидера группы «КИНО». Однако Виктор Цой изначально сниматься в фильме отказался, и заручиться доверием Цоя режиссеру удалось лишь за счет того, что он принял жену Виктора – Марьяну – на должность администратора съемочной группы. Это позволило получить разрешение на съемки в «Камчатке», а после положительной рекомендации Виктора Цоя режиссера приняли в рок-среду.

Часть материала будет отснята в котельной «Камчатка» на Петроградской стороне, куда Цой, уволившись из бани, по протекции Фирсова и Соколкова устроился работать кочегаром в начале октября 1986 года.

Кстати, с точной датой устройства Виктора в знаменитую ныне котельную «Камчатка» много неясного. Соколков с Фирсовым вспоминают, что Цой пришел в котельную в начале октября 1986 года, в документах Виктора вообще записано, что он работал в «Камчатке» с 1987 года.

Анатолий Соколков:

«С тех пор прошло столько событий, все перемешалось, что когда было – до или после – разобраться трудно. Вот как можно выделить "КИНО", когда на самом деле это был конгломерат из концертов, альбомов, выставок, тусовок, теле- и радиотусовок, встреч в "Сайгоне", "Гастрите", в Рок-клубе, на частных флэтах и так далее и тому подобное? Рок-н-ролльная жизнь в 80-е представляла единое целое и охватывала столько всего разного и в разных местах. Думаете, что когда Цой пришел на "Камчатку", это было великое событие и все его запомнили? Увы, это не так. Обычная практика. Все были вынуждены так работать – там-сям, кто где. И ничего экстраординарного в этом не было. Мы пригласили Виктора сюда на работу, и компания сразу сложилась. А потом нас всех затолкали на курсы кочегаров. Там преподавали не только устройство топливных систем и котлов, а даже политэкономия. Наш друг Сережа Фирсов давал жару. Он просыпался только на этом занятии и спорил до хрипоты с преподавателем. Диссидентствовал, короче. Было довольно весело. А для Цоя курсы были трагедией, так как жил он достаточно далеко, занятия же начинались в 8 утра. Он выдержал три недели, потом уехал на гастроли и курсы забросил. Но из котельной не ушел...»

Рашиду Нугманов:

«В своей записной книжке я обнаружил точную дату, когда Виктор впервые привел меня в котельную на Зверинской: 9 апреля 1986 года. Сведения о том, что Виктор появился там только в августе, неверны. Есть, правда, вероятность, что я сделал запись на страничке 9

апреля, тогда как стрелку забивали в августе или сентябре. Но при этом все остальные записи в книжке точно соответствуют датам».

Однако Рашид Нугманов тоже ошибается.

Андрей Машнин:

«Фирсов устроился в "Камчатку" 25 сентября 1986 года. Цой примерно через неделю после Фирсова. Причем устроился официально, поскольку был отправлен на курсы...

Что касается меня, то я работал в ГРСТ-1 – Городском ремонтно-строительном тресте – стропальщиком и заведовал музыкальной частью самодеятельности. Репетировали как раз в общаге на Блохина. Все это происходило в 1986–1987 гг.

Сидим как-то у моей подруги из трестовской самодеятельности. Окно во двор открыто, 4-й этаж. Подошла она к окну, говорит: "Во, Цой с бачками. Видел?" Я тоже выглянул, действительно, Цой по двору шарахается. Говорю: "А что вообще происходит?" Она говорит: "Так он работает внизу, в кочегарке. Я и начальника их знаю, Толика. Давай познакомлю, споешь ему что-нибудь заодно, там все музыканты работают". Думаю, ладно, почему нет. Так я и попал в "Камчатку" осенью 1987-го и в начале следующего сезона устроился туда на работу.

Топили мы женскую общагу ГРСТ-1. Работали сутки через семь. На смене должны были одновременно находиться два человека – кочегар и зольщик. Кочегар – квалифицированная специальность, а зольщик нет. Подразумевалось, что кочегар топит котлы и следит, чтобы не рвануло, а зольщик чистит их и выносит золу и шлак. Чтобы стать кочегаром, как я уже говорил, нужно было иметь удостоверение или пойти на трехмесячные курсы. Я устроился зольщиком и сразу пошел на курсы. Цой до этого немного кочегарил в другом месте, но тоже у нас учился.

У кочегаров и зольщиков была разная зарплата, оклад зольщика – 70 рублей, кочегара – 105 рублей плюс 10 рублей премия. Но мы делили деньги поровну, обязанностью начальника «Камчатки» было это проделывать каждый месяц.

Рабочие сутки проходили так. Заступаем в 23.00. Принимаем смену: котлы почищены, зола и шлак вынесены, пол подметен и полит из шланга, посуда помыта, мусорное ведро пусто. Обязательно переодеваемся и переобуваемся. Одежка, у каждого своя, висит на вешалке в бутербродной. Там как раз долго валялись рабочие кроссовки и прочие штаны Цоя. Все пожгли, пока он еще жив был. Потом молодежь убивалась по этому поводу. А кто ж знал.

Первым делом идем расковыривать смерзшийся уголь, который кучей лежит на улице, возле специального проема. Потом идем в угольную, там долбим пикой ту же кучу снизу, чтобы посыпалось внутрь. Потом скребком загребаем вниз как можно больше. В фильме "Рок" Цой как раз этим и занимался в угольной – загребал внутрь уголь через проем.

Кстати, в котельне было три котла. Если смотреть на них от входа, то слева, напротив двери, был паровой котел – как раз летний, а средний и правый назывались "водогрейные". Их топили весь отопительный сезон. Конструкция у них была разная. Паровик работал без моторов. От него нагревались два больших бойлера в бойлерной, в которую был отдельный вход со двора. Летом по ночам не топили, только днем, и смена была примерно с 12:00 до 18:00. То есть надо было нагреть воду к приходу общежитских девиц с работы.

После смотрим, что в журнале понаписали за время нашего отсутствия. Пишем сами: смена № такая-то, число, стишок какой-нибудь, картинку, что угодно, что лезет в голову. А что там еще можно делать столько времени: компьютеров и мобильных не было. Только читать, писать, играть на гитаре, разговаривать, бухать, веселиться со знакомыми девушками. Время от времени подкидывать уголь. В конце сдать смену, то есть почистить котлы и все прибрать.

Бытовой техникой почти не пользовались. По телевизору смотреть было нечего. Радио тоже никто не слушал тоскливое, сами пели намного чаще. И было кому. Играли почти все,

писали тоже, в том числе гости. Бывало, приходишь в 12, выгребаешь из паровика вчерашний шлак сверху и золу снизу, выносишь на улицу в бачках. Идешь в бойлерную, перекрываешь краники на душ и прочий внутренний водопровод. Потом растапливаешь котел дровами. Дальше – угля помаленьку, уголь разгорается, и топишь уже в полную силу углем. Следишь за давлением на манометре. Если давление слишком большое, приоткрываешь дверку топки, давление падает. Температуру в системе показывает градусник. Потихоньку ползет вверх – 40, 50, 80. В котельне начинает пахнуть паром. Как раз к 5–6 вечера два бойлера нагреваются до кипятка, идешь опять в бойлерную, открываешь краники, и горячая вода из бойлеров поступает в душ и на кухни. Прекращаешь топить и можешь вообще отправляться домой. Для страховки топку можно приоткрыть на пару сантиметров, тогда уже точно ничего не рванет, просто догорит и погаснет. Зимой (осенью – весной) топили два других котла – средний и правый. Они уже работали от насосов. Там была суточная работа, и в котельне постоянно работали моторы. Очень такой привычный характерный звук.

Привычных звуков было несколько.

1. Моторы.
2. Лязганье железа о железо.
3. Скрип открывающихся – закрывающихся заслонок.
4. Шкрябанье лопаты по углю или по полу.
5. Шурование, выгребание шлака – золы.
6. Стук в дверь с улицы.
7. Шаги за дверью комнаты – приближающиеся или удаляющиеся.

Зимой за давлением особо следить не приходилось. Опять же, можно было ориентироваться на запах. Если паром запахло, надо убавлять жар. Но это редко бывало. Держали все температуру порядка 60, если не очень холодно. А в мороз уже 80–90 надо было. Умеючи это было не так уж сложно...

Мало кто из внешнего мира знал тогда, где находится котельная и существует ли она на самом деле. В том, что существует, многие убедились, посмотрев фильм Алексея Учителя "Рок", но и после фильма не было к нам паломничества. Оно началось 15-го августа 1990...

С самим Цоем у меня отношений не было вообще. В "Камчатке" я просидел полсезона, пока он еще работал, но он тогда работал редко. Скорее всего, Толик за него и работал, пока Цой где-то снимался или выступал. Кроме собственно Толика, я из своего уголка наблюдал всех тех, кто к нему приходил в гости. Народу часто было много, и я сейчас не помню, кто именно там был. Сплошные ассушки. Я тогда плохо всех знал. Никаких записей и фотографий не осталось. В журналах тех времен хаос, ничего не понять, к какому точно времени относятся разные записи. То есть в памяти зацепиться не за что. Освоился я там уже в 88 году, перезнакомился со всеми, но Цой уже ушел на повышение. Может, заходил еще пару раз. Где, с кем и как я знакомился, я тоже толком не помню, все перемешалось в голове... Я стеснялся везде ходить за компанию, хотя были все возможности. Начальник меня водил, например, на премьеру программы "Группа крови", это я помню. Прошли мы на халаву, понятно, посмотрели концерт, но я ни в какие гримерки тогда еще не привык ходить, был в зале, а потом сдриснул. И это типичный пример. Мне постоянно было неловко куда-то пролезать и там торчать...

Анатолий Соколов:

«Помню, его день рождения отмечали... 25-летие... Мы пришли в кочегарку, получили деньги и купили несколько ящиков приличного вина. Потом поехали на квартиру. Башлачев, кстати, присутствовал. Помню смешной момент: народ кругом уже пляшет, все «хорошие». А Цой подходит ко мне и хитро так говорит: «Я думал, что я самый пьяный, а ты еще хуже!» Когда бойцы попадали и разъехались, Витька с Марьяной и я с женой принялись будить при-

корнувшего на стульчике Башлачева. Переложили его на кровать. А из упавшей сумки вывалились две бутылки вина. Он про них забыл в процессе дня рождения. Все долго смеялись, похмелились».

Дмитрий Шагин:

«Он очень удачно попал в ту котельную. Как раз режиссер Учитель снимал тогда фильм "Рок", там есть замечательные кадры, как Цой кидает в топку уголек, как набирает тачку, как сидит компания там с гитарой. Работа – не сказать чтоб очень тяжелая. Тем более что Цой был физически крепкий парень. Это довольно небольшая котельная, там стоят котлы-универсалы, тоже небольшие такие. Нормально. Даже лучше, чем когда котельная на газу. Газ имеет свойство взрываться, утекать и так далее. Опасное вообще дело. Цою в котельной нравилось. Он говорил: "Я людей отапливаю, тепло им даю". Отапливали они общежитие, если не ошибаюсь».

Сергей Фирсов:

«С Цоем мы очень тесно тогда общались. Постоянно ездили с ним в Москву и обратно, и кочегарили вместе на "Камчатке". Я записывал его редкие акустические концерты и распространял альбомы, что писали Тропилло и Вишня. Цой вместе со своими друзьями часто посещал американское, немецкое и французское консульства, где ему дарили множество gifts – кассеты, маечки, футболки... Все это я скупал у него подчистую. Визиты и встречи были столь частыми, что какое-то время на это он мог спокойно жить. И Африка, и Гурьянов постоянно тусовались с иностранцами, я и у них скупал все подарки. Денег же было много, зарабатывал я более чем достаточно».

Алексей Коблов:

«Видел и встречал Цоя не только на концертах, но и вне их, как говорится, задолго до того, как он стал мейнстримом. Вполне закономерно и заслуженно стал, надо сказать, да и остается по сей день. И будет и далее, не извольте сомневаться. Все остальное абсолютно не важно. Я бывал в котельной "Камчатка", именно в смену Цоя, причем не как фанат, а так, чисто перетусоваться, пока связь с моими питерскими родственниками и друзьями не наладится. Немногословное, правда, было общение, апокрифы не врут. Мы с ним не один раз виделись в компаниях, хоть и не были особо знакомы.

У меня была черная футболка с надписью "KINO", из тех, что Стингрей всем участникам RED WAVE привезла, мне ее сам Виктор подарил, потом я ее передарил или поменял на что-то, не помню точно на что, помню только, что недолго у меня продержалась. Хорошие были футболки, названия групп латиницей, причем не просто напечатаны, а какой-то резиной, что ли, оттиснуты...

Была одна замечательная история, году в 1986-м или 1987-м. Я сидел в Питере, на проспекте Ветеранов, в гостях у небезызвестного Сергея Фирсова, архивариуса Ленинградского Рок-клуба, и не только, переписывал там себе какую-то музыку на катушки на одном из его бесчисленных магнитофонов, что характерно – не русскоязычную, а западную. У Фирсова же не только русский рок был, само собой, а и Запад тоже. Ну и я с юных лет был таким, увлеченным слушателем самой разной музыки, начинал-то вообще с Запада, как и многие.

В это же время к Фирсову в гости пришел Цой, которому тоже надо было себе что-то переписать на кассету, в частности один из альбомов Duran Duran, с дискографией которых я к тому времени был весьма хорошо знаком, тогда вообще всякий new wave был на слуху. И я решил проявить эрудицию меломана. Говорю, мол, знаю эту пластинку, слышал, она 1982 года выпуска. Через несколько минут поступил неторопливый ответ от Цоя: да нет, 1983-го. И тут я немного растерялся: я же точно знал и помнил, какого она года. Возразил: да нет, 1982-го, точно, мол, у меня же все ходы записаны. И так мы с ним с довольно длинными интервалами

и обменивались скухими репликами, стоя каждый на своем. А когда все было уже записано, качество записи проверено, а сама кассета была извлечена из магнитофона и положена в карман, Цой, уже уходя, задержался на секунду в дверях, посмотрел куда-то мимо меня и сказал: "А может, и 1982-го". И пошел себе восвояси. И тут до меня наконец-то дошло, что ему было совершенно все равно, какого там года эта запись, просто надо было что-то там послушать, на тот момент его интересовавшее. Такая сцена из неснятого кино получилась, встреча музыканта и меломана. Так что все остальное действительно абсолютно не важно...»

Олег Котельников:

«Как-то сию на Загородном у Андрея Медведева, заходит Марьяна Цой:

– О, Котельников, ты же у нас безработный, правильно? – с ходу прищучила меня Марьяша, на что я попытался отбрыкаться:

– Да, типа, я и не собираюсь... еще пока можно полгода, как минимум...

– Нет, – твердо сказала Марьяна, – у нас тут цейтнот со временем, и нам нужен восьмой. Ты должен пойти. Друг ты или не друг?

Я пожал плечами:

– Ну ладно, надо так надо, я иду.

Передал трудовую книжку и устроился в котельную.

Два года работал за семьдесят рублей. Формально должен был сутки через трое, но выходило так, что каждый из нас мог работать всего четверо суток в месяц, это было весьма удобно. Для обеспечения такого графика работать должны были стопроцентно свои – чтобы, если Цой уезжал, например, Машнин смог его подменить. А если Машнин не может, тогда Фирсов. Когда ездили все, отдувался за всех Начальник, потом деньги ему отдавали – он вел учет взаимодолгов. Часто так бывало. Работал еще Задерий, Башлачев, я, Цой, Фирик, Начальник, Машнин.

Кто кочегаром был оформлен, кто зольщиком. Кочегар должен был в паре работать с зольщиком, а работали по одному – сутки через шестеро. Никто не переламывался, поскольку у каждого из нас восьми было много друзей и очень много общих друзей, которые изо дня в день тусовались вместе в нашей котельной. Помимо них, ежедневно ватаги ушлепков-дармоедов со всего совка, самого разного этноса все время торчали в котельной или где-то рядом. Фирсов – общественный деятель и распространитель всякой фигни. Ранее он работал на железной дороге, и к нему постоянно вписывались на ночлег какие-то иногородние друзья. Всегда можно было попросить их перебросить к печи угля, что они с удовольствием исполняли. Самое плохое в нашей работе была зола. Через два года я оттуда ушел, поскольку в легких уже кверху все подступало...»

Именно в котельной «Камчатка» 19 февраля 1987 года Цой написал «Романс» – небольшой рассказ-фантазмагорию. В архиве материалов Виктора, хранящихся в архиве семьи Цой, «Романс» представлен как текст, набранный на печатной машинке, что было весьма необычно для Цоя, никогда не печатавшего свои мысли и тексты песен. Да и самой печатной машинки ни в доме Марьяны и ее матери, ни в доме родителей Виктора не было.

Рашид Нугманов:

«Дело зимой было, дату не помню. Мы сидели в кочегарке. Его смена была. Он не читал мне "Романс", а дал мне прочитать, свеженаписанный. Цой обычно писал от руки. Я лично никогда не видел его за печатной машинкой... Я прочитал, потом поболтали. Этот текст наверняка стеб в стиле ассовской тусовки, мистификация... Кстати, когда Виктор впервые прочитал мне "Романс", он предложил мне возродить подпольный журнал о роке, который я когда-то выпускал с Евгением Бычковым под названием "Згга". Виктор горел идеей опубликовать в нем разные мистификации и небылицы о рок-группах, включая "КИНО", и странные рассказы типа

”Романса“ под видом фактов и репортажей с событий, которых никогда не было, или рецензии на несуществующие альбомы, концерты и записи, чтобы фаны за ними гонялись впустую. Этот стиль – неотъемлемая черта раннего Цоя, когда правда и ирония могут тесно переплетаться...»

Анатолий Соколов:

«Цой печатал этот опус на машинке у нас в кочегарке. А я редактировал страницы. Витя написал первую часть, принялся за вторую. Но Марьяна роман раскритиковала, Цой разозлился и все порвал. Но, как оказалось, не все – часть все-таки нашли, она опубликована. Веселый авангард такой...»

Как позднее стало известно, «Романсов» сохранилось два. Второй вариант предстает перед читателем несколько иным – укороченным, с менее прописанными образами, с заметной трудностью при подборе слов и мыслей. Этот вариант сохранился в одной из записных книжек Виктора. Написан он обычной синей шариковой ручкой. Кстати, довольно интересно, что Наталия Разлогова считала хранящийся у нее вариант «Романса» единственным и совершенно не знала о том, что существует другой, уже изданный в 1997 году.

Объяснение этому факту найти сложно, но можно. Из рассказа Соколова следует, что Виктор, как известно, совершенно не дороживший черновыми материалами, написал «Романс» в Ленинграде (чуть позже напечатав его на машинке в «Камчатке») и, после критики Марьяны, уничтожил. Один вариант текста (не уничтоженный Цоем) Марьяна нашла среди других черновиков и издала в 1997 году. А что касается варианта, оставшегося в блокаде Виктора и сохранившегося в архиве Наталии, – то это, по-видимому, основной черновик «Романса», сама задумка.

Олег Котельников:

«Как мы с Владиславом Гуцевичем отучили Виктора Цоя прозу писать? Очень просто. В начале восьмидесятых все его старшие товарищи – БГ, Володя Тихомиров, Шинкарев – все как один бросились в прозу. Они все сказочниками стали. Витька тоже решил примерить на себя это одеяло и тоже занялся было литературной деятельностью. Я прихожу на работу, смотрю, Виктор Робертович пишущую машинку принес компактную, сложил аккуратно, а под ней листы. Глянули мы с кем-то из общих друзей на это чтиво и решили ответить. У нас вахтенный журнал был, в котором отмечались дежурства, и все там что-то писали, рисовали. БГ пришел, написал что-то, а Фирик это вырезал, сложил вчетверо и спрятал себе в бумажник. Пришел Гуцевич, и мы стали с ним в этот журнал роман писать про гибкость. Тогда же перестройка была, гибкими надо быть. И мы так тонко все расписали, что когда Цой прочитал, он больше никогда не пытался писать прозу».

Андрей Машнин:

«В первом тонком котельном журнале была написана поэма ”Про гибкость“. Написали ее два человека. Один из них Котельников, второй Гуцевич... Так вот. Там был такой момент, что кто-то, э-э... Кинчев, что ли, вышел на сцену и внезапно заорал: ”Менты, Шевчуки и прочие гады, во-он!!!“ Дальше было, что все напряглись, Цой задергал мышцей и т. д. Очень смешное чтение было. Так что тоже своего рода поговорка. ”Менты и прочие гады“ – это был понятный ряд, а вставить туда Шевчука, который был тогда, совсем наоборот, очень положительный герой, да еще во множественном числе, – это было смешно, да».

* * *

В конце июня, через неделю после своего 25-летия, Цой вместе с Каспаряном и Марьяной едут в Тулу на музыкальный фестиваль, куда группу «КИНО» пригласила Лариса Фирсова, временно исполняющая обязанности директора ДК Профсоюзов. В Туле «киношники» провели 27 и 28 июня 1987 года. Вот как вспоминает Лариса события тех дней:

«Тогда слова ”рок“ в Туле еще боялись, поэтому мы задумали провести ”Фестиваль молодежной музыки“. Концерт приурочили ко Дню молодежи. На фестиваль собрали местные творческие коллективы, но самой главной задачей для меня было – привезти в Тулу Цоя! Я позвонила в Ленинградский дом творчества, там мне дали телефон Марьяны Цой, которая занималась всеми административными делами. У группы были какие-то проблемы, поэтому мне предложили акустический вариант – Витя Цой и Юра Каспарян. Договорились на два выступления, каждое – по сто рублей. Для сравнения: за выступление ”Зоопарк“ мы заплатили 700 рублей. Правда, и двести тогда найти было очень тяжело.

Я вышла на Советский райком комсомола и попросила деньги. Комсомольцы пообещали дать половину, а остальное оплатил ДК Профсоюзов. Упросила ”Тулауголь“ выделить номер в ведомственной гостинице на Первомайской...

Цой и Каспарян оказались очень простыми ребятами... Были скромно одеты в черные полукеды с белыми полосками, черные рубашки, черные штаны. Я попросила Витю посидеть в жюри фестиваля. Он сказал: ”Не вопрос! Хотя и не люблю никого судить“. Кто помнит те времена, поймет меня. Денег ни на что не было. Я дала ребятам 10 рублей на чебуречную, а сама побежала домой готовить обед. Наварила молодой картошки, нажарила котлет, завернула кастрюльки в фольгу и принесла в ДК. Помню, ели с удовольствием. Да они вообще были очень неприхотливы! Виктор спокойный, уравновешенный, воспитанный. Каспарян чуть погорячее – фамилия обязывает, но тоже очень хороший парень. Марьяна все шумела, что ”Коррозия металла“, выступающая перед ”КИНО“, навоняет на сцене дымом и Витя будет кашлять. А он успокаивал ее. Мол, бог с ними, пусть «дымят». Еще помню, Витя и Марьяна часто бегали звонить в Ленинград – их сыну Саше было тогда полтора годика и они беспокоились, как он там. Что удивительно, ребят совершенно не интересовали деньги. Они больше интересовали Марьяну. Когда я отдала им первые сто рублей, она сразу же убрала их в кошелек и спросила, где тут у нас барахолка. Я рассказала, мол, в Мяснове. Марьяна рванула туда и у какой-то бабушки прикупила винтажные туфли 40-х годов. Так они ей понравились! А я переживала – ребята работают, а денежки Марьяна тратит...

Туляки приняли ”КИНО“ на ура! Это был глоток свежего воздуха. Народ просто ошалел от того факта, что ЦОЙ В ТУЛЕ! Зрители смотрели на него как на небожителя. Многие до конца не верили, что Витя приехал в наш город.

Во второй день, в воскресенье, мы гуляли по проспекту Ленина, сидели на фонтане напротив ДК Профсоюзов, болтали. Я подарила Вите и Марьяне тульский самовар. Кто знает, может быть, из него до сих пор пьет чай их сын?..

”КИНО“ отыграли второй концерт, пора было расплачиваться. Я подхожу к лидеру райкома комсомола. Он мне: ”С деньгами сложно...“ Я: ”Да вы что? Мы же обещали. Давайте сто рублей, или я про вас в газету напишу“.

Самое интересное, что Витя и Юра вели себя очень спокойно. Я работала со многими артистами, и большинство из них начинает сразу истерить по поводу денег. Здесь же было ясно: отдадите вы нам 100 рублей – хорошо, не отдадите – не страшно. Видимо, я запугала комсомольцев, потому что за несколько часов до отхода поезда они все же привезли в гостиницу оставшуюся часть гонорара... Помню, как мы с чемоданами ехали на троллейбусе № 8 на Московский вокзал. Троллейбус был переполнен, мы еле-еле втиснулись на заднюю площадку.

Всю дорогу Витька рассказывал мне о сыне... Я попросила Марьяну прислать мне билеты для отчетности. Мы договорились, что когда-нибудь "КИНО" придет к нам в Тулу в полном составе. Вскоре я получила от Марьяны письмо. В конверте лежали билеты и записка: "Привет! Как дела? У нас все хорошо! Привет сраным комсомольцам!"

Витю я уже больше никогда не видела. А с Юрой довелось встретиться, когда мы поехали с коллегами в Ленинград на экскурсию. Юра пригласил меня к себе домой. Мы пили кофе, слушали музыку, он рассказывал о своей невесте Джоанне Стингрей...

Я благодарна тому молодому человеку, что сделал на память фотографии. Я не предполагала, что буквально через год после фестиваля в Туле Цой станет мегазвездой и будет собирать стадионы! А после его смерти эти фотографии превратятся в раритет...»

В период с 27 по 28 июля 1987 года Цой побывал в Желтых Водах. Город Желтые Воды Днепропетровской области – урановая столица бывшего СССР, а теперь Украины. Там располагается крупный уранообогащительный комбинат, где и давал концерт Виктор.

Тогда в Желтых Водах работало много молодых специалистов-химиков, окончивших лучшие химико-технологические вузы Москвы и Ленинграда. Они приезжали на комбинат по «комсомольским путевкам». Именно в зале Желтоводского химкомбината и прошло первое выступление Виктора Цоя в Желтых Водах.

Второй концерт прошел в кинотеатре «Мир», в зале дискотеки «Эхо». Концерты организовал знакомый Цоя – Анатолий Простаков, дома у которого и ночевал Виктор. Сохранились две неплохие записи выступлений Цоя в Желтых Водах – одна с концерта в «Мире», сделанная Владимиром Борщевым, вторая сделана в зале Желтоводского химкомбината. Дело в том, что в первый день Цой исполнил 15 песен, на второй день – 14. Но получилось так, что на втором концерте он исполнил 5 новых песен по сравнению с первым концертом. Кстати, очевидцы приезда Цоя утверждают, что существует еще домашняя запись, сделанная в квартире Простакова...

Константин Бречко:

«Концертов было два. Минут по 40–45. Практически без комментариев. И для очень маленькой аудитории. В дискотеке было всего 60 кресел, плюс еще около 20 посадочных мест по бокам. Концерт почти не согласовывался с культмассовым отделом ДК (к которому мы относились), посему большинство вопросов решались на свой страх и риск.

Первый концерт Цой спел практически на свое усмотрение, кстати спев на обоих концертах "Группу крови", в то время еще не исполненную для народа. Сказал, что мы чуть ли не первые слушатели. В перерыве между концертами его попросили исполнить вещи, которые нам были более знакомы (записи таскали непосредственно из Ленинградского Рок-клуба) – "Троллейбус", "Алюминиевые огурцы," "Восьмиклассница". 87-й – время еще было тяжелое, поэтому все прошло тихо и не шумно. На следующий день он отдохнул здесь и, если мне память не изменяет, на третий Простаков отвез его на самолет».

Анатолий Простаков:

«Прилетел Цой в Кривой Рог, и провожал я его оттуда же. Ему удобней же было, летел самолет прямой из Кривого в самый Ленинград... Жил Цой у меня дома. Фотографировал все – и концерты и прогулку по городу – Юрий Холмогорский. Цоя не приглашали на фотосессии тогдашние фотопрофессионалы, а любительские черно-белые снимки, сделанные в великом множестве фанатами на концертах, были низкого качества.

Цветное фото в то время даже во многих фотостудиях было, мягко говоря, плохое. Холмогорский же сделал целый фотоальбом с Виктором. В этом альбоме тоже есть снимки среднего качества, то немного передержанные, то немного недоэкспонированные, то подсвеченные

другим тоном, то не в фокусе... Но главная портретная фотография выполнена просто идеально. Даже сегодня нет ни малейшего желания ее обрабатывать фотошопом.

Я недавно обнаружил, что именно снимок Юрия Холмогорского, сделанный на фоне кирпичной стены обычной девятиэтажки, является наиболее цитируемой фотографией Виктора Цоя...»

В 1992 году Анатолий Простаков передал фотопленки из архива Юрия Холмогорского Юрию Белишкину. Позже на основе этих фото был выпущен широко известный «Случайный фотоальбом».

Во время проведения летнего Московского кинофестиваля «КИНО» выступило 9 июля 1987 года в знаменитом клубе «ПРОК» (Профессиональный клуб), который работал в Доме кино. В те дни Москва как никогда влекла иностранцев, и на фестиваль не требовалось приглашать мировых звезд по два раза. В рамках работы «ПРОКа» проходили жаркие политические дискуссии, после которых допоздна игрались рок-концерты.

Как вспоминал финский тележурналист Рейо Никкиля, они со своим напарником Кристианом Вальдесом оказались единственной телевизионной группой, снявшей концерт «КИНО». Кристиан снимал видео, а Рейо писал звук на новейшем оборудовании.

Все толпились перед сценой, прыгали, танцевали и подпевали Цою. У стен зала стояли небольшие столики, за которыми сидели мировые звезды, среди которых были Олег Янковский и Роберт де Ниро.

По воспоминаниям очевидцев, в частности Александра Липницкого, именно на этом концерте Гурьянов и Африка доставили залу огромное удовольствие своей энергичной, бесшабашной манерой «выделять» ритм, а самому Липницкому несколько неприятных минут доставили разборки со Стасом Наминым, которому они разорвали все пластики на ударной установке.

Сам Цой, с которым Рейо сумел пообщаться после концерта в гримерке Дома кино, был, по его словам, полной противоположностью рок-гиганту на сцене и на задаваемые ему вопросы отвечал с явной неохотой...

К большому сожалению, руководство финского гостелерадио, в архиве которого находится запись, сделанная Кристианом Вальдесом и Рейо Никкиля, решило не продавать ее, найдя какую-то объективную, по их мнению, причину. В Интернете появился лишь небольшой отрывок из фильма Вилле Хаапасалло, в котором использован фрагмент из сделанной на «ПРОКе» записи...

Юрий Каспарян:

«Концерт в Доме кино? Я помню, да, мы там играли... Запомнилось. Там столики были, вдоль стен, со зрителями. Было очень интересно... Было бы здорово увидеть видео с этого концерта...»

Георгий Гурьянов:

«Я, конечно, помню этот концерт. Это было такое немножко панк-выступление. Мы пели "Время есть, а денег нет, и в гости некуда пойти", а в зале стояли столики, и за ними сидели такие зажавшиеся насосы, осетры, у которых времени всегда в обрез, денег до фига и в гости есть куда пойти. Прямо эпатажный текст был, именно эта строчка. Еще припоминаю момент, по-моему, это как раз на этом концерте было. Вышел на сцену конферансье и объявляет: "Сейчас перед вами выступит барабанщик групп 'КИНО' и 'Популярная механика' ". Я, значит, млею от восторга, думаю, что вроде не собирался выступать с речью... И тут выходит Мальчик

Бананан и начинает как бы от моего имени говорить... Самозванец, не умеющий играть ни на одном из музыкальных инструментов... Я в шоке был просто».

Весной 1987 года в Архангельске состоялся самоорганизованный фестиваль местных рок-групп, находящихся под патронажем городского Рок-клуба. Как вспоминал **Сергей Богаев**, лидер группы «Облачный край»:

«Весенний фестиваль был тщательно подготовлен и прошел с большой помпой, явившись новым мощным этапом возрождения. Участие уже ставшей знаменитой "Алисы" и первое в истории выступление "Облачного края" – это был пусть маленький, провинциальный, но фурор... Нам понравилось выступать! Очень хотелось еще...»

Выступившему на этом фестивале Кинчеву весьма понравился прием архангелогородцев, и в ответ на приглашение группы «Алиса» в Архангельск, по просьбе Кинчева, ленинградский Рок-клуб совместно с клубом «Фонограф» в ЛДМ пригласили «Облачный край» и «Аутодафе» сыграть концерт с «Алисой» в Ленинграде.

Когда музыканты из Архангельска приехали в Питер и добрались до ЛДМ, их всех дружно повязали менты, найдя, что нетрезвый и вызывающий вид молодых людей «противоречит нормам и морали советской молодежи». В кутузку к архангелогородцам менты отправили заодно и Кинчева, который явился было выручать своих друзей (гостей).

Сергей Богаев, лидер группы «Облачный край»:

«И тут же, откуда ни возьмись, появился Виктор Цой, он тоже был на концерте, и когда старший в штатском спросил: – А тебе-то тут какого еще надо? – тот так это спокойно, со своим цоевским пафосом и достоинством ответил: – А вот тут у меня в гостинице знакомые, делегация французских корреспондентов, они тоже, как и эти ребята, приехали по приглашению руководства города, они желают все это тут заснять и попросили меня привести их сюда. – Человек в штатском сказал ему: – Никаких иностранцев чтоб духу тут не было, пошел вон!

Виктор величаво обернулся и безмолвно удалился...

И тут менты приняли мудрое решение – передислоцировать нас в какое-нибудь отделение милиции, подальше от этой беснующейся толпы, от корреспондентов и прочих-прочих. Одного они не учли: что для того чтобы перевезти нас в другое место, им надо вывести нас из этого, что оказалось задачей не из простых, ибо народ к нам все прибывал и прибывал. Вызвали еще несколько нарядов милиции, которые встали живым коридором от дверей опорного пункта до служебного входа, а там уже задом стояла машина с мигалками с открытыми дверями. Так и повели нас по живому коридору, который с трудом сдерживал беснующийся народ, и вот идем мы – гуськом, друг за другом, я, Кинчев, Рауткин и все остальные по этому живому коридору, и тут кто-то предложил: "А давайте мы руки за голову сделаем"... Прикололись, сделали, а Коля наш, Лысковский, вообще оказался босиком, где-то потеряв свои ботинки, представляете, какая картина – идет человек босиком, сквозь строй милиции, руки за голову, и вот в этот самый момент... засверкали вспышки фотоаппаратов. Виктор Цой сдержал обещание! Стражи бросились было отбирать фотоаппараты, а не тут-то было. Нельзя! Это же не наши граждане, у которых можно было отобрать, разбить о кафельный пол, засветить пленку – это были французские подданные, причем официально приглашенные... В итоге нас отпустили, только чуть позже».

В августе 1987 года приехавшему на каникулы в родную Алма-Ату Рашиду Нугманову (автору короткометражки «Йя-Хха!») руководство студии «Казахфильм» предложило заменить отстраненного от работы режиссера картины «Игла» и срочно приступить к съемкам.

Нугманов связался с Виктором, и тот дал согласие на участие в картине. Съемки фильма проходили в Казахстане до начала 1988 года.

Цой прилетает в Алма-Ату сначала в августе, на пробы актрис, а затем, в сентябре, уже на съемки, и в конце месяца съемочная группа уезжает на Аральское море, где производство занимает не более двух недель вместо ранее запланированных сорока дней. В октябре съемки оперативно продолжатся в Алма-Ате, чтобы успеть захватить последние солнечные дни.

Из Алма-Аты Цой вернулся в конце октября. 1 ноября 1987 года «КИНО» совместно с группой «Игры» и «АукцЫоном» отыграло концерт в ДК имени 1 Мая, торжественно посвятив его столь долгожданному приезду Джоанны Стингрей на свадьбу с гитаристом «КИНО» Юрием Каспаряном.

2 ноября 1987 года в Ленинграде состоялась свадьба Юрия Каспаряна и Джоанны Стингрей, свидетелем на которой был Виктор Цой. Как рассказывал Дмитрий Левковский, «свадьба Каспаряна и Стингрей явилась как бы апофеозом светских событий. И Цой был в тот день очень рад счастью друга и выглядел не как всегда озабоченным, а буквально светящимся».

Марьяна Цой:

«Это было очень развесистое мероприятие с фейерверком, черными ”Чайками“, пеной и брызгами шампанского».

Дмитрий Левковский:

«Отец у Джоанны был не хер с горы, а мультимиллионер и типа мэра в Беверли-Хиллз или где-то там... На свадьбе все было так чинно, что мы с Гришей Сологубом даже задержались вначале, потому что один ”сушняк“ был сперва. Побежали в магазин, там толпа алкашей, очередь, и вдруг менты разглядели наши бэйджи и громко объявляют толпе, что мы со свадьбы, требуется нас пропустить вперед. Мы взяли пару банок водки, приходим к гостям – а там уже море крепкого алкоголя и уже половина гостей в мясо...»

После короткой отлучки на свадьбу Каспаряна и Стингрей Цой возвращается в Алма-Ату.

В ноябре – декабре 1987 года, на Аральском море, Виктор продолжает сниматься в фильме «Игла». В перерывах между съемками он дает несколько концертов, в частности концерт в Политехническом институте, о котором я расскажу чуть ниже.

Новый, 1988 год Виктор будет встречать там же, в Алма-Ате, и, как вспоминал позже Рашид Нугманов, на домашней новогодней вечеринке исполнит написанную специально для фильма песню «Звезда по имени Солнце». Кстати, на той же вечеринке Цой впервые споет только что сочиненные «Белые дни» («Место для шага вперед»).

У меня есть дом, только нет ключей,
У меня есть солнце, но оно среди туч,
Есть голова, только нет плечей,
Но я вижу, как тучи режет солнечный луч.
У меня есть слово, но в нем нет букв,
У меня есть лес, но нет топоров,
У меня есть время, но нет сил ждать,
И есть еще ночь, но в ней нет снов.

И есть еще белые, белые дни,
Белые горы и белый лед.
Но все, что мне нужно, —

Это несколько слов
И место для шага вперед.

Помимо песен, к этой вечеринке Цой рисует на большом картоне желтого дракона, символизирующего наступающий год Дракона. Этот рисунок на картоне до сих пор хранится у Мурата Нугманова в Алма-Ате...

Аудиозапись сольного концерта Цоя в Алма-Ате сделал главный организатор этого концерта, ныне преподаватель Казахского политехнического института, доцент КазНТУ Урал Сарсенович Аманжолов. Вот что он рассказал о том, как организовывался этот концерт:

«К русскому року меня приобщил журналист и музыковед Евгений Бычков. Слушая песни полузапрещенных тогда рок-групп, я чувствовал – вот то, что мы хотим сказать вслух, но не можем. Однажды вечером в ноябре 1987 года мне позвонил Евгений и сказал, что в Алма-Ату на съемки фильма "Игла" приезжает Виктор Цой, лидер ленинградской группы "КИНО". Бычков поинтересовался, как мне идея организовать сольный концерт Виктора в "Политехе". Я тогда был проректором Университета культуры при Политехническом институте, поэтому такая возможность у меня была. Мы решили провести концерт Цоя в главном актовом зале КазПТИ. Кроме технических проблем с аппаратурой и залом, неясно было, разрешат или нет проводить концерт. Кто-то боялся, осторожничал. Кто-то говорил, что все будет нормально. Тогда Виктор Цой еще не был кумиром всей советской и тем более алма-атинской молодежи. За час до объявленного концерта пришли в основном студенты двух факультетов – АиСУ и ЭВТ. И хотя в зале было не больше 200 человек, возбужденная публика нервно шумела, не веря, что концерт состоится. Немного задержавшись, приехал Виктор вместе с кинорежиссером Рашидом Нугмановым и Евгением Бычковым. Я сильно переживал, как пройдет концерт, как будет реагировать аудитория, разрешит ли Виктор делать запись концерта. Виктор принес с собой акустическую гитару, сел на стул, посмотрел на наш кассетный магнитофон, но ничего не сказал и стал петь.

Удивительно: какую бы песню ни запел Виктор, все они были знакомы студентам, которые даже подпевали. Общение было очень живое. До сих пор помню, как весь зал пел "Я сажаю алюминиевые огурцы на брезентовом поле"... Это был первый концерт известного рок-музыканта из России в Алма-Ате. Затем мы с Евгением Бычковым пригласили группу "Нате!". Но выговор я все же получил. И за "Нате!", и за Цоя. Кто-то сигнализировал о концертах. Меня вызывали в партком, отчитывали».

Вот что рассказывает о концерте Виктора Цоя в Политехническом институте один из его зрителей, в то время пятикурсник факультета АиСУ, а ныне руководитель крупного предприятия и актер театра Barracuda Jam Игорь Лелюх:

«В тот день мы пришли на концерт немного раньше, чтобы ничего не пропустить. Прошло полчаса с момента объявленного начала, а концерт все не начинался. Тогда мы с друзьями решили выйти покурить. Когда мы спускались по лестнице, навстречу нам прошла группа людей, среди которых был и Цой, но мы его не узнали, потому что тогда даже не знали, как он выглядит. Когда с улицы мы слышали аккорды "Алюминиевых огурцов", то бросили сигареты и бегом помчались в зал. Я не верил своим глазам – на сцене весь в черном стоял Цой и исполнял песни под гитару. Он пел без остановки часа полтора, без всяких комментариев между песнями. Пел то, что считал нужным. Ни у кого в зале даже не возникало желания прервать его. На нас всех действовала энергетика Цоя. Мы были в некотором оцепенении. Так продолжалось до тех пор, пока он сам не заговорил с залом и не попросил нас быть более активными. Посыпались записки, вопросы. На наш вопрос: "Какая у вас группа крови?" – Виктор ответил: "А что, в зале есть вампиры?"

С тех пор мне приходилось бывать на многих выступлениях, но этот концерт остается самым лучшим из тех, что я видел (и, наверное, увижу). Своего сына я назвал Виктором. Он родился накануне этого концерта. Сейчас он оканчивает школу, играет на гитаре и поет песни Виктора Цоя. Песни, которые, в отличие от нас, не стареют».

Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней —
Город в дорожной петле.

А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом — желтый дым,
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце...

Вот как прокомментировал вышеприведенный рассказ **Рашид Нугманов**:

«Ну нет, не все песни были знакомы слушателям. На этом концерте Виктор впервые исполнил на публике "Звезду по имени Солнце", которую до этого пел нам только в нашей алма-атинской квартире. Публика действительно очень бурно реагировала, встречая аплодисментами и свистом каждую знакомую песню. Тут же зал притих, внимательно слушая. Вначале кто-то стал было прихлопывать, но и тот быстро замолк. А когда песня кончилась, зал разразился овацией.

"Следи за собой", которую Виктор представил как "Новогоднее предупреждение", также была не знакома публике, и ее также начали слушать очень тихо и внимательно, пока со второго куплета не начали смеяться, а в конце также разразились аплодисментами и одобрительным свистом. Стоит заметить, однако, что Виктор на этом концерте "Группу крови" не исполнял, так что вопрос по поводу "группы крови" не касался песни».

Во время съемок «Иглы» в Алма-Ате с Цоем произошла еще одна история. Рассказывает Архимед Исаков, сыгравший в фильме «Игла» персонажа по имени Архимед:

«Я тогда был классным руководителем 9 класса в 56-й школе, там же математику вел. Наши дети сразу узнали, что я снимаюсь в фильме с Виктором Цоем, и первый же вопрос был: "Архимед Мынбаевич, можете его сюда привести, чтобы мы с ним поговорили?" Я ничего не обещал, но спросил у Виктора. Единственная загвоздка была в том, что мы поздно освобождаемся. Я позвонил ребятам, сказал, что мы можем приехать только после девяти вечера и в гриме со съемок. Их это устроило. Мы заехали ко мне домой, взяли гитару и поехали в 56-ю школу, на четвертом этаже в 48-м кабинете собрался весь мой класс. Мои дети, увидев Цоя, не смогли даже поздороваться. До часу ночи он сидел с ними, пытался разговаривать, сам задавал им вопросы, хотя Виктор не очень разговорчивый сам был. Пел им песни новые и старые, в том числе и "Звезда по имени Солнце", которую здесь же в Алма-Ате и сочинил. Ребята буквально не произнесли ни одного слова. На следующее утро я пришел в школу, дети говорят: "Архимед Мынбаевич, мы не знаем, что с нами произошло. Можно он еще раз придет?" Я к нему обратился: "Виктор, ребята говорят, что они ошолбенели. Не поверили, что такое возможно, и просят еще одну встречу". В начале десятого часа мы приехали в школу, в моем классе сидели все мои ученики, половина из параллельных классов, их друзья и половина родителей. В этот несчастный кабинет набились около 150 человек. И Виктор до часу ночи отвечал на все вопросы, а их на этот раз было очень много. Ребят будто бы прорвало...

Несколько лет назад на четвертом этаже 56-й школы на улице Фурманова – Джамбула, на двери 48-го кабинета, была прибитая памятная табличка, что в 1988 году в этом классе Виктор Цой давал два концерта...»

Во время пребывания Цоя на съемках «Иглы» в Алма-Ате оставшиеся в Питере музыканты группы участвовали в проекте «Старт». Это был студийный проект двух питерских групп: электронного дуэта «Новые композиторы» – Валерия Алахова и Игоря Веричева – и музыкантов группы «КИНО» – Юрия Каспаряна, Георгия Гурьянова и Игоря Тихомирова.

Валерий Алахов, музыкант проекта «Новые композиторы»:

«Проект "Старт" не записывался у Вишни целиком, что-то мы пытались записать, может, что-то лишь сводили у Вишни? С Густавом у нас были общие взгляды на стиль в музыке и тому подобное – вот и получился "Старт"! С Георгием всегда было хорошо, но больше с ним общался Веричев – они жили поближе, я жил на Комендантском, Игорь на Московском... Я к ним ездил – Пионерская – Купчино. Сейчас общение не то что раньше – по сравнению с восьмидесятыми годами (84–87)... Тогда это были каждодневные встречи с Гурьяновым – чаще у него дома... С Георгием теперь не общаемся, как и со многими другими общими знакомыми – нам было хорошо в СВОЕ ВРЕМЯ!!! Теперь другое время, время Интернета... Сейчас я предпочитаю природу, живу в лесу...»

Изначально планируемая запись полноценного альбома не состоялась, было записано несколько треков и благополучно положено на полку студии «Яншива»...

«Группа крови»

«Группа крови» – пятый по счету (если не считать полноценным альбомом запись, известную под названием «46», которая фактически является демозаписью) альбом «КИНО». Эту запись можно назвать переломным моментом в развитии группы. После выхода «Группы крови» о «КИНО» узнала вся страна, и многие считают, что это лучшая работа коллектива и даже лучшее, что есть в советском роке. Во всяком случае, заглавная песня альбома заняла первое место в рейтинге «100 лучших русских песен» на «Нашем Радио».

Появлению же альбома «Группа крови» предшествовал очередной период затяжных поисков нового стиля. Две предыдущие работы – «Это не любовь» и «Ночь», – записанные в студиях у Вишни и Тропилло, в итоге «не выстрелили».

Первые попытки записи

Однако не сразу музыканты добились тех результатов, которых хотели. Весь имеющийся материал разделился на два альбома – это две программы «КИНО»:

1. Песни 1986 года, программа четвертого рок-фестиваля 1986 года с так называемыми «остросоциальными песнями»: «Попробуй спеть вместе со мной», «Дальше действовать будем мы», «Перемен!», «Спокойная ночь», «Закрой за мной дверь». Часть номеров из старой программы, в частности хит «Мы ждем перемен», в альбом не вошли по той причине, что Цой обещал режиссеру «АССЫ» Сергею Соловьеву придержать эту песню до выхода фильма.

2. Песни программы пятого фестиваля Рок-клуба 1987 года: «Группа крови», «Война», «Легенда», «Мама, мы все сошли с ума», «В наших глазах», «Бошетунмай».

Юрий Каспарян:

«Сначала Виктор нам пел новые песни, потом он стал записывать их на "мыльницу" и давал нам послушать песню под гитару на магнитофончике. Ну а потом мы думали, что там делать. Некоторые песни были практически готовыми, как "Группа крови" например. Там и вступление и соло уже Виктор принес».

Георгий Гурьянов:

«"Группу крови" я впервые услышал у себя дома. Я обомлел. Тогда меня назначили первым заместителем памятника Маяковскому на площади Маяковского. Был какой-то "Клуб друзей Маяковского" по образцу "Клуба любителей итальянской оперы", очень мафиозный, организованный Тимуром Новиковым. Мы там встретились, поехали домой репетировать ко мне. И вот тогда я и услышал песню "Группа крови". Сам альбом был записан до выхода фильма "АССА". Потом мы занимались аранжировками и украшениями долго-долго... Все эти истории... напоить Курёхина, усыпить, отнять Prophet-2000, сделать аранжировки»...

Была еще неудачная попытка записи песен, относящихся к первой категории, у Алексея Вишни. Это был еще один альбом «КИНО», готовившийся в течение 86-го года дома. Запись была прервана, когда оставалось прописать только один голос.

Постой, не уходи!
Мы ждали лета – пришла зима.
Мы заходили в дома,
Но в домах шел снег.
Мы ждали завтрашний день,
Каждый день ждали завтрашний день.
Мы прячем глаза за шторами век.

В наших глазах крики «Вперед!»
В наших глазах окрики «Стой!»
В наших глазах рождение дня
И смерть огня.
В наших глазах звездная ночь,
В наших глазах потерянный рай,
В наших глазах закрытая дверь.
Что тебе нужно? Выбирай!

Алексей Вишня:

«Мы тщетно пытались записать альбом – ничего не получалось. Нам нравилось, как записалась "Братская любовь", но тяжелые песни звучали убого. Вторую "Это не любовь" Витя уже не хотел: зрело настроение "Группы крови", а достигнутый предел в качестве звучания был непреодолим, тянул назад. Времени на запись было очень мало. Начинали мы в десять, а к половине второго мне же нужно было выезжать на работу. Я стал пользоваться такси, чтобы улучшить еще хотя бы сорок минут. Эти песни мы писали для дипломной работы киевского режиссера Сергея Лысенко "Конец каникул". Альбома так и не получалось. На какое-то время мы взяли паузу в работе, и я переключил свое внимание на Кинчева и "Алису"».

Георгий Гурьянов:

«В то время мы уже писали альбом на студии у Алексея Вишни, но так и не записали его – ну никак не получалось. Из группы тогда ушел Титов, только появился Тихомиров. Там и машинка была дурацкая, и звук никак не получался. Потом мы записали эти песни уже дома, на портастудии Yamaha. Какие-то вещи вошли в альбом "Группа крови", а какие-то так и остались брошенными. Но позже их опубликовали в том виде, в каком они были брошены».

В итоге записи этих песен вошли в фильм Сергея Лысенко «Конец каникул», а также были изданы в сборнике «Неизвестные песни».

Георгий Гурьянов:

«Были так называемые неизданные песни. ”Ты стоишь...”, “Нет”, ”Я стою в темном углу“, ”И букет в моих руках давно завял, давно зачах“. Это было до ”Группы крови“. Мы начали записывать их, а потом Витя почесал голову и... Вишня не справился, этот альбом был задвинут. Закрыт. А вот эти треки, с которыми он не справился, они у Лысенко в фильме звучат. И звучат неплохо. ”Попробуй спеть вместе со мной...” Это все было записано в виде болванок, совершенно без украшательства».

Юрий Каспарян:

«Но Вишня, на самом деле, я бы не сказал, что он не справился, просто... была довольно сложная задача, потому что хотелось побольше сыграть, чтобы побольше всего прозвучало, а у Вишни не было такой возможности. Да, он не справился с технической частью...»

Алексей Вишня:

«У Каспаряна была белая Yamaha начиная с 1986 года. Деньги на нее он начал собирать аж в 1984 году. На записи альбома ”46“ Юрий Каспарян приходил, позвякивая бутылками, собранными по дороге. Гитару привез ему из Японии друг – моряк дальнего плавания, за нее Юрик выложил 2000 рублей. Приведена в действие она была на записи песен, которые были сначала забракованы, а потом, после смерти Виктора, изданы, супротив всякого желания Виктора, самими же музыкантами группы. Я бы ни за что на свете не отдал бы им мастер-оригинал, но ребята заверили меня, что Витенька пожелал бы его уничтожить. Через две недели эти записи были скомпилированы в пластинку ”Неизвестные песни Виктора Цоя“ и изданы фирмой ”Мелодия“. Деньги получила Марьяна Цой. Непонятно, зачем Тихомиров и Каспарян так рьяно отбирали у меня эту пленку. Наверное, чтобы продать пиратам».

Юрий Каспарян:

«Там еще были песни ”Весна“ и ”Последний герой“, записанные Цоем и Рыбой в МДТ. А что касается других песен, то готовился отдельный альбом, как раз Игорь Тихомиров пришел в группу, там были такие замечательные песни, как ”Ты мог быть героем, но не было повода быть“ и другие... Мне Вишня рассказывал про это все, но, к сожалению, я этого не помню просто... Это лучше у Игоря Тихомирова спросить. Если что-то такое было, то именно Игорь был инициатором».

Георгий Гурьянов:

«”Неизвестные песни“... ”И букет в моих руках давно завял, давно зачах“... Вишня издал их потом в таком виде непотребном... То, что ”КИНО“ у него забрало после смерти все болванки, он, конечно, врет. Кто забрал-то? Нет-нет. Каспарян ничего не помнит, я тоже не помню... Игорь Тихомиров, конечно, вменяемый, я в нем уверен, и у меня нет никакого беспокойства по этому поводу...»

Алексей Вишня:

«Все просто там. Тихомиров потерял пленку, она оказалась в руках Рок-клуба, нашла пленку Слободская и передала Марьяне. А ей запреты нипочем были...»

Запись

В течение 1987 года группа практически не выступала, занимаясь в основном записью альбома. После извечных цейтнотов и авралов в тропилловской студии подобная система работы казалась настоящим раем. «Благодаря усилиям Джоанны Стингрей "КИНО" к 1987 году была одной из самых укомплектованных фирменными инструментами групп Рок-клуба». В 1987 году Джоанна Стингрей привезла группе домашнюю четырехканальную кассетную портастудию Yamaha MT 44, драм-машину Yamaha RX-11, которая позволяла редактировать не только ритмический рисунок, но также тембры и громкость. У Юрия Каспаряна вдобавок к его знаменитой белой гитаре Yamaha появились новые гитарные примочки. И Рок-клубу Джоанна подарила хороший аппарат.

Алексей Вишня:

«Для всего нашего бытия Red Wave стала ключевым событием, резко повысив уровень качества звукозаписи и концертов. "Новые композиторы" специально приезжали ко мне лишь для того, чтобы обогатить звучанием свои сэмплы, пропустив их через Джоаннин ревербератор».

Итак, портастудия была установлена в Купчино, большом спальном районе на юге Ленинграда, в квартире барабанщика «КИНО» Георгия Гурьянова, в которой и проходила основная часть работы над альбомом «Группа крови» в 1987 году. Поскольку Гурьянов и Каспарян жили практически рядом, Цой в это время постоянно жил то у одного, то у другого, в основном у Гурьянова. Музыканты вместе отдыхали, тусовались, рисовали картины и параллельно аранжировали и записывали песни.

Юрий Каспарян:

«Трехкомнатная квартира в девятиэтажном блочном доме... Родители на лето уезжали на дачу. И мы были предоставлены сами себе. Ну, даже когда они приезжали, то всегда очень благосклонно относились к нашим занятиям музыкой и времяпрепровождению. Было замечательно... У матушки Георгия был знакомый начальник местного отделения милиции, поэтому соседи нас особенно не беспокоили».

Как видим, по словам Юрия, группу «КИНО», по сути, никто и ничто не беспокоило извне и не мешало спокойно репетировать. Однако же иногда делу мешали преданные поклонники.

Александр Сенин:

«Группа "Кофе" успешно развалилась после получения ее участниками дипломов о высшем образовании, и моя околomuзыкальная деятельность на некоторое время практически остановилась. До момента создания тремя экс-кофейниками (Сенин, Копылов, Нестеренко) гитарной "Петли Нестерова". А "КИНО" тем временем стремительно набирало популярность и стало в результате культом. Что такое киномания и как с ней приходилось жить нашим приятелям, я приблизительно представляю. Как-то днем весенним, зайдя в гости к Георгию Гурьянову, я обнаружил у выхода на крышу (его этаж был последним) кучку пэтэушных (от слова ПТУ) девиц. Выяснилось, что они провожали своих кумиров после концерта до густавского дома и теперь дежурят в надежде подкараулить Цоя. А тому удалось ночью сбежать. Понятное дело, Густав был с ними строг, но настоящим специалистом по выведению на воздух малолет-

ток тогда выступил другой Юрик – Каспарян. Так что девицы переместились в результате на скамейки во дворе».

Георгий Гурьянов:

«В результате первый вариант альбома был записан у меня дома, на домашней студии, в комфортных условиях. Мы его сделали, а потом еще год дорабатывали».

Аранжировки, в том числе и клавишные, придумывались в основном Каспаряном и Гурьяновым под общим наблюдением автора песен – Цоя. Звукорежиссуру осуществляли все вместе. Так что можно сказать, что продюсером альбома выступила вся группа «КИНО». Предварительный вариант записи был готов весной 1987 года.

Игорь Тихомиров:

«Мы довольно долго ”вываривали“ каждую из песен. Репетировали всю зиму, придумывая аранжировки и добиваясь необходимого звука в каждом конкретном случае. Все проверялось и перепроверялось по несколько раз. Если общее звучание композиции не нравилось, она переписывалась заново».

Юрий Каспарян:

«Я очень хорошо помню, было четыре табуретки, на четырех табуретках лежала чертежная доска, на чертежной доске стояла барабанная установочка самодельная. Был хай-хэт такой... Вот такое некое подобие малого барабана, и в принципе все, потому что... Да, и педалька, которая бьет там... по картонной коробке...»

Программированием барабанных партий занималась вся группа. Уже на предварительном этапе в этой работе был заложен важный визуальный момент: ритмический рисунок планировался таким образом, чтобы все партии на концертах могли быть сыграны Гурьяновым стоя – в традициях новой волны.

Теперь ритм-секция «КИНО» звучала лаконично и рационально. Игорю Тихомирову, выступавшему до этого в джаз-роковых «Джунглях» и привыкшему к большей импровизации, временами приходилось наступать на горло собственной песне.

Аранжировочные задачи, стоявшие перед музыкантами «КИНО», заключались в том, чтобы композиции, записанные Цоем под гитару, приобретали форму законченного рок- или поп-произведения.

«Иногда Виктор приносил уже готовую рок-песню, например ”Группу крови“, – вспоминал Каспарян в одном из интервью. – Там почти нет нашего участия, им придуманы партии баса и гитары. Изображал он все это голосом, но поскольку народ язвительный, придирчивый, Витя стал записывать себя на пленку и для нас просто включал запись. Это же тонкий момент, когда свое произведение представляешь очень близким людям».

Из интервью Виктора Цоя:

«– Немного такой частный вопрос. Почему в ”Группе крови“ Гурьянов играет не на акустике, а использует компьютер?

– Потому что мы записывали ее дома.

– То есть это была чисто ”домашняя“ работа?

– Да.

– И все остальные, наверное?

– Да, конечно. Это раз. Во-вторых, понимаете, иногда лучше использовать компьютер в условиях наших студий. Потому что он, во всяком случае, как-то отстроен. А живые барабаны могут быть... Надо иметь такую материальную базу, чтобы это имело хоть какой-то вид...»

Алексей Вишня:

«Огромную работу музыканты провели у Гурьянова. Они записывали на одну дорожку драм-машину, на вторую – бас, на третью – электрогитару. Сводили результат на четвертую дорожку. Затем Цой пел голос два раза, на две дорожки; дабл-трек сводили на третью. Потом Каспарян затирал одиночные голоса двумя гитарами. Суммарно ребята проработали над записью "Группы крови" больше часов, чем над любым другим из своих альбомов. Потому что впервые в их жизни студия, пусть даже и совсем портативная, надолго оказалась в их собственных руках».

Юрий Каспарян:

«Ну, мы, естественно, играли, что-то делали. Все это происходило у Гурьянова – там стояла наша маленькая портастудия. Мы что-то пробовали. Бывало, по очереди: один что-нибудь попробует, другой. "А может, ты так сыграешь?", – ну, что-то типа такого. Ну, как обычно. Я думаю, у всех так происходит».

Как уже говорилось выше, группе «КИНО» в смысле оснащенности аппаратурой мог позавидовать весь музыкальный Питер. Не было у музыкантов только клавишей – раньше обходились без них, но в «Группу крови» решили добавить новых звуков. Каспарян, который не только придумывал партии гитары (затем их корректировал Цой) и – в отдельных местах – баса, стал одним из инициаторов активного использования в «Группе крови» клавишных инструментов.

«Впервые мы услышали, как звучит сэмплер, выступая в составе "Поп-Механики", – вспоминает Тихомиров. – И многие из сэмплерных звуков – звучание дудок, сверхмощные и сверхглубокие тембры – нам захотелось воспроизвести на альбоме».

Юрий Каспарян:

«Это был наш первый профессиональный альбом, на котором мы работали с портастудией и сэмплерами. Мы хотели внести в звучание новые краски, и нам был необходим клавишник, который мог профессионально сыграть предложенные ему партии. Записывавшийся на "Начальнике Камчатки" Курёхин для этой цели явно не подходил, поскольку был ярко выраженным индивидуалистом. Курёхин играл в свои игры, а мы – в свои».

Однако у Курёхина был подходящий «киношникам» инструмент – роскошный сэмплер Prophet-2000, на то время самый мощный в мире, с флоппи-дисками, внутрианалоговой обработкой и массой технических достоинств. До 87-го года в СССР инструменты такого калибра были, пожалуй, лишь в арсенале пионера отечественной электронной музыки Эдуарда Артемьева. Но Курёхин категорически отказывался отдавать инструмент в чужие руки. Он мог предоставить его только при условии, что сам же на нем и сыграет. Но «киношники» не хотели давать Курёхину волю в аранжировках.

Георгий Гурьянов:

«Там задействован Prophet-2000, который удалось поиметь на одну ночь. Курёхин его бы никогда не дал, только вместе с собой. Но в ту ночь он напился пьяный и спал, а мы с Каспаряном до утра, пока он не проснулся, украшали аранжировки. Именно в эту ночь была

записана партия клавиш для песни "Попробуй спеть вместе со мной". Там был всего один свободный канал, поэтому в этой песне так все и налеплено».

На улице снег утратил свою белизну,
В стеклянности талой воды мы видим луну.
Мы идем, мы сильны и бодры...
Замерзшие пальцы ломают спички,
От которых зажгутся костры.

Попробуй спеть вместе со мной,
Вставай рядом со мной...
Попробуй спеть вместе со мной,
Вставай рядом со мной...

Также в нескольких местах Цой использовал шумовой материал «Новых композиторов», являвшихся пионерами советского техно- и эйсид-стиля. В частности, коллекция их странных звуков слышна в финале «Прохожего», где в течение целой минуты фрагменты различных мелодий и шумов кочуют из канала в канал.

Сведение

В начале 1987 года Алексей Вишня услышал черновое сведение альбома «Группа крови» и понял, что материал нового альбома великолепен. «Вишня, всегда тонко чувствующий хиты, несмотря на некоторую напряженность в отношениях с Цоем из-за предыдущей неоконченной записи и некоторых разногласий, долго уговаривал музыкантов "КИНО", чтобы они "довели до ума" альбом именно у него».

Алексей Вишня:

«Как-то Курёхин позвонил и попросил записать Джоанне новую песню. Он сочинил Feelings и собрал целую толпу народа. Вызвал Сологуба, Каспаряна, Цоя, зачем-то Африку, Гурьянова, устроил бедлам. Именно тогда мы страшно размолвились с Витенькой. Нервы мои были на пределе. Во-первых, Джоанна не видела меня в упор. Просто не замечала. А я же весь из себя такой, меня это огорчало, конечно. Ленка видела мои нервяки и понимала их, но поддерживала мысль, что, типа, а что ты хотел? Песни строчишь сам по себе, пишешься сам, тебе никто не нужен. А когда тебе не нужен никто, то и ты автоматически становишься никому не нужным. Лена была тысячу раз права. Один в поле не воин, даже если он очень талантливый воин. Взять Кинчева, например. Убери из его жизни тех, кто сделал ему звук, так и звука ведь не было бы никакого! Был бы Кинчев и, может, даже лучше был, чем сейчас, но не "Алиса", это был бы другой Кинчев. А Цой без Каспаряна и Густава – сплошные "Сорок пять"! А у меня никогда никого не было, кто мог бы считать мой материал своим. Группы не было – значит, и меня не было тоже. По крайней мере, то, что я пытался делать, Джоанна не воспринимала никак. Я нервничал. Из западных проспектов мне стало известно, что существует волшебный прибор, который позволяет не только синхронизировать MIDI с CV, а еще и ноты извлекать из CV, пользуясь миди-управлением. Это позволило бы задействовать в работе кучу старого барахла, которое пылилось, не будучи управляемым снаружи. Я взмолился Джоанне, дескать, привези примочку, делов-то, потом сочтемся.

– Я спрашивал уже, знаешь, Вишня, эта стоит сто тысяч долларз, но ты можешь дать рублями, если хочешь.

Сказать, что я обиделся, – ничего не сказать. Просто тупо промолчать, и все. Но тут Африка с Густавом на кухне что-то перевернули, пролили воду на пол, везде жир от попкорна, а в воздухе удушливый запах жженных тряпок, что я вообще не переваривал на дух. Лицо побагровело от злости, душа почернела, и пасть открылась:

– Б...дь, что вы тут устроили? Прокурили наркотиками весь дом, идите на улицу курить, марш! Я не стану этого терпеть, уезжайте отсюда на х...

Виктор напрягся, конечно. Подобное со мной происходило и раньше, но чтобы так... Потом мы спокойно записали болванку, голоса Курёхина и Каспаряна. Когда немного отлегло, я стал продолжать свою борьбу за синхронизатор.

– Вить, ну скажи ей – она ох...ла, ну откуда у меня сто пятьдесят долларов может быть, ты сам прикинь?! Штука же необходимая, головняк много снимет, оживит старые ресурсы. Очень нужна!

Виктор сделал вид, что не услышал, и нервно пожал плечами. Впрягаться за меня перед Джоанной он не стал. Когда пришло время записывать голос, я наорал и на него, и он ушел, даже не попрощавшись. Я был зол на весь белый свет... Потом пришел ко мне однажды Сергей Фирсов и дал послушать первоначальный вариант, очень плохо сведенный и с не расставленными по местам песнями "Группы крови". Я послушал и ох...л. И я понял, что я могу это доделать и довести до состояния более-менее профессиональной записи. "КИНО" никогда не считало меня членом команды... Тем не менее Цой всегда был одной из центральных фигур в моем мозгу, и я пытался максимально пропустить сквозь себя его творчество. Я очень боялся, что Цой будет доделывать "Группу крови" у кого-то другого, и бегал за "КИНО" около полугода, чтобы альбом был сведен у меня. В конце концов я добил их».

Поскольку отношения группы «КИНО» и Вишни на тот момент были весьма натянутыми, Цой игнорировал его предложения.

Вишня попытался действовать через Каспаряна, попросил убедить Виктора сотрудничать с ним, но получил ответ: «Витенька не хочет с тобой работать...»

Тогда Вишня решил идти ва-банк и во время совместного выступления на концерте «Поп-Механики» в БКЗ «Октябрьский» осторожно намекнул Цою, что альбом нужно сводить у него, не дожидаясь помощи Москвы, поскольку на тот момент у Вишни была, пожалуй, наиболее хорошо оснащенная студия Ленинграда и также имелся большой опыт записи, в том числе и самой группы «КИНО».

Алексей Вишня:

«Спешно собрали все необходимое: Курёхин отдал нам половину своего аппарата из Лен-концерта на время записи. Это уже была практически готовая запись. Мне нужно было просто свести это грамотно: развести по панораме и фронтальным планам, наложить поверх голос Цоя или клавишные Андрея Сигле, или гитару Каспаряна. На кассете поканально были записаны барабаны с басом, гитара Каспаряна, гитара Цоя и голос. Все партии были идеально выверены, сыграны музыкантами дома, ко мне же попала немного шумящая запись, которая через эквалайзеры и компрессоры, да с ревербератором от Джоанны SPX-90, звучала великолепно уже сама по себе! На этот бутерброд Юра наигрывал вторую партию гитары, а Виктор накладывал голос double-track. Так в один проход это сводилось на 38-ю скорость. Естественно, качество звука было беспрецедентным, ибо такого ревербератора даже у Тропилло еще не было. Неудивительно, что альбом получил прекрасные отзывы».

Александр Кушнир, журналист, музыковед:

«К Вишне песенный материал "Группы крови" попал в следующем виде: на первом канале портастудии были прописаны бас и RX-11, на втором – гитара, пропущенная через

овердрайв и дилей, на третьем канале – вокал, на четвертом – фрагментарные вокальные партии, спетые Цоем на октаву ниже. (Позднее подобный прием пения с интервалом в октаву был использован Цоем на альбоме ”Звезда по имени Солнце“). Каспарян доигрывал отдельные фрагменты на гитаре. Все это сводилось на ”Маяк 001“».

Алексей Вишня:

«Я привез вместе с Каспаряном еще аппаратуры – все, что только могли собрать. Они привезли свою портастудию, где на одном канале были записаны барабаны с басом, на другом – электрогитара, на третьем – акустика и на четвертом – голос... Я выманил у студии Дворца молодежи привезенный Джоанной SPX-90 – ревербератор, которого уши нашего обывателя еще не слышали. И когда я включил через него голос, то попер такой звук, от которого все обалдели... Мы наложили еще одну каспаряновскую гитару и Витькин голос».

Музыканты дали звукорежиссеру полную свободу, и Цой вмешался в процесс сведения лишь в конце записи песни «Война»: он резко и не вовремя выкрутил ручки на пульте.

Алексей Вишня:

«Он перепутал количество тактов. Ему показалось, что песня вот-вот оборвется, поэтому он поспешил. Я-то считал такты, поэтому руку на мастерах держал и уже готовился начать уводить.

Он говорит:

– Выводи!

Я говорю:

– Рано!

– Блин! Щас кончится болванка!

Я начинаю свирепеть, набираю воздуха, чтобы заорать, и тут он кладет обе ладони на мою руку и прямо так моей рукой выводит мастера. Я уже истошно вопил, что так не делают, что надо медленнее выводить, но тут его упрямство пересилило. Он сказал, что и так нормально, и вопрос был закрыт. Я обиделся и сидел багровый. Испортили песню».

На этом этапе почти ничего не дозаписывалось. Но одна песня все-таки изменилась довольно сильно. Руку к ней приложил Андрей Сигле, занявший в группе пустующее место клавишника, – профессиональный пианист с консерваторским образованием, имевший огромный опыт студийной работы с различными исполнителями. Впоследствии он стал автором киномузыки, например к сериалу «Улицы разбитых фонарей». На «Группе крови» он играл на точно таком же сэмплере – Prophet-2000, как у Курёхина.

Андрей Сигле, пианист:

«Конечные аранжировки к композициям лепились прямо на глазах. Живость и энтузиазм, с которыми это все делалось, не могли не поражать. Часто во время сессии придумывались такие идеи, которые переворачивали все общепринятые нормы с ног на голову. Так, в ”Закрой за мной дверь“ Гурьянов с Тихомировым предложили мне вставить какой-нибудь кусочек в стиле Рахманинова, и в итоге там записалось какое-то совершенно стремное клавишное соло.

Они говорят: им нельзя рисковать,
Потому что у них есть дом,
В доме горит свет.
И я не знаю точно, кто из нас прав,
Меня ждет на улице дождь,

Их ждет дома обед.

Закрой за мной дверь, я ухожу.

Закрой за мной дверь, я ухожу...

Однако поскольку Сигле был из среды профессиональных музыкантов, он не работал за бесплатно (за портвейн), как это принято было в рок-тусовке».

Алексей Вишня:

«Сигле работал только за деньги. Это был первый случай в моей рок-н-рольной практике, когда в записи фигурировали деньги. Для меня это было дико, но уже вскоре я сам на свою запись брал у Сигле инструмент на один день. Впоследствии я узнал, что у профессионалов это в порядке вещей и за сто рублей тебе принесут на запись из кабака любую твою вожаемую мечту. Другое дело, что я тогда в месяц девяносто три рубля получал во Дворце молодежи и, безусловно, для меня все это было трудно».

Андрей Сигле:

«В питерском Рок-клубе собирались люди из совершенно незнакомого для меня мира – все мрачные, в черном, трезвыми их никто никогда не видел – постоянно в подпитии. Я же был студийным музыкантом... Никогда не забуду свое первое потрясение: оказывается, у рокеров одна и та же вещь никогда одинаково не звучит, но раскрепощены и эмоциональны они только на сцене. А вот работа в студии для этих ребят оказалась настоящей пыткой, поскольку она требовала другого подхода, приходилось что-то переделывать, переписывать. В результате практически все клавишные партии я сам за них и записывал. Я много работал с Борисом Гребенниковым, "Алисой", Сергеем Курёхиным. Когда появился Виктор Цой, стало понятно: это серьезное событие. Вместе мы записывали песню "Группа крови", а также клип на нее. Кроме того, я работал над саундтреком к фильму "Игла", в котором впервые появился на экране. Кстати, как участник группы "КИНО". <...> Не скажу, что я был очарован (Цоем). Просто столкнулся с другим миром, о существовании которого раньше не догадывался. Сейчас профессионалы бы подняли нас на смех, увидев наш рабочий процесс. Ну а тогда... Творили мы в двухкомнатной квартире известного питерского музыканта Леши Вишни. В малюсенькой комнатухе писали песни. В соседней спали на небольшой кровати – все вперемешку. Окна постоянно зашторены, как в казино, какое на дворе время суток – непонятно. Жена Леши кастрюлями варила сосиски, через каждый час кто-то выбегал в магазин за выпивкой».

На всю работу у Вишни было четыре дня – два выходных и два дня отгула на работе. Цою нужно было ехать в Алма-Ату на съемки фильма «Игла», поэтому он торопился закончить альбом до отъезда. Так что музыканты и звукорежиссер работали по 14 часов в сутки.

Алексей Вишня:

«Этот альбом мы сделали за четыре дня. Правда, каждый рабочий день продолжался по четырнадцать часов. Это была кошмарная усталость и кошмарная работа».

Вишня всегда отмечал дисциплинированность музыкантов в студии: «В группе была железная дисциплина, – вспоминает он. – Если Виктор говорил прийти в десять утра, то все приходили ровно в десять. Цой изначально четко знал, как надо играть. Никаких импровизаций. В итоге вся работа заняла четыре дня».

Однако не все было так гладко.

Алексей Вишня:

«Вся группа курила кубинские сигареты Ligeros. Запах приходил за полчаса до них. Я вообще не понимаю, как можно было курить эти сигареты, сделанные из отходов производства кубинских сигар?!»

Цой всегда приносил чего-нибудь к чаю и хранил у меня свои тапочки. Как-то Гурьянов пришел раньше и надел их. А потом пришел Витенька, резко показал Гурьянову свою пятку, и Гурьянов отдал ему тапочки. Без слов. Еще они все время дрались с Каспаряном у меня за спиной, и, я помню, меня это очень сильно беспокоило, когда их тапочки в полете разлетались над моей головой. Но стоило мне заорать, как перед носом мгновенно вставал Витенькин кулак или пятка, это раздражало вдвойне и бесило. Я понимал, что плету оболочку такому продукту, которого раньше у "КИНО" еще не было. Это был альбом, сравнимый по мощи с "Радио Африка", который вышел и поразил всех в 1983-м, за пять лет до "Группы крови", а они как дети себя вели».

Распространение

Наконец работа над новой записью была закончена, и вот, в 1988 году, альбом «Группа крови» увидел свет. С самим же выходом «Группы крови» и распространением этой записи связана не очень хорошая история, поскольку взгляды Вишни и Цоя на планы и права распространения записи расходились.

Дело в том, что Алексей Вишня сегодня утверждает, что выпускать альбом в Союзе Цой не хотел, а планировал выпустить его с помощью Джоанны Стингрей в США. Вишня же считал, что альбом должен быть немедленно распространен на территории СССР. Перед вылетом в Алма-Ату на съемки «Иглы» Цой попросил Вишню отдать оригинал альбома Джоанне.

Юрий Каспарян:

«Я не имею понятия о том, где мы собирались выпускать «Группу крови». Меня это тогда не интересовало».

Алексей Вишня:

«Когда мы все записали, я поинтересовался, что будет дальше. Цой сказал, что не хочет, чтобы это издавалось в России, он хотел, чтобы альбом пришел к нам из Америки, он помнил, кем были Beatles до Америки и кем стали после. Я в этом увидел коммерческий мотив, но так как сам ни разу в жизни с музыкантов денег не брал, поинтересовался, обломится ли мне чего с этого дела...

– Господи, я тебя умоляю! – ответил Виктор.

Ни о какой дележке в пользу Вишни не было и речи. Все за спасибо и подпись на обложке "звук – Вишня". Видит Бог, меня никто не просил держать запись и никому ее не давать. О моих связях в Москве он не догадывался, поэтому в назначенный день передачи фонограммы Джоанне я успел слетать в Москву и сделать копию в таком месте, из которого эта запись достанет до самой отдаленной точки СССР. Я просто отдал ее московским писателям, прародителям сегодняшних крупных лейблов. Отдал за так. Решил резко продемонстрировать Виктору свои возможности».

По воспоминаниям Алексея Вишни, Цой, общение с которым на тот момент было натянутым, передал ему пленку, приготовленную Джоанной Стингрей, на которую должен был быть сведен оригинал альбома.

Таким образом, у Алексея Вишни выдался один день на то, чтобы сделать пять копий на кассеты для музыкантов и Джоанны. Оригинал альбома Вишня должен был принести на следующий день вечером в ЛДМ и там передать его Стингрей.

Алексей Вишня:

«В два часа ночи последняя песня была сведена, в 4 часа музыканты разошлись по домам. Я сделал копию с оригинала, заказал такси и лег спать. В девять утра приехало такси, я попросил жену сделать десять копий и уехал в Пулково. Там купил билет на 10:15 и вылетел в Москву. Прилетев, взял такси на восемь часов за 80 рублей, приехал к Андрею Лукинову на Большую Грузинскую, сделал одну копию с оригинала, получил 200 рублей и коробку новых пленок BASF SPR 50, заехал к Жарикову в гости, поездил по Москве, вернулся в Шереметьево, а в 19:00 сошел с трапа в Пулково. Приехал домой, перекусил, взял кассеты с копиями, оригинал и в 20:00 отдал все это Джоанне...»

На следующий день Цой улетал в Алма-Ату на съемки фильма Рашида Нугманова «Игла», а счастливая обладательница оригинала альбома «Группа крови» – в Лос-Анджелес.

Есть легенда, что за пять дней напряженной работы над фильмом «Игла» Виктор никуда не выходил. А на шестой подошел к ларьку звукозаписи и увидел, что на витрине большими буквами написано: «Поступил новый альбом "КИНО" – "Группа крови" 1988».

Как явствует из рассказа Вишни, он ставит себе в заслугу то, что успел снять копию с оригинала записанного альбома (перед тем, как отдать его Джоанне), самостоятельно переправить пленку в Москву и за 200 рублей отдать пленку московским «музыкальным пиратам», чтобы через две недели «Группу крови» услышала вся страна.

Цой же, как уже было указано выше, услышал свой собственный альбом из динамиков киосков звукозаписи в Алма-Ате и был очень разозлен действиями Вишни. Разумеется, ни о какой дальнейшей совместной работе с Вишной речи быть уже не могло...

Алексей Вишня:

«Моей целью было донести до всей страны то, что мы сделали. Денег за это все равно ни он, ни я – никто бы тогда не получил. Ждать, пока его выпустит "Мелодия", если вообще выпустит, было делом безнадежным... Потом поползли слухи о том, что Витька, мол, не хотел распространять этот альбом в Союзе, дескать, он писал его для Америки и я оказался последним гадом, хотя денег на этом не заработал вообще никаких. Меня обвинили во всех смертных грехах после того, как Витька, заканчивая сниматься в фильме "Игла", подошел к ларьку и увидел свой альбом, сведенный неделю назад, на верхней строчке хит-парада. Он сразу же пожаловался Джоанне, та сказала, что "этоу невозможно, этоу противоправно". Но Виктором и группой "КИНО" мне никогда, ни разу не высказывалось никаких претензий, потому что до меня никто еще не отвозил записей Лукинову. Я нашел место, через которое альбом мгновенно становился известным на всю страну. Так же я поступал, кстати, и со своими альбомами. Когда я отвез "Танцы на битом стекле" Лукинову, меня узнала вся страна, хотя по телевизору меня не показывали. Я продавался в самых отдаленных уголках СССР. И с "Группой крови" было то же самое. Вернее, с этим альбомом было в первую очередь... Он получил невиданную популярность во всей стране, стал раскручиваться, как... Ну, как Пугачева, скажем, в таких же масштабах. И сразу же все его приняли. Я получил то, что хотел. По радио сразу начали говорить о том, какой крутой альбом, какой Витя гениальный композитор, а я – гениальный звукорежиссер. Никто же еще не пользовался SPX, бедняги журналисты думали, что я сам все это изобрел... Таким вот образом получилась "Группа крови". О том, чтобы писать у меня следующий альбом, не было и речи, потому что и этот-то дописывался с легким скрипом и раздражением. Только с Юрой Каспаряном у меня остались самые добрые отношения».

Долгое время утрировалась создавшаяся тогда ситуация в отношениях Алексея Вишни и Виктора Цоя. Почему-то все считают, что после выхода «Группы крови» Цой совершенно не общался с Вишней, но это не так. Да, после выходки Вишни Цой отказался работать с ним, но это отнюдь не значит, что они прекратили дружеское общение.

Алексей Вишня:

«С чего все взяли, что Цой не общался со мной после "Группы крови"? Ну, в гости ко мне не приезжал больше, да. Не записывался больше со мной, это да. Так больше вообще никто не записывался у меня после него. Ну, "Петля Нестерова" один альбом записала. Я же сам тогда "артистом" стал. А с Виктором мы потом встречались много-много раз: играли в "Поп-мехе", ездили вместе на гастроли в Алушту с Курёхиным, купались в море, где «необщающийся» со мной Цой норовил сорвать с меня трусы».

Рашид Нугманов:

«Съемки фильма начались в конце сентября с выезда на Аральское море, но Виктор приехал раньше, мы проводили вместе с ним пробы нескольких актрис и всех забраковали. К тому времени были записаны и вчерновую сведены лишь пять песен альбома, в том числе "Война" и "Группа крови", которые он записал с Вишней, и это не предназначалось ни для кого совершенно. Виктор дал мне кассету с копией еще летом, до "Иглы", с просьбой ни в коем случае никому ее не показывать и не копировать дальше, что я и сделал, разумеется. Потом, по его приезду в Алма-Ату на съемки, мы решили стереть копию на всякий случай. Работа была не завершена, и он очень не хотел ее распространения в таком виде. Когда же выяснилось, что Вишня распространил черновые записи вопреки их договоренностям, Виктор был очень зол и сетовал мне на это».

Алексей Вишня:

«Витька сердился, что альбом вновь получил внезапное распространение, но вместе с тем он оценил размах, когда к нему повалили письма с Камчатки, острова Ямал, социалистических и демократических республик и даже Северного полюса. Важно, что для этого не потребовались годы: хватило одного месяца».

Виктор Цой:

«Полное пиратство. Никакого отношения к распространению записей группы "КИНО" я не имею. Единственное, что мы сделали, это записали альбом. Мы закончили запись альбома, и буквально на следующий день я улетел в Алма-Ату. Прилетел, походил по городу, смотрю у кооперативщиков лежит: "КИНО", 1988, "Группа крови". В Ленинград прилетел – и здесь на каждом углу, в каждом ларьке. А по опросам газеты "Смена", альбом занимает первое место. И все кооперативы говорят, что наиболее записываемая группа – это "КИНО". Ну, думаю, как все отлично-то...»

Юрий Каспарян:

«Я, к сожалению, не помню какой-то особой реакции Цоя на поступок Вишни...»

Георгий Гурьянов:

«"Группа крови" была записана у меня дома, а у Вишни мы только аппаратуру для сведения брали. Мы пришли к нему с утра или днем. К вечеру альбом был сведен, и мы еще наигрывали у Вишни дома, а сводили его на бобину такую, на 38-й скорости. Где-то к вечеру, к ночи все было готово. А утром Джоанна Стингрей увозила наш альбом в Америку. Она улетала,

да... И Вишня, эта хитрая, толстая жопа, ночью съездил в Москву и продал альбом. У него были контакты там с ларечниками по стране, в разных городах, и он продал наш альбом им. Поэтому сегодня он говорит, что он сделал группу "КИНО", потому что после выхода альбома "Группа крови" неопубликованным, как бы из рук в руки, совершенно пиратским образом, о нас узнали все. Буквально через месяц из каждого окна неслось "группа крови на рукаве..." Если это действительно правда, что Вишня его продал, то этот пиар-ход нельзя умалять. Цой к этому никак не отнесся. А как к этому относиться? Как говорится – и овцы целы, и волки сыты...»

Константин Кинчев:

«Вишня низко поступил, но что ему теперь до этого? Он мастерски сводил песни "КИНО". Это не секрет ни для кого. Сам по себе он нормальный, но очень переменчивый».

Кстати, что касается самой Джоанны Стингрей, то летом 2014 года ее реакция на вопрос относительно «пиратского» поступка Вишни была совершенно спокойной.

Джоанна Стингрей:

«Я не уверена по поводу выпуска Вишней пиратским способом альбома "Группа крови". Я не знаю, что там было...»

Заграничные издания: MC, 1988 (США) – компакт-диск; в 1989 году в Японии под названием Blood Type вышел виниловый альбом. В 1996 году компания Moroz Records выпустила CD с ремастеризованным звуком.

Оформление

Из интервью Георгия Гурьянова:

– Кто автор оригинальной идеи обложки «Группы крови»?

– Андрей Крисанов. Был у нас такой молодой человек в компании. Он учился играть на бас-гитаре, но у него не было никаких способностей к этому. Он талантливый художник, на мой взгляд. Мне нравятся все его идеи, работы. Мы все были тогда очень впечатлены фильмами Фрица Ланга. Помните серию фильмов о докторе Мабузе? Малевич нарисовал плакат к фильму «Доктор Мабузе». Оттуда мы и взяли идею. Только вместо «Доктор Мабузе» написали «Группа крови» и «КИНО»...

Отзывы

Артемий Троицкий, музыкальный критик:

«По мнению многих (в том числе и некоторых участников группы), "Группа крови" – самый удачный альбом "КИНО". Связано это в первую очередь с тем, что работа над записью шла в абсолютно естественных, ненапряженных условиях. Было время подумать, проиграть различные варианты, не чувствуя себя скованными временным режимом, волей звукорежиссеров и прочими стрессами студийной рутины. "Группа крови" – первая по-настоящему мощная, зрелая работа "КИНО"; в то же время она в полной мере сохраняет бескомпромиссный, анархический дух питерского андеграунда. В 1989 году альбом "Группа крови" был выпущен в США (фирма "Голдкастл", с подачи Джоанны Стингрей) и произвел отличное впечатление на тамошних критиков. В частности, ведущий американский рок-эксперт Роберт Кристгау в своей колонке в "Виледж Войс" поставил пластинке максимальный балл, оценив ее, таким

образом, выше, чем вышедшие примерно в то же время Radio Silence Бориса Гребенщикова, "Звуки Му" и "Парк Горького"».

Андрей Тропилло:

«"Группа крови" – хороший альбом. Но его можно было бы назвать "Группа крови, насмотревшись видеофильмов". Там одна песня есть, последняя кажется, про парней, которые в траве лежат, все побитые. Это явно сцена из видеофильма. И это где-то перекликается с общей тенденцией чьего-то удачного продюсерского эксперимента, породившего сейчас целую плеяду музыкантов, целый раздел музыки. Я бы его назвал "Ненаписанная музыка к кинофильмам" или "Дополнительная музыка к фильмам". Вот, например, "Есаул, есаул, что ж ты бросил коня..." Этот фильм, по-моему, назывался "Служили два товарища". Там в последнем кадре Брусенцов-Высоцкий хочет взять на корабль, уплывающий в Константинополь, своего коня, а его не берут. И он видит, что конь плывет за ним, и стреляет в него. Или «Мертвые с косами вдоль дорог стоят...» Все это дополнительные песни к известным фильмам, и это, я думаю, делалось специально. Имеется герой или сюжеты, популярные в народе, которые остается только вложить в музыкальную форму. И цоевская "Легенда" мне кажется такой же, как "Есаул". Это тоже песня к фильму, только американскому. Так что этот альбом вполне в духе нового "КИНО". После него должна была последовать, несомненно, "Звезда по имени Солнце"».

Из интервью Юрия Каспаряна:

– Я слушаю наброски к «Группе крови» и чувствую: альбом выйдет на славу. Цой, похоже, окончательно совладал с более чем необычным тембром своего голоса; лаконичная, как всегда, ритмика стала свежей и необычной, а скупые каспаряновские соло – необходимыми и достаточными. Точные, славные тексты, чуть героичнее, чем обычно.

– Витя молодец. Чувствуешь, как петь стал? Вот только ехиднее надо, над собой надо иронизировать, иначе нет кайфа.

Вот и не так. Кайф есть. Движение несомненно. Цой, нашедший свой имидж еще во ввнестилевом «Транквилизаторе» («Метеоролог сказал, дождь будет недолго, я закрываю свой зонт, я экспериментатор»), похоже, становится немного другим. И этот другой мне нравится. Хлесткая оплеуха в адрес «Алисы» – «все говорят, мы вместе, но немногие знают в каком», язвительное пожелание «тем, кто ложится спать, спокойного сна, спокойная ночь» соседствует тут с сокровенным «а "жизнь" – только слово, есть лишь любовь и есть смерть».

Андрей Сигле:

«Сегодня прослушиваю те наши записи и поражаюсь: фонограммы пятнадцатилетней давности ни в чем не уступают нынешним, студийным. А все потому, что в них была заложена сумасшедшая энергетика».

Виктор Цой:

«Наверное, он лучше, чем все остальные. Во всяком случае, актуальнее. Но в нем тоже есть очень много погрешностей. Мы, может быть, и хотели бы его переделать, но потом подумали и решили, что если постоянно переделывать одни и те же песни, то... Понятно что...

Писали сами, а сводили у Леши Вишни. Писали в жутких условиях, вот на такой магнитофон, как у вас, чуть получше. Но тоже на обычную "четвертую" скорость, на такие же касеты... Один альбом, конечно, не представил бы группу "КИНО", но больше всего похоже на то, что мы есть сейчас, – это альбом "Группа крови"».

Александр Кушнир, музыкальный эксперт:

«Группа крови» получился одним из самых танцевальных альбомов того времени, на что критики первоначально не обратили внимания из-за явно нетанцевального содержания песен. Однако впоследствии все встало на свои места, и специально для идентификации подобного размытого стиля был изобретен термин «мужественный поп». Особенно удачно это определение подходило к композиции «Мама, мы все сошли с ума», развивавшей на новом уровне ряд идей, впервые прозвучавших в песне «Транквилизатор».

Поворотный момент и основное новшество «Группы крови» состояло в том, что романтизм в нем практически отсутствовал, а на смену ему пришел героизм, – считает **Каспарян**. – Цой сознательно выбрал эту трассу, по которой группа двигалась последующие три года».

В альбоме, несмотря на его боевой дух, всего три мажорные песни. Причем если «Закрой за мной дверь», положенная на абсолютно танцевальный ритм, сделана в миноре, то «Легенда», самая печальная по настроению песня, написана в мажоре.

«Группа крови» получилась цельной и монолитной, несмотря на стилистическую многоплановость. Песня «Война» была сыграна на основе ритма а-ля босанова, «Попробуй спеть вместе со мной» – марш, «Бошетунмай» – белый реггей, созданный под впечатлением от концерта британской группы «UB40», выступавшей в Ленинграде в 86-м году. Плюс припанкованный «Прохожий» (в духе композиции «Мама – анархия» с альбома «Ночь») и полуакустическая «Легенда» в финале.

А «жизнь» – только слово. Есть лишь любовь и есть смерть...
Эй! А кто будет петь, если все будут спать?
Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь стоит того, чтобы ждать...

Несмотря на специфическое звучание ритм-бокса и не вполне зрелое использование сэмплера, общий саунд «Группы крови» получился весьма современным даже по меркам девяностых годов.

Впоследствии изданный в Америке компакт-диск «Группа крови» получит высокие оценки западной прессы – в отличие от экспортных альбомов «Звуков Му» и Гребенщикова, вышедших примерно в то же время. К сожалению, на обложке диска, дизайн которого с постмодернистской непосредственностью повторял плакат к довоенному кинофильму «Доктор Мабузе», не были упомянуты ни автор плаката, художник Илья Чашник, ни «саунд-ассенизатор» альбома Алексей Вишня...

Несколько слов о текстах. Смесь карате и невской сырости, восточного спокойствия и питерской суровости дала в итоге впечатляющие результаты. Если на предыдущих альбомах Цой чаще всего выступал в роли философа-созерцателя или окутанного мечтами городского подростка, то на «Группе крови» в лидере «КИНО» внезапно проснулся эдакий байроновский дух. Впрочем, будучи по природе очень ироничным человеком, он не смог удержаться от иронии и в этой работе. Правда, отражено это скорее в музыке, а не в лирике – достаточно послушать патетический рояль в конце песни «Закрой за мной дверь» или звуки засэмплированных труб в «Бошетунмае». Однако и фраза, ставшая нарицательной: «Все говорят, что мы вместе, / Но немногие знают в каком» – говорит сама за себя.

Все остальные особенности альбома характерны для менталитета группы «КИНО».

Это ориентация на саунд самых модных в то время западных поп- и рок-групп – начиная от «неоромантиков» и заканчивая «The Cure» и «Talking Heads». Именно подобная музыка служила источником ритмической и аранжировочной лаконичности. Это аккуратная игра Каспаряна на гитаре. Это длинные хвосты песен – с плавным уводом звука в конце. Это присутствие

на альбоме так называемой «сопли» – откровенно слабой песни. Такой композицией в «Группе крови» Цой считал «Прохожего», однако относился к ней не менее трепетно, чем к остальным.

Всеволод Гаккель:

«Пожалуй, у меня нет любимой песни из творчества "КИНО". Я даже могу сказать, что я не настолько хорошо знаком с творчеством этой группы. Конечно же, наверное, я слышал все песни. Но в какой-то момент я перестал слушать то, на что навесили ярлык "русский рок". И это никоим образом не относится к этой группе персонально. Хотя вот, может быть, "Группа крови". Эта песня обладает всеми качествами хита и врезается в подкорку независимо от твоего к ней отношения».

Евгений Гришковец, писатель, актер:

«Альбом "Начальник Камчатки", кроме песни "Последний герой", мне совершенно не понравился. Звучал невыразительно, да и был каким-то промежуточным. Для меня тогда гораздо более мощными явлениями были "Звуки Му" и "Центр". К тому же я мучительно избавлялся от тотальной любви к "Аквариуму", который за три года моего отсутствия успел записать много слабых, фальшивых и необязательных произведений. В то время я старался слушать ту западную музыку, которая накопилась за годы моей службы в огромном количестве. Я открывал для себя новых романтиков, "U2" и весь огромный пласт "новой волны", а вместе с ним – пост-панк и так далее, и так далее. И вдруг альбом Цоя "Группа крови". Я сопротивлялся этому альбому, потому что он, конечно, произвел такое мощное движение в воздухе, что его ни с чем нельзя было сравнить. А я сопротивлялся. Я пытался доказать всем и каждому, что звучание, если не сказать содрано, то во многом взято у группы "The Cure". Своим звучанием группа "КИНО" напоминала многое из европейских аналогов. Причем семидесятилетней давности. Но я никогда не забуду, как песни этого альбома слышались отовсюду. Гаражи за городской окраиной, лето, пыль и зной, воскресенье, мужики возятся в открытых гаражах, ковыряются в машинах, пьют водку, и из этих гаражей звучит Цой. А после Цоя – вполне блатняк или что-нибудь про Кандагар. Или – пляж на берегу Томи, стоит девятка с распахнутыми дверцами, и оттуда звучит "КИНО", хотя до этого звучал "Мираж" или какой-нибудь "Ласковый май". Это было поразительно! Это не укладывалось в голове! И это во многом отталкивало приверженцев чистого рок-н-ролла от Цоя. Хотя я уверен, что они все его слушали тайком».

Алексей Вишня:

«Цой вообще больше пел про любовь, нежели про революцию. Но совпало, что заканчивалась война в Афганистане, и очень многие моменты стали известны. Про гробы цинковые, про количество людей, которые погибают. И Цой написал песню в очень нужное время, конечно же: "Группу крови", которая его в принципе сделала героем страны. Потому что люди шли умирать с этой его песней на устах. А ему просто хотелось освоить новый формат. Я уверен, что Цой не преследовал никаких подводных целей. Революционных – тем более. Да, он хотел научить людей быть сильными, но был ли он сам таким сильным, чтобы научить... У него великолепная инструментальная музыка была в голове, если бы он мог это реализовать. Он делился ей со мной, потому что я его записывал. И часто он спрашивал, а можем ли мы такое записать? Он ставил задачу, и мы ее не могли выполнить. Потому что было мало музыкантов вокруг, Цой не мог общаться с кем попало».

Александр Титов:

«Переломный момент для "КИНО" произошел в тот момент, когда они записали "Группу крови" – и это выстрелило. Люди были потрясены, конечно. Материал был сильный. Песни с

этого альбома до сих пор поются и считаются знаковыми песнями "КИНО". Я не знаю, слышали ли вы эту историю, но звукорежиссер Леша Вишня до того момента, как было договорено, слил готовую версию альбома в Москву своим знакомым, которые тут же распространили его бесплатно на всю Россию. И песни зазвучали сразу везде. Это сработало так, словно их запустили в стратосферу. Я ушел из группы в тот момент, когда уже был готов набор песен для записи "Группы крови", поскольку невозможно было одновременно совмещать "КИНО" с "Аквариумом", который начал интенсивно гастролировать. Мы сначала были как новые романтики, у нас были какие-то дурацкие прически. Но после выхода этого альбома группа стала одеваться в черное, они стали другими – задранный подбородок, героизм, появилась брутальность. Видимо, материал этого требовал, и нужно было ему соответствовать. Но я эту брутальность не застал».

Из книги «Виктор Цой. 100 страниц»:

«Успех был просто поразительным – новый альбом моментально взлетел на вершины хит-парадов и стал самым покупаемым в рок-жанре (отечественном), окончательно закрепив за "КИНО" статус "звезд". Новая студийная запись – жесткая и лаконичная в музыкальном плане и тревожная по настроению – прослушивалась на одном дыхании, а концепция "КИНО" окончательно определилась как музыкально, так и в идеологической позиции по отношению к окружающему миру. Доминирующим настроением стала безысходная печаль смертника, начавшего бой без надежды на победу – как оказалось, не на жизнь, а на смерть. "Трагедия, оформленная современным музыкальным попсом", как скажут некоторые критики. "КИНО" хвалили и ругали, обвиняли в коммерциализации и подделывании под вкусы масс, а "Группа крови" расходилась все большим и большим тиражом».

Константин Рылеев:

«В 1988 году, будучи студентом, я находился на практике на МКТС – на доблестном Московском комбинате твердых сплавов. Там, в Москве, мы впервые собственными глазами увидели, что такое Новый Арбат. То, чем в дальнейшем станет в Киеве Андреевский спуск: художники, музыканты, мигание, уличная клоунада. Все это было целиком необычно на то время. Я часто пропадал на Арбате – уличная богемная тусовка пленила меня. Был там один довольно популярный мальчуган, маленький, кудрявый. Хриплым, сильным голосом он выдавал разные пародии, вызывая у аудитории благодарный смех. Например, на мелодию шлягера Джо Дассена он горланил: "Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч... Мяч, дура, вообще не тонет!" Или: "Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто... не нужна..."»

Однажды исполнитель комических куплетов вдруг запел вещь, в припеве которой звучали строки: "Между Землей и Небом – война. И где бы ты ни был, что бы ты ни делал – между Землей и Небом – война". Присутствующие зрители хором подхватили припев. Такого успеха кудрявый еще не имел! Он быстро ощутил определенное преимущество и даже тронулся в поход по Арбату. "Где-то есть люди, для которых теорема верна, но кто-то станет стеной, а кто-то – плечом, под которым дрогнет стена..."»

Куплеты были наполнены символами борьбы старого с новым, что во времена перестройки было более чем актуально. Но припев выводил эту "актуальность" на всемирный уровень борьбы Тьмы и Света. Припев был настолько сильный, что толпа, марширующая по проспекту, исполняла его словно гимн. Нас захватила эта мощь произведения. Что-то в этом было от священнодействия.

Автор шедевра был неизвестен. Я решил, что это свердловская группа "Наутилус-Помпилиус", которая уже гремела на весь Союз. От Цоя такого не ожидал никто! Однако альбом "Группа крови" буквально ошеломил молодежную публику! После дворовых подростковых текстов абсолютно неожиданно голос Цоя зазвучал философски. Помню, я слушал в плохой

записи этот альбом у приятеля дома и нас восхитили строки в "Легенде": "А жизнь – только слово, есть лишь любовь и есть смерть. Но кто будет петь, если все будут спать? А смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать". Это была настоящая поэзия!

Традиционно советские рок-группы считались слабенькими относительно упаковки, уступая в звучании западным образцам. Как-то в родном институте услышал по радио музыку: сильное гитарное вступление, умело подхваченное электронными пассажами синтезатора. "Ведь могут западные команды! Не то, что наши кони!", – с досадой подумал я, считая, что это очередной "забугорный" хит. И каким же было мое удивление, когда после забойного вступления послышался голос Цоя: "Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив, мы хотим жить – мы живучи, как кошки". Вот это да! И рефреном – "Дальше действовать будем мы!" Консервативные "застойные" родители должны были уступить место чадам. Ведь те – кроме матери и отца – были Детьми Перестройки.

Альбом "Группа крови" и по смыслу, и по форме стал наиболее значительным явлением рок-музыки 1988 года...»

Вот тут можно упомянуть об одной старой легенде. С легкой руки Рашида Нугманова появилась история о том, что на одной из вечеринок у Алексея Федорова Цой приковал к себе наручниками понравившуюся ему симпатичную девушку.

Рашид Нугманов:

«Однажды, где-то в мае – июне 1987 года, когда он еще жил с Марианной, в одно из наших ночных шатаний по Питеру забрели к кому-то в гости и к утру легли рядками поперек разложенного дивана, человек пять. Цой в эту ночь шутики шутил с одной девчонкой и, чтобы она не ушла, сковал себя с ней наручниками. Так и пролежали на диване скованными, пока не рассвело. И это самое злостное из злоупотреблений женщинами, которое я от него видел. Девушка наутро была торжественно раскована, но так и не ушла, и мы все отправились в ларек покупать утреннее пиво. Эта девушка потом создала группу "Колибри" и пела в ней...»

Многочисленные фаны сразу решили для себя, что это Наталья Пивоварова. А обстоятельства ее смерти (автокатастрофа под Коктебелем) послужили поводом для связи двух судеб: Пивоваровой и Цоя. Однако все было не совсем так...

Алексей Федоров:

«У поклонников "Колибри" и "КИНО" последние 10 лет бытует легенда об одной вечеринке 1987 года, где Цой и одна из девушек будущей знаменитой женской группы провели всю ночь, скованные наручниками. Легенда утверждает, что это была Н. Пивоварова. Некоторые из фанатов видят в этом даже какой-то мистический подтекст, имея в виду схожие обстоятельства их смерти. Я заинтересовался происхождением этой истории и после недолгих поисков обнаружил ее автора. Это режиссер фильма "Игла" Рашид Нугманов (на сайте "Йя-Хха" он несколько раз вспоминает вечеринку 1987 года). С его подачи легенда разошлась и даже попала в книгу о "Колибри" А. Любимова. Поскольку я был непосредственным участником событий, хочу поправить Рашида и предлагаю свою версию этой истории...

В середине 80-х в квартиру на Пионерской улице, где я жил, частенько заглядывали будущие звезды "Колибри" Ира Шароватова, Инна Волкова, а также их подруги Лида Пронина и Света Преображенская. Во время проведения V Рок-клубовского фестиваля в ЛДМ, в начале июня 1987 года, они совсем перебрались ко мне, поскольку от квартиры до ЛДМа было максимум 20 минут ходьбы. В таком составе, включая моего гатчинского приятеля Сашу Соловьева, мы посетили ЛДМ 3 июня, когда там выступала группа "КИНО". После концерта и общения со знакомыми, утомленные впечатлениями и, чего уж скрывать, употребленными напитками, мы нестройной цепочкой потянулись на Пионерскую. Оглянувшись, я с удивлением увидел

плетушегося за нами героя дня – Витю Цоя. "Можно с вами?" – спросил он. "Конечно!" – ответил я, но тут за его спиной нарисовался цивильно одетый и старше нас по возрасту человек. "А можно Рашид тоже пойдет?" – сказал Витя. И, видя наше замешательство, поспешно добавил: "Он хороший человек, кинорежиссер из Алма-Аты, мой друг". Мы пересекли Большую Зеленина, прошли по Глухой Зеленина, затем по Малой Зеленина и вышли на Пионерскую. Из достоинств квартиры в те годы можно назвать частое отсутствие моей мамы, неплохой набор виниловых пластинок с проигрывателем и большую тахту, свободно вмещавшую пять лиц мужского пола или шесть женского. Мы расположились, включили музыку, Рашид извлек из портфеля бутылку вина, и веселье продолжилось. Через некоторое время я решил развлечь гостей демонстрацией раритетных наручников, доставшихся мне от деда. У Цоя, понятно, разгорелись глаза, и он охотно подставил свое правое запястье. Взглянув на сидевшую рядом с лирически отсутствующим видом Иру Шароватову, я решил, что она нуждается в небольшой встряске, и быстро защелкнул браслет на ее левой руке. "Вы арестованы. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас!" Сначала они постарались прочувствовать обрушившуюся на них несвободу, затем смеясь мешали друг другу курить или держать бокал, потом Ира сказала: "А можно уже это снять?" Я похлопал себя по карманам и с растерянным видом произнес хорошо отрепетированную фразу: "Ключ куда-то потерялся, но вы не волнуйтесь, у меня есть очень хорошая ножовка". Тут же из Ириных глаз выкатились две крупные слезинки. Мое сердце дрогнуло, и я уже было потянулся к заднему карману, где лежал ключ, но в этот момент встретился взглядом с Витей. Он явно сигнализировал, чтобы я не спешил освобождать Иру. "Ну что-ж, теперь это твоя ответственность", – подумал я и сказал: "Ладно, поищу ключ на кухне", и ушел курить. Вернувшись, я увидел, что Ира уже успокоилась и тихонько о чем-то болтает с Витей, позабыв о наручниках. "Друзья по несчастью" были раскованы только через час с лишним, когда кому-то из них понадобилось выйти. Но и потом, будучи совершенно свободными, они продолжали тихонько разговаривать чуть-ли не всю ночь. Что-то вроде "стокгольмского синдрома". Под утро я поставил последнюю пластинку Леннона "Двойная фантазия", которая наконец отвлекла Цоя от разговоров. Он слушал ее впервые, и она его как-то зацепила. Тут вошел мой приятель Саша с маленьким бидончиком пива, за которым он очень быстро сумел сходить. Так начинался новый день.

P.S. Наташа Пивоварова появилась на Пионерской только через год после описанных событий, когда проект «Колибри» уже приобрел зримые очертания».

После выхода альбома «Группа крови» в 1988 году начинается период «звездных» гастролей «КИНО». Цой стал звездой. У «КИНО» появилась армия поклонников, и популярность его росла с каждым днем.

Звездная болезнь Цоя. А была ли она?

На одном из интернет-сайтов, посвященных Цою, подробно обсуждался вопрос: сказывался ли на характере Цоя и его поведении тот факт, что он был кумиром миллионов, а «КИНО» – самой популярной группой в стране?

Есть мнение, что на ранних фотографиях видно, каким застенчивым был Виктор в самом начале своей карьеры, а потом он превратился в настоящую рок-звезду. Судя по всему, это мнение ошибочно. Цой не был особо застенчивым, как и не был «звездой», особенно в нынешнем понимании этого слова.

Вот что рассказал о Цое **Влад Шебашев**:

«Мне "Последний герой" очень нравился... Я с Цоем не был знаком близко. С Майкушей – да, выпивали регулярно... Цой только пел про портвейн. На деле он пил чай... Я знал Цоя как тонкого и интеллигентного человека без недостатков, без вредных привычек. В самом Цое не

было никакой крутизны: скромный, интеллигентный, прикольный. А в его песенках – была. За нарочито насмешливой, издевательской, припанкованной простотой – очень мощная крутизна. Цой был милейший человек и большой талант, это все, что я могу сказать. Если сегодня есть поросль новых поклонников «КИНО», я теперь – поклонник поклонников».

Сегодня же многие из тех, кто пишет о Цое, подают его либо разочаровавшимся в жизни простаком (глупые люди часто путают экзистенциальную тоску разумного существа и депрессию слабой натуры), либо зазвездившимся циником, готовым унижаться за деньги и «слившимся» старых друзей потому, что они оказались не столь успешными. И то и другое конечно же не имеет ничего общего с реальностью, просто люди моделируют мир по себе и интерпретируют других так, как им понятнее.

Александр Липницкий:

«Был момент, но довольно короткий, когда Цой болел звездной болезнью. Но ведь ни одна группа мимо этого не прошла... Короче говоря, звездная болезнь не только и не столько у Цоя была, а я помню, что и у Гурьянова было такое абсолютное завихрение, и у Каспаряна. Когда мы возвращались из Франции с выступления совместного с "КИНО" и "АукцЫоном", у ребят уже совершенно разнесло крышу. Это уже зима 89-го. Хотя они там не прокатили, но это только увеличило их звездность. Потому что они, с одной стороны, немножко досадовали, а с другой – понимали, что у них-то здесь миллионная аудитория и что там эти французы понимают. Ну попрыгали там Гаркуша с Мамоновым... То есть это еще усилило их гонор».

Рашид Нугманов (как и сам Цой в ответах на вопросы о заграничных гастролях) опровергает это:

«Цой трезво относился к недостаточно высокому интересу западной публики к русскому року и нисколько не страдал по этому поводу. Однако он с большим интересом отнесся к предложению японцев раскручиваться на Востоке».

Создается впечатление, что для одних Цой был одним, а с другими себя вел совершенно иначе.

Вообще, что подразумевается под «звездной» болезнью психологами и что подразумевают под этим бывшие друзья Цоя?

В психологических статьях, посвященных этой теме, пишут, что проявлением звездной болезни прежде всего является форсированная самооценка, демонстративность поведения (например, стремление выставить напоказ то, какая ты «творческая» личность), завышенные требования к окружающим, капризы, ревность, когда в присутствии «звезды» хвалят другого исполнителя, и прочая паранойя. Было ли все это у Цоя?

Из интервью Виктора Цоя:

«– Виктору Цою грозит звездная болезнь?

– Я не знаю, откуда можно было сделать такой вывод. Не мне об этом судить. Я отношусь к этому очень прохладно. Я не люблю, когда меня узнают на улице, останавливают. Мне чужда демонстративность. "Смотрите, кто идет"...

Мне хочется этим заниматься, конечно, мне приятно, что людям нравится музыка, что люди приходят на концерты, что зал всегда полный и т. д. Но я прекрасно понимаю, насколько это вопрос попадания во время».

Больше всех последствия звездной болезни терпят на себе те люди, с которыми «звезда» непосредственно работает, то есть администраторы. Именно они должны терпеть все возможные капризы. Что же говорят по поводу звездной болезни Цоя Белишкин и Айзеншпис, кото-

рые как раз работали с Цоем в годы его «взлета»? Эти два совершенно разных человека категорически отрицают утверждения о звездной болезни.

Юрий Айзеншпис, музыкальный продюсер:

«Ни слава, ни деньги, которые пришли к нему в последние два года, его никак не изменили. В моей памяти он навсегда остался добрым, честным и скромным парнем».

Белишкин во всех своих интервью восхищается скромностью, дисциплинированностью, простотой в быту, сдержанным и вежливым характером Виктора. Он никогда не выставял напоказ творческий процесс, никогда не вел себя расхлябанно, всегда был сдержан и собран.

Юрий Белишкин, музыкальный менеджер:

«В нем была какая-то степенность. Сосредоточенность. Он не любил шум. Это, наверное, какие-то восточные дела. Еще – дисциплинированность. Как-то мы должны были выехать из Нижнего Тагила в пять утра. Без десяти пять я стучусь к нему в номер, будить собираюсь, а он стоит одетый, умытый, гитара зачехлена. Внутренняя собранность».

Да и вообще какие могут быть «капризы звезды», когда Цой мог играть бесплатно по требованию озверевших фанатов, грозящих разнести гостиницу (как было в Братске)? Не похоже это все на звездную болезнь. Многие люди, которые приходили на концерты, отмечали то, что он вел себя очень просто и вежливо с поклонниками.

Юрий Айзеншпис:

«В Братске, на стадионе, должны были состояться два выступления "КИНО". После первого концерта неожиданно полил дождь. Ливень разогнал всех зрителей, и мы поехали в гостиницу. Конечно, о втором концерте не могло быть и речи. Но когда кончился дождь и на стадионе собралась толпа, к нам пришли организаторы гастролей и стали уговаривать, чтобы мы все-таки выступили. Это было где-то около полуночи. Все требовали Виктора Цоя. Мы долго объясняли, что включать мокрую аппаратуру опасно, что ее еще нужно расставить и потребуется слишком много времени на подготовку. Но Виктор сказал сразу, что пойдет работать в любых условиях, даже если придется играть только на одной гитаре. И концерт все-таки состоялся. Мы и наши зрители разошлись в четыре часа утра».

Хоть Юрий Айзеншпис немного и неточен в своих воспоминаниях, но суть проблемы он передал абсолютно верно...

Опровергают мнение о звездной болезни Виктора и другие люди, общавшиеся с ним в последние годы.

Кирилл Разлогов, киновед:

«Тогда меня тронул момент, что, несмотря на то что он уже был звездой, никаких сложностей в общении с ним не было вообще. Мы были представителями разных поколений, я был значительно его старше».

Игорь Журавлев, музыкант группы «Альянс»:

«Дистанцирование у него всегда было изначально. Мне он показался не слишком общительным. Звездности я не увидел в классическом, хрестоматийном понимании. Мне кажется, он был достаточно прост в общении. Он был застенчивый. Айзеншпис нам банкет накрыл после совместного концерта "Альянса" и "КИНО". Но мы даже не перекинулись с Цоем парой слов. Было такое, знаете, "Питер – Москва" противостояние классическое. Питерцы здесь

сидят, мы здесь рядышком. Немножко мой клавишник пообщался с Тихомировым Игорем. А так все остальные присматривались друг к другу. Не более того».

Рашид Нугманов:

«Виктор мог быть едким и даже саркастичным в общении, но люди, достаточно близкие, без труда заметили бы печаль в его словах. И напротив, людей, думающих о себе, его ирония могла легко обидеть, я допускаю это. Но это слепота».

По воспоминаниям некоторых других людей (Алексея Вишни, к примеру), создается впечатление, что Виктор был немного ревнивым и обидчивым человеком: критика или невнимание к его творчеству его немножко задевали, но он не показывал этого и держал в себе.

Из воспоминаний Марьяны Цой:

«Витя был очень обидчив. Какая-то более-менее важная причина могла его сильно задеть. Это не злопамятство, но он делал выводы о человеке».

Юрий Каспарян:

«Цой был очень обидчивым. Да. Очень обидчивым. Легкоранимая душа. И сам ранил также очень умело. Примеров я не вспомню сейчас навскидку, конечно. Так только, в целом... А насчет неполных залов... Я не помню, чтобы мы вообще отказывались играть и что вообще были неполные залы».

Георгий Гурьянов:

«Да, Цой был обидчив и раним. Он не прощал никакой дряни. Хотя обида – это не то слово, конечно. Скорее, он не прощал предательства, глупости...»

Константин Кинчев:

«Мы с Вишней какой-то период времени были практически лучшими друзьями, и ему очень нравилось творчество "Алисы". С Цоем у него были напряженные отношения. По причине упрямого характера самого Цоя. Ну и ситуацию усугубило то, что на Цоя и "КИНО" у Вишни уходило не ахти сколько времени, потому что он почти все это время проводил со мной. Цой, как мне кажется, разочаровался на тот момент в Лехе».

Со слов самого Цоя известно, что он считал творчество частью своей души, и поэтому для него было важно, чтобы к нему относились с уважением, чтобы его слышали. При этом Цой умел относиться трезво к этой своей черте, умел скрывать и контролировать ее, чего не умеют делать те, кто болеет звездной болезнью.

Знакомые Цоя под звездной болезнью часто понимают иронию и сарказм, о которых говорил Рашид. Или просто потерю интереса к ним. Цой быстро вырос из питерской тусовки, но старался не обижать ее членов и всегда пытался смягчить ситуацию, если случалось кого-то задеть.

Наталья Пивоварова, музыкант группы «Колибри»:

«Звезд с неба я не хватаю, вообще я никакая не звезда, и не надо меня, пожалуйста, ею называть, и не каждому из нас суждено стать звездой, и не нам решать, будем ли мы после ухода из нашей материальной жизни считаться звездами или нет, и вообще, звезды на небе, а мы на земле. Так я обычно говорю своим ученикам и рассказываю им одну историю про Виктора Цоя.

Было так: Цой приехал в первый раз с гастролей, крутой весь такой, и пришел в мастерскую к Андрею Медведеву, известному художнику. Были тогда плохие времена, всем нам было

тяжело, мы с друзьями там часто собирались и пили мы только чай и кофе. И вот мы сидели у Андрея в мастерской, мы собрались днем, не договариваясь, потому что в это время в "Сайгоне" был обеденный перерыв. Мы однажды собрались и думали, что вот сейчас Витя придет и мы его поздравим с возвращением из гастролей, и опять будем вместе, а Цой пришел, огляделся, сморщил нос и сказал, что у нас все по-прежнему, все как и было раньше, и что как будто бы и не проходило этих полутора месяцев. Все мы очень расстроились, а Андрей, видимо, просчитал про себя до десяти и тогда сказал: "Ты неуважительно отнесся к людям, которые тебя считают своим другом и которых ты тоже можешь по праву считать своими друзьями. Прости, пожалуйста, но дверь вот здесь..." А через два или три дня мы опять собрались днем в мастерской, и вдруг раздается звонок. В дверях стоит Витя Цой с огромным количеством пакетов и бутылок с шампанским, вдвоем с Каспаряном они пришли, и говорит: "Ребята, я так по вам соскучился и так рад, что вы все здесь собрались!"

И вот это, кстати, был мой единственный полезный опыт того, как нужно бороться со звездной болезнью. Должны быть здоровые творческие амбиции – это да, это конечно, и надо твердо знать, чего ты хочешь, и четко держаться намеченного курса. Но все равно – звезды на небе, а мы на земле».

Сергей Фирсов:

«Пивоварова, конечно, гонит чуть-чуть. В "Сайгоне" не было обеденного перерыва, он работал с 9 до 21 часа без всякого перерыва... "Пили мы, конечно, только чай и кофе..." – это, конечно, тоже сильно сказано Пивоваровой... (*смеется*) Она была девушкой, очень сильно любящей это дело...

Да, у Медведева была квартира, там как бы все собирались, мансарда на Загородном. И я туда ходил. Цой там часто бывал. То, что Пивоварова говорит, типа, – "Цой с огромным количеством пакетов и бутылок пришел..." – это ерунда. Цой никогда никого не обижал в жизни. И не верю я, что он вот так вот мог. Просто он был все-таки интеллигентным человеком до мозга костей и хотя мог понтануться, но не настолько. С друзьями там, с кем-то поссориться... Нет, я просто в это не верю. И в то, что после этого он мог потом прийти извиняться, – я тоже не верю. Полный бред. Пивоварова сама, конечно, хороша...»

Из воспоминаний Михаила Науменко, лидера группы «Зоопарк»:

«Мне не нравилось то, как он (Цой) изменился в последние годы. Вероятно, это болезнь, которой переболели многие рок-музыканты. Деньги, девочки, стадионы – и ты начинаешь забывать старых приятелей, держишь нос вверх и мнишь себя суперкрутым. Что же, не он первый и не он последний. Все мы люди. Просто я несколько удивлен тем, что после смерти из него пытаются сделать ангела. Не был он ангелом, как не был и демоном. Как и все мы, он был просто человеком со своими плюсами и минусами. Но в нашей стране желательно погибнуть, чтобы стать окончательно популярным. Пока ты жив, тебя почему-то не ценят. Примеров тому, как известно всем, масса».

Наталья Науменко, жена Михаила Науменко:

«Однажды вечером, возвращаясь с работы, возле кондитерской фабрики им. Крупской я нос к носу столкнулась с Рашидом Нугмановым.

– О! Привет! Ты откуда и куда?

– От вас. А куда – несложно догадаться.

– Да уж. Понятно. Кто у нас?

– Цой. Мы вдвоем решили заехать.

Рашид полетел за бухлом, а я поплелась домой с некоторым смятением в душе. Я знала, что Цой теперь живет в Москве, что у него вместо Марианны – Наташа (маленькая?), что он

знаменит. Тася рассказывала про их случайную встречу на Владимирском (“важный, нос выше головы, я ему, чего, мол, не здороваешься, зазнался, что ли, крутым стал, а он заулыбался, отшутился, ишь какой!..”).

Цой сидел на диване в любимой позе: положив ноги на стол. Я почему-то не могла отвести взгляд от красных носков. Разволновалась, словно пришла не домой, а туда, где меня не особенно ждали. Неловко снимала пальто, тараторила про Рашика – противно суежилась. Цой же почти не двинулся – так, легкий поклон, шевеление руки с сигаретой... Скульптура. Майк разговор не поддерживал и никак мне не помогал. Кажется, он хотел поскорей выпить.

Наконец вернулся Рашид – милый, приветливый, спокойный. Интересно рассказывал про кино, про съемки. Я поглядывала на Цоя и молчала, боясь от смущения сморозить очередную глупость, спросить невпопад. Да и не о чем спрашивать. Как жена-дети? Каковы творческие планы великого артиста?

Мне вдруг показалось, что Витя усмехается. Нет, не может быть. И все-таки он смотрит с вызовом, с иронией и почти ничего не говорит. Зачем он здесь? Увидеть, что Майк потолок и поседел, что я так же плохо одеваюсь, что в нашей комнате осталось все по-прежнему?

Украдкой глядя на неподвижное лицо, я думала с тоской: неужели это тот самый мальчик, который поздравлял меня с японским Днем девочек, а я его – с Днем мальчиков, тот Витька, который пил вместо кофе цикорий и застегивал Женьке ползунки? Интересно, мне сейчас неловко за себя или за него?..

Цой, миленький, ты что-то напутал! Это же Майк, твой учитель, тоже не последний музыкант, между прочим! В этой неказистой комнате ты столько раз ночевал!.. Модный стал, богатый. Но ты был красив и в старой бордовой рубашке и в потертых штанах. Ты сейчас – замороженный Кай...

Я мучилась и хотела, чтоб он поскорей ушел. Я хотела, чтоб он никогда не уходил...

Ушли. Мы с Майком вздохнули: “Звезда, однако!” – посмеялись, погрустили...»

Из этих воспоминаний супружеской четы Науменко очевидно, что была долгая пауза в общении между ними и Цоем, и когда они встретились (Наталья описывает встречу 1987 года), Цой уже сильно изменился – стал более уверенным в себе, вел себя замкнуто и молчаливо. Вот вся информация, которую можно извлечь из этого эмоционального монолога.

Все остальное – личностные интерпретации. Психология этих мемуаров – как в рассказе Чехова «Толстый и тонкий». Цой был абсолютно спокоен. Он не давал никакого повода обвинить себя в высокомерии. Друзья сами его так интерпретировали. Раньше они были ступенькой выше в модели их отношений, а теперь оказалось, что мальчик в старой бордовой рубашке «вырос», и ощущали они себя неловко именно потому, что сами остались там, где были...

Наиль Кадыров, музыкант группы «Зоопарк»:

«Майк был настоящим питерским человеком, а зависть в питерцах если и есть, то она глубоко сидит. Майк очень сильно радовался. Более того, в свое время много помогал. На каждом углу трещал: “О! ‘КИНО’, Витя Цой – это круто! Вот послушайте“. Такой бесплатный рекламный агент был. Позже они встречались. Но редко. Дай бог раз в год. Бешеный успех, бешеные гонорары – они людей в общем-то не меняют, но они меняют круг общения. Цой попал уже в другой круг общения... А раньше они у Майка ночевали на кухне. Майк же для них божеством был, когда они были молодые. Он им мозги вправлял, к музыке приучал”.

Алексей Вишня:

«В одно время именно Майк подтягивал Виктора, как это ранее делал Гребенщиков. Общество разделилось тогда. Одним нравился Цой, другим – нет. А сила поддержки старших товарищей в нашей сфере могущественна. Но когда сила снежного кома докатилась до того,

что жена Майка влюбилась в Цоя, положение изменилось, но Виктору был уже не нужен никто, кроме верных соратников».

В словах Майка слышится обида. Ведь когда-то он был действительно «учителем», везде рекламировал Цоя. Но в какой-то момент их дорожки разошлись, и дело здесь не в «расчетливости» Цоя, типа, он бросает тех, кто стал не нужным (как многие уверены до сих пор), а в разных плоскостях творчества и имиджа Майка и Цоя. Говорить стало не о чем, да и встречаться чисто технически стало сложнее с постоянными разъездами. И Майк, наверно, сам это понимал, но в 1991 году, когда издавалась книга «Цой. Стихи. Документы, воспоминания», к его обидам прибавились жизненные трудности, поэтому его слова о Викторе были весьма резкими.

Кстати, Александр Житинский впоследствии вспоминал, что Майк первоначально написал о Цое довольно большой текст, причем весьма неплохой, но пока появилась возможность передать его Житинскому – листочек с воспоминаниями попросту потерялся. И поскольку Майку было лень уже что-то вспоминать и писать от руки, он просто набросал наскоро то, что смог.

Наталья Россовская:

«Думаю, что Майк и Цой не были друзьями в высоком понимании (а для меня ”друг“ – это очень серьезно). Майк помогал молодому музыканту, пока молодой музыкант не оперился. Майку нравилось ”КИНО“ с Лешей Рыбиным. Опять же, Цой зазвездился (хотя слово ”звездился“ неточное, поверхностное), а Майку это было всегда непонятно и неприятно. Для книги про Цоя было написано другое, но листочек потерялся, и Майк не стал себя утруждать – написал, чтоб отстали...»

Цой в период 86–87-х годов серьезно начал дистанцироваться от питерской тусовки. Где-то проскальзывали даже такие категоричные замечания, что Цой хотел забыть весь питерский период жизни, порвать с Питером навсегда. В частности, подобное утверждал Алексей Рыбин.

Марьяна в «Точке отсчета» пишет, что после того как выступление группы «КИНО» на пятом рок-фестивале было холодно принято, Цой якобы обиделся на весь Питер, что его новые песни, которые он так любил и на которые делал большую ставку, никто не понял.

Рашид Нугманов:

«Рыбин, конечно, слишком категорично сказал. Виктор хотел дистанцироваться не от Питера как такового. Он дистанцировался от провинциализма и заикленности. Виктор всегда шел вперед, вперед, вперед и вверх, будучи открытым миру. Неудивительно, что на этом пути старая питерская тусовка осталась позади и внизу. Некоторые еще утверждают, что он вроде бы ”обиделся на город“ за прохладное отношение к группе ”КИНО“ и ее новому репертуару, встреченному Рок-клубовской публикой иронически, а последней каплей якобы стало ”неудачное“ выступление на 5-м фестивале ЛРК, ставшее последним на этих мероприятиях. Но при чем тут город, сам Питер? Чего хотел Виктор – это идти вперед, а не крутиться на одном месте, постепенно превращаясь в маргинала, как некоторые его старые приятели по питерской жизни в андеграунде. Виктор продолжал любить родной город, просто он вырос из него и стремительно двигался к новым горизонтам. А в Рок-клубе стало тесно и душно, как в старенькой родительской квартире».

Но были и объективные причины отдаления Цоя от Рок-клуба. Начиналась перестройка, рок выходил из подполья и, по выражению Авдотьи Смирновой, «в точке ”АССЫ“ вдруг выяснилось, что мы все неодинаковы и что для того, чтобы быть лучшими друзьями и самыми

близкими людьми, недостаточно сходиться только на общей ненависти к советской власти...» Питерская тусовка с самого начала была разношерстной, в ней были разные группировки: например, Михаил Борзыкин считал, что тусовка «Аквариума» и «КИНО» – это вообще мажоры, которые идут на компромиссы, всего боятся и заправляют в Рок-клубе, не давая хода молодым талантам. Игорь Мосин из «Дурного влияния» даже считал, что фильм «Йя-Хха!» получился неальтернативным, так как в нем снимались группы мейнстрима питерского Рок-клуба.

Игорь Мосин, музыкант группы «Дурное влияние»:

«Мне показалось, что у Цоя появилось некое снобистское отношение к происходящему в фильме. К той тусовке. «КИНО» в его понимании было чем-то особенным в этой картине. Та же сцена на «Водоканале». Там много людей, которые к этой компании не имели никакого отношения. Просто массовка... То есть люди просто пришли помочь. А Густав на озвучке говорит: «Девчонки-то там на троечку, оделись бы получше!» Слишком высокомерно это прозвучало. Цой как будто отгораживался от других – от «Зоопарка», от «Алисы» той же. Имидж супер-модника. «Duran Duran» наполовину с «The Cure». Мне показалось это очень фальшивым. Мы были моложе, у нас были другие ориентиры, другие совершенно понятия, например о панк-роке. В противовес модным тенденциям я бы добавил в «Йя-Хха!» того, что происходило на самом деле. Показал бы, что существует некая альтернатива. То есть, как это ни парадоксально звучит, фильм-то получился не слишком альтернативным».

По воспоминаниям Авдотьи Смирновой, тусовка раскололась после того, как приехала Джоанна Стингрей и музыканты с художниками разделились на «тех, кто с Джоанной» и «тех, кто не с ней». Так что ситуация была изначально непростой и окончательно треснула по швам, когда вынужденное объединение стало распадаться с выходом рока из подполья. Одни рокеры вышли на широкую аудиторию, а другие так и остались широко известными в узком кругу. Цой явно относился к первой категории, и его немного раздражала излишняя серьезность и мнимая принципиальность коллег по цеху. Он даже написал песню «Дети минут», где прямо говорил об этом:

...А еще я хотел бы узнать, почему
Так легко променяли вы море на таз?
Но друзья тут же хором ответили мне:
Ты не с нами, значит, ты против нас.

Думается, из-за этого взаимного отдаления и пошли слухи о звездной болезни и высокомерии. Плюс придуманные «атрибуты звездности»: роскошная шуба, телохранители, машины с затемненными стеклами.

Алексей Рыбин:

«Конечно, у Цоя была звездная болезнь. А как же? А у кого ее не было в конце 80-х? У всех была. И Цой был пафосный – не то слово».

Галина Ординова:

«Цой просто был парнем, который хотел быть и был музыкантом, хотел славы, признания и денег немного... А может и много... Не нужно возвеличивать достаточно простого человека...»

Очень заметно, что питерское окружение Цоя к 1988 году совершенно утратило адекватность, стало придирчивым и обидчивым. И случилось закономерное – началось постепенное отдаление Цоя от Питера. Еще в начале 80-х, когда Цой еще не был никакой звездой, он разошелся с панк-тусовкой по идеологическим соображениям. Точно так же он постепенно расстался с Максимом Пашковым. И надо отдать должное Свину и Пашкову: они не упрекнули его ни в высокомерии, ни в звездной болезни.

По воспоминаниям секретаря Ленинградского Рок-клуба Ольги Слободской, Цой никогда не болел звездной болезнью, хотя «киношники» (как, в общем-то, и все музыканты) хотели быть модными и делали для этого все. Музыканты «КИНО», собственно, такими и были – молодыми и модными ребятами.

Евгений Титов:

«Цой однозначно не "завездился", а так бывает – когда поменялся состав, новые музыканты, новые песни – ты встречаешь кого-то из предыдущего состава, и, может быть даже какая-то неловкость, но при этом понимаешь, что для тебя это уже прошлое. Оно не хуже (!) – дело не в этом, но ты уже смотришь в другую сторону и думаешь о другом. Бывает, что и говорить особо не о чем. Если бы это были просто старые знакомые, то тогда ничего и не меняется. Но если это люди, с которыми ты вместе играл, вы были ВМЕСТЕ, а теперь этого нет, то такая встреча может быть тягостна. Не сплетничать же о соседях? Так вот и получается: привет-привет – и пошел дальше».

Точно так же, по такому же сценарию, Цой расстался с **Алексеем Рыбиным**, у которого, однако, свое мнение по поводу вышесказанного:

«Мы были нормальными веселыми живыми парнями. Свину не свойственна была рефлексия тургеневских барышень. Просто Витьке стало интересней с Борисом, чем с Андреем. Может быть, у него инстинкт самосохранения сработал. У Цоя, в смысле. Ну и вот. А Андрей был очень классным и умным парнем».

Павел Крусанов:

«Цой был испытан славой в полной мере и вышел из этой мясорубки с честью: он оказался крепким парнем, вполне устойчивым к быстро сбивающему у многих крышу набекрень "звездному" вирусу».

Часто за звездную болезнь и пафос принимали обычное плохое настроение, усталость. Зависть, непонимание, обиды бывших друзей, хамское поведение некоторых фанатов вызывали его недовольство и раздражение, вполне обоснованное. И в этом не было никакой звездности.

Рашид Нугманов:

«Досадно было видеть непонимание, зависть, необоснованную злобу – ведь все это утрачивается вместе с приходом славы. Грустно взирать на грязную слякоть зимой. Однажды в такую погоду он мне сказал с опаской: "Все меньше хожу по улицам. Представь, подскочит какой-нибудь сумасшедший и даст тебе дубиной"».

К вышесказанному можно добавить и то, что знакомые Цоя на самом деле приписывали ему звездную болезнь задолго до того, как он стал знаменитым. Например, Алексей Вишня в книге А. Рыбина "«Кино» с самого начала" и до самого конца» говорил, что признаки «пафоса» у Цоя проявились еще с момента выхода его из психбольницы, где он косил от армии, в 1983 году!

Из рецензии **О. Лехтонен** на книгу ”«Кино» с самого начала“ и до самого конца»:

«...”После этой больницы он стал совершенно не таким человеком, каким я его знал. Будто зазомбированный... Именно тогда он стал тем **ВИКТОРОМ ЦОЕМ**, которого мы вот сейчас имеем. Со всех заглавных букв...”»

Об этом ”зомбированном-марсианском“ состоянии Цоя говорится добрую треть всей книги. Мол, ставил себя выше всего на свете, не принимал людей за людей (здесь – следуя по авторскому тексту) и пр. Что находил, мол, на Витю дурацкий пафос, и он превращался в этакого сфинкса, каменного и высокомерного. Н-да... Что тут скажешь?

Разгадка пришла неожиданно. Практически одновременно с ”«Кино» до самого конца“ я купила книгу ”История Жанны“ Олега Широкого. У меня по жизни вообще две главные темы – Цой и Орлеанская дева. И вот пришла та бесконечность, в которой эти параллельные пересеклись. Меня осенило.

О. Широкий объясняет феномен Жанны д’Арк психологической травмой, полученной ею в детстве. Мол, сдвинулось что-то в голове и вместо нормальной жизни появились голоса, архангелы... Далее цитирую. ”Когда на Жаннету накатывало ЭТО и она становилась Жанной-Девой, ничего не менялось. Кроме отношения к происходящему... <...> Жанна его не слышала, она вещала... <...> Вот и теперь... Жаннета в очередной раз обернулась Жанной-Девой... <...> Жаннета встряхнулась. Обернулась Жанной-Девой и вздернула пехотное копыце...”

И еще несколько цитат.

”Рядом с Густавом он превращался вот в этого ’космического пришельца‘. И тысячекратно это усилилось, когда приехала в нашу страну Джоанна Стингрей. Тогда он и стал **ГЕРОЕМ**“ (с. 240).

”Виктор, правда, был чуть потише, говорил чуть меньше глупостей, но пафосность его все равно накрывала. Он как-то весь раздулся, отморозился...” (с. 256).

”Периодами у него шло. То – звезда и не подходи, то – нормальный...” (с. 269).

Чувствуете, какие интересные совпадения? А ответ – на ладони. Простой человек никогда не поймет Героя. И уж тем более не поймет тот таинственный, тонкий и священный процесс Рождения, в результате которого из деревенской девчонки Жанкеты вдруг появляется на свет Орлеанская дева, а из обычного советского пэтэушника Витьки вдруг выходит **ВИКТОР ЦОЙ** со всех заглавных букв. И вот что я скажу: не простым смертным копать в этой тайне. Не кому попало дано увидеть, понять и прочувствовать, как из серого кокона выбирается красивая бабочка. И что же? Она вынуждена летать повыше и поосторожнее, чтобы не поймали, не оборвали крылышки, не заставили снова стать бескрылым ”ничто“. Отсюда – немногословность, отчужденность и замкнутость Вити. Отсюда – горькие непрестанные слезы во время молитвы и веселое лицо Жанны-Девы на людях. Да только не скрыла маска ни большого пылающего сердца у Цоя, ни крепкой любви к Богу у Жанны...

И еще одно. Я поняла – Героя все равно убьют. А если смерть опережает человеческие руки, то героя обязательно назовут дельцом, авантюристом, гордецом, шизофреником, шутом и поклонником роскоши. Люди не простят ему эту ”инакость“ и постараются сделать все, чтобы Герой не остался Героем. Отсюда вырос Великий руанский процесс, закончившийся для Жанны костром.

”Сказка с несчастливым концом...”»

Во многом характер Цоя понят здесь верно. Главным для Виктора была артикуляция. Как человек искусства, Цой постоянно «формулировал» некий месседж, который ему самому не был до конца понятен. В творчестве он ориентировался на внутренний императив и старался максимально точно ему соответствовать – и в музыке, и в текстах. Именно поэтому студийная

работа отнимала у него гораздо больше сил, чем концерты. В его песнях слышится чувство собственного достоинства. Было оно и в жизни.

Можно с уверенностью сказать, что Цой был внутренне очень интеллигентен и обладал высоким уровнем внутренней культуры. И всегда вел себя именно как интеллигент, хотя и не был по рождению представителем этой социальной страты. Цой делал музыку со вкусом, и тексты писал со вкусом, и одевался со вкусом, и держал себя как надо. Людей такого плана даже в творческих и научных кругах нынче днем с огнем не сыскать. На поверхность всегда всплывает одно хабальство под прикрытием «интеллигентности» и «творческого склада ума». Поэтому он по определению не мог руководствоваться в жизни мотивами, которые ему приписывают «друзья».

Юрий Каспарян:

«Звездная болезнь? Что это такое? Давайте раскинем мозгами. Возникает какой-то статус. Неважно у кого – у группы, у человека искусства. Запах успеха. Повышается статус социальный. При этом как ты к этому относишься? Если с юмором – то болезни нет. А если чуть ближе принимаешь – то есть. Виктор, конечно, спокойно к этому относился и цену этому знал. Несомненно, он был звездой. На меня же это впечатление мало производило. И сейчас тоже. Мы в ”Ю-Питере“ вообще работяги. Это же труд. Есть успех – и слава богу. Есть люди, которые трудятся больше, но с гораздо меньшим успехом...»

Итогом полемики относительно «пафоса» и звездной болезни может стать единственный вывод: звездной болезни не было, и музыканты «КИНО» всегда иронизировали на тему своего успеха.

Юрий Каспарян:

«Да, конечно. Это бесценно... *(улыбается)*. Круто, это здорово, когда успех. С другой стороны, мы ориентировались не на это, конечно. Вон у Duran Duran стадионы... А у нас что?»

Из интервью Виктора Цоя:

«– А сам лично можешь назвать себя ”звездой“, все-таки ты собираешь стадионы, и я бы не сказал, что Виктор Цой не популярен. Твой прогноз: сколько просияешь на небосклоне?»

– Не знаю, не думал над этим. Я не считаю, что это главное – всеобщая популярность. Я, конечно, очень рад, что сейчас ”КИНО“ собирает такие залы, но, в принципе, все это не было самоцелью. Для нас важно было играть ту музыку, которая нам нравится, и мы будем ее играть, даже если она будет нравиться меньшему количеству людей. Я не прогнозирую успех. Меня это не интересует. Меня интересуют песни».

Георгий Гурьянов:

«Мне сложно сказать, какое слава произвела на меня и всех нас впечатление. На меня в любом случае, несомненно, произвела, как и на всех, собственно. Все то, что происходило... Как повлияло? Наверное, испортило, избаловало, развратило... Но мы хихикали над славой и никогда не воспринимали ее всерьез, да. Это правда. Совершенно верно. Иронично старались относиться ко всему. С самоиронией в том числе. Было весело, да...»

Не популярность изменила их. Это другие изменились по отношению к ним. Что, в свою очередь, изменило «киношников». Дружба ведь – это большая работа над собой, своими слабостями. Настоящий друг должен уметь не только поддержать в беде, но и радоваться успехам. И в этом смысле друзей у Цоя оказалось очень мало.

1988

В январе 1988 года на широкий экран выходит фильм Сергея Соловьева – «АССА». После шумной премьеры и выхода фильма в прокат Цой становится всенародно популярным. Лидером кинопроката на закате перестройки «АССА» конечно же не стала, заняв лишь шестое место в зачетном 1988 году («Маленькая Вера» собрала в три раза большую аудиторию), но сразу и навсегда приобрела статус эпохального кино.

Павел Боханов:

«Вспоминаю времена, когда прилавки в магазинах были пустыми, а если вдруг на них что-то и появлялось, то тут же выстраивались огромные очереди. Когда на улицах и площадях городов висели не рекламные щиты и баннеры, а агитационные плакаты и транспаранты. Одежда тогда, как правило, не отличалась оригинальностью и яркостью, лишь единицы умудрялись выделяться на общем однообразном фоне. Небольшой провинциальный город, в котором я жил тогда, от столицы отдаляли не только двести километров российских дорог, но и целая культурная пропасть. Ну какие развлечения мог предоставить городок N своим жителям? Какие места для проведения культурно-массовых мероприятий имелись на его территории? Старый ДК, в котором два раза в неделю устраивали дискотеки под неменяющийся годами репертуар, два-три частных видеосалона, где на экранах обычных «Рекордов» и «Электронов» всем страждущим за один рубль демонстрировали шедевры американского кинопроката, сопровождаемые ужасным гнусавым монопереводом. Был еще кинотеатр, на площади в самом центре города. Со словом «кинотеатр» сейчас ассоциируются огромный экран, 3D очки, великолепный окружающий звук, мягкие, просторные кресла с широкими подлокотниками со встроенными чашкодержателями, уютные и чистые буфеты, торгующие попкорном и колой. В кинотеатрах тех лет (тем более провинциальных) все было устроено несколько иначе, не столь респектабельно. В кинотеатре города N был большой экран, кресла тоже были, деревянные с откидными сиденьями, которые громким хлопком оповещали всех присутствующих, что кто-то из зрителей решил покинуть свое место. Никакого буфета не было. Вместо попкорна местные пацаны покупали у бабы Клавды семечки, благо рынок был рядом. Это сейчас последний ряд называют местами для поцелуев, тогда эти места (во всяком случае в кинотеатре города N) можно было смело назвать пацанскими. Именно на них пацаны покупали билеты, там они лужгали семечки, смачно сплевывая "шолушки" на пол. Именно с этих мест в зал выкрикивались пошлые реплики, комментирующие происходящее на экране. Надо ли объяснять, что я не слишком-то жаловал своими посещениями городской кинотеатр. Иногда выходили фильмы, пропустить которые было просто невозможно. Слухи о таких фильмах намного опережали сам показ. "АССА", безусловно, из их числа. О том, что такой фильм есть, я узнал задолго до появления афиш. И, конечно, в первый же день показа посетил кинотеатр.

Со времени выхода "АССЫ" на экраны прошло тридцать лет. Многие фильмы и события, с ними связанные, навсегда бесследно исчезли из моей памяти. Но вот сегодня, проводя ревизию своих виниловых залежей, я наткнулся на пластинку-саундтрек к этому фильму. Достал пластинку с полки, прочитал аннотацию и мне тотчас захотелось её послушать. И как только игла с легким шорохом коснулась виниловой дорожки, в мою комнату проникли нечеткие очертания, смутные образы героев давно минувших дней. Я сразу вспомнил, как в захолустном, провинциальном кинотеатре впервые познакомился с мальчиком Банананом.

Уходят эпохи, меняются и забываются названия, рушатся политические строи, целые страны разваливаются на кусочки! Но есть вещи неизменные во все времена, в любой стране, при любом строе... Пластинка заканчивается, звучит финальная песня. "Хочу перемен", именно с этой мыслью я выходил из кинотеатра тридцать лет тому назад, в тот вечер, когда

впервые посмотрел "АССУ", и не только я! Но и все мои сограждане, вышедшие из зала вместе со мной! Перемен хотело все мое поколение! Я ни секунды не сомневался в том тогда, не сомневаюсь и сейчас! Под этими строками был готов расписаться каждый из нас:

Перемен! – требуют наши сердца.
Перемен! – требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен:
Перемен! Мы ждем перемен!

Как приятно, слушая эти слова сейчас, вспоминать свою молодость, ощущать свою причастность к эпохе перемен! Как горестно осознавать, что и поныне они не утратили своей актуальности. Да, во времена моей юности, как раз тогда, когда "АССА" вышла на экраны огромной страны, мы все, все люди, эту страну населявшие, хотели перемен! И мы их добились! В магазинах теперь полно самых разных продуктов, а никаких очередей нет и в помине. Каждый может купить себе все, что угодно, были бы деньги. Но насытились ли мы? Как часто те, у кого есть деньги, вспоминают о тех, у кого их нет? Разве изобилие не подразумевает равенства? Одежда сейчас просто пестрит яркими красками, одеваются кто как хочет или кто во что горазд. Каждый стремится похвастаться эксклюзивными брендами и подчеркнуть свою индивидуальность! Но стали ли мы людьми действительно свободомыслящими и независимыми? Агитационные плакаты и транспаранты на городских улицах сменили рекламные огни. Они освещают нашу жизнь и днем и ночью. Но сделал этот свет нас добрее? Научились ли мы отличать свет от тьмы, ложь от истины, добро от зла?

Городок N и столицу нашей родины сейчас соединяет современное скоростное шоссе. Но стоит с него свернуть в город, как вы тут же провалитесь в те же ямы российских дорог и в ту же культурную пропасть, которая, возможно, стала еще глубже. Видеосалоны исчезли за ненужностью, кинотеатр закрыли как нерентабельный, только ДК и остался, правда дискотеки в нем давно не проводят...

Сегодня, послушав пластинку и вспомнив фильм, я задал себе вопрос, а возможно ли представить себе мальчика Бананана живущим в наши дни, сумел бы он вписаться в окружающие реалии современного мира? Ответ на этот вопрос я нашел в словах самого мальчика Бананана, в фильме адресованных Алике: "А я вообще не живу жизнью. Жить жизнью грустно: работа – дом – работа – могила. Я живу в заповедном мире моих снов". Возможно, это детская наивность, юношеский максимализм? Но если бы каждый из нас жил по такому принципу, то чем лучше становились бы сами, тем лучше бы становился и мир вокруг нас...

"Сигареты в руках, чай на столе – эта схема проста, и больше нет ничего, все находится в нас..."»

В Алма-Ате тем временем снимается последний эпизод «Иглы», и Цой возвращается в Ленинград.

Рашид Нугманов:

«Финальный эпизод заснеженной аллеи на Тулебайке доснят в январе (Цой остался на Новый год, все ждали крупного снегопада, и где-то числа 8-го он повалил наконец)...

19 января 1988 года в московском Доме Кино – лучшей площадке того периода – состоялась премьера фильма Алексея Учителя «Рок». В связи с премьерой произошел скандал – сам Секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев потребовал удалить из фильма некоторые сцены. Но авторский замысел фильма удалось отстоять благодаря вмешательству журналистов телепрограммы «Взгляд», существенную роль в этой истории сыграл легендарный ведущий Владимир

Мукусев. По воспоминаниям современников, фильм имел оглушительный успех, его посмотрела большая аудитория зрителей.

Самому же Цою, как и многим другим, фильм совершенно не понравился. Несмотря на то что во время съемок фильма режиссер ориентировался на штампы, которые были использованы в фильме «Взломщик», и, по его словам, старался показать рок-музыкантов в их естественной среде, сами музыканты раскритиковали фильм за излишнее пристрастие к классической документальности, отсутствие концертных съемок со зрителями в кадре и вообще за отсутствие рок-культуры.

Виктор Цой:

«Рок» – он какой-то немножко сентиментальный, слюнявый: Гребенщиков с детишками и прочее...

27 января Виктор увольняется из котельной «Камчатка». Уходит, чтобы не вернуться туда никогда. Время борьбы с тунейдством закончилось, и Цой, по его же собственным словам, был рад своему уходу из котельной. Грязная и вонючая, тяжелая работа совершенно не привлекала Виктора.

Виктор Цой:

«Я уже не работаю в кочегарке. И на самом деле я этому, конечно, очень рад. В этом была, конечно, и романтика, и все, что угодно. Это, конечно, очень красиво, музыкант... Но это же ненормально. Это пользы делу не приносит. Гораздо больше пользы будет, если я буду заниматься своим делом, и только им, а не гнуть спину, кидая уголь».

Святослав Задерий:

«С Виктором Цоем мы встретились в 1983 году на I фестивале Ленинградского Рок-клуба, когда "Алиса" и "КИНО" прослушивались вместе. Потом мы работали с ним в котельной "Камчатка", но Цой часто ездил, имел более свободный график и реже там появлялся. Зато хорошо работал. Сейчас его пытаются представить неким романтическим кочегаром, но на самом деле это был лишь образ короткого эпизода его жизни. Если говорить по большому счету, то он, скорее, подбрасывал уголь в топку истории рок-н-ролла. В "Камчатке" же мы все просто имели достаточно свободного времени, чтобы делать свое дело. Цой сказал однажды: "Мне музыкой нужно заниматься, а не уголь кидать!" Так оно и было. А как музыкант добывает себе средства к существованию – это неважно».

В феврале группа «КИНО» в студии «Мосфильма» записывает музыку к фильму «Игла».

17 февраля 1988 года в Ленинграде кончает жизнь самоубийством Александр Башлачев, и Виктор отправляется туда, чтобы принять участие в мемориальных мероприятиях Рок-клуба. Башлачев работал вместе с Цоем в «Камчатке» и был хорошим знакомым Виктора.

Из интервью Виктора Цоя:

«Саша был для меня приятелем. Я к нему очень хорошо относился. Он ко мне очень хорошо относился. Мы не были особенно близкими друзьями, потому что редко встречались. Более-менее редко».

По приезду, 21 февраля, Цой принимает участие в мемориальном концерте Рок-клуба.

Существует мнение, что Цой не хотел ехать на концерт и похороны Башлачева, поскольку нарушался график концертов, но подтверждений этому нет.

Рашид Нугманов:

«Концертов в те дни не было. Была в самом разгаре запись саундтрека к фильму "Игла". Мы как раз работали на студии в "Мосфильме", когда позвонили (кажется, Липницкий, но точно не помню) с просьбой приехать на концерт памяти Башлачева и похороны. Я попросил перезвонить через полчаса, и мы сели с Виктором советоваться. Смены уже были расписаны вперед, и Виктор сначала предложил съездить мне самому, поскольку я дружил с СашБашем, а они бы с "КИНО" продолжили запись и сведение музыки в Москве. Я позвонил Пете Мамонову узнать, едет ли он. Петя сказал, что горе надо переживать в одиночку, а не на сцене Рок-клуба, но потом все-таки выяснилось, что едет. В конце концов решили съездить вдвоем с Виктором на один день, такой ответ дали где-то через полчаса. В Питер отправились в одном вагоне с Петром, Артемом Троицким и еще кем-то из московской тусовки, а остальные музыканты группы "КИНО" и Андрей Сигле остались работать на "Мосфильме". После концерта мы с Виктором вернулись в Москву, на похороны уже не могли остаться».

Артем Липатов:

«Я стоял на Ленинградском вокзале у тамбура, было холодно, мы лезли в вагон, чтобы ехать в Питер прощаться с Башлачевым. Цой стоял у соседнего вагона в лихой волчьей шубе, а рядом с ним стоял Рыженко, и подойти к ним было невозможно, потому что понятно было, что у них не наше горе, а свое. Они были там, куда нам не попасть. Цой уже был звезда...»

Незадолго до смерти Александр Башлачев дал согласие на участие в съемке дипломной картины Александра Бурцева «Город». В фильме есть эпизод, где в компанию питерских художников, куда попадает главный герой, приходит музыкант и поет свою новую песню. Его должен был играть Александр Башлачев. Авторами сценария фильма были Владимир Шинкарев и Виктор Тихомиров, известные художники-митьки. Но Башлачев на съемку не пришел. Не пришел потому, что погиб именно в день начала съемок...

И вот Александр Бурцев по совету Бориса Гребенщикова предлагает Виктору Цою сняться вместо Александра. Цой соглашается, и режиссеру удастся быстро и качественно отснять нужный материал. В кадре Виктор исполняет под гитару песню «Легенда». Премьера фильма «Город» состоялась 8 июля 1988 года. Чуть позже изначально запланированный режиссером сорокаминутный фильм было разрешено доснять до прокатного варианта, и примерно через год режиссер вновь обратился к Виктору с просьбой переснять сцену с песней, но, по воспоминаниям Виктора Тихомирова, администратором «КИНО» уже стал Юрий Айзеншпис, был расписан плотный гастрольный график, и Виктор попросту не смог оторваться от дел, а в августе 1990 года Виктора не стало. В итоге в фильме «Город» снялся Юрий Шевчук. С ним и вышел в 1990 году законченный прокатный вариант фильма.

Дмитрий Шагин:

«"Город" – дипломная работа режиссера Александра Бурцева. Ее толком никто не видел, а ведь именно там, в первом варианте, замечательно отыграл Цой. Фильм абсолютно митьковский. И я там есть, и все братки наши, а снят он по сценарию митьков – Вити Тихомирова и Володи Шинкарева. Потом Бурцев решил фильм доснять-переснять, чтобы можно было его показывать. Короче, сделать его цивильным. Или, как сейчас говорят, форматным. Пока он готовился, Цой переехал в Москву и им уже командовал продюсер Айзеншпис, который сказал, что сниматься с какими-то там митьками – запахло. И запретил ему. Цой у митьков».

Хотя я считаю, что это очень ценная съемка. В мастерской у Тихомирова Цой играет на довольно расстроенной гитаре Дюши Романова (флейтист группы "Аквариум"). Живой звук. Цой поет, мы слушаем... Это ведь документ! Именно такого Цоя я помню, когда он приходил к нам, когда я приходил к нему на "Камчатку". Всю эту историю нельзя привести в причесанный

вид, она теряет тогда саму свою суть. С этим фильмом была трагическая история. В центральной сцене должен был сниматься Саша Башлачев. Уже сняли, как он входит в мастерскую, где уже сидит вся наша компания. Все такие: "О, Саша, привет!" И все. Больше не сняли. А вскоре Башлачев погиб. Вместо него на эту сцену позвали Цоя. Сюр такой мрачный вышел. Входил в мастерскую Саша... а вошел Витя, и ему тоже осталось недолго жить. В окончательной версии эту роль играет Шевчук. Который жив, слава богу».

В начале марта Виктор вместе с Марьяной по приглашению Марка Шлямовича едет в Таллин, где дает несколько акустических концертов в Малом зале Горхолла, один из которых можно услышать благодаря записи, сделанной звукооператором Горхолла Борисом Тышечко.

По воспоминаниям Марка Шлямовича, на один из концертов он пригласил в Горхолл журналистку газеты «Молодежь Эстонии» Эллу Аграновскую, которая после концерта взяла у Виктора небольшое интервью. Оно было опубликовано в газете, а затем вошло в книгу «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы», написанную Александром Житинским в соавторстве с Марьяной Цой. Фотограф Николай Шарубин по просьбе Эллы сделал несколько удачных кадров, которые сегодня можно увидеть и почувствовать атмосферу тех дней.

Элла Аграновская:

«Я была всего лишь на одном концерте – в малом зале Горхолла – Виктор выступал без группы, аккомпанируя себе на гитаре. Тогда же мы и записали интервью. И довольно долго болтали с ним и с Марьяной – они приезжали тогда в Таллин вдвоем. Примерно года за два (а может, и три) до этой встречи Виктор с Курёхиным приходили ко мне в редакцию. Зачем – мы с Цоем так и не вспомнили. Но оба помнили, что было страшно весело...»

Планам Марка Шлямовича о будущих концертах «КИНО» в Таллине не суждено было сбыться. 16 ноября Верховный Совет Эстонской ССР провозгласил суверенитет Эстонии, верховенство законов республики над союзными законами. Начались митинги и противостояния, едва не дошедшие до вооруженных столкновений...

16 марта Цой дает акустический концерт в Москве в ДК МЭЛЗ, а чуть позже «КИНО» в полном расширенном составе принимает участие в арт-рок-параде «АССА», в рамках премьеры фильма «АССА», который проходит с 25 марта по 17 апреля 1988 года в ДК МЭЛЗ. Расширенный состав группы подразумевал наличие Игоря Борисова, Андрея Крисанова, Сергея Бугаева и других музыкантов, эпизодически помогавших «КИНО» на концертах.

25 марта 1988 года в газете «Московский комсомолец» вышла статья журналиста Евгения Додолева «Начальник Камчатки», посвященная Виктору Цою и группе «КИНО». Выход статьи совпал с началом электрических выступлений «КИНО» на арт-рок-параде.

Это была первая, по большому счету, в неподпольной прессе статья о группе «КИНО». Статья была опубликована на «Звуковой дорожке» МК, и ее выход вызвал волну фанатского недовольства. Но об этом я расскажу чуть ниже...

По воспоминаниям музыкантов «КИНО», Цой ждал группу в Москве, поскольку поехал туда раньше. «Киношники» же, по причине какой-то проблемы с билетами, решили поехать в Москву на машине, для чего «подписали» какого-то приятеля на обычном «жигуленке». Как впоследствии вспоминали «киношники», дорога прошла не без приключений, и когда наконец машина подъехала к ДК МЭЛЗ, то сидевший на ступеньках Цой (критически окинув взглядом приехавших музыкантов) произнес улыбаясь: «Дети подземелья...»

Сергей Соловьев:

«На открытии арт-рок-парада должна была выступать группа "КИНО". Зал сидит, уже время начинать. Я бегаю, нервничаю, уже время начинать, хватаюсь за сердце, пью какие-то

таблетки. Прошел слух, что барабанщик "КИНО" что-то там сделал, его забрала милиция и все срывается. Я бегу за кулисы, нахожу там Цоя и говорю ему: "Витя, так нельзя, ведь все срывается!". А Цой так спокойно курит и говорит мне: "Да Вы не беспокойтесь, это же часть шоу. Сейчас публика разогреется и мы начнем". Вот так и началось».

Как вспоминал **Игорь Борисов**, эта серия московских концертов прошла относительно спокойно, хоть иногда и происходили аппаратные сбои. Недостаточно совершенная техника, непрофессиональный к ней подход были неотъемлемой частью концертов того времени, это раздражало Цоя и музыкантов. И все-таки артисты всегда находили поводы для шуток.

Евгений Гапеев:

«Арт-рок-парад "АССА" начался 25 марта 1988 и длился три недели. Каждый вечер перед премьерным показом фильма были концерты. Вот те, кто запомнился: "Звуки Му", "Вежливый отказ", "Аквариум", Сергей Рыженко (в фильме именно он играет на скрипке и поет "Козлодоева", "Иду на ты", "Мочалкин блюз"), "КИНО", "Калинов мост", "Браво". Еще в ДК МЭЛЗ помню комнату, на полу которой лежал портрет Брежнева, и когда в фильме молодые проходили мимо портрета генсека, в зале раздавался хохот и свист».

Сергей Возчиков:

«Окромя "КИНО", которое концерт-съемку завершало двукратным исполнением под фонограмму будущего хита "Перемен!", на сцене развлекался "Вежливый отказ" и показывал чудеса эквилибристики Петр Мамонов...

Собственно, эта кинопремьера перевернула мою жизнь! Учился я себе на инженера-радиоконструктора оборонки в полузакрытом МИЭМ, даже не мечтая когда-нибудь попасть на телевидение, как мой отец, или на радио, как мама. После армии вошел в рок-тусовку Москвы и Питера вместе со своим верным "Зенитом" и то катушечными, то кассетными магнитофонами. Побывал практически на всех рок-концертах Москвы и нескольких фестивалях Ленинградского Рок-клуба, даже принял участие в организации и провел Рок-панораму МИЭМ...

Поскольку я довольно давно тусил в ДК МЭЛЗ с фотоаппаратом, снимая для разных андеграундных журналов, меня подрядили заснять АРТ-РОК ПАРАД и все вокруг него, с прицелом на выпуск рекламного постера к премьерному туру "АССЫ" по СССР. Я фотографировал съемки финальной сцены фильма "АССА" в Зеленом театре и весь арт-рок-парад в ДК МЭЛЗ в апреле 1988 года – группы, выставка, пресс-конференции. Работали через серьезную фирму – «СоюзИнформКино», мои негативы отсматривали настоящие бильд-редакторы Яна и Ванда под увеличительным стеклом – и чудо произошло! Три мои фотографии попали на плакат, а еще несколько были также выкуплены для Сергея Соловьева и позднее вошли в книгу Бориса Барабанова «АССА: книга перемен», правда уже в этом веке. Я получил первый в своей жизни гонорар и поверил в свои силы!»

20 апреля Виктора приглашают выступить в 344-й средней школе Ленинграда, где он дает акустический концерт и отвечает на записки из зала.

Алексей Щербатых:

«Уже начал забывать, но, по-моему, это был конец апреля 1988 года. Кто-то у нас в параллельном классе каким-то образом контактил с Рок-клубом, и ему чудесным образом удалось договориться с администрацией школы и провести вот такие творческие вечера в нашей школе (№ 344 физико-математическая). После Цоя к нам через некоторое время приезжал Кинчев. В общем, фантастика. Цой вроде бы, как говорили, приехал только что со съемок "Иглы". Он про это немного упомянул во время выступления. Был он, по-моему, в той же куртке и кроссовках,

что и в фильме. Аудиозапись этого вечера, если поискать, тоже можно найти в недрах Интернета. Было почему-то очень весело, ответы на записки были самым интересным элементом вечера. Очень подкупало, что Виктор обращался к нам, еще школьникам, как к своим друзьям, и всем желающим оставил автографы...»

25 апреля 1988 года Виктор Цой выступает в ленинградском ДК Железнодорожников, а 17–18 мая 1988 – в ЛДМ с серией концертов под названием «На новой волне». Фотокор газеты «Рокси» Елена Константинова сделала серию прекрасных снимков, а Влад Пискунов даже снял небольшой видеофрагмент. Записи тех выступлений сохранились, их можно послушать и увидеть.

В мае 1988 года путь Цоя лежит в город Воронеж.

Новость о том, что лидер «КИНО» даст в Воронеже два сольных акустических концерта, стала для местных любителей рока настоящей сенсацией. В то время в городе второй год работал Рок-клуб, и его члены жаждали пообщаться с кумиром. Решено было устроить общение фанатов с Цоем в стенах ДК ТЭЦ-1, что возле ВоГРЭСа. Толпа желающих два дня напролет дежурила у его дверей.

В первый день «группа захвата», состоящая из активистов клуба, предстала перед жаждущими ни с чем – выяснилось, что после концерта Цоя в буквальном смысле занесли в номер гостиницы «Брно».

На второй день воронежские музыканты подсутились с раннего утра, выудили полусонного Цоя из его апартаментов, отвезли к кому-то в квартиру и стали приводить его в чувство. Сварили ему пельменей, налили горячительного. Когда Виктор немного ожил, «реаниматоры» затащили его в ТЭЦ-1.

«Помню, Виктор сел за стол... Все молчат. Видимо, до последнего не веря, что увидят живого Цоя, растерялись, – вспоминает свидетель тех событий, лидер группы "Молотов коктейль" Стас Юхно. – Потом пошли вопросы из разряда "Вить, ну что там у тебя вообще как?" Он: "Да ничего, нормально все вообще вроде..." Я спросил, был ли он членом ВЛКСМ. Зачем – сам не пойму. Он, кстати, ответил, что комсомольцем не был». Потом гостя стали просить спеть. Цой поначалу отказывался: «Ребят, да устал я!» А потом кто-то принес гитару, и он все-таки спел пару песен. Вскоре стало понятно, что пора общение заканчивать, потому что фанаты уже были готовы порвать его на сувениры. Одна девушка, например, откромсала у своего кумира прядь волос. Музыкант и журналист Альберт Попов, один из активных участников всего действия, потом рассказывал, что после общения с фанатами знаменитость пригласили, как сейчас бы сказали, на «афтерпати»: «Его проводили в клубную каморку, где в ход пошли чекушки и многочисленные трехлитровые банки с пивом». А перед тем как попрощаться и отпустить Виктора на концерт, до которого, кстати, оставался примерно час, воронежские музыканты сфотографировали его на память у стены клуба. Кстати, на снимке, если присмотреться, видна брешь на месте той самой свежееотрезанной пряди волос на челке.

Выступал Цой в мае в ДК «Электроника», который, разумеется, был набит битком. «Все желающие попасть на концерт просто не умещались в трамваи, которые шли до "Электроники", – вспоминает очевидец тех событий. – Фанаты висели на поручнях гроздьями, а вагонновожатая постоянно говорила в микрофон: "Пожалуйста, держитесь крепче, пожалуйста, не вывалитесь!". На концертах Виктор Цой был немногословен. В ответ на оглушительные визги и крики фанов после каждой композиции произносил краткое "спасибо" и пару раз анонсировал новые песни – на тот момент это были "Пачка сигарет" и "Невеселая песня". Полуторачасового концерта в режиме нон-стоп многим поклонникам Цоя показалось мало. "Виктор, спой еще! Да здравствует 'КИНО'!" – кричали они. "Ребята, спасибо, извините, но это уже действительно невозможно!" – усталым голосом сказал музыкант перед тем как попрощаться.

P.S. А еще нам удалось узнать, что лидер группы «КИНО», возможно, приезжал в Воронеж не раз. По некоторым неподтвержденным сведениям, в начале 80-х он приезжал в Воронеж в гости к своему другу, который жил где-то на Московском проспекте. Приятели, как водится, распивали беленькую. Друг Цоя сохранил этикетку от той бутылки. Она, как реликвия, долго висела у него на стене...»

«Шел 1988 год, второй год работы Воронежского городского Рок-клуба. Нарботали мы всего интересного и музыкального навалом: и рок-фестивали, и встречи со звездами, и концерты... А тут новость, как летчик Громов среди ясного неба, – в ДК "Электроника" пройдут два сольных акустических концерта Виктора Цоя! Активисты стали хватать клубное руководство за грудки: "Почему не мы его привозим, а... кто? Давайте, тащите Витю в клуб, хотя бы на пресс-конференцию"...»

Последнего героя ангажировал лучший врач Городского молодежного центра (нашей "крыши") Лева Трахтенберг (ныне трудится в Земле обетованной). Ничего, Лева, будет и нам клево! И совет клуба принимает постановление: Цоя добыть любой ценой и отконвоировать в ДК ТЭЦ-1 (ВоГРЭС), где мы тогда обитали. Группу захвата возглавил достойный наследник Отто Скорцени – Саша Кочерга по прозвищу Ухват. В спецназ вошли и отборные бойцы левобережных окрестностей.

День первый, точнее вечер. Все кусты вокруг ДК заняты музыкантами и тусовщиками, нервно курящими и поглаживающими драгоценные банки с разливным пивом. Время идет. Пиво нагревается. Цоя нет. Что за дела? Концерт давно должен был закончиться. Ждем дальше. Банки пустеют на треть. Условный сигнал не поступает. На улице почти темно. Звоним в гостиницу "Брно", на Витин этаж. "Где же Цой?", – спрашиваем. "Вы знаете, – смущенно отвечает этажерка (простите, консьержка), – его только что в номер... занесли". Облом, однако!

Но Рок-клубовцы, подобно Суворову, никогда не отступали. Принимается новое решение. Тусовке говорится, чтобы была здесь как штык завтра примерно к часу-двум дня.

День второй, в районе полдня. Я и еще пара-тройка членов совета Рок-клуба с утра засели на конспиративной квартире (была у нас такая, недалеко от клуба; в нее селили гостей-музыкантов). Туда-то и привезли бледного и отрешенного Цоя, посадили за стол:

- Витя, кушать хочешь? Сейчас мы тебе пельмешков сообразим.
- Вить, а Вить, что будешь пить? Пивка, водочки?
- Угу...

Вскоре уже задышали паром аппетитные пельмени, зазвякали рюмки и кружки. Цой понемногу ожил, лицо приобрело естественный корейский цвет. "Они посидели еще, потом еще..." Все, пора за дело.

Клуб встретил нас аншлагом (вход-то свободный). Забрались мы с Витей на сцену и давай играть в пресс-конференцию. До сих пор так и не пойму, кто кого больше мучил: я его – вопросами или он меня – ответами. Цой вообще немногословным был, а тут еще "после вчерашнего". Отвечал он в основном односложно, в лучшем случае выдавал пару-тройку предложений длиной с заячий хвост. Но все остались довольны беседой, кроме меня, конечно. Звезду проводили в клубную каморку, где в ход пошли чекушки (надо же горло после прессухи промочить!). Потом, наконец, был открыт всенародный доступ к телу. На свет появились новые пивные банки. (Это же тогда счастьем для тусовщика было: задринчать с Кинчевым или Цоем и всем трезвонить.) Бедный Витя не отказывал никому и закидывал голову с янтарной трехлитровкой. Во время одного из таких закидонов к нему незаметно подкрались коварные девчонки и под шумок отстригли у него сзади с правой стороны клок волос (рассказывали, что потом они разложили волосы Цоя по пустым спичечным коробкам и показывали навроде святых мощей).

Но хватит пить, давай петь! Подсуетился тогдашний активист Рок-клуба, а теперь известный журналист Виктор Найхин, протянувший тезке гитару начинающей группы "Молотов коктейль":

– Витя, вот гитару специально под тебя настроили, спой, сделай милость.

Цой был приятно удивлен такой предусмотрительностью, присел на край сцены и исполнил абсолютно новую композицию (жаль, сейчас уже не помню какую). Отлично, но цигель-цигель, ай-лю-лю! До начала концерта меньше часа, и можно представить, что там творилось: артист пропал! Мобильники же тогда ни у кого не водились...

На прощание ослотившего Витю по традиции сфоткали у клубной стены (обрез волос заметен на снимке). Коммандос Ухвата из-под земли достали три (!) таксомотора, и кортеж с Цоем рванул в сторону ДК "Электроника". Следом и мы подтянулись. Билетов не было, охрана бдила неустанно. Как же проникнуть на заветное шоу? Мне, к счастью, помогло удостоверение корреспондента "Молодого коммунара". А солист нашей группы "Декрет о мире" Игорь Баранников (ныне ветеран чеченских войн, работает в автосервисе) решил сблефовать. Носил он большой значок с Цоем, да и внешность имел схожую. Охранник ему: "Стой, кто идет?" – "Свои. Что, к родному брату на концерт не пускаете? Да я ему сейчас скажу..." Придверный служитель уставился на знак, на Игорька: гм, похоже на правду. И пропустил афериста. С тех пор его в клубе так и звали Цоем.

Между тем Цой-оригинал завалился на диван в гримерке, подремал с полчаса и выдал на-гора полуторачасовой концерт, без болтовни и антракта. Вот так в былое время жили и работали настоящие рокеры!»

Вячеслав Петров, активист воронежского Рок-клуба:

«В конце 80-х годов Воронеж был популярной гастрольной точкой российских рок-исполнителей. "Машина времени", "Наутилус Помпилиус", "Аквариум", "Звуки Му" и "Зоопарк" собирали здесь полные залы. Однако два сольных выступления Виктора Цоя в мае 1988 года все равно стоят в этом ряду особняком. Рокер приехал в столицу Черноземья на пике популярности – в том году вышел альбом "Группа крови", а большую часть его хитов страна знала еще до официального релиза. Однако информации о концертах Цоя на улицах города почти не было. Только огромная афиша на филармонии с изображением Цоя стала для города настоящим поп-арт-объектом, ее даже пытались несколько раз украсть. Забавно сейчас это слышать, но больше никакой рекламы не было.

Первый концерт Виктора Цоя в Воронеже организовывал не Рок-клуб, энтузиасты которого не пытались заработать на гастролях исполнителей, а лишь познакомили воронежцев с лучшими рок-командами страны. Виктора Цоя привез в Воронеж Лев Трахтенберг, который создал кооператив "Рандеву", рассчитывая заработать на гастролях популярного рокера. Концерт лидера группы "КИНО" был первым событием, организованным "Рандеву". Люди об этом кооперативе ничего еще не знали, и ажиотаж от нехватки информации только разрастался. В прессе, к примеру, было только одно упоминание Цоя в "Молодом коммунаре". Больше никто о приезде певца не писал.

Узнав об успехе "Рандеву" в Рок-клубе решили выжать максимум из сложившейся ситуации. Активисты клуба задумали перехватить Цоя после первого концерта и привести на свою территорию. Но ожидание возле ДК "Электроника" закончилось ничем: после выступления исполнитель отмечал приезд с организаторами концерта...

Мы поняли, что у нас остается лишь один шанс – устроить встречу с Цоем днем перед вторым концертом. У нас в компании был парень Саша Кочерга по прозвищу "Ухват". Он однажды похвастал, что познакомился с Цоем на одном из московских концертов. И несмотря на то, что верили Саше не все, ему сказали: "Раз ты его знаешь, ты и иди". Операция увенчалась успехом – спустя некоторое время Цой уже сидел в квартире недалеко от ДК Кирова. Тогда все было проще: никаких переговоров об эксклюзивном интервью, пресс-конференций. Один кооператив организовал концерт, а парни из Рок-клуба, по сути, пришли, постучали в дверь и попросили пойти за ними на встречу с фанатами. И Цой пошел. Некоторых с той посиделки

я больше не видел ни разу... Цой после вечерней попойки был не в самой лучшей форме. Разговаривал очень неохотно... Виктор вел себя очень вежливо, скромно. Никакого звездняка – пиво со всеми пил из одной трехлитровой банки. Но раскрываться не спешил. Чуть позже вся компания отправилась в ДК ТЭЦ-1, где тогда располагался воронежский Рок-клуб. Удивительно, но за время пути в клуб никто не узнал популярного певца. До концерта оставалось не больше часа, а организаторы концерта не знали, где исполнитель. Когда Цой приехал в ДК "Электроника", он устроился подремать в одном из подсобных помещений. А потом вышел и сыграл так, как мало кто может. Больше часа он пел без передышки, практически не делая пауз между песнями. С ревущим залом почти не говорил. Выкладывался на полную катушку, играл и пел изо всех сил. Выдающийся был концерт. Переполненная "Электроника" не смогла вместить всех желающих. Воронежцев не смутили даже цены на билеты: как говорят очевидцы, посещение одного концерта Цоя стоило шесть рублей, в то время как средняя стоимость билетов на подобные мероприятия не превышала трех. Тогда не было осознания, что это какое-то историческое событие. Да, ажиотаж, да, отличный концерт популярнейшего исполнителя. Но мы не знали, что Цой сюда уже никогда не вернется...»

Андрей Шустов, музыкант группы «Меню»:

«В квартире, где легендарный рокер приходил в себя с похмелья, было около десяти человек. Как собралась та компания, никто из участников тех событий уже не помнит. На квартире я оказался совершенно случайно. Никто меня заранее не приглашал... Помню, все ходят по квартире, пиво потягивают. А я подхожу к Цою и спрашиваю о строчке из песни "Бошетунмай": "А про что это – 'а из наших труб идет необычный дым'?" А он улыбнулся: "Это про траву. Только тс-с!" Беседа не вышла интересной. Цой был с похмелья, а воронежцы растерялись при виде знаменитости. "Вить, ты как там?" – "Да все нормально" – вот такой выходил диалог. Еле уговорили его спеть. Ему дали гитару Стаса Юхно, который тогда только начинал со своим "Молотовым коктейлем". Тот, кстати, впоследствии продал гитару за бешеные деньги – ведь на ней сам Цой исполнил "Группу крови". А после песни уже начались возлияния. Фанаты приносили с пивом и водкой, думая: "Да я сейчас с Цоем выпью!" А ему-то еще потом предстояло концерт отыграть. Когда фанатки откромсали Цою клочок волос на память, все поняли, что пора сворачивать эту встречу. Помню, мы выходим, а я отсекаю певца от толпы поклонников, пихаю его на заднее сиденье автомобиля и сам падаю рядом.

Даже на улице было много людей – они слушали динамик, который транслировал звучащее в зале. Некоторые даже пытались записать это на свои магнитофоны. А одна девушка стояла, плакала и просила милиционеров, которые не пускали безбилетников: "Пожалуйста, ребята, дайте пройти!" Те отказались. Она упала в истерику на колени: "Пустите!" Милиционеры были непреклонны...»

* * *

30–31 мая 1988 года Виктор Цой посетил с концертом Тверь (тогдашний Калинин). Вот-вот должно было наступить лето. Бушующий вокруг дух перестройки привел к тому, что рока в Калининне почти перестали пугаться. Теперь «его величеству» отдали не забытый богом КСМ, а расположенный в самом центре города Дворец спорта. Места здесь были стоячие, аппарат и звук получше, а невысокая сцена позволяла наиболее горячим фанам чуть ли не касаться руками своих богов. Весенний застой был нарушен разношерстным сейшеном «трех городов». Тверь представлял «Мета-Центр», за Москву выступал блеваторский «Пижон и К°», за Ленинград – Цой. Если верить афишам, Цой должен был выступать в этот день в страшно-мажорской «солянке» в Москве, во Дворце спорта «Динамо». Но в век скоростей расстояние между двумя Дворцами спорта можно вполне преодолеть за два часа, даже если эти дворцы находятся в раз-

ных городах. Как бы там ни было, факт остается фактом: в 22.00 Цой показался на сцене и под неистовый девичий визг выдал акустический вариант «Группы крови»...

По воспоминаниям участников тех событий, посетивших концерт, в Калинин в те годы существовал некий Рок-клуб – весьма раздолбайская организация, состоящая из людей, мечтающих заработать хоть на чем-нибудь. Они там друг друга кидали на деньги и ссорились. Само выступление Цоя (Виктор был один) происходило во Дворце спорта «Юбилейный» (наб. Краснофлотцев, 3), в помещении дискотеки «Здрасьте». Организатором концерта выступил Андрей «Сэм» Самойлов, известный в то время организатор подобных мероприятий.

Андрей Самойлов, музыкальный менеджер:

«1988 год. Я приглашаю в Тверь группы "Нате!", "Игры". Мы перештамповали 50-копеечные дискотечные билеты на 2.50. И на последнем концерте группы "Игры" меня взяли обэхаэсэсники за одно место. Тогда мне вписали порядка шести тысяч долга, дали мне неделю. Мошенничество в особо крупных размерах. До 12 лет мне грозило. В то время найти такие деньги было просто невозможно. Я понимал, что это или тюрьма, или как бы... Я позвонил Цою, говорю: "Витя, так и так, такая ситуация". Я просто попросил приехать, спеть концерт, а деньги отдать мне. Он спросил: "Когда я должен приехать? Могу приехать завтра". Я говорю: "Я не успею напечатать афиши и продать билеты". Он говорит: "Давай послезавтра". Я побежал в типографию, напечатал афиши, всю ночь мы их по городу клеили. Утром вышли в магазин, продали полторы тысячи билетов. Мы стояли вдвоем с парнем, продавали эти билеты... Народ выстроился. Потом пришли менты, сказали: "Все, больше билеты продавать нельзя, иначе потолок рухнет". Вот так. Нам запретили продавать больше, потому что боялись, что концерт будет на втором этаже Дворца спорта. Цой приехал, за полтора часа спел акустику, отдал мне все деньги, я пришел с ними в ОБХСС и остался на свободе...»

Сергей Паршиков:

«30 мая 1988 года на перроне тогда еще Калининского вокзала мы с нетерпением ожидали прибытие ленинградского дневного поезда. Был Андрей Самойлов, моя сестра Юлия с букетом роз, несколько знакомых ребят и я. Из подошедшего поезда вывалилась достаточно большая толпа, но мы высматривали в ней лишь одного человека... И о чудо! Спокойно, не спеша, как обычно весь в черном, с гитарой в кофре подходит ОН. Немного мрачноват, задумчив, но его лицо мгновенно изменилось после первых приветствий и подаренного Юлей букета. Человек просто заулыбался, смущенно повернул голову и по-своему, чисто по-цоевски, сказал: "Спасибо!"

Перед Цоем первыми выступили две группы – одна местная, одна московская, названий которых я совершенно не помню. Помню только, что верхнее фойе Дворца спорта было забито людьми и примерно тысячи полторы зрителей дружно скандировали: "Цоя! Цоя!"

И вот наконец с гитарой наперевес на сцену под нескончаемые аплодисменты и вопли восторга выбежал Виктор. И сразу же начал петь, а зал начал подпевать ему... Выступление было недолгим, около часа. Стояла совершенно не майская жара, Витя пел без перерыва, и когда он, под гром оваций, сошел со сцены – я увидел его мокрым с головы до ног. Я сделал Цою хитрое предложение поменяться с ним футболками (благо моя тоже была черной), но Цой вежливо отказался...

После концерта Сэм, распутивший слух, что Цой сейчас уезжает обратно в Питер, по секрету сообщил мне, что он забронировал для Виктора номер-полулюкс в гостинице "Волга", куда он приглашает и меня пообщаться с Цоем, так сказать, в дружеской обстановке. Без особых приключений мы добрались до гостиницы, где нас ждал роскошный ужин, заказанный в номер Сэмом. Сидели мы тогда очень долго и оживленно беседовали. Речь шла и о прошедшем

концерте, и о дальнейших планах Цоя, о Ленинградском Рок-клубе... А на следующий день мы с Сэмом показывали Виктору Калинину...»

Георгий Гурьянов:

«В то время Виктор часто ездил по стране с Каспаряном. Он ездил зарабатывать деньги. «Квартирники» все эти... КСП, песни под гитару... Ради бога. Я всегда ненавидел песни под гитару и вообще все это ПТУ. И моей главной задачей было вытащить Виктора из контекста самодельной песни. Это же как формат не существовало в принципе. Но они ездили, да... немного. Это совершенно не приветствовалось, я ничего об этом не знаю. Мне до сих пор это неприятно, я всегда выключаю, когда где-то это слышу».

К началу августа 1988 года группа «КИНО» отправляется на гастроли в Крым. Их ждут Алушта и Евпатория.

Ирина Легкодух, киносценаристка:

«Алушта. Отель "Алушта". Группа "КИНО" в нее селится, только что из аэропорта. И тут вдруг выясняется, что номера, заранее оплаченные и забронированные, отсутствуют. Ну, вот отсутствуют, и все. И бронь такая не находится. Ее еще утром проверяли, и было все в порядке. Представляете? Люди с чемоданами, с дороги, у них завтра и послезавтра два концерта. Причем это ведь не просто люди какие-то посторонние – это друзья, Витя Цой, Титов с женой, которые по моему приглашению приехали и под мое личное обещание, что будет все в порядке. Август. Крым. Все переполнено, найти никакие другие номера или жилье хорошее невозможно. Холл гостиницы, чемоданы грудой, инструменты, люди. Куда мне их девать? В общем – п...ц полный. Ситуацию спас именно Витя. Он очень убедительно сказал администраторше, что дает ей ровно пятнадцать минут. "После этого, – сказал он, – я уйду. Но придут мои фаны и разнесут вашу гостишку вдребезги". Это был, конечно, полный блеф – никаких толп фанатов и популярности такой в то время у него еще не было. Но тетка перепугалась – чем черт не шутит? – куда-то позвонила, и бронь наша на номера волшебным образом почему-то нашлась. Наши крымские фестивали и концерты – они да, как оказалось, резко изменили ситуацию в стране и изменили отношение этих артистов к самим себе. Но как это происходило и чего это стоило... Мне хватило жизненного опыта – этого кошмара, и ответственности, и всех накладок за два крымских фестиваля – на всю оставшуюся жизнь, чтоб далее шараться от этой деятельности. Крымские фестивали вывели рок из темного угла, все заговорили во весь голос. Это так. Так оказалось, так получилось. Нарочно. И я этим занималась в тот момент и придумала это, хоть я и не рок-человек и не шоумен, и я этим горжусь. Но говорить, что Цой, начиная с этого момента, кончился... По-моему, наоборот, в определенном смысле начался, причем не только Цой».

По многочисленным воспоминаниям, сами концерты (именно в Алуште) проходили 11–12 августа, на летней площадке Приморского театра под открытым небом, по-«совковому» именовавшейся «Курзал» (Курортный зал). Мамонов, выступавший после «КИНО», просто взорвал публику словами: «Сегодняшний наш концерт проходит в "Курзале". Так что те, у кого есть, могут сделать косячок и закурить...»

Концерты были в полурасслабленной обстановке, пока выступала одна группа, музыканты других просто шарались в толпе публики. Цоя при желании можно было потрогать за рукав и спросить: «Витян, ну как тебе Крым?» – что, собственно, и пытались проделывать местные фаны.

Из воспоминаний поклонников «КИНО»:

«Я был на этом концерте!!! На этом фестивале был Гарик Сукачев с "Бригадой С", "Звуки Му". Записывал на кассетник вживую...»

* * *

«Да, весело было. "КИНО" запомнилось разницей звука. Между тем, к которому мы привыкли, в записанном виде и живым звуком. В то время это был прорыв! Сукачев со своей непосредственностью... Тогда это казалось круто: снять носки, засунуть их в ширинку, набрать в рот воды и оросить зрителей... Старшее поколение с возмущением выбегало из зала, а молодежи нравилось. Запомнился Сергей Галанин, тогда еще в "Бригаде С". Вот как-то так...»

«А еще там "Алиса" выступала, с Константином Кинчевым. Была на их концерте, любимая группа на то время из русского рока... Многих, конечно, этот рок-фестиваль шокировал, молодежь пыталась танцевать под сценой, но милиция отгоняла весьма жестко – запрещено было такое "несоветское" поведение».

* * *

«Рок-фестиваль помню отчетливо. Проходил в курзале несколько дней. Каждый вечер, если мне не изменяет память, был концерт и выступала определённая группа. Я попал на "Поп-Механику" и "КИНО". Про "Поп-Механику" я вообще ничего не слышал, а о "КИНО" имел лёгкое представление. Механика меня особо тогда не впечатлила, запомнился солист, который во время выступления в прямом смысле пытался изнасиловать рояль то снизу, то сверху. Они были странными... так и говорили, представляясь, что познакомились в дурдоме. А вот "КИНО" и Цой с тех пор всегда со мной. А песня "Пачка сигарет" даже сейчас есть в сборнике на мобильном телефоне».

* * *

В Евпатории группа «КИНО» сталкивается с Сергеем Пенкиным, тогда еще малоизвестным артистом.

Сергей Пенкин, певец:

«Мне страшно тогда было, мандраж. Я же еще начинающим был, не знал, кто на концерт придет. Я говорю: "Не буду выступать". А Витя в ответ: "Все будет хорошо!"»

Георгий Гурьянов:

«Концерт в Евпатории, наверное, стал таким началом больших, стадионных выступлений. Помню, как Сергей Пенкин, с которым мы там познакомились, бегал по коридору и визгливо кричал: "Бл...ь, где моя косметичка?" Очень нас повеселил».

Сам Пенкин в одной из телевизионных передач рассказывал, как Цой с Наташей Разлоговой помогали ему пришивать блески к сценическому костюму. Пенкин выступал на одной сцене с «КИНО», а после выступления даже тусовался вместе с группой за кулисами. По воспоминаниям «киношников» и Натальи Разлоговой, он и правда был весь в блесках, очень волновался, смешно матерился и уморительно изображал экзальтированную барышню, которая все время что-то теряет. Но то, что Цой помогал ему пришивать блески к костюму, конечно же, простительный художественный вымысел...

Кстати, по мнению музыкантов «КИНО», песню «Малыш» Цой написал по следам той встречи с Пенкиным. «Малыш» – это юмористическая песня, и Цоя очень развлекало, что ее можно трактовать как угодно в силу лингвистической двусмысленности ее текста. Сегодня «киношников» очень смешат споры о том, кому именно она посвящена, потому что это чистой воды шутка, а вовсе не лирика.

Теплое, теплое море,
Жаркое солнце,
Синие, синие волны
И пустынный пляж.
Музыка рядом со мною,
Ты рядом со мною
И весь этот берег наш!

Когда я вижу, как ты танцуешь,
Малыш, ты меня волнуешь!
Когда ты смотришь так серьезно,
Малыш, я тебя люблю!
Когда ты робко меня целуешь,
Малыш, ты меня волнуешь!
Но не могу, не могу,
Извини, не могу.

Юрий Каспарян:

«Конечно, помню. Вообще, ”малыш“ – это было словечко Пенкина, насколько я помню, и мы над ним, так сказать, потешались всем коллективом. Я думаю, что эта песня вполне могла бы стать песней для Пенкина. С Пенкиным мы действительно как-то пересеклись, он пытался с нами дружить, он очень милый человек...»

Георгий Гурьянов:

«Мало кто знает, что ”Малыш“ – это песня для Пенкина, да. Я как-то в Интернете видел форум, где люди спорят, обсуждают, кому она посвящена. И там у них три варианта. Первый – жене, второй – любовнице и третий – сыну... Но люди просто не знают истории...»

Андрей Самойлов:

«Второй рок-фестиваль в Крыму, в Алуште, когда ”КИНО“ выступало вторым, после Курёхина, после ”Поп-Механики“. На Курёхина ехали люди со всей страны – электричками ехали в Крым. Сложно было, потому что были панки, хиппи, металлисты, чистые рокеры. И вся эта компания, приехавшая в маленький город Алушту... Никто не мог взять на себя ответственность за безопасность. Цой вышел к фанатам и сказал: ”Ребята, мы должны гарантировать безопасность, давайте с завтрашнего дня делаем перемирие“. И перемирие наступило. Не было ни одного эксцесса».

Георгий Гурьянов:

«В Алуште, помню, мы пошли прогуляться по набережной. Кто-то нам сказал, что тут до моря сто метров. Мы пошли сдуру и наткнулись на толпу фанов, которые погнались за нами... Неприятное чувство такое было... Бежишь, а за тобой гонится сотня разъяренных

людей, готовых разорвать тебя на кусочки. Это страшно было. Потом нас всегда возили на море куда-то в дикое место на автобусах, с охранниками...»

Андрей Крисанов, художник, музыкант, приятель Виктора Цоя:

«В Евпатории гостиница была прямо на стадионе где-то, и от зрительских скамеек до наших окон было рукой подать. И я помню, как к нам в окно гостиницы залезли какие-то люди и спросили: «Нет ли у вас вмазаться чем-нибудь? А то нам так плохо, ребята...»

Борислав Протченко:

«Я, кстати, помню рок-фестиваль летом 1988-го в Алуште, в котором принимали участие Курёхин, Цой, Мамонов, Кинчев, Сукачев, Вишня и другие. Периодически менты останавливали концерты и вырубали электричество. Так Цой, пребывающий уже в статусе суперзвезды, демонстративно уходил за кулисы, пока не наведут порядок и не будет возможности продолжать концерт...»

Андрей Крисанов:

«Был случай – мы ехали с Георгием из Анапы в Новороссийск автостопом. После того как встретили Витю. И каким-то образом фантастическим нас подобрала какая-то машина... Мы, конечно, не особо боялись остаться на улице – по дороге попадалось много деревьев – то орехи, то абрикосы какие-то...»

Георгий Гурьянов:

«Мы понимаем, что время позднее, что мы рискуем не попасть домой. А ехать дофига. И вдруг перед нами останавливается машина... Мы садимся, едем – и водитель ставит нам послушать чудесную модную музыку. И мы были просто в шоке – не ожидали, что здесь на юге, так далеко от центра, кто-то может слушать то же, что и мы в Питере... Крисанов мне говорил: "Ничего себе, Георгий!"

Помню, в Новороссийске мы долго тусовались, ходили к кому-то в гости... Не помню имя приятеля. Неважно... Мы там тусовались, зажигали, что-то готовили, выпивали, веселились... Эпатажем занимались.

У Вити тогда были тяжелые времена... Нужно было напрягаться, приносить деньги Марьяне, он и до этого работал у "Начальника" в кочегарке... Тоже там напрягался».

Настоящий взлет группы «КИНО» начался именно с выступления в Алуште. И именно в 1988 году к Цою пришла всенародная известность.

Джоанна Стингрей:

«В 1988 году пришла гласность, его стали показывать по телевизору, а в газетах стали писать о выдающемся рок-певце Викторе Цое».

В двадцатых числах августа в Ленинградском дворце молодежи проходят премьерные показы фильма «Игла».

Юрий Горошевский:

«Мы с детства участвовали в большом количестве выступлений тогда еще, собственно, неизвестного Сергея Курёхина, нашего родственника и одновременно нашего большого друга. Мой дядя был режиссером так называемой первой театральной студии, и мы участвовали в работе этой студии, будучи совсем юными...» Там музыку записывал Сергей Курёхин, участвовал в работе Тимур Новиков, художник, и я с ним тоже подружился, и вот однажды Курёхин,

сидя у нас на кухне, сказал: вот послушайте эту кассету, это группа, которая через несколько лет будет очень знаменитой. И вот так я услышал песни группы "КИНО".

Потом на музыкальном ринге Сергея Курёхина музыканты "КИНО" принимали участие, и тогда еще сам Витя там был, и мы с ним там пересеклись... Потом я пересекался с ним у Тимура Новикова, в Рок-клубе, еще где-то. Группа не была тогда еще ошеломляюще знаменитой, и чуть позже Витя поехал сниматься в Алма-Ату в "Игле". А я тоже поехал в Алма-Ату, но не с Витей, а сам по себе, сниматься в фильме "Балкон". И вот там в Алма-Ате мы с ним пересеклись и проводили какое-то время на съемках вместе. Когда мы вернулись – в ЛДМ была премьера фильма "Игла", и вот на этом концерте, точнее после него, группа "КИНО", по сути, впервые узнала, что такое поклонники. Потому что убегала от этих самых поклонников до остановки. И в трамвае от этих поклонников спасалась...»

«В 1988 году Виктору Цою и группе "КИНО" в "жанре всенародной любви" не было равных...» – писал питерский журналист **Михаил Садчиков**. Пришла пора пожинать плоды теплого отношения публики, и для правильной организации гастролей группе был необходим директор. В сентябре 1988 года им стал Юрий Владимирович Белишкин, талантливый администратор, мягкий, приятный человек, настоящий ленинградец, которому сам Цой доверил заниматься делами коллектива. Не нужно думать, что Белишкин стал продюсером группы «КИНО». Необходимо учитывать, что понятия «директор (администратор) группы» и «продюсер» совершенно разные, и в применении к Белишкину верным будет первое определение. Он был самым обычным администратором, ведущим дела коллектива. Группа «КИНО» в продюсере не нуждалась».

Георгий Гурьянов:

«Группа "КИНО" продюсировала себя сама. И к моменту, когда появился этот Белишкин, группа уже была раскручена и известна. Уже не нужна была вся эта продюсерская деятельность – знакомство аудитории с продуктом, выводы на сцену. Нас самих уже к тому времени все знали».

«КИНО» стало официально концерттировать от театра-студии «Бенефис», где работал Белишкин. Наконец появилась возможность неплохо зарабатывать на концертах и жить на эти средства.

Весь период своей «звездности» Цой жил далеко не так комфортно, как представляют себе сегодня поклонники. Квартиры у него не было, в Москве он жил у Наташи и ее родственников. А во время питерских гастролей нелегально снимал квартиру, которую ему с трудом подыскивали (согласно воспоминаниям Белишкина – на проспекте Мориса Тореза), огромным минусом которой была не только располагавшаяся неподалеку школа, но и, как вспоминала Наталия Разлогова, старая полусумасшедшая соседка снизу, всякий раз вызывавшая милицию, когда под ногами Цоя, ходившего по квартире ночью (Виктор поздно ложился спать), скрипели половицы.

Что касается фанатов, то московские фаны, в отличие от питерских (в буквальном смысле слова оккупировавших подъезд дома на проспекте Ветеранов), прекрасно зная, кто живет в Беляево на Профсоюзной, никогда не оккупировали подъезд и не беспокоили Цоя. Москвичи относились к нему восторженно, но предельно уважительно...

Юрий Белишкин:

«Он попросил меня найти ему квартиру. Чего мне это стоило! Но в самый последний день мне удалось найти ему пристанище на улице Мориса Тореза. Любопытный штрих: через некоторое время Витя попросит меня найти ему ковровую дорожку, так как внизу жила какая-

то выжившая из ума старуха, которой мешал скрип половиц. Я доподлинно знаю, что это был именно скрип половиц, а не гулянки, пьянки и прочее».

В середине сентября Виктор с Рашидом и Наташей отправились в Одессу, где 16 сентября состоялся премьерный показ «Иглы» на фестивале «Золотой Дюк».

Фотографу Юрию Бойко удалось близко пообщаться с лидером «КИНО». Поскольку Юрий фотографировал участников кинопремьер, то после показа предложил Виктору посетить его мастерскую. И Цой не отказал. Так и появилась прекрасная фотосессия, которую Юрий сохранил и которая не так давно стала достоянием общественности...

Юрий Бойко:

«Давно это было. Тогда он еще не был Богом, потому что был жив. Нормальный, в меру застенчивый. Под неусыпным оком Марьяны. Попили, попели. Обменялись номерами телефонов. Пару раз созванивались. Хотел в Одессу... А потом случилось то, что случилось... К сожалению, особых (необычных) подробностей и не было. Разговаривали, смотрели мои работы, пили чай... Давно было. Мелкие подробности стираются. А выдумывать – неохота. Одну фотографию я ему подарил...»

Инга Королева:

«Я его видела на бульваре, возле гостиницы «Лондонская», вместе со съемочной группой «Иглы». И была на премьере «Иглы» в ДК Политеха. Перед фильмом выступали Нугманов и Цой. Виктор говорил мало, но отвечал на вопросы из зала...»

Нонна Гришаева, актриса:

«Один раз в своей жизни я взяла автограф. Мне было лет четырнадцать. И к нам в Одессу с фильмом «Игла» приехал мой любимый, ныне покойный Витя Цой. Я сидела в ложе оперного театра и высмотрела Цоя в партере. Подошла к нему (меня просто колотило от волнения) и протянула трясущимися руками билетик. И Цой на нем расписался. Этот билетик много лет лежал у меня под стеклом на письменном столе. И теперь, когда у меня просят автограф, я всегда даю, потому что помню то свое волнение».

В то перестроечное время кинофестиваль был ярким событием в общественной жизни СССР, переживающей очередной перелом. Апофеозом общественной активности участников и гостей «Золотого Дюка» становится история с обращением «К деятелям культуры», авторы которого призывают осудить деятельность антиперестроечных и националистических сил, создать Народный фронт в поддержку перестройки. Текст подписывают двадцать девять человек; из звезд фестиваля отказываются это сделать только Виктор Цой, свое решение не мотивирующий, и Никита Михалков, замечающий, что «ставит подпись только на кредитных карточках».

В ходе фестиваля в сентябре 1988 года было записано любопытное интервью. Сергей Шолохов, ведущий программы «Пятое колесо», снял этот материал на теплоходе «Шалыпин».

Из интервью **Виктора Цоя** и **Наталии Разлоговой** тележурналисту **Сергею Шолохову**:

С. Шолохов: Сергей Соловьев рассказывал о том, что когда нужно было собрать людей на картину «Чужая Белая и Рябой», то специально арендовали солдат на случай, если не придет зритель, но когда ему потребовалось созвать массовку на концерт Цоя, Цой только развел руками: «Нет проблем, обеспечьте милицию». Так?

В. Цой: Я никогда не был настолько самоуверенным, поэтому ничего такого не говорил. Я думал, что людей, которым нравится наша группа, в Москве много, и надеялся, что, узнав о концерте, они придут. Я предложил устроить бесплатный концерт, чтобы во время концерта снять необходимый эпизод. Люди пришли. Ничего такого... «обеспечьте милицию»... я не делал, я ничего этого не знал.

Н. Разлогова: Соловьев сделал картину на базе рок-музыки не потому, что она ему нравится, а потому, что он чувствует, что за этим будущее, что это тот язык, который понимает основная масса зрителей.

С. Шолохов: Виктор, в фильме «АССА» после мелодраматического финала, когда красавица убивает своего любовника-мафиозо, который падает в ванну с розами, и жанр берет свое, вы поете песню протеста. Не кажется ли вам, что тут есть некая спекуляция... созданная, чтобы интеллектуалы нашли здесь какие-то свои радости?

В. Цой: А я не считаю эту песню песней протеста. И вообще я не очень понимаю, зачем она нужна этой картине. Она выглядит, на мой взгляд, вставным зубом... Ну, это скорее дело режиссера. В конце концов, я не мог предположить, каков будет конечный результат. Отвечает за это только режиссер. Я рад, что в этом фильме мне удалось выглядеть максимально отдельно от всего остального.

Н. Разлогова: То, что песня оказалась в конце, вполне естественно, это должно было заставить зрителя досидеть до конца фильма. Ведь Виктор Цой в титрах идет четвертым, на уровне исполнителей главных ролей, и люди, конечно, ждут его появления. Если песню пустить в начале, вдруг они уйдут? А так они будут сидеть до конца... Этим обеспечивается касса.

Многим поклонникам тон Цоя показался тогда излишне саркастичным. Они сочли, что на Цоя сильно повлияли отношения с Наталией Разлоговой, что это из-за нее в нем появились сарказм и высокомерие. Многие и теперь считают, что поначалу Цой воспринимал отношения между ним и Разлоговой как равные, Наталия же, видимо, считала себя учителем, который открывает ученику новый мир. Но люди просто не знают историю этого интервью.

По рассказам близких людей Виктора, они с Наталией и Рашидом приняли участие в фестивале «Золотой Дюк» «по приколу».

Рашид Нугманов:

«Да, это совершенно верно. Фильм включили в конкурс, даже не уведомив никого из нас. Я узнал об этом из газет, и уже потом на "Казахфильм" пришло приглашение от фестиваля. Мы сначала не знали, ехать или нет. Не наша среда, не наши люди. Потом все же решили съездить, посмотреть Одессу».

Наталии было забавно вдвойне, потому что она была частью киносреды – читала лекции о французском кино членам Союза кинематографистов. Поэтому она знала, что для советской киноэлиты Цой и Рашид были никем. А вот фильм у них оказался самым лучшим, что было ясно не только публике, но и многим серьезным критикам.

Рашид Нугманов:

«Про зависть не знаю. Мы же держались особняком, ни с кем не общались и в фестивальных тусовках участия не принимали, лишь встречались со зрителями да давали выборочные интервью, а по вечерам ужинали за собственным столиком, в сторонке от остальных. Но многие киношники к нам подходили, поздравляли, говорили, что и вправду лучший фильм, желали победы, хотя было ясно, что Говорухин принял фильм в программу скрипя зубами, посчитав, что он (наряду с "Господином оформителем") не относится к категории зрелищного кино, которому посвящен "Золотой Дюк", и только отборщики настояли».

На теплоходе участники фестиваля были вынуждены общаться с журналистами несколько часов подряд (теплоход отплыл, и деваться было некуда). И разговор Цоя с Шолоховым, тогда еще никому за пределами Питера не известным, превратился в неспешную беседу о кино. Никто не предполагал, что в эфир войдет именно фрагмент общего разговора. Когда на следующий день Шолохов сказал Виктору и Наталии: «Ваше интервью очень здорово получилось», Цой по просьбе Наташи попросил, чтобы ее в кадре не было. Но Шолохов поступил по-своему, и у него были на то основания – в беседе Наталия упоминала «папино кино» (термин времен французской «новой волны», придуманный Годаром).

Кинематографическая общественность пришла в ярость, решив, что это выпад неграмотной молодежи из «трущоб» против жрецов высокого искусства. В результате программу Шолохова упомянул в эфире ныне Первого канала сам Алексей Герман: «Я не знаю, что уж имела в виду девушка, сидевшая рядом с рок-музыкантом, когда говорила о "папином кино"...»

И когда месяц спустя Разлогова приехала в Ленинград с лекциями о «новой волне», мэтру пришлось пересмотреть свою позицию: «Я же не знал, что это сестра Разлогова...» Юмор ситуации заключался именно в том, что страна семимильными шагами шла вперед, а кино-элита этого не заметила и знать не знала людей, которые вдохновляли миллионы.

Рашид Нугманов:

А я вообще не принимал участия в этом интервью, грелся на солнышке.

Сергей Шолохов:

«В то время я был прогрессивной общественностью. Я занимался Рок-клубом почти профессионально, как журналюга. Поскольку Петербург очень маленький город, все друг друга прекрасно знают. Центром силы тогда был "Сайгон", кафе на углу Владимирского и Невского. Попал я туда, когда впервые поступил в университет и стал покидать родные пенаты, то есть примерно с 1976 года. А в перерывах между лекциями я ходил в кафе "Академичка", нынешний ресторан "Старая таможня" на стрелке Васильевского острова. Компания там была разношерстная. Сначала тусили в "Академичке", а в шесть часов перемещались в "Сайгон". Тогда еще там Цоя отродясь никакого не было. Там варилось такое варево свободной мысли. Под каждым столиком там был установлен микрофон, и все эти свободные мысли моментально становились достоянием генерала КГБ Калугина, который курировал тогда все это дело. Кстати, Рок-клуб по его же приказу был создан. И перед тем как организовать Рок-клуб, генерал Калугин проверял настроения молодежи.

В "Сайгоне" я познакомился с Курёхиным. Подружились, стали общаться. У него уже тогда была "Поп-Механика", и он присматривался к персонажам, тусившим в кафе, чтобы их привлечь к этому проекту. Ему нужна была индустриальная секция, которая бы имитировала звуки большого города. И поскольку люди, тусующиеся в "Сайгоне", вполне могли имитировать эти звуки – они были интересны Курёхину. Например, Африке доверяли что-нибудь отломать и бить этим чем-то отломанным по ведру. Это, конечно, будет позже, а пока Капитан просто присматривался к персонажам...

А когда организовался Рок-клуб, я начал ходить на фестивали. Курёхин меня приглашал в свою компанию, где я познакомился с Цоем. Они там говорили всегда о чем-то своем, а я в музыке понимал мало. Если бы они заговорили со мной про Моцарта, я бы смог поддержать разговор, но они говорили на каком-то своем священном языке. Мы просто весело проводили время. Иногда Курёхин вырубался, глаза его палились в одну точку и его никто не трогал: Капитан думает... Постепенно мы перекочевали в Рок-клуб.

Что касается интервью Цоя на теплоходе. У меня была идея прочесть этот теплоход как ковчег: кто останется после того, как все будет снесено очередным наводнением. И с удивле-

нием обнаружил, что все представители человеческой флоры и фауны там были отобраны. Там были инноваторы и консерваторы, радикалы, партийные боссы и православные гуру, лидеры перестройки во главе с Коротичем. На этом ковчеге были все. И это было мне очень интересно. А из мира контркультуры там оказался Цой. Все тогда как бы отправились в светлое будущее, а темное прошлое осталось на берегу... На теплоходе я поговорил со всеми: и с Рязановым, и с Говорухиным, и Глазунов там был, Коротич опять же... К тому времени я уже закончил университет, аспирантуру и был взрослый дяденька. И я уже работал на телевидении. Цоя я знал как лидера группы "КИНО". Но еще больше он мне был интересен как представитель другой галактики, потому что все остальные были более-менее похожи друг на друга. Конечно, они отличались немножко, например "Аквариум" от "АукцЫона", но Цой выпадал из общего ряда тусовки. И, конечно, когда он засветился в фильме "Игла" с грандиозным своим нежным и то же время строгим обликом, который покори́л всех. Он был настоящий такой строгий юноша среди разболтанного Рок-клуба. Там же кто под мухой был, кто под иными экзотическими напитками и веществами, а Цой всегда сохранял в себе присутствие потусторонних сил, не будучи посторонним. Чудесное сочетание этого мира, реальности и сказочности. Цой это как замочная скважина в иной мир... Курёхин стал использовать "КИНО" и Цоя в своих "Поп-Механиках", в рок-секции. Делались весьма интересные постановки. Потом Курёхин и Цой разошлись, но этого я уже не застал, я видел их лишь в момент триумфа.

В кадр во время разговора с Цоем попала Наташа Разлогова. Тогда все снимали на одну камеру и потом не было возможности как-то вырезать лишнее. Снимали общий план. Наташа была против, но я ничего не мог сделать. Наташа поддержала не очень красноречивого Цоя, помогая ему формулировать мысли, и стало очевидно, что он разделяет ее точку зрения. Стала понятна позиция самого Цоя: Наташа просто озвучивала его мысли, а Цой солидарно кивал головой.

Тогда на теплоходе кроме социального какого-то драйва был такой драйв смены эпох, смены поколений, и это было здорово...»

А вот что касается отношения Разлоговой к Цою как к ученику, то это нонсенс. По ее мнению – это она от него многому научилась. Без сомнения, Наталия открывала Цою некоторые новые жизненные грани, но нельзя ни в коем случае принижать личность самого Цоя и считать его ведомым.

Рашид Нугманов:

«Цой не был ни наивным учеником в коротких штанишках, ни спесивым и самодостаточным всезнайкой. Будучи глубоким человеком, Виктор тщательно выбирал близких людей, а выбрав, доверял их вкусу, прислушивался к их мнению, впитывал их опыт. Он не существовал в пустоте сам по себе, но и ведомым никогда не был. Нет нужды доказывать, что действительно близкие люди точно так же относились к Виктору. Это было взаимообогащающее общение, а не пустопорожнее времяпровождение. Круг Виктора – не стадо баранов, нуждающихся в вожаке, но союз равных личностей, и посторонним в нем не было места: ни гуру, ни ученикам».

Цой был умным человеком, и его не нужно было ничему учить.

Рашид Нугманов:

«Виктор был мудрым. Естественно мудрым, не по-книжному. Учить его и вправду не нужно было. Он сам учился тому, что было близко его сердцу и разуму. Пожалуй, единственным буквальным учителем, которого он так и называл – "Учитель" – был Сергей Пучков, обучавший Цоя и Каспаряна восточным единоборствам, но во всем остальном Виктор относился к нему по-дружески. Наташа же стала любовью его жизни и ближайшим другом, которому он

доверял более, чем кому-либо другому. Это было очевидно. Виктор и вправду проявлял себя как глава семьи: спокойно, уверенно и ответственно, но без всякого "мачизма" при этом – может быть, именно такое некрикливое поведение некоторые далекие от них люди интерпретируют как подавляющее влияние Наташи на Виктора. Спишем это на их фантазии и попытки примерить чужие одежды на себя».

1–2 октября 1988 года Цой выступает в Москве, в ДК МАИ. Сохранились воспоминания очевидцев того концерта и несколько довольно удачных фотосессий.

Олег Толмачев, один из организаторов концерта в ДК МАИ, а впоследствии гастрольный директор группы «КИНО», вспоминал:

«Нашу первую работу с Цоем 1–2 октября 1988 года мы делали в ДК МАИ. Это были обычные сборные концерты. Кстати, наши первые с Айзеншписом после его выхода из тюрьмы – это у нас была репетиция перед фестивалем "Интершанс"».

Я тогда сказал Юрику: "Давай потренируемся, проведем где-нибудь концерты в Москве, мы же никогда не проводили". Я вообще тогда не знал – как, что, чего. Он говорит: "Давай!" И родилась такая идея.

Поскольку мы уже начали вовсю готовиться к "Интершансу", нам стали поступать разные звонки от разных групп. И вот мы решили 1–2 октября 1988 года дать концерты в ДК МАИ, который был весьма известной площадкой, где выступали абсолютно все. А директором ДК МАИ тогда была моя будущая жена Алла. И вот мы выходим к ней с таким предложением. У нас была договоренность уже с группами "Звуки Му", "Ва-банк", "Манго-манго", "Коррозия металла", "ЭСТ", и один день полностью занимали украинские группы – "ВВ", "Коллежский ассессор" и др. Пустили рекламу в начале сентября, проходит недели две – и вот звонит мне Алла и говорит: "Ваши билеты в ДК МАИ идут средне. Продано по ползала. Вам же это не надо? Украинцы хорошо идут, а вот 1–2 октября – слабо". – "А что делать, говорю?" – "Свяжитесь с Цоем. Я вам дам сейчас телефон, он в Москве сейчас", – она дает нам номер телефона. И вот Юрик звонит, договаривается о встрече на Маяковского, в саду Эрмитаж. Приезжает Цой с Наташей, в курточке своей, в джинсиках, в кроссовках. Все, договариваемся – 1000 рублей за 20 минут под гитару. Ударили по рукам. Никто, естественно, тогда ничего не подписывал. Звоню Алле, извещаю о том, что мы договорились. Она: "Я могу в афиши дать?" Да. Она дает в афиши, после чего звонит и говорит: "Билетов нет, но, Олег, у вас будут дополнительные расходы на наряд милиции".

И что ты думаешь? Первый день выступлений, все оцеплено, какие-то толпы бегают у ДК МАИ, у меня карманы денег, а мне 24 года, и я еще деньги в «Динамо» получаю... Аншлаг был полный.

Я помню, что первый Витин концерт в ДК МАИ лично для меня был связан с проблемами. Я их утрясал: фанаты грохнули витрины, стекла в ДК...

Потом у нас началась своя работа, делали культурные встречи...

А спустя год я уже забивал гастроли Цою... Первые концерты с "КИНО" были в Красноярске – 10 аншлагов во Дворце спорта. А после них я уже как директор работал дальше, можно сказать, до того августа...»

Юрий Айзеншпис:

«Наш дебютный концерт прошел при переполненном зале, и еще много желающих осталось горевать на улице. Успех и аншлаг! Прекрасный старт! Как сейчас помню – музыкант заработал полторы тысячи рублей... Исполнив последнюю композицию, Цой достаточно долго отсиживался в гримерной, надеясь, что толпа поклонников рассосется. Какой там! Выйти даже с заднего входа нам оказалось довольно затруднительно – поклонники облепили машину, на которой я собственноручно привез Цоя, и приходилось продвигаться с помощью секьюрити...

Кто-то просил расписаться на пластинке, кто-то – на ладони, а кто-то – чуть ли не на одежде. Цой не отказывал никому».

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«Дом культуры Московского авиационного института. Виктор выходит на сцену. Один. В руках гитара. Синеватый свет прожекторов, в котором четко отражался его восточный профиль. Он стоял перед залом и смотрел на людей, приехавших из разных концов Москвы, чтобы услышать его... И вот – зал притих в ожидании... Первые аккорды и люди вскакивают с мест, подпевают и машут шарфами и шапками... Закончилась первая, затем вторая песня... Третья, четвертая... Порвалась струна... Пятая, шестая песня, рвутся еще две струны. Зал стоял, подпевая ему. Десятки маленьких огоньков от зажигалок и спичек горели в разных концах зала... Последнюю песню Цой играл на трех струнах...»

Согласно воспоминаниям Айзеншписа, после концерта Цой, принявший приглашение Юрия, проехал в небольшой ресторан, расположенный недалеко от ДК. Работники ресторана, узнавшие Виктора, тут же заменили игравшую в зале ненавязчивую музыку на музыку группы «КИНО», но поморщившийся Цой попросил выключить «свой голос» и заменить музыку на «что-нибудь европейское».

Юрий Айзеншпис:

«Манера при виде Цоя заводить на полную громкость его записи была широко распространена и причиняла певцу заметный дискомфорт. Вдобавок еще срабатывал старый принцип рокерского мышления – ”наши песни не под еду”».

28 октября 1988 года, вскоре после того как директором группы стал Белишкин, проходят «первые стадионные» концерты «КИНО» в ленинградском СКК.

Из воспоминаний поклонников «КИНО»:

«Да, Витя, как и думалось мне, дальше автобуса не прошел. Сначала вышел Каспарян, потом Кинчев (его, впрочем как и всех остальных, приветствовали криками), а затем Цой... Перед входом в автобус помахал руками и поулыбался, потом залез в автобус, прошел в салон, сел лицом к окну, сложил «ручки» и стал смотреть на всех нас в окошко. Изредка помашет и опять смотрит...»

«Одет Цой был во все черное, черная расстегнутая с какими-то украшениями рубашка, с закатанными рукавами. За первый концерт ничего кроме ”спасибо“ не говорил. Давка перед сценой была кошмарная, а на втором и вообще ”концлагерь“: ”сели – встали“. На втором концерте присутствовали Гребенщиков и Кинчев (сидели в зале). После концерта мы пошли к служебному выходу. Ждали Цоя и увидели Боярского...»

«Наконец-то на сцене Виктор Цой! (Правда, в первый день он заставил себя слишком долго ждать.) Величаво поднятая голова, на губах улыбка, в руках гитара. На первом концерте случилась неувязка. Огни, летящие на сцену, вконец доконали музыкальную технику, и микрофон отказал. Цой в легкой растерянности разводит руками, несколько виновато улыбается, мол, ну что тут поделаешь? Потом подходит к краю сцены, садится на корточки и приложив палец к губам, устанавливает тишину в зале...»

Звучат жесткие струны гитар, магический голос подхватывается сотней голосов. Заканчивается песня, Цой устало вытирает пот со лба, приглаживает волосы, ему бы передохнуть, но толпа орет, требует песен, и снова крепкие пальцы сжимают гитарный гриф, снова звучат

знакомые до боли аккорды. И куда только делась твоя усталость, а, Виктор Цой? И пусть не говорят мне, что ты выкладывался не в полную силу...»

* * *

За пару дней до первых по-настоящему масштабных концертов «КИНО» в СКК имени Ленина группе организовали постановочную художественную фотосессию дома у Георгия Гурьянова в Купчино. Фотосъемку музыкантов на профессиональную фототехнику и среднеформатную фотопленку выполнили команда фотографов из Москвы во главе с Валентином Скляровым (камера Mamiya RB67) и ленинградский фотограф из ЛДМ – Виктор Лаврешкин (камера Pentacon Six). Впоследствии именно эти фотографии «КИНО» стали легендарными и закрепили за группой имидж «героев в черном». С фотографий Лаврешкина и Склярова было напечатано множество различных плакатов и постеров, которые продавались на концертах группы во всем Советском Союзе. Также некоторые из этих фотографий использовались при оформлении афиш концертов в ДС «Юбилейный» в декабре 1988 года.

14 октября 1988 года Виктор Цой выступал в ДК завода «Трансмаш» в Тихвине. Не все молодые тихвинцы знают, что осенью 1988 года во Дворце культуры состоялись два концерта рок-певца. Первый прошел успешно, а вот на втором случилось нечто незапланированное, в результате чего певец был вынужден прервать выступление. Чуть позже в местной газете были опубликованы два письма: внештатного корреспондента В. Панюкова «Спой, Витя!» и «Цена за удовольствие поплясать рядом с артистом» начальника инспекции по делам несовершеннолетних С. Модестова. Как описывает происходившее в зале В. Панюков, вначале фанаты певца заполнили место около сцены, мешая сидевшим в первых рядах. А потом забрались на сцену, стараясь быть поближе, обнять своего кумира. Для конца 80-х годов прошлого века такое поведение молодежи – нонсенс. Да и певец неуютно чувствовал себя наедине с рьяными поклонниками. Пришлось вмешаться милиции, концерт был сорван. Сейчас тем фанатам, которые так искренне, но несдержанно выражали свои чувства своему рок-идолу, уже около или за 40 лет...

Ольга Яковлева (Большева):

«В 1988 году действительно прошли два концерта Виктора Цоя в Тихвинском ДК. На концерте Цой выступал один, без группы, но было здорово, зал был битком и полтора часа прошли как один миг, народ даже на сцене сидел. Милиция пыталась разогнать, но Виктор разрешил, сказал, что они не мешают! В те года он был очень популярен, и сейчас тоже. Песни пел долго – и "Восьмиклассницу", и "Маму-анархию", и "Алюминиевые огурцы", "Звезду по имени Солнце"... Много было песен. Я была на первом концерте в 19.00 часов, место в первом ряду, правда, перед сценой было столько людей, что не очень было удобно, но, главное, это живой голос, без фонограммы! Велась ли фотосъемка или запись концерта, я не знаю. Не забывайте, это был 1988 год, в провинции фотоаппарат был редкость, а магнитофоны довольно большие были. Я помню, была потом статья в местной газете про этот концерт, но без фотографий».

Александр Кузьмин:

«14 октября 1988 года было два концерта Цоя. Мне запомнилась песня про "Троллейбус", "Звезда по имени Солнце", "Восьмиклассница", "Огурцы"... Кстати, знаю, что второй концерт сорвали придурки, выбежали на сцену и стали танцевать. Он просто повернулся и ушел. Об этом мне рассказывали потом те, кто был на концерте в 21:00. Помню, мы радовались, что пошли с сестрой на первое выступление, в 19:00 часов. В те времена противостояние было... "КИНО", "Алиса"... Между собой фанаты... Те, кто сорвал концерт, были фанатами "Алисы"».

Из воспоминаний:

«Ярко помню концерт Виктора в нашем ДК в октябре 88-го. Пьяные уроды, что-то орущие и лезущие на сцену, в попытке обнять кумира. Знакомые наизусть песни под гитару. Усталые глаза кумира и благодарная теплая ладошка девочки, которую я первый раз пригласил с собой».

Александр Евдокимов:

«Я был на этом концерте в 21.00, там металлиugi выскочили на сцену, и стали его хватать за куртку, он встал и ушел. Модестов, мент у нас такой был в Тихвине, лысый, здоровый, крикнул, мол, что доигрались. И все. Цой больше не вышел. Концерт этот был у меня на пленке, куда-то я ее похерил, но я думаю, у кого-нибудь он остался, по-любому».

Наталья Курявская-Дегтярёва:

«На втором выступлении Цоя достали просьбой спеть песню (об алюминиевых огурцах) – и он ушел со сцены...»

Из воспоминаний:

«Музыка "КИНО" из распахнутых окон, пьяные крики на балконах убедили меня, что Цой у нас не забыт. Какой прекрасный повод... вспомнить лихие 80–90-е!!! Битвы киноманов и алисоманов! Накал быдличих страстей, выплеск неистраченных гормонов!

Это сейчас гопников и неформалов разделяют музыкальные противоречия, а тогда музыка была поводом и инструментом для сплочения абсолютно разношерстной подростковой биомассы. Наш городок сотрясали нешуточные страсти, которые, впрочем, рождены были той же самой скукой.

Мало что изменилось с тех пор. Вот только мы стали уже совсем взрослыми, ДК превратился в мертвый склеп, а по городу так же разгуливают клоны тех самых алисо-киноманов в других нарядах, но с той же абсолютной пустотой...»

В конце октября, после поездок Цоя в Тихвин и акустического концерта 18 октября 1988 года в ДК Финляндского вокзала Цой едет в Новокузнецк, где выступает 31 октября во Дворце спорта кузнецких металлургов. Затем, 1–3 ноября 1988 года, даёт концерт в Кемерово, в СКК «Октябрьский».

Надежда Поляева:

«Цой побывал в нашем, воспетом Владимиром Маяковским, городе-саде. Лихие девяностые годы дали толчок для творчества, и, в первую очередь, рок-музыкантам, которые долго ждали своего часа, и, возможно, даже не верили в то, что придет когда-то такое время, когда на их творческие встречи зритель будет просто ломиться. В эти годы появилась свобода гастрольной деятельности, в результате которой по стране стали создаваться молодежные центры, курируемые комсомолом, которые ею и занимались. Так случилось, что я стала организатором и директором молодежного центра "Юность" в Новокузнецке. Отношение к культуре имела прямое, т. к. у меня режиссерское образование.

Я бы не сказала, что за приглашением Виктора Цоя в Новокузнецк мы охотились, но однажды два администратора (наш и певца) встретились. Ноябрьским утром самолет из Москвы приземлился в нашем аэропорту. Передо мной стоял закрытый молодой человек, без спеси и снобизма. Виктор таким не был. Доброжелательный, проницательный и доверчивый взгляд, усталость от перелета. Гостиница. Договорились о встрече в 11 часов дня для обсуждения деталей. Концерт был сольным, на огромном ледовом стадионе, что его, собственно, не напрягало. Он, гитара, микрофон и зритель – это все, что было ему нужно... И вдруг он

сообщает о том, что оставил свои черные кроссовки в Москве, и ему не в чем выступать... ну это нормально, по-мужски, забыть какие-то детали своей одежды, это было не главным, и мы двинулись по нашей улице Кирова в магазин «Спортсмен» в поисках черных кроссовок для него, коих, даже при названии имени нашего гостя, все равно не оказалось в наличии. Конечно же, пока мы шли, некоторые молодые люди, встречавшиеся на нашем пути, узнавали его, но как-то в их голове не укладывались файлы – Новокузнецк, Цой, да ну... что за ерунда... каким образом? <...> Концерт был единственным, реклама по городу расплзлась только по слухам, но билеты были проданы сразу же. Мимоходом он поделился своей радостью: получил заграничный паспорт и, после визита к нам, намерен отправиться в США, сказав при этом, что очень хочет увидеть этот пресловутый Диснейлэнд. В этот момент он был похож на ребенка, радующегося осуществлению своей мечты.

Время 18.30. В предвкушении радости от встречи с любимым певцом зритель стекался в зал, машина подвезла Виктора к черному ходу здания стадиона, он остался в своей гримерке готовиться к концерту, а я сочиняла свой монолог представления его перед зрительным залом. И вот мы вышли с ним на огромную и пустую сцену... я никогда не забуду этот момент! Все было залито этим божественным светом, все лампы, фонари, софиты были направлены на нас, и если еще добавить тот шквал аплодисментов, который обрушился, то казалось, что волны энергии поднимали нас и несли над толпой...

Он пел песни одну за другой, без перерыва, без уходов, без антракта, зал пел вместе с ним, и казалось, что этот вечер никогда не закончится. И вдруг я вижу, как он несется в свою гримерку, на ходу проговорив мне: "Это финал, закрывай программу!" Зал ревел. Неистовствовал. Он ждал своего кумира, но Цой больше не выходил.

Позже я его спросила, почему он так неожиданно завершил свой концерт (он отработал программу полностью). Он ответил: "Они просто бы разорвали меня на кусочки и растащили на сувениры, я знаю закон толпы, поэтому не даю им такого повода". И это была правда. Его правда, и его сценический опыт.

Затем мы приехали к нам домой, мы с мужем готовили наши традиционные сибирские пельмени, а Виктор сидел на диване и молчал. Он отдыхал, этот несколько застенчивый молодой человек, только что подаривший сотне тысяч людей свое сердце, свои песни.

И больше мы никогда с Цоем не встречались. Когда я узнала о его гибели, было больно, щемило сердце, я еще тогда задавала себе вопрос: "Почему так рано?" Ответ пришел совсем недавно...»

Иван Линник:

После интервью в Новокузнецке было его интервью в Кемерово, во время выступления в спорткомплексе на «Октябрьском», киносюжет этот снимал я. Кемеровский ролик на экране мелькал гораздо реже и в общей фанатской копилке он почти не присутствует... Автором сюжета был Андрей Андреев. Он и в кадре работал с Цоем. Еще его использовали в программе «Отдел пять» или в «Русской рулетке»...

* * *

«Я четыре раза был на концерте Цоя. Это было осенью 1988 года. Цой выступал в спорт-комплексе. Три дня по два концерта в день. Без группы, в акустике. Народу было много. Как правило, я шел на первый концерт по билету, после концерта прятался в фойе и попадал на второй концерт бесплатно. Ни охраны, ни милиции не было. Роль охраны выполняли бабушки-билетерши. Тогда для советских подростков из Сибири концерты были диковинкой. Люди хотели подойти поближе к сцене, но сначала опасались: можно ли? Тут мне помог опыт первого концерта. Поскольку я уже видел, как все происходит, можно ли подходить к сцене, то на

втором, как только Цой вышел к микрофону, я встал с места и единственный из всех пошел к сцене. Бабулька, сидящая на первом ряду, возле прохода, попыталась схватить меня за рукав. Пришлось просто вырвать его из ее рук. Оказавшись у сцены, я повернулся к залу и призывно махнул рукой, приглашая всех желающих последовать моему примеру. Тут же из темноты раздался отчетливый топот сотен ног, несущихся к сцене по проходам между сидений. Толпа с такой силой впечатала меня в край сцены (а надо сказать, что край находился на уровне моей груди), что чуть не сломала мне грудную клетку. С трудом смог просунуть руки между собой и сценой, этим спасся.

Во время одного из этих концертов произошёл такой случай. Так как охрана на концерте отсутствовала, то на сцену мог подняться любой человек. Так и случилось. На сцену вышел какой-то совершенно пьяный "Вася", в руках у него была популярная тогда виниловая пластинка группы "Ночь". Цой в это время исполнял одну из своих песен, "Вася" подошел к Цою и стал совать ему пластинку на подпись (автограф). Цой взглядом показал ему, что я, как бы, немножечко занят. "Вася", видимо ввиду своего полного неадекватного состояния, обиделся и запустил пластинку, как бумеранг, в темноту зала. Из-за кулис выбежала какая-то женщина, в платье и милицейской фуражке, взяв "Васю" под руку, наконец, увела. Цою все это не понравилось. Он допел песню и ушел со сцены. В этот день на сцену он больше не вернулся, хотя прозвучала лишь половина программы».

Евгений Гришковец:

«Я был на двух выступлениях Виктора Цоя. Летом 88-го в Питере я видел "КИНО" в сборном концерте. Звучали они плохо. Гораздо хуже, чем "Алиса" или "ДДТ". Звук и без того был не очень, но и звучали они несыгранно, как-то вяло. И если бы все собравшиеся не знали песен наизусть, то понять слов было бы невозможно. Второй концерт был в Кемерово в спорт-комплексе "Октябрьский", зимой того же 88-го года. Или в самом начале 90-го, короче, зимой. Концерт был плохим. Во-первых, заявлена была группа "КИНО", а приехал один Виктор Цой. Народу было много. Все ждали полноценного концерта и были возмущены очевидным обманом. Возможно, Цой и не знал о происках прокатчиков, но никаких объяснений давать не стал и начал петь. Он был явно не в духе, пел плохо. Звук был отвратительным. Да и, честно сказать, я не знаю концертных записей "КИНО" и концертных исполнений Виктора Цоя, где бы он хорошо звучал. Он не справлялся на концертах с дыханием, голос звучал слабо, и его фирменные, любимые по студийным записям интонации ему не давались. Концерт в Кемерово проходил, на мой взгляд, просто ужасно: Цою не удавалось удерживать внимание, люди отвлекались во время песен, несколько раз начиналось брожение в зале. Исполненные ближе к концу хиты хоть как-то воодушевили и подняли зал. Помню, как на сцену к Виктору вышел кемеровский браток в спортивном костюме. В руках у него была пластинка "КИНО". Он что-то говорил Цою, тот не реагировал. Охранников рядом не было, все это пахло керосином, потому что браток был на взводе и что-то явно предъявлял Виктору. Но Цой даже бровью не повел, он начал исполнять следующую песню, и тогда браток запустил пластинку в зал. Конверт полетел в одну сторону, пластинка – в другую. При этом браток кричал что-то, но было уже не слышно. У меня осталось тяжелейшее впечатление. Это был единственный концерт, на котором собрались те, кто слушал Soft Machine и King Crimson, и те, кто представления не имел о такой музыке и у кого в машине кассеты с Цоем лежали вперемешку с кассетами Вилли Токарева...»

Александр Блотницкий, фотограф:

«Цой приехал тогда из Новокузнецка и давал концерты в спорткомплексе. Снимал я для областной газеты, как новостное фото, и поэтому пошел на съемку с огрызком пленки... Утром его провожали на самолет, а после концерта меня звали на квартирник (возили его по Кузбассу комсомольцы), но я пошел проявляться, потому как поленился ехать в лабораторию за плен-

кой, да и утром надо было сдавать в номер... Сейчас жалею, что не пошел. Можно было что-то интересное наснимать. Со временем же это стало многим интересно... Просто в то время я, как и многие, еще не осознавал грядущие перемены. К ним многие относились приземленно... Негативы сохранились в очень хорошем состоянии, лежат в моем архиве... Об их продаже я никогда не думал, а фотографии регулярно публикуются в разных СМИ типа "Собеседника", "Известий", "Российской газеты" и т. д.».

* * *

В ноябре 1988 года в Москве решено было провести мемориальные концерты памяти Александра Башлачева. Быстро выяснилось, что молодежный центр, занимающийся организацией мемориала, не может заключить прямого договора ни с одним из престижных столичных спортсооружений. Принудительный посредник при Лужниках – Москонцерт – в разгар подготовки вдруг потребовал, чтобы тяжкие труды по получению денег с мемориала ему компенсировали еще четырьмя коммерческими концертами "Алисы" и "КИНО" в том же Дворце спорта. А на первом же коммерческом концерте "КИНО" из-за полного непрофессионализма охраны порядка и администрации началось побоище. "Московский комсомолец" услужливо обвинил в случившемся публику и Виктора Цоя (МК. Дикари. 19.11.1988 г.). Вдохновленные поддержкой демократической прессы, первый секретарь райкома партии, директриса Дворца и К^о запретили концерты "Алисы". Москонцерт не возражал – убытки все равно ложились на молодежный центр. Видимо, только страх перед массовыми беспорядками удержал компанию от того, чтобы запретить заодно и мемориал малоинтересного для них поэта. Все произошло именно так, как и должно было произойти, и 20 ноября 1988 года каждый честно сыграл свою роль. Чиновники умудрились-таки наложить на мемориал печать своей навязчивой заботы, вырубив электричество группе "КИНО" на последней песне...

Во время мемориальных концертов памяти Александра Башлачева толпа зрителей смела стулья в партере, но, несмотря на хамское поведение администрации, Цой уверенно довел выступление до конца. За это группе «КИНО» на целый год запретили выступать в Москве.

Марина Тимашева:

«Помню концерт памяти Башлачева, который закрывало "КИНО". Администрация Лужников решила, что его время истекло, и вырубил электричество. Взамен, фонограммой, пустили самого Башлачева: "...и в груди искра электричества". Цой стоит на сцене, какое-то время еще бьет по струнам, не понимая, что происходит, потом уходит. Охранник говорит, что ушел в гримерку. Гримерка заперта изнутри. Я очень испугалась. Все, кто помнит или понимает, каково это – стоять на сцене и слышать вместо своего голоса голос покойного друга – тоже бы испугались. Я царапалась под дверью и поскуливала: "Витя, открой, пожалуйста!" Минут через 15 он открыл и спокойно очень сказал: "Почему я всегда крайний?" Почему он тогда так чувствовал? Почему ВСЕГДА крайний? Об этом я задумалась только сегодня...»

Виктор Цой:

«Я хочу сказать, что Москва – это единственный город, где, оказывается, танцевать – это преступление, где если девушки хотят подарить группе цветы, то за это их бьют просто... Я не хотел бы устраивать никаких скандалов, но если в зале здесь есть журналисты, может быть, надо как-то изменить ситуацию? После наших концертов наконец-то догадались убрать партер... Хотя у нас и был такой договор... Меня пригласили на совещание, говорят: "Виктор, что нам делать, как нам быть, нам сломали все стулья". Я говорю: "Единственный способ спасти стулья – это их убрать, чтобы люди могли танцевать..." Они сказали: "Хорошо, но если вы можете, то, пожалуйста, скажите публике, чтобы не было никаких убийств там и так далее..."»

Я сказал тоже: "Хорошо". Но когда мы пришли на наш второй концерт, то стульев стало еще больше, и, конечно, они были опять сломаны. И конечно, я считал себя свободным от всяких обязательств и так далее».

Юрий Белишкин:

«Это было безумие... День начался с того, что москвичи встретили нас по-московски – не подали транспорт, продали с гостиницей. Тогда мы поехали на квартиру, сидели там, ждали, пили чай. Потом наконец нас поселили в "Космос", но дали только два двухместных номера. В Москве тогда было не принято устраивать стоячий партер. Это казалось кошунственным. Однако минут через тридцать после начала концерта тысячи людей встали и стеной пошли к сцене. Не было никаких пьяных, никаких дебоширов – было безумное желание приблизиться к Цою. Тогда администрация во главе с хамоватой директоршей вырубилась электроэнергией. Подошли ко мне, стали требовать, орать (не просить, а по-московски – требовать), чтобы Цой прекратил провоцировать публику. А что он мог? Вы же прекрасно знаете, что Виктор весь концерт стоял на месте, словно привязан к микрофону, а рядом с ним стояли трое музыкантов-аккомпаниаторов. Никаких реплик в зал, никаких обличений, а публика ломится вперед. Это было шаманство чистой воды. Об этом даже французы говорили, что от Цоя исходила фантастическая энергия. Они, слов не понимая, все поняли»

Юрий Каспарян:

«Я очень плохо помню тот концерт, но недавно увидел его на YouTube. Даже немножко удивился, что такое было. Там выключили звук, включили фонограмму "Время колокольчиков"...»

Георгий Гурьянов:

«Я наблюдал одну интересную историю... Акт вандализма, произошедший в Лужниках, на стадионе. Зимний дворец спорта. Ну, тысяч там на шесть такой зал, полянка бетонная, где стояли ряды стульев. Тогда было принято почему-то ставить стулья для зрителей. А зрители встали и растоптали ряды стульев этих, просто превратили их в плоскость после концерта. В танцплощадку, в dance-пол».

Александр Кушнир:

«Я помню несколько концертов Цоя. Были очень мощные, были послабее. В традициях московской подпольной рок-прессы было организовывать всевозможную помощь андеграундным музыкантам. Вопреки всему, в 1988 году был организован в Лужниках концерт памяти Саши Башлачева, "КИНО" там сильно сыграло, хотя накануне был скандал: ранее здесь на сольниках "КИНО" половину стульев сломали. Прогрессивный тогда "Московский комсомолец" разразился статьей против группы.

Помню всевозможную акустику, у меня такое ощущение, что Цой выходил, он был очень в себе, такое ощущение, что человек ловил сигналы из космоса, была прямая вертикальная связь с небесами. Самая длинная реплика, которую он сказал: "Ну что, вам новые песни сыграть или старые?" Он пел один в ДК МАИ. Все закричали: "Старые!" Он начал: "Ты был когда-то битником..."».

Вообще, по рассказам близких к Цою людей, этот концерт принес группе только проблемы. Во-первых, запретили музыкальную деятельность в Москве на целый год, во-вторых, история негативно сказалась на репутации группы.

Из воспоминаний **Юлии Даниловой**, поклонницы «КИНО»:

«...В ноябре 88-го года я с подружкой попала на концерт "КИНО" в Лужниках. Это был концерт памяти Башлачева... Я всегда считала, что это было 17 ноября 1988 года, но все чаще встречаю сведения, что последний концерт был 16 ноября, после этого "КИНО" запретили год выступать в московских залах из-за раздолбанных стульев. По другим сведениям, это была серия ноябрьских концертов с 16-го по 20-е. Недавно разбирала свой письменный стол и нашла старый ежедневник за 1988 год, где было написано: "17 ноября мы идем на концерт 'КИНО' в Лужники, 25-й ряд", но все-таки, может, я ошиблась с датой? На "моем" концерте тоже народ сломал-передавил все стулья, рванувшись к сцене, как только там появился Витя. У меня в билете был обозначен 25-й ряд, но людской волной меня просто вынесло близко к сцене. Администрация побоялась выключать свет, хотя Виктор и просил об этом неоднократно. По периметру зала шло оцепление из солдатиков ВВ, но как только Цой появился на сцене, они стали петь и бесноваться вместе с нами!!! Только фуражки вверх взлетали... У меня с собой был дедушкин полевой бинокль, так что Витю и "киношников" я очень даже хорошо разглядела. Правда, чуть не удавилась, ремень от бинокля был надет на шею, и, когда я передавала его другим ребятам, меня просто уволочило на три метра. Стоявший рядом парнишка помог мне распутаться, и веселуха продолжалась дальше. Самое интересное – переписываюсь вот с одним полковником МВД (или подполковник, не помню)... Он тогда совсем молоденьким парнишкой стоял в оцеплении на этом самом концерте. Правда, дату и он не помнит. Их тогда посылали на все подобные музыкальные мероприятия. "Не служба была, а сплошной праздник! Я из российской глубинки, сам бы никогда не смог попасть на все эти концерты. Просто ТАК повезло".

Изю всех сил я впитывала тогда в себя все новинки рок-музыки. Сортировала позже – нравится или не нравится. Любые заметки в газетах или журналах вырезала и подклеивала в альбом. Это сейчас такого добра на любом интернетовском сайте навалом, а тогда любая заметочка или вырезка на вес золота ценилась!!!»

Из воспоминаний очевидца:

«Я была на том концерте. Когда ребята разошлись и начали крошить мешающие им стулья (рок-концерт и эти стулья в партере – действительно, глупость огромная), включили свет, "КИНО" перестало петь и минут 10–15 смотрели на отрывающихся зрителей. Вышел какой-то административный мужик, попытался увещевать публику, но нарвался на оглушительный свист и хохот. Тогда он обратился к Виктору: "Ну сделайте что-нибудь, скажите им, чтобы вели себя тише". Виктор сказал спокойно: "Ребят, поаккуратнее, провода и аппаратуру ломаете". Партер еще немного побузил и успокоился».

Андрей Янгель:

«Концерт был во Дворце спорта в Лужниках. Кажется, это был 1988 год. Помню, что Цой был одет в кожаную куртку. К куртке был прикреплен лисий хвост. С Цоем была его девушка... Они опасались, что весьма темпераментные фанатки (их было около ста) накинутся на Цоя у служебного входа, начнут разрывать на нем одежду и оторвут этот хвост. Договорились, что мы незаметно эвакуируем Цоя из ДС после концерта. Так и сделали. Мы с приятелем провели его подвалом, вышли через дверь с противоположной от служебного входа стороны. Другой наш товарищ подогнал туда свои "Жигули", Цоя посадили в них и вывезли. На выезде из Лужников он пересел в свою машину, где его ждала жена. Все было сделано за 10–15 минут. Фанатки так и не поняли, куда пропал Цой. Запомнился как тихий, скромный, немногословный. Мы занимались обеспечением безопасности на концерте, поэтому слушали, когда была возможность. Крупных ЧП не было, а про мелкие происшествия я уже не помню. В те времена практически все было мирно...»

Как писал **Александр Житинский**, «в период со 2-го по 5-е декабря 1988 года “КИНО” отыгрывает серию аншлаговых концертов в Ленинграде, во Дворце спорта “Юбилейный”, по сути, повторив прошлогодний успех группы “Аквариум”».

В декабре 1988 года новосибирская филармония пригласила Виктора Цоя выступить в Новосибирске в спорткомплексе «Север». Концерты прошли 13–14 декабря 1988 года.

Юрий Белишкин:

«Приехали в Новосибирск, где выступали в каком-то окраинном спортзале: там раньше никому в голову не приходило устраивать концерты. Зрители поставили низенькие скамеечки, балансировали на них, а сцены не было – Цой стоял на одном уровне с публикой. Вроде все более-менее прилично себя вели, а после финальной песни вдруг рванули к Виктору. Но мы были ко всему готовы: пригнали машину, открыли дверцы, и он – бегом. Иначе не спастись от толпы, как прыгнув в открытую дверь».

Вот что вспоминал директор Новосибирской филармонии Владимир Миллер:

«Филармония уже не раз организовывала концерты разных музыкальных коллективов и исполнителей. До Виктора у нас побывали Боярский и Розенбаум. Причем нас никто не обязывал проводить такие концерты. Не было никаких указаний сверху. Это была полностью наша идея. И потом, все-таки филармония – это в первую очередь академическая музыка, и нам было очень интересно противопоставить классике нечто новое. Я посчитал, что в тот момент Виктор был интересен нашему городу, наиболее актуален, и решил пригласить его к нам. У меня уже два года были свои связи в Питере, друзья, которые занимались концертами многих интересных музыкантов. Я связался с ними. Помню, что сначала я позвонил, а после встретился с ними в Питере. В маленькой комнатке, где было много знакомых и незнакомых людей, у меня состоялся разговор с директором “КИНО” Юрием Белишкиным, и мы договорились, что Цой приедет в наш город. Помню, что времени на подготовку концертов было очень немного.

Мы тогда пробовали новую концертную площадку в спорткомплексе “Север”, и было решено устроить концерты именно там. Мы соорудили сцену, занавес, поставили скамейки для зрителей, привезли аппаратуру. Было мало времени для рекламы, но народ пришел. Было два концерта в первый день и один во второй. Цой получил за каждый концерт пять тысяч рублей. Это были большие деньги, тогда на них можно было купить машину. Я помню, что Юра все время ходил с чемоданчиком, в котором лежали деньги. Были только он и Цой, не помню, почему Цой был один. Мне он запомнился обычным простым человеком, немного замкнутым. Мы разговаривали об обычных вещах, работе, жизни. Во встрече с каждой звездой есть яркий эпизод, который больше всего врежется в память и остается на долгие годы.

Помню, когда в том же “Севере” выступал Розенбаум и пел песню “Черный тюльпан”, в зале была полная тишина. От концертов Виктора мне больше всего запомнилось, как мы его увозили от поклонников. Помню, после первого концерта Виктор, спев последнюю песню, убежал в глубь сцены, где была дверь, ведущая на улицу. Все было тщательно отработано и продумано. Мой зам хватал Виктора под руки, кто-то его гитару, и мы выбегали на улицу и садились в поджидавшую нас “Волгу”. Дверь за нами закрывалась. Опомнившись, поклонники бежали к дверям и требовали их открыть, но им объясняли, что Виктор уже уехал, затем двери открывали, и разочарованные слушатели расходились, а мы, объехав “Север” с другой стороны, снова заходили вовнутрь, сидели в небольшой комнатке и пили чай с лимоном и коньяком... Побывал Цой и у меня дома. Даже подарил сыну Жене две свои фотографии с автографами. Записывать и снимать концерты нам было нельзя, однако студенты-любители сумели сделать аудиозапись первого цоевского концерта, которая и разошлась по нашему городу с названием “Цой в Новосибирске”...»

Николай Маляр:

«Мне довелось побывать на концерте группы "КИНО" и на сольном выступлении Виктора Цоя. С 1988 по 1990 год я служил в Новосибирске. И в декабре 1988 года (хотя в Интернете иногда упоминают "ноябрь", но сейчас я и сам не могу вспомнить, ноябрь был или декабрь) случайно увидел афишу о концерте группы "КИНО", который должен был состояться не в здании цирка или во Дворце спорта "Сибирь", как обычно, а в каком-то спорткомплексе на окраине города. Цена билета была примерно 2,50 советских рубля, а маленькие билеты на полупрозрачной бумаге были похожи на трамвайные или автобусные. Спорткомплекс был только что построенным, по крайней мере, мне так показалось. Запомнились в раздевалках бабушки-гардеробщицы, лет по 70. Большой зал был похож на спортзал, куда занесли очень много длинных деревянных скамеек и установили прямо на деревянной площадке, оставив небольшой островок для сцены. Пошла среди зрителей информация, что будет выступать Виктор Цой сольно, и это очень многих сначала расстроило. Ведь тогда гремели со всех магнитофонов записи группы, а в сольном исполнении "Группу крови" или "В наших глазах" слышали единицы. Концерт, по тем временам, начался поздно, после 20:00. Самое интересное, что на сценке была установлена аппаратура для группы, но вышел один Виктор с гитарой, но он, вроде бы сказал (я уже забыл), что из-за болезни музыкантов вынужден выступать сольно. Хотя муссировались слухи, что были какие-то организационные причины и даже нежелание местных властей, чтобы концерт группы состоялся. Обстановка в зале была необычная, непередаваемая, зрители окружили Цоя со всех сторон, сидели просто на полу спортзала. Никаких милицейских оцеплений, никто не мешал, зал был похож на тесную компанию вокруг Костра, который дарил нам свет и тепло! Тогда Виктор объявил свою новую песню "Пачка сигарет", спел под гитару, все сидели тихо и слушали, никто тогда не знал, что она станет одним из самых ярких его хитов. Концерт длился недолго. Впечатления были просто непередаваемые. Я уверен, что почти все, кто был на этом концерте, потом осознали, что им повезло услышать и увидеть».

Евгений Иванов, фотограф:

В «Севере» было два концерта, но на втором я вроде как не снимал. Найду негативы, там все написано. Охрана напрягала, фотографии я тоже продавал нелегально. Потом даже в новосибирской газете «Молодость Сибири» в отчете о концерте журналист удивлялся, как «предприимчивые кооператоры» умудрились все же снять Цоя, если жестко запрещали. Фотографии с «Севера» не мог подарить Цою, так как с ним встретиться я как-то не решился. И вообще снимал я «скрытой камерой», так как за мной следили организаторы. Но мне были нужны деньги, и на втором концерте я продал зрителям какое-то количество фотографий – даже не помню, какого формата. А вот съемки в «Сибири» подарить мог. О концерте Цоя в 1984 году я, увы, ничего не знаю, так как уезжал из Новосибирска на полгода...

Чуть позже, в Москве, на студии Валерия Леонтьева, группа «КИНО» записала свой следующий студийный альбом – «Звезда по имени Солнце», однако решила придержать его до осени 1989 года, чтобы не мешать продажам альбома «Группа крови». Заглавная песня «Звезда по имени Солнце» была написана Виктором во время съемок «Иглы» в Алма-Ате и вошла в фильм, другие создавались автором вслед за ней: «Невеселая песня», «Печаль», «Апрель», «Стук», «Место для шага вперед».

«Звезда по имени Солнце»

В 1988 году у группы «КИНО» начались регулярные гастроли, перемежающиеся съемками, поэтому запись нового альбома велась урывками и растянулась на целый год. Демонвер-

сия «Звезды по имени Солнце», как и «Группа крови», была записана на четырехканальную портастудию Yamaha MT-44 в квартире Георгия Гурьянова. Рождалась она в период с февраля по май 1988 года. Как пишет Артемий Троицкий, «к сожалению, оригинальная кассета была утеряна – по словам Гурьянова, он забыл ее в такси. Копии, если и сохранились, до сих пор не обнаружены».

Георгий Гурьянов:

«Это наглая ложь, просто чушь. Я ничего не терял. Никакой потери демоальбома не было. В действительности было так: мы записывали разные версии, пробные сведения на кассете, на моей я записывал те, которые мне самому нравились, которые могли быть неким оригинальным сведением. Например, там могло быть больше секвенсоров, еще что-то... и во время очередной поездки из Москвы в Петербург у меня из кармана эту кассету "подрезали". Самое главное, там была моя музыка, композиторство. И несколько треков "КИНО", просто так сведенных, для меня... Так что ничего оригинального в такси я не оставлял».

До нас дошли лишь "Песня без слов" и "Сказка" с этой демоверсии. Есть и другие "черновики" песен с этого альбома – например, акустические демозаписи песен "Стук", "Печаль" и "Апрель". "Звезда по имени Солнце", заглавная песня альбома, была написана во время съемок фильма "Игла" в 1987 году, буквально на глазах у Марины Смирновой и Рашида Нугманова, и соответственно вошла в фильм (там же написана и песня "Место для шага вперед"). Поэтому первоначально ее записывали на студии "Мосфильма". Предположительно к этой же "мосфильмовской" записи относят и первую версию "Невеселой песни", которая, по словам Каспаряна, нравится ему больше, чем альбомная.

Материал этого альбома примечателен тем, что целых три песни с него – "Сказка", "Апрель" и "Место для шага вперед" – никогда не исполнялись группой на концертах. А все остальные песни стали концертными хитами, и на них были сняты клипы.

Песня без слов, ночь без сна,
Все в свое время – зима и весна,
Каждой звезде – свой неба кусок,
Каждому морю – дождя глоток.
Каждому яблоку – место упасть,
Каждому вору – возможность украсть,
Каждой собаке – палку и кость,
И каждому волку – зубы и злость.

Снова за окнами белый день,
День вызывает меня на бой.
Я чувствую, закрывая глаза, —
Весь мир идет на меня войной...

Альбом "Звезда по имени Солнце" был первой записью группы "КИНО", сделанной на профессиональной студии. Для записи и сведения окончательного варианта альбома группа на месяц <...> арендовала студию Валерия Леонтьева на северо-востоке Москвы, в районе метро «Преображенская». По тем временам студия была оборудована хорошо (16-канальный "Фостекс"), однако приспособлена была скорее для записи эстрадных песен, нежели рок-музыки».

Студию нашел тогдашний директор группы Ю. Белишкин.

Юрий Белишкин:

«Эта студия тогда была одной из лучших в Москве. Мы устраивали ему (Леонтьеву) концерты в “Бенефисе“, а он предложил нам эту студию. К Цою вообще артисты относились очень хорошо. Ведь он был нормальным человеком, помимо того, что очень интересный в творчестве. Там у меня были знакомые, и я с ними договорился сделать запись за очень небольшую сумму. Рассказал об этом Вите. Он вручил мне деньги, и я их просто передал по назначению».

По словам **Белишкина**, альбом начали писать в конце 1988-го, а закончили 12 января 1989 года:

«С 21-го по 30 декабря мы находились в Москве, жили в далекой от центра гостинице ВДНХ, записывались на студии... Закончить запись не успели и на Новый год уехали в Ленинград, а потом возвратились в Москву и с 3-го по 10 января снова делали альбом “Звезда по имени Солнце“. Я все время на студии находился, на кухне там сидел. Все очень быстро происходило, легко. Цой писал вокал почти всегда с первого дубля. Делалось все в охотку, с шутками. Там была небольшая студия, и мы обычно проводили время на кухне, пока кто-то из музыкантов записывался. Курили, пили чай, слушали музыку, потом он заходил в студию и без напряжения, без пота, без споров легко работал».

Цой и Гурьянов вообще достаточно быстро сделали все, что от них требовалось, а вот Каспарян и Тихомиров достаточно долго возились, но все же они удивили звукорежиссеров студии тем, что, врубившись в аппаратуру, к концу записи уже сами практически заменили звукорежиссеров.

Звукорежиссером той записи на студии Леонтьева был, кстати, **Михаил Кувшинов**, который рассказывает:

«В один прекрасный момент ко мне пришел директор Леонтьева и сказал: “Вот, Миша, надо поработать. Есть наши друзья – Виктор Цой и группа “КИНО“». Я не могу сказать, чтобы я был фанатом Цоя, но глубина текстов меня поражала всегда. И поэтому с каким-то таким трепетом я приступил к этой работе. Не могу сказать, что сразу мы нашли какой-то контакт, потому что это была первая запись на профессиональной студии у группы “КИНО“, поэтому возникало много технологических проблем – они привыкли так, а на самом деле надо бы записать так... Но где-то дня через два-три мы очень притерлись и неожиданно для меня здорово подружились. То есть мы сблизились очень сильно, и работа просто пошла в кайф.

Писали с утра до ночи. Не замечали абсолютно время, усталости не было никакой. Было просто очень интересно работать: мы искали новое звуковое решение для звучания группы. Уже почти заканчивали альбом, когда решили отслушать материал полностью от начала до конца. И после отслушивания все вместе сказали: все здорово, но это не “КИНО“».

Тогда мы начали думать, что к чему. Витя предложил: а давайте попробуем сравнить, что отличает эту запись от всех предыдущих? Начали слушать, и все пришли к выводу, что Витин голос, записанный профессиональным микрофоном, не звучит как-то. Витя полез в свою гитару и вытащил оттуда какой-то бытовой японский микрофончик, с которым были записаны все предыдущие альбомы. Мы перезаписали все голосовые треки от начала до конца за один день, и вот тогда это зазвучало непосредственно как группа “КИНО”.

Это было чуть хуже по качеству... вернее, “чуть“ – это скромно сказано. Но зато это зазвучало так, как все к этому привыкли».

Что касается непосредственно Кувшинова, то впоследствии он рассказал несколько интересных фактов. Например, историю о том, что рабочим названием альбома «КИНО» было «Пачка сигарет».

Две готовые песни в итоге не вошли в альбом – это «Вопрос» и «Следи за собой». Первая была известна сначала узкому кругу фанатов по бутлегам, затем ее случайно нашли, она была отреставрирована все тем же Михаилом Кувшиновым и издана в сборнике «История этого мира». Вторая, по словам Гурьянова, выпадала из альбома и вышла в итоге на «Черном альбоме». Предположительно после записи «Звезды по имени Солнце» в этой же студии записаны «Сосны на морском берегу», вошедшие в сборник «Последние записи».

Так много веселых ребят,
И все делают велосипед,
А один из них как-нибудь утром придумает порох.
Ну а я здесь сижу без тебя,
Мне до этих ребят дела нет,
Лишь окурки лежат на полу, да мусора ворох.

Расскажи мне историю этого мира,
Удивись количеству прожитых лет,
Расскажи, каково быть мишенью в тире,
У меня есть вопрос, на который ты не дашь мне ответ...

Юрий Каспарян:

«"Следи за собой" мы вообще не записывали в студии, не помню почему. Вот эта версия на "Черном альбоме" – она, если не ошибаюсь, с какой-то сессии на "Мосфильме" взята, почему не знаю. А "Вопрос" мы, собственно, делали-делали и не доделали. И "Сосны на морском берегу" тоже там делали и не доделали. Но вот я знаю, что "Сосны на морском берегу" – это Игорь дал Марьяне демку, Мороз там подсуетился, еще гитариста какого-то подтянул, и ее издали...»

Хотя альбом и был записан в конце 1988-го – начале 1989-го, вышел он в конце лета – начале осени 1989 года. А. Троицкий при этом пишет, что альбом поступил в киоски звукозаписи в феврале. На самом же деле музыканты решили не выпускать его сразу, чтобы не ухудшать результаты продаж предыдущего альбома «Группа крови».

При выпуске альбома «киношники» пошли в обход фирмы «Мелодия». Они записали его на собственные деньги, а тиражировали через кооператив «Гармония». Поскольку отпечатать альбом на пластинках не удалось (до 1993 года он издавался только неофициально на компакт-кассетах), участники группы не получили ни копейки с его распространения.

Оформление

У альбома «Звезда по имени Солнце» изначально не было никакой официальной обложки.

Георгий Гурьянов:

«У "Звезды по имени Солнце" тоже такая же ужасная история. Нет обложки совсем. Вообще, это болезненное место, так не должно было быть, конечно. Да во многих альбомах не просто обложка, но сама музыка немного другая, немного не то, что хотелось бы слышать, видеть... Хотя нормально получилось. Немного сыровато, но мне нравится. Хотя мне бы нравилось в любом виде».

Знаменитая обложка с солнечным затмением на черном фоне, ставшим логотипом группы «КИНО», нарисована в 1993 году А. Гусевым для издания Moroz Records на пластинках. В 1996 году его отремастировали и выпустили на компакт-дисках и кассетах.

ОТЗЫВЫ

Борис Гребенщиков:

«Совсем недавно – на прошлой неделе в Москве, – переслушивая ночью с друзьями ”Звезду по имени Солнце“, я просто был в неистовстве от того, насколько ясно дух говорит, что ему здесь тесно, что он не понимает, зачем он здесь, и хватит уже, уже все. Там каждое второе слово об этом».

Игорь Гудков:

«Лично мне нравились альбомы ”Группа крови“ и ”Звезда по имени Солнце“. Я помню, как он впервые сыграл ”Звезду по имени Солнце“ у Кинчева на квартире. Мы приехали после концерта памяти Башлачева к Кинчеву и пили брутально очень. Там был Цой как раз, и он Кинчеву сыграл «Звезду», а Кинчев ему сыграл какую-то тоже песню, которая стала потом крутой. ”Звезда“ понравилась сразу – этот ход: она была как реггей тогда».

Юрий Каспарян:

«”Сказку“ мы на концертах никогда не играли, а ”Место для шага вперед“, по-моему, разок попробовали, но как-то не пошло. В оригинале там нет гармонической гитары, ритм-гитары, собственно, того, что на концерте исполнял Виктор, и как-то вот не нашли подходящего тона...»

Александр Титов:

«Когда я услышал первые пробные записи ”Звезды по имени Солнце“ – это была даже не прикидка, а первые пробные домашние записи, – я почувствовал, что Витьке очень несладко и по-человечески одиноко. Это даже не на бытовом уровне: его семейную жизнь мы с ним никогда не обсуждали. Бывает, что человек просто скучает без единомышленников, когда он вдруг чувствует, что по большому счету то, что говорит, он говорит один. Это плохо. Я почувствовал это по песням.

Мы встретились тогда у Боба. Витька принес запись, мы сели и целиком прослушали весь альбом. Я показал ему хорошие места и сказал, что есть эта тоска, которая меня очень сильно пробирает, до косточек. Действительно, прослушав этот альбом, я долго не мог успокоиться. Но Витька – он же все время отшучивается. Он все понимает, но никому ничего не говорит».

Александр Житинский вспоминал, как 17 февраля 1989 года стал одним из первых слушателей альбома «Звезда по имени Солнце» в гостях у Кинчева:

«Я стал слушать – и что-то не покатило. Дело в том, что я очень люблю ”Группу крови“, а здесь мне показалось, что это повтор. Я слушал, слушал, а песне на третьей сказал Вите, мол, что-то не то... Кажется, я даже круче как-то выразился, хотя потом, когда я альбом еще послушал, он мне тоже понравился».

Артемий Троицкий пишет, что неприспособленность студии Валерия Леонтьева для записи рок-музыки отразилась на альбоме:

«Звучание ”Звезды по имени Солнце“ заметно мягче и сглаженнее, чем у других альбомов ”КИНО“. Питерский ”черновик“ пластинки, по мнению музыкантов, звучал намного

живее... Впрочем, винить "киношникам" некого: продюсировали запись они сами; приглашенных музыкантов и консультантов на студии не было (сам Леонтьев тоже не появлялся).

Альбом имел большой успех (иначе быть уже не могло). У музыкантов, однако, осталось чувство неудовлетворенности. По мнению Игоря Тихомирова, "туповато" были аранжированы "Невеселая песня" и "Сказка с несчастливym концом", и в целом запись имеет налет "эстрадности". С другой стороны, "Пачка сигарет" удалась на славу... Думаю, что и заглавная песня альбома (написанная, кстати, раньше всех остальных) может считаться одной из лучших, вышедших из-под пера Цоя».

Андрей Тропилло:

«"Звезду по имени Солнце" я слушать уже не смог, хотя народ был от нее в восторге. На вопросы "как тебе?", я махал рукой со словами: "Витя переборщил с просмотрами видео с Брюсом Ли"».

А. Струков в рецензии на альбом «Звезда по имени Солнце» признается, что далек от музыки «КИНО», но все же старается быть корректным. В своей статье он делает упор на текстах (оправдывая это тем, что группа свела музыкальное развитие к минимализму) и на влиянии «русских корней», которое, по его мнению, стало заметно в новой работе группы:

На холодной земле стоит город большой.
Там горят фонари, и машины гудят.
А над городом ночь, а над ночью луна,
И сегодня луна каплей крови красна.

Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль.
Так откуда взялась печаль?
И вроде жив и здоров,
И вроде жить не тужить.
Так откуда взялась печаль?

«Прослушав несколько раз новый альбом группы "КИНО", чтобы написать заказанную мне рецензию, я понял, что "Звезда..." из тех альбомов, о которых сказать что-нибудь действительно дельное можно будет лишь спустя некоторое время... Динамичное начало немедленно подняло меня на ноги, хотя я забыл, когда последний раз танцевал. Тут же приятно ошеломляет неожиданный характерный волновой звук клавишей, и... Цой затягивает все ту же свою долгую песню, которую до сих пор мало кто понимает. Здесь еще знакомая по "Группе крови" бойцовская стойка, ибо "весь мир идет на меня войной", и бойцовский звук каспаряновской гитары.

Но что бросается в глаза – признанный певец ночи запел вдруг о том, что "есть еще белые-белые дни", и день присутствует теперь в каждой его песне! Это очень важный шаг. Да, ночь для нас – благодатное и плодотворное время. Она давно уже дает нам надежный приют, и многое сделано за многие ночи. Но день сильнее – это факт. Свет сильнее тьмы. День – это обязательно солнце, и оно появляется едва ли не на каждой вещи альбома. Ориентир на Солнце вообще исконен в русской народной традиции, и тут мы подошли к очень важному аспекту. Он ярко проявился в новом альбоме и свидетельствует о назревшей в самом Космосе ситуации. Начнем с того, что Виктор Цой – русский человек, ибо русский есть в меньшей степени национальность и в большей – свойство души. Оно дает о себе знать в новых песнях "КИНО" в полную меру. Все это – явление принципиально другого порядка, в сравнении, скажем, с

известными аранжировками народных песен ансамблем "Ариэль". У "КИНО" это не в лубочном прошлом, а здесь и сейчас, внутри нас. Альбом является живым подтверждением тому, что русская традиция – это не расписные рубахи, в которых уже давно не ходят. Русская традиция – это чем ты кручинишься сегодня, спетое с характерной русской широтой, пускай оно даже вписано (очень гармонично у "КИНО") в международный рок-саунд. На котором, кстати, мы выросли с детства и, тем не менее, не стали от этого англосаксами или масонами, как бы ни уверяли нас в этом господа Белов и Распутин.

<...>

И в заключение по поводу упоминавшегося в начале статьи мнения о так называемом "топтании на месте". Сколько уже лет Цой твердит "одно лишь слово – верь!" и слушают это слово восторженные мальчики и девочки на дискотеках, а вареные фарцовщики в своих "девятках", деловитые комсомольские менеджеры и лохматый пипл – на своих тусовках – слушают, тащатся, но не верят. Если так будет и на сей раз, только в этом будет заключаться единственная слабость альбома».

Для многих поклонников «КИНО» альбом «Звезда по имени Солнце» стал откровением. Мало того что в одноименной песне Цой словно предугадывал свою судьбу («Он не помнит ни чинов, ни имен и способен дотянуться до звезд, не считая, что это сон, и упасть, опаленным звездой по имени Солнце»), он еще и показал всем, что «КИНО» кардинально изменилось.

«И толпы кричали от восторга, и каждый чувствовал себя героем», – писала журналистка Татьяна Арефьева в самиздатовском журнале «Рэдрам». В следующем, 1989 году музыканты «КИНО» дали более 60 концертов, большей частью на стадионах, и объездили кучу городов, где их всегда принимали по высшему классу.

Цой и его деньги

Несметные богатства – неперенный атрибут суперзвезды в народном сознании. Цой многим казался суперзвездой, и, по утверждениям Кинчева, в ответ на вопрос: «Что, все деньги заработать хочешь?» – Цой ответил: «Надо зарабатывать, пока можно зарабатывать». В статьях Троицкого не раз проскальзывала информация, что «КИНО» получало за концерты астрономические суммы.

Алексей Рыбин в своих комментариях утверждал:

«Цой был достаточно жадным, как и любой, выросший в нищете и внезапно разбогатевший. Это обычное дело... Я тоже жадный, потому что приличные деньги начал зарабатывать только на пятом десятке».

По словам Алексея Вишни:

«У Цоя была жадность... И он умел себя продавать. Денег просто до жути было много. Не влезали в карманы, некуда было девать, нечего было покупать. Они скупали доллары. Дорого-предорого. А мама Цоя с восхищением вспоминала, как однажды Витенька привез ей 10 тысяч рублей сотками, одну пачечку. Больно некрасиво об этом говорить, конечно... Но это так. "КИНО" стоило 50 тысяч за концерт, и Цой имел две доли. А играли по 60 концертов в месяц».

Всеволод Гаккель:

«Ни в коем случае не могу соглашаться с подобной точкой зрения. Даже пытаться рассуждать на эту тему».

Как понять, каково же было реальное отношение Цоя к деньгам? Юрий Белишкин вспоминает, что «обмануть Виктора, провести его на ”мякине“ было очень трудно. Он хорошо знал, сколько стоит его концерт, и никогда не шел на коммерческие уступки. В то же время он не старался зашибить шальные деньги. Всегда интересовался: полон ли зал? Если бы узнал, что билеты идут неважно и половина зала пустует, снял бы концерты». Если «КИНО» предлагали десять концертов, Виктор соглашался только на пять, если просили четыре – «КИНО» давало два. Цой категорически отказывался от сборных концертов, даже когда предлагали те же деньги за пару песен. Пусть будет меньше, но за сольные концерты.

Подтверждает слова Юрия Белишкина и **Андрей Самойлов**:

«Сидим в Питере у одного товарища. Денег ни у кого нет. Концертов нет, лето. Приезжают узбеки из Ташкента и предлагают: 15 концертов, стадионов, по 10 тысяч рублей за стадион, четверем любым группам. ”Аквариум”, ”Алиса”, ”КИНО”, ”ДДТ”. Условие – играют на стадионе, неважно, сколько народу. Объясняют: вот пришел бай со своими женами, с друзьями, сидят, плов едят. А вы играете. ”Как это без зрителей играть?” – спрашиваем. ”Вот денег дают 10 тысяч, чего думать”, – объясняют. Все отказались. Цой сказал: ”Я играть не буду”. А 10 тысяч по тем временам большие деньги были...»

Сергей Селюнин:

«Год примерно 1990-й. Известный жулик Алексей Кайбияйнен, который организовал нам концерт с Арлазоровым, а потом украл у меня 200 долларов, которые в то время нищему музыканту были ой как нужны (!), пытался устроить концерт Цоя в Казани. Позвонил ему и говорит:

– Виктор Робертович. Это из Казани. Не могли бы вы выступить у нас в цирке за определенную сумму долларов?

На что Цой ответил:

– Я вам что? Обезьяна?»

В отношении денег, по словам близких Виктору людей, Цой был совершенно адекватен и никогда не переоценивал их значимости. Скупость, как и расточительность, – результат переоценки роли денег в жизни. Цой не был ни скупым, ни расточительным.

Алексей Рыбин:

«Цой всегда хотел много зарабатывать. Еще с тех самых пор, когда сам себе шил штаны из дерьмовой материи. И ему удалось разбогатеть. И он этим откровенно наслаждался. Считать деньги он умел и умело ими распоряжался. Только устройство гастролей и вообще все эти контракты – тут считать мало уметь. Тут нужно знать специфику. Артисты, как правило, нигде в мире этим не занимаются. Для этого есть директора и агенты».

Один парень как-то рассказывал: «Я знаю одну тетку, она работала в кафе в Ялте – у нее Цой частенько кофе и вино попивал. И оставлял ей довольно щедрые чаевые. Она потом на них сыну то ли мопед, то ли мотоцикл купила».

В реальности на тот момент (во время съемок «АССЫ» в Ялте) денег у группы «КИНО» не было вообще. Музыкантам оплачивали билеты и выдавали суточные, что и было отличным заработком, хотя суммы, которые на это выделялись, разумеется, были копеечные. Но для «киношников» и это тогда было круто. Ведь на эти деньги хотя бы один раз в день можно было нормально пообедать.

И уж, конечно, Цой нигде один не выпивал в баре. Группа «КИНО» всегда передвигалась компанией, а в Ялте Цой провел за весь съемочный период не больше трех недель и не бывал

один вообще. Так что подобные истории – не более чем фантазии, но в таком мифотворчестве, как история про чаевые, есть свой смысл: Цой в народном представлении был щедрым, как и положено настоящему герою.

Ирина Легкодух:

«Это было, по-моему, в тот год, когда "АССА" снималась. Витя жил в Ялте, в гостинице "Украина", пошел снег, съемки остановили. И он сидит в гостишке без денег. Совершенно. И чахнет. Мы ему в Симферополе устроили "творческую встречу", чтоб деньги собрать. В музучилище (сейчас консерватория). Там сцена очень высокая и большая, для симфонических оркестров. Для удобства и сокращения времени я была в зале с микрофоном и читала записки, которые мне по рядам передавали, а Витя одиноко сидел на сцене, пел песни под гитару и отвечал на вопросы, которые я зачитывала. Называлось это "Встреча со зрителями", так как Цой за неделю просто никак не успевал подготовить полноценную программу, и группы с ним не было. Меня поразило, что зал был битком набит, мы ведь даже толком рекламу не успели сделать, а на одного-единственного Цоя собрался огромный зал украинского театра. Среди отфильтрованных мной записок самый роскошный вопрос был такой: "Скажите, пожалуйста, что означает 'у-у-у' транквилизатор?" Виктор, даже не задумываясь, ответил: "У-у-у – это бессмысленный набор звуков, а транквилизатор – это лекарство".

Потом мы поехали к нам... Воспоминания от этого дня, конечно, светлые – мы же собрали за этот концерт почти 600 рублей, которые потом честно поделили. Я была тогда очень популярная актриса в Симферополе, чем немилосердно и пользовалась, то есть какой угодно и где угодно могла концерт устроить, а Витя – восходящая рок-звезда из Питера. Мало того, на деньги эти мы устроили праздник жизни, а потом еще поехали в Ялту, где убедили все-таки Соловьева несмотря на снегопад продолжать съемки "АССЫ". И правильно убедили – эта заснеженная Ялта создает всю странность и выразительность его фильма.

Возможно, среди каких-нибудь записей Цоя сохранилось такое шуточное произведение, издательское, про мажоров. Это была такая тетрадь, от которой весь Коктебель угонялся. И мы в этот кодекс все вместе придумывали новые и новые параграфы. Витя носился с этой тетрадью, и, кажется, она у него и осталась. Он вроде бы потом такое произведение придумал – "Неоромантика", или которое должно называться "Кодекс неоромантика", или как-нибудь похоже. Что-то типа – "...неоромантик не имеет права выходить из дому без спортивной сумки, из которой торчит теннисная ракетка Wilson, неоромантик должен тонко разбираться как в марках женского, так и мужского нижнего белья и уметь на ощупь отличить фирму производителя..." Мы этот трактат в Коктебеле придумывали, очень веселились... Витя записывал его, но не знаю, осталась ли эта запись. Есть еще и в Крыму, и в Москве несколько людей, которые тусили тогда с нами. Но я не знаю, были ли и сохранились ли какие-то фотки или материалы. Но где они? Мы ведь тогда жили весело, не фотографировались особо и архивов для истории не вели».

Во многих изданиях и статьях о Викторе проходит информация об огромных суммах, оставшихся после его смерти.

К примеру, в книге Александра Житинского «Цой forever» написано, что «после смерти Цоя на его сберкнижке было 50 тысяч рублей». Непонятно, откуда взялась такая информация. Коммерческих банков еще не существовало, а государству никто не доверял. Да и не имел Цой денег, которые нужно было хранить в банке, – слишком много присутствовало нерешенных бытовых проблем. Ведь при разговоре о деньгах надо понимать контекст. В СССР «богатыми» были отдельные творческие работники, хорошо получали доктора наук и академики, неплохо зарабатывали разного рода спекулянты, торгаши и подпольные цеховики. Ну и высокопоставленная номенклатура жила, конечно, «не как все».

Известно, что Цой приобрёл свою первую подержанную машину за полгода до смерти, а новый «Москвич», купленный вместо нее, и вовсе казался ему роскошью. Квартиры у него не было, перспектив ее купить тоже. Жил он с родственниками Наталии Разлоговой в спальном районе Беляево. А такие деятели культуры, как Соловьев или Говорухин, жили совсем по другому «классу» – у них были и квартиры в центре, и дачи, и машины, и предметы искусства. Если говорить о шоу-бизнесе, то рокер Градский или композитор Матецкий давно уже расселись на иномарках, и даже по сравнению с каким-нибудь Макаревичем Цой был нищим.

Слухи о несметных заработках возникли, по всей видимости, оттого, что окружение «киношников» было очень бедным. И деньги «КИНО» на фоне доходов тех, с кем они поднимались, казались огромными. Недаром ведь интеллигентного Липницкого считали мафиозо – просто потому, что он рос в центре, был окружен предметами искусства, дружил с сытой советской богемой.

У Цоя же не было ни обеспеченной родни, ни доходов, которые позволили бы ему устроить свой быт. Для украшения сценических костюмов он часто покупал дешевую бижутерию. Почти все эти копеечные вещи сохранились. Некоторые украшения Виктор брал у мамы Наталии Разлоговой – в частности, сережки, брошки и колечки, которые он прикреплял к своей куртке.

В 1990 году у группы «КИНО» был длительный гастрольный тур по городам Сибири. Слов Айзеншписа известно, что «Цой получал 40 % от прибыли с концертов плюс прибыль от продажи полиграфической и сувенирной продукции на концертах».

Юрий Айзеншпис:

«Единственной областью, где мы с Виктором являлись равноправными партнерами, была продажа полиграфической и другой сувенирной продукции – инвестировали пополам и прибыль делили пополам. На семь-восемь тысяч приходящих на концерт людей продавалось до трех тысяч плакатов и маек».

По словам Алексея Вишни, «"КИНО" стоило 50 тысяч за концерт, и Цой имел две доли. А играли по 60 концертов в месяц». Но все это говорит лишь о том, что в перспективе, доживи Виктор до эпохи новой России, возможно, он и достиг бы того материального уровня, который ему приписывают.

Юрий Каспарян:

«Ну, постепенно у нас стало достаточно денег. Конечно, квартиры, машины, бриллианты мы не приобрели. Вишня утверждает, что Цой был жадным и расчетливым? Начнем с того, что Вишня сам жадный и расчетливый. Жадным Цой не был, это точно. Мог угостить всю компанию. Тогда не было такого просто... Дело в том, что жизнь была другая. Бывали времена, когда все реально было на подсосе. Я помню, мы с Цоем в Крыму жили на базе пионерлагеря Артек, в Гурзуфе, с "Лицедеями". Спали в общей пионерской спальне. И нас кормили там три раза в день жуткой манной кашей... Потом у нас появились деньги, потом эти деньги обесценились. Такие качели, в общем. Могу сказать, что тому же Цою на машину хватило денег, а на квартиру уже нет».

Георгий Гурьянов:

«Группа «КИНО» была жадной и расчетливой? Синонимы слова "расчетливые" – это образованные, понимающие, умеющие считать, говорить, думать и так далее. Если в таком ключе, то конечно. А денег ни у кого не было. Тогда был коммунизм. Какие деньги?»

Олег Толмачев:

«В среднем "КИНО" получало по десятке за концерт. "Технология" не зарабатывала столько за всю жизнь, сколько Цой за один концерт. Самая маленькая сумма была в Новосибирске 8,5 тысяч. Должны были по 10, но... Это был самый маленький. Все остальные были 10–12. А в Перми Юрик рекорд сделал – 16, 5 тысяч за концерт. Сегодня 10 тысяч тогдашних – это 50 тысяч долларов. Вот столько стоило "КИНО". Это если сегодняшние гонорары сравнивать... У нас было все честно. Цой 40 % получал, остальные по 20 %. У нас вся эта кухня была очень интересная. Ни у кого такого нет».

Юрий Айзеншпис:

«Какого-то финансового договора у нас не существовало, как не было конкретных и постоянных правил игры. В каждом случае дележ прибыли оговаривался отдельно, при этом иногда практиковались варианты гарантированного гонорара для артистов независимо от сборов...»

Сохранился один из черновиков Виктора, на обороте которого виден подсчет прибыли группы за серию концертов 1990 года, в частности, указаны концерты в Риге и Архангельске. Сохранился блокнот Олега Толмачева с графиком концертов по стране и финансовыми подсчетами, и из этих записей следует, что запредельных гонораров группа не получала. Да и играли «киношники» по 60–70 концертов отнюдь не в месяц, как считает Вишня, а в год. И год такой в их жизни был ровно один. Достаточно взглянуть на гастрольный график группы.

Олег Толмачев:

«Кстати, Цой тоже иногда не мог собрать полный зал. Гонорары соответственно меньше были. Не потому что не шли на "КИНО", а потому, что перед ними проехали пять артистов и люди все деньги потратили на них...»

Юрий Айзеншпис:

«Я рисковал. Иногда получалась сверхприбыль, а иногда, при больших затратах и средней посещаемости мероприятия, – почти в нулях оставался. Хотя таких примеров из почти сотни концертов – единицы. Обычно все проходило весьма успешно».

Что касается Виктора, то нужно помнить, что он, по некоторым свидетельствам, собирался откладывать деньги на покупку квартиры, однако же в апреле 1990 года более 30 тысяч рублей истратил на покупку нового автомобиля, помог в покупке машины родителям (согласно воспоминаниям Роберта Максимовича), после чего в конце июня съездил в Париж, на что тоже были потрачены определенные средства. Из всего этого следует, что фантастические суммы на сберкнижках – не более чем вымысел, и никакого особенного сверхдохода у него не было.

Телохранители Цоя

Выводы о «богатстве» и звездной болезни Цоя делались и потому, что неверно трактовались те или иные события.

Константин Кинчев:

«Вообще Цой пафос любил. Он чувствовал себя звездой и старался этому соответствовать. Ездил только на машине с затемненными стеклами. Не удивлюсь, если у него и телохранители были. Не помню, в Красноярске или Новосибирске он заявил: "Я на сцену не выйду – зал неполный". Так в зале такое началось, что их там чуть не убили. Заносило его, это точно. Может, потом и прошло бы».

Воспоминания Кинчева субъективны. Но он, по крайней мере, только предполагает наличие телохранителей, а вот БГ и Житинский всегда рассказывали историю об эффектном появлении Цоя в сопровождении каких-то двух ребят, якобы телохранителей, на дне рождения БГ.

Александр Житинский, писатель:

«Это было 27 ноября 1989 года. День рождения БГ. Боре исполнилось 36 лет. Праздновали в мастерской художника-митька Вити Тихомирова. Была большая компания, никакого застолья, а просто все пили вино и закусывали, чем придется. Было известно, что в этот вечер "КИНО" дает сольный концерт в СКК и что после концерта Цой обещал заехать поздравить Бориса. Сам Боря мне это и сказал. И вот где-то около одиннадцати вечера в дверь позвонили. Хозяин мастерской открыл. Из черного лестничного провала в дверь молча вошли две высокие мощные фигуры в длинных черных плащах – абсолютно незнакомые. Они сделали три шага вперед, расступились и застыли, заложив руки за спины. Все молча взирали на этот кадр из голливудского фильма. Последовала пауза – и из той же лестничной темноты в дверях показался Цой. Тоже весь в черном и даже, кажется, в шляпе. Не помню. Просто хотелось бы, чтобы он был в шляпе. Чисто стилистически. Видимо, он поздоровался с присутствующими, и они ему ответили. Хотелось бы, чтобы хором. Но я этого тоже не помню, ибо был просто заморожен этим фантастическим появлением. Цой с БГ отделились от компании и поговорили с глазу на глаз минут десять. В это время телохранители (а это были именно телохранители, о чем я догадался лишь на следующее утро!) неподвижно стояли на тех же местах, в тех же позах, не сводя глаз с присутствующих. Я-то по наивности принял их за почетный караул. Пообщавшись с Бобом, Витя немного поговорил с другими гостями. Я тоже подошел к нему и извинился за ту скоропалительную оценку "Звезды по имени Солнце", которую высказал ему в начале года у Кинчева. Цой сказал что-то типа "да ничего" и вскоре покинул мастерскую вместе с сопровождающими».

Инна Николаевна Голубева:

«У Цоя были секьюрити. Точно. Я с ними дружу, они мне иногда звонят. Наталия утверждает, что не было. Ну и что? Пять персонажей – пять версий. Что мы можем доказать? Кому? Кто-то услышит, кто-то поверит, кто-то пошлет подальше. Моя приятельница вообще вот говорит: "Они же оба наркоманы были – и Цой, и Наташа". Мне в дом принесли вот такие сведения, да. Люди, хорошо к нам относящиеся. Не просто там кто-нибудь».

По словам же Наталии Разлоговой, в те годы не было такого понятия, как «телохранитель». И никаких личных охранников у Цоя тоже, разумеется, не было. Была охрана. У всех, но только во время концертов. А личная охрана была только у членов политбюро...

Люди часто путают реалии нашего времени с прошлыми. И забывают, что первые ЧОПы появились только в 90-е, а в СССР никакой частной охраны не существовало, как не было мобильных телефонов, олигархов, РСР, Wii и многого другого. Цой зашел на день рождения БГ прямо с концерта и, возможно, взял с собой кого-то из концертной охраны, кто хотел взглянуть на Гребенщикова. Может быть, с ним пришли подручные Айзеншписа, которые сопровождали группу на гастролях (к 1989 году Цой уже давно жил в Москве), хотя, если верить тому, что это было в ноябре 1989 года, то Айзеншпис в свете группы «КИНО» еще не появился вообще, и всем рулил Белишкин, который, кстати, о телохранителях Цоя никогда не вспоминал. Но, скорее всего, это просто выдумка.

Юрий Каспарян:

«Ну вот, собственно, когда мы с Юрием Шмилевичем ездили, там у нас было три техника, и еще Змей и Олег, они как бы телохранители были. В личной жизни у нас охраны не было. Я помню какое-то интервью Гребенщикова о телохранителях Цоя, с которыми он пришел. Это было на его дне рождения, у художника Виктора Тихомирова. Я вот думал, откуда это могло взяться. Но в голову ничего не приходит, и я могу только догадываться... В принципе такая тема... Сейчас вот, например, охрана из зала практически до гостиницы провожает, эскорт. Не знаю, было ли тогда такое. Это не телохранители, это просто охрана, ребята, которые и в зале за порядком следят, и от служебного входа до автомобиля они коридорчик делают, ну и всякое такое. Иногда они, собственно, и доставляют тела до гостиницы».

Виктор Тихомиров:

«Никогда я лично не говорил о каких-либо телохранителях Цоя, которые пришли с ним ко мне в мастерскую. Это откуда вообще взялось, непонятно...? Глупости какие-то».

Олег Толмачев:

«Никаких телохранителей у "КИНО" не было. В некоторых городах предлагали, но, по большому счету, мы сами справлялись».

Георгий Гурьянов:

«Житинский чушь какую-то говорит. Это были помощники Айзеншписа. Я помню, как Каспарян и Наташа были страшно возмущены заявлением Гребенщикова о телохранителях Цоя. Телохранители – это команда молодых людей Юры Айзеншписа, которые помогали, таскали аппаратуру, какие-то там тяжести. Много всего же было для полноценного выступления... Они же и телохранителями были. Но это не те, что вот сейчас в костюмах с галстуками, рациями, на дорогих автомобилях... Мне бы такие понравились. Тогда это только предполагалось. Все закончилось в тот момент, когда все только начиналось».

В прессе не раз писали, что рядом с Цоем последние годы постоянно находилась невысокая девушка, брюнетка, мастер восточных единоборств, выполнявшая функцию личного охранника. Якобы ее даже можно увидеть на некоторых сохранившихся видеозаписях концертов «КИНО».

Это тоже не соответствует действительности. Вероятнее всего, журналисты имеют в виду Наталию Разлогову, действительно сопровождавшую Цоя на некоторых гастролях «КИНО». Во всяком случае, никаких других девушек рядом с группой «КИНО» никогда не было, у Юрия Айзеншписа были помощники исключительно мужского пола.

В довершение приведу отрывок из интервью **Виктора Цоя:**

– Есть ли у вас телохранители?

– Нет. Хотя вообще на наши концерты собираются по 10–20 тысяч человек... Молодежь у самой сцены, и приходится прибегать к услугам крепких ребят, которые ограждают нас от толпы. Иначе придется только автографы раздавать, петь не дадут.

1989

Еще осенью 1988 года в Москву приехали двое датчан, представлявших молодежное движение Next Stop. Это движение возникло в Дании в 1987 году, когда 65 молодых датчан поехали в США и около ядерного полигона в Неваде стали пропагандировать идеи мира и выступать против испытаний ядерного оружия.

Первые контакты Next Stop Sovjet с советскими независимыми организациями относятся к февралю 1988 года. Предполагалось наладить широкое общение активистов общественного движения и людей с общими интересами в рамках программы народной дипломатии.

Было ясно, что надо разрушать «железный занавес» между Европой и СССР. Советским людям, равно как и датчанам, хотелось понять, как же живут за границей. И, как ни странно, хотя движение было по сути экологическое, в СССР почти во всех регионах оно приняло ярко выраженную антивоенную направленность.

Йон Кальдан:

«В Дании у нас было движение молодежное такое Next Stop. Мы хотели, чтобы прекратили испытывать все это ядерное оружие... Это была, конечно, весьма наивная идея, но из нее получилось такое вот движение... Мы захотели разрушить железный занавес. Мы хотим Next Stop Sovjet, мы хотим в Советский Союз. Я знал русский язык и пригласил своего друга, тоже рок-музыканта, игравшего очень тяжелый панк-рок: "Давай поедem в Советский Союз, посмотрим, что у них там есть". И мы приехали в Москву осенью 1988 года, попали там на концерт памяти Башлачева в Лужниках. Второй там играла группа "КИНО", и, когда мы ее услышали, мы сказали – это что – то! Мы поняли, что отсюда мы можем взять вдохновение. Мы решили энергию этой музыки донести до Дании. Когда мы вернулись домой, мы стали думать, как мы можем пригласить группу «КИНО» в Данию, чтобы наши друзья и знакомые услышали эту группу. Но это был Советский Союз. И стали думать. Решили – нужно устроить концерт в помощь чему-то. И когда возникла эта идея – в Армении случилось землетрясение. И мы подумали – если мы пригласим "КИНО" чтобы помочь жертвам землетрясения, то, может быть, их выпустят, может быть, они приедут. Был найден информационный повод для выезда "КИНО" за рубеж».

Всем известно, что Виктор не жаловал за границу гастрольями. И предложение датчан поставило его перед выбором.

Из интервью Виктора Цоя:

– Виктор, а ты хотел бы, чтобы группа «КИНО» поехала в зарубежные гастрольи?

– Нет.

– Скажи, а почему ты не хочешь ехать?

– Ну, потому, что я прекрасно отдаю себе отчет в том, что это никому там не интересно и что не может быть интересной группа, поющая на иностранном языке и неизвестная. А ехать, чтобы купить себе там – я не знаю – магнитофон и привезти его сюда или посмотреть, какие там замечательные машины или какие там замечательные гостиницы?! Это только зря время терять... Зачем?!

И все же 12 января 1989 года группа «КИНО» отправилась в Данию, в Христианию, где 14 января выступила в Ден-Гра-Холле на фестивале Next Stop Sovjet, собиравшем средства в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении. В такой момент Цой не мог остаться в стороне.

Йон Кальдан:

«У нас были знакомые в Москве, мы обратились к ним и все получилось. "КИНО" приехало в Данию зимой 1989 года. Место проведения концерта в Копенгагене мы нашли быстро, это было такое большое пространство, очень красивое, там озеро... Это были бывшие военные казармы, оккупированные хиппи, и вот там был большой концертный зал. Мы рассчиты-

вали, что придут жители Копенгагена, а пришли все любители рок-н-ролла... Зрителей было порядка четырех тысяч человек. Люди танцевали, пели, кричали, все были в восторге.

В моем восприятии Цой был такой серьезный, жесткий, и музыканты его все в черном, мрачные, казались очень нелюдимыми. Но когда я познакомился с ними ближе, я ощутил нежность, которая проглядывала в лирике Цоя. На следующий день 15 января Цой играл для совсем маленькой тусовки, и я сделал несколько фотографий.

Денег у нас на оплату гостиницы для "КИНО" не было, и мы разобрали музыкантов по домам. И вот я остался с Виктором. И все четыре дня, которые они были в Дании, мы с ним были вместе, подружились. Мы сидели с ним, болтали, с ним было очень легко. У остальных тусовки были, клубная жизнь ночная, а мы сидели, разговаривали, стихи читали и прочее. Он напевал что-то... Мы с ним катались на велосипеде, ходили в гости к хиппи, пробовали курить коноплю и вообще все попробовали... Ходили на рынок, покупали разные фрукты-овощи...

Для него это было спокойное времяпрепровождение, и, как он сам мне потом сказал, было очень приятно бродить в Копенгагене, в столице Дании, где его никто не знал. Тогда в СССР он уже был звездой, и ходить по улицам ему было уже трудно. Его узнавали, а тут никто не знал. И я помню, что даже в мелочах Цой показал себя как спокойный, хороший человек, который очень увлекался жизнью. И совсем он был не замкнутый, скорее наоборот.

Помню, как на рынке Цой столкнулся с явлением Запада – с порнухой. Ему стало интересно, он захотел купить журнал, посмотреть. Купил, посмотрел, и у нас был завтрак – бананы, помидоры, селедка и порнуха, даже фотография сохранилась... О художестве мы с ним не говорили, у нас было очень много дел с концертом... Я до сих пор испытываю чувство гордости за то, что я показал Дании Цоя...»

После концерта музыканты дали интервью местной радиостанции на английском языке.

Из интервью **Виктора Цоя:**

«Землетрясение в Армении подвело нас к черте, стоя на которой рождается мысль о невозможности жить по-прежнему. Это был предел, призывающий исправлять то, что наворочено за всю историю. А иначе – я не знаю, что может случиться».

Георгий Гурьянов:

«В Дании концерт был у нас. Я хорошо помню. Это был первый наш выезд за рубеж. Первый выезд в капстрану, выход в западный мир. Как раз мы записали альбом "Звезда по имени Солнце" и поехали в Данию. Там был какой-то фестиваль, играть нужно было в каком-то загоне буквально. Сыграли мы там круто. Есть запись, правда, плохая, но можно смотреть. Дали там жару... Аудитория была большая. Больше, чем потом во Франции и в Италии. Там был такой интересный момент: оператор, снимавший этот концерт, подобрался совсем близко ко мне и в какой-то горячий момент у меня обрушился "том" и полетел прямо в объектив камеры... Прямо как у группы The Who. Но вообще мне в Дании не понравилось. Похоже на Таллин. Было разочарование».

Виктор Цой:

«Еще мы ездили в Данию. И только потому, что там проводились концерты в фонд Армении. Им нужна была для концертов какая-нибудь русская группа, они выбрали группу "КИНО". Тут отказаться было уже трудно, хотя, скорее всего, я бы отказался при других условиях».

17 января группа «КИНО» вернулась в СССР. В феврале (2–5) «киношники» отыграли семь концертов в Алма-Ате.

Виктор Цой:

«У нас очень много предложений, но мы выбрали Алма-Ату, потому что я очень полюбил этот город. Мы вообще очень мало гастролируем. Лучше больше времени отдавать работе над делом музыки, чем над ее исполнением».

Юрий Белишкин:

«Прилетаем, смотрим – ни одной афиши в городе. Спрашиваем организаторов: "В чем дело?" А они показывают в офисе пачки афиш, которые уже не нужны, потому что, поставив лишь один щит, они продали три Дворца спорта».

Из воспоминаний:

«...в 1985-м я впервые услышал "КИНО" на кассете. Голос, музыка, аранжировки мне сразу не понравились. Но тексты зацепили моментом. Такое никто в то время не пел. И это был кайф!

А потом были "Ночь" и "Группа крови". И приезд "КИНО" в Алма-Ату, 1989-й... Погода была омерзительная: раскисший снег чавкал под ногами, как вонючее болото. Город был захвачен сыростью и слякотью. Я шел во Дворец спорта на встречу с Виктором и думал, с чего начать разговор... С "Группы крови"? С феномена "КИНО"? С диска "Ночь"?

До концерта оставалось еще полчаса. Каспарян и Гурьянов весело пинали друг другу мячик, набитый какой-то дрянью. Тихомиров, сидя в углу, похихатывал, читая какую-то пионерскую газету, в которой было опубликовано интервью с Цоем, и ехидно его комментировал. Совершенно левые люди заходили в гримерку, нахально глотали холодную "Пепсику", стреляли у ребят сигареты (господи, тогда это еще не было дефицитом!), беспардонно вмешивались в разговоры. Особенно борзела одна длинноногая деваха, по лицу которой блуждала счастливая улыбка растревоженной идиотки, которой доверили нести знамя. А из-за чуть приоткрытой двери доносился пороссячий визг сотен юных алма-атинских поклонниц "КИНО", уже заполнивших партер. Сегодня последний концерт группы в Алма-Ате. Кто мог тогда знать, что здесь Цой выступает в последний раз?»

Игорь Коваленко:

«В первый раз голос Цоя я услышал в 85-м году у одноклассницы. Сквозь пургу и треск помех раздолбанной "Весны" он пел "Восьмиклассницу". Качество записи было поганым, но голос и текст меня заворожили. Помню, как под "Восьмиклассницу" меня пинали ногами в милицейском обезьяннике-клетке после концерта, на котором снимался финал фильма "АССА". Впервые я увидел Цоя вживую на съемках "Иглы", где в эпизодах снимался мой племянник Сашка Алибакиев. Помните монетку на веревочке, которую главный герой опускал в телефон-автомат? Я вертел ее на пальце, ожидая битых два часа Сашку, пока ее не забрал у меня помощник режиссера и не отдал молчаливому метису. Месяца через два этот метис упадет, убитый ножом наемника, а Сашка деловито спросит меня: "А ты знаешь, кто это упал?" Меня интересовало только одно – поскорее свалить с мороза, и я сумничал: "Брюс Ли небось?" На что племянник солидно пояснил: "Это Виктор Цой – из "КИНО"».

Познакомились мы в Алма-Ате в феврале 89-го на гастролях группы. Мы стояли у Дворца спорта и долго ждали Цоя. Дурной бородач из алма-атинского Рок-клуба часто высказывал уверенность, что вся команда давно уехала в гостиницу и поклонников просят разойтись. Ему не верили. Бородач матерился и уходил. Толпа редела. Вдруг к центральному входу подкатил "Рафик", и первым вышел бородач, который почему-то отнял у кого-то фотоаппарат. Началась ругань, и тут появился Цой. Все замолчали. "Привет, Виктор", – сказала девочка с косичками. "Привет, толпа, – остановился Цой. – Меня ждете?" – "Спасибо, что приехал". "Дать

автограф?“ – Виктор достал ручку и черкнул на паре билетов. ”Ладно, я поехал. А ты, отдай фотик“, – сказал он ”бороде“. ”КИНО“ погрузились в машину, но просто так их не отпустили. ”Рафик“ дружно приподняли и несли метров двадцать. А ”бороду“ побили, но не сильно. В гостиницу я вернулся за полночь с бутылкой ”Столичной“ в руках. В коридоре кто-то спросил меня в спину: ”Кому несешь?“ ”Тебе!“ – зло решил отвязаться я. ”Тогда заходи“. Я обернулся – Цой. В тапочках на босу ногу и с полотенцем через плечо. В номере уже было весело. Цой спросил только: ”А ты кто?“ – ”А я машину сейчас твою нес“. Трепались и гудели до четырех часов утра. Цой все звонил куда-то, пил залпом из граненых стаканов и не пьянел. Говорил, как затрахали его местные журналисты. Все ржали, вспоминая школу и ножки учительниц, ссорились с горничной, которую потом все же затащили в компанию. Виктор говорил про поездку в Америку, про сына и мать, звал в Питер и смеялся, когда я сказал, что не приеду, потому что дорого. Даже во хмелю он оставался собранным. Все-таки я приехал в Питер и застал его, возившегося с сыном, отдал коробку алма-атинских яблок. Мы курили с ним на лестничной клетке. В конце весны перед самой армией дверь открыла уже Марьяна, его первая жена, и сказала, что Виктор здесь больше не живет. Эта грозная дама хотела спустить меня с лестницы, но я забил ей руки коробом с казахстанским апортом, на что она возразила: ”Еще чего!“ ”А пацану“, – сказал я, спускаясь вниз...»

Юрий Белишкин:

«Февраль, Алма-Ата. Витя после концерта всегда минут десять лежал без движения, в себя приходил: на сцене энергии всегда много затрачивал. Для него, я думаю, очень важны были эти послеконцертные минуты. И вдруг вламывается какой-то дядя: ”Я из воинской части, мне срочно интервью у Цоя взять надо, у меня через несколько минут последний автобус, опаздываю...“ Отвечаю: ”Подождите немного, он скоро выйдет“. Тот ничего слушать не желает, разворачивается и уходит. А потом статья выходит, мол, зажрался, жлоб, интервью не дает, звездная болезнь...»

Шамиль Жуматов:

«Всегда вспоминаю свой первый опыт съемки Виктора Цоя... Он давал в Алма-Ате концерт, и тогда мне разрешили сделать один снимок. До сих пор перед глазами эта картина. Сидит звезда, и я стою напротив него, такой юный фотокорреспондент, и думаю, как же сделать этот единственный кадр. Пауза затянулась, и Виктор Цой говорит: ”Ну же, снимай“, а я ему отвечаю: ”Можно не двигаться? Я же рискую!“ На что он мне парировал: ”Я тоже“. Фото вышло удачное и было опубликовано в одной из местных газет...»

В феврале 1989 (по воспоминаниям Джоанны Стингрей в декабре 1988 года) Виктор вместе с Наташей и Каспаряном впервые летит в США, к Джоанне Стингрей. Правда, Наташа, долетев с ребятами до Нью-Йорка, далее отправилась по своим служебным делам, предоставив Виктора и Юрия Джоанне.

Как рассказывала впоследствии сама Джоанна, она ждала этого момента так долго, что решила потратить все сэкономленные деньги, чтобы сделать путешествие ребят незабываемым. В аэропорт встречать Виктора с Юрием она отправилась во взятом напрокат белом лимузине с баром и телевизором. Две недели они провели как дети, наслаждаясь жизнью... Ездили в Диснейленд, который, по мнению Джоанны, понравился Цою больше всего.

Джоанна Стингрей:

«Я ждала этого момента так долго, что решила потратить все сэкономленные деньги, чтобы сделать его путешествие незабываемым. В свой первый прилет в США, в Лос-Анджелес,

Виктор был не один, а с Юрием. В аэропорт встречать их я отправилась во взятом напрокат белом лимузине с баром и телевизором. Это был просто взрыв восторга.

Две недели мы провели, наслаждаясь жизнью. Мы долго мечтали о встрече, и когда они приехали, мы ездили из города в город: были в Диснейленде, и в Беверли-Хиллз, и в Лас-Вегасе, и увидели все великие вещи, которые он хотел видеть. Он был как ребенок в кондитерской лавке. Он смеялся, просто принимая все это. Он любил делать то, что обычно любят дети: покататься на каруселях и других аттракционах, поесть сладкой ваты и мороженого. Он считал, что Диснейленд был просто волшебный. Еще Цой очень любил хорошую погоду, когда всегда тепло и солнечно. Он говорил: "Круто, что у тебя дома, как и в большинстве других домов, есть плавательный бассейн на заднем дворе..." Ему это очень нравилось...

Во время этого путешествия Виктор впервые сел за руль автомобиля. Мы были в гостях у моего отца, а он разрешил Виктору с Юрием проехать на его "Кадиллаке" по пустой стоянке. Они были не очень хорошие водители, разумеется, они сели за руль первый раз, но им это очень понравилось...

Еще в 1986 году, будучи кочегаром «Камчатки», Цой через своего друга Сергея Фирсова познакомился с француженкой Натали Минц. Она училась в Сорбонне, в Ленинград попала по обмену студентами. После знакомства с русскими музыкантами она увлеклась рок-музыкой и совершенно забросила учебу. Вернувшись во Францию, Натали, через пару лет совместно с Жоэлем Бастенером организовав продюсерскую компанию Volya Productions, приглашала Кинчева, Гребенщикова, Цоя, "АукцЫон", "Звуки Му" во Францию, где помогала организовывать им концерты.

Сергей Фирсов:

«Француженки к нам в 86-м прибудились. Натали Минц и Люси Терпиньянц. Они учились в Питере по обмену. Обе – дочери эмигрантов из России. Жили они рядом с Казанским собором и постоянно пропадали у нас на "Камчатке". Натали больше у нас, а Люси – чаще на Невском, возле Армянской церкви. Там был такой художник Юлик, у которого тоже тусовался Башлачев, художники, литераторы. И Люси там просто спилась окончательно. А девушка – ей было лет 18 или 19 – из нормальной буржуазной семьи, такая абсолютно неподготовленная к нашим реалиям... А Натали, наоборот, была пробивная, шумная, веселая девчонка. В нее я влюбился без задних ног, чуть не женился... Длинная история. В итоге она стала работать с "АукцЫоном", "Воплями Видоплясова", "Звуками Му", "КИНО"... Свезила их всех в первый раз во Францию, выпустила им всем первые пластинки».

2 апреля 1989 года группа «КИНО» вместе с «АукцЫоном» и «Звуками Му» вылетает во Францию, где выступает на 13-м фестивале популярной музыки «Весна в Бурже» (Printemps de Bourges) в Бурже, главном городе французского департамента Шер – когда-то столице зажиточной провинции Берри.

Жоэль Бастенер:

«Приезд трех советских групп на фестиваль Printemps de Bourges был авантюрой, которая осталась в истории потому, что во время той поездки был снят фильм, в котором зрители впервые увидели советские рок-группы на Западе. А группы были не простые! Самые аутентичные и наименее вторичные. Эффектом тех гастролей мы не были довольны, ожидали лучшего приема и от публики и от прессы. Ведь затея была не из простых – надо было убедить сотрудников госаппарата самого высокого уровня в необходимости организации столь знакового события. Чтобы организовать эту поездку, мы вышли на министра культуры Жака Ланга, который обратился к своему советскому коллеге, но Москва наш выбор не поддержала. Совет-

ские чиновники хотели отправить за границу совсем другие группы, и не во Францию, а в Германию или США. Один советский дипломат даже сказал мне, что Цою нельзя оформить документы на выезд, потому что у него нет прописки. Мне также объясняли, что нельзя приглашать немых бездельников из “АукцЫона”, поэтому приходилось глушить чиновников МИДа бесконечными объяснительными записками. В результате Ролан Дюма, наш министр иностранных дел, написал напрямую Шеварднадзе, после чего ОВИР все-таки принял Белишкина и других администраторов выбранных нами групп. Отдельной проблемой было потом собрать 26 музыкантов и удостовериться, что они зашли на борт самолета “Эр Франс”. Мы также потребовали, чтобы артистов не сопровождали “люди в штатском” – “Ва-Банк” и “Звуки Му” были в Германии за два месяца до нашей поездки, и их агенты повсюду сопровождали. Во всей этой истории, как и в знакомстве группами за два года до описываемых событий, основную роль сыграла Натали Минц. Если я был “ушами” нашей команды, то она была ее “носом”, ну и мы вместе с братом Натали Никола Минцем были также “глазами” и “голосом”. Но без ее нюха, ее женского чутья мы никогда бы не вышли на нужных людей, никогда бы не заметили вовремя препятствий и не услышали правильных записей. Я занимался эстетической стороной вопроса, придумывал художественную часть проектов, делал историческое обоснование, предлагал политическую аргументацию нашим дипломатам и чиновникам. Никола переводил меня на язык журналистов, договаривался о датах концертов, а Натали была идеальным фронтменом для создания полноценного мифа. В тот период мы ощущали себя частью истории, не сомневались ни секунды в том, что делаем все правильно, и отважно рвались вперед. Помню, как мы весьма резко разговаривали с министрами и руководителями аппаратов, мы ничуть не робели, потому что были преисполнены чувства, что под нашим натиском сдвинется с места мировая система координат. С русскими артистами нас тогда роднило именно отсутствие пиетета к мировой системе, мы были как бы вне всего и не собирались подчиняться никаким правилам. Самыми негибкими и уверенными в себе были Цой с Гурьяновым. То есть в определенном смысле мы все были похожи, поэтому наши самолюбия иногда входили в противоречие с самолюбием русских. Все были резкими, амбициозными и считали себя истиной в последней инстанции. Конечно, сейчас эта уверенность в себе кажется инфантильностью, но она оправдана историей России: то, что мы говорили тогда, было правильным, ибо таковым остается и сейчас, 25 лет спустя. Как и тогда, слышна в песнях Цоя истинность, и ничуть его музыка не устарела. Лишь результат нашей деятельности оказался разочаровывающим: мир не перевернулся, парадигма не изменилась...»

Олег Котельников:

«В 1987 году Жоэль Бастенер, мой старый приятель, позвонил мне и рассказал об идее фестиваля, который задумал провести во Франции. Прислал приглашение, и я пошел в ОВИР, а там – такая давка, все злые, думаю: “А ну его нафиг”. Звоню Жоэлю: “Я к вам не поеду, это физически невозможно – получить документы и не умереть!” Но Жоэль был непреклонен. Вместе с Русским монархическим движением он создал студию “Музыкальная Воля” и выпускал пластинки русских групп. Ранее он постоянно тусил с “АукцЫоном”, и Жоэль очень обиделся на них, когда они нашли себе немецкого продюсера.

В тот раз он задумал привезти несколько групп, и мы пошли с Натальей Минц в Министрство культуры и поставили ультиматум: либо от нас едут ровно двадцать пять человек, либо не едет никто. Манкировать приглашением французов перестроечные наши никак не могли, поэтому наше настоятельное условие город принял и выпустил двадцать пять человек. Приехали дней на десять, а было всего два концерта: один – на фестивале Ле Бурже, другой – на Пляс Пигаль, где Moulin Rouge, а рядом клуб-дискотека “Локомотив”. Сейчас уже нет там этого клуба. Любимое кафе стоит на месте, а концертного зала уже нет. Там и выступали все

банды, и там я познакомился с Брайаном Ино уже поближе. Тогда Жоэльчик жутко обиделся, что Брайан прихватил "Звуков Му" и всех пригласил к себе на ужин:

– Я ведь вас тут принимаю, – ворчал Жоэль, – ну обидно... пускай пригласит к себе в Англию и пусть там и вые...тся...

Познакомились мы с ним смешно. Я сижу, режу камень, Саша Липницкий ко мне его подводит:

– Смотри, Олег, это Брайан Ино, – улыбается Липа.

– Подождите, вы видите, я делом занят, – недовольно отвечаю я, – давай, Брайан, вечером увидимся, на банкете поговорим.

Концерт закончился, всех пригласили в ресторан...

Проснувшись поутру, Юрий Каспарян решил подключить очередную примочку к своей гитаре, для чего ему срочно понадобился адаптер-переходник со 110 вольт на 220. И мы с Тишей и Юриком отправились на поиски. Заходим в один магазин – говорят, нет такого. В другой – опять нет.

– Да что же это такое, что за напасть-то! – чуть не разрыдались мы в третьем магазине.

И хозяин магазина, услышав русскую речь, окликнул нас:

– О, ребята, разве вы не англичане? Нет? Тогда хорошо, поскольку их мы ненавидим. Вам адаптер? Пожалуйста, есть.

Цой тогда с нами не пошел. Он с Наташей Разлоговой везде ходил неотступно, а она знала французский и показывала ему все, рассказывала... водила его везде, переводила...»

Алексей Хвостенко:

«Начались выступления с традиционного фестиваля "Бурж-фронтан", где выступали все три команды, и критики отметили высокое качество групп и заинтересованность слушателей. На этих выступлениях мы не были, поэтому ничего сказать не могу, но расскажу о самом начале приезда этих ребят. Мы встретились в первый же вечер в ресторане "Тельменус", какой находится напротив Северного вокзала, где Жоэль Бастенер, продюсер, устроил обед для всех ребят. Там мы со всеми познакомились. В этот же вечер мы пошли ко мне домой и полночи провели в разговорах, исполнении песен. Пел и я свои песни, которые, как оказалось, прекрасно знают ребята, хотя меня 12 лет не было в России, и они пели до самого утра, хотя на следующий день должны были ехать на фестиваль.

Следующий концерт состоялся в Париже, в зале "Локомотив", около знаменитого театра Moulin Rouge, и здесь парижские слушатели впервые познакомились с выступлениями советских групп. Надо сказать, я впервые услышал выступления советского рока. На меня произвело совершенно неизгладимое впечатление. Замечательная группа "АукцЫон" со своим перформансом, со страстью к переодеванию и к игре, танцами, и прочее-прочее была с энтузиазмом воспринята парижскими зрителями, что довольно неожиданно, поскольку французов довольно трудно расшевелить и раскачать на музыку.

И "АукцЫон", и "Звуки Му", и "КИНО" имели очевидный успех в Париже. Это несмотря на то, что эффект слова был скрыт для большинства французских зрителей...»

Есть один любопытный факт, по которому можно судить о том, как Виктор позиционировал себя за границей. Когда «киношники» прилетели в Париж, ему и музыкантам «КИНО» Натали Минц заявила, что прямо из аэропорта все поедут на интервью. На что Цой возразил, что хотел бы сначала заехать в гостиницу, привести себя в порядок и поесть. Она же, как западный продюсер, ледяным тоном ответила, что все будет так, как написано в их графике. Тогда Цой спокойно сказал: «Останови автобус, я лечу домой». По его лицу было ясно, что он не шутит. Поэтому Натали вздохнула и повезла всех в гостиницу.

Евгений Додолев:

«На пресс-конференции, посвященной выходу "Черного альбома", справа от меня восседала Натали Минц. И она мне рассказывала про первый визит Юрия Шевчука и его команды в Париж. Из-за того, что начало визита выпало на выходные, там случилась какая-то накладка с валютой (в советские времена перед поездкой меняли скромное количество франков, за хранение коих в "мирное время" полагался приговор и срок, между прочим). Короче, оказались музыканты без средств во Франции. То есть совсем. Французы, щедростью и гостеприимством никогда не отличавшиеся, подкармливали рокеров мороженым и леденцами. Те лизали и сосали. Натали Минц, рулившая гастролями, предложила Шевчуку пообщаться на эту тему с местными СМИ. По ее словам, тот пришел просто в ужас: умолял не допустить утечки, говорил, что "за границу больше не выпустят никогда".

Приятель Натали, Жоэль Бастенер любит приводить этот пример при сравнительном анализе "ДДТ" и "КИНО". Цой с товарищами приехал в Париж спустя некоторое время с подачи тех же устроителей.

«Самая известная песня Цоя "Хочу перемен!" в оригинале зовется... *Changement!* поскольку альбом *Le Dernier Des Néros* издан был во Франции на лейбле *Off The Track Records* за четыре года до российского релиза».

Группу прямо из аэропорта повезли то ли на репетицию, то ли на прессуху. "Сначала – в гостиницу", – жестко поставил условие Виктор. Натали, уже зная, что советские рокеры панически боятся скандалов, таковым и пригрозила несговорчивым визитерам. На что Цой совершенно хладнокровно заявил: "Разворачиваемся, возвращаемся в аэропорт". Словом, ультиматум "КИНО" был организаторами выполнен. И французы были впечатлены принципиальностью лидера группы. Респект и все дела».

Впоследствии Натали Минц еще долго рассказывала журналистам про покладистого и сговорчивого Шевчука, с комментарием, что только Цой не готов строиться.

Михаил Садчиков, журналист:

«Цой никогда не шел на "левые" варианты. Он всегда начеку ("Следи за собой, будь осторожен!"), а в отношении заграницы – особенно. Да, другие выезжали чаще, но будем откровенны и расскажем читателю правду, как они там жили-поживали в то время. Практически без гонораров, на нищенские суточные, непонятно, в каких гостиницах, экономили каждый цент или пфенниг, чтобы наскрести на видеокассету, двухкассетник, видеоплеер, а дома выгодно продавали все это и радовались, если "оправдывали" поездку. Такова была тогдашняя реальность: не нравится – сиди дома! Цой – один из немногих, у кого хватало сил не ехать при каждом удобном и неудобном случае. Цой предпочитал если уж ехать, то тратить гонорары на фирменные сигареты, бары, концерты, а не голодать из жадности. Помню, спросил его как-то: "Почему Вы избегаете заграницы?" И услышал в ответ: "Не хочется терять свое достоинство. Чем ехать на таких кабальных условиях в роли бедного советского артиста, лучше не ехать вообще... А путешествовать можно и туристом, благо друзей у нас по всему свету хватает"».

Цой всегда гнул свою линию, и его надо было принимать таким, каким он был, или не принимать вовсе. Когда читаешь воспоминания свидетелей, создается впечатление, что он был спокоен, неконфликтен, но люди перед ним пасовали.

В Париже, по воспоминаниям Жоэля Бастенера, знаменитая продюсер, очень влиятельная пожилая дама, работавшая с выдающимися актерами французского кино – Нуаре, Аджани, Трентиньяном, совершенно безразличная к рок-музыке и очень опытная женщина, всего один раз увидев Виктора и с порога углядев в нем звезду интернационального масштаба, заявила, что «этого мальчика ждет большое будущее»...

Кстати, именно в Париже Цой познакомился с музыкантами группы Noir Desir и подружился с их лидером Бертраном Канта. В один из приездов во Францию, на Рождество, в декабре 1989 года, Виктор даже гостил у него в Бордо.

Сегодня многочисленные участники той поездки часто вспоминают парижский тур. Причем иногда делают это весьма странно. Например, Кирилл Миллер – художник группы "АукцЫон", рассказывал, что во время поездки в Париж подошел его день рождения, и организаторы, решив сделать имениннику подарок, повезли музыкантов к Эйфелевой башне. Как вспоминает Кирилл, всех туда поднять не могли (то ли из-за отсутствия финансов, то ли еще по какой причине), но так как именинник был из "АукцЫона", было объявлено, что поднимут только "АукцЫон". После возвращения музыкантов с Эйфелевой башни, по словам Миллера, «киношники», гордо подняв подбородки, на них не смотрели, будто объявив им бойкот, молчали и не общались с ними».

Примерно то же самое вспоминает и Дмитрий Матковский, музыкант «АукцЫона».

Дмитрий Матковский:

«Делить нам было нечего, потому что мы все практически были друзьями. Но Цой был человеком нелюдимым, и тогда мне казалось, что он смотрит на всех свысока. На самом деле я уверен, что это была его защитная реакция. У меня было ощущение, что он боялся, что его обидят. И даже вопрос "А где ты был в июне 41-го?" он бы не воспринял как шутку. К тому же для Франции Цой оделся "по-французски", что нам казалось смешным. Волосы у него были черные, одежда вся черная и короткие черные сапоги. А какой можно было найти в Советском Союзе черный материал? Только какой-то брезентовый. Смотрелся он, на мой взгляд, нелепо. Как этикетка "Кока-Кола", написанная от руки. И увидев его в первый раз в таком виде, наш барабанщик назвал его "рыбаком". И вот с этого начались шутки над Цоем. Он хотел ощущать себя героем, хотя тогда у него еще не было такой дикой популярности. Поэтому ему приходилось это геройство в себе лелеять. При этом, наверное, он был легко ранимым человеком, а это больше всего подстегивает шутников. Юра Каспарян и Игорь Тихомиров из "КИНО" улыбались, все понимали, что это шутки, а Цой старался держаться от них подальше. У Цоя тогда была подруга – француженка, и это тоже был повод держаться особняком. Мол, мы тут с французами, а вы какие-то русские.

Цой сам постоянно подливал масла в огонь. Например, организаторы фестиваля в Ле-Бурже должны были установить порядок выступления. Цой, естественно, сказал, что он будет играть последним, поскольку самый крутой, а "АукцЫон" пусть играет первым, потому что, в его понимании, эта группа – никакая, ну а "Звуки Му" пусть будет вторая. Организаторы выслушали и сделали наоборот: Цой, "Звуки Му", "АукцЫон". Это его обидело. Поскольку нас пригласили официально, то мы встречались с министром культуры Франции Жаком Лангом. Вокруг нас бегали операторы и снимали, и было ощущение, что Цой чувствует себя не на своем месте. Что он должен быть на белом коне впереди, а он – один из 20 музыкантов. Видимо, это накладывало отпечаток на поведение Цоя.

Но самое неприятное произошло после концерта. Я даже не понял, почему так получилось. Случайность. У Киры Миллера было 30-летие, и организаторы решили отвезти нас выпить шампанского на Эйфелеву башню. Вернее, это был Жоэль, не фестивальный, а наш менеджер. Мы уже уезжали в другой город, по дороге остановились и пошли к Эйфелевой башне. У лифта организаторы вдруг сказали: "Вы все здесь подождите, а мы с 'АукцЫоном' быстренько поднимемся и вернемся". Кто-то из "КИНО", в частности Цой, захотели поехать с нами, а им говорят, мол, на вас не заказано, день рождения у художника "АукцЫона" Киры Миллера; там нужно фрак надевать. Цой обиделся».

Такие полярные высказывания требовали большей точности, и я, автор этой книги, обратился к организатору парижского тура – **Жоэлю Бастенеру** – с просьбой прокомментировать ситуацию:

Жоэль Бастенер:

«Да, мы хотели сделать Миллеру подарок. У нас были особые отношения с "АукцЫоном", они выглядели очень плохо, как бедные родственники, и их было жалко... Конечно, я не помню, чтобы кто-то обиделся, кроме администратора "Звуков Му"...»

Ответ Бастенера расставляет все точки над «i», в очередной раз доказывая, что "киношники", будучи независимыми и уверенными в себе, именно таковыми позиционировали себя за рубежом. Им попросту претила позиция музыкантов «АукцЫона», которые поставили себя в роли «бедных родственников». А Миллеру, видимо, попросту хочется думать, что «КИНО» объявило им бойкот из зависти перед «крутостью» «АукцЫона».

Жоэль Бастенер:

«Я ставлю под сомнение некоторые высказывания, потому что я хочу оставаться верным Виктору. Я не раз подчеркивал, что он не был совершенством и ничем не напоминал божество, но он никогда не фальшивил в отличие от многих других. Нельзя доверять таким людям как Миллер, но в России, к сожалению, масса подобных фантазеров».

Георгий Гурьянов:

«В Париже мы играли концерт, в связи с выпуском пластинки "Последний герой". С нами была группа "Звуки Му", которую продюсировал Брайан Ино, и третья группа, не люблю я их, сборище уродов, их бы в цирке показывать. Это не наш круг абсолютно... Кирилл Миллер – чудовищный и такой прилипчивый, картины его... Он следовал всему, что делал Тимур и компания...»

Виктор Цой:

«Мы совершили попытку сделать иначе. Во-первых, мы сначала выпустили во Франции пластинку. Во-вторых, это было не просто мероприятие типа "Концерт из России", а очень известный в Европе рок-фестиваль. Поэтому я решил поехать и посмотреть, насколько можно установить коммуникацию. Не могу сказать, что это было очень удачно, потому что от нас ждали какой-то русской экзотики, а увидели собственно рок-музыку. Больше внимания было группе "АукцЫон", потому что она как раз и дала ту самую русскую экзотику, которая требовалась, начиная с серпов и молотов и заканчивая цирком. Я не хочу устраивать цирк, я хочу, чтобы люди слушали музыку и забыли, откуда я, из СССР или из Канады... Никто из группы "КИНО" голый задницы за границей не показывал. Мы стараемся минимально использовать, вообще не использовать, каких-то внешних эффектов, а просто играть и петь. Поэтому на фоне голый задницы мы прошли незамеченными на концерте».

Группа «КИНО» дала во Франции всего лишь два концерта только потому, что Цой больше играть не захотел. Как вспоминал Жоэль Бастенер, «КИНО» не хотело выступать на одной сцене с «голой задницей», на фоне которой проходило незамеченным. И Цой был в этом абсолютно прав.

Необходимо отметить, что в оригинальном проекте для фестиваля в Бурже был четвертый концерт: «Поп-Механика» с Летовым, Александровым и прочими. Этим и объяснялся приезд Олега Котельникова для оформления сцены. Но как известно, Бурж внезапно отменил вариант за два месяца до намеченного события.

* * *

После Парижа, откуда он вернулся 10 апреля, Цой едет в Мурманск, где в рамках все того же движения Next Stop выступает в Межсоюзном дворце культуры, отвечает на записки из зала и дает небольшое интервью журналистам местной газеты. Это выступление стало первым после возвращения Виктора из Франции.

Межсоюзный дворец культуры в то время был больше известен под названием «колхоз». На сцену мурманской «Межсоюзки» в свое время выходили и Майк Науменко, и Константин Кинчев. Там же, в «колхозе», чуть позже, в начале 90-х, выступали «Бригада С» Гарика Сукачева и хулиганское «Любэ».

Для молодежи Мурманска приезд лидера «КИНО» стал событием выдающимся. Цоя поселили в гостинице «Арктика». Особо ярые фанаты круглосуточно дежурили на гранитной лестнице гостиницы в надежде если не заполучить автограф, то хотя бы увидеть «самого Цоя». По воспоминаниям свидетелей, Виктор несколько раз спускался в холл гостиницы, охотно расписывался и курил с поклонниками. Он был немногословен, но счастливые фаны и не требовали от него речей – им было достаточно, что он рядом.

Сам концерт, а точнее сольное выступление, больше походил на макро-«квартирник» или творческий вечер. Цой, поскольку был один, играл на акустической гитаре, пел свои главные хиты. Зал был забит битком. В перерывах между песнями Цой отвечал на записки из зала. По воспоминаниям счастливых, побывавших на концерте, отвечал почти на все, но некоторые все же оставлял без ответа – только хихикал... Мурманские фаны были в восторге. Газету «Комсомолец Заполярья», вышедшую с интервью лидера «КИНО» 13 мая, раскупили мгновенно.

Елена Васильева:

«В Мурманске концерт полностью готовила я. С Виктором мы говорили в основном о концерте. На тусовках меня не было – я занималась оргвопросами.

Встречали Цоя люди из Обкома комсомола, знаю, что Олег Лебедев – 2-й секретарь ОК ВЛКСМ. Я в тот момент занималась организацией всех проектов, и рок-концерт был одним из нескольких мероприятий. Я была как загнанная лошадь, так как занималась решением всего, вплоть до мелочей. Первые комсомольские лица и небольшая группа фанатов пиарились на моей работе. Я только помню, как сквозь пелену: мне отзванивались, что машину, которую я заказала для Цоя, не вовремя подали. Но ужином накормили. Потом я забежала в кафе, где они сидели. Им сказали, что я организатор, мы обнялись, расцеловались в щеки, и я побежала дальше. Была перед этим проблема с оплатой мероприятий, но я в последний момент нашла спонсора. Виктор очень скромно держался, был уставшим. Подумалось тогда, что еще успеем наговориться. Но не вышло...

Я тогда была худенькой, высокой и очень красивой женщиной, и кто-то из сопровождавших Цоя попытался меня клеить. А я разозлилась и быстро ушла.

Мне только сообщили, что все хорошо, и все очень рады. На следующий день я приехала, когда концерт уже шел. И Виктор, увидев меня, поблагодарил за организацию. Потом меня даже объявили, чтобы поприветствовать, и со сцены начали передавать из рук в руки, так проплыла над головами многих... Потом вернули на сцену: я всем руки пожала и удрала...

А на концерте в Дании я не вмешивалась в ход событий, просто слушала и махала рукой...

Мы с Цоем в Питере потом пересекались, в Ленинградском Рок-клубе. Он даже с кем-то договаривался, когда мне было негде ночевать. Цой и другие нагрузили меня кучей плакатов и пластинок, но у меня весь тот пакет украли в Москве. До сих пор сожалею...»

Из воспоминаний очевидцев:

* * *

«Цой уже тогда был живой легендой и держал зал. Концерты вообще были редкостью, поэтому ДК был полон. Это был творческий вечер – время от времени между песнями делали перерывы, и какой-то человек ходил, собирал по залу записки и отдавал их Виктору. Цой отвечал коротко и понятно, как он умел. Помню, что некоторые записки он разворачивал и, прочитав про себя, бросал на пол перед собой, не озвучивая и переходя к следующей. Народ смеялся... По тому, как держится человек, было понятно, что он прекрасно понимал, фигурой КАКОГО масштаба он является. Про звук ничего сказать не могу – удивился, что "КИНО" приехало не полным составом, репертуар не помню. Мне тогда было 14 лет и показалось, что основная аудитория зала – взрослые люди. Еще точно помню, что справа сидел человек и, держа на коленях кассетный переносной магнитофон, записывал концерт. Не знаю, что там получилось, но тогда это было нормально...»

* * *

«В "Межсоюзке" я был, Цой с акустикой приезжал. В начале концерта показали отрывки из "АССЫ" и "Иглы"... А еще помню, как Цою вместо записки передали два рубля. Он попросил забрать их, а из зала крикнули, чтобы он на них расписался...»

* * *

Мурманский радиоведущий Данила Костин был в числе тех немногих счастливчиков, которые смогли побывать на концерте. И он даже сумел снять несколько кадров. Теперь эти снимки – настоящий раритет. Данила считает концерт Цоя одним из знаковых событий в своей жизни: «Билеты туда было не достать, прорывались ребята без билетов. Я сидел с краю, и мне приходилось собой ограждать девушку: было много народа, больше, чем мог вместить зал».

Дмитрий Конев:

«Дело было так. В восемьдесят девятом, кажется, году Цой представлял у нас свою бесмертную "Звезду по имени Солнце". Мой брат прорвался за кулисы, с гитарой в одной руке и со мной – во второй. Мне было всего лет десять, так что всех подробностей не помню, но зато хорошо помню Виктора. Он молча и как-то таинственно выслушал восторг моего брата по поводу себя и только что случившегося концерта. А потом просто шариковой ручкой написал на гитаре строки: "...и когда я обернусь на пороге, я скажу одно лишь слово – верь. ВЦ". До недавнего времени эта гитара хранилась в нашей семье подобно культовому артефакту. Теперь же она удачно сменила хозяев...»

22–23 апреля 1989 года с выступлений в Волгограде начинается большая гастрольная поездка по стране. Что касается волгоградского концерта, то именно здесь чуть было не произошла трагедия. Группа «КИНО» чуть было не лишилась своего модника-барабанщика. Догоняющий группу Георгий Гурьянов, только что вернувшийся из Парижа, где задержался почти на месяц, вылетал из Москвы и из-за ошибки регистратора опоздал на самолет. Цой решил не отменять запланированное, и первый из четырех волгоградских концертов группа «КИНО» давала без ударника.

Юрий Белишкин:

«Был случай в апреле 1989 года в Волгограде. Георгий Гурьянов – мы добирались из разных мест – перепутал аэропорты. Не прилетел. Предполагались два концерта – в 16:00 и в 19:00. И он опоздал на первый. А у нас – живой звук, не фонограмма. Вышли из положения так: поставили ударную установку, затемнили ее и сыграли концерт без барабанщика. Об отмене концерта и речи не шло. А вечером Гурьянов прилетел. А если представить... Витя все равно обязательно вышел бы на сцену, и концерт бы состоялся...»

Георгий Гурьянов:

«Это было, да. В Волгограде была катастрофа. Драматическая история. Я задержался в Париже на месяц, поэтому был оторван от коллектива и вылетал из Москвы в одиночестве. Меня, конечно, провожали друзья, но летел я один. Но тут не столько моя безалаберность, сколько отвратительная работа аэропорта. И я их не путал. Там же как? Проходишь регистрацию на самолет, а на посадку потом приглашают. А тут меня не пригласили. Я подхожу, спрашиваю, в чем дело, мне говорят: твой самолет улетел».

Вот как прокомментировал автору эту историю Юрий Каспарян:

«Помню концерт в Волгограде, на который Георгий опоздал по причине то ли ошибки, то ли что-то помешало. Мы затащили штормовой ударные, отыграли, пошли в гримерку расстроенные, обсуждаем идею. Цой говорит – все, пора с этим кончать, выгнать, наверное, придется... Входим, а там на скамейке сидит Георгий, нахмуренный такой... Ну, зашли, он говорит: "Я больше так не буду". Ну, поругали его чуть-чуть, тем и кончилось».

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«Я тогда был шкетом совсем. Пошел на концерт с одноклассниками из училища. Концерт очень понравился, все песни Цой пел без фанеры. Давно это было, всего не вспомнишь. Жаль тогда не было технологий, чтобы записывать или фотографировать концерт...»

В мае группа «КИНО» выступает в Минске.

Вот как рассказывает минская рок-газета о прошедших концертах:

«Предстоящие концерты "КИНО" в Минске вызвали натуральную миграцию из всех областей и районов поближе к стадиону "Динамо". Более-менее уверенно чувствовали себя витебляне, которым предоставлялось право принять заезжую знаменитость дома. Могилеву, увы, пришлось взять ноги в руки и... Поезда и автобусы были буквально набиты молодыми людьми, ехавшими за "алюминиевыми огурцами". Особенно хорошо это было видно на обратном пути, когда "своих" узнавали по трубочкам плакатов в руках. Кстати, пару слов о плакатах. Ими бойко приторговывала "команда поддержки" с "РАФиков", и уж десятая-то часть 11-тысячного тиража наверняка осталась в Белоруссии. Не удержался от соблазна и я грешный, о чем ни капли не жалею, вдохновляясь на написание этих строк глянцевыми фейсами четверки, глядящими со стены. Каждый плакат давал в казну "КИНО" четыре с полтиной, что, вкуче с гонорами за концерты, составило, надо полагать, неплохую сумму. Прекратим, однако, считать чужие заслуженные деньги, тем более что подобную практику (продажу плакатов) можно только приветствовать. Дождемся, уверен, такого дня, когда всяк страждущий сможет приобрести здесь же, на месте, значки, майки, кассеты или пласты. Ведь не даром же "там" такие деньги грохают на рекламу: они в этом толк понимают. Проблему рекламы поднимают сейчас полупустые залы на многих рок-концертах...

...Увы, на подходе к стадиону нас встречали не только машины с плакатами, но и мощные ментовские кордоны (видимо, по старой футбольной привычке). Билеты при входе в сектора тоже проверяли товарищи из органов. И вообще, весь стадион настолько пропах "ментолом", что, казалось, концерты проводит МВД, а девиз: "На каждого фана – по стражу". Приплюсуем

сюда еще солдатиков из оцепления, и станет ясно, что для охраны нашего спокойствия были приняты все возможные меры...

На разогреве была минская команда "Форпост". Но народ-то собрался совсем не на них. И естественно, что сидящие на трибунах никак не соглашались жевать эту жвачку в ожидании сочного десерта. Тем паче что "Форпост", несмотря на уверения некоторых товарищей (из Сузорья и проч.), отличался полным отсутствием стиля и каких-либо намеков на "лица необщее выражение" (если не сказать хуже).

И сбрасывание одежд, и падения на колени вызывали у публики только приступы ржания – иначе не скажешь – и совсем не ласкающие слух слова и предложения. К счастью, всему есть предел. Под свист и улюлюканье "передовики" покинули стадион. О них, впрочем, все тут же и забыли, ибо на табло зажглась корявая надпись "КИНО". Я жду, что вот-вот на дорожку ленивой трусцой взбегут ОНИ.

Ан нет! Появляется зеленый "РАФик" и, под всеобщий писк и стон, подвозит довольных звезд к самой сцене. Ай да мы! Ну чем не Запад?! "Киношники" в своих традиционных черных прикидах, а Густав в тоже традиционных черных трусах. "Мы сейчас немного настроимся и начнем..." – это Витюша небрежно бросает пару слов в микрофон, весь такой "в доску свой", что народ покорен, завоеван, повергнут ниц. "КИНО" начинает своим свежим хитом "Звезда по имени Солнце", знакомым всем нам по "Игле". Фаны поднимаются со своих насиженных мест, забираются на скамейки... "И две тысячи лет война. Война без особых причин". Первая песенка заканчивается, народ начинает уверенно тесниться к центру, обтекая милицейские кордоны. Кое-кто забирается на плечи товарищам, появляются красные и динамовские флаги. А фанатки осаждают Витю, заваливая сцену цветами и пачкая Витин лик в помадах разных оттенков.

Одна из наиболее ретивых поклонниц достигает сцены, когда уже звучит новая вещь ("Спокойная ночь"), и требует внимания. Цой машет головой, как корова, отгоняющая назойливую муху. Дама, однако, не реагирует на этот красноречивый жест и предпринимает попытку вырвать гриф из могучей Витиной руки. Врешь, кочегара так просто не возьмешь! Народ вопит: "Гони ее!" Фанатке приходится-таки ретироваться, и она возвращается на свое место, гордо подняв голову и бормоча под нос "слова благодарности".

Стадион пляшет, поет, прыгает, хлопает, визжит. В небе над головой Вити начинает вырисовываться светящийся круг. Количество цветов на сцене и помады на лице растут в геометрической прогрессии. "КИНО" играет боевики из "Группы крови", разбавляя их парочкой старых (из "Начальника Камчатки"). Густав, вконец разогревшись, снимает майку. Милиция делает свое дело, вежливо выволакивая наиболее строптивых за пределы стадиона. Один из фанов великолепным финтом, которому позавидовали бы звезды американского футбола, уходит от охранника, вызывая восторг трибун. На хмурых лицах под красными околышами презрение и решимость вернуть 37-й. В чем дело, ребятки? Здесь же все свои, советские! Не надо волочить меня за рукав, я хорошо понимаю по-русски...

Девочка рядом понижает глаза к небу, в глазах слезы восторга: она здесь, она видит ЕГО, она слышит ЕГО. "Между землей и небом... Война!" – вопит стадион. Звучат "киношники" хорошо. Тихомиров демонстрирует класс на басу, а каспарьяновская гитара звучит прямо как в записи. Витя то и дело поглядывает на небо: над стадионом сгущаются всамделишные тучи. "КИНО" играет отбой – "Алюминиевые огурцы". Народ ревет... "РАФик" уносит музыкантов в "неведомые дали"... На Минск обрушивается ливень... Капли стекают по лицам, имитируя слезы прощания... Спасибо, "КИНО", привозите новую программу. Привет Питеру...»

Александр Уман (Шура Би-2):

«Группа "КИНО" приехала в Минск в 1989 году. Это был концерт на стадионе, билеты – все проданы. У меня как-то оказался билет, а у Левы билета не было. И что он сделал? Он ночью перелез через забор стадиона, ночевал под лавкой и попал на этот концерт бесплатно... Концерт длился минут сорок пять, но этого было достаточно, потому что было очень круто».

Из воспоминаний поклонников «КИНО»:

Валентин Стефанович, поклонник «КИНО»:

«Концертов было три. Я был на первом, в первый день. Было мне 16 лет. Милиции было очень много. На проходе к стадиону стояли в несколько шеренг. Во время самого концерта она не давала людям вставать и кричала в мегафон: "Сидеть!" На третьей песне народ все-таки встал, начал балдеть и перестал смотреть на ментов. На моих глазах в начале концерта менты задержали группу минских панков за их внешний вид».

* * *

«А еще один фан пытался крикнуть в микрофон: "Витя, я с тобой!", и его, в белых носках, увели менты... А у мента, который пытался остановить этого парня, выбежавшего на сцену к Цою, упала фуражка и покатила по дорожке. Вот это была хохма! И катилась она метров 10...»

* * *

«Я тоже был на этом концерте, билет стоил три или пять рублей. Первой выступала группа "Форпост": я не знаю ее прошлого и будущего, но пара песен у них была хороших. Мне понравилась фраза солиста: "Пока они пришивают группу крови на рукав, я вам спою". Также помнится, что было очень легко подойти к Цою и взять автограф. До сих пор жалею, что этого не сделал...»

* * *

«А я помню, как парень с голым торсом выбежал на сцену и попросил Витю расписаться на груди или на спине, а затем в микрофон всем зрителям пообещал не мыться ВСЮ ЖИЗНЬ...»

* * *

«Помню все, будто вчера это было... Парня того, кто просил на груди расписаться, и группу "Форпост", солист которой лажанулся слегка... Концерт был после дождя, и сцена была мокрая. Гитарист, а ля донские казаки, ножницы вздумал сделать в воздухе ногами... Убежал менять гитару, потом целую песню на ходу ее настраивал. Я сидел напротив сцены, в третьем ряду. Какая энергетика... Вот это был концерт. Струны на гитарах лопались. Запомнилось, как девчонку пытались отцепить от Цоя, когда группа после концерта садилась в "РАФик". Никак не могли это сделать. Но выход был найден – ее тоже затолкали в салон...»

* * *

«Я в восемьдесят девятом, кажется, сходил подряд на несколько разных концертов. Такой интересный зрительский чes получился. Порядок был такой: "Технология", Агузарова, Борис Борисыч, "Комитет охраны тепла", "ДДТ", "КИНО". Концерт был на стадионе, я был с девушкой. Поднимаются они на сцену, Цой своим фирменным гнусавым баритоном: "Здравствуйте". И тут же – тудум... тудум... тудум... бас и ударные, помните, да? Ну такое их фирменное начало любой песни. Вот прямо взяли весь стадион за кадык и держат мягко так... Каспарян – красавчик... Моя звезда мне все уши потом прожужжала: ах, Каспарян, ох, Каспарян... Пришлось стать похожим. Гурьянов в черной майке на барабанах давал жару, притопывая. Эта его манера стучать стоя была шикарна. Понимаю, что развод толпы на зрелище, но как было красиво... Тихомиров на басу мало запомнился. Он был музыкантом правильным, поэтому больше играл, а не играл. Ну, вы поняли. Ну, и Цой. Вот поздоровался он, задрал к небу свой знаменитый подбородок, губу оттопырил и погнал... Вообще без остановок, трепотни с залом, хлопков над головой, взмахов руками... Вот поставили его, как фикус в кадку, так и стоял весь концерт, только голова взнузданная туда-сюда... И по гитаре тонкими девчачьими пальцами – ты-дыщ, ты-ды-дыщ... Когда они в финале песню "Перемен" уже не пели даже, а я бы сказал – бросали в толпу мягкие булжники, мне уже было пофигу и на девочку мою, (как и ей на меня, собственно), и на сессию, и, вообще, на все... И публика, что интересно, не бесновалась, не прыгала, не размахивала руками, даже особо не подпевала. Стояли все, раскачиваясь. Такой единый комок людей на стадионе. Чувствуешь дрожь и запах любого, чья макушка видна. Допели они песню, такой уже родной всем Цой вдруг говорит без всяких обиняков: "Спасибо, до свидания". И они уходят куда-то вниз. И все! Никаких тебе «Я люблю тебя, Минск!», никаких тры-ды-ды-ды на барабанах или запилов, упав на колени, на гитаре. Вот так все как-то просто, что аж мурашки...»

* * *

Сергей Шапран:

«Шел 1989 год. В Минск приехала группа "КИНО". Выступать она должна была на открытом стадионе "Динамо". Я был тогда внештатным корреспондентом газеты "Советская молодежь" в Беларуси. Нас было трое журналистов (я и два радийщика), пытавшихся договориться с директором "КИНО" Юрием Белишкиным об интервью с Цоем. То были, в общем-то, золотые времена для прессы, поскольку журналисты в те годы на концерты рок-групп ходили очень редко (да и сами рок-группы только начинали массово и официально ездить по СССР). Следовательно, всегда можно было поговорить с музыкантом с глазу на глаз или, как сейчас принято говорить, получить эксклюзив. Юрий Белишкин по своему обыкновению (как потом выяснилось) был любезен, но, увы, ничем помочь не мог. А поговорить с Цоем хотелось. И вот мы втроем абсолютно бессмысленно маемся в коридоре служебного входа стадиона. В конце концов, инициативу договориться с Виктором я взял на себя. И когда Цой проходил мимо, сказал ему что-то об интервью и о том, что я – из рижской газеты. "А я каждое лето бываю в Юрмале, – ответил он. – Там бы и могли поговорить". Сейчас я, конечно, не отказался бы от такой возможности, а тогда нужно было здесь и сейчас. И уговорил Цоя на разговор: условились встретиться на следующий день перед концертом...

После первого выступления "КИНО", удалось увидеть такую картину: возле помещения, куда скрылись после концерта музыканты, собралась толпа поклонников. Чтобы увести их, был организован фальшь-отъезд: техники, накрывшись куртками с головой (будто это «киношники»), нырнули в машину, которую моментально окружила толпа. Понятно, что авто уехало

с трудом. Сам же Цой украдкой и с явным любопытством выглядывал в окно. Однако с улицы его никто не заметил.

Мы же встретились на следующий день. Запись этого разговора у меня сохранилась случайно. Правда, качество пленки оставляет желать лучшего.

Что же касается фотографий, то если фотоаппаратом «Зенит» я в то время только-только начал снимать, то фотовспышку держал в руках впервые – ее я одолжил у приятеля буквально накануне и поэтому обращаться с нею не умел. В результате она сверкнула лишь однажды. Так и получилась горизонтальная фотография. Второй же раз светить не захотела. И я, ожидая, пока она зарядится, спросил у Цоя: «Подождем?» – «Подождем», – просто ответил он. Впрочем, вспышка не сработала и в другой раз. Я предложил Виктору выйти на улицу. Хотел сфотографировать Цоя на фоне наполняющихся народом трибун стадиона, но он отказался и встал возле стены. Еще сказал: «Не могу на вас смотреть – солнце в глаза светит». Я ответил, что и не надо на меня смотреть. Цой начал вертеть головой, а я – снимать. Так получились еще три кадра...

Евгений Фалеев:

Билет на «КИНО» я купил в черти какой ряд. По рядам пробрался до шестого и уговорил какую-то девушку разрешить посидеть с ней в обмен на фотографии, которые сделаю (слово сдержал, кстати). Снимал «Зенитом» и «ЮПИТЕРОМ-21» с двухконвертером...

* * *

После концерта в Минске группа «КИНО» вновь дает концерты на белорусской земле, на этот раз в Витебске. Удивительно, но сохранилась видеозапись этих выступлений. Вот что вспоминает **Светлана Борисевич**, которая в 1989 году смогла снять (а впоследствии и сохранить) уникальный материал на концерте в Витебске:

«Все происходило 20 лет назад. Я была малолетка с хвостиком, дура дурой... Сначала работала в клубе большого завода, а потом ушла в гастрольный театр, и первое условие, которое я поставила там, – было то, что мы приглашаем на гастроли группу "КИНО". Так и появилась эта пленка. Концерты шли пять дней... С гостиницами были проблемы, и никакая группа "КИНО" там не могла найти места. Но мы что-то нашли, и вот в ночь они наконец-то прилетали, и мы выслали за ними машину – "Чайку". И так они оказались в Витебске.

Было всего пять концертов – сперва один концерт, потом два дня по два концерта. Я умудрилась получить на руки камеру, отмашку Юрия Белишкина и смогла сделать судорожную съемку, которая была ценна лишь тем, что музыканты получили ее сразу – уезжая. Музыканты "КИНО" были офигительно роскошны... И если у нас народ все еще ходил какой-то такой лохматый и неухоженный, то они выглядели просто роскошно и чувствовалось западное влияние. У всех были роскошные прически, волосы, одежда... Мы там еще все рядом не стояли и были уровнем ниже. Одеты они были во все черное, это было так стильно... Самое интересное, что мы смогли по городу ездить в "Чайке", но на концерт приехали на "Икарусе", потому что автобус толпе было сложновато блокировать. А толпа была огромная...

Я их поснимала немножечко во время репетиции и в ресторане... Они были комфортные, немного отстраненные... Камера моя была жутко тяжелая, она весила одиннадцать килограмм, и я все время боялась выпустить ее из рук, она стоила пять тысяч долларов, стоимость машины... И мне Каспарян помогал ее носить. Все таращились на нас – сначала на "КИНО", потом на эту камеру и того, кто ее заносит... Камера такая была одна. Это была собственность крупного завода, богатого предприятия, мне ее принесли втихаря и за мной ходили следили – чтобы я с ней не рухнула, потому что потом можно было смело квартиру продавать...

Мне очень запомнилась концовка записи – финал... Мы заехали в гостиницу, ребята сидят на диване, я через простенок снимаю их, перевожу камеру на стол, Юра Белишкин пишет на белой салфетке "Я люблю КИНО" и бросает на нее гвоздику, я вновь перевожу камеру на простенок, где видны ребята, Белишкин подносит к объективу камеры огонек зажигалки, и голос за кадром: "Все..."»

Летом 2013 года Светлана, сохранившая оригинал записи витебского концерта, благодаря стараниям Вашего покорного слуги лично передала запись сыну Виктора Цоя – Александру.

Из воспоминаний:

«"КИНО" приезжало к нам в 1989-м. Выступали на концертной площадке фестиваля польской песни... Почему-то запомнилось, что ударник был в майке-голошейке, его нещадно ели комары (место-то болотистое), и он ловко умудрялся отмахиваться от них, не прекращая играть. А вот Цою они были абсолютно пофиг, стоял какой-то отрешенный от всего..."»

На видео концерта группы «КИНО» 1989 года в Витебске, выложенном в Сеть первым администратором Летнего амфитеатра Светланой Борисевич, наверное, многим запомнилась маленькая девочка, подражавшая Виктору Цою. Перед Рождеством случилось небольшое чудо – юная фанатка узнала себя на видео и связалась со Светланой, а та, в свою очередь, сообщила ее координаты «Народным новостям Витебска». Нашу героиню зовут Настя Кривенда, ей 30 лет, а во время концерта соответственно было всего 5. Сейчас она живет и работает в Санкт-Петербурге. Дома в Витебске у Насти хранится номер «Витебского курьера» с репортажем о том концерте.

Анастасия Кривенда:

«Увлечение творчеством Виктора Цоя началось с раннего возраста... Это был приблизительно 88-й год (то есть мне было пять лет). В то время песни группы "КИНО" звучали даже из холодильников (образно)... Я вернулась домой со двора и всюду напевала "Закрой за мной дверь, я ухожу"... Пела до тех пор, пока папа не купил кассету (не помню, какой альбом, их впоследствии было много). Собирала фотографии, в то время они печатались в обычных фото-студиях и были ужасного качества, по сборникам песен заучивала тексты наизусть. Затем стало известно, что группа "КИНО" приезжает в наш родной амфитеатр. Родители не раздумывая купили билеты в первый ряд. На концерт мы пошли с отцом. Как сейчас помню: очередь была как в Мавзолей! Люди с трудом доходили до своих мест. Затем концерт... Я сидела рядом с отцом и все подпевала себе под нос. Но отец настоял, говорит: "Подойди ближе к сцене". Там стояло ограждение и охрана, мне было страшно, но я встала... На меня направили камеры, но отступать уже я не собиралась и, если мне не изменяет память, весь концерт подпевала Виктору Цою, подражая ему во всем, отпятив нижнюю губку и сжав руки в кулак, я пела вместе с ним: "Мы ждем перемен!"...»

Наталья Удилова:

«Я была на этом концерте. Не просто пустого места не было: люди на деревьях висели и стояли за стенами слушали. В начале концерта была проблема с аппаратурой, никак не могли начать. Тогда Цой подошел к микрофону и сказал с еле заметной ухмылкой: "Говорят, скоро все будет..." Это в 1989 году, когда уже все пропало, зато Горбачев нам золотые горы обещал..."»

Наталья Черненко:

«Я училась в восьмом классе, мы с подружкой были на этом концерте. По бабушкиной трудовой книжке работали в школе уборщицами, чтобы заработать на концертные билеты в только что построенный амфитеатр...»

В период с 13 по 15 мая «КИНО» дает концерты в Свердловске.

Из воспоминаний:

«На наш свердловский концерт "КИНО" мы ходили с одноклассником. (В 1988-м благодаря случайно попавшей в руки кассете "Группа крови", сам зафанател и народ в своем 10-м классе подсадил. До этого мы как-то были больше знакомы с творчеством господ типа Новикова, Розенбаума, Шуфутинского: Уралмаш... Ну, может, еще пару песен "Нау" или "Агаты" слышали). Концерты во Дворце спорта были. Солидные люди (типа нас) сидели на трибунах, а более оторванные – колбасились в партере на площадке. Там еще было полно каких-то курсантов, то ли из ВВПАУ, то ли из пожарного – не помню. Уж не знаю, порядок должны были охранять или так пришли... Драйвово было, однако. Спички, зажигалки жгли все. Полуголый Густав на ударных из-за прожекторов казался какого-то мертвенно-синего цвета... Концерт короткий был – около часа примерно (потом слышал, что они в день два или три концерта давали). В основном, как помню, песни из "Группы крови" плюс "Перемен!" и еще что-то... Записи и съемки были официально запрещены, но при выходе сам видел каких-то пацанов с магнитофоном. Так что как минимум одна аудиозапись должна существовать».

Из воспоминаний Алекса Штека:

«Шел 1989-й год, когда группа "КИНО" собралась посетить Свердловск. Концерт тот мне надо было непременно записать: ведь я – из тех, кто вырезал фото группы из журналов в школьной библиотеке.

С Цоем в Заречном (родной город Алекса) все было просто – записи добывались дома у С. Солдаткина ("БиС"), а билеты были в свободной продаже в предбаннике нынешнего магазина "Монетка", что на площади. Оставалось только найти магнитофон, чтоб записать концерт. С этим была проблема, но мои хакерские мозги придумали изящный путь ее решения – магнитофон надо стырить! Ведь это же Цой! Ради него можно!

Самый доступный магнитофон "Электроника-302" кофейного цвета лежал в 1-й школе, в кабинете № 208, в столе учителя. Стол был закрыт на ключ. Кабинет, впрочем, тоже. И если 208-й удалось открыть, подкинув кому-то лапшички на уши и завладев ключом, то для стола были припасены отвертки – его пришлось разбирать, чтоб не повредить закрытый замок. Все удалось проделать незаметно. Батарейки куплены, микрофон "МД-200" воткнут, и я в школьной форме помчался на концерт.

Цой вышел в своем излюбленном образе: черный прикид, задранная вверх челюсть и немногословность. Словом, настоящий герой, да еще и с черной гитарой. Герой для начала затянул такую песню: "А над городом плывут облака / Закрывая небесный светш / А над городом желтый дым / Городу две тысячи летш". Фирменную фишку с буквой "ш" на этом концерте, Виктор, видимо, решил довести до полного абсурда и апогея... Вообще, на концерте "КИНО" звучали скорее как металлюги, чем то, что мы привыкли слушать дома из колонок. 60-минутный вал скрежета и лязга. Но посреди концерта наступила внезапная передышка. Немногословному Цою, привыкшему на концертах лишь здороваться и прощаться, на этот раз пришлось произнести гораздо больше слов: "У меня на гитаре порвалась струна. Сейчас ребята сбегает, ее заменят, а пока..." И он, одолжив другую гитару, спел "Легенду". Без сопровождения группы.

Затем металлическая молотилка продолжилась. Песня "Электричка" звучала как медленно проезжающий товарняк. На обратном пути в автобусе я ехал со звоном в ушах – это было мое первое посещение рок-концерта.

В зале при потушенном свете я не мог разглядеть индикатор уровня записи магнитофона, но практически попал в точку – запись вышла очень неплохой для тех условий и техники. Сегодня, притянув за уши нужные факты, можно легко утверждать, что Цой таким образом записался на технику группы "Время срать".

Концерт закончился, однако история с магнитофоном продолжилась – его надо было незаметно положить на место в стол 208-го кабинета. Утром, как только открылась школа, я снова взял сумку с аппаратом и отвертки. Вахтер без всяких подозрений выдала ключ – мало ли, отличник, может, к знаниям стремится, вот и пришел так рано. Закрывшись в кабинете, я начал отвинчивать крышку стола. В этот момент ручку кабинета с другой стороны дернули и голос, принадлежащий преподавателю Светлане Сергеевне "СС" Ворошиловой, произнес: "Ребята, а кто ключ от кабинета брал?" Оказывается, у кабинета уже столпился класс в ожидании урока. Я поспешил завершить дело, завинчивая последние болты, а Светлана Сергеевна тем временем ушла расследовать пропажу ключа. Воспользовавшись моментом, я покинул кабинет и объявил незнакомому классу: "Кто настучит – тот получит пизды, понятно?" Класс промолчал. А я вышел сухим из воды.

Частичная копия той записи откопалась спустя 25 лет в гараже известного химика-биолога Лени Чижа. Оригинал записи вроде тоже где-то там же, только найти его не удалось. Ну и пусть дальше валяется, ценность набирает... Археологи 3084-го года найдут под обломками уже развалившегося гаража кассету, да оцифруют. А С. С. Ворошилова, как выяснилось позже, тоже симпатизирует Цою и "КИНО"...»

Александр Турчанинов:

«Город Свердловск. 1989 год. Я – методист ДК Ленинского района. Организовал и возглавил фан-клуб группы "Наутилус-Помпилиус", который плавно перерос в фан-клуб Свердловского Рок-клуба и всех рок-команд Питера. Что интересно – МОСКОВСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ НЕ ВХОДИЛИ В СФЕРУ НАШИХ ИНТЕРЕСОВ. Особенно в это время мы выделяли группу "КИНО" с Виктором Цоем. Простые и честные строки песен связывали и неформально объединяли молодежь Советского Союза в единое пространство. Он был лидером, и его мощные тексты давали нам надежду, мечту и возможность внятно требовать перемен. Каких перемен, чего перемен и куда, было непонятно, но здорово.

В день концерта группы "КИНО" от остановки транспорта в сторону Дворца спорта шел непрерывный поток зрителей. Это была впечатляющая демонстрация. На концерт шли стройотрядами с песней, с красным флагом, на котором вероятно трафаретом крупно напечатаны буквы "КИНО". Было непривычно вместо Ленина на красном знамени видеть другого лидера страны. Его несла девушка, и за ней и ее флагом собралась небольшая колонна зрителей: всем хотелось быть причастными к этому флагу, за которым они шли на встречу с "КИНО".

Члены фан-клуба знали и виртуозно умели проходить на любые концерты рок-групп. Я прошел на первый концерт через служебный задний вход по контрамарке. Фотоаппарат у меня был с собой, в нем была заряжена цветная пленка для слайдов. Сделал несколько кадров. Честно говоря, точно не помню, с кем я договорился насчет встречи с Виктором Цоем, но в перерыве я попал к ним в гримерку, и у нас состоялась короткая беседа.

Виктор посмотрел на меня. Меня удивило его лицо, я впервые увидел настоящего корейца. Надо напомнить, что Свердловск был городом, закрытым для посещения иностранцев. А тут, можно сказать, представитель другой цивилизации спрашивает: "Правда, в Свердловске любят 'КИНО'?" Мне показался этот вопрос наивным, я даже удивился и ответил, что,

несмотря на уральский патриотизм и личное знакомство с "Наутилусами", "КИНО" – самая мощная и любимая группа. И я не слукавил.

Виктор: "А сколько фанатов 'КИНО' в Свердловске?"

Я ответил, что если мерить стадионами как Дворец спорта, то штук двадцать пять, а если построить колонну, то она растянется от Владика до Питера и на глазок полстраны наберется. Виктор засмеялся. Видно было, что ответ его порадовал и вдохновил. Я предложил сделать фото на память. У Гурьянова то ли на носу, то ли под глазом выскочил прыщик, и он сначала наотрез отказывался, но потом схитрил и встал вместе со всеми. При спуске камеры опустил голову, и лицо закрыла длинная челка.

На второй концерт я солидно из-за кулис провел свою симпатичную девушку (будущую жену) Елену в зал Дворца спорта, но азарт фанатства и желание быть ближе к сцене унес меня от нее в гущу фанатов. Встретились мы с ней уже после концерта. И она мне с восторгом рассказала, что перед словами песни "Звезда по имени Солнце" кто-то зажег бенгальский огонь, и весь зал в восторге выдохнул "Звезда по имени Солнце!" Это был мой Пик Славы! Мне так удачно удалось зажечь старую полусосыпавшуюся огненную палочку лишь после нескольких сгоревших спичек. И, услышав одобрение всего зала, я громче всех орал:

Красная-красная кровь
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами звезды по имени Солнце.

И я не подозревал, что эти совпадения не случайны и моя следующая встреча с Виктором Цоем произойдет почти через год – 15 августа 1990 года на главпочтамте города Южно-Сахалинск. Меня пронзят до мурашек его глаза на фотографии с черной траурной ленточкой. И я моментально вспомнил Дворец спорта в Свердловске, бенгальский огонь и выдох всего зала "Звезда по имени Солнце!".

Юрий Каспарян:

«Я отлично помню, как один из концертов, по-моему, на Урале, мы играли в каком-то спорткомплексе, на ледовом стадионе или что-то в этом роде. Представьте сцену, невысокую такую стоечку. Спорткомплекс же. И вдоль сцены ставят ограждения такие и омовцев или кого-то там, в шлемах... И вот я им говорю: "Ребята, представьте, что будет? Задние попрут вперед, они начнут двигать эти штуки – и что будет? Задавят ваших омовцев". Ну, в принципе, а что? Пусть стоят у сцены, если полезут – есть ребята, которые отправят их обратно. Они послушали. Точнее, прислушались. Сдвинули эти заграждения к стенам, но омовцев оставили. И все было нормально. Потом я помню, как на одном концерте эти ребята-омовцы, хотя, может, это и не омовцы были, чтобы не тратить время зря, упражнялись в работе с толпой. Время от времени вклинивались в толпу, раздвигали ее клином так, потом так: "Все, отбой". Потом опять: "Работаем", и снова вклинивались. То есть они никого не обижали, но именно отрабатывали навыки. Потом, помню, они с нами сфотографировались. Мы и эти ребята в шлемах, со щитами... Есть фото даже...»

С 26 по 28 мая 1989 года «КИНО» выступает в Краснодаре.

Геннадий Епейкин, звукорежиссер группы «КИНО»:

«...Я скажу, вот Цой – это было что-то! Я их тогда сопровождал в гастролях, поскольку работаю звукорежиссером. А звук и аппаратура в музыке – самое важное. Удивляла сама обста-

новка на концертах. При том что у «КИНО» бледный музыкальный материал, вдруг моментально появлялось ощущение неукротимой энергии. Это фантастика: рев аппаратуры киловатт на двадцать, дикий рев толпы – такой же по силе, в зале сидишь, текст разобрать невозможно, кругом – женский визг, слезы, толпа прыгает, подпевает, машет руками. А прямо на тебя со сцены летит какая-то энергия дикая, и с ней ничего нельзя сделать. Было в Цое что-то, не знаю, может быть, излучение, биополе через микрофон, да еще имидж у них был удачный – все в черной форме. Цой выходит: «Привет, Краснодар!» И ни слова больше. Сразу играют. Они никогда не настраивались перед концертами. Вышли, взяли гитары – и вперед!

Помню, поехали в аэропорту их встречать. Спрашивают – а узнать сможете? Да узнаем как-нибудь! И точно, тогда пекло было, жара, а тут выходят ребята в черной коже, в сапогах. Где машина? Поехали. Притом во все время пребывания на Кубани группа сидела на черешне. Только ее, наверное, и ели. У них же в Питере этого нет! Говорят, а где у вас эта, ну вишня, только сладкая? Наташа, жена Виктора, сразу на Дорожном рынке купила целый мешок. Окна в машине открыли и давай трассеры пускать!

У Цоя звездной болезни не было, свободно общался. Правда, не любил, когда доставали, чаще молчал. А если говорил, была заметна детская непосредственность. Часто, казалось, голос его звучал полуобожженно. В Краснодаре после концерта на стадионе к машине было невозможно пробиться. Толпа ее окружала, раскачивает, поет, орут: «Витя! Витя!» Всю машину помадой разукрасили, всякие сердечки, цветочки. Пришлось подпольно загнать прямо на стадион Волгу и тихо уехать. Виктор очень любил уединение. Мы его на море возили туда, где никого нет. Он и у нас на Кубани отдыхал, я его в район Юбилейного возил. И то – ведь ни один человек об этом не знал, однако прибежали три пацана с его фото в журнале. «Вы дядя Цой?» – «Я». – «А, правда, вы в карате умеете?» Цой засмеялся. «Умею немного», – говорит. Взял журнал, чего-то им там нарисовал. Вообще-то я в то время с «КИНО» не только по краю ездил, по всей стране. Тогда это было намного легче».

После выступлений в Краснодаре группа направляется к морю, в Сочи, где 9 июня 1989 года в КЗ «Фестивальный» «КИНО» отыграло два концерта. По многочисленным воспоминаниям, при заселении группы в сочинскую гостиницу «Жемчужина» «киношники», любившие похихикать, чуть не свели с ума пожилую женщину-администратора, принявшую группу «КИНО» за киногруппу, снимавшую документальный фильм, уехавшую накануне.

Закончив гастроли, группа берет тайм-аут, и Цой с Наташей отправляется в Латвию на отдых.

«Последний герой»

Как известно, в студии Валерия Леонтьева произвели не одну, а целых две записи – «Звезду по имени Солнце» записали в декабре, а в январе приступили к записи материала для так называемого «французского альбома».

Запись «Звезды по имени Солнце» прошла очень тепло, по-семейному. В последний день работы, 30 декабря 1988 года, Виктор Цой принес всем подарки, а потом был распит ящик шампанского, проспоренный Белишкину директором Леонтьева, Николаем Карой. Кстати, по воспоминаниям звукорежиссера Михаила Кувшинова, очевидно вследствие жесткого тогдашнего дефицита, половина бутылок была наполнена не шампанским, а обычной водой...

После Нового года музыканты вернулись в студию и за десять дней записали альбом, который потом выйдет под названием «Последний герой».

Георгий Гурьянов:

«Это был заказ. Был заказ, но никаких инвестиций. Они, французы, издадут пластинку у себя, а мы предоставляем им музыку. Ну, мы как всегда, записали все у меня дома, по нака- танной программе, обычную кассетку такую, и принесли к ним. Они в ответ: “Вы что, издева- етесь над нами?” Им не понравилось. Типа, у нас правительственный уровень, столько пафоса, а вы нам тут кассетку... И нам пришлось все перезаписывать. Обложку мы делали с Витей, но французы все потом переделали на свой лад. Чуть-чуть иначе было изначально. С другой сто- роны, мне эта пластинка совсем не нравится. Эти придурки старались копировать все нота в ноту, получилось повторение, все как-то скучно, вымученно, сухо, причем мы не участвовали на сведении, и они там, эти рок-н-роллышники французские, все загладили, затерли...»

Ночь коротка, цель далека,
Ночью так часто хочется пить,
Ты выходишь на кухню,
Но вода здесь горька,
Ты не можешь здесь спать,
Ты не хочешь здесь жить.

Доброе утро, последний герой!
Доброе утро тебе и таким, как ты,
Доброе утро, последний герой.
Здравствуй, последний герой!

Жоэль Бастенер:

«Идея выпустить французский альбом группы “КИНО” родилась из разочарования Вик- тора. Он очень расстроился, когда в марте 1988 во Франции вышел первый сборник советского рока – пластинка *Rock in Soviet* и туда попали только две композиции “КИНО”: “Электричка” и “Мама анархия”. Песни были помещены между композициями “Телевизора” и “Центра”, групп, которые Цой совсем не любил. Виктор не скрывал от меня своего недовольства, он пола- гал, что французская пластинка будет подобна американской *Red Wave*, на которой Джоанна Стингрей отвела группе половину диска. Я ему объяснил, что не был единственным, кто при- нимал решение о составе участников, но, базируясь на феноменальном успехе песни “Элек- тричка”, которую крутили по радио, предложил ему сделать сольный диск. В качестве партнера я выбрал *Polygram editions / Polydor* рес, который уже подписал эксклюзивный договор на пять лет с Василием Шумовым и его группой “Центр”. Диск Шумова с треском провалился, руко- водство английского филиала было в ярости из-за убытков, поэтому срочно хотело заключить договор с кем-нибудь стоящим, настоящим, с яркой личностью...

Я вооружился фотографиями и видеосъемками, сделанными в Питере, а заодно поддерж- кой Томаса Джонсона, молодого журналиста из популярного тогда журнала *ACTUEL*. Мы оба считали, что “КИНО”, и в особенности Цой, – это именно то, что нужно. Я легко нашел соин- весторов и запустил проект.

Цой сам выбрал песни для пластинки, это он решил делать *best of*. Он настоял и на том, чтобы сведение делалось во Франции. Виктор был убежден, что сводить должны если не аме- риканцы (Стингрей на тот момент уже сделала для него все, что могла), то по крайней мере французские профессионалы. Я оплатил производство деньгами, которые получил от мини- стерства культуры Франции на некоммерческие проекты. Работа над пластинкой была долгой и серьезной, все подчинялось воле артиста».

Были у этого альбома и русские издания, сделанные уже после гибели Цоя: в 1991 году альбом «Последний герой» выпущен лейблом Russian Disc на виниле, а в 1996 году тот же альбом был переиздан Moroz Records на компакт-дисках с цифровым ремастерингом.

Исходные пленки записи, сохранившиеся у звукорежиссера французской студии Патрика Клерка, были переданы Марьяне Цой и Рикшету, который сделал альбом ремиксов «Виктор Цой: Печаль» (2000 г.), взяв фонограмму вокала Цоя из альбома «Последний герой». Затем эти пленки были проданы Марьяной Цой на аукционе в благотворительных целях. В Сети можно встретить также множество «народных» ремиксов на песни «КИНО», сделанных с помощью этой же записи вокала.

Во время работы над альбомом *Le Dernier Des Héros* во Франции была также записана песня *Blood type* («Группа крови» на английском языке), которая не вошла в альбом. Песня была выпущена в сборнике «Последние записи» в 2002 году.

Мнения относительно успеха «КИНО» за рубежом разделились. Одни считали, что у «КИНО» все было довольно удачно, другие, к примеру музыканты «Гражданской обороны», – что «КИНО» «фактически обосралось за границей».

Алексей Рыбин:

«Одна из западных рецензий на концерт "КИНО" во Франции была примерно такая: "Нам обещали "русский феномен", а мы увидели на сцене бледную копию "The Cure"...»

Вот другое мнение.

Жоэль Бастенер, дипломат:

«Руководство английским филиалом не дало разрешения на мировой релиз, а рекламы не было вовсе. Поэтому в апреле 1989 года во время первого приезда "КИНО" во Францию на фестиваль *Printemps de Bourges* я всеми силами пытался привлечь внимание к пластинке, использовал свои личные связи, ведь "Последний герой" вышел за месяц до тех концертов.

Но к СССР в тот период относились довольно неприязненно, многие эксперты полагали, что перестройка – чистый блеф и что коммунизм вот-вот по новой закрутит гайки. Некоторые журналисты даже заподозрили меня в том, что я являюсь агентом влияния, а артисты – марионетками. Витю это очень напрягало.

Как бы там ни было, а особая способность группы "КИНО" зачаровывать, уже в полной мере проявившаяся к 1987 году в виде стремительно растущего числа поклонников, неожиданно заработала и на чужой почве. Столь мощное воздействие на аудиторию не оправдать одной лишь бесспорной привлекательностью Каспаряна или Гурьянова, оно скорее проистекает из магии пластики Цоя и таится в его грациозности хищной кошки, нереальной легкости движений, исключительной живости и гибкости организма, ауры невинного котенка, играющего с веревочкой. Чтобы удостовериться в этом, достаточно пересмотреть идиллическую сцену из "Иглы", где Цой, обогнав Смирнову, бредущую вдоль песчаной колеи, затерянной в Аральском море, поднимается по якорной цепи на корабль, а затем стремительно взбирается на мачту. Пластический образ схвачен и отображен всего в нескольких кадрах».

В начале сентября группа «КИНО» собирается в Ленинграде, где 4-го числа дает аншлаговый концерт в СКК. На сей раз группа выступила в неожиданной компании с малоизвестной кантри-певицей из США Нэнси Джордан Блэкмор, завезенной к нам Госконцертом для участия в конкурсе «Ступень к Парнасу», московским артистом Петром Подгородецким (экс-«Машина Времени», «Воскресение») и группой «Мистер-Твистер». «Вообще-то мы не хотели сегодня играть», – сообщил вместо приветствия появившийся наконец Цой, чем несколько озадачил и без того смущенную публику. Впоследствии выяснилось, что странная

сия акция была предпринята исключительно ради американской видеосъемочной группы, в течение месяца снимавшей фильм *Voices of Leningrad* о красотах Ленинграда для популярного сериала о городах мира; песням же «КИНО» в нем отводилась роль музыкального комментария.

6 сентября группа летит в Италию, где 10 сентября вместе со «Звуками Му», «Авиа» и вильнюсским *Vix* принимает участие в советско-итальянском рок-фестивале *Back in the USSR* в Мельпиньяно. Концерты проходили на открытом воздухе, недалеко от центра города, присутствовало много эмигрантов и Артем Троицкий. В роли организаторов фестиваля выступили культурная ассоциация *Alcatraz* и *Cooperativo Infrarosso*, спонсором стала компания по производству легких вин *Asti Spumante*. В свободные дни участники фестиваля (за исключением «КИНО») выступали в Падуе.

По воспоминаниям Жоэля Бастенера, один из товарищей Натали и Николя, который работал с ними во Франции в 1989 году, Оливер Уртадо, помогал деньгами, ездил в Италию и общался с группой «КИНО» в Риме.

По рассказам музыкантов «КИНО», в Италии все было очень хаотично организовано и на концерты приходили просто, чтобы поглазеть на русских с музыкальными инструментами. И Виктор очень не хотел выходить на сцену. Чему и помогли природные силы. Солнечным тихим вечером внезапно налетел такой вихрь, что всю сцену просто унесло из парка. У Тихомирова до сих пор остался скол на бас-гитаре от падения сценической фермы.

Александр Липницкий:

«Тогда, да и во время следующей совместной поездки – в Италию (вместе с “Авиа” и литовцами), я, помнится, досадовал на “киношников” за их откровенное презрение к тамошней публике. Принимал это за фанаберию, а теперь думаю, что это был трезвый корейский расчет. Цой был в лучшем смысле этого слова практичным человеком в быту, именно реализм по жизни охранял романтику его песен. Он и от Америки сохранил приятные впечатления лишь от Диснейленда, да заботы Джоанны. В общем, Виктор был человеком дела, а дело его было здесь, в СССР...»

10 сентября группа «КИНО» возвращается в Москву.

Четыре концерта (именно столько группа дала выступлений) «КИНО» за рубежом – очень мало. Да и прошли эти выступления в довольно непримечательной обстановке. Пожалуй, только копенгагенским концертом сами «киношники» остались довольны: была проведена грамотная рекламная работа. Статьи в прессе, интервью на радио, съемки на датском ТВ (представляете, прилетают ребята в Данию, едут на фирменном такси и в радиоприемнике слышат свой хит «Спокойная ночь»).

Виктор Цой:

«При всем моем интересе к зарубежной аудитории я прекрасно понимаю, что мне лучше выступать здесь, в нашей стране. Почему? Наверное, потому, что, как я уже говорил, очень ценю взаимопонимание между мной и слушателями. Хотя я не вижу ничего плохого в том, что артисты одной страны живут и выступают в другой... Искусство действительно не знает границ и принадлежит общемировым, общечеловеческим ценностям...»

По воспоминаниям участников движения *Next Stop*, к сентябрю 1989 года все группы, которые хотя бы косвенно имели отношение к движению, были задействованы в обязательном порядке. Что касается «КИНО», то группа тоже участвовала в концертах, хотя иногда это были просто выступления Цоя под акустическую гитару.

В середине сентября Цой по приглашению активистов движения Next Stop выступает на концерте, устроенном в Москве, в парке недалеко от Университета. После этого «КИНО» отправляется с концертами в Калининград, выступает там во Дворце спорта 16–17 сентября. В роли приглашающей стороны и организатора концертов выступил калининградский оригинальный дискуссионный и концертный клуб «Спарринг», руководителем которого был продюсер и музыковед Владимир Янке.

Около пятнадцати лет Янке работал музыковедом в Кузбасской, а затем в Калининградской филармонии. Это было время, когда все концертирующие значимые музыканты СССР в обязательном гастрольном порядке работали на концертных площадках практически всех областных городов России и всех столицах Советского Союза. Благодаря этой жесткой системе Янке посчастливилось представлять сначала со сцены Кузбасса, а затем Калининграда едва ли не всех представителей советской музыкальной артистической элиты 70–90-х годов XX столетия. Параллельно и впоследствии он был автором и ведущим ряда телепрограмм, продюсером информационных и мультимедийных проектов, экспертом в сфере системной информационной работы, аналитиком.

Владимир Янке:

«Через “Спарринг” в восьмидесятых годах двадцатого столетия прошло более ста рок-групп СССР, находившихся в то время только-только на взлете. Среди них: “КИНО” и “Наутилус Помпилиус”, “Аквариум” и “Звуки Му” Петра Мамонова, “Агата Кристи” и “Крематорий”, “Ва-Банкъ” и “Телевизор”, “ДДТ” и “Вежливый отказ”, “Чайф” и легендарный “Зоопарк” и т. д. и т. д.».

И вот – сентябрь 1989 года. По всему Калининграду расклеены афиши – «КИНО», «Рио», «003». Билетов не достать. Дворец спорта «Юность» переполнен, гостиница «Калининград», где поселились «киношники», атакуется поклонниками, желающими хотя бы одним глазком взглянуть на своих кумиров...

16 сентября успешно отыгравший концерт Цой по просьбе местных журналистов мило-стиво соглашается на небольшую фотосессию в коридоре Дворца спорта, хоть и отказывается от интервью, сославшись на усталость. И только журналистке газеты «Комсомолец Калининграда» Дине Власовой удается договориться с Виктором насчет небольшого интервью на завтра. Наконец фотографы и репортеры, которых весьма недолюбливала группа «КИНО», удаляются, и музыканты возвращаются в гостиницу...

Но если 16-го концерты прошли в спокойной обстановке, то 17-го сентября «киношники» заставили Янке поволноваться.

Концерт «КИНО» начинался в 19.00. на разогреве выступали «003» и «Рио». На часах Владимира Янке было 18 часов 45 минут. Музыкантов не было...

С трудом дозвонившись в гостиницу «Калининград», Янке выяснил, что музыканты «КИНО» еще двадцать минут назад уехали во Дворец спорта. Владимир бросился к служебному входу и с радостью увидел там приехавшего тогдашнего администратора группы «КИНО» – Юрия Белишкина, который одним вопросом мгновенно погасил вспыхнувшую было радость Янке:

– А что, ребята еще не приехали?

Ребят не было. Как писала впоследствии журналистка газеты «Комсомолец Калининграда», сотрудницы Дворца спорта в панике бросились искать ключи от запасного выхода, поскольку было чего опасаться. Дворец спорта был набит битком – поклонники ждали Цоя. И если бы выяснилось, что Цоя нет, неизвестно, что устроила бы толпа разъяренных поклонников...

Но все получилось! Янке, по совету Белишкина, еще раз набрав номер гостиницы, неожиданно выяснил, что музыканты группы до сих пор не выехали из-за проблем с автотранспортом и будут во Дворце спорта только через десять-пятнадцать минут.

Эти пятнадцать минут дались организаторам концерта весьма нелегко, и только появившийся в дверях служебного входа Цой с гитарой в руках заставил их вздохнуть с облегчением... Группа приехала. Дворец спорта был спасен.

Кстати, журналистке «Калининградского комсомольца» так и не удалось взять интервью у Цоя. Раздраженный переживаниями из-за задержки подачи гостиничного транспорта, администратор «КИНО» Юрий Белишкин попросту не пустил никого из репортеров в гримерку к Виктору. Надо отметить, что обиженная Белишкиным журналистка чуть позже, 23 сентября 1989 года, все-таки опубликовала в своей газете статью-отчет о прошедших концертах «КИНО», где не преминула ядовито заметить насчет «звездности» и цербера-администратора в дверях...

Кстати, интервью Виктор Цой в Калининграде все же дал. Корреспонденту газеты Балтийского флота «Страж Балтики» (г. Балтийск) – А. Петрову, которое было опубликовано 24 сентября 1989 года...

* * *

21–22 сентября 1989 года «КИНО» выступает в Харькове на стадионе «Металлист». Сохранилось несколько воспоминаний о том концерте.

В Харьков Цой приезжал в 1989-м. На стадион «Металлист» было тяжело попасть, а когда фаны начали размахивать зажигалками и поджигать плакаты, тогда еще советские милиционеры растерялись, бегали по трибунам и просили прекратить.

Николай Ковальчук почти тридцать лет работает фотографом. На концерт рок-звезды пошел по собственной инициативе. Вспоминает, что самое сложное было уговорить Цоя на интервью и фотосессию.

«Снимали концерт группы “КИНО” я, Игорь Кедровский – один из первых видеооператоров на Харьковском телевидении, и стадионный фотограф Толик Неклюдов. На одном из снимков видно, как милиция мешает Неклюдову снимать. Нам тоже не очень разрешали снимать концерт, а пообещали потом. Этими “потом” я уже был сыт по горло. И каким-то чудом мы с Кедровским уговорили Цоя поснимать после концерта в одной из комментаторских кабин на западной трибуне. Вот там и происходила вся послеконцертная съемка (четвертая кабина справа, если смотреть с футбольного поля). Думаю, что стадион “Металлист” стал бы еще популярней, если бы на этой кабине прикрепили мемориальную доску Цою...»

Западная трибуна, четвертая комментаторская кабина справа – харьковские поклонники «КИНО» не понаслышке знают это место. Именно там 21 сентября 1989 года Цой давал интервью киевскому журналисту Александру Ягольнику. Фотограф Андрей Кулёв успел запечатлеть этот момент, однако отснятая им пленка оказалась впоследствии утерянной. Сохранилось несколько печатных фотографий, которые ныне бережно берегут поклонники «КИНО».

17 октября 1989 года Виктор Цой вновь заполняет анкету-заявление на выезд в США. Планируется поездка к Джоанне Стингрей и представление фильма «Игла» на фестивале в Парк-Сити.

27 октября 1989 года вышел выпуск «Взгляда», в котором принимал участие Виктор Цой. Хотя и говорят о совершенной аполитичности Цоя, но Виктор, будучи весьма сильной личностью, был небезразличен к тому, что происходит в его стране и, участвуя во «Взгляде», позволил себе «неслыханную дерзость» противоречить будущему главе ГКЧП. В ответ на обвинение Геннадием Янаевым кооператоров в спекуляции Цой сделал следующее очень смелое замечание: «Я считаю, что у нас государство занимается спекуляцией в особо крупных масштабах...» Как бы в доказательство ненормальности социалистической системы, сразу после песни-клипа «КИНО» шел сюжет о спекуляции бензином на автозаправках, которые никак не были связаны с кооперацией, а относились к госсектору. В то время, как известно, вся государственная торговля была пропитана тотальной спекуляцией и, как правильно заметил один из затем выступавших, спекуляция – это не только «скупка и перепродажа с целью наживы», как говорилось в Уголовном Кодексе, но и «создание экономических условий, провоцирующих дефицит, который, собственно, и приводит к спекуляции...»

19 октября 1989 года Виктор Цой посетил пресс-центр ИТАР-ТАСС и редакцию газеты «Московский комсомолец».

Игорь Воеводин:

«Поздней промозглой осенью 1989 года я бродил по Ленинграду в поисках Виктора Цоя. Цой прятался, и, спасая газетный материал, я встречался с кем-то из его группы. Пустые, бессмысленные слова, нулевые реакции – им просто нечего было сказать без Цоя, статья умерла при зачати. Через две недели, уже в Москве, мне позвонил Юрий Айзеншпис и спросил, не хочу ли я поговорить с Цоем – в столице начинались концерты “КИНО”, и нужна была реклама. Помня свои питерские мытарства, я ответил грубо. Многомудрый и терпеливый Айзеншпис сказал, что мы с Цоем не правы оба, но он, Айзеншпис, берется привезти Цоя куда надо и во сколько надо. Польщенный, я ответил: “Завтра в два в редакции”. Хитрый Айзеншпис привез Цоя в десять, и за четыре часа провел его по редакциям всех московских газет, шумиха была обеспечена, и в два я увидел измочаленного одними и теми же вопросами, полуослепшего от фотовспышек Цоя. Бесстрастная диктофонная пленка сохранила разговор – очередную попытку заглянуть за фасад, неудачную, как все до и после нее...»

В коллекциях многих ценителей творчества «КИНО» можно найти весьма удачные фотографии Александра Астафьева и Геннадия Черкасова, показывающие это посещение Виктором редакции московских газет.

27–29 октября 1989 года проходят концерты «КИНО» в Москве, в УДС «Крылья Советов», где с принимающей стороны были Юрий Айзеншпис и Олег Толмачев. На разогреве у «КИНО» играла группа «Альянс». После ноябрьских концертов в Нижнем Тагиле (14 ноября) «КИНО» 26–28 ноября выступает в Ленинграде, в СКК, совместно с группой «Петля Нестерова». После концертов в ленинградском СКК группа летит в Красноярск, где с 1 по 4 декабря дает аншлаговые концерты в ДС «Енисей» (ныне имени Ярыгина).

Популярность «КИНО» с каждым днем росла, и к концу 1989 года группа, устав от проблем, связанных с организацией концертов (Белишкин просто не справлялся, поскольку группа поднялась на уровень, который был на порядок выше его возможностей), решила сменить питерского менеджера на «более профессионального» – столичного.

Георгий Гурьянов:

«Юра Айзеншпис организовывал роскошные гастроли, у него была безупречная организаторская работа. Витя его очень любил. Кто был лучше – Белишкин или Айзеншпис? Конечно,

Юра. Продюсер Белишкин – это вообще юродивый, и слова ему сегодня никто не давал... А он там организывает памятные акции. Он некромант точно. Некрофил. А Юра Айзеншпис был великолепный администратор и директор, продюсер для работы совершенно иного уровня».

Юрий Айзеншпис:

«После первой столь удачной пробы Цой поверил в мои организаторские способности и совместная работа началась. Мелькали города, регионы, стадионы и концертные залы, гостиницы и рестораны... До какого – то момента я работал параллельно с персонажем по имени Юрий Белишкин, который администрировал группу еще в питерском рок-центре. Однако расклад наших сил оказался явно не в его пользу, я доказывал свою продуктивность. В итоге, почувствовав свою относительную никчемность и бесполезность, бывший администратор после концерта в Красноярске тихо отвалил с маршрута, никого даже не предупредив...»

Айзеншпис, говоря о более высоком уровне организации гастрольных поездок, ничуть не преувеличивает. Уровень его способностей и возможностей был на порядок выше, чем у Белишкина.

Юрий Владимирович Белишкин покинул свой пост в декабре 1989 года (сразу после серии красноярских концертов), и ему на смену в начале 1990 года заступил Юрий Шмильевич Айзеншпис – известный впоследствии деятель шоу-бизнеса.

13 декабря Виктор с Наташей летят во Францию, где проводят рождественские дни и знакомятся с музыкантами «Noir Desir». 24 декабря они возвращаются в СССР, и в конце месяца Виктор Цой и Юрий Каспарян улетают в США к Джоанне Стингрей...

1990

В начале 1990 года Цой и Каспарян, находясь в Америке, получили приглашение на фестиваль Sundance в Парк-Сити, куда были приглашены вместе с режиссером фильма «Игла» Рашидом Нугмановым.

Кинофестиваль Sundance United States Film Festival («Сандэнс») – национальный американский кинофестиваль независимого кино – проводится в Парк-Сити, штат Юта США, в конце января каждого года. Рашид приехал в Парк-Сити 18 января, Виктор и Юрий вместе с Наташей и Джоанной присоединились чуть позже.

25 января 1990 года Цой и Каспарян дали концерт в главном зале фестиваля, кинотеатре Egyptian, до отказа набитом кинопрофессионалами, приехавшими на этот киносмотр. Интерес к СССР тогда был огромный, поэтому недостатка в зрителях не было. Удивительно другое – несмотря на то, что никто из присутствовавших в зале не говорил по-русски (за вычетом Рашида и Наталии Разлоговой), аудитория очень живо прореагировала на выступление. Профессионалы мгновенно оценили потенциал выступавших.

Юрий Каспарян:

«Играли мы по старинке – в две гитарки. Сыграли то, что в фильме, – “Группу крови”, “Звезду по имени Солнце”. Народ очень благосклонно это воспринял – Россия была тогда в моде: они уже не страшные, вот они уже здесь! Возвращались втроем – с Наташей и Виктором. Лос-анджелесский аэропорт был забит – у них там сбой какой-то был. Мы часа три простояли на взлетной полосе. Сейчас уже семьсот сорок седьмых “боингов”, с надстройкой такой, немного, а тогда они были очень популярны. И вот, помню, на поле штук двадцать этих “боин-

гов” – разноцветных, разных компаний, со всего мира – это же международный аэропорт... Тогда это было свежо и радужно».

В марте 2016 года сотрудники архива Sundance Institute Кэти Клеменс и Хлоя Смит, а также американский фотограф Стив Мидли, передали в архив Александра Цоя около 30 фотографий приличного качества с выступления Виктора Цоя и Юрия Каспаряна на фестивале «Sundance», чему в какой-то степени способствовал и ваш покорный слуга...

После выступления на фестивале Sundance Джоанне, которая в глазах американцев была продюсером группы, стали поступать коммерческие предложения. В частности, японские компании Little Magic Productions и Amuse Inc выразили готовность заниматься группой «КИНО» и вкладываться в ее раскрутку. Огромное количество некрологов, опубликованных после гибели Виктора в американских изданиях, и пачки телеграмм с соболезнованиями, полученных Наталией Разлоговой, говорили лучше любых слов о том, как высоко профессионалы ценили Цоя. Как бы там ни было, сам Цой к такому вниманию зарубежных продюсеров отнесся как к чему-то само собой разумеющемуся, не то чтобы желанному, но и не то чтобы неприятному. Для него это был обычный рабочий момент.

Тогда же, в Америке, Виктор, Юрий и Джоанна посетили Солт-Лейк-Сити, где катались на снегоходах по горным склонам. В фотоальбоме Red Wave, выпущенном Джоанной Стингрей, есть фотография, на которой четверо людей в защитных шлемах сидят на снегоходах, под которой написано – «Виктор, Юрий, Джоанна и Наташа». Это неверно – Наташа Разлогова действительно была тогда в США, но по своим делам, и присоединилась к Виктору, Джоанне и Юрию лишь на фестивале Sundance в Парк-Сити.

Мало кто знает, что отец киберпанка **Уильям Гибсон**, как выяснилось, даже собирался писать сценарий для фильма с участием Виктора Цоя. Об этом свидетельствуют его же собственные слова, приведенные в интернет-блоге в начале марта 2003 года:

«Однажды меня представили Рашиду Нугманову, молодому казахскому режиссеру, снявшему “Иглу” с Виктором Цоем в родном городе Рашида Алма-Ате и в Аральском море (или что было Аральским морем и стало прообразом мертвой зоны в “Распознавании образов”). Рашид дал мне запись “Иглы” и музыку “КИНО” для моего плеера. Цой – наполовину русский, наполовину кореец, чрезвычайно красивый и серьезно относился к боевым восточным искусствам. Очень харизматичный. Я весьма заинтересовался возможностью снять совместный американо-советский фильм с Цоем в главной роли.

Мы с Рашидом начали работать над основной сюжетной линией, но когда пришло время для поездки в Россию и написания сценария, я оказался очень занят романом. Я не мог заняться этим чудесным странным проектом, но не хотел его упускать. Я взял на работу своего друга Джека Уомака. Трагическая смерть Виктора в автокатастрофе (он погиб не как рок-звезда – он был трезвенником и не употреблял наркотики) погубила проект, но к тому времени группа “КИНО” стала постоянной частью моего музыкального пейзажа. Я иногда задаюсь вопросом, чем Виктор занялся бы, если б остался жив. Он был необычно талантлив.

История Рашида для фильма, который мы так и не сделали, рассказывала о ритуальной войне банд в возможном Ленинграде будущего. Я думал об этом, когда я смотрел начальное сражение в “Бандах Нью-Йорка”. Очень похоже! Я помню, как Рашид описывал крупномасштабный бой в заснеженном полуночном парке. Одна банда вооружена заточенными лопатами, другая казачьими саблями. Еще мы хотели использовать танк с брандспойтом».

Как вспоминал впоследствии Рашид Нугманов, продюсировать фильм намеревался Эдвард Прессман. Этот человек занимался производством всех «Воронов», работал над филь-

мами «Отель “Новая роза”», «Судья Дредд», «Уолл-стрит», «Уличный боец» и «Конан-варвар». То есть, останься Цой жив, он мог бы стать мировой кинозвездой. Не менее сказочное будущее, чем банды Ленинграда с саблями наперевес...

Рашид Нугманов:

«Идея подобного фильма родилась намного раньше знакомства с Гибсоном. Цепочка событий такая. В самом начале был проект ретрофильма об алма-атинских стилягах первой половины 60-х под названием “Король Брода” с главным героем по кличке Моро. Эта идея появилась еще до “Иглы”, до моего поступления во ВГИК и до знакомства с Цоем. Когда мы познакомились с Виктором – я предложил ему написать музыку к “Йя-Ххе”, а заодно и сняться в ней, – то сразу понял, что никто лучше не сыграет роль Моро. Цой сразу согласился. Я работал над сценарием “Короля Брода”, подключив в качестве соавторов Аркашу Высоцкого и Ажар Аяпову, с перспективой снять проект на “Казахфильме”. Но тут подвернулась “Игла”, и я перенес этого персонажа из “Брода” в “Иглу”. Одновременно на “Казахфильме” была запущена картина “Балкон” с довольно близкой ретроисторией, хотя и без стиляг, но на том же историческом Броде – на улице Калинина в Алма-Ате 50-х. Поскольку запустить вслед за одной ретрокартиной другую было нереально, мы с Виктором решили отложить “Брод” на несколько лет и после “Иглы” продолжить историю походов Моро. Я придумал футуристический сюжет о Ленинграде, который становится свободным капиталистическим городом, независимым от охваченного гражданской войной СССР...

Первые наброски я начал кропать в 1988-м, но вскоре стал художественным руководителем объединения “Алем” на “Казахфильме”, а потом, весной 1989-го, меня избрали первым секретарем Союза кинематографистов Казахстана, пошли международные фестивали один за другим. У Виктора тоже начались бесконечные гастроли с группой “КИНО”. Все это мешало работе, но Виктор меня постоянно теребил, торопил с новым проектом. Наконец, отпраздновав 1990 год, я собрался с духом, где-то 2 или 3 января 1990 года засел за тритмент под рабочим названием “Цитадель смерти” и за пару недель написал его, причем сразу же на английском языке, поскольку к тому времени возникло уже много предложений из США и Европы. 18 января я привез этот тритмент на Sundance, мы туда приехали вместе с Виктором, я представлял его как актера на главную роль. С американской стороны в проекте участвовали известный продюсер Эд Прессман, в качестве сопродюсера – Тони Саффорд, представлявший в то время *New Line Cinema*, и с японской стороны – *Amuse Inc* вместе с Кики Мияке и ее нью-йоркской компанией *Little Magic*. Сотрудничать с Биллом Гибсоном мне посоветовал Саффорд. Эд Прессман сразу после Sundance организовал мою встречу с Биллом в Сан-Франциско. Наняли кинозал, в полдень Билл посмотрел “Иглу”, а потом мы загуляли...

Я тогда почти ничего не знал, кроме слова “киберпанк”. Когда выяснилось, что меня сводят с “отцом киберпанка”, я, разумеется, пришел в восторг. Перед встречей меня снабдили разнообразным материалом о нем, который я внимательно изучил, а сам Билл уже подарил мне свои книги. Только после этого я их и прочитал, в оригинале. Билл же ничего не знал ни о Викторе, ни обо мне. Но сразу въехал. Его всегда притягивала советская тема и особенно советский андеграунд, а тут он познакомился с его не последними представителями. Зеркальная ситуация, я бы сказал.

Наутро после нашей встречи Гибсон улетел обратно в Ванкувер. А через пару недель, когда мы с Цоем были уже в Нью-Йорке, от него пришел факс с тритментом киносценария с рабочим названием “Цитадель смерти”. Один из вариантов сценария (третий по счету) мы начали писать с Биллом в Сиэтле в конце апреля 1990-го – я именно поэтому не поехал в Японию, куда вместо меня с Виктором отправилась Джоанна... В фильме планировалась съемка Дэвида Бирна, лидера группы *Talking Heads*, с которым я познакомил Виктора в Нью-Йорке. Саундтрек к фильму должен был делать Цой с группой “КИНО”, но предполагалось, что Дэвид

Бирн выступит не только актером, а еще и музыкальным продюсером, возможно – сокомпозитором фильма вместе с Виктором. Я также подумывал использовать некоторые мифологические элементы рока, вроде песни *Boris the Spider* в исполнении *The Who* и “КИНО”. Моей задачей было нарисовать жуткую эклектичную смесь социализма с диким капитализмом в новом Ленинграде...

Когда “Цитадель” из советского вдруг стала совместным проектом с американцами, Виктор стал меня теребить, чтобы я быстро написал новый советский проект – мы бы его сняли в том же 1990-м, пока большая совместная картина набирает обороты. Поскольку съемки предполагались осенью в Подмоскovie, то на 21 августа назначили встречу в Москве: Соловьев, я и Цой. Не довелось... Факс с окончательным текстом просто был прислан мне в 1991-м, уже после гибели Виктора...»

В своих воспоминаниях Рашид Нугманов упоминал, что Виктор попросту не успел ничего придумать для фильма, но если принять во внимание один момент, то, возможно, все выглядит несколько иначе.

В феврале 2013 года в одном из блокнотов Виктора Цоя, сохраненных Наталией Разлоговой, был обнаружен непримечательный пожелтевший листок, свернутый вчетверо и вложенный за обложку. На листочке был коротко приведен набросок сценария к фильму «Рожденный на PQ», представляющий собой рассказ о недалеком будущем, молодежных бандах, культе физической силы и тому подобное. Похоже, что Виктор все же продумывал варианты сценария к фильму, просто не обнаружил их...

Кстати, будучи в Нью-Йорке, в феврале 1990 года, Цой жил у американского режиссера Оби Бенца, где его поселил Рашид. Там он написал одну из последних своих картин, которая называлась «Жизнь».

Рашид Нугманов:

Есть одна картина Цоя, которую практически никто не видел у нас, – он ее написал в подарок режиссеру Оби Бенцу, у которого я его поселил в Нью-Йорке. Она написана на большом листе пластика цветными фломастерами и изображает мужчину и женщину на фоне ночного города, в стиле Харинга. Пунктиром обозначены взгляды (по типу как в «Игле» я нацарапал для Мамонова): мужчина смотрит на звезду в небе, а женщина – на его мужское достоинство. Подлинный раритет...

Оби Бенц:

“Живя у меня дома, однажды днем Цой разрезал какие-то серые полупрозрачные мешки для мусора, купил толстые маркеры черного и красного цвета и сделал рисунок типа Кита Харинга с мужской и женской фигурой около трех футов в высоту. Фигуры были в основном в квадрате для плеч, рук и ног. У женщины были треугольники, отмечающие груди, и линия, отмечающая влагалище. Мужчина имел прямоугольную стрелку, отмечающую пенис, направленную вниз. Пунктирные линии показывали взгляд женщины, смотревшей прямо на пенис мужчины. Глаза мужчины же смотрели в небо, на звезды. Это было смешно и хорошо сделано, и было бы весьма актуально и полезно сегодня. Материал, на котором была изображена картина, был очень хлипкий и тонкий, покрытый рябью, как и любой пластик. Цой просто приклеил ее на стену в качестве подарка. Я отдал картину в мастерскую, чтобы оформить ее профессионально, насколько это было возможно, но через несколько лет работа начала падать. Я снова переделал рамку, но был недоволен результатами, вернул его в мастерскую, чтобы сделали снова, и оставил ее там в течение некоторого времени, тогда я переживал развод и сложное время. Когда же я приехал забрать работу, мне сказали, что кто-то уже взял ее. Я никогда не был уверен, потерялась ли она где-то на складе в мастерской, или кто-то другой взял ее, или

она была повреждена в третьем рефрейминге, и меня попросту не хотели ставить об этом в известность. В любом случае она пропала. Это очень печально, но ее у меня действительно нет. К сожалению, я не думаю, что у меня даже есть ее фотография или фотографии самого Виктора. Это было 30 лет назад, и мне пришлось бы пробираться через тысячи негативов, чтобы увидеть, была ли она на каком-нибудь случайном кадре...”

* * *

По возвращении из Америки в двадцатых числах февраля «КИНО» начинает работу с новым менеджером группы Юрием Айзеншписом и едет с концертами в Новокузнецк. Нужно отметить, что новокузнецкие концерты были не первыми из запланированных. Согласно гастрольному графику, составленному Олегом Толмачевым, в период с 16 по 18 февраля 1990 года Виктор Цой должен был выступать в Мариуполе, где планировал дать пять концертов, однако из-за плохой погоды выступления были отменены.

24–25 февраля 1990 года «КИНО» дает два концерта в Новокузнецке, во Дворце спорта кузнецких металлургов.

Олег Толмачев:

«Концерт в Новокузнецке был мощный. Помню момент: на сцену один или два раза выскакивал мужик... Это был просто монстр, у него была такая шапка-ушанка, как у почтальона Печкина, одно ухо торчало вверх, другое вниз, такой здоровый сибиряк... Такой то ли бушлат на нем был, то ли телогрейка, и в кармане этого бушлата была бутылка водки, из которой все время выплескивалось содержимое... И он пляшет под Цоя, у него из бутылки плескается. Я его все время спихивал обратно, а потом я его вообще куда-то выкинул, надоел он мне... А он здоровый сибиряк, похоже десантник бывший, вот так вот скачет в этой ушанке... “Перемен”... У него там перемены в жизни...»

27–28 февраля «КИНО» выступает в Прокопьевске, а в период со 2 по 4 марта 1990 года проходят концерты в Новосибирске.

Из воспоминаний:

«Как-то стихийно, за пару дней до приезда анонсировали (а может, и за день, не помню). Стадион 8000 мест был заполнен “под горлышко”. Я тогда был одним из командиров “Комсомольского Оперативного Отряда” – охраняли там все и вся (служб безопасности тогда еще не было). Это был самый трудный концерт, всех фанатов было не удержать, некоторых приходилось “по факту” стаскивать со сцены. Цой был ОЧЕНЬ УСТАВШИЙ, концерт был менее часа. Когда его уводили по служебному входу пара крепышей – окружили поклонники (откуда там взялись, не знаю), соплявки-девахи (дежурные, их еще и на “Ласковом мае” видел) и просто фанаты...»

Тут я почувствовал себя значимым (лет 17 мне было, но в подчинении были великовозрастные ребята), поднял руку, щелкнул пальцами – оттеснили моментально ребята всех лишних. Ура, я и пролез к Цою со своим альбомом, куда собирал автографы приезжих знаменитостей. Виктор был как под наркозом. Как минимум. Я ему: “Спасибо за концерт, Виктор!” Дежурный ответ из качающейся головы: “Пожалуйста”. Расписался в альбоме. Сверху вниз – “ЦОЙ”. Потом в газете видел более витиеватую подпись... Но эта – НАСТОЯЩАЯ. Хотя многие, кто видел, и сомневались... Но я-то сам альбом держал, и фломастер мой был, и Виктора мои друзья окружали...»

* * *

С 8 по 11 марта 1990 года группа «КИНО» гастролеровала в Ташкенте. Концерты с большим успехом прошли во Дворце спорта «Юбилейный». После разогревающего выступления молодой уфимской группы до отказа забитый зал горячо приветствовал Цоя и его группу. Стильные, одетые в черное «киношники» просто взорвали зал. Ринувшиеся навстречу группе фаны заполнили площадку перед сценой, хотя цепь неприступных омонцов с резиновыми дубинками и пыталась им противостоять. В течение полутора часов артисты исполняли композиции из двух последних альбомов, и, когда после «Перемен!» зазвучала заключительная «Группа крови», зрители уже не помнили себя от восторга...

О ташкентских гастролях «КИНО» потом много писали в прессе. К примеру, харьковская газета «АТВ» в апреле 1991 года цитировала помощника Юрия Айзеншписа Олега Толмачева (ныне он гастрольный директор В. Кикабидзе): «... в Ташкенте нас пытались рэкетирировать, требовали, кажется, тридцать шесть тысяч, не хотели выпускать, не давали билетов на самолет».

Ничего подобного никогда не было, что подтверждают как музыканты группы, так и Наталия Разлогова, часто ездившая с группой на гастроли.

Как удалось узнать у самого **Олега Толмачева**, дело было так:

«У Цоя проблем с “братками” вообще никогда не было. Мы сами братва были... В Ташкенте вот попытки на нас “наехать” были, но это был косяк Юрика по полной программе. Потребовали подходящий налог. А он сказал не отдавать. Я говорю, Юрок, надо отдать, но он же если упрется, то все. А местные мне все деньги уже отдали, деньги все у меня. Ни Цой, ни Юрик дел с деньгами не имели. И с меня стали вымогать этот налог, не дали обратные билеты. Тогда же не так, как сейчас, было. Перелеты все эти... С билетами проблемы... Сейчас все в Москве билеты туда и обратно то-се...

Билеты я сам покупал на все гастроли. А ты пойди в то время, купи билеты... Да не один билет, а десяток, да еще туда, куда надо. Что я делал? Я же до этого, помимо того что я бегал, подрабатывал на аэровокзале грузчиком. Я там такую развел фигню... Перезнакомился со всеми бабами – кассиршами. До касс же дойти было невозможно тогда, оцеплены были ограждениями, менты стояли... А мой друг-бегун устроился туда работать милиционером. И соответственно имел доступ к кассам. Ну что у меня было? Я прихожу туда с утра, и стою как за грузчика, ко мне сбегаются там люди, кому куда надо. Я собираю паспорта, деньги, передаю своему менту, он в кассы, бабы вылавливают всем билеты, а я иду тренироваться. И вот когда мы стали ездить – я взял этого мента, Леху, себе на зарплату, и у меня еще до работы “КИНО” было уже все выстроено. Потом-то меня, конечно, выгнали из аэровокзала. Вызвали и говорят: Олег, мы все знаем, лучше сам напиши заявление, я-то сам-то уже не работал. Как меня вычислили? Начальник вокзала приезжал на работу на своей машине, а я приезжал на работу на такси. Дам денег грузчикам, они за меня работают. И свободен, занимаюсь билетами. А тогда же как было? Ни компьютеров, ничего, все вручную, писать, заполнять имена-фамилии...

И вот в тот раз, в Ташкенте, билеты обратные должна была купить принимающая сторона, но после того как мы отказались заплатить налог, они нам отказали в билетах. Так вот я ночью через ресторан из гостиницы вылез, в аэропорт съездил, купил у барыг билеты, и мы утром уже кто в Москве, кто в Питере, а кто в Уфе (группа “ЧК”) были. Короче – я за те же бабки, которые мы от них зажали, купил всем билеты обратные, переплатив, конечно, барыгам. Они дали Цою и Наташе билеты вообще эконом-класса. Но мы улетели. Местные офигели просто, когда в номерах утром никого не нашли...

Цой с Наташей приезжали ко мне домой потом за деньгами, после этих злосчастных концертов в Ташкенте, я еще тогда на Речном вокзале жил, за деньгами... Цой был уверен, что я все деньги потерял там, в Ташкенте, а там гонорар не только за Ташкент был, а за три города... А я ничего не потерял. В Ташкенте до сих пор помнят об этом случае, мне вспоминают, когда туда приезжаю...»

После Ташкента у группы «КИНО» с 13 по 15 марта планировалось четыре концерта в Ижевске. Но выступления были отменены, и группа поехала в Пермь, где 16–18 марта с успехом прошла серия концертов в УДС «Молот».

Из воспоминаний о концерте:

«Концерт Цоя в 1990 году в Перми проходил в “Молоте”. Пошел я на него вместе с папой и по его инициативе. На “Интро” вышел барабанщик в бриджах и стоя колбасил по какой-то ущербной электронной установке. Во время концерта посидеть на край сцены забиралось много зрителей. Одиноким пузатый охранник не особо активно сгонял их. Несколько песен “КИНО” в то время я уже знал. “АССУ” показали по ТВ, по радио крутили “Группу крови”. Но все песни, кроме “Перемен!”, остались для меня неузнанными. Качество звука, неудобные места, непривычность людей к живым концертам свернули все выступление “КИНО” в однообразное “шоу”. У Цоя порвалась струна, которую он на сцене и перетягивал. Естественно, после его гибели в августе того же года я воспринимал это как знак».

Олег Толмачев:

«Это я придумал тогда такую фишку – стал продавать плакаты и газеты на концертах. Это мы с Юриком впервые сделали еще на фестивале “Рок против наркотиков”... Я Юрику говорю, давай что-нибудь и тут придумаем. Давай. Что? Давай напечатаем газету, плакаты. Напечатали газеты, плакаты. 10 тыс. экземпляров. Напечатали по 20 копеек, а продавали по 5 рублей... Вот такой бизнес был».

Юрий Горошевский:

«Будучи давно знаком с Цоем, катаясь с “КИНО” по стране, я за все это время больше трех минут с Витей не разговаривал. При том что Витя был рядом 20 часов в сутки. И впервые минут 30 я поговорил с ним в городе Пермь на гастролях, где мы останавливались в загородном пансионате вместо гостиницы. Мы уже достаточно долго ездили, и вдруг он сам сказал мне: “Приходи поговорить”. То есть, видя его по 20 часов в сутки практически не переставая, на гастролях практически не отходя от него, говорил я с ним за все время больше пяти минут подряд, всего раз пять или, может быть, десять, не более...»

В марте проходят концерты «КИНО» на Украине: в Днепропетровске, в Запорожье и Киеве.

В период с 19 по 22 марта 1990 года группа «КИНО» выступает во Дворце спорта «Метеор» в Днепропетровске.

На концерте в Запорожье 23 марта 1990 года журналист местной газеты «Комсомолец Запорожья» Эдуард Бобровицкий сумел встретиться с Виктором Цоем и записать на диктофон небольшое интервью, на котором присутствовал и фотокор Сергей Бижко. В Сети можно найти запись этого интервью и увидеть фотографии, сделанные Сергеем в тот памятный день... Цой, как рассказывает Эдуард, был совершенно спокоен, во время интервью держался очень скромно.

По материалам газеты «Черная суббота»:

«Это интервью случилось во время гастролей “КИНО” у нас в Запорожье. Даже не интервью, не дружеская беседа в теплой компании. Просто вышли покурить на лестницу в “Юности” на пять минут перед выступлением, поговорить “про жизнь”, так сказать. Да и разговор был ни о чем, простой дежурный разговор знаменитости с “допущенным к столу”. Но тем не менее я хотел бы рассказать об этом. Он был, как обычно, весь в черном, с какими-то бубенцами, звеневшими при каждом жесте, с белой гитарой, которую он беспрерывно настраивал и что-то наигрывал, когда не хотелось отвечать. Разговор начался сам собой и постоянно менял направление, может даже и вопреки моему желанию. На сцене тем временем сотрясала воздух команда “Сухой лед”. Затем было несколько обычных жалоб на неважный аппарат и паршивый саунд и все такое прочее. Ребята из “Сухого льда” гнали под фонограмму свою последнюю песню. Виктор выбросил окурок и сухо кивнул головой, пошел к сцене. Через две минуты он уже пел...»

Кстати, нужно отметить, что именно в Запорожье группа «КИНО» пересеклась с группой «Ласковый май».

Юрий Айзеншпис:

«Как верх прикола и куража исполнялся репертуар “Ласкового мая”, и каждый старался максимально соответствовать Шатунову и его слащавой манере петь. И Цой награждал того, кто максимально близко к оригиналу исполнит “Белые розы” и другие слюнявые хиты. При этом он не выступал особо непримиримым идеологическим противником попсы и эстрады, отнюдь. Этот жанр вызывал его легкую иронию, да и игнорировать сверхпопулярность “Мая” тоже было невозможно. Кстати, наверняка и часть аудитории пересекалась. Пересекались и наши маршруты как двух мощных гастролеров, и однажды на Украине мы оказались в одной гостинице. Там и произошло знакомство звезд: сам Юра еще совсем маленький щенок без апломба, Виктор тоже общался лояльно. Гораздо больше пафоса являл директор “Ласкового мая” Разин, который никого не подпускал ни к себе, ни к Шатунову, демонстрируя полное отсутствие даже элементарной культуры. Вообще заполнявший эстраду тех лет народный лох-поп – всякие “Миражи” и “Комбинации”, по сути, лишь выгодно оттеняли ту новую культуру, которая зарождалась в России и которую представлял Цой. Хотя в итоге частушки все-таки победили».

Юрий Шатунов:

«Я был лично знаком с Виктором Цоем. Мы жили вместе в одной гостинице на Украине, в городе Запорожье, это был, по-моему, 1990 год, гостиница “Интурист”, общались, и это было здорово. Мы не делили друг друга типа “попса” или “рок”... Мы просто были музыканты, которые вместе жили, вместе тусовались в тот момент. Мы даже вместе делали сейшены. Например, сиделись мои музыканты, его музыканты и все начинали лабать, и кто что угодно пел... Это было круто».

Андрей Разин:

«Мне Виктор в последнем разговоре говорил: “Слушай, Андрей, у нас беда. У нас барабанщик постоянно на всех репетициях поет “Розовый вечер”...»

Завершился мартовский тур выступлением «КИНО» во Дворце спорта в Киеве, где, по воспоминаниям очевидцев, после концерта Цою пришлось спасаться бегством из гостиничного ресторана от толпы обезумевших фанатов.

Виктория, поклонница «КИНО»:

«Концерты проходили 29, 30, 31 марта и 1 апреля. По два в день, в 17.00 и 19.00. Пели около часа, а на разогреве была какая-то поганая группа из Болгарии под названием “Пестик”, которая дико раздражала публику, и все не уставали скандировать: “КИНО!” Все проходило во Дворце спорта. Я была на всех, один раз не было билета, и мы в перерыве прятались в туалете. Романтика! Когда группа первый раз вышла на сцену и мы увидели Витьку, красивого, в черной шелковистой рубашке, на руке блестят часы, на шее цепочка, белая гитара, чуть не поумирали от избытка чувств. И – тара-та-та, тара-та-та – гитара, “Белый снег, серый лед...” Пели все хором весь концерт.

На второй концерт Витя менял рубашку на другую, с заклепками, а так – то же... Сцена была приподнята где-то на метр, видимо, чтобы не разорвали на сувениры, и когда девчонки дарили цветы, Витя приседал персонально перед каждой! Я тоже купила шикарные темно-красные розы (одни были такие!). У меня хранятся все билеты на концерты и листик от того букета.

Когда концерты закончились, в первый день, часть публики, человек 50, побежали на служебный выход. Милиция переговаривалась через рацию, и когда заговорили “идут!”, нас вытеснили на улицу. Сейчас стыдно как-то вспоминать, но мозги тогда стучали только одно – идет!!! Я стояла у самой двери, и Витя, неся в охапке цветы, прямо мимо меня пронесся в сторону автобуса, там метров 20–30, и вниз по лестнице. Я рванула за ним, не помня себя, взялась за рукав и что-то пролепетала про автограф (стыдно сейчас!!!), а он сказал: “Сейчас, только сяду”. Охрана меня отшвырнула, народ зароптал. А память про ощущение мягкой кожаной куртки и простых слов, не бранных, типа «отвали», а обращенных к очередной чокнутой дурочке с пониманием, осталась на всю жизнь. Потом он сел в автобусе возле самого окна, чтобы мы могли видеть его, я гладила его через стекло, девчонки толкались, но я держала оборону. А он смотрел куда-то вверх, когда кто-то крикнул изумленно: “Девки, плачет!” Я видела эти слезы, и пусть кто-то скажет, что Цой не уважал публику, – загрызу...

Потом автобус отчалил. Жили они в гостинице “Украина”. Так повторялось четыре вечера подряд, я только уже не бегала следом, а сразу занимала позицию у автобуса, зная, где он сядет. А потом они уехали, как оказалось, навсегда... В сентябре прошел концерт уже “Памяти...” После него мы спустились по той лестнице, по которой он бежал к автобусу под крик охраны: “Витя, скорей, скорей!” – сели на бордюр, зажгли и поставили на это место свечу. Дул ветер, но она чудом горела, и нам казалось, что он нас слышит...

Прошло 22 года, я уже солидная тетенька, но каждый раз, проходя мимо Дворца спорта, я смотрю на лестницу, бордюр и место, где стоял автобус. Возможно, я написала лишнее, но это моя жизнь, у меня уже нет плакатов по всем стенам, но акварельный портрет Цоя в раме висит и будет висеть. До сих пор собираю вырезки, имею шикарный архив. Сейчас это не так актуально – есть Интернет, а тогда боролись за каждую статейку и фотку... Я рада, что, несмотря на кучу прошедших лет, есть люди, готовые встать грудью на защиту имени Цоя, я такая же была, тоже горячо агитировала и протестовала, если слышала малейшую хулу... Организовала когда-то сбор подписей в знак протеста против идеи строить Диснейленд имени Цоя, это в 90-м-то году, когда кровь в душах еще не высохла!!! А с Юриком я лично знакома, свела жизнь. В Питере в 1990 году была. Но это уже другая история...»

6–8 апреля 1990 года «КИНО» выступает с концертами в Уфе.

Уфимке **Наталье Колосовой** удалось заполучить у лидера группы «КИНО» автограф. Мне удалось разыскать Наталью, и вот что она рассказала:

«В апреле с концертами в наш город приехала группа “КИНО”. 6, 7, 8 апреля по 3 концерта в день (в 15.00, 18.00, 21.00). Выступления проходили во Дворце спорта. Билет стоил 5 рублей.

На концерт я с подружкой своей ходила. Взяла билет на 6 апреля на 15 часов. Перед концертом купила букет ярко-красных гвоздик (уже и не вспомню, почему не роз, скорее всего, дорого было), подписала открыточку, в которой выразила восхищение творчеством группы, прикрепила значок с видом Уфы, вложила какого-то плюшевого мишку (в 16 лет казалось, что это суперский подарок любимому артисту, была бы постарше – подарила бы банку меда, скорее всего).

Несколько песен я со своим букетом простояла на льду (на танцполе), потом решила, что пора. Пройдя по коридорам Дворца спорта, нашла вход на сцену. По пути мне попадались разные люди (работники сцены, милиционеры, еще кто-то), все видели букет, меня, расфуфыренную и взволнованную девчонку, и сопровождали до самой сцены, передавая “из рук в руки”. Мне кажется, что сейчас так к сцене пробраться просто нереально. У современных артистов такая охрана, и многие не очень-то жалуют поклонников.

Получается, что я практически вышла на сцену и до конца песни стояла за колонкой, наблюдая за музыкантами со спины. На последних аккордах я начала выбираться из убежища в сторону Цоя. Я обратила внимание, что на веках у него были синие тени, со лба градом катился пот. Цветы Виктор принял с улыбкой, поблагодарил, а когда я попросила автограф, он движением руки отправил свою белую гитару за спину, расписался на моей открытке (я в ту пору все автографы собирала на открытках) и немного наклонился, позволив чмокнуть себя в щечку. Мне казалось, что это было как в замедленном кино, хотя на самом деле все заняло буквально несколько секунд.

Люди за сценой точно так же проводили меня к выходу. Все было так доброжелательно, тепло, у меня даже дыхание перехватило от переизбытка эмоций, всех хотелось расцеловать за такую доброту и участие.

Да, в тот день я получила “минуту славы”... После возвращения в зал ко мне подходили люди, спрашивали, я ли только что была на сцене. Кто-то пожимал руку, кто-то обнимал, кто-то просил показать автограф... До сих пор храню его как зеницу ока... Жаль, фотографий с концерта нет, тогда ведь лишь “мыльницы” были – и те в дефиците...

После гибели любимого артиста весь Союз буквально захлестнула “цоемания”. Фанаты резали вены и прыгали из окон, кто-то просто жил в палаточном городке у могилы Цоя, журналы и газеты пестрели объявлениями о создании фан-клубов Цоя по всей стране, разные фирмы предлагали книги (самиздатовские, как правило, сборники стихов Цоя), многие издания ставили портрет музыканта на обложку (так издание лучше продавалось – я лично готова была купить любой журнал, если там было хоть что-то про любимого артиста), как грибы после дождя появлялись фонды Виктора Цоя и общественные организации, также названные его именем. Один из таких “фондов Цоя” посетил Уфу 11, 12 и 13 апреля 1991 года. В фойе ДК “Юбилейный” шла бойкая торговля: плакаты с изображением Цоя – по 10 рублей, комплект (диск “КИНО”, пакет и плакат) – 28 рублей, небольшие фотографии – 1,5–2 рубля. В ходе самой программы нам рассказали о деятельности фонда, что основная его цель – увековечивание памяти любимого артиста.

После смерти Цоя вскоре перед универмагом “Уфа” появилась знаменитая надпись на асфальте: “В. Цой – в наших сердцах!” Рядом стали тусоваться ребята. Вскоре некоторые из них объединились в организацию “Виктор Цой – в наших сердцах”. Деньги, которые жертвовали поклонники, должны были быть потрачены (как отчитывалась организация) на мемориальную доску, которая должна быть установлена возле Дворца спорта, посадку аллеи памяти Виктора в годовщину гастролей “КИНО” в Уфе... Но обещания так и остались обещаниями. Увы...

На могилу к Виктору я ездила не раз, дневники вела, жаль, мама повыкидывала... Сейчас я немного остыла, хотя, что в поле зрения попадает, – все читаю и песни не забыла еще, слушаю... У меня фотка есть с Тихомировым, тоже храню ее, это память».

Тут необходимо упомянуть еще об одном факте. Незадолго до отъезда Виктора в Японию ему позвонили родители, отношения с которыми у него продолжали оставаться весьма натянутыми. Но на этот раз дело обошлось без ссор. Родителям понадобилась помощь Виктора, и он обещал помочь.

Валентина Васильевна:

«В апреле 1990 года я видела сына в последний раз. Мне позвонили по телефону: “Цой Валентина Васильевна? Вы стоите в очереди 14 лет на автомобиль? Вы его можете получить по госцене за 9 тысяч рублей”. У нас с Робертом Максимовичем таких денег не было. Помог Витя...»

По словам Валентины Васильевны, увидев своего сына в тот последний раз, она запомнила его спокойным, интеллигентным и добрым. Она видела его из окна – из подъехавшего такси вышел Виктор, в той самой одежде, в которой он снимался в «Игле». В руках у него был полиэтиленовый пакет. Валентину Васильевну поразило, что когда Виктор шёл к подъездной двери, вдруг ему на шею бросилась девушка. Несколько минут они стояли, разговаривали. Потом она спросила сына: «Это кто – бывшая одноклассница?» – «Нет, мама, это поклонница»... Отдав родителям деньги и несколько минут поговорив с матерью, Виктор сел в ожидающее его такси и уехал. Впереди была Япония...

После концертов в Уфе Виктор Цой вместе с Джоанной Стингрей принял приглашение японских продюсеров и 30 апреля улетел в Токио. В процессе всевозможных экскурсий и встреч с музыкальными продюсерами ненавязчиво шли переговоры относительно дальнейшего сотрудничества. Японцы, окружив лидера «КИНО» знаками расположения и уважения, очень надеялись на положительный исход переговоров и строили глобальные планы относительно возможных гастролей «КИНО» в Японии, а также обдумывали возможность мирового турне группы совместно с японскими рок-музыкантами. Виктор присматривался, делал выводы. Точных дат гастролей по Японии еще не было, шли переговоры.

Джоанна Стингрей:

«Главное, что я помню о нашей с ним поездке в Японию, – то, что когда мы были в окружении людей с похожими глазами, как Виктор, ему казалось, что у него с ними такая родственная связь. Он был как у себя дома. Все наше пребывание в Японии к нам подходили взволнованные люди, чтобы познакомиться с Виктором, и они относились к нему как к императору. Было очень весело...»

В мае 1990 года в рамках движения «Некст Стоп» предполагалась поездка «КИНО» в Данию, но у «КИНО» был уже запланирован летний гастрольный тур по стране, и активисты и участники движения отправились в Копенгаген без Цоя.

После возвращения Цоя из Японии, в первых числах мая 1990 года, «Кино» начинает летний гастрольный тур по стране, организованный Олегом Толмачевым и Юрием Айзеншпи-сом. Открылся тур 5 мая концертом в ДС «Олимпийский» в Москве.

Вот что писала советская пресса по этому поводу:

«Позавчера Виктор Цой завершил кратковременный визит в Токио и вернулся в Москву, с тем чтобы принять участие в торжествах по случаю пятнадцатилетнего юбилея “Звуковой

дорожки”. Крупнейшая японская концертная фирма Amuse Corporation при деятельном участии американской певицы Джоанны Стингрей пригласила В. Цоя приехать в Токио для знакомства. В начале этого года в Японии был выпущен компакт-диск с оригинальной записью альбома “Группа крови” (1988). Фирма Amuse Corporation намеревается организовать ныне концертное турне группы “КИНО” в Японии. Виктор Цой, делаясь вчера впечатлениями о японском визите, сказал корреспонденту “МК”: “О делах все эти три дня мы вообще не говорили. Казалось, что меня пригласили только для развлечений”. Музыкант посетил концерт популярной в Японии группы Southern All Stars. На него произвела обалденное впечатление постановка этого шоу, которую можно сравнить разве что с постановками Pink Floyd. “Их мелодичные песни были прекрасны, очень интересно”, – сказал Цой и определил музыку Southern All Stars как “современный вариант Фрэнка Синатры в японской интерпретации”. При этом лидер питерского рока объяснил, что “когда японцы пытаются играть какие-то роки – это, конечно, смешно”, поэтому ему было весьма приятно не быть обремененным созерцанием чего-то рокоподобного, а посмотреть действительно добротный и профессиональный эстрадный ансамбль с оригинальным живописным звучанием. “Да, есть чему поучиться”, – задумчиво заключил Виктор Цой. Лидер Southern All Stars Кейсуке Кувата очень сдружился с Цоем и подарил ему великолепную черную гитару. В. Цой был весьма тронут подарком, ибо, как известно, питает особую слабость ко всему черному».

На сохранившейся видеозаписи концерта в Олимпийском всем наверняка запомнился момент, когда пришедший из зала мальчик вручил Виктору баночку пива. Так вот, имя этого мальчика известно, и он, взрослый уже мужчина, поделился своими воспоминаниями...

Иван Титенко:

«Мне было тогда 11 лет. Я летел с родней из Владивостока, через Москву на Украину, и совершенно случайно с братом попал на концерт... Давно было... Брат дал мне банку пива, я полез на сцену и вручил ее Цою... Он тогда объявил: “Вот, мальчик принес банку пива” и пожал мне руку... Улыбка у него такая добрая была, а глаза грустные... Мне запомнился его взгляд – словно он устал от известности, что ли... И, что запомнилось мне, – в нем была какая-то сила, которая владела толпой...»

После концертов в «Олимпийском» группа «КИНО» едет в Ленинград, где с 7 по 8 мая запланированы концерты в СКК. Они проходят совместно с французской группой Noir Desir, с музыкантами которой Цой познакомился во время поездки во Францию. На одном из этих концертов случился неприятный инцидент – вокалисту французской группы, выступавшей на разогреве у «КИНО», разбили голову брошенной из зала бутылкой. На втором концерте французская группа не выступала.

Олег Толмачев:

«Я ведь все концерты по стране был ведущим. И реально сильно испугался за ребят вообще, когда чуваку разфигарили голову... На сцену потом даже в очках выходил, чтобы гайкой не запулили, а то вот парню голову бутылкой разбили... Именно после этого концерта в Питере Цой сказал, что он сильно разочарован, что ему этот Питер не нужен, в Москве нет такого безобразия, и он принял решение... Я был испуган, мне нравилось вести концерты, но в таких условиях как? Я тогда удивился – Питер вроде его город, и вот так вот встретить французов? Причем ребята-то классные были. Таких групп перед нами не было никогда, и работали они офигенно...»

По словам близких Цоя людей, неприятный эпизод на концерте в СКК стал последней каплей, которая привела к окончательному переезду Цоя в Москву. И он действительно разочаровался в своих питерских поклонниках – перед концертом Виктор представил Бертрана зрителям как своего друга и просил отнестись к нему с уважением. Поклонники же проигнорировали просьбу, что Цой воспринял не только как непонимание хорошей музыки (творчество группы *Noir Desir* ему нравилось), но и как неуважение к себе лично. У Цоя, по словам Марьяны, «была одна черта – его можно было постепенно выводить из себя довольно долго, но если он вышел из себя – то он отрезал сразу...» Что, собственно, и произошло.

Алексей Рыбин:

«Ни на кого он не обиделся. Он уехал работать. Потому что в Ленинграде ловить было нечего. А в Москве – нормальный шоу-бизнес. В который он и вошел с удовольствием».

Александр Ф. Скляр, музыкант группы «Ва-Банкъ»:

«У питерских музыкантов, которые вместе постоянно с ним были, наверно, есть какая-то доля ревности, какой-то обиды, но мне кажется, что этот переезд имел под собой чисто профессиональные основания».

Гастрольный тур продолжался. Как вспоминал впоследствии Айзеншпис, транспортные расходы были совершенно невысоки – у группы «КИНО» были весьма скромные запросы (это касалось и технического райдера), что позволяло ездить приятной компанией, включавшей самих музыкантов, администраторскую группу и техника-звукооператора. Гастрольный тур был выстроен на 10–12 городов сразу. Это была самая настоящая гастрольная жизнь «на колесах», что, однако, сильно утомляло музыкантов.

10 мая 1990 года «КИНО» выступает в Севастополе.

Из воспоминаний:

«Концерт проходил на стадионе Краснознаменного Черноморского флота 10 мая 1990 года. Был дан один вечерний концерт, исполнили около пяти песен (половина программы). После 20 минут, по воспоминаниям очевидцев, ситуация начала выходить из-под контроля, и концерт был остановлен из-за массовых беспорядков. Организован был ужасно, сцена была невысокая. Народ, естественно, ломанулся на поле стадиона. Долго не хотели начинать, потом нагнали морпехов в помощь к ментам. После того как народ сел прямо на поле (загнать обратно на трибуны было делом невыполнимым), Виктор вышел из подъехавшего автобуса – толпа ломанулась!!! Дальше была бойня, дубинки свистели, “луноходы” ломались от посаженного туда народа. Я был курсантом военного училища, попадаться было никак нельзя. Все же нам с моим одноклассником по школе удалось прорвать оцепление перед сценой и сесть перед ней – до Цоя было несколько метров. Его просьбы остановить избиения оставались без внимания, продолжать такой “концерт” он не стал. Сказал: “Приеду в следующий раз”. А следующего раза уже не было...»

Впоследствии музыканты «КИНО» вспоминали, что историй, подобных этой, было много. Ошалевшие фаны, лезущие вперед и сметающие все на своем пути, стали неотъемлемым атрибутом популярности. Что касается севастопольских концертов, то, по рассказам музыкантов «КИНО», им пришлось убегать от толпы обезумевших моряков, окруживших их плотным, бело-голубым кольцом. Чтобы хоть как-то проложить себе дорогу в плотной массе людей, музыкантам даже пришлось применить гитарные грифы...

Из воспоминаний поклонников «КИНО»:

«Мне запомнилось то, что места наши оказались заняты и мы сели перед трибунами на траве. Помню, вышел Цой и запел свою “Звезду по имени Солнце” на низеньком черном подмосте. Многие вспоминали, что звук был отвратительный, но мне тогда так не показалось, все было ярко и четко (может, мы тогда не избалованные были...). Цой запомнился своей своеобразной мимикой, был в своей неизменной черной рубашке. И трава была густая, ярко-зеленая. Не то, что сейчас, – все лысое на этом стадионе... Как концерт был сорван, тоже припоминаю: те, кто сидели вокруг сцены, вдруг стали вставать, и соответственно остальным становилось не видно, так народ постепенно стал перемещаться все ближе и ближе к сцене. Не знаю, как у нас хватило ума тогда не лезть в эту толчею, но тогда мы сразу поняли, что пахнет жареным и что хорошего явно уже не будет ничего. Просто свалили оттуда. Как оказалось – были правы...»

11 мая «КИНО» приезжает в Симферополь.

Из воспоминаний:

«11 мая Цой давал со своей группой концерт у нас в городе, было здорово! После концерта все побежали к автобусу, на котором Витя уезжал. Менты никого не подпускали. А Витька, Юрик, Игорек и Густав сидели в автобусе, смотрели и смеялись. Потом Витька выглянул в окно и крикнул: “Пока, ребята! Даст Бог, еще приеду!” Когда автобус уехал, толпа бежала за ним. По дороге сломали много скамеек, разбили лобовое стекло троллейбуса, разбили витрины. В тот день вообще никто ничего не соображал. Это был самый счастливый день в моей жизни... А Бог не дал, и Витька больше не приехал...»

Александр Кадников:

«Когда группа начала сотрудничать с Айзеншписом, то на концерте в Симферополе к Виктору Цою поставили милицейскую охрану и просто подойти и пообщаться было невозможно, а я еще поскаandalил с новоявленным продюсером, и он мне запретил фотографировать концерт, специально поставив со мной милиционера, чтобы я не мог воспользоваться фотокамерой. Правда, я все же сделал пару кадров за кулисами. Жаль, до сих пор не обнародовал. Надо бы...»

После концерта в Симферополе Херсон, Одесса, Кривой Рог, Ангарск, Иркутск, Братск, Донецк, Ростов, Луганск, Стаханов, Рига и Архангельск один за другим аплодировали знаменитой ленинградской четверке...

12 мая 1990 года «КИНО» выступает в Херсоне, на стадионе «Кристалл». Заявленный же на 13 мая концерт в Николаеве (стадион «Судостроитель») не состоялся, и причин отмены концерта сегодня, наверное, никто не вспомнит.

Игорю Шевцову, ныне живущему в Лондоне, а тогда студенту Одесского мединститута, удалось побывать на одесском концерте «КИНО». Вот его рассказ:

«Концерт состоялся на стадионе ЧМП в 1990 году, я, конечно, дату не помню, вроде как 14 мая. День был исключительно теплый и солнечный. На Цоя шли, предвкушая отлично провести время. Учитывая давность событий, допускаю, что мозг мог чего-то добавить или упустить, но в целом события развивались по порядку.

Стадион ЧМП – довольно большое открытое сооружение. Под зрительские трибуны выделили сектор у главного входа. Помост Цоя стоял на траве напротив зрительского сектора и представлял собой довольно большую платформу, обитую вроде бы черной тканью...

Если правильно помню, перед основным выступлением выступала какая-то малоизвестная группа, народ терпеливо прослушал их. Затем мы увидели Цоя с группой, не спеша пере-

ходивших футбольное поле по направлению к помосту. Все ребята группы были одеты во все черное, свободные рубашки, брюки, туфли... Электрогитара у Цоя была белого цвета, с широкой декой. Помню, заняв свои места, они сразу же начали петь без особенных приготовлений. Если правильно помню, первая песня была "Перемен!".

Народ принял Цоя и "КИНО" исключительно тепло. Все как один посрывались со своих мест и слушали стоя до самого конца выступления.

Манера выступления Цоя отличалась и была уникальной. Виктор стоял на одном месте, широко расставив ступни, запрокинув голову слегка назад, и практически не двигался. Расстояние между трибуной и зрителями было довольно приличное, метров 30–40, могу ошибаться.

Цой мне показался довольно крупным мужчиной, отличался от худощавого пацана, каким мы привыкли его видеть по телику. Лицо не было полным, но широким и скуластым. Судя по осанке и фигуре, он наверняка ухаживал за своим телом, занимаясь каким-то видом спорта, – сто процентов.

Не помню, чтобы он много общался с публикой, может, отдельные фразы. Все выступление прошло на одном дыхании. Звучание, общая атмосфера были непередаваемые. Когда начал исполнять "Пачку сигарет", солнце начало садиться и народ стал палить бенгальские огни и всякие зажигательные штуки. Несколько полетело в сторону помоста, упав в непосредственной близости от Цоя, тот отступил на шаг. По-моему, ткань, свисающая со сцены, начала дымить и была быстро потушена. Цой сделал замечание, больше никто ничего не метал. Был еще случай, когда женщина побежала по полю к Цою, но была остановлена парой охранников.

Публика, чтобы получше видеть выступление, начала взбираться на лавки и, прыгая в такт музыке, пыталась лучше рассмотреть саму группу. В конце концов бетонные балки, на которых были расположены лавки, не выдержали и начали ломаться. Лавка, на которой мы стояли, тоже треснула, и мы посыпались вниз. Никто не пострадал, но вред стадиону был причинен. Уходили с концерта, когда уже темнело. Настроение было отличное, и главное – не было разочарования, как иногда бывает после встречи с кумиром».

Вячеслав Кульчицкий:

«У меня какие-то фотографии Цоя из того его приезда в Одессу – есть, но чье авторство, я уже точно и не вспомню. Что-то снимал я, а что-то – Анатолий Фомочкин. Что касается снимка, где Цой на фоне кораблей и яхт, то вроде кто-то мне говорил – не исключено, что и сам Фомочкин, – что Виктор с членами группы совершал прогулку возле морвокзала. Видимо, где-то в том районе и снято. Снимал не я – в той прогулке я не участвовал. Скорее всего, все снимал Анатолий Фомочкин, работавший во второй половине 80-х – начале 90-х на Центральном стадионе ЧМП главным по рекламе. Он занимался афишами футбольных матчей, изготовлением программ к матчам в типографии, плакатами, буклетами и всем подобным. Учитывая, что концерт проходил на стадионе, он немного поснимал на фотоаппарат приехавшего в Одессу Цоя. Я же сделал один или два снимка. Поверьте, я уже точно и не помню, какой именно снимок (или снимки) делал я. Вроде бы из всех снимков мой – именно тот, где Виктор сидит в автобусе и смотрит в окно. Помню, что я с Фомочкиным зашел в автобус, в котором "КИНО" должно было ехать со стадиона в гостиницу (или еще куда-то, не знаю...). Виктор как раз "фотогенично" сидел у окна и задумчиво смотрел. Как тут не снять?! Но вот не вспомню, кто снимал. Зато точно помню, что несколько десятков фотографий разного формата сделал дома... Знать бы тогда, что оставь пленки у себя, я бы сохранил их для огромной армии людей, почитающих Цоя. Но кто же знал, как оно будет...»

16–17 мая 1990 года группа «КИНО» приезжает в центр Криворожского железорудного бассейна – город Кривой Рог.

Дмитрий Терехов:

«Первый раз я увидел Цоя в программе “Взгляд” с анонсом фильма “АССА”, с песней “Перемен”. В Кривом Роге из окна моей квартиры хорошо были слышны концерты на стадионе “Металлург”. Я обычно ходил на концерты бесплатно, брал в руки пару бутылок лимонада, изображая для милицейской охраны артиста, вышедшего за водой и возвращающегося обратно в закулисы. Там снимались программы “50 на 50”, приезжали “А’Studio”, “Любэ”, Овсиенко, Барыкин и многие другие. Иногда, чтобы попасть за кулисы, я назывался племянником Криса Кельми и даже раздавал в этом амплу автографы. Там же, за кулисами, фотографировала звезд моя приятельница Катя Магальяс. На концерте Цоя этот способ вряд ли бы подействовал, там была серьезная охрана, пришлось покупать билеты. Концерт в Кривом Роге проходил непросто. То ли это была какая-то накладка, то ли маркетинговый ход, но должны были быть два концерта в субботу и воскресенье, но субботний отменили, перенесли на воскресенье, поэтому народу было слишком много. Милиция со стеклянными щитами образовала четыре живых цепи с целью не допустить народ в Центральный сектор. Публика была хорошо одета, преимущественно во все черное, иногда в светлые джинсы-пирамиды, которые тогда были в моде. На разогреве выступала неизвестная рок-группа, которая прыгала и суежилась на сцене.

Потом вышел Цой, ничего не говорил, только “спасибо”. Все встали и песни пели вместе с ним, стоя. Цой только смутился и улыбнулся, когда ему цветы вручила “Мисс Кривой Рог”, не очень красивая девочка, небольшого роста, по слухам, получившая этот гордый титул в локальном конкурсе в “Нархозе”...

Журналистов к “КИНО” не подпускали и пресекали попытки фотографировать. Но Катя Магальяс так комично смотрелась, взгромоздясь на штатив с телескопическим объективом, что никто не решился ей что-то запретить. Фотографии получились зернистые, пленка позеленела. Учитель физики, в чьей лаборатории проходила проявка пленки, сказал, так бывает при облучении. Интересно, что через 12 лет я был на художественной выставке “Арт-Москва”, где фотографировал Гурьянова с его картинами, именно эти файлы тоже оказались поврежденными...»

В конце мая группа «КИНО» направилась в Сибирь. Цоя ждали в Ангарске, Иркутске и Братске...

25–26 мая 1990 группа «КИНО» дала два концерта в Ангарске на стадионе «Ермак». На концерт был вызван войсковой наряд милиции, чтобы как-то организовать кричащих и свистящих поклонников, скандировавших: «Перемен! Мы ждем перемен!». Один из милиционеров даже получил телесные повреждения, как сообщала местная газета «Красное знамя», «отставив грудью и руками заезжих знаменитостей и их бесценные причиндалы, которые расходившиеся меломаны готовы были разобрать на сувениры».

Музыканты рассчитывали петь на одну трибуну, но когда они вышли на стадион, оказалось, что некоторым секторам может быть не слышно музыки. Однако организаторы запретили выставлять аппаратуру на поле, музыканты пели с приготовленной для них сцены, и Виктор извинялся: «Я боюсь, что тем, кто на тех секторах сидит, будет плохо слышно, потому что эти колонки развернуты скорее вот так... Поэтому, если есть возможность, лучше перебраться...» Извиняться приходилось, очевидно, почти в каждом городе: своей аппаратуры группа не возила, кроме гитар, и каждый раз рисковала, поскольку организаторы могли и не выполнить требования по качественному звуку. Но толпе было все равно, она была в таком воодушевлении, что скандировала: «Виктор Цой! Виктор Цой!»...

По периметру поля стояли солдаты и милиционеры. В руках у многих поклонников были плакаты с портретами Цоя, люди размахивали красными флагами СССР и российским триколором. Цой начал с «Последнего героя», потом были «Звезда по имени Солнце», «Стук», «Бошетунмай». Фанаты прорывались на поле, один из таких упал в пыль, поднялся весь в грязи, на него кинулись три милиционера и увели. Все это уже проходило в Ангарске. По воспомин-

нениям тех, кто там был, в первый день концерта вся толпа с трибун просто сорвалась на поле и танцевала. В Иркутске уже такого не допустили.

Олег Соколов:

«В Ангарске мы убегали от фанатов, потому что там просто не было НИ ОДНОГО МЕНТА на стадионе. Было реально страшно! С меня сорвали Юриковы дорогие очки, которые он мне дал поносить на время, дорогой рейбан по тем временам... А потом, в Иркутске, когда я выходил из гостиницы, ко мне подошли два парня, вернули эти очки и сказали: “Не думайте плохо о нашем городе! Все это было только от большой любви к ‘КИНО’!” То есть они просто не верили, что реально к ним приехала эта группа... А потом проехали 100 км, чтоб вернуть мне очки...»

* * *

В областной прессе того времени почти не найти упоминаний о концертах «КИНО» в Ангарске и Иркутске. Причем, судя по оставшимся плохим видеозаписям с концерта в Иркутске, люди шли на «КИНО» не просто охотно, они гроздьями свешивались с трибун. Однако областные журналисты попросту прохлопали отличный повод, поскольку были увлечены приездом принцессы Анны, члена британской королевской семьи, которая как раз в эти дни прибыла в Иркутск. Вот ее фото остались в газетной истории, тогда как концерт питерской группы «КИНО» в Иркутске теперь известен практически только благодаря видеозаписи, сделанной Юрием Айзеншписом и выложенной в Интернет. Иркутский стадион «Труд», переполненные трибуны, горящие факелы. Музыканты в своем специфическом антураже, на электронном табло стадиона светящаяся надпись: «Вас приветствует Виктор Цой и группа “КИНО”!» Улыбающийся Виктор с охапкой цветов машет рукой, обещает вернуться...

Девочки-фанатки рвались к Цою с отчаяньем. Одна из них прижала к распахнутой блузке листочек бумаги и попросила Цоя приложить руку, обвела ее, а потом еще и уговорила Цоя расписаться на этом рисунке. Стаи девчонок неслись к кумиру с цветами и плакатами после каждой песни. «Девушки, давайте уйдем отсюда!» – мирно, но настойчиво предлагал человек у сцены. На записи Айзеншписа стоящий за кадром Олег Толмачев, наблюдая очередную даму с цветами, ринувшуюся в атаку на сцену, сказал прямолинейно: «Ну е...нутые бабы, бл...дь!»

Алина Заворуева:

«Я бегала по полю стадиона с постером из журнала, по-моему “Ровесник”, с букетом тюльпанов с собственной дачи, и в зеленом мамином пончо... А звук на концерте был катастрофический...»

Когда начали сгущаться сумерки, фанаты зажгли факелы и свечи. И вот тут принимающая сторона запсиховала. На записи концерта отчетливо слышен взволнованный голос: «Юра, пусть они объявят, чтобы потушили огни на...уй, ну надо, пусть объявят, Юра! Надо сказать, они же выключат сейчас все в натуре, на...уй!» Наконец, на Цоя набросилась очередная партия поклонниц, и на сцену успел выйти администратор (Олег Толмачев), который произнес: «Потушите факелы! Не жгите спички и свечи! Ребята, огромная просьба потушить факелы, потому что стадион находится в аварийном состоянии!» Эти слова утонули в криках и свисте. Иркутск провожал группу овациями, после все трибуны были покрыты пеплом от сгоревших газетных факелов...

По воспоминаниям музыкантов «КИНО», после концерта толпа фанатов, провожавшая музыкантов, перевернула подогнанный для группы автобус. «Киношников» спасло то, что они

разыграли фальшь-отъезд, уехали в специально поданной им машине, а в автобусе вместо них находились наряженные куклы...

Георгий Гурьянов:

«Все думали, что мы сидим в автобусе, а мы уехали на машине. Поклонники: “А-аааа!” А там, в автобусе, сидели куклы. И кукловоды... (Смеется)».

Юрий Каспарян:

«Последний тур... Иркутск, Братск. Иркутск – это там, где мы уехали на легковых машинах, а автобус, в котором мы должны были ехать, раскатали и перевернули просто...»

После концертов в Ангарске и Иркутске группа «КИНО» приехала в Братск. В архиве видеозаписей Юрия Айзеншписа сохранилась плохого качества видеозапись, сегодня доступная в Интернете, на которой снято путешествие группы «КИНО» по берегам Байкала...

31 мая 1990 года молодежь Братска ожидала с нетерпением. На эту дату назначили два концерта группы, совместно с иркутской командой «Принцип неопределенности», которые должны были состояться на городском стадионе «Металлург» с двухчасовым интервалом. «Металлург» представлял собой обычный футбольный стадион с перпендикулярными 12–16-ю рядами кресел. Первый концерт должен был начаться ровно в 20 часов. Чуть раньше прошла репетиция, за которой из своих окон и с балконов наблюдали жители ближайшего малосемейного общежития. Любительскую видеозапись песни «Закрой за мной дверь – я уйду» (правда, очень плохого качества), сделанную Юрием Айзеншписом во время этой репетиции, сегодня можно найти в Интернете.

Первый концерт начался 31 мая в 21.30. Несмотря на полуторачасовую задержку из-за неисправности аппаратуры, он прошел нормально, выступление «КИНО» не испортил даже небольшой дождь, начавшийся в конце концерта. Правда, зрители, пришедшие «на Цоя», совершенно не восприняли иркутский «Принцип неопределенности» – по воспоминаниям очевидцев, иркутян забросали бутылками.

После первого концерта местные организаторы должны были выплатить Юрию Айзеншпису гонорар группы, но из-за каких-то накладок не заплатили. Устроители требовали сперва отыграть концерты, а затем планировали производить расчеты, но Айзеншпис стоял на своем и требовал предоплаты. Он заявил организаторам, что группа бесплатно выступать не будет и второй концерт не состоится.

Юрий Айзеншпис:

«В Иркутске концерты отыграли на “ура”, а вот в Братске начались проблемы. Мало того что нас поселили в какой-то гостиничной дыре без отопления. Так еще и стадион оказался сплошной развалиной, в заборах дырки – пролезай, смотри и слушай... В гостиницу приехали организаторы и сказали, что на второй концерт собралось много народу и надо выступать. Хотя оплатить концерт по договору они не могут. Я разумно возразил: нет денег, нет и музыки...»

За полчаса до планируемого начала второго концерта Айзеншпис проинформировал о случившемся Цоя, отдыхавшего в одном из номеров гостиницы «Тайга».

В это время купившие билеты зрители начали медленно замерзать. Был конец мая, моросил дождь, потом пошел небольшой снежок, подул ветер. А концерт все не начинался. И тут случился взрыв народного негодования. Поначалу люди агрессивно требовали концерт, а когда им было сказано, что концерта не будет, направились к гостинице, где остановилась группа.

Сняв милицейские заслоны, толпа окружила гостиницу со всех сторон и принялась громить близлежащие витрины.

Музыканты группы «КИНО» вспоминали, как, сидя в номере гостиницы, смотрели вниз на людское море. Выглядело это отнюдь не смешно, скорее страшно, поскольку толпа была абсолютно неуправляема. В окна летели камни, слышались крики и ругань...

В какой-то момент появился начальник местной милиции и, по воспоминаниям «киношников», заявил: «Вы здесь кашу заварили, сами ее и расхлебывайте, а мы против своих братков не пойдём».

Время близилось к ночи, толпа, разбившая стеклянные витрины первого этажа гостиницы, громила магазин «Березка». Местная милиция не знала, как на все это реагировать.

Игорь Тихомиров:

«Концерт никак не мог состояться, потому что Шмилевич не мог с бандюками с местными разобраться... Не мог просто получить у них заработную плату за этот концерт. Они говорили, что ты отыграй сначала, потом тебе дадим деньги. А Шмилевич, ну, как человек, знающий всю зону и зональные все эти истории, он, конечно, требовал деньги вперед. И, в общем, довел он до такого предела, когда вот деньги невыплаченные вперед привели к взрыву народного негодования, потому что народ стоит на стадионе и мерзнет, и охреневает. В общем, там ребята серьезные, настроены были серьезно, пришли, схерачили просто эту гостиницу, просто расхерачили. Менты все разбежались просто...»

И тогда организаторы концерта вместе с начальником ОВД и заместителем председателя горисполкома пришли в гостиницу к группе «КИНО» и устроили почти двухчасовые переговоры с Айзеншписом, которые прервал Цой. По воспоминаниям музыкантов, Виктор зашел к ним и сказал: «Ребята, пошли играть, это уже неудобно просто». Возражений не было, все согласилось, был подан транспорт, который доставил группу на стадион.

Было около двух часов ночи, на улице тьма, мороз три градуса, снег. Аппаратура намокла, играть было рискованно, но группа «КИНО» отыграла положенный час двадцать концерта. Зрители были счастливы.

Георгий Гурьянов позднее вспоминал, как они с Виктором ехали со стадиона в ментовском «козлике», курили и, нервно хихикая, говорили: «...ничего, спаслись»... Им повезло, что машина была железная, потому что каждому хотелось дотронуться до нее рукой или ногой. Юрий Айзеншпис, ехавший в этой же машине, вспоминал впоследствии, что слышать эти удары по машине было очень страшно... Кстати, если посмотреть видеозапись концерта «КИНО» в Минске, то можно увидеть примерно такую же картину: рафик с группой «КИНО» осторожно пробирается сквозь толпу фанатов, колотящих руками и ногами по машине...

В шесть часов утра покидавшей гостиницу группе «КИНО» администрация предъявила претензии по поводу происшедшего и просила возместить нанесенный ущерб в размере 14 тысяч рублей за разбитые витрины гостиницы.

Юрий Айзеншпис:

«Мы подверглись нападкам со стороны администрации гостиницы, поскольку самому зданию фанаты нанесли значительный ущерб. Помимо разбитых стекол, стены оказались залиты краской, исписаны всякими нехорошими словами. Группу не хотели выпускать, требуя покрытия убытков. Но получить с нас ничего не удалось. И сделать заложниками тоже – разборки с пострадавшими мы оставили нашим незадачливым организаторам...»

Поскольку музыканты не имели к погромам и ущербу никакого отношения, Юрий Айзеншпис отверг все претензии, и группа благополучно покинула Братск. «КИНО» уже ждали

Донецк и фестиваль «Звездный небосклон мира. Донецк. Музыка-90» (более известный как фестиваль памяти Джона Леннона).

Через неделю в главной городской газете Братска «Красное знамя» появился репортаж о случившихся событиях. Назывался он «Не “Кино”, а просто цирк!». События описаны там весьма точно и сказано, что пострадали не только витрины гостиницы «Тайга», но и припаркованный рядом автобус «Икарус».

По данным местным ОВД, на первый концерт в Братске пришли около 15 тысяч человек. «Однако избалованные вниманием Виктор Цой и его команда выдерживали паузу. Прошел час, полтора, аппаратура замыкала, мощные колонки хрипели в агонии, первый концерт был скомкан, как и семирублевые билеты на него в руках разочарованных братчан», – писала позже городская газета.

Конечно, нужно делать скидку на то, что статья, скорее всего, писалась сотрудником ОВД и в целях «пресечения беспорядков в будущем», но все же какие-то моменты в ней интересны. Вопросы по качеству работы аппаратуры надо было адресовать не Цою, а организаторам. Но допустим, что специалисты ОВД просто не были в курсе специфики организации гастролей. К примеру, на сохранившейся записи репетиции «КИНО» в Братске видно, что колонки выставлены просто в кузова двух грузовиков, припаркованных к сцене.

«Глубоко переживая это досадное недоразумение, “киношники” вышли на свой второй “тайм”, намеченный на 22 часа, уже явно не в форме, – указывается далее в статье, видимо, с намеком на то, что группа успела употребить спиртное. – Исполнив пару потрясных вещей про кровь на рукаве и ее группу, они объявили шокированной публике: “Наш концерт окончен!” – и, не утруждая себя объяснениями, укатили поспать в гостиницу “Тайга”». Ситуация складывалась скверно – желто-синий «жигуленок» милиции метался между отелем и стадионом.

«Парламентарии в погонах вели безуспешные переговоры с капризной звездой, умоляя ее вернуться на свое рабочее место, дабы избежать массовых нарушений общественного порядка в городе», – писала газета. Однако, по версии сотрудников ОВД, Виктор Цой повел себя невежливо. «Было бы неплохо, чтобы эти парни на улице проверили вас, ментов, на прочность, – процитировали лидера группы «КИНО» в статье. – А теперь не мешайте нам отдыхать после трудового дня».

Как видим, по крайней мере два утверждения не совпадают с рассказом Айзеншписа и Толмачева. Продюсер говорил, что на второй концерт группа вовсе не выходила, а сотрудники ОВД посчитали, что было спето несколько песен, а потом музыканты уже разочаровали только что разгоряченную толпу. Кроме того, Айзеншпис утверждал, что переговоры вел он, а Виктор спал и лишь позже согласился петь бесплатно. По версии сотрудников ОВД, Цой вел переговоры лично и был весьма груб. Далее рассказ повторяется – у стен «Тайги» появилась толпа с дубинами и камнями. Последовала угроза от парламентаря РОВД: «Ну, что ж, Виктор. Раз ты не хочешь выйти к народу, мы снимаем посты, а заодно и ответственность с себя». После этого музыканты испугались и «под охраной стражей порядка, втянув головы в плечи, сопровождаемые градом эпитетов, настоянных на местном диалекте», трусцой выбежали из холла прямо на улицу. Их там ждала карета медвытрезвителя. Получается, милицмейская машина из рассказа Айзеншписа – машина для транспортирования пьяниц. «Довольно символическая деталь!» – заметил автор статьи. Это явный намек на то, что «киношники» были нетрезвы, когда сорвали концерт. Айзеншпис, конечно, ссылается на усталость Виктора Цоя. Музыканты отыграли, улетели, а вот некоторые поклонники творчества Цоя за разбитые стекла получили уголовные дела, сообщается в статье. Такова «милицмейская» версия случившегося с группой «КИНО» кзуса 26 лет назад в Братске.

Кстати, покидать Братск группе «КИНО» пришлось на военно-транспортном самолете, летящем в Красноярск, с которым помогла местная воинская часть. Добравшись до Красно-

ярска, музыканты, которые должны были лететь оттуда прямым рейсом до Москвы, узнали, что по техническим причинам рейс был отменен и перенесен на завтра. Группа совершенно выбивалась из графика, и администраторам пришлось на ходу решать появившиеся проблемы.

Цою и его команде пришлось вылететь до Свердловска, откуда они совершили перелет до Краснодара. В Краснодаре благодаря усилиям Айзеншписа был нанят частный «Икарус», который отвез музыкантов в Донецк.

2 июня 1990 года группа «КИНО» приехала в Донецк.

Артем Евстафьев:

«Мы не хотели туда ехать. У Айзеншписа были большие проблемы с местными организаторами. То ли он денег много взял у них, то ли еще что-то – я толком не помню. И Айзеншпис наехал на организатора. Взял меня и Змея, мы пошли на разборки. Типа – ты нам подsunул говенный аппарат. А тот такой, мол, у нас другого нет... А мы ему – мы на таком говняном аппарате вообще выступать не будем. И такая тишина повисла гробовая. А Айзеншпис – он как рыба, как пиранья, открыл рот и ждет стоит. Организатор говорит: да это несерьезно... А Шпис ему: почему Витя должен на говняном аппарате выступать? И тогда он под это дело выцыганил у организатора билеты на самолет и улетал в Москву на самолете. По-моему, они даже с Цоем вместе улетали.

В Донецке мы все очень уважали Айзеншписа. Он размахивал руками на весь ресторан, гнул пальцы, угрожал всех выставить в Донецке на бабло, орал матом на весь город, и в итоге он забрал права на видеосъемку у этого чувака...»

5–6 июня 1990 года «КИНО» выступало в Ростове-на-Дону, на стадионе «Ростсельмаш».

Роман Сысоев:

«Одна из историй из моей жизни, которой я могу удивить даже своих ровесников, это то, что я был на концертах группы "КИНО" и видел поющего Цоя. А жил я не в Питере и не в Москве, а в Ростове-на-Дону. Группа давала аж два концерта в городе, на стадионе, который тогда назывался "Ростсельмаш". Я даже даты помню – 5 и 6 июня 1990 года, "КИНО" в Ростове. Это был последний год жизни Виктора. Я "как знал", что больше не увижу его – сходил на оба. Было мне 16 лет, и я даже не нашел компании – кого-то предки не отпускали, ну а по большей части, как это ни удивительно, большинство моих знакомых просто не знали или не врубались ("это тот кореец?"), что такое "КИНО", сейчас это кажется удивительным, но так и было, ведь, как известно, многие узнали Цоя только после его гибели. Тем не менее группа была популярна и стадион был полон, вернее как – не то чтобы стадион, а одна широкая трибуна (западная или восточная, не помню) и две наполовину по краям, а сцена стояла аж через все поле. Ну, типа, чтоб больше людей вместить и бабла поднять, наверное, решение продюсера Юрия Айзеншписа, всегда максимально выжимающего из своих подопечных. А может, и администрации стадиона, дабы какие-то там неформалы не вытоптали драгоценную траву на поле. Так или иначе, сцена стояла далеко и музыканты "КИНО" были видны так же, как вы видите футболистов на поле. Людям хотелось выйти на поле, к сцене, но по периметру стояли несколько милиционеров. Впрочем, это не помешало, и в какой-то момент выбежал один отчаянный, его свинтили, затем еще один, его участь была той же, и вот это все как-то разозлило публику, в какой-то момент протест вылился в массовое действие и толпа, сорвавшись с мест, побежала к сцене, конечно, среди них был и я. Практически полтрибуны оказались возле сцены, и буквально одну-две песни можно было смотреть на "КИНО", стоя совсем рядом. Восторг и ощущение победы! Видимо, менты вызвали подкрепление, и пока ожидали его, можно было послушать и теперь уже посмотреть на "КИНО" вблизи. Эти несколько минут, но я их помню 25 лет... Всю жизнь. Но вот случился казус – поскольку людей не планировалось выпус-

кать к сцене, ограждений никаких не было, и даже небольшая давка спровоцировала падение колонки, стоящей на сцене. Да, одна из них просто свалилась. Никто не пострадал, но концерт был остановлен, а людей разогнали по трибунам, причем разрешили стать на той, что была за сценой – я остался там – пусть хоть сзади-сбоку, зато близко. Так мы дослушали-досмотрели концерт до конца.

На второй день, 6 июня, учтя полученный опыт, вместо того чтобы установить ограждение около сцены, были вызваны дополнительные наряды милиции, и поле стадиона “Ростсельмаш” было плотно оцеплено. Кто не пришел “вчера”, слушали мои рассказы и жалели, что так промахнулись с датой. О ценах на билеты, кстати: конечно, я не помню, но все стоило стандартно, примерно около 2–3 рублей, это как цена одной грампластинки или пары обедов в обычной столовой. Но я, юркий мальчишка, проник на оба концерта бесплатно. В толпе, выбрав момент.

Меня нередко спрашивали – а есть фото с того единственного концерта Цоя в Ростове? Конечно, я с детства любил фотодело, как тогда это называлось, и снимал, но не забывайте, что еще не было цифровиков, смартфонов и различных гаджетов. Снимал я на достаточно простой фотоаппарат, кажется, это была “Вилия-Авто” (чуть круче традиционной “Смены”), был вечер, далеко и темновато. Я даже печатать всю ее не стал тогда, ну, некоторые кадры, и фото не сохранились. Сама пленка где-то хранится у меня дома в Ростове, где я сейчас не живу и бываю редко и ненадолго. Пока что не удавалось найти ее по-быстрому, но не думаю, что она выброшена или развалилась, и все же попытаюсь ее однажды нарыть. Хотя 25 лет назад – да, это страшно...»

9 июня группа «КИНО» побывала в городе Стаханове, где дала концерт на стадионе «Победа».

Из воспоминаний:

«Вошла в отель. Навстречу шли Каспарян, Густав и Тишка. Начала звать Юру: “Юра! Юра!” Он измерил меня взглядом, ни понимая ни черта, так как был выпивши, и все, что смог сказать, это: “Тихо! Все потом!” Кинулась искать Цоя, но сказали, что Витя немного выпил и будет прямо к сцене подъезжать. В баре были перевернуты стулья, было видно, что здесь побывал Цой. За кулисы подъехала машина, из которой повеяло перегаром – Витя! Цой на сцене: едва стоит, и это видно, но поет живьем. Фаны балдеют – Витька неотразим! Один парень-афганец побежал к Цою, упал на колени, его подняли и увели. Одна девушка в красном платье и с рыжими волосами неслась с букетом роз на Витьку. Цой был крайне перепуган и хлопал глазами, не зная, что делать. Когда “Дюймовочка” перепрыгнула через три ступеньки с ревом: “Витя, я тебя люблю!” – Витя, не удержавшись от отчаяния, поставив перед ней гитару грифом вперед и отпрыгнув от нее, попросил “габаритную мадам”, перепуганную его взглядом, положить цветы на кучу, лежащую на сцене. Отряд малых ребятишек (года по три-четыре) окружил Цоя. Витя, умиленный, присел и улыбался на все четыре стороны.

Две девушки повисли на Цое, принялись его жадно целовать, третья повисла спереди. Цой стоял, как мумия. Каспарян заглядывал через плечо Вити, пытаясь увидеть, что же они там делают...

Автографы Цой не давал, пообещал на выходе... Выхода не было, так как Цой смылся. Цой бежал по кругу стадиона, за ним вся масса зрителей с криками. Два телохранителя подхватили его под локти и запричитали: “Бегом, бегом, ножками, ножками...” Все орали. Но душераздирающий вопль: «Все равно догоним – не уйдешь!» – заставил Цоя развить завидную скорость. Витя забежал в здание спорткомплекса. Толпа неистовствовала. Гурьянов был панически перепуган, как будто гнались не за Цоем, а за ним, шептал один вопрос: “Где Цой?” Гурьяновская шляпа развивалась по ветру. Тихомиров, как только увидел, что на него обра-

тили внимание, перебежал на другую сторону. Каспарян вышагивал вразвалочку, медленно, с нахальной миной...»

13–14 июня 1990 года концерты группы «КИНО» прошли на большой спортивной арене стадиона «Даугава» в Риге.

Дмитрий Зеленцов:

«Я был на двух концертах “КИНО”, в июне 1990 года, в Риге, на стадионе “Даугава”. На первый нас провели “Твины”, которые разогревали “КИНО”, мы с ними тогда дружили.

Кроме того, что концерт был настолько впечатляющий, мне и сказать нечего... Увидеть Цоя живьем было вообще нереальным, поверить в то, что он рядом, – было невозможно. Таких впечатлений я никогда больше не получал в жизни. Один мой однокурсник по училищу даже смог пройти к сцене и подарить ему цветы. После концерта мы с черного хода ждали, когда они все выйдут, и где-то минут через сорок я видел Витьку в шаге от себя... Некоторым из нас даже повезло получить его рукопожатие, мы потом еще бежали за его машиной всей толпой...

Особых нюансов я уже не помню, была какая-то эйфория от встречи с ним. Одна моя одноклассница, которая и не была особо поклонницей его творчества, в Юрмале сидела с “киношниками” в кафе. Ну вот, наверное, и все воспоминания...

Еще забыл рассказать – одна моя старая знакомая, которая на те концерты распространяла билеты – лично с Цоем общалась, – так вот он ей подписал пластинку “НОЧЬ”, недавно она мне ее подарила с автографом!»

* * *

17–19 июня 1990 года группа «КИНО» дала шесть концертов в Архангельске. По воспоминаниям очевидцев, на всех концертах был полнейший аншлаг. Поклонники были готовы отдать все или почти все за возможность быть в эти дни в городе. Во многих учебных заведениях шла практика, студенты бросали все дела и тайком возвращались в город – чтобы только увидеть, услышать, не пропустить...

Как писала газета «Северный комсомолец», едва группа «КИНО» вышла из самолета и ступила на архангельскую землю, как Цой, старавшийся не привлекать внимания, тут же был узан поклонниками, дежурившими в аэропорту. Организаторам концерта стоило большого труда отогнать фанов и разместить прибывших музыкантов в специально подогнанном к аэропорту автобусе. Сохранилась фотосессия, сделанная Валерием Александровым во время встречи «КИНО» в аэропорту.

Городской Дворец спорта не мог вместить всех желающих. Машина, в которой находилась группа «КИНО», с большим трудом смогла подъехать к нему – толпа людей, окружившая здание, просто не давала этого сделать, и «киношники» даже боялись выйти, чтобы не быть в буквальном смысле разорванными обезумевшими фанатами. Лишь благодаря усилиям солдат внутренних войск, которые сдерживали поклонников, группе удалось попасть на сцену...

На разогреве перед «КИНО» выступала группа «БИО» (бывший «Биоконструктор»), которой довольно сильно досталось от особо нетерпеливых фанов, ожидавших Цоя. Поклонники «КИНО» закидывали музыкантов «БИО» всем, что только попадало под руки, – от горящих бенгальских огней до тяжелых металлических гаек большого диаметра.

Из воспоминаний поклонников «КИНО»:

«Организатором того выступления в столице Поморья была Белла Высоцкая, а спонсором выступила фирма “Сатурн” известного предпринимателя Абрамчука, бывшего сотрудника милиции, владельца ТЦ “Полярный” (ныне живет в Сочи). Кроме концерта, Цой для спонсо-

ров и узкой публики засветился на фуршете в его честь в “Юбеле” (блатное название ресторана “Юбилейный”), сейчас это супермаркет “Премьер” (“Сигма” и “М-Видео”). Это было легендарное место, где группа “Любэ” получила звездюлей от местных гангстеров за не слишком учтивое обращение с персоналом ресторана. Но у Виктора Цоя все было пристойно. По Архангельску музыканты не тусовались, с местными рокерами пообщаться не успели. Вечером вышли погулять на набережную в районе Дворца пионеров, а на следующее утро улетели...»

«Дворец спорта тогда показался неуютным. Перед “КИНО” разогревала толпу какая-то ужасная группа. Сидений не было для зрителей. Долго ждали выхода Цоя. Не впечатлило. Ребята, конечно, были в восторге. Позже, спустя лихолетье 90-х, смог оценить талант музыканта. Возможно, на оценку повлияло то, что в зале курили и выпивали, кричали непонятно что, многие молодые очень люди. Я спортом занимался, был коммунистом, офицером и принципиально тяжело воспринимал вокруг творящееся. Сейчас лишь память. А песню о переменах до сих пор не переносу на дух. Какая-то заказная она и из контекста творчества Виктора Цоя выпадающая, особенно если ее воспринимать как политическую манипуляцию. Мальчишек тех, с кем был на концерте, уже и в живых нет, кроме двоих из них. Спились и просто растворились в действе разрушения страны. И все-таки Цой жив!!! Он след той эпохи».

В ходе тура по стране группа «КИНО» выступила на двух значительных концертах – на фестивале «МУЗЭКО» в Донецке 2–3 июня, о котором уже говорилось выше, и 24 июня в Москве, в Лужниках, в рамках праздника газеты «Московский комсомолец». Это был большой сборный концерт, которому предстояло стать последним концертом в истории группы «КИНО».

Юрий Айзеншпис:

«Последний концерт Виктора Цоя и группы “КИНО” состоялся на фестивале “Звуковой дорожки” 24 июня 90-го года в “Лужниках”. К этому ответственному выступлению Цой долго готовился и очень сильно волновался. Его и меня, конечно, расстраивало то, что накануне Москву просто залило водой. Шли непрекращающиеся дожди, и поэтому билеты продавались очень плохо. А для Вити было очень важно, сколько людей будет на его концерте. Накануне я связывался с главным кассиром, мне сказали, что билетов продано очень мало, потому что купить их можно только в кассах стадиона и из-за погоды никто не приезжает. Оставалось надеяться на последний день. И вот 24 июня выглянуло солнце, и к 11 часам утра в кассы “Лужников” уже стояла чуть ли не километровая очередь. Оставалось только послать за Витей машину. Цой в плане транспорта был неприхотлив. Если за ним приезжала “Волга” – садился в “Волгу”, приезжала “шестерка” – садился в нее, однако на этот раз я заказал “Чайку”. Он был вторым человеком в этой стране из артистов после Пугачевой, за кем посылали “Чайку”. Я ее заказывал тогда со страшными сложностями. Пришлось написать много писем, прежде чем машина нашлась на базе Совета министров».

Из интервью Виктора Цоя:

«Ох, зря я подписался на эту авантюру. Если бы не авторитет газеты, думаю, не рискнул бы выйти на столь ответственную, а главное, слишком уж громадную площадку... Хотя, если серьезно, выступить на БСА – огромнейшая честь каждой группе».

Артем Евстафьев:

«Запомнилась история. Мы ехали в Лужники на концерт. На “девятке”. Айзеншпис был за рулем. Справа сидел Олег с двумя чемоданами. В одном были билеты, в другом деньги. А сзади мы с “Змеем” сидели, с такими же дорогостоящими пригласительными и прочим барах-

лом. А между нами сидела обалденная переводчица, которую мы взяли на Соколе. На одном из светофоров к нам подъезжает красный “мерс”, открывается стекло и такая накачанная рука с сигарой высовывается...

Айзеншпис увидел: – Сапа, я здесь!! – Иншаков такой: – Ооо, Юра!! Ты куда? – Шпис: – В Лужники! За мной давай! – И мы такие вперед – ваууу, обогнали “мерс”. На корыте... Рванули к Лужникам. Я говорю: – Это же Иншаков! Я его знаю. – Айзеншпис такой: – Клево, откуда ты его знаешь, этого головореза? – Он друг моего отца по Федерации карате. Он у нас будет сцену охранять, с каскадерами, крыша наша, друг Стаса Намина... – Подъезжаем к воротам “Лужников”, нас пропускают, Айзеншпис из корыта своего высовывается и кричит: – И Mercedes пропустите! Это со мной! – Охранники все попадали буквально...»

Из обращения **Виктора Цоя** к поклонникам на концерте в Лужниках:

«Ну что ж, спасибо большое, на этом мы все это заканчиваем. Всего вам доброго. Я думаю, летом мы запишем новый альбом, а осенью появимся... В смысле начнем снимать новый фильм, а зимой, я думаю, вы все это увидите. Спасибо большое, что вы все сюда пришли. До свидания. Спасибо...»

Тогда поклонники еще не знали, что видят живым своего кумира в последний раз. Никто из них, да и, собственно, сам Цой тоже, не думал о будущем и не знал, что случится чуть меньше чем через два месяца...

Виктор Цой:

«Я вообще не думаю о будущем “КИНО”, потому что жизнь полна случайностей...»

Джоанна Стингрей:

«24 июня 1990 года состоялся последний концерт группы “КИНО” на стадионе Лужники в Москве. Я тоже принимала в нем участие и после своего выступления я сказала Виктору, что устала и поеду домой, но он попросил меня остаться, сказав, что сегодняшнее выступление “КИНО” будет особенным. Вспоминая об этом, я ему очень благодарна, так как их выступление было действительно особенным: 62 тысячи человек приветствовали “КИНО” и стоя пели вместе с ним. Был устроен специальный салют и зажжен олимпийский факел. Это был волшебный вечер, который нельзя описать словами. После концерта я попрощалась с Виктором, потому что на следующий день я улетаю в Штаты. Мы пожали друг другу руки, чтобы скрепить наш договор поехать всем вместе следующей зимой в Диснейуорлд во Флориде. Он сказал мне, что собирается провести лето под Ригой, и добавил, что если мне нужно будет срочно его найти, то я могу позвонить Наташиной маме в Москву, и она ему все передаст. А если ничего не нужно, то увидимся в сентябре. Он обнял меня, поцеловал и сказал: “До встречи в сентябре”.

В тот день, 24 июня 1990 года, я видела Виктора в последний раз».

Концертом в Лужниках завершился большой гастрольный тур, начавшийся 24 февраля 1990 года концертами в Новокузнецке. После этого группа берет тайм-аут на лето и музыканты уезжают на отдых, запланировав на осень запись нового альбома (по словам Цоя, песни для него были уже почти готовы)...

Юлия Данилова, поклонница «КИНО»:

«Вот и наступил этот злосчастный 1990 год. Видимо, Витин “москвич”, пролетев по Тукумской трассе, разбил на две неравные половинки мою жизнь (да и не только мою). На то, что было до и стало после... В июне я работаю, периодически навещаю в Москву. В один из приездов даже собираюсь сходить на концерт “КИНО” в Лужники, но что-то там не получается. Ерунда, думаю, еще раз сто успею, чай, это не последний концерт. Бог ты мой!!!

Если бы я тогда могла знать. До сих пор не могу себе простить, что могла, но не побывала на ТОМ концерте. В июле еду в отпуск на Черное море в поселок Джубга. Среди прочего там смотрю концерт по ТВ, посвященный десятилетию смерти Владимира Семеновича Высоцкого. После концерта курю на балконе, какая-то смутная мысль беспокоит меня, видимо, эта мысль была связана с Цоем, а, может, это я потом уже додумала... Наши окна и балкончик выходят прямо на площадку, там народ ломается – танцует под "Желтые тюльпаны" Наташи Королевой и "Есаула" Газманова. А у меня просто кошки на душе скребутся. Хочу пойти на море, беру зеркальце, и оно разбивается прямо в руках... А больше вроде никаких мрачных мыслей и не было...

1 августа возвращаюсь из черноморской поездки, надо на работу выходить. Думаю, сто раз передумываю всю эту ситуацию. Сейчас-то мы и время, и место катастрофы знаем. Вот бы эти знания мне в 90-й год перенести. Кажется, что половину оставшейся жизни бы отдала за такую возможность, но... 15 августа мне прямо на работу звонит мой муж и сообщает про несчастье, случившееся с Виктором. Я ему как-то и не особо верю. Тогда постоянно в народе слухи ходили про Пугачеву там или Ротару, мол, на машине она разбилась или еще чего. Но вечером 15 или 16 августа диктор Игорь Кириллов в программе "Время" подтверждает мои самые страшные опасения. Своим хорошо поставленным голосом он сообщает то, во что верит рассудок, но отказывается верить сердце. Простите за вычурную фразу, но это так. Мысли становятся сразу какие-то вялые, кажется, что и жизнь моя закончилась. Удивляюсь, как я не рехнулась в то время. А может быть, и поехала крыша, кто же знает-то?...»

15 августа 1990 года отдыхающий в Латвии Виктор Цой трагически погиб в автокатастрофе. Возвращаясь утром с рыбалки, он задремал за рулем. Его новенький «Москвич-2141» на огромной скорости врезался в выехавший из-за поворота автобус «Икарус-250». ДТП случилось на 35-м километре дороги Слока – Талси. Виктор погиб мгновенно в результате лобового удара.

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«Известие о смерти Цоя мы получили в Ленинграде. В книжном магазине кассирша без всякой причины решила сказать мне: "Ваш Цой погиб..." Потом в поезде случайный попутчик снова сообщил эту весть, но мы были так подавлены и не смогли даже произнести: "Мы уже знаем..."»

После «КИНО»

«КИНО» кончилось. И его окончание послужило толчком к дальнейшим событиям, о которых я тоже хочу упомянуть в этой книге.

Дмитрий Левковский:

«Люди должны четко проводить грань между "КИНО" – членом ЛенРокКлуба – и "КИНО" пост-Рок-клубовского периода. Это как бы две разные группы с абсолютно разными по настрою людьми».

Сергей Жариков:

«Группа "КИНО" – это уже не Цой с "Рыбой". Это нечто другое. Это продукт Гурьянова, безусловно, а весь "музон" был на Тихомирове. Первые записи я услышал у Вишни, и мне дико понравилась цоевская артикуляция, позволявшая весьма нечистому пению создавать такой непринужденный "речевой" посыл, в "монтевердиевском" стиле, где словесные слоги звучали очень естественно. Обходя с Курёхиным "букинисты", я всегда напевал "я люблю

этот город, но зима...” и т. д. Просто не вылезало из головы! В его текстах витал настоящий ”евразийский“ дух Ленинграда – Главный Русский Соломенный Самолет ”под Европу“. И здесь ”The Smiths“ с ”The Cure“ были также органичны Ленинграду 80-х, как и Кристи в ”Толстом Карлсоне“ для начала 70-х. Это был уровень Гаджикасимова, не меньше. И здесь не надо путать поэзию с песенной речевкой – это особый жанр и особый талант сочинять песенные ”твиты“, как сейчас бы сказали. Именно потому, что Цой не был ”рокером“, как, впрочем, и Гаджикасимов, создавший шедевры отечественного бита. Лучший альбом Цоя – ”Это не любовь“. Ну а камбэк Цоя – за Айзеншписом, безусловно. Именно он превратил этот феномен в массовый культ. Карго-культ, – как, впрочем, почти все ”питерское”».

Из статьи **Наталии Килессо**:

«У Виктора Цоя было, пожалуй, два периода творчества – питерский и московский.

Противостояние двух Рок-клубов не отразилось на успехе группы ”КИНО“, дерзко появившейся на столичных подмостках и так же дерзко завоевавшей всероссийское и (тогда еще) всесоюзное признание. Быть близким толпе – для таланта необходимая общественная нагрузка. Цой относился к ней с прохладцей, не старался нравиться и, может быть, поэтому взамен получил обожание. Грань, разделяющая элитарность и доступность, носит титул популярности. Она – в рукописных страницах текстов, в просьбе ”спиши стихи“, в кассетах, размножающихся в неведомой биологам прогрессии и, да простят мне такую вольность блюстители чистоты и порядка, в заборно-подъездной графике: ”Виктор – ты всегда с нами“ или просто – ”КИНО“, ”Цой“... Его группа крови была необходима многим. Для вливания части таланта, генной инженерии совести. Прокричать истину – для Виктора было бы ничтожно мало. Он сам создавал ее для себя и других, растил, выводил в свет, на обозримую тысячами сцену. Жесткий, железный нерв песенного ритма, строка, бьющая в сердце звуковой волной из динамика».

Многие мифы посмертной эпохи относятся к московскому периоду жизни Цоя, когда он уже стал звездой всесоюзного масштаба. Поскольку многие близкие Виктору люди вовсе не шли на контакты со СМИ, а Марьяна вспоминала былое крайне редко, журналисты стали обращаться ко всем, кто был готов говорить, и их немало не смущало, что эти люди порой даже знакомы с Виктором не были. И если при жизни Марьяны приличия хоть как-то соблюдались, то после ее смерти Виктор оказался в мире чужих фантазий, и единственное, что можно теперь сделать, это хотя бы по датам или воспоминаниям еще живых свидетелей установить, кто и в какой степени с ним был связан в последние годы.

Алексей Вишня:

«Конечно, Цой был совершенно не такой, каким он показан сегодня».

Александр Кушнир:

«Существовала дистанция огромного размера между реалией – группой ”КИНО“ на сцене, группой ”КИНО“ в студии – и мифом про Цоя. Дистанция эта была довольно большого размера.

У каждого из вспоминающих о Цое своя правда, которая с годами все больше искажается. Чего ему только не приписывали. Вплоть до пристрастия к анаше, на которую, по словам Гурьянова, у Цоя была стойкая аллергия. Виктор мог не хотеть общаться с неприятными ему людьми, а они называли это ”звездной“ болезнью. Людям легче трактовать отказ как недостаток отвергающего, чем признать, что ты просто не нравишься или неинтересен. А неудачникам приятнее трактовать популярность как заслугу ушедшего продюсера, чем как всепобеждающий талант, способный пробиться сквозь бетон объективных препятствий.

Дмитрий Левковский:

«Вообще искаженной и подрихтованной информации о Цое все больше и больше. Кто владеет прошлым – владеет будущим».

Что касается фанатских группировок, то поклонники любого таланта живут в том мире, который придумали себе сами и в котором им комфортно. Они лепят кумира по образу и подобию своему, а потому берут на вооружение лишь те факты, которые вписываются в созданный ими образ. Оттого кому-то из фанатов Цой видится депрессивным и мрачным, кому-то веселым и доброжелательным. Миры поклонников замкнуты и самодостаточны, туда бессмысленно соваться с новыми данными. «Нельзя мешать людям делать глупости. Каждый должен идти своим путем». В этом Гессе прав. Реальность в любви занимает последнее место, а фанаты любят искренне и всепоглощающе, потому и неподсудны.

Иное дело бывшие друзья, которые позволяют себе лгать, потому что музыканты группы «КИНО» не опустятся до перебранок. Воспоминаниям этих «бывших» надо противопоставлять воспоминания других, незаинтересованных свидетелей, и корректировать озвученное исторической фактурой. Если, к примеру, речь идет о мобильном телефоне Цоя, то можно привести дату появления мобильной связи на территории России, ну и так далее. То же самое относится к личной охране, тонированным стеклам и многим другим атрибутам новой России, которые вплели в жизнь Цоя, не только рожденного, но и умершего в СССР. Увы, сплетни и сказки попадают не только в желтой прессе, но и в источниках, которые считаются авторитетными среди ценителей творчества. Многие люди, интересующиеся Цоем, ограничиваются так называемой «библией киномана», составленной питерским писателем Александром Житинским, или ее урезанными переложениями. В этой книге слово дано питерской тусовке, тогда как многие другие мнения выпали из поля зрения составителей по разным причинам.

В последние три года Цой действительно стал меньше общаться с теми, с кем до этого регулярно пересекался в Ленинграде. Поэтому некоторые воспоминания могут быть окрашены личными обидами.

Действительно, менталитеты питерцев и москвичей заметно отличаются, к тому же распространять какие-то общие качества на всех москвичей или всех питерцев неправильно по определению. Может быть, поэтому смотревший на все со стороны француз Жоэль Бастенер оказался в отношении Цоя куда более проницательным, чем питерцы, которые считали, что знали о нем больше всех.

Сергей Жегло:

«Я обычно встречался с Цоем и "КИНО" у своих друзей – Аркадия Высоцкого и Лены (Щеки) сначала Фесенко, потом Новиковой, – к которым они имели обыкновение заглядывать, бывая в Москве. Это теперь довольно замкнутые, необщительные люди. Сейчас Лена замужем за человеком, который точно когда-то фотографировал Науменко, а вот Цоя – не уверен. В ту пору никому не приходило в голову фиксировать события жизни. Казалось, что она будет продолжаться вечно. Цой был умным, добрым, скромным, сдержанным, талантливым человеком. Вообще мы, москвичи, относились к нему с особенным уважением. В нашем кругу принято было считать, что на общем фоне ленинградцев, которых некоторые из нас называли «блокадниками», Цой выделялся некоторой корейскостью... Аркадий Виктора уважал, он сам был недурным поэтом и был в состоянии адекватно оценить поэтический дар Цоя. Кроме того, ему, разумеется, именно как сценаристу, близка была вся эта стилистика, хотя в ту пору самой любимой его песней была Rain Dogs Тома Уэйтса. Однажды мы сидели в большой комнате, освещенной шестидесятисвечевой лампочкой. Аркадий с Ажар Аяповой на диване, а напро-

тив них, в углу, Цой играл на гитаре, пел "Звезду по имени Солнце", которую совсем недавно сочинил».

Рената Литвинова, актриса:

«Когда еще не было никакой "АССЫ", никаких грампластинок, никакой "Иглы", у моего однокурсника Аркаши Высоцкого в квартире на Беговой бывал Витя Цой со своими музыкантами. Тогда Рашид Нугманов только-только снял про него документальный фильм "Йя-Хха!", и были какие-то кассеты с песнями. И все. Он был очень узко популярен... У Аркаши они все время на диване лежали. Я помню, они никогда не стояли, все время лежали. Было очень накурено. Я говорю: "Аркаш, что у тебя дома-то творится?" А он говорит: "Давай я тебя с ним познакомлю – он потрясающий совершенно музыкант". Я говорю: "Нет, давай лучше спой какую-нибудь песню его, а я посмотрю". Типа экзамен ему устроила. Цоя не позвали, а заставили Аркашу петь песню. И он спел: "Кто-то завтра попадет под трамвай, погибнут что-то там... все пассажиры. Дрогнет рука молодого хирурга. Следи за собой. Будь осторожен". Я послушала и сказала: "И что? Вот это он такое пишет? Не, я, Аркаш, что-то не поняла. Не буду я с ним знакомиться". И познакомилась с ним лишь потом. Он был в таком ненадлежащем состоянии и удивительно мне понравился как эстетический объект: высокий, худой, такой весь в черном-черном, с кошачьей походкой. Но пока он не умер, я его песни не послушала, представляете? А совсем недавно в Питере мы познакомились с красавцем Гурьяновым – он был в группе Цоя барабанщиком. Мы чуть из-за него на самолет не опоздали. Он нам как включил концерт "КИНО" у себя дома на большом-большом экране, так мы все впали в такую эйфорию, что встать с дивана не смогли. Что-то мне такое передавалось от него! Цой был настоящий поэт и маг; из всех, кого вообще можно воспринимать и кого я знала лично...»

Сергей Жегло:

«Я не в курсе знакомства Литвиновой и Цоя. Рената в ту пору была какая-то совсем незаметная. Она ходила иногда следом за Ажар и ее интонации речи старательно копировала. Вряд ли она вообще была знакома с Виктором».

Георгий Гурьянов:

«Цой из Питера уехал, да. Просто нет пророка в своем отечестве. Человеку свойственно меняться, расти. Но не все воспринимают эти изменения как положительные. Многие люди консервативны и часто в прогрессе видят регресс. Цой и его друзья тому яркий пример: изменились условия их жизни, Виктор добился большего и хотел расширить свою аудиторию, хотел выйти за рамки андеграунда. А друзья юности привыкли воспринимать его как "своего парня" Витю, которого они постоянно опекали и учили. Они не приняли состоявшегося, независимого, зрелого Виктора Цоя. Он ведь был младше своих товарищей и только начинал, когда они период роста давно прошли. В результате питерские люди, которые раньше были милы Цою, стали ему совершенно неинтересны. Вряд ли будет ошибочно утверждение, что – Цой из них вырос. И многие питерские тусовщики, близкие к "КИНО", этого попросту "не пережили"».

Дмитрий Левковский:

«В 1983 году Цой был просто замкнутый молодой человек, весьма закомплексованный из-за своей наружности... А в 1985–1986-м это уже был абсолютно уверенный в себе лидер группы».

Юрий Каспарян:

«Конечно, Цой менялся с течением времени. Виктор остепенялся по мере того, как росла его популярность. Менялся статус, возраст и менялись привычки. Одно дело – нам по восем-

надцать – двадцать лет, а другое – уже по двадцать семь. Взрослые мужчины. Уже особо не подурочишься».

Представители андеграунда любое расширение аудитории воспринимают как нарушение кодекса чести рокера: «продался» и «рубит бабло».

Рашид Нугманов:

«Действительно, бытовало мнение о группе "КИНО" как о заносчивых индивидуалистах, дистанцировавшихся от членов Рок-клуба. Но, посудите сами, что такое был питерский Рок-клуб? Организация, возникшая не от лучшей жизни. Музыканты собирались под ее крылом только потому, что она позволяла давать легальные концерты на легальных площадках. Реальным клубом, куда люди вступали бы по собственным увлечениям, эта организация никогда не была, пусть даже носила приставку «рок». Отчего же Виктору и группе "КИНО" было относиться к ней с пиететом? Неудивительно, что "клуб" развалился при первых же дуновениях ветра свободы. И Виктор всегда это знал, понимал и относился с иронией ко всем, кто всерьез играл в эту чепуху».

Цой же изначально «принципиальным рокером» не был и всегда тяготел к новой музыке, поп-музыке, нежели к «классическому» ортодоксальному року. Творчество Цоя по другому пути развиваться и не могло, в противном случае оно действительно было бы нечестным. Как известно, к концу восьмидесятых андеграунд загубило слишком серьезное отношение к себе, а также социальная роль (учителей жизни), которую его заставили играть и на которую он явно не тянул. Именно поэтому музыканты «КИНО» стали говорить, что они играют поп-музыку.

Дмитрий Левковский:

«Я не так хорошо знал Витю, чтобы давать тут какие-то подробные характеристики. Когда я его знал (в ранний домосковский период), то это был для меня просто лидер одной из Рок-клубовских групп. Никто не считал в то время в клубе, что "КИНО" круче всех (кроме Вадика Шебашова, конечно). В Рок-клубе в тот период была не одна группа, игравшая брит-поп, были и другие – "Петля Нестерова", "Дурное влияние", "Игры" и другие. Это была ритмичная гитарная музыка, написанная под влиянием таких групп, как "The Cure", "The Smiths", "Joy Division", "Siouxsie and The Banshees", etc. Это были группы, которыми клуб гордился. И в перспективе "Петля Нестерова" и "Дурное влияние" могли бы стать супергруппами, но не повезло, не хватило (само)дисциплины, того, что у Цоя появилось в избытке, когда в группу пришла Марьяна. И удачи. К сожалению, в тот период вышло так, что в клубе стали снова заправлять и продвигать свой говнорок хиппи, типа Гены Зайцева. Появился вылезший из уфимской жопы Шевчук. Или подмосковный соловей Кинчев, который полностью изменил имидж "Алисы" не в лучшую сторону и поставил дело рока на строгий поток: "Деньги в кассу, культуру в массы". Они же натащили потом в Питер и вообще продвинули в мир всяких волосатиков, типа «Калинова моста», «Чайфа» и проч. В результате всех этих хипанских маневров они сбили нам правильное направление развития клуба на панк, брит-поп и "новую волну"».

Все близкие Цою люди единодушно сходятся в том, что он был интровертом и относился к той породе людей, которые доверяют только лучшим друзьям и самым дорогим людям, иными словами, единомышленникам. Поэтому многие из тех, кто знает о Викторе больше всего, стараются не быть на виду, редко или почти никогда не дают интервью, не пишут воспоминаний, зато общаются друг с другом. И сам Цой поступал так же.

Очень маловероятно, что он открывался по-настоящему абсолютно всем, кто о нем вспомнил. Среди его многочисленных знакомых настоящих единомышленников было

немного, как в творчестве, так и по жизни, а от «чужаков» он закрывался. Что вызывало отторжение и неприязнь. Возможно, это неприятно кому-то из знакомых Цоя до сих пор.

Алексей Вишня:

«Про Цоя как-то сказали: "Он никогда не стал бы смеяться над теми, кто его искренне любит". Это довольно смелое предположение. При жизни его искренне любило количество человек, которое можно пересчитать по пальцам двухпалого существа. То есть никто не отрицал талантов и все любили продукт, но на финальном этапе близко к Виктору приблизиться было невозможно, и это сильно раздражало и проявлялось даже в быту. Ну, например, спросишь его о чем-то, а он отвечает в сторону, под углом 90 градусов к тебе, и только мельком посматривает, как ты реагируешь, в глаза не смотрит. Некрасиво это, сильно раздражало, поверьте. Пренебрежительность к мнению, пренебрежение к личности, пренебрежение всем, даже собственной жизнью, – как оказалось, в этом часть Цоя, которого мы так любим. Он был чудовищный сноб и презирал простых людей. Но и я таким был, быть может, с меньшим на это правом. Я просто успел повзростеть, а Витенька нет».

Вот противоположные мнения.

Алексей Рыбин:

«Каким он может быть снобом, если учился в ПТУ и в школе рабочей молодежи? Каких "простых" людей он в грош не ставил? Он был не очень хорошо образованным рабочим парнем. А потом стал звездой – очень быстро. Ну, малость голову снесло, конечно. Но с "простыми" людьми тоже все было в порядке. Он сам был простой парень и вырос среди простых парней. Ну, может, за бутылкой вина разорался пьяный – и пошло: "сноб", "сноб". Такое бывало. Точно не помню, но случалось что-то такое... Но в принципе он был очень, как бы это... осторожен. Почти до трусости. Но скорее, осторожен все-таки. По пьяни мог что-нибудь ляпнуть не то. А так – нет».

Дмитрий Левковский:

«Я помню, мы поехали в центр, в машине – Цой, Каспарян, я и один друг. Так вот, как только они вышли из машины на Невском, их сразу обступила толпа, да так и пошла вместе с ними. Как себя вести – два пути: или дружить со всеми, или подбородок вверх и вперед, никого не видя. А насчет того, чтобы "приблизиться к ним", – не знаю. А зачем? Это же не Будда, чтобы к нему "приблизиться". В мире полно интересных людей, кумиров. Зачем же заставлять их терпеть ненужные контакты и эмоции?»

Юрий Каспарян:

«Цой не любил простых людей? Простых – это людей типа Рыбы и Вишни? Ну, наверное, да, таких Цой терпеть не мог (*улыбается*). Вот видите, как Витя умел обидеть ловко, что люди не могут простить десятилетиями... А нужно же уметь прощать».

Георгий Гурьянов:

«Цой не был снобом. Разумеется, таких простых ребят, как например, Вишня, он презирал. Куда уж проще? (*Смеется*.) Отвращение, презрение – это хорошее качество, когда это самосохранение, самозащита».

Многим характер Цоя казался сложным, его часто упрекают в том, что он рационален и скуп на эмоции. Но тут, скорее всего, происходит смешение двух разных вещей – отсутствие эмоций и сдержанность в их проявлении. Многие эмоциональные люди производят на окру-

жающих впечатление «холодных» из-за дисциплины в чувствах. Цой, скорее всего, был очень эмоционален, но и очень сдержан. Творческие люди всегда эмоциональны, иначе не бывает. Это банкиры и политики рациональны, у них другая структура личности. Отнюдь не творческая. Если верить науке, то эмоции всегда во что-то реализуются – в любовь, искусство, конфликты с окружающим миром и т. д. Кому как повезет. А «эмоциональная тупость» (есть такой психологический термин) с творчеством слабо совместима. Творческие люди бывают эгоистичными и жестокими, но эмоций в них всегда много.

Помнится, Вячеслав Бутусов однажды сказал, что «Цой был загадочной личностью, но лучше всего Цоя знают и понимают его поклонники». Может быть, это действительно так.

Дмитрий Левковский:

«Цой – это загадочный и мифический кумир, который, типа, и слова в простоте не сказал – только философия и мудрые мысли сплошным косяком. И почему я должен соглашаться с мнением Славы Бутусова, которое очень пахнет сиюминутным популизмом? Нравится ему лить елей на душевные травмы фанов – его дело. Уж не говоря о том, что Слава влился в питерскую рок-тусовку, когда Цой стал уже полуполюгендарной личностью в стране, и в Питере почти не бывал. Кто знает и понимает творчество Цоя? Лучше всех знают и понимают творчество Цоя (а не самого Цоя, конечно, как в приведенных словах Бутусова) те, кому положено было это делать – независимые музыкальные критики и рок-журналисты ЛенРокКлуба. Затем – музыканты, игравшие в "КИНО", волей-неволей. Затем – друзья по Ленинградскому Рок-клубу (я говорю не про себя) и другие музыканты клуба – первые слушатели и критики "КИНО": те, кто оставался в зале и не выходил, слушая беспомощную игру на гитаре Каспаряна и вообще команду, довольно невразумительно игравшую тогда. Затем – та сравнительно немногочисленная публика, слушавшая "КИНО" с самого начала – в зале ЛМДСТ и Красном уголке ЛРК. Те, кому сильно повезло, типа Вадика Шебашова, первого официального фана "КИНО". И уж только потом – свора всяческих рок-дилетантов, тупо наживающих бабло на этой теме, и огромная толпа фанов по всей стране. Фаны смотрят на своего сотворенного кумира как на идеального героя, и ни о какой объективной оценке, знании и настоящем понимании творчества реального ЧЕЛОВЕКА и речи быть не может. Хотя это не мешает им быть уверенными в том, что их воображаемое знание – самое верное».

Игорь Воеводин:

«Мне казалось, что этот человек очень одинок. Бесконечно одинок – и отчаялся ждать, что его поймут. И в душу он себе никого не пускал, был закрыт наглухо. И был прав – все сказано творчеством. И – еще. Думаю, он предчувствовал ранний уход – это и по песням читается. Или просто – знал. Не без этого... На истину не претендую, но и не выдумываю...»

Цой был нацелен на свой внутренний мир, и его нельзя было тревожить, когда он концентрировался на творческом процессе. Есть люди лабильные, легко перестраивающиеся и адаптирующиеся, а есть такие, которым трудно поддерживать внутреннее равновесие. По воспоминаниям близких, Цой был именно таким. Он мало кого пускал в свой мир. Но если все же пускал, то там нужно было с ним находиться. То есть сказать «я устал» или «у меня нет настроения» было нельзя – это все ломало. Как всякий творческий человек, Цой в чем-то был очень хрупок. Но при этом плел невидимую, очень прочную паутину. Те люди, что попали туда (включая киноманов), – до сих пор там. Но плетение это было невероятно трудным делом – ежеминутным и непрекращающимся.

Цой, несомненно, был очень зависим от обстановки, и найти абсолютный покой ему было тяжело. Конечно, любой творческий человек может полностью закрыться, но это будет уже совершенно иная, довольно грустная картина. А если он открыт для близких, то они оказыва-

ются в рабстве его настроений или бесконечно конфликтуют с ним, отстаивая свое право на жизнь, что в итоге лишает сил обе стороны.

В целом Цой избегал общества людей. Поэтому и производил впечатление нелюдимого на тех, кто этого не понимал.

Рашид Нугманов подтверждает вышесказанное:

«Часто о Викторе говорят – ”одиночка“. Конечно, говорить можно разное, но Виктор вообще не любил оставаться один. Не то чтобы он чего-то боялся, просто не мог один, и все. Кто-то все время должен быть рядом с ним. Я это не раз замечал. Цой очень не любил в гостиницах жить. Когда он приехал на съемки той же ”Иглы“, я ему сказал: ”Вот твой гостиничный номер. Он все время будет за тобой. Пожалуйста, если тебе нужно будет уединиться, побыть одному...“ Цой ни разу им не воспользовался. Он все время жил у нас. И когда говорят, что Виктор – человек необщительный или грубый, отталкивающий людей, это не так. Просто, особенно в последнее время, он общался с очень немногими, но с друзьями был замечательным, открытым человеком. Согласитесь, это мнение никак не соответствует определению Максима Пашкова – ”мрачноватый“. Сам же Виктор говорил о себе так: ”Я не такой замкнутый, как может показаться“».

Всеволод Гаккель:

«Думаю, что я был на всех концертах этой группы до ее взлета, кроме одного, когда я был арестован в Рок-клубе. И насколько я понимаю, перед группой вставала дилемма – выступить в мою защиту и тем самым поставить крест на своей карьере, или все же сыграть. Как подтвердила история, они выступили.

Два или три из этих концертов были совместными: ”Аквариум“ и ”КИНО“. У меня даже сохранилась афиша одного такого концерта. Кстати, один из них был в день моего тридцатилетнего юбилея. Также бесконечное соучастие в ”Поп-Механике“. Ну и просто поездки за город на велосипедах...

До сих пор не могу охватить масштаб его личности, которая увеличивается пропорционально времени. Это был совершенно адекватный своему времени молодой человек, лишенный черт, которые ему дорисовала история. Безусловно, он был талантлив, в то же время он развивался в удивительно питательной среде, которая ни в коем случае не была ”толпой“. И героем его сделала система, когда он вышел за пределы этой питательной среды».

Часто на форумах можно увидеть вопрос – а каких людей не любил Цой? Какие люди ему нравились? В самой формулировке ошибка. Дело ведь не в том, что мы что-то ценим, а что-то не приемлем, а в том, что одни люди нам нравятся, а другие – нет. И если человек симпатичен – ему всегда придумаешь оправдание. А если нет, то не простишь и мелочи. Так уж устроен мир. Поэтому бессмысленно размышлять, что приемлемо, а что нет. Модели поведения – это одно, а ключевое содержание человека – другое. Модели поведения включают в себя культурные коды, но это все внешнее, отношениями же управляет внутреннее. Что в людях нравилось Цою, описать нельзя, но есть факт – музыканты «КИНО», самые близкие друзья Виктора, скрыты от посторонних глаз, хотя активно работают и часто бывают на публике. Можно предположить, что Цою нравились люди, которые не растворяются в социуме, а создают собственную внутреннюю социальную сеть.

Из воспоминаний **Александра Титова:**

«Виктор казался необщительным только тем людям, с кем он не хотел общаться. В частности журналистам. А в кругу близких людей он был мягчайшим и теплым человеком. Настоящим и кайфовым! С ним можно было промолчать весь день, и при этом чувствовать себя

вполне комфортно. От него исходила аура близкого друга, а сами песни пробивали, как электрический ток. Тогда никто и не думал, что все это превратится в такую легенду: мы просто купались в той энергии, которая исходила от него».

Агнеш Фиденфельд-Хорват:

«Меня познакомили с ребятами из группы "КИНО" Наташа Пивоварова, Тимур Новиков и Андрей Медведев. Я была на стажировке в ЛГУ с 1985 по 1990 годы, но поскольку там было скучно, я проводила время по-другому – ходила на тусовки, по мастерским художников, выступала в составе "Поп-Механики", жила в сквоте Фонтанка, 145...

Цой постоянно бывал у Андрея Медведева в мастерской на Загородном проспекте, я общалась с ним и там, и в квартире Георгия Гурьянова в Купчино, у Алины Алонсо на вечеринках и других местах.

Цой был очень умным человеком. Одной из его черт был очень острый язык, он любит стебаться, мне это нравилось, и мы часто с ним устраивали такие словесные дуэли... Со стороны многим казалось, что мы с ним ссоримся, но это было совсем не так. Ему просто нравилось меня мучить и стебаться надо мной, так как я не совсем в совершенстве владела русским языком... Я же, в свою очередь, пробовала работать мозгами и понимать его... Он был очень интересным человеком, и у него был весьма драматический характер...»

Виктор с большим удовольствием проводил время только с теми, кто был ему симпатичен. И сегодняшних мемуаристов в этом списке не было. Это видно по записной книжке Виктора, где записаны имена и телефоны только тех людей, с кем он реально общался, хотя бы и по делу. Никаких «проходных» людей в его записных книжках нет, лишь десятка два знакомых, родных и близких.

Так с кем же предпочитал общаться Цой в последние годы своей жизни? Можно уверенно сказать, что это, безусловно, группа «КИНО», Джоанна Стингрей, Рашид Нугманов, племянницемские друзья, которые его никогда не напрягали, пожалуй все. По сути, близкие отношения у Цоя были только с музыкантами группы «КИНО». А сегодня говорят о нем в основном те люди, которые не имели никаких шансов общаться с ним при жизни. Своего рода мародерство, с которым ничего не поделаешь.

Есть слова Марьяны Цой из одного интервью: «Когда-то у нас было очень много людей, которые называли себя друзьями Цоя. Но я могу точно заявить: у Цоя никогда не было друзей. Собственно, их нет ни у Рикошета, ни у меня... У нас есть бесконечная тусня, внутри которой мы все живем. А что такое "уметь дружить"? Это акт некоего самопожертвования, собственно, как и "уметь любить". Я такого чувства не испытываю ни к кому...»

Федор Лавров:

«Цой был парнем, который слушал музыку на виниловых пластинках. Копировал то, что ему нравилось. И пытался писать песни в стиле "The Cure". Они у него как-то получались более или менее похоже, но качество записи не давало возможности им стать совсем копиями. Благодаря слабым возможностям наших студий возник их саунд. С парой текстов он просто удачно попал в струю. У него очень много неинтересных стихов, это знают даже самые преданные фаны. Если б он не умер раньше времени, не было бы культа. Я считаю, что каждому поколению нужен свой герой. Наше время грешит тем, что героев в нем мало. Взять выступления протеста, в России или США, протест этот анонимен. Интернет анонимен. Герои высказываются, прикрываясь никами. Кричат на улицах, скрывая лица масками и шарфами. Рок-музыка давно потеряла свою власть над массами. Как любое другое искусство – это импотенция интеллигенции и креативной части общества. Народ не нуждается в рупоре, которым был бы тот или иной артист. Народ могла бы возглавить реально сильная личность, но совладать с

беспредельным скепсисом по любому поводу трудно даже герою. Я уверен, в наше время Цой не стал бы героем. Его слова потонули бы в шуме. В наше время даже Высоцкий не был бы Христом. Герой в наше время – не романтик и не скандалист. И уж точно это не будет музыкант с гитарой».

Андрей Бурлака, музыкальный журналист:

«В современной культурной среде группа "КИНО" попросту не смогла бы выжить. В 1991 году уже появились фонограммная эстрада, поп-проекты, с которыми трудно было конкурировать на масштабном уровне. Даже монстры рока вроде "ДДТ" сидели в то время без работы... Строго говоря, группа "КИНО" могла развалиться еще в начале 90-х годов, потому что на том уровне была уже сама себе неинтересна».

История не знает сослагательного наклонения. Но не нужно забывать, что Цой был не такой, как все. И следовательно, все рассуждения, кем бы он стал после 1990 года, к какой бы политической партии примкнул, совершенно бессмысленны. Не нужно забывать и о том, что каждый судит по себе. Поэтому акценты в воспоминаниях расставляются в соответствии с образом мемуариста. Если мемуарист не понимает, что такое новая музыка, то он назовет творчество Цоя коммерцией и попсой. Если любит выпить и курить анашу, то его Цой представит как заядлый курильщик травы и пьяница. Если не умеет мыслить масштабно, то не ждите от него философского или психологического анализа жизни и творчества Цоя. Зато вы узнаете максимум о цвете его штанов и любимой марке сигарет. Поскольку многие из тех, кто сегодня вспоминает Цоя, принадлежат к рок-тусовке, они и окидывают его взглядом рок-тусовщиков. Если мемуарист меркантилен, то и рассказывать он будет о том, как Цой «косил» бабло на гастрольных часах, а после 1990 года, если бы остался жив, жил бы в Японии (или Корее) и занимался автомобильным бизнесом...

Если вы сравните воспоминания Тропилло, Кинчева, Майка Науменко с интервью Георгия Гурьянова, воспоминаниями Рашида Нугманова или БГ, то увидите диаметрально противоположные взгляды на одного и того же человека. Несмотря на то, что члены питерской тусовки вроде бы тесно общались друг с другом, эта сплоченность была местами вынужденной, и в этих кругах вращались люди с совершенно разными жизненными ценностями, разным отношением к музыке, разных поколений. И каждый оценивает Цоя согласно своей шкале ценностей. И эта шкала может отличаться как от вашей, так и от цоевской.

По мнению Дмитрия Левковского, многие вспоминающие заботятся об имидже Цоя, хотя сам Дмитрий не верит в то, что «этот имидж нуждается в каком-либо исправлении или улучшении».

Алексей Вишня:

«Думаю, мы все, кто его знали, заботимся о его имидже, потому что пока его любят, мы фигуры великих событий, а когда его разлюбят – мы тоже превратимся в ничто».

Рашид Нугманов:

«Не буду говорить о других, но лично я стараюсь сохранить память о Викторе, каким я его знал, ничего не сочиняя, не придумывая небылиц и не навязывая личных, культурологических, философских или мифологических измышлений».

Каждый вкладывает в «своего» Цоя прежде всего частицу себя. И любое мнение субъективно, поэтому важно хотя бы немного узнать о человеке, пишущем воспоминания, о его реальной роли в жизни Виктора.

Вот что, например, **Рашид Нугманов** сказал о Троицком:

«Артем никогда не был близким другом Виктора и знал его только по общим тусовкам. Неудивительно, что таким он в его сознании и остается, ведь они не проводили вдвоем бесчисленных дней и ночей – откуда Артему знать другие стороны этого человека? Я даже сомневаюсь, был ли у него хотя бы один доверительный разговор с Виктором с глазу на глаз. "Модник". Никогда Виктор не был рабом моды. Да, он мог не раз иронически заявлять о "КИНО", что они "модные ребята", но это было не следование моде сезона, а создание собственной моды. Виктор – человек с невероятно развитым чувством стиля, но к "моднику" это не имеет никакого отношения, это разные вещи. Это поверхностный взгляд Артема на человека, которого он сам себе вообразил. Любые расхождения с этим, придуманным им, образом Виктора его бесят. "Весельчак". Артем постоянно настаивает, что в этом была суть характера Виктора. Да, на тусовках со своими людьми Виктору были свойственны легкий кураж и веселая улыбка. И это главное, что Артем ценит в нем. Все остальное опять же вызывает у Артема тихую или громкую ярость. Например, в одной из радиопередач Липницкого, в которой мы оба принимали участие, он вдруг остервенело набросился на меня и Наташу Разлогову, обвинив нас в том, что мы якобы сделали из Виктора мрачного героя-одиночку. Потом, правда, неохотно допускает, что Виктору, наверное, и самому этого "хотелось". Все это игра воображения Артема, выдаваемая за объективную критику специалиста. <...> Артема отличало довольно снисходительное отношение к Цою еще при его жизни.

Он мог признавать, что группа "КИНО" имела наибольшие шансы на успех за рубежом, или что Виктор переиграл профессиональных советских актеров, ничего не играя в "Игле", или что он "попал в героическую струю" конца 80-х, но Артем никогда не ставил Виктора в первые ряды отечественного рока или тусовки, что даже тогда вызывало у меня недоумение. С годами позиция Артема выкристаллизовалась. Думаю, тут имеет место не "зависть", а оправдание собственной близорукости и непонимания подлинного значения фигуры Виктора Цоя для отечественной музыки и культуры. И эта собственная близорукость требует теперь яростного бесконечного поиска причин непонятной и неприемлемой для него природы популярности Виктора в дурном вкусе, коварных инсинуациях "близкого круга" и в "fucking cinema"».

И это не единственный случай. Такие же заявления можно услышать и в отношении иных людей, считающих себя «друзьями» Цоя. Что касается непосредственно Троицкого, то в день 50-летия Цоя Александр Градский в эфире канала «Москва-24» рассказал, что в конце 80-х Артемий Троицкий инспирировал письмо в Московский горком, которое должно было настроить московских рок-музыкантов против Виктора Цоя... Вот такой вот «близкий друг».

Однако современное поколение киноманов часто не может определить, где про Цоя врут, а где – нет. И это вовсе не потому, что они не видели его при жизни, а потому, что они живут в другой стране, у них другой бэкграунд, они простодушны и наивно верят любым словам друзей Цоя – рокеров, потому что они слушают русский рок и воспринимают всех звезд этого русского рока как единое целое, как чуть ли не партию с единой идеологией.

А следовательно, для них и Троицкий, постоянно упоминающий Цоя в своих заметках и выступлениях, и БГ – авторитеты, и Кинчев – авторитет, и Майк – авторитет, а вот Айзеншпис – вражеский попсовый продюсер, которого даже не считают нужным выслушать. У музыкантов «КИНО» тоже нет права голоса, потому что они никогда не заигрывали с фанатами и не искали общения с ними.

Поэтому, если вы хотите узнать «настоящего» Цоя, нужно в первую очередь выяснить, что говорил он сам, посмотреть видео и фотографии группы «КИНО», понять, что за музыку он играл – то есть как бы составить в голове свой образ Цоя, а потом уже попробовать подумать, с кем же он общался в разные годы ближе всего, кого он мог считать единомышленником.

А также определить, где люди стараются высказаться нейтрально, объективно, без примеси личных обид. То есть надо полагаться на интуицию и логику одновременно.

Влияния и компромиссы

Люди, интересующиеся личностью и судьбой Цоя, часто задаются вопросом, мог ли кто-то на него влиять? Суммируя воспоминания, кажется, что нет. Влиять можно только на того, кто не имеет внутреннего стержня, сомневается в себе и своих оценках. А это не про Цоя. Многих в нем поражала именно уверенность в том, что все будет так, как он это видит. Вместе с тем он никогда ни с кем особенно не спорил – не было желания кому-либо что-либо доказывать. Он просто уходил от тех, кто видел мир иначе.

Из воспоминаний **Марьяны Цой:**

«Все зависит от того, что мы понимаем под словом ”друзья“. Важна точка зрения на этот вопрос. Цой спокойно отказывался от старых связей. У него менялась жизнь, менялись, конечно, и люди вокруг. Он мог совершенно спокойно не видеть тех, кто уходил. Ностальгия по прошлому его не мучила».

Известно, что в начале своего творческого пути Цой показывал новые песни Майку и другим рок-друзьям, ожидая их одобрения или критики. В последние годы он иногда показывал новый материал Кинчеву.

Александр Житинский:

«Было это 17 февраля 1989 года. Я так хорошо помню, потому что это годовщина смерти Саши Башлачева. Я был в Москве и в тот вечер беседовал с Костей Кинчевым для ”Путешествия рок-дилетанта“. Мы побеседовали под магнитофон, а потом сбегали в магазин и стали поминать Сашу. И Кинчев все время ставил в кассетник свой новый альбом ”Шестой лесничий“. Я его тогда впервые слышал. И чем дольше мы сидели, тем больше мне альбом нравился. Вдруг звонит Цой: можно приехать? Костя говорит: приезжай. А было уже часов десять вечера. Цой приехал через полчаса с Наташей, привез бутылку сухого, сам почти не пил. И тоже поставил на кассетник альбом ”Звезда по имени Солнце“. Его тогда вообще никто еще не слышал. Только что свели. Я стал слушать – и чего-то не покатило. Дело в том, что я очень люблю ”Группу крови“, а здесь мне показалось, что это повтор. Я слушал, слушал, а песне на третьей сказал Вите, мол, это не то... Кажется, я даже круче выразился. Смотрю, Костя делает круглые глаза, пинает меня под столом ногой и прикладывает палец к губам, чтобы Витя не видел. Мол, не надо, Цой этого не любит... А сам Витя сидит, желваками двигает, аж побелел. Но ничего не сказал. Ни слова. Но показалось мне, что затаил на меня обиду. Хотя потом, когда я альбом еще послушал, он мне тоже понравился... И я чувствовал себя перед Витей виноватым. Помню, даже подошел к нему на дне рождения Боба, говорил, что не хотел его обидеть».

В этом эпизоде по факту все правда. Кроме интерпретации. По мнению близких Цоя, Виктор с интересом выслушивал любое чужое мнение, но ориентировался только на собственное. Житинский был для рокеров престарелым писателем, который пытается сесть на хвост модному рок-движению, и его музыкальная оценка не волновала никого, включая Кинчева. В вопросах музыки значимыми для Цоя были только комментарии членов группы ”КИНО“, особенно важным было мнение Георгия Гурьянова. Но реакция коллег по цеху всегда была ему интересна, потому что лучше любой словесной критики давала представление о том, насколько материал удался. Надо понимать, что конкурентов у ”КИНО“ к концу 1989 года уже почти не осталось, и Кинчев, безусловно, был одним из них.

Вот как прокомментировал **Константин Кинчев** слова Житинского:

«Многих людей, кто сегодня говорит о Цое, в жизни самого Цоя было не так много, как эти люди хотят, чтобы казалось. Но они уверены в обратном. После смерти Цоя все стали иметь колоссальное отношение к нему. Даже те, кто, может, всего раз поздоровался с ним за руку. К примеру, у Житинского вообще так получается, что он был другом Цоя как, например, Каспарян или Стингрей. Или Густав, которого Цой вообще слушал как наставника какого-то. А вот то, что Цой на Житинского обиделся... Да ну, как обиделся, не было такой уж вселенской обиды, но да, как-то у меня Цой впервые спел "Звезду по имени Солнце", и Житинскому не понравилась песня. Выразился он, мол, ерунда, но извинился потом за эту оплошность».

Утверждение Константина – «слушал как наставника» – не вполне справедливо. Видимо, мнение Кинчева основано на особенностях общения с группой "КИНО", с остальными музыкантами которой с самого начала не сложились отношения.

Нина Барановская:

«В один из своих приездов в Москву я заехала к Кинчеву и застала там Цоя. Это было время, когда Виктор писал песни, вошедшие потом в альбом "Звезда по имени Солнце".

Сидели, как всегда, на кухне. Цой пел. И заметно нервничал. Потом гитару взял Костя. Начал что-то наигрывать. Вдруг отставил гитару:

– А – а, новых песен нет, а старые не хочу петь...

Но я видела, что дело в чем-то другом. И вдруг словно озарило: да они стесняются, боятся друг друга. Как боится публики человек, первый раз выходящий на сцену.

Когда Цой ушел, я спросила Костю:

– А что это вы с Витькой так друг друга стесняетесь, так дрейфите, будто от вашего взаимного суда вся жизнь зависит?

– Ты заметила? Слушай, никто не замечает... Но ты права, права... Это так. А почему? А черт его знает. Сам не знаю, почему. Но это правда.

В самом начале их знакомства у них был какой-то мелкий конфликт. Даже не у Кинчева с Цоем, а скорее у "Алисы" и "КИНО". Вот почему в первоначальном варианте "Тоталитарного рэпа" появились слова "но о 'КИНО' я не хочу говорить". Категоричное "не хочу" со временем сменилось на нейтральное "не могу". Я уверена, они оба глубоко уважали друг друга. Уважали не только ту неповторимую личность, которую являл собой каждый из них...»

Константин Кинчев:

«У Цоя сразу появился интерес к моей музыке, то есть он счел ее интересной и следил за нашими песнями. Он проявлял ко мне большой интерес, я же, в свою очередь, проявлял огромный интерес к нему».

Кинчев часто называет себя другом Цоя. И многих волнует: какие же у него на самом деле с Виктором были отношения? Конечно, Виктор и Константин были хорошо знакомы. Но друзьями в полном смысле этого слова они не были.

Из воспоминаний **Марьяны Цой:**

«Дело в том, что Витя не был Кинчеву другом. Вот мы с Кинчевым действительно друзья, но мы подружились уже намного позже Витиной гибели. Конечно, говоря "мы были друзьями", он выражает свою точку зрения. Но буквально к его словам относиться не стоит».

Георгий Гурьянов:

«Утверждение, что Цой дружил с Кинчевым – полное вранье. Никакой дружбы не было. У меня совершенно полное отвращение к группе "Алиса" и лично к Кинчеву. С самого начала и до самого конца. У меня вообще однажды был случай... Я буквально вынужден был драться за свой драм-компьютер, который я пришел забирать у Вишни, а там сидит этот персонаж и говорит: "Мы записываем тут альбом". – "Ну а мне-то что?" – "Как это? Мы вместе! Высокая миссия, мы должны..." – "Ничего мы вам не должны, отдайте компьютер". Все равно забрал компьютер, мне на их дегенеративное творчество наплевать. Это мой инструмент, и он мне был нужен. Вот такой случай был. А дальше были всякие грязные комментарии, не укладывающиеся в любые нравственные нормы. Витя не дружил с Кинчевым. С какой стороны дружить с ним? На какую тему? Только дипломатия была, не более того».

Евгений Додолев, журналист:

«У Цоя не было друзей, хотя он ценил и приветал Константина Кинчева и прочих соратников по рок-движению. Помню, как Цой пришел в гости в московскую квартиру лидера "Алисы" и, после того как хозяин обронил модное тогда словечко "телега", стал как бы подтрунивать над Костей, усмешливо педалируя "это моя телега", но было очевидно, что это абсолютно дружеский троллинг, и Виктор симпатизирует товарищу и относится к нему с допустимой в рок-содружестве долей уважения».

Судя по тому, как Витя тогда общался с Костей, я так понял, что они не были друзьями. Цой очень иронично, легко и тонко подстебывал его. Костя, конечно, завидует Вите, просто потому, что Витя ушел как рокер – молодым. И когда человек уходит молодой – это что-то... Ну, вот денег можно заработать, альбом можно записать. А со стороны смотришь – и не смотрится. В этом смысле Витя их всех обманул».

Рашид Нугманов:

«Не могу назвать их близкими друзьями, но отношения всегда были хорошими, чего не скажешь о других членах группы "КИНО". Я благодарен Косте за то, что именно он познакомил меня в свое время с Цоем, сделав ему первый звонок из Москвы. Виктор очень внимательно относился к альбомам "Алисы" после прихода в нее Кинчева. Во время съемок "Иглы", например, постоянно слушал и переслушивал только что вышедший альбом "БлокАда". Уверен, что героические песни Кинчева оказали определенное влияние на Цоя. Костя тоже относился к Виктору с большим уважением и интересом. После его переезда в Москву они стали чаще встречаться, а Наташа подружилась с женой Кости Александрой. Костя оказался единственным музыкантом (кроме Каспаряна и Тихомирова), кто пришел на поминки Виктора к его родителям на Парке Победы. Лично я не видел, чтобы Каспарян и Тихомиров как-то публично выражали свое отношение к Косте – ни положительное, ни отрицательное, в отличие от Виктора, который всегда проявлял к нему интерес и включал "Алису" в число групп первого эшелона. Но вот Кинчев и Гурьянов обоюдной неприязни не скрывали: она была открытой».

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«Цой погиб. Его с нами нет. Но зато он не постарел вместе с остальными бунтарями. Хотя для меня он скорее лирик, а не бунтарь. Ну да ладно, пусть будет бунтарем. По сравнению с выжившими, несмотря на наркотическо-алкогольный угар, бунтарями, потолстевшими, обрюзгшими, полысевшими, ополитизировавшимися и опопсовевшими, Цой просто хорошо выглядит, будучи мертвым... И погиб он просто. Просто заснул, потому что устал. И – в автобус. И уйдя, позволил нам вспоминать себя без экивоков...»

Бытует мнение, что Цою не удалось оградить себя от обстоятельств и круга ненужных людей, которые навязывались в друзья. Факты же говорят об обратном. Он был домоседом,

выходил в основном по работе, лето проводил в прибалтийской деревне, то есть тщательно избегал ненужных контактов и не тусил ради тусовок. Поэтому каждое его появление у тех же Кинчева, Липницкого или Аркаши Высоцкого становилось событием и вспоминается до сих пор.

Юрий Каспарян:

«Ну вот, например, поучаствовал Цой в программе "Взгляд". При творческой самореализации появляются какие-то такие возможности, например... Там поучаствовал, там... Это ерунда все. Виктор был всегда, я бы сказал, таким закрытым одиночкой. То есть – дом, сквот, ну и группа, а потом – все остальное...»

Цой никогда не привлекал к себе лишнего внимания. И вместе с группой «КИНО» посмеивался над своим успехом.

Из интервью Виктора Цоя:

- Вы противоречивый человек?
- Нет, я совершенно монолитный.

Илья Смирнов:

«На днях специально переспросил у Левитина, что он помнит: вспомнил, как Виктор с женой – Марианной – у них ночевали, и пока сидели на кухне, Цой просто повторял одну и ту же фразу. Он был действительно закрытый человек. Образ Моро из фильма "Игла" довольно точный».

Марина Тимашева:

«Я видела несколько раз, как прорывались его эмоции. Подозреваю, что невозмутимость – просто защитный барьер».

Из массива воспоминаний следует, что Цой был цельной натурой. Он никогда не метался из стороны в сторону, всегда знал, как ему поступить, но за счет неконфликтности и выдержки мог показаться слабым. Это впечатление было обманчивым, и тех, кто злоупотреблял его терпением, он просто удалял из списка знакомых. Спокойно, бесповоротно и без лишних слов.

Борис Гребенщиков и Виктор Цой

Эта глава демонстрирует, как появляются мифы о Цое. Корнем любой выдумки всегда оказывается какой-нибудь «авторитетный источник».

В апреле 2010 года на телеканале СТС стартовал цикл программ «История российского шоу-бизнеса». Зрители должны были узнать самые пикантные подробности из жизни российской эстрады за двадцатилетний период. Один из участников программы, **Борис Гребенщиков**, в своем интервью поделился малоизвестным фактом из жизни Виктора Цоя и группы «КИНО»:

«В конце 80-х – начале 90-х в России были прецеденты, когда приходили люди в малиновых пиджаках с пистолетом и говорили: "Играй вот такую песню". Это было и с группой "КИНО" в конце 80-х. Юрий Айзеншпис лично сдавал их в аренду бандитам. Он вышел из тюрьмы, это были его люди. Группе "КИНО" могли позвонить в четыре часа утра и сказать: "Ну-ка быстро поднимайтесь! Тут браткам нужно, чтобы вы сыграли". Было неприятно, как рассказывают. А им деваться было некуда. Сотрудничество с Айзеншписом – это была смерть

группы. Музыкально им оно пошло на пользу, потому что они развились в очень сильную группу, но условия, в которых они жили, были не очень приятные».

Создается впечатление, что Борис Гребенщиков искренне считает, что группа «КИНО» в последние годы работала в ужасной атмосфере и музыканты были заложниками бизнес-воротил. Историю об эффектном появлении Виктора с телохранителями на его дне рождения Гребенщиков на пару с Житинским и раньше рассказывали как трагическую. Мол, Цой «чувствовал себя дураком», но такова была его жизнь.

БГ, однако, не совсем точен, поскольку в СССР не было людей в малиновых пиджаках, — они появились уже после гибели Цоя, а Айзеншпис в то время был смекалистым валютчиком, который оброс бандитскими контактами значительно позже, когда в шоу-бизнес потекли настоящие деньги. А во времена «КИНО» он жил с мамой в маленькой квартире на Речном вокзале, а его «бандитскими друзьями» были попавшие в лапы закона торговцы антиквариатом, которые впоследствии стали высокооплачиваемыми экспертами предметов искусства.

Возникает вопрос: зачем Гребенщикову необходимо такое лукавство? И верит ли он в то, что говорит? Чтобы понять, надо отмотать назад. И вспомнить, что в конце 80-х всякое заигрывание с западной публикой считалось среди поклонников рок-музыки «моветоном». Можно было где-то выступить или записать песню на английском, но уезжать работать по указке иностранного продюсера считалось категорически неправильным. Западная карьера на условиях «принимающей стороны» считалась непростительным компромиссом: все понимали, что войти в монастырь профессионального шоу-бизнеса со своим уставом невозможно.

В канун распада СССР интерес к стране был огромным и многим представителям рок-среды делались предложения записаться за границей, как сейчас подобные предложения поступают группам типа Pussy Riot. Но если сегодня молодое поколение хорошо понимает, что такое настоящая карьера в шоу-бизнесе, то тогда все были наивны. А потому не поняли, как мог человек-легенда уровня Гребенщикова отправиться «последним парнем» в «город», будучи одним из первых в своей «деревне»: в 1989 году БГ поехал записывать за границей англоязычный альбом Radio Silence, с участием Дэйва Стюарта из Eurythmics.

Евгений Додолев:

«После выхода в Америке пластинки Джоанны Стингрей "Red Wave" всех музыкантов, которые дали ей свои записи, попросили подписать письмо, в котором они должны были отречься от всякого сотрудничества с Джоанной. Подписал его один Гребенщиков. Этот поступок резко опустил его в тусовке. Позже ему предложили уехать в США для записи пластинки, и он дал согласие. В кулуарах говорили, что это предложение не ему сделали первым, но он был единственным, кто согласился петь на английском. Отъезд в Америку, где "не был никогда", пользуясь цитатой "Наутилуса", был воспринят его фанами как некоторое предательство по отношению к своей аудитории. Его заподозрили в том, что он променял любовь народа на западный комфорт, шанс заработать настоящие деньги, возможно, мировую славу. И конечно, победителей не судят. Если бы он стал звездой мирового масштаба, возможно, его бы простили, но этого не произошло, а здесь тем временем он потерял все. Имидж его, как доказала жизнь, не соответствовал на самом деле его личности».

До сих пор в интервью БГ утверждает, что никакого греха в желании поработать с фирменной аппаратурой он не видит. Его слова звучат своеобразным оправданием, поскольку многие прямо или косвенно утверждают его вину. И на какое-то, довольно продолжительное, время БГ полностью утратил свой авторитет и в тусовке, и в среде поклонников. Возможно, если бы он победил, его бы простили быстрее, но успеха не случилось. Окончательно восстановить репутацию ему удалось лишь в нулевые, когда пришло осознание, что наш шоу-бизнес отли-

чается от «их» только масштабами заработков и территорией покрытия. Но тогда, в конце 80-х, многие фанаты прямо говорили: «Лучше бы он умер...»

Сергей Жегло:

«Помню, как в Ленинграде ночевал однажды в мастерской у одного актуального до сих пор художника, который давно уже умер (он, кстати, в "АССЕ" тоже присутствовал, был причастен к песне Гребенщикова), и был разбужен стуком в дверь; открыл – на пороге стоял хозяин, который произнес: "Доброе утро, последний герой. Доброе утро тебе и таким, как ты!"

А я ему начал что-то спросонья про Гребенщикова бубнить, а он включил приспособление для прослушивания музыки, состоявшее из двух, симметрично сломанных приставок "Нота", где лента тянулась с одной приставки на другую, и завел мне Цоя.

Вечер. Я сижу дома.
Это зима, это декабрь.
Ночь будет холодной,
Если верить часам, она уже рядом...

"Это тебе не Гребенщиков, – просто сказал он мне. – Вот это настоящая поэзия". Трудно было не поверить старшему товарищу, уж очень убедительно это у него получилось: сразу же наваждение исчезло.

К этому времени перестройка была уже в разгаре и грустно было наблюдать за тем, как некоторые бывшие подпольщики простодушно радуются неожиданному успеху. Гребенщиков уехал в Америку, бросив всех своих товарищей. Отношение к нему не просто изменилось, но стало понятно, что он сделал выбор, который его окончательно изменил. Последовавшая за этим склонность к буддизму, возможно, была попыткой заглушить голос совести, но об этом можно только догадываться».

Юрий Орлов:

«У Цоя стихи классные и мелодики с энергетикой столько... Но хоть и сам ленинградец, всю остальную братию Ленинградского Рок-клуба... Не терплю. Не знаю даже, как сказать... Особенно козла одного бородатого нынче терпеть не могу, который хиппующих своих слушателей с умным видом учит, как жить полуворованными изречениями под философию...»

Цой, в отличие от своих коллег по Рок-клубу, не знал компромисса и, как вспоминают музыканты «КИНО», готов был сотрудничать с кем бы то ни было, но лишь на своих условиях. И никакие радужные перспективы не могли его заставить хоть на шаг отступить от того, что он считал правильным. Так было и во Франции, и в Америке, и в Японии. Цоя нельзя было «соблазнить» ничем, и, скорее всего, именно эта его черта очень раздражала Рок-клубовское окружение и Гребенщикова лично. Откуда и родились его несуществующие воспоминания.

Музыканты «КИНО» Юрий Каспарян и Георгий Гурьянов, равно как и подруга Виктора Цоя, Наталия Разлогова, и друг Виктора, Рашид Нугманов, резко осудили Гребенщикова за ложь. И Борису Борисовичу пришлось оправдываться: «Приношу свои извинения; эта история была рассказана мне кем-то лет пятнадцать тому назад и – как выясняется теперь – несколько не соответствует истине. Очень сожалею, что она попала в СМИ. Все. Вопрос должен быть закрыт».

Однако в 2012 году Борис Борисович в своем интервью Евгению Додолеву («Москва-24») снова утверждает, что Цой выступал перед бандитами. Поскольку его собеседником на этот раз оказался свидетель эпохи, напомнивший о реалиях того времени и поинтересовавшийся источником слуха, БГ вынужден был признаться, что о выступлениях «КИНО» ночной порой

перед братвой ему рассказал знакомый бандит, имени которого он не помнит. На этом месте можно было бы поставить точку, ведь из подобного ответа следует лишь то, что сам БГ тусовался с бандитами, а вовсе не «КИНО». Но проблема в другом: как может человек, обладающий влиянием и громким именем, публично распространять сплетню, которую ему рассказал уж точно не авторитетный источник?

Один из поклонников «КИНО» в комментариях к данному интервью написал:

«БГ должен был прямо сказать в ответ Додолеву, что никогда Цой перед братвой не выступал. Это глупости. Ведь уже приносил извинения раньше за свои слова. Опять пустился в полемику по поводу Айзеншписа, которого толком не знал, даже не обращая внимания на попытки Додолева, близко знавшего Юрия, опровергнуть его слова... Повторяет с чужих слов выдуманные истории, а люди верят, хлопая ушами. "Ну как же: сам великий БГ сказал! Ах, Цой, сволочь продажная, выступал перед братками!" Понятно, что Додолев слегка спровоцировал БГ, но Додолев провоцировал правильно, на то он и журналист. А Гребенщиков повел себя в данном случае как лузер. Да я бы на месте Додолева точно так же задал бы вопрос такого рода. Но надо же думать над ответом! А БГ не удосужился и с милой улыбкой облил группу «КИНО» грязью...

Оказывается, БГ знает про "выступления для бандитов" со слов каких-то "участников тех событий"... Детский лепет. Кстати, если БГ не в курсе, то малиновые пиджаки вошли в моду среди братвы лишь с 1992 года, то есть уже после смерти Цоя. БГ этот факт, завравшись, упустил из виду...

Следуя логике БГ, я, автор сей книги, могу с таким же успехом, как и Гребенщиков о группе «КИНО», рассказать с чужих слов о том, как в начале 80-х Борис Борисович и музыканты группы «Аквариум», когда их прижал Большой дом, дружно «стучали» в КГБ на своих соратников по Рок-клубу. Мне столько раз рассказывали подобные истории...

А вот как комментируют эпизод с БГ музыканты «КИНО»:

Георгий Гурьянов:

«Какая чушь. Странное утверждение. Говорить Гребенщиков может что угодно, но группа "КИНО" не играла перед "братками". Это факт. Недавно вот думал об этом. Никогда нам не заказывали что-то сыграть. Этого никогда не было, подчеркиваю. Мы заказывали, чтобы играли нам».

Юрий Каспарян:

«История с братками, рассказанная БГ, напоминает испорченный телефон...»

Рашид Нугманов высказался по поводу слов Гребенщикова и игры «КИНО» перед «братками» более развернуто:

«Такого не было. Группа "КИНО" никогда не сдавалась в аренду бандитам ни под дулом пистолета, ни по собственной воле, ни тем более по приказу Айзеншписа. Айзеншпис был нанятым директором группы и не мог диктовать им подобные вещи. Весной 2010 года я звонил Гребенщикову по этому поводу, и он тогда извинился за свою ошибку, признал ее и намерен был исправить недоразумение, которое било не только по репутации группы "КИНО", но и по его собственной. Странно, что БГ вернулся к этой теме. Ни Виктор, ни ребята из "КИНО" никогда не были холуями, какими их – вольно или невольно – пытаются выставить. Герои остаются героями, какую бы возню ни заводили вокруг их имен. Мне лишь обидно за БГ, которого я искренне люблю и уважаю. Моя догадка о том, что он попал в журналистскую ловушку явно не по своей воле, оказалась неверна, и БГ продолжает настаивать на слухах по своей воле. При-

чины такого поведения БГ? Зависть? Ревность? Недосуг выяснять. Не вижу смысла. В первый раз у него прокатило за ошибку. Второй – это уже убеждение. Мне и самому доводилось изумляться потокам небылиц, текущим в мой адрес от тех, кого я считал если не друзьями, то хотя бы близкими людьми – при этом без всяких видимых оснований».

Алексей Рыбин:

«БГ ничего сверхудивительного не сказал. В шоу-бизнесе много происходит такого, о чем фанаты не догадываются. И надо помнить, что Борис – не просто лучший друг Витьки, а учитель, помощник, наставник, который вообще вывел в люди этот проект, образец для подражания во всех смыслах. Если бы не БГ, Витя вряд ли стал бы тем, кем стал. Борис его научил очень многому. И он Витьку искренне любил и любит до сих пор».

Галина Ординова:

«Больше, чем Гребенщиков, никто не повлиял на Цоя... Чтобы там ни говорили... Уж поверьте мне, я варилась внутри довольно долго... Но про его слова я промолчу, поскольку не знаю, почему он это говорит... В шкафах Цоя много скелетов, но не нужно их, конечно, вытаскивать...»

Всеволод Гаккель:

«К 1990 году я на какое-то время вышел за пределы рок-н-рольного сообщества и потерял из виду их обоих. Получилось так, что Цоя навсегда. Что происходит в отношениях двух людей? Даже они сами не всегда могут дать этому оценку... К сожалению, жизнь полна разочарования, и я тоже утратил многих друзей. Причем по прошествии времени становится очевидным, что в большинстве случаев причина крылась во мне самом».

Илья Смирнов:

«Нельзя сказать, что к простым наивным ребятам спустился старший товарищ Бодхидхарма Борисович и научил, как писать песни. Советы Гребенщикова далеко не всегда оказывались удачными. Например, он подтолкнул Цоя в сторону так называемой «неоромантики». Можно было и эту моду адаптировать к родным березкам, но тогда совсем по-другому надо было выстраивать режиссуру концерта и репертуар. А так жабо, кружева и прочие брабантские манжеты смотрелись в условиях квартирника как на корове седло...»

Многие сегодня говорят об охлаждении отношений между БГ и Цоем, которые, возможно, и привели к тому, что БГ стал внутренне желать Цою поражения, и поскольку победить не удалось, он пытается одержать верх *post factum*, компрометируя бывшего подопечного. Свидетели подтверждают – Цой и Гребенщиков бесповоротно разошлись, потому что Гребенщиков разочаровал Цоя.

Авдотья Смирнова:

«Я могу сказать, что через два года, когда мы делали арт-рок-парад в связи с премьерой фильма "Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви", уже было видно, как ситуация поменялась. Были разборки по поводу порядка выступления. Цой в тот момент уже не разговаривал с Гребенщikovым. Помню, что Витя поразил меня: пришел в роскошной волчьей шубе. Он выглядел, как негр рока...»¹

¹ Кстати, о печально известной «шубе», которую все так любят упоминать. Когда А. Малахов в передаче «Большая стирка» от 13 августа 2010 года завел разговор о шубе Цоя как проявлении «звездной болезни», Рашид Нугманов опроверг эти предположения, сказав, что эту шубу Виктор купил за копейки на барахолке в Алма-Ате. Довольно странно, что шуба воспринимается как атрибут звездности, учитывая, что есть фото, где Цой еще в 1982 году одет в шубу и меховую шапку, и никого

Рашид Нугманов:

«Поначалу я больше виделся с Гребенщиковым, нежели с Виктором, и даже организовал его с Сашей Титовым подпольный концерт во ВГИКе. С зимы 85-го повидал в его коммуналке на Софьи Перовской немало людей, но Виктора там практически не бывало. Я знал об их бывшей дружбе, но не застал ее. Боб действительно перестал играть в судьбе Виктора какую-либо актуальную роль, и Виктор к новым альбомам "Аквариума" относился критически. При этом, мне кажется, Виктор сожалел, что потерял в лице Боба героя. Мы с Виктором о Бобе говорили только мимоходом. Было множество других приоритетов в те годы. Когда же мы заводили речь о Гребенщикове, я не мог не заметить в голосе Виктора оттенки сожаления, а иногда даже печали, как в ночном разговоре на проспекте Ветеранов, когда он сказал сакраментальную фразу, что Боб стал бы героем, умри он сейчас. Когда в последний раз я видел обоих вместе (мы с Виктором приходили к Бобу, уже не помню зачем), меня даже немного удивила прохладность их отношений. Было такое ощущение, что им не о чем говорить».

Цой и БГ очень разные люди, и дорожки их все равно разошлись бы. Насколько можно судить по воспоминаниям БГ о Цое, Гребенщиков склонен к «пророческим идеям», мистике и эзотерике. Цой относился к таким вещам с насмешкой, что, вероятно, тоже сыграло свою роль. И сам БГ признавал, что в последние годы они были как «пилоты в соседних истребителях» и общались гораздо меньше. Но в воспоминаниях 1991 года он, по крайней мере, не сочинял небылиц.

Зависть или непонимание?

Врагов у Цоя никогда не было, но недоброжелателей хватало и хватает, как и у всех людей, которые выбились из общего ряда. При этом никто никогда не смел оскорбить Цоя лично. Свидетели утверждают, что он был наделен «природным авторитетом», то есть люди в его присутствии скорее робели, чем хамели. К тому же он всегда был безупречно вежлив и очень сдержан, а подобная подача снижает градус агрессии. Поэтому обидеть Цоя было сложно, но все же можно. И слухи о его конфликтах с некоторыми деятелями русского рока давно ходят в среде поклонников группы «КИНО». Например, о конфликте между Виктором и Юрием Шевчуком вспоминают многие известные питерские тусовщики.

Анатолий Соколов:

«На одной из тусовок между Цоем и Шевчуком произошел конфликт. Шевчук начал упрекать Цоя в мажорстве. И Цой, разумеется, в долгу не остался. Шевчуку не понравилось, что парни были одеты модно в импортное шмотье и кроссовки, кроме того, он был пьян, а они тогда занимались карате у профессионального тренера, вот и получил ногой в табло. Нахамил он всем троим (там был еще, кажется, Густав), но получил он от Юрика, хотя Юра очень медленный. Но получил он легонько... Да, ничего такого, пьяное жлобство. Эта история даже тогда ничего, кроме улыбки, не вызвала. Сейчас просто слухами обросло все это. Обычная история, все превращается в миф. Миф – это не ложь, это идеализация событий, их значимость. А что было на самом деле, так ерунда всякая».

Сергей Фирсов:

«Сегодня нужно развеять мифы о Цое. В этом нет ничего плохого. Это нужно, условно. Цой был открытой личностью, и в его жизни не было ничего, что стоило бы скрывать. А мифы только мешают. Цой никого не обманывал, не крал, и скрывать ему нечего.

В рассказ Соколкова о драке Каспаряна и Шевчука я не верю. Рикошет вот любил подраться, Шевчук тоже. Но не Цой. Рикошет подрался с Шевчуком на моих глазах, и Шевчук просто выкинул его из квартиры. Этим драка и закончилась. Шевчук – известный драчун... Думаю, столкнись он с Цоем, то навалил бы обоим: и Цою, и Каспаряну при случае...

Я бывал у Алонсо в то время, когда у нее жили Шевчук и Африка. У нее был день рождения или что-то в этом роде. И вот эти две тусовки там пересекались. Я захожу на лестницу, открывается дверь, и вылетают Рикошет и Шевчук. Но чтобы кто-то другой дрался, я не видел. Но Шевчук тогда дрался со всеми подряд. Он только приехал в Питер и ему нужно было завоевать город. У себя он был известнейший драчун. Он действительно мог один пойти на десять человек. Но чтобы Цой с кем-то дрался, я никогда такого не слышал. Шевчук-то настоящий драчун... А эти же понтовщики только были. Представить же, что Густав с кем-то дрался, – это же вообще невозможно. Ладно, вот Каспарян, наверное, может с кем-то подраться, но чтобы Густав или Цой – нет».

Юрий Каспарян:

«Да, это было. Но эта история была не на "Камчатке". Это было в салоне у Алины Алонсо на вечеринке, и Юлианыч тоже зашел. И он не к кроссовкам придрался, а мы сидели все в футболочках Джоанны "Спасем мир", и он начал выступать, типа, вы, что ли, мир спасете... Ну это пьяная история совсем... Обычная какая-то возня была».

Алина Тулякова (Алонсо), искусствовед:

«Как я познакомилась с "КИНО", я не помню, возможно, кто-то привел их ко мне. Песни Цоя я любила и люблю. С Шевчуком не помню точно, кто именно "полемизировал". Но это точно было. Помню еще, как на моем дне рождения Рикошет дрался, кажется, Африку бил... Да, Рикошет был точно, еще Джоанна тогда была. Рики – блистательный типаж, чтобы не портить мой праздник, пригласил всех драться на лестничной площадке. Поэтому все ушли из коридора за входную дверь. Там Африка люлей и получил. Каспарян с Джоанной в другой комнате были в это время...»

Георгий Гурьянов:

«Жаль, меня там не было. Этот агрессивный персонаж сам спровоцировал ребят на драку. Был такой салон Алины Алонсо, все это там и произошло. Были художники Олег Котельников и Андрей Крисанов, которые принимали участие в этом, защищая Виктора от наезда. Каспарян еще был. И Шевчуку повезло, что меня там рядом не оказалось. Цой презирал Шевчука, и не только после этого, а вообще... Терпеть он его не мог точно, хоть мы на эти темы с ним редко беседовали. Могли просто между собой похихикать, но фокусировать на этом внимание, время тратить – нет. Не самая интересная тема. А однажды нас с Каспаряном чуть не побила эта компания. Случайно оказались там... Все те же персонажи...»

Андрей Крисанов:

«Да, была эта история. Цой, конечно, в драке не участвовал, он просто сказал Шевчуку: "Жаль, что ты с первого раза не понял". Шевчук пьян был, махал руками. Его сбили с ног и пинали. Африка его стулом бил даже, подбегал так, пинал и отбегал...»

Жоэль Бастенер:

«Витя презирал Шевчука с самого начала. Их отношения потихоньку испортились. В целом Витя не выражал своего презрения, а скорее некое раздражение, и относился с сарказмом ко многим. Но в Цое не было высокомерности, даже когда он испытывал гнев. Он мне казался всегда очень конкретным и не теряющим время на осуждение».

Из интервью Юрия Шевчука Александру Гордону:

– Кто-то из ваших коллег рассказывал мне, что одно время вы собирались набить морду и Виктору Цою – а ему-то за что?

– С Витькой у меня тоже маленький конфликт приключился. Что, рассказать (*смеется*)?

– А то!

– Цой носил майку типа: «Я спасу мир». «Ты, что ли, спасешь?» – я спросил. Ну, слово за слово... На самом деле все это весело было, нормально.

Как видим – сегодня Шевчук пытается превратить все в шутку, но шуткой все это вряд ли было. Не так давно, во время одного из гастрольных туров, Шевчук принес официальные извинения Цою, адресовав их всем поклонникам «КИНО». Это говорит лишь о том, что никаких причин для конфликта не было, а разница в мировоззрении не должна приводить к конфронтации, что Юрий со временем понял. Они просто были слишком разными. Шевчук был социально ориентированный и политизированный автор, а Цой был ориентирован экзистенциально. В его восприятии мир был плох, потому что «между землей и небом война», а отдельные люди, режимы или эпохи лишь отражали этот изначальный дефект мироздания. В цоевском экзистенциализме крылась и грусть его последних вещей – нельзя быть счастливым в пространстве, где так много страданий. «И вроде жить не тужить» можно, когда все хорошо у тебя лично, но если ты как творческая личность ощущаешь миллионы других судеб, то печаль не уйдет никогда. Пожалуй, именно эта его внутренняя способность смотреть на жизнь с высоты иных миров воспринималась многими как пафос, поза или претенциозность. Но как бы то ни было, чаще всего причиной критики Цоя считают именно зависть.

Дмитрий Левковский:

«В Рок-клубе к "КИНО" и Цою лично относились довольно иронично до тех пор, пока они не начали свои коммерческие туры по стране... С тех пор в ЛРК на них смотрели как на отрезанный ломоть».

Федор Лавров:

«В нашей реально панковской среде Цою и Рыбе точно доставалось за то, что они провались в Рок-клуб и стали легальными. Свин дружил с ними, я их тогда не знал. Но я сто раз слышал от Свина, что "КИНО" (как и "Аквариум") – это продажная попса. Мы ревновали к славе и возможности выступать. У нас самих не было шанса попасть в Рок-клуб. Но, когда двери открылись для всех, нам уже это было неинтересно. И "Народное ополчение" вступило туда уже без меня».

Авторы многих антицоевских статей не являются рок-музыкантами, то есть не находятся в одном конкурентном поле с Цоем. Считать их завистниками нелепо. Просто люди разные, и нравятся им разные вещи. То же можно сказать и о других рок-музыкантах – Кинчеве, Тропилло или Борзыкине. Не нравилось им то, что делает «КИНО». Или, к примеру, Курёхин. Он не «пережил» успеха «КИНО», но дело тут едва ли в зависти. Курёхин был очень талантливым композитором, представителем большого искусства и творчество Цоя воспринимал как ерунду.

Юрий Горошевский:

«"КИНО" очень мало участвовало в сборных концертах. Старались выступать solo... Борис Гребенщиков, придя на первые solo концерты "КИНО" в Ленинграде в аншлаговый СКК по 15 тысяч человек три дня подряд, – был ошеломлен. Я думаю, что он в тот момент понял, что у него такого не будет никогда. Вот такой вот массовости, ажиотажа и такого фанатизма со стороны зрителей, при том что все относились к нему с уважением. В его глазах было вот это вот ошеломление, непонимание – а что дальше, а как дальше будет? Как дальше изменится мир, что будет происходить с ним, как себя вести и реагировать... Он пытался вести себя метром, быть боссом, тогда в гримерке и ему никто не мешал. Но ошеломление в его глазах (я бы назвал это творческим страхом), безусловно было и читалось в его глазах довольно легко.

Феномен поклонения группе, магнетизм, ажиотаж и фанатизм, которые были во время выступлений "КИНО" непременно должен был вызывать зависть. Витя никогда не был со всеми дружен, не был душой компании, никогда не был парнем нараспашку, и к нему всегда люди относились странно. Его никогда не считали другом. И я уверен, что зависть была. Просто никто никогда этого не говорил. Но поскольку я со многими был знаком и со многими тогда общался, то, безусловно, некоторые люди высказывались, в том числе рок-музыканты, о незаслуженности такого успеха группы "КИНО". По-моему, пожалуй единственным человеком, кто никогда им не завидовал, был Сережа Курёхин. Он всегда очень тепло отзывался об успехах группы и самом Вите».

Алексей Рыбин:

«Курёхин не завидовал. Точно. Цой уже тогда играл попсу, которую Курёхин никогда в жизни не слушал. Чему он мог завидовать? Поп-артисту в блесках?»

Члены группы «КИНО» были для Курёхина мальчишками, которых он приобщал к прекрасному, приглашая выступить в «Поп-Механике».

Сергей Курёхин, лидер группы «Популярная механика»:

«"КИНО" я вообще не помню. Помню только, как Цой появился. Ходил такой скромный, заискивающий юноша. Хороший. Боб называл себя его продюсером. Попросил меня записать для него что-то. Но если "Аквариум" был для меня детской игрушкой, то "КИНО" уж совсем что-то детское. Как если бы моя дочка маленькая организовала свою группку. Да и разница в возрасте была. Они для меня как дети, да и песни детские».

Когда у «КИНО» началась собственная концертная деятельность, «киношники» стали отказываться от выступлений с Курёхиным из-за несовпадения графиков, что, видимо, его серьезно задевало.

Жоэль Бастенер:

«Курёхин? Зависть? Нет, не он. Ему это не шло. Просто он воспринимал их всех как детишек, и, действительно, они мало знали по сравнению с ним. Поэтому он сердился очень, когда видел, что Витя поднялся так резко и настолько выше его самого.

Так было и с Гребенщиковым, только Сергей не клеветал на Цоя в отличие от Боба, он просто отошел. Вообще-то все ревновали, особенно Майк, но добрые люди молчат, а злые – шипят как змеи».

Из интервью Георгия Гурьянова:

«Курёхин не мог считать нас мальчишками-дилетантами, поскольку привлекал в свою "Поп-Механику" только профессионалов. Конечно, он был злым и завистливым. Это черты

характера... Однажды Виктор не появился на "Поп-Механике", просто поругался перед этим с Курёхиным, потому что на одной из репетиций тот наорал на Виктора. Цой ушел, за ним ушел я. Потом, когда мы писали что-то на "Ленфильме" с Тихомировым и Каспаряном, он назвал нас бездарями. Я ответил: "У тебя музыка бездарная и кривая, ее невозможно записать лучше!" Эта реплика сделала дальнейшие контакты невозможными, о чем я впоследствии никогда не жалел».

Олег Котельников:

«Меня ошибочно называют художником "КИНО", хотя истинным художником группы являлся Тимур Петрович Новиков. А я, сделав задник "КИНО" в Париже, стал оформлять концерты группы "Игры". Все равно ведь одна банда, все в "Поп-Механике" пересекаются, ездят вместе, либо друг за другом по одним и тем же местам. В Швецию на "Поп-Механику" Цой не поехал, остался с Наташей. А Тиша, Гурьянов и Каспарян полетели. Потом Витька дал им всем втык, дескать, вы решите для себя, в какой играете группе: "Поп-Механика" или "КИНО"? И после этого бойцы перестали с Курёхиным ездить».

Многие помнят, какие испепеляющие взгляды Курёхин бросал на Виктора, когда они случайно пересекались в каком-нибудь провинциальном городе, совпадая в гастрольных графиках. Цой же, будучи сдержанным от природы, всегда был безупречно вежлив, держался спокойно и на конфликт не шел.

Жоэль Бастенер:

«Мне больше всего нравилось в Цое полнейшее бесстрашие. Он мог быть ребячливым, упрямым, мрачным, мог быть бунтарем или лентяем, но он никогда не фальшивил и не терпел никакого давления. А еще он умел слушать и никогда не запирался в башне из слоновой кости. Он прекрасно разбирался в людях, которые его окружали и понимал их взаимоотношения».

Игорь Журавлев:

«Завистливые музыканты, я думаю, завидовали Цою. Все зависит от характера музыканта. Есть разные музыканты».

Юрий Каспарян:

«Мне сложно судить об этом. Я же не Курёхин. Чужая душа – потемки. А что касается отношения к нам в Рок-клубе, то мне сложно судить об этом. Я мало с кем общался...»

Дмитрий Левковский:

«Я им не завидовал и до коммерческого успеха. Сомневаюсь, что кто-то мог им завидовать... Хотя всякое бывает. Не забывайте: все были равны, и как будет – никто не знал. Мне глубоко обидно, что целый пласт музыки, игравшейся в ЛРК новой волны, был похоронен под тоннами рока типа "ДДТ" или истерическими криками Кинчева. "КИНО" в этом контексте была одна из модных групп, которым повезло. Реально в то время было четыре группы (вернее, три, после смерти Саши Давыдова), которым завидовали из-за продвижения – "Аквариум", "КИНО", "Странные игры" и "Алиса". Завидовали именно продвижению, а не музыке. Все группы были уверены, что их музыка лучшая. Курёхин вот, я думаю, завидовал. Причем именно коммерческому успеху "КИНО". Он же сам был скорее режиссер и дирижер, чем композитор и организатор. Музыке, что они производили, он точно не завидовал... Такое в кошмаре не придумать – Курёхин, прущийся от "КИНО". Он в "КИНО" любил только Густава за модность и авангардизм. Остальных считал лохами-любителями (да как и остальные 99 процентов Рок-клубовских музыкантов)».

Люди моделируют мир по образу и подобию своему. И всегда приписывают окружающим те мотивы, которые им понятны. Завистливые люди склонны в других видеть зависть, меркантильные во всем видят финансовый интерес, взбалмошные – каприз и так далее. Интерпретация других говорит об интерпретаторе гораздо больше, чем об интерпретируемом. Ясно одно: Цою было дано сказать и спеть так, как никто другой не мог. На глазах друзей и коллег из обыкновенного питерского раздолбая выросла звезда национального масштаба. И Майк, обвиняя Цоя в опосении, конъюнктуре и предании идеалов рока, был уверен, что «Цой зажрался и не общается со старыми друзьями». А если Цой просто вырос из всего этого? Если ему уже не интересно было пить на кухнях и в кочегарках? Если он ушел далеко вперед, а остальные остались там, где были?

Дмитрий Левковский:

«С самого начала деятельности "КИНО" поражала (и сначала даже смешила) их открытая нацеленность на успех, особенно у Витьки. Да не просто на успех, а на всеоюзную, как минимум, популярность. Желательно, с элементами культа. Самое интересное, что эта нацеленность принесла желаемые плоды: "КИНО" стала самой популярной рок-поп-группой советских времен. Было бы это в Америке, можно было бы сказать, что Цой – это реализация американской мечты».

Михаил Борзыкин, человек неглупый, в одном из интервью очень точно определил, в чем крылись противоречия отношений Цоя и тусовки.

Единственное, что есть общего между представителями «так называемого русского рока» – это цель их существования: выражать себя в музыке и противостоять стереотипам. Однако на этом сходство их заканчивается, потому что «стереотипы масс-культуры» каждый понимал по-своему. Борзыкин считал, что надо избегать заезженных мотивов, писать серьезные тексты и не стремиться быть понятыми большинством. Кинчев же обвинял Цоя и Гурьянова в стремлении угнаться за модой. Его самого эстетика никогда особенно не интересовала, и он не понимал, как вообще можно интересоваться такими вещами. К тому же Кинчев противопоставлял себя советской власти, но именно потому, что был плоть от плоти советской идеологии с ее высокой идеей борьбы. Равно, как и Борзыкин.

А группа «КИНО» никогда не скрывала, что играет поп-музыку, интересуется актуальным звуком и имиджем, в чем не было ни легковесности, ни сиюминутности. Ее революционность заключалась в том, что она противостояла нашему печальному недостатку, умноженному советской цензурой: задирать голову вверх, думать о звездах, забывая при этом смотреть себе под ноги. Когда было модно играть в борьбу с системой, Цой сомневался в целесообразности этих игр и был одним из немногих, кто существовал вне контекста «совка». Вспомним советскую эстраду тех лет: исполнитель даже на сцене лишнего движения сделать не мог. И тексты были с высокой «идейностью». Чем ответил рок, возвращенный под колпаком КГБ? Он тоже устремился к высокоидейности – достаточно вспомнить, как отнеслись к Цою и Рыбе на первом прослушивании в Рок-клубе... Суть противостояния Цоя шаблону псевдодуховности зафиксирована в анекдоте:

Однажды Цою позвонил Ким Чен Ир и сказал:

– Виктор, ты, как представитель корейского народа, должен написать высокодуховную песню про Корею...

– Да пошел ты в ж... – ответил Цой и написал «Восьмикласснику».

В Цое переплелось все: и возвышенное, и обыденное, и философия, и быт, и внешняя красота, и внутренняя. Для него сиюминутное и вечное были равноценны. В нем не было ни агрессии, ни стремления к конфликту, что «борцы» воспринимали как «конформизм», «нежелание задуматься», «трусость»...

Ему ставили на вид, что «Восьмиклассница» не несет никакого смысла и не является вкладом в культуру. Зачем писать простые тексты на заезженные мелодии? Им нет места, по мнению тех, кто считают, что есть лишь черное и белое, «попса» или «рок». И разницу между попсой и поп-музыкой они не увидят никогда.

Алексей Рыбин:

«Я не знаю, кто ему завидовал. Я с таким и не сталкивался».

Дмитрий Левковский:

«В какой-то момент "КИНО" стало популярнее всех группировок, уйдя в гастроль и большие деньги. Обсуждать стало нечего. Кто-то завидовал, конечно... Те, для кого мотивацией было самоутверждение (как Кинчев), пока сами на бабло не встали. Кому-то было безразлично. Мы даже радовались, что вот, почти панк, – и такой взлет. Я радовался за «киношников». Единственное, что меня (и всех) напрягало, – это то, что они в Москву свалили. Никто с ними больше не дружил и не пытался стать ближе, кроме глорихантеров. Да и зачем? Это не было нужно никому. "Медные трубы" – испытание тяжелое, так что мы оставили "КИНО" в покое, в одиночестве наслаждаться своей крутизной. Другие у них друзья появились. Им поперло отовсюду».

Илья Смирнов:

«Вообще-то, наверное, никакую группу так не заносило в разные стороны, как "КИНО". Ведь у них в послужном списке и увлечение панком, "Мама-анархия", "Все мы как звери". И свое Евровидение...»

Игорь Гудков:

«"КИНО" не успели пройти эти "медные трубы", они только начались. До этого они были просто группой Рок-клуба, а потом вдруг стали суперзвезды. Это длилось не очень долгое время, и жизнь суперзвезд у них прервалась резко и трагично».

Но все же Цою завидовали, и иногда это было видно невооруженным глазом. Примечателен концерт в Лужниках, который прошел 24 июня 1990 года. По рассказам «киношников», он был самый классный, но в то же время и самый «стремный» – толпа, менты, злобная тусовка за кулисами. Другие участники того сборного концерта не могли поверить своим глазам, видя ошеломительный успех группы «КИНО». И «киношники» хорошо запомнили выражения их лиц, равно как и слова людей, которые находились в тот день за кулисами. Но даже тогда Цой никак не отреагировал на очевидную всем славу.

Евгений Додолев:

«Очень показательным стал знаменитый концерт в Лужниках, который закрывал Цой со своим "КИНО". Интересно было наблюдать за стоявшими за кулисами: Игорь Тальков с его тяжелым взором и остальные кумиры той эпохи. Они мучительно пытались понять – что это, почему и как? Ревущая толпа фанатов озадачивала не на шутку тогда, но самое интересное, что и сейчас задающиеся этими же вопросами не могут ответить на них внятно и достойно».

Джоанна Стингрей:

«Я не уверена, что другие завидовали музыкантам "КИНО", потому что Виктор и "КИНО" были дружны с "Аквариумом", "Странными играми", "Алисой" и другими группами. Виктор и "КИНО" вызывали восхищение и уважение. Они были все разные, с ними происходило то же самое, так что никто на самом деле тогда не думал о конкуренции. Хотя, в последние годы после выхода фильма "АССА" и песни "Перемен", может быть, другие музыканты и завидовали возможности собирать огромные стадионы, переполненные людьми, и делать хорошие деньги. "КИНО" была единственная в своем роде группа, и Виктор был единственным и другого такого уже никогда не будет...»

Виктор Троегубов:

«Самым демократичным и естественным за все годы моей деятельности в рок-н-ролле мне показался Виктор Цой. Уже на первом совместном выступлении он без тени ложного пафоса подошел к собратям по рок-андеграунду, и мы нормально пообщались...»

Игорь Воеводин, журналист:

«Безгранично талантливый, он подсознательно наделял окружающих такими же качествами, ему хотелось, чтобы все могли то, что может он, и он удивлялся тому, что они не могут. Бесспорный лидер, он старался не раздражать окружающих своим талантом, не обижать их им. Это такая же редкость, как и сам талант, быть может большая. Душевная щедрость – в наше время это звучит дико, правда? Каждому Моцарту – по Сальери. Неважно, что у Цоя не было своего конкретного, личного, светлый его образ он носил в душе. Имя ему – неуверенность. Как каждый рядовой гений, Цой не был уверен, что творения его действительно настолько хороши. Наверняка он думал: "Ну что они все сходят с ума? Это же так просто, Господи, сел и написал, и пошел гулять или вино пить. Даже когда не пишется, и душа сочится чем-то вязким, и кажется, что тебя душат... Все равно – сел и написал. Или пошел гулять, или вина выпил – все равно потом сел и написал. А если забыл рифму – придет другая..." По каким тарифам оценивать гению свою работу? Если гениальность – норма... И что делать нормировщику Сальери, если строчки, за любую из которых он заложил бы душу, отдал и коня, и кинжал, этот темноликий Моцарт роняет, не замечая? И не подбирает, не нагибается, уронив... Гений существует вне зависимости от того, признает его толпа таковым или нет. Он просто больше страдает, если не признает. Это от Бога, гениальность. Это как Бог – Он ведь тоже существует вне зависимости от людских представлений о Нем. Не надо говорить, что я грешу, снижая Бога до уровня человека. Я возвращаю человеку потерянное, забытое, заложенное, пропитое, проданное, растоптанное, распятое, разменное, вываленное в грязи и оплеванное его первоначальное значение и достоинство. Если уж человек – по образу и подобию... С гением жить нельзя. С ним можно только сосуществовать – он все равно живет внутри своей гениальности, как в скорлупе, и лишь иногда дарит окружающих своим вниманием. Цой был одинок? Это тоже норма жизни, он все равно не мог сойтись с людьми больше, чем сходил, при всем желании он не мог им подарить этот тревожный мир, где и рождались стихи, – туда вход по именным билетам... Это мир звуков, разрозненных строчек, вроде бы не связанных между собой понятий и явлений, иногда – ослепительных молний, чаще – промозглого, тусклого дождя, сквозь который вырисовываются лица и фигуры, и кажется, что все кругом плачут, лица мокры, но ведь это просто дождь... Цой умер. Спал он за рулем или не спал, я не знаю и не хочу знать, слишком уж мы все патологоанатомы, нам всем интересно, а что там, да как, да сколько раз. Он умер – и стал свободен окончательно. Издаются какие-то книжечки на потребу толпе. Юркие прихлебатели – газетчики, знакомые, незнакомые – все спешат урвать кусок и примазаться, притереться потным своим животом, и девочки, разинув рты, смотрят на них, а они, пощипывая девочек, цедят: "Помню, мы с Цоем..." Рок-н-ролл мертв. Уцелевшие пропойные экс-божества, потряхивая поредевшими гривами, что-то гундосят со сцены, горстка

поклонников визжит, и кажется божествам, что их по-прежнему любят и знают все. А поезд между тем ушел, и в кармане – пыль и табачные крошки, и душа работает на портвейне, как на самом дешевом, поганом бензине, и стучат клапана, и трубы покрылись странным нездоровым налетом... Цой думал, что он – рок-певец. Они, еще уцелевшие, его постаревшие однополчане знают, что это не так. Не совсем так. Он был просто Поэт, со смятой душой, сторонящийся окружающих, подсознательно ожидающий от них чего-нибудь еще. Он мог бы в жизни не брать в руки гитару – голоса у него просто не было. Все равно строчки истекали из него и оставались жить. Знаете, идет босой человек по дороге, ноги изранены, и кровь сочится в пыль, и скатывается в шарики. И по этим следам человека всегда найдут пущенные вослед собаки».

* * *

Трагическая гибель Виктора Цоя 15 августа 1990 года поставила многоточие в судьбах музыкантов группы «КИНО». Члены самой (не побоюсь этого слова) известной и горячо любимой тысячами фанов группы Ленинградского Рок-клуба вроде бы оказались не у дел. Еще вчера все было замечательно – концерты, слава, гонорары, толпы поклонниц, общее дело – и вдруг они оказались предоставленными сами себе...

Поскольку музыканты резко вышли из медийного поля, у многих далеких от группы наблюдателей создалось впечатление, что члены коллектива ничего особенного из себя не представляли и вне фигуры Цоя оказались никому не интересны. Сегодня уже ясно, что это впечатление было обманчивым. Надо сказать, что при жизни Виктора делались попытки отделить его от группы, что очень его напрягало.

Известно, что когда появлялись афиши с фотографией Цоя перед микрофоном и надписью «Виктор Цой» с добавлением мелким шрифтом внизу: «Кино», он реагировал на это крайне негативно.

Юрий Белишкин:

«Вообще ему страшно не нравилось, когда его имя выделяли, отделяли от группы. Солист, лидер, руководитель – его это раздражало. Перед концертами в "Юбилейном" на всех городских сводных афишах-«декадах» напечатали: "В. Цой и 'КИНО'". Я тогда поехал по кассам и попросил кассиров зарисовать его имя».

Сам **Виктор Цой** говорил по этому поводу:

«Почему Цой и группа "КИНО"? Непонятно. Мне эта тенденция очень не нравится, и я бы хотел, чтобы этого не было. Мы делаем все вместе, и проводить разделение не надо».

Цой долго искал себе компанию, которая бы его понимала. Группа, созданная им, была его миром, и он дорожил ею. Ее члены создали особую атмосферу, которая помогла ему сформироваться и стать тем, кем он стал. Поэтому сегодня они имеют такое же право стоять рядом с Цоем, как и члены его семьи. Но это не значит, что группа никогда бы не распалась или что Цой не мог быть один. Просто вместе они оказались именно потому, что их объединяло общее отношение к жизни и профессиональное взаимопонимание.

Алексей Вишня:

«Конечно, они были единой монолитной командой, в которой никто не выделялся. Они очень ревностно относились к тому, что писали "Виктор Цой и группа «КИНО»", а не просто "Группа «КИНО»". Потому что каждый из них, по их собственному мнению, представлял самостоятельную ценность. Конечно, смерть Цоя скорректировала эти мнения».

Всеволод Гаккель:

«Любая группа, которая в какой-то момент наконец определилась с составом, очень хорошо осознает, чего она добилась за счет смены состава. Но любая смена состава сопряжена и с потерями. Мне был ближе состав, в котором играл Саша Титов, с которым мы по-прежнему дружим и часто видимся, но никогда не говорим на тему группы "КИНО". Я очень хорошо знаю Лешу Рыбина, и мне была очень близка музыка, которую они тогда играли.

Многое могло их развести потому, что каждый член коллектива был самоценен, да и темпераменты у них были разные».

Рашид Нугманов:

«Это вопрос очень субъективного характера, однозначно ответить на него невозможно. Приведу дословную цитату из мало известного широкой публике интервью, которое Виктор, Петя Мамонов и я давали алма-атинскому телевидению во время съемок "Иглы" в конце 1987 года. Виктор сказал буквально следующее, слово в слово, без правки: "У нас очень ленивая группа, и если бы больше репетировали, я думаю, что музыка, которую мы играем вместе, была бы несколько интересней. Когда я играю один, то как бы я вполне могу уже... (Мамонов: 'Распоряжаться...') отвечать... да и распоряжаться – за то, что делаю, а когда вместе, то уже как-то так... Я иду несколько на поводу у всеобщей лени, ну и плюс к тому отсутствие какой-либо базы профессиональной, отсутствие элементарного места для репетиций – в общем, все это, конечно, играет тоже свою роль"...»

Это, конечно, не прямой ответ на вопрос, но слова первоисточника, когда сегодня все, кому не лень, пытаются говорить за него, заслуживают внимания».

Как было сказано в фильме «Цой – "КИНО"» – группа была подобна Солнечной системе с абсолютно разными планетами, хотя вращалось все вокруг именно Виктора Цоя. Хотя у каждого музыканта при этом был свой собственный мир.

В музыке группы, в ее звучании – вклад Георгия, Юрия и Игоря ничуть не меньший, чем вклад лидера группы. Единомыслие, талант и верность друг другу – вот что вознесло группу «КИНО» на музыкальный Олимп.

Рашид Нугманов:

«Я глубоко убежден, что Цой и "КИНО" – совершенно нераздельные понятия. Даже когда Виктор называет группу "ленивой". Всем, наверное, известно, что Виктору не нравилось, когда в последние годы на афишах стали писать: "Виктор Цой и 'КИНО'". Кто-то возьмется утверждать, что это было жеманство на публике, что в душе ему льстило такое разделение. Не берусь судить, что у Виктора было на душе. Знаю одно: "КИНО" – это Виктор. Это его детище. Он придумал слово, он сочинял слова и музыку, он решал, кого пригласить в группу и кого из нее вывести. Может "КИНО" существовать без Виктора? Нет. Каспарян, Гурьянов, Тихомиров – могут. Группа "КИНО" – не может. Могла бы группа "КИНО" существовать с Виктором и другими музыкантами? Да, простят меня ребята, могла бы. Пусть с иными аранжировками, иным звучанием (не стану гадать, насколько иным), но с теми же песнями, с тем же голосом, теми же мелодиями. С той же ритм-гитарой Виктора, которую Каспарян называл "лучшей в отечественном роке", и многими партиями, которые Виктор показывал музыкантам. Можно ли на этом основании пренебречь вкладом музыкантов? Нельзя! Он был огромен. Гитара Каспаряна – одна из самых любимых во всем роке вообще. Тихомиров играл на басу, как бог. Ударные Гурьянова – пусть не самые виртуозные и пусть замененные в студии на драм-машину – уверенно держали характерное "киношное" звучание на сцене, не говоря уже о его ярком внешнем стиле, оставившем неповторимую печать на имидже группы. Но... Группа "КИНО" могла бы существовать (и существовала, если мы говорим о раннем этапе) в другом составе.

Только Виктор являлся ее необходимым элементом. Конечно, тут можно сослаться на условное наклонение. Чего, мол, гадать, что случилось бы с "КИНО"? Конечно, время могло бы внести свои коррективы. Хочется верить, что Каспарян, поборов свою природную и очень притягательную застенчивость, стал бы сочинять мелодии вместе с Виктором, и мы бы увидели новые песни и альбомы, созданные двумя равноправными авторами. Или настоял на своем соавторстве при жизни Виктора. Увы, не довелось».

Евгений Козлов, художник:

«Группа "КИНО" была, остается и будет одной из выдающихся групп в истории русской популярной музыки. Отдельные композиции и тексты, на мой взгляд, являются гениальными. И каждый участник в группе нес свою великолепную роль...»

Георгий Гурьянов:

«"КИНО" – это ритм. Хотя, конечно, можно по-разному перевернуть все это. Но я полностью согласен с этим утверждением, и оно меня обезоруживает. Это удар ниже пояса, или как там это называется... В правильную точку. Хотя "КИНО" – это не только ритм, это жизнь, это fashion, white style и еще много чего... А откуда чувство ритма, если играть с таким барабанщиком, как Петр Трощенко? *(улыбается)*. Эта трясогузка...»

Гурьянов также вспоминал, что при всей дружбе они тем не менее жутко устали друг от друга. Это неоспоримый факт. Устали потому, что яркие индивидуальности нуждаются в пространстве для жизни, а коллектив его всегда ограничивает. Но они все равно бы остались очень близки. Это тоже факт. Так что отделять Цоя от «КИНО» правильно, но понимать роль коллектива тем не менее необходимо. Многие считают, что к 1990 году группа «КИНО» находилась на грани распада. Что назревали личные конфликты. Но музыканты «КИНО» опровергают это.

Георгий Гурьянов:

«Никаких терок и трений у нас не было. Тихомиров, например, был супер-бас-гитарист, и он, в отличие от Титова, например, даже перестал заниматься какими-то своими личными и побочными проектами. Целиком и полностью посвятил себя группе "КИНО". Все эти разговоры о распаде группы идут извне. Завистники, ненавистники и так далее...»

Игорь Тихомиров:

«Мы, конечно же, были разные, но этим и были друг другу интересны. Спорили отчаянно, бывало доходило до ссоры, но главное – умели вовремя остановиться, чтобы дело не страдало. Виктор был бесспорным лидером, идеологом, если угодно. Но никогда не подчеркивал своего первенства».

Юрий Горошевский:

«Ребята были едины, очень понимали друг друга и очень спокойно, с пониманием друг к другу относились. Последний год существования группы было же неким сосуществованием Москвы и Ленинграда, и некие трения возникали, конечно. Чаше всего они возникали из-за Георгия Гурьянова, который был великим, без иронии, великим модником и великим прогрессивным человеком и очень высококультурным человеком, живущим где-то высоко в космосе. Его требования часто были несколько завышены, желания часто были невыполнимы. Он очень строго относился к внешнему виду участников группы, к внутреннему наполнению каждого, и иногда это могло приводить к каким-то спорам. Сказать, что это были конфликты, сказать, что это было нечто недоброжелательное или нежелание общаться друг с другом нельзя. При мне такого не было никогда. Ребята имели ценное качество – в нужный момент они всегда

вовремя могли разойтись по разным комнатам и сделать перерыв в общении. И им всегда это помогало».

Сам **Цой** в одном из своих интервью говорил:

«Найти людей, которые были бы единомышленниками, друзьями и хотя бы немного музыкантами, очень трудно. Музыкантов много, но у каждого свои идеи, а для меня, конечно, важнее, чтобы люди были моими друзьями. Наша группа – это наша группа, мы друзья и просто делаем музыку, которая нам всем нравится. И вот мы работаем так, чтобы всем было хорошо. Мы все абсолютно независимы за пределами "КИНО"...»

Юрий Каспарян:

«Вообще, "КИНО" – это четыре человека, неотделимые друг от друга. Но у маркетологов свой взгляд, и их не отучишь. И в то время было такое видение. У "КИНО" были, конечно, проходные люди, но мало...»

Евгений Додолев:

«"Команда" – это важный термин. Цоя, помню, невротизировал тот факт, что, будучи ярким фронтменом группы, он – в глазах аудитории – целиком и полностью персонализировал "КИНО". А вклад того же Густава в формирование имиджа был неведом широкой публике».

Какой была группа «КИНО», никто кроме самих «киношников», не расскажет. Это был закрытый мир, хотя все они были общительными людьми. И совершенно неверно, когда «КИНО» называют «братством молчаливых одиночек».

Из интервью **Виктора Цоя:**

«Это братство одиночек, но не сплоченных отсутствием выхода. Реальный выход существует».

Дмитрий Левковский:

«Я одно время близко дружил с Игорем Тихомировым, бас-гитаристом "КИНО". Он не был "молчаливым одиночкой", наоборот – чрезвычайно приземленный и реальный человек».

«Закрытость» группы заключалась в том, что атмосфера внутри коллектива была особой. Между ними и остальным миром прослеживалась дистанция. «Киношников» объединяло редкое «взаимочувствование». И даже если бы они разошлись, эмоциональная связь осталась бы. Как у близнецов.

Можно уверенно поддержать Андрея Бурлаку, сказавшего однажды, что, как группа, «КИНО» было идеальным коллективом, там все друг друга хорошо понимали. Наверняка можно было найти лучшего барабанщика, чем Гурьянов, он продержался в «КИНО» до конца. После каждого года, после каждого концерта он объявлял, что уходит. Но снова и снова оставался. То есть они все прекрасно подходили друг другу. Это была образцовая группа, что стало во многом причиной их успеха и популярности.

Георгий Гурьянов:

«Играть в группе, "играть вместе" – это счастье, это ощущение гораздо ярче, больше самого сладкого удовольствия. Меня просто бесят слухи о том, что группа была на волосок от распада; кому могло такое прийти в голову. Пока я с ребятами, я летал на небесах. Все остальное неважно. Пока мы были вместе, все было весело и круто...»

Рашид Нугманов:

«Согласен с тем, что участники группы создали атмосферу, в которой Виктор состоялся. Но не забывайте при этом, что именно Виктор создал группу, а не случайно попал в нее. Он выбирал людей. Он выбирал среду, которой жил и дышал. И был крайне разборчив в этом. Разумеется, и люди, которые были с ним, – не товар для свободной продажи в магазине. Они также выбрали его. Любили его, отдавали группе душу и сердце. И каждый из них – яркая личность. А все вместе – одно целое. И все равно... "КИНО" – это Виктор. Вот такое мое субъективное мнение. Виктор хотел создать уникальную группу, состоявшую из личностей, и это ему удалось. Мечтал, чтобы в следующем фильме снялись все четверо. Была бы группа другой в другом составе? Да. Была бы она менее интересной? Нет. По крайней мере, для меня. Я бы очень хотел опять увидеть Каспаряна, Гурьянова и Тихомирова на одной сцене. В студии это удалось. Но что характерно – на сцену как группа "КИНО" они выходить без Виктора отказались. Думаю, в этом тоже заключается часть ответа на вопрос про атмосферу».

Сегодня о «КИНО» рассказывает кто угодно, только не само «КИНО». Многие задаются вопросом: почему, когда снимается та или иная передача о Цое, никогда не приглашается никто из участников «КИНО»? Ответ прост – они не готовы обсуждать Виктора с чужими людьми и не хотят светиться в эфире.

Поэтому в кадре оказываются те, кто рад поговорить на камеру. Особенно часто на тему «КИНО» рассуждают коллеги группы по музыкальному цеху, правда, говорят порой взаимоисключающие вещи, как, например, БГ, который то подтверждает, что «открыл» Цоя, то отрицает.

Борис Гребенщиков:

«Это неправда, что я открыл Витьку широкой публике. Его не надо было открывать – он существовал сам по себе. К тому времени, когда мы с ним встретились в электричке, в 1982 году, он уже существовал как музыкант и был состоявшимся... Он абсолютный гений простоты, ясности и искренности. Так, как он, в России еще никто не писал и не пишет».

Именно потому, что вокруг Цоя много случайных людей, а музыканты «КИНО» отказываются давать интервью, разного рода мемуаристы сочиняют истории, не имеющие под собой никаких реальных событий, режиссеры снимают по этим историям фильмы, а портрет искажается до неузнаваемости.

Андрей Дамер:

«Фильмы о Цое получаются либо героическими, либо панковскими. Первые снимать легче, просто воспроизводишь стереотип о таком Мальчише-Кибальчише советского рока. Вторые снимать еще легче: приезжаешь в Питер, где старая питерская тусня охотно расскажет про портвейн и кочегарку. Два-три мазка – и картина готова. Шаг влево или вправо чреват тем, что в худшем случае картину не пропустят, в лучшем – заставят переделать. Технология создания образа "последнего героя, смерть которого до сих пор не оставляет равнодушным", настолько искусственная, что не знаешь, плакать или смеяться. Это, конечно, идиотизм. Вот так в друзья Цоя попадают Боярский и все остальные. Ну а как же "КИНО"? "КИНО" на съемки, конечно же, приглашают, но никто из "киношников" не идет – чтобы не оказываться в одном ведре с теми, кто сегодня так яростно разглагольствует о Цое и его значении в русской рок-музыке».

Георгий Гурьянов

Когда речь идет о социально значимой фигуре, интерес в ней представляет все, а не только творчество. И главный вопрос – это, конечно, степень близости с теми или иными людьми. У любого человека есть родители, спутники/спутницы, друзья и коллеги, поэтому вопрос, кто влиял, кто вдохновлял, а кто поддерживал, имеет определенный смысл, особенно в нашей культуре, где люди оценивают друг друга по принципу «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

И с одной стороны, все это вроде бы и неважно, кто с кем жил, выпивал или отдыхал, но с другой – имеет огромное значение, потому что любой человек создает свой уникальный контекст, подбирая методом проб и ошибок себе окружение, создавая таким образом мозаику собственной жизни, и если начать произвольно заменять один фрагмент другим, то произведение перестанет быть авторским и подлинный контекст утратится. Имеем ли мы право знать, как все было на самом деле? В нашей культуре это вопрос этически спорный. Да и не только в нашей. Каким был Моцарт, и имел ли право Милош Форман возвращать великого композитора в его контекст, то есть показывать его таким, каким он, судя по всему, был? Многие уверены, что не имел, потому что человеческий уровень далеко не всегда соответствует мере таланта. Но бывает и наоборот, когда яркую индивидуальность пытаются низвести до средне-статистического уровня.

С течением лет любая частная переписка, воспоминания живых свидетелей и прочие фото/видео/письменные документы, иллюстрирующие биографию известной персоны, становятся достоянием узкой среды специалистов, а в памяти укореняется миф. Поэтому так важно вовремя собрать и проанализировать все, что помнят и считают нужным озвучить современники. Даже если они не вполне объективны, их слова все равно информация, которая в сочетании с другими свидетельствами может помочь восстановить подлинный контекст жизни великого человека.

И важной представляется степень близости лидера «КИНО» и других членов группы. Многие считают, что именно «киношники» были для Цоя самыми близкими друзьями, но есть и те, кто думает, что значимо количество «воспоминаний». И желание постоять рядом с социально значимой персоной является простительной человеческой слабостью. Многим свойственно переоценивать свою роль в жизни других людей.

Так выделял Цой кого-то из «КИНО», или все ребята были для него одним целым? Каспарян явно был очень близок к Цою, они много времени проводили вместе, но Виктор очень высоко ценил и Георгия Гурьянова, что неудивительно, – как показала последующая жизнь, Георгий Гурьянов является редко встречающейся в наши дни монолитной фигурой, человеком, который не смешивается ни с чем, что не соответствует его уровню, и не соприкасается ни с кем, кто не вписывается в его эстетические стандарты. Георгий – человек, который пришел в мир со своим уставом, и ему совершенно неважно, что монастырь оказался чужим. Зато ему посчастливилось найти Цоя, который тоже пришел в жизнь со своим уставом, что и стало основой их дружбы.

Георгий Гурьянов родился 27 февраля 1961 года в Ленинграде, закончил художественную школу № 1 города Ленинграда. Затем проучился год в училище им. Серова, поскольку, по мнению Георгия, образование, которое там предлагалось, ничего ему не давало.

Георгий Гурьянов:

«Я туда поступил как-то очень легко, а потом не ходил туда вообще. Родителям говорил, что я учусь, а сам – совсем в другом направлении. Естественно, через полгода я там уже не учился. У Виктора, по-моему, что-то похожее, как-то мы никогда даже не говорили об этом...»

То время было застоєм модернизма в искусстве, поэтому Георгий, пытаясь, по его же собственным словам, противостоять этому, начал заниматься не живописью, а музыкой. С детства учившийся в кружке игры на балалайке, домбре, пианино и гитаре, Георгий Гурьянов обладал прекрасным чувством ритма и тонким музыкальным вкусом.

Владимир Дайбов, художник, однокурсник Георгия Гурьянова по училищу им. Серова:

«Поступили мы в 1976 году. С Георгием вместе мы учились только первый курс, но особо тесно мы с ним не общались, потому как я пришел после армии, и большинство студентов были намного меня моложе, интересов общих у нас было немного. Георгия я помню как человека застенчивого, со своеобразной манерой рисования: сухой, конструктивной. Держался он особняком, поэтому наблюдал я его только со стороны. Был у него один товарищ, с которым они вместе учились в художественной школе, и после первого курса их отчислили обоих. Они с Гурьяновым держались как-то особняком, всегда садились рядом и работали похоже, несколько манерно. С какой формулировкой они ушли или их отчислили, не могу сказать. И еще, мне кажется, тот мальчик имел на Гурьянова влияние. Еще он был в приятельских отношениях с Евгением Андреевым, который жил в Поповке. Женя не учился с Гурьяновым в художественной школе, мне показалось, они стали приятелями уже в группе, а так как я одно время был прописан у Жени в Поповке и одно время жил у него, то из разговоров помню, как Женя был в гостях у Гурьянова и восхищался его комнатой, полностью выкрашенной в черный цвет, пустой, и только в углу стояла подставка с рыжим париком. Зная работы Гурьянова, могу сказать, что так работал он уже на первом курсе...»

Чуть позже Георгий начал коллекционировать модные пластинки и стал сам учиться играть на барабанах. Барабанил всерьез, без скидок. Стук был слышен на расстоянии квартала от его дома. Соседи часто вызывали милицию и при встрече в парадном грозили оторвать ему руки.

Тогда Георгий стал барабанить не палочками, а щетками. В бас-барабан он клал подушку, чтобы получалось не так громко. Однажды вызванный соседями участковый заявил, что, если будет еще один подобный «концерт», молодой человек поедет в тюрьму. Дескать, там туго с самостоятельностью и как раз очень не хватает барабанщиков. Еще участковый велел Георгию устроиться на работу, и спустя неделю тот принес ему справку: юноша был принят в Дом моделей манекенщиком. Участковый, считавший, что «подобные уроды не достойны жить в Советский стране», был шокирован и посрамлен.

Георгий Гурьянов:

«Да, да! Так и было. Этот совковый участковый... постоянно выводил меня из себя. Были нападки по поводу моей работы. А я же, как вор в законе, никогда не работал... И "АССА" была как некое спасение... А с участковым я решил быстро. У моей мамы были знакомые какие-то в "Доме моделей", я туда пришел, мне сделали справку в отделе кадров, что я принят манекенщиком. И когда участковый пришел вновь – я ему в лицо эту справку – "fuck"... (показывает средние пальцы обеих рук)».

В конце 70-х – начале 80-х Георгий пару лет прожил в Москве, вращаясь в компании известного московского хиппи – Шамиля Валиева, с которым его связала крепкая дружба.

Георгий Гурьянов:

«Да, да. Шамиль Валиев – мой друг. В 1980 году я жил у него дома, мы были не разлей вода в какой-то момент. Потом мой друг Тимур Новиков познакомил меня с Сергеем Рыженко.

Наверное, в 1980 или 1981 году. Я в Москве пару лет с ними провел. Масса воспоминаний, другая эпоха вообще. Конец 70-х, хиппи...»

Вернувшись в Ленинград, Георгий, мечтавший о создании рок-группы, начинает подыскивать себе подходящую компанию. Поначалу он вращается в кругу "Автоматических Удовлетворителей", с которыми даже отыграл выездной концерт в подмосковном Зеленограде 10 декабря 1983 года на Втором Всесоюзном съезде панков (или дне рождения Ильи Смирнова), в деревенском доме Леонида Россикова, затем помогает музыкантам "Народного ополчения". Но все это ему не подходит по стилю.

Игорь Мотовилов, музыкант группы «Народное ополчение»:

«Георгий Гурьянов участвовал в записи альбома "Новогодье". Кажется, это было с 1984 на 1985 год. Он участвовал только в записи, поэтому это было не в ущерб "КИНО". "Новогодье" писалось вокруг Нового года: начали перед Новым годом, закончили после. Это была только запись альбома. Георгий уже был тогда барабанщиком "КИНО". Пришел, отбарабанил и ушел. "Народное ополчение" концертов не давало тогда...»

Евгений Титов:

«Георгий участвовал в записи "Новогодья" дома у Бегемота. Причем, возможно, Георгий был один – записал свои партии в некоторых песнях. Что-то Федя сам на барабанах играл, на записях... Лучше у Феде это спрашивать. Мне кажется, что "Новогодье" записывалось сначала в 84-м, а окончательно – в начале 85-го. Это записывалось не один день, Федя задействовал сессионно многих людей. Как и Гурьянова – сессионно, для записи альбома. Концертов тогда не было».

Федор Лавров:

«Во второй половине 1983-го, наверное осенью, я о нем узнал. Густав как раз играл со Свиньей в "Автоматических Удовлетворителях", Андрей мне и рассказал о том, что у них крутой барабанщик. В "Народном ополчении" он появился в 1984 году. Потом мы стали записывать альбом "Новогодье", он включился в запись, правда, не сразу.

Запись "Новогодья" делалась на моей квартире, это была подпольная панк-студия "Begemotion records". В начале 80-х, наверное, единственная домашняя студия, на которой можно было реально записывать барабаны. На студии Алексея Вишни, на многих других студиях с лучшим аппаратом можно было только запрограммировать драм-машинку. Так и делал Алексей на записях группы "КИНО". И только на некоторых сыграл Густав сам.

Первые демо мы записали в Новый год, барабанили все, кому не лень. Пошли на улицу вереницей панков, устроили карнавал. Все было весело и беззаботно. Алекс привел ко мне Густава. И в январе 1984-го он уже записывался с нами. Густав сразу же включился в постпанковскую эстетику нашей музыки. Ему очень было интересно на моей студии, я помню, как он говорил, что это как раз та музыка, которая ему дико нравится. А мне понравилась лаконичность его игры. Он охотно дубасил в индустриальные железки, которые я ему предлагал. И даже сам принес колпак от настольной лампы и повесил его вместо тарелки. Так он записал большую часть треков для "Новогодья". Помню, Густаву нравились мои барабаны. У меня были всякие самодельные перкуSSIONные штуковины. А малый барабан я сделал не просто пикколо, а тонким, как лист. Два пластика и обода примыкали один к другому. Густав очень просил меня подарить ему этот snare. Но я был беден и не мог себе позволить новый. Я объяснил ему, как я его отпилил. И дал пару раз поиграть. Не помню точно когда, но потом он арендовал у меня этот snare на ранние концерты или репетиции с "КИНО".

Густав был немного странноват в нашей компании. Он ходил всегда безукоризненно одетым, был очень опрятный. Чуть ли не костюмчик. Может быть, жилетка вязаная. Тихий и скромный. Он не был панком точно. Он приходил вымытый, после бассейна при стадионе Лесгафта, что было вообще чуждо нашему подпольному постпанку. Он был аккуратен и педантичен. Но не хиппи. На хиппи был похож Дима Волосатый. Густав был уже неоромантиком.

Маме моей сразу понравился этот "мальчик". На студии "Begemotion records" был сухой закон. Понятия straight edge тогда еще не существовало. Но я не пил даже пива, а на входной двери и на моей майке был трафарет "У нас не курят". Тем не менее Алекс всегда приносил портвейн и прятал его в электрощит на лестнице. Порепетировав трек, все просились покурить перед записью. И возвращались, воняя свежаком. Алекс работал сутками на "Скорой помощи". Он приходил в комнату, и весь воздух тут же заражался его носками. К тому же мы там играли музыку, и нам было жарко. А комната была 11 квадратных метров. Иногда ребята приводили друзей, которые теснились по углам. Густав был единственный из нас, кто пах одеколоном, приходил чистый в выглаженной жилетке. И часто совмещал сессии записи с походами в бассейн. Нам было смешно. Но он вызывал уважение. Хотя Алекс бесился, как всегда, а Дима Бучин ревновал, что вместо него играет Густав. Конечно, он не мог влиять на собственно аранжировки тех записей, которые мы делали на моей студии. Это была всецело моя епархия. Но он принес свой собственный саунд. Никто до него не играл такой пружинящий танцевальный бит, как он. Мы все обожали "Public Image Ltd", с их агрессивной постпанковской гитарой, даб-басом, авангардистским голосом Роттена и совершенно дискотечными барабанами. Так вот Густав принес к нам то, о чем мы мечтали. Простой, ровный грув, под который хотелось двигаться. И я разделял его мнение по поводу неоромантики. Все разделяли тогда увлечение Новым романтизмом. Вернее, не разделяли его и панк. Новая волна – это была музыка того времени, которая началась с рок-н-ролла "Sex Pistols" и "Ramones", регги "The Clash", перешла в авангард "Japan" и "Adam and the Ants", смешалась с готическим романтизмом "Damned" и "The Cure", обмазалась синтипопом и растворилась в попсе. Мы не чувствовали себя чужими ни в среде хардкорцев, ни среди неоромантиков. Особенно в середине 80-х...

Густав восторженно показывал всем наши записи. Причем, помню, я еще не закончил альбом, а он уже переписал себе треки, которые он наиграл, и убежал с ними. Наверное, прослушивание этих треков и решило его участие в "КИНО".

И потом все-таки мы вместе с Димой записали остаток альбома, и я требовал, чтобы он играл, "как Густав".

Тогда же все очень быстро менялось. Мы записывали двойной альбом, имея только кучу Алексовых текстов и моих музыкальных идей. Мы не репетировали, мы пробовали сыграть песню, договаривались о количестве куплетов и припевов, настраивали звук и сразу записывали. Во всем была сплошная импровизация. Мы очень быстро, за пару месяцев, записали кучу материала, часть которого не вошла в альбом. Густав за это время успел познакомиться с Виктором. То есть, когда он еще записывался с нами, его позвали в "КИНО". Мы же тогда были в подполье, а "КИНО" – в Рок-клубе. "Народное ополчение" не дало ни одного концерта (кроме акустических квартирников) до 1987 года, когда группа вступила в Рок-клуб. Так что Густав был студийным барабанщиком группы "Народное ополчение". И ему хотелось на сцену.

Он довольно многое принес в "КИНО" из того, что мы с ним наработали на студии "Begemotion Records" в 1984-м. Это было слышно из звучания "КИНО" сразу после того, как он там появился. Хотя с нами он стоя не играл. Сидел на попе ровно. Даже не подпрыгивал. И на фотографии это видно. До нас он играл панк-рок с "Автоматическими Удовлетворителями", а мы экспериментировали с танцевальным битом, ровным, как диско. И вот эта манера у него навсегда осталась во всех треках "КИНО". Нам нравилось, как он играл. Он был ровный и стабильный барабанщик. Он мог делать ошибки, и на барабанах это заметнее, чем на гитарах. Он не был машиной. Но мы никогда и не записывались под метроном. У нас не было повода жало-

ваться на него. Никакого. Он нисколько не изменился как музыкант с того момента, как записал с нами "Новогодние", и до конца "КИНО". Но в его случае, в той группе, стабильность и строгое следование стилю были важнее, чем изменчивость и прогрессивность. Это была группа, аккомпанирующая солисту, который мог любую свою песню спеть и без нее. И ничего бы не изменилось. Они не играли импровизаций. Они не изобретали новый стиль. Они не экспериментировали. Я думаю, если бы он играл в моих проектах, он развился бы как музыкант. И может быть не стал бы художником. Но все сложилось так, как должно было сложиться. Мы могли бы стать друзьями, но наши пути разошлись.

Весной 1985-го я общался с ним в последний раз. На мосту через канал Глинки, около Мариинского (тогда Кировского) театра, где я работал. Я предложил ему создать новый проект, мне же очень нравилось с ним работать. Он был во всех отношениях приятным человеком в группе. А барабанщики в то время были большим дефицитом. Вот тогда он и сообщил мне, что ему сделали более интересное предложение. И даже от стороннего сотрудничества он очень вежливо отказался. Просто, чтобы вы поняли мои переживания тогда, я нашел барабанщика, с которым мог достойно выступать, только в 1993 году. Это был Юра Сонин, который сейчас играет с Максом Леонидовым...

К 1987-му тусовка реально расслоилась по течениям и стилям. И хотя всех можно было объединить понятием "неформалы", тусовка уже выросла до таких размеров, что группировки начинали отстаивать свою "территорию". В движение неоромантиков влились мажоры. К панкам примкнули пэтэушники. А я вообще удалился. Было интересно протестовать и чувствовать себя свободным, когда ничего было нельзя. А когда все стало можно к 1990-му, протест и вся эта модная движуха сошли на нет. И остались только те, кого уже успел полюбить весь русский народ. А среди них и "КИНО". Я очень переживаю из-за того, что ушли все мои ровесники, которые играли панк в самом начале. Густав был странный. Он был как бы "не наш". Хотя он был стильный, и я хотел, чтобы он со мной играл и дальше. Мы бы точно делали музыку интереснее, чем "КИНО". Он тяготел к industrial и был готов к экспериментам. Его отказ надолго отодвинул мой прогресс. Но я на него, естественно, не в обиде. Его мотивация была абсолютно правильной...»

Георгий Гурьянов:

«Да, еще я играл с Алексом Оголтелым и его партнером Бегемотом. Группа называлась "Народное ополчение", это моя гордость, конечно... Там получился такой абсолютный стиль... Алекс – крутой парень вообще, герой настоящий, герой рок-н-ролла, рок-н-ролл стар... Бескомпромиссный. Царство ему небесное».

Антон Галин:

«Где мы познакомились с Гурьяновым, я совсем не помню. Я-то поначалу с Цоем общался. Как всегда бывает: есть одна компания, вторая, третья... Так вот, Цой – это была одна компашка, а Гурьяшка – это была совершенно другая компания. Там, кажется, все на почве хиппанства было замешено...

Я в Купчино приехал пару раз к нему в гости... А уже потом, на более позднем этапе, я его с Цоем познакомил. Он это очень хорошо запомнил. А я забыл совсем... Я просто в армию ушел потом на два года...

Его тогда все называли Густавом. Была тогда в Питере известная парикмахерская, типа салона красоты, с таким названием. А поскольку Гурьянов умел хорошо стричь, отсюда – Густав. Стриг, кстати, он реально ловко, меня вот, да и Цоя...

Какие-то вечеринки устраивали у него дома. У него квартира трехкомнатная была. Родители летом все время были на даче. Там и Африка у него жил, и Цой, и еще разные персонажи

известные. Я их плохо знаю. Тимур Новиков тоже там был, Котельников, в общем, вся эта гребенка новоакадемическая тусовалась. Я с ними был в разных местах, то там, то сям...»

Александр Сенин:

«Густава с хаером до плеч я уже не застал, в моей памяти он останется теддибоем, конечно. Но я помню его жалобы на местных гопников: "Вот был я с волосами, ко мне бритоголовые приставали. Постригся – волосатые караулят во дворе". Я видел этих ребят, и порой Юра специально просил его проводить до автобуса при выходе из дома и наоборот...»

В 1984 году Георгий Гурьянов становится барабанщиком группы «КИНО», где играл до смерти Виктора Цоя и фактического распада группы в 1990 году. Георгий отличался своеобразной, стильной манерой игры на ударных и играл, преимущественно стоя за установкой. По мнению многих завсегдатаев Рок-клуба, например Наташи Васильевой, именно приход Гурьянова привнес в звучание «КИНО» совершенно новые ноты – некую элитарность, яркость, ощущение праздника. Произошла смена имиджа, подачи, одежды, бэкграунда, антуража. Именно такой человек был нужен группе. Человек, который смог уловить дух времени, ветер перемен и придать группе стильный, модный look. Говорят, когда Цой приглашал Гурьянова в «КИНО», тот говорил, что он скорее художник, чем барабанщик, и Цой привел следующий аргумент: «Будешь лучшим барабанщиком среди художников и лучшим художником среди барабанщиков». Довод был железным...

Александр Цой:

«Я имел честь один раз поиграть с Георгием у него дома, и мне показалось, что он великолепный ударник. Вообще, заявления о том, что барабанщик одной из самых популярных на постсоветском пространстве групп был "никаким музыкантом", мне кажутся великой глупостью».

Александр Сенин, музыкант группы «Кофе»:

«Юра Густав (как его тогда называли) привлекал внимание своим стильным дендистским костюмом, и я про себя отметил, что с этим человеком не прочь познакомиться поближе. Думаю, что представлены мы были друг другу (это было необходимо), скорее всего, БГ. И случилось это, если я правильно считаю, в 1982 году, осенью. А может, и в 81-м. Мы просто пили кофе в общей компании, болтали и пошли потом к кому-то в гости. Наверное, к Африке, который тогда квартировал у Некрасовского рынка, и наши с Густавом посещения этого африканского полусквота стали потом регулярными. И Густаву, и Африке я признателен за те наши экскурсии по странным квартирам и мастерским, населенным художниками, поэтами, артистами и другими экзотическими персонажами вроде музицирующих на ситарах хиппи. Для меня тогда это было в новинку. Добывать информацию в виде книг, пластинок и западных журналов было делом непростым. Но мы такими возможностями обладали, на этой музыкально-информационной ноте и сдружились. К тому же, кроме "Сайгона" и Рок-клуба, встречаться пытливым юношам и девушкам тогда было практически негде, и все мы попросту ходили друг к другу в гости. Обычное наше с Густавом времяпрепровождение сводилось в первую очередь к взаимным визитам: либо я, совершив телефонный звонок, ехал к нему на Будапештскую, либо он заходил ко мне, на 16-ю линию Васильевского острова, без звонка. Телефона у меня в квартире не было. Родителей тоже...

Мог бы Гурьянов стать барабанщиком "Кофе"? Да. И еще раз, да. Все мы хотели тогда что-то музыкальное сотворить, и какие-то планы в этой области были, наверное, у всех членов той нашей разношерстной компании. Какие-то разговоры с предложениями где-нибудь что-нибудь с кем-нибудь сыграть были обычным делом... Мог бы стать одним из барабанщиков

– мы тогда фантазировали многобарабанные выступления. Позже, наверняка не без участия Сергея Курёхина, в творчестве "КИНО" из этого получился так называемый "принцип тотальной симметрии" (всех-по-два).

Как-то поздно вечером Густав зашел в гости с магнитофонной пленкой альбома "Начальник Камчатки" и скромно отметил, что "изображает там игру на барабанах" (цитата). После прослушивания спросил: "Ну и как тебе "Транквилизатор"? " "Мощно", – ответил я. И был, признаться, польщен, поскольку сам вопрос свидетельствовал о том, что мое мнение ему важно. Мы сошлись тогда на том, что этой песней Цой выводит "КИНО" на новый уровень, и, собственно, именно тогда я и понял, что Густав будет там играть. Я удивился своему открытию. Быть не извлекателем звуков, но значимой фигурой – это был один из принципов нашей максималистской юношеской философии. И Юра Густав был таким человеком, безусловно. Он был Артистом. Разумеется, я знал, что мой приятель закончил художку и что-то рисует: и его жилище, и наши совместные визиты к Тимуру Новикову свидетельствовали о том, что и в изобразительном искусстве Густав, что называется, был в тренде. Но тогда рисовали практически все, советские творческие граждане не были еще разделены тогда по каким-то отдельным кельям-нишам: художники и артисты ходили на концерты знакомых музыкантов, так же как музыканты ходили на выставки и кинопремьеры знакомых и не очень художников, артистов и режиссеров. Все эти выставки товариществ свободных художников в различных ДК и в ЛДМ (Ленинградский дом молодежи) мы, безусловно, посещали и встречались там едва ли не чаще, чем на концертах. Это был такой клубок, где все всех знали и все со всеми дружили, по крайней мере внешне. Поэтому я ничуть не удивлялся, если вдруг выяснялось, что Африка, Цой или БГ еще и художники. Отлично!

Мама Стаса Тишакова в то время работала на "Ленфильме", и мы, студенты-бессребреники, порой по специальному ее и Стаса приглашению принимали участие в разных кино-массовках. Вернее, наша задача была прийти в нужное время к нужным людям и записаться на съемку. Потом уже можно было сбежать, а гонорары все равно выплачивались исправно. Густав как-то рассказал мне, что снимается в ленфильмовском кино "Противостояние" с Олегом Басилашвили и Андреем Болтневым. Телевизионную премьеру этого фильма я смотрел с повышенным вниманием и обнаружил там Юру в роли курсанта немецко-фашистской разведшколы, боксирующего грушу с голым торсом. Фамилия Гурьянов в титрах тоже нашлась... Еще на "Ленфильме" была настоящая кинокостюмерная, и Юра Густав любил там время проводить. Вообще, Юрик весьма трепетно относился к своему имиджу и просто не мог себе позволить выглядеть плохо.

Кстати, именно Густав меня отучил от использования слова "ударник". Ударниками в то время были Герои Труда. Мы были просто бездельники. Музыкальные интересы наши совпадали на девяносто процентов. Восьмидесятые были эпохой новых романтиков, и мы как могли пытались соответствовать тем музыкальным и прочим стандартам. К тому же романтики ("Ultravox" / "Spandau Ballet" / "Visage" / "ABC" / "Japan"), как известно, уделяли особое внимание костюму, поэтому и тут мы были солидарны практически во всем. Вообще, при дефиците всего на свете это было время каких-то постоянных обменов: менялись пластинками, пиджаками, очками, кассетами, журналами и всем на свете. И делились друг с другом своими открытиями. Скажем, я ему открыл "Echo & the Bunnymen" (чудом сохранившийся баннименовский фотоальбом, подаренный мне Густавом после их совместного какого-то с "Поп-Механикой" концерта, до сих пор в моем архиве), а он мне – "The Cure". Помню свою концертную майку "Joy Division", выменянную у Густава на папин пиджак. А то, что с нами было во время первого прослушивания депешмодовской "Master & Servant", вообще отдельная история. Первый раз на моей памяти в компании Юрик вдруг в голос запел. Ночью. У меня дома...

Кстати, меняться пластинками было делом ответственным. Диски стоили приличных денег и требовали бережного к себе отношения. И в этом плане на Юру можно было поло-

житься. Ответственность его всегда отличала: слово свое он держал. Да, романтическим то время было во всем: помню Тимура Новикова в черной майке с надписью "ВЕЩЬ" (именно так, кириллицей), подаренной ему кем-то из "Frankie Goes To Hollywood".

Кстати, отмечу, Юрий отнюдь не всегда играл стоя. Такой принцип игры на барабанах был нам всем, конечно, хорошо знаком: все мы тогда были поклонниками групп немецкой новой волны, в частности "Trio". Меня, помню, удивила его смелость на концерте в СКК (или "Юбилейном"?), где он барабанил в спортивных трусах. Тут он был все-таки пионером, я думаю. Кстати, и я по его примеру позже, в наших редких выступлениях с "Кофе" и Лешей Вишней, заиграл стоя. Но в штанах...»

Как вспоминала мать Георгия Гурьянова, Маргарита Викентьевна: Цой появился у них в доме году в 1983–1984-м и был до того скромным, застенчивым и добрым, что сразу же был тепло принят как самой Маргаритой Викентьевной, так и ее матерью. Каждый из участников «КИНО» имел ключ от квартиры Гурьяновых, и каждый в любое время мог туда прийти. Маргарита Викентьевна относилась к ребятам, как к родным сыновьям... Она очень любила их музыку, и даже ее мама, которой было 92 года, с удовольствием слушала, как ребята репетируют.

Евгений Козлов:

«Георгия представить невозможно в "простой" профессии, а в сложной тире духовной – NO PROBLEM. Ну, например, он мог бы быть пиратом, матросом, или капитаном, или легкоатлетом, или заниматься HAUTE COUTURE. В любом случае на высшем уровне всегда».

Константин Кинчев:

«Витька к Густаву прислушивался, потому что считал его очень образованным, интеллигентным, умным и чувствующим моду. Мне до сих пор это кажется странным, но Густав для Витьки был непререкаемым авторитетом».

Цой больше всего прислушивался именно к Гурьянову, особенно в вопросах аранжировок и визуальных образов. Как известно, Георгий обладал великолепным чувством стиля.

Юрий Каспарян:

«Конечно, да. Георгий и Виктор были как бы идеологами. Тогда уже был большой вал новой продукции, и во всем этом разобраться и отделить зерна от плевел было очень сложно».

Константин Кинчев также говорил:

«Может, я как-то по-своему вижу, но Густав стоял на ступень выше других участников "КИНО" в нравственном плане для Цоя».

В целом – да, Гурьянов очень яркий человек и масштаб личности соизмерим с Цоем. Густава жизнь не согнула, он остался верен себе, и это вызывает уважение. К тому же он очень талантливый художник.

Из интервью **Виктора Цоя:**

- Кого из художников ты наиболее ценишь?
- Георгия Гурьянова.

Уважение и высокая оценка были взаимными. В одном из своих интервью Георгий Гурьянов говорил, что даже в какой-то степени старался подражать Цою.

Екатерина Андреева: Были ли какие-то живые персонажи, которым вы подражали?

Георгий Гурьянов: Да, мой друг Виктор Цой. Все черты его личности казались мне очень обаятельными. Он относился к действительности еще более иронично, чем Тимур Новиков. Естественно, что копируешь все в человеке, с которым много общаешься. Не только положительное.

Ему нравились обаяние Цоя, ироничное отношение к себе и действительности. Цой его очень любил как художника. Он увидел в нем художника сразу, еще до того, как Гурьянов стал играть с ним в одной группе, ведь Цой – сам художник. Они нашли общий язык. Он мог уехать из дома к Густаву и жить там. Это была отдушина.

Джоанна Стингрей:

«Я провела рядом с Георгием много времени, и могу сказать, что он был совершенно другим человеком, нежели Виктор. Виктор был теплым и привлекательным. Георгий снаружи был сильный, холодный... Он был не так прост, как Юрий или Виктор. Он был веселым великим художником. Некоторые из его картин, особенно "Космонавт" и "Леди на тракторе", – мои любимые произведения русской живописи. Георгий временами был очень серьезным. Иногда я чувствовала, что он немного завидовал тому, как я была близка с Виктором и Юрием, но в то же время я чувствовала себя очень комфортно и с ним.

Он был сложный человек, но с ним было очень интересно. Я думаю, что он был великий барабанщик, и он, конечно, был очень властным и всегда потрясающе выглядел. Все музыканты "КИНО", и он тоже, имели свой собственный естественный стиль одежды, и то, как он выглядел, полностью его заслуга, его вкус. И если Марианна иногда помогала Юрию и Виктору с одеждой и модными идеями, то у Георгия было очень четкое понимание своего внешнего образа, он был очень модным. Он действительно был важной частью "КИНО"».

Вопиющей несправедливостью является утверждение, будто Гурьянов не принимал участия в создании "Черного альбома". Он тщательно проработал барабанные треки, все программировал сам. И очень болел за звучание: это была его группа во всех смыслах этого слова.

Алексей Вишня:

«Гурьянов стучал, как машина, ровно и ровно. Цою очень нравилось...»

По словам Алексея Вишни, неправда и то, что Георгий превратился в художника после августовской трагедии. Свои первые работы он выставлял еще в начале 80-х на неофициальных выставках современного советского авангарда. С тех пор на его счету многочисленные групповые и персональные выставки. Гурьянов первым в группе «Новые художники» стал изображать человека, пользуясь классическим языком, что резко контрастировало с квадратоголовыми персонажами картин остальных (В. Цой, Африка, А. Крисанов, Инал и др.). Его картины выглядели не вполне умелыми с точки зрения классического рисунка; они были излишне декоративными, по-панковски изобилуя яркими, кричащими цветосочетаниями. Со временем в его живописи появилась пластика и благородный колорит. Колоссальная работа по изучению старых мастеров принесла свои плоды в эпоху неоклассицизма, провозглашенного дизайнерами группы "КИНО" Тимуром Новиковым в начале 90-х годов. А сегодня Георгий Гурьянов – владелец личных писем и автографов таких величин, как Andy Warhol и Kit Herring. Среди его друзей известные бизнесмены, музыканты, диджеи: Westbam, Marusha, Millene Farmer. Его картины объездили весь мир, многие работы осели в частных коллекциях. Крупнейшие галереи

рейщики мира внесли Гурьянова в свои чарты, а на Арт-форуме в Берлине его позиционируют как «Русского Веласкеса».

Однако у некоторых поклонников предвзятое отношение к барабанщику группы «КИНО». Возможно, потому, что предвзято к нему относится авторитет для слушателей русского рока – все тот же Константин Кинчев, который открыто говорил, что терпеть не может Густава и всю тусовку «АССЫ», и называл их «пустышками». По воспоминаниям Кинчева, «вина» за то, что Цой был модником и ориентировался на попсу, лежит именно на Гурьянове. Впрочем, неприязнь была взаимной и проистекала из разных эстетических установок.

Георгий Гурьянов:

«"Алиса" была хамская, ужасная группа. Потом у них появился новый солист, москвич Кинчев. Я смотрел на них, когда они выступали в Рок-клубе, как на антиподов: пьяницы, уроды, неряхи. Что еще можно добавить? Ничего хорошего. Я не идентифицировал себя с этой публикой, ни в коем случае!»

Андрей Дамер:

«"Новые художники", к которым Цой, безусловно, принадлежал, были тонкими эстетам. У них вообще было очень развито чувство вкуса, моды, творческой интуиции, чувство прекрасного. Тимур Новиков, Олег Котельников, Георгий Гурьянов... Это замечательные художники советского поп-арта. И они всегда были очень аполитичны, непартийны, не принадлежали ни к какому лагерю (как и Цой). Для них что советский диссидент, что член ВЛКСМ – это как две стороны одной медали. А Кинчев – полная противоположность. С чувством прекрасного у него всегда были проблемы (в сценическом плане). И еще он постоянно призывал "решать, с кем ты". То есть совсем другие творческие установки. Кинчев называет их некрореалистами, но некрореализм – это другое. Это Евгений Юфит в основном. "Некрики" и "новые" сначала были вместе, а потом разошлись. По крайней мере, в своих лекциях Новиков всегда подчеркивал дистанцию между собой и Юфитом. Поэтому я думаю, что Кинчев другое слово хотел сказать... Просто когда художник ставит в основу творчества эстетику, нередко при этом он забывает о нравственности... Получается что-то вроде "Портрета Дориана Грея" Оскара Уайльда».

Но поклонники часто этого не учитывают, веря на слово только Кинчеву (хотя интервью Гурьянова процентов девяносто и не читали, по всей видимости), тем самым отказывая Цою в умении разбираться в людях. В Сети даже писали, что Гурьянов иногда завидовал Цою, потому что не мог сам писать песен.

Однако совершенно противоположное можно прочесть, например, в статье **А. Дамера**: вот фрагмент о работе над интервью с Гурьяновым:

«После интервью я созванивался с Георгием, чтобы уточнить некоторые детали. Я очень удивился, когда он сам попросил меня сделать копии с тех автографов песен, которые я ему зачитывал. Он сказал, что они ему очень запали. Потом даже переспрашивал. Было видно, что он трепетно относится к каждой песне Виктора».

Так что можно уверенно сказать, что Гурьянов очень любил и ценил Цоя и никогда ему не завидовал. Подтверждает это и **Рашид Нугманов**:

«Не уверен в ревности Гурьянова к Цою, это из разряда таких скрытых личных вещей, знать о которых может лишь сам Георгий. Но то, что Гурьянов – человек ревнивый, это действительно так. Он открыто ревнует ко всем и ко всему, что имеет отношение к творчеству группы "КИНО" и к своей собственной роли в ней. В числе немногих исключений, пожалуй, Наташа и Каспарян. Виктор ценил его вкус и чувство стиля, но они, конечно, не являлись

определяющими во влияниях на творчество Цоя. Виктор обладал своим собственным диапазоном интересов, которые далеко не во всем совпадали со вкусами Георгия. Да и как может быть иначе? Виктор ценил людей со стилем, но у него была своя голова на плечах, ей он и пользовался, и ничьей другой».

Вот отрывок из одного редкого интервью Георгия, которое он дал по поводу выхода фильма Рашида Нугманова «Игла Remix».

Георгий Гурьянов:

«Я мечтал о создании группы вместе с Виктором. Мы с ним были знакомы, но из-за разных обстоятельств не могли договориться. И когда из команды ушел Алексей Рыбин, мы встретились и уже не расставались никогда. Втроем с Юрой Каспаряном мы и образовали группу "КИНО". У нас был четвертый участник – взятый "напрокат" у группы "Аквариум" бас-гитарист Александр Титов. Но это был человек другого поколения, с другим складом ума и другими эстетическими воззрениями. Потом, когда Гребенщиков почувствовал опасность, он забрал его к себе. Витя договорился с Игорем Тихомировым, и, конечно, это был лучший выбор, ведь тот играл на бас-гитаре как бог. Музыка группы "КИНО" и сейчас не перестает меня восхищать, а качество записи настолько дерьмовое, что это даже развлекает: как будто специально испорчено. Тогда не было никакого шоу-бизнеса. Мы о нем только мечтали. Если бы он был, мы красовались бы на обложках всех гляцевых журналов, но и их еще не существовало. Ни костюмера, ни стилиста, ни визажиста – ничего. Например, Игоря Тихомирова наряжала супруга, чем несказанно веселила всех остальных. Потом появился модельер Костя Гончаров, создатель галереи моды "Строгий юноша", который шил черные рубашки Виктору и остальным участникам группы. Он был настоящий художник, создавал уникальные рукодельные изделия, но как будто мерил все на себя, а Костя был хрупким юношей. И поэтому костюмы, которые он шил, на мне трещали по швам: я был более атлетического телосложения. (*Смеется.*) Мы совершенно не интересовались политикой. Но песни Виктора настолько универсальная вещь, что каждый может найти в них что-то для себя. Например, песня "Перемен!" – это чисто философский трактат без капли политики, написанный еще до реформы Горбачева и никакого отношения к ней не имеющий. Другое дело, что мы приберегли ее для фильма "АССА": Витя договорился об этом с Сергеем Соловьевым, поэтому ее и нет ни в одном альбоме. А после фильма она стала чуть ли не символом перестройки. В свободе интерпретации как раз и есть красота художественного произведения. Теперь все считают его своим: и кочегары, и плотники... Говорят, что он был человеком без образования. Не в этом дело. Самообразование, культурный слой – все это гораздо важнее диплома вуза. Витя был исключительно талантлив, он писал гениальные песни. Все, о чем говорилось между нами вечером накануне, могло превратиться утром в остроумную песню. В школе он изучал немецкий язык, но мы с ним пошли на курсы английского, и он освоил его прямо на моих глазах. Как-то Виктор собирался написать что-нибудь к большой выставке группы "Новые художники", но ему не хватало времени – так за пять минут появилась его работа "Картину написать не успел". С одной стороны, это концептуальное искусство, но с другой – это очень честно и искренне. На мой взгляд, Виктор полностью реализовал и свой актерский талант. Актер – это тот, кто может придумать мистерию, убедительно изобразить другого человека. А с Виктором, по-моему, иная история. Вот, например, Брюс Ли во всех своих фильмах – Брюс Ли. И с Виктором то же самое. В отличие от него, я мог позволить себе никогда и нигде не работать, у меня же не было такой женysterвы. (*Смеется.*) Эта квартира-клетушка в спальном районе, где помимо жены жили еще ее мама и бабушка, – как там можно было находиться? Надо же было где-то спастись от всего этого. Ради бегства от бытовухи он и в кочегарке трудился, и у меня какое-то время жил, и в Алма-Ату поехал сниматься в фильме "Игла". А потом отправился на съемки "АССЫ" в Ялту,

где я познакомил его с Наташей Разлоговой: "Витя, тут такая девчонка классная!" И все у них сложилось!

У меня была очень хорошая база: я учился в музыкальном училище, брал частные уроки. Еще в детстве я услышал пластинку группы "Led Zeppelin" и пошел в музыкальный кружок при ДК имени Козицкого, возле которого жил, на Васильевском острове, и попросил научить меня играть на гитаре. Но там мне сказали, что сначала надо будет выучиться игре на балалайке. Конечно, я отказался. В итоге владею несколькими музыкальными инструментами, но гитару освоил лишь недавно. Витя был роскошный гитарист, и я хотел научиться играть, как он. Играть – всегда счастье, но это же и большая ответственность, когда несколько тысяч людей ждут от тебя великолепия. Для этого требуется серьезная энергия, нет и минутки, чтобы расслабиться. Это общий закон шоу-бизнеса, сформулированный, к примеру, группой "Kraftwerk": "Забудь о своей личной жизни, зафиксируй свой образ..." Музыка я люблю и с утра до вечера поглощаю ее в огромных количествах. У меня шкафы пластинок – CD, винил, я все слушаю и все знаю. До сих пор играю сам для себя. Принцип жизни художников поп-арта: если не существует художественной среды, надо создать ее вокруг себя, игнорируя ту хрень, что предлагается. Нет музыки – напишем музыку, будем танцевать. Нет картин – рисуем картины. Это же понятные вещи, простые: все в наших руках, мы – самые талантливые, самые умные, самые красивые. И там, где мы есть, – там все и происходит. Это ощущение было у меня с самого начала. Правда, пока мы не встретились с Виктором, оно не было сто-процентным. Казалось, что чего-то мне не хватает. Зато потом... (*Смеется.*) Нельзя сказать, что я хотел быть художником, это просто мое призвание. Я еще в 1980-е говорил своему другу, художнику Олегу Котельникову, который тогда был исключительно плодовит, что мое произведение искусства, вообще-то, я сам. Как я хожу, во что одеваюсь, что говорю – это и есть произведение современного искусства. Так я ко всему и относился. Мои слова могут показаться бахвальством, но в реальности это концептуальная художественная позиция. И в результате художники писали мои портреты, поэты посвящали мне стихи, а Витя – песни. (*Смеется.*) К концу 1980-х мне уже хотелось сосредоточиться на живописи, которой я стал серьезно заниматься, а это требует большого количества времени, уединения. Мне надоели бесконечные перелеты, гастроли, котлеты по-киевски в жутких ресторанах – все это не позволяло мне работать, участвовать в художественной жизни. В тот момент, когда Виктор погиб, мы готовились ехать в Токио. Группой "КИНО" должна была заняться влиятельнейшая японская продюсерская корпорация, речь шла о глобальном финансировании. В общем, можно было бы расслабиться... После 1990 года ответственность упала с моих плеч, и я нашел время для себя: путешествия, личная жизнь... Когда ты оказываешься в другой стране, в чужой среде, где тебя никто не знает, то начинаешь абсолютно с нуля. Это так захватывающе, так интересно. Я жил в Берлине в общей сложности несколько лет. Лондон, Париж, Нью-Йорк, конечно, Амстердам, итальянские города, мой любимый Мадрид...»

Жоэль Бастенер:

«Недавно друзья Георгия Гурьянова попросили меня принять участие в подготовке материала о нем. Написать что-нибудь типа "на смерть...", как это делалось в старые времена. Я согласился, поскольку говорить о нем – это большая честь. Но что сказать, что не прозвучало бы простым восхвалением? Трудная задача, потому что Георгий был выдающимся художником и незаурядным человеком. И я не буду упоминать о творчестве, великолепии которого говорит само за себя.

Можно, конечно, сконцентрироваться на недостатках. Но как? Никаких размолвок у нас не было. Он проявлял порой дурной характер, но я не считаю это недостатком, ибо тяжелый нрав – особенность многих великих людей. А упрямое молчание и невероятная холодность,

которой он обдавал докучливых людей, были лишь проявлением его исключительной проницательности.

Поначалу я принимал его отстраненность за прагматизм. Потом решил, что это мизантропия. Однако расчет был абсолютно чужд Гурьянову, напротив, он был вдохновенным человеком, и его запредельные порывы были не хладнокровнее моих. А холодность оказалась лишь проявлением закономерного отвращения, ибо действительность не давала ему возможности хорошо думать о подавляющем большинстве окружающих. Его требовательный, трезвый взгляд на жизнь и современников вполне соответствовал его требованиям по отношению к самому себе. То есть его кажущаяся жесткость была на самом деле оправдана целью, которая и проявилась в полной мере тогда, когда он с головой ушел в работу и добился совершенства, отличавшего его произведения последнего десятилетия.

Гурьянов всегда предпочитал быть в стороне, никогда не участвовал в наших с Цоем разговорах, поэтому мы с ним довольно долго привыкали друг к другу. Наши первые содержательные беседы состоялись лишь в мае 1990 года, когда группа "КИНО" гастролерировала с группой "Noir Désir". Мы с Каспаряном часами болтали в тамбуре вагона, который вез нас по маршруту Петербург – Симферополь. Говорили обо всем и ни о чем, о личном и даже интимном. Вот тогда-то Гурьянов и поразил меня: за его отстраненностью проступили вдруг уверенные трезвые оценки, четкие суждения о том, какими качествами и потенциалом обладают близкие ему люди, а каких лишены. Что касается меня, то я был абсолютно безоружен перед его взглядом, который, подобно лазеру, прожигал насквозь.

Георгий легко расписывался в своей гомосексуальности, насмехаясь над теми, кто боится собственной природы. Он понимал, что мы разных ориентаций и в этом плане между нами пропасть, но она не исключала определенного родства душ.

Гурьянов чувствовал, что в России я оказался не случайно, понял, что мною двигал вызов, желание уничтожить в себе невинного французика, избалованного жизнью. И эта моя черта ему очень импонировала, несмотря на очевидный восторг, который у него вызывала западноевропейская социальная модель. При этом он не презирал свою страну, был глубоко привязан к родному городу, родному языку, всему тому, что делало его до глубины души русским.

Георгий умел выдавать краткие категоричные суждения, потому что обладал способностью мгновенно схватывать и четко формулировать. Особенно сильно я стал ценить этот его дар после наших беглых парижских встреч в конце 90-х, когда он плотно работал с галеристкой Илоной Орель. То, что он не источал потоки слов, не мешало ему обладать свойственной многим болтунам ярчайшей фантазией и жесткими эстетическими императивами. Именно в этом балансировании обретала границы его свобода. Он старался ради нее ничем не жертвовать и уж точно не был готов жертвовать свободой самовыражения, поэтому и оказался одним из первых в России геев, который открыто расписался в своей гомосексуальности. Немного было в то время людей, способных, легко пожимая плечами, отвести молчаливое требование социума заводить семью и рожать детей.

Но что такое честь, как не верность самому себе? И разве достоинство не есть выражение подобной верности? Помнится, Оруэлл определял настоящих людей по их отношению к «приличиям», по границам допустимого и отказу от недопустимого. И кто может оспорить потрясающие честь и достоинство, которые сквозили в каждом слове и каждом жесте Георгия Гурьянова?

Нет слов, чтобы описать наслаждение, которое доставляло мне это осознание. Осенью 2003 года, в первые недели моего назначения в Москву в качестве атташе по культуре французского посольства, я отправился в Питер, чтобы познакомиться с руководителями двух музеев международного класса. Свой первый питерский вечер я провел, разумеется, у Георгия. Будут впоследствии и другие вечера, но было их слишком мало...»

Александр Сенин:

«Я не могу точно сказать, с кого начался лучший и единственный в своем роде фонтанный проект, но сквот "Фонтанка-145" стал одним из последних мест, где мы с Георгием регулярно сталкивались. Фонтанка – последнее тусовочное место (хоть я и никогда себя к тусовщикам не относил), которое всех нас объединило: если хотелось кого-то найти, искали там. И находили практически всегда.

Впервые я туда попал с художником Виктором Снесарем после какой-то вечеринки у него дома: его мастерская была с другой стороны улицы, выходящей на реку, и он нам (это период уже не "Кофе", а "Петли Нестерова") устроил ночную туда экскурсию. Витя к тому же исполнял в то время почетную роль продюсера группы "Дурное Влияние", наших друзей. И дискотеку еще тогда только собирались там устраивать. Но уже буквально через пару месяцев мы с Эдом (Нестеренко, гитаристом/вокалистом "Петли") стали туда периодически заходить и своих иностранных приятелей туда заводить на сеты Гарики, Хааса и Гурьянова, разумеется.

Порой встречались-раскланивались на Невском проспекте, в районе бывшего "Сайгона" (в это трудно поверить, знаю). Какое-то общение было и в Фейсбуке. В последний раз сидели-болтали в реале за общим столом во Дворце спорта "Юбилейный", на концерте группы "Kraftwerk". Символично, правда? В самый последний раз мы виделись на отпевании Георгия Гурьянова в Никольском морском соборе... И уж не знаю как, но так получается, что всякий раз, услышав песню про парня, идущего по улице в зеленом пиджаке, я непременно вспоминаю Юру-Георгия Гурьянова. Хоть и не было у него на моей памяти зеленых пиджаков...»

После смерти Виктора Цоя и завершения деятельности группы «КИНО» Георгий Гурьянов не остался в музыке, потому что не видел подходящего героя – лучше, чем Цой. Кстати, выбор Каспаряна в пользу группы «Ю-Питер» Георгий Гурьянов всегда подвергал глубокому сарказму. Он понимал, что для Каспаряна это способ выжить, некий дауншифтинг, применение своего таланта. Сам же Гурьянов хотел идти вперед, выше и не заниматься стилистическим дауншифтингом. Тем более что лучше Цоя не появилось до сих пор никого. Это факт.

Первый тираж книги уже готовилось к изданию, когда 20 июля 2013 года из Петербурга пришло известие о смерти Георгия Гурьянова. Очень жаль, что Георгий Гурьянов не дожид до выхода книги о «КИНО». Он одобрил мою идею, очень старался наполнить рукопись материалами из своего личного архива и собственными воспоминаниями, очень надеялся и верил, что когда-нибудь эта книга увидит свет. Георгия с нами нет, но его мысли и комментарии живы на страницах этой книги о группе «КИНО», которой Георгий Гурьянов отдал всего себя. Без остатка.

P.S. 27 февраля 2021 года исполнилось бы 60 лет идеологическому диверсанту, главному моднику страны и самому красивому мужчине Петербурга, художнику и музыканту группы «КИНО» – Георгию Гурьянову. Не дожид. Не дописал...

Что можно написать об этом человеке, чтобы это не прозвучало простым восхвалением? Это весьма трудная задача, потому что Георгий был выдающимся художником и незаурядным человеком. Упоминание о творчестве тоже будет неуместно – великолепие его творчества говорит само за себя. Героическая эстетика Гурьянова оказалась очень востребована: с невероятной быстротой он стал одним из самых дорогих российских художников.

Так каким же он был, Георгий Гурьянов? О тяжелом характере Георгия ходили легенды, но разве может это считаться недостатком? Вряд ли проявления дурного характера Гурьянова можно считать недостатком, ибо тяжелый нрав – это своеобразная особенность многих великих людей. А упрямое молчание и невероятная холодность, которой он обдавал докучливых людей, по мнению его близких друзей, были лишь проявлением исключительной проницательности.

Абсолютно чуждый расчету, Георгий Гурьянов был весьма вдохновенным человеком, хоть его запредельные порывы были скрыты под маской крайнего хладнокровия. И именно эта холодность являлась проявлением закономерного отвращения к подавляющему большинству окружающих. Жесткий, трезвый взгляд Гурьянова на жизнь и современников, вполне соответствовал его требованиям по отношению к самому себе. То есть его кажущаяся жесткость была на самом деле оправдана целью, которая и проявилась в полной мере тогда, когда он с головой ушел в работу и добился совершенства, отличавшего его произведения последнего десятилетия. Одним из любимых выражений Гурьянова была фраза – «лучшее мое произведение – это я сам». И он свято хранил верность себе и своим убеждениям. А ведь верность себе и своей стране – это огромное человеческое достоинство. Еще Оруэлл писал, что настоящие люди определяются по их отношению к «приличиям», по границам допустимого и отказу от недопустимого. И кто может оспорить потрясающие честь и достоинство, которые сквозили в каждом слове и каждом жесте Георгия Гурьянова? И хотя всем известен восторг, который у него вызывала западно-европейская социальная модель жизни, Георгий никогда не презирал свою страну, был глубоко привязан к родному городу, родному языку, всему тому, что делало его до глубины души русским.

Как и полагается человеку, самым продуманным произведением которого, был он сам, Гурьянов всегда был на постаменте. Он был гениален и красив во всем. В живописи, в поведении, в умении себя держать. А также в музыке, которую Георгий пронес через всю свою жизнь и которой он так много отдал. Сегодня галеристы буквально вырывают его картины друг у друга. Моряки, летчики и атлеты Гурьянова, ставшие хитами еще до попадания на экспозиции и выставки, сегодня поистине «золотые». И музыка группы «КИНО», которая совершенно немыслима без барабанов Гурьянова, сегодня тоже ценится сотнями тысяч людей. И это гораздо лучше всех музеев и памятников ушедшему гению.

Юрий Каспарян

Отношения Цоя и Каспаряна вернее всего будет назвать «братскими». Ни у Юрия, ни у Виктора братьев не было, а валентность в душе, видимо, была. По темпераменту они очень разные: Юрий всегда был неторопливым и словно оторванным от реальности, Виктор, напротив, был человеком четким и собранным. Эта пара удивляла полярностью – один четко сформатированный, а другой словно дымовая завеса. Но у обоих внутри был металлический стержень, и они это понимали, просто в случае Каспаряна он не был замечен даже вблизи. Своей расслабленностью кошки, летящей вниз с десятого этажа и приземляющейся с безупречной элегантностью, Юрий словно притормаживал движение «КИНО», что обеспечивало машине группы высокую маневренность на крутых виражах.

Юрий Каспарян родился 24 июня 1963 года в Симферополе, где тогда отдыхала его мать, но вырос в Ленинграде.

Юрий Каспарян:

«С 1 по 7-й класс я параллельно учился игре на виолончели в музыкальной школе. К гитаре я пришел в седьмом классе. Как всегда у мальчиков. Началось половое созревание, я услышал будоражащую кровь рок-музыку, попробовал на гитаре поиграть и понял, что с легкостью могу изображать то же самое, что и эти боги с пластинок. Не с легкостью, конечно, но я понял, что все это можно подбирать...»

Юрий учился играть на виолончели в ДМШ города Пушкин в течение семи лет. Но не сдал выпускной экзамен и, соответственно, не получил диплом. По словам самого Юрия, про-

изошла следующая история: он играл в снежки во дворе и забыл про экзамен! И ему до сих пор ужасно стыдно перед своим педагогом.

Зато про музыку Юрий не забывал никогда, и через несколько лет из гитариста-самоучки Каспарян превратился в одного из лучших гитаристов страны.

После окончания школы он поступил в ЛИСИ, где проучился кое-как один год.

Юрий Каспарян:

«После окончания школы у меня было несколько планов, типа план А, план Б... Чтобы избежать службы в армии, я поступил в институт, но, поскольку уже активно занимался музыкой, продержаться там смог только год, и меня отчислили. Тогда в силу вступил план Б...»

Увлечшись рок-н-роллом, Юрий действительно перестал думать о чем-либо другом. Со студенческой группой, в которой играли еще Михаил Борзыкин (позднее создавший группу «Телевизор»), Дмитрий Ежембовский, Валерий Сагамонян (ныне проживает в Финляндии, барабанщик-профессионал), Юрий начал выступать на дискотеках и танцплощадках. И вот однажды приятель Юрия Максим Колосов познакомил его с Алексем Рыбиным, который свел его с Виктором Цоем в 1983 году.

Несмотря на небольшой опыт игры на гитаре, он удивительно быстро развивался как гитарист, именно его манера игры во многом определила лицо классического «КИНО» конца 80-х и стала, равно как и сам Каспарян, воплощением музыкального стиля группы. По мнению Наталии Разлоговой, чуткий, немногословный Каспарян, воспринимающий все на слух, всегда чувствовал себя комфортно лишь там, где все гармонично и спокойно. Видимо, такой и была атмосфера «КИНО».

Вот что об этом союзе писал в 1988 году «Московский комсомолец»:

«Первый же выбранный Цоем кандидат – гитарист Юрий Каспарян вызвал в среде коллег-музыкантов недоумение: "Он совсем играть не умеет". Однако время расставило все и всех по местам. Искушенные мэтры, без энтузиазма встретившие Каспаряна, виновато разводят руками: ну кто бы мог подумать, что у Цоя такая интуиция».

Борис Гребенщиков:

«Юрка Каспарян не блестяще играл на гитаре, но Витька его всегда защищал, исходя из того, что это правильный человек, а играть научится. И был абсолютно прав, как опыт показал».

Рашид Нугманов:

«Его музыка – это не только Виктор Цой, это еще и группа "КИНО". Виктор сам всегда это подчеркивал. Я глубоко убежден, что "КИНО" не имело бы такого своего лица, если бы не было Юры Каспаряна. Звучание его гитары для меня одно из самых любимых в советском роке. Мне кажется, что это был пример счастливейшего сотворчества. Виктор мне рассказывал, что, когда он взял Каспаряна в группу, многие ему говорили: зачем ты его берешь, он ни во что не врубается! Юрик до этого тяжелый рок играл, по-моему. И все Цою говорили: у тебя же совсем другой стиль, ничего у тебя с ним не получится. А Виктор сразу в нем увидел своего человека. Это очень важно, когда люди, несмотря на всякие наговоры со стороны, видят суть и доказывают, что они правы».

Группа «КИНО» была отнюдь не политична, в ней не было никакого экстремизма, как, к примеру, у «Алисы» или «Телевизора». Скорее, наоборот, «КИНО» проповедовало, в общем-то, буржуазный стиль жизни.

Юрий Каспарян:

«Мы частенько шутили, что у нас, в общем-то, странная группа: один после "дурки", второй никогда в жизни не работал, тунеядец, по сути, и я со своей виолончелью...»

Чтобы не оказаться в армии (поскольку, как и Цой, Юрий не хотел попасть в Афганистан, да и не желал прекращать музыкальную деятельность), Юрий поступил в техникум морского приборостроения, где была военная кафедра. Подобных техникумов в Ленинграде было всего три, о них мало кто знал, но Юрию удалось туда поступить и с успехом закончить обучение.

Юрий Каспарян:

«Следуя плану Б, я поступил в техникум морского приборостроения, там была военная кафедра. Это был 1982–1983 год. В общем, отучился, закончил... Там уже как раз Джоанна была, был такой замес...»

Единственной проблемой после окончания обучения, по словам Юрия, была необходимость трехлетней отработки по распределению на секретном подводлодочном производстве, в ЦКБ «Рубин». Самому же Юрию, мечтавшему, как и Цой, устроиться на работу в какую-нибудь кочегарку, ужасно не хотелось заниматься конструированием приборов для подводных лодок, и он мечтал получить справку о свободном распределении, что ему в конце концов и удалось.

Юрий Каспарян:

«В общем, поступил я в техникум. А техникум-то был военно-морской, после окончания там распределение было на разные "Рубины", "Изумруды"... Ну я пометался, пометался и пошел сдаваться. Что-то сработало, я, конечно, не знаю подробностей. Отец мне помог или кто... Во-первых, на собеседовании я расписывал, конечно, со злым умыслом, достоинства своего папы, члена Академии наук, который в то время вел активную переписку с западными коллегами. А во-вторых, Джоанна уже была, из-за этого тоже пасли. И когда я пришел поступать по распределению в секретное конструкторское бюро, которое занимается подводными лодками, начальник отдела кадров меня прямо спросил: "Вы правда хотите у нас работать?" Я честно ответил: "Нет". И получил справку о свободном распределении».

Получив вожденную справку, Юрий устроился кочегаром. Впоследствии он не раз говорил, что милостивое разрешение начальства «Рубина» отправиться на все четыре стороны было связано с вмешательством КГБ: Юрия просто не допустили до работы на секретном объекте, поскольку «он уже тогда всюю с Джоанной тусовался».

Георгий Гурьянов:

«Я помню, у Юрика начались какие-то внутренние изыскания и он начал что-то навешивать Вите на уши. А тот сказал ему: "Гоу ту маринес". И тот пошел, нашел морских пехотинцев каких-то и с ними там тусовался...»

Юрий Каспарян:

«Я – младший лейтенант, мог бы и до капитана подняться, если бы на сборы ездил. Кстати, когда через пару лет сам попросился в армию, не взяли. У вас, говорят, жена – американка!»

Как вспоминал Каспарян, долгожданное и с таким трудом найденное место в кочегарке совершенно себя не оправдало и вместо свободного графика принесло лишь кучу проблем.

Юрий Каспарян:

«Я устроился оператором газовой котельной, это, конечно, чудовищная была котельная, не маленькая в центре, тихая, где спишь сутки, а потом трое гуляешь, а огромная, пять котлов с двухэтажный дом, на улице Салова. Сейчас ее нет, по-моему, уже. Меня там никто не хотел замещать совершенно... Поэтому я работал там сутками, один. И поэтому в самодельном клипе Джоанны "Видели ночь" меня нет. Они видели ночь без меня. Витя там соло на дереве сыграл... И вот я там мучился, а потом Саша Титов подбросил мне свою синекуру. Работа – руководитель художественной самодеятельности в техникуме. Там все начиналось с дружеского поединка такого. А потом уже мы что-то из "Аквариума", что-то из "Игр" там играли. Ребятам нравилось. А потом мы уже в "Бенефис" переехали. Хотя нет, сперва я в "Поп-Механику" устроился работать, в Ленконцерт. У меня где-то трудовая книжка лежит, там все записано... Потом мы к Гартсману в "Бенефис", театр-студию... А после уже мы сами с Айзеншпи-сом стали работать. Потом был фонд Виктора Цоя какой-то...»

2 ноября 1987 года Каспарян женился на американке Джоанне Стингрей... Впоследствии брак распадется и Джоанна вернется в США. По поводу этого неудачного союза будут ходить сплетни, что «Стингрей любила Гребенщикова, замуж вышла за Каспаряна, а нужен ей был только Цой». Злые языки также утверждали, что женитьба Каспаряна на иностранке была своеобразной формой эмиграции, поскольку так решалась проблема выезда за рубеж.

Сам **Юрий** говорил по этому поводу следующее:

«Я никогда не хотел эмигрировать. Брак, скорее, был средством адаптации для Джоанны Стингрей, чем средством эмиграции для меня. Просто договорились однажды, что нам будет хорошо вместе. КГБ, конечно же, интересовался. Причем мной – нет. Интересовались Джоанной, но весьма корректно, судя по ее рассказам. Встречи в ресторане, беседы... А что со мной разговаривать? Стучать я ни на кого бы не стал. Не знаю даже, что это такое. Рассказывать, чем мы занимаемся? А чем? На х... всех посылаем, да и все. Важничаем да на гитарах играем! Суперзвезды, блин!»

Джоанна Стингрей:

«Юрий и я влюбились друг в друга, на самом деле ничего не зная друг о друге. Я не говорила по-русски, он не говорил по-английски. Если посчитать все дни, которые мы провели вместе в нашем браке, то их было не так уж много. Мое сердце сошло с ума, когда я встретила-сь с ним, и я подумала, что он – мой принц. Мы были молоды и, конечно, не имели ни малейшего представления о браке и совместной работе. Вскоре после того, как мы поженились, "КИНО" отправилось в тур по СССР, так что мы не видели друг друга слишком долго.

Когда он вернулся с гастролей, он сказал мне, что там были девушки, которые бросились на него, и он не мог остановить их, так что он баловался со многими.

В 1987 году Советский Союз позволил мне вернуться, я могла записать мои альбомы на фирме "Мелодия", так что я переехала в Москву, чтобы работать и строить карьеру, а Юрий был в Ленинграде и путешествовал, поэтому мы просто жили и росли профессионально врозь. Юрий всегда будет моей первой большой любовью, и он всегда будет занимать особое место в моем сердце».

Группа «КИНО» была модной. По фотографиям видно, как менялись «киношники». Длинные волосы, грим, стильные прически... По словам Юрия, «каждый месяц что-то менялось, мы следили за сверстниками на Западе, группами "Duran Duran", "Spandau Ballet", "Ultravox". Кстати, бас-гитарист "Ultravox" приезжал в Питер, и мы секретно встречались. Все было очень конспиративно. В завесе тайны и чувстве опасности мы находили остроту ощу-

щений. Главным модником был, конечно, Георгий Гурьянов. Следил за собой и нам не давал спуску, ругал за неопрятный с точки зрения моды вид».

Юрий Каспарян:

«Мы слушали много западных групп. И часто хихикали над тем или иным моментом. Например, мне очень нравилось напевать мелодию ансамбля "Песняры", которая еще есть в мультфильме "Ну, погоди" – "Косил Ясь конюшину..." Только напевал я ее – "Косил Yazoo конюшину..."».

Из участников «КИНО» Юрий Каспарян был к Цою ближе всех, и смерть Виктора вызвала у него (равно как и у остальных участников «КИНО») сильный шок и полную растерянность. Было непонятно, как жить и что делать дальше. По словам Юрия, «карьерный момент совершенно не рассматривался тогда никем из нас, мы потеряли друга, и все».

Рашид Нугманов:

«Что касается наиболее близкого друга, то, разумеется, Каспарян. Я бы даже назвал его младшим братом. Как пел Виктор: "У меня есть братья, но нет родных". К Каспаряну это в полной мере относится. Без сусальности и сладкой идиллии. Просто по жизни. Виктор как-то специально не выделял эти отношения словами, зачем? Сама жизнь выделяла. Лично для меня – это факт».

После смерти Виктора Цоя и распада группы «КИНО» Юрий Каспарян с головой ушел в музыку: он продолжал совершенствовать свое гитарное мастерство, искусство аранжировки, однако вновь играть в какой-либо группе не имел никакого желания. Да и, по словам Алексея Вишни, «не было в то время на рынке достойной ниши, которую он мог бы занять». Заполучить легендарного гитариста в группу мечтали многие. Эдуард Нестеренко попытался привлечь Юрия в группу «Петля Нестерова», но не смог удержать. Записав гитарные партии на студии и отыграв несколько концертов, Каспарян ушел, еще раз подтвердив свое даосское кредо: «Если можешь чего-то не делать – не делай».

Юрий Каспарян:

«Было время выбора. Стала намечаться линия игры в других составах. На гастроли в Питер приехал Дзуккеро, такой итальянский прототип Джо Кокера. Я считался тогда в неких хитах лучшим гитаристом. И менеджер Дзуккеро обратился через Юру Айзеншписа ко мне, пригласил сыграть на концерте. Честно сказать, эта работа не доставила мне ни радости, ни удовольствия».

По словам Каспаряна, после смерти Цоя у него полностью изменился формат внимания. И это можно понять. Музыканты «КИНО» работали всегда с готовым материалом, с теми песнями, которые им приносил и показывал Виктор. От остальных музыкантов «КИНО» требовалось дать этой песне достойную оценку и придать форму поп- или рок-музыки, а бывало, Виктор приносил уже готовую рок-песню. Таковой, например, явилась «Группа крови», в аранжировке которой почти нет участия других музыкантов, – Цоем придуманы партии как баса, так и гитары.

Юрий Каспарян:

«Изображал он все это голосом, но поскольку народ язвительный, придирчивый, Витя стал записывать себя на пленку и для нас просто включал запись. Это же тонкий момент, когда свое произведение представляешь очень близким людям».

В 1990 году на вечеринке у Сергея Бугаева, художника «Новых диких», Каспарян познакомился с Сергеем де Рокамболом и Анной, его женой. В процессе общения Сергей посвятил Юрия в свои разработки так называемого Атриум-алфавита. Юрий ничего из произносимого Сергеем поначалу не понимал, но со временем в нем проснулся интерес, и он с удовольствием принял приглашение Рокамболя сотрудничать с арт-группой «Атриум драконовы ключи».

Результатом этого сотрудничества становится первая музыкальная интерпретация базовой концептуальной разработки арт-группы – «Атриум-алфавит», которая в 1991 году была представлена на выставке группы на первой советско-американской конференции по трансперсональной психологии.

Юрий Каспарян:

«Я стал интересоваться базой разных культур, их мифологией и нумерологией. И первый мой самостоятельный альбом создан на основе "Атриума". "Драконовы ключи" были написаны к выставке в Голицыне, где проводилась советско-американская конференция по трансперсональной психологии. "Атриум-алфавит" – инструмент морфогенетический, но у меня не было цели найти ключ к формам классическим, сонатным. Хотя подробно изучал "Хорошо темперированный клавир" Баха. Там коллаж тональностей и ходов наиболее яркок. Мой результат получился добротным, но мог быть и повеселее».

Осенью 1990 года Каспарян под именем Георгий крестился в Преображенском соборе Петербурга. Крестным отцом становится Сергей де Рокамболь. С момента крещения Юрий предпочитает называть себя именем, данным ему при крещении, чтобы меньше было ассоциаций с группой «КИНО». По словам Каспаряна, «это была совсем другая жизнь...»

Зимой 1996 года Рокамболь, выбивший из фонда Сороса грант на музыкальный проект, подключил Каспаряна к работе над ним. Так появился состоящий из 12 треков альбом «Драконовы ключи», который сегодня сложно обнаружить на полках музыкальных магазинов. По словам Рокамболя, «это был сугубо концептуальный проект, смысловые нити которого сводились к тому, что эту работу необходимо поставить на полку и непременно забыть; послушать, но только один раз, ибо это должно остаться тайной».

Юрий Каспарян:

«Да, я крестился, и у меня появилось еще одно имя. А что касается Рокамболя, то мне стало ужасно интересно просто. "Атриум-алфавит". Все интересно и хорошо. Сейчас вот я поеду на дачу, буду записывать музыку. Общение с Сергеем я не прекратил, он меня периодически приглашает, результаты нашего общения можно в фейсбуке Сергея услышать, он на стену выкладывает. Композиция "Корни и ствол", "Ствол и ветки", "Листочки-колокольчики"... Вот я сейчас буду "Птички и облака" делать».

Через год Юрий в компании Вячеслава Бутусова и при участии Сергея Рокамболя записывает альбом «НезаконНоРожденный АльХимик доктор фауст – Пернатый Змей». Затем Юрий совместно с Вячеславом начинает почти трехлетнюю работу над проектом «Звездный падл», автором музыки и текстов которого стал Евгений Всеволодович Головин. К сожалению, проект не имел коммерческого успеха, да и публика была несколько удивлена столь резкой сменой музыкального стиля как Бутусова, так и Каспаряна.

И вот, наконец, в 2001 году Каспарян принимает предложение Бутусова и появляется группа «Ю-Питер», в которую помимо Вячеслава и Юрия входили Олег Сакмаров (экс-участник «Аквариума») и Евгений Кулаков (экс-участник «Петли Нестерова» и "Wine").

Группа была представлена 11 октября 2001 года, а в ноябре записала свой первый сингл «Ударная любовь». Первый концерт прошел 24 января 2002 года в Москве в ДК Горбунова. Группа активно гастролировала по России, ближнему и дальнему зарубежью, исполняя в основном песни периода сольного творчества Вячеслава Бутусова, а также хиты групп «Наутилус Помпилиус» и «КИНО».

26 февраля 2017 года, после концерта в Челябинске, финального в сибирско-уральском туре, группа «Ю-Питер», к великому огорчению, завершила свою совместную деятельность. Невозможно сегодня отрицать, что многие ходили на концерты «Ю-Питера» послушать виртуозную гитарную игру Каспаряна.

В августе 1990 года группа «КИНО» перестала существовать. И следующие двадцать лет ее песни звучали лишь в оригинальном исполнении или интерпретациях других групп. В 2010 году для грандиозного фестиваля «20 лет без КИНО» известный современный композитор Игорь Вдовин впервые написал оркестровые версии легендарных песен Виктора Цоя. Композиции были настолько тепло приняты публикой, что было решено подготовить сольную программу, добавив знаковую для всех меломанов гитару Юрия Каспаряна. Так и родилось «Симфоническое КИНО» – в истории русского рока проект, не имеющий аналогов. Программа была окончательно закончена к юбилею Виктора Цоя, продюсером проекта выступил сын музыканта – Александр Викторович Цой, что подтвердило серьезное и одобрительное отношение к проекту. Дирижером был выбран знаменитый итальянский маэстро Фабио Мастранджело, работающий с лучшими оркестрами мира. Премьера состоялась 21 июня 2012 года в БКЗ «Октябрьский» в день рождения музыканта. Зал аплодировал стоя...

Юрий Каспарян:

«Игорь сразу предложил мне принять участие в проекте. Я поначалу сильно сомневался. Ведь само по себе симфоническое исполнение не несет ничего интересного. Нужна была концептуальная зацепка, какая-то "фишка", которая сделала бы этот проект особенным. И мы ее придумали: свои партии я играю ровно так, как играл в "КИНО", голосовую партию Виктора ведут поочередно разные инструменты, а оркестр выступает в качестве сопровождения».

Творчество «КИНО» – исходный материал концерта – обладает таким богатством и ценностью, а в оркестровку Игоря Вдовина было вложено столько души, что в итоге получился не имеющий себе равных проект! Пожалуй, в этом и есть самое главное его достоинство: это не просто переигрывание симфоническим оркестром музыкальных партий Георгия Гурьянова, Игоря Тихомирова, Юрия Каспаряна и вокальных – Виктора Цоя. Это, если угодно, переосмысление, вторая жизнь для знакомых и знаковых композиций. Это была прекрасная возможность услышать музыку «КИНО» в исполнении настоящих профи своего дела. Это был концерт без навязанных гостевых или фонограммных вокальных партий – здесь каждый был волен петь сам, пусть и вполголоса, или слушать голос Цоя, идущий откуда-то изнутри. Этой музыкой было не надышаться, а когда все закончилось – казалось, овациям не будет конца...

Юрий Каспарян:

«Интересные ощущения, тонешь в море музыки, забываешь себя. Вот сейчас мне уже практически все нравится, первые шаги были скажем так с энтузиазмом, но музыкально не очень уверенно, а сейчас уже хороший уровень, мне нравится».

С момента премьеры в 2010 году выступления с проектом «Симфонического КИНО» получили признание во многих уголках России и странах СНГ. Успех проекта подтвердил, что Виктор Цой по-прежнему живет в сердцах тысяч людей, а симфоническое звучание делает этот красивый концерт универсальным для понимания слушателей любого ранга и любых музыкальных предпочтений.

В 2017 году сын Виктора Цоя – Александр – получил предложение выступить в проекте «Симфоническое КИНО» в качестве видеоинженера, и с успехом реализовал одну из сложнейших задач – создание графической анимации сопровождения проекта.

Александр Цой:

«В 2017 году, на открытии "Новой Голландии" мы успели сделать только одну песню – "Группа крови". Собственно, с этого и началось наше сотрудничество с Юрием Каспаряном, гитаристом группы. Юрий никак не мог найти подходящих людей, которые могли бы сделать видео, адекватное проекту. На мой вкус задача оказалась интересной. Здесь и классическая музыка, и эстетика, которая связана с группой "КИНО", а это – отдельный, самостоятельный пласт. С другой стороны – супрематизм и "Новые художники". При этом это все-таки рок-музыка. Сходу нельзя придумать, как совместить все эти истории визуально. Я решил двигаться в сторону графической анимации. Анимированный супрематизм, если мы говорим про трек "Группа крови" – так, как выглядел бы супрематизм, если бы он был не живописным медиумом, а видеомедиумом. Всем очень понравилось. Я напросился, и мне предложили продолжить».

Михаил Шурыгин:

«Люди получают достаточное количество рока в стране, и они уже научились ценить рок в совершенно другом качестве, тем более, что мелодии группы "КИНО" до такой степени народные, что фальшь поклонник не допустит. И то, что удалось сделать именно высококачественный проект, – это, наверное, главное наше достижение».

Мы не знаем, кем был бы сейчас Виктор Цой. Продолжил бы он писать песни, играть концерты, сниматься в фильмах – неведомо никому. Но отчего-то верится, что «Симфоническое КИНО» пришлось бы по вкусу Виктору. Ведь это действительно тот проект, который достоин того, чтобы продолжить жизнь драгоценных песен группы «КИНО». На сегодняшний день творческая команда проекта дает возможность публике всего мира увидеть грандиозный проект в своем городе...

Можно с уверенностью утверждать, что после смерти Цоя Юрий Каспарян вновь обрел себя, сумел остаться в музыке и занимается сегодня любимым делом – игрой на гитаре. Это непреложный факт.

Игорь Тихомиров

Игорь Тихомиров родился 17 апреля 1961 года в Ленинграде. После школы поступил во ВТУЗ, но диплом так и не получил – бросил учебу. В 1981 году организовал группу, которая позднее стала называться «Джунгли» (группа просуществовала до 1990 года). В группу «КИНО» Игорь Тихомиров пришел незадолго до четвертого фестиваля Ленинградского Рок-клуба и заменил на этом посту басиста Александра Титова. На тот момент Игорь был одним из лучших бас-гитаристов Ленинграда.

В «КИНО» Игорь был самым опытным, профессиональным музыкантом, воплощением точности, и перед четвертым фестивалем Рок-клуба буквально за два дня выучил все нужные музыкальные партии, благодаря чему группа успешно отыграла свою программу.

Георгий Гурьянов:

«Витя договорился с Игорем Тихомировым, и, конечно, это был лучший выбор, ведь тот играл на бас-гитаре как бог».

Игорь Тихомиров:

«На самом деле очень простая история произошла. Там в Рок-клубе всегда был какой-то конкурс – лучший гитарист, лучший басист и т. п. На самом деле, очень все просто – по каким-то итогам, кажется, мне или Витя сказал, или кто-то, что, Игорь, ты лучший басист в каком-то там году. И Витя пригласил меня, а я работал, играл и обожал, и обожаю до сих пор, группу "Джунгли". Такие серьезные всякие музыкальные коллективчики, которые для меня тоже немаловажные, но я с удовольствием согласился работать с группой "КИНО", не подзревая на тот момент, насколько это серьезно будет... Ну, конечно, а кто мог предполагать? Никто, конечно».

Алексей Вишня:

«В 1986-м в группу "КИНО" пришел новый басист – Игорь Тихомиров. Он давно уже вырос из такой музыки и играл в ней, скорее, из понта...»

Именно появление Игоря Тихомирова стало завершающим этапом становления группы «КИНО». В этом составе начался стремительный взлет группы к вершинам славы. Музыканты делали общее любимое дело. Цой нашел коллектив, который его понимал, хотя периодически возникали вкусовые разногласия.

Георгий Гурьянов:

«Да, были, конечно, трения с Тихомировым, нервы, но я бы всегда смог найти компромисс...»

Игорь Тихомиров:

«Умение Гурьянова играть на барабанах для меня как для бас-гитариста такое... Притча во языцах для многих барабанщиков: "Он не знает, что, как..." А я им доказывал: "Нет, Георгий Гурьянов умеет играть на барабанах, играет на них здорово, вкусно и правильно и в нужное время". А самое главное – у него абсолютное, абсолютное чувство времени. Мэтр...»

Несмотря на успех «КИНО», Тихомиров не расстался с группой «Джунгли», а также периодически выступал с музыкантами «КИНО» в группе Сергея Курёхина «Поп-Механика».

С 1987 года Тихомиров начал сотрудничать и с группой «ДДТ». Он также принимал участие в записях некоторых альбомов группы «Алиса», «Охота романтических ICN», снимался в фильме «АССА».

В качестве бас-гитариста Игорь Тихомиров прошел с группой «КИНО» с 1986 по 1990 год и по праву считается участником «золотого», звездного, состава группы.

Игорь Тихомиров:

«"КИНО" всегда было сообществом людей, которые занимались творчеством не столько музыкальным, сколько идеологическим. Вы сумеете узнать гораздо больше, почувствовать все гораздо тоньше, если будете задаваться вопросами, если будете размышлять о том, что проис-

ходит перед вами сейчас. Попробуйте почувствовать себя одним из участников творческого процесса, который все время происходил в нашей группе».

После смерти Виктора Цоя, во время работы над последним альбомом группы «КИНО», основная нагрузка выпала именно на долю Тихомирова. Вместе с Юрием Каспаряном он восстанавливал акапельные записи голоса Виктора Цоя, после чего они обрабатывали материал и накладывали новые аранжировки.

После «КИНО» Игорь играл в разных коллективах, собирал студийный и концертный аппарат, вынашивал идею строительства небольшой звукозаписывающей студии, которую позже построил совместно с группой «ДДТ».

Олег Соколов:

«Я помню, как Игорь в свое время не очень лестно отзывался о ”ДДТ“. Говорил, что Шевчук – это взбесившийся бард, который стал играть рок. А вон как жизнь все повернула. Теперь Игорь сотрудничает с ”ДДТ“...»

Как бас-гитарист Игорь принял участие в работе над альбомом «Я получил эту роль». Басовые партии Тихомирова также звучат в альбомах «ДДТ»: «Актриса Весна», «Любовь», «Метель августа», в программе «От и До», а также в отдельных песнях, например «Просвистела».

Мало кто знает, что именно Тихомиров сыграл легендарное соло на безладовом басу в композиции «Дождь». В середине 1990-х Игорь Тихомиров принимал участие в записи вышедшего в 1995 году альбома «Сын солнца» группы «Рок-штат», работал в джазовом проекте с Александром Ляпиным, являлся организатором и вдохновителем питерского Рок-клуба «Полигон». В 2000–2001 годах принял участие в проекте «Звездный падл» с Юрием Каспаряном и Вячеславом Бутусовым. В 2004 году принял участие в качестве звукооператора в работе группы «Кукрыниксы» над альбомом «Столкновение».

До настоящего времени Игорь Тихомиров работал звукорежиссером группы «ДДТ». Это одна из самых высокооплачиваемых рок-групп страны, хотя концерты группа часто дает бесплатные – в одной лишь Чечне их не перечислить. Необходимо отметить, что Игорь, как и Юрий Каспарян, не жалуется на судьбу, он остался в музыке и занимается любимым делом.

Группа «КИНО» – 2021

31 января 2021 года в Санкт-Петербурге, в цеху завода «Севкабель» прошел уникальный в своем роде концерт. Впервые за 30 лет группа «КИНО» сыграла вживую 15 своих хитов. Да, без Цоя. Однако, с его голосом, с энергией и огнем. И поверьте, огня оказалось столько, что зал с первых же аккордов в буквальном смысле слова впал в экстаз. Деньги на организацию и съемку всего мероприятия собирали всем миром через краудфандинговую платформу. Этот концерт стал важной вехой в истории группы, однако воссоединение «киношников», доставившее столько радости поклонникам, вызвало к жизни и темные силы. Но ни происки этих сил, ни даже общемировая пандемия не смогли помешать проведению следующих заявленных группой концертов. В период с 14 по 16 мая 2021 года группа «КИНО» дала три концерта в Москве, а с 22 по 23 мая три концерта в Санкт-Петербурге.

Виталий Калгин:

«14 мая 2021 года исполнилась моя, казалось бы, несбыточная мечта – я попал на концерт группы ”КИНО“. Мне уже сорок. Музыкантам ”КИНО“ под шестьдесят. А Цою как было двадцать восемь – так и осталось. Однако его песни по-прежнему жгут и леденят мое сердце,

заставляя его биться в безумном ритме ударных партий... Я слушаю группу "КИНО" с 1988 года. Практически с младенческого возраста. Я никогда не видел живого Виктора Цоя, никогда не был на концертах группы "КИНО" в восьмидесятые. Но вот подарок судьбы – музыканты группы "КИНО", несмотря на отсутствие, увы, уже двух парней, возродили проект. И группа "КИНО" снова показала всем нам "КИНО"...»

Москва, май 2021 года. Метро «Автозаводская». За два часа перед началом концерта группы «КИНО» московское небо заплакало теплым дождем, сквозь который пробивалось солнце, освещавшее путь к «ЦСКА Арене» многочисленным компаниям ценителей творчества группы «КИНО», которые слетелись, съехались в Москву, наверное, со всех регионов нашей большой страны. Самым приятным в этой тусовке был энтузиазм, с которым собравшаяся у входа и ждущая прохода в «Арену» публика орала, размахивала флагами, банданами и даже костылями в ответ на песни Цоя, которые исполнял в толпе молодой фан с гитарой. Те, кто побродил бы среди пришедших на концерт и пообщался бы с ними, с различными по возрасту и духу представителями тусовки, – пришли бы к выводу, что не так уж и страшна наша молодежь, как ее малюют. Из 20 опрошенных хиппующих и панкующих личностей только половина была откровенно пьяна, и на их лицах было написано желание – во что бы то ни стало побужить. Остальные в той или иной мере увлекаются творчеством Виктора Цоя, пишут стихи и песни. Но как бы там ни было, все считают Цоя совестью поколения, кумиром на века... А что касается бузы... Бузы не было. Не было и обычных для рок-концертов гопников. Ментам, откровенно скучающим под сенью навесов «ЦСКА Арены» и пасущимся у входа в метро, даже не нашлось дела. То ли тусовке не хватило запала, то ли незримо витавший над толпой дух Виктора Цоя охладил не в меру пьяные и горячие головы... Я стоял у самой сцены, прижатый к ограждению фан-зоны толпой людей, пришедших услышать, увидеть, прикоснуться к творчеству любимой группы. Не могу описать собственные чувства. Нет слов. Да и передать свои ощущения не смогу. Чувственный многократный оргазм, помноженный на безумный внутренний катарсис. Концерт был великолепен...

Мог ли знать Виктор Цой, наблюдая на концерте группы «Блиц» (читай "Beatles") в «Юбилейном» в 1981 году, как люди во время исполнения "Imagine" зажигают свечи в память о Ленноне, что ровно через сорок лет тысячи людей будут включать фонарики айфонов в «ЦСКА Арене» во время исполнения цоевской «Кукушки»? Думаю, нет. Цой даже, наверное, и мечтать не мог о таком. Ведь на подпольных концертах того времени даже фотографий не делали, потому что предполагалось, что они никому, кроме милиции, не будут нужны. Но это случилось. И ленинградский парень с гитарой стал последним героем, совестью своего поколения. И продолжает быть героем и сегодня. Весьма актуальным героем.

Будут ли еще концерты возрожденной группы «КИНО»? Уверен – да. Будут. И не один. Прошедшие в Москве выступления наглядно показали, что проект жив. Жив и реально готов к активному прокату по стране и миру. Многие говорят, что группа «КИНО» всегда была не самой лучшей сценической группой. И что слушать ее в записи было куда интереснее, чем смотреть на сцене...

Возможно. Действительно, если послушать оцифровки старых пленок, на которых сохранились записи концертов в Рок-клубе, то можно услышать как сквозь гудение плохо отлаженных микрофонов доносится плохо скоординированный звук группы «КИНО», которой в своей мрачной музыкальной агрессии всегда было плевать на тонкости. Угрюмое, однообразное пение четырех молодых людей непосвященному уху слушать было невозможно, но постепенно атмосфера дикого праздника захватывала даже самого далекого от рок-тусовки человека. И вот тут и начиналось «КИНО»...

Так было тридцать пять лет назад. Я вполне согласен с Денисом Керемовским, выразившим мнение, что теперь это совершенно другое «КИНО». Совершенно другой уровень игры. Музыка та же – а музыканты другие. Титов уже тогда, тридцать лет назад, бывший великим

– теперь вообще в космосе. Каспарян и Тихомиров вместе – это машина, от которой у тебя диафрагма пульсирует. И это однозначный факт. По мнению Дениса, – звукорежу стоило бы чуть прибавить бас. Наверное, я с этим соглашусь. Иногда реально становилось страшно от той мощи, которая перла со сцены. Однако это только сильнее щекотало нервы. Да, та группа «КИНО», которая была тридцать лет назад, такой мощи, конечно, не выдавала. Там было другое – ощущение здесь и сейчас, там мощь задавал зал. Все прекрасно помнят, как в 1988 году толпа на концерте «КИНО» в Лужниках снесла сидячий партер к чертовой матери. И менты стояли растерянные, потому что совершенно не понимали, что делать. И весь концерт в зале горел полный свет – потому что никто тогда не сталкивался с такими концертами. И с тысячами такой публики. Здесь же все было наоборот. И ментов в зале не было совершенно. С периодически возникающими волнениями в бушующей у сцены толпе фанатов вполне справлялись хлипкие на вид секьюрити.

И растерянными, потрясенными, в буквальном смысле парализованными были мы – зрители этого действия, которых в буквальном смысле распирало от нахлынувших чувств. Ведь со сцены действительно перла адская мощь. И отсутствие Цоя на сцене вообще ничего не меняло. И это, по-моему, ощущал каждый из находившихся в зале. Лично для меня, ждавшего концерта группы «КИНО» тридцать лет, вполне было достаточно музыки и прекрасного видеоряда, кадры которого в достаточной мере визуализировали Виктора в его поистине прекрасный период жизни, создавая настоящий эффект присутствия. Известно, что «КИНО» уже дало концерт в Минске, до конца года планирует выступить в Сочи, Киеве и Риге. А 21 июня 2022 года запланирован большой концерт в честь 60-летия Виктора Цоя, который пройдет на «Газпром Арене» в Петербурге. Советую всем – это нужно слышать, видеть и запомнить на всю жизнь. И желательно не через экран айфона. Кто знает, что будет завтра? Ведь как говорил Виктор Цой в мае 1990 года – жизнь полна случайностей... Мне, повторю, уже сорок. А Им – под шестьдесят. Всем. И это да – настоящая группа «КИНО». Даже более настоящая, чем была. Я никогда и помыслить не мог, что когда-нибудь это увижу. Но я увидел. И я безумно счастлив.

Часть 2. Родные и близкие

Марьяна

Марьяна Цой родилась 5 марта 1959 года в Ленинграде, писательница, общественный деятель, музыкальный продюсер, вдова рок-музыканта Виктора Цоя. Мать Александра Цоя (род. 26 июля 1985 года), единственного сына Виктора Цоя.

Мало кто знает, что Марьяна, будучи совсем маленькой, снялась в фильме «Очарованный странник».

Инна Николаевна Голубева:

«Когда Марьяше исполнилось три с половиной года (она жила в это время на даче среди цветочков и лягушек), позвонила одна моя приятельница с телевидения. Кстати сказать, приятельница была дочкой известного в те времена гроссмейстера Бондаревского, и говорит: "Я работаю помощником режиссера, мы снимаем 'Очарованного странника', и нам нужна Марьяна. Срочно привози ее с дачи". Я говорю: "Не повезу, потому что мала". – "Вези, вези. Я показала фотографии, вот хотят только ее". В конце концов я забрала с дачи ребенка, и мы приехали в самую большую студию на Чапыгина, 6. В середине площадка, снимается Стрельчик. Еще дама, любовница этого князя, у нее росла дочь внебрачная. Он приехал опять что-то такое вымогать. Бонна приводит Марьяшу. Такая должна быть сцена. Начали репетировать, посадили маму, конечно, рядом со Стрельчиком на диванчик. Все шло хорошо. Убрали маму, звон хлопнушки, "Мотор". Тут Марьяна кричит: "Мама, я не буду сниматься здесь, мне не нравятся эти штаны". А там панталоны с кружевами. Сделали паузу и снова начали снимать. Целый день мы бултыхались вокруг вот этого. А Стрельчик вообще был тогда красив в этом гусарском мундире. Его гримировали, наклеили ему усики, и он говорил: "Марьяша, как я тебе нравлюсь: с усами или без усов?" И отклеил их. Она на него смотрела, открыв рот, и не могла вымолвить слова. В общем, сцена была невозможная. Эти самые панталоны с кружевами почему-то ей особенно не нравились.

И она говорит: "Я не могу, пусть снимут с меня эти штаны. Штаны снимите!" А я говорю: "Марьяшенька, пожалуйста, сделай все, что просит тебя дядя, а потом мы снимем эти штаны и пойдем играть". В общем, мы приехали домой в обморочном состоянии, проспали сутки. Это был ее дебют».

Виктор Цой был вторым мужем Марьяны. Первый раз она вышла замуж в 19 лет. «Сделала эту глупость только потому, что в те времена не жениться было нельзя. Мои родители никогда бы не допустили свободных отношений типа гражданского брака», – вспоминала она.

Инна Николаевна Голубева:

«Первый ее муж был красивый парень, обаятельный прохвост, скажем так. Она влюбилась, и, хоть им нельзя было позволять жениться, – они поженились. Оба не один раз пытались поступить в Муху, жили на Моховой, работали дворниками, им дали там маленькую квартиру, они ходили вечерами на подготовительные курсы, там ваяли, общались, там паслось много народа, но продолжалось все это очень недолго, и через год они развелись. Они были бедны как церковные крысы и молоды. Марьяша с содроганием вспоминала эту дворницкую работу: приходилось мыть все эти заплеванные парадные и лестницы».

Когда Марьяну спрашивали о Викторе, она вздыхала с раздражением: «Десять лет я рассказываю о том, как мы познакомились с Цоем! Можно тронуться умом. А как люди знакомятся? Ничего рокового. Просто пришли на день рождения приятеля и познакомились. Мне тогда стукнуло 23 года, Виктору – 19». Марьяна была старше Виктора, из-за чего первое время Цой переживал и комплексовал, тем более что получал он гроши.

Марьяна Цой:

«Это было пятого марта. Цой вошел – подбородок вперед, уже тогда, – и говорит: "Меня зовут Витя". Потом, естественно, все напилось, начался полный бардак, все сидели друг у друга на ушах, и тут мне что-то не понравилось. "У-у, какой щенок – Витя его зовут!" И я ему написала губной помадой чуть ли не на физиономии свой телефон. С этого и началось. Цой начал звонить мне домой, я тоже начала ему звонить».

Игорь Петровский:

«Недавно я проходил мимо Поварского переулка, где 35 лет назад в 3- или 4-этажном домике жила моя будущая (нынешняя и единственная) жена. Там же впервые встретились Витя и Марианна. Теперь на месте домика – банк. Да – да. Где дом был наш, там банк стоит!»

Инна Николаевна Голубева:

«Как они познакомились? Марьяша пошла на день рождения приятеля, и вот там одна из ее подруг сказала: "Обрати внимание вон на того парня..." А парень лежал на полу, раскинув руки и ноги, в белой рубашке. Марьяну это сильно задело. Она написала ему помадой свой номер телефона, он ответил, и они стали общаться. Но мне она ничего не сказала поначалу. Я-то боролась за чистоту рода. А тут моя нордическая барышня, и вдруг такое... И вот потом она привела его. А было это так.

Работала я у "Невского" и возвращалась домой где-то в десятом часу, потому что пешком далеко до дома, очень уставала. Приходила и вообще ни с кем не разговаривала. В один из таких моих приездов, когда я видеть и слышать никого не могла, вижу, в большой комнате на диване кто-то сидит. И глаза у Марьяны излучают сияние: "Мамочка, я тебя хочу познакомиться с одним человеком". Я мрачно сказала: "Ну, познакомь". Поднимается это, значит, существо такое темное. "Мама, это Витя". Я говорю: "Очень приятно". Он со мной очень вежливо поздоровался, головку склонил, но я уже это образование, темное такое образование, возникшее в комнате, видеть не могла. Меня тошнило буквально. Я пошла к себе и долго сидела, и не выходила, пока он не ушел. Вот появление Вити.

Но это же была не просто моя дочка, это была девочка моей мечты, и я из нее делала вообще не принцессу, боже сохрани, мы жили трудно. Не было у нас никаких излишеств. Но тем не менее вложено было все то, что я могла отдать, я все отдала этому человеку. И вдруг – Витя. Пальто до пола, с помойки вытащенное. Волосы длинные до плеч, челка – глаз почти не видно, вижу, что вот узкоглазое что-то такое. Потом мы разговаривали с ней, и она мне говорила: "Мама, он талантливый, песни пишет". А я думаю: чего еще, какие там песни? Я тогда знала Галича, Высоцкого, их песни.

Да, долго с ним у нас не получалось. Я его не понимала, он – молчун. Вот первый ее муж был просто веретено. Мы могли говорить до утра о судьбах русской интеллигенции, допустим, как Васисуалий Лоханкин, с таким же рвением приблизительно. Это все пустые разговоры, но тем не менее они были, и я могла почувствовать человека. А тут я не знаю: он пишет что-то мелким почерком, и, вообще, ничего не видно и не слышно. Он так умел как-то себя организовать в доме, что непонятно, он делает вообще что-нибудь или ничего он не делает? Непонятно было...

У меня была приятельница, она к Марьяне очень хорошо относилась, она ее все время привечала и старалась ей помочь. Совершенно сумасшедшая женщина, но особенная. И она приглашает нас в гости, меня, Марьяшу и Витю. И мы пришли туда, сидим, и вдруг, значит, Марьяна, наверное, Вите шепнула, я даже не обратила внимания. Алик – это сын моей приятельницы – принес гитару, и Витя запел. Никогда до этого я не слышала, чтоб он пел вот так вот за столом или где-то. И спел он "Восьмиклассницу" всего-навсего. Что-то он еще пел, я не помню, но вот "Восьмиклассница" на меня произвела впечатление, я подумала: "Боже мой, да это же вообще! Это что-то такое невероятное". Такого я еще не слышала, короче говоря. Я тогда на него, наконец, посмотрела как на человека, которого интересно слушать и на которого интересно смотреть. Я, как и Марьяна, будто заново родилась на свет. Мне показалось, что что-то в этом есть. Вот так он и вошел. Хотя потом моя мама говорила: "Инна, Цой же совершенно не умеет играть. Вы все ложитесь спать, а он берет гитару и идет на кухню. Учитесь". У него была электрогитара, он ее, конечно, не включал, а просто сидел и щипал струны. Творил, короче говоря. А вот Юра Каспарян, по ее мнению, тот прекрасно умеет играть. В общем, почему гения сделали не из того?

Когда Марьяна его привезла впервые на дачу, они пошли на пляж, уже разделись на даче, и она говорит: "Ну что, мама, хороший мальчик?" Она еще любила меня подначивать. Мама, конечно, не могла сказать лучше, она сказала: "Ноги короткие". А у нас с ногами был пунтик, потому что у нас ноги у всех растут из шеи, так сказать».

«Она была женщиной сильной, умной, временами резкой и даже грубой, она умела отстаивать свои права и опекать тех, кто, по ее мнению, нуждался в такой опеке. У нее было много друзей, но немало и врагов. Она считала и не раз говорила мне, что "Цоя сделала" она», – писал о Марьяне Александр Житинский.

Дурацкое утверждение... Но большинству киноманов Марьяна Цой представляется «железной леди», «сделавшей» Цоя – с одной стороны, и верной женой, которую бросили, – с другой.

В своих интервью Марьяна говорила не раз о том, как ее достали неадекватные фанатки: гадили в подъезде, писали письма с угрозами и т. п. Хотя по отзывам о Марьяне в Интернете большинство поклонников все же ее уважает и считает истинной любовью Виктора Цоя. Многие жалеют ее за якобы «печальную» судьбу. Видимо, поэтому, а также потому, что она, как правообладатель, занималась сохранением творческого наследия, концертами памяти Цоя, потому что совместная жизнь со звездой питерского рока сделала ее «своей» в рок-тусовке, у сегодняшних киноманов к ней благоговейное отношение. Некоторые фанатки даже готовы, образно говоря, «перегрызть горло» оппоненту за одно лишь слово критики в ее адрес. Лишь у малой части «киноманов» вызывают неприятие ее жесткость и прагматизм.

Некоторые даже считают ее «единственной Главной Женщиной» в жизни Цоя. Такие «киноманы» являются в большей степени поклонниками Марьяны, чем поклонниками Цоя. Разве можно быть поклонником Марьяны больше, чем Цоя? Она не музыкант, и тем не менее у нее есть свои поклонники. Но постараться понять взаимодействие супругов можно, приняв простую истину: в любой семье существует своя модель отношений, зачастую не соответствующая привычным представлениям общества. Мало кто обратит внимание на очевидное противоречие, например, в воспоминаниях **Сергея Фирсова**:

«В нашей "камчатской" компании его (Цоя) считали подкаблучником, хотя на самом деле просто он боялся потерять свою жену Марьяну. Ведь она организовывала концерты группы, договаривалась о гастролях; в питерском Рок-клубе ее называли рок-мамой. Ее крылатая фраза "'КИНО' – это я" во многом соответствовала действительности. Ей удавалось "построить" всех музыкантов группы. В нашем рабочем журнале сохранилась надпись: "железная М. Тэтчер, кожаная М. Цой". Потом у Цоя появилась другая девушка...»

Но ведь после разрыва с Марьяной «КИНО», которое она якобы «строила», не развалилось.

Инна Николаевна Голубева:

«Соколов, "Начальник Камчатки", всегда ерунду рассказывает. Витька, мол, вот на этом самом диване... Марьяна "Камчатку" ненавидела вообще всегда. И Фирсова тоже не любила. Он брал у Марьяны записи Витиных песен, еще когда не было ничего, и распространял, не заплатив ни копейки».

Дмитрий Левковский:

«Есть мнение, например, Фирсов так думает, что Цоя "строила" Марьяна. Фирик, конечно, преувеличивает значение менеджмента, потому что сам менеджер. Хе, надеюсь, Фирик не скажет, что это он создал "Гражданскую оборону". Мне он как-то говорил, что без него "ГО" бы не было. Не совсем адекватно, как и про Марьяну. Да, Марьяна дала Цою определенный толчок. Выперла из группы Рыбу, что идеологически было для "КИНО" правильно, так как Рыба был и остался романтиком с "Оазиса Ю". А цель Цоя – создать самую модную группу в СССР. А дальше – целая цепь факторов: простота текстов, ясность музыки, растущая популярность, директор с большими концами, перестройка и переход больших залов к роке-рам. Много факторов... Но Марьяна Цоя не делала».

Сергей Фирсов:

«Я очень любил и уважал Марьяну Цой. Мы близко общались. Марьяша замечательная женщина была. Разумеется, все сплетни о детях Цоя и его походах по женскому обществу – это фигня. Цой был однолюб и женщин никогда не подводил. На моих глазах девки на "Камчатке" вешались на Цоя, но он ни с кем ни разу. Хотя что мешало? И почему он не мог на гастролях этого делать? Цой вообще был отморозок в этом смысле. В нашей среде он был абсолютно чуждый элемент...»

Не будем тут спорить – великая Марьяна или не великая – и уж тем более рассуждать о том, любила она его или нет. Это знали только они. Она и Он. Можно только догадываться, глядя на сохранившиеся фотографии. Важно другое: понять, какую роль она действительно играла в группе «КИНО», ведь далеко не всегда даже она сама признавала эту особую роль.

Марьяна, по понятным причинам, была одной из самых интервьюируемых персон из окружения Цоя. Очень интересная закономерность наблюдается, если прочесть ее интервью с начала 1990-х и до начала 2000-х. В своих первых интервью и «Точке отсчета» она стремится к объективности и не преувеличивает собственную значимость. Но позже журналисты все чаще жалуются на грубость и резкость Марьяны, особенно она категорична в определении своей роли в жизни Цоя. Трудно сказать, с чем связана такая перемена. От интервью к интервью ее тон настолько меняется, что подчас сложно узнать человека. Кажется интересным проследить за сменой ее оценки своего вклада в становление группы «КИНО».

За ней признают две заслуги – организацию концертов группы и даже вклад в написание песен Цоя. Рассмотрим эти аспекты глазами самой Марьяны и окружения.

Марьяна о себе как администраторе:

– Марианна, тебя называют первым менеджером «КИНО». Расскажи немного о том времени.

– Когда я была с «КИНО», это было просто подпольное барахтанье! Не существовало ничего официального. Речи о сегодняшнем администраторстве просто не шло. И если какой-

либо устроитель приглашал в другой город, то это был человек, глубоко влюбленный в свое дело и группу. Он делал это на свой страх и риск. Потому что могли прийти обком, горком или 33 комитета и все запретить! Я вела только переговоры по телефону. Да и сам Витя был прекрасным менеджером. Свои финансовые дела он вел сам. Просто мы играли в свои игрушки – называли себя красивыми именами, чтобы наша несчастная тогда жизнь (с точки зрения существовавших проблем) была похожа на красивую птицу. Это время по запаху отличалось от сегодняшнего.

Есть иное интервью:

– ...И стали администратором группы «КИНО»?

– Я была им, пока мы не расстались с Витей (как вы знаете, последние годы жизни он провел в Москве с гражданской супругой Натальей Разлоговой). И когда он уехал в Москву, я объявила в Рок-клубе, что осталась без работы, и получила предложение поработать с «Объектом насмешек».

Инна Николаевна Голубева:

«Когда Витя появился у нас дома, группы "КИНО" как таковой еще не было. Был какой-то таинственный, по слухам, "Гиперболоид". Я даже не очень четко понимала. Потом появился Рыба. Был при Вите. И тут, я слышала, у них, у Марианны с Витей, была какая-то борьба. Она настаивала на том, что надо его выбросить. Рыба такой был пай-мальчик, но особой деятельности я не заметила. Витя с длинными волосами выступал в рубашках с кружевными рукавами, сшитых Валентиной Васильевной, комильфо такое деревенское... Потом Рыба исчез. Позже появился Боб в нашем доме. И какая-то тусня вокруг этого возникала уже, какие-то люди».

Когда Марьяна познакомилась с Виктором, она работала заместителем заведующего постановочной частью в цирке и получала, по мнению Виктора, просто гигантские деньги – сто пятьдесят рублей в месяц. А Цой сам себе шил штаны.

Инна Николаевна Голубева:

«Да, она работала в цирке. Кто же ее туда привел? Господи, у меня ж много всяких разных знакомых. Она там с Поповым... Очень ей понравилось, как разговаривают дрессировщики львов. В ту зиму были львы. Она их очень жалела: какие они бедные, их плохо кормят, мучают, бьют и т. д. И она там работала. Потом Витя настоял, и она уволилась. Слишком увлеклась она, по-моему, этим цирком. Всему нужно отдать всего себя. А она начала себя отдавать рок-н-роллу и Вите. И что получается? Надо было ликвидировать цирк. Витя настоял, она ушла».

Марьяна Цой:

«В марте мне нужно было сдавать новую цирковую программу к весенним школьным каникулам. На мне висели декорации и костюмы. Времени, как всегда, было в обрез. Народный артист СССР Олег Константинович Попов, придумавший всю эту белиберду, обещал снять живьем кожу с нашей постановочной части. Мы работали по восемнадцать часов в сутки, засыпали на ходу, а Витя зверел от одиночества в нашей комнатухе на Блюхера. "Но акробаты под куполом цирка не слышат прибор". И Цой наказал их за это. Я уволилась».

Со слов Алексея Рыбина, когда Марьяна появилась в жизни Цоя, Виктор называл ее полноправным членом группы "КИНО". Но она была не администратором (эти обязанности тогда выполнял Рыбин), а гримером (действительно, есть фото, где Марьяна накладывает ему грим), костюмером (в начале деятельности группы она приносила из цирка, в котором рабо-

тала, какие-то невероятные костюмы для сцены) и художником (Марьяна неплохо рисовала и помогала Виктору оформлять обложки для альбомов).

Андрей Столыпин:

«Я дружил с Вовкой Родованским – первым мужем Марьяны. Собственно, поэтому Марьяну я знал до Цоя, но с ней мы не дружили. Из-за безудержного поведения. Владимир Родованский был сыночком контр-адмирала и ни в чем себе не отказывал, а я, хоть и был сыночком чемпиона мира, но за год до поступления в Муху папа мой сказал: ”Дальше сам“. И я стал иметь только зарплату дворника, потом плотника, а потом уже стипендию. Короче – шиш я имел, а Вовке было скучно, и деньги были. Так мы и дружили. Мане это совсем не нравилось. Один раз я обнаружил себя в Таллинне вместе с Родованским и еще одним приятелем. В ленинградском такси.

Про Виктора Цоя я впервые узнал от Вовки.

– Представляешь, а Маня-то меня выгнала. – Мы давно, месяца два-три, не виделись.

– В смысле?

– Узкоглазого пацаненка в дом привела, а мне сказала: иди в жопу.

(Вовка мог по месяцу не давать о себе знать.)

– И?

– Чего «и»? Пришел я за вещами. Взял бутылку. Сидит, молчит. Не ссыт.

Вовка здоровый и жилистый, с горбатым, ломаным носом, был скор на драку. Выпили. Молчит. Мы с Маней трындим. Этот молчит. Маня про него рассказывает: типа, музыкант. Он только кивнул. Выпили. Короче, я пошел еще за бутылкой. Во дворе схлестнулся, уже не помню по какому поводу, с превосходящими силами местных противников. И чего-то начали они меня буцкать не по-детски. Слышу, Маня орет из окна, а через минуту этот узкоглазый Витя рядом оказался. В стойке стоит и руками-ногами машет. Брюс Ли. Погнали уродов. Взяли. Выпили. Благословил я их. Боец этот Витя.

Через какое-то время и я познакомился с Цоем. Да, он боец. Хотя молчал далеко не всегда и не со всеми. И с Маней мы стали дружить. Сначала не очень, видимо, память была тоже не очень. А потом – очень. До самого ее конца».

Вместе с Цоем Марьяна проживет несколько лет. Они будут зимой и летом гулять по улочкам Ленинграда, ютиться в коммунальной квартире у Майка Науменко, ездить с семьей Гребенщиковых – Борисом и Людмилой – на пляж, где будут купаться голышом, петь, пить и еще раз петь... Вдвоем, на поездах, ”зайцами“, они будут добираться до солнечного Крыма...

Я вижу, как волны смывают следы на песке,
Я слышу, как ветер поет свою странную песню,
Я слышу, как струны деревьев играют ее,
Музыку волн, музыку ветра.

Эту песню Цой написал о том времени. Времени, когда они вдвоем с Марьяной целыми днями плескались в море, загорали под щедрым крымским солнцем, порой засыпая прямо на пляже. Деньги быстро подошли к концу, но для них это не было проблемой. Будучи очень хорошими пловцами, они ныряли за мидиями, жарили их на костре, вылавливали бутылки и сдавали, чтобы выручить хоть какие-нибудь копейки. Инна Николаевна, мама Марьяны, рассказывала, что впоследствии Марьяна даже запах мидий не выносила...

Алексей Рыбин:

«Витька теперь всюду ходил с Марьяшей... Марьяша хоть ни на каком инструменте не играла, но Витька сказал, что она третий полноценный член нашей группы – гример, костюмер и художник. Я не протестовал против такого расклада: Витьке она явно нравилась, общий имидж не портила, а, наоборот, помогала его поддерживать и не командовала, что вообще-то свойственно слабому полу».

Алексей Вишня:

«После того как Марьяна появилась в группе в качестве, не знаю кого, гримера, что ли, делить все пришлось на троих... Представьте себе, как сложно делить мизерные суммы! Однако, оглядываясь назад, я понимаю, что труд Марьяны был недооценен».

После разрыва с Рыбиным (как считают Вишня, Левковский и Житинский, к этому разрыву привела именно Марьяна) Цой из «гримеров» записал ее в «администраторы» группы. Но, согласно ее словам, это было в большей степени игрой, чем подлинным администрированием.

Цитата из интервью с Марьяной:

– Но быть директором рок-группы – это ведь не женская работа?

– Вообще-то, действительно, не женская. Но я в этом смысле уже как наркоман. И к этой среде меня Витя приучил. Он мой крестный отец с точки зрения рок-музыки. Мне от нее долго теперь не избавиться...

Я работала администратором в цирке, мне светило место замзава постановочной частью, у меня были свои планы и идеи, но Цой смешал мне все карты. И так я, собственно, в музыке и оказалась.

Инна Николаевна Голубева:

«Я ее водила в детстве в филармонию, в театры, слушать музыку. А ей всегда хотелось только одного – свободы, свободы, свободы. Рвала все тенета. Только потом, много лет спустя, она призналась мне: "Мама, как я тебя ненавидела, когда ты меня по филармониям таскала". А я-то так старалась. Я же воспитана на таких вот концертах и на такой музыке, как я должна была воспринимать рок-н-ролл? Наверное, должна бы вообще не воспринимать. Но меня Марьяна приучала, она мне там "Rolling Stones" ставила, еще что-то там... Я не знаю всех названий, но в то время какие-то пластинки крутились».

Я и Сашу, конечно, когда подрос, в Эрмитаж пыталась водить. Роберт Максимович тоже очень Сашку любит, забирал его всегда, возил в музеи. Как-то собрались, тут Рикошет вылезает и говорит: "Инна Николаевна, оставьте свои интеллигентские штучки". – "А в чем дело?" – "Ему баба нужна, а вы ему – Эрмитаж, Эрмитаж..." Сашка развернулся, ушел к себе, я тоже промолчала, Рикошет ушел, упал к себе в нору. В общем, простенько так и со вкусом. Рикошет был очень начитанный человек и всегда мне говорил: "Вот вы думаете, что рок-н-ролл – это шпана, а панки – вообще подонки". Я говорю: "Да". А ведь все они мальчишки из очень интеллигентных семей. Панов, Рикошет, Скандал со своим папой-академиком. Но они сгорают очень быстро, эти ребята. Сначала все они хипповали. Потом панки пошли всякие, и главное – у всех проблемы с родителями. Вот не понимают они. Взрослые на них смотрят глазами совершенно чужими. Одна подруга Марьяне говорила: "Как бы я хотела жить с твоей мамой, а не со своей". А Марьяна ей: "Это еще надо заслужить!" Ходила – гордилась. И так далее. И пошел, пожалуйста, рок-н-ролл. А потом и панк-рок еще. А это вообще...»

По «Точке отсчета» можно сказать, что Марьяна была для Виктора не столько «администратором», сколько соратницей. Во всяком случае, она пишет, что ходила с ним на концерты,

что он втянул ее в мир рок-музыки, перевернул всю ее жизнь – она ушла с перспективной работы, отказалась от поступления в художественное училище. Так что тут на самом деле еще большой вопрос – кто кому диктовал свою волю: Марьяна Цою или он Марьяне. Несомненно только одно: она, как БГ, Майк, Айзеншпис и многие другие люди, сталкивавшиеся с Виктором по жизни, увидела его настоящий талант и внутреннюю силу, поэтому поощряла его на пути рок-музыканта. И поэтому он ценил ее в то время, пока они жили вместе. Марьяна действительно помогла Цою в обретении веры в себя, поддерживала во всем, жила его интересами. Собственно, это все, что требовалось от жены (если отвлечься от быта). И именно такое поведение вызывает уважение и говорит о том, что Марьяна сыграла положительную роль в жизни Цоя.

Виктор и Марьяна поженились лишь через три года после знакомства, в феврале 1984 года. «Мы были бедны как церковные крысы, – вспоминала впоследствии сама Марьяна. – Снимали комнату в коммуналке, питались чем бог пошлет. Даже приличную свадьбу не смогли сыграть. Вместо свадебного платья я надела белый пиджачок и светленькую юбочку в полоску».

На свадьбу пришел весь «бомонд» ленинградского андеграунда... А 26 июля 1985 года в семье Цоя родился сын. Имя ребенку выбирали очень долго. Виктор очень хотел, чтобы имя хорошо сочеталось с необычной фамилией. Полтора месяца мальчик был безымянным и, по воспоминаниям Марьяны, звался Жучком. Как-то вечером Виктор сказал жене: «Послушай, а может быть, Тимур?»

«Этим заявлением он вывел меня из себя, – говорила Марьяна. – Тогда я поставила Вите условие: "Если ты сейчас же не соглашаешься на Александра, завтра я иду в ЗАГС и регистрирую его Христофором". Виктору пришлось уступить, так сын стал Александром».

Из интервью с **Марьяной Цой**:

– Марьяна, у вас хоть раз возникло желание сказать: «Дорогой, заканчивай заниматься ерундой, ребенку есть нечего»?

– Цой был не таким человеком, которому можно было это сказать. У Вити было единственное желание – заниматься музыкой. Бросить ее он не мог. Но такая уж у нас, жен рок-музыкантов, карма. Хотели бы жить другой жизнью – выходили бы за кого-то другого... И потом, когда у нас родился Александр, уже пошли какие-то деньги, стало проще.

Житинский часто говорил, что Марьяна считала, что Цоя сделала она. Но вот интервью Марьяны, где она говорит о Цое как о независимом человеке, противоречит этому: «Я проживу еще 50 лет и не сделаю ничего. А этот мальчишка умер в 28 лет, а его до сих пор слушает вся страна».

– Вы же сказали: было нечто, что сразу выделяло Цоя среди остальных. Не восточная внешность, а что-то, что сразу давало понять: это не совсем обычный 19-летний парень...

– Да, но это словами очень трудно объяснить. Просто было видно, что этот юноша – уже мужчина. Человек с собственным мнением, с собственным порядком жизни. У меня были какие-то знакомые художники, которые, как сопли, вокруг меня мотались, и им можно было навязать свое мнение, желание. Но с этим молодым человеком такой номер не проходил.

С другой стороны, это тоже слова Марьяны:

– А чем вы сейчас занимаетесь?

– Я – муза. Выращиваю гениев. Цой, конечно, родился звездой, но я его вырастила. Вслед за Цоем у меня появился Рикошет. Мне дай кого угодно, и я из него сделаю поэта. Хотя, кроме Рикошета, мне сейчас никто не нужен.

Марьяна влияла на творческую составляющую, то есть на песни Цоя. Она действительно была музой. Только, конечно же, не в прямом смысле этого слова. И Марьяна это прекрасно знала, поэтому и упомянула, что «он уже родился звездой». Виктору отнюдь не нужна была муза. Ему нужно было только одно – понимание. Вдохновение у него было сугубо внутреннее. И понимать это важно. Хотя в начале отношений песни Виктора рождались при Марьяне, и в «Акробатах» с альбома «Начальник Камчатки» посвящение Марьяне проскальзывает очень явно. Тогда Марьяна понимала его, как никто.

Из интервью с **Марьяной Цой:**

– Какие песни Цой посвятил тебе?

– «Дождь для нас», «Когда твоя девушка больна»².

Питерское окружение Цоя часто искажает факты. Поэтому можно поставить под сомнение слова, к примеру, Алексея Вишни, заявившего, что Марьяна, ни много ни мало, вообще является автором текстов трех песен Цоя – «Музыка волн», «Генерал» и «Акробатов». При этом очевидно, что мемуарист то ли путается в показаниях, то ли выдает желаемое за действительное.

Алексей Вишня:

«Бытует мнение, что Марианна написала несколько стихотворных форм, например, "Акробаты под куполом цирка". Однако доказательств получить не удастся, если только Саша не проговорится. А Саша мог об этом не знать. Доносить это до общественности никто не собирался, а потом умерли все. Я бы не стал писать об этом однозначно. В конце концов, когда я жил со своей женой, бывало, что мы писали стихи вместе, а автором указан единолично я. Так и там могло быть, я думаю. Муж и жена – одна сатана. Откуда я об этом знаю? Когда Цой приезжал ко мне писать "46", была и Марьяша, которая открывала большую амбарную книгу с текстами Цоя. Все тексты были аккуратно переписаны с черновиков Цоя ее рукой. Большой такой журнал учета. Знаете, раз есть критика, значит, и ответ на критику тоже может быть. Правила тексты Марианна наверняка. В тот день и прозвучало, что "Акробаты" написала Марианна. Но она могла лишь участвовать в написании. История уже не ответит».

Мнение Алексея Вишни об авторстве Марьяны вызывает интерес у молодых поклонников «КИНО» и смех у многих людей, знавших Виктора. Марьяна действительно была участницей группы «КИНО», но лишь в качестве костюмера и добровольной помощницы.

Оксана Печкобей:

«Понятно, что автором текстов был Цой. Вполне допускаю, что Марьяна наблюдала за творческим процессом, могла и строчку подсказать. Но никогда она не говорила о том, что была автором текстов».

Алексей Вишня продолжает стоять на своем.

² «Когда твоя девушка больна» (согласно датировке песен Андрея Дамера) написана в 1988 году, когда Цой уже не жил с Марьяной. Может быть, это – ошибка журналиста. Такие неточности часто встречаются в интервью с Марьяной (например, в одном интервью место отдыха Цоя в Латвии почему-то названо Тарту). Есть еще несколько вариантов относительно посвящения этой песни. Например, Марина Смирнова говорила, что Цой ее написал специально для Юрия Каспаряна, который встречался с Мариной, в то время довольно часто болевшей и часто пропускавшей свидания. А песня «Дождь для нас» – могла быть посвящена Марьяне, она вошла в цикл песен «Начальник Камчатки», но содержание ее слишком расплывчато, чтоб это утверждать с абсолютной точностью.

Из ЖЖ Алексея Вишня:

«Марьяна участвовала в творчестве и даже писала тексты, которые, естественно, представляются Витиными. "Музыка волн" стопудово, "Генерал". Витька Марьяшу очень любил, до зависимости просто. Думаете, это невозможно? Ну с чего это, почему вы так решили? Прочитали в книге? А Марьяна Цой – она кто, простите, никто? А "Акробаты под куполом цирка" – что, не песня? А "Музыка волн"?! Ох, я чувствую, не все книжки вы еще прочитали про Цоя, не все <...> Это Марьяшины тексты, не Цоя. "Акробаты" полностью, например. "Музыка волн", скорее, сильно частично. И очень часто поэт обращается к жене с вопросом: "Как лучше – так или так?" У вас наверняка так же, или я ошибаюсь? Марьяна была тайным автором и соавтором ранних песен Виктора Цоя, как ни крутите. Именно она записывала тексты в большой гроссбух и правила, если надо. А кое-что сочинила сама, но об этом тогда не принято было говорить. Да и сейчас это мало кто знает».

В своем рассказе о продаже влиятельной корейской фирме звукозаписи копии альбома «Это не любовь» **Вишня** упомянул:

«Все понимали, что Марьяна не имела на мои записи никаких моральных прав, тем более что в материале, интересовавшем корейца, нет ее текстов, в отличие от других альбомов».

Конечно, это тоже вызывает интерес: кто прав на самом деле, и действительно ли Марьяна Цой была соавтором Виктора?

Евгений Титов:

«Цой ежедневно очень много занимался своими песнями, мог много раз повторять одно и то же. Не всякий слушатель это выдержал бы: репетиция – это репетиция, это не для постороннего прослушивания, и не перед всяким близким человеком будешь это делать. Цой все время отработывал правильное пение, игру на гитаре и т. д. Марьяна об этом говорила. Конечно, он спрашивал ее мнение: нравится – не нравится, получается – не получается. Можно сказать твердо, что она не писала песен, конечно, но в какой-то мере помогала ему писать песни, во всяком случае, многие ее советы наверняка принимались в расчет. И не только Марьяна – мне, например, Котелок (Олег Котельников) говорил, что песню "Следи за собой" они вместе в поезде сочиняли, когда на гастроли ехали, прикалывались: что еще может плохое произойти с человеком, чего ему следовало бы опасаться».

Алексей Вишня:

«Почему Марьяна никогда не говорила о том, что писала песни? Для Марьяны десакрализация Цоя была недопустима. Зачем ей говорить о своем авторстве, когда авторские она получала? Зачем? Я знаю непосредственно от Цоя. Спросите у Каспаряна, если во мне сомневаетесь, он рядом сидел».

По словам гитариста «КИНО» Юрия Каспаряна, «никогда в жизни Марьяна не писала никаких текстов, только иногда критиковала то, что написал Цой».

Юрий Каспарян:

«Ну, насколько я помню, Марьяна иногда над Витей подшучивала по поводу каких-то не очень логичных строчек, которые у него были в творчестве. Но это скорее были лишь комментарии, типа: "Вот, все-таки не удержался, наляпал..." А текстов Марьяна, конечно же, не писала».

Алексей Вишня:

«У Каспаряна были сложные отношения с Марьяной. С тех самых пор, и признаться в этом ему, может быть, тяжело. Шоу-бизнес окружен всякого рода мифами, и каждый верит в свой. Я верю в свой. Многим с Марьяной сложно было. И Рыбе, и мне тоже. Ее за панибратство не любили. Она могла, звоня мне при Каспаряне, сказать: "Леха, мы едем к тебе не одни, а с нашим новым гитаристиком". Мало кому это понравилось бы».

Вот мнение Георгия Гурьянова:

«Относительно утверждения, что Марьяна писала Цою песни... Лично я авторство строчки "...акробаты под куполом цирка не слышат прибор" легко бы отдал Марьяне. Помоему, это вполне возможно».

Инна Николаевна Голубева:

«По поводу слов Вишни насчет авторства песен... Никогда Марьяна не писала песен Цою. Это необходимо знать обязательно. И опровергать любые слухи об этом. Цой никогда не давал Марьяне даже слова поменять в текстах. Да, действительно, у Цоя была книга с текстами, но тексты там все записаны рукой Виктора. И он никого не подпускал к ней. Совершенно. Марьяна могла говорить по поводу текстов с Цоем, но чтобы она писала за него или для него – такого не было никогда. Вишня просто фантазер. Многие тексты были написаны на бумажках, на каких-то обрывках и клочках, так вот Марьяна это все собирала и хранила, но никогда не редактировала. А насчет участия в творчестве "КИНО"... Когда ребята рисовали обложку к альбому "Это не любовь", они воспользовались одним из моих журналов и склеили обложку на нем. Так что, по теории Вишни, я, значит, тоже приложила руку к творчеству "КИНО"».

Последнюю точку в вопросе о соавторстве Марьяны можно поставить, посмотрев черновики вышеупомянутых песен – «Генерал», «Музыка волн» и «Акробаты». Ясно видно, что они написаны рукой Виктора. Да и нелепо было бы полагать, что женщина писала тексты типа «Я родился на стыке созвездий, но жить не могу...»

Можно совершенно твердо утверждать, что все слова о том, что Марьяна писала песни Цою, – обычная фантазия.

На самом деле Цой был Цоем и без Марьяны. И стал бы личностью без нее. Вернее сказать, уже был. К моменту их знакомства (5 марта 1982 года) песни к «45» уже были написаны. Их слушали и знали. И Цой развивается дальше, несмотря ни на что. Конечно, Цой стал бы Цоем без Марьяны, Наташи, Белишкина, Айзеншписа и других. Просто люди, которых мы встречаем в жизни, оказывают на нас влияние в той или иной мере. Это очевидно.

Инна Николаевна Голубева:

«Все весьма неоднозначно сегодня выглядит. Сложно разобраться. Тот же самый Цой. Он же молодой человек был совсем... Он же рос еще, когда женился на Марьяне, он был ниже Марьяны ростом. Вырос потом еще слегка. Мальчишка ведь еще совсем был».

Разумеется, по этому вопросу у каждого может быть собственное мнение, и ни в коей мере не хочется отнимать у других право его иметь.

Из воспоминаний Марьяны Цой:

«Влиять на Цоя??? Ха-ха-ха! Дурацкий вопрос. Нет, он мог прислушаться к мнению старших товарищей в творческом плане. Но влиять на него как на человека? Меня поражало всегда: такой молодой юноша – и настолько цельнокроеная натура. Я могла его по-женски на что-то упротить, но это были пустяки. Концептуально сдвинуть Цоя было невозможно».

Инна Николаевна Голубева:

«Влиять на Цоя и спорить с ним действительно было нельзя. И я никогда не слышала споров и ссор между Витей и Марьяной. Один раз, правда, я сама с ним схлестнулась по поводу картинки на стене. Мой приятель, настоящий художник, подарил мне несколько своих работ – перегородчатую эмаль и еще что-то такое, – у меня они висели на стенах. Среди них была абстракция – “Музыкант”. А тут пришел Витя, они переселялись куда-то, и он снял картинку со стены. Дает ее мне и говорит: “Возьмите, Инна Николаевна, это не искусство совсем”. Ну я тут вспыхнула и буквально его в грязь втоптала. Я орала – в первый и последний раз в жизни. Я ему сказала все. Сказала ему: “Ты же сам творец. Не смей так говорить о творчестве других. Ты сам творец и должен молча пройти мимо. Не заметить, промолчать, но не критиковать. Что угодно, но не это. Говорить свое мнение, что это не искусство, ты не смеешь. Если кто-то о твоём творчестве такое скажет – тебе неприятно будет? А ты мне тут так легко, играючи и поплеывая, такое говоришь. Это тепло человеческих рук, которое дорого лично мне. Ты это-то чувствуешь?” И он сник. И я даже не помню его слов. Двери захлопнулись, и час или два молчания... Потом с Марьяной заходят, он говорит: “Я подумал, я был не прав”. А я ему: “Да ладно, это тебе урок”. После этого мы заговорили и могли обо всем говорить с ним...

Я обратила внимание, что он очень много читал. А к книжечкам я всегда испытываю, ну, родственное какое-то чувство, неосознанно. И я начала подсовывать, подбрасывать. А потом он уже перешел эту грань. А потом уже, когда последнее время он жил, смотрю, философы появились и так далее...»

В 1986 году кинорежиссер Сергей Соловьев пригласил Цоя на съемки своего фильма «АССА». Съемки проходили в Москве и Ялте. Там Виктор познакомился с Наташей Разлоговой. Последние 3 года своей жизни Виктор был с ней. Марьяна все поняла и не устраивала ни Цою, ни Наташе скандалов и интриг. Он даже познакомил с ней Марьяну и, как говорили, «закатил банкет в ресторане по такому важному поводу». Конечно, собственно банкетом это назвать было нельзя. Как вспоминала Наташа Разлогова, был просто ужин в ресторане, встреча на нейтральной территории.

Марьяна Цой:

«Однажды он пришел ко мне и сказал: “Ты знаешь, я влюбился...” Влюбился в другую женщину – Наташу Разлогову, сестру московского кинокритика Кирилла Разлогова, и уехал к ней жить. Слава богу, ему хватило мужества не скрывать от меня свою связь с Наташей и сразу во всем признаться. Я-то знаю, что такое любовь, мне ничего доказывать не надо было. Теперь я понимаю, почему это произошло. Он познакомился со мной, можно сказать, совсем юным. Я стала его первой любовью, но он еще не знал, что такое настоящая страсть. К тому же Наташа – полная моя противоположность. Она тихая женщина, всегда говорила разумные вещи и делала правильные выводы. Возможно, с ней ему было проще. “Ладно, – говорю, – тогда собирай чемодан”. Словом, разошлись мы тихо. Но от этого было не легче. Надо было прощать Витю сразу. Но это было бы трудно. Тем более что он не ушел раз и навсегда, а делал он это постепенно, мотался туда-сюда. Часто приезжал к сыну и каждый раз, навещая Сашку, возил очередной пакет с вещами. Так продолжалось три года».

Инна Николаевна Голубева:

«Марьяна рассказывала мне все, и я видела, что она очень хорошо к нему относилась. И он к ней. Я никогда не слышала от нее жалоб на него. Даже когда они разводились, я ничего не знала. Даже не подозревала. Она вдруг пришла и сказала: “Витя от меня уходит. Насовсем”. Я: “Как уходит?” Хотя у меня были подозрения. Потому что этот взлет соловьевского фильма... Вся эта киношная тусня. Он приехал и говорит: “Инна Николаевна, я вам расскажу, что такое

Ялта... Хмурое море, пальмы в снегу... Такое чудо...“ И тут я поняла, что он влюбленный человек. Настолько образы у него шли такие высокие».

Виктор и Марьяна расстались. Был поставлен вопрос о разводе, но никто не хотел травмировать ребенка, и на официальном разводе ни Виктор, ни Марьяна не настаивали. Цой часто навещал Марьяну и Сашу в Ленинграде, когда был свободен от концертов и записей. А в роковом августе 1990 года, когда поехал отдыхать на Балтийское море в Латвию, Цой взял сына с собой.

Инна Николаевна Голубева:

«Марьяна никогда не была против развода с Цоем. Когда он уходил – она сама предложила развестись, но Цой махнул рукой и сказал: ”Тебе это сейчас надо?“ Вот так это все и протянулось до самой Витиной гибели».

Марьяна Цой:

«Да, ведь официально мы с ним так и не развелись. Но у меня не было по отношению к Наташе ненависти или злобы. Иначе никогда бы не позволила сыну общаться с ней. Потом Витина смерть нас с этой женщиной, можно сказать, сплотила. Ведь мы обе потеряли родного человека».

Инна Николаевна Голубева:

«Наташа, конечно, умница-разумница. Она старше его, и она, конечно, обеспечивала ему и быт, и мир. Конечно, он был ею очарован».

Марьяна реально считала группу «КИНО» своей собственностью и своим детищем, поэтому отстаивала свои права даже после того, как рассталась с Цоем. Возможно, она считала своим «детищем» (даже не детищем, а своей частью) самого Цоя, потому что любила его. Но Цой и «КИНО» – трудноразделимые понятия.

Ходят нехорошие слухи, что, заказав публикацию журналисту «Московского комсомольца» Евгению Додолеву через Кинчева (а это был уже год 1987–1988-й), она взяла деньги за выступление «КИНО» на концерте памяти Башлачева. Деталей, конечно, никто не раскрывает, все остается на уровне сплетен. Цой выступал, разумеется, бесплатно, но потом по тусовке прошла инфа, что «киношники» взяли деньги, и «расследование» уперлось в Марьяну. Факт, согласитесь, неприятный, но радует то, что он достоверно не подтвержден.

Однако со слов музыкантов «КИНО» известно, что Цой был крайне обеспокоен тем, что деятельность Марьяны рискует нанести прямой ущерб репутации группы, и стал с той поры от нее дистанцироваться крайне жестко.

Георгий Гурьянов:

«Да, конечно, так и было. С Марьяной. Какая там репутация. Я не знаю. Все эти жены, родственники – это не мое дело было, конечно. Но меня раздражало. Старался не вникать, была другая задача. То же самое касалось всяких двойных гитаристов. Игорь Борисов там или еще кто-то. Конечно, я вложил массу усилий и энергии, чтобы Витя расстался с Марьяной. Это видно даже в фильме ”Конец каникул“. Он как бы заранее предсказывает какие-то события. Коротко так и весело».

Рашид Нугманов:

«Виктор дистанцировался от Марианны довольно жестко. Если раньше я часто останавливался у них на проспекте Ветеранов в теплой и непринужденной атмосфере, с бесконечными доверительными разговорами, то весной 1987 года их отношения стремительно похолодели.

Виктор уже с неохотой возвращался в тот дом, и мы вдруг стали ночевать в других квартирах. Я бы не стал говорить об ущербе репутации Виктора и группы "КИНО", как, например, об этом резко высказывался Гурьянов, у которого всегда были сложные отношения с Марианной. Но Виктор на самом деле стал тяготиться ее обществом, с этим не поспоришь. Виктор и "КИНО" стремительно уходили вперед, а Марианна, как и многие другие из их бывшего круга, не могла за ними поспеть и осознать всю глубину перемен».

Самое интересное заключается в том, что, по многочисленным воспоминаниям, к матери Марьяны, Инне Николаевне, Виктор при этом относился с большим уважением. Наверное, даже можно сказать, что Цой таким образом показывал, что вел бы себя с Марьяной намного жестче, если бы не ценил ее мать и не понимал, что крах дочери – это в первую очередь крах матери. Ни для кого не секрет, что Виктор всех обеспечивал и старался передавать деньги именно Инне Николаевне, зная, что тогда они дойдут до Саши. Известно, что Цой очень трепетно и заботливо относился к сыну. Всегда старался привезти ему что-то новое и красивое, будь то игрушка или вещь. Виктор был не очень доволен своим детством, и с родителями отношения были непростые, поэтому он старался баловать мальчика. Есть мнения, что Саша был не очень близок по характеру Цою, иногда раздражал его пугливостью и мягкостью, отчего Виктор чувствовал себя вдвойне виноватым. Но, наверное, можно сказать, что все подобные мнения нужно принимать в расчет не в прямом смысле, а в несколько ином контексте. Виктор забирал мальчика, вез его в Латвию отдыхать, по сути, отрывая ребенка от матери и привычной жизни. Разумеется, все это пугало Сашу и, несомненно, заставляло Виктора чувствовать свою вину...

Евгений Додолев, по большому счету, написал первую в официальной прессе статью о группе «КИНО», которая была опубликована в «Московском комсомольце» (в «Звуковой дорожке»). Это был своего рода акт благотворительности, поэтому текст был согласован с Марьяной и написан по материалам, предоставленным ею. Эта публикация для музыкантов стала своеобразным прорывом, так как о группе «КИНО» знали только посвященные. Впоследствии о группе «КИНО» Евгений Додолев никогда больше ничего не писал, хотя относился и относится по сей день к творчеству группы с большим уважением, что, однако, вовсе не помешало некоторым поклонникам «КИНО» через двадцать лет после выхода статьи обвинить (!) Додолева в том, что он упрекнул Цоя в звездной болезни...

Стержнем особого сочувственного отношения поклонниц к Марьяне является распространенный стереотип: ее считают «брошенной» и «несчастной» женщиной. Но в действительности у Цоя с Марьяной с самого знакомства было мало общего – сейчас это известный факт.

Жоэль Бастенер:

«Он был денди во всем, не выносил уродства и вульгарности. Именно благодаря своей эстетической интуиции он оторвался от среды, в которой был рожден. Его брак с Марьяной был изначально обречен именно по этой причине. Это сразу бросилось мне в глаза, когда я впервые увидел эту пару в гостях у Фирсова в середине декабря 1986 года (Марьяна дружила с подругой Фирсова). В тот день среди гостей был и Кинчев, а Виктор за весь вечер не проронил ни слова – за него говорила Марьяна. Она напоминала продавца, рекламирующего товар, а Кинчев ей поддакивал, поскольку восхищался тогда Виктором. Вечер получился неприятным.

Несколько дней спустя я увидел Цоя и Густава у Инала (фамилию не помню, из друзей Тимура), где он был совершенно другим...»

Инна Николаевна, мама Марьяны, прекрасно все понимала, оттого и поначалу относилась к Цою недоверчиво и приняла его, поскольку считала, что дочь его любит. Согласно заяв-

лениям питерского окружения Цоя, когда он поехал на «АССУ», семьи уже не было. Например, об этом говорила Марина Смирнова. Они с Марьяной стали чужими друг другу. По существу, из семьи он ушел до отъезда на «АССУ». Даже сама Марьяна об этом пишет в «Точке отсчета», если читать повесть внимательно.

Из воспоминаний **Марьяны Цой**:

«В конце декабря 1986 года Витя ездил в Москву, откуда вернулся с новостями о фильме, который начинал снимать Сергей Соловьев. Главную роль будет играть Африка, будет сниматься куча знакомых, а Витю пригласили на эпизод, в котором он должен петь песню. Я тогда не думала, что этот фильм станет началом нашего постепенного отхода друг от друга. После у Вити стали происходить перемены в жизни, в которых я уже почти не участвовала. Он уже чаще бывал вне Питера. Последний период жизни Витя провел с другой женщиной. Это длилось три года и было очень серьезно. О нашем разводе речи не было, потому что существовал Саша. Мы уже переросли эти женитьбы, разводы... Когда кто-то уходит из жизни, начинается помощь всех близких. Что сейчас нам делить, когда мы любили одного и того же человека? Три года назад Витя ушел к ней. К этому моменту мы были уже совершенно свободными людьми. Мы обе устали от недосказанности и вранья. Что случилось, то случилось, и сейчас делить его не нужно».

Самое главное, что все об этом знают, но никто об этом не пишет и не говорит. Люди всегда предпочитают по-своему интерпретировать события, зачастую пренебрегая реальным положением дел. Возможно, Марьяна скрывала от окружающего мира свои проблемы с Цоем, поскольку верила в скорый успех группы. Хотя, скорее всего, все гораздо проще – просто выглядеть брошенной женщиной было довольно неприятно.

Из ответов **Марьяны Цой** Михаилу Садчикову:

- Талант Цоя раскусила сразу?
- В его талант поверила сразу. Более того, как это ни странно, сразу поняла, что на нем можно заработать. Хотя тогда шоу-бизнеса в СССР и в помине не было.
- Выходит, ты зрела в корень?
- Уже после его смерти я построила империю «Виктор Цой». Я выстроила систему, на отчисления от которой мы теперь живем. Я загрызла Айзеншписа, решила много сложных проблем. Я вижу, как живут наследники других ушедших музыкантов, и понимаю, что такая печальная участь могла ждать и меня, если бы я сидела сложа руки.

Возможно, это было ее деловое решение. Цой должен был прекрасно это знать. Он никогда не заблуждался. Он всегда чувствовал все и понимал очень точно. Неизвестно только, считал ли он, что для Марьяны он – ее инвестиция, в хорошем смысле слова? Талантливый парень, на которого она сделала ставку. Ведь в какой-то мере так оно и было. До сих пор Цой своим творчеством обеспечивает всех своих родных. Этого нельзя отрицать. К тому же Марьяна не была одинокой и несчастной после расставания с Цоем, каковой ее видят сентиментальные поклонницы-киноманки.

Она стала строить свою собственную личную жизнь и самостоятельную, достаточно успешную, карьеру менеджера группы «Объект насмешек» еще при жизни Цоя. И это правда.

Инна Николаевна Голубева:

«Марьяна часто ездила на гастроли с Рикшетом и его группой. За ними же надо было смотреть. Она мне говорила как-то: "Мама, ты не представляешь себе, что такое провинци-

альные ДК, тетки-директрисы совковые, совдеповские гостиницы и семеро пьяных панков...»
Очень жаль, что у нас никогда не было диктофона и нельзя было записать ее рассказы».

Странное противоречие: то ее считают «железной леди», когда уверены, что Цой – это ее заслуга, то вдруг превращают в бедную овечку, когда она сама хотела казаться сильной. И не учитывая этого, думают, что Цой даже вернулся бы к Марьяне.

Александр Житинский в своей книге «Цой forever» тоже писал:

«Когда Цой ушел к Наталии Разлоговой и стал жить в Москве, Марьяна делала вид, что это просто размолвка, надеялась на примирение, на то, что муж вернется (хотя говорила, что "назад не принимает").

Было такое впечатление, что она просто отпустила мужа немного погулять, чтобы зря не вертелся под ногами. Она хотела казаться хозяйкой положения и во многом была ею. Во всяком случае, она не дала Цою развод, и, как знать, не вернулся ли бы он к ней, как сделал когда-то его отец?»

Но вот иные мнения:

Константин Кинчев:

«Нет. Они не помирились бы с Марьяной. Разлад у них пошел давно, еще когда Разлоговой там и не пахло. В последний год своей совместной жизни они были соседями, приятелями, кем угодно, но не семейной парой. Я не берусь судить о том, была ли любовь у них. Это известно только Богу да Вите с Марьяной. Я осмелюсь предположить, что любви не было. Наталью он любил. Сильно. Это губило его в какой-то степени. А Марьяна была просто потрясающий человек. Песен, посвященных Марьяне, нет. Сама Марьяна считала, что Виктор посвятил ей песню "Дождь для нас", но эта мистическая песня не об отношениях мужчины и женщины, а о Божественном Откровении. Для любого человека, хоть немного знакомого с эзотерикой, это очевидно. Я считаю, что в какой-то степени к отношениям с Марьяной относится песня "Раньше в твоих глазах отражались костры"... Об этом говорят нам кадры из фильма "Конец каникул", но там о конце, трагическом конце любви и бессмысленности существования вне ее. Я могу предположить, что Виктор женился на Марьяне из чувства благодарности за помощь, когда он откосил от армии. Конечно же, Виктор не мог не полюбить ее, ведь Марьяна этого достойна, но это были, скорее, дружеские отношения, оставшиеся таковыми навсегда».

Алексей Рыбин:

«Как такое могло в голову прийти? "В благодарность" он женился... В какую благодарность? Уж тогда, скорее, наоборот. Марьяша имела кучу знакомых и друзей – продвинутых и взрослых художников, артистов, жила совершенно другой, взрослой жизнью, зарабатывала деньги, и у нее не было проблем с мужчинами вообще. А Цой был нищий, безработный паренек в идиотской одежде и без всяких перспектив, при этом страшно не любящий работать в принципе. Кто кому должен быть благодарен?»

Конечно, утверждать что-либо определенное в этом случае нельзя. Как известно, все брошенные жены и мужья думают, что к ним в конце концов вернуться. Но нужно принимать во внимание, что Цой был человеком, который никогда не оглядывался назад. И уходил навсегда. Судя по воспоминаниям близких ему людей, он принимал только взвешенные решения и точно знал, что обратной дороги не будет. Поэтому с ним было очень трудно. Он хотел быть хозяином положения, поэтому терпел долго, ждал до последнего, но потом все происходило по его сценарию – «закрой за мной дверь, я ухожу». Кстати, по воспоминаниям Инны Николаевны, Марьяна была точно такой же.

Инна Николаевна Голубева:

«Марьяна же была способна на многое. Она не простая женщина была. Она как генерал какой-нибудь была... Неудобная женщина. Она если любит, то все – ее не остановить. Если нет, то нет».

Александр Житинский в своих книгах, к сожалению, не написал о том, что Цой в начале лета 1990 года, незадолго до смерти, приехал к Марьяне, и они все-таки решили развестись официально.

Рашид Нугманов:

«Виктор три года просил у Марьяши развода, по его собственному признанию. В последнее лето он сказал мне, что она, наконец, согласилась оформить все необходимые документы».

По свидетельствам же близких, Цой никогда прямо не просил развода, просто это было поначалу не нужно, а потом просто пришла пора.

Что же касается будущего, то говорить о том, что Цой вернулся бы назад к Марьяне, не стоит. Возможно, вернулся бы, а может быть, и нет. Последнее вероятнее, тем более Цой собирався решить вопрос с квартирой в Москве, на которую, если верить многочисленным воспоминаниям знакомых и близких, он, благополучно разрешив вопрос с покупкой автомобиля, был готов откладывать деньги.

Инна Николаевна Голубева:

«Я считаю, что Наталья – рассудительная барышня. Я познакомилась с ней на похоронах, когда Марьяна после трагедии привезла Сашку домой. Позже она была у нас, мне это было не очень приятно – она привыкла строить группу "КИНО", всем все объяснять и воспитывать, и у нас разговаривала таким же привычным тоном, с апломбом. Сказала: "Витя меня представлял как жену, но я ведь не жена, я друг". Рядом стояла Марьяша, меня охватил ужас, думаю, что Марьяшу тоже. У нас же одно кровообращение с Марьяной было всегда. Нельзя же говорить такое. В доме повешенного о веревке не говорят. Нельзя не просто говорить кому-то, нельзя говорить конкретному человеку – жене. Хотя все остальное по поводу Наташи абсолютно безукоризненно».

Это объяснимый ход мысли – и мать, и дочь считали, что Марьяна «строит» группу «КИНО», и если ситуация ушла из-под их контроля, значит, контроль оказался в руках у того, кто занимает место рулевого. То есть у Разлоговой. А правда заключается в том, что никто «КИНО» никогда не строил. И уж тем более не Наташа Разлогова, которая вообще не интересовалась этим³. Но люди часто моделируют мир, руководствуясь собственными воззрениями. Еще раз повторю – «КИНО» никогда не строил никто, даже Цой. Каждый из «киношников» был творческой личностью сам по себе. И держалось все отнюдь не на «построении», а на личной дружбе и взаимном уважении.

Инна Николаевна Голубева:

«После того как Цой ушел, он приезжал. И мы с ним всегда общались на совершенно разные темы. Причем довольно тесно. Даже про Марьянину любовь. Марьяна его видеть не

³ С Марианной Цой после смерти Виктора у Наталии Разлоговой были нормальные отношения. Общались они, безусловно, очень редко, мешало проживание в разных городах, но надо отдать должное Марианне – она всегда звонила Наталии, когда бывала в Москве.

могла, конечно. Такое впечатление, что не было человека, была одна открытая рана. Один ком. Когда Витя приезжал к Сашке, она убегала».

Конечно, Инна Николаевна имела свое собственное мнение и отстаивала его, что, безусловно, характеризовало ее как человека, достойного уважения. Существуют детали, о которых она тактично не упоминала, но это не слишком искажает факты.

Каждый имеет право на свою картину мира. Но, безусловно, можно согласиться с Житинским, что «из людей, которые встретились Цою на его коротком жизненном пути и от которых он набирался знаний, опыта и умения себя вести, Марьяна была далеко не последним человеком».

После гибели Виктора на Марьяну градом обрушились обвинения во всех смертных грехах. Поклонницы заваливали ее письмами с угрозами, исписали весь подъезд гадостями. Кстати, подобной участи не избежала и Наталия Разлогова, в адрес которой приходило ничуть не меньше писем с оскорблениями.

Марьяна Цой:

«В 1990 году нам пришлось вытерпеть немало от фанатов, среди которых, к сожалению, были и неадекватные люди. Они месяцами жили в подъезде нашего старого дома, вываливали перед дверью бачки с пищевыми отходами, звонили по телефону и говорили всякие гадости. Стены были расписаны так, что на них не осталось живого места. Эти люди ненавидели нас, как будто мы с сыном были виноваты в гибели Виктора. Честно говоря, я жутко боялась, что найдется какой-нибудь придурок, который начнет мстить Сашке, хотя не очень было понятно, за что именно. С детства приучала сына никому не рассказывать, кто его отец. Когда он тянул руки к телевизору, где показывали Цоя: "Мама, вот мой папа!", я говорила ему: "Молчи!"».

Инна Николаевна Голубева:

«Мы жили на Ветеранов, у нас была обитая деревянной вагонкой и покрытая лаком дверь, так ее расписали от пола до потолка, причем не просто там словами "Витя Цой жив", а буквально целыми посланиями, стихами, написанными шариковыми ручками, фломастерами... После Витиной смерти его фанаты обвиняли Марьяну в смерти Вити. То ли горе было такое, то ли что-то еще. Ненавидели ее просто буквально. Вся лестница была усажена девками, в дом было не войти. Фанатеющие девки были везде: в подъезде, под дверью, чуть ли не в окно лезли. Соседи постоянно жаловались, мол, что это такое и когда это кончится. Постоянные вопли, угрозы, истерики по телефону и в письмах. Раньше в подъездах стояли бачки для помоев, так вот каждый день содержимое бачков на нашу дверь вываливали. Они ужасно третировали ее. Сейчас уже поменьше, конечно. Мы с Сашкой теперь ходим на кладбище спокойно, а раньше прямо дышали в затылок...

А на Петроградку мы случайно переехали. Приходит моя приятельница и говорит, что заходила к ней подруга, живет на Петроградке, а мечтает жить на Ветеранов. Марьяна сразу: "Так, все, больше не могу! Мама, мы переезжаем". И мы переехали. Жуткая квартирка была, я делала тут перепланировки, воевала с ЖКХ, крыша текла и прочее. Я сама составила проект, убедила всех. Что дальше будет – не знаю. Говорю: "Сашка, что будем делать?" А он мне: "Бася, я не знаю, вообще не знаю, где я буду жить"».

Марьяна Цой:

«Отношения с фанатами у меня неоднозначные. Они же все люди, бывают настырными и мерзкими, грубыми и хитрыми, а бывают и очень приличными товарищами. Я немного старше

фанатского возраста, поэтому мне иногда просто тяжело в силу того, что мне почти 50, а им нет еще 30».

Оксана Печкобей:

«Со мной Марьяна, кстати, всегда разговаривала вежливо и приветливо».

Марьяна Цой:

«На любом концерте памяти Виктора в зале в основном одни подростки. Как они приходят к этой музыке? Не знаю, как-то сами. Никакой агитационной работы никто не ведет. Для себя я поняла: у Вити не было ни одного не хита. Каждая песня так или иначе тебя касается, жил ты в середине 80-х или растешь сейчас. Это, на мой взгляд, главная причина такого долгого успеха. Но с поклонниками я не общаюсь. В Питере даже фан-клуба "КИНО" нет. Нового "КИНО" уже не будет. Что сейчас делать этому фан-клубу? Но в любом случае такого, как раньше, нет и в помине. Камнями в окна никто не кидает и на кладбище не подкарауливает. Страшно сказать, я ведь первое время могла появиться на могиле мужа только ранним утром или поздним вечером! Ужасно тяжело было. Но с последним поколением поклонников "КИНО" проблем нет. На кладбище девчонки даже ограду за свой счет поставили».

За семь лет до смерти врачи обнаружили у Марьяны Цой злокачественную опухоль. В срочном порядке сделали операцию, однако метастазы со временем пошли по всему телу.

Инна Николаевна Голубева:

«Я была на даче, неожиданно приехала Марьяна и говорит: "Мама, я ложусь в больницу, меня оперируют, у меня рак". Я остолбенела от горя. Ее прооперировали, потом облучали несколько раз, потом химия, кололи дорожные уколы, но все было напрасно. Потом она мне сказала: "Все, мама, остался у меня один месяц"».

Александр Аксенов, Рикошет, гражданский муж Марьяны, с которым она жила уже больше десяти лет, обращался к самым лучшим специалистам в этой области. Он всеми силами пытался спасти жену. Марьяна месяцами проводила в дорогих клиниках, но результата это не принесло. В какой-то момент врачи просто отказались ее лечить. Утверждали, что бесполезно. Выглядела Марьяна в последнее время ужасно. Одна ее рука в объеме была такая же, как тело. Она не могла ее даже поднять. О страшной болезни вдовы рок-музыканта Виктора Цоя в газетах не писали ни строчки. У нее был рак груди, но она слезно умоляла нигде не сообщать об этом. «Я – сильная женщина, не хочу, чтобы меня жалели. Я обязательно выкарабкаюсь...» – говорила она. Марьяна мучительно умирала от рака шесть лет. Серия операций и активное облучение не дали результатов. Зная, что ее дни сочтены, Марьяна помирилась с бывшими музыкантами группы «КИНО», с которыми судилась из-за авторских прав на аранжировки и мелодии песен Цоя.

Марьяна Цой:

«Боже мой, это позор! Здоровые мужики, полные творческих сил, ноют о том, что я, старая больная женщина, ворую у них деньги! Якобы я нажилась на "КИНОпробах". Да я даже трусы себе с них не купила! Обновили Сашке железо на компе – и все! И потом, кем бы они были без Вити? "КИНО" – это только песни Цоя, его тексты, его голос. Неужели его жена не имеет права на эти деньги кормить сына? Меня трясет, когда я думаю об этом. Это не мужики, а тряпки».

Юрий Каспарян:

«С Марьяной нам все-таки удалось наладить отношения. Несмотря на суд, который имел место из-за целого ряда недоразумений. Я созвонился с ней, пришел в гости, мы выпили по рюмочке, как раньше, и через неделю суд кончился мировой. Мы стали общаться без каких-либо периферийных влияний. Среди прочего мы поинтересовались, не будет ли она против, если мы станем играть песни Виктора, и она, конечно, дала добро. Сейчас, после ее смерти, правообладателями песен "КИНО" являются родители Виктора и его сын Александр».

В 1991 году Марьяна в соавторстве с Александром Житинским написала книгу о Цое, которая разошлась огромным тиражом в 500 тысяч экземпляров.

В 1999 году, в сорокалетнем возрасте, она окончила факультет востоковедения Петербургского университета, освоила японский язык, с нуля выучила английский, занималась живописью... В 2002 году она организовала «КИНОпробы» – проект, в котором почти все рок-музыканты перепели песни «КИНО». Чуть позже – концерт, посвященный 40-летию Виктора Цоя.

Инна Николаевна Голубева:

«Что касается переводов с японского, то Марьяна их не делала, просто научилась рисовать иероглифы и выучила язык. Переводы у нее не получались. Ее привлекал Восток. Мужчины восточной внешности. Рикошет всегда говорил ей, что она Цоя любила больше, чем его. Последние пару лет я ее не узнавала. Подтянутая, строгая женщина, она садилась и по шесть-семь часов рисовала японский алфавит».

Близкие говорили, что Марьяна точно знала, когда умрет. Незадолго до своей кончины она прошептала: «Мне осталось три дня». После чего и слегла. У нее отекали руки и ноги, она потеряла сознание. Насколько известно, три дня она пролежала в коме. Близкие – сын Александр, мама Инна Николаевна и муж – неотлучно находились рядом. Они не сомневались, что жить Марьяне осталось немного. Странно, что никто из них в тот момент не обратился за помощью к врачам. Впрочем, может быть, это и впрямь было бесполезно. Конечно, все были готовы к ее смерти, но надеялись на лучшее, на чудо.

Юрий Каспарян:

«С Марьяшей я помирился, собственно. Мы решили все вопросы. Встречались в последние Марьяшины дни...»

Инна Николаевна Голубева:

«Марьяна уходила тяжело, конечно... Лежала вся холодная-холодная. Я все время ей стихи читала, сказки, байки рассказывала какие-то, истории... Держала ее за руку, прижимала к сердцу. Рука была ледяная, я говорила ей, говорила и даже не знаю, слышала она меня или уже не слышала. Не знаю. Одна рука у нее была очень горячая, я дотронулась – чуть не обожглась. А вторая ледяная. Уже не было никаких хосписов, никаких врачей, они уже не приезжали. Она мне сказала сразу: "Мама, у меня одна просьба: пожалуйста, не дай мне умереть на больничной койке. Я хочу дома". И вот так, на руках, я ее и держала. Рикошет спал в отдельной комнате, он не мог ничего этого видеть. Я бегала в аптеку за обезболивающим, он только уколы ей делал и уходил сразу же. Она ни с кем уже не разговаривала. Никого видеть не хотела. Только говорила какие-то странные фразы... Тогда же и собака наша погибла – ее машина сбила. Лушка ее звали. Ей делали операции, но ничего не помогло – она лежала у Марьяши на кровати, смотрела человеческими глазами и умирала... Марьяна говорила: "Лушка, подожди, не умирай, вместе умрем". А я говорила Марьяше: "Ты не умирай, по правилам – моя очередь". А она: "Мама,

извини, как-то на этот раз не получится...“ И она умерла дома. Незадолго до этого я пригласила священника, Марьяна все всем простила, но Виктора нет. Он так и остался непрощенным».

Вечером 27 июня 2005 года на 47-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни Марианна Игоревна Цой – яркая, самобытная натура, безусловный талант и сильная личность – ушла из жизни.

Марьяна так и не дождалась того момента, когда установят памятник Виктору Цою, который в очередной раз обещали открыть ко дню его рождения 21 июня. Она умерла в своей большой трехкомнатной квартире в центре Петербурга. Когда ее сердце остановилось, мать категорически отказывалась отдавать тело дочери в морг. И большого труда стоило ее уговорить. Инна Николаевна все время плакала и ни с кем не разговаривала...

Похороны Марианны Цой состоялись 29 июня на Богословском кладбище, рядом с могилой Виктора Цоя. Проведение похорон взял на себя Ленинградский Рок-клуб. В последний путь Марьяну Цой провожали человек триста, в том числе бывшие музыканты группы «КИНО» Юрий Каспарян и Алексей Рыбин. Были Алик Тимошенко, Юрий Шевчук и группа «ДДТ», Андрей Тропилло, музыканты «Аквариума», шоумен Олег Гаркуша, Олег Грабко, Сева Гаккель, певица Наталья Пивоварова, группа «Tequillajazz» пришла на кладбище в полном составе... И конечно, родственники: мама Марьяны, Инна Николаевна, родители Виктора – Роберт Максимович и Валентина Васильевна, их внук и сын Марьяны – 20-летний Александр Цой, второй, гражданский муж Марьяны – известный питерский панк и рок-музыкант Александр Аксенов (Рикошет). Маленькая церквушка на Богословском кладбище, где проходило отпевание, не могла вместить всех желающих.

Инна Николаевна Голубева:

«После похорон я пластом лежала. Практически ослепла. У меня, конечно, катаракта была, но тут я просто перестала видеть. Потом перестала ходить. В общем, отходила я тяжело от всего. Марьяна всегда говорила: “Тебя чувство юмора спасает, иначе бы давно уже что-нибудь случилось“. Самое странное для меня то, что они все молодыми уходят, а я неизвестно для чего живу на этом свете. Это до сих пор загадка. Наверное, для того, чтобы рассказывать правду. Я даже начала писать книгу, немножечко написала о Вите... То, что вот наше с ним. Дошла до Марьяны, и все. Не могу писать. Начинаю какие-то сказки сочинять. Не получается.

Однажды ко мне приехала одна девочка, журналистка из Москвы. Долго меня умоляла, звонила и прочее. В итоге я согласилась, они пришли – эта девочка с блокнотиком и парень с камерой. Заходят, поняли, что все нормально, говорят: “Мы с телеканала ‘Домашний’, делаем цикл передач про тещу...“ Я переспрашиваю: “Про что?“ – “Про тещу. Трудно ли было быть тещей Виктора Цоя? Тещей гения?“ Вот такой вопрос. Я говорю: “Деточка, ты знакома с русским языком?“ – “Ой, конечно, я окончила то, се...“ Я ей опять: “Все эти ваши тещи, зятя, невестки, шурины и прочее пришло из деревни. В городах такого не было. А в Петербурге – тем более. Теща могла быть у дворника, но не у дворянина. Вы когда-нибудь слышали, милочка, или читали где-нибудь, может быть, писали – теща Пушкина?“ – “Нет“, – говорит. Я ей: “Вот именно. А вы хотите, чтобы я с позиции неизвестно кого что-то рассказывала“.

Они еще про семью пытались спросить. “Если бы Витя живой был, то и Марьяна бы не умерла?“ Или: “Вы бы хотели, чтобы Витя вернулся?“ Ну что за вопросы? Ну детский сад. Мне-то это каким боком? Мне вообще все равно. Я вообще не из той компании... Они мне: «Вы же очевидец!» А я им: «Ну какой я очевидец? Я соучастник!»...

Это у Марьяны было терпение невозможное. А мне звонят из издательства и спрашивают: “Нет ли у вас каких-либо новых фотографий?“ Ну какие фотографии? Давно все умерли! Недавно вот звонят и говорят: “Инна Николаевна, мы приглашаем вас на обсуждение книги. Один человек интересный написал книгу про вашу дочь...“ Я сразу начинаю крутить хвостом

по полу от всего этого. "Может быть, Саше будет интересно?" А Сашка знаете какой? Это, конечно, да. Вырос вот. Ему совершенно невозможно что-то сказать. Он – Цой. Настоящий. Тот никого не слушал и молчал. Скажет слово, и все. И этот точно такой же.

Когда Виктора не стало, Марьяна с Наташей немножко общались, но совсем немного. Я могу сказать, что вот, когда Сашка был в Москве, к Марьяне приехала Саша Кинчева и говорит: "Приходила к нам Наталья Разлогова, я ей сказала, что Саша в Москве, она попросила передать, чтобы Саша ей позвонил, может быть, нужна ее помощь..." У Марьяны сразу шок, она под потолок: "Что она сказала??? Хватит с нее и одного Цоя, второго не отдам!" Так и не допустила никаких общений. Один раз Наташа была у нас после смерти Цоя в Питере, здесь. Это правда. Мы ее пригласили. Ну и по телефону она общалась с Марьяной иногда. Я же ее не пускала довольно долго. Она долбила меня почти год. "Инна Николаевна, может быть, вы переменили свое отношение?" "Нет, – говорю, – дорогая..." Но у нее характер, конечно. Она меня, как железо, ковала, ковала и выковала. Договорились о том, что она приедет. А накануне ее приезда я узнаю, что книгу тут написали, зовут меня обсуждать неизвестно что, и я так рассердилась, что звоню ей и говорю: "Наталья, не приезжайте, я не хочу ни о чем разговаривать и видеть ничего не хочу, все отменяется". Она сразу: "Что случилось?" Рассказываю ей. Наталья, конечно, сразу как бультерьер вцепилась: раз, говорит, так – надо всем доказать обратное. А я ей говорю: "Никогда никому ничего не докажешь. Слышит только тот, кто хочет слышать". Но, в общем, приехала она, пришла к нам. Они с Сашей хоть пообщались. Она же его с детства не видела. Все было очень нежно. Наташа все Сашку там завлекала работой у Эрнста. При встрече они про это поговорили и о чем-то договорились. Он сразу – вот, я поеду, значит, туда-сюда... А я ему: "Вот, я же тебе сколько раз говорила – позвони Наталье!" Пока звезды не встали – он не договорился...»

Уходя из жизни, Марьяна оставила матери и сыну несколько своих картин. Про одну из них, изображающую символического ангела, Марьяна сказала, что это ангел-хранитель и он будет охранять дорогих ей людей после того, как ее не станет...

Виктор и Марьяна Цой покоятся рядом на Богословском кладбище Петербурга. На могилах море цветов и свечей: «киноманы» почитают Марьяну не меньше, чем самого Виктора⁴. Она не только была спутницей жизни и музой лидера «КИНО», но и сама сыграла в истории питерского рока немаловажную роль. Нам будет не хватать ее. Спи спокойно, леди рок-н-ролл...

P.S. При разборе почты Виктора Цоя я обнаружил конверт на имя Марьяны Цой. В конверте находилась обычная советская почтовая открытка с поздравлениями ко Дню 8 Марта. Текст же был таков:

«Милая, тысячу раз милая Марьянушка!!! И также твоя мама! Поздравляю тебя с Международным женским днем 8 марта и всенародным торжеством, душевным для меня, моих близких и друзей – днем твоего рождения! Мне стыдно было позвонить, но из-за почти вооруженной ситуации все русскоязычные концерты приостановлены и перенесены на будущее. Но я все равно встречу и организуюсь с Вами! Огромный привет Рикошету и Объекту! Ваш Марк. И Оксана тоже. Шлямович Марк. Таллин, 1990 год»⁵.

⁴ По воле судьбы, за могилой Марьяны Цой ухаживают как раз те самые фанаты «КИНО», к которым она при жизни относилась не очень адекватно. И ребята ухаживают за ее могилой, забыв неприязнь и обиды, тихо вытирают слезы, глядя на высокий, в полный рост, памятник Марьяне.

⁵ Марк Шлямович – известный в Прибалтике музыкальный менеджер и журналист. Я разыскал Марка и попросил ответить на некоторые вопросы. Его рассказ читайте в третьей части книги. Инна Николаевна Голубева: «Да... Маркуша – это чудесный человек. У меня хранится его газета со статьей о Марьяне...»

Валентина Васильевна

Мама Виктора Цоя – Валентина Васильевна Цой (в девичестве Гусева) родилась 8 января 1937 года, в Ленинграде, где и прожила свою долгую и трудную жизнь.

Ее дед – Филимон Алексеевич Гусев (1880–1939) происходил из государственных крестьян деревни Исаковщина Городокского уезда Витебской губернии. Несмотря на то что большей частью населения уезда были белорусы, Гусевы принадлежали к «великороссам», то есть к русскому населению. В минском архиве сохранился люстрационный акт этой деревни – дело о выкупе крестьянами казенных наделов. В том числе в нем упоминается прапрадед Цоя Алексей Гусев. Кстати, сама деревня сохранилась до сих пор и находится ныне в Великолукском районе Псковской области.

Филимон Гусев служил в царской армии, в 86-м пехотном Вильманстрандском полку (располагался в городе Старая Русса под Новгородом). Когда началась Русско-японская война, Филимон Гусев через всю страну поехал на Дальний Восток. И уже после окончания войны, в 1906 году, получил за храбрость Георгиевский крест из рук царя Николая II на императорском смотре в Петергофе. Филимону Гусеву, выходцу из простой крестьянской семьи, удалось дослужиться до подпрапорщика – это последний чин перед офицерскими. Во время революции Филимон Алексеевич остался в родной деревне, где позже работал бригадиром в колхозе. Женат Филимон Гусев был на Агафье Антоновне Силиной (1890–1910) и имел двух детей: сына Василия и дочь Екатерину. В 30-е годы Гусев был арестован, скорее всего, именно за службу в царской армии. Умер он в 1939 году от туберкулеза. Его сын, дед Виктора, Василий Гусев (1910–1974) перебрался в Ленинград, где пережил блокаду. После войны работал кузнецом на заводе «Молодой ударник». В браке с Марией Осиповной Гусевой (1915–1988) имел двух дочерей: Веру и Валентину. И вот именно Валентина Васильевна Гусева и стала мамой рок-звезды.

После окончания семилетки Валентина поступила в техникум железнодорожного транспорта, но, как сама впоследствии рассказывала, в 15 лет влюбилась и была отчислена за плохое прилежание. Пришлось идти в вечернюю школу и параллельно заниматься спортивной гимнастикой. Потом была школа тренеров при Институте физической культуры имени Лесгафта, а уже после рождения сына Виктора Валентина поступила на биофак Института имени Герцена и окончила его.

После окончания школы тренеров при институте Лесгафта юная учительница Валентина Васильевна получила направление с распределением на Карельский перешеек, в небольшой поселок Кирилловское, где ей предстояло отработать в обычной сельской школе два года. Именно там Валентина Васильевна в 1960 году, на новогоднем вечере, познакомилась со своим будущим мужем – Робертом Максимовичем Цоем.

Валентина Васильевна:

«Встреча произошла в канун Нового, 1961 года. Я тогда работала учителем физкультуры в поселке Кирилловское, под Ленинградом. Роберт приехал с друзьями к моей подруге встречать Новый год. Через три дня он сделал мне предложение. Я еще подумала: может быть, у восточных мужчин так принято – долго не размышлять перед женитьбой? Мне тогда все девчонки завидовали: "Роберт у тебя красавец – высокий, стройный кореец", – говорили они. Но я серьезно к его предложению не отнеслась. Решила: выйду замуж, а если не понравится, разведусь.

13 февраля мы поженились. Свадьба у нас получилась колхозная – с огурцами и винегретом, потому что на большее денег не было. Роберт Максимович тогда учился в Военмехе, у него была только стипендия. После рождения Виктора мы стали копить на кооперативную

квартиру. Роберт уехал в Воркуту – работать инженером шахты. А я по спортивным и летним лагерям ездила с сыном... Роберт спокойный, интеллигентный мужчина, тринадцать лет мы жили с ним душа в душу. Но однажды он поставил меня перед фактом: "Валя, я полюбил другую". Витя в то время учился в 4-м классе. Уже тогда я поняла, что неприятности на любовном фронте не должны сказываться на воспитании сына. Я взяла его за руку и отвела в городскую художественную школу. В шестом классе он занял второе место в городском художественном конкурсе. Его картина "Все на БАМ" висела в Этнографическом музее. А через четыре года он поступил в Серовское художественное училище. Новая жена Роберта родила ему сына Леонида. Когда мальчику исполнился годик, Роберт вернулся ко мне. Сказал, что любит только меня и не может жить без Вити. Через год я вышла замуж за Роберта во второй раз. Виктор был счастлив: он очень переживал из-за ухода отца!

После заключения второго брака мы еще 17 лет прожили счастливо. И вдруг смерть Виктора, которая из нашей личной трагедии очень скоро переросла в народную. Помимо собственного горя, на нас навалилось горе людей, которые переживали из-за смерти нашего ребенка. Наша квартира стала проходным двором, поскольку поклонники Виктора шли ко мне за утешением. В автобусе, который шел на Богословское кладбище, все рыдали. Меня это трогало. И подростки, которые плакали по моему ребенку, были мне дороги. Я не могла им отказать в общении, закрыть перед ними дверь. Роберту Максимовичу это не нравилось. У нас начались скандалы. Вскоре муж в очередной раз поставил меня перед фактом: "Валюша, я встретил свою первую школьную любовь. Я полюбил! И от тебя ухожу".

Я не хотела развода, пыталась сохранить брак любым способом. Мы и судились, и дрались! Но неизбежное свершилось: Роберт получил развод, разменял квартиру, полученную мною от родителей. После размена мне пришлось переехать жить в Пушкин, под Петербург. Ненависть к нему много лет не уходила из моего сердца. Однажды Марьяна мне сказала: "Роберт Максимович хочет повидаться с вами". – "Передай Роберту, что он уедет от меня в машине с разбитыми стеклами", – ответила я.

Я презирала его всем сердцем! А потом поняла: ненависть не дает возможности двигаться дальше. И тогда пошла в церковь. Не молилась, не стояла со свечкой, а просто просила Господа, чтобы Роберт ушел из моей жизни – все-таки шесть лет прошло! И ненависть пропала. Он стал для меня обычным человеком. Однажды я увидела машину Роберта, отъезжавшую от моего дачного домика. В тот же вечер соседка зашла ко мне в гости: "Валентина Васильевна, к вам приезжали и оставили записку". "Валюша, я живу один. Надо бы встретиться".

Вскоре Роберт приехал ко мне в Пушкин и сказал: "Валюша, я понял, что любил тебя всю жизнь. Ты моя половинка. До сих пор вижу тебя во сне". И я его простила. Мы стали снова жить вместе и через шесть лет зарегистрировали наш третий совместный брак...

Многие «киноманы» относятся с особым пиететом к матери Виктора Цоя, считая, что это именно она взрастила таланты их кумира, что она лучше всех понимала своего сына и «сделала» его как личность. Многие считают, что именно благодаря матери и первой жене Цой состоялся как музыкант. И когда Цоя не стало, убитые горем поклонники пошли к его матери за утешением и общением, в котором она им никогда не отказывала, как не отказывала представителям СМИ в интервью и комментариях. Из всех близких Виктору людей она была самой общительной. И если Марьяна давала интервью скорее по необходимости и, как правило, знакомым, то Валентина Васильевна была открыта всем.

Сам Виктор о роли матери в своей жизни никогда не говорил. Поэтому все, что мы знаем о близости матери и сына, известно с ее слов.

Считается, что Валентина Васильевна искала в ребенке способности и стремилась раскрыть их, старалась воспитывать Витю сама и ограждала его от влияний со стороны. По ее словам, она любила читать ему книги из серии «Жизнь замечательных людей», хотела заин-

тересовать Виктора тем, как формируются талантливые люди, и таким образом помочь сыну раскрыться. Как известно, именно Валентина Васильевна заметила у сына талант к рисованию и отдала его в художественную школу, где и началось увлечение Цоя рок-музыкой.

Как видно из многочисленных интервью, родители Цоя ему полностью доверяли. Семейных сцен не было, все жили мирно. Однако родители Виктора не предполагали, что их сын пойдет по тому пути, который Цой выбрал в итоге.

Из интервью с Робертом Максимовичем Цоем:

– Кем вы хотели видеть сына?

– Мать была уверена, что Виктор станет художником, он ведь с детства – лет с шести, наверное, – очень хорошо рисовал. <...>

– Поначалу вы не приняли его увлечение музыкой?

– Не то чтобы не приняли, просто не верили, что это у него серьезно. Думали, очередное увлечение, которое скоро пройдет. А уж того, что у него, помимо музыкального, еще и поэтический талант проявится, даже представить себе не могли. <...>

– От последнего места работы вы, наверное, в особый восторг не пришли?

– Меня больше расстраивало, когда он вообще не работал. В те времена ведь как было: не трудишься где-то, значит, тунеядец, а за это могли и посадить. А Виктор, когда его из Художественного училища имени Серова выгнали «за неуспеваемость», поначалу устроился на завод штамповщиком, но долго там не продержался, а потом два года вообще не работал – лежал на диване. Его знаменитая песня «Бездельник» посвящена именно тому времени. Я тогда очень переживал, а мать как-то спокойно к этому отнеслась, ни разу его не попрекнула. Сказала: «Не хочешь – не работай. Делай то, к чему душа лежит». А душа у него всегда лежала к музыке. Думаю, ей материнская интуиция подсказала, что из него будет толк. Виктор вообще был ближе к матери, чем ко мне. Во-первых, она проводила с ним больше времени, я-то постоянно пропадал на работе. Во-вторых, не секрет, что я один раз уходил из семьи, – так сказать, грехи молодости. В общем, Валюша оказалась права: я думал, что Виктор два года бездельничал, а оказалось, что все это время он творил.

Хотели ли родители, чтобы их единственный сын посвятил всю свою жизнь песням? В интервью рижской газете «Советская молодежь» в 1989 году Цой сам коротко ответил на этот вопрос: «Сейчас они считают, что я занимаюсь своим делом. Наверное, они так считали не всегда».

Инна Николаевна Голубева:

«Баталии были по поводу его работ и вообще... С Валентиной Васильевной. Валентина Васильевна – педагог. Не учитель с большой буквы, а педагог. Она окончила институт Лесгафта и заочно отучилась на учителя биологии. И вот, значит, они доставали его. Хотя, скорее, они доставали, конечно, всегда меня, потому что они мне все говорили: Витя должен что-то сделать, Витя должен позвонить, Витя должен работать, Витя должен еще что-то делать. И вот как-то она звонит нам и говорит: "Ну что, Витька работает?" А они с отцом его звали не Витей, не Виктором, а Витькой. И вот, значит, говорит: "Ну что, Витька работает?" Я говорю: "Ну, как-то так..." Она мне: "Ну что же вы, Инна Николаевна, не можете ему объяснить, раз ты женился, у тебя семья, значит, должен содержать себя и семью? А что это он не работает-то? Он ведь женатый, у него ребенок родился. Он должен работать и хлеб, значит, в дом приносить". Я ей отвечаю: "Валентина Васильевна, вы ничего не путаете? По-моему, родители должны учить этому своих детей". Я, правда, ничего ему не говорила никогда. Я могу биться, там за этого "Музыканта" несчастного врукопашную, а про это ничего.

Конечно, подобными звонками и требованиями Валентина Васильевна все больше отдаляла от себя Виктора. Он часто повторял фразу, что "у всех родители – как родители, а у меня – черт знает что"... Потом уже, когда все это произошло и Вити не стало, Валентина Васильевна мне говорила: "Благодаря моему воспитанию, Инна Николаевна, он таким стал, гениальным. Если бы кто-то другой был – ничего не получилось бы, а вот у меня получилось. Удивительно все получилось – у вас девочка такая, у меня мальчик..."».

Алексей Вишня:

«Возможно, замкнутость – следствие того, что жизнь Цоя не жалела. Прежде всего его постоянно пилили родители: "Иди руками работай, чего бренькаешь на гитаре?!" Они были далеки от искусства: мама Валентина Васильевна – учитель физкультуры, отец Роберт Максимович – инженер. Творчество сына они не воспринимали. После свадьбы с Марьяной молодоженам было негде жить: свекровь невестку невзлюбила, приходилось снимать углы. К тому же Виктору доставалось и от совершенно посторонних людей – какими только обидными прозвищами не награждали у пивнушек! "Узкоглазый" – из них самое мягкое.

Наверное, поэтому Виктор страстно увлекался фильмами с Брюсом Ли. Всегда хотел быть героем и считал, что одной крови с актером. Мог смотреть боевики с единоборствами по десять, двадцать раз. Помню, наступит перерыв в работе, ребята бегут на балкон курить, а Цой машет руками и ногами рядом со звукооператорским пультом, отрабатывая очередной приемчик. Конечно, на улице свои навыки не применял: скорее, они были нужны для уверенности, что сможет за себя постоять».

Говоря о родителях Цоя, нельзя забывать о культурной пропасти, которая их разделяла. Это – проблема многих советских семей того времени. Виктор был человеком с другими ценностями и часто повторял, что ему трудно найти общий язык с людьми старшего возраста, так как они мыслят совершенно иначе.

Как бы то ни было, вырос будущий властитель дум молодежи в совершенно обыкновенной советской семье, и ценности его родителей были ценностями обыкновенного советского человека. Его мать (как и многие родители), хотя и не попрекала его, но не была в восторге от того, что сын бросил учебу и начал заниматься непонятной рок-музыкой, которая не просто была запретной, но не приносила стабильного дохода. Родители вряд ли могли предполагать, что увлечение сына может принести ему материальное благополучие и популярность, поэтому их беспокоило, что он живет какой-то странной жизнью. Только потом, когда они увидели, что Виктор добился успеха, они изменили свое отношение. Но согласно воспоминаниям многочисленных свидетелей, ни мать, ни отец не воспринимали его как состоявшегося в жизни человека, музыканта, гения. Валентина Васильевна говорила, что героем его сделали поклонники.

Вот как о встрече с мамой Цоя рассказывает **Юрий Айзеншпис:**

«Если у Наташи дома я бывал часто, то питерский дом со шпилем на углу Московского и Бассейной посетил буквально пару раз. Квартира, помнится, достаточно большая, но обстановка средняя или даже ниже средней: громоздкие комоды, старомодные платяные шкафы. Мы сидели на слегка колченогих стульях, слушали западную музыку и пили крепкий сладкий чай с вареньем, которым нас угощала Витина мама. Отношения между ними оставались достаточно натянутыми – образ блудного сына навсегда приклеился к нему. Да он особо и не стремился его изменить».

А слова **Марины Смирновой** и вовсе противоречат тому, что мы слышим от родителей Виктора:

«У Витьки поначалу были какие-то комплексы, пока он еще не осознал себя тем, кем стал. То ли это были отголоски детских комплексов, то ли он вырос в семье, в которой было трудно вырасти уверенным в себе. Мне тогда не приходило в голову анализировать ситуацию, как сейчас, однако я уверена, что у него не было счастливого детства».

Алексей Рыбин:

«У него были прекрасные отношения с родителями. С мамой, с отцом. Некоторое время они с Марьяшей жили у Витьки, с родителями. Все было хорошо».

Разумеется, никто не сомневается, что мать любила своего сына и хотела ему лучшего. Но **лучшего не с его точки зрения**, а с точки зрения человека другого поколения, с другим жизненным опытом и ценностями. Это и составляет основной конфликт отцов и детей.

Что было важно для Цоя? Вспомните песни «Битник», «Закрой за мной дверь» – сколько в них стремления к свободе и романтизма. Взрослые часто называют такие настроения подростковым максимализмом, и в интервью Цой неоднократно подтверждал ту позицию, которую он выражал в своем творчестве. Ему было важно в первую очередь **сохранить себя**, свою внутреннюю гармонию, важно быть честным перед собой: делать то, что нравится, даже если это приносит определенные материальные трудности.

Что обычно важно для родителей? Стабильность и внешний комфорт, одним из элементов которого является образование. И для Валентины Васильевны, как для педагога, и для всей корейской родни Цоя было важно именно это.

Валентина Васильевна Цой:

«Я всегда берегла нервную систему сына и делала все возможное, чтобы он рос в любви. Ребенку нужны защищенность и вера в счастливое будущее. Мои родители были лимитчиками, с одним классом образования. Они жили в бараке и всю жизнь работали, чтобы не умереть с голоду. Я хотела жить иначе. Боролась за жизнь как могла и этому учила своего сына. Я сама построила свою жизнь. Поэтому, когда Виктора выгнали из Серовского училища, настояла на его поступлении в вечернюю школу. Он ее окончил».

То есть для Валентины Васильевны было важно, чтобы сын социализировался. Она считала, что именно шлифовка под стандарт и есть проявление любви, поэтому старалась дать ему то, чего недополучила в жизни. Однако Виктор не особенно стремился получить диплом, поэтому его часто называли «пэтэушником», хотя он постоянно занимался самообразованием. Между Виктором и его матерью не было полного взаимопонимания, поскольку их точки зрения на жизнь были диаметрально противоположны.

Разные они и по характеру. На первый взгляд создается впечатление, что Цой – человек мягкий, компромиссный, но на самом деле он был независим и свободолюбив. Просто вел себя спокойно. Поэтому Валентина Васильевна сама вспоминала, что старалась говорить с сыном полупшепотом, чувствуя его независимый нрав. Но далеко не всегда им удавалось не ссориться.

Валентина Васильевна Цой:

«Из-за Наташи Разлоговой мы с сыном рассорились. Не потому, что она мне не нравилась. Совсем даже наоборот: Наташа прекрасная женщина, очень красивая, похожа на молодую Джину Лоллобриджиду. Я не удивилась, что Виктор в нее влюбился. Но мне не нравилось, как он выстраивает свои отношения с Марьяной и сыном Александром. Я вложила Вите записку в пальто, которое он попросил меня отремонтировать и отослать ему на съемочную площадку в Алма-Ату. В записке я дала ему втык по поводу Наташи, Марьяны и Саши. После этого на

целый год сын вычеркнул меня из своей жизни – не звонил, не приезжал. Я тогда разозлилась и решила: не буду напоминать о себе, а заодно узнаю, кого я вырастила!»

Валентина Васильевна была строгим человеком. Порой резким. Но она честно рассказывает, что Цой с ней целый год не разговаривал, потому что она после его ухода от Марьяны неправильно с ним поговорила.

Как известно, Виктор провел с родителями только юность, а потом ушел от них и стал жить самостоятельной жизнью. Свое отношение к родительскому воспитанию в то время Цой высказал довольно откровенно в беседе с корреспондентом газеты «Комсомольская знамя» в Киеве, где группа выступала во Дворце спорта:

– А твои родители были строгие, они тебя часто наказывали, если да, то за что?

– Достаточно строгие, да. Но за что наказывали, честно говоря, не помню. За что обычно наказывают детей? За детские проступки.

– Хорошо, а у тебя нет к ним претензий, допустим, того не показали, тому не научили?

– А я вообще не считаю, что родители могут чему-то научить. Ребенок – это человек с собственной судьбой, и, мне кажется, мы слишком много значения придаем, так сказать, формированию личности родителями (последнюю фразу произносит с издевкой). Родители могут дать образование там, что угодно, а личность формируется сама, под влиянием окружающей среды. Но на одних одна и та же среда влияет так, на других иначе...

Если вспомнить ранние песни Цоя, то в них можно найти отражение того непонимания, которое царит между взрослыми и детьми вообще. В них ощущается какая-то неприкаянность, ненужность, откровенное и яростное сопротивление ценностям взрослых.

А я смеюсь, хоть мне и не всегда смешно,
И очень злюсь, когда мне говорят,
Что жить вот так, как я сейчас, нельзя.
Но почему? Ведь я живу.
На это не ответить никому...
(«Мои друзья»)

Все говорят, что надо кем-то мне становиться,
А я хотел бы остаться собой.
(«Бездельник»)

Папа, твой сын никем не хочет быть.
(«Папа»)

Ты готов был отдать душу за рок-н-ролл,
Извлеченный из снимков чужой диафрагмы,
А теперь телевизор, газета, футбол
И довольна тобой твоя старая мама.
А когда-то ты был битником...
(«Когда-то ты был битником»)

Мнение, что мать лучше всех знает сына, ошибочно. Бывает, что меньше всего о человеке знают именно родители, одноклассники, однокурсники, потому что их не выбирают, и очень часто человек (особенно человек избирательный в общении) не раскрывается перед ними полностью.

Родители знают Виктора только как своего ребенка, но они почти не видели его настоящего – такого, каким он раскрывался в общении с единомышленниками. Именно поэтому они **ВООБЩЕ** не относились серьезно к его пению в ванной и бренчанию на гитаре – для них это было детской шалостью, тогда как для Виктора это было делом жизни.

Валентина Васильевна Цой:

«Художественного образования у него не получилось... А музыка? Думаю – поиграет и бросит. Но вышло по-другому...»

Алексей Вишня:

«Родители хотели, чтобы он шел учиться, работать, а он – сухое вино, гитары и компании панков. Что тут говорить – конечно, по мнению родителей, это все полное говно. Мой папа серьезно посмотрел на мою музыку лишь тогда, когда взял в руки пластинку фирмы "Мелодия". Вот тогда, да. Сразу пошли предпочтения, а до этого он только и делал, что затыкал уши, чтобы не слышать мой писк».

Ирина Легкодух:

«Я не помню, чтобы он хоть когда-нибудь что-то говорил о маме или папе».

Георгий Гурьянов:

«Мы ни разу эту тему не поднимали. Цой никогда о родителях не говорил. Но и никакого неуважительного отношения или чего-то иного я не видел».

Антон Галин:

«Никогда Цой о родителях не рассказывал. И вообще мне кажется, что он их стеснялся. Стеснялся, что они у него обычные совки. У всех там, типа, папы – академики или какие-то деятели. У Свина мать – балерина, у Скандала папа – академик. А у Витьки отец – инженер, мать – в школе. Фигня какая-то. Еще и ограничивали его. Хотя я помню, как его мать нас пирожками угощала...»

Рашид Нугманов:

«Никогда, ни единым словом или жестом Виктор не высказал мне своего презрения к родителям. Правда, я с ними при жизни Виктора не встречался никогда, и повода говорить о них у нас не было. Виктор очень тепло относился к моей маме, и я как-то автоматом проецировал такое отношение к его собственным родителям. Надо сказать, что я не раз был свидетелем критического отношения к ним со стороны Марьяши и ее мамы Инны Николаевны, но пропускал все это мимо ушей, так как не мое это дело было, тем более что Виктор никак на такие разговоры не реагировал. Сохранял молчание».

Люди со временем меняются, особенно потеряв ребенка. Да и вообще, когда теряешь человека, то всегда чувствуешь вину, возникает ощущение, что поступал с ним в чем-то неправильно. Вкус родители Виктору, безусловно, привили, но «приняли» они сына, по сути, только после смерти. Его смерти. Которая очень их обоих изменила. Только *post factum* Валентина Васильевна поняла, что ее сын добился в жизни многого – недаром ее родство с Виктором и фамилия «Цой» часто помогали ей, например, когда она сталкивалась с наплевательским отношением врачей в поликлиниках...

Инна Николаевна Голубева:

«Сегодня Роберт Максимович у нас с журналистами общается. И смотрит он на это со своей позиции. Еще Марьяша была жива – как только где-то что-то надо – у нас представители есть: сначала Валентина Васильевна, теперь вот Роберт Максимович. Его в жюри сажают. А у него все Витька да Витька... Только сейчас он понял – что такое Витя. А то все: "Что он там делает? Что он там на гитаре своей умеет?" Это потом уже Валентина Васильевна говаривала, что это ее воспитание».

Андрей Тропилло:

«Родители узнали, что их сын – герой и гений, только после его смерти».

Первое время после гибели Виктора дома у его родителей был проходной двор, дверь не закрывалась – толпы фанатов шли к ним, чтобы выразить свое сочувствие, посидеть-поговорить... Приходили и такие, которые были на грани суицида, готовые вот-вот отправиться за своим кумиром, и Валентина Васильевна с каждым сидела – разговаривала, убеждала в абсурдности самоубийства... Вот это поражало больше всего, ведь ей самой было нелегко в тот период, после потери единственного сына, а она еще других умудрялась поддерживать.

Валентина Васильевна вспоминала в своем интервью Олегу Беликову:

«Я знаю, что такое автокатастрофа, знаю, что он погиб. Я не могу не верить Наташе. Акт экспертизы – неоспоримый документ. Но после того как в первый раз попыталась его прочитать – два месяца потом к нему не подходила. К смерти я психологически готова, но это смерть моего сына...

Я не собираюсь специально интересоваться фактами его смерти, из акта я поняла, что у него в груди была жуткая дыра и что он умер мгновенно. Но ребята с Богословского постоянно мучают меня разговорами о том, что он якобы жив. Для меня это очень трудно.

Мы вот как-то шли с Робертом с кладбища, а кругом на ограде надписи: "Цой жив". И я говорю ему: "Роберт, ну как ты мог поверить в то, что твоего Вити нет?"»

28 ноября 2009 года Валентина Васильевна умерла в одной из больниц Петербурга. За последние полтора месяца она перенесла два тяжелых инфаркта. Похоронили мать Виктора Цоя на Богословском кладбище, совсем недалеко от могилы сына.

Роберт Максимович

Как известно, каждая корейская фамилия имеет свой пой (клан). Пой Виктора Цоя назывался Вончжу. В Корейской национальной библиотеке в Сеуле даже сохранилась родовая книга этого клана – «чокпо». Цой – одна из семи самых известных корейских фамилий. Она имеет 23 бона. Если переводить буквально: «Цой» – это высота. Иероглиф «Цой» на ханмуне (древнем языке, основанном на китайской грамматике) изображает дом у горы с тремя вершинами и человека, а иметь изображение дома в фамилии – очень почетно. Единственное на сегодняшний день упоминание о прадедушке Виктора Цоя – Цой Ён Наме – нашлось в посемейном списке корейского населения Владивостока за 1913 год, чудом сохранившемся в одном из архивов Дальнего Востока.

По данным архива, Цой Ён Нам (1893–1917) родился в корейском городе Сонджине (ныне Ким-Чхэк), расположенном в ближайшей к русскому Приморью провинции Северный Хамген (Хамген-Пукто), на территории современной КНДР. В то время Сонджин представлял собой небольшую рыбацкую деревню на берегу реки Намде, впадающей в Японское море. В 1907 году вместе с небольшой группой корейцев Цой Ён Нам переселился в Россию, во Владивосток, где жизненные условия корейских разнорабочих были лучше.

Согласно уточнениям историка Дмитрия Шина, в то время весь Владивосток был поделен на так называемые слободки, например: Рабочая, Матросская, Экипажная и прочие. Прадед Виктора Цоя проживал в Новокорейской слободке, на улице Сеульской, в доме номер 13. Конечно же, на сегодняшний день этот дом не сохранился, как, собственно, не сохранились и другие дома этой улицы. Остался невредимым только один дом, под номером 2а, а все остальные были снесены, и на этой территории сейчас стоят гаражи, мелкие мастерские и прочие городские постройки.

Там же, во Владивостоке, Цой Ён Нам женился на Анне Васильевне Югай (1896–1985), и в 1914 году у них появился на свет дед певца – Цой Сын Дюн (Максим Петрович), один из ярких личностей в корейской ветви фамилии Цой.

Получив среднее образование, дед Виктора Цоя работал учителем начальных классов во владивостокской школе № 8, расположенной в районе Горностая, на Первой речке. В 1936 году он женился на Ким Хе Ден, родившейся во Владивостоке в 1917 году. Возможно, что именно от Ким Хе Ден Виктор Цой унаследует тягу к музыке: бабушка весьма недурно пела в хоре корейского радиовещания Приморского областного радиокомитета и в составе этого хора частенько ездила в Москву записывать песни.

Как известно, к 1917 году в России проживало около 100 тысяч корейцев, причем в Приморском крае они составляли почти треть всего населения. Корейцы проживали на территории современного Приморского края задолго до появления первых русских колонистов, однако большинство корейцев переселялись в Приморский край во второй половине XIX века, чтобы получить подданство Российской империи.

Именно корейцы первыми в СССР подверглись сталинской депортации по национальному признаку. В 1937 году на основании постановления Совнаркома СССР корейцев депортировали в Казахскую ССР и Узбекскую ССР под предлогом «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край».

В 1937 году вместе со всем корейским населением Приморья семья Цой была депортирована в Казахстан и жила в Кызыл-Орде. Закончившего в Казахстане в 1941 году на «отлично» пединститут деда Виктора приняли на работу в НКВД, в отдел контрразведки. Там он служил 15 лет. Работа была связана с пленными японцами, которые тогда размещались и в Казахстане. После окончания войны, в 1946 году, Цой Сын Дюн был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В 1957–1958 гг. дед Виктора Цой Сын Дюн

работал на Сахалине старшим уполномоченным УКГБ по Сахалинской области. Чуть позже он перешел на службу в МВД и закончил свою карьеру майором милиции. Бабушка Виктора – Ким Хе Ден (Надежда Ким) – прожила долгую жизнь (1917–2001). Как мать-героиня бабушка Виктора Цоя была награждена медалью «Материнство».

У Цой Сын Дюна было четыре сына: Юрий, Роберт, Леонид, Лев и дочь Алла.

Роберт Максимович Цой родился 15 мая 1938 года в Кзыл-Орде. В Ленинград будущий отец рок-звезды приехал поступать в Ленинградский ордена Красного Знамени Механический институт (впоследствии Военмех), на инженерный факультет, что удалось весьма успешно, даже несмотря на плохое знание русского языка, поскольку к тому времени, после смерти Сталина и начало «оттепели», гонения на корейцев почти прекратились и возможностей стало гораздо больше...

Роберт Максимович Цой:

«У моего отца, Витькиного деда, было корейское имя, хотя окружающие его звали Максимом Петровичем. Папа был человеком просвещенным. До войны нацмену-корейцу было непросто получить высшее образование, а отец выучился на преподавателя русского языка и литературы. И почти сразу же его призвали в органы госбезопасности, дослужился до майора. Это помогло дать высшее образование пятерым детям. Наша семья родом с Дальнего Востока, но в 1937 году нас, как и многих корейцев, сослали в Казахстан. Мой старший брат успел родиться во Владивостоке, а мы – четверо младших детей родились уже в Кзыл-Орде, на реке Сырдарья».

В конце 1960 года третьекурсника Роберта один из приятелей позвал на празднование Нового, 1961 года в Карелию, в поселок Кирилловское, где будущий инженер и повстречал свою будущую жену – Валентину Гусеву.

Роберт Максимович Цой:

«Стройная, заводная, с роскошными светлыми волосами, гимнастка... По распределению попала в сельскую школу, при которой жила. Женихались мы недолго: в начале января я уже сделал ей предложение. Валентина поначалу смеялась, но желание оформить отношения было обоюдным.

Родители Валентины были простыми людьми: мать работала посудомойкой, отец – кузнецом-молотобойщиком на заводе... Простые люди, рабочие. Но моя национальность их ничуть не смутила. А вот своим родным я рассказал о женитьбе далеко не сразу. Только когда уже родился Витька.

Мужем я, конечно, был незavidным. День и ночь учился, на подработку не было ни времени, ни сил. Хотя стипендию получал неплохую, да и родители денег подбрасывали. Собирался идти на флот, но перед самым дипломом Минобороны отказалось принимать выпускников с моей специальностью "наземное оборудование и пусковые установки". Так моя карьера и не задалась. Поступил сначала на Судоремонтный завод, потом на "Электросилу", получал, бывало, меньше Валентины.

Сыну было всего два дня, еще не выписали из роддома, когда меня, окончившего четвертый курс, отправили на практику под Львов, на шахтные пусковые установки. Успел на сына посмотреть через стекло...

В Ленинград вернулся, когда Вите был почти год. Возможно, я плохой отец. Ни первых слов сына, ни первых шагов не помню. Не пришлось гулять с ним, катать с горки. Слишком тяжело мы жили: я пропадал на работе. Тогда казалось, что еще успеется: сейчас разгребемся с делами, заживем более или менее нормально, и все смогу наверстать в отношениях. А вышло,

что, когда, наконец, оглянувшись, эти отношения уже были не нужны ни увлеченному музыкой Вите, ни, по большому счету, мне. Все проворонил, о чем, конечно, очень сожалею».

В 1966 году семья Цой благодаря небольшим сбережениям и подработкам Роберта и Валентины смогла внести взнос за небольшую кооперативную квартиру и наконец-то получить собственное жилье. Но в то же самое время отношения Роберта и Валентины испортились.

Роберт Максимович Цой:

«Не перестаю себя корить, но вышло так, что я оставил семью. Поехав от предприятия в один из колхозов помогать собирать урожай, я втрескался в сослуживицу Любу. Молодой мужик, за тридцать, вот и потянуло на сторону. Никогда не боялся рубить сплеча, честно признался Валентине: "Полюбил другую".

В новой семье у меня родился сын Леонид. Но когда ему не было и двух лет, мы с Любой разбежались, и я попросил у Валентины разрешения вернуться».

Виктор тем временем уже научился брэнчать на гитаре и учился в художественной школе, куда его отдала Валентина Васильевна.

Роберт Максимович Цой:

«Страсть к рисованию у Вити первой мать заметила, Валентина Васильевна. Она сразу почувствовала, что есть в нем что-то такое от художника. Еще он маленький был – в третьем-четвертом классе учился – и уже неплохо рисовал. Она решила, что ребенок талантливый, и отдала его в городскую художественную школу. Он там учился лет пять. Неплохо у него получалось, он даже в городских выставках участвовал еще ребенком. То есть художественный дар у него открылся довольно-таки рано. Мы думали, что он по этой художественной стезе и пойдет. Не думали, что он музыкой увлечется. Пока были ученические работы, особых сюжетов не было – натюрморты всякие, графика, а вот когда стал ближе к музыке, то стал "The Beatles" рисовать и других зарубежных исполнителей.

Я думаю, Леннон и вообще "The Beatles" сыграли решающую роль в том, что Виктор увлекся именно рок-музыкой. Это увлечение началось у него в период ломки голоса. В то время он пытался петь. Сейчас я понимаю, что у него тогда было много страданий, что никак не прорежется его настоящий голос. Мы как-то вернулись домой, а в ванной вой какой-то: он там голос тренировал. А вот когда голос все-таки прорезался, он начал сочинять, петь, группы создавать среди дворовых ребят. Я помню, как Валентина была на седьмом небе от счастья, что Витьку без блатов взяли в Художественное училище имени Серова, на оформительское отделение. Но брэнчал на гитаре и рисовал портреты Моррисона и Леннона он гораздо чаще, чем заданные натюрморты, начались прогулы и передачи, и через год его вообще отчислили. Он поступил работать на завод, потом пошел в ПТУ, сменил множество работ. Но уже тогда его сердце лежало только к музыке».

По воспоминаниям как Роберта Максимовича, так и Валентины Васильевны, они совершенно не давили на сына: Виктор покинул отчий дом довольно рано – в 19 лет. Причиной этого, по мнению Роберта Максимовича, явилось его знакомство с Марьяной.

Роберт Максимович Цой:

«В один прекрасный день он привел девушку. Представил Марьяной и сказал: "Мы решили жить вместе. Получится – поженимся". Нашего разрешения никто не спрашивал, а нам, признаюсь, Марьяна не слишком понравилась... Валя считала, что Марьяна Витьку охмурила, сама на себе женила. Невестка об этом знала, поэтому наши с ней отношения были натя-

нутыми. Валентина помогла им снять квартиру, после они поженились, и с тех пор мы видели сына очень редко. Витька вырос и в нас уже не нуждался. Успех сына в неформальном кругу нам с Валентиной ни о чем не говорил. Мы с матерью никогда не считались своими в компании сына, да это и невозможно было. У него была своя жизнь, свои интересы, и мы от них держались в стороне. Впрочем, это не мешало возникновению конфликтов, например, по поводу службы в армии или по поводу его работ.

Виктор с Марьяной прожили несколько лет, и потом, на съемках фильма "АССА", Витя встретил Наталию Разлогову, влюбился и ушел из семьи. Возможно, тут сыграл свою роль мой дурной пример. Официально брак с Марьяной так и не был расторгнут. Валентина страшно переживала, считала, что Витька ведет себя не по-людски. В ответ Витька психанул: "Не твоё дело!" – и ушел, хлопнув дверью. Они надолго поругались.

Конечно, у него была своя жизнь, но и Валя имела право высказываться. Я не лез. Сам виноват, что не смог стать третьим. Отношения с Витей были нормальными, я с ним советовался и старался вести себя на равных, но осадок от моего ухода так и не выветрился: близости между нами не было.

Как ни прискорбно, но понимание, что наш сын – звезда, пришло только после его гибели. Раньше мы как-то и не думали об этом. Популярность его росла и росла, но именно с гибелью пришло это осознание. Возможно, поэтому говорят, что он ушел на самом взлете.

Мне вспоминается последняя встреча. Он приходил к нам, когда Валентине Васильевне на работе дали возможность купить "Жигули". У нас денег не было, и чтобы мы ее могли приобрести, он принес нам 9 тысяч рублей – по тем временам огромные деньги. Он небрежно бросил пакет на стол: "Вот ваши деньги". И что-то мне тогда не понравилось в его взгляде: слишком грустным он мне показался. Я тогда не обратил внимания, а потом... Что уж. Мы поговорили: "Как дела?" "Нормально", – это был его излюбленный ответ, о чем ни спроси.

15 августа 1990 года мы с Валентиной были на рыбалке. В середине дня по "Маяку" передали: "Разбился Виктор Цой". Мы вначале не поверили, подумали – ошибка. Покидали вещи, рванули в Питер и из первого телефонного автомата позвонили Марьяне. Она подтвердила...

Каждый из нас по-своему переживал потерю сына. Возможно, я поступил подло, но вышло так, что я еще раз оставил Валю. Встретил свою первую, еще школьную, любовь и вновь попросил развод. Одумался только через шесть лет и снова попросил прощения у Вали. К счастью, она меня простила, и мы вновь сыграли свадьбу, уже в третий раз.

Последние одиннадцать лет мы с ней прожили вместе. Валя страдала от диабета, а когда умерла ее сестра Вера, о которой она привыкла всю жизнь заботиться, у Вали случился инфаркт. Похоронили Валентину на Богословском кладбище, там же, где лежит Витька. Сегодня я вновь женат, видно, так и не научусь жить один...

А что касается смерти сына... Знаете, 25 лет уже прошло. Потихоньку привыкли. Люди ко всему привыкают. А первое время было тяжело. Думали, что пройдет год-два-пять, забудется он потихоньку людям. А на самом деле популярность его не падает. Меня удивляет, что молодежь, которая его и не знала (им по 15–20 лет), увлекается его музыкой, а это говорит о том, что он действительно был талант».

* * *

11 мая 2015 года 77-летнего Роберта Цоя прооперировали в одной из клиник Израиля. Страшный диагноз – рак слизистой ротовой полости – ему поставили в конце апреля 2015 года. Стадия начальная, однако лечение потребовалось немедленно.

В Петербурге, по месту официальной регистрации Роберта Максимовича, госпитализация в онкодиспансер оказалась возможной только через полгода, а в другой клинике сказали: "Приходите после праздников". Поэтому отец Цоя вместе со своей нынешней женой Мариной

Хан принял решение экстренно лечиться в Израиле. Своевременное лечение принесло положительные результаты, и на сегодняшний день болезнь отступила.

Наташа

Наталия Разлогова – самая закрытая фигура из всех, кто был рядом с Виктором Цоем в его короткой жизни. Она получила множество упреков в свой адрес, в основном от поклонниц Виктора, с которыми отказывалась общаться (с прессой она тоже не общалась). Однако ее редкие комментарии на сайте Рашида Нугманова всегда отличались четкостью, ясностью и глубиной понимания.

О ней мало что известно. Наталия – дочь известного болгарского дипломата, который полжизни прожил во Франции. Детство ее прошло в Париже, ее первый язык – французский. Ее брат – самый известный российский киновед, директор Института культурологии Кирилл Разлогов (из-за разницы в возрасте многие принимают его за отца Наталии), старшая сестра Елена – доктор филологических наук, преподаватель МГУ. Сама Наталия по образованию лингвист, закончила филфак Московского университета. На момент знакомства с Виктором занималась переводами и читала лекции о французском кино членам Союза кинематографистов. На съемки «АССЫ» поехала по персональному приглашению режиссера Сергея Соловьева для того, чтобы посмотреть вживую, как снимаются фильмы, прочувствовать атмосферу съемок. Там они с Виктором и сблизились. Поскольку Цой и Разлогова были людьми из разных миров, никаких других шансов пересечься у них не было. Так, абсолютно случайно в жизни Виктора Цоя появилась другая женщина. Этим обосновано разделение в среде поклонников – кто-то уважает и чтит Марьяну, кто-то – Наталию. У каждого свое восприятие и мнение. Сторонников Марьяны большинство, и некоторые из них агрессивно реагируют даже на то, что кому-то Наталия нравится. У «киноманов» несколько основных претензий.

1. Разлогова отбила Цоя у Марьяны, и стала для него роковой женщиной.

Впервые Наталия и Виктор встретились на «Мосфильме» во время подготовки к съемкам «АССЫ». Но полноценное знакомство произошло в Ялте. Экскурсоводы до сих пор с гордостью рассказывают, что «АССУ» снимали именно в этом городе. По словам местных жителей, экскурсоводов и автора книги «АССА» Барабанова, есть несколько знаковых мест: отель «Ореанда», где снимали номер Крымова, отель «Таврида» с зимним садом и рестораном, где снимали знаменитую проходку под начало «Перемен!», а также гостиница «Украина», где жила съемочная группа – очень красивый, но ныне заброшенный особняк, выглядящий зловеще и романтично. Ну и канатная дорога, конечно.

Есть всего несколько свидетельств, которые проливают свет на зарождение отношений Разлоговой и Цоя, – это вышеупомянутая книга Барабанова о съемках «АССЫ», интервью Георгия Гурьянова, где он признается, что познакомил Цоя и Наташу, и воспоминания **Сергея Бугаева**:

«Цой приехал в Ялту не сразу. Может, спустя месяц или чуть поменьше, где-то в конце января. Мы уже начинали сниматься, а по сути дела, еще шла подготовка. И он там встретил девушку, которая работала помощницей Виктора Трахтенберга, помрежа. Звали ее Наталья Разлогова. И началась у них очень нежная дружба. У Цоя длинное черное или темно-синее, сейчас не помню, пальто, и периодически на набережной Ялты – не скажу в кустах, но в местах укромных – можно было видеть две загадочные стройные фигуры. Они были чем-то похожи. То есть было ощущение, что их вырубал один скульптор из одного куска мрамора: одинаковые две пышные черные копны волос, очень стройные фигуры. Никого не хочу сравнивать, но все сыграло свою роль. Марьяша к тому времени стала очень сильно злоупотреблять спиртными напитками, Цой, насколько я знаю, много сил тратил на то, чтобы ей что-то объяснить. Потом уже, в последние годы, она сумела себя трансформировать: выучила японский язык и такие усилия над собой предприняла, какие редко люди осуществляют. Но в тот момент Наталья

Разлогова сыграла свою роль как гармонизирующий фактор. И благодаря Разлоговой он чувствовал себя стабильно и уверенно, не выходя за рамки своей действительно огромной славы».

Эти слова расходятся с популярной версией, по которой Цой ни с того ни с сего бросил жену и ребенка ради другой женщины. На самом же деле прошлые отношения уже, в общем-то, закончились. Подтверждает это и Марина Смирнова, упомянув в одной передаче, что «Цой ушел окончательно тогда, когда в его прошлых отношениях уже было пепелище». Даже сама Марьяна Цой в «Точке отсчета» говорит, что к тому моменту, когда Цой познакомился с Наталией, они были абсолютно свободными людьми.

Марьяна Цой:

«Наталия оторвала Цоя от Питера и унесла в Москву. Получается, что я – своя, а она – нет. Получается, что я – порядочная, а она – нет. Хотя неизвестно, кто из нас порядочнее. Последний период жизни Витя был с ней. Это длилось три года, и это было очень серьезно... Судя по тому, что он доверял ей очень сильно, она не сделала ни одного неверного шага. Потому что с Цоем достаточно сделать один неверный шаг – и все. Может быть, я когда-то как раз и оступилась».

Да и следуя простой житейской логике – не стал бы человек, который несколько лет ни с кем не был замечен, кроме своей жены, вдруг крутить роман с другой женщиной, если бы у него в семье все было хорошо. Цой не был ловеласом.

В период их знакомства Цой уже не был мальчиком, он был взрослым человеком и вовсе не подкаблучником, каким его любят иногда выставлять. Если принять версию, что Марьяна «сделала» Цоя как личность, то придется признать, что Виктор был зависимым и ведомым человеком, который легко поддавался под влияние женщины. На это нечего возразить – если людям нравится ставить на пьедестал такого слабого и заурядного человека, который ничего собой не представляет и всем обязан своим женам, – это их право и их собственный выбор. Но соответствует ли такое представление действительности или просто характеризует самих поклонниц?

2. Разлоговой двигала не большая любовь, а погоня за славой и деньгами перспективного рок-музыканта.

Ни денег, ни славы у Цоя в начале 1987 года не было. Наталия, будучи представителем московской киноэлиты, зарабатывала переводами больше, чем рок-музыканты концертами. На тот момент «киношники» были бедны и широко известны лишь в кругу поклонников. Съемки фильма «Игла» и выход «АССЫ», которые сделали Цоя героем, случились примерно через год после знакомства с Разлоговой. В момент их знакомства Цой был для представителей мира кинематографа экзотическим персонажем, загадочным героем рок-подполья, о котором они почти ничего не знали. Наталию зацепила именно его личность, а никак не статус звезды.

Поскольку Наталия училась в музыкальной школе при Консерватории, некоторые считают, что она (как и Марьяна) оставила свой след в музыке Цоя, придумав аранжировочный ход в «Невеселой песне».

Юрий Каспарян:

«Замечательным, восхитительным образом взяла и придумала. У нее мелодия была в голове, она придумала вот этот рифф – та – та-та-там-там-там-там-там... Витя очень трепетно из нее на студии вытянул этот мотивчик, и мы его сыграли. В "Звезде по имени Солнце" он и есть. Ну, там более развернутое соло, да. А в "КИНО в кино" совершенно другая аранжировка, которая вошла в фильм».

Надо сказать, что Каспаряну больше нравится другое исполнение песни, более раннее – с выраженными гитарами и отчетливым вторым вокалом Георгия Гурьянова.

Юрий Каспарян:

«Мне нравится другое исполнение этой песни. Недавно я его услышал. Пластинка вышла "КИНО в кино", где именно это исполнение».

Тем не менее Наталия, судя по всему, никогда не стремилась «внести свой вклад» в музыку Цоя, да и вообще поначалу была далека от деятельности группы «КИНО».

По словам самой Наталии, впервые она услышала песни Виктора Цоя в Плиеньциемсе. Кто-то из отдыхающих летом 86-го привез записи «Аквариума» и «КИНО», и семилетний сын Наталии Женя стал распевать песню «Рыцарь Саша».

Как Цой сумел покорить Наталию, ведь произвести на нее впечатление сложно. Вернее, невозможно. За ней пытались ухаживать известные режиссеры и культовые телеведущие. Безрезультатно. Но Цою это удалось. Объяснить, в чем для нее заключалась его необычность, нелегко. Видимо, Цой сильно отличался от ее окружения. Он был абсолютно независимым в суждениях, уверенным в себе мужчиной, что наверняка завораживало. Окружающие подтверждают, что Виктор и Наталия относились друг к другу по-особому.

Марина Смирнова:

«Наташа старше меня на семь лет. Но она и сейчас выглядит так, что двадцатилетние могут ей позавидовать. Это удивительной красоты – и внешней и внутренней – человек, она совершенно была с другой планеты, интеллеktуал, из кинематографической семьи, то есть с определенным бэкграундом человек, с огромным внутренним пространством. С невероятно четким умом. Она стала для Вити проводником, просто взяла его за руку и повела дальше. Я думаю, что этой встречи не могло не произойти. Он уже к этому моменту перерос юношеские отношения и компании. Она для Цоя, безусловно, стала учителем, который открыл ему другие пласты. Он даже говорить стал по-другому после встречи с ней – это видно по его интервью. У него произошел некий рывок. Она невероятно красивый, умный и тонкий человек. Она не могла не привлечь внимания, потому что очень отличалась от всех в тусовке. И она говорила мне о Цое, что его просто нельзя было не заметить, потому что его интеллект, его способности были просто удивительны – начиная от игры в шахматы, когда за час его можно было научить играть так, что он выигрывал, до какого-то парадоксального понимания сути вещей. Она его вообще воспринимала как инопланетянина. Каких больше нет, не было и, наверное, не будет. Я не могу сказать за Наташу, но я видела, как это было с Витькиной стороны. Ведь они познакомились незадолго до съемок. И вот период съемок, его начало... Сказать, что Витька был влюблен, это ничего не сказать. Он же вообще был очень цельный человек, гениальный во всем. Пока был с Марьяной, он ничего себе не позволял. Потом появилась Наташа, и он так же совершенно преданно весь отдан был ей. Когда были съемки в Аральске, а это какая-то глушь невероятная, казахская степь, нет ничего, какая-то телефонная будка, откуда надо звонить по талончику, да и дозвониться можно было только чисто теоретически. А Наташи тогда даже в Москве не было, она ездила по всему Союзу с лекциями о современном французском кино, о "новой волне", так что ее еще и не поймать было. Тем не менее ежевечерне мы с ним за ручку ходили на этот переговорный пункт, и разговоры были только о ней. Я с ней тогда еще не была знакома, но это был некий ритуал. Он невероятно ее любил. Для него это был целый космос».

Олег Толмачев:

«Я был поражен, насколько Цой любил Наташу. Я много с ним ездил, сколько городов проехали, и мы часто вместе сидели, по ночам разговаривали, оставались вдвоем. Все равно замечаешь, смотришь на человека, как он себя ведет и т. п. Цой и не пил. И Тихомиров тоже. Цой никогда не мог нажраться, никогда. И первый раз я в Херсоне увидел. Наташа улетела с Юриком, с Жоэлем, с французами, готовится к Питеру, а мы остались, потому что нам надо еще отработать Херсон и уже, по-моему, лететь в Питер. Выпили мы тогда с ним очень прилично. С утра начали... Это был первый раз, когда я видел Цоя пьяным. Хотя нет, нет, даже не пьяным. Скорее прилично выпившим. Наташа же уехала. И вот я тогда это понял. Он ее проводил, переживал. Он ее очень сильно любил».

Джоанна Стингрей:

«Он очень любил Наташу. И те три года, что они провели вместе, они были неразлучны. Мне кажется, что большую часть жизни Виктор чувствовал себя одиноким, но с Наташей он нашел себя. Его отношения с Марианной были как молодая любовь, они росли вместе и родили ребенка. Отношения Цоя с Наташей были более зрелой, взрослой любовью, и он действительно ее любил и очень уважал».

Рашид Нугманов:

«После встречи с Наташей Цой стал очень домашний, его круг общения ограничился считаными людьми. Конечно, каждому человеку хочется иметь свой угол. Они собирались с Наташей покупать квартиру. Тут все понятно: если лет в двадцать неустроенность можно переносить относительно спокойно, то в 1990 году ему уже было двадцать восемь и хотелось жить по-человечески».

Вообще противопоставлять Марьяну, которая прошла с Цоем через первые трудности жизни, и Наталию, которая якобы «пришла на готовое», чтобы греться в лучах славы и жить беззаботно, бессмысленно. Тем более что жизнь со знаменитостью вовсе не так радужна, как кажется со стороны. Наверное, поэтому долгое время ходили слухи, будто бы не все так гладко между Виктором и Наталией, будто к августу 1990 года их отношения были почти полностью разрушены и зашли в тупик. Поэтому Цой стал писать песни, полные безысходности и грусти. Некоторые даже обвиняют Наталию в гибели Цоя!

Если всерьез задуматься, то трудности наверняка были. Когда человек добивается реального успеха, жить с ним становится тяжело. В таких случаях встает выбор – становиться тенью звезды или уходить. Если учитывать, что именно к августу 1990 года Виктор получил согласие Марьяны на развод (хотя здесь мнения мемуаристов расходятся, и некоторые говорят, что Цой якобы сам не хотел разводиться), то становится очевидно, что момент выбора был не за горами.

А еще поклонник Виктора очень интересовал вопрос дальнейшего развития отношений Виктора и Наталии. Хотел ли Виктор детей еще, планировали ли Виктор с Наталией в будущем завести общего ребенка?

Как известно, заводить детей нужно не всем. Быть хорошим родителем – это призвание, и решать в таких случаях, конечно, женщине, мужчина не вправе давить. Но талантливым людям, сконцентрированным на внутреннем «я», детей лучше не иметь, во всяком случае очень мало удачных примеров, которые можно привести. Хорошие, «правильные» дети растут в семьях, где родители не «до безумия» влюблены, а ответственно делают общее дело – растят потомство. В семьях же, где родители слишком увлечены друг другом, как это ни парадоксально, дети растут несчастными. И быть идеальным другом, верным товарищем и адекватным советчиком совсем не то же самое, что быть хорошим родителем. Мать должна нести в себе массу тепла и быть всегда настроенной на ребенка. Любовь к мужчине, любимая профессия, обязательства по отношению к другим людям всегда идут ребенку в ущерб. А к детям нужно

относиться очень серьезно. Так что едва ли Цой и Наталия планировали иметь детей. Из чего тоже некоторые делали вывод о том, что Разлогова «не любила» Цоя.

При посторонних Наталия всегда называла Цоя по фамилии, избегала обсуждения личной жизни, вела себя холодно и спокойно.

Ни Цою, ни Наталии не было свойственно панибратство, которое свойственно представителям рок-тусовки. Поведение Наталии – это вовсе не «холодность», а просто «закрытость». В воспоминаниях Андрея Хорева, например, Наташа предстает совсем другим человеком, да и Цой выглядит живым и человечным, потому что они показаны нам такими, какими были вне публики.

В передаче «Музобоз» Разлогова заявила, что не была женой Цоя, а просто другом.

Эти слова стали трактовать как «предательство» и «отречение» от Цоя.

Однако большинство людей попросту не смотрело полную версию разговора Наталии Разлоговой и Ивана Демидова, в котором она прокомментировала хамскую публикацию в газете «Аргументы и факты», по которой «...вдова Цоя, снимавшаяся в "Игле", пышно справляла свадьбу...» Газета «АиФ» в те годы выходила огромным тиражом, поэтому отвечать пришлось через телевидение, и Наталия лишь констатировала факт: она – не вдова Цоя, не снималась в фильме «Игла» и не устраивала никакой свадьбы. При этом Наталия никогда не отрекалась от того, что была рядом с Виктором последние три года.

Вероятнее всего, никому из поклонниц не пришло в голову, что между Марьяной и Наталией могла существовать договоренность о том, что Наталия навсегда уходит в тень и не мешает Марьяне заниматься наследием Цоя. А ведь этого требовала элементарная этика по отношению к матери единственного сына Цоя, которого надо было вырастить.

После смерти Цоя Наталия Разлогова вышла замуж за известного журналиста Евгения Додолева, который якобы писал критические статьи о Цое.

Оксана Печкобей:

«Умом понимаю, что Наташа Разлогова – яркая личность, что ее право любить кого угодно, выходить замуж за кого угодно. Тем более мне это понятно с высоты прожитых лет. Но сердце мое осталось прежним: когда мне было 18 лет, я плакала, узнав, что Наташа вышла замуж сразу после смерти Цоя. Очень уж обидно было за Виктора. А вот Марьяна действительно любила Цоя всю жизнь. Это было видно невооруженным глазом, несмотря на ее защитную грубость. Наташа вышла замуж в начале 1991 года. Ну, может, помолвка была или что-то подобное. Именно это меня и шокировало тогда. Я рыдала, слушая только что появившийся последний альбом. Она не спекулировала на его имени, конечно, она молодец. Но Марьяна его любила до самой смерти и рыдала не притворно. Рыдали мы все, даже те, для кого Цой был не любимым мужчиной, а просто дорогим человеком. Это, на мой взгляд, нормально. Так что я Марьяну всегда защищаю, а Наташу – не понимаю. Ну не могу я этого понять. Мне уже не 18, мне 38 лет, и все равно не могу принять это. Это не говорит о том, что Наташа плохая. Хорошая. Просто, я думаю, Цоя она не любила».

Наталия познакомилась с Додолевым в начале 1991-го, а замуж вышла почти год спустя. По традиции траур носят год, и Наталия ничем не нарушила правил приличий. Но ни у кого не вызывает даже тени смущения тот факт, что Марьяна Цой жила в гражданском браке с

Рикошетом еще при жизни Цоя. Они находят ей оправдание: «она делала это назло». Но откуда такая уверенность, что Марьяна поступала так, потому что «ей было тяжело», а Наталия – потому что «ей было все равно»?

Наверное, люди (поклонницы) примеряют ситуацию, с которой столкнулась Разлогова, на себя и думают, что уж они-то бы, имея такого мужчину рядом и потеряв его, пошли б за ним в могилу или поселились бы на кладбище, как те девушки, о которых Учитель снял целый фильм. Но это не что иное, как детский максимализм, свойственный многим фанатам вообще. Максимализмом является и противопоставление «возвышенного Цоя» «приземленному Додолеву».

Евгений Додолев – сын русского писателя Юрия Додолева, с юности сам писал стихи и художественную прозу. В журналистике не раз бывал отмечен престижными премиями, вел легендарную программу «Взгляд». Достаточно копнуть глубже, поинтересоваться книгами Додолева и настоящим, а не придуманным массмедиа Цоем, как окажется, что Цой был не только «героем русского рока», певшим о том, как все плохо, но и веселым ленинградским парнем, принесшим атмосферу Манчестера в унылость окружающего пейзажа, а Додолев в статьях хоть и шокирует иногда детскую психику, зато заставляет подумать о многих вещах, которым, казалось бы, все уже давно нашли «правильное» толкование.

Что же касается якобы «разгромной» статьи Додолева о Цое, то это и вовсе бред – та статья не содержит ничего крамольного (максимум, что можно с большой натяжкой посчитать в ней «оскорбительным», – это фраза о том, что «Цою грозит звездная болезнь»), а написана она была по просьбе и по тезисам Марьяны Цой, чему есть документальное подтверждение.

Вот как прокомментировал, по моей просьбе, ситуацию **Евгений Додолев**:

«Про Цоя я впервые услышал от Кинчева. Во время очередной поездки в Питер, на концерт "Алисы", Кинчев познакомил меня с Марьяшей. Это было веселое время, драйв невероятный. Мы отправились дневным поездом. Народу было немного. Сам Костя с женой, Валера Сюткин (ставший позднее лидером "Браво"), Миша Королев (ныне известный как гламурный фотограф), три оторвы-американки, без конца курившие траву, и я. После вечернего концерта "Алисы" в Ленинградском Рок-клубе мы поехали домой на условное after-party к кому-то из музыкантов "Аквариума", а после, уже под утро, оказались за одним столом с Марьяшей, и Костя прямо при ней поинтересовался, не могу ли внести свою лепту в раскрутку "КИНО" и помочь ей, как продюсеру группы (Айзеншпис еще отбывал срок), в продвижении команды. "Без проблем", – говорю. К этому моменту Цой уже засветился в эфире мегапопулярного "Взгляда" (в диалоге с Владимиром Мукусовым) и снялся у Соловьева в знаменитой ленте "АССА", тем не менее публикаций, посвященных творчеству культовой команды и личности ее основателя, во "взрослой" прессе не было, только самиздат (между прочим, по качеству значительно превосходивший все то, что делалось на страницах официоза; достаточно вспомнить хотя бы прекрасного Илью Смирнова, чьи работы в подпольных изданиях "Зеркало", "Ухо" и "Урлайт" стали системообразующими, если вести речь о так называемой музыкальной журналистике). Итак, я, полностью доверяя вкусам и пристрастиям Константина, ответил утвердительно. Забились на совместный обед.

Потом мы несколько раз встречались с Марьяшей, она подарила мне кассеты с демозаписями еще не вышедшего материала группы и набросала ключевые тезисы заметки, которые были, с ее, продюсерской, точки зрения, существенны. Я уже год как ушел из "Московского комсомольца", где был членом редколлегии и работал над журналистскими расследованиями, однако знаменитой "Звуковой дорожкой" рулил мой товарищ Женя Федоров (не путать с музыкантом), и я договорился с ним, что под престижной рубрикой выйдет текст о восходящей ленинградской команде, предложил ему послушать записи. Выяснилось, что "КИНО" он знает (уже отгремела "АССА", и "Перемен!" стала гимном) и считает, что материал газету украсит.

Тогда журналистика не была тотально коррумпированной отраслью, музыканты не проплачивали места в хит-парадах и не баловали взятками обозревателей (хотя советские главреды крайне неохотно соглашались на очерки о рок-командах, отдавая предпочтение вечным леонтьевым да пугачевым).

Когда текст был готов, я через пару недель передал копию рукописи Марьяне со знакомой, совершавшей регулярные вояжи в Северную Пальмиру. Тогда ведь не было никакой электронной почты и никаких факсов. Жена – продюсер Цоя позвонила на следующий день (мобильных, напомню, тоже не было, Марьяна отловила меня в редакции) и попросила упомянуть между делом "Объект насмешек" (она вроде продюсировала и Рикошета). Купюр же никаких не было. "Насчет 'корейского диско' не перебор?" – аккуратно поинтересовалась она. Слова "политкорректность" не существовало в нашем лексиконе, как и слова "Интернет", а автору хита Gangnam Style тогда было лет десять всего, что в Южной Корее есть музыка – никто не подозревал. Я сказал, что не хочу, чтобы заметка выглядела восторженно-фанатской, и что готов Вите этот момент прояснить при необходимости. Но Марьяна ответила, что в этом нет нужды. Вот, собственно, так и появился "Начальник Камчатки" в столичном издании. Фанаты, конечно, были не в восторге, но их не много было в массиве полутора миллионов подписчиков самой трендовой советской газеты конца 80-х. Главное, что музыканты и профи отреагировали положительно, и отчасти поэтому Юра Айзеншпис три года спустя фактически заставил меня вести "прессуху", посвященную выходу "Черного альбома" в январе 1991 года. Кстати, что Цой на момент публикации уже перебрался в Москву, к Разлоговой, я не знал. Хотя видел их пару раз на тусовках у Кинчева. Но Наташа, не переносившая табачного дыма, уходила спать в какой-нибудь угол и ни с кем, как помню, не разговаривала, и я даже имени ее не знал».

Принято считать, что Марьяна любила Цоя, потому что поклонники видели ее открытые проявления горя и любви (что, однако, не мешало им швырять камни в окна Марьяне и блевать ей под двери в подъезде). Но можно держать свои чувства при себе и не говорить о них широкой публике. Марьяна и Наталия были женщинами абсолютно разного темперамента и вели себя по-разному, что не мешало им понимать и оберегать друг друга.

Приехав в Латвию 16 августа 1990 года, Марьяна поддерживала Наталию изо всех сил, она мужественно приняла на себя все неприятные, но необходимые процедуры, связанные с моргом, милицией и доставкой тела Виктора в Ленинград, где она же занималась организацией похорон. Но в автобусе с телом Виктора поехала лишь одна Наталия – Марьяна с Сашей сели в машину к Каспаряну. Это говорит об огромном чувстве такта Марьяны и взаимном уважении двух любимых женщин Цоя.

Юрий Белишкин

Юрий Белишкин родился 14 ноября 1946 года. Его послужному списку позавидует любой отечественный промоутер. Он работал с Аллой Пугачевой, с группами «Аргонавты», «Песняры», «Ариэль». Был организатором первого фестиваля ВИА в Ленинграде с участием «Аргонавтов», «Землян», «Мифов» и «Санкт-Петербурга», организатором последнего концерта Сергея Курёхина и последнего выступления Булата Окуджавы в Петербурге. Почти 10 лет сотрудничал с «ДДТ». Больше года, с осени 1988-го и до конца 1989-го, будучи директором «КИНО», провел в обществе Виктора Цоя. По словам Андрея Бурлаки: «Юрий Белишкин – одна из немногих фигур в истории питерского рока, которая связывает между собой профессиональную и любительскую сцены, рок-н-ролл и другие сферы шоу-бизнеса». К тому же Юрий Владимирович действительно обладает несомненным литературным даром, что позволило ему написать несколько книг. Так, в конце 2005 года вышла его книга под философским названием «Афоризмы. Однажды была жизнь...»

Юрий Белишкин:

«В 1988 году я стал работать в театре "Бенефис". Этот театр организовали Михаил Боярский и Александр Розенбаум. А меня пригласили главным администратором. Условно говоря, Розенбаум отвечал там за авторскую песню, Боярский – за театр, а я – за рок-музыку. Организовывал концерты "ДДТ". И естественно, пытался как-то выйти на группу "КИНО". Администратора у Цоя тогда не было. Вообще было непонятно, существует группа или не существует. Выступали они очень редко, в основном – Цой в акустике. Вышла "Группа крови". В конце концов я дозвонился до Каспаряна. У них там связь была какая-то условная. Оказалось, что Цой отдыхает в Прибалтике. Договорились встретиться, когда он приедет. Встретились на улице Жуковского, около театра "Бенефис" (он находился на улице Маяковского, 11). Они пришли вдвоем – Цой с Наташей Разлоговой и Каспарян. Встретились, посмотрели друг на друга. Цой очень мало говорил. Речи о концертах даже не зашло – был разгар лета, они буквально на следующий день уезжали на юг. Единственное, у них были плакатные билеты, а я пообещал достать купейные и свое обещание выполнил. Они уехали на юг, сыграли там несколько концертов. Тогда, кстати, у них на разогреве выступал ансамбль "Ласковый май", безумно популярный впоследствии⁶.

А жил Цой дома у Гурьянова. Пока у Густава родители были на даче, они у него на Будапештской жили, репетировали. А когда родители вернулись, Вите пришлось съезжать. И я ему снял квартиру на проспекте Мориса Тореза. И только потом, к слову, заметил свою оплошность: рядом с этой квартирой была школа. Ну, школьники его сразу вычислили, хотя он и не выходил из дома почти. Естественно, доставали очень. Встретились, значит, мы у Густава: Цой, Каспарян, Тихомиров, сам Гурьянов и я. Посидели на кухне, выпили чаю, покурили. Витя за три часа сказал слов десять. Попросил помочь. Сказал, что в октябре у них намечаются два концерта в СКК. Предложил поработать с ними в качестве директора группы. Концерты были ломовые, два жутких переаншлага. Их организовывал Сережа Сельницкий, а я ему просто помогал, решал какие-то простенькие вопросы. Там даже, по-моему, никакой рекламы не было. Совершенно неверно, что организацией концерта в ДС "Крылья Советов" занимался Айзеншпис. Этим занимался я: заключал договор и т. д. Айзеншпис там действительно был, он принимал нас с московской стороны. У нас там, кстати, возникли проблемы: мы долго не

⁶ Вот тут Юрий Владимирович не точен. «Ласковый май» никогда не выступал на разогреве у «КИНО», хотя теоретически пересекался на гастролях с «киношниками». По воспоминаниям Ю. Каспаряна, Г. Гурьянова и Н. Разлоговой, музыканты «КИНО» просто иногда пели песни «маевцев» в гримерке, чтобы подразнить Цоя.

могли вселиться в гостиницу "Космос". Нас не встретили с утра, мы чуть ли не до обеда сидели у кого-то дома, и только потом появились номера. Хотя коллектив у нас был небольшой, мы всегда впятером ездили. То есть никакого персонала, прислуги.

Появился Айзеншпис. Наташа Разлогова – его хорошая приятельница. У них такой дуэт получился. Он еще до меня делал то ли акустические, то ли квартирные концерты Вите. Думаю, в конечном итоге они и убедили Витю перебраться в Москву. Наташа Разлогова умная, обаятельная, интересная женщина. Красивая, воспитанная. Дальнейшие события показали... Случайно, года через два после гибели Виктора, я видел по телевизору интервью с ней. У нее что-то спросили про Виктора, и она сделала такую паузу, что стало понятно – для нее эти отношения не были чем-то определяющим в жизни. Так, будто она уже забыла это имя. Она никогда не давала интервью для газет и журналов – во всяком случае, мне таковые не попадались. Думаю, говорить правду она не хотела, а лгать не было смысла. Что-то такое. Правда была бы очень острой. То есть дело не в том, что она не хотела ворошить память и так далее...

Неудивительно, что Витя оказался рядом с ней: она могла заинтересовать человека. Очень ровно и спокойно себя вела. Всегда с улыбкой. В меру кокетливая. Никогда не создавала никаких проблем в духе: вот я, подруга лидера! Не грузила, ничего не требовала. Очень хорошо воспитанная. Тем более – искусствовед, знает французский язык. Она работала синхронным переводчиком. Витя приглашал меня как-то в Дом кино на какой-то французский фильм – она переводила. Вот на концерте в Дании она была с нами. Во Франции, естественно. В Италии, по-моему, нет. А по стране она с нами не ездила. В этом, кстати, был какой-то симпатичный момент. Не мешала работать, определенную свободу оставляла. Если Марьяна, по сути, руководила многими поступками Виктора, администривала, то Наташа... то же самое. По жизни, я имею в виду. Витя не был бабником. Любил одного человека, который находился рядом. Если бы он был другим, менее привязчивым, многое могло бы сложиться иначе. А так – Москва его перетянула. И самый худший, как мне кажется, период его жизни был связан именно с Москвой. Я вообще думаю, что, если бы не переезд в Москву, он был бы жив. В Москве у Виктора началась совсем другая жизнь, а он был совсем немосковский человек. Он был такой... одинокий. Я слышал, как женщина, хорошо знавшая "КИНО", сказала про Виктора сразу после его гибели: "Этого мальчика никто не любил". Это она почему-то мне сказала в телефонном разговоре после гибели Цоя. Одинокий человек, которого, кроме миллионов девчонок и мальчишек, никто по-настоящему не любил. Трагическая судьба, трагический финал. За все время совместной работы мы ни разу не ругались, никаких наездов друг на друга не было, даже тогда, когда возникали какие-то проколы, которые неизбежны. Виктор был очень воспитанным, сдержанным человеком, не терпел хамства. Мы даже разговаривали друг с другом на «Вы». Ну мы же не были приятелями, мы вместе работали. Но отношения при этом были очень уважительные и теплые. Мало кто знает, что он меня звал работать в Москву, на пару с Айзеншписом. Последний раз звонил в конце января 1990 года, мы обсуждали этот вопрос. Я отказался. Тогда Витя предложил заниматься делами группы в Питере – ну, группа-то все-таки питерская. Но я и от этого отказался».

По воспоминаниям музыкантов «КИНО», Цой действительно звонил Белишкину в Ленинград и предлагал в дальнейшем сотрудничать с группой, но только не в качестве администратора. Администратором Юрий был никудышным, именно поэтому и возник Айзеншпис: группа устала от постоянных бытовых проблем, которые каждый раз возникали на гастролях. Но конфликта никакого не было, поэтому звонок Цоя Белишкину был продиктован элементарной вежливостью, тактом и хорошим отношением Виктора к Юрию Владимировичу. Белишкин сам отказался от дальнейшего сотрудничества.

В своих воспоминаниях Юрий многое путает. Так, Наташа Разлогова познакомилась с Айзеншписом в тот же день, что и Цой, и никаких общих знакомых с Юрием Шмильеви-

чем у них не было и быть не могло. Никаких интервью Разлогова после смерти Виктора не давала, хотя сам Белишкин регулярно появлялся на телеэкране. Юрию почему-то нравится представлять Виктора одиноким и никем не любимым, что уж точно не соответствует действительности, – слишком много свидетельств обратного. К сожалению, писательский дар Белишкина здесь никак не помогает восстановить истину. Напротив, как и в случае с воспоминаниями Житинского, он лишь искажает картину. Фантазии должны жить в художественном пространстве, мемуарист должен быть точен, когда речь идет о фактах, он имеет право лишь на интерпретацию. Может быть, «художественность» натуры помешала Белишкину стать хорошим администратором, поэтому на этом посту его сменил деловой человек, ставший впоследствии одним из лучших продюсеров страны.

Алексей Рыбин:

«То, что стал делать Юра Айзеншпис, можно с натяжкой назвать соревнованием с первым менеджером "КИНО". Он стал работать по-своему, по-московски, со своим размахом. Он не лез в дела Белишкина, Белишкин тоже не портил кровь окружающим разборками с появившимся вдруг конкурентом, они работали параллельно. Кончилось все тем, что на одном из концертов в Красноярске Юрий Айзеншпис, у которого была уже бригада своих администраторов, просто взял и сделал всю работу по высшему классу, и первому менеджеру делать просто было уже нечего».

Расстались Юрий Белишкин и Витя спокойно, без разборок и скандалов, по-дружески. Работа есть работа. Оттяг и тусовка Ленинградского рок-клуба закончились, началась крутая, серьезная, профессиональная работа. При этом нельзя умалять заслуг Белишкина, ведь все-таки первые стадионные концерты «КИНО» – его рук дело. Да и не только это. Разве можно оценить, запротоколировать и взвесить на весах, сколько сделал один человек, сколько другой. Ведь не только количество проданных билетов определяет работу администратора. Витя был достаточно закрытым человеком, и всякий, кто входил в том или ином виде в состав группы, должен был в первую очередь стать своим. А свой – он помимо технических функций работает еще и своим, так сказать, полем, дружеским отношением, иной раз просто дружеская беседа может значить больше, чем лишняя заработанная тысяча рублей (теми, старыми). Просто обидно, когда люди не понимают элементарных вещей и начинают кликушествовать: акулы шоу-бизнеса купили артиста, обидели того, выгнали сего, обманули третьего... Но такова работа. И происходят подобные вещи в любом коллективе, достигшем определенного уровня. И у нас, и, еще чаще, на Западе. И никто ни на кого не обижается, если это умные люди.

После гибели Цоя Юрий Белишкин много сделал для сохранения памяти группы; на протяжении всех 90-х он проводил мемориальные концерты и фестивали, а также администрировал группы «Камчатка» и «Виктор». Сегодня именно Белишкин больше всех появляется среди поклонников «КИНО», проводит всяческие акции в память о Цое и т. п. Это нормально, но только почему-то у многих появляется ощущение, что Юрий Владимирович страдает синдромом «брошенного человека» и все его памятные акции – от пустоты жизни.

Алексей Рыбин:

«У него просто в жизни ничего не было, кроме Цоя. Вот и привлекает к себе внимание молодых фанаток. Думаю, так оно и есть. Он же до знакомства с Цоем был простым торговцем театральными билетами⁷. Им и остался».

⁷ Белишкин в 1984 году трудился в Дирекции театрально-зрелищных касс и открыл, по сути дела, первую частную билетную кассу (у Балтийского вокзала) в Ленинграде.

Инна Николаевна Голубева:

«Белишкин, на мой взгляд, просто халдей. Он бегал за ними, билеты доставал... Я прекрасно помню: 8 марта, Белишкин бежит – в руке шоколадки какие-то, открыточки, целый портфель всего этого добра. И начинает бегать всем раздавать: ”Это Марь Иванне, это еще кому-то...” И потом все говорят: ”Ах, Белишкин, он же такой прелестный, приветливый, приятный человек“».

При встречах с поклонниками «КИНО» Юрий Владимирович активно намекает на таинственную смерть Цоя, не имея при этом никаких фактов и доказательств. Некоторым кажется, что Белишкин до сих пор в обиде на Цоя, оттого и переписывает в какой-то степени историю. Конечно, не следует делать скоропалительных выводов. Но, наверное, задуматься над всем вышеизложенным стоит.

Великий и ужасный Юрий Айзеншпис

Юрий Айзеншпис стал продюсером номер один, о нем по сей день ходит множество слухов, а его роль в жизни Цоя обросла массой небылиц. В одной из групп почитателей творчества Цоя Вконтакте можно найти весьма показательный опрос под названием «Цой и Айзеншпис». В опросе есть три варианта ответа:

- 1) Из-за него «КИНО» превращалось в поп-проект: ответило 76 человек (14,1 %).
- 2) Он внес несомненный вклад в развитие и становление группы: ответило 156 человек (28,9 %).
- 3) Он делал деньги на «КИНО», и его не интересовало творчество группы: ответило 308 человек (57 %).

Опрос показывает, что одна половина респондентов считает Айзеншписа беспринципным коммерсантом, который рулил группой «КИНО», а другая – что он бессовестно нажился на творчестве Виктора. Что же было на самом деле?

Знакомство

В книге «Зажигающий звезды» Юрий Айзеншпис познакомился с Цоем летом 1988 года, организовывал концерты в Москве в СДК МАИ в 1988 году, помогал с концертом в УДС «Крылья Советов» в 1989 году, затем договорился о выпуске телепередач «Взгляд» и «Утренняя почта» с участием Цоя и просто общался с Цоем еще при Белишкине.

Олег Толмачев:

«А началось все с чего... Я тогда был бегуном. Юрик вышел из тюрьмы. И приехал отдыхать с моим другом в Алахадзе, это под Пицундой, у нас там база отдыха была, "Динамо". Вот там мы с ним и познакомились случайно. Он пришел на стадион, мы разговорились. У него был такой здоровый двухкассетный магнитофон. Говорит: а что тут вообще творится? Да ничего, тут дома отдыха, спортсмены, все такое... И вот мы смотрим, они вечером с моим другом, Давидом Шандеровичем, дискотеки устраивают для отдыхающих. Так и познакомились, выпили и прочее. На следующий день Давид ко мне приходит: у меня тут никого нет, знакомых, типа, Юрку так плохо. А что такое? Да что-то с сердцем. Я своего врача беру – и к нему. Поделали там ему уколы какие-то. У него, скорее всего, тогда был микроинфаркт, или микроинсульт, или просто скачок давления... Потом мы с ним встречались в Москве на каких-то соревнованиях. Случайно тоже, а потом он пропадает. Я то все время на сборах был... Звоню как-то Давиду, а он мне говорит: а Юрок опять сел. И он сидел почти год...

И вот весной 1988 года мне звонок. Алло? Это я, Юра. Я говорю: как ты, что? Да я вышел. Презумпция невиновности очень работала сильно... А у меня тогда травма серьезная была, я почти не бегал. И вот мы с ним пошли на концерт Миши Муромова. А я его не знал же вообще. То есть я знал его как чувака, с которым познакомился на стадионе, знал, что он сам бегал 800 метров...

Ну вот, значит, мы приходим, стоим. Билеты? Не надо, говорит, никаких билетов, так пройдем. Я только потом узнал, что этот Юрик был продюсером группы "Сокол", по сути первой рок-группы в СССР.

Стоим мы у служебного входа. Подъезжает "Волга", из нее выходит Миша Муромов и к Юрику сразу же у всех на глазах. Юра! Айзеншпис! А Юрок так заглядывался, кого зовут-то? Я говорю: тебе, по-моему... А кто это? Так это и есть Миша Муромов. Оказывается, когда он

делал концерты группе “Сокол”, это было настолько мощное событие, что Стас Намин, Миша Муромов и другие, им за счастье было прийти помочь потаскать аппаратуру и прочее... А потом он сидел, а эти все посоздавали свои группы и стали играть...»

Юрий Айзеншпис:

«С Олегом я случайно познакомился в Гаграх, в гостинице, где жили спортсмены на сборах. Курортный сезон заканчивался, москвичей было мало, вот мы и закоренились...

В начале лета 1988 года один знакомый журналист пригласил меня во Дворец спорта “Динамо”, недалеко от Фестивальной улицы, на концерт безумно популярного тогда Михаила Муромова... Я никогда не являлся сторонником советской эстрады, но тогда жадно впитывал все проявления свободы, возможность находиться в центре тусовки и богемной жизни... В тот вечер я ожидал своего знакомого журналиста у служебного входа, где толпились десятки Мишиных фанатов... Приехавший Миша, раздав автографы, посмотрел в мою сторону, прищурился и узнал меня.

– Юр, это ты?

Мы поздоровались. Откуда он меня знает??

– Ты что, возгордился или не помнишь меня?

Миша вспоминал многочисленные события 20-летней давности... Ко мне он обращался как к старому другу, и это, несомненно, льстило моему самолюбию. Одно плохо – я практически ничего не помнил из описываемых им событий и людей и только согласно кивал головой».

Олег Толмачев:

«И вот это все увидел Миша Киселев. А он тогда был генеральным директором государственного творческого объединения «Галерея» в Черемушках. Тогда создавали на базе райкомов комсомола – их было, кажется, семнадцать, в каждом районе Москвы был свой, такие молодежные центры, но не все они работали. Но вот, например, центр у Лисовского работал активно. Все попсовые концерты тогда делал именно он – “ЛиСС”, потом была такая еще ТО “Химкинская” (Молодежный культурный центр города Химки), которая делала все концерты рокеров. Нашумевший концерт “КИНО”, после чего его запретили, был делом их рук...

И вот примерно такую же работу вела эта самая “Галерея”, только они работали с художниками. Я им говорю: а давайте концерты делать? Давайте. И вот родилась идея сделать фестиваль “Интершанс”. Мы приглашаем иностранных продюсеров, импресарио, менеджеров, и приглашаем наиболее известных популярных музыкантов, то есть, по сути, устраиваем такой гала-концерт, на котором есть спонсорская программа и есть программа приглашенных, все наши звезды. Организаторами выступали две стороны – ТО “Галерея” – мы с Юриком, и с другой стороны такая серьезная организация “Международная книга”, очень известная в мире. И мы начинаем организовывать этот фестиваль. Мы договорились с ДК “Крылья Советов”, и у нас было 6–7 гала-конcertов, на которых выступали все звезды. Кроме “КИНО”. То ли их запретили тогда, то ли Цой в Америке был тогда... В общем – первым фестивалем “Интершанса” мы нашумели по всей Москве».

Юрий Айзеншпис:

«На дворе стоял 1988 год, начинались большие перемены в обществе и сознании. И если частный бизнес еще широко не развернулся, то контроль над творчеством практически сошел на нет... На базе райкомов ВЛКСМ как грибы возникали молодежные центры с коммерческими и творческими функциями, через которые прошли многие мои коллеги: Лисовский, Фридлянд... После долгих и бессмысленных запретов начался расцвет рок-музыки... Концерты шли практически каждый день, на всех крупных площадках страны».

Александр Липницкий:

«Я познакомил Виктора с Юрой Айзеншписом в саду "Эрмитаж", где за пять лет до этой встречи, в 1982 году, состоялся легендарный концерт "Аквариума". Айзеншпис был нашим с Мамоновым давним знакомым. Когда Юрий вышел из тюрьмы и предложил поработать со "Звуками Му", мы отказались, нам это было не нужно. Мы из андеграунда, там и остаемся по сей день. А группа "КИНО" ему очень подошла. Работать с "киношниками" он начал спустя год после того знакомства в Москве. Цой и Айзеншпис встретились случайно на каких-то гастролях, где тогдашний директор "КИНО" не обеспечил группе гостиницу. Музыканты сидели в холле понурые. Айзеншпис бодро пробежал мимо: "Какие проблемы?" Те поделились. И Юра быстро решил все. С тех пор у "КИНО" был новый директор.

Каждой рок-группе нужен выдающийся организатор, и Айзеншпис действительно наладил дела "КИНО", в первую очередь гастрольные. Он сделал так, что музыканты получали реально большие деньги, жили в хороших гостиницах. В нашем поколении была, наверное, одна настоящая стадионная группа – "КИНО". "Аквариум" недотягивал, слишком песни Гребенщикова мудреные, не всем понятные, много в них аллюзий и философии. Да и музыку Борис старается сделать посложнее. Цой же считал, что песни должны найти кратчайший путь к сердцу аудитории. По-своему он прав.

История знакомства Цоя и Айзеншписа, с легкой руки Александра Липницкого, известна, подтверждена свидетелями, но звучала несколько иначе, чем ее подают. Организатором знакомства был именно он, а вот инициатором встречи был Айзеншпис. Его желание поработать с «КИНО» возникло не случайно, и судьбоносную роль в знакомстве Цоя с Айзеншписом сыграл не кто-нибудь, а рулевой «Первого канала» Константин Эрнст. Начинаящий телевизионщик Эрнст из программы «Взгляд» с модным журналистом Додолевым тусовались за кулисами одного из сборных рок-концертов в Москве в 1988 году. Айзеншпис, который только вышел из тюрьмы и еще плохо ориентировался в шоу-бизнесе, узнал когда-то написавшего о нем статью в журнале «Юность» Евгения Додолева, подошел к молодым людям, представился и сказал, что хочет поработать с какой-нибудь хорошей группой. Юрий выглядел довольно забавно: рот был полон металлических зубов, одежда была скромная. Но он был улыбочив и производил приятное впечатление. Молодые люди в двух словах объяснили ему основы, и Эрнст указал на группу «КИНО», которая, по его представлению, была лучшей.

Константин Эрнст:

«В "Лужниках" была "Рок-Панорама". И к нам подошел невысокого роста парень, неопределенного возраста, и сказал: "ну как вы?" Я ответил: "ну нормально". Он говорит: "а я откинулся три дня назад". И он рассказал свою историю, как он в два захода отсидел семнадцать лет. Потом он сказал, мол, я вижу, что вы парни разбирающиеся, кто самый главный-то сейчас? И мы ему ответили вот сейчас, минут через десять, начнется концерт, сходи посмотри. Посмеялись между собой, а он пошел посмотреть. А через три месяца он уже был администратором группы "КИНО"... Это был Юрий Айзеншпис».

После того разговора Айзеншпис стал обзванивать знакомых, чтобы выйти на Виктора и предложить ему свои услуги, – все знали, что у «КИНО» нет грамотного администратора. Но столкнулся с тем, что Цой уже работал с Белишкиным.

В 1988 году группа «КИНО» уже была очень популярной: после выхода фильма «Игла» и альбома «Группа крови» Цой не нуждался ни в какой раскрутке. Кстати, несмотря на аккуратность и точность работы Юрия Белишкина, группа по-прежнему нуждалась в толковом менеджере, умеющем решать бытовые проблемы.

Но Айзеншпис решает не навязываться и начинает собственный промоушен, о чем вспоминал Олег Толмачев.

Юрий Айзеншпис:

«Я ощущал возможность и перспективность совместной работы, видел ее взаимную выгоду, но не форсировал события».

И только после успешно проведенных концертов с участием «КИНО» в ДК МАИ, УДС «Крылья советов» Айзеншпис стал обзванивать знакомых, чтобы выйти на Виктора и предложить ему свои услуги. В результате Юрий вышел на Липницкого, и тот организовал ему встречу с Цоем в саду «Эрмитаж». Цоя, как и в первый раз в 1988 году, сопровождала Наталия Разлогова, присутствие которой Липницкий почему-то всегда скрывал. Юрий вел себя очень скромно и просительно, впечатление, как обычно, произвел приятное, и Виктор обещал подумать и ответить на предложение.

Юрий Айзеншпис:

«Наша встреча состоялась осенью 1988 года в саду "Эрмитаж", куда мы с Липницким пришли заранее и устроились за столиком небольшого кафе. Было пустынно, шел мелкий дождь. И вдруг появился Виктор. Он медленно двигался под руку с Наташей Разлоговой, о чем-то неторопливо беседуя. К моменту нашего знакомства был выпущен альбом "Группа крови", ставший лучшим альбомом 1988 года, однако гастрольная и концертная деятельность группы оставляла желать лучшего».

Обдумав предложение Юрия Айзеншписа и посоветовавшись с группой, Цой решает дать ему шанс и воспользоваться его администраторскими способностями. Как оказалось, музыканты «КИНО» давно подумывали о его кандидатуре, еще после удачных концертов в ДК МАИ.

Игорь Тихомиров:

«Мы около года размышляли о взятии Айзеншписа на работу в качестве менеджера. В конце концов его настойчивость нас убедила».

По словам самого Айзеншписа, он долго наблюдал за тем, как разгорается звезда Цоя, и очень надеялся на дружбу и сотрудничество с ним – был уверен, что они вместе достигнут успехов в работе. С его точки зрения, концертная деятельность группы была поставлена из рук вон плохо.

Юрий Айзеншпис:

«О Цое и его группе я узнал еще в тюрьме, когда читал прогрессивную "Звуковую дорожку" в особо прогрессивной газете "Московский комсомолец". Я видел, как разгорается звезда по имени Цой, и, конечно же, стремился к личному контакту. Мы были нужны друг другу, ибо лишь вместе могли вывести группу "КИНО" на достойную и заслуженную высоту».

Кстати, слово «продюсер» не существовало еще в советском лексиконе. Оно появилось много позже, уже в новой России. И первым продюсером стал именно Айзеншпис. Во время работы с «КИНО» и уж тем более после выпуска «Черного альбома» он решил называть себя именно так. А потом уже его примеру последовали остальные. И прошло еще несколько лет, прежде чем слово стало соответствовать содержанию.

Все сложилось, и после красноярских декабрьских показательных гастролей в концертный тур с конца февраля по 24 июня 1990 года группа «КИНО» поехала с Айзеншписом, который реализовал свои организаторские способности, оказавшись в нужное время и в нужном месте. Вот что рассказывали об этом А. Липницкому музыканты «КИНО» **Юрий Каспарян** и **Георгий Гурьянов**:

«Оказываемся мы где-то на гастролях. Прилетаем, нас не встретили, приезжаем в гостиницу, где должны были поселиться, – нет номеров. Сидим в вестибюле как оплеванные, с гитарами, и вдруг встречаем Айзеншписа, который там оказался случайно. Он видит Цоя и спрашивает: "Что такое, проблемы?" – "Да, вот бронь сняли с номеров, автобуса нет, чтобы на репетицию ехать..." – "Сейчас все сделаем", – говорит Айзеншпис. И уже через пять минут появился люкс для Вити, автобус, всех поселили. А Белишкин куда-то просто слился в этот момент, видимо, это был не его день... Короче говоря, уже в следующий тур мы поехали с Айзеншписом».

Влиял ли Айзеншпис на «КИНО»?

В Интернете, газетных статьях и других источниках нередко попадаются подобные суждения: «Юрий Айзеншпис сумел стать в нашей стране продюсером номер один. Среди тех, кого он открыл публике, – группа "КИНО", Влад Сташевский, Дима Билан» (газета «Антенна»).

Почитатели продюсерского таланта Юрия Айзеншписа также приравнивают группу «КИНО» к «проектам» Айзеншписа наряду с Биланом и Сташевским. Подразумевается, что Айзеншпис «раскрутил» Цоя, вывел его на большую сцену. И кажется, что до появления Айзеншписа группа «КИНО» не собирала стадионов и не была известна. Это, конечно, не так. Есть хронология событий: в момент знакомства с Айзеншписом Цой был знаменит на всю страну. Первые интервью Айзеншписа датированы 1991 годом: при жизни Цоя он не мог себе позволить говорить на камеру о группе «КИНО», у него не было такого права. А вот когда Цой трагически погиб, Айзеншпис стал одним из главных опрашиваемых, так как «киношники» ушли в тень. Разумеется, Айзеншпис не имел никакого влияния на Цоя. Он был администратором группы, хорошим хозяйственником, не более того. Это группа «КИНО» вернула его в шоу-бизнес, и, надо отдать ему должное, Юрий всегда знал свое место.

Рашид Нугманов:

«Айзеншпис никогда не был продюсером "КИНО". Он был менеджером, подчиненным Виктора, и исполнял делегированные ему организационные функции. Понятие продюсера в музыкальной индустрии России с самого начала толковалось слишком уж свободно (да и сегодня), однако это четко определенная профессия, которая прежде всего означает руководящую роль в создании альбома, отборе и записи песен для него, аранжировки и сведения в студии. Классический пример, понятный всем, – две ключевые фигуры в группе "Beatles": Джордж Мартин и Брайен Эпштейн. Первый был продюсером, второй менеджером. Эти два понятия не взаимозаменяемы, как мухи и котлеты, как деньги и творчество. Работая над "Черным альбомом", Айзеншпис еще мог бы назваться исполнительным продюсером, но никак не продюсером. Если проводить параллели, то продюсер в музыке ближе к режиссеру в кино. Режиссером "КИНО" был всегда сам Цой, и никто другой. После его гибели, выпуская "Черный альбом", эту функцию взяли на себя Тихомиров с Каспаряном».

В период знакомства с «КИНО» Айзеншпис был беден, жил в маленькой квартирке на Речном вокзале вместе с матерью, он только вышел из тюрьмы и пытался встроиться в новую жизнь. Свою первую машину он купил при Цое, а в центр переехал спустя много лет после его

смерти. Именно группа «КИНО», а точнее, «Черный альбом», выпуск которого он профинансировал, и принесли ему его первые деньги и статус продюсера.

Юрий Каспарян:

«На "Черном альбоме" написано: продюсер Юрий Айзеншпис. Это так и есть. Он действительно выпускал эту запись. Он вложил деньги, как бы спродюсировал эту запись. Но он не музыкальный продюсер, а выпускающий».

Среди музыкантов, знакомых с Цоем, бытует мнение, что он страдал «звездной болезнью». Это сыграло свою роль и в демонизации Айзеншписа. По словам **Сергея Бугаева**:

«После "АССЫ", серии больших концертов, после серьезного взаимодействия с Юрием Айзеншписом, который, как Дик Адвокат, внушал им, что они – супермегазвезды. Это, может, и соответствовало действительности, но с таким супермегатренингом могло привести к опасному заболеванию под названием "звездная болезнь"».

Сергея Бугаева можно понять. Мальчик, которого подобрал Липницкий, по юности болтался со старшими товарищами, и никто его особенно не гонял. Но когда пошла серьезная работа, стало ясно, что он только мешает. С появлением Айзеншписа концерты-развлечения закончились. Поэтому за словами Сергея видна досада и попытка слепить из Айзеншписа монстра. Когда пошли «взрослые» концерты вместо «квартирников», встал вопрос, кто из группы нужен на сцене.

Все, что связано с Айзеншписом, преувеличено.

Георгий Гурьянов:

«Да, сегодня говорят, что Айзеншпис оказывал влияние на группу. Конечно, он роскошный, талантливый бизнесмен... Человек был очаровательный и импозантный. Но какое влияние он мог оказать на музыку, если у него вообще не было к музыке ничего... Это Витя хотел, чтобы он был директором группы, помогал, но никуда не совался – в музыку, в творчество, и вообще это не его дело было... Витя хотел, чтобы он свою работу исполнял на 100 % и, по существу, организовывал поездки».

Инна Николаевна Голубева:

«Какое там влияние? Цой уже тогда на Олимпе сидел, и Шпис на него никакого влияния не имел, конечно. Он был – подай, принеси, пошел вон».

Гурьянов порой ему откровенно хамил в минуты дурного настроения, а Цой над ним регулярно подтрунивал, хотя относился в целом очень хорошо, да и поводов для недовольства Юрий никогда не давал: всегда был крайне предупредителен и быстро выполнял любые распоряжения.

Подтверждением могут служить слова **Георгия Гурьянова** из интервью, данного им Андрею Дамеру:

– Но к Айзеншпису Цой вроде хорошо относился?

– Ну еще бы! Айзеншпис вылизывал все места. Если вы смотрели фильм «Строгий юноша» – фильм, который для нас сыграл очень большую роль, – там есть некто Подчеркиватель неравенства, единственный отрицательный персонаж... Конечно, это все отвратительно было: по два-три концерта в день, перелеты, фаны, гостиницы и рестораны. Гостиницы – совдеповские, рестораны – чудовищные, где кроме вялых огурцов с помидорами была только одна котлета по-киевски, из которой, когда ее протыкаешь, вытекает машинное масло.

– У Виктора не было желания закончить с Айзеншписом?

– Нет, нет. В конце концов, Айзеншпис – кто это такой? Администратор, директор. Безусловно, Виктор не мог же разговаривать о деньгах, сколько вы заплатите, давайте деньги и т. д. Это недостойно артиста или художника торговаться и говорить о бизнесе. Поэтому Айзеншпис говорил. Говорил очень талантливо и жестко, и за это его Виктор очень любил.

Олег Толмачев:

«Тихомиров был из всего "КИНО" самый мудрый. Самый взрослый и мудрый. Шалопай был Гурьянов, под его влияние попадал Каспарян, Цой был такой Цой, я не скажу, что он был серьезный, но он был Цой... Все они по-хамски относились к Айзеншпису, но поскольку Цой очень уважал Юрика, то и они как-то так старались...»

Гурьянов его ненавидел первое время. Потом они подружились, благодаря Цою, кстати. Как-то началась ссора. Как всегда, Юрик с Гурьяновым что-то не поделили. И Юрик даже сказал: "Все, я ухожу, я не могу это больше терпеть, он меня оскорбил". Не помню подробностей, но что-то очень серьезное было. Цой всех успокоил. И Гурьянов извинился тогда. Юрик остался. Но Гурьянов его называл злобным карликом. Юрик запрещал пить, курить, просил вести себя прилично всегда. Но это только поначалу. Потом – все, все нашли друг друга.

А Витя вообще уважал Юрика. И тот вообще не ожидал, что так будет. Он своими глазами видел бешеную популярность этих людей».

Инна Николаевна Голубева:

«Он все делал для "КИНО" подобно тому, как ухаживают за скотиной, которая кормит хозяина. Хотя, конечно, слава богу, что так было. Он, конечно, был идеальный в этом плане – солому под всех подстелит... "КИНО" же всегда баюкали и качали в колыбели. Витя, конечно, очень нервничал, что вот надо репетировать, завтра концерты, а Густав все в своей кровати лежит... Им нужна была нянька. Нянькой была Марьяна. Она им носы вытирала, глаза красила, наряжала, кормила. И Айзеншписом они довольны именно потому, что он тоже был нянькой. Повторю – им нужна была нянька. Всем. Всем, кроме Цоя».

Дмитрий Левковский:

«Я как раз в то время спросил Юрика Каспаряна, с чего бы такая любовь? А ответ был прост – полная забота от Айзеншписа».

Олег Толмачев:

«С Цоем никогда проблем не было, с Тихомировым тоже. Они организованные, порядочные в плане отношений с толпой. Каспарян был полностью в другом мире, а про Гурьянова я вообще промолчу. Каспаряна надо было вообще поднимать, собирать ему сумки, одевать, они были богема такая, могли вполне проспять. Гитары им даже на сцену выносили, чтобы не обременять их. Я уже потом шутил: "У нас было четыре звезды, а сейчас восемь". "Да, Олег, это такая группа". Для нас, администраторов, гораздо лучше, когда есть кто-то, кто отвечает за музыкантов».

Александр Кушнир:

«Я против того, чтобы негативно говорить про Айзеншписа, который много для группы "КИНО" сделал».

Алексей Рыбин:

«Цой под его влиянием изменился, Юрий много для него сделал в масштабах России. Это первый профессионал, с которым Цой столкнулся в своей жизни. И он, конечно, Витю многому научил. При всем уважении к Юрию Белишкину, этого он дать группе не мог, не те

масштабы были. Витя шел по пути профессионального артиста, и совершенно логично, что он нашел себе профессионального менеджера».

Илья Смирнов:

«В "КИНО" Айзеншпис выполнял свои профессиональные обязанности по организации концертов, телевизионных выступлений, и делал это хорошо. А художественной частью занимался Цой. Как в любом нормальном театре, где есть режиссер и администратор. Именно в этот как бы (формально) "эстрадный" период Цой создает самые совершенные, самые взрослые и человечные свои песни. На них не заметно ни малейших потёков какой бы то ни было попсы».

«КИНО» было первым и единственным состоявшимся до него проектом, он не «раскрыл» их, потому что им это было не нужно. Первым по-настоящему его продюсерским проектом стала «Технология». Потом уже пошли Никита и Билан. Тогда он уже давал интервью как состоявшийся продюсер. А во времена «КИНО» он не был и не мог быть продюсером в современном понимании этого слова.

К проектам типа «звезда с нуля» он перешел уже после гибели Цоя, объясняя это тем, что с «состоявшимися» звездами работать гораздо сложнее и, с его точки зрения, менее интересно, чем с никому не известными артистами. В то время Айзеншпис назывался продюсером группы «КИНО»: видимо, для Цоя это было своеобразной игрой в солидность.

Олег Толмачев:

«Юрий был главный директор. Я – директор по гастролям. Юрик концертами не занимался, он не знал, как это делается. Он только мог кассу снимать, и у него были сильные связи. В гастролях Юрик ничего не понимал. У него это врожденное было. То он пытался кого-то обмануть, то налоги скрыть... Всегда себе в убыток.

Слово "директор" потом у журналюг возникло, а мы этому особого значения не придавали, так же как и Айзеншпис себя продюсером "КИНО" никогда не называл. А вообще профессии "директор" в шоу-бизнесе нет. Есть слово "администратор" – менеджер, прокатчик, импресарио. Никто никогда не слышал, чтобы Айзеншпис себя называл директором или продюсером "КИНО" или Виктора Цоя. Да, он продюсер "Черного альбома" – гениального по тем временам альбома. Айзеншпис – выпускающий продюсер первой частной пластинки, выпущенной фирмой "Мелодия". Весь ее тираж лежал у нас по квартирам и на складе Малой арены в Лужниках. Айзеншпис – продюсер "КИНО" – это все равно что я себя называю продюсером Кикабидзе, хотя в корне это не так. Я лишь некоторые эпизоды спродюсировал, как Пригожин».

Ирина Легкодух:

«Я с Айзеншписом знакома не была. Мельком слышала от Вити о нем, и это не оставило никаких воспоминаний. Если я не ошибаюсь, это такой человек, который занимался концертами Вити. Я помню смутно, кто-то хотел заказать его концерт, я спросила, и Витя вдруг с великой важностью сказал, что у него "контракт" и "продюсер", с которым надо об этом разговаривать, что он не сам занимается своими концертами, а распоряжается вот этот продюсер, и дал его телефон. По-моему, именно это и был Айзеншпис. В те времена это звучало непривычно и забавно – личный отдельный продюсер, который при этом не музыкант группы. Может быть, Витя был один из первых, кто стал так работать – по-взрослому. Но при этом очень выходило у Вити трогательно, по-детски, как игра такая, к которой Витя относился с большой серьезностью. Было ощущение, что Цой находится просто на явном крутом профессиональном (и профессионально поставленном) взлете, уж не знаю, благодаря ли продюсеру

или благодаря себе самому и Наташе, которая была с ним. Во всяком случае, понятно, что Цой и Айзеншпис относились друг к другу всерьез и были очень заинтересованы друг в друге».

Модель отношений Цой – Айзеншпис была совершенно обратной той, которую представляют сегодня в СМИ. Это не Цой приобрел имя за счет Айзеншписа, а Айзеншпис получил хороший старт в мире шоу-бизнеса после работы с группой «КИНО». И за это он был благодарен Цою.

Айзеншпис – крутой мафиози?

Многие говорят: «Как же Цой поверил человеку, который провел ”на зоне“ 17 лет?» Из-за мрачного прошлого кто-то даже считает Айзеншписа «врагом» Цоя и подозревает его чуть ли не в убийстве Виктора. Тут сразу можно сказать – врагов у Цоя вообще не было. Недоброжелатели были, конечно, как и у всех людей, которые выбились из общего ряда. А образ крутого мафиози Айзеншписа – просто страшилка для доверчивых домохозяек. Юрий Айзеншпис, смысленный еврейский мальчик, погорел на валютных махинациях и никакого отношения к «криминалу» в нынешнем понимании этого слова в те годы не имел.

Олег Толмачев:

«Вообще про Айзеншписа много неправды написано. Я как-то давал интервью, в котором очень много правды сказал, видимо, это кому-то не понравилось, и оно не вышло».

Юрий был очень забавным человеком, позитивным и совершенно неконфликтным. Музыканты «КИНО» вспоминают, что он часто рассказывал им про свою жизнь «в застенках». Например, как он там организовал работу мебельного цеха, зарабатывал деньги лагерному начальству и постоянно ел копченую колбасу, которая в стране была жутким дефицитом. С «уголовниками» он никогда не дружил. Вокруг него были разного рода спекулянты, люди, занимавшиеся перепродажей антиквариата, и тому подобная публика, а бравых молодцев в спортивных костюмах и малиновых пиджаках тогда еще не существовало.

Уже после смерти Цоя, побывав в Америке, Юрий научился правильно и стильно одеваться. В 1990 году он вообще всего пугался, комплексовал по поводу старых товарищей, которые «поднялись», пока он сидел. Можно с уверенностью сказать, нисколько не задев память Юрия Шмилевича, что в то время он был немодным лохом с хорошей головой. Что не мешало ему быть открытым и добрым человеком, искренне влюбленным в свое дело, в сцену и в шоу.

Айзеншпис превратил группу «КИНО» в поп-проект?

Группа «КИНО» с самого своего существования почти всегда играла поп-музыку, и Цой говорил об этом в одном из своих интервью. «Новая волна», которую любили «киношники», включала в себя элементы легкой танцевальной музыки. Причем альбом «Это не любовь» 1985 года гораздо «попсовей» «Черного альбома», и никто не видит в нем никакого «Ласкового мая». Поэтому распространенное заблуждение, что «КИНО» стало играть что-то вроде «Ласкового мая» с подачи Айзеншписа, не имеет под собой никакой почвы.

Юрий Каспарян:

«После смерти Юрия Айзеншписа много писали о временах его сотрудничества с группой ”КИНО“. Часто можно было встретить такую точку зрения, согласно которой, судя по изданному им после смерти Виктора Цоя ”Черному альбому“, он вел группу в сторону коммерческого звучания...»

Безусловно, «Черный альбом» навеян вовсе не «Ласковым маем», а «The Smiths» и «New Order», и для Цоя было бы странно ориентироваться на попсу, а не на группы «Новой волны» и постпанка.

Айзеншпис достаточно презрительно отзывался о русской попсе разлива «Миража» и «Комбинации» и называл это «лох-попом». Но он и не был категоричным ревнителем чистоты рока, равно как и сам Цой. Ибо рок – такая же поп-музыка.

Айзеншпис нажился на Цое?

Принято считать, что Юрий Айзеншпис был беспринципным человеком, который выбирал то, что принесет доход, и плевать хотел на творчество тех музыкантов, с которыми он работал. Но это не подтверждается документально. Свидетели единодушны в том, что, даже когда он делал легковесные проекты типа Никиты или группы «Динамит», он всегда носился со своими исполнителями, словно они самые талантливые и лучшие на свете, всегда верил в их исключительность, относился к ним как к людям искусства и видел в них какую-то изюминку и харизму. И на работу с Цоем его подвигла не столько его популярность в 1988 году, сколько яркое творчество и личность Виктора. Обвинения в том, что он «сделал Цоя меркантильным», не подтверждаются – Цой никогда меркантильным не был, и группа, даже в эпоху своей максимальной популярности (когда, казалось бы, надо было ловить момент и вкалывать), отказывалась от половины предложений. Ее богемное сибаритство никуда не делось – по сравнению с полным бездельем юности любая регулярная работа воспринималась музыкантами как непосильный труд. Если переложить концертную деятельность «КИНО» в «трудо-часы», то полноценной занятости точно не получится. А если уж сравнивать образ жизни группы с занятостью современного молодого человека, который не имеет родительской подпитки, то они окажутся теми самыми «бездельниками», о которых пел Цой. И никакой Айзеншпис не мог этого изменить.

Инна Николаевна Голубева:

«Кто-то мне сказал, что у Виктора были проблемы с Айзеншписом, поскольку Шпис хотел, чтобы Цой чаще устраивал "покос", но Наталья это опровергает».

Айзеншпис был увлеченным человеком, его привлекал пафос, а деньги были сопутствующим результатом. И ничего плохого или нечестного по отношению к группе он не сделал, что даже Марьяна признает в интервью. Конечно, как прирожденный предприниматель, он был не только романтиком, но и прагматиком. Но здесь нужно уточнить, что понимается под «стрижкой купонов» – деньги, которые получил Айзеншпис во время четырех месяцев работы с группой? Прибыль с продаж «Черного альбома» и разной атрибутики? Какие-либо коммерческие проекты Айзеншписа, принесшие ему прибыль после гибели Цоя? Так ли уж часто Айзеншпис пользовался именем Цоя в своем продвижении по карьерной лестнице?

По словам близких Цою людей, он, как любой продюсер, имел заранее оговоренный процент со сборов. Основной доход шел «КИНО». Сам Айзеншпис писал, что за свою работу администратором он получал 20 % прибыли от концертов, 40 % получал Цой, а каждый из музыкантов группы «КИНО» – по 20 %. То есть он был приравнен к музыканту. Понятно, что при расчетах администратора с организаторами гастролей никто свечки не держал, но нет никаких оснований полагать, что сумма гонорара, которую он озвучивал группе, отличалась от реальной – мир был тесен, круг узок, слой тонок, и все в общих чертах все знали.

Олег Толмачев рассказывал, что будучи директорами «КИНО» (Айзеншпис – по общим вопросам, Толмачев – гастрольным), они устраивали параллельно много иных концертов, например: Жене Белоусову, Гулькиной, Глызину, группам «Черный кофе», «Альянс» – и, кстати, часто отправляли на них администратором Иосифа Пригожина, бывшего в то время водителем Толмачева. Так что говорить о том, что именно работа с «КИНО» делала Айзеншпису кассу, совершенно неверно.

Теперь о прибыли с продаж «Черного альбома». Наверно, у критиков создается такое впечатление, что Айзеншпис, ничего не делая, заработал ни за что кучу денег и потом жил на них припеваючи. Так вот – это тоже неправда.

Юрий Айзеншпис:

«Свои последние песни Виктор записал на обыкновенную компакт-кассету, которую он часто слушал в машине. Возможно, имел какие-то замечания, это, к сожалению, неизвестно. Но именно эта кассета послужила основой будущей пластинки. "Черный альбом" был выпущен по всем законам шоу-бизнеса. Я подписал контракты с Апрелевским заводом, со студией "Метадиджитал", которая делала медный диск и проводила презентацию, с "Видеофильмом", где очень хорошая, технически оснащенная студия. Ребята работали там почти полтора месяца и записали фонограмму. После этого голоса нужно было сводить. Но поскольку у нас в стране специалистов по сведению нет, решили это сделать в Париже, в знакомой студии "Studio du Val d'Orge"...

После выпуска «Черного альбома» Айзеншпис уступил права на него «Мороз рекордс» и уже никакого дохода с него впоследствии получать не мог. После гибели Цоя он пошел своей дорогой, занялся другими проектами и спустя несколько лет стал великим воротилой шоу-бизнеса. После истории с выпуском «Черного альбома» Юрий делами «КИНО» не занимался.

Инна Николаевна Голубева:

«Отрицание и недовольство Айзеншписом вызвала его продажа плакатов на кладбище».

Олег Соколов:

«Я не ездил в Плиенциемс, туда поехал Стас Шиканов. А я с Айзеншписом и журналистом Шавыриным поехал на машине в Питер похороны организовывать. Шпис умудрился и туда взять плакаты, на продажу. Чтобы на кладбище продавались. Конечно, Айзеншпис сам с плакатами не стоял. Для этого был Змей, Тема, Хац, Коля, Муха, Стасик тоже стоял. Или я ошибаюсь. Они хотели стать, но им не дали вроде бы... Точно не помню... Что-то такое было... Мне просто было не до этого. Я стоял у могилы Виктора, с плакатом. И есть видео и фотографии с этим моментом».

Среди «киноманов» действительно ходят слухи о том, что Айзеншпис торговал плакатами на кладбище во время похорон Цоя. Но доказательств этому нет. В одном из интервью Марьяна говорит, что Айзеншпис якобы действительно собирался это делать и она его отговорила, но другие источники утверждают, что эту историю придумали Липницкий с Рыбиным, как Гребенщиков придумал про бандитов и телохранителей.

По воспоминаниям очевидцев, на кладбище вроде бы действительно были какие-то спекулянты, пытались продавать плакаты у входа, но им не дали. И эти спекулянты не имели отношения к Айзеншпису.

Только вот когда **Алексею Рыбину** был задан прямой вопрос относительно этой истории, он ответил так:

«Я знал Айзеншписа. Очень приличный человек был. Все рассказы про продажу фотографий и плакатов на похоронах Цоя – бред. Откуда такие дикие слухи? Мы шли с похорон Виктора вместе – Айзеншпис, Липа и я. Потом расстались у ворот, разъехались... Я никогда такого не говорил. Потому что этого не было никогда. В моей книге написано, что в нормальной стране нормальный продюсер обязательно ПРОДАВАЛ БЫ мерчандайз на похоронах. Чтобы у людей осталась вещественная память об этом дне. Мы об этом разговаривали, да. И это нормально. И с Троицким, и с Липницким, и с Юрием. Но ничего не продавалось. Слухи и нетвердая память изменяют реальную историю. А соответственно, характеры и поступки людей выглядят не такими, какими были на самом деле. Поклонники делают из Айзеншписа монстра. А этот человек сделал для Цоя больше, чем все его поклонники, вместе взятые».

Невозможно себе представить, чтобы Айзеншпис, который так трепетно относился к Цою (это чувствуется по его книге), с плачем стоявший у могилы (что отчетливо видно на видеозаписи похорон), стал заниматься подобными вещами. Впрочем, выбирать, кому верить и кто говорит правду, предстоит читателю.

Марьяна и Айзеншпис

Реальная картина предстает совершенно иной, если немного изменить угол зрения. Очевидно, Айзеншписа в Питере не любят. За его отношение к деньгам, за то, что он москвич, за то, что он сидел. Известны и его резкие высказывания в адрес Марьяны Цой, имевшей особый авторитет для многих питерцев и «киноманов». Марьяна являлась одним из составителей первой книги о Цое и, соответственно, она формировала образ Цоя для поклонников и его окружения, а любые нападки на нее всегда воспринимались этой аудиторией в штыки.

Многие поклонники слышали о конфронтации Марьяны Цой и Айзеншписа. Марьяна в интервью часто повторяла, как она «загрызла Шписа». Нельзя сказать, что их конфликт был так уж серьезен, но, тем не менее, определенные разногласия у них были. Можно с уверенностью сказать, что Юрий не любил Марьяну Цой, и эта неприязнь была взаимной. Айзеншпис казался Марьяне беспринципным и жадным (хоть она и признавала, что Айзеншпис, при всех своих отрицательных чертах, честен по отношению к группе «КИНО»), Айзеншпис тоже был о ней не лучшего мнения.

Юрий Айзеншпис:

«В 1988 году я начал заниматься группой "КИНО". Почему знаменитый уже тогда Цой доверился бывшему уголовнику? Видимо, существует какая-то тяга одного человека к другому. Меня с Витей познакомил журналист Саша Липницкий. Он же в свое время сказал, что мы стали подарком друг для друга. Ведь настоящая слава поп-идола к Цою пришла, когда мы начали работать вместе. Рассуждать о том, смог бы достичь Цой в наше время таких высот, кошунство. Цой был героем своего времени, поэтому он должен был уйти вовремя. Я не говорю сейчас о гибели, но для артиста важно вовремя покинуть сцену. Многие этого не понимают. Сегодня сложилось мнение, что долгое время продюсером группы "КИНО" являлась жена Цоя Марианна. Но вот я не считаю, что она была продюсером. Она была просто сожительницей Вити. Матерью его ребенка, но не более того. Более теплые отношения у Вити сложились с гражданской женой Наташей Разлоговой. В Москве они ютились в скромной трехкомнатной квартирке на юго-западе столицы, вместе с Наташиным сыном и ее сестрой. Но так распорядилась судьба, что одна женщина стала законной женой, а любимая осталась в стороне. Деньги интересовали больше всех Марьяну – низкое пролетарское происхождение давало о себе знать во весь голос. Во многом эта скандальная баба и спровоцировала разговоры, что Айзеншпис эксплуатирует смерть Цоя и славу "КИНО" для личного обогащения. Голая ложь, очевидная и

неприятная. А еще говорят, что Айзеншпис такой крутой мафиози, которому и слово поперек сказать нельзя».

Из интервью Марьяны Цой:

«У меня нет никаких отношений с этим человеком... Если бы мы с ним не встретились, было бы лучше для нас обоих. Я не хочу ничего выворачивать наизнанку, это наши внутренние проблемы».

Инна Николаевна Голубева:

«Не было ссор у Марьяны со Шписом. Он был у нас. Еще на Ветеранов. У него были очень зоркие глаза, которые бегали, как у вора на ярмарке. Он все сек, все просекал, все видел. И это было очень заметно, мне во всяком случае. И у меня он не вызывал положительных эмоций».

Не существует никакой конкретной информации о причинах взаимной неприязни Марьяны и Юрия. Но Айзеншпис всегда плохо отзывался о Марьяне Цой. Возможно, такое отношение связано с тем, что он появился в жизни Цоя в момент их с Марьяной конфликта и потому перенес на нее эмоции Виктора. И там, где остальные тактично молчали, он свое мнение не скрывал.

Как бы то ни было, Юрий Айзеншпис честно отработал с «КИНО» их единственный по-настоящему звездный сезон, был этим горд, но никогда более к этой теме не возвращался.

Часть 3. «Если время пришло – уходи...»

*Мне печальна судьба и отцов, и детей,
Продолжающих ждать, когда нечего ждать,
В надежде, что время двинется вспять.
Если время пришло – уходи...*

В. Цой

Смерть Цоя (такая, какой она была на самом деле)

13–14 июня 1990 года на Большой спортивной арене стадиона «Даугава» в Риге прошли концерты группы «КИНО». На каждом побывало примерно 10 тысяч зрителей. Выступление продолжалось чуть больше 40 минут (на разогреве был коллектив «Твин»). Группа играла обычную по тем временам программу – 11 композиций из альбомов 1987–1989 годов: «Группа крови», «Пачка сигарет» и т. д.

Дни были ветреные, и Цой сетовал, что «весь звук в сторону уносит». Кроме того, шум поездов, проходящих по расположенной в непосредственной близости от арены железнодорожной ветке, придавал звучанию особый колорит. Исполняя песню «Перемен!», Цой и не подозревал, насколько эти перемены близки...

Олег Толмачев:

«Прекрасно помню, как в Юрмале боролись: я против Цоя, вместе с Тихомировым, а Гурьянов курил и хохотал на лужайке перед гостиницей... В итоге я их победил, смешно, конечно. Мы коньяка напились тогда, вот и резвились. Помню, тогда я еще Каспаряна учил всяким легкоатлетическим премудростям – бегу и прыжкам».

После концерта Цой приехал из Риги в Плиенциемс, где уже находилась Наташа Разлогова с сыном. Огромный, красивый лимузин, в котором привезли Цоя, привел в полный восторг детей и деревенских жителей. После небольшого отдыха Виктор с Наташей вновь уезжают – группу «КИНО» ждут в Архангельске и Москве.

21 июня – день своего рождения – Виктор отмечал в Москве. Вообще Виктор не был ритуалистом и не отмечал праздники, в том числе и собственный день рождения, поскольку всегда находились какие-то отвлекающие дела. Из праздников Цой отмечал только Новый год. Поскольку у Наташи был сын, то, соответственно, в доме всегда была елка, подарки и домашняя вечеринка для родственников. Но день рождения особым праздником не был.

Вот как сказал **Рашид Нугманов** о последнем дне рождения Виктора:

«Совсем не помню. Точно был в Москве, встречались, обсуждали сценарий, который был в процессе работы. Помню, и Джоанна была, собирались на предстоящий концерт в Лужники, и Джоанна дала мне свою служебную проходку, но я пропустил, был чем-то занят. Спросил Наташу, тоже не помнит, как провели день рождения. Наверняка без пафоса и посиделок, как обычный рабочий день, дел ведь было невпроворот в те дни».

24 июня 1990 года в Москве в Лужниках состоялся последний концерт «КИНО». Он стал самым масштабным в карьере Цоя. 62 тысячи человек пели, стоя вместе с ним. Он очень устал,

но был счастлив. В фильме «Виктор Цой. Группа крови», показанном 15 августа 2010 года по ОРТ, говорилось, что «после концерта в гримерке Виктор ни с кем не разговаривал. Молча собрал вещи, попрощался. На следующий день он уезжал в Латвию – это был запланированный отпуск».

Это не совсем так. После этого концерта Цой был весел и счастлив. Все жутко устали, но были рады, что все прошло замечательно. Есть фотосессия, сделанная Сергеем Берменьевым, где Виктор с Наташей сняты в гримерке после выступления. Довольные и счастливые...

Кстати, в газетах писали, что «Чайку» с Цоем внутри восторженные поклонники вынесли из Лужников на руках. Это журналистская выдумка, основанная на словах людей, которые якобы «сидели вместе с Цоем и Разлоговой в этой самой "Чайке" в момент ее выноса из Лужников на руках».

В частности, некий Сергей Васильев, представившийся другом Виктора Цоя, на сайте uahha.com рассказал такую историю:

«"Цой приехал!" – услышал я, когда был в гримерке. Заходит Цой. Весь в черном. Постоянно курит. Потом подтянулись остальные участники группы. В этот день у гитариста "КИНО" Юрия Каспаряна был день рождения. Приехала Джоанна (его супруга). Пили шампанское, разговаривали, курили "Marlboro", пили колу... В общем, атмосфера была праздничная. Постоянно ходили журналисты. Потом группа ушла на сцену. Был очень теплый вечер, когда все пришедшие на стадион хором скандировали "Перемен!". После концерта Цой выглядел весьма уставшим, мокрым и сонным. Он лежал в гримерке около 10 минут. После завершения фуршета я с Цоем ехал в одной "Чайке", которую вынесли на руках со стадиона сотни тинейджеров. Было довольно-таки страшно, ведь никогда не знаешь, чем все это может закончиться... Мы приехали с Цоем и его подругой Натальей в их квартиру, где всю ночь напролет пили, говорили о музыке, кино, про новый фильм, о политике, женщинах... Цой сказал такую фразу: "Как меня все это достало! Хочется покоя и тишины..." Он сказал об этом так, как будто бы решил уйти и не возвращаться никогда в этот шоу-бизнес. Он спел под гитару свои новые песни, которые мне удалось записать на диктофон, – "Кончится лето", "Нам с тобой", "Красно-желтые дни", "Муравейник"... Утром мы позавтракали. Цой показал свой новый "Москвич-2141". В те времена эта машина была самой крутой в Советском Союзе. Цой довольно хорошо водил. Мы покатались по Москве. Обедали в ресторане. Цой рассказывал, что у них, мол, самый крутой продюсер – Айзеншпис, у которого все продумано. Он был этим очень доволен. Он высадил меня у метро в районе трех вокзалов, и мы распрощались. На прощание Цой подарил мне несколько экземпляров афиш с последнего концерта, где он выступал прошлым вечером, и расписался на них: "Удачи! В. Цой". В августе он звонил мне пару раз из Риги, где отдыхал вместе с ребенком и своей подругой. Звал к себе. Сказал, что записали демо к новому альбому, который впоследствии будет последним в истории "КИНО". Но я так и не приехал... Может быть, что-то удалось бы изменить и не было бы той ужасной катастрофы?..»

Этот рассказ смутил многих поклонников «КИНО» – слишком много в нем неточностей. К тому же известно, что после окончания концерта Цой с Наташей, забрав подаренные цветы, действительно в «Чайке» поехали домой, на Профсоюзную. И само собой – с ними никого не было. Да и домой к Наташи, где жила ее мама и сын, никто из друзей Цоя никогда не приходил и уж тем более не «пил там всю ночь». «Посиделок» в Беляеве никогда не устраивали, заходили только близкие друзья Наташи Андрей Хорев и Алексей Макушинский, иногда общие знакомые, как Рашид Нугманов.

Андрей Хорев:

«Я к Наташе и Цоюше приходил в гости посидеть, посмотреть видео (тогда еще отнюдь не распространенное), вкусно поесть с хорошим или не очень вином (Цой – максимум на уровне полстакана). Там-то они впервые и угостили меня кимчи и соевым соусом – тогда в узком кругу прозванным ”Цоевый соус“, – без которых я теперь и жить не могу, – редкие любители вроде меня разыскивали их тогда по всей Москве. А сам Цоюша вроде познакомился с ними на гастролях в Японии – близко, как он говорил, к ”моей этнической родине“».

Слова «...Он звонил мне пару раз из Риги, где отдыхал вместе с ребенком и своей подругой. Звал к себе...» – вызывают приступ здорового смеха. Это можно сказать и о «звонках Айзеншписа Цою». Конечно же, Цой никому не звонил из Риги (кто постарше, тот помнит, какие трудности представляли в ту пору междугородние звонки). Связаться с кем-либо по телефону было проблематично, без серьезного повода люди не созванивались.

Финальное предложение рассказа относится к разряду общеизвестных клише, которыми почти всегда завершаются воспоминания подобных «знакомых» Цоя. Когда поклонники попросили у таинственного Сергея доказательств, в том числе демонстрации хотя бы нескольких строк из якобы записанных песен, разговор пошел в духе: «Цой для меня спел, и я это записал, но никому не дам и не покажу». В результате Сергей Васильев исчез с сайта бесследно...

Чтобы пресечь все кривотолки, скажу, что, по воспоминаниям участников группы «КИНО», никто никогда машины с Цоем на руках не выносил. Ни в одном из городов страны, хотя попытки поднять машину, в которой находился Цой, несомненно, бывали. Кстати, Градский как-то вспоминал историю о том, что на одном из концертов «Волгу», с находившимся внутри Магомаевым, подняли на руках шахтеры. Просто подняли, а никак не «вынесли на руках». Да и «Волга» в сравнение с «Чайкой» не идет. Поднять трехтонную «Чайку» на руках просто невозможно, тем более тинейджером, о которых шла речь в газете.

Юрий Каспарян:

«Никто никогда машин с ”КИНО“ на руках не выносил. Единственное, про автобус помню... Про перевернутый. Но это журналисты же. Понапишут, чтобы зацепить внимание читателя и повысить рейтинг своего издания».

26 июня Цой улетает на отдых, но не в Латвию, а в Париж, откуда возвращается 3 июля 1990 года. Об этом свидетельствуют сухие цифры визовых отметок в загранпаспорте Виктора, сохранившемся у Наталии Разлоговой. По воспоминаниям Наталии, жили они с Виктором в центре Парижа, в небольшом, уютном отеле-бутике. Сохранилось несколько замечательных фотографий на память об этой поездке. Цой на фоне собора Парижской Богоматери; Цой, невозмутимо взирающий из окна автобуса на парижские улицы; Цой, счастливо улыбающийся, позирует на мосту через Сену...

По возвращении из Франции Виктор с Наташей отправляются в Латвию на новом «Москвиче-2141», который Виктор приобрел на гонорар, полученный за серию последних концертов по Сибири...

Рашид Нугманов:

«В последний раз я виделся с Виктором и Наташей летом 1990-го в Москве, перед их отъездом в Прибалтику. Где сидели, уже и не помню, кажется, у Наташи на Профсоюзной. Шел дождь. Говорили о предстоящем фильме (первый вариант сценария уже был готов). Оба, Виктор и Наташа, очень торопили меня со съемками. Я отвечал, что сейчас же еду в Алма-Ату и завершаю все юридические дела с нашей новой независимой студией, открываю счет и подписываю договор о финансировании... Поговорили и о каких-то мелочах, о том о сем.

Помню, Виктор упомянул, что они с Наташей собираются покупать квартиру в Москве, Виктор наконец завершит бракоразводные дела с Марианной, и они с Наташей распишутся. После встречи они подвезли меня на своей машине в гостиницу Казпредства на Чистопрудном бульваре и напоследок еще раз сказали, что надо снимать поскорее. Я говорю: без проблем, этой же осенью и снимем. На том и расстались. Последняя память о Викторе – его машина, уезжающая в дождь по Чистопрудному в сторону метро. После этого уже говорили только по телефону, с Прибалтикой».

Андрей Бурлака:

«Звездный статус в Советском Союзе, как и везде, предполагал наличие у артистов личного автотранспорта. Нынешнего богатства выбора в те годы не было и в помине, никаких иномарок, только продукция отечественного автопрома. Первым машину купил Гурьянов, первым ее же и разбил... Андрей Ефимов, барабанщик группы "Станок", работавший тогда инструктором по вождению в автошколе, рассказывал мне, как к нему обучаться вождению ходили музыканты группы "КИНО"...»

Слова Андрея Бурлаки верны: Цой действительно учился водить у профессионального инструктора в Питере, в автошколе «ВАД», и инструктировал его именно Андрей Ефимов.

Андрей Ефимов:

«Когда я работал инструктором в "ВАДе", у меня был опыт общения с Цоем. Год это, наверное, был 1989-й. Они всей группой пришли записываться в автошколу... Это была школа "ВАД" на Арсенальной улице, 1...

Они на занятия особо и не ходили, одно или два занятия поехали все, и все. Если ребята еще как-то ходили, ездили, то вот Цоя я там больше не видел. Профилинил он, короче, все эти занятия... То у них гастроли, то концерты... Я приезжаю на экзамен, смотрю – Цой стоит. Я думаю: ну уж на экзамене я его повезу. Он сел ко мне в машину... И было это все на Бестужевской улице. Из их группы один человек сел за руль, потом второй. А я сзади ехал. То есть впереди машина с инструктором, а мы с Цоем сзади едем. Очереди ждем, когда сдавать. Болтали о том о сем... В общем, проехали два поворота, и он садится. Сел и поехал. И что меня сейчас удивляет: он сдал экзамен прямо у ворот кладбища, где его и похоронили потом. Тогда это было неизвестно... А когда узнали – я подумал тогда сразу: ни фиги себе... Где экзамены сдал, там и...»

Права Виктор получил, судя по справке ГАИ, 22 июня 1990 года. До «Москвича», в сезон осень 1989-го – весна 1990-го, у Виктора была бежевая «девятка», которую Цой купил у Айзеншписа и на которой учился водить. Любовь к быстрой езде проявилась сразу: Наталия Разлогова вспоминала, что они ехали с Виктором от Кинчева, был гололед, и она была за рулем и двигалась очень медленно, а Цой подтрунивал над ней и двумя руками давил на колесо, чтобы Наташа жала на газ.

Юрий Айзеншпис:

«Первую машину ему нашел именно я. Это была "девятка", на которой Виктор учился водить и несколько раз попадал в аварии, в мелкие ДТП. Он побил эту машину изрядно и, когда почувствовал уверенность, что стал хорошо вести, захотел купить другую машину, и я ему помог».

Олег Толмачев:

«Первую машину Айзеншписа мы покупали в Кемерове, но это отдельная история и очень веселая. Это ”девятка“ была».

Олег Соколов:

«Да. До ”Москвича“ у Цоя ”девятка“ была. Я гонял на ней, мотор был хороший сам по себе. Она была помятая слегка, Витя учился на ней и говорил мне, что ему нравится, что она такая помятая. Боевая, типа».

Скорее всего, именно на воспоминании об этой бежевой «девятке» и основано убеждение и рассказ Роберта Максимовича о том, что машина Виктора была белого (серого) цвета.

Олег Беликов, журналист, фотограф:

«Роберт Максимович – пожилой человек, память, то, се... Не судите строго! Он этот ”Москвич“, может, и в глаза-то не видел».

Олег Котельников:

«Я совсем не рулевой, передвигаюсь пешком. В нашем кругу машина и не нужна вовсе – все находится рядом, в пешей доступности. Была у Гурьянова машина, так он тут же ее разможил. Вообще не понимаю, как они ездили. С трудом представляю себе Цоя или Гурьянова смиренно сидящими в автошколе. Я однажды проехал с Георгием Гурьяновым от Андрея Валентиновича Медведева с Загородного до Тимура Петровича на Литейном. Несмотря на то что наш путь был лишен каких-либо поворотов, мы с ним чуть не попали под грузовик. Он сказал: ”Ой, б***ь!“ и завернул под троллейбус. С трудом переехали Невский, а уж когда завернули к Тимуру, во дворе его дома нас ожидала помойка, куда Гурьянов благополучно врезался. Я понимаю, что водить советский транспорт – дело гиблое. Нужно быть Василием Алексеевым, чтобы проверить этот чертов руль».

В 1990 году автомобиль «Москвич-2141» находился на пике популярности: за новой моделью столичного АЗЛК в буквальном смысле выстраиваются очереди – быть обладателем переднеприводного хетчбэка было очень престижно и модно. Не иномарка, конечно, но не хуже «девятки». В самом начале девяностых «Москвичи» модели 2141 только начали появляться на дорогах страны – слишком медленно добиралась до потребителя машина, работа над которой началась под занавес семидесятых. При этом первые экземпляры серийных «Москвичей» не отличались качеством: в одном автомобиле могли соседствовать детали интерьера разных цветов (черного, серого, коричневого и даже желтого), большие нарекания вызывала и низкая коррозионная стойкость кузовов...

Ездил Цой по генеральной доверенности, которая была оформлена 27 апреля 1990 года. Некая Курочкина Наталья Сергеевна доверяла Цою управление автомашиной с правом ее продажи. Автомашина «Москвич-2141» (цвет – темно-синий металлик, госномер – Я 6832 ММ, стояла на учете в ГАИ Люблинского района города Москвы) была оформлена на того, кто ее выкупил – на сотрудницу завода. Кто помнит – тот знает, что в те годы ничего нельзя было купить. Вещи добывались по блату, и свободного рынка машин также не было. Рабочие автозаводов получали машины практически даром, но за их перепродажу могли сесть в тюрьму – спекуляция была реально действующей и применяемой уголовной статьей. Именно поэтому машины отечественного производства покупали по доверенности, а одним из достоинств Юрия Айзеншписа было умение доставать то, что ему заказывали. Так и на заводе «Москвич» у него нашлись знакомые, которые перепродали машину Цою.

По незнанию исторических реалий, журналисты строили разные бредовые предположения о том, что злополучный автомобиль Цою подарил Айзеншпис. Это, конечно же, не так. К 1990 году Айзеншпис сам купил свою первую нормальную машину и точно не мог себе позволить делать такие подарки.

Артем Евстафьев:

«У меня со Змеем были одинаковые мотоциклы «Ява». Только цвета разные. Мой угнали, а Змей, вернувшись с тура по Украине, гарцуя на мотоцикле завалил бабушку. Не насмерть, но у нее очень тяжелые повреждения были, ему дали условно три года. И что я запомнил... Цой перед последним концертом в Лужниках получил права. Незадолго до этого мы с ним сидели вдвоем, и он мне говорил – мол, получу права и уеду. Мечтал он поехать на машине куда-нибудь на море, говорил: хочу именно сам, на своей машине. А я ему говорю, что мечтаю вот мотоцикл собрать снова и гонять на нем. И тут приходит Змей. У него как раз суд был. И Цой спрашивает у него, как твой суд-то? Змей говорит, что три года условно дали, права забрали, в общем. Он расстроенный был. А Цой тогда так сказал, меня даже рубануло немножко... Говорит: "В жизни надо все пройти. И суму, и тюрьму. Хорошо, что ты сейчас с нами. Воспоминания у тебя остались об этом, на этом и конец. А я вот права получил..."»

Кстати, "Москвич" Цоя был сделан изначально для главного инженера АЗЛК. Я об этом слышал от Айзеншписа. Айзеншпис сам хвастался всем подряд, в том числе и директору "Олимпийского" Князеву. Я сидел на сцене рядом и все это слышал».

Сегодня много людей заявляют о том, что они «вместе с Цоем покупали машину». Кто только не рассказывал, как именно вместе с ним Цой ездил за злополучным «Москвичом». Отметились даже Макаревич с Пригожиным. Конечно, Макаревич не ездил с Цоем за машиной, а вот что касается именно Пригожина и Ирины Легкодух, то тут надо разобраться.

Пригожин рассказывал, что с Виктором его познакомил Айзеншпис. И это действительно так. Айзеншпис был в некотором роде крестным отцом Пригожина и помог ему внедриться в мир шоу-бизнеса. В то время Пригожин работал водителем Айзеншписа и действительно ездил с Цоем за автомобилем. Правда, какого-либо деятельного участия в покупке авто Иосиф не принимал. Его роль свелась к тому, что он помог Цою отогнать только что купленный автомобиль со стоянки завода в Беляево, к дому, где жил Виктор. И еще – Пригожин совершенно не упоминает тот факт, что был с ними Олег Толмачев, на чьей «восьмерке», собственно, и ездили за машиной Цоя.

Иосиф Пригожин:

«Цой сразу не захотел садиться за руль нового автомобиля. "Я что-то боюсь, – говорит. – Йось, давай садись ты за руль, а я рядом". Помню, мы тогда только выехали на Окружное кольцо, и у нас закончился бензин. Я остановил какой-то грузовик. Водитель, увидав Цоя, был вне себя от радости. Даже попросил, чтобы Витька у него на спине расписался, так как под рукой не было бумаги».

Олег Толмачев:

«Мы с Витей и Пригожиным ездили покупать Цою машину на моей "восьмерке". Пригожина же тогда и взяли, чтоб машину помог перегнать. Поехали на моей, потом его посадили на Витину. Обрато к Айзеншпису поехали – Витя на моей со мной, а Пригожин вел купленный "Москвич". Бензин мы точно у кого-то просили, но со спиной он приврал. Я Цоя, получается, на этой машине, наверное, так и не видел. Мы ее поставили где-то на стоянке или в гараже и на гастроли уехали».

У Пригожина же получается совсем не так.

Иосиф Пригожин:

«Добрались мы до Беляева, где жил Витя, выгнали со двора мою ”восьмерку“ и поставили под брезент только что купленное новенькое авто. Поднялись в дом, попили чаю с конфетами⁸, и я отвез Цоя в аэропорт».

Это уже полная ерунда. «Восьмерки» у Пригожина не было. Машина была Олега Толмачева, о чем Олег сам упоминает. А Пригожин просто выполнял функции водителя, причем, как вспоминал Толмачев, именно возил его самого, потому что Айзеншпис Иосифа весьма недолюбливал. И не поднимался Пригожин к Цою домой, и не пил чай с конфетами. Он просто довез Виктора до дома и помог определить машину во дворе под брезент, под которым новое авто простояло весь последний гастрольный тур «КИНО», до того момента, пока Цой с Наташей не поехали в Латвию.

Иосиф Пригожин:

«С Витькой нас связывала дружба. Он приезжал ко мне в Бирюлево на день рождения моего сына Димы, когда тому годик исполнился, был у меня на дне рождения. Я ездил к нему поздравлять с именинами».

Цой с Наташей действительно заехали один раз к Пригожину по просьбе Юрия Айзеншписа – это было связано с каким-то делом и случайно попали на день рождения. Вот, собственно, и вся дружба.

Олег Толмачев:

«Юрик ненавидел Пригожина и не пускал его близко к гримеркам, но ребята его любили, особенно Тихомиров. Цой с Наташей действительно ездил даже к нему на день рождения сына, в Бирюлево, Юрик попросил, Витя предложил заехать, и так мы все и познакомились...

Первые три месяца он ездил на моей машине вообще, я ему ее отдал. Когда мы покупали ”Москвич“ Цою, Пригожин в гараже в яму случайно упал, наверное, поэтому помнит только про себя и так неточно».

Олег Соколов:

«Пригожин тогда был никто и звать его никак. Эдакий аферист при шоу-бизнесе. Даже умудрялся с такой рожей петь под фанеру. Тогда такие были времена... Но он с юмором и незлобный. Мы прикалывались над ним всегда. А теперь вон как поднялся... Он потом стал общаться в 1990-м с авторитетами, взлетел. Встретились мы с ним как-то в 2000 году, удивительно – он не зазнался, сам подошел, спросил: ”Как дела?“»

А вот что рассказывает о покупке автомобиля киносценарист **Ирина Легкодух:**

«Абсолютно верно, что мы с Цоем вместе покупали машины. Это было совсем незадолго до лета, и мы говорили уже о летних путешествиях, куда поедem на этих машинках. Нам предложили купить две, то есть две машины сразу – дешевле, со скидкой. Вот мы с Витей и скооперировались. Для меня это был уже второй ”Москвич“, он очень скоро после покупки как-то раз взял и остановился – и ни с места, на светофоре (слава богу). И не едет. Я стою как дура, все

⁸ По свидетельству Наталии Разлоговой, никогда Пригожин не поднимался к ним домой и не пил там чай. Все это очень напоминает рассказ Сергея Васильева о том, что «мы пили всю ночь у Цоя дома...»

библикают, включила аварийку. Кто-то помог, открыли капот, а там рулевая тяга отвалилась. Человек говорит: "Вы, девушка, просто в рубашке родились".

Ужасная машина, ее всю перебирали и перетягивали, удивительно, как я не убилась на ней. Насчет Пригожина... Я что-то не помню, может быть, кто-то с Цоем и был. Мне кажется, там целая компания была, и я тоже была не одна (уж с мужем-то точно, и еще, кажется, были мои приятели, два или три), потому что в этой сделке ни я, ни Витя ровно ничего не понимали. Прошло ведь очень много времени, я деталей просто не помню. Возможно, что Пригожин и не обманывает – машины мы забирали ведь не в тот же день, и я не помню, кто и как уехал. Может быть, потом Витя за своей тачкой приехал и с Пригожиным этим, а может быть, они и вместе сразу были. Также и вот относительно доверенности и документов – я ведь не понимала в этом ровно ничего, как это все оформляется. Продавал их, мне кажется, мужчина. Но я, убейте, не могу вспомнить, кто это был, откуда взялось это предложение, мой ли это был знакомый или Вити. Пригожин говорил, что машина Цоя стоила 32,5 тысячи. Моя машина стоила не 32,5 тысячи рублей, а 38 – это точно. Мне это почему-то запомнилось. Насколько мне припоминается, машины собирались покупать, только я хотела "девятку", а он "Москвич" (или наоборот), и вот обсуждали, какая лучше, и тут предложили эти два "Москвича". Сказали, что один стоит сорок тысяч рублей, а если купить сразу два – то по 38. Странно, что я даже эти цифры помню, вероятно, они обсуждались. Страшно выгодно показалось. Ну, я тут же вспомнила, что ведь Цой хотел "Москвич", стало быть, так тому и быть, остаюсь я без "девятки", мы созвонились и пошли их покупать. То, что мне она обошлась в 38, а Вите в 32,5, – это я исключаю полностью. Цой был безупречный, болезненно порядочный и щепетильный человек. Даже несколько педант и зануда в этом смысле. Может быть, конечно, какому-нибудь Пригожину или тому, кто эту покупку устраивал, они стоили обе по 32, это, конечно, нельзя исключить, но нам – по 38. Я точно помню момент принятия решения, когда кто-то кому-то из нас говорит: "Ну и что, что не 'девятка', она 45 стоит. А тут 'Москвич', стоит 40, но если два сразу – отдают по 38, давай колись, и мне тогда тоже дешевле на две тысячи выйдет". – "А я хочу серенькую машинку!" – "Ну, так будет тебе серенькая". – "А я хочу красненькую!" – "Ну, так будет красненькая".

У меня сохранилось четкое воспоминание, что это была заводская продажа, я думаю, там хитрый бизнес просто состоял в том, что была заводская отпускная цена, а они распродавали как бы через сотрудников, чтобы часть денег получить сверху официальной отчетной цены. Происходило это, мне кажется, не на самом АЗЛК, но где-то рядом (может, ошибаюсь). Помню, что это была какая-то открытая стоянка, пустая, только эти две машины, приготовлены для продажи нам. Уже с номерами. Машины были новенькие и заводские. Абсолютно одинаковые. Мы дурачились, монетку бросали – какая из них кому, и поменялись несколько раз. Шуточно. Оформляли, мне кажется, там же. Там контора какая-то была, надо было туда зайти и деньги заплатить. Кажется, еще на другой день надо было заехать туда, за документами. Отмечали эту покупку в корейском ресторанчике на Сретенке. В корейском – потому что продавец этих машин решил, что раз покупатель кореец, то надо непременно нас в корейский ресторан звать, обмывать сделку. Это было очень смешно, и есть там эту острую морковку было совершенно невозможно...

Я в тот год уехала на майские праздники в Крым, и мы там зависли на все лето. Там у моего мужа были дела, связанные с каким-то банком, у меня – мои киношные дела, а у Вити были, если опять же не путаю, как он говорил, какие-то суперважные концерты в Москве летом, и потом он еще собирался альбом делать в Прибалтике.

И вот мы шутили, кто к кому теперь на машине приедет и где пересечься – в Крыму или в Прибалтике... То есть я вскоре уехала и, собственно, с машиной его уже кажется и не видала. Насколько мне помнится, еще разок, кажется, встречались – в "Аисте", здесь у нас на Патриках, но это неточно, может быть, это раньше было. Потом созванивались уже из Крыма – он говорил, что суперски его концерты в Москве прошли. То есть это я, по-моему, звонила:

или желала успеха, или спрашивала, как дела – там должен был какой-то очень важный концерт быть, в какой-то определенный день тем летом. К сожалению, это все за давностью я помню очень смутно. Помню, Курёхин был первый, кто позвонил мне в Ялту, когда Витя погиб (я в тот момент в Ялте была), и он плакал просто».

Олег Толмачев:

«Моя машина была куплена 27 апреля. Точно. В день смерти моего деда, 27 апреля. Вечером мне ее Пригожин пригнал. И Цой, получается, свою тоже в этот день купил. Но забирали мы ее позже. Насчет машины Юрий Айзеншпис с тем продавцом договаривался. Звонил ему постоянно. И забирали мы ее не с АЗЛК, а где-то на Юго-Западе было место, какие-то гаражи, мужики. Поэтому и ехали обратно по кольцу. Скорее всего, забирали мы ее 4 мая, а 5-го, после концерта, обмывали документы и день рождения. Я помню, что мы 6-го с Айзеншписом на вокзале груз оформляли, Олег Волосатый, один из "зайчиков" нас возил, а 7-го ребята с плакатами и аппаратом уже поехали в Питер. Они в гостинице "Космос" жили в Москве. Да, концерт в Олимпийском, последний сольник в Москве, совпал с моим днем рождения. Отмечали в корейском кафе, рядом с тремя вокзалами, на Русаковской улице, всей группой. Было очень много друзей. Кстати, я помню, что Стингрей тоже была с нами. Мы с Цоем в этот ресторан часто ездили, Цою там нравилось. Хотя ему нравилось везде, где были корейцы. В Красноярске, например, нас приглашала корейская диаспора».

Как Цой, у которого был «белый билет», получил водительские права? В те годы проблемы с правами решались так же легко, как и сейчас. Вопреки весьма распространенному убеждению, мать Марьяны, Инна Николаевна, категорически утверждает, что Марьяна не имела к машине никакого отношения, что, кстати, подтверждается доверенностью, scan которой Наталия передала коллекционерам.

Ездил Цой до этого момента недолго. Буквально несколько месяцев. Поездка в Латвию в тот год была первой поездкой на большое расстояние. Цой понимал, что навыков вождения у него мало, и в целом был осторожен. По выражению Марьяны, он всегда «ходил на мягких кошачьих лапах», что, однако, не мешало ему разгоняться на пустых трассах или легонько стукать машину Айзеншписа.

Олег Толмачев:

«Помню, когда мы ехали после покупки машины, Цой за рулем моей "восьмерки" был... Мы все тогда купили, а Цой купил последним. У Каспаряна и Тихомирова "восьмерки" черные, кажется, были. А покупали мы машину Цою где-то здесь, на юго-западе, в гаражах... Так вот Витя сел за руль, и как втопил по окружной Москвы, я еле его уговорил медленнее ехать... Я спросил у него, куда, мол, несешься? По той дороге страшно было ездить, мы ехали днем, и навстречу шло большое количество машин. Он сказал, что в Америке учился водить. Здесь, говорю, так нельзя ездить. Вечером-то нельзя. А днем – тем более. Я еще для себя тогда отметил, как он втопил. Вроде такой спокойный все время, уравновешенный, а тут...»

Вот это я хорошо запомнил, потому что по тем временам по московскому кольцу вообще трудно и опасно было ездить. Эту дорогу еще "кольцом смерти" звали: разделительной полосы не было. Пригожин за нами тогда буквально плелся на новой. Он раньше всех нас научился водить и был обычным водилой».

Евгений Додолев:

«Цой любил тихонечко подъехать сзади и легонько стукнуть бампером машину Айзеншписа. Юрий очень бережно относился к своему имуществу, поэтому выбегал из машины, испуганно разглядывал задний бампер, а Виктор делал невозмутимое лицо, и все потешались

над бедным Айзеншписом, который никак не мог сделать замечание Цою и вынужден был все это терпеть... Никакого ущерба машинам эти шалости, конечно же, не наносили».

Юрий Айзеншпис:

«К тому времени он уже стал шалить на дороге. Помню, мы с ним отправились в одно место, и он мне на пятки наступал, терся о мой бампер. Он уже хорошо водил машину, но я думаю, что этого было недостаточно – опыта все-таки не хватало».

Алексей Макушинский:

«Я ездил с Витей на этом "Москвиче". Я живу в Германии, и здесь считается, что водитель становится опытным через семь лет. В этом смысле Цой опытным водителем, конечно, не был».

Юрий Каспарян:

«У Виктора был "Москвич-2141", у нас с Тихомировым – "восьмерки". Нельзя сказать, что мы были очень опытными водителями. Я как раз перед этим учился водить, с Тихомировым вместе сдавали на права. По-моему, это было в 1988 году, потому что в Америке я уже ездил. Первый мой опыт индивидуального вождения. Мы туда приехали, и Джоанна сказала: "Я занята, вот машина, развлекайтесь". Права тогда у меня уже были. И я достаточно уверенно ездил. Изящно лихачил. А алкоголь Виктор не пил практически. Тем более за рулем».

Игорь Горошевский:

«Я никогда не видел, чтобы в моем присутствии ребята были неадекватны во время работы или на сцене. Мы возили на гастроли ящиками коньяк "Белый аист" – это правда. С момента переезда Вити в Москву не помню его публичного общения с допингами. Допинги если и были, то никогда не были, во-первых, чрезмерными, во-вторых, вызывающими и, в-третьих, публичными. И никогда не приводили к каким-то публичным недоразумениям. Всегда оставались внутри. И всегда было в рамках приличия. Вообще группа "КИНО" была, как ни странно это звучит, очень интеллигентной и культурной. Очень интеллигентной и очень культурной.

Сегодня я вспоминаю тот коньяк "Белый аист" как стакан молока по сравнению с тем, что происходит сейчас со звездами музыки. По сравнению с сегодняшним днем – это детский сад. <...> Я много видел рок-музыкантов, гастролеров. Но "КИНО", вся группа впитала в себя интеллигентность, а появившаяся Наташа в значительной степени добавила культуры и какой-то такой легкости общения с окружающим миром».

Виктор Тихомиров:

«Виктор Цой был трезвенником, никакой наркоты не употреблял, а если и употреблял, то быстро бросил. На самом деле он был очень мягким, добрым человеком, хотя выглядел, если хотел, жестким, даже суровым. Когда Цой стал петь низким голосом, то я едва не свалился со стула. Потом поднялся и написал его портрет».

Илья Смирнов:

«Как известно, в панковской компании Цой не задержался, видимо, она оказалась для него слишком негигиенична. Цой всегда чурался митьковско-подзаборных традиций, это один из немногих (ну очень немногих) отечественных рок-звезд, кого я ни разу не видел пьяным. Он предпочитал сухое вино портвейну, не говоря уже про панковский напиток – одеколон. Хоть он и пел: "Я так люблю вино, но это не станет помехой прогулке романтика", в жизни совсем не был поклонником Бахуса. Пил, как дипломат на светском мероприятии. Что, согласитесь, тоже не способствует панибратскому общению по душам. Легче было с Рыбиным, который,

наоборот: "Берем еще (шесть), а потом можно пойти к Гаккелю, он будет так рад нас видеть (на ночь глядя без приглашения)". И кто бы мог тогда предположить, что отвязанный панк Рыбин так рационально впишется в новый общественный строй: как признался сам Алексей, "у него сейчас все в порядке: в смысле денег и в смысле работы". А вот Цой, спортивный, трезвый и тщательно себя контролировавший Цой уйдет совсем молодым. Одним из первых...»

Олег Соколов:

«Цой только курил сигареты "Viceroy", выпивал чуть-чуть, пьяным не видел его никогда и всегда был с Наташей. Он был цельной личностью. Вообще из "КИНО" никто не напивался, бутылка коньяка на четверых за ужином, и все».

Есть, конечно, и иные мнения. Известный питерский тусовщик **Дмитрий Левковский** говорил:

«Пил ли он? Конечно. Последний раз пили мы в одной компании на свадьбе Юрика Каспаряна. Он же не в космосе жил. "Киношники" просто в принципе не очень пили (по сравнению с другими группами, конечно). Но это не главное, всем надо было лечить душевные травмы».

Рашид Нугманов:

«Нужно учитывать, что привычки вождения, как таковой, Виктор еще по-настоящему не выработал, он же меньше года водил. Вообще это самый опасный период любого водителя – ему кажется, что навык уже появился, но впечатление это обманчиво и способно снизить внимательность, с которой едешь, пока учишься. В те августовские дни Наташа мне рассказывала, что, когда они ехали в Прибалтику, на дороге произошел небольшой инцидент. Они приближались к какой-то развилке, где стояла машина, и Наташа почувствовала по манере вождения Виктора, что что-то произойдет. Так и случилось. То ли Виктору удалось резко затормозить перед той машиной, то ли они даже ее слегка поцеловали, сейчас точно не помню, но он начал реагировать и сбрасывать скорость позже, чем следовало бы, и Наташа, сидящая рядом, это сразу почувствовала».

Как удалось уточнить, при въезде в Латвию Цой с Наташей действительно попали в небольшое ДТП. Цой резко затормозил и слегка стукнул стоящий на развилке дорог автомобиль (водитель которого не был уверен, куда ехать – указателей не было). Инцидент был настолько мелким (Цой задел заднюю фару), что был улажен без ГАИ, и Цой с Наташей продолжили путь в Тукумский район.

Тукумс – тихий провинциальный городок Латвии в полуторах часах езды от Риги на электричке. Далеко позади опрятные особнячки-дачи Юрмалы. Плиеньциемс (Энгурская волость, Тукумский район) – это рыбацкий поселок, известный в старые времена курорт. В начале прошлого века здесь строили парусники. От других приморских поселков Плиеньциемс отличается тем, что защищен от морских ветров огромной дюной. В Плиеньциемсе Цой в тот год был уже не впервые.

С Наталией Разлоговой Бирута Луге (хозяйка дома «Зелтини», где жил Цой) познакомилась давно, когда та находилась в первом браке. В «Зелтини» Наталия приехала первый раз с годовалым сыном. И с 1980 года проводила там каждое лето, в одних и тех же комнатах, возвращаясь в летнюю пору в Москву только на две недели Московского кинофестиваля, который проходил в нечетные годы.

Когда в июне 1987 года в Плиеньциемс среди ночи приехал молчаливый темноволосый парень по имени Виктор Цой, разыскивающий место проживания ее давней постоялицы, Бирута приняла к сведению изменения в личной жизни своей постоянной клиентки. О том, что этот парень музыкант, да еще известный, она узнала гораздо позже.

С той поры Наташа с сыном и Виктор проводили лето в «Зелтини», а своего сына Сашу Виктор брал на август только два последних года: раньше ребенок был слишком мал, чтобы путешествовать без матери. По некоторым свидетельствам (подтвержденным Наталией), в подарок хозяйке Цой всегда привозил бутылочку хорошего вина, которую выпивали за встречу.

Из воспоминаний отдохавшего в Плиеньциемсе очевидца событий, пожелавшего остаться неизвестным:

«В Плиеньциемс Цой начал приезжать еще с 1987 года. В 1990-м в багажнике своего "Москвича" он привез ящик какой-то очень крутой водки, чем несказанно порадовал отдохавших в Плинке и соседнем Апшущиемсе москвичей. Впрочем, особо при этом он не шумел – так, мои родители, располагавшиеся в Апшу, запомнили Виктора очень тихим и спокойным. В конце концов, он, как и все остальные, ездил к морю отдохнуть от шума, а не создавать его»⁹.

Степан Живов:

«С Цоем был знаком я, а не мои родители. Приезжать он стал туда в 1987 году. Я хорошо помню нашу с ним первую встречу. Наташа тоже прекрасно должна помнить, так как знала меня с самого моего детства. Я помню и Цоя, и Наташу, и Лену, и Алену Звягинцеву. Помню и буду помнить. Водку Цой привез тогда не какую-нибудь особую, а именно настоящую, крепкую, сибирскую, пятидесятиградусную. Водку тогда все возили из Москвы и Питера, не забывайте, это был 90-й год. С собой возили все: масло, сахар и другое»¹⁰.

Цой с Наташей ездили в Латвию обычно на поезде, а в этот раз поехали на машине, что позволило им привезти много всяких нужных вещей, ведь это была эпоха пустых магазинов.

«Зелтини» – обыкновенный сельский дом с печным отоплением и небольшим земельным участком. В нем, а точнее в одной из его комнат (с отдельным входом), Наталия Разлогова и Виктор на протяжении трех лет проводили летний отпуск. По словам Бируты, Витя всегда говорил, что нигде ему так хорошо не отдыхается, как в «Зелтини». Дом отделяла от моря только поросшая соснами и черникой дюна. И там было необыкновенно тихо, а Виктор и Наташа очень ценили покой.

Я устал от чужих городов,
Я устал колоть этот лед.
Я хотел бы уснуть,
Но нет времени спать.
И опять за окнами ночь,
И опять где-то ждут меня,
И опять я готов идти.
Опять...
Но я верю, что ты
Снова скажешь эти несколько слов,

⁹ Воспоминаний подобного рода может быть очень много, поскольку вокруг «Зелтини» жило большое количество людей из московской филологической тусовки. Конечно же, нужно помнить, что в дом к Цою они были совершенно не вхожи, хотя действительно, формально были с ним знакомы и теоретически реально могли пересекаться с Виктором на пляже или еще где-то. Цой уже был широко известен и легко узнаваем. Не следует забывать, что Наташа Разлогова в течение 10 лет снимала в Плинке дом на лето и ее хорошо знали, поскольку все снимавшие дачи в том районе были знакомыми знакомых. Возможно даже наличие фотографий у рассказчиков таких историй, но можно не сомневаться, что все это в большинстве своем случайные кадры, поскольку Цой все-таки близко к себе никого не подпускал, а филологи были достаточно интеллигентными людьми и не лезли за автографами и фотографиями в дом к Цою.

¹⁰ Степан Живов (брат Константина Поливанова) – выпускник ВГИКа, кинорежиссер, сын филолога Виктора Живова, снимавшего дом в Апшущиемсе, действительно не раз виделший Виктора Цоя и Наталию Разлогову.

И тогда я готов
Оставить след на этом снегу.
И я знаю, что мне
Недолго осталось ждать.
Чтобы снова увидеть
Сосны на морском берегу...

Алексей Макушинский:

«В Апшудиемсе жили разные люди, это правда. Но общения у нас с ними почти не было. По поводу Живова могу сказать, что все, конечно, может быть, но думаю, что это благочестивые легенды. Нет, все-таки это был не совсем наш мир. Апшу было более модное место, а Плинка всегда на отшибе. Хотя, повторяю, все это тогда не курорты, а довольно дикие деревни, без всяких удобств».

Оставив Наталию с сыном в Плиеньциемсе, Виктор едет в Ригу, откуда на самолете летит в Ленинград за маленьким Сашей, после чего возвращается, и начинается, наконец, отдых.

Всей семьей они любили ходить за грибами, играли в бадминтон, строили на пляже замки из песка, катались на скейте и, конечно, рыбачили. Машина Цоя всегда стояла около дома, под окнами. Покою их никто не нарушал, хотя иногда в почтовое отделение в Апшудиемсе (поскольку в Плиеньциемсе таковое отсутствовало) приходили телеграммы, являвшиеся поначалу единственной связью с внешним миром.

Наталия Разлогова сохранила несколько фотографий, на которых запечатлены счастливые моменты последнего лета Виктора Цоя. Вот Виктор на песчаном пляже стоит в центре построенного им самим для детей замечательного замка из песка... А вот Виктор вглядывается в фотографию, стоя между сосен на морском берегу...

В Плиеньциемсе в те годы собиралась филологическая тусовка (в том числе Алексей Макушинский, сын Анатолия Рыбакова), и все весело проводили там время.

Андрей Хорев:

«Днем мы ходили на мечтательно-пустынный пляж (я там даже спал часами под солнцем на песке, а ночью, наоборот, плавал в море по лунной дорожке). Или в перелеске над дюнами собирали чернику, а если отправлялись за шоссе в серьезный лес, была и малина, и забитое заборами заброшенное роскошное озеро... У Цоя с грибами проблем не было: в то время как другие, бродя по окрестности, с трудом находили сыроежку или две, В. Ц. спокойно садился на уютный бугорок и смотрел вокруг... Потом негромко говорил: «Наташа, Дрюля (это один из моих ников), идите сюда...» И вокруг можно было собирать не сыроежки, а благородные грибы: белые, подосиновики, подберезовики. Впечатление было, что грибы за пару минут просто произрастали вокруг него».

Алексей Макушинский:

«С Цоем я познакомился через его последнюю подругу, мою старинную приятельницу Наташу Разлогову. Знакомство это было, в общем, дачное, прибалтийское. Мы все жили в той деревне, которая, кстати, довольно точно описана в моем романе "Макс". С Цоем связывала нас, смею думать, некая взаимная симпатия – поверх всех различий в происхождении, занятиях, интересах и т. д.».

Цой любил фотографировать природу, мальчиков, Наташу – у них был «Полароид», кассеты для которого в латвийской глубинке доставались с большим трудом. Веселая жизнь заклю-

чалась в живом общении и лесных прогулках – никаких рок-н-рольских бдений не было, равно как и алкогольных вечеринок. Да и спиртное Цой не любил. По словам квартирной хозяйки, он крепче пива «Baltijas» ничего не пил.

Андрей Хорев:

«Уж во всяком случае в годы нашего знакомства стереотипы наркоалкогольного рокера к Цоюше не относились никак (в отличие от Курта Кобейна, с которым его почему-то часто сравнивают). В редких случаях В. Ц. выпивал полстакана вина (да, деревенские условия, извините). Слава богу, хоть курил "Ротманс", а то я был бы единственным загрязняющим окружающую среду».

Есть воспоминание одного человека, который тоже в то время отдыхал в Плинке:

«У нашего института был дом отдыха "Плиеньциемс", и вот, отдыхая там со своей девушкой, я не раз встречался на море с Цоем, и не один год (он снимал полдома на хуторе на лето с какой-то девушкой). Никогда не возникало желание подойти и попросить автограф, потому что люди отдыхают. Просто на пляже видели и узнавали, знали – Цой... Именно оттуда он уехал на ту свою последнюю рыбалку. Все было, как обычно... И вдруг – авария».

Из воспоминаний поклонницы «КИНО»:

«Одна из моих коллег по работе вспоминала, как видела Виктора в Прибалтике на пляже (она отдыхала тогда где-то под Тукумсом). Дама была тогда уже в весьма почтенном возрасте и к поклонницам Цоя не принадлежала. Но вот ее слова: "Цой был похож на точеную статуэтку" – я запомнила».

В середине июля к отдыхавшему Цою присоединился Юрий Каспарян, который в Питере решал дела с покупкой машины. По его воспоминаниям, покупал он ее с той же целью, что и Цой, – поехать отдыхать в Латвию на собственной машине. По приезде Каспаряна музыканты принялись за запись черновой версии нового альбома.

Каспарян жил в небольшом домике для гостей, а Цой с Наташей и детьми – в хозяйском доме. В гостевом домике размером с комнату и была записана демонстрационная версия последнего альбома «КИНО». Цой играл на гитаре и пел, Каспарян программировал. Портостудия, пульт, усилитель с колонками – тот самый знаменитый набор, подаренный музыкантам «КИНО» Джоанной Стингрей. Все это привез в Латвию Каспарян в багажнике своей машины.

Юрий Каспарян:

«24 июня 1990 года мы отыграли концерт в Лужниках, и Виктор тут же, в течение недели, уехал отдыхать. Там, под Тукумсом, был небольшой хуторок. У Наташи Разлоговой он был местом отдыха со студенческих времен. Виктор там отдыхал и в 1989 году. Там была филологическая тусовка, небольшая компания Наташиных друзей. А я после отъезда Виктора занялся покупкой машины. Купил с определенной целью: тоже поехать в Латвию отдыхать вместе с Виктором. Прихватил аппаратуру: инструменты, портостудию, усилитель с колонками. Это та самая знаменитая аппаратура, которую привезла Джоанна. Что-то до сих пор лежит у меня, что-то дома у моих родителей, что-то у Тихомирова. Пультик, магнитофон. Я его пытался даже как-то починить, но безуспешно. Поехал к Виктору.

Я жил в небольшом домике для гостей, а Виктор с Натальей и детьми – с сыном Наташи и со своим сыном Сашей – жили в хозяйском доме. Очень мило проводили время – гуляли, разъезжали по окрестностям, ездили в Юрмалу. Отдых».

Вот здесь надо сказать о некоторых вымышленных фактах. К примеру, газета «Московский комсомолец» в выпуске от 11 августа 2000 года опубликовала статью «Отпуск навсегда», посвященную гибели Виктора Цоя, и интервью Юрия Айзеншписа. Вот фрагмент из этого интервью:

«После этого концерта (в Лужниках), на который пришло больше 60 тысяч человек, у группы начался отпуск. Витя, как и в предыдущие три года, уехал на заброшенный хутор в Прибалтику, под Юрмалу. Вскоре я приехал туда и увидел его очень счастливым и загорелым. Он катался на мотороллере, показывал мне гири для зарядки и говорил, что ему здесь не скучно. Мы слушали демо-кассеты с новыми песнями и решили, что в сентябре нужно садиться в студию и заканчивать работу над новым альбомом, чтобы в конце года пластинка уже была в магазинах».

Есть еще одно интервью, данное Айзеншписом программе «Живаго», в котором он вновь утверждает, что бывал в Плиеньциемсе и встречался с Цоем.

Юрий Айзеншпис:

«Я был в этой деревне, на том месте, где он погиб, в этом латвийском хуторе, буквально за несколько дней до трагедии. Я там гостил дней пять, потом уехал в Москву и после этого будто злой рок прошел над этой деревней. Мне рано утром позвонила Наталия Разлогова и рассказала о несчастье: утонул сын хозяина, у которых они проживали. Потом буквально через две недели вновь раздался звонок: Наталия сказала, что погиб Цой. Первое, что я сделал, это отправил своих доверенных людей туда, в Латвию, чтобы помочь перевезти тело Виктора в Ленинград».

Также в газетах часто вспоминали слова **Айзеншписа** о том, что «на 15 августа была запланирована встреча Виктора с телевизионщиками, но он позвонил накануне, был чем-то обеспокоен, сказал, что сниматься не может. Обычно Цой был спокоен, а тут взволнованный голос, что-то случилось у него там, на даче. От помощи Виктор отказался, только добавил: "Я сам во всем разберусь и перезвоню тогда". Так и не перезвонил».

Можно заявить с уверенностью, что все это полная ерунда. Во-первых, по словам Наталии Разлоговой, Каспаряна и прочих свидетелей отдыха Цоя в Латвии, Айзеншпис до смерти Виктора никогда не приезжал в Плиеньциемс, "не жил там пять дней", "не слушал демо-кассет с записями новых песен" и не встречался там с Цоем.

Во-вторых, никаких встреч с журналистами и телевидением у Цоя не планировалось. И снова напомним про телефонные звонки: никто никому никуда не звонил из-за сложностей со связью.

Да, Айзеншпис бывал в то лето в Латвии, в Риге и Юрмале, где, возможно, пересекался с Цоем по деловым вопросам, но в Плиеньциемсе, до смерти Виктора, он никогда не был.

И если внимательно вчитаться и вслушаться в слова Айзеншписа в приведенных интервью, то можно заметить, как легко слова о "нескольких днях до трагедии" превращаются в непонятный срок, минимум из которых две недели, что тоже говорит в пользу явного, но простительного сочинительства.

Что касается слов Айзеншписа о смерти сына хозяев «Зелтини», то тут он тоже не совсем точен. Да, действительно, то лето 1990 года было мистически трагичным. Незадолго до автокатастрофы, произошедшей с Виктором, случилась еще одна беда. Во время купания в море утонул внук хозяев, шестилетний сын их младшей дочери. По воспоминаниям свидетелей, хозяйские внуки в компании других детей (в том числе маленького Саши Цоя и Жени Лисовского) пошли на море купаться. По недосмотру старших девочек маленький мальчик пошел вслед за детьми в воду и захлебнулся в волнах. Прибежавшие взрослые, среди которых был медик (кстати, первый муж Наталии Разлоговой), ничего сделать уже не смогли, ребенок скончался...

Именно эту историю имеет в виду Айзеншпис, но рассказывает не совсем точно, поскольку сам был знаком с ней с чужих слов.

Вывод напрашивается один: нельзя дословно верить всему, что говорят и тем более пишут даже в официальной прессе и показывают в телевизионных передачах. Лучше верить воспоминаниям, подобным этому:

«Мой друг, любитель ”КИНО“, летом в Юрмале делал ремонт пожилой паре. Разговорились, оказалось, что они в то время жили в Плине, рядом с Виктором, и тоже общались с ним на бытовом уровне. Милые и воспитанные латыши, далеки от русского рока и т. п. По просьбе вспомнили, как помогали Виктору чинить новый мопед, как он им яблоки приносил, чай приходил пить и т. д. Он для них был милый сосед из России».

Цой действительно общался с людьми, жившими на дачах по соседству с Зелтини, ему было приятно, что местные жители его совершенно не знали, не узнавали, не требовали автографов и не льстили...

Юрий Каспарян:

«”Черный альбом“ у Вити уже практически был готов. Собственно, мы с ним продумывали только общую форму. Все это на порто-студии. Я привез усилитель, колонки, инструменты, драм-машинку... Сидели в свободное от отдыха время, колдовали там что-то. Я попросил его перепеть, аргументируя это тем, что работать лучше с качественным вокалом. Он перепел. Повезло, иначе сейчас бы не было альбома...»

13 августа 1990 года Виктор Цой и Юрий Каспарян завершили запись черновых набросков нового альбома, которая, вопреки расхожему мнению, была сведена. Копия черновика на компакт-кассете находилась у Цоя в машине, в автомагнитоле, они часто ее слушали с Наташей и обсуждали довольно странные тексты, появившиеся у Цоя.

Я выключаю телевизор, я пишу тебе письмо
Про то, что больше не могу смотреть на дерьмо,
Про то, что больше нет сил,
Про то, что я почти запил, но не забыл тебя.
Про то, что телефон звонил, хотел, чтобы я встал,
Оделся и пошел, а точнее, побежал,
Но только я его послал,
Сказал, что болен и устал, и эту ночь не спал.

Я жду ответа, больше надежд нету.
Скоро кончится лето.
Это...

13 августа 1990 года Виктор Цой был замечен в Юрмале, на улице Йомас, 83, около ювелирного магазина¹¹, где был кем-то сфотографирован. Эти фото известны среди коллекционе-

¹¹ Рашид Нугманов в интервью автору вспоминал: «Виктор и Наташа прожили в любви более трех лет, и все эти три года Виктор с возрастающей настойчивостью добивался развода с Марьяшей. Виктор сам мне сказал, что Марианна наконец согласилась на развод, что осенью все оформят, они с Наташей поженятся и будут искать квартиру в Москве (они тогда жили у мамы Наташи на Профсоюзной)». Виктор из репутационных соображений (чтобы лишить Марьяну возможности спекулировать его именем), долго и мучительно выбивавший развод и получивший в то лето согласие на него, ездил в ювелирный магазин покупать обручальное кольцо для Наташи.

ров как фото «из личного архива Марьяны Цой». Йомас – пешеходная улица, как бы пронзающая насквозь сразу несколько поселков в Юрмале. Местный Бродвей – место для дефиле и светских встреч. Аккуратные деревянные домики, гостиницы, концертный зал «Дзинтари», множество летних кафе, рестораны, магазины сувениров, мороженое и сахарная вата. На Йомас всегдалюдно – до пляжа метров 200, рядом железнодорожная станция Майори.

Алексей Макушинский:

«Иногда мы ездили в Юрмалу, там, конечно, была ”цивилизация“ (хотя все это было еще по-советски скромно). Помню, в Майори, на улице Йомас, какие-то девочки брали у Вити автографы...»

До недавних пор было неизвестно, кто автор этих двух фотографий. Считалось, что это девочки-поклонницы, которые узнали Виктора и запечатлели его во время прогулки, а после гибели, по приезде в Ленинград, передали Марьяне фотографии. Однако Андрей Машнин смог пролить свет, и стало известно имя фотографа – Валерий Метель.

Андрей Машнин:

«Сию однажды в котельне, еще в 1990-м, стучат в дверь, как обычно. Открыл – там парнишка, невысокий, чернявый, скромный. Можно, говорит, зайти? Можно, говорю. Сели в комнате, он сказал, что зовут его Валера, приехал он с Украины, из города Желтые Воды. Любит группу ”КИНО“, вот добрался до ”Камчатки“... Разговорились о Цое. Валера сказал, что Цой к ним приезжал в Желтые Воды и он там пытался к нему пролезть поближе. (Чем это кончилось, не помню. Возможно, и пролез, он парень упорный оказался.)

А еще, говорит, я в августе был в Юрмале, шел там по улице и увидел Цоя. Набрался наглости, подошел, попросил разрешения сфотографировать. То есть постеснялся снимать втихую и, кроме того, попросил не сфотографироваться вместе, а просто сфоткать самого Цоя отдельно. Цой разрешил, хотя и торопился, Валера сфоткал. И было это 13 августа. Того же года. Счастливый Валера где-то там же еще проводил время, а через два дня Цой погиб.

Фотографию он мне показал, напечатанную, само собой, цифры тогда еще не было. Да, стоит Цой у магазина. Явно на ходу приостановился. Но вполне хорошо получился.

И вот тут уж не помню точно, у нас потом попойка еще была с девчонками. Возможно, день рождения мой справляли в марте 1991-го, от которого и фотки остались с участием Валеры. И, скорее всего, Валера мне на день рождения и подарил эту фотографию из Юрмалы.

После разгона котельной я решил собрать всякие фотографии и бумажки в фотоальбом, который валялся пустой у нас дома, большой такой, с красной обложкой. И среди прочего вклеил туда эту юрмальскую фотку. А позже у нас появился сайт mashnin.ru, где был раздел Музей. И я туда переснял и выложил эту фотографию. Так она и пошла в Интернет. Потом уж ее кто только не копировал, все-таки важная фотография – думаю, действительно последняя...»

14 августа 1990 года, около пяти часов вечера, Каспарян уезжает, увозя порто-студию, инструменты и оригинал сделанной записи. Цой остается с Наташей, ее сыном Женей и Сашей. Есть мнение, что Цой тоже собирался возвращаться в Питер 21 августа и уже имел на руках билеты на самолет.

Рашид Нугманов:

«В отношении кого сказаны слова о 21 августа? Если в отношении Виктора, то это фантазии, потому что Виктор с Наташей приехали в Прибалтику на машине и на ней же должны были вернуться в Москву. Если в отношении меня, то у меня были куплены билеты на самолет

из Алма-Аты в Москву на 21 августа, которые пришлось срочно поменять на рейс 17 августа из Алма-Аты в Ленинград».

Возможно, Виктор должен был отвезти маленького Сашу в Питер на самолете и вернуться обратно в Плиеньциемс. Ранее это никем никогда не подтверждалось, и все считали это очередной байкой, но Алексей Макушинский помог окончательно установить правду.

Алексей Макушинский:

«Билеты были! Я потом по обратному билету Виктора улетел из Ленинграда в Ригу, после того как мы похоронили его. Переписать билет на свое имя было непросто. Но я пришел в какую-то центральную кассу на Невском проспекте, и тетечки-кассириши, знавшие, конечно, о гибели Цоя – главная городская новость, – переделали мне билет».

Так или иначе, в Питер (Москву) Цой с Наталией собирались вернуться не раньше начала сентября и на машине, и вообще дата точного отъезда не была определена.

Версия же о том, что Цой поссорился с Каспаряном и собирался лететь за ним в Питер, также не выдерживает никакой критики. У Виктора с Юрием всегда были прекрасные отношения и никаких ссор не было.

Окончание дня 14 августа 1990 года прошло спокойно, вечером все обитатели «Зел-тини» легли спать. Вопреки мнениям, что якобы Цой находился в глубокой депрессии, близкие утверждают, что у него вообще не было склонности к депрессиям. Он был очень позитивным человеком, с прекрасным чувством юмора и спокойной верой в завтрашний день. Дела в тот период у него шли лучше, чем когда-либо. Образ, проступавший в песнях, удивлял порой его самого. А усталость, конечно, была – они целый месяц работали с Юрием над новым альбомом. Но последние загадочные тексты, появление которых тревожило и Цоя, дали поклонникам «КИНО» возможность считать, что у Цоя в августе 1990 года была затяжная депрессия и он находился на грани срыва. Ничего этого не было, но мистика, безусловно, была. И последний альбом действительно был странным и обрел смысл только *post factum*.

Когда Виктору задавали глобальные вопросы или спрашивали о планах, он всегда отвечал: слушайте песни, там все сказано. Именно в этом контексте многие особенно впечатлительные поклонники вспоминают про песню «Сосны на морском берегу» и начинают усиленно дискутировать, действительно ли Виктор устал от бурного графика, как поется в песне, или нет, реально ли он поет про те самые сосны на морском берегу, растущие на пляже Плиеньциемса? Реальный человек был спутан с художественным образом, рожденным автором. Не придуманным, а именно рожденным.

Разумеется, сразу возникает вопрос: а насколько те образы, которые были созданы Цоем в песнях, соответствуют его реальным мыслям, идеям и всегда ли его осознанные жизненные установки находили отражения в текстах? Ведь создание художественного образа не имеет прямого отношения к реальному состоянию души, но Цой, как известно, всегда был аутентичен и сам же не раз об этом говорил («Нам за честность могут простить все»).

Надо помнить, что человек не одномерен. И если Флобер заявлял, что мадам Бовари – это он сам, а Толстой утверждал, что он – Анна Каренина, то это не означает, что авторы были трансвеститами. В творческом человеке всегда присутствуют две реальности: бытовая и экзистенциальная. Если мы не рассматриваем человека как кусок протухающего мяса и признаем за ним право на свет вечности, то должны понимать, что в творчестве проступает то, что соединяет человека с экзистенциальным пространством, и в этом измерении неизбежно будет много тоски, хотя на самом деле все может быть отлично, как, собственно, и было у Цоя. Цой был всегда предельно честен, но это отнюдь не значило, что «закрой за мной дверь, я ухожу» кому-то говорилось в реальности.

Многие уверены, что он очень уставал от гастролей и суеты и убегал от всего этого на два месяца в Латвию, где его не мучила слава, где он мог спокойно заниматься творчеством. Многие уверены и в том, что Цой хотел уйти с большой сцены, возможно в кинематограф. Или вообще сменить поле деятельности, но уже не мог отказаться от популярности, что могло толкнуть его к самоубийству. Ведь все знают его слова, о которых вспоминал Рашид Нугманов: как-то Виктор сказал в 1986-м, что, если бы Гребенщиков умер сейчас, он стал бы легендой. Запомнилось и другое – он постоянно повторял, что рок-музыканты не доживают до старости...

А что касается усталости Цоя... Но неужели никто не хочет отдохнуть на море и не готов сбежать от городской суеты в красивую тихую деревню? Цой был молодым человеком в расцвете сил, работал и отдыхал с удовольствием, как все нормальные люди.

Есть одно свидетельство, взятое с сайта Рашида Нугманова www.yahha.com:

Олег Хожанов:

Я встретил Виктора и, как я теперь понимаю, Разлогову в фойе гостиницы «Юрас Перл» (кажется, так она называется) 14 августа, т. е. за день до несчастья.

Но, по словам Наталии Разлоговой, они с Виктором никогда не бывали в гостинице «Юрас Перл» и уж тем более 14 августа, что дает основания считать, что свидетель, попросту говоря, либо выдумал данный факт, либо путает даты.

Есть версия, согласно которой вечером 14 августа между Наталией и Виктором произошла ссора, и Виктор уехал из дома. Ходил слух, что его видели в Тукумском ресторане около двух часов ночи. Это сообщил официант ресторана, который якобы спустя 2 недели после смерти Цоя позвонил Марьяне в Питер. Эта история известна со слов мамы Марьяны, Инны Николаевны Голубевой.

Инна Николаевна Голубева:

«Была такая история... Мне звонили из Латвии, из Тукумса, какой-то человек назвался халдеем ресторана и утверждал, что Витя был накануне у них в заведении, один. Что это было – я не знаю... Может быть, он Юрку провожал тогда, я не знаю. Этот человек мне звонил несколько раз и постоянно требовал Марьяну. А ее все время не было дома. Вообще в то время что только не говорили...»

Эту информацию категорически опровергают как сама Наталия Разлогова, так и свидетели, жившие на дачах по соседству с «Зелтини».

Никто из них никогда не был ни в одном тукумском ресторане. Цой был домосед. Вот в Юрмалу он с Наташей действительно ездил, но днем и не так часто. Погулять, сходить в кафе – в деревне же ничего не было, еду готовили сами. Москвичи ездили всей тусовкой еще на рынок в Тукумс по выходным, короче, выезжали в основном за едой.

Алексей Макушинский:

«Никаких соседей отдыхающих не было, то есть они, может быть, и были, но мы с ними не имели дела. Мы жили своей компанией. Это все-таки был не курорт, а просто рыбацья деревня, куда приезжали разные люди из Москвы и Питера».

Будучи на отдыхе, Виктор, хорошо знавший корейскую кухню, часто готовил блюдо из мяса, баклажан, перцев и помидоров, подававшееся с вареным рисом. Многие знакомые Цоя, например, Рашид Нугманов, впоследствии вспоминали, что он любил корейскую кухню, особенно одно острое блюдо, которое называется «Хе».

В Тукумсе Виктор с Наталией посещали только продуктовый рынок. Вечерами же вообще никуда никогда не выезжали – такова была специфика дачной жизни. Как показала впоследствии судебно-медицинская экспертиза, Виктор Цой был абсолютно трезв накануне гибели. Во всяком случае, он не употреблял алкоголь в течение последних 48 часов до смерти. Так версия с признаниями официанта лопнула как мыльный пузырь.

Алексей Макушинский:

«Как прошел вечер, я толком не помню. Я жил в соседнем доме, помню, пошел туда из ”Зелтины“, это совсем рядом. Потом Цой зашел за будильником. Это все было очень обыденно, никто же не знал, что случится завтра... Кстати, будильник ходит до сих пор».

Утром 15 августа 1990 года Цой встал около 5 утра, потихоньку вышел из дома, собрал удочки и уехал на рыбалку на одно из лесных озер, в сторону Талси. Куда точно – неизвестно. Поклонники уверены, что Виктор рыбачил либо на озере Энгуре, либо на озере Ридели (со слов Наталии известно, что мест, где Цой ловил рыбу, было несколько, и куда именно он направился в тот раз, неясно). Кстати, по данным милиции, Виктор был на Энгуре, это километрах в четырнадцать от места столкновения, примерно в пятнадцати минутах езды от дома, но чуть в стороне от лесных озер.

Из воспоминаний отдохавшего в Плиеньциемсе очевидца событий:

«После очередной такой ночи с 14 на 15 августа Виктор (трезвый, кто бы что ни злопыхал) поехал на утреннюю-ночную рыбалку на озеро. Это совсем недалеко, меньше 15 км от Плиеньциемса...»

Алексей Макушинский:

«Мне кажется, это было какое-то маленькое озеро, которое он незадолго до этого нашел и на котором никто не бывал, кроме него. Там в лесах озер много. Но я не уверен».

Согласно воспоминаниям Марьяны Цой, Виктор всегда брал с собой сына Сашу, но это не так. Детей так рано никто никогда не будил, да и утренняя рыбалка не предполагает суеты. Мальчиков возили на озера днем, утром Виктор рыбачил один. Саша был еще слишком мал для «мужских» развлечений, поэтому Виктор много времени проводил с Наташиным сыном, которому было уже одиннадцать лет, а Сашу оставлял на попечении Наталии.

Провожала Цоя на его последнюю рыбалку именно Наталия. Цой в то утро был бодр и весел, находился в прекрасном настроении: работа над альбомом была успешно завершена, и начинался полноценный отдых, вот он и решил начать его «по-спортивному».

Инна Николаевна, мама Марьяны, в книге Александра Житинского «Цой forever» рассказала, что Марьяна говорила ей, как по приезде в Латвию неоднократно слышала, что «все уговаривали Виктора не ездить на рыбалку в то утро». Но этому вновь нет подтверждений: отговаривать было некому, все, кроме Наталии спали, да и не было вокруг никого, кто советовал бы Виктору, как ему провести свой день. Погода в тот день была чудесная, и оснований отменять поездку не было.

Рыбалка не была регулярным занятием Цоя. Все вместе они ездили ловить рыбу всего пару раз, а Каспарян вообще предпочитал рыбалке поездки в Юрмалу. Можно смело утверждать, что Виктор ездил на рыбалку, как правило, один, хотя в предыдущие годы компанию ему несколько раз составлял старый знакомый Наталии Разлоговой, Андрей «Дрюля» Хорев, о чем можно узнать из его воспоминаний, но именно летом 1990 года его в Плиеньциемсе не было. Улова Цой практически никогда не привозил, по словам хозяйки «Зелтины», «...не

рыбак он был...» Сохранилось лишь одно фото плохого качества, сделанное Наташей Разлоговой, на котором счастливый, улыбающийся Виктор держит в руках довольно приличную щуку.

Андрей Хорев:

«Цюша иногда любил съездить на дальнее озеро порыбачить на заре. Любителей ехать в пять-шесть утра за... километров не находилось, кроме меня. Я вообще-то не ранняя птичка, но, если мы с Цюшей договаривались, без напряжения вставал, и мы ехали минут тридцать – сорок до озера. Там выкуривали по сигарете, и он садился удить, а я, уютно пристроившись, кемарил невдалеке. Через пару часов, к пробуждению всей честной компании в Плине, ехали назад».

День 15 августа был душным, как бывает перед дождем, вспоминают очевидцы. Говорят, что последним, кто видел в живых Цоя, был местный житель, хозяин коммерческого магазинчика, у которого остановился Цой, чтобы купить сигарет. По его словам, Виктор был в хорошем настроении, купил целый блок Marlboro и на шутку: «...Теперь у тебя не одна пачка сигарет, а целых десять» пошутил в ответ: «...Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день». Скорее всего, история с покупкой сигарет – «простительный художественный вымысел», потому что любимыми сигаретами Цоя в те годы были Lucky Strike. Диана Русова, со своей стороны, уточнила, что тогда в Плиеньциемсе был всего один магазин, отнюдь не коммерческий, но его уже давно закрыли и даже здание снесли (теперь в поселке два других магазинчика).

Примерно в одиннадцать утра Цой, пробыв на лесном озере около пяти часов, собрался домой. Рыбалка оказалась удачной – несколько плотвичек в целлофановом кулечке потом нашли в машине на месте происшествия. А навстречу ему ехал «Икарус». Одинокое стоявший одноэтажный домик, прозванный в округе «Тейтупниеки», был впереди для обоих водителей. Хозяйка «Тейтупниеки», Антонина Урбане, ехала следом за «Икарусом» на другом автобусе. «Икарус» находился в поле ее зрения и только на минуту скрылся из виду – при повороте за дом. Есть на 35-м километре, у моста через речку Тейтупе, поворот. Не доезжая до него, Цой по непонятным причинам выехал на встречную полосу. В этот момент из-за поворота и выскочил «Икарус-250»...

Когда Урбане подъехала к дому, то увидела, что «Икарус» уже стоит в придорожном кювете, передними колесами съехав с моста в маленькую речушку. Его шофер все еще был в кабине. А посреди дороги стоял «Москвич» со смятым капотом, от сильного удара развернувшийся поперек шоссе.

«Столкновение автомобиля "Москвич-2141" темно-синего цвета с автобусом "Икарус-250" белого цвета произошло в 11 час. 28 мин. 15 августа 1990 года на 35-м километре трассы Слока – Талси»¹².

Антонина Урбане послала своего внука Колю Звоникова вызвать по телефону «скорую». Часы показывали 11 часов 40 минут. Врач «скорой», прибывший к месту аварии раньше гаишников, констатировал смерть водителя «Москвича».

Артур Нейманис оказался в тот час неподалеку от места катастрофы. Вот что он рассказывает:

«Мимо меня по шоссе на огромной скорости пронеслась легковая машина типа "Жигули-Спутник" ("Москвич-2141" внешне похож на эту машину). Скорость ее была никак не ниже 100 километров в час.

¹² Из оперативной сводки Латвийской госавтоинспекции от 15 августа 1990 года.

Утверждаю это с уверенностью, потому что сам автомобилист почти с 35-летним стажем. Тут же послышался ужасный грохот. Когда я подбежал, увидел совершенно разбитую легковую машину и покореженный автобус».

Тот же самый **Нейманис** рассказывал впоследствии в интервью программе «Матадор»: «Мы когда с женой были около дороги возле своего дома, то мимо нас проехала машина, новенький "Москвич", на большой скорости. Я жене говорю, что этот, наверное, не вырулит из поворота. Очень острый поворот на мостике. Там речка Тейтупе. Был такой звук – как из пушки выстрел. Мы посмотрели на трассу: эта машина была на середине асфальта, а новенький "Икарус" был в левой стороне в речке. Когда мы подошли, шофер уже был мертвый»¹³.

Звонок от местного жителя поступил в дежурную часть Тукумса в 11:30. Житель хутора Дреймани¹⁴ А. Р. Нейманис взволнованно сообщил, что недалеко от его дома легковой автомобиль темного цвета столкнулся со встречным «Икарусом». Есть жертвы.

На место происшествия – к 35-му километру дороги Слока – Талси – выехала следователь Эрика Казимировна Ашмане и старший инспектор ДПС Тукумского РОВД старший лейтенант милиции Янис Элмарович Петерсон. Жаркое солнце буквально плавило асфальт. Было очень душно, парило, будто перед грозой. Из Тукумса до места аварии дорога не такая уж и близкая. Петляет по лесу, огибает хутора. Через полчаса милиционеры были на месте.

Прибывшие сотрудники милиции увидели такую картину: на мосту с правой стороны поперек дороги стоял «Москвич-2141» (гос. номер Я 68–32 ММ) с развороченным передком. Рядом с машиной, с трудом извлеченный из салона врачами «Скорой помощи», лежал молодой черноволосый парень. Без сомнения, умер мгновенно. Справа, съехав передними колесами в мелкую речушку Тейтупе, стоял белый «Икарус»...

По документам, которые нашли в салоне «Москвича», было установлено имя водителя – Цой Виктор Робертович. Чуть раньше подъехавшая «скорая» стояла на обочине. Медикам ничего не оставалось, как засвидетельствовать смерть и отправить труп на судебно-медицинское обследование.

В желтой прессе писали, что тело Цоя было выброшено на дорогу через лобовое стекло, но это не так. Тело Цоя вытаскивали из машины врачи приехавшей «скорой».

По словам водителя «Икаруса», тело Виктора лежало около машины, правая нога была зажата обломками искореженной двери «Москвича». После того как врачи «скорой» извлекли тело, оно действительно лежало у авто. Правда также и то, что правая нога Виктора была крепко зажата обломками, и ее с трудом освободили.

Коля Звоников:

«На лбу у него была глубокая вмятина. Мы даже не подходили к нему, настолько он выглядел мертвым».

Скорость «Москвича» точно определить не удалось, но, несомненно, она была не меньше 100 километров в час. Об этом свидетельствовали положение автомобиля после столкновения и отлетевшие далеко в сторону обломки двигателя «Москвича». На асфальте остались выбоины и следы юза, по которым было несложно определить место столкновения, значит, легко было представить и процесс аварии. Все параметры и данные тут же занесли в протокол, составили схему первичного осмотра места происшествия.

¹³ Из интервью А. Нейманиса программе «Матадор». 1991 год.

¹⁴ Хутор Дреймани состоит из трех домов, но прежних жильцов там давно нет: кто-то умер, кто-то продал дом.

Передний бампер «Икаруса» прошел по капоту «Москвича» прямо в салон, руль со стороны водителя был поврежден, сиденья сбиты, разломан щиток передней панели. При осмотре заметно, что удар был справа налево, спереди назад. Приборная панель машины въехала в передний ряд кресел, прижав водителя к сиденью...

Одной из неточностей газетных статей того времени были слова о том, что «смявшийся карданный вал "Москвича" прочертил на шоссе глубокую царапину длиной около метра». На самом деле у «Москвича-2141» карданный вал вообще отсутствовал.

Как известно, для движения автомобиля крутящий момент от двигателя необходимо передать на ведущие колеса. Двигатель и коробка передач через опоры сравнительно жестко крепятся к кузову, а ведущие колеса подвешены посредством подвижных и упругих элементов подвески. Таким образом, при езде взаимное положение колес и силового агрегата постоянно изменяется. Как же в таких условиях передать крутящий момент? Для решения этой задачи используются приводные валы с шарнирами. В заднеприводных автомобилях используются валы с шарнирами неравных угловых скоростей, в переднеприводных – с шарнирами равных угловых скоростей. В обиходе первые автомобилисты по привычке называют карданом, вторые – ШРУС (сокращенное название). Виктор Цой ездил как раз на модели «Москвича» с передним приводом, то есть на автомобиле со ШРУСом. Так что глубокую метровую царапину на асфальте прочертил не «смявшийся карданный вал», а какая-то иная деталь автомашины. Собственно, это не так важно, но для полноты картины нужно об этом знать.

Недалеко шумел лес, перекликались птицы, журчала вода. Составив протокол, следователь уехала, а Петерсон остался дожидаться автокран. Здесь же остановились несколько проезжавших мимо водителей, покурили, обсудили случившееся. Дорога Слока – Талси спокойная, лесная, машины проезжают редко. На повороте деревянный дом, чуть дальше, еще один, скорее всего, довоенной постройки. Места красивые, до моря рукой подать...

Как покажет следствие, машину отбросило от места столкновения на 22 метра назад, обломки двигателя разлетелись в радиусе 12–15 метров. Неповрежденными от машины Цоя остались задняя часть салона, задний бампер да крышка багажника. Счетчик пробега «Москвича» остановился на 3400 километрах. Впоследствии в газетах будет указано, что восстановлению автомобиль не подлежал, однако окажется, что это не совсем так.

«Икарус-250» (гос. номер 05–18 ВРН) стоял с левой стороны моста, уткнувшись в речку. Водитель автобуса Янис Карлович Фибикс, 1946 года рождения (за рулем с 1970 года), отделался легкими ушибами и не пострадал. По его словам (кстати, подтвержденным следствием), чтобы избежать столкновения, он попытался сам выехать на обочину, приняв вправо, но скорость легковой машины была слишком велика. Удар оказался столь силен, что громоздкий, тяжелый автобус отбросило под углом 45–50 градусов в сторону, и он съехал передними колесами в речушку Тейтупе.

Автобус принадлежал Талсинскому отделению Латвийской «Сельхозтехники». Водитель, шофер 1-го класса, перегонял пустой автобус на базу из аэропорта, куда отвез туристов, перед этим закончив мелкий ремонт двигателя.

Служебная. Москва, МВД СССР: 15 августа с. г. в 11.30 на 35-м км дороги Слока – Талси Тукумского района Латвии водитель а/м «Москвич», гн Я 6832 ММ, Цой Виктор Робертович, 1962 г. р., прож. г. Ленинград, пр. Ветеранов, 99, кв. 101, отдыхающий в г. Юрмала, известный эстрадный певец, превысил скорость, допустил выезд на встречную полосу движения, где столкнулся со встречным автобусом «Сельхозтехники» Талсинского района, гн 0518 ВРН. Цой В. Р. на месте происшествия скончался. И. о. министра МВД Латвии Индриков. Прд Абрамовская.

А время шло. День был в разгаре. У Цоя с Наталией не было никакого точно оговоренного времени возвращения Виктора с рыбалки, но, когда все разумные сроки прошли, Ната-

лия беспокоилась. Виктор совершенно ничего не понимал в машинах, и, если бы случилась поломка, сам ее устранить он бы не смог. Seriously беспокоиться Наталия начала в полдень, когда истекло время, теоретически отведенное на непредвиденные обстоятельства, а в два часа дня ей уже стало ясно, что случилось что-то серьезное и нужно немедленно отправляться на поиски.

Оставив маленького Александра со своей подругой и ее детьми, она со своим сыном на мопеде «Дельта» поехала искать Виктора и по дороге увидела «Икарус», стоящий передом в речке. Машины Цоя на дороге уже не было. Надежда, что все не так страшно, еще теплилась. Ни разбитой машины Виктора, ни его тела Наталия не видела.

За час Наталия с сыном объездили все места, где теоретически мог находиться Виктор, после чего вернулись домой в надежде, что за время их отсутствия он появился. Когда же стало ясно, что вестей от него по-прежнему нет, Наталия попросила своего друга Алексея Макушинского поехать с ней к месту падения автобуса.

Алексей Макушинский:

«Я помню это так. Я сидел возле ”своего“ домика на внешней лестнице и читал французскую книжку. Вдруг я увидел, что Наташа и Женя уезжают куда-то на мопедах (мокиках). Эти дурацкие мокики были куплены Цоем и Наташей предыдущим летом, в 1989 году. Но в 1990 году на них уже никто не ездил, потому что появились машины, Цоюшина машина и машина Юрика Каспаряна (который, кстати, уехал в Ленинград то ли накануне, то ли за два дня до этого). Так что мокики и не заводил никто в это лето. Поэтому я очень удивился, но не беспокоился. Ну, поехали куда-то на мокиках, и поехали... Потом они вернулись, и Наташа мне сообщила, что они ездили искать Виктора, не нашли, видели только автобус в кювете, и что она очень волнуется».

Алексей обратился за помощью к соседу-латышу, у которого был автомобиль, и тот отвез их с Наташей к месту аварии, а затем в больницу и в милицию. Проехав в Тукумс, возле здания РОВД они увидели искореженную машину Виктора.

Алексей Макушинский:

«Я тогда пошел к соседу, Гунтису Дрейманису, тот завел свой старый ”жигуленок“, и мы поехали (втроем с Наташей), сначала по талсинскому шоссе туда, где был автобус (его уже не было, кажется, и я его, по-моему, не видел), потом вернулись на перекресток и поехали в Тукумс, сначала в больницу, потом в милицию. Если не ошибаюсь, нам в больнице рассказали об аварии. Цой разбился, не доезжая до перекрестка двух шоссе: шоссе Талси – Рига, по которому он и ехал, и шоссе Энгуре – Тукумс. Возле милиции Гунтис так остановился, чтобы Наташа не видела развалины машины (машина стояла перед входом). Но потом все-таки пришлось попросить Наташу подняться к следователю...»

Вернувшись от следователя Наташа из машины больше не выходила, осматривал машину Виктора и расспрашивал всех об обстоятельствах аварии Алексей Макушинский.

Вот именно здесь рождается один из мифов, связанных с именем Цоя и группой «КИНО». Как всегда указывалось, кассета с демоверсией «Черного альбома» была вытащена из автомагнитолы, но это не так. И сегодня об этом можно сказать совершенно точно.

Именно сосед-латыш Гунтис Дрейманис, который привез Наталию и Алексея к зданию РОВД, при осмотре разбитой машины Виктора посоветовал Алексею осмотреть бардачок, в котором нашлась кассета с записанной демоверсией «Черного альбома».

Вдвоем, совместными усилиями, они вытащили ее и передали Наташе. Что же касается кассеты, находившейся именно в магнитофоне, то вытащить ее вообще было невозможно,

поскольку магнитофон был сильно искорежен. Немногим позже кассету, разобрав магнитофон, все же сумели вытащить. Музыка, на ней записанная, оказалась творчеством японской группы «Southern All-Stars», с лидером которой Кейсуке Кувате Виктор Цой познакомился в Японии, и он подарил Цою дорогую черную гитару.

Алексей Макушинский:

«Да, мы ходили с Гунтисом и спрашивали, что случилось, в больнице, а потом в милиции. Гунтис все-таки говорил по-латышски. Наташа держалась замечательно, как она всегда держится. А потом мы вернулись в Плиенциемс, где надо было как-то рассказать о случившемся детям и друзьям».

Из протокола осмотра места автомобильной аварии:

Погибший водитель автомашины «Москвич-2141» был одет в черный тренировочный костюм производства КНР, майку черного цвета, спортивную куртку красного цвета, черные шерстяные носки и красные резиновые сапоги.

До сих пор этот факт очень смущает многих поклонников «КИНО» – красный не был любимым цветом Цоя. Но все просто объясняется: у Цоя, вероятно, были какие-то вещи в машине, специально предназначенные для выездов на рыбалку. А возможно, красные куртка и сапоги были придуманы шустрými журналистами, ведь толком никто не видел подлинника дела № 480 (статьи Беликова не в счет), чем газетчики, разумеется, не преминули воспользоваться.

Впоследствии всю одежду Виктора, которая была тогда на нем, Наталия отдала приехавшей Марьяне, так как сама смотреть на окровавленные личные вещи не могла. Как известно все из того же протокола осмотра места аварии, в машине Цоя нашли множество мелких предметов: несколько удочек (указано, что три, но, очевидно, их было четыре), рыбацкие принадлежности, потертый брезентовый рюкзак, пакет с пойманными рыбками, инструменты, запасное колесо, куртку с документами и деньгами. Были ли среди вещей нэцке, изображающая демона, и фотография Брюса Ли (миф о присутствии которых долгое время бродит в умах поклонников «КИНО»), никем не подтверждено, но и никем не опровергнуто. По словам Наталии Разлоговой, «в машине Виктора было много всяких мелких вещей».

То, что в машине Цоя была крупная сумма денег, близкие Цоя полностью опровергли: «У него никогда не было денег, которые можно было бы назвать "крупными". В машине – тем более».

Что было у Виктора в тот день, это кольца. Всего их было четыре. Два из них Цой носил всегда – простые серебряные колечки, третье со вставкой из бирюзы, а четвертое – в виде кошачьей головы, которое он купил в июле 1990 года в Париже. Одно из них, с бирюзой, было повреждено, от камня откололся кусочек, а кольцо в виде кошачьей головы было разорвано и смято. Его вместе с другими мелкими вещами из машины Виктора сотрудники ГАИ и передали Наташе. Про разорванное кольцо гаишники сказали, что нашли его чуть ли не в километре от места аварии.

Как кольцо оказалось так далеко от места аварии? Это легко объяснимо. Как известно, машина Цоя была довольно сильно разбита. Возможно, во время рыбалки Виктор вообще снял кольца и положил на переднюю приборную панель. Мелкие незакрепленные предметы при столкновении разлетелись на большое расстояние, в этом нет ничего странного. И вообще – сотрудники ГАИ могли и присочинить.

Юрий Каспарян:

«Я уехал в ночь с 14-го на 15-е, приехал в Питер часов в шесть утра и лег спать. Проснулся в час-два и поехал в гости на Каменноостровский».

И там уже обезумевшая Марьяша вызвонила меня. Она толком ничего не знала, один он разбился или с Сашей... Как раз Тихомиров с отдыха вернулся, мы созвонились, собрались, он взял свою супругу, я взял Марьяну, и мы поехали обратно. Тогда еще с бензином были проблемы. И вот добрая заправщица, узнав о несчастье, залила нам все наши канистры, и мы поехали караваном на двух машинах. Телефона там я не видел, но, судя по тому, что Наташа дозвонилась, он там был».

Алексей Макушинский:

«В "Зелтини" телефон появился совсем незадолго до гибели Виктора. Это правда».

Телефон в «Зелтини» к тому моменту уже действительно установили¹⁵, появился он в последний месяц, и вернувшаяся в дом Наташа сразу начала звонить через межгород в Москву и в Питер.

Марина Тихомирова:

«13 августа мы собрались ехать из деревни, где отдыхали, в город. Я постоянно ныла, просила отложить отъезд и остаться еще на пару дней, но Игорь был непреклонен. "Я обещал вернуться 15 августа, значит, надо ехать!" До города доехали без приключений. На Киевском шоссе встрянувшись. Игорю с трудом удалось избежать аварии благодаря блаженному деду, который посреди дороги не спеша крутил педали велика в плотном потоке транспорта.

Папа встретил вылизанной квартирой, тушеной бараниной, холодной водкой и шампанским. Разгрузкой машины заниматься не стали, бросили все под окнами, благо популярность "КИНО" и Игоря, как музыканта, лучше любой охранной сигнализации.

Накануне, 14 августа, звонил Витя, спрашивал, когда нас ждать. Прошло несколько часов реабилитационного застолья. Звонит телефон. Снимаю трубку. Слышу механический неузнаваемый голос: "Это Марьяна. Сегодня в полдень под Тукумсом разбился Цой". Не понимаю услышанного. Переспрашиваю еще раз. Каждый раз с убийственной краткостью повторяется информация. Когда ее смысл доходит до сознания, сползаю по стене на пол и начинаю выть в голос. Прибежали мои мужики. Игорь выхватил трубку, прослушал текст и начал действовать. Куда-то звонил, о чем-то договаривался. Потом каждому из нас была выдана четкая программа действий. Я поняла, что истерику следует немедленно погасить. Еще много что нужно сделать. Игорю необходима поддержка.

Дальше все, как в кошмарном сне. Перемещений не помню. Отпечатались только какие-то точки и действия, в них происходящие, люди и солнце. "Восьмерка" отказалась заводиться, из гаража выкатили "шестерку". Быстро побросали в багажник какие-то вещи и документы, Игорь выпил стакан постного масла на предмет спасения от ментов, и мы отправились к Каспаряну.

У Юрика – кошмар. Марьяна, прямая как палка, сидит на табуретке посреди кухни. Юрик мечется из угла в угол и несет какую-то чушь об ошибочной информации, дурной шутке и т. п. Ирина Соломоновна, царство ей небесное, пытается организовать термос с бутербродами, при этом периодически замирает в каком-то ступоре.

Выезжаем двумя машинами. Нужно заправиться. В стране кризис с бензином, но у каждого уважающего себя водителя есть блат на близстоящей заправке. Едем окучивать Каспаряшин блат. Девчонки уже что-то слышали по радио. Спрашивают: "Правда?" – "Не знаем". Нас заправили под пробку (по-моему, даже денег не взяли).

¹⁵ На половине, где жили Виктор и Наташа, была отводная трубка, но делать заказ на междугородний разговор нужно было с половины хозяев, что сводило практически на нет наличие телефона.

Едем в сторону Риги. Юрик, как знающий дорогу (он менее суток назад проехал по ней в сторону Питера с массой идей и материала, сотворенного вместе с Витей), выступает в качестве ведущего. Едем медленно. В районе Псковской области у Игоря лопается терпение, и мы меняемся с Юриком ролями. Как ребята, нетрезвые, в шоке, доехали до этого самого Тукумса, не знаю. Рига встретила жутким солнцем».

Игорь Тихомиров:

«Конечно, гибель Виктора была для нас смертельным ударом. Помню, приехал из отпуска, вхожу домой. Назавтра назначена репетиция. И тут – телефонный звонок. Мы рванули туда на машине, до последней минуты не покидала надежда: может, все обошлось... Не берусь описывать тех страшных минут. Конечно, нам было ни до чего».

Игорь Борисов:

«15 августа 1990 года мы были с Юрием Каспаряном в гостях на Каменноостровском проспекте, когда позвонила Марьяна и сказала, что Виктор разбился».

Марьяна Цой:

«Юрик приехал числа тринадцатого августа из Прибалтики, где он был вместе с Витей. И тут пришла эта страшная весть... Как это произошло? Витя поехал на рыбалку. Он ездил туда регулярно.

Видимо, был определенный момент его возвращения. И когда он вовремя не приехал, Наташа забеспокоилась и поехала его искать. И увидела этот автобус, нырнувший в речку. Она помчалась в ближайший городок, потому что жили они в деревне, снимали дом. Там все выяснилось. Она начала звонить. Дозвонилась своей маме в Москву. Та стала звонить в Ленинград. Нашла телефон Каспаряна. Юрика не было дома. Нашли меня, а я вычислила Каспаряна по телефонам друзей. Через полчаса мы уже выехали из Ленинграда, накачавшись бензином. С нами поехал Игорь Тихомиров с женой – они буквально за три часа до этого приехали из деревни, где тоже отдыхали вместе. Мы поехали на двух машинах: они на своей, а я с Юркой».

«Маяк» узнал о смерти Цоя почти моментально. Именно из сообщений «Маяка» о смерти сына узнали отдыхавшие на даче его родители, Роберт Максимович и Валентина Васильевна Цой. Поначалу не поверили. И только сумев дозвониться до Марьяны, узнали страшную правду.

Инна Николаевна Голубева:

«О том, что он погиб, мне сообщила мама Каспаряна. Она никак не могла высказаться, мешали рыдания, она три раза начинала и никак не могла... Я спрашиваю: "Кто же это, кто?" И тут она мне выдала. А ей сообщила мама Наталии Разлоговой, которой та дозвонилась из Тукумса. Конечно, сразу вопрос: "Как Саша?" С Сашей все в порядке... Я скорей хватаю телефонную книгу и начинаю искать Марьяну. А они ушли в гости куда-то. Каспарян тоже, как приехал, ушел в гости. Никого нет. В общем, когда нашли их, они бегом собрались и выехали туда. Тихомиров еще со своей Маней тоже».

Каспарян с Марьяной и Игорь Тихомиров с женой приехали в Плиенциемс только к утру 16 августа, до последнего считая, что все обошлось и что все это чья-то злая шутка.

Юрий Каспарян:

«Туда приехали утром 16-го. Хорошо помню, как утром едем, хорошо так, солнышко, птички поют, Марьяна меня подкармливает чем-то... Доехали до ворот дома, Наташа выходит такая... И все... Просто до этого как-то не воспринималось, а потом сразу накрыло...»

Марина Тихомирова:

«Когда мы добрались до ворот дачи, не было сил выйти из машины. Так и сидели, пока не увидели Наташу. И вот тут уже стало ясно, что об ошибочной информации и дурацкой шутке не может быть и речи. Вошли в дом. Впечатлений мало. Большой, ухоженный участок, стриженная трава, цветники, несколько строений, ручей с мостиком. Домик похож на охотничий: дерево, сухие травы-букеты, что-то фольклорное развешано по стенам. Плохо помню...»

Наташа сбивчиво рассказала о случившемся, объяснила, что она не родственница, ей сложно преодолеть бюрократические барьеры и нужна помощь Марьяны. Та начала говорить о каких-то вещах, Наташа ее не поняла и начала оправдываться, дескать, она все отдаст и ей ничего не нужно. С трудом удалось ей объяснить, что речь идет об одежде в морг. (Все такие деликатные, что назвать предметы своими именами постеснялись.)

Разговоры помню плохо. Голова не соображала. Руки тряслись так, что две чашки кофе выплеснула на скатерть. Поехали в морг. Нас туда никого не пустили, кроме Мани. "Выходной. Не положено". Морг – маленький домик на шоссе при подъезде к Тукумсу, похож на будку смотрителя при ж/д семафоре, и две тетки. Не положено».

Марина Тихомирова упоминает об одежде в морг. Как известно, костюмов Виктор не носил со студенческих лет, но один костюм в его гардеробе все же был. Наталия Разлогова вспоминала, что незадолго до гибели Виктора Влад Мамышев-Монро (по другой версии – Константин Гончаров) сшил ему пальто и костюм. Позднее пальто Наталия отдала каким-то активистам-поклонникам, намеревавшимся сделать восковую фигуру Цоя, а в костюме Виктора похоронили...

«Свидетельство о смерти Цоя В. К Акту судебно-медицинского исследования трупа № 96 от 16 августа 1990 года. Для исследования взята кровь с целью определения групповой принадлежности. Суд. мед. эксперт /подпись/ Симановский А.

На основании судебно-медицинского исследования трупа гр-на Цоя В., и с учетом результатов лабораторных исследований, обстоятельств гибели, прихожу к следующему заключению:

1. При исследовании трупа гр-на Цоя В. обнаружены следующие телесные повреждения:

В области головы – многооскольчатый перелом костей головного и лицевого черепа. Тяжелый ушиб головного мозга с размождением лобных долей. Обширное кровоизлияние под мягкие головные оболочки, ушиб мягких тканей головы, резаные раны, ссадины лица.

В области груди – переломы обеих ключиц, 1, 2 ребер справа, обширные ссадины груди.

В области живота – разрыв селезенки, обширные ссадины.

В области конечностей – переломы правой плечевой кости, правой бедренной кости, обеих костей правой голени, множественные ссадины, ушибленные и резаные раны.

2. Смерть гр-на Цой В. насильственная, наступила 15 августа 1990 года, вследствие сочетанной тяжелой тупой травмы тела в виде многооскольчатого перелома костей мозгового и лицевого черепа, тяжелого ушиба головного мозга с размождением лобных долей, обширного кровоизлияния под мягкие мозговые оболочки, переломов плечевой, бедренной, обеих костей голени справа, травмы груди и живота с разрывом селезенки, переломов обеих ключиц и 2 ребер.

3. Телесные повреждения на трупе гр-на Цой В. прижизненного происхождения, могли образоваться непосредственно перед смертью, в условиях дорожно-транспортного происше-

ствия при нахождении потерпевшего в салоне автомобиля в период столкновения ее с дорожным препятствием, например со встречным автобусом.

Черепно-мозговая травма получена в результате ударно-травматического воздействия твердых тупых предметов, например, деформированных частей автомобиля с последующим сдавливанием головы в передне-заднем направлении. Переломы костей правого плеча, правого бедра, правой голени, ключиц и ребер справа, ушибленные раны тела также возникли от ударно-травматического воздействия твердых тупых предметов – выступающих частей салона автомобиля. Множественные ссадины на передней поверхности тела, причиненные в результате скольжения /трения/ по неровной поверхности тупых предметов. Травмирующая сила воздействовала спереди назад и справа налево.

4. По своему характеру совокупность телесных повреждений относится к тяжким, как опасным для жизни. Между полученными травмами и причинами смерти имеется прямая причинно-следственная связь... Причина гибели водителя Виктора Цоя – черепно-мозговая травма, не совместимая с жизнью.

5. Непосредственно перед смертью гр-н Цой В. был трезв, что подтверждается отсутствием этилового спирта в крови трупа / акт № 2594 от 21.08.1990 г. судебно-медицинского исследования крови.

6. Кровь гр-на Цой В. относится к 0 группе / акт судебно-биологического исследования крови № 766 от 20.08.1990 г...»¹⁶

Лицо Цоя было полностью обезображено с правой стороны: многочисленные переломы конечностей, правая сторона лба разбита, правый глаз вытек...

Дмитрий Шавырин:

«Именно эта бумага была предоставлена Айзеншпису. Копия была у него. Мы с Юрой были в ГАИ и видели эту бумагу. Там именно так и было написано. И именно этот акт фигурировал во многих СМИ, включая латышские. Я это заключение лично видел. Как и справку о ДТП из ГАИ. Со временем гибели и прочим...»

Марина Тихомирова:

«После посещения морга отправились в местную ментовку. Впечатление как от германских канцелярий, изображаемых в военных фильмах советской эпохи. Полумрак и солнце, которое вспыхивает на перилах и паркете в самых неожиданных местах... Ему там и взяться-то неоткуда, а оно – пожалуйста. Молоденький сержант снял брезент с Витькиной машины. Спрашиваю: "Зачем закрыли?" – "Слишком много зевак собирается". И неудивительно. От "Москвича" остались только задние колеса и крышка багажника...»

Необходимые документы Наталия передала приехавшей с Каспаряном Марьяне Цой и больше не лезла в это дело. Ходит очень неприятный слух, что якобы Наталия и Марьяна ругались там, в Латвии¹⁷, но это совершенно не так. Конечно, никто ни с кем не ругался, у Марьяны с Наташей никаких конфликтов и взаимных претензий никогда не было. Они обе всегда вели себя достаточно мужественно. И в Латвии приехавшая Марьяна избавила Наташу от многих неприятных формальностей.

Марьяна Цой:

¹⁶ Из результатов патолого-анатомического анализа специальной группы Латвийского республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы, г. Рига, 20 августа 1990 года.

¹⁷ Сценарист А. Гоноровский, когда писал свой сценарий «47», использовал именно этот слух – о конфликте Наташи и Марьяны в те дни.

«В десять утра на следующий день после несчастья я уже сидела у следователя и подписывала бумаги. А еще через сутки мы выехали оттуда, увозя с собой Витю».

Из заключения криминалистической экспертизы ГАИ по делу № 480:

15 августа 1990 года в начале 12-го утра уже начало припекать солнце, было примерно 28 градусов тепла. Видимость в это время была ограниченной, асфальт – сухим. Скорость автомобиля «Москвич-2141» в момент столкновения составляла не менее 100 км в час. Скорость автобуса «Икарус-250» – не превышала 70 км в час. Столкновение произошло за 12 метров от мостика через речку Тейтупе. После столкновения автомобиль «Москвич-2141» отлетел и ударился об перила мостика.

Алексей Макушинский:

«Возможно, что он и вправду заснул на обратном пути за рулем. Потом мы с Наташей его искали, нашли уже в морге в Тукумсе, везли в Петербург и т. д. Сильнейшие, как вы понимаете, были переживания».

К хутору Дреймани идет прямая ровная дорога. На этой дороге разрешенная скорость – 90 километров в час. Ближе к мосту дорога сужается. Далее – опасный поворот. Ясно, что водитель обязан тут сбавить скорость, чего Цой не сделал и что опять же свидетельствует о потере ориентации. Сотрудники ГАИ так и не нашли тормозного следа «Москвича» на крутом повороте. Изучив след протекторов шин, следователи, к своему изумлению, пришли к выводу, что, как минимум, последние 233,6 метра (примерно 7 секунд движения) до места аварии Цой почему-то ехал по правой обочине дороги. След протектора от правого колеса его «Москвича» отмечен на правой обочине за 21 метр до мостика, от «кармана» автобусной остановки. Криволинейный. Через 11,5 метра после моста след круто выходит с обочины на асфальтированную часть дороги по направлению к точке столкновения. Следов торможения не обнаружено. Заснул ли Цой за рулем или задумался – этого уже никто не узнает. Криволинейность следов протекторов на правой обочине дороги являет предельные указания на потерю контроля над дорогой со стороны Цоя...

Официальным расследованием установлено, что «автомобиль ”Москвич-2141“ допустил касание столбика ограждения моста, именно после этого пошел юзом, и его выкинуло на встречную полосу под колеса ”Икаруса-250“, а затем, после столкновения с автобусом, отбросило обратно – к перилам моста».

Марина Тихомирова:

«После беседы с ментами поехали на место происшествия. Игорь обползал все шоссе и окрестности в радиусе километра, спускался к речке, в которую угодил автобус. Мне показалось, что мы провели там полдня. Игорь, проведя расследование, пришел к выводу, что это все-таки несчастный случай. Если человек встал затемно, провел несколько часов с удочкой над неподвижной водой, а потом выехал на относительно спокойную дорогу в солнечный, именно солнечный полдень, то 99 % из 100, что он может заснуть за рулем (из собственного опыта). Следователь с нами разговаривать не стала. Бог ей судья. После ментовки поехали в какой-то кабачок поесть. Плохо помню – ели или нет. Пили – точно».

Алексей Макушинский:

«Следователь сразу сказала, что водитель автобуса – ”шофер первого класса“, который ни в чем не виноват. То есть она сразу заявила позицию следствия. Но нам было все равно. Кто бы ни был виноват, Виктора ведь уже не вернешь. Никто, по-моему, и не вникал в это дело, и не искал встреч с этим шофером (но я могу что-то и не знать)».

Эрика Ашмане:

«15 августа 1990 года, в 11:30, в составе оперативной группы я выехала на место происшествия на дороге Слока – Талси, 35-й километр. На месте дознанием было установлено, что водитель автомашины ”Москвич-2141“ – Цой Виктор Робертович – не справился с управлением и заехал на левую сторону дороги, где столкнулся с автобусом ”Икарус-250“. Водитель Цой на месте скончался от ”тяжелой тупой травмы головы, ушиба головного мозга и многооскольчатых переломов тела“¹⁸. По моему субъективному мнению, Цой задремал за рулем. Погода тому способствовала. Он возвращался с лесного озера, где с шести часов утра был на рыбалке. Это километрах в 14 от места столкновения. Ехал на высокой скорости. А из-за поворота со скоростью 60–70 километров в час выехал автобус, которого он не заметил. Несомненно, что скорость Цой превысил сильно, и мое мнение: даже если бы не было автобуса, он все равно врезался бы в деревья на повороте. Хотя удар был бы, конечно, слабее»¹⁹.

Из воспоминаний отдохавшего в Плиеньциемсе очевидца событий:

«Ранний подъем дал о себе знать на обратном пути, на самом сложном участке дороги – около трехсот метров между 34-м и 35-м километрами шоссе Юрмала – Талси. Там две крутые извилины, посреди которых узенькое бетонное ограждение маленького моста. Сейчас с обеих сторон этого участка стоят предупреждающие знаки и требуют снижать скорость хотя бы до 70 км/ч, при том что гоняют по этому шоссе обычно 100–150 км/ч. В 90-м знаки если и были, то Цой, проезжавший там в без двадцати двенадцать, их, вероятно, или проспал, или с устатку не заметил²⁰. Между двумя ограждениями моста чуть больше 2 метров, вот одно из них он сперва и зацепил, а потом уже попал под колеса местного автобуса (и да, это правда был ”Икарус“). Одни говорят, что его ”Москвич“ просто смяло в гармошку, другие утверждают, что части от автомобиля разлетелись на несколько метров вокруг; как бы там ни было, в любом случае – шансов выжить не было никаких».

Степан Живов:

«Последний раз я видел Цоя 14 августа 1990 года. Водил он плохо, конечно, только начал. ”Москвич“ его был по тем временам очень мощный, с жигулевским движком. Связка поворотов перед Кестерциемсом и впрямь сложная, я сам однажды чуть не улетел в этом же месте. Уверенно могу сказать, что именно тот поворот, на котором разбился Цой, один из самых опасных на всей трассе Рига – Талси».

Из воспоминаний отдохавшего в Плиеньциемсе очевидца событий:

«Уже через несколько часов к хутору ”Зелтини“ в Плиеньциемсе, где Цой отдыхал, начали съезжаться фанаты. Собственно, только тогда хозяева и узнали, кто к ним каждое лето приезжал. Скоро фанатов стало так много, что хозяевам хутора пришлось обзвонить всех своих знакомых из Риги, Юрмалы и ближайшего Тукумса, чтобы они приехали и окружили место кольцом из автомобилей. За пределами этого кольца ”киноманы“ устроили палаточный городок и не уходили еще дня 2–3».

В 1993 году в журнале «Собеседник» была опубликована статья с претензией на правду. Приведу отрывок из нее.

¹⁸ Из результатов патолого-анатомического анализа специальной группы Латвийского республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы, г. Рига, 20 августа 1990 года.

¹⁹ Из интервью Э. К. Ашмане программе «Матадор». 1991 год.

²⁰ В 1990 году ни предупреждающих, ни ограничивающих скорость знаков в том месте не было. Установлены они были только после гибели В. Цоя.

«...15 августа 1990 года взвод подразделения ВДВ Прибалтийского военного округа возвращался на свою базу с учений по Юрмальскому шоссе. Через пару часов путь перегородила машина ГАИ. К офицерам подошел расстроенный сержант милиции: "Помогите ненадолго оцепить участок, поддержать порядок". Десантники по команде высыпали из кузова и взяли в кольцо место тяжелой аварии. В "скорую" загружали носилки с человеком, закрытым простыней.

– Что случилось? – потянул один из солдат за рукав сержанта.

– Виктор Цой погиб.

В дивизии "голубых беретов" не было роты, которая не послала бы тогда в Питер телеграмму соболезнования Витиным родным и в Рок-клуб. На несколько дней в части прекратились драки и самоволки. "Десантура" поминала любимого певца...»

Красивая история, но это вымысел журналистов. Возможно, правда, 15 августа по дороге Слока – Талси проезжал взвод подразделения ВДВ Прибалтийского военного округа. Но десантники никак не могли привлекаться в виде оцепления аварии, потому что в латвийской глуши, на месте гибели Цоя, не было никого, никаких нарушителей порядка, от которых нужно было бы выставлять оцепление из взвода дюжих «голубых беретов». Никто из приехавших на место аварии гаишников и сотрудников следственной бригады на тот момент НЕ ЗНАЛ, кто он такой, этот погибший водитель «Москвича» Виктор Цой. О том, что это известный рок-певец, все узнают значительно позже.

Собственно, неважно, правдива ли эта история или нет, но она точно отразила настроения людей. Действительно, даже сильные духом «голубые береты», прошедшие Афган, не скрывали слез, узнав о гибели лидера «КИНО».

Вечером 16 августа в Плинку примчались гастрольный директор «КИНО» Олег Толмачев и с ним двое парней из технической команды. По воспоминаниям близких Цоя людей, они только внесли излишнюю сумятицу.

Марина Тихомирова:

«Вернулись на дачу – приехали москвичи: Олег Толмачев и еще два парня из команды Шписа. Несколько раз прослушали рассказ Наташи, потом пошли проветриться, сил уже не было сидеть на месте и пережевывать полученную информацию.

Если бы я попала в это место при других обстоятельствах, наверное, можно было бы сказать о невероятной красоте и фантастическом спокойствии этого уголка. А тогда безумно раздражали размеренный шорох сосен, шишки и хвоя под ногами, карамельные виды голубой воды с белыми барашками ряби, янтарного с сединой песка, лебеди и солнце... Наташа показывала саму дачу, кажется. Не помню. Долго стояли на мостике над ручьем. Молчали. Потом она бросила запасные ключи от "Москвича" в воду и выдохнула: "Ну, вот и все". Потом судьбой этих ключей будут настойчиво интересоваться... Рано разбредлись по кроватям. Говорить просто не хотелось».

Олег Толмачев:

«Что было в Латвии, я плохо помню. Я из Москвы с Артемом и Стасом туда поехал. Все вещи Вити у меня в машине были, я их потом Наташе привез. Мы ехали на нескольких машинах за автобусом, в Питере сразу гроб в морг отнесли, а потом уже хоронили».

На следующий день о смерти Цоя сообщают все радиостанции Советского Союза, телевизионные программы «Время» и «ТСН». Это трагическое событие не замалчивалось, как замалчивались смерти Высоцкого, Башлачева и еще многих.

В вечернем выпуске программы «Время» на всю страну прозвучали сухие слова диктора: «Здравствуйте, товарищи. Печальная весть пришла сегодня из Латвии, где в автомобильной аварии погиб известный рок-музыкант, основатель популярной группы "КИНО" Виктор Цой. Детали происшедшего уточняются. На месте катастрофы работает следственная группа МВД Латвийской ССР...»

Вышли центральные газеты – «Комсомолка», «Аргументы», – где говорили про рыбалку, про «заснул за рулем» и почему-то о том, что Цой разбился на мотоцикле. Но все это уже было неважно. У всех на слуху появились слова: «Москвич-2141», «35-й километр трассы Слока – Талси», названия странной латвийской географии – Плиенциемс, Тукумс, Энгуре, – о которых никто никогда бы и не услышал и не узнал, если бы не произошло это событие.

Андрей Коткин:

«В короткую радионую информацию не верилось. Казалось, что ослышались, почудилось, приснилось... Но затем уже печатное слово, и – шок. Не потому что известный человек. А потому что известный и – молодой. Двдцативосемилетний парень ушел на взлете творческой карьеры, в начале звездной славы, едва ощутив ее вкус. Невиданное дело – рок-музыкант был признан лучшим актером года по итогам опроса читателей "Советского экрана"; всего три месяца назад портрет Цоя разошелся по стране на обложке журнала. Фильм "Игла" порвал не только молодого зрителя. В июне коллега по "Новгородской правде" Игорь Иванович Иванкин, дальний родственник Цоя по материнской линии, предложил полустуть: "Виктор сейчас в Ленинграде. Хочешь, попробуем устроить интервью?" Я отмахнулся: "Да ладно, успеется!" Затянутый в черное парень существовал в мире, параллельном моему, и хотя бы поэтому пересячься мы не могли. Хотя какие-то его вещи невольно доносились до меня и таких, как я, с киноэкрана, Цой-музыкант не был мне интересен. Да и к тому же сегодня, через четверть века, понимаешь, что при бешеной занятости и известной замкнутости лидера группы "КИНО" никакого интервью и не было бы. Казалось бы, погрустил, и ладно. Не брат ведь, не сват. Каково же было мое удивление, когда в субботу, 18 августа, я вдруг понял, что завтра обязан быть в Питере, и некая сила выгнала меня из проезжавшего мимо вокзала автобуса и погнала в билетную кассу».

Ни близкие, ни родственники Виктора, ни группа «КИНО», ни официальные власти на тот момент совершенно не представляли, как поклонники отреагируют на случившееся, а огромное их количество уже двигалось по направлению к Ленинграду... В те дни купить билеты в Питер было невозможно. Люди срывались толпами, ехали на перекладных, «стопом», на «собаках» – чтобы только успеть... Увидеть... Проститься...

Журналист Дмитрий Шавырин вспоминал:

«Никакие связи, именуемые в народе блатом, не помогали. Билетов на Ленинград просто не было. Недолго думая, мы отправились в Питер на машинах. ГАИ будто бы чувствовал, что мы действительно очень спешим, и как бы не замечал нашей сумасшедшей гонки. Через восемь часов мы уже въезжали в ворота дворика Ленинградского Рок-клуба на Рубинштейна, 13».

Олег Беликов:

«Мгновенно облетевшая всю страну трагическая весть (во многом благодаря усиленным стараниям продюсера группы Юрия Шмилевича Айзеншписа) разбила навсегда сердца тысяч

молодых и взрослых людей. Я решил ехать на похороны, чтобы отдать дань одному из любимых музыкантов и запечатлеть событие для истории нашего рок-н-ролла.

Неприятности с транспортом начались у нас с моим приятелем Славкой Краснощековым, как только мы с ним вышли на перрон дальнего следования Ленинградского вокзала. По массе носившейся у переполненных вагонов народа с выпученными глазами и баулами в одной руке и дитями в другой я понял, что уехать к цели нашего назначения будет непросто! Но, чтобы удостовериться в этом, я все же подошел к одному из проводников, стоявших поодаль, и поинтересовался имеющейся возможностью добраться до конечной точки. Ответ его врезался в мою память навсегда: "Да вы что, ребята, обалдели?! Народ из отпусков возвращается, да еще и на похороны едет!!!" Судя по тому, что он даже не упомянул, на чьи именно похороны едет народ, и по огромному количеству заплаканных молодых людей в тельняшках с акустическими расписанными гитарами и обезумевшими глазами, было ясно, чьи это похороны. Я решил воспользоваться своим (на тот момент) служебным положением и, подойдя к машинисту состава, предъявил ему служебное удостоверение МПС, в двух словах и на пальцах объяснив, что нам с товарищем надо срочно попасть в Питер!

Через 20 минут мы уже сидели в головной кабине локомотива, а еще через пять минут, устав от радостного Славкиного щебетания, мы были благополучно препровождены в хвостовую кабину. Затем мы доехали до Бологого, где локомотив сменили. Пришедшая смена не была столь лояльна к цели нашей поездки, и через пять минут мы уже стояли на пустынном утреннем перроне, беспомощно озираясь в поисках спасения. Когда же вагоны, дрогнув, тронулись и медленно стали набирать скорость, я в отчаянии запрыгнул в забытую и не закрытую беспечными молоденькими проводницами дверь, а следом за мной подвиг повторил и Славка. В тамбуре нас встретили разъяренные пэтушницы, попытавшиеся нас высадить на полном ходу. Но пущенное мною в ход скопившееся за это время красноречие и Славкино молчаливое обаяние позволило нам уже через пару минут сидеть в служебном купе и угощаться предложенным чаем».

Андрей Машнин:

«В августе в "Камчатке" топили по-летнему, и была моя смена. Утром мы с женой Ольгой приехали из Москвы и сразу отправились в котельную. Включили телевизор, по которому показывали сетку и звучало радио "Маяк". В таком сопровождении стали собирать к сдаче бутылки, чтобы еды купить. Бутылки летом все засовывали в зимние котлы, чтобы не мешались под ногами. И тут по радио во время новостей объявляют это самое. Текст был такой: сначала "музыкант группы КИНО"... (мы успели мгновение подумать, кто из них)... Виктор Цой. Снаружи лето. Чирик-чирик. "Маяк" что-то дальше бубнит. А нас накрыло. Что делать? Пошел я всем звонить, и начали съезжаться кочегары, кто был в городе. Насобирали денег, а были еще талонные времена, и августовских талонов на бухло уже ни у кого не осталось. Но были сентябрьские. Пошли с ними на Добролюбова в винно-водочный отдел. Там очередь, все нервные, как обычно. Отстояли мы и стали просить продавщицу продать нам водки на сентябрьские. Она – ни в какую. Говорим: у нас друг умер, очень надо. В очереди нашлись мужики, вошли в положение, поменялись мы талонами, взяли две-три 0,5 на первое время. Так и посидели последний раз в тишине, помянули...»

Питер сошел с ума. Уже на следующий день двор Ленинградского Рок-клуба был превращен в один большой безутешный лагерь поклонников и поклонниц «КИНО». Фанаты съехались и слетелись из разных уголков страны, чтобы проститься со своим кумиром. Весь Рок-клубовский двор был в портретах Виктора, землю буквально устилал ковер из живых цветов. Из принесенных кассетников звучала музыка «КИНО».

Дмитрий Левковский:

«У меня дома есть фотки с дня смерти Цоя. Мы тогда приехали в клуб рано и узнали почти первые. А у меня как раз камера была. Короче, там получился натуральный репортаж, фотосессия с 11 до 15 часов во дворе Рок-клуба – масса горяющих людей, все в фенечках».

Растерянная Рок-клубовская администрация просто не знала, что делать. Дежурившей во дворе «скорой» тоже пришлось несладко. Несколько человек вскрыли вены во дворе Рок-клуба, и пришлось немедленно направлять их в больницы. В огромной толпе плачущих людей постоянно кому-нибудь становилась плохо, и работы у врачей было более чем достаточно... На ходу придумывались способы немного утихомирить неуправляемую толпу. Как только из толпы слышались призывы *«уйти вместе с Витей»*, администрацией Рок-клуба тут же объявлялась минута молчания в память о Викторе, что на какое-то время остужало не в меру горячие головы²¹.

После сообщения о смерти Виктора Цоя в Москве, на Старом Арбате, на стене дома № 37, выходящей в Кривоарбатский переулок, кто-то высоко, через всю стену, вывел черной краской: «Сегодня погиб Виктор Цой». Ниже в ответ кто-то приписал: «Цой жив»²². Стена на Арбате стала своеобразным алтарем, средством выражения горя людей, которые не могли попасть в те дни в Питер. Подобные стены Виктора Цоя в те дни появлялись в каждом мало-мальски уважающем себя советском городе от Москвы до Нарьян-Мара.

Журналист Татьяна Сулимова напишет: «После смерти Цоя началось целое движение по созданию локальных мемориалов в каждом городе Союза, а иногда даже и в маленьких деревнях. Но Цой пел нам не свои песни – он их считывал с души поколения и облек в форму то, что не сказали, но чувствовали сотни тысяч молодых людей».

Все это будет позже. А пока...

Марина Тихомирова:

«Встали рано, поехали в морг. И вот это было, наверное, самое страшное. Как было уже сказано, в местечковом морге, кроме двух унылых теток, не было никого. Ребятам (Игорю и Каспаряше) пришлось совершить обряд "Положение во гроб". Чего это стоило... Почему в этой процедуре не участвовали остальные члены нашего кортежа, я не помню. Увидела Витю в ящике – и тут стало по-настоящему плохо. Никаких надежд, и солнце».

Уголовное дело следователь не возбуждала с согласия прокурора – «в связи с отсутствием состава преступления в действиях водителей». И следовательно, судебно-медицинские, трас-сологические и прочие экспертизы не проводились. В прессе неоднократно писалось, что: «... анализ клеток головного мозга свидетельствует о том, что Виктор Цой заснул за рулем, вероятно, от переутомления».

Быстрое окончание следствия породило один простительный вымысел: **Валентина Васильевна**, мама Виктора, сказала, что «версию о том, что Виктор заснул за рулем, придумали Марьяна и Наташа Разлогова, чтобы как можно скорее забрать тело из морга и перевезти его в Ленинград». В противном случае процедура могла бы затянуться надолго. Пришлось бы

²¹ По сообщению ленинградской программы «600 секунд», в первые дни после гибели Виктора Цоя в Ленинграде на 30 % подскочило число самоубийств. Согласно официальной статистике – в целом по стране в первые дни после гибели Виктора Цоя 45 поклонников «КИНО» покончили жизнь самоубийством.

²² По легенде – первыми на Стене написали Олег Шматченко из Одессы и его девушка, гулявшие по Арбату и узнавшие о гибели Цоя. Имя девушки осталось неизвестным. Известно лишь, что с конца 1990 года эта девушка жила у могилы Виктора Цоя на Богословском кладбище. Олег Шматченко похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

ждать заключения экспертов и выводов следствия. Милиционеры не понимали, о ком речь, и не предполагали, что вокруг смерти Виктора позже будут ходить легенды.

По словам Наталии Разлоговой, это не так. Естественно, никто ничего не придумывал. Официальные бумаги констатировали очевидное, и с выводом экспертов все согласились. Следствие закончилось быстро, потому что никакой загадки для криминалистов дело не представляло. Официальная версия: водитель автомашины «Москвич-2141» Виктор Цой уснул за рулем.

В опровержение многих газетных статей скажу, что гистологический анализ клеток головного мозга для определения наличия в них анаболических веществ не проводился ввиду отсутствия в округе Тукумса необходимой для проведения экспертизы аппаратуры. Что, кстати, подтвердила и следователь Э. К. Ашмане.

На исследование была взята кровь Виктора и водителя «Икаруса», и проведенные лабораторные исследования показали, что в крови Цоя следов алкоголя не было. Экспертиза подтвердила, что и в крови водителя «Икаруса-250» следов алкоголя также не было найдено. Проведенное экспертом А. Симановским вскрытие показало: с Виктором ничего не случилось – ни инсульта, ни инфаркта. Ничего. Он был полностью здоров и в хорошей физической форме. Именно отсюда последовало официальное заключение: уснул за рулем.

Хотя здесь, скорее, даже не сон, а эйфория или простая случайность, трагическая, нелепая случайность, как пишет А. Житинский в своей книге «Цой forever». И тут я позволю себе с ним согласиться.

Юрий Горошевский:

«Я считаю, что гибель Цоя – это была авария, то, что называется заснул за рулем. Когда на 10–20 секунд закрываешь глаза, и этого достаточно. В связи с настоящим шоком от первой в моей жизни смерти по сути близкого человека я многого не помню, но то, что я совершенно точно помню, – это сказанное Игорем Тихомировым после общения с милицейскими чинами. Игорь сказал тогда, что руки Виктора на руле были в расслабленном состоянии. То есть Витя не сжимал с силой руль, что непременно было бы, если бы он видел, что происходит вокруг. А так как руки были расслаблены – то с очень большой долей вероятности во время столкновения Витя с закрытыми глазами отключился на 10–20 секунд... Если же говорить про допинги и то, что случилось с Витей (я не читал никаких документов и знаю все лишь из разговоров с Игорем Тихомировым и от тех дяденек милиционеров, которые были тогда в Латвии), Витя не был в состоянии алкогольного опьянения в момент столкновения с автобусом».

Дело, которое было на двух языках – русском и латышском, закрыли «за смертью обвиняемого». Через три года дело № 480 было уничтожено, так как это был «отказной» материал, уголовного дела по которому прокуратура возбуждать не стала. На месте гибели поставили дорожный знак «Крутой поворот». Больше там аварий пока не было. Со стороны родственников Цоя никаких претензий тоже не было. Забрали тело и увезли в Ленинград. Восстановленный «Икарус» бегают до сих пор, а пробег перевалил за миллион.

Водитель злополучного «Икаруса», оставшийся в живых, будет потом с прибалтийским спокойствием и размеренностью рассказывать, что не видел никого, ни одной машины, кроме «Москвича» темно-синего цвета. В дальнейшем, примерно в середине 90-х годов, появится слух, что через 2 года после происшествия этот спокойный и рассудительный водитель-прибалт был убит при невыясненных обстоятельствах²³.

²³ В 2010 году водитель неожиданно «воскреснет» и даст небольшое интервью 1-му каналу, где расскажет, что случилось тогда, в тот день – 15 августа 1990 года.

Тело Виктора нужно было везти в Ленинград. Наталии и Марьяне сразу на месте дали автобус. Туда погрузили гроб, они договорились с шофером, и он отвез их в Ленинград без остановок. В автобусе с телом ехала одна Наталия.

Марина Тихомирова:

«Ребятам удалось найти отчаянного водителя спецтранса, который согласился ехать в Питер. Погрузились – поехали. На выезде остановились у цветочного рынка, купили цветов. Наташа пыталась положить их в гроб. Чего стоило ее отговорить... Нельзя же сказать, что присутствие органики ускоряет естественные процессы на жаре. Соврала, что "не принято". До города доехали почти без приключений, если исключить "гарцовку" московских друзей на трассе».

Алексей Макушинский:

«Этот автобус не сразу удалось найти, как мне кажется. Вообще, сначала была идея цинкового гроба. Кто первый произнес это сакраментальное словосочетание, я не помню. Я только помню, что мы отправились, действительно, в Тукумский военкомат, были приняты военкомом, очень симпатичным дядькой, русским, полковником или подполковником, который, когда мы его спросили про цинковый гроб, возвел очи горе и с неподдельным сожалением произнес: "Ну что вы! Здесь так давно не велось военных действий..." Это было так неожиданно и смешно – такой комический завиток посреди трагедии, – что мы все в первый раз, наверное, после Витиной гибели рассмеялись. Полковник не обиделся на наш смех, он, кажется, понимал, что с нами происходит. Спросил только, что теперь будет с группой "КИНО", его дочка же очень переживает. А нам посоветовал ехать на автобазу.

Вот на автобазе мы и нашли автобус. Причем это был какой-то ужасный автобус ("пазик"), ехал он с максимальной скоростью 80 км в час. Так что "быстро" мы довезти Виктора в Ленинград никак не могли. Я помню, что ехал в машине с Игорем Тихомировым и что мы всю дорогу курили от возбуждения, бессонницы и горя».

Перед отъездом Марьяна успела еще позвонить в Ленинградский Рок-клуб насчет похорон. Сначала собирались похоронить Виктора в субботу, но привезли тело в пятницу вечером. Изначально планировались гражданская панихида в Белом зале ЛМДСТ и прощальный концерт у ТЮЗа, но после звонков Марьяны Цой из Латвии стало ясно, что все это не состоится. По просьбе родных Виктора запланированная руководством Рок-клуба гражданская панихида отменяется.

«Президент Рок-клуба Николай Михайлов весь в растерянности. С одной стороны, необходимо учесть пожелания родственников, с другой – многотысячной армии фанов. Несмотря на субботу, в Ленсовете было получено разрешение на захоронение на одном из лучших кладбищ города. Нашли место – почти как у Высоцкого. Чтобы к могиле был открыт доступ большого количества людей. Но главный вопрос: как избежать эксцессов во время похорон? Музыканты "КИНО" решают собраться вечером в студии ЛенТВ и в прямом эфире обратиться к своим поклонникам. Это было единственно правильным решением в той взрывоопасной ситуации».

Марьяна Цой:

«В том городе нашлись крайне отзывчивые люди. Нам дали автобус, мы договорились с шофером, и он подписался отвезти нас в Ленинград. Без всяких остановок. Мы сели с Юркой, как только гроб погрузили в автобус. Мы сразу вскочили и уехали, успев позвонить в Рок-клуб насчет похорон. Мы хотели похоронить в субботу. В пятницу вечером его привезли. Когда приехали, поняли, что о субботе речи нет. В городе такая волна, столько народу, что нужно какое-то время, чтобы информация распространилась – где и когда».

Олег Беликов:

«Огромное скопление народа, забившее весь колодец двора питерского Рок-клуба, сказало нам о том, что люди ждут информации уже давно. Информации же было негусто: обещанная в СМИ в 12 часов гражданская панихида отменялась по неизвестным (тогда) причинам, что и породило массу всевозможных версий происходящего. В сомнениях по поводу дальнейших действий я решил направить свои стопы на “Камчатку” – еще одно культовое место, связанное напрямую с Цоем. Так называется котельная в доме 15 на Блохина, где работали кочегарами и зольщиками такие культовые для русского рока личности, как Святослав Задерий, Александр Башлачев, ну и конечно, Виктор... Там уже была масса людей – они сидели на кучах угля, держа в руках склоненные российские флаги (с черными траурными лентами) и горящие поминальные свечи. Спустившись в подвал котельной (отстояв перед этим огромную очередь), я увидел мертвые холодные жерла топок, заваленные охапками красных гвоздик. В подсобке из открытого крана хлестала непрерывающимся потоком вода, клубы пара и стоявшая в тот день жара довершали картину духоты и невозможности происходящего, в маленькой комнатухе для отдыха, обклеенной вырезками из прикольных заголовков советских газет, на видном месте красовалась афиша из фильма с Брюсом Ли (любимым актером Виктора Цоя), а под ней также лежали красные гвоздики».

Андрей Машнин:

«На следующий день едем в “Камчатку” на троллейбусе, в районе Стрелки обгоняем колонну, натурально как на демонстрации. Идут в сторону котельной, впереди несут большую фотографию Цоя. Тут-то я и думаю: все, пропали. Полный двор народу, не пройти. Стоят толпой лицом к нашему подвалу. И еще колонна приближается. Я пробился с большим трудом. Пустите, мол, мне на работу. Котлы завалены цветами, красными гвоздиками, пахнет свечами, все заставлено ими. Кое-как организовали поток. Ольга встала на дверях, не пускала никого, пока не выйдут уже зашедшие, потом запускала следующую партию. Все проходили мимо котлов, потом вдруг они решили набирать в бутылки воду из крана, что очень задерживало».

Доставленный из Латвии закрытый гроб с телом Виктора помещают в морг больницы им. Мечникова.

Марина Тихомирова:

«В город въехали уже ночью. Выгрузили гроб в морге, отпустили прибалтийского водилу, поехали домой, забрав Наташу и Алексиса. Дома – никого. Сами сидели на кухне до утра. Молча».

Официально становится известно, что похороны состоятся в 10 утра на Богословском кладбище Ленинграда 19 августа 1990 года.

Инна Николаевна Голубева:

«Почему Богословское? Ко мне пришли из Мариинского дворца, какой-то молодой человек. И спрашивает: какое кладбище выбираете? Говорите любое, какое хотите. Ну, говорю, Кремлевской стены нам не нужно, давайте нам Богословское».

Был опубликован официальный некролог. Чтобы музыканты «КИНО» смогли напрямую обратиться к своим поклонникам, студия ЛенТВ предоставила им эфирное время. Тогда это было правильным решением.

Марина Тихомирова:

«18 августа, с утра, ребята (Игорь и Юрик) отправились по муниципальным лабиринтам. Где были, с кем виделись, о чем говорили – не знаю. Но вечером по трем каналам прошло заявление-интервью группы "КИНО", где музыканты просили дать возможность близким и друзьям Цоя проводить его без эксцессов и ментовских разборок. На удивление, просьбу группы озвучивал Игорь (довольно убедительно и спокойно)».

Обращение группы «КИНО» к поклонникам от 18 августа 1990 года. От имени группы говорит Игорь Тихомиров:

«Здравствуйте. Во избежание каких-либо кривотолков мы хотим выступить перед вами и рассказать всю информацию непосредственно из первых уст. В Латвии, в небольшой деревушке, где Виктор Цой отдыхал, произошла его трагическая гибель. Около часа дня на небольшой проселочной дороге Виктор, возвращаясь с рыбалки на своем автомобиле, столкнулся с автобусом «Икарус», несмотря на то что он очень неплохо водил машину. Узнав об этом в среду вечером, мы выехали в Латвию, приехали туда в четверг утром, побывали на месте происшествия. Существует версия, что Виктор очень рано встал на рыбалку и, возвращаясь домой, заснул за рулем. Сейчас сложно сказать наверняка, что же произошло, но катастрофа была настолько серьезной, что от машины, в которой ехал Витя, остался только задний багажник. Выполнив все необходимые формальности, мы забрали Витю, привезли его в Ленинград в пятницу. Несмотря на то что у нас был свободный день для организации панихиды, мы не стали этого делать, так как знаем, что Виктор всегда этого не любил. Просим нас извинить за это. Насчет похорон... Они состоятся завтра, в 12 часов дня. Мы хотим похоронить его в узком кругу, потому что, несмотря на то что Виктор имел очень много знакомых, поклонников, у него было очень мало близких друзей. Просим вас, чтобы на похоронах присутствовали только близкие родственники и близкие друзья. После похорон все желающие смогут свободно подойти к могиле и попрощаться. В заключение я хотел бы сказать, что за сутки до своей гибели Виктор закончил работу над черновой записью нового альбома и, по удивительной случайности, кассета с черновой записью его голоса всех песен чудом уцелела – раскололась коробка. Мы продолжим работу над альбомом, доделаем его и выпустим, как только позволят обстоятельства. Спасибо».

Массовая истерия, охватившая город, приближалась к своему пику. Поклонники, несмотря на обращения музыкантов «КИНО», просивших фанатов не приходить на похороны, начинают выдвигаться в район Богословского кладбища.

Заранее предупрежденная милиция оцепила всю Пискаревку, чтобы не допустить фанатов на похороны и не спровоцировать беспорядки, но это мало останавливает огромное число людей, желающих проститься с Цоем. Толпа все время прибывает, и вскоре у кладбищенских ворот и вдоль ограды раскидывается целый лагерь.

Не спавшие и не евшие по несколько суток поклонники падали в голодные обмороки, усилиями врачей увозились в близлежащие больницы, где им оказывали помощь, после чего они всеми правдами и неправдами возвращались к кладбищу, чтобы не пропустить момент погребения и бросить ком земли на свежую могилу...

Лишь немногие тогда знали, что объявленное время похорон заведомо будет изменено. В самый последний момент оно действительно изменилось, и на автобусе, забиравшем из морга тело Виктора, уехали лишь родные.

Марина Тихомирова:

«Как проснулись, собирались, покупали цветы – не помню. Сели в машины, поехали в морг. Гроб решили не открывать на кладбище, поэтому прощались там же, по очереди. Все

такие деликатные, что не могли разобраться, кто пойдет раньше. Наташа отправилась последней. Тронулись на кладбище. У входа толпа. Сплошное людское море. Все близлежащие улицы запружены людьми и машинами. Милиция, океан цветов...»

Забирали тело Виктора из морга Наташа Разлогова, Рашид Нугманов и Андрей «Свинья» Панов.

Рашид Нугманов:

«Гроб из морга забирали три человека: Наташа, Андрей Панов и я. Марьяшу в морге совершенно не помню, только нас троих. Если не ошибаюсь, она ждала нас на кладбище вместе с родителями, Сашей и близкими друзьями. Но, может, случилось короткое замыкание в моей памяти? Может быть, она заехала в морг раньше меня и затем быстро отправилась на кладбище вперед нас? Во всяком случае, когда я прибыл туда, то застал в зале только Наташу и Андрея. В морге гроб стоял с закрытой, но не заколоченной крышкой. Когда я хотел приоткрыть ее, Наташа молча качнула головой. Из уважения к ней я согласился. Так что мертвое тело я не видел, Виктор остается в моей памяти живым. Андрей все же приоткрыл крышку, любовно подправил цветы, в которых утопало тело. К выносу еще кто-то подоспел, Рикшет и кто-то еще... Мы привезли и опустили гроб в могилу раньше объявленного часа, чтобы избежать столпотворения и возможных проблем».

Евгений Титов:

«Рашид Нугманов рассказывал, что ездил в морг за телом Цоя вместе со Свином. Скорее всего, именно так и было... Понятно и то, что Свинья именно в морг поехал, посмотреть, что и как. Как мне кажется, так как Свинья хорошо понимал, что, если бы не все их купчинские тусовки, никакой группы «КИНО», возможно, просто не было бы, то он мог испытывать к Цою некоторые «отеческие» чувства.

Да и все-таки гибель Цоя была очень неожиданна. Далеко не у всех музыкантов тогда были машины, еще реже они попадали в серьезные аварии, но чтобы погибнуть, – Цой был первым. Это было тем более неожиданно, потому что Цой вел здоровый образ жизни и был аккуратным человеком. В те дни везде было море халявного бухла, все поминали и заливали – кто горе, кто просто так. Я, например, когда узнал, что Цой разбился, зашел на Рубинштейна, 13 (Рок-клуб), так как был где-то рядом, да так и осел – там уже была толпа народа, куча цветов, свечей и море алкоголя – молча подходи и пей. Пришел в себя через... какой-то день, когда Виктора уже похоронили. Если бы мне кто-то сказал, что я в это время побывал в морге, на кладбище, на Северном полюсе, я бы очень удивился, но не мог бы утверждать, что этого не было. На кладбище я не поехал, так как был не в состоянии перемещаться, хотя вообще-то я не запойный».

Встретившие рассвет у кладбищенской ограды поклонники «КИНО» пытались проникнуть к месту захоронения, но четкие и решительные действия милиции и ОМОНа не оставляли шансов. И все же с последним автомобилем, проехавшим на Братскую дорожку (в котором находился Андрей Макаревич) сквозь кордоны ОМОНа, прорвалась толпа фанатов (человек 300), остановить которую омовцы просто не смогли...

Сегодня существует мнение, что появление Андрея Макаревича на похоронах Виктора Цоя было вызвано дружескими отношениями лидеров групп. Но это не так.

Известно, что музыканты «КИНО», разумеется, будучи знакомыми с лидером «Машины времени», совершенно никак не воспринимали собственно Макаревича и его творчество. По рассказам Георгия Гурьянова, «киношники» часто стебались над «Машиной» и ее лидером и придумывали ему шуточные прозвища. Музыкантам «КИНО», как и многим в то время, пре-

тила «совковость» Макаревича, его сотрудничество с Госконцертом, попсой, съемки в советских кинофильмах, одни названия которых, по словам Гурьянова, заставляли «киношников» заходиться в приступах гомерического хохота. Так что приезд Макаревича на похороны Цоя был обусловлен иными причинами, о которых сегодня можно лишь догадываться.

Если учесть слова Евгения Титова о том, что смерть Цоя стала неожиданностью для всех и похороны проходили при огромном стечении людей, многим звездам того времени было любопытно и по-светски необходимо посетить это мероприятие... Что, собственно, и сделал Макаревич и некоторые другие персонажи, отмеченные на траурных фотографиях.

Марьяна Цой:

«Никакой панихиды не намечалось. Я не могла, не имела права отдать Витю на растерзание поклонникам. Можно представить себе их состояние в те дни, но что я должна была чувствовать в тот момент? Несколько раз мне звонили из Рок-клуба и заикались насчет панихиды, но я сразу сказала "нет!", несмотря на то что прекрасно понимала Колю Михайлова, который дико боялся, представляя, как разнесут по кирпичикам улицу Рубинштейна. Почему так резко изменили время захоронения? Потому что до последнего момента никто не знал, разрешат ли Богословское кладбище или нет. Оно закрытое, и там давно никого не хоронят. Слава богу, решающим козырем стали Витины заслуги. Сам мэр Ленинграда подписал разрешение. И потом, вы же понимаете, во что бы вылилась эта траурная процессия, если бы вовремя не навели порядок те, кто это делать умеет. В этом случае уже никакие ОМОНЫ, ДНД и прочие не помогли бы. Мне как-то не улыбалось, чтобы вместе с гробом засыпали бы и нас с сыном».

Алексей Макушинский:

«У могилы помню Наташу, Игоря Тихомирова, Марьяну... Помню цветы, которые у меня в руках. Очень дорогие были цветы... У Наташи такие же. Мы их купили по дороге. А вот что была так-а-ая толпа, этого я не помню... То есть помню толпу, но был занят другим, а потом мы уехали. И совершенно не помню, что было после похорон».

Марина Тихомирова:

«Что происходило у могилы – не помню. Кто-то что-то говорил. Какие-то чужие и не совсем чужие люди. Вижу только перепуганного насмерть маленького Сашку – на него пялится толпа, а он старается спрятаться за спины близких.

Спрашиваю Марьяну: "Зачем он здесь?" Ответ: "Вырастет – не простит мне, если я его от этого изолирую". Не знаю, правильно ли это было, но на пользу ему этот опыт явно не пошел.

Прямо у могилы стояла машина Шписа, он увозил Наташу в Москву. Наташа: "Ну вот и все". И в открытую могилу посыпались белые розы. Все. Стояла, просто старалась не грохнуться в обморок. Как ребята пережили стук земли о крышку гроба? Все.

Как уезжали с кладбища, помню плохо. Толпа. Проклятое солнце убралось, наконец, за питерскую дымку. Сережка Пучков что-то шаманил. И тут сломался Игорь. Фанаты – это хорошо. В радости и успехе. А когда на выходе с кладбища просят автограф на кепке, фотке, плакате, руке, лице... Это уже...

Слава богу, появился некий персонаж из "киношной" тусовки по имени Игорь, взявшийся сесть за руль и повозить нас по делам нашим скорбным. Нужно было поехать к родителям Цоя. Что там происходило, помню плохо. Трясло меня, и страшно было за ребят. Про маму нечего говорить. Потерять единственного сына – самое страшное, что можно представить, а такого сына... Папа – человек восточный, выдержанный, говорил какие-то слова...

Просидели, сколько смогли, – поехали домой. Я, Игорь Пучков, по-моему, Каспарян, Игорь-друг, фанат "КИНО". Папа сообщил, что они с Сергеем Ивановичем были у кладбища (сказал, что не мог не попрощаться), видели все. Богу виднее, когда и кого забирать... "Успо-

коил...» А дальше – галлон водки и 4 претендента на ее употребление. Два дня, как угар, ничего не помню. Лестничная площадка и двор забиты фанатами. Сидят, пьют, поют, не докучают, только смотрят вслед с ужасом».

Андрей Коткин:

«Интернета и сотовой связи в 1990 году не было даже в самых фантастических романах. Но удалось выяснить, что часов в 12 дня будет прощание в Рок-клубе. И действительно, в урочное время по Невскому в сторону улицы Рубинштейна текла масса народу. В клубном дворе-колодце лежала гора цветов, перед ней толпились грустные граждане отнюдь не только молодёжного вида... У соседней стены сидели кто с сигаретой, кто без несколько мрачных и мятых рокеров, среди которых я смог опознать Кинчева, как и Цой, сыгравшего роль в кино. Объявление на стене гласило, что в 12 часов похороны на Богословском кладбище. Кто-то сказал, что прощание и правда затевалось в клубе, но в последний момент его отменили. Добравшись до кладбища, я понял, что иначе и быть не могло. От самого входа направо тянулась огромная толпа толщиной в десяток человек, она скрывалась за поворотом влево, а там еще раз заворачивала влево и тянулась дальше... Жутко представить такую толпу возле крохотного Рок-клубовского дворика. Возможно, кто-то считал пришедших более или менее точно, но по прикидке на глазок могу сказать, что несколько тысяч человек в этом хвосте сконцентрировались. Несколько тысяч в возрасте от восьми до восьмидесяти...»

«Очередь желающих попрощаться с Витей выстроилась на многие километры. Питер плакал с раннего утра, когда начал накрапывать дождь. Он прекратился всего на двадцать минут, когда гроб опускали в могилу, а затем хлынул с полной силой. В тот день плакали не только поклонники. Говорят, что дождь во время похорон – доброе предзнаменование, что память об этом человеке будет сохранена навечно. А накануне была такая жара».

В тот день, по неофициальным подсчетам, могилу Виктора Цоя посетило порядка 30 тысяч человек. Людское горе отражают редкие кадры фотосъемки, сохраненные поклонниками. Вот сотни людей, выстроившихся на дорожке колонной, поклонники, несущие траурные венки, упавшая в обморок у могилы Виктора девушка, плачущие солдаты, растерянные, отрешенные взгляды...

Леонид Ладыженский:

«На похоронах мне пришлось бродить с повязкой администратора и умирять горем убитых поклонников...»

Отмененную гражданскую панихиду заменило людское шествие от ворот кладбища до Дворцовой площади. Плачущие люди несли фотографии, флаги, портреты Цоя, пели песни... Водители останавливали машины, пропуская толпу, сочувственно сигналили. На хлынувший дождь никто не обращал внимания.

Юрий Белишкин:

«На похоронах было много детей и людей пожилых. Прошло 50 тысяч, а милиционерам не нашлось работы».

Андрей Коткин:

«Автобус с омоновцами у входа на кладбище так и простоял без дела. А чего они опасались? Какой-нибудь провокации, истеричной акции? Более тихой и организованной толпы я не видел. Многие держали горящие свечи, прикрывая их от временами плачущих небес. У кого-то были кассетники с песнями "КИНО", включенные столь негромко, что и рядом стоящие еле слышали звук... В общем, к чему это я все, вроде как о себе самом – нет такого впечатления у

читателя? Если есть, то все правильно. Потому что, приехав туда в качестве журналиста и очевидца события, через три часа, достояв вместе с соседями по скорбному строю до горы цветов над свежей могилой, я ушел с кладбища несколько другим, изменившимся субъектом. Нет, не фанатом, но, скажем так, очень уважительным почитателем творчества Виктора Цоя, каковым и остаюсь до сих пор... Нашел в его песнях много созвучного собственным мыслям, хотя не был никогда ни битником, ни панком, ни вообще любителем шляться по ночному городу.

Недавно, перебирая негативы, совершенно случайно (или не случайно?) нашел снятые ровно 25 лет назад, в хмурое августовское воскресенье. На этих фотографиях время... Тогда не только другая мода была, но – совсем другая страна: в чем-то хуже, а в чем-то, как теперь выясняется, и лучше сегодняшней. Тогда продукты, водку и даже мыло продавали по талонам, об отдыхе на зарубежных курортах никто не помышлял, а обо всем, что сделалось привычным сейчас, мы могли лишь мечтать. Но именно тогда было возможно явление, увы, невозможное теперь, – явление по имени Виктор Цой...»

Олег Беликов:

«Добравшись до ворот Богословского кладбища, я увидел там огромное скопище людей, которые явно приехали туда не вчера: повсюду валялись пустые молочные "треугольники" и пол-литровые бутылки вперемежку с недоеденными буханками черного хлеба – остатки завтрака небогатых аристократов. Затем в двери кладбища, распахнувшиеся буквально на мгновение, въехал неприметный "пазик" канареечного цвета. Тут я увидел вышедших из забрызганных "Жигулей" Александра Абдулова и Андрея Макаревича с огромным букетом цветов в руках, направившихся напрямик к наглухо закрытым воротам Богословского.

Ворота перед ними, наглухо закрытые для других, тут же волшебным образом распахнулись, и, похоже, лишь для того, чтобы захлопнуться с новой силой... Я понял: видимо, сейчас и начнет происходить прощание, если уже не происходит. Тут мне в голову пришла сумасшедшая идея, и я, посвятив Славку, залез на забор кладбища с фотоаппаратом в руках (якобы для того, чтобы снять его повыше и получше), а затем, как мне показалось, незаметно спрыгнул на другую сторону ограды! Следом за мной уже почти в открытую стал вскарабкиваться неприметный Слава, но, как выяснилось через мгновение, так казалось лишь нам одним, потому что уже через секунду ко мне бросился какой-то мент, и я, естественно, ломанулся от него подальше. Моему примеру последовали сотни граждан, до этого терпеливо ожидавшие возможности проститься с любимым поэтом. Началось неопишное: народ сломя голову ломился через чьи-то могилы, менты с той же крейсерской скоростью ломились за ними и, настигнув, тут же валили на могилы и там заламывали! Но добравшиеся до открытого пространства счастливики были ошарашены тем, какая огромная очередь растянулась до самой могилы... Среди скорбно и безропотно стоящих людей сновали добровольцы из активистов Рок-клуба, имея на руках заранее припасенные черные повязки (для облегчения опознавания допущенных к гробу от простых смертных) и довольно бесцеремонно запихивающие всех вырвавшихся из строя обратно. Тогда я остановился, снял с плеча свою сумку с аппаратурой и, повесив на шею фотоаппараты и достав редакционное удостоверение, пошел напрямик. Дорогу мне тут же преградил один из активистов, но, не зная, как реагировать на служебное удостоверение (с печатями и подписями), переадресовал меня ближайшему милиционеру. Тот, внимательно вперившись в него и увидев магические буквы «орган ГК КПСС», чуть ли не отдал мне честь и сделал разрешающий знак рукой. Я обернулся в сторону оставленного моими же настоятельными увещаниями Славки и пробормотал довольно неразборчиво нечто вроде: "А вот тут еще мальчик со мной, краски мешать!!" Сотрудник благодушно махнул рукой, и Слава тут же сорвался мелкой рысью в мою сторону. У свежевырытого в земле прямоугольника толпилась небольшая кучка людей. Я, перехватив поудобнее фотоаппарат на груди, стал очень аккуратно протискиваться вглубь. И явно вовремя. Гроб, обитый темно-синей материей, стал медленно

опускаться внутрь. Я успел сделать несколько кадров из-за чьих-то спин. Затем работники кладбища произнесли: "Прощайтесь..." Я нагнулся и взял в руку горсть земли, оказавшейся влажным песком. Бросил. Глухой удар. Сзади напирали... Я попятился назад и вдруг с ужасом почувствовал, что наступил на чью-то ногу. Обернувшись с приготовленными словами извинения (которые можно только представить в подобной ситуации), столкнулся лицом к лицу с Макаревичем – все слова тут же застряли в горле. Пока я в ступоре завис, Андрей кивнул мне едва заметно, я – ему, и мы разошлись. На мгновенно образованную могилу стали устанавливать временный памятник. Отойдя в сторону, я увидел сосредоточенное лицо Артемия Кивовича Троицкого, который с неистовым упорством фиксировал своим взглядом все происходящее. Могилка утонула в свежих цветах, достигнув почти мгновенно высоты в половину человеческого роста! Мимо нее потянулись люди со свежими цветами в руках, строем прошли моряки. Пройдя чуть дальше от могилы, я увидел Костю Кинчева и его супругу Александру. Он стоял с непокрытой головой (в которой еще более стала заметна седина) и нервно курил сигарету без фильтра, обжигая пальцы подкрадывающимся к ним предательским огоньком. Костя молча коротко кивнул мне, я – ему в ответ. Моя занесенная для снимка рука зависла на полпути и вернулась обратно... Затем из вышедших с кладбища спонтанно сформировалась колонна, впереди которой встали девчонки со склоненными российскими флагами и портретами Цоя в руках. Мгновенно возросшая до немереных размеров масса людей прошла по Невскому до Дворцовой площади. Во время шествия огромную колонну сопровождали несколько машин ППС, из рупоров неслось: "Срочно освободите дорогу и примите вправо!"»

Из воспоминаний очевидца:

«В 1990 году я был студентом 4-го курса философского факультета Киевского университета. Когда хоронили Цоя, я как раз оказался в Питере. Утром 17 августа мы с друзьями-студентами отправились на улицу Рубинштейна. Рок-клуб находился во дворе-колодце. К моменту нашего прибытия, а это было часов десяти утра, в колодец набилось большое количество молодых людей. Около одной из стен стоял двухкассетный японский магнитофон и играл песни Цоя, а на противоположной стене был нарисован его большой портрет... Когда были похороны, погода была не очень хорошей: моросил дождь... К месту погребения шел народ, это были тысячи людей, поэтому искать его не пришлось. Милиция пыталась упорядочить потоки, мы встали в очередь и стали продвигаться к могиле. К нашему приезду Цоя уже опустили в землю, и каждый подошедший просто бросал руками землю на его могилу... Тут я увидел стоявших недалеко Константина Кинчева и Сергея Курёхина. По их лицам видно было, что смерть Цоя для них – потеря родного человека. Кинчев курил сигарету за сигаретой, лицо у него было какое-то отрешенное... После похорон молодежь пошла в город пешком, впереди несли российский триколор с траурной ленточкой и портрет Цоя».

Александр Липницкий:

Не помню, кто позвонил тогда из Ленинграда... Мы удачно заблудились вместе с Соловьевым и Африкой и не успели в морг – слава богу, я так и не увидел его мертвого тела. Был очень хороший праздник. Яблочный Спас – мой любимый летний день, и я долго выбирал лучшее яблоко, чтобы вместе с цветами положить на могилу.

Сергей Жегло:

О смерти Цоя я узнал из газеты «МК». Рядом была фотография моих любимых ворот в Москве, с надписью: «Ворота открываются внезапно!» И не поверить в его смерть было невозможно. Мне не привыкать к смерти друзей.

Наталья Россовская:

«В то, что погиб, я сначала не поверила. Но стали названивать люди, и поверить пришлось. Мы куда-то приехали, там было полно знакомого и незнакомого народа, многие плакали, а до меня никак не доходило: как это, Цоя нет? Тогда еще наши друзья не умирали так часто и такими молодыми... На кладбище не была. Я приехала к Вячеславу (одна, без Майка). По радио передавали песни Виктора Цоя, рассказывали биографию Виктора Цоя, вели репортаж с похорон Виктора Цоя... До меня вдруг дошло, что я не увижу Витьку НИКОГДА и НИГДЕ! Пусть мы и раньше не часто виделись, пусть бы он жил хоть в Америке или в Японии со своей Наташей – я бы знала, что он есть, смотрела бы по телевизору концерты. И была бы надежда встретиться – на Владимирском, на Арбате, на Елисейских Полях, на Луне – когда-нибудь... Я весь день плакала, говорила и плакала. Вспоминала шелкового смуглого мальчика и опять рыдала. Какое жестокое слово "никогда"!»

Марина Смирнова:

«Когда он умер, мне позвонил Андрюша Медведев, я в каком-то шоке легла спать и потом долго думала, что мне все это просто приснилось».

Борис Гребенщиков:

«Плохо так говорить, но Цой ушел вовремя. По крайней мере, это дало возможность на старом уровне, ничего не меняя, создать легенду о Викторе Цое и группе "КИНО". Как если бы две первые серии были хорошими, а следующие по набору актеров или там по сюжету должны были быть значительно слабее, и их не сняли по уважительной причине. Поэтому можно говорить: "А дальше было бы очень здорово, еще лучше". Я, честно говоря, не уверен, что Цой всего этого не понимал. Он был умный человек. Хотя и замкнутый. И еще мне кажется, что никто из окружающих на самом деле его хорошо не знал».

Немного отступлю от темы и скажу, что по этим словам Гребенщикова четко видно, как он на самом деле относился к Цою. Ему всегда хотелось увидеть его поверженным, но не получилось. Похоже, что именно это желание впоследствии трансформировалось в фантазии о братках и телохранителях.

Сергей Фирсов:

«О смерти Цоя я узнал, находясь в Париже, где был все лето. Мне позвонили из Питера и сказали, что Цой погиб. Никакой мистики в его смерти не было, банальная автокатастрофа. Заснул за рулем.

Мы с Маринкой пошли в сквот к Хвосту и там поминали. Еще бы вспомнить, кто нам туда сообщил об этом... А еще мы написали поминальник в их французско-русскую газету! Где-то у меня лежит она, надо поискать будет на досуге».

Валерий Алахов:

«Мы были в Англии заняты своими проектами, записывали сингл, когда погиб Цой. Очень грустно и страшно было. После гибели Цоя с "КИНО" мы не сотрудничали и лишь некоторое время общались с Густавом».

Николай Кунцевич:

«В 1990 году я был в Сыктывкаре, отмечал свой день рождения. Был квартирный концерт. В ночь с 15 на 16 августа на квартире у Миши, друга организатора моих концертов Бориса Суранова, я узнал о том, что Вити больше нет. Я позвонил в Ленинградский Рок-клуб, там как раз была Марьяна, и передал свои соболезнования».

Марина Тимашева:

«Звоню в Москву из Калининграда, где отдыхаю. Кому? Не помню. Зато помню трубку: я услышала, что Цой погиб, и долго-долго на нее смотрела...»

Олег Соколов:

«Пришел домой из ресторана. Знал, что Цой скоро должен приехать из Юрмалы и должна начаться работа, планы были грандиозные... Набираю Шпису узнать, как что чего, с потолка на руку опускается паук (это примета к известию). Шпис отвечает, я говорю: "Как дела?" А он говорит: "Витя умер... Разбился на машине..." Сильный шок у меня был тогда. Я помню, потом уже как-то мы заехали со Шписом к Джоанне Стингрей, у нее был автоответчик с Витиным голосом, телефон зазвонил, и он сработал, так было грустно слушать».

Джоанна Стингрей:

«Я узнала о смерти Виктора, получив телефонный звонок в середине ночи. Меня разбудили и сказали, что мне пришла важная телеграмма от Юрия, которую сейчас прочтут мне. Там было сказано что-то вроде: "Малыш, Виктор погиб в автокатастрофе". Я не помню точно, но уверена, что вряд ли было сказано гораздо больше, чем то, что я помню. Я почувствовала резкую боль в животе, это была такая ужасная новость... Я плакала и пыталась найти рейс в Россию. Я просто не могла перестать плакать...»

В ту ночь, когда он умер, мне приснился сон, что Виктор сидит напротив меня и говорит: "Не грусти, я в порядке". Это было настолько реально, и было страшно, но я верила, что он был в порядке».

Владимир Рекшан:

«Витя разбился... Память воссоздает явственно солнечный день. По центру пошел неясный слух: Цой! Что-то с Цоем. Я дошел по Невскому до кафетерия на перекрестке с улицей Марата и встретил Толю Гуницкого. Тот мрачно курил.

– С Цоем что? – спрашиваю. – Говорят, в аварию попал. Сильно побился?

– Насмерть побился, – отвечает Джордж.

– В каком это смысле? – не понимаю я.

– В том смысле, что уже тело в Ленинград везут хоронить.

Мы отправились на Рубинштейна, там уже роился народ. В атмосфере Рок-клубовского двора витало ощущение переломности момента. В мини – зале на первом этаже шла перманентная поминальная выпивка. Появлялись различные именитые люди, пролезала публика с улицы. Мы с Гуницким забурились там основательно. Потом еле добрались до Богословского кладбища. На обратном пути, который я проделал с больной головой, меня обогнала толпа молодых людей человек в шестьсот, которые хором пели: "Группа крови на рукаве... Мой порядковый номер на рукаве..."»

Эд Сафин:

«Хорошо помню саму дату гибели, когда во дворе клуба собралось огромное количество народу. Девочки-подростки были в истерике. Было жарко, и некоторым становилось плохо... Я о гибели узнал очень рано, наверное около 8 утра, так как по делам пришел рано в клуб. Сначала зашли два подростка и спросили, как можно увидеться с Цоем. Я сказал, что пока никак. А минут через десять пришла эта ужасная новость. Еще Андрей Свин со мной был».

Рафаэль Богатов:

«Так получилось, что мой день рождения 15 августа. С 1988 года каждый год Айзеншпис лично поздравлял с днем рождения. В день гибели Вити в 1990 году он мне не позвонил. Это

было непонятно для меня, я был в отпуске в Донецке и почувствовал себя слегка обиженным, что меня забыли.

И вот только ближе к вечеру мне из Москвы позвонил дядя, у которого я тогда там жил, и сказал, успокаивая меня: "Рафаэль, только без паники, крепись и держись..." Я спрашиваю: "Что случилось? У меня день рождения, а где поздравления? Где Айзеншпис? Где все?" А он мне: "Рафаэль, сегодня не стало Виктора Цоя, все в шоке, держись".

Это был такой шок. На следующий день я улетел в Москву, откуда потом мы уехали в Ленинград. А дальше были похороны. Шел дождь, все были в слезах, в цветах и непонимании того, что все кончено. Больше его нет. Нет всего того, что было и могло продолжаться...

Александр Титов:

«Когда его не стало, я долгое время не мог прийти в себя. Я тогда был на юге, не мог никак выехать. Я сидел там и пытался прийти в себя. Со мною тоже случалась автомобильная авария. И теперь я понимаю, что самое страшное, когда ты уцелел и начинаешь приходить в себя. Самое страшное, если ты при этом совершил какую-то ошибку, стоившую жизни другому. Хотя на дороге абсолютно правых и абсолютно виноватых нет».

Марьяна Цой:

«Очень противные были статьи в газетах. Писали какие-то мамы, рабочие и колхозницы о том, что дети двое суток не ели, не пили, стояли у кладбища, а родственники даже не позволили бросить в могилу ком земли. Но если бы все бросили ком земли, то мы бы оказались в одной могиле с Витей...»

Как это было после смерти Высоцкого, на смерти Виктора Цоя сразу же стали зарабатывать. По всей стране начались поминки по Цою. Поминали Цоя везде. Поминали как могли. Что недодали при жизни, пытались воздать после гибели. Где-то это делалось искренне и бескорыстно. Где-то зарабатывали деньги... И немалые. Чего только стоили «памятные акции» в канун сороковин, 25–26 сентября 1990 года, к примеру в ДК ЗИЛ в Москве. Приглашенные команды «Белый острог», «Рондо», «Альянс» не имели, по сути, к року (а тем более к Виктору Цою) никакого отношения, а сказанная одним из организаторов акции фраза: «Мы с таким трудом взяли ОТПРАЗДНОВАТЬ сорок дней со дня смерти Виктора Цоя!» – и вовсе шокировала поклонников «КИНО». Как отмечал журналист «МК» Алексей Домнич, «если подобные мероприятия вообще берутся праздновать, комментарии, я думаю, излишни...» Только семья Виктора Цоя никаких денег с этого не получила...

Закон толпы везде одинаков (я не имею в виду поклонников творчества – они любили Цоя всегда и любят его теперь): после смерти артист привлекает к себе особое внимание. Вот и появились бесчисленные акции памяти, плакаты, кассеты, майки, значки и, что самое страшное, статьи. Каждый считал своим долгом поговорить о Цое, даже если при жизни его не знал и не понимал творчества «КИНО». Еще печальнее, что не только чужие, но и знакомые Цою люди радостно примкнули к этой компании мародеров.

А поклонники? Поклонники остались с Витей.

Юрий Белишкин:

Фанаты весь сентябрь, октябрь да и ноябрь жили на кладбище, в палатках. Мы как-то приходили туда, приносили им еду, какие-то теплые вещи. Нас встречали парнишки лет по 17, с чистыми лицами. Без позерства, без желания выехать на этой теме – чистые ребята. Пьяных рядом с нами никогда не было: алкаши не торчат на «КИНО».

Андрей Машнин:

«Паломничество в котельную продолжалось до вечера 19 августа, хотя и ночью стучали в дверь постоянно. И потом остаток лета, и осень, и зиму, и следующее лето. Мы с первого дня к ним относились терпеливо и сочувственно, но скоро все стало обрастать натуральным свинством. Чем дальше, тем хуже. Первые были нормальные. Потом процент стал смещаться в пользу идиотов, истеричек, любителей моды и сувениров. Назывались они у нас некрофилами. В итоге я уже редко кого-то впускал. Заходит девица, например. Посмотреть. Вроде тихая. Хорошо. Доходит до дверей – и тут бросается к стенке и начинает биться об нее лбом со всей силы. И орет мне: "Отдай Витю!!!" И опять – бум! бум! Ну, и воровство. Просто как саранча. Все, что под руку попадется. Угля растащили пару тонн точно. Это ладно, нам его тогда привозили в достатке. Но ведь и инвентарь потащили. То лопату, то кочергу, дошло до того, что заслонку с котла оторвали. Из комнаты перли все подряд – любые бумажки, гвозди, спички, все, что просто являлось предметом "с Камчатки". У нас весь шкафчик был забит барахлом типа старых ключей, замков, ниток, гаек. Все растащили. Я потом уже стал с помойки приносить всякий хлам, просто чтобы людям приятное сделать. "Сапоги Цоя" кому-то подарил, по одному, правда, 39-го размера. Но все были рады. Угольная куча у входа тоже была цветами завалена. Очень странная картина. Зато с сигаретами проблем не было, посетители оставляли их у котлов россыпью.

В феврале 1989-го Толик объявил, что я буду там старшим вместо него. Он тогда решил заняться чем-то более интересным, чем таскать уголь, но и котельную терять не хотелось. Во-первых, туда можно было бы приходиться веселиться, во-вторых, мало ли что опять в стране пойдет не так, и запасной аэродром не помешает».

То, о чем вспоминает Белишкин, происходило и у Арбатской стены Цоя. С августа и до самых заморозков у Стены постоянно дежурили подростки. Потом, после сорока дней, народу, конечно, поубавилось, остались только самые стойкие. Стена существует по сей день.

Евгений Гришковец:

«Прекрасно помню, как и где меня настигло известие о гибели Цоя. Это случилось в Севастополе. Для меня то лето было очень сложным, я решал в очередной раз вопрос, как жить дальше. Буквально перед этим вернулся из Германии, куда попытался эмигрировать, но все иллюзии рухнули, и, весь истерзанный, я вернулся в истерзанную страну. Я был так рад возвращению! И вопрос, что делать дальше, хоть и мучил меня, но отчего-то было ясно, что ответ какой-то найдется непременно. И вдруг я узнал, что Цой погиб. И я растерялся. Это настолько не должно было случиться!!! Но именно его гибель почему-то подтолкнула меня к совершенно бескомпромиссному решению: не делать попыток заниматься чем-либо, кроме искусства. Хотя сейчас я понимаю, что это странно. Странно по той причине, что Виктор Цой при жизни не был для меня очень важным или что-то существенно определяющим музыкантом и поэтом. Его ранний период, который я слышал на плохих записях, мне был симпатичен, но казался уж больно простым. К тому же песни "Я бездельник", "Восьмиклассница", "Когда твоя девушка больна" и целый ряд других моей жизни не касались. Я жил в промышленном городе, в университетской семье, и весь этот питерский нежный нищий декаданс никак не совпадал с моим образом жизни и с тем, что меня окружало. Правда, мелодии нравились очень. Имени Виктор Цой я не знал, знал только группу "КИНО". Поэтому, когда в 88-м году я вернулся со службы и увидел в программе "Взгляд" Цоя, я ужасно удивился. Я привык к его голосу и к образу, мною нафантазированному. А тут вдруг такое монголоидное лицо...»

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«Мы в тот день должны были ехать на рыбалку, отец говорит: "Выходим, сейчас машина придет". Я говорю: "Нет, я хочу песню одну послушать". – "Закрой за мной дверь, я ухожу".

Три раза послушал. А только выехали за город, стал вертеть настройку приемника, и говорят: "Сегодня разбился Виктор Цой"».

Из воспоминаний Наталии Максимец:

«В августе 90-го мир практически рухнул. За месяц научилась играть на гитаре, спасая себя его песнями. Особенно сложно было пережить осень... Позже в журнале "Новости кино-экрана" появилась большая статья о Викторе и после нее – несколько десятков адресов ребят, которые надеялись найти друзей по переписке и единомышленников. У всех было общее горе. Все стремились разделить его с близкими по духу людьми. Началась эпопея писем. Они приходили почти ежедневно, по три-четыре письма. У меня появились друзья по всему бывшему Союзу, начиная от Калининграда, заканчивая Читой. И в этом было реальное спасение! Считаю, именно письма со словами понимания и поддержки помогли мне остаться самой собой. Важно было знать – ты не один, рядом (пусть за сотни километров) есть друзья!»

Из воспоминаний:

«Я отлично помню август 1990-го – этот месяц я в первый и последний раз в жизни провела в лагере строгого, то есть санаторного, режима под Евпаторией. Первые десятки выстроились у воды, вторые десятки вошли в воду, стол номер "пять" и отбой в 21:00. И единственное послабление того строгого, то есть санаторного, режима случилось 15 августа, когда пришло известие о гибели того, кто режиму был перпендикулярен».

Из воспоминаний Наталии Бурд:

«Мне было 17 лет, когда погиб Виктор Цой. Вечером 18 августа 1990 года отец подошел ко мне со свежим выпуском газеты "Труд", в которой была заметка о том, что Виктор разбился на мотоцикле (первоначальная версия в СМИ была именно такая). Я даже не поняла сначала весь смысл слов, сказанных мне: "Наташа, газету принесли – Цой погиб". Остолбенело посмотрев куда-то вдаль, произнесла, не слыша своего голоса: "Все плакать будут..."", а затем громко и внятно, глядя в глаза отцу: "Его убили..." А утром был праздник – Яблочный Спас. В этот день хоронили Виктора... Мы не были с отцом друзьями: извечный конфликт поколений. Он никогда не любил Цоя. Но он был тих и трезв в те дни. Мама искренне недоумевала: "Я умру – ты так плакать не будешь..."", когда по ТВ показывали ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ, а слезы ручьями лились по моим щекам. Эта смерть не должна была быть. Это произошло так внезапно и так неожиданно, что мозг, сердце, душа – ВСЕ отказывалось верить в происходящее. Я никогда не смирюсь. Сколько раз в мыслях и снах я бежала на тот поворот, крича: "За что, Господи! Возьми меня, мою жизнь, но верни Его! Он – самый умный, самый талантливый, самый добрый! ЗА ЧТО?" Словно некто злой и коварный попал в самое яблочко, отчего в груди образовалась дыра, растоптал, разорвал душу в клочья, вырвал из груди сердце. Тот, кто был один в тот черный 1990-й, знает, как держа в руке стакан, вырастает Боль до исполинских размеров. И как, разбивая этот стакан вдребезги, рождается первая поэтическая строка... Когда Виктору Цою было 40 дней, моей маме приснился сон. Виктор, с гитарой через плечо, зашел в мою комнату (увешанную с пола до потолка фотками и плакатами группы "КИНО"), улыбнулся и сказал: "ЭТО МОЙ ДОМ". Мой Друг, мой Свет, мой Брат Виктор Цой. Пока я живу, я помню».

Константин Рылеев:

«15 августа 1990 года, выезжая в курортно-пролетарский город Феодосия, я по радио услышал сообщение, произнесенное классическим дикторским басом, с нужной частицей официоза: "Погиб в аварии известный певец и композитор Виктор Цой". Хотя в этом сообщении не было ничего веселого, пусть это удивительно, но оно выглядело в своей идеологической высокомерности слегка смешным. В эпоху "Маяка" я ни разу не слышал, чтобы хотя б одна

песня "КИНО" прозвучала по радио. Эра FM-станций была впереди. Мы сидели на УКВ. У нас, советских, и волны были свои, немного "сдвинутые" по шкале приемника. Высоцкий, а со временем рок-кумиры – "Машина времени", "Аквариум", "ДДТ", "Алиса" и "КИНО" – все это были "магнитофонные" короли. Официальные СМИ их игнорировали. Советское радио шутить не любило, и было понятно: случилось ужасное и трагическое событие.

С пронзительно-прощальным настроением я плыл августовской ночью 1990 года на катере из Коктебеля в Феодосию. В наушниках звучал любимый голос: "Дом стоит, свет горит, из окна видна даль, так откуда взялась печаль?" И горящие огни ночного города расплывались сквозь слезы».

Марат Мамонов:

«В этот день я встал не очень рано, торопиться особенно было некуда... Налил себе кофе, включил телевизор. Шли новости. В промежутке между репортажами с полей и обзором перестроечной прессы я узнал эту новость. Очень хотелось, чтобы это оказалось чьей-нибудь глупой шуткой или нелепой ошибкой. Это оказалось правдой».

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«В августе 1990-го я находился в тренировочном лагере – будучи молодым солдатиком, готовился к чемпионату (последнему в истории) Вооруженных Сил СССР. Тренировочный лагерь в Риге по совершенной случайности находился рядом с местом гибели нашего кумира. На следующий день, как и всю следующую неделю, мы с ребятами выезжали на место гибели Цоя. Небольшая дорога между Юрмалой и Ригой превратилась в место паломничества. В дорогу цветов и свечей... Тогда я, кстати, как и другие ребята, начал учиться играть на гитаре. В отличие от большинства рок-звезд того времени, Цоя уважали не только поклонники рок-музыки. В его песнях чувствовалась настоящая живая сила и свобода. И еще какая-то обаятельная простота. Наверное, поэтому он имел такое сильное влияние на молодежь конца 80-х».

Анастасия Кривенда:

«Весть о гибели Цоя от меня тщательно скрывали. Это было потрясение для всей страны, об этом трубили все СМИ. И родители, видимо, были на работе, я сама включила ТВ. Когда родители вернулись, застали меня зеленого цвета, всю в соплях и слезах, сидящей на диване среди фото Цоя. Это была большая травма. От меня какое-то время прятали кассеты, каким-то чудесным образом сломался магнитофон. Соседский мальчик, на порядок старше меня, играл песни Вити на гитаре, а я его слушала и была его самым строгим критиком. Потом первый класс, школа, немного отвлекалась и через какое-то время уже безболезненно слушала "КИНО". Но, наверное, тогда, еще в детстве, дала себе обещание больше никого не любить. Я больше на концерты не ходила, фанаткой ничьей не была. Прямо как лебединая верность».

Из воспоминаний:

«Я любил и люблю Цоя. Помню, вышли мы подшофе из Дома офицеров на Чернышевского в Питере и пошли на Невский, а там весь город с гитарами его песни поет. Я помню, спросил: "Что это?" Говорят, что Цой погиб. Вот это был траур... Я отстоял часа 3 на похоронах, пока подошел к могиле на Богословском кладбище. После Высоцкого больше ни с кем так народ не прощался. Мир его праху. ЦОЙ ЖИВ!»

* * *

«Цой. Это юность, молодость. В общаге МВД, что на ул Профессора Попова, 40, тогда Ленинграда, узнав о его смерти по телику, помчались в красный уголок. Откуда-то взялась гитара. Собрались и стали петь его песни...»

* * *

Из воспоминаний **Юлии Даниловой**:

«В сентябре впервые прихожу к стене Цоя на Арбате. Кругом появляются буквально кровоточащие надписи на стенах "ЦОЙ ЖИВ!". В начале 91-го покупаю последний подарок от Вити, его привет с того света – винил "Черный альбом", в комплекте с желтым пакетом и постером. Плачу то ли 24, то ли 25 рублей. И это официальная цена, видимо, с рук альбом шел еще дороже. Несмотря на высокую цену, альбомы буквально сметают с полок музыкальных магазинов. И это в той стране, когда проезд на метро стоил еще пятачок...

В июле 91-го года еду с мамой в Питер, посещаю БК, там еще не было основного памятника. Потом, на ноябрьские праздники этого же года, мы с подружкой опять попадаем на кладбище, видим великолепный памятник, поминаем Витю. Долго не можем уехать из Питера, осенние каникулы, билетов нет в продаже. А мы только рады этому обстоятельству, попеременно ночуя то на Московском, то на Финляндском вокзалах. Абсолютно неизгладимое впечатление в 91-м году на меня производит еще и двойной винил "Алисы", посвященный не только Саше Башлачеву, но, видимо, и Вите Цою в какой-то степени, "Шабаш". "...Визг тормозов, музыка крыш. Выбор смерти на свой риск и страх".

В том же 91-м году, опять же с проклятым опозданием, я узнаю о гибели Янки, на барахолке с рук покупаю ее пластинку "Не положено", слушаю ее совместно с СашБашем. В моей душе им отведена специальная ниша, которую никто и никогда уже не сможет занять. Грустно и больно все это...

В августе 91-го года, не успев толком оплакать Витину гибель, узнаю о трагической случайности с Майком Науменко. Ну что же за дела на этом свете творятся-то?! "До скорого, брат. Возможно, окончен бой, рок-н-ролл отзывает своих солдат домой..."»

Из воспоминаний поклонника **«КИНО»**:

«Было это в 1990-м, 16 августа. Я уже почти два месяца служил в войсках Советской Армии, в учебке под Москвой. Жара в то лето стояла невыносимая. Гоняли нас в полях, как собак, выжигали на раскаленном солнцем плацу, в общем, занимались армейской подготовкой. После обеда, чуть отдохнув, рота нехотя выходила за казарму на построение. День не предвещал ничего радостного, и мы, хмуро и молча, толкались в строю, разбираясь в шеренгах, как вдруг до меня сзади из-за спины донеслась фраза: "Пацаны, слышали – Цой разбился!" Ребята за спиной возбужденно загудели, а я никак не мог сообразить, что такое я только что услышал? "Цой разбился..." Что-то совершенно нелепое, невозможное. И тут что-то стрельнуло в мозг: "Цой разбился!" Ну не может такого быть! Я развернулся и полез в толпу к тому, кто это только что сказал:

– Ты откуда знаешь? – спрашиваю и чувствую, как начинает колотиться сердце.

– Тюлень из 7-й роты сказал.

– А он откуда узнал? – не отставал я. Мне почему-то казалось, что это какая-то тупая шутка или что-то вроде того.

– Хрен его знает, слышал где-то.

Больше никакой информации я не получил. Весь день нас гоняли, а у меня в голове только и крутилось: "Не может такого быть! Не может!" Я был на сто процентов уверен, что здесь какая-то ошибка, тем более что точно никто из нас ничего не знал. Где-то от кого-то слышали, и все. И вот ужин. После идем в казарму. До отбоя часа полтора, а перед отбоем обязательная процедура: просмотр телепрограммы "Время". Посреди казармы в ряд расставляются табуретки, и мы, измученные за день сержантами, жаждой и жарой, рассаживаемся перед телевизором. Глаза тут же начинают слипаться, чувствуешь, что сзади в спину уткнулась чья-то спящая голова, и только крики сержантов и их свистящие над головами ремни не дают совсем уснуть. Но в тот вечер я не хотел спать. Это был единственный день за два года службы, когда я с нетерпением ждал программу "Время". И вот она началась, вот уже подходит к концу, и ничего нет, и я уже думаю, что все это действительно брехня, как вдруг...: "Печальное известие из Юрмалы... Вчера..." Оказывается, вчера... Внутри меня что-то зазвенело и оборвалось... Все. Я лежал в кровати после отбоя и не мог уснуть. В голове роились мысли и отгоняли сон. Я лежал и вспоминал тот день, который и до сих пор помню, как сейчас. Меня забирают в армию. 20 июня 1990 года. Яркое утро. Родители и брат отпросились с работы, чтобы проводить меня. Я растерянню хожу туда-сюда по квартире и часы отсчитывают последние минуты перед выходом из дома. Вот уже пора. Я окунаю лицо в пушистую шерсть кота, прощаюсь с ним; надеваю рюкзак, окидываю прощальным взглядом комнату, и вдруг взгляд замирает на экране работающего без звука телевизора. А на экране – Цой! Я подбежал к телевизору и включил звук. Это был клип "Звезда по имени Солнце". Видел я его тогда в первый раз: это было для меня настоящим подарком. Телевидение не часто баловало нас такими вещами. Но вот и песня закончилась. Пора. Я вышел в подъезд и, спускаясь по ступенькам, думал: "Это он меня в армию провожал. Правда, посыл тяжелый: красная, красная кровь... умирать молодым... Куда я еду, что ждет меня впереди?" Я лежал в кровати после отбоя и вдруг понял: на самом деле, в то июньское утро он со мной прощался. Я уходил, чтобы через два года вернуться назад, а он оставался, но через два месяца ушел навсегда».

Из воспоминаний поклонницы «КИНО»:

«В 90-м мне было 15. Слушали его песни на кассетниках с пацанами во дворах на полную громкость, за что, наверное, были прокляты всеми бабками, сидящими круглосуточно на скамейках. Рыдала белугой, узнав о его смерти (один из очень немногих случаев, когда вообще рыдала). Сейчас мне 40, слушаю до сих пор. Особенно когда совсем хреново. Очень... безумно жаль, что ушел так рано...»

Из воспоминаний:

«Узнала о гибели Цоя в Севастополе. По ТВ шел сборный концерт, и в нем участвовала группа "КИНО". "Вот на концерт я бы с удовольствием пошла еще раз! Обязательно пойду, только бы приехали!" – сказала я. И в это время на экране надпись: "погиб"...»

Анастасия Мурзич:

«Цой погиб. Его смерть неожиданно объединила малолеток-одиночек, и стало совершенно не стыдно вместе со всеми слушать любимую музыку, читать стихи, говорить, что болит, если любишь... Мне было 15 лет. Мы шли по городу шумным шествием, с плакатами и цветами, приставали к прохожим – собирали деньги на памятник Цою... Мы были совершенно искренни в своем порыве. На собранные деньги мы купили два траурных венка. Один из них мы опустили в воду реки, на берегу которой стояла гостиница "Калининград", где останавливалась группа "КИНО" во время гастролей в нашем городе, а второй венок мы повезли в Питер, на сорок дней».

Роман Яровицын:

«В конце 80-х не симпатизировать молодежной культуре могли только упертые комсомольцы и откровенная гопота. Тем не менее я не был рок-фанатом в полном смысле этого слова. "Аквариум" и "ДДТ" слушал, но на концертах ни разу не был, не говоря уже о том, чтобы тусоваться в знаменитом дворе на Рубинштейна. Группа "КИНО" служила скорее фоном, чем объектом поклонения. Те годы стали для меня воплощением свободы не только из-за перестройки, а главным образом потому, что совпали с питерским студенчеством в Институте киноинженеров. Хотя мы и учились заочно, и не жили в Ленинграде постоянно, это не умаляло веселья, а местами добавляло романтической непредсказуемости. Большинству удавалось таскаться в Питер по любому поводу, а общаговская неприхотливость позволяла прожить неделю на "красненькую" без особых проблем. Да и плацкартный билет из Горького стоил ту же десятку. Вот и меня принесла нелегкая в августе того года в полупустую общагу на Пражской. Здесь коротала время до экзаменов следующего потока юная абитура, не сдавшая на очное отделение.

В обшарпанной общаге с выбитыми в туалетах дверными коробками и колченогими кроватями у нас не было ни радио, ни телевизоров, ни вообще какой бы то ни было связи с внешним миром. Наша жизнь была полна и без этого мира. Так что о смерти Виктора я узнал совершенно случайно, прогуливаясь как-то вечером по Разъезжей улице. Тогда в Ленинграде, как и во многих крупных городах, была традиция развешивать свежие ежедневные газеты на специальных досках прямо на стенах. Не знаю, что меня заставило остановиться у такой доски и прочитать ту заметку. Но на странице было четким типографским шрифтом написано о гибели музыканта. Реакция была уже профессиональной: скорее идти к Рок-клубу.

В 1990 году я еще не работал фотожурналистом, но пять лет, проведенные в фотослужбе одного из закрытых ящиков, приучили к быстрой реакции. И она не подвела: во дворе уже было столпотворение поклонников, стоящих, сидящих и лежащих во всех мыслимых местах. Фотоаппарат я тогда носил с собой всегда и не смог не снять хоть что-нибудь.

А вечером за традиционным чайником пива молодежь решила ехать на Богословское кладбище, где завтра должны были хоронить кумира... Самих похорон мы, конечно, не увидели: родные совершенно правильно организовали погребение рано утром. Увидев толпы, ожидавшие входы на кладбище, мы убедились, насколько это решение было правильным. Ближе к центру события создавалось впечатление, что проститься с Виктором приехал весь СССР. И это были не юные раскрашенные неформалы с ирокезами и в напульсниках, а вполне образованная публика. Атмосферу описать трудно, но веселых лиц я там не видел. Был часто слышен сдавленный женский плач, но девчонки себя сдерживали. Возможно, свою роль сыграло грамотно организованное милицейское оцепление, не препятствующее проходу к могиле, но предотвратившее неразбериху и давку. На тот момент я не сотрудничал ни с одним изданием, которое мог бы заинтересовать подобный репортаж, хоть и событие было всесоюзного масштаба. Поэтому снимал я просто потому, что событие было того достойно.

Именно тогда, в толпе, ко мне обратилась какая-то совсем юная журналистка из Казани, попросив фотографии. Отказывать я не стал, и через месяц репортаж с похорон Виктора Цоя стал моей первой публикацией в настоящей газете. Называлась она "Советская Татария", и наши девчонки из Казани привезли мне эту страницу, тайком вырванную в библиотеке. Потом я работал во многих газетах, городских, областных и федеральных. Много снимал: и праздники, и катастрофы, и работяг, и президентов. Но такой концентрации эмоций и единения совершенно разных людей я почти никогда больше не встречал. Кажется, для многих стало открытием, насколько важен этот гитарист и поэт в невзрачных черных джинсах для всей страны и всей поп-культуры тех лет. Многие из живущих сегодня коллег Цоя, выбирающих между совестью и концертной деятельностью, могут только позавидовать такой всенародной любви». Их так хоронить не будут.

Ольга Лехтонен:

«1990 год, мне 13 лет, на улице середина августа. От своих подружек я узнаю о гибели Виктора Цоя. Я знаю, что он страшно популярный певец, что его слушают все, даже мои одноклассники, с которыми я в "контрах". И ничего больше. Ни единого слова из его песен. Но то, что я вижу вокруг, впервые глубоко трогает меня. Безумная боль, которая кругами расходуется по нашему городу, по всей стране. Искаженные лица прохожих, слезы, умолкшая музыка, стихшее веселье. Лето оборвалось. Для многих жизнь кончилась. Небо померкло, мир стал черно-белой ловушкой без выхода, без воздуха... Я помню, как, обнявшись, плакали афганцы, молодые поседевшие парни, повидавшие на своем веку весь мыслимый и немыслимый ужас. Потом я встречала их с гитарой в центре города. На них были черные футболки... Подруга рассказывала, что на территории пионерского лагеря, в котором она тогда отдыхала, постоянно орало радио. Новость о смерти Цоя прогремела над головами во время вечерней линейки. Несколько девочек потеряли сознание, начался переполох. До конца сезона (который только начался) были отменены все дискотеки, ребята носили на руке черные повязки. Их никто не принуждал, не заставлял – это был искренний взрыв горя, настоящий траур... День авиации, 19 августа, был безнадежно испорчен. Это был день Витиных похорон.

Искренность и глубина горя окружающих меня людей вызвали в сердце острое сострадание и сочувствие. Мне стало ясно, что человек, вызвавший своей гибелью такую лавину боли, не может быть какой-нибудь попсовой дешевкой. Что другие что-то видят и понимают, а я – нет. По плохим людям так не горюют.

В сентябре, на первом уроке музыки, мы 45 минут слушали "КИНО". Учитель безропотно вставил бобину в магнитофон, принесенную моей одноклассницей, и на нас медленно полилась музыка. Кажется, это был сборник. "Пачка сигарет", "Алюминиевые огурцы", "Спокойная ночь"... Когда заиграла "Легенда", некоторые девчонки расплакались. На меня обрушилась целая Вселенная – звезд и ветра, света и тьмы, любви и величия, радости и боли.

Боль лилась из динамиков, она была растворена в воздухе, в той мертвой тишине, которая царила в классе. Я слушала песни, смотрела на плачущих девочек, а внутри меня медленно трещали, ломались и с грохотом падали стены. Слезала с души кожа, падали ледяные укрепления, которые я возводила вокруг себя всю жизнь. Человек по имени Виктор Цой вдруг вошел в мою одинокую жизнь.

Давно разошлись дороги моих одноклассников. Давным-давно уже забыли они этот урок музыки, да и сам Виктор Цой остался для них лишь воспоминанием о ранней молодости. С тех пор я повзрослела и поумнела, но та музыка, тот голос, которые обрушились на меня тогда из динамиков музыкального класса, до сих пор звучат во мне».

Из дневника поклонницы «КИНО»:

«16.08–20.08.90 г. Вспомнила сейчас, что я предчувствовала тогда беду. Где-то 13 августа меня начало ломать, я не находила себе места, до тошноты, ни о чем не могла думать, так мучила тревога. Я даже хотела позвонить ему домой (у меня был номер телефона квартиры на Ветеранов), сняла трубку и подумала: "А что я скажу, что у меня болит душа?" Кто я такая? Пошла в парикмахерскую, покрасила волосы, чтобы отвлечься, купила цветы, поставила в вазочку рядом с плакатом. А наутро цветы почернели. Поехала на работу. Всю дорогу думала о том, как странно он мне приснился. А потом сказали по радио...

4.09.90 г. Для меня люди делятся теперь на тех, для кого жизнь продолжается, и тех, для кого она остановилась. Вызывает искреннее удивление, что я могу различать цвета, ощущать запахи, холод и тепло... Ведь этого не должно быть, когда душа умерла. И все чаще возникает вопрос: "А зачем?!"

10.09.90 г. Сегодня вернулась из Ленинграда. На душе горько и легко одновременно. Прошла по "цоевским местам", видела знаки народной скорби. Удивительно, как по-разному реагируют на случившееся осиротевшие фаны. Одни пишут на стенах душераздирающие слова и гордятся шрамами от недорезанных вен. Другие, несмотря на холод и дождь, молча несут свою круглосуточную вахту на кладбище у Его могилы. Из всех надписей на стенах, дверях и заборах по-настоящему тронула только одна (на стене у двери квартиры на проспекте Ветеранов): *"Ты учил нас быть сильными. А я плакал. Андрей"*.

14.09.90 г. Завтра месяц со дня Его гибели. Четвертый день хожу в кинотеатр на фильмы "Конец каникул" и "Игла". Впереди еще три дня. Хожу, потрясенная не столько увиденными фильмами, сколько реакцией зала. Сплошной хохот. Нет, не смех, а просто хохот от происходящего на экране совсем несмешного действия. Самое дикое, что заливаются смехом те ярые фанатки, которые, оккупировав проход и первый ряд, в конце фильма внезапно приказывают залу встать и падают на колени, обливаясь слезами. Сегодня не сдержалась, за что была обозвана душой и едва не избита. Стерпела. Потому что вспомнила Его. Молча повернулась и ушла, не желая унижать себя дальнейшими объяснениями. Только сегодня вдруг поняла, как одинок он был в этой толпе...

30.09.90 г. Идет уже второй месяц, как закончилась жизнь. До сих пор не могу понять, как такое могло случиться. Говорят, на свете творится много несправедливого, но есть Высшая справедливость. Теперь я думаю, что ее нет. Иначе не произошло бы то, чего не должно было быть! Если бы ТУДА забрали кого-нибудь из нас, тоже молодых, можно было бы смириться и поверить, что жизнь наша не имеет особой цены. Но он, который был Такой абсолютно во всем, и, главное, очень-очень нужным тысячам людей! Его пребывание именно здесь, среди нас, было просто необходимостью, сколько душ и даже жизней было бы спасено одним его существованием! Теперь не знаю, как жить дальше, как и зачем? Неужели уж настолько дрянной наш мир, что задержаться в нем надолго положено лишь людям серым, ничем не примечательным? Я никогда не поверю, что все в мире случайно и происходит просто так. Я точно знаю, что все делается зачем-то. Только до конца своих дней не смогу понять, ЗАЧЕМ его все-таки у нас забрали...

Виктор Цой... О нем писали не очень много и довольно однообразно. Люди, желавшие знать о нем больше, вынуждены были черпать информацию из устных народных источников, зачастую неверных и противоречивых, построенных на домыслах и зависти. Не знаю, задевало ли его это, но в душу он никого чужого не пускал, стараясь сохранить ее в неприкосновенности. Виктор был загадкой, и не так много было вещей, которые можно было бы сказать о нем наверняка. Да, честный. Да, сильный. Да, немногословный. И все же... Я постараюсь взглянуть изнутри, а не поверхностно на человека, внесшего в мою жизнь два события – его появление и гибель. Между тем и другим пролегла целая жизнь, заставившая переоценить и пересмотреть все. Все это время я жила и думала под "звездой по имени Солнце", равняясь на нее и набираясь мужества, мудрости, сдержанности и милосердия.

Одно до сих пор остается загадкой. Увидев впервые его на фотографии, я не могла отделаться от ощущения, что хорошо знаю этого человека, где-то прежде встречала или даже была знакома. Промучившись несколько дней, я пришла к уверенному выводу, что вижу его впервые. Хотя ощущение осталось до сих пор. Говорят, так бывает.

Потом пришли песни. И я открыла для себя мир, в котором никогда прежде не могла бы побывать. Мир души другого человека. Мир этот был тонок и хрупок, прост на первый взгляд и удивительно сложен при внимательном к нему отношении. Больше всего в этом мире меня удивило почти полное совпадение с моим, и так как это случается довольно редко, я с радо-

стью и волнением стала проникать туда, где все было так знакомо, близко и понятно. Сейчас, после его ухода, я поняла, что несмотря на несметные толпы фанов, по-настоящему любили и понимали его далеко не все. И он был прав, когда на фразу журналиста: "За вами пойдут сотни людей, стоит только позвать..." – отвечал: "Пойдут друзья и единомышленники, а их не так уж и много". Действительно, на концерте в Киеве, посвященном его памяти, не было ожидаемой атмосферы народной скорби. Не было портрета, не было цветов, зал не вставал и не молчал в его честь. Нам предложили выслушать «отчетный концерт» каких-то веселых групп, вместо того чтобы включить фонограмму и дать людям возможность попеть хором вместе с Ним, как тогда... И что очень странно, никто, кроме меня и моей подруги, не пришел к тому месту, где стоял всего 4 месяца назад автобус и где девчонки были готовы убить друг друга за право подойти поближе. Я знаю, есть среди них те настоящие, для которых с его смертью остановилась жизнь. Наверное, в тот день они просто не пришли... Мы посидели на краю тротуара, пока догорала церковная свеча. Дул довольно сильный ветер, и огонек то угасал, то вдруг вспыхивал вновь, каким-то чудом возрождаясь. Может быть, это Он не хотел, чтобы мы уходили...

10.10.90 г. Через несколько дней опять 15-е число. Прошло всего два месяца. В обычных условиях два месяца – мгновение, которое и не заметишь. Теперь же кажется, что прошла целая жизнь, столько за это время передумано и выстрадано. Мысленно уже начинаю привыкать к реальности случившегося, но по-прежнему, глядя не его фотографии, хочется закричать "не верю!!!".

21.02.91 г. Сама себя спрашиваю, зачем я записываю свои мысли? Наверное, дело в том, что эта тетрадь должна пережить меня, как я уже пережила Его, так пусть хоть что-то останется от этой истории, ведь пока я еще тут – я думаю... А думаю вот о чем. На днях вдруг поразила мысль о неслучайности Его ухода именно в тот момент, когда это произошло. На первый взгляд странно, но если вспомнить, каким мы его знали... Сначала – худеньким ершистым мальчишкой, затем – стройным, сильным и очень загадочным парнем. Вместе с внешностью менялись и песни, но он был все тот же – знакомый, только повзрослевший. И вдруг – открытие. 1990 год, киевские концерты. Самое сильное впечатление – он. С прежними песнями, но совсем другой. Вместо ожидаемого чувства восторга – ощущение чуда и поклонения. Вместо прежнего, так знакомого всем Витька – молодой мужчина, большой, удивительно красивый и совершенно НЕ ТАКОЙ. На вопрос: «Ну как концерт?» – народ почему-то отвечал: «Знаешь, а он, оказывается...» Говорят, идеальный возраст человека – 33 года, пора физического и духовного расцвета, пик возможностей. Думаю, эту дату можно сдвинуть немного вперед, потому что именно в 27–28 Он стал настоящим мужчиной – взрослым, серьезным, ответственным. Достиг зрелости, вершины физической и духовной красоты. И гармонии тоже достиг, потому что был счастлив, возможно впервые в жизни. Неизвестно, сколько времени бы продлилось это состояние. А он был нужен. Очень нужен. И возможно, кому-то мешал. Он был взят из этой жизни именно в том возрасте, когда представлял собой максимум того, что мог представлять. Случайно ли это? Не знаю. Мне почему-то кажется, что нет. *Забирают всегда не просто так...*

Из воспоминаний **Альберта Попова**, одного из организаторов воронежского концерта 1988 года:

«Я, кстати, то есть стеб-рок-бард Красный Огурец, был единственным из музыкантов, кто выступил на вечере памяти Вити (первая годовщина, 15 августа 1991 года, ДК Ленсовета, 19 час.; эта афиша висит у меня на стене) с посвященной ему и другим ушедшим от нас рокерам песней (под мои электробарабаны) "Барды уходят" ("Там, наверху, много места для нас..."). Никогда это не забуду. В зал набилось более 2000 тусовки со всей страны, я пою, голос срыгается, слезы текут, а передо мной темный зал, весь в огоньках свечек и зажигалок! Правда,

вечер делали Марьяна с Белишкиным, потому Айзеншписа туда, естественно, не приглашали. А я тогда был почти рок-звездой, известным и уважаемым артистом оригинального рок-жанра, единственным в Европе рок-бардом-ударником... Но на следующий день на гала-концерт в "Юбилейном" напрашиваться не стал – там были гранды».

Вячеслав Карабулькин в интервью автору рассказывал:

«В 1992 году, после окончания школы и успешной сдачи экзаменов в вуз, я второй раз в своей сознательной жизни посетил родной Санкт-Петербург. К тому времени, с учетом интересов, я составил свою, альтернативную культурную программу, в которую входили также посещения Рубинштейна, 13 и Богословского кладбища.

Тогда в Питере жили наши родственники – троюродная сестра отца (тетя Валя) и ее муж (дядя Миша) Гальчинские. Люди они были совсем немолодые – разменяли к тому времени 7-й десяток лет. В их присутствии, не надеясь на взаимопонимание, я высказал, однако, свои пожелания. Дядя Миша вдруг выдал мне гневную отповедь: "Да ваш Цой был дебилом! И те, кому он нравится, – тоже дебилы! Ни слуха, ни голоса... Вот у нас на Украине, помню, Гнатюк был, когда пел – душа радовалась, вместе с ним пела! А этот что?»

И вдруг, совершенно неожиданно, тетя Валя самоотверженно, воодушевленно и абсолютно искренно вступилась за честь Цоя и мое право посетить его могилу. Она с такой горячностью заклемила дядины слова, устыдила его и заставила сесть за руль и вести всех нас на Богословское кладбище. А по пути рассказала, что ее лучшая подруга на протяжении чуть ли не 30 лет – мама Юрочки Каспаряна, которого она в свою очередь с пеленок знает. И что она была на его свадьбе, когда он на Джоанне женился. И видела там Витю Цоя. И не только там видела, и общалась с ним неоднократно. Причем рассказала это так буднично, что я просто чуть с ума не сошел.

Было 16 августа 1992 г. С момента гибели Цоя прошло 2 года и один день, но у его могилы было около двухсот человек. Еще стояли палатки, в которых жили паломники, приехавшие со всех концов СНГ. И тетя Валя сказала: "Хорошо, что мы приехали сегодня. Вчера мы бы сюда просто не попали – здесь были тысячи, если не десятки тысяч..."

Дядя Миша угрюмо и пристыженно молчал».

Татьяна Короткова:

«В 90-м году, будучи 18-летней студенткой, приехавшей на каникулы в Москву из Литвы к друзьям, я услышала по радио весть о гибели Виктора Цоя. Это, как мир сломался. На его песнях и песнях "Нау" мы выросли... А тогда всем двором в районе Бескудникова мы "провозжали" Цоя в последний путь. Мальчишки неумело рвали струны, пытались сыграть на гитаре его аккорды, и все вместе мы отчаянно орали: "Группа крови на рукаве!" Никогда бы не подумала, что спустя 20 лет мой, вполне сформировавшийся как личность сын будет с упоением слушать и "Группу крови", и "Закрой за мной дверь". Надеюсь, и внук не подведет».

Сложно было поклонникам, потерявшим своего любимого кумира, но гораздо сложнее было родителям Цоя, его близким и друзьям. После гибели Виктора его мама, папа и Марьяна периодически общались с журналистами, остальные близкие ему люди ушли в тень.

Смерть Цоя породила множество вопросов и загадок, которые по сей день не дают покоя поклонникам «КИНО». Например, начальник автопредприятия № 29 (куда был приписан автобус) говорит о том, что Олег Беликов был первым, кто приехал и спросил о машине²⁴. Ни одна из ведущих газет не заинтересовалась этим делом? Разбился Виктор Цой, и никого сразу не отправили на место аварии?

²⁴ Олег Беликов побывал на месте гибели Цоя в ноябре 1990 года.

Но нужно помнить, что в те годы еще не существовало бульварной прессы, а для обычных изданий это не представляло особого интереса. Цой в то время не был явлением вселенского масштаба, он просто был популярный рок-музыкант, который никому не мешал. И когда он погиб, «совковые» журналисты, как и следовало, отписались в стиле «очень жаль», хотя, по некоторым утверждениям, корреспонденты различных газет все же приезжали на место гибели Виктора.

Однако ментальная обстановка была тогда иная, здоровая: не было экстрасенсов, целителей, гадалок и прочих. Да и поклонники «КИНО» были адекватнее нынешних. Именно поэтому сегодня нет фотографий ни разбитой автомашины Виктора, ни иных «жареных» кадров. Это сейчас фаны разобрали бы разбитую машину на сувениры. А тогда у людей просто было ГОРЕ. Глубокое, сближающее всех горе. И еще – нужно помнить, что в то время не было цифровых фотоаппаратов и мобильных, поэтому никто ничего особенно не фотографировал. Фотоаппараты были, как правило, только у тех, кто занимался фотосъемкой профессионально. Да и фотографировать разбитую, залитую кровью машину в то время вряд ли кто-то стал бы... Но сегодня люди в это не верят, ИА потому рождаются нелепые слухи и домыслы.

Так, многие ставят под сомнение официальные документы и слова людей, близких Виктору (считая их заинтересованными в сокрытии правды), совершенно забывая о том, что помимо них есть еще огромная масса людей, видевших эту машину и даже ездивших на ней. Только почему-то никто никогда не спрашивал и не пытается спросить их об этом. Видимо, чтобы не нарушить таинственность, ведь людям так нравятся загадки.

Ирина Легкодух:

«Моя память сохранила цвет машины Цоя – серо-голубой ”альбатрос“. Утверждения, что машина Цоя была цвета ”темно-синий металлик“ сбили меня с толку. Я прямо растерялась... Наташа же, конечно, точно это знает, верно? Но мне почему-то запомнилась серая машина... Я совершенно растеряна: или у меня что-то с головой, или это какая-то загадка природы. Как я могла посчитать темную машину светлой – это удивительно. Не знаю, как это объясняется.

Если Наталия говорит, что машина их была темно-синяя, то она определенно такой и была, темно-синей. Я поудивлялась этой своей ошибке, подумала, что, значит, это у меня какие-то причуды памяти, индивидуальные глюки. Но вот в Википедии вдруг читаю: ”светло-серый ’Москвич‘“. То есть получается, не мне одной машина Цоя почему-то показалась светло-серой. Что бы это значило? Ведь не было же у него двух машин, или не менял же он одну машину на другую такую же, но другого цвета. Понимаю, что это все малозначительно, но как-то удивительно ведь. Что люди об этом подумают? Я спросила мужа – он вообще ничего не помнит про цвет, говорит, а разве машины не одинаковые были? Вы же с Витькой монетку бросали и в кулачок зажимали – кому какая, несколько раз менялись. Спросила еще Сашу Прохорова, моего приятеля старинного, не помнит ли он самый момент покупки и какого цвета была машина Цоя. Он вспоминал, вспоминал. Говорит, вроде бы темно-серая. Думаю, возможно, Цой просто говорил или упоминал в разговорах, что хотел бы серую или светлую машину, и эти слова отложились в памяти разных людей больше, чем сама машина. А так как я ее видела, то эти два воспоминания смешались вместе и она оказалась у меня в памяти серо-голубой. Еще можно предположить, что он в последний момент как-то переиграл, как-то поменял и купил синюю (там можно было выбирать, это же была заводская продажа). Но это вряд ли, по моему. Я просто думаю над природой миражей – почему одному, другому, третьему человеку (мне в том числе), независимо друг от друга, эта машина ошибочно показалась светлой? Которая, как выясняется, в реальности, была темно-синей. Без сомнения, именно Наталья, конечно же, одна знает истину (не только про цвет машины). И притом всю истину – и окончательную и начальную, то есть по большому-то счету, если, например, взяться судить по существу, то ведь только ей одной, Наталье, ведомо, что есть истина. Главным образом – Наталье нельзя не

верить. Слова Наташи не то чтобы оспариваться – даже обсуждаться не могут. Кому же, как не ей, знать самую правду и что ж там происходило?»

Олег Толмачев:

«Вот цвета машины Цоя я не помню... Мда, загадка. А по поводу аварии могу сказать: судя по тому, как я с ним ехал тогда в Москве, он не справился с машиной. Наверно, быстро ехал, а там дороги в две полосы и, скорее всего, могло солнце ослепить... Как он водил, мне сложно судить по одному разу езды с ним. Я сам тогда только учился. Кстати, "Москвич" Айзеншписа мы тоже брали в то время, они были очень модные, а оказались г***о. Тормозная система оставляла желать лучшего, хотя версию с поломкой я бы не рассматривал».

Алексей Макушинский:

«Самому странно, но я не могу вспомнить цвет машины. Что-то неопределенно-бежевое. Может быть, такое серо-сизое? "Металлик", как тогда говорили. Вот это слово запомнилось».

Олег Соколов:

«Конечно, я видел машину Цоя. И цвет я помню. "Мокрый дельфин" назывался тогда на жаргоне. Не серый "мокрый асфальт", а такой сизоватый, синевато-серый. С металликом. А у Шписа был "брызги шампанского", такой золотистый цвет».

Артем Евстафьев:

«Машина Цоя была синяя. Такая темно-синяя. А у Шписа была золотой "Москвич"».

Олег Беликов:

«Многое из этого сподвигло меня поехать на место гибели Цоя и провести собственное независимое расследование. Я взял с собой в дальнюю дорогу нескольких фанатов, точно знавших место гибели музыканта.

По прибытии на место я оставил девчонок в ближайшей кафешке, а сам побежал в Тукумскую прокуратуру, для которой у меня была заготовлена специальная бумага. Прокурор встретил весьма приветливо, узнав, что я из Москвы. Он тут же снял трубку внутреннего телефона и спросил, кто занимался расследованием аварии 15 августа. В трубке прозвучало имя. В ответ я услышал: "Эрика Казимировна, сейчас к вам подойдет корреспондент из Москвы, обеспечьте его всей необходимой информацией!"

Но при личной встрече следователь Ашмане по делу об аварии от 15 августа 1990 года за номером дела 480 оказалась гораздо менее приветливой, чем в разговоре с прокурором области: она с ходу заявила мне, что вообще-то у них сегодня выходной день (7 ноября!), а наши советские праздники их никак уже не касаются. Мне пришлось вновь объяснить, что я именно за тем почти из самой Москвы и приперся, чтобы расставить все точки над "i". Эрика Казимировна еще немного повыпендривалась на тему того, что «МК» написал о якобы подробностях аварии, не то чтобы не выезжая на место события, а лишь удовлетвовавшись плохой телефонной связью, из-за чего по всей стране пошла гулять ложная информация о неправильном времени гибели. И вообще дело на обвиняемого Виктора Цоя еще находится в производстве, почему вся информация является закрытой! На мой изумленный взгляд она пояснила: "Нет, ну а что вы хотели, виновником аварии является этот ваш Цой, и из-за него рейсовый автобус простоял много дней на ремонте, а кто оплатит ущерб, нанесенный автопредприятию? Это не одна тысяча рублей! Это для вас он там известный певец, а для органов – простой правонарушитель! Вот у нас и постановление о заведении на него уголовного дела есть... Прекращенное за смертью последнего..."

В результате моих немислимых телодвижений следователь все же сдалась. Эрика согласилась ознакомить меня с делом № 480 и даже дать мне возможность переснять некоторые страницы, заметив, что я начал копировать их вручную, она интеллигентно вышла из комнаты, а когда возвратилась, я уже укладывал фотоаппарат в сумку. Помимо этого, она предоставила мне адрес квартирной хозяйки – Бируты Луге, до которой я доехал на местном такси и сорвал ее со смены. Бирута при помощи нашего добровольного переводчика-таксиста рассказывала о том, что Виктор любил помидоры и скейт, воду и сосны и всегда привозил в подарок бутылочку хорошего винца, хотя сам за столом обычно не засиживался. А в тот самый день, вернее накануне, засиделись за столом (но Виктор в застолье не участвовал) и легли поздно. Сын Саша отказался ехать с папой, и в пять утра Цой отправился на утреннюю рыбалку один. И погиб».

Очень часто задают вопрос: а что же случилось с разбитой машиной Виктора, где теперь тот злополучный «Москвич»?

Есть свидетельство, что через пару месяцев после гибели музыканта в Латвию на автобазу № 29 города Тукумс (где в одном из боксов продолжала оставаться разбитая автомашина Виктора Цоя) от имени Марьяны Цой на грузовике приехали молодые люди, предъявили необходимые документы и забрали искореженные остатки авто. Предположительно последним пристанищем разбитой автомашины стал завод АЗЛК, где автомобиль был восстановлен по имеющимся документам и «бегает» до сих пор. Но это уже совсем другая история.

Я разыскал живого свидетеля, который смог пролить свет на это «темное» дело, – Сергея Алексеевича Конопиева, бывшего начальника АТП № 29 города Тукумс, и попросил ответить на мои вопросы.

Сергей Конопиев:

«В то время я работал директором АТП-29. В дни, когда произошла авария, меня не было в Латвии. То есть с самого начала я в этом не участвовал. Дело в том, что я как раз был в отпуске, и только из него вернувшись – узнал, что Виктор Цой разбился.

А у нас же гараж был совсем рядом.

Городок Тукумс маленький, в центре города милиция, около милиции автомашина Цоя... Она стояла около здания милиции и была закрыта тентом от посторонних глаз. Милиция проводила следствие.

Тело Виктора было в морге, и нужно было перевезти его в Питер на автобусе «пазик». Обратились к нам. Я не знаю, кто приехал, но, по-моему, приехала Марьяна, может быть, были ребята из группы «КИНО». Наташу я не видел. Я понимаю, допускаю, что Марьяна все сама решала... Одним словом, Виктора погрузили в этот автобус. Мне довелось самому помогать, укладывать его тело.

Тело Виктора в Питер вез Гузанов. Володя Гузанов, нормальный хороший парень, водитель хороший. Я, честно говоря, не хотел бы, чтобы он был обижен, но это неважно. У него перед этим был не собственно залет, не то чтобы прогул... Просто один рейс не выполнил, пришел немного под этим делом... Но надо еще принимать во внимание те времена. Сегодня за такое нарушение просто увольнение, времена другие.

А тогда, может, и можно было... Одним словом... Но я повторю – он хороший, нормальный парень был, хороший водитель, он поехал, съездил, отвез – привез в Питер и вернулся.

Знаете, это такая миссия, не каждому под силу. И дело вовсе не в жаре. Покойника везти не каждый пожелает. А вы представляете, ЧТО значит везти тело в такую даль, в Питер, на простом автобусе, который совершенно не приспособлен для таких целей? Не каждый бы смог выполнить такую миссию, да и не каждому можно это доверить. А Володя смог! Жаль, что не знаю теперь, где он. Гузанов уже лет 17 как уехал жить в Россию.

Так как наша автобаза находилась совсем близко от милиции, то когда все необходимые действия уже закончились, они попросили, чтобы машина была где-то спрятана – с глаз долой, и поскольку наше автопредприятие было совсем рядом, то они позвонили мне, попросили: «Можете?» – «Могу, конечно». И забрал.

Так «Москвич-2141» темно-синего цвета, принадлежащий Виктору Цою, попал ко мне на хранение. У нас был такой большой ангар, эдакий полусклад, в общем, такой большой проходной двор, хотя и не скажешь, что так – ключи все-таки были и замок висел, ну когда что-то кому-то было нужно, слесарям или еще кому – заходили. Все знали, что это машина Цоя, я разрешил осмотреть ее всем нашим работникам, кому это надо было...

Хочу сказать, что авария, в которой погиб Виктор Цой, произошла по роковому стечению обстоятельств, то есть без вмешательства каких-либо третьих сил. Это точно. Наши автомеханики осматривали машину и пришли к такому мнению. Машина у Цоя была практически новая, поэтому техническая неисправность там не могла быть никакая.

Машина не горела, просто был лобовой удар, и Виктор погиб от удара головой. Лобовое столкновение, да, и машина была очень сильно повреждена, двигатель, капот и почти полкузова были смяты. Передняя часть крыши просто защемила Виктору голову. Это стандартная схема при таких авариях.

Вот летом я ездил с друзьями на место гибели Цоя, посмотрел еще раз – стечение обстоятельств. Простое стечение обстоятельств. Я не знаю, как водил Цой, но это было утром, он возвращался с ночной рыбалки, вероятно, усталость была, еще что-то. Машина прошла мостик и потом – все.

Потом позвонила Марьяна, потому что люди стали спрашивать о машине, и запретила мне ее показывать. Люди приезжали все равно, стояла осень, конец октября – начало ноября...

Как-то приезжает девочка из Москвы, 15 лет, вечером, под конец рабочего дня. А погода три дня стояла плохая, она вся замерзшая, от Риги до Тукумса еще 60 км проехала, и просит показать машину... Я открыл, показал, она постояла, посмотрела, заплакала... Говорит – отрежьте мне маленький кусочек от машины, а она же искореженная вся там... Ну, ребята взяли ей там отрезали кусочек, проводили ее на электричку и отправили. Такие вот случаи тоже бывали. Но по просьбе Марьяны я действительно не разрешал делать фотоснимки разбитой машины, хотя саму машину показывал всем, кто приезжал и хотел ее видеть.

И тогда я, поскольку люди ходили все время, забрал из машины удочки и другие вещи, поскольку думаю – все равно утащат. Там была еще запаска, новое запасное колесо. Были еще какие-то брошюрки отдельные, плакаты... Дело в том, что все это было залито... Там пролилась аккумуляторная кислота и все было залито электролитом. И в общем, мы все это выбросили. Это сейчас все понимаешь с позиции того, что это реликвии, а тогда все было намного проще.

Я-то помню все, что брал, все те вещи... Вполне возможно, там было больше всего, но я же не получил машину в тот же день, до этого она стояла у ОВД, и люди могли что-то растащить. Люди ведь тоже не спали, вот что-нибудь связанное с Цоем и брали. Вот типа – я это возьму, а я это... Я же говорил – девочка вот приехала – кусочек машины мне дайте... Великий он и есть великий, все, что с ним связано, важно хранить. Вот этим и ценны эти вещи, всякие брелки, которые можно хранить. Хотя брелков в машине я никаких не видел... Когда мы открыли багажник – что мы увидели? Удочки. Да. Наверное, удочки были, три, несколько рыбешек в целлофановом пакетики, такие мелкие... Улов у него был точно. 3–4 рыбешки по 10 см. Вероятно, для какой-нибудь соседской кошки. Не довез он... Я сам не рыбак, но, когда сидишь летом с удочкой на пруду, при хорошей погоде, это такой кайф. А рыба так, для интереса... Еще вот те афиши были, о которых я говорил уже. И все это обито было электролитом. Так что все было негодное.

Потом, когда точно не помню уже, Марьяна приезжала вместе с Алексеем Учителем, он собирался снимать фильм. Я так и не знаю, снял ли он его или нет... Мы встречались, беседовали.

Потом было много публикаций – и цвет машины, и еще много чего не соответствовало истине.

Что касается встречи с Олегом Беликовым, то я ее прекрасно помню. Его статья в газете, по-моему, была единственно точной и правдивой по сравнению с тем, что в то время писали в газетах и других изданиях. Он мне потом присылал кусочек газеты, вырезку. Марьяну я попросил – она привезла мне все аудиозаписи Виктора. Сегодня ложь Беликова в некоторых последующих публикациях можно понять – все-таки 20 лет прошло. Многие детали стираются из памяти...

Кстати. Была вот передача «Следствие вели» Леонида Каневского. Там версия была, что Цой кассету переворачивал и отвлекся. Но это неправильная версия. Там был магнитофон, кассетный магнитофон «Panasonic», встроенный. Он был разбитый, расплюснутый. И неправда, что кассету достали из магнитофона. Кассету достал я. Уже потом. И кассета у меня. Seriously. Что записано на кассете? Я вот сейчас точно не помню, я хотел ее найти, искал ее, но не нашел пока. Я ее слушал – там японские песни какие-то... А та, что у Наташи была, – то другая кассета. В тот день Цой не слушал свою кассету, он слушал японские мелодии. Я попробую поискать эту кассету, раз сама судьба так распорядилась, что она нужна. Так что передача Каневского – это его версия, но на самом деле все было совсем иначе...

Что касается фотографий... Сказать, что фотографий машины Цоя нет совсем, – нельзя. Они есть. В общем – я сам ее снимал. Беликову я тогда не разрешил фотографировать ничего, но сам же я фотографировал, взял грех на душу. Тогда у меня не было цифровой камеры, была обычная черно-белая пленка. Это же так давно было все. Я тогда был директором АТП, самым молодым. Помню, приезжают комиссии – а тут молодой директор. А теперь уж старый...

Что касается Фибикса, то я ничего о нем не знаю и не пытался узнавать. Вроде бы жив и здоров, тоже вот попал в историю. Люди к нему ездили, спрашивали, пишут ему письма там, я не знаю. Автобус его чинился не у нас, а в другом городе, за 60 километров, так что о нем тоже ничего сказать не могу. И никто его не убивал, просто люди как всегда придумывают и сами придуманное выдают за то, что это действительно было. Это все версии. Дом, где Виктор снимал жилье, тоже целый, мы ездили на море – проезжали его...

Что-то особенное такое вспомнить сложно. Если бы я, скажем, при жизни знал Цоя или он меня – тогда было бы проще рассказать о жизни или о чем-то еще. Хотя я не только видел машину, но и довелось своими руками укладывать Витю в автобус, в гроб. Голова у него была забинтована, пораненная вся... Травма головы была в первую очередь, и наверняка именно она стала причиной смерти... ну и рулевая колонка тоже. Это обычное дело при лобовом ударе, я уже говорил...

Марьяна приезжала, все делала, а Наталью я никогда не видел. Что касается двигателя... В газетах писали, что двигатель вылетел куда-то там. Про двигатель я точно не помню, но мне кажется, что он был на месте. Конечно, искореженный, но был. Смят в лепешку. Но задняя часть автомашины осталась цела. Машина ударились левой стороной о левую сторону "Икаруса". Сам "Икарус" я не видел. Не было ни цели, ни интереса. Просто я автомобилист, и для меня все эти аварии обычная работа, обычное дело, рутина. Но конечно, был бы Цой обычный человек – другое дело. А тут хочется, чтобы все было иначе. Люди своих кумиров обожествляют, и им хочется, чтобы они умирали не просто так, внезапно как-то, просто, а обязательно с тайнами. Так же интереснее...

А потом, уже поздней осенью или даже зимой, Марьяна позвонила, сказала, что приедут люди на машине и заберут "Москвич". Машина Цоя была оформлена по доверенности, это в то время была обычная схема. В те времена главное было – бумаги, документы, и под

бумаги можно было восстановить все что угодно. Я помню, в те времена так делали – это была, повторю, обычная схема. Поэтому машину и забрали, она же имела какую-то ценность. Половина машины была целая, задняя часть вся, задний мост, колеса... Главное – номера.

Машина находилась на нашей базе еще какое-то время, после чего за ней действительно приехали на грузовой машине ребята от Марьяны и увезли в Россию. Не знаю, в какой город. Так что о дальнейшей судьбе машины мне больше ничего не известно».

Инна Николаевна Голубева:

«Когда погиб Витя, от машины ничего не осталось. Там нечего было уже забирать... Марьяна мне сама рассказывала, что следователь, женщина, которая вела дело, сказала ей, что она такой аварии в своей жизни еще не видела. Машина вся была просто донельзя разбита. Я, честно говоря, не помню, забирали ли машину вообще. Может быть. Тогда же все были нищие как церковные крысы. То есть кто-то мог ее купить просто. Но того, чтобы Марьяна этим целенаправленно занималась, я не помню».

Олег Соколов:

«Разбитый "Москвич" потом привезли вроде, в Москву, по-моему я его видел даже, но он был накрыт брезентом. Какой-то знакомый Шписа купил его, или его вернули тому знакомому, у которого брали... Что – то такое, в общем».

Сергей Конопиев, взглянув на единственное имеющееся у меня фото предположительно разбитой машины Цоя, ответил:

«Да... Снимок очень сомнительного качества... Но вообще похож. Непонятно только, где он сфотографирован. "Москвич" ведь стоял в боксе (ангаре), где других машин не было, а здесь на фоне просматриваются легковые авто. Возможно, снимок сделан на улице у РОВД».

Дальнейшая история разбитого авто такова. Поскольку со смертью Цоя генеральная доверенность на машину действовать перестала, то машина за определенную сумму, скорее всего, была возвращена хозяйке – Наталье Сергеевне Курочкиной, которая, пользуясь связями на АЗЛК, вполне могла восстановить автомобиль под существующие документы. И еще один момент: никаких упоминаний о том, что «Москвич-2141» с госномером Я 6832 ММ впоследствии снимался с регистрационного учета, – нет.

Теперь что касается удочек Виктора Цоя, которые Сергей Конопиев вытащил из багажника разбитой автомашины. Не так давно Андрей Машнин, лидер «Машнинбэнда», выложил в Интернет несколько черно-белых фотографий удочек и рассказ Натальи Тишковой, названной в статье Олега Беликова Никой, о том, как она с подружкой Светой и корреспондентом Беликовым в ноябре 1990 года ездила в Латвию, в Тукумс, откуда и привезла удочки, подаренные ей по просьбе Беликова директором автобазы № 29 Сергеем Конопиным, который их вытащил из багажника разбитой автомашины.

Я связался с Натальей, и вот что удалось выяснить.

Наталья Тишкова:

«Я ездила туда несколько раз. Первый раз – на ноябрьские праздники. С какими-то подружками. Именно в Тукумс за удочками мы не ездили, и разбитую машину Цоя я не видела. Все, что Олег Беликов написал про эту поездку, чистый вымысел. Он ездил с девушкой (по-моему, ее звали Света). Мы тогда разделились. Мы ездили вместе на трассу (на место гибели Цоя), но не в Тукумс, где стояла машина. В каком году мы ездили на трассу вместе, я уже не помню. Но можно отсмотреть слайды и понять».

Про аварию нам рассказывала жительница этого хутора, где и была авария. Она и вызывала милицию тогда. Пока мы там были, чуть еще одна авария не произошла точно такая же. Там ужасное место. Стоит дом этой женщины, за ним поворот почти на 90 градусов. Дорога узкая, и все едут посередине. Отсюда и аварии. Мы на следующий или через год ездили, и нас до места подбрасывал дальнобой. Так он, когда обратно ехал, притормозил, чтобы нас поприветствовать, и в этот момент из-за дома выехала машина на полной скорости. Если бы он не притормозил, они бы встретились.

А удочки. На фотографиях, которые выложил в Интернете Андрей Машнин, они сняты где-то около моего дома в Москве. Одна бамбуковая, а вторая металлическая (светлая), типа спиннинга, и рукоятка у нее голубая или цвета морской волны. И если мне память не изменяет, спиннинг около ручки перемотан еще черной изолентой. Их Беликов привез ко мне. Оставил у меня, сказав, потом решим, что делать. Я хотела отдать их Валентине Васильевне, но она сказала, что это не их удочки и что она никогда их раньше не видела. Разговору я не знала, спросить у нее не смогла. Так что удочки ли это Цоя, я не знаю. И привез ли их Беликов вообще из Тукумса, а не взял где-то, я тоже не знаю. Мы не смогли поехать тогда вместе на автобазу. У нас не хватало денег. Мы все наскребли только на двоих. Олег взял деньги, и они уехали. Через день звонок в дверь, там Олег со Светой и с удочками.

Вообще нужно уточнять у Олега. Мне кажется, что у него были фотографии машины. Если они действительно были в Тукумсе, то он точно машину сфотографировал. Или должны быть фото автобазы. Это Олег мог снять, даже несмотря на то что саму машину могли запретить сфотографировать. Если честно, то есть у меня сомнения (и тогда были), ездили ли они вообще тогда в Тукумс. Ну тогда это было не просто. Пленка стоила не дешево, а денег у нас тогда... ну как и сейчас иногда. Удочки они могли и стащить. Олег сказал, что директор автобазы открыл багажник машины, а там были удочки и еще что-то. Он их вынул и поставил у стенки. Вроде бы Олег спросил разрешения их взять, и директор сказал: берите. Но не факт. Повторю, могли и сами стащить.

Хорошо, что нет фотографий разбитой машины. И не надо. Олег ее описал, в каком она была виде. Не нужно этого. Там переда у машины не было вообще. Я никогда не задумывалась о смерти Цоя. Уверена, он разбился на машине, сам.

А что касается придумок... Беликов был журналист, это его работа – приукрасить и придумать историю.

Как следует из рассказа Натальи, она лично не была с Беликовым на автобазе. Он там был со второй девушкой – Светой, а Ника в тот день поехала фотографировать место аварии. Потом они встретились уже в Риге, и Беликов сказал, что выпросил у директора автобазы удочки, которые и вручил Нике. Однако Беликов никогда в жизни ни в личных разговорах, ни в своих статьях не упоминал о том, что Сергей Конопиев ему подарил удочки Цоя. А ведь это значимый факт. Но и сам Конопиев этого не помнит.

Сергей Конопиев:

«Говоря по совести, не помню я такого. Конечно, я допускаю такую возможность. Но я ведь общался с Марьяной... И сам не мог раздавать ничего из вещей. Даже фотографировать она не разрешала никому. Тем более вещи раздавать. А желающих увидеть машину было много. И в памяти как-то не отложилось, давал ли я удочки Беликову или нет. Извините. Хорошо помню, что удочки я доставал. И лежали они у меня в гараже. Три их было, кажется. А сохранилась лишь одна».

Однако можно все же допустить, что Конопиев тогда позволил Беликову взять удочки (или их стащили), но не все, и одна из них на протяжении долгих лет оставалась у него. В 2012 году он передал ее Наталии Разлоговой, а Наташа подарила ее мне, автору этой книги. Это

совершенно обычная телескопическая 4-метровая удочка «AUSMA», латвийского производства 1982 года выпуска, снабженная безынерционной катушкой GD50.

Удивительное дело: прошло более 30 лет, а удочка – будто вчера с рыбалки. Радует глаз и навеивает грусть. Вещь, хранящая тепло Его рук. Катушка полна лески, намотанной Его рукой. Как ни крути, а Цой жив, и время от времени подает вот такие, полные мистики, знаки.

Газета «Московский комсомолец» как-то писала, якобы, по словам Юрия Каспаряна, «одно из колес автомобиля Виктора Цоя так и не было найдено». Уверенно можно сказать, что это обычная «газетная утка». По словам Сергея Конопиева, «все колеса машины Цоя были на своих местах». Кстати, одно из колес – новенькое запасное колесо из багажника цоевского «Москвича» – до сих пор хранится в гараже Сергея как раритет. А совсем недавно на аукционе «Литфонд» в Москве был продан другой артефакт – номер автомобиля Цоя – «Я 6832 ММ», по легенде тоже найденный в одном из рижских гаражей...

До сих пор, спустя столько лет, не утихают споры о том, что же все-таки случилось там, на 35-м километре трассы Слока – Талси.

Некая Анастасия Демченко пишет в обсуждениях ВКонтакте:

«Есть факты, доказывающие, что смерть лидера группы "КИНО" Виктора Цоя была инсценирована им самим же. К примеру, предчувствие смерти в текстах. Разумеется, это никакое не предчувствие, а тщательно спланированный ход. Виктор Цой, как натура немногословная и загадочная, оставил после себя "намек" в своих песнях. "Горе ты мое от ума, не печалься, гляди веселей! И я вернусь домой со щитом, а может быть, на щите, в серебре, а может быть, в нищете, но как можно скорей!" В последних текстах Цоя присутствует тема смерти и последующего возрождения. Чтобы в этом убедиться, достаточно прослушать "Черный альбом". Конечно же, Цой не засыпал за рулем. Его не было в этой машине, а если и был, то не в момент столкновения. Я думаю, в машине был другой человек. От места рыбалки до дома Виктору нужно было проехать 10–15 минут. Около четырех-пяти минут занял выезд на трассу с места рыбалки, около двух минут Цой мог осматриваться, набирать скорость. Остается совсем маленький отрезок времени, за который он не мог уснуть, даже если бы очень сильно захотел. Прибавьте к этому шум двигателя "Москвича", плюс тряска... В ходе личной беседы с Юрием Белишкиным мной было выяснено, что гроб, в котором хоронили Виктора, был длиной не более 180 см. Тело в момент расслабления мышц после смерти вытягивается минимум на 7 см. Из этого следует, что Виктор Цой был невысокого роста, около 173 см, а то и ниже! Такого не может быть. Посмотрите на фотографии Цоя с лидером группы "Алиса" Константином Кинчевым. Виктор Цой выше Константина, рост которого составляет 178 см. Тело видели немногие. И объясняется это вовсе не изуродованным телом. Слишком многие видели его живым в наше время. Высокий мужчина лет 45, как две капли воды похож на Виктора Цоя. У всех массовая галлюцинация? У всех этих людей? Сколько еще мы будем верить в миф о последнем герое, трагически оставившем этот мир? Подумайте, прежде чем бросать в мой адрес обвинения во лжи. Здесь все написано так, как того хотел человек, давший эту информацию. Имя его называть есть право только у него самого».

Во всех подобных бреднях поражает один момент. Почему многие думают, что Цой должен был умереть какой-то странной смертью, непременно с кровавым убийством и тому подобными вещами? Почему верят алкоголику-санитару из морга больницы им. Мечникова, по пьянке утверждавшему, что он сам лично видел огнестрельное ранение на теле Виктора, и почему не верят в то, что Цой действительно не справился с управлением автомобилем? Зачем строят безумные версии, наподобие тех, что выстроил Герман Ломов, фантазируют на тему его смерти (или его последующей жизни), слепо (или упрямо) «роют землю» в поисках несуществующих убийц, как «технический эксперт» Юрий Антипов, каких-либо фактов, под-

тверждающих, хотя бы косвенно, все эти бредовые придумки? И все это вместо того, чтобы поражаться, как он точно угадал про «солнечный день в ослепительных снах» и «кукушку»... Они не видят мистику там, где она реально есть. Но почему? Вот как объясняет эту ситуацию **Андрей Степанов (Дамер)** в одном из сообществ, посвященных Цою в Живом Журнале:

Поклонники «КИНО» САМИ ХОТЯТ ВЕРИТЬ, что это был отнюдь не несчастный случай, а именно убийство. Потому что в противном случае получается, что смерть Цоя была напрасной. Поэтому они хотят найти виновных. Только виновных нет. Авария произошла по вине Цоя. Со всяким может случиться, но это не самая красивая смерть. Красивая смерть – это когда тебя убивают за правду. А тут человек напрасно и внезапно умер.

Кстати, после прочтения недавно появившейся в интернет-изданиях бредовой экспертизы Юрия Антипова и ее еще более бредовых выводов, я написал самому Юрию и задал «техническому эксперту» вопрос – зачем и за сколько он провел подобную экспертизу. Однако уважаемый эксперт, прочтя мое сообщение и ознакомившись с моей страничкой в Facebook, на поставленный ему вопрос не посчитал нужным ответить. Чем, собственно, окончательно свел на нет и себя и свою «экспертизу».

На встречах с поклонниками «КИНО» бывший менеджер группы Юрий Белишкин выражает свое мнение по поводу смерти Виктора Цоя и выдвигает свою версию случившегося 15 августа 1990 года.

Юрий Белишкин:

«Я до сих пор не могу представить, что Цой заснул за рулем. Тут явно что-то не то! Остались непреходящая обида и удивление, что следствие было попросту завалено. Родственники певца, убитые горем, не смогли настоять на по-настоящему профессиональном, заинтересованном расследовании. Друзья и коллеги тоже не занялись этим. А ведь это дело выходило за рамки банального несчастного случая».

Дмитрий Левковский:

«Может, я и параноик, но до сих пор уверен, что это было хорошо подготовленное убийство. Как и с Жорой Ордановским. Слишком серьезным авторитетом для молодежи становился Цой, а если бы выпустил "Черный альбом", то вообще хоть революцию возглавлял. Наивно думать, что менты не отслеживают такие тенденции. Вон, старший Кеннеди был убит относительно в такой же ситуации – за шаг до получения безоговорочного кредита доверия массы людей».

Конечно, этого никто не видел. Наташа Разлогова не была с ним в последний момент и как было в действительности, рассказать не может. То, что он уснул, – это ее версия. Если вспомнить ситуацию того времени... Тогда и за меньшее валили без разговоров».

Так или иначе, ни Юрий Владимирович, ни Дмитрий не верят в случайность смерти Цоя. Это их право. Но есть и другие мнения по этому поводу.

Федор Лавров:

«Это глупая смерть за рулем, каких немало. А вот то, что Жора Ордановский (лидер "Россиян") исчез и не был найден, вот это действительно странно. "Россияне" – единственная российская группа, на концертах которой я чувствовал тот душевный подъем, бунтарский дух и единение со всеми, кто там присутствовал. На концертах "КИНО" такого ощущения не было. Протест и бунт был в примитивных текстах Жоры. А в текстах Вити было какое-то созерцание, лишенное реальности. Он стал петь тексты, которые полюбила вся страна уже после пере-

стройки. А Жора пел "Кто не с нами – тот против нас" во времена СССР и КГБ... А за это сами знаете что...»

Алексей Учитель:

«Заснуть за такой короткий отрезок – невозможно. Мне кажется (я сам водитель), Цой на какое-то время, как говорится, ушел в себя. Может быть, что-то слушал, на что-то отвлекся. Плюс – пустое утреннее шоссе. Ему казалось, наверное, что ничего страшного быть не может. И тут из-за поворота выехал огромный "Икарус"».

Джоанна Стингрей:

«Я считаю, что это была автомобильная авария, потому что я вспомнила, когда Виктор был у меня, подъехал мой папа на "Cadillac" и он позволил Виктору поехать на этой машине. Виктор был не очень хорошим водителем. И когда я ехала с Виктором и Юрием в окрестностях Лос-Анджелеса, я ехала довольно быстро, и они мечтали, чтобы все такси в России так же быстро ездили...»

Зная подробности катастрофы, может быть, он был чем-то отвлечен (мог наклониться, чтобы достать кассету или еще что-то), и он просто отвел глаза от дороги, а затем понял, что к чему, и свернул в обратную сторону».

Олег Соколов:

«Думаю, Виктор уснул. Не спал ночью толком, возвращался утром, не рассчитал скорость перед поворотом, задремал немного. Резкий поворот, а оттуда "Икарус", как стена... "Москвич" же по безопасности, по-моему (а я много на нем ездил), просто ноль. Каждый день люди гибнут на дорогах. По Москве Цой за мной ездил (хотя я сам только недавно сел за руль) не то что херово, а просто мало практики было... Водил бы он, останься жив, думаю, нормально. Не было бы "Икаруса", он вырулил бы или в кювет съехал».

Сергей Селюнин:

«Я никогда не сомневался в том, что смерть Цоя – случайность. Свинья, кстати, тоже. Он очень хорошо знал Цоя. Ни к какому убийству или мистике я не склонен. Все банально. Просто жизнь. Цой погиб красиво. По рок-н-рольному. Это лучше, чем умереть от водки или от простуды».

Всеволод Гаккель:

«Человек не наделен способностью давать оценки тому, что принято считать жизнью, и тому, когда и как она обрывается. Если он на себя такую ответственность принимает, то практически всегда неизбежна ошибка».

Из воспоминаний отдохавшего в Плиеньциемсе очевидца событий:

«Говорят, что Виктор возвращался с пикника и врезался в "Икарус", еще говорят, что за рулем "Икаруса" сидел майор КГБ, а власти это скрывают. Еще говорят, что было это в Подмоскovie. В общем, много что говорят. На самом деле все было вот так, прозаично, но печально. Автокатастрофа».

Вячеслав Мещеряков:

«Цой заснул, скорее всего, за рулем. Так бывает со многими. Слухи об убийстве и самоубийстве я отмечаю, он был популярен, его даже пели в кабаке в Сочи, как сегодня Стаса Михайлова поют. Вряд ли его песни были угрожающе политические. Кстати, что Талькова убили по политическим соображениям, я тоже не верю. Помню, в Сочи был приколы, когда

какой-то грузин пел "Группу крови" Цоя и "Я хочу быть с тобой" Бутусова с акцентом, я даже еще подумал: "Ну дожили..."»

Леонид Ладыженский:

«Жалко, конечно, Витю, но помню, что тогда, когда узнал, что он разбился... Первая мысль была: "Я же говорил, не лезь в мещанство: машины, контракты, слава... облегчают путь на погост..." Я жил этой жизнью только до 1985-го, потом пятилетка без меня... Видимо, был не очень полезен. Я Витьку очень ценил как поэта, но в то время мы все считали себя Великими. Короче, я не относился к нему, как к идолу, и по сей день не люблю канонизаций».

Дмитрий Шагин:

«Я был в том месте, где погиб Витя, мы туда специально потом поехали. Абсолютно пустынное шоссе, ощущение, что там никогда никто не ездит. А тем более рано утром, когда он ехал. И столкнуться в этом месте практически невозможно. Правда, действительно, крутой поворот, и, кто едет из-за перекрестка, не видно. Но все равно мистика».

Марина Смирнова:

«Как-то нужно развеять этот миф. Он просто устал. Абсолютно простая такая человеческая смерть. Просто уставший человек сел за руль рано утром».

Инна Николаевна Голубева:

«Сегодня Белишкин рассказывает всем по секрету, что был у экстрасенса в Киеве и тот сказал ему, что Цоя погубил продюсер. Я ему всегда на это говорила: "Но вы же тоже продюсер!" – "Нет, ну что вы, я же не продюсер..."»

Алексей Рыбин:

«Ни о каком самоубийстве или убийстве речи быть не может. Белишкин ненормален, если он так говорит. Произошла банальная катастрофа. Многие музыканты потом специально ездили в Латвию, пробовали повторить трагический маршрут Цоя, но приходили к выводу, что нет резона сомневаться в официальной версии катастрофы. Сыграло роль и то обстоятельство, что водительский стаж у Вити был небольшой, и в то утро его вынесло на встречную полосу».

Алексей Рыбин, конечно, прав, но тут сторонники криминальных версий, несомненно, приведут тот факт, что многие поклонники «КИНО» потом специально ездили в Латвию, пробовали повторить трагический маршрут Цоя и приходили к выводу, что нет резона верить официальной версии катастрофы. Начальник следственного отдела Тукумской милиции подполковник Гунар Цирулис вспоминал впоследствии, что поклонники музыканта и журналисты в буквальном смысле слова замучили телефонными звонками с вопросами...

Как видим, все относительно и на каждое довольно твердое утверждение люди высказывают свои критические замечания. Это закономерно.

Инна Николаевна Голубева:

«Конечно, я уверена, что Наталия ничего не скрывает. Ведь помимо нее там жил десяток людей с детьми. И потом – какой смысл? Но Марьяне однажды было сказано, кем не помню, но она мне сама это рассказывала. Она начала искать нелепости этой смерти, пыталась узнать подробности. И кто-то ей посоветовал не искать виновников. Ей сказали: "Не копай". Кто за этим стоит – неизвестно. Об этом и Наталия может не знать».

Николай Михайлов:

«Если это все-таки убийство, то кому оно было выгодно? После смерти Вити вышел посмертный "Черный альбом" группы "КИНО", проданный миллионными тиражами, да и остальные записи раскупались со страшной силой. Киты звукозаписи сколотили состояния на гибели Цоя. Этого никто не станет отрицать. Но, по большому счету, в версию убийства я не верю. Это был трагический несчастный случай».

Особенно отличился журнал криминально-скандального толка, опубликовавший к 10-й годовщине смерти Цоя статейку о Янисе из Риги, который рассказал историю о том, как он с друзьями по заказу пытался запугать Цоя на озере. После первого опубликования статью перепечатывали лет 7–8 подряд к каждой годовщине смерти Виктора, не забывая, однако, менять даты и время обращения Яниса в редакцию газеты, что не добавляет правдивости этой истории.

Тем не менее **Юрий Белишкин** неугомонно продолжает придерживаться своей точки зрения:

«Да, история с письмом раскаявшегося Яниса смахивает на придуманную, но возникла она не на пустом месте. Слишком много белых пятен в официальной версии, и я поддерживаю тех, кто продолжает сомневаться и искать истину».

Ирина Легкодух:

«Я совершенно исключаю мысль, что нам нарочно подсунули аварийные машины, на одной из которых я чуть не разбилась, а Витя на другой погиб. Это, конечно, был бы увлекательный детективный сюжет, но, мне кажется, совершенно надуманный и нереалистичный. Если Цой был уже практически состоявшаяся звезда и, предположим, вокруг него могли плестись какие-то неизвестные интриги, то уж я-то, в то время неизвестная девушка, кому была нужна, кому могла помешать? Я думаю, что нам просто не повезло, причем закономерно, с неизбежностью (мне, к счастью, не повезло чуть-чуть, а Вите – трагически), потому что все эти "Москвичи", казээлковская продукция, наспех с левыми хитростями распродаваемые, были просто гадость недоделанная».

Владимир Игнатич:

«Мне по опыту кажется, что водитель автобуса просто вылетел на встречу, ибо попробуй поймай "Икарус" на такой тропинке. Приехали местные гайцы, все и порешали на месте. Чего, Цоя не вернуть, а тут местный мужик попал, с кем не бывает...»

Но даже если рассматривать версию убийства как реальную, то придется согласиться со словами Ольги Лехтонен о том, что «убить Цоя можно было бы гораздо проще и менее затратно, чем переться, простите, в латвийскую глухомань, поджидать его в автобусе на этом повороте и осуществлять детективный сценарий».

«Черный альбом»

Демозапись

Демозапись последнего альбома группы «КИНО» была сделана Цоем и Каспаряном в Латвии, в Плиенциемсе, во время летних каникул после интенсивных гастролей 1990 года. Планировалось записывать альбом осенью на профессиональной студии («Мосфильм» или «Ленфильм»), сведение делать в Париже, а черновик должен был помочь музыкантам сэкономить студийное время. В итоге все было сделано так, как и планировалось, но уже без Цоя.

Черновик был записан на ту самую привезенную Джоанной четырехканальную портостудию, на которой делался альбом «Группа крови». Цой играл на ритм-гитаре²⁵ и пел, Каспарян записывал партии соло-гитары, программировал барабаны и бас (по словам экспертов, на Yamaha RX-5 особенно «искусственность» баса слышится в прикидочном варианте «Кукушки»).

Юрий Каспарян:

«Мы занимались там в сарайчике каком-то, главное, что сеть там была... К тому времени у Виктора на кассете уже были записаны какие-то наметки под гитару. И в основном мы обсуждали, какая будет ритм-секция – такая фактура, этакая... Ну, Виктор, естественно, играл и пел. Я программировал, тоже играл что-то: бас-линию прописал, барабаны. Помню, что Виктор очень небрежно сначала спел и я его попросил перепеть по-настоящему – ну, мне же нужно было сидеть и работать с этим! Спой, говорю, нормально, пожалуйста. Он: «Ой, ну ладно!» Перепел. Все это продолжалось в течение месяца или, может быть, немногим меньше».

Однако в интервью с **Тихомировым** говорится следующее:

Юрик Каспарян в основном отдыхал, а работал Витя – записал гитару простейшую, бас, барабанный компьютер.

Артем Троицкий утверждал, что по словам Каспаряна, работа шла довольно туго: за все время целиком была записана и инструментирована единственная песня – «Красно-желтые дни». Все остальное, что записалось, – это сам Цой, поющий под акустическую гитару новые песни.

Троицкий ошибся, поскольку, как ныне известно достоверно, запись черновиков нового альбома была сделана полностью и сведена.

Практически все песни, вошедшие впоследствии в альбом, были новыми («Кукушку», например, Цой написал прямо в Латвии), за исключением композиции «Когда твоя девушка больна», выбивающейся из альбома концептуально, а также песни «Следи за собой», которая и вовсе датируется 1986 годом. Но до этого времени она не входила ни в какие альбомы, так как музыканты «КИНО» хотели выпустить ее синглом, а подобного формата записи в СССР тогда не было.

Песен, еще не написанных, сколько?
Скажи, кукушка, пропой.
В городе мне жить или на выселках,
Камнем лежать или гореть звездой?

²⁵ Ю. Каспарян: «Какие-то партии он сыграл на гитаре, что-то на ритм-гитаре».

Звездой...

Солнце мое – взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак,
И если есть порох – дай огня.
Вот так...

Юрий Каспарян:

«Там все песни новые, кроме "Следи за собой": она была записана на "Мосфильме", по моему, во время сессии, когда мы писали музыку для "АССЫ". Не знаю, почему Виктор решил ее вставить в альбом. И "Когда твоя девушка больна" – это из цикла песен про любовь: "Это не любовь", "Братская любовь" – замечательная песня, которая потом вообще непонятно куда делась... А остальные песни – новые, написанные за последний год».

Однако по датировкам коллекционеров, песня «Когда твоя девушка больна» написана не раньше 1988 года. Песни «Это не любовь» и «Братская любовь», упоминаемые Каспаряном, вообще относятся к разным записям, сделанным в период 1985–1986 годов, и «Когда твоя девушка больна» среди этих записей никак не всплывала. По крайней мере, записей исполнения этой композиции, упоминаний о ней ранее 1988 года в моем распоряжении пока нет²⁶, да и сама история создания песни весьма туманна²⁷. Некоторые в силу сходства названий и общей стилистической направленности утверждают, что на нее повлияла композиция "Girlfriend in a coma" группы "The Smiths", вышедшая на сингле 1987 года.

Бытует миф, что «ушлый Айзеншпис нарыл черновой материал на "Черный альбом", грубо говоря, из мусорной корзины Цоя и, возможно, многих вещей мы бы не услышали, если бы Виктор не погиб». Много легенд ходит и вокруг черновиков последнего альбома. Первая гласит, что «Черный альбом» делался с копии демозаписи, которую нашли у Цоя в разбитой машине. Эта легенда родилась из-за неточной формулировки журналиста, делавшего интервью с Игорем Тихомировым.

Игорь Тихомиров:

«Самое главное, что остался Витин голос, на одном из каналов остался его голос. Это было записано буквально за два дня до его смерти. Витя возил эту пленку в машине, и потом она была найдена в обломках. Это не легенда, это такие странные вещи, не имеющие никакого отношения к мирскому, к человеческому. Эту запись мы и взяли, используя голос и, где возможно, звучание Витиной гитары».

На самом же деле речь шла о том, что кассета с демоверсией альбома, которую Виктор с Наташей слушали в машине, странным образом уцелела в бардачке, хотя вся передняя часть автомобиля была разбита вдребезги. И это действительно всех поразило, но запись, с которой впоследствии работали музыканты, была у Каспаряна – он увез ее в Питер, когда работа была завершена.

²⁶ Первое известное всем исполнение этой песни было в Таллинне в марте 1988-го. Первое упоминание этой песни Цоем в интервью также в 1988 году (РИО. 1988. № 19).

²⁷ Есть несколько версий происхождения песни: 1) В одной из передач упоминалось, что эта песня написана по следам романа Ю. Каспаряна с Мариной Смирновой и представляет собой ироническое посвящение двум друзьям. 2) По словам Марьяны Цой (интервью Михаилу Садчикову «Труд» № 151), песня посвящена ей.

Юрий Айзеншпис вспоминал:

«Долгое время муссировался миф, что на месте аварии нашли кассету с демозаписью "Черного альбома". Не более чем красивый вымысел. Эту кассету для доделок аранжировок нового альбома забрал Каспарян и увез в Петербург».

Записей было, как минимум, две: первая (копия) осталась у Цоя, а вторую (оригинал) увез в Ленинград Каспарян. Копия черновика, найденная в бардачке машины Цоя, хранилась у Наталии Разлоговой, пока она не передала ее фанатам (канувшим в Лету), которые собирались делать музей Цоя. Изданный в 2002 году «Moroz Records» диск «Последние записи», включающий демоверсию «Черного альбома», сделан не на основе кассеты Каспаряна, а на основе кассеты, найденной в машине Цоя.

Как удалось узнать, художнику Василию Гаврилову (скончавшемуся 2 мая 2002 года), который с Евгением Гапеевым занимался реставрацией, оформлением и выпуском материалов «КИНО», кто-то передал кассету, взятую когда-то у Наталии Разлоговой.

Об этом **Андрей Дамер** рассказал в сообществе в ЖЖ:

«Он (Василий Гаврилов) меня удивил, рассказав об истории последних летних записей Цоя. Это акустика, потом целиком вошла в диск "Последние записи" ("Сосны", "Вопрос", "Малыш", "Муравейник" и т. д.). Гаврилов говорил, что эту запись дала Наташа Разлогова. Песню "Муравейник", он утверждал, Цой пел несколько раз. То есть спел один раз. Плохо. Другой. Третий. Раз пять пел (нам известен только один вариант). Также помню его рассказ о том, как песня "Малыш" попала к Лагутенко. Деталей не помню, но что-то было смешное».

Запись и сведение

Несмотря на трагическую гибель лидера группы, музыканты «КИНО» и менеджер группы Юрий Айзеншпис довели работу над альбомом до конца.

Юрий Айзеншпис:

«Еще летом я обещал ему, что новый альбом, материал для которого уже был написан, выйдет осенью. И я сдержал слово».

Группа не преследовала при этом никаких коммерческих целей, этот вопрос, по словам Тихомирова, их вообще не волновал. Они видели в этом свой долг перед Виктором, старались сделать все максимально быстро. После выхода «Черного альбома» группа «КИНО» прекратила свое существование как музыкальный коллектив.

Из интервью с **Юрием Каспаряном:**

Было понятно, что группа после этой записи прекратит существование?

Юрий: Конечно.

Вы не задумывались, что будет дальше?

Юрий: Никто особо не задумывался. Ну я, по крайней мере. Не знаю почему... Наверное, в силу характера.

В октябрьском номере «Аргументов и фактов» менеджер группы **Юрий Айзеншпис** заявил:

«Что теперь будет с группой "КИНО"? Увы, такой группы уже нет. Оставшиеся музыканты сейчас работают над последним альбомом, пластинку с 9 новыми песнями любители

этого коллектива получают к концу года. Будут также отреставрированы старые песни "КИНО", после чего пути музыкантов, вероятно, разойдутся».

Процесс работы над альбомом был тяжелым и нервным. Сильнейшее давление оказывалось извне: миллионы поклонников знали о существовании уцелевшей записи и ожидали ее с растущим нетерпением. И. Тихомиров не раз отмечал в своих интервью, что записывали и сводили все в страшной спешке, чтобы успеть к концу года выпустить альбом.

Отягощали работу сами обстоятельства.

Игорь Тихомиров:

«Трудно было. У меня эти несколько месяцев слились в какой-то сплошной кошмар. Гибель близкого человека всегда тяжело переживается, а здесь это еще было связано с неизбежным крушением жизненных планов, которые были выстроены уже надолго вперед: запись альбома, поездка в Японию... Истеричные похороны, бесконечные интервью какие-то, жуткие финансовые разборки и изнурительная работа над альбомом».

Юрий Каспарян:

«Конечно, шок был, но как бы в глубине, на уровне подкорки. Я помню, меня так трогало... В песнях "Черного альбома" тема прощания очень четко звучит... И во время записи все это очень сильно эмоционально воздействовало. Я ответственность большую ощущал при сведении, потому что Витя был записан на этой кассете».

Георгий Гурьянов:

«Не было присущей радости и веселья, сопровождающего записи всех предыдущих альбомов. Ну, конечно, стоит ли описывать наши чувства в это время?»

С другой стороны, были чисто технические проблемы, связанные с необходимостью создания студийной записи на основе домашней. Как отмечал Тихомиров, «аранжировки прикидочные, но, к счастью, голос был записан на отдельном канале. Его можно было выделить и доработать все остальное. Хотелось сделать хороший, максимально профессиональный звук».

Запись велась на протяжении почти двух месяцев в сентябре – ноябре 1990 года в московской студии «Видеофильм». Музыканты аранжировали песни, наложили партии клавишных, барабанов и гитар и смикшировали запись, стараясь сделать одновременно качественный альбом и в то же время сохранить дух исходной записи.

Игорь Тихомиров:

«Сохранили все мелодии, все ноты, но переаранжировали массу партий: Витя – композитор, но один он никогда не делал звуковой панорамы».

Георгий Гурьянов:

«Мы старались максимально сохранить звук, стиль... Из-за этого было трудно работать».

Юрий Каспарян:

«Потом Айзеншпис организовал запись: мы писались на "Русском видео", в Москве, на даче Бери. Хорошая студия, профессиональные звукорежиссеры. Ну, собственно, у нас главная задача была – сохранить все, что от Виктора осталось: голос, гитару. И потом несколько технических моментов: синхронизировать записанную вот на этой демонстрационной кассете драм-машинку с синхросигналом. Помню, сидел там, плюс-минус нажимал. В одном ухе запись драм-машинки, в другом – реально играющая музыка. То есть все четыре трека скинули на двадцатичетырехканальную пленку, прописали синхросигнал и потом уже искали звуки. Там

был выбор на студии: барабаны "Siemens" электронные, по слухам, сделанные на заказ для "DEF LEPPARD", сэмплеры, банк звуков неплохой. Вот мы им пользовались. Делали аранжировки, записывали. Втроем. Это было в сентябре – октябре. В ноябре мы уже поехали в Париж все сводить».

Игорь Тихомиров:

«Работа над "Черным альбомом" шла так же творчески, как и над предыдущими, хотя, безусловно, нам было очень тяжело морально. Но мы старались максимально сохранять и использовать все Витины партии, учитывать его желания при работе над альбомом. В частности, состав и порядок песен был определен им при жизни».

Относительно вклада каждого из музыкантов в работу над альбомом разные источники дают разную информацию. Юрий Каспарян утверждает, что они все делали втроем. Но Артемий Троицкий, у которого своя версия событий, считает иначе.

Артемий Троицкий:

«Все инструментовки они придумывали фактически вдвоем, ударник Густав участия в работе не принимал».

По части версий не отстают и Рыбин:

«"Черный альбом" – работа Каспаряна и Тихомирова. Густав уже не принимал участия в записи, да и вообще он очень опосредованно участвовал в студийной работе "КИНО" на протяжении всего периода совместного творчества».

Георгий Гурьянов:

«Этот вопрос очень важен для меня. Это какая-то личная нелюбовь. Я так и не разобрался в этом. Это какой-то последовательный слив, непонятно откуда исходящий. Я так и не разобрался... Я принимал участие в работе над "Черным альбомом" от начала и до конца. В Париж ездил на сведение, сидел в студии, программировал барабаны. Тщательно контролировал все мозговые процессы участников-музыкантов. А потом появилось вот то издание на CD со статьей Артемия Троицкого, где из трех предложений было такое: "Георгий Гурьянов участия в записи 'Черного альбома' не принимал". Такое вот неожиданное внимание к моей маленькой персоне. Может быть, тогда стоило что-то еще написать? Более интересное, чем такая ложь. Я бы не сказал, что у нас с Троицким есть какая-то личная взаимная неприязнь. Мы не друзья, но все же. Я не знаю, откуда это взялось. Это ложь. Это необходимо отметить, чтобы это все знали. И Каспарян, и Наташа, и Тихомиров могут это подтвердить. Это – мое, и я вложил себя полностью в этот альбом. Как это я не принимал участия? На самом деле, многие мои враги хотели бы, чтобы я не принимал участия, чтобы меня вообще не было в "КИНО"... Но я там был. И есть».

Юрий Каспарян:

«Я еще хочу развеять одно недоразумение: на "Черном альбоме", в предисловии, написанном Артемом Троицким, сказано, что Георгий Гурьянов не принимал участия в записи этого альбома, но это на самом деле не так. Я не знаю, откуда взялась эта версия. Георгий, как все мы, работал над "Черным альбомом"».

Ребята действительно работали от начала до конца втроем и очень переживали за результат. Поэтому доводить запись поехали, как и планировалось, во Францию, поскольку грамотных специалистов по сведению в России тогда еще не было. Сведение делалось в студии "Studio

du Val d'Orge“ (при содействии Жоэля Бастенера и Натали Минц), там же, где сводился альбом «Последний герой».

Относительно конечного результата мнения Каспаряна и Тихомирова также расходятся. Каспарян считает, что, будь у них больше времени на работу, можно было бы сделать альбом интереснее.

Игорь Тихомиров:

«Нас подгоняли, теребили, и все делалось в жуткой спешке. Правда, я не уверен, что он получился бы лучше, если бы мы работали над ним дольше».

Выпуск и презентация

Юрий Айзеншпис:

«Теперь мне предстояло выполнить обещание, данное Виктором своим фанатам на последнем концерте в БСА, – до конца 1990 года выпустить пластинку. Чтобы выпустить в свет добротный продукт, требовалось немало средств, и мне пришлось взять кредит в размере 5 млн рублей (более миллиона долларов)²⁸ в Черемушкинском отделении МИБа. Это оказалось совсем непросто, требовались серьезные поручители, которые поверили бы в мою идею. Их нашлось несколько. Через Александра Гафина, нынешнего вице-президента “Альфа-банка”, я познакомился с главой одного из обществ ветеранов Афганистана, который помог с гарантиями. Еще поверили в мой проект приятели-коммерсанты, заложившие основные средства одного из своих заводов. Очень помог мне Сергей Козлов, впоследствии ставший одним из замминистров.

Работа предстояла кропотливая, ведь в наличии оказались лишь черновые записи. Мы арендовали студию в Сокольниках. Кстати, там тогда работал Костя Эрнст, помнится, он еще просил меня помочь сделать передачу о Цое. Сведение же делали во Франции, куда нас поехало человек 6 на две недели. В общем, на подготовку к выпуску я потратил около двух месяцев и около ста тысяч долларов. Не так уж и много. Выпуск пластинки я осуществил, одним из первых нарушив монополию вездесущей “Мелодии”. Выпускали, конечно, на том же Апрелевском заводе, но по договору аренды оборудования, и весь тираж принадлежал мне. Кооператив “Метадиджитал” (метадиджитал – медный диск, служащий для штамповки виниловых) подготовил необходимые болванки, я заплатил за материалы и работу и вскоре стал единственным владельцем более чем миллиона пластинок. Кооператив находился в Доме звукозаписи, в районе улицы Герцена, в помещении бывшей церкви.

<...> “Черный альбом” оказался суперуспешным в коммерческом отношении. Реализация прошла оперативно и проводилась лично мной: я звонил в разные госорганизации, заключал с ними договора. Роскультиорг купил наибольший тираж, чуть ли не в хозяйственных магазинах продавали. Кредит, который я брал на год, удалось вернуть через несколько месяцев. Помнится, удивленный банкир собрал своих замов и привел меня в пример. <...> Если бы все заработанные деньги я вложил в доллары, получилось бы больше миллиона, но я позволил их съесть инфляции. Думаю, тысяч по 50 получили обладатели авторских прав на творчество Цоя – его родители и Марьяна с сыном. То есть куда больше законных 8 процентов. Неплохо заработали и музыканты. <...>

²⁸ А. Рыбин в книге “”Кино’ с начала” и до самого конца» называет другую цифру: «Юра Айзеншпис взял банковский кредит, взял его под себя, кредит по тем временам сумасшедший, что-то в районе миллиона долларов, если пересчитывать на привычную валюту. Ну, миллион не миллион, а тысяч, примерно, восемьсот. Мы специально считали. На эти деньги и был записан и издан этот самый “Черный альбом”».

Короче, когда ко мне пришел знакомый предприниматель из "Мороз Рекордс" и захотел выпустить "Черный альбом" на входящих в моду CD, я просто уступил ему все права. Отдал, подарил, даром, бесплатно. Этим широким жестом я потерял несколько миллионов долларов и обеспечил многим людям целые состояния. Почему я так поступил? С одной стороны, просто не представлял всех финансовых масштабов, с другой – чисто эмоционально хотел прекратить разговоры за своей спиной. В любом случае, я не жалею об этом, как не жалею ни о чем другом, сделанном или несделанном, и чувствую себя нормально».

По словам А. Рыбина, «Юрий сделал то, на что вряд ли пошли бы в Ленинграде». Также он писал, что это был первый в истории русский альбом, который вышел в СССР без всякого взаимодействия с тогдашним монополистом звукозаписи в СССР – фирмой «Мелодия».

Марина Тихомирова:

«Потом началась подготовка к записи "Черного альбома", сама запись, Париж. Некоторое время спустя, когда Игорь отдал готовый материал на студию, рассказал: "Смотрю, как носитель уходит в печать, и думаю, ну вот, теперь точно все..."».

Олег Толмачев:

«На кассете был записан голос, а на голос уже наложена фонограмма. Над записью пластинки ребята работали в течение месяца по двадцать четыре часа в сутки. Фонограмма была записана на студии "Видеофильм", при большой поддержке программы "Взгляд". Там же запись была сведена, после чего музыканты и Наташа за собственные деньги отправились во Францию, где была сделана матрица альбома, и уже в Москве, на Апрелевском заводе, было выпущено 500 тысяч экземпляров пластинки. Потом тираж был удвоен».

В декабре 1990 года альбом был представлен публике. Первое его прослушивание состоялось в Ленинградском Рок-клубе. Презентация же альбома, организованная Юрием Айзеншписом, прошла 12 января 1991 года в Московском дворце молодежи и, по некоторым данным, явилась первой профессиональной пресс-конференцией в истории русского рока.

На вопросы журналистов отвечали музыканты группы «КИНО» и другие близкие Виктору Цою люди: Юрий Каспарян, Георгий Гурьянов, Игорь Тихомиров, Рашид Нугманов, Марьяна Цой, Артемий Троицкий, Сергей Бугаев и Юрий Айзеншпис.

Там же проводилась первая продажа альбома. Винил «Черного альбома» вышел полу-миллионным тиражом, который разошелся в течение трех-четырех месяцев. Его цена вместе с пакетом и плакатом составляла 25 рублей, что по тем временам было очень дорого. Для сравнения, самый дорогой – болгарский – диск в магазине стоил 7,5 руб., а обычные – нашего производства – 2,5–3,5 руб. Все средства, полученные от продажи пластинки, должны были поступить в Фонд им. В. Цоя.

Покупатель получал сам винил, пакет и плакат группы «КИНО». Плакаты были в двух версиях, на одной из которых были напечатаны тексты неопубликованных песен «Вопрос» и «Завтра война». Но вскоре по стране стали продаваться винилы без плакатов и пакетов. Как оказалось, 10 тысяч дисков были украдены с завода еще до презентации и пошли в народ.

Алексей Марков:

«В этот день в 1991 году в Московском Дворце молодежи прошла презентация пластинки. Фирма "Метадиджитал" издала диск, впоследствии ставший знаменитым "Черным альбомом". Последние записи Виктора Цоя, которые его группа довела до ума и до издания. Начало 1991 года, это еще тот самый Советский Союз. Тот самый Айзеншпис определил достойную события цену: 150 рублей за билет, таким образом, сразу отсеяв всю соб-

ственно публику Цоя (средняя зарплата в позднем СССР была около 100 рублей в месяц). Публика – бомонд известный и не очень: скажем, рядом со мной были Градский и какой-то ювелир, не успевший увидеть Виктора живьем. На прессухе (вел, если память не изменяет, Евгений Додолев) присутствовала вся группа (за понятным исключением) и француженка Натали Минц – изящная леди в черном. Евгений уговаривал журналистов задавать веселые вопросы, поскольку «мы тут собрались по радостному поводу». Если что: повод – это не то, что вы тут подумали, а преодоление монополии фирмы «Мелодия». Константин Преображенский, помню, поинтересовался у Каспаряна, приятно ли тому игралось с Дзуккеро. Я спросил у Тихомирова, кто определял саунд альбома и придумывал аранжировки. «Не знаю. Мы все. Мы слушали сердце...»

А когда показывали последний концерт, невесть откуда взявшиеся девочки-фанатки с заплаканными глазами потихоньку несли к сцене цветы. И когда экран погас, перед ним было то самое море цветов. И традиционные для стены Цоя сигареты и зажигалки. Автограф-сессия, фуршет, прастинки-пакеты-наклейки, гардероб, эскалатор. Было ощущение конца эпохи. Начинались девяностые...»

Юрий Айзеншпис:

«По всей стране продавались не только пластинки, но и памятные наборы: полиэтиленовые пакеты с портретом Цоя (тогда вся страна сходила с ума по красочным пакетам), маленький буклетик, двусторонний плакат – все где-то за 15 рублей (порядка 3 долларов). Помимо наборочных, было реализовано еще два миллиона плакатов».

Не обошлось без скандалов. Сначала в «Московском комсомольце» от 4 января 1991 года вышла статья «Презентации не будет?», в которой директор МДМ С. П. Туманов утверждал, что договор о проведении мероприятия с ним еще не подписан, условия не согласованы. Билеты на презентацию были очень дорогими (150 рублей), что вызвало негодование фанатов. Об этом событии в прессе писали критические отзывы, упрекая организаторов в обмане зрителей и неуместности дискотеки.

Показательна статья Т. Байдаковой ««Фуршет» по-московски»:

«Оказывается, недавно ушедший Виктор Цой очень любил дискотеки. Об этом сообщил на презентации последнего альбома группы «КИНО» ее бывший директор Юрий Айзеншпис».

Через неделю в прессе было официально сообщено, что билет на обещанную еще 15 декабря презентацию будет стоить ни много ни мало 150 рублей. Все прояснилось, когда в данном «Московскому комсомольцу» интервью Ю. Айзеншпис заявил, что это светский прием, а западные мерки предусматривают хорошую плату за такую «тусовку» среди звезд поп- и рок-музыки. Ничего не попишешь: с западными стандартами пришлось смириться. К счастью, журналистов (далеко не из всех изданий, а по исключительному выбору) аккредитовали бесплатно. Их-то ужином со знаменитостями не удивишь. В программе 12 января был обещан просмотр документального фильма о последнем концерте «КИНО» в Лужниках, шампанское, раздача пластинок и бал-дискотека (!). Веселиться у нас всегда умели. Все обещанное организаторы и Московский дворец молодежи (печально известный) выполнили: был и фильм, и по бокалу шампанского на брата, и сорокаминутная очередь за пластинками, и торжественно объявленные Айзеншписом танцульки под сопровождение низкопробной попсовой группы. И всего за 150 рэ. Но почему-то без звезд.

А звезды тем временем в компании с журналистами и прочими гостями, заглянув на пресс-конференцию с Юрием Каспаряном и Айзеншписом, имели честь присутствовать на банкете с икрой и шампанским. После окончившегося за полночь банкета они были развезены по домам на поданных к подъезду такси. Наверное, за те же 150 рэ, что были собраны

с каждого из простых зрителей. Говорят, Марьяна Цой выразила свое отношение к приему всего двумя словами, одно из которых – непечатное: «Москва, ...» (имея в виду, вероятно, балаганно-попсовый оттенок большинства столичных мероприятий). За достоверность этой информации ручаться не могу, хотя такое резюме вполне естественно, и оно не исключение.

Евгений Додолев:

«**Юрий Айзеншпис** уговорил меня вести презентацию в МДМ посмертного "Черного альбома" **Виктора Цоя** в январе 1991 года. После пресс-конференции весь рок-бомонд перекочевал вниз, в банкетный зал. Когда **Расторгуев** поднял тост в честь Цоя, расвишавший **Юрий Шевчук** накинулся на Николая с отповедью "жалким фонограмщикам": мол, скорбеть тут имеют право лишь истинные питерские рокеры, а попса обязана знать свое место. Их не без труда разняли, **Александр Ф. Скляр**, дабы разрядить обстановку, затынул "Из-за острова на стрежень..." Я на той гулянке был с известным французским репортером **Франсуа Моро**. Франсуашечка, ни слова не понимавший по-русски, встревоженно поинтересовался у меня, что, дескать, грядет. Я решил по привычке потроллить коллегу: "Не бойся, друг мой, это всего лишь наш старинный обычай... Будет драка-поножовщина, однако при этом без особого кровопролития. Так что, Франсуа, не ссы: никаких убийств". Ужас в глазах журналиста был неопишем, но, увы, я не выдержал и прыснул. Разъяснив ситуацию, я заодно поведал ему, что покойный Цой не очень-то привечал Шевчука. Как и многие, к слову».

После выхода и официальной презентации в Москве, пластинка с «Черным альбомом» объехала полстраны. Организаторами мероприятия были Юрий Айзеншпис, Олег Толмачев. Проводилось все просто: арендовали зал с кинопректором, зрителям показывали фильм, специально смонтированный для проката к продаже пластинки, на основе последнего концерта «КИНО» в Лужниках и записей из личных видеоархивов, после чего осуществлялась продажа пластинки «Черный альбом» и плакатов.

Олег Толмачев:

«Да, мы этот фильм специально для проката и продажи пластинки делали. И катали потом. Эффект был приличный, везде аншлаги. Финансово было лучше, чем продавать группу "КИНО". Как организовано было? Примерно, как и гастроли: забивали залы по всей стране, заказывали видеопроектор, показывали фильм. Перед показом я рассказывал о записи пластинки и о последних гастролях "КИНО"... Большое количество пластинок было продано именно на этих мероприятиях. У меня сохранились где-то на даче бобины, с которых делался фильм».

Осенью 2015 года Олег Толмачев передал на сохранение мне, автору этой книги, три металлических кофра с позитивными пленками фильма, специально сделанными для проката по стране в 1991 году. На память.

Оформление и название

По словам Артемия Троицкого, расположением песен внутри альбомов всегда занимался Цой, он же давал альбомам названия. Так как последний альбом вышел без участия лидера, официального названия у него нет. По словам Каспаряна, название альбома они на момент записи черновика еще не придумали.

Из интервью **Юрия Каспаряна:**

А. Д.: Были разговоры о том, когда этот альбом должен был быть выпущен, какое у него будет название?

Юрий: Нет. Ну, осенью должна была быть студия... Рабочего названия у альбома не было, мы на эту тему не думали.

Из интервью **Игоря Тихомирова**:

– Как же будет называться альбом?

– Никак. Группа «КИНО». Просто «Группа "КИНО"». Оформление альбома тоже наше – группы «КИНО».

В этом же интервью Тихомиров сказал, что у песен с альбома нет названий. Следовательно, поздние названия песен «Черного альбома» даны не группой «КИНО», а, вероятно, издателями.

На черновой демокассете были записаны семь песен и короткая песня-зарисовка «Завтра война». Но для альбома семь песен – мало. Поэтому было решено взять запись вокала Виктора Цоя песни «Следи за собой», которая была сделана во время работы над альбомом «Звезда по имени Солнце», но туда не вошла, и где находится полная запись песни с оригинальной музыкальной аранжировкой и сохранилась ли она вообще, не известно. Осенью 1990 года на студии ВПТО «Видеофильм» музыканты группы «КИНО» записали новую аранжировку песни в стиле нового альбома, которая была наложена на запись вокала Виктора Цоя. Таким образом, в «Черном альбоме» стало восемь песен.

Так как расположение песен в «Черном альбоме» было решено оставить таким, как на черновой демозаписи, песня «Следи за собой» стала последней в альбоме. Это произвело своеобразный мистический эффект, потому что песня многими воспринималась как прощальное послание или завещание Виктора Цоя. В 1994 году «Черный альбом» вышел на CD. В 1996 году компания "Mogoz Records" выпустила ремастерованное переиздание альбома с двумя бонус-треками – не вошедшими в альбом песнями «Завтра война» и «Сосны на морском берегу» с той же демозаписи, сделанной в Латвии.

Песня «Сосны на морском берегу» тогда была выпущена впервые. Однако до сих пор окончательно неизвестно, где и кем была сделана ее запись. Известно лишь, что в версии с «Черного альбома» звучит гитара не Юрия Каспаряна, а неизвестного гитариста «Саши», записанная поверх чернового варианта (с «Белого альбома») в период ремастеринга пластинки в 1996 году. Сама же песня была написана и записана в 1989 году.

Песня «Завтра война» была также впервые выпущена в 1996 году. Песня была записана летом 1990 года на той же черновой демокассете, что и остальные семь песен. Виктор Цой написал и записал ее в качестве творческой музыкальной зарисовки. В 1996 году после ремастеринга звучанию песни придали эхо.

В 2002 году вышла сама демоверсия «Черного альбома» с разрозненными записями позднего периода.

Поклонники называют эту пластинку «Черный альбом» (по аналогии с «Белым альбомом» "The Beatles") – в соответствии с оформлением. Конверт альбома был ровного траурно-черного цвета и не содержал никаких надписей кроме логотипа группы. На оборотной стороне – фотография группы «КИНО» в центре на черном фоне.

В прессе того времени упоминаются следующие «народные» названия альбома: «Памяти Виктора Цоя», «Солнце мое, взгляни на меня» и «Черный альбом». Последнее за ним и закрепилось и прижилось в официальной дискографии.

Из интервью **Георгия Гурьянова**:

– Чья была идея «черного квадрата» в последнем альбоме?

– Моя идея. Денис Егельский и еще кто-то мне ее выговаривал. Очень удачно. Черный цвет – очень модный в то время. Квадрат Малевича, но это еще и по ассоциации с группой ”Joy Division“: у них две пластинки, одна белая, другая черная.

ОТЗЫВЫ

Андрей Тропилло:

«А вот последняя пластинка ”КИНО“, черная, – это чистой воды спекуляция, бандитский вариант, который замкнут на какую-то ассоциацию воинов-афганцев только для того, чтобы туда не совались из ОБХСС».

Татьяна Байдакова:

«По результатам опроса газеты ”Московский комсомолец“ он был назван лучшей пластинкой 1990 года. Фанаты авансом дали ему первое место, хотя ко дню завершения анкетирования не слышали ни одной песни».

Часто в прессе можно встретить высказывания об Айзеншписе, который, судя по изданному им после смерти Виктора Цоя «Черному альбому», вел группу в сторону коммерческого звучания, из-за чего, например, в песне «Муравейник» находят влияние «Ласкового мая». Однако и Айзеншпис, и музыканты «КИНО» это отрицают.

Начинается новый день,
И машины туда-сюда...
Раз уж солнцу встать не лень,
И для нас, значит, ерунда.

Муравейник живет,
Кто-то лапку сломал – не в счет,
А до свадьбы заживет,
А помрет – так помрет...

Я не люблю, когда мне врут,
Но от правды я тоже устал,
Я пытался найти приют,
Говорят, что плохо искал.

И я не знаю, каков процент
Сумасшедших на данный час,
Но, если верить глазам и ушам —
Больше в несколько раз...

Юрий Каспарян:

«Юрий Шмильевич, царство ему небесное, был очень хорошим организатором. Ему мы обязаны масштабными стадионными концертами. Очень все было у нас хорошо с гастрольями, со студиями. Но курс прежде всего выбирал Виктор, в той или иной степени соотнесясь с нами. В звучание группы Юра никак не вмешивался. Ясно, что, если бы был жив Виктор, ”Черный альбом“, конечно, звучал бы по-другому».

Юрий Айзеншпис:

«Все разговоры о том, что я оказывал давление на творчество группы "КИНО" и чуть ли не заставил их играть более коммерческую музыку, совершенно беспочвенны. В творчество я вообще не влезал. Здесь, скорее, влияние барабанщика Гурьянова, который очень увлекался танцевальной музыкой и активно приобщал к этому Витю, у которого дух Ленинградского Рок-клуба перебивал все модное и прогрессивное в новой культуре. Наверное, поэтому последний "Черный альбом" и получился таким танцевальным.

А вообще на гастролях ребята часто хохмили – собирались после концерта у Цоя в номере и под гитару хором пели песни "Ласкового мая", чтобы подразнить лидера».

Вадим Демидов:

«"Черный альбом" я не принял вовсе. Там есть отличная вещь "Следи за собой", но она была известна задолго до выхода пластинки. Остальной материал так себе, словно ауттейки. Аранжировки часто адские, просто диско. На фоне альбома "45" тут не о чем говорить. <...> "КИНО" уже проходило по разряду попса...»

Критики отмечают, что на самом деле на «Черном альбоме» прослеживается влияние гитарного инди-рока поздних The Smith и хауса в духе альбома "New Order Technique", что позволяет смело заявить, что версия о влиянии Айзеншписа на композиции последнего альбома несостоятельна.

Не раз высказывались мнения о том, будто Цой исписался и у группы не было будущего, так как она замкнулась на своем стиле.

Андрей Тропилло:

«Если БГ мог изменить собственный имидж в какой-то момент, то Цой, по-моему, в последних альбомах этот образ только дорисовывал и менять что-то ему было неохота и не нужно. Но совершенно ясно, что это тупиковая ветка и путь этот никуда привести не мог. Поэтому музыкальный конец "КИНО" был для меня очевиден».

Борис Гребенщиков:

«Все произошедшее с Витькой мне кажется вполне исторически объяснимым и логичным. Его путь мне представляется как абсолютно ясная законченная вещь. Последние три альбома он говорил одно и то же. Разными словами выражался один и тот же эмоциональный знак. И не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что это было то, что нужно сказать. И в последнем альбоме это сказано с максимальной простотой. "Солнце мое, взгляни на меня – моя рука превратилась в кулак". Проще уже некуда. Все».

Многие с этим не согласны, положительно оценивая последнюю работу группы.

Максим Пашков:

«Говорили еще, что все песни "КИНО" на один мотив. Это тоже не так. У каждого композитора есть свой мир, в котором он существует, отображая его с разных сторон. А Моцарт разве не весь одинаковый? А Высоцкий? Или ему надо было одну песню петь, как Высоцкий, а другую – как Утесов? Меня тогда многие на подобные разговоры провоцировали, зная о моей прежней дружбе с Витей».

Рашид Нугманов:

«От некоторых я слышу рассуждения, что Виктор уже исчерпал свой творческий запас. Это просто спекуляции. До этого еще очень далеко было. На самом деле он только начинал

разворачиваться. Разумеется, даже то, что он сделал, – огромно, и это навсегда войдет в нашу историю. Но и впереди у него были не менее интересные вещи».

Всеволод Гаккель:

«Цой не исписался. Я не имею права так отзываться о собратях по цеху. И никогда не придавал значения подобного рода оценкам».

Игорь Тихомиров:

«Так могут говорить только те, кто ни черта не смыслит ни в музыке, ни в поэзии. Вы слышали последний альбом? Каждая вещь в "Черном альбоме" говорит о том, что у Вити потенциал огромный и далеко еще не исчерпанный».

Юрий Каспарян:

«Недосказанность и потенциал Виктора были огромными... Ему же всего было двадцать восемь лет...»

Георгий Гурьянов:

«Ну конечно, да. Насильственная смерть и такой короткий период существования... Разумеется, огромная недосказанность...»

Олег Толмачев:

«Я скажу честно – я не любил группу "КИНО". Я знал две-три песни. Только потом уже, когда начал слушать, вникать, думаю: о, какая песня... А до этого вообще не знал, слышал только "Перемен!", "Алюминиевые огурцы", "Группа крови".

А почему так? Потому что мы в Москве немного по-другому относились к року, и вообще... У меня весь этот роковый романтизм прошел после 10-го класса. У нас своя группа была, мы играли. У меня отец – музыкант, и я сам закончил фоно. Мы пели "Поворот", "Машины времени" и прочее. Но все это прошло в 19 лет. У меня любимая группа была "DOORS", "Rainbow", а попса, вот эти все голоса восьмидесятых, от них можно было просто вырвать, вот такое воспитание было. Так что про свои 24 года я уже вообще молчу. Тогда уже ничего не перлю, поэтому я и говорю, когда парень, мой друг, помешанный на "КИНО", пел про алюминиевые огурцы, я ничего не понимал. Это сейчас прикольно...

У Цоя в песнях проскакивала такая недосказанность... Он предугадал многое. И последний "Черный альбом", и перед ним вот тоже...»

Артем Троицкий:

«По материалу – и музыкальному, и поэтическому – это, возможно, лучший альбом "КИНО". Достойная последняя глава реальной легенды Цоя».

Нина Барановская:

«Но "Группа крови", "Звезда по имени Солнце" и, конечно, "Начальник Камчатки" – это мои самые любимые альбомы. И последний – не потому, что он последний, а потому, что там очень много серьезных вещей и Цой в нем раскрывается совершенно по-новому. Он там какой-то не восточный, я бы сказала. Очень русский получился альбом, с какими-то даже фольклорными мотивами. Поэтому я не верю в то, что он сделал все, что мог. Даже по этому последнему альбому чувствуется, что тут только что-то началось – совсем другое, новое. Оно еще даже не раскручено, только наметки, отдельные моменты, из которых мог вырасти совсем другой стиль».

Михаил Садчиков:

«Альбом потрясающий! Ясность и простота. Аранжировки интересные. Каждая вторая песня – потенциальный хит. Это лучшее, что я слышал у Цоя, и, несомненно, лучший альбом уходящего года. Никакого сравнения с тем вымученным рок-искусством, которое нынче демонстрируют нам вчерашние лидеры жанра».

Алексей Рыбин:

«Надо понимать, что это не совсем то, что хотел сделать Цой. Может быть, все совершенно иначе бы звучало и альбом был бы вовсе не "черным". А разговоры, что Цой все дальше уходил в попсу, что у "КИНО" не было будущего... Не согласен. Наверное, "КИНО" работало бы и работало. Альбом мог бы быть гораздо более радикальным, если внимательно слушать тексты, то это становится очевидным, но Игорь Тихомиров придал ему некую всеядную поповость – в хорошем смысле этого слова. Он получился каким-то ненарядным, без кульминационных всплесков, очень ровным, очень одинаковым от начала до конца, с одной энергетической напряженностью, и напряженностью, на мой взгляд, очень слабой. Просто ровная, качественная поп-музыка без особенных изысков. Может быть, даже чересчур ровная».

Константин Рылеев:

«Последний альбом, который вышел уже после смерти Цоя, назвали из-за цвета обложки "Черным". В этом диске было разочарование в романтике 1980-х. И общая безысходность: "Здесь в сено не втыкаются вилы, а рыба проходит сквозь сеть..."»

Абсолютно дико в свете гибели певца там звучала песня "Будь осторожен": "Сегодня кому-то говорят: 'До свиданья', завтра скажут: 'Прощай навсегда'... Будь осторожен, следи за собой... Кто-то, выйдя из дома, попадет под машину... Следи за собой..." "Перед глазами возникал чуть ли не клип на эту беспощадную песню, продиктованную Судьбой.

Утро. "Москвич" Цоя двигается по Рижскому шоссе, набирая скорость... "Будь осторожен, следи за собой..." "Водитель засыпает за рулем. Авто на полном ходу сталкивается с автобусом..." "Будь осторожен, следи за собой..." "Но по всей стране заиграла другая пророческая вещь – "Кукушка": "Песен еще не написанных сколько, скажи, кукушка, пропой. В городе мне жить или на выселках, камнем лежать или гореть звездой?" В скором времени начались пронзительные прощальные концерты рокеров под неизменную "Кукушку", которая так мало накуковала нашему рок-герою».

Застоялся мой поезд в депо.
Снова я уезжаю... Пора!
На пороге ветер заждался меня.
На пороге осень – моя сестра.

После красно-желтых дней
Начнется и кончится зима.
Горе ты мое от ума,
Не печалься, гляди веселей.
И я вернусь домой
Со щитом, а может быть, на щите,
В серебре, а может быть, в нищете,
Но как можно скорей...

Часть 4. «После красно-желтых дней»

Через 30 лет...

В августе 90-го кто-то сказал о его смерти – гибель огня.

Каждый год, 15 августа, поколение 80-х, воспитанное на «Игле», и поколение молодых, взрослеющих в XXI веке, все чувствующих, все понимающих и помнящих о поющем сердце парня с глуховатым, словно осипшим от встречного ветра голосом, копной непослушных волос и таким непостижимым, по-рыцарски открытым взглядом, отмечают скорбную и светлую дату – день гибели, день памяти Виктора Цоя. 15 августа 2020 года исполнилось 30 лет, как лидера «КИНО» с нами нет. И было ему в момент гибели всего 28 лет...

«...Песен, еще недописанных, сколько... скажи, кукушка...»

Недописал. Сегодня молодые пишут свои песни, но пишут, помня о нем.

На сайте одного из интернет-сообществ, посвященных Виктору Цою, однажды были сказаны такие слова:

«Чего стоят все потуги нынешних рокеров всех мастей собрать кассу на своих концертах? В далеком 1987 году Виктор Цой сделал пару звонков и собрал полный Зеленый театр для съемок "АССЫ", а в 2021 году, даже спустя 30 лет после своей смерти, Цой так же щелкнул пальцами и собрал полную "ЦСКА Арену"...»

Олег Толмачев:

«Столько времени прошло, столько лет, а популярность "КИНО" не падает, популярнее "КИНО" никого нет, и не факт, что будет. Да, появились группы, типа "Сплин", Земфира, но им тоже далеко до "КИНО"».

Артем Липатов:

«Именно на примере Цоя можно было впервые понять, что такое рок-звезда. Он был первым таким у нас. <...> И ведь он ничего не делал. Харизма? У него был невероятный фасон и ощущение невообразимой уместности всего, что он делал. <...> Эта блестящая отточенность, спокойствие, героические позы – даже они казались вполне уместными. Начиналась новая эпоха – жалко, что она вместе с Цоем и закончилась».

Егор Белкин:

«Я всегда ненавидел гитаристов, которые играют много, мелко и всяко, – я презираю таких до глубины души. От таких гитаристов ничего не остается – пыль одна. А есть такой, что может придумать соло из "Лето" – четыре-пять нот, и – это на века. И таких штук у "КИНО" было много. <...>

Каждую осень ставлю "Кончится лето", и вот эта добавка "Это" – многого стоит. Потому что среди всей безысходности эти три буквы оставляют нам надежду. У каждого есть любимые строчки Цоя. <...> Он прекрасен. Ведь он пэтэушник, но походя создавал шедевры из серии "Черт, почему это придумал не я?!". Ведь это все лежало на поверхности, но в голову пришло одному ему.

Однажды Марьяна Цой пригласила нас с Настей в гости, дала поиграть на Витиной белой гитаре, которую даже Рикошету не позволяла трогать, – она у них в качестве талисмана была. Сомнительный талисман, учитывая судьбу Виктора, а также самой Марьяны и Рикошета. Но все же я на ней немного поиграл "Алюминиевые огурцы", Марьяша всплакнула. Расчувство-

вавшись, она дала нам послушать песни, которые Виктор готовил для нового альбома. Никто никогда их не слышал и теперь уже, скорее всего, не услышит».

Когда артист уходит трагически, на разрыве гитарной струны, его жизнь и он сам становятся легендой. Цой прожил короткую жизнь, сумел дотянуться до звезд, не считая, что это сон. И сегодня очень хочется, чтобы память о Викторе сохранилась если не на века, то хотя бы надолго...

Марина Тимашева:

«Еду в метро, все вагоны забиты под завязку молодняком, нестройно распеваящим "Группу крови" и "Звезду". Фальшивят и улыбочиво поют "война – дело молодых, лекарство против морщин", словно не понимают смысла. На Воробьевых горах выходят. Спрашиваю: "А вы куда?" – "На концерт, бесплатно, памяти Виктора Цоя". Сосредоточилась: 19 августа, первая суббота после 15-го. Успела, тоже жизнерадостно, подумать: эти молодые, по всему видать, социально чуждые. Но между нами так много общего – все песни Виктора Цоя... В его песнях гораздо больше того, что всем понятно, мне кажется, это общечеловеческое. Эти молодые люди просто пели бездумно. Если бы они вникли в текст, они бы улыбаться перестали. Впрочем, пусть улыбаются, пока улыбается...»

Все помнят, как ко дню двадцатой годовщины со дня гибели лидера «КИНО» российское (и не только) ТВ породило шквал программ памяти Цоя. Все это вызвало зависть и раздражение тех, кто так или иначе считал себя причастным к сотворению легенды. Их раздражение понятно: вот ведь Цой – человек, которого я знал, с которым мы чай пили, и про него раздули тут на целых три дня болтологию, а как же я? Я же тоже там был!

Очень переживал, например, Алексей Вишня, который считает, что «раскрутил» Цоя, передав в свое время запись «Группы крови» московским музыкальным пиратам. А теперь его даже не показывают по ТВ, хотя кто только по поводу Цоя там не отметился.

Георгий Гурьянов, в 2012 году услышавший про Вишню и то, «что он столько всего сделал для "КИНО"», в ответ разразился хохотом. По его словам, у Вишни только несколько раз брали аппаратуру для сведения. Тут я, конечно, совершенно не компетентен, не могу что-либо определенное утверждать, да и непосредственные участники событий знают лучше. Я просто соглашусь с тем, что Алексей Вишня действительно сделал для группы «КИНО» очень многое.

Юрий Каспарян:

«Сколько "КИНО" сделало для Вишни! Об этом он не говорит? Если бы не мы, то и Вишню бы не услышали. Давайте так рассматривать вопрос. Нет, Вишню мы любим так, традиционно. Подлый, гнусный, мерзкий Вишня, которого мы традиционно любим. Я с радостью его вижу, когда встречаю».

Игорь Тихомиров:

«Про Лешу не хочу говорить: он и хорош, и плох. И всегда старался использовать все возможности для собственного пиара. Поэтому из него льется порой несусветная вишня...»

Евгений Титов:

«Если не у Вишни, так записалось бы "КИНО" в другом месте, возможно, общий звук отличался бы немного, но песни-то и аранжировки были те же самые! Получилась узнаваемая туповато-простовая драм-машина, которая на всех вишневских записях того времени звучала одинаково у всех. Но в то время это была еще диковинка и подавалась как якобы современная модная "нововолновая" ритм-секция. А другой просто не было. Позже у Курёхина появился

крутой синтезатор, тогда чуть ли не единственный в России, который ему Джоанна привезла, где можно было любые барабанные звуки сэмплировать. Я не знаю нюансов процесса записи "КИНО" у Вишни. Умалить роль звукооператора не стоит, но и преувеличивать эту роль тоже нельзя. Не записались бы у Вишни – записали бы в другом месте все то же самое, возможно даже лучше... Что гадать? Цой выбрал Вишню, значит, доверил ему. Хотя тогда не относился к этому как к нетленке.

В середине 80-х было принято каждый год к очередному фестивалю Рок-клуба групп-участнику делать совершенно новую программу. Это, кстати, стимулировало от природы ленивых музыкантов, чтобы не выглядеть в глазах коллег полными тупицами, думать о том, что нужны новые песни, и делать их. Если на Западе и тогда, и сейчас – это требование рынка – коммерчески успешные группы каждый год должны выпускать новый альбом, то у нас были другие стимулы, но результат тот же – каждый год программа обновлялась. Конечно, есть нюанс, все-таки мало кто может похвастать тем, что он записывал Цоя, Свинью, еще кого-то... Современные студии более обезличены: есть хозяева (бренд), которые могут ни разу к ручкам не прикоснуться, а звукооператоры могут даже меняться по ходу записи, они – наемные работники. Тогда это было дело НОВОЕ, более все-таки авторское, требовало применения русско-еврейско-татарской смекалки, и многое делалось не по шаблону (которого никто не знал), а великим методом ТЫКА. Так что роль и заслуга звукачей того времени больше, чем у современных, когда есть подробные инструкции на всех возможных языках, есть институты, курсы и т. п.».

Вот как прокомментировал ситуацию сам **Алексей Вишня**:

«В "Это не любовь" на барабанах играл я. И программировал. А написано – Густав. Но "Группа крови" действительно у меня только сводилась, писали они у него дома, это правда. Ой, какие мелочные люди, кошмар. Даже спустя годы слова "спасибо, Вишня" произнести сквозь зубы не могут. Гордость не велит. Ничего страшного, я же помогал Цою не для того, чтобы "спасибо" слушать. Я достиг главного: и Цой появился на свет, и я состоялся как продюсер».

Конечно, многих людей, знавших Цоя или имевших какое-либо отношение к «КИНО», обижают и, несомненно, задевает ежегодная многодневная шумиха вокруг имени Виктора. Именно поэтому они срывают свое раздражение на поклонниках Цоя.

Елена Вишня, музыкальный обозреватель и журналист:

«Я не являюсь и никогда не являлась поклонником Виктора Цоя. И я никогда о нем не даю интервью. Нарушила это правило всего один раз. <...> Какое может быть отношение к группе "КИНО" за 20 лет? Группы нет. Какое может быть отношение к тому, чего нет уже 20 лет? Жить прошлым? Увольте. Слишком много интересного происходит в настоящем. Остальное – спекуляция на памяти. <...>

Я не против его творчества, я не против этой личности. Я против того, что вокруг него наворачивают и выворачивают. Я даже не буду касаться конъюнктуры. Хотелось бы остановиться вот на чем. Только в одном сюжете прозвучала разумная мысль относительно мифологизации личности Виктора. Он был простым парнем и своей жизнью доказал, что любой может стать звездой, героем, кумиром (называйте как хотите), если останется свободным внутри себя. А теперь оглянитесь на всю эту огромную массу фанатов, которая так активизировалась в эти дни. На это чувство массового движения и чувство плеча (нашисты обзавидуются), это безоговорочное поклонение перед своим кумиром (все представители власти нервно курят в туалете). Полная противоположность тому, о чем пел и как жил Цой. <...> Люди с рабским сознанием выбрали себе в кумиры человека, который доступным языком рассказал им о свободе восприятия мира. А если даже кто-то и задумался над внутренней свободой, то, скорее всего,

путает ее с разнузданностью в поведении. И это 20 лет спустя после смерти. Полный бред или великая инфантильность».

В своем ЖЖ Елена нарисовала «толпу фанатов, активизировавшуюся в эти дни», которой позавидует любая молодежная организация и политическая партия. «Киноманская» дружба держится на общем интересе, у «киноманов» общие ценности, взгляды, какие-то общие книги, прочитанные ими, одна и та же музыка, которую они слушают. То есть общая территория, где не нужно притворяться. И это, естественно, не имеет никакой политической почвы. Зато «киноманам» может позавидовать любая политическая партия, поскольку, в отличие от искусственно созданных систем, «киномания» держится на живых человеческих чувствах, отношениях и интересах.

Одна из поклонниц Виктора написала:

«Я совершенно не понимаю, почему вообще объединяться по интересам для Елены считается "стадным чувством" и отсутствием собственного мнения. Вполне нормально и естественно, что люди дружат с теми, с кем у них есть общие интересы, и такое общение и дружба ничего общего не имеют с той ужасающей картиной марширующей толпы, которую она себе представляет.

Прежде чем начать оценивать, нужно задуматься: а что действительно происходит в душах у этих людей, которые кажутся инфантильной, фанатичной толпой? Почему они объединились и любят человека, которого никогда не видели? Может быть, потому, что люди, которых они видят каждый день, никогда не стремились ни понять, ни принять их такими, какие они есть, а заставляли "кем-то становиться", а Цой и те, кто его любит, никому из этих людей не сделали больно так, как окружающие их "живые люди", которых, по мнению "нормальных", "взрослых", "надо любить". (Вообще, как можно совместить понятия "любовь" и "необходимость"? И почему любовь и уважение к Цою обязательно исключают любовь к живым и близким людям?)

Может быть, нужно лечить не фанатизм "киноманов", а равнодушие и холодность окружающих, может быть, нужно самим советчикам внимательно посмотреть, что творится в душе у ИХ близких и далеких окружающих людей, может, стоит задуматься, а не задеваете ли вы кого-то своими словами, и тогда никому не нужны будут чувства к "человеку, которого они даже не знают"?».

И эта девушка совершенно права. Большинству поклонников Цоя его песни помогают жить.

Елена Русецкая:

«Время уже все расставило по местам и продемонстрировало, кто такой Цой и какое наследие он оставил за свой довольно короткий творческий путь».

Александра Панфилова, жена Константина Кинчева:

«Сколько ни пыталась сказать что-нибудь внятное про Цоя, никогда не получалось. Может быть, потому, что он такой человек... Человек-ощущение. Огромный, с беззащитным каким-то взглядом, почти детским. С мгновенным отстранением, если надо. Доверчивый, но очень избирательно. С чутьем. С правильным пафосом, который не раздражает, так как органичен очень. Просто в крови... достоинство. С этим рождаются, немногие. Имитировать нельзя, нелепица получится. Фальшак. Вот Витя, он совсем без фальши, завораживающе гармоничный, даже в слабостях своих. Я раскладываю все это, и думаю, что знаю еще пару таких же,

пару, не больше... Плюс-минус ветер, плюс-минус огонь. У каждого своя стихия. И каждый до оцепенения прекрасен. Жаль, что Цоя рядом нет. Просто нет рядом».

Ольга Лехтонен:

«Цой не кричал, не смеялся надо мной, он никуда не звал и ничего не требовал. Он рассказал мне обо мне самой и запросто вошел в мое сердце, не ранив, не подавляя. Тихо и властно. Он пришел, чтобы остаться навсегда.

Сначала он был моим героем, загадкой, самым лучшим и любимым певцом и музыкантом. Постепенно ореол загадочности и романтики тускнел и осыпался. А из-под лакированной обертки, из-под кожи кумира-идола появлялся простой человек. Спадали вся газетная шелуха, и он становился живым и родным. Герой-одиночка стал улыбчивым, застенчивым и добрым парнем с большим сердцем и лучистыми глазами. Мне вдруг стало ясно, что я знаю его тысячу лет, что я всегда его ждала и любила...

Нет, это была не подростковая влюбленность в эстрадного кумира. Это вообще была не влюбленность – в моих чувствах к Вите никогда не было даже намека на любовь-эрос. Он с первой минуты и навсегда стал мне братом.

Друг, учитель, наставник, он помогал мне взрослеть. Он учил терпеть боль и преодолевать неудачи. Он учил думать самостоятельно и отвечал на вопросы. Он рассказывал мне о том, какой путь он прошел, и подталкивал "выбираться своей колеей", избавляться от зависимости и искать свою дорогу. <...> Витя стал моей совестью. И за 19 лет ни разу не пожалела об этом. Он никогда не давал плохих советов.

Есть три вещи, которые стали базисом моей личности как таковой, фундаментом моего мировоззрения. И этим вещам меня научил именно Цой. Это внутренняя суверенность, честность и доброта. Он поделился со мной своими мыслями и опытом, честно, без самолюбования и дидактических амбиций – и оказалось, что именно этого мне смертельно не хватало. Как и миллионам других людей. Он был самим собой и прожил короткую жизнь, ослепительную в своей простоте. Он нашел свой собственный путь и прошел его до конца, рассказав мне о том, что пережил и что приобрел, – и я поверила ему и пошла за ним. Не только я. Да, каждый перепахивал свое поле, строил свою биографию, делал свои ошибки и переживал свои события, но именно Витины песни и его личный пример стали путеводными маяками, верстовыми столбами на пути каждого из нас.

Мировоззрение, характер, увлечения, друзья и даже повороты биографии – так или иначе все связано именно с тем, что в 13 лет я обрела Цоя.

Все последние 20 лет я пытаюсь писать о нем. Стихи, песни, даже небольшая повесть для книги поклонников «Дети одного солнца».

И каждый раз понимаю, что не могу выразить то, что у меня в душе. Не поддается это внятным описаниям. <...> Главное – неуловимо...

<...>

По 100 тысяч раз каждому из нас приходилось слышать "не сотвори себе кумира". Опять отругиваешься. А как объяснишь? Ведь кумир – это каменный идол. Его не любят – ему кланяются. От него откалывают кусочки на сувениры. Идолом заполняют дыры в сердце, за его счет решают свои проблемы. Идола не любят – им пользуются в корыстных целях. А для нас Цой – ЖИВОЙ! Это близкий, родной человек! И мы не поклоняемся Вите – мы доверяем ему. Мы впитываем его, дышим благодаря ему. Простите, но как из воздуха сделать идол? Воздухом можно только дышать».

И так думает большинство поклонников Виктора Цоя.

Земфира Рамазанова, певица:

«Творчество Цоя повлияло на меня в значительной степени. Я увлекалась "КИНО" в самом раннем подростковом возрасте. И конечно, для меня была огромной личной трагедией катастрофа с Цоем. Думаю, что сейчас Цой музицировал бы, будь он жив. Думаю, ему хватило бы вкуса, такта и таланта, чтобы не впасть в маразм».

Можно согласиться со словами **Олега Гаркуши**, сказанными однажды, что у Цоя были действительно хорошие песни. И сама музыка была очень оригинальна и проста. И хотя подобные мотивы можно встретить и у других исполнителей, но, пожалуй, именно в простоте и доходчивости музыки Цоя ее прелесть. Конечно, особое место в творчестве Виктора занимают его тексты. Искренние слова музыканта – вот основа его песен.

Юрий Мамлеев, писатель:

«Думаю, что явление Цоя весьма необычно и несет в себе явную драматическую и символическую нагрузку. Тексты его песен удивительны по своей простоте и глубине. Такое сочетание сейчас редкость. Но секрет воздействия его творчества кроется не только в этих качествах его песен. Главное, конечно, – поразительное, магическое исполнение, зачаровывающее единством мысли, образа и звука. Это не гипнотическое действо, ибо гипноз предполагает насилие над волей. Здесь наоборот: песни вызывают из глубины души ее родное, но без этого вызова спящее. Как будто обнажается самое сокровенное, причем в драматической социальной ситуации, невиданной ранее. Хочется все-таки сказать о социально-психологическом феномене Цоя. Исторически это был период надежд – надежд на перемены, но такие перемены, которые принесли бы человеку подлинную свободу, духовную свободу, свободу становления личности, а не такую формальную свободу, которая легко может превратиться в новый деспотизм – деспотизм денежного мешка, голого чистогана, подавляющего человеческое в человеке. <...> Но не все еще потеряно. В России, к примеру, это далеко не так. И одно из подтверждений этому – неослабевающее влияние творчества Виктора Цоя на молодежь, спонтанное движение сердец, продолжающееся после его смерти уже двадцать лет.

Здесь самое время отметить одну важную особенность творчества Виктора Цоя: ее объединяющую и очищающую силу. И это, конечно, – социально значимое явление. Так объединять и вести за собой людей – исключительный дар, ведь здесь люди идут не за популярным удачливым артистом, а за человеком, который интуитивно выражает целостное миропонимание. В этом – одна из причин актуальности песен Цоя: они творят то, что в наше время почти невозможно – объединяют людей на основе благородного и чистого движения души. Это опровергает миф об абсолютно потерянном поколении. Его признание среди молодежи нашего времени, рокового начала третьего тысячелетия, означает, что душа России жива вопреки дьявольскому лозунгу, брошенному в начале девяностых: греби только под себя, не стеснясь в средствах, плевать на остальных. Если бы это овладело людьми, то страна была бы обречена. Лучше любое отчаяние, чем нечеловеческий эгоизм, свобода джунглей. Христианская заповедь о любви несет общечеловеческий, всемирный характер, ибо все остальные заповеди вытекают из этой. Вы не будете убивать или грабить, если в вас есть любовь к людям, к самой жизни. И на этом тоже основывается воздействие песен Цоя – в таком единстве душ неизбежно присутствует любовь...

Последний романтик ушел, словно почувствовав наступление тяжелой, тупо циничной, бездушной мировой цивилизации. Он ушел, но его поэзия осталась с нами, остались его песни...»

Александр Донских фон Романов:

«Цой, учившийся тогда на резчика по дереву (позднее Распий определил этот жанр как «резня по дереву»), одаривал близких друзей своими изделиями, в основном пепельницами в виде ступней. Из любви к "Арии мистера Икс" он подарил мне деревянную фигурку человечка, широко раскрывшего рот и вцепившегося в нижнюю челюсть обеими руками. Очень точный символ певца. Я был тронут. <...>

Он оказался прав – через несколько лет "КИНО" стало культовой группой. Что касается измен – конечно, Цоя не в чем упрекнуть. <...>

Мрачный лирический герой Цоя, модное звучание, отсылающее к музыке нововолнового поколения – "Depeche Mode" etc. Сыграли роль и повсеместное увлечение Брюсом Ли, и отстранённая поэзия Цоя, не такая агрессивная, как у "Алисы", при некотором имиджевом сходстве. Его быстро оценила Москва. И конечно, Джоанна Стингрей. Подобно многим талантливым артистам, Цой пользовался, если так можно выразиться, «духовным покровительством» Гребенщикова, и вскоре "КИНО" стало неотъемлемой частью и "Поп-Механик", и "АССЫ", и движения "новых". Есть что-то напоминающее историю с мостом короля Людовика Святого (Торнтон Уайлдер) в этом взлете и гибели в зените: все, кто проходил по этому мосту, погибли, оставив нас на берегу ломать головы о причинах постигшей нас участи. Они забрали с собой беспечность и веселье. Цой... Он летел к Солнцу, как Икар. Мне же тогда опротивели фальшивая шумиха и бесконечные странствия по гостиницам, хотелось больше времени проводить с друзьями в Питере, наконец, превратить заработанные пиастры в звонкую монету с собственным профилем. Наивность».

Рашид Нугманов:

«Я всегда упоминаю, что избегаю сослагательных рассуждений, культурологических, философских или мифологических заключений о Викторе. Он близкий мне живой человек, таким и остается в моей памяти, таким и хочется его сохранить. Иначе придется его похоронить и превратить в икону».

Всегда поражала и продолжает поражать неприязнь некоторых «знавших Цоя лично» к его поклонникам, они считают «киноманов» людьми третьего сорта. Как будто, чтобы понять и любить человека, нужно обязательно личное знакомство. Тем более что сегодня «знавшие Цоя» – это совсем не близкие ему люди.

Юрий Каспарян:

«Я хочу расставить точки над "i". Когда-то те или иные наши друзья, знакомые выходили с нами на сцену... Я помню концерт, по-моему, то ли в ДК МЭЛЗ, то ли еще где-то... Тогда с нами на сцене было 8 человек. Помимо нас были Африка, Игорь Борисов, Джоанна и Крисанов. Играли расширенным составом. Я помню, мы с Гурьяновым еще хихикали, что хорошо было бы послушать этот коллектив без нас».

Эти персонажи, как барышни, преувеличивают свою роль в жизни Цоя. К таковым можно отнести, например, Сергея Бугаева Африку, того самого Мальчика Бананана, во многих передачах и фильмах о Цое и «КИНО» с упоением рассказывающего о своей роли в жизни группы. Сергей действительно был знакомым Цоя и помогал «КИНО» на концертах, «сбивая» Гурьянова с ритма перкуссией. Но дает ли это право Сергею наполнять свои рассказы вымышленными историями? По мнению участников группы «КИНО», он постоянно фантазирует. Есть мнение и самого **Виктора Цоя**: «Какое отношение имеет к группе Сергей Бугаев? Никакого. Правда, мы играли несколько раз вместе, но членом группы он не был никогда. Он вообще не музыкант».

Юрий Каспарян:

«Африка, скорее, шоумен. На барабанах он, естественно, стучал, а не играл. Однажды, собираясь за рубеж, Африка вытянул из груди металлолома железяку и поклялся, что возьмет с собой и продаст за тысячу долларов. Так и вышло: впаил капиталистам как предмет индустриального искусства».

Георгий Гурьянов:

«Бугаев – не участник "КИНО", это чушь собачья. Участник группы "КИНО"... Еще чего он участник? Мне наплевать, чего он там участник, но к группе "КИНО" он отношения не имеет. Пусть сперва научится вообще играть на музыкальных инструментах, прежде чем называть себя участником чего бы то ни было. Никакой он не участник, разве этого никто не понимает? Мальчик Бананан. До свиданья, Мальчик Бананан... Поскольку он снимался в этом фильме дурачком, то решил, что он имеет право называть себя барабанщиком группы "КИНО". По-моему, он активно этим пользуется сегодня. Это отвратительно».

Часто вспоминают Цоя Алексей Вишня, Александр Липницкий и многие другие знакомые Виктора. Тут обязательно нужно точно проводить границу между друзьями Цоя и знакомыми, приятелями.

Алексей Вишня:

«Скажу сразу, что я ходил на концерты, квартирники, домашние посиделки, но дружбой это назвать нельзя. Я был на два года младше, и мое дело – выполнять функцию. Цой приходил ко мне, забирал время, энергию, деньги – я имею в виду покупку пленки – но ни одной картинке, ни одной поделки в мой дом не внес. Он не подарил мне ни сантиметра своих работ, а сотрудничали мы с ним пять лет. Я даже не знал, что он умеет рисовать... Мы часто оставались наедине с Витей, слушали музыку, думали, что делать для коллектива, но разговоры не выходили за рамки профессиональных. Эмоциями Цой со мной не делился. О том, что происходит в его жизни, мог лишь догадываться, наблюдая со стороны: другом бы его никогда не назвал. Не думаю, что они у Цоя вообще водились. Никого к себе не подпускал. Хотя люди к нему тянулись, была в нем какая-то притягательность и харизма. Витя выглядел загадочным и немного отстраненным, что, безусловно, добавляло шарма».

Юрий Каспарян:

«Липницкий – это старинный друг Вити с Марьяшей. Когда они приезжали в Москву, то останавливались у Саши, и я постепенно стал останавливаться там. Мне понравился вот его документальный фильм, "Субмарина Еловая". Саша был близким знакомым Виктора и сегодня имеет полное право снимать и говорить что-то о нем. Безусловно. Другое дело – говорит ли он правду?»

Георгий Гурьянов:

«Максим Пашков – школьный приятель Виктора. Но ведь в "КИНО" он тоже не играл никогда, как сегодня говорят. Я лично его видел однажды у моего друга, Осла, дома, на дне рождения. Я с ним мало знаком и никогда с ним не играл».

Но любят поговорить и те, кто его видел пару раз в жизни или не видел вовсе. Отметились многие: и Пригожин, и Гаспарян, и Кушанашвили, и даже Боярский!

Георгий Гурьянов:

«Сегодня многие люди говорят про "КИНО" совершенно не по делу. Каждый, наверное, говорит про "КИНО"».

Что касается Пригожина и Гаспаряна, то они хотя бы рядом стояли (хотя Гаспарян с Цоем практически не пересекались), а вот Отар Кушанашвили, любящий поговорить о том, чему его учил Цой, откровенно фантазирует.

Отар Кушанашвили, тележурналист:

«Благодаря его песне "Группа крови на рукаве" я в армии выжил. Меня там каждый день избивали за мой длинный язык! А потом, когда уже переехал в Москву, работал светским журналистом. Был случай – прихожу как-то к Юрию Айзеншпису, а там... Цой! Я чуть с ума не сошел – передо мной живой Цой! Он поинтересовался, чем я занимаюсь. Ответил – светской журналистикой. И спрашиваю у него: а какая у вас главная песня? Он тут же пререк: "А чего ты ко мне на Вы?" А главная его песня была, как я и предполагал, не "Звезда по имени Солнце", а "Когда твоя девушка больна". Любил он и свою "Восьмиклассницу". Цой, конечно, ругался матом, но был очень человечным. Ему не давали проходу. На улице, в магазине, повсюду кричали: "О! Витя!" А он недоумевал: "Спасибо большое, но я не достоин этих криков, рукопожатий, да я же никто! Просто песни пишу". А меня призывал быть мягче, говорил, что нет таких обстоятельств, чтобы быть козлом. Как-то сказал: "У тебя мама может умирать, но пожми человеку руку". Сейчас мне об этом все время твердит мой друг – рыжий "Иванушка" Андрей. Мне кажется, с его смертью не совсем все понятно. Может, он целенаправленно это сделал, не умея оправдать доверие людей? Я не исключаю такой версии. Объясню почему: ему приходили миллионы писем, но он не щеголял этим, напротив, спрашивал: "Отарик, они меня любят, но это же просто песни!" Он слишком сильно переживал, что поклонников много, его ждут как мессию, а он – артист. Фанаты находили в каждой его песне ответы на волнующие их вопросы. Он начал себя загружать, мучился: "Они ждут от меня ответов, а я их сам не знаю!" Так что, может, он и сам въехал в автобус. Он был героем своего поколения. Таких больше нет».

Все это чистой воды вымысел, рассчитанный на неискушенного слушателя. Кушанашвили, приехавший в Москву из Кутаиси в 1992 году, начинал свою деятельность в газете «Новый взгляд» под руководством Евгения Додолева. Он познакомился с Юрием Айзеншписом в 1993 году и действительно общался с ним. Но Цоя Отар не видел никогда, потому что до 1990 года его еще не было на горизонте светской журналистики, равно как и самой светской журналистики, которая сформировалась к 1992 году. Просто человек умело манипулирует датами, которые люди почему-то не хотят сопоставлять...

Евгений Додолев:

«После гибели Поэта, как это обычно водится, нашлись сотни очевидцев/соратников. О своих встречах с Цоем написали разнокалиберные известные люди, которые просто технически не могли с ним пересечься: от Отара Кушанашвили до Ренаты Литвиновой. При этом многие из ближнего круга, включая музыкантов "КИНО", как правило, молчали».

Игорь Тихомиров:

«Дети лейтенанта Шмидта были и будут всегда. Я думаю, что реальные люди, любящие "КИНО", вполне справляются с этой чепухой».

На фоне фантазеров очень честно выглядят позиции Александра Титова, талантливого бас-гитариста «Аквариума», который также играл в «КИНО» и был дружен с Виктором Цоем, Наилей Кадырова, музыканта группы «Зоопарк», который часто помогал Цою на домашних концертах, и Сергея Галанина, лидера группы «Серьга».

Александр Титов:

«Я понимаю, что поклонникам не повезло: многие из них родились в другое время не в том месте... Поверьте, после 20 лет без "КИНО" я уже ничего не хочу добавлять к своим прошлым воспоминаниям об этом человеке. Я все сказал тогда, 20 лет назад. Я, наверное, был его близким еще и потому, что много не распространялся о нем, и я не хочу изменять себе... Есть мысль о том, что многие из питерской тусовки по-своему исказили образ этого человека, а бедные фанаты им верят, и личность Цоя обросла небылицами. Так что поэтому мне нечего добавить к тому, что я уже сказал».

Наиль Кадыров:

«Есть люди, которые его лучше знали, да и написано уже немало. Не знаю, что добавить к моим предыдущим воспоминаниям».

Сергей Галанин:

«Для хорошей книги о Цое, думаю, необходимы комментарии Кинчева, Каспаряна и Липницкого... Или привлечь к воспоминаниям Джоанну... Мы с Виктором были знакомы, но этого, на мой взгляд, недостаточно. Я не знал его так, чтобы можно было вспомнить что-то существенное для читателя, поймите меня правильно, а становиться вдруг его Другом я не хочу».

Евгений Гришковец:

«Мне совершенно непонятно, как из того, вполне простого, юного, искреннего и почти незаметно-ироничного юноши, который пел про алюминиевые огурцы и дерево, которое он посадил, получился мощный и очень ясный романтик, настоящий поэт и удивительный мелодист, несмотря на вторичность звучания его группы. Мелодии, казалось, просто так и вылетали из него. Легко! Он мощно в своих текстах поднялся над всем многозначительным, ноющим, во многом бессмысленным и фальшивым контекстом той музыки, которая именovala себя русским роком. Он так и остался совершенно непостижимым, как непостижим любой настоящий художник, из биографии которого совершенно не следуют его деяния. Очень много говорилось и до сих пор говорится о том, что он погиб вовремя и, видимо, все лучшее сделал. Убежден, что это не так. Вдуматься – ему было двадцать восемь, а он успел так мощно поменяться несколько раз! Он непременно сделал бы что-то неведомое и сильное. <...>

Хотя сложно представить Виктора Цоя в сегодняшнем музыкальном контексте. Но отчего-то я опять же убежден, что Цой смог бы продемонстрировать какой-то совсем другой, нужный и правильный способ существования в сегодняшнем столь разобщенном и во многом развращенном музыкальном контексте».

Дженни Яснец:

«Про свою смерть Цой написал в своих песнях, это судьба талантливого человека. "Мы живем по законам иным..." Цой был очень романтичен, он же был настоящий поэт и музыкант. Сейчас этого, к сожалению, нет».

Валерий Алахов:

«Что касается Цоя, то здесь больше надуманного и раздутого для нас, помнящих... Но герои нужны России! У нас с ним все было по-другому, но это неинтересно».

Всеволод Гаккель:

«Если время выхватывает кого-то и этот герой соответствует своему времени, то в этом есть какой-то момент неизбежности. К сожалению, судьба героев всегда печальна. Статус героя непременно искажает личность самого героя. И он становится заложником этого статуса».

Леонид Ладыженский:

«В начале восьмидесятых я не считал его идиолом, вокруг было полно талантливого народа, он особо не выделялся, песни нравились... Он же идиолом становиться стал во время перестройки, а она убила главное – чувство опасности от жизни ”поперек“, а это уже не по мне. Когда, во время похорон, толпа укутала половину кладбища, я впервые понял, что свита короля не делает, а прогибает под себя, что сегодня и происходит, а мне с такой толпой не по пути, даже если на иконах начертаны приятные мне люди».

* * *

21 июня 2012 года, в день 50-летия Виктора Цоя, Первый канал показал уникальный документальный фильм, в котором поклонники «КИНО» увидели членов группы и сына Цоя, Александра, а также услышали ранее неизвестную песню Виктора «Атаман». Наташа Разлогова в течение двадцати двух лет хранила уникальную запись – Виктор Цой еще весной 1990 года напел ее на свой двухкассетный магнитофон. «Атаман» никогда нигде не исполнялся, и в самом факте существования этой песни многие сомневались. В честь 50-летия товарища музыканты-«киношники» решили ее записать.

Игорь Тихомиров:

«Никакой акустической версии песни ”Атаман“ не существует. Есть только рабочая (записанная на ”мыльницу“) кассета, где Витя записал версию этой песни для дальнейшей работы. Если внимательно смотреть фильм, посвященный 50-летию Виктора, то можно заметить, что именно эту запись мы (группа ”КИНО“) взяли для работы. Поверьте, звучание этой песни в оригинальной версии совсем не предполагалось для широкого издания – это был лишь набросок. Берешь самый простой кассетник типа ”балалайка“ со встроенным микрофоном (вспомните, 1989–1990 гг.), нажимаешь кнопку REC, поешь и играешь, а потом слушаешь, что получилось. Но учитывая ситуацию, группа ”КИНО“ взяла на себя смелость использовать этот материал, поскольку никаких других вариантов этой песни нет в наших архивах».

Юрий Каспарян развеял еще один миф:

«Кстати, Кинчев говорил, что Цой якобы отставил ”Атамана“, потому что ”...ему Каспарян напел, что песня эта на ’Алису‘ похожа...“ Это неправда. Я вообще никогда не слышал ”Атамана“ до того момента, пока Наташа ее не привезла к Георгию Гурьянову. Тихомиров слышал и вспомнил ее сразу, а я – нет».

В основу фильма и легла история записи песни «Атаман»: фильм составлен исключительно из лайфов – встреч Наталии и музыкантов «КИНО» с Сашей, в процессе которых они вспоминают о прошлом и разговаривают о музыке.

Александр Цой:

«Все участники, включая меня, были в достаточной степени напряжены, впервые после долгого времени появляясь вместе на телеэкране в контексте группы ”КИНО“, особенно учитывая, что фильм делался в сжатые сроки и времени, чтобы осознать и обдумать происходящее, ни у кого особо не было».

Поклонники «КИНО» были приятно удивлены теплотой атмосферы на экране и, конечно же, с восторгом встретили появление «Атамана».

Мне, автору этой книги, тоже довелось поучаствовать в создании этого фильма. Моя роль была совсем-совсем маленькой, но это нисколько не умаляет моей гордости. Я счастлив, что смог хоть чем-то помочь группе «КИНО» вернуть Виктора Цоя в его исторический контекст. И лично для меня это весьма важный момент.

Георгий Гурьянов:

«Изначально я был против записи «Атамана» в том виде, в каком он вышел. Я хотел сделать нечто танцевальное, веселое, а получилось что-то мрачное такое, с похоронным колокольным звоном... И вообще я не хотел принимать участия в записи и сниматься в фильме Наташи, но она попросила, и я согласился. Хотя и нарушил при этом свой главный принцип – никогда не идти навстречу никому. Пусть идут ко мне... Но ради памяти Виктора я решил принять участие, сделать ему подарок на день рождения. Пусть даже под слова «...и мы все пойдем дружным шагом на бойню...»

Юрий Каспарян:

«Как-то я сидел дома, у меня было такое тяжелое, тоскливое настроение, и я придумал мелодию в медленном очень темпе, и через три недели Наташа Разлогова подарила Георгию кассету, демо-запись Виктора для "Черного альбома", где был "Атаман". И сочиненная мною мелодия совпала с ним. Совпала по аккордам, и получилась такая гармоническая запутка... То есть все в стиле любимой группы».

«Атаман» – совсем короткая, но столь яркая и жизненная зарисовка, стала своеобразной точкой невозврата. Смерть Георгия Гурьянова 20 июля 2013 года лишила поклонников «КИНО» надежды услышать еще какую-нибудь из неизданных песен Виктора Цоя в исполнении музыкантов группы. «Атаман» стал последней песней, записанной группой «КИНО».

Цоя с нами нет. Но Цой жив. И у него есть свой переулок в Москве, на Старом Арбате. Стена, исписанная словами «Виктор, ты Бог» и «Цой жив», преобразается два раза в год: 21 июня, в день рождения, и 15 августа, в день смерти. Именем Виктора Цоя названа улица в микрорайоне № 7 города Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа. Улица Виктора Цоя есть в пригороде Новороссийска – поселке Цемдолина. Также имя Виктора Цоя носит астероид № 2740.

В середине 90-х в Латвии, на 35-м километре трассы Слока – Талси, в нескольких шагах от мостика через речушку Тейтупе, неизвестные поклонники «КИНО» установили металлическую пирамиду высотой полметра, с гитарой на верхушке и надписью: «Памяти В. Цоя». Незатейливый, но выразительный памятник стоит на обочине трассы по сию пору. В двенадцатую годовщину гибели музыканта, 15 августа 2002 года, рядом с пирамидой был установлен памятник Виктору Цою. Деньги на памятник собраны латвийскими музыкантами на благотворительных концертах (также финансовую помощь оказали некоторые латвийские коммерческие фирмы).

В 2003 году вокруг памятника была установлена оградка, в 2004-м – уложена брусчатка, а в 2007-м постамент был отреставрирован на средства поклонников. В 2010 году возле памятника был установлен стенд памяти Виктора Цоя и разбит небольшой цветник.

До памятника легко добраться – любым автобусом от Риги, идущим в сторону Талси и Колки. При желании можно побывать и в доме «Зелтини», где по-прежнему живет семья Лугис – Бирута и ее сын Армандс, у которых в конце 80-х Виктор Цой снимал комнату.

Янис Карлович Фибикс (водитель «Икаруса»):

«Каждый год я приезжаю сюда, чтобы положить цветы к памятнику Виктору Цою. Я помню каждую секунду того дня. С самого утра отвез пассажиров из Талси в Рижский аэропорт и возвращался домой: вечером собирался отмечать 20-летний юбилей свадьбы. Сначала хотел купить цветы и подарок жене в Риге, а потом подумал: "Что крюк давать" – и заехал в Плиенциемс – поселок недалеко от места трагедии. Теперь виню себя за то, что выбрал именно такой маршрут. Мне как будто кто-то мешал ехать... Как будто кто-то решил, что в то место мне надо попасть, чтобы все это случилось. Пытаясь уйти от аварии, я резко свернул направо, но столкновения избежать не удалось. Мой "Икарус" оказался в речке Тейтупе, а машина Цоя была откинута от места трагедии на 11 метров назад, к мосту. Когда я пришел в себя, то бросился к "Москвичу". Дверь не открывалась, помятая была, заклинило, я увидел, что лежит человек, подошел – вижу кровь, голова разбита...»

После трагедии Янис отправился в существовавший некогда в Риге музей восковых фигур и долго стоял возле статуи Цоя... В первые годы после аварии объезжал злополучное место, да и сейчас старается выбирать другую дорогу. Но раз в год, приезжая к памятнику, он читает здесь слова из песни Виктора Цоя: «Смерть стоит, чтобы жить, любовь стоит того, чтобы ждать».

Из воспоминаний:

«Уже через год у моста между 34-м и 35-м км шоссе Юрмала – Талси стали проводить поминки. Некоторые из табличек и завернутых в целлофан фотографий висят там еще с тех времен. Потом, ближе к концу 90-х, поставили скромную гитарку. Тогда же два фаната, то ли из Вентспилса, то ли из Риги (я с одним из них разговаривал, но забыл, откуда они точно), изваяли уже полноценный памятник и начали собирать деньги, чтобы отлить его в бронзе. Гипсовую копию установили в 2002-м, а когда точно поставили сегодняшний вариант – не знаю. Кажется, в 2004-м. По количеству цветов у памятника понятно, что люди продолжают сюда ездить и их все еще очень много».

В Петроградском районе Петербурга существует Клуб-музей Виктора Цоя – «Котельная "Камчатка"», где Виктор Цой числился штатным кочегаром. Он открылся в конце 2003 года. Теперь на месте котла расположена небольшая сцена, а в фондах музея хранятся гитара Цоя, афиши, фотографии, пластинки, билеты с концертов группы «КИНО». В Петербурге котельная «Камчатка» считается одним из традиционных мест паломничества «киноманов».

20 ноября 2010 года в Барнауле был установлен памятник лидеру группы «КИНО». А в 2013 году памятник, посвященный основанию группы, появился в Крыму, в поселке Морское.

17 октября 2015 года скульптура, изображающая Виктора Цоя сидящим на мотоцикле (автор памятника – московский скульптор Алексей Благовестнов), появилась на площади у железнодорожного вокзала в городе Окуловка Новгородской области. И вот уже два года подряд, в июне, в Окуловке проходит масштабный рок-фестиваль «Кинопобы», посвященный дню рождения Виктора Цоя.

26 августа 2017 года, в год 55-летия Виктора Цоя, в Караганде (Казахстан) по инициативе общественного фонда казахско-корейской дружбы «Ер Нур & Ника» была открыта аллея Цоя, и установлен монумент рок-звезде в виде оригинального стального трафарета черного цвета (солнечное затмение, внутри солнца вырезано изображение лица Виктора Цоя). Так же к 55-летию Виктора Николай Белокопытов (гр. «Горячий Асфальт») и «Московское время») и Василий Игнатъев (гр. «Фильм») представили международный проект авторского творчества «Мы вышли из КИНО».

21 июня 2018 года в Алма-Ате был открыт памятник Виктору Цою. Скульптура, автором которой стал питерский скульптор Матвей Макушкин, изображает не самого музыканта, а его

героя Моро из фильма «Игла», в котором Цой сыграл главную роль. Памятник установлен на улице Тулебаева, где была снята финальная сцена картины.

Телевизионные компании по-прежнему снимают документальные фильмы о Цое, хотя, казалось бы, сказать уже нечего – за 30 лет все уже сказали, что могли, и даже Ваш покорный слуга, дорогие читатели, совместно с известным московским коллекционером Виталием Фроловым и издательством «АСТ» подготовил и выпустил три памятных фотоальбома, посвященных группе «КИНО», наполненные редкими фотографиями и рукописями Виктора Цоя, увидеть которые раньше можно было только мечтать. А известное музыкальное издательство Maschina Records подготовило и выпустило в ноябре 2018 года подготовило и выпустило пластинку и диск с официально изданной песней Цоя – “Атаман”. И наконец долгожданное – осенью 2020 года Фонд памяти Виктора Цоя установил на проспекте Ветеранов долгожданный памятник лидеру «КИНО»...

Ольга Лехтонен:

«”Цой жив!” – это не просто слова на заборе. Его душа оказалась сильнее смерти. Черный август, укравший у нас его тело, не смог украсть его самого. Мы не видим его на концертах, не слышим его новые песни, но мы не перестали с ним общаться. Безо всяких оккультных столоверчений и медиумов, упаси боже! Выходишь вечером на улицу, включаешь плеер на полную громкость, смотришь, как вспыхивают в небе звезды, вдыхаешь полной грудью свежий воздух – и граница между этим и «тем» светом с треском падает. Ты слышишь его. Понимаешь. Говоришь с ним.

Когда жизнь совсем припрет тебя к холодной стенке, у тебя всегда есть выход. Покупаешь билет в Питер и едешь на Богословское кладбище. Садись рядом с ним, прикасаешься к гранитной плите и долго молчишь. И понимаешь весь смысл фразы ”Цой жив!”. Именно там, на кладбище. Парадоксально, да?

Есть одно слово, которым можно назвать мою ”болезнь“. Эта сила выше границ, условностей, часовых поясов и даже языковых барьеров. Это не фанатство. Не идолопоклонство. Не кумиротворение. Не культ. Вы помните, какая единственная сила способна победить смерть? Та сила, которая творила мир, которая испокон веков делала из подонков – святых, из трусов – героев, из безмозглых обывателей – настоящих людей. Это просто Любовь. ”Проснись – это любовь!“».

Мистика (загадки Цоя: подлинные и ложные)

После гибели Цоя началась другая история – история Легенды, окруженной ореолом мистики и тайн. Смерть неизбежно меняет образ человека в глазах даже людей, которые видели его в жизни. Так, Рашид Нугманов, абсолютно немистический человек, в воспоминаниях 1991 года говорил, что незадолго до аварии ему приснился Цой, заявивший, что не сможет сниматься в его фильме. Сразу всплыла в памяти фраза, которую Виктор часто и не всегда мотивированно повторял: «Рок-н-роллеры не доживают до старости». Его в ответ спрашивали, что он имеет в виду, но он отшучивался, словно все это не имело никакого значения. Многие помнят, как, разочаровавшись в Гребенщикове, Цой говорил, что «БГ стал бы легендой, если бы умер вовремя...» То есть тема смерти постоянно всплывала не только в песнях, но и в жизни, что совершенно не сочеталось с оптимистичным нравом и грандиозными планами на будущее.

Нина Барановская:

«Я в его смерть сразу поверила. Даже как будто почувствовала ее. Пятнадцатого августа с утра в голове одна "Группа крови" вертелась. Просто кошмар. А еще я на даче цветочки разные сажаю, и мне на рынке вместо белых лилий в том году подсунули какую-то дрянь. Выросло бог знает что. Пятнадцатого утром вышла в садик, и мне просто по глазам ударило: на одном из этих кустов распустились два цветка – ядовито-желтые с черными пятнами, очень красивые. Почему-то сразу вспомнился фестиваль восемьдесят четвертого года. И Цой. Он тогда выступал в желтой куртке с такими крыльями – "Фильмы" как раз пел. То есть просто имя "Цой" в мозгу зажгло. А потом мне отец сказал, что он погиб. Отец у меня все время радио слушает.

Кстати, о желтом цвете. В день похорон мы с мужем Валентином везде искали розы. Мне почему-то именно их хотелось принести. Потом Марьяна сказала, что розы были единственными цветами, которые любил Цой. А сама она, как выяснилось, все утро искала желтые цветы. Я тогда внутренне вздрогнула и спросила, почему именно желтые? Оказалось, что у Вити было совершенно фантастическое пристрастие к желтому цвету. Марьяна сказала, что на Востоке – это символ вечности, и Цой очень любил желтые свитера, шарфики, цветы, все что угодно. Много позже он мне приснился. Будто какая-то компания сидит, и Цой пришел. Я к нему стала приставать с вопросами: как там? А он сидел молча и только улыбался как-то очень светло. И был он такой, каким навсегда остался в моей памяти: в длинном черном пальто, в желтом свитере, который ему Марьяна связала, черных штанах и желтом шарфике».

«После его смерти среди фанатов стало популярным увлечение экстрасенсами, колдунками и космическим разумом. Поклонники Цоя просто стали его причислять к лику святых. На похороны Виктора в его родном Ленинграде пришли, приехали, прилетели – со всех концов Союза (!) – тысячи парней и девушек с цветами, свечами, его портретами; пришли и ждали Его тело на Богословском кладбище всю ночь, несмотря на милицию и омоновцев, а в Москве на одной из прилегающих к Арбату улиц возникла живая, трагическая в своем бессилии и любви, стена памяти Виктора Цоя. Тот же Алексей Учитель, например, говорит: "Возможно, я согласился бы с этим, если бы речь шла только о его фанатах. Но я, например, человек рациональный. С духами не общаюсь и склонности к медитированию не имею. Но уж слишком много вокруг Цоя происходит такого, что не поддается более или менее внятному объяснению. Когда в годовщину его гибели я приехал на кладбище, меня поразило то, что я увидел у могилы. Несколько сотен человек на коленях – в полном безмолвии! Часами!"

Или девочки, которые жили на кладбище. Сначала рядом с могилой поставили палатку. Потом, когда стало очень холодно, добились разрешения жить в кладбищенском туалете. У них

не было своей жизни, была только его смерть. Но большинство молодых людей, побывавших у могилы Цоя, нельзя назвать сумасшедшими. У них умные, добрые глаза. Их тревожили и тревожат нормальные человеческие проблемы.

Уже через год-два после гибели Цоя на почве повышенной экзальтации поклонников появляются публикации о его «космических женах», якобы имеющих с ним «астральную связь» и утверждающих, что Цой диктует им песни с того света, а также фантастические гипотезы о его гибели: он был «посланцем других миров» и его с Тальковым прикончили плохиши из сверхъестественной реальности. Эта странная смерть породила множество разных легенд. Одни считают, что такая гибель была предопределена ему самой судьбой, которую певец выбрал. То есть смерть Цоя была закономерна. С его смертью закончилась эпоха... Те, кто склонны видеть в Цое нового пророка или мессию, уверены, что он вознесся на небо. Другие воспринимают его смерть как набор символов-посланий, среди которых автобус – представитель «силы зверя», «бездуховное нечто», которое убило свидетеля Божьего.

Владимир Рекшан:

«Смерть тоже претендует на величие. Цой ушел молодым. Молодыми ушли Леннон, Высоцкий, Иисус. Мужчины на взлете, в сексуально еще привлекательном состоянии. Именно вокруг таких создается культ. А БГ, или МакКартни, или автора этих строчек могут лишь с почтением признавать за мудрецов... Группа "КИНО" – типичный продукт перестройки. Такие герои появляются, когда возникает историческая необходимость. Уход Цоя оказался первым сигналом. Цой свою миссию на земле выполнил. Кончилась эпоха. Цой умер талантливо, на волне, как предчувствие скорого распада государства и кризиса в музыке».

До сих пор непонятно, почему всех так интересуют обстоятельства смерти Цоя. Ведь люди гибнут в автокатастрофах каждый день, и ничего загадочного в этом нет.

Из воспоминаний Марьяны Цой:

«Я думаю, Цой просто увлекся движением: бывает такая эйфория. Ездил он на ста пятидесяти. По всей видимости, нарушение было со стороны Вити, судя по следам протекторов на асфальте. Он врезался в автобус на встречной полосе. Элементарная автомобильная катастрофа. В убийство я не верю. Цой не был человеком, которого кому-то хочется убить».

Странной кажется не сама его гибель или ее обстоятельства, а причудливое появление темы смерти в жизни молодого, физически здорового человека. Некоторые увидели в этом какой-то высший смысл, ведь смерть наступила на пике славы: словно невидимый режиссер организовал все точно по тексту его песен. Его смерть кажется загадочной, поскольку многие отказываются верить, что личность такого масштаба погибла в нелепой автомобильной аварии. Цой, по их мнению, заслужил красивой судьбы. Но ведь вовсе не важно, как погиб, важно, зачем родился.

Обстоятельства смерти Виктора интересуют всех и потому, что никто до сих пор не знает всех фактов до конца. Никто не видел ни самой аварии, ни документов, ни даже машины. Удивительно, но, несмотря на рассказ Сергея Конопиева, в свободном доступе по-прежнему нет ни одного фото автомашины Виктора! Ни целой, ни разбитой впоследствии. К тому же люди, не знавшие Виктора лично, интерпретируют содержание его песен и мрачный «черный» имидж позднего «КИНО» как депрессию.

«"Мне нельзя больше ждать, я могу умереть..." – спел как-то он в одной из своих песен, задолго до того, как его темно-синий пролетарский "Москвич" врезался в рейсовый "Икарус" на рижском шоссе... – писал Алексей Поликовский в 1997 году. – В другой песне он переби-

рает виды смерти – авиакатастрофа, война, эпидемия, но до той, которая ему предстояла, он так и не добирается. И тяжелым рефреном поет он слова, как будто хочет переубедить себя и заговорить судьбу: ”следи за собой... будь осторожен...“ И таких примеров в текстах Цоя много. Но в отличие от Башлачева, срывавшего голос на концертах и кончившего жизнь прыжком из окна, в отличие от Науменко, живущего с полным пренебрежением к своей персоне в рок-н-рольно-алкогольном тумане, Цой смерти не искал, любил жизнь и верил в завтрашний день. По выражению Марьяны Цой, ”ходил по жизни на мягких кошачьих лапах“». К тому же Цой далеко не первый, кто в своем творчестве говорит о смерти. Но приведенные слова не из песни о смерти – это ирония по поводу страданий молодого парня, терзающегося невозможностью встретиться с любимой.

Рашид Нугманов:

«Виктор не был ни пессимистом, ни ”депрессантом“, но и безоглядного оптимизма тоже не проявлял. Он был вполне уравновешенной личностью, со здоровой долей скептицизма и иронии. Без запоев».

Каспарян с Гурьяновым утверждают, что все эти «некому, кроме нее, нам помочь в темную ночь», «со щитом, а может быть, на щите» и прочее – просто черный юмор Цоя. Ведь в жизни Цой был очень веселым и ироничным человеком, в интервью всегда избегал пафосных тем и никогда не ответил бы на вопрос, типа: «Что для вас значит любовь?» Ирония при внимательном изучении текстов Виктора проглядывает даже в самых серьезных песнях. В общем, «киношники» относились к героико-трагическим песням Виктора со смешками, хотя сам Цой к своим песням относился вполне серьезно. И когда они появлялись, он их внимательно изучал, рассматривал родившийся текст, как мать рассматривает своего младенца.

Творчество в его случае шло не от сознания, а по наитию, от внутреннего постижения жизни и ее экзистенциального смысла.

Алексей Коблов:

«Александр Цой, сын Виктора Цоя, сказал в одном из интервью:

”Мне кажется, многие люди, которые рассуждают о Викторе Цое и его творчестве, не считают заложенной в них иронии. Там не все вещи стоит воспринимать всерьез. И песни, и образ не стоит воспринимать так уж всерьез“.

На самом деле, я и сам это считывал всегда, и тогда, и сейчас, достаточно просто взять и послушать, например, песню ”Следи за собой“, ну там же эта ирония видна просто невооруженным глазом, и нужно быть совсем уж слепым, глухим и тупым, чтобы ее не чувствовать.

Элементарно, Ватсон. Великий автор – а Виктор Цой, вне всякого сомнения, такой и есть – никак не может быть чрезмерно и избыточно серьезным, это просто противоречит его естеству и его существованию. Это вообще свойственно всем, кого я люблю, кого я читаю или слушаю, и уж тем более тем, кого я знал лично, с кем дружил или хотя бы просто видел воочию, все эти замечательные люди никогда не отличались эдакой звериной серьезностью. Пушкин, Высоцкий, Башлачев, Цой, Майк, Кинчев, Алексей Романов, Егор Летов, Янка Дягилева, Кузьма, Олди, Черный Лукич, Чернецкий, Леонид Федоров, Ермен, Инна Желанная, Умка, Юлия Теуникова, Игги Поп, Кит Ричардс, да кто там еще, всех не упомянуть, все же сплошь веселые и остроумные люди, и уж точно не ”на сложных щах“, ну разве что иногда по работе, да и то не все, до и то не всегда.

Ну а как иначе-то. Следи за собой, будь осторожен».

Из воспоминаний Юрия Айзеншписа:

«Во многих песнях Цоя звучит нота предвидения трагической судьбы: "Война", "Нам умирать молодыми", "Звезда по имени Солнце". Во всем этом есть что-то загадочное, трагическое. Его жизнь тоже была покрыта тайной. Он избегал частых знакомств, встреч. Посторонним обычно казалось, что он крайне молчалив и даже высокомерен. Хотя с теми, кто составлял его круг, Цой был чрезвычайно обаятельным и дружелюбным. Виктор обладал очень важными человеческими качествами. Был честен, прям и сдержан. Даже если его что-то раздражало, никогда не повышал голос».

Цой был не такой, как все. Однозначно. И прозрения у него были удивительные. Цой написал песню со словами «солнечный день в ослепительных снах» и в солнечный полдень заснул за рулем, когда хранившая его и многократно воспетая им звезда по имени Солнце была в зените.

Рашид Нугманов:

«Вопрос о смерти Цоя – очень личный вопрос для меня, на который я предпочитаю никогда не отвечать. Я стараюсь не озвучивать легкими и пустыми словами своих представлений о судьбе, свободе, злом роке, мистике и предопределенности, всего того, что находится за рамками нашего контроля. Они могут встречать опосредованное отображение только в творчестве».

Многие поклонники приписывают последним песням Цоя пророческие откровения, якобы Цой предупреждал и заранее предвидел собственный скорый уход. Поэтому многим хотелось бы узнать, выделял ли Виктор какую-нибудь песню из «Черного альбома»? Этот вопрос, скорее всего, нужно адресовать Юрию Каспаряну. Цой часто обсуждал с ним и Наташей новые тексты, и его самого удивляло, что они оказались такими странными. Ведь Цой к мистике относился с глубокой иронией, не верил ни в НЛО, ни в снежного человека. Но песни словно приходили к нему по «прямому проводу» с уже готовым настроением и, как правило, четкими формулировками, за вычетом «Кукушки», которую он несколько дней пытался «расслышать». По словам Юрия Каспаряна, они с Наташей тоже были удивлены содержанием того, что получилось в итоге.

Мистика необъяснима, чем и интересна. В песнях Виктора действительно много мистических совпадений, а потому так часты параллели: строчки его песен рифмуются с его трагическим уходом. Все это вполне закономерно, если учесть, что человек, который к чему-то стремится в этой жизни, помнит о смерти. Это помогает не «прозевать» жизнь и ценить каждое ее мгновение. Так, «путь воина» в восточной философии построен на этом принципе. Не об усталости и депрессии поет Цой, а о сакральном *memento mori*. «Выходя из дома, самурай должен быть готов к смерти...» – еще одна фраза из любимого цоевского набора.

Александр Титов:

«Я знаю Витьку, он остался для меня старым нежным другом, с которым мы ездили вместе на дачу. Он был юношей романтическим и достаточно нежным, сомневающимся. Но, конечно, он точно знал, к чему шел, – совершенно четко двигался к своей цели. В этом смысле он был совершенно железный, азиатский воин. Его интересовала философия воинов, его героем был Брюс Ли, он сам занимался боевыми искусствами. У него был свой собственный путь, у него всегда была цель. И это не массовая культура, скорее его это даже пугало. Под конец жизни – я знаю из рассказов и сам видел тоже – его это, в общем, мучило. По нему замечал, как это его тяготило. Конечно, ему нравилось огромное количество поклонников, не могло не цеплять, но изначально цель у него была другая. Массовая истерия тяжело переносится – не спрятаться. Он поэтому и ездил в Прибалтику отдыхать постоянно, там его меньше цепляли».

Всех занимает, о ком поется в последней песне Цоя: «Про то, что телефон звонил, хотел, чтобы я встал, оделся и пошел, а точнее, побежал, но только я его послал...»? Многие люди почему-то уверены, что это про Айзеншписа. Кстати, еще большее количество людей уверено, что это последняя песня Цоя. Но, судя по черновикам, это не так. В любом случае в творчестве не может быть четких соответствий, и совершенно не нужно рассматривать творческий акт как реакцию на конкретные события. Творчество, в отличие от ремесла, – астральный процесс.

Разумеется, помянутая выше песня никакого отношения к Айзеншпису не имела. По словам близких Цоя людей, «проблемы», «усталость», «переутомление» Цоя придумали поклонники, потому что еще на старте спутали художественный образ, проступающий в песнях, с реальным человеком, их написавшим.

Каждый волен думать и считать так, как ему угодно и психологически выгодно. Но домыслы и размышления по поводу желания Цоя расстаться с рок-музыкой в 1990 году, не выдерживают никакой критики. Дела группы «КИНО» шли прекрасно, и Цой был очень доволен существующим положением дел. Намечался гастрольный тур в Японии, Виктор всерьез собирался заняться в будущем как музыкой, так и съемками в кино. Более того, если посчитать количество гастрольных часов, «утомивших» музыкантов в последний год их работы, понимаешь, что их жизнь – вечные каникулы по сравнению с тем, сколько работают классические музыканты или любой ныне живущий молодой человек, который зарабатывает себе на жизнь. Для божественного бездельника любая работа – непосильный труд, в то время как профессионалы в любой области отдают работе большую часть жизни.

Вот как прокомментировала однажды **Наталия Разлогова** разговоры о качестве последних концертов и переутомлении «киношников»:

«Вы явно не имеете представления об образе жизни и графике работы профессиональных музыкантов. Денис Мацуев, Николай Петров или Спиваков “чешут” так, как группе “КИНО” и не снилось! У “киношников” ни в какие периоды жизни не было графика, даже отдаленно приближающегося к уровню занятости классических музыкантов! К тому же, по логике поклонников, выступление раз в год на капустнике автоматом ближе к искусству, чем ежедневный выход артиста на сцену. Должна всех огорчить: искусство – это в первую очередь труд. А нагрузки музыканта мало чем отличаются от спортивных нагрузок или балетных. Искусства “на халяву” не бывает там, где публика отличает балаган от штучной работы. Именно поэтому никто из наших рокеров даже близко не смог подойти к западному шоу-бизу (кроме Градского – он настоящий профессионал и гениальный композитор). Помню, как однажды Крис Кельми на замечание своего товарища о том, что профессия музыканта конвертируется в любой стране, грустно ответил, что самый высокий уровень нашей рок-тусовки не выдержит в западном мире конкуренции даже в подземном переходе. В любом случае последние концерты “КИНО” были круче ранних в десятки раз. По уровню исполнения, по композиции, по драйву и по отдаче аудитории. Хотя по-настоящему, как это делается в профессиональной музыкальной среде, они не работали вообще никогда. Да и не смогли бы... Взгляд поклонников на эти вещи мне категорически не нравится и тем, что отображает наше национальное неуважение к труду вообще, к профессионализму в частности, ну и, конечно, тем, что выдает полное отсутствие представления о том, какой ценой “делается” искусство в этом мире. Люди мыслят штампами и судят о том, что не видели. Это неправильно. И напоминает мне анекдот моего детства: “Хреново поет твой Паваротти...” – “Ты что, был на его концерте?” – “Нет, мне сосед напел...” Нельзя по плохой VHS записи судить об атмосфере в зале».

Ясно одно: в случае с «КИНО» большая часть времени жизни во все времена отдавалась досугу. Но люди не любознательны и простой арифметикой не занимаются, поэтому и мусси-

руют тему «переутомления» и передергивают, где могут. Так, Александр Житинский в своей книге привел слова Инны Николаевны по поводу того, что Цой, забирая Сашу в Латвию на отдых в 1990 году, сказал ей, что он устал и хочет закончить с музыкой. Поклонники сразу же привязали это к предвидению Цоем своей скорой смерти и сильной депрессии, в которой якобы находился музыкант. Но на самом деле все подано было совершенно не в том контексте, в котором были произнесены эти слова.

Инна Николаевна Голубева:

«Житинский написал про усталость Цоя... Это просто дар художника развить тему. Понимаете, вот так вот в лоб, газетной строкой, об этом нельзя было писать. Да, действительно, он это говорил. Лично мне. Он говорил, что он бесконечно устал от этого пафоса, от этих концертов... Он был в таком состоянии – вот скорее бы добраться до пляжа, рухнуть на песок и ни о чем не думать. Вот это состояние у него было, а не просто депрессия или желание со всей музыкой завязать.

Виктор мне говорил, что устал. И я захотела разбавить пафос усталого человека и так ехидно ему в ответ говорю, значит: "Что же ты будешь делать-то, если все бросишь? Ну-ка, скажи-ка ты мне". Он так обмяк, сел и говорит: "Ну, не знаю... Нэцке, может быть, буду резать..." Вот и хорошо, говорю, и на дудочке будешь играть в сторонке, и гитару выбросишь свою... И мы этот разговор закончили сразу, переведя все в шутку. Так что утверждать, вот так прямо, о депрессии нельзя ни в коем случае. Как будто он что-то знал, этот Житинский...»

Про «последнюю песню Цоя» никто ничего не сможет сказать определенно. Многие склонны думать, что последней все-таки была «Кукушка», но расставить точки над «i» можно будет только после проведения биохимического анализа текстов черновиков.

Юрий Каспарян:

«У меня осталось воспоминание, что я приехал с какой-то прогулки, говорю: «Как дела, где Витя?» Наташа говорит, что он там... Очень лично, очень глубоко ушел в запись песни. Этот сарайчик, в котором мы записывали, прям вокруг него такое ощущение концентрации сознания было. Это вот я запомнил, это отпечаталось в голове».

Игорь Тихомиров:

«Прежде чем представить новую вещь, Витька долго над ней работал, проигрывал сто раз на гитаре. К каждой своей песне он относился очень ответственно, стеснялся нам ее показывать в первый раз, боялся, что она не произведет должного впечатления. Если мы сразу не воспринимали новую песню, он не настаивал. Потом при случае просил послушать еще раз. Странно, недоумевали мы, как она вообще не пошла вначале? В процессе рождения песни мы все принимали участие. Виктор готовил "болванку" – текст и мелодию, а мы сообща ее отшлифовывали: гармонию поменять, акценты сместить. Работенка была дай боже: у Витьки не расслабишься, пока дело не сделаешь. Спасало лишь то, что было для всех нас одинаково любимым».

По воспоминаниям Игоря Тихомирова и Юрия Каспаряна, Виктор ставил кассетник и записывал свои песни, когда они были готовы. Потом нес получившееся музыкантам «КИНО». Они вместе слушали и решали, как с какой песней быть, как должна звучать та или иная партия. Поэтому оригинальные записи черновиков хранились не у Цоя, он ими совершенно не дорожил. И совершенно не предполагалось, что это когда-нибудь будет иметь какую-то ценность.

Юрий Каспарян:

«В песнях ”Черного альбома“ тема прощания очень четко звучит... И во время записи все это очень сильно эмоционально воздействовало».

Отчасти «мрак» в песнях Цоя можно объяснить и рациональными причинами. Где-то начиная с 1986–1987 годов происходит «поворот» и в творчестве других питерских рок-групп к более мрачному и серьезному стилю. Например, «Телевизор» становится менее лиричным и более гражданственным, «Алиса» записывает альбомы «Блокада» и «Шестой лесничий», гораздо более тяжеловесные, чем «Энергия» 1985 года. Еще в конце 80-х появляются готические постпанковые группы «Петля Нестерова» (с Эдом Нестеренко, который до этого играл в неоромантической веселой команде «Кофе») и «Дурное влияние», где тексты еще мрачнее, чем у Цоя, который также переходит от легковесной манеры в духе ”The Smiths“ к почти готике, мрачному мелодичному постпанку, как у ”The Cure“, ”Sisters of Mercy“ и других столпов так называемого «готического» рока. То есть многие музыканты в это время были на волне «темной сцены», увлеклись ее идеями и стремились реализовать именно их. Почему произошел такой резкий поворот к мрачной стороне «новой волны» – объяснить не могут даже бывалые знатоки советской независимой сцены.

Нужно сказать, что это влияние британской «готики» ощущалось не только в музыке, но и в текстах и имидже группы «КИНО».

Юрий Каспарян:

«Ну, слушали много чего... Ребята слушали разную музыку... Сложно сказать. Ну, ”Duran Duran“, понятно... Много разной. Модные направления всякие. Я помню были такие группы ”Joy Division“, ”Ultravox“. Что было в чартах тех лет, то и слушали. Много. Модное все такое...»

В текстах группы «КИНО» стали появляться темы смерти и одиночества, мотив поиска смысла жизни, присущие и британским исполнителям этого стиля. А сами «киношники», где-то с 1987 года, одеваются во все черное.

И все же нельзя сказать, что Цой слепо копировал западные образцы только потому, что это было модно. На самом деле его тексты оригинальны и отличаются особой авторской индивидуальностью, в них проскальзывают образы, которые близки русской культуре. То есть он вносил в свои песни свое собственное понимание смысла жизни, любви, смерти, места в этом мире. Да и влияние дарк-сцены никак не может объяснить, почему Цой так часто писал о «смерти в молодости». Многие группы писали более мрачные тексты, но ни у кого не было такого поразительного совпадения идей, выраженных в песнях, с жизнью слушателей и жизнью самого автора песен. Это только говорит о том, что Цой был предельно искренен, монолитен в своем творчестве и обладал огромной творческой интуицией, которая позволяла ему отделять зерна от плевел и даже немного заглядывать в будущее.

Причина популярности Цоя – масштаб его личности. Даже сами «киноманы» говорят: для нас он не музыкант, не поэт, не композитор. Для нас он – личность. Наталья Разлогова правильно сказала в передаче «Культ кино»: «Его личность была выше того, что он делал». И вот именно сила этой личности, умение влиять на огромные массы народа, умение обратить на себя внимание, не делая для этого **ничего вообще** (говорят, на концертах «КИНО» Цой никогда не провоцировал публику, но тем не менее народ просто ломился к нему), – и есть основная загадка Цоя.

Цой верил в завтрашний день. Он всегда отличался невероятной выдержкой и восточным спокойствием, но при всем его спокойствии и медлительности скорость его «Москвича» в тот роковой миг 15 августа 1990 года действительно была не менее 100 км в час.

Цоя нет с нами вот уже больше тридцати лет, но он жив. Цой жив, потому что живы его песни. И сегодня уже дети тех, кто приходил на могилу к Цою в далеком 1990 году, поют их

и так же, как когда-то их родители, рассуждают о роли Цоя в современном мире. И если Цой хотел привлечь внимание к проблемам своего поколения – ему это удалось.

«Он способен дотянуться до звезд, не считая, что это сон...» – сказал как-то Цой и оказался прав... Но это слишком горькая правда, чтобы ею восхищаться.

Цой или не Цой?

Последнее время многие ценители творчества Виктора Цоя сталкиваются с фальсификациями – от копирования банального автографа до подделки картин, которые, надо сказать, стоят сегодня весьма приличные деньги. К сожалению, время диктует свои правила. Так, небольшой рисунок «Портрет Джона Кеннеди» (немного превышающий длину стандартного листа А4, а по ширине – в полтора раза меньше), выполненный лидером группы «КИНО», не так давно был продан на аукционе современного российского искусства Vladey за 15 тысяч евро. Эстимейт при этом составлял от четырех до шести тысяч евро. На весенних торгах 2017 года все того же аукциона Vladey картина Цоя «Love story», предоставленная Олегом Соколовым, была продана за 6 тысяч евро. А совсем недавно на аукционе «Литфонд» был продан другой рисунок работы Цоя – «Битва», оцененная в 250 тысяч рублей.

Но это история известных работ. Однако последнее время очень часто всплывают малоизвестные или совсем неизвестные работы Цоя. К примеру, внимание коллекционеров и ценителей творчества лидера «КИНО» привлекли две картины, не так давно засветившиеся в глобальной сети: «Красный лыжник» (1988 год) и «Звезда по имени Солнце» (1990 год). Сразу же возникли горячие споры относительно принадлежности работ. Мнения людей разделились. Одни видели в них работы «именно кисти Цоя», другие же с пеной у рта доказывали обратное. Ранее эти картины никто никогда не видел. Даже Наталья Разлогова утверждает, что не видела эти работы раньше.

За комментариями я обратился к профессору Новой академии изящных искусств Денису Егельскому, близко знавшему Виктора Цоя, Георгия Гурьянова, Тимура Новикова и других «новых художников».

Денис Егельский:

«Имя Цоя, подчеркиваю, как художника (не музыканта) абсолютно вторично. Цой всю дорогу Крисанову и Гурьянову подражал. "Красный лыжник", на мой взгляд, самая удачная его работа. И на ней вряд ли кто-то (например, Тимур) поставил бы свое имя для значимости или из каких-либо иных соображений. Думаю, что это, конечно, может быть Тимур, сделавший за Цоя для выставки работу (у "Новых" такое практиковалось)... К примеру, у Гурьянова была работа Цоя, подписанная именем Новикова (очень плохая, кстати). У меня и фото ее где-то есть...

Но в данном случае раз подпись "ЦОЙ", то не вижу смысла подвергать это сомнению.

А вообще в отношении "Новых" есть один главный принцип определения их авторств. Они же и коллективные бывали. Трое, например, одну работу делали, а подпись стояла одна. Хорошая это работа или нет, что называется с драйвом или без него... Так вот "Красный лыжник" – это картина с драйвом. То же самое думаю и насчет "Звезды по имени Солнце". Срисовывание было весьма широко распространено. Думаю, что тут бессмысленно искать концы, тем более что это невозможно по целому ряду причин.

Цой много работ сделал в мастерской Андрея Медведева, просто зайдя к нему в гости на часок (без Наталии). Картина "Приглашаем в полет", со стюардессой, именно оттуда и происходит, как и еще несколько вещей Виктора. Таким образом, Наталия могла и не видеть всего. Кстати, я интересовался через знакомых, и оказывается, что она совсем ничего не знает про Медведева, а ведь есть масса свидетельств, что они дружили: Цой периодически работал в мастерской Андрея, так как у него всегда были под рукой кисти, краски, холсты и картон... Я считаю, что незнание Наталией Андрея Медведева не является аргументом в пользу того, что работу "Картину написать не успел" или "Приглашаем в полет" написал не Цой. У Андрея

Медведева была далеко не одна работа Цоя. И кстати, полколлекции "Новых" в Русском музее неправильно атрибутирована, и это нормально».

В ноябре 2017 года ценитель творчества «КИНО» музыкант группы «Формы» Александр Масальский прислал мне фотографию советского значка, 1988 года изготовления, с изображением красного лыжника. Точно такого же, как изображен на картине Цоя. Я отправил фотографию Денису Егельскому и Дмитрию Мишенину. И вот их мнения.

Денис Егельский:

«Весьма забавно... У лыжника на значке голова квадратная, точно так, как на картине Цоя... Можно предложить версию: значок был сделан кооператорами по мотивам картины Виктора Цоя. Модность группы "КИНО" и реалии перестройки теоретически могли побудить выпустить тиражный значок с дизайном ее лидера».

Дмитрий Мишенин:

«Гипотеза фантастическая. Значок тиражный. Не самодельный. Дизайнер вряд ли был знаком на тот момент с визуальным творчеством Цоя. Мерч на момент перестройки был не таким продвинутым. Постеры, футболки и самопальные значки с названием группы "КИНО" – это максимум, до чего могли додуматься креативщики тех лет. Моя гипотеза такова: Виктор перенес на холст понравившийся ему образ. Да, скорее всего, Виктор просто срисовал его. Как Георгий Гурьянов перерисовывал фото и вырезки из журналов. А еще он мог это сделать даже не один, а с кем-то в паре. Не исключаю, что это может быть картина Тимура Новикова, подписанная Виктором Цоем. Но на 100 % быть уверенным нельзя. Любой его друг, художник тех лет, мог подделать. По приколу. А Цой – подписать. В общем, одно точно – картина, скорее всего, кого-то из тусовки. Не левая. Или Виктора, или его товарища-художника, типа Тимура, Крисанова, Медведева... Или совместное творчество. В любом случае, обожали они все п***ть. И Виктор, и Георгий. Вырезки, значки, фотки. И перерисовывать. Очень подростковый подход. Это молодость просто. Интересно копировать, подражать и выдавать за свое».

Помимо картин, существуют большеразмерные деревянные нэцке, помимо тех работ, которые сохранились в семье Цой, в архивах Марьяны и Наталии Разлоговой, подобных фигурок уцелело большое количество. Ведь как известно, Цой часто дарил свои работы друзьям и знакомым в качестве сувениров.

Весной 2017 года в интернет-продаже появилась деревянная фигурка – нэцке «Гномик» (высота малой пластики около 22 см). Оценили ее в полтора миллиона рублей. К фигурке был приложен акт экспертизы, который оказался «липовым». Однако легенда правдоподобна. Эта фигурка принадлежала Ставровой Ирине Александровне, ученице ленинградской школы № 444. В 1984 году Ирина получила травму позвоночника на уроке физкультуры, преподавателем которой была Валентина Васильевна Цой. После данного происшествия Ирина Ставрова неоднократно лежала в различных медицинских учреждениях города, и Валентина Васильева Цой с сыном часто ее навещали. Именно в один из таких визитов Ирине Ставровой и была подарена декоративная скульптура, подписанная «В. Цой», что, собственно, и отражено в акте экспертизы. Разумеется, как и следовало ожидать, эксперты не смогли доказать стопроцентно, что данную фигурку сделал и подписал Виктор Цой, однако все же резюмировали, что с большой долей вероятности это работа Виктора Цоя. В целом, по мнению многих уважаемых искусствоведов, определять, оценивать и продавать работы Цоя, будь то картины или иные произведения, типа нэцке, очень сложно.

Ольга Остерберг, директор галереи современного искусства «Д137»:

«Я знаю работы Цоя, но определить их (если не подписаны) и продать их значительно сложнее, чем работы того же Гурьянова. С Цоем все сложнее – цены на его работы тоже непонятны, ведь он интересен не как художник, а как культовая личность. Так что Цой – очень специфическая вещь, и сложно продать его произведения за хорошие деньги. Разве что на аукцион какой-нибудь выставить...»

Владимир Овчаренко, основатель и директор галереи «Риджина» и аукциона Vladey: «Нэчке работы Цоя вообще сложно как-то оценивать и продавать. Это не наш профиль. Не является искусством в прямом смысле».

Помимо работ, которые находятся в семье Цой, в архивах Марьяны и Наталии Разлоговой, подобных фигурок сохранилось большое количество. Ведь как известно, Цой часто дарил свои работы друзьям и знакомым в качестве сувениров. Так, произведения, подобные «Гномикку», были в коллекциях у Александра Донских фон Романова и Игоря «Иши» Петровского.

Интересуют поклонников и коллекционеров не только работы Виктора Цоя, но и его автографы. На сегодняшний день, по данным российских антикварных домов, обычный автограф Виктора Цоя (росчерк подписи) в среднем стоит порядка 500 долларов. На всевозможных интернет-аукционах можно найти большое количество продающихся автографов «якобы Цоя» по самым разным ценам (от 1 тысячи рублей до 150 тысяч), однако если присмотреться, то сразу становится очевидно, что основная масса всего продающегося – банальная подделка. Кстати, интересно, что автографов Цой раздал немало, но вот «всплыли», а тем более продаются, – единицы.

Истории, рассказывающие о подделках, зачастую бывают невероятно смешными. Не так давно в Сети разразился скандал. На одном из аукционов пытались продать пластинку с автографом Владимира Высоцкого. Просили приличную сумму, утверждая оригинальность автографа (взятый там-то и тем – то...). Все бы ничего, однако первый же знаток отметил, что автограф Владимира Семеновича стоит на пластинке, вышедшей через пару лет после его смерти...

Та же ситуация и с автографами Виктора Цоя. В 2015 году некий человек из Уфы пытался продать фотографию Виктора Цоя с подписью и датой на обратной стороне, утверждая, что это фото его деду подарил сам Виктор Цой в 1981 году. На фотографии работы Анатолия Азанова действительно Цой... Однако выступающий на концерте, посвященном 25-летию "The Beatles" в московском ДК имени Курчатова 17 мая 1987 года... И таких забавных ситуаций очень и очень много.

В феврале 2018 года на интернет-аукцион "Мешок.ру" некий человек выложил для продажи автограф Виктора Цоя. Сам раритет представлял собой старый конверт, на котором было написано: "Юре! Удачи! ВЦ. 25.10.1986 г.". Стартовая цена лота, назначенная продавцом, была 1000 рублей. Разумеется, раритет и его цена привлекли внимание коллекционеров и прочих ценителей редкостей, и на продавца обрушился шквал естественных вопросов относительно истории получения артефакта. История же, рассказанная продавцом, была такова:

dimonakva

«Автограф на старом обрезанном конверте. Непосредственно с концерта. Сережа Перминов организовал у нас в Кирове фестиваль в ДК Metallургов, где временно замещал директора. Автограф взял его хороший знакомый, Юра, работавший радистом (звукорежиссером) в ДК Metallургов. По всей видимости, на том, что было под рукой. Никого уже нет в живых. Умер Юра, умер Сергей. Одно, знаю точно, это подлинный автограф Цоя».

Заподозрив неладное и будучи умным человеком, один из коллекционеров обратился с вопросом к Александру Цою, но поскольку Саша совершенно был не в теме данного вопроса,

он переадресовал вопрос мне. Разобравшись в ситуации, я поступил довольно просто: позвонил в Киров Татьяне Жуковой, бывшему представителю администрации ДК Металлургов и одной из организаторов концерта «КИНО».

Татьяна Жукова:

«К сожалению, звукорежиссера ДК уже действительно нет в живых. Но никакой он не Юра был, а звали его Василий Иванович. Он был звуковик, и электрик, и тихий алкаш в ДК. Я уточнила у Людмилы Пиковой, директора ДК, и Пикова сказала, что в штате никакого Юры не было вообще. Один из ребят ей говорил, что получил автограф Цоя, но он тоже не Юра».

После того как продавцу автографа был направлен этот ответ, он затер все свои сообщения и сбросил меня и еще нескольких задающих вопросы людей в черный список. Разумеется, в администрацию сайта «Мешок.ру» мы отправили данные о мошенничестве, но этот автограф был с успехом продан за 2200 рублей одному из покупателей, оставшемуся неизвестным. Можно представить радость его нового владельца. Немногим позже автограф был перепродан уже за 20 тысяч рублей...

При покупке автографа Цоя, а особенно в случае покупки автографа, взятого в период с 1989 по 1990, необходимо учитывать слова гастрольного директора группы «КИНО» Олега Толмачева и Олега Соколова, входивших в сопровождение группы, относительно того, каким образом подписывались пачки фотографий или плакатов во время гастролей.

Олег Толмачев:

«Плакаты мы подписывали оптом. У нас главными по подписыванию плакатов были Стас Шиканов и еще какой-то мальчик. Все копировали почерки ребят, один в один... У меня после этого так и осталось, я и у Кикабидзе все так подписываю... Пачку сразу беру, заряжаю человека, сажаю, и он подписывает...»

Олег Соколов:

«Было дело... Про это, наверное, не стоит писать в книгах... Обычно после концертов в примерку Виктору на подпись просовывали пачки плакатов, фотографий. А он был очень усталый... И в какой-то момент Стас наловчился подписываться, как он. Фиг отличишь! И вот с молчаливого Витиноного усталого согласия он подписывал плакаты и фотки, реально один в один, как Цой...»

Если подойти к покупке автографа Цоя достаточно ответственно, то приобрести его, конечно, можно, но для этого придется провести графологическую экспертизу (благо образцов подлинных черновики Цоя для сравнения в Интернете можно найти достаточное количество), причем проводить ее и предоставить все необходимые документы должен продавец, а не покупатель. Однако, к сожалению, в большинстве случаев, подлинность лота продавец может подтвердить только личной гарантией, что моментально ставит под сомнение оригинальность подписи.

Картины, автографы и прочие артефакты – с ними ясно. Но вот когда фальсифицируют интервью – это иной вопрос. Конечно, фальсификацией в прямом смысле это не назвать, но тем не менее.

Не так давно поклонники обратили внимание на интервью Виктора Цоя, опубликованное в журнале «Костер» № 8, в августе 1991 года. Приведу его полностью.

15 августа прошлого года трагически погиб поэт, певец, композитор, киноартист – Виктор Цой. Виктор Цой торопился жить и очень любил жизнь, хотя мало кому признавался – образ «черного рыцаря» не позволял этого. Он всегда был таким угрюмым, каким его при-

выкли видеть в черно-белом ящике телевизора. Никогда не расставался с черным костюмом и гитарой-шестистрункой. С ним трудно было разговаривать. Он не любил говорить – он любил петь. По опросам всяческих хит-парадов он сам и его группа «КИНО» занимали только первые места.

Он был тем самым «последним героем», который нарисовал на рукаве группу крови и отправился в бой, потому что «тем, кто ложится спать, спокойного сна» и «мы хотели пить, но не было воды», и тогда он сказал, что «дальше действовать будем мы». Мы – это и беспечная восьмиклассница, и угрюмый бездельник, и ты, которая «так любишь эти фильмы».

«Костер» печатает одно из последних интервью Виктора Цоя, которое он дал нашему корреспонденту Александру Игудину.

– Виктор, что изменилось в твоей жизни за прошедший год?

– Хвастаться нечем – все как обычно. Разве что жить стало труднее и опаснее. Я просыпаюсь утром и не знаю, что будет завтра, сегодня, чего мне ждать от жизни.

– Чем вызвано такое беспокойство?

– Состоянием нашего общества, которое я расцениваю как очень опасное. Вот уже четыре года, как вместо дел почти все занимаются болтовней, вместо перемен – тишина, вместо свободы – неизвестность. У меня такое впечатление, что мы все больны СПИДом, что скоро может случиться неповторимое.

– А если говорить о музыке?

– Здесь все взаимосвязано: дефицит мыла и дети, умирающие от СПИДа, национальные конфликты и запреты на творчество...

– Что такое в твоём представлении популярность?

– Трудно определить. Скорее всего, это то состояние, когда тебя не только обожают и превозносят, но и уважают как творческую личность...

– У твоего подъезда дежурят поклонники...

– К сожалению, да. Из-за них я стал домоседом, хотя раньше никогда им не был. Я не могу погулять по городу, не могу сходить в гости, к друзьям, потому что в меня все тыкают пальцем: «Смотри, Цой пошел».

– Но может быть, дежурство у твоего подъезда – это единственная возможность для многих взглянуть в твои глаза, заглянуть в душу, узнать, чем ты живешь?

– Моя душа – в моих песнях. А живу я надеждой на лучшее время.

Мнения поклонников разделились. Одни считают, что это интервью многое объясняет: и поведение Виктора в последние месяцы его жизни, и настроение, и его отдаленность от друзей. А другие называют интервью странным и считают, что это отнюдь не интервью Цоя, а некая «липа». Главный аргумент – Виктор не мог дать подобных ответов на вопросы. Третьи считают, что сомневаться в достоверности печатного интервью совершенно нормально.

Однако я заморочился и путем несложных поисков нашел журналиста Александра Игудина, бравшего это интервью у лидера «КИНО». Ныне это известный клипмейкер и режиссер.

Александр Игудин:

«По сути – у меня последнее прижизненное интервью с Цоем в Питере. “Костер” его перепечатал, в оригинале оно было в газете “Ленинские Искры”. Интервью я у Цоя брал лично. Только его ответы причисывала редакция... Если бы не брал – его бы не печатали, в те годы было строго. Я ездил к Белишкину, и он визировал текст интервью, а потом уже редактора вешивалась...»

Все ясно. Уважаемым читателям осталось лишь самим догадаться, на сколько именно процентов правдиво приведенное интервью...

Необъяснимое (о любви)

За прошедшие 30 лет девушки-поклонницы рассказали огромное количество романтически-мистических историй, связанных с именем Виктора Цоя.

По словам близких Цою людей, в нем не было мещанской романтики. В быту Цой не был влюбчивым человеком, его трудно было впечатлить, и он никогда не гарцевал перед женщинами. Был галантен, держался достойно, но не более того. Виктор был романтиком в философском смысле: в отношении к жизни, в ощущении цели, в отказе от бессмысленности, в служении внутреннему императиву. Он верил в людей, что тоже свойственно романтичным натурам.

Отвечая на записки на одном из концертов, **Цой** сказал:

«Симпатичные черты в людях? Чувство юмора. Особенно в девушках. Люблю веселые вечеринки. Бывают шумные, но скучные, а бывают тихие, но интересные. Я приверженец вторых – как девушек, так и вечеринок».

В 2010 году на Пятом канале в программе Светланы Сорокиной вспоминали такой эпизод (все – на совести рассказчика). Как-то в курилке на ТВ, где оказался Цой, режиссер стала его выпрашивать: «Вить, а Вить, а каким должен быть мужчина?» Цой ответил что-то типа: «Должен обеспечивать семью, должен защищать» и все, что обычно говорится в таких случаях. Режиссер не унималась: «Витя, а что должна делать женщина?» Цой курил, молчал, а потом произнес: «Красоваться!»

Как вспоминал **Роберт Максимович**, отец Виктора Цоя, в интервью Е. Ливси:

«У Виктора до тех пор, пока Марьяна его на себе не женила, толком никого и не было. Потом сразу же родился Сашенька, к тому же все его время забирала музыка. Настоящая любовь у него была одна – Наталья, он хотел на ней жениться, но не успел».

По словам Наталии Разлоговой, ревнивым Цой тоже не был. Ревновать без повода он бы не стал. А если бы появился повод, то не стало бы темы.

Пророк света

Если одни пытаются низвести Цоя до уровня «обыкновенного парня», то другие стараются вознести его до небес. К возвеличиванию склонны, как правило, впечатлительные и подверженные влиянию эзотерических и религиозных текстов «фанаты». Они поднимают личность Цоя до уровня святого или пророка, ниспосланного свыше, считают его проповедником идей той или иной религии (как правило, той, которую исповедует сам такой фанат). К этому приводит склонность к мистицизму вкупе с потребностью поклоняться кумиру, а также неосведомленность поклонников. Ведь большинство мистически настроенных людей живет в мире мечтаний и снов, не подвергая их критическому анализу. У каждого такого человека своя картина мира. У каждого свои герои, символы и ассоциации. Эти люди – параллельные миры.

Первым объявил Цоя «Пророком» Тальков в своей песне «Памяти Виктора Цоя» (написана в августе 1990-го). Этот «художественный образ», мало общего имеющий с реальным Цоем, некоторые поняли слишком буквально. Так возникла странная книжка З. Кадикова «По следам пророка света», в которой песни Цоя были весьма оригинально трактованы, а сам Цой объявлен воплощением библейского Ильи-пророка. Идею этого автора подхватили Л. Соснин и А. Овчанов. У многих поклонников творчества Цоя их безумные теории вызвали негодование, в результате чего на сайте Сирота.ру разгорелась настоящая словесная баталия между «традиционалистами» в лице О. Лехтонен и А. Дамера и последователями теории Ильи-пророка. А. Дамер объявил Соснина и Овчанова «сектой цоепоклонников», представляющей опасность для общества. Все это можно было бы считать шуткой и провокацией из разряда «Ленин – гриб», если бы авторы теории не относились к ней со всей серьезностью.

«Пророческую тему» разрабатывали и продолжают разрабатывать не только люди, считающие себя христианами, но и приверженцы оккультизма. Люди эти совершенно безобидны, просто ищут сакральный смысл в каждой строчке «великого пророка». Разбирая его тексты по словам, они всему приписывают значение, которое хотят видеть, и «переводят» стихи на сложный «духовный» язык. Такое благоговейно-трепетное отношение, увы, является отголоском трагедии двадцатилетней давности.

И вот что любопытно: не только обожающие фанаты доходят до таких крайностей, но даже БГ назвал его носителем высшего духа, хотя сам Цой говорил, что не хочет быть ни пророком, ни воспитателем масс, но высказывание БГ все же внесло свою лепту в создание теории «пророка Ильи». Зная БГ, можно предположить, что это тонкая ирония, но фанаты этого не видят, хотя Гребенщиков не раз озвучивал, что Цой исписался и играл для бандитов по заказу Айзеншписа.

Вот что говорил сам **Цой** по этому поводу:

«Мне не нравятся люди, которые считают себя пророками и думают, что в состоянии научить других, как жить. Я пою о своих проблемах, увлечениях и никого учить жить не собираюсь. Если песни кому-то нравятся, то этому, конечно, рад».

Чуть менее брутально, но не менее курьезно смотрятся попытки выставить Цоя «великим поэтом» и «великим композитором». Его нередко сравнивают с Высоцким, Окуджавой, Шевчуком. Многие переоценивают текстовую составляющую творческого наследия Цоя и даже поступают на филологический факультет, чтобы научиться делать литературоведческий разбор текстов его песен. Вообще многие фанаты «русского рока» страдают синдромом поиска глубокого смысла. Потому что сама концепция так называемого русского рока, разработанная идеологами типа Троицкого, предполагает, что в нем якобы важнее текст. А о силе слова мы знаем еще из Библии. Поэтому чаша «толкователя песен» не миновала многих «киноманов».

Цой же не любил, когда его называли поэтом и композитором. Он интуитивно понимал, что песня – это и не инструментальная музыка, и не стихотворение. Часто определяющей является интонация, с которой Цой поет тот или иной текст. Об этом забывать нельзя.

Евгений Титов:

«Свинья вот часто говорил неконкретно, образно, так сказать, с некоторым подъе...бом. Цоя это тоже касалось. Он это тоже умел. А к примеру, какой-нибудь Житинский трактовал это так, как ему хотелось. Ведь часто бывает, что говорят одно, но только по интонации понимаешь, что все наоборот. Когда тебе скажут или спросят какую-нибудь глупость, то смешнее бывает согласиться с этим, чем долго что-то объяснять, почему ты не согласен, – объяснять бывает бесполезно, веселее поддержать и усугубить до маразма».

Тексты цоевских песен задевают людей из самых разных слоев общества именно потому, что очень он образно и обобщенно выражался. Например, спетая им фраза «Мы ждем перемен!» и сегодня очень актуальна, хотя не имеет никакого политического подтекста.

Однако за 30 лет выросло новое поколение, которое получило в наследство интерпретации текстов Виктора в евангельском ключе. По сути – это новая секта, где есть свои проповедники и адепты.

Но есть и те, кто не только не считает Цоя пророком, но даже признает «еретиком», который так и не понял истинную суть православия и которому путь в рай закрыт навсегда. Вот что пишет один из таких любителей:

«А вообще смысл песни очень хорошо выражен в ее названии. “Звезда по имени Солнце”. В песне отражено языческое представление о природном солнечном цикле. Светлый, солнечный бог (Кришна, Геркулес, Озирис, Адонис, Митра, Персей, Аполлон) борется, совершает подвиги, умирает, воскресает и торжествует над врагами. Потом опять умирает (тот же самый дуализм) и т. д. Солярная языческая религия. Кажется, Рыбин говорил, что они с Цоем одно время хотели назвать группу именем славянского бога Солнца – Ярило. Вся необычность этой песни в числительном: “две тысячи лет война”. Это очевидное заимствование из песни БГ “Вавилон”. То есть само христианство Цоем тоже воспринимается как дуалистическая религия, наравне с древними языческими мифами»²⁹.

С одной стороны, это обычная интерпретация образов, используемых художником, с другой – скорее, похоже на завуалированную проповедь. А ведь сам Цой едва ли думал о подобной интерпретации своих песен. Вернее, точно не думал. Каждый творец использует в качестве материала образы, взятые им из культурного поля. А потом каждый критик их понимает по-своему. Это как материал сновидения. Он берется из впечатлений дня, а что обозначает – рассказывает психиатр. Который может и ошибиться. Любая литературная критика подразумевает поиск истоков. Но важно другое – каждый находит в творчестве любимого художника что-то свое. Девочке кажется, что слова «закрой за мной дверь – я ухожу» или «м-м-м, восьмиклассница» адресованы ей. А кому-то кажется, что Цой мыслил христианскими образами. Этим спорам посвящено много разделов на разных интернет-форумах.

Константин Кинчев:

«Двадцать восемь – опасный возраст. Переживешь его или нет – это уж как Богу угодно. С Цоем я, чем дольше живу, тем больше ощущаю родство душ, как это ни парадоксально. Нам с Цоем было очень кайфово, когда он ко мне приезжал. Все его последние тексты были христианские и до боли глубокие. Я Цоя и Башлачева на один уровень ставлю. Цоя я слушаю все

²⁹ Автор интерпретации, кстати, весьма поверхностно знаком с «язычеством», в которое он свалил все.

время, а Башлачева только читаю. Потому что его невыносимо слушать... Цой – это простые слова, заезженные рифмы, но когда все вместе – они несут глубину и понимание всего мироздания, в котором вращаемся все мы, люди».

Рашид Нугманов:

«Я не приветствую обожествление Виктора, ведь для меня он живой, близкий человек. Но и осуждать никого не берусь. Если это помогло кому-то в жизни, ради бога. Ну а если помешало... увы, вины Виктора в этом нет. Виктор был далеко не святым и уж тем более не относился к себе, как к пророку».

Смысл песен Цоя улавливается на подсознательном уровне, фибрами души. Но кто-то считает, что христианство у него лежало на одной полке с язычеством, хотя и не утверждают, что Цой выбирал образы осознанно. Ведь любой человек, создавая произведение, использует некие блоки-образы. Это собирательные образы и мотивы, в основе которых лежит все, что автор знал, слышал, видел, читал. Поскольку ничего нельзя доказать, любая версия имеет право на существование. Есть сторонники, утверждающие, что Цой был слабым и застенчивым человеком и что Марьяна сделала его звездой. И никто не может их переубедить. Каждый волен интерпретировать мир в соответствии со своими представлениями о нем и будет подбирать себе компанию по степени совпадения этих интерпретаций. И дело не в возрасте и не в знании, ведь самые сомнительные характеристики Цоя давали именно те, кто его «знали».

Так, певица Мара считает, что в песнях Цоя была такая сила и такая мощь, такой посыл двигаться вперед, что это чувствовали даже дети. По ее мнению, Цой – проводник великой солнечной космической энергии. Проводник всех солнечных, не лунно-солнечных и не лунных, а именно всех солнечных религий. И человек такого масштаба имеет определенное время воплощения на Земле в своей оболочке. Сколько было отмерено ему вдохов и выдохов, столько их и должно было быть. То есть, в понимании Мары, Цой – это человек, но все, что он нес, это соединение двух миров – земного и небесного.

Процесс «канонизации» Цоя исторически объективен и неизбежен, хотя людям, которые хотят его воспринимать как человека, может быть, и больно это видеть. Цой стал мифом, а для возникновения мифа необходима жертва. Он погиб и стал недостижимым. Кто-то однажды сказал, что бывшие соратники Цоя – Гребенщиков и Кинчев – благополучно состарились и уступили дорогу молодым. А лидер группы «КИНО» молод навсегда, и, кто знает, может быть, через тысячу лет его песни будут называть, ну, например, евангелием русского рока...

Время признало в Цое своего героя, хотя, конечно, всякие попытки назвать его пророком выглядят полной ерундой. Цой просто любил петь песни.

«Игла» и ее Remix

Тридцать три года назад, в 1988 году, кинорежиссер Рашид Нугманов снял легендарный кинофильм с рок-музыкантом и собственным другом Виктором Цоем в главной роли. Эта лента имела символическое название «Игла». В августе 1990 года Виктор Цой погиб в автокатастрофе, став культовым персонажем, соответственно, «Игла» тоже стала культовой.

Но начнем сначала...

В августе 1987 года приехавшему на каникулы в родную Алма-Ату Рашиду Нугманову (автору короткометражки «Йя-Хха!») руководство студии «Казахфильм» предложило заменить отстраненного режиссера бывшей уже в производстве картины «Игла» и срочно начать съемки фильма. Выторговав право по ходу работы корректировать сюжет, а также пригласить на исполнение главных ролей непрофессиональных актеров, Нугманов взялся за работу и тут же позвонил Цою, который согласился сниматься, даже не читая сценария, и уже через несколько дней прилетел в Алма-Ату, предварительно решив все вопросы с альбомом «Группа крови».

Рашид Нугманов:

«Фильм уже был в производстве в 1987 году, когда киностудия "Казахфильм" решила заменить режиссера и предложила мне снять фильм. И я согласился при условии, что главную роль в нем исполнит Виктор Цой. Вопрос об участии Виктора был решен без всяких проб. Мы были друзьями, и я снимал его еще в моем первом фильме, «Йя-Хха!», на втором курсе ВГИКа».

Виктор Цой:

«Это только проба. Просто у меня есть очень хороший друг здесь, в Алма-Ате, – Рашид Нугманов, и вот он мне предложил роль. Мне эта работа нравится. Но это немножко не то, что мне вообще хотелось бы делать».

Сюжет «Иглы» довольно прост:

Моро (Виктор Цой) приезжает в Алма-Ату выбить денежный долг из Спартака (Александр Баширов) и останавливается у своей старой подруги Дины (Марина Смирнова). Вскоре он узнает, что она стала наркоманкой, а ее квартира превратилась в притон и хранилище наркотиков. По просьбе девушки Моро увозит ее к Аральскому морю, где Дина начинает выздоравливать. Но после возвращения в город все начинается сначала. Тогда Моро решает расправиться с поставщиками наркотиков. Однако за одним из поставщиков, хирургом Артуром (Петр Мамонов), стоят влиятельные люди, которые зимней ночью подсылают к Моро убийцу. Кончается фильм тем, что получивший смертельный удар ножом в бок Моро прикуривает сигарету и, засунув руки в карманы, нетвердыми шагами уходит в ночь по заснеженной аллее, повернувшись к зрителю спиной, оставляя своим уходом загадку и даря надежду...

Тогда, в конце 80-х, фильм был, возможно, и не чересчур смелым, откровенным, однако точно уникальным. Во всяком случае, сюжет «Иглы» для тех лет был шокирующим.

Во-первых, впечатляло, что проблему наркомании и наркоторговцев авторы кино трактовали не как исключительное событие в условиях счастливой жизни советского гражданина, а как житейское дело, обыденное явление. Так, собственно, и было в СССР в 80-х, именно в реальной жизни, а не в той, что показывали на киноэкране.

Во-вторых, интересным был стиль повествования, выбранный для «Иглы»: бытовой, подчеркнуто не пафосный. Безусловно, сейчас многие отечественные режиссеры предпочитают говорить с собственным зрителем именно в таком тоне, хотя в период создания «Иглы» эта

беседа всегда строилась совершенно иначе. В стране тогда господствовал соцреализм: голубые экраны показывали все белое, только позитивное и обязательно отличное, то и дело напоминающая, каких побед достигли в СССР, направляясь по пути к коммунизму.

Рашид Нугманов:

«Вообще философия и эстетика "Иглы" прямо полярна символизму. Я старался максимально освободить фильм (сцены, диалоги, сюжет) от какой-либо символики, сделать его наполеподобие пустого сосуда, который каждый зритель мог бы заполнить собственной интерпретацией. И собственной символикой в том числе. Поэтому все вправе истолковывать его миллионами способов».

Снималась «Игла» на киноплёнку 35 мм. Съёмки начались в конце сентября с выезда на Аральское море, но Виктор приехал немного раньше, и вместе с Рашидом они проводили пробы нескольких актрис, которые рассматривались на роль Дины, и всех забраковали.

Рашид Нугманов:

«С участием Виктора мы снимали пробы в паре с разными актрисами на роль Дины и в результате вообще отказались от актрис, поскольку ни одна из них не выдерживала необходимой доли реализма рядом с Виктором, который просто оставался самим собой (иной задачи я ему никогда и не ставил). Первоначально я собирался снимать настоящую наркоманку из Питера, замечательную девушку, сыгравшую в той же «Йя-Хха!», но обстоятельства не позволили».

Было предложено сыграть роль наркоманки Дины даже Наталии Разлоговой. Но она сразу же категорически отказалась.

По словам Рашида Нугманова, все решалось очень быстро, времени у съёмочной группы было в обрез, поскольку предложение снять фильм поступило в августе, а в октябре уже надо было выходить на съёмки. Со всеми актёрами не было никаких проблем, кроме роли Дины. Знакомая Рашида, игравшая роль Руты в «Йя-Хха!», которую собирались снимать, к тому времени забеременела, несколько других кандидатур попросту забраковали и в итоге остановились, зайдя в тупик.

И тут Виктор, с подачи Марьяны, вспомнил о своей подруге из питерской тусовки Марине Смирновой, он показал её фотографии Наташе, ей понравилось, и она сказала, что вот эта девушка могла бы хорошо сыграть роль Дины.

Наталья Стрельцына:

«Когда Нугманов показал Цою мою подружку Аньку Благодатову, которая выглядела лет на 17, на роль партнёрши в фильме "Игла", тот категорически отказался, сказав, что с малолеткой в кадре целоваться не станет... и привёл Марину Смирнову. Анька, вернувшись из Москвы, с проб, рассказывала мне это вся в слезах... Цой был такой целомудренный...»

Инна Николаевна Голубева:

«Это, кстати, Марьяна предложила Цою в "Иглу" Марину Смирнову. Она просто не могла допустить, чтобы с Цоем какая-то другая девка была, снималась там. Вот и предложила: "А возьмите Маринку Смирнову? Она все равно ничего не делает сейчас". Ну Витя посоветовался с Разлоговой и рекомендовал Марину Рашиду Нугманову. Так она и оказалась в "Игле"...»

Рашид Нугманов:

«Сюрприз. Не фантазирует ли Инна Николаевна? Виктор к тому времени уже давно не общался с Марианной по творческим вопросам. Что мне известно доподлинно – Марину я выбрал с подачи Наташи и Виктора, когда после пары суток отбора десятка кандидатур на "Мосфильме" (после безрезультатных проб в Алма-Ате) они мне показали фото Марины. Она была бывшей подружкой Каспаряна, а не Цоя, кликуха у нее была в то время: "Раненая". Я поехал в Питер (это уже был сентябрь), и мы вместе с СашБашем зашли к Марине с Романом Смирновым в коммуналку. Познакомились, поговорили. СашБаш поиграл на гитаре. Потом, когда Марина вышла на кухню, СашБаш говорит мне: "Ну вот, ты нашел свою Дину". Когда Марина вернулась, я пригласил ее на съемки через неделю и попросил захватить с собой белую пластиковую маску, которая висела у нее на стене. Эту маску мы потом сняли в сцене на кухне».

«Век живи, век учись. Не знал об этом факте: ни Марьяна, ни Виктор никогда о нем не упоминали. Значит, спасибо Инне Николаевне за информацию».

По словам Рашида Нугманова, основная съемочная группа добиралась на Арал и обратно поездом. Машинами выезжала мобильная техническая группа осветителей и операторов.

Как рассказывала впоследствии Марина Смирнова, ее очень впечатлили места съемок – казахская степь с ее темно-красной травой, солончаками, высохшее Аральское море с его просто космическими пейзажами...

От себя лично, как автор, могу добавить, что в детстве жил в Аральске и даже немного дальше, на острове Возрождения в Аральском море, и прекрасно помню все то, о чем говорит Марина. Высохшее море, остовы стоящих в песках кораблей, перекасти-поле, верблюды и красные, почти марсианские закаты...

Марина Смирнова вспоминала, как они с Виктором ходили в ближайший городок на почту за талончиками на междугородний звонок... Это правда. Наташа Разлогова, много ездившая по стране в командировки, в то время была в Алма-Ате, где читала лекции про французское кино членам Союза кинематографистов, и Виктор с Мариной ходили вместе звонить ей.

Музыкальное сопровождение к фильму в 1988 году было написано целиком Виктором Цоем и состояло из песен репертуара группы «КИНО». Виктор предложил Нугманову начать фильм «Звездой по имени Солнце» и закончить «Группой крови», а в середину включить только инструменталы. Все отобранные композиции вошли в фильм, но только по разу. Виктор, конечно, ожидал, что инструментальные темы будут возвращаться периодически, но это противоречило фильму и стилю Рашида Нугманова.

Архимед Искаков:

«ВГИК оказался замечательным выходом для наших ребят... Рашиду на "Казахфильме" предложили взять в свои руки съемки фильма "Игла", съемки уже начались, и была потрачена определенная сумма денег. Рашик согласился только на своих условиях, он полностью переписал сценарий, пригласил людей, которых посчитал нужными. Войдя в чрезвычайно жесткие бюджетные рамки, в которые его поставил "Казахфильм", он начал. В фильме нет ни одного профессионального актера. Он позвал компанию людей, с которыми общался последние несколько лет. Из Питера были Виктор Цой, Петя Мамонов, из Москвы – его сокурсники, а из Алматы – наша компания.

Я пошел по двум причинам: мне было интересно посмотреть, чем занят Рашик, и меня привлекла сцена драки. По сценарию она должна быть настоящей. А я всегда любил драться, в свое время был мастером спорта. А в то время я работал в одной из лучших школ Казахстана и приходил туда с фингалом. Меня просили написать объяснительную, и я взял письмо из "Казахфильма", что участвую в съемках фильма без дублеров и поэтому расквасили лицо. На

съемки меня собирали мои друзья. На мне был свитер отца моего друга, из дома я взял битый молью шарф, который связала моя мама. На киностудии нашел длинный плащ. Яник Мавриди, наш лучший скрипач, дал концертные башмаки, которые были на два размера больше. Мы договорились о съемке в 11 утра во дворе на Мира-Кирова. Рашик со своей съемочной командой и целым автобусом пацанов, которым по 14–16 лет. А нам-то уже под 30. Как же мужики с пацанами драться будут? Попросили ребят постарше. На следующее утро он привез настоящих наших ровесников, наркоманов. Рашик договорился с наркологической организацией, раньше они были принудительные, как тюрьмы. Договорился с их охраной, кино – влиятельная штука. Они добровольно пришли, за это они целый день по парку гуляли, правда, с охраной, им морозное разрешили съесть, гражданской еды. И вот драка. Место драки было очень ограничено. Два метра пространства между забором и трансформаторной будкой. Камеры еле развесили на заборах, Мурик со своим помощником-оператором сидит на дереве, Рашик – на заборе. Ничего не слышно. Мы договорились, что по свистку начнем первый дубль и также по свистку через 2 минуты заканчиваем. Раздался свист, началась зверская драка. Кто-то деревяшкой от скамейки пытался попасть мне по голове, а это был конец осени, первый снежок, он поскользнулся и попал мне в бицепс. Он разбух и был, как у Шварценеггера, здоровый. Потом мне разбили губу. И кто-то велосипедной цепью порвал концертные туфли Яника. Одного нашего парнишку наркоты поймали и провели лицом по трансформаторной будке, другому пол-уха оторвали, третьему кисть сломали той же палкой, что и меня били. Но мы выжили, до съемок ведь по сто грамм приняли для храбрости. Все ржут, все падают с деревьев и говорят, что гениальная и грандиозная была драка. На всякий случай нужно было снять второй дубль. Мы приняли еще по сто грамм, никто боли уже не чувствовал.

Через неделю Рашид собрал нас всех на "Казахфильме" и показал нам то, что сняли. И с нашего полного согласия эпизод драки был убран, потому что настоящая это была, реальная драка, а не киношная, где тебя ударяют и ты отлетаешь на три метра на шкаф, с которого все сыпется. В нашей драке даже никакого мата не слышно, там жуткие вздохи от ударов, жуткая свалка, никто не отлетает. Это все некрасиво и не видно, кто кого мочит. Сцену убрали, Рашид пригласил ленинградских каскадеров, и они на наших глазах сняли по-киношному драку, которая вошла в фильм».

Рашид Нугманов:

«Наркоманы реальные, из диспансера. Каскадеров всего двое: тот, что с дрыном, и другой в клетчатом пиджаке. Трудностей с наркоманами никаких не было. Ребята с интересом приняли участие в съемках и проявили высокую дисциплину. Более того, мы еще сняли сцену натуралистической драки между наркоманами и бандой Спартака, но в фильм она не вошла».

Окончательный эпизод «Иглы» – заснеженная аллея на Тулебайке – был доснят в январе 1988 года.

Рашид Нугманов:

«Этот фильм – моя глубокая, персональная фантазия, я творил его, как хотел, с полной, безусловной свободой, и ни одного кадрика или звука в нем не вставлено или убрано кем-либо, кроме меня (если не считать износа, порыва и переклейки копий киномеханиками)».

Что касается самого Виктора Цоя, то своей работой он, по его же собственным словам, был не вполне доволен. Его претензии сводились к двум вещам: недостаточно его музыки в фильме и излишнее хамство в сцене в больнице («он тебя трахает» – конкретно эту фразу он, по воспоминаниям Рашида Нугманова, хотел убрать из текста).

Виктор Цой:

«Это было тяжело и очень утомительно. Хотя скорее это было интересно, потому что я был поставлен в оптимальные условия, в каких может работать только киноактер. Режиссер Рашид Нугманов – мой приятель, у нас схожие взгляды, поэтому мы делали все, что хотели, и мне никогда не приходилось наступать себе на горло. Мы друзья, поэтому если мне что-то совсем не нравилось, Рашид от этого отказывался. Конечно, у Нугманова было свое мнение, а у меня свое – это неизбежно. Мы с ним много спорили, и у него было гораздо больше прав. Но мне это не мешало, поэтому мы снова собираемся писать сценарий и снимать...

Персонаж получился в целом, как мне кажется, симпатичным, хотя местами блистает отсутствием хороших манер... Друзья остались довольными, и я удовлетворен. Мы две недели работали в студии над музыкой к этому фильму, сделали фонограмму на тридцать минут, и очень жаль, что она вошла в картину только небольшими фрагментами среди радио и телепередач с классической и эстрадной музыкой. Согласившись быть композитором, я предполагал, что это будет фильм с использованием только рок-музыки».

Рашид Нугманов:

«Он был доволен результатом, а когда ему пошли одно за другим предложения сниматься, он говорил и мне, и при мне, что будет сниматься только у меня. Допускаю, что он мог говорить другие вещи другим людям, но мне такое неизвестно... Что касается музыки, то практически вся она вошла в фильм. Наверное, Виктор хотел ее слышать чаще и дольше, но у меня свой ритм, тут ничего не поделаешь, и он это признавал безоговорочно. Не забывайте, что фильм в то время, его стилистика, визуальная и звуковая, были необычны для нашего зрителя, и Виктор не исключение».

После выхода фильм «Игла» вошел в число лидеров советского проката. В 1988 году он был удостоен приза кино клубов в конкурсе «Особый взгляд» на кинофестивале «Золотой Дюк» в Одессе.

Рашид Нугманов:

«Когда главный приз взял "Фонтан" (который, кстати, Виктору и Наташе страшно не понравился, и они утащили меня с середины просмотра), то индийская актриса из жюри долго перед нами извинялась за это решение. Она стала нашей поклонницей и как будто оправдывалась за то, что председатель жюри Эльдар Рязанов настоял на главном призе для своего же ученика с Высших режиссерских курсов, а она не сумела отстоять "Иглу". Но нам было совершенно по барабану. Видя, как переживает прекрасная заморская красавица, Наташа решила сделать собственный «приз жюри» и подарила ей свое кольцо с камнем. Наш фильм получил приз кино клубов "Особый взгляд", а Виктор глумился, досадуя, что лучший приз фестиваля, по его мнению, за "худший фильм" перехватили "Воры в законе". Забавно, что сразу же из Одессы "Игла" прямиком отправилась в Ригу, на фестиваль авангардного кино "Арсенал"».

В первый год выхода на экраны страны (за 11 месяцев 1989 года) картину посмотрели 14,6 миллиона зрителей (2-е место среди отечественных фильмов). По результатам ежегодного опроса журнала «Советский экран» Виктор Цой был признан лучшим актером 1989 года. В 1990 году фильм получил главный приз Международного кинофестиваля в Нюрнберге.

В 2010 году к невеселому юбилею – двадцатой годовщине смерти Цоя – режиссер Рашид Нугманов решил перемонтировать кинофильм, добавить в него новых сцен, новой музыки и своих раздумий над тем, что происходило в СССР двадцать лет назад.

«Игла Remix» – отнюдь не продолжение предшествующего проекта, это новая кинолента, сделанная на основе легендарного фильма 1988 года с помощью новых технологий и режиссерских дополнений в сценарии, превратившаяся в свежее художественное произведение. Можно сказать, что это совершенно новый взгляд Рашида Нугманова на кинофильм, созданный им двадцать лет назад, обновленная и отреставрированная версия картины, которую когда-то посмотрели миллионы зрителей и которая не сходила с экранов страны год. Для первой сцены, где герой Моро предстает зрителям в качестве подпольного музыканта, были использованы материалы из первого фильма Рашида Нугманова «Йя-Хха!», снятые в котельной, позже прозванной «Камчатка», и в соседнем подвале. Специально для фильма были сняты дополнительные сцены с Петром Мамоновым и Александром Башировым, а также другими актерами из оригинальной «Иглы». По предложению Наталии Разлоговой, режиссер в эпизодах, где нужен был Цой, воспользовался графикой, разработанной арт-студией "Doping-pong" под руководством арт-директора Дмитрия Мишенина (сыграл в новом фильме эпизодическую роль телохранителя), чья кандидатура также была предложена Наталией, которой очень понравилась эстетика "Doping-pong". Художники студии довольно удачно подготовили и нарисовали графические сцены с участием Виктора Цоя, что действительно позволило обойтись без каких-либо дублеров...

В новом фильме снялись «старыми» Мамонов и Баширов, благодаря чему их образы стали гораздо более многомерными и метафоричными. На фоне этих перемещающихся из юности в старость актеров вечно молодой и пластичный Цой кажется поистине танцующим богом. Довольно кардинально Нугманов поступил с концовкой фильма: она была полностью переписана. Сцены в большинстве своем остались прежними, однако была изменена их расстановка, и в итоге события приобрели совершенно иное значение. Так или иначе, расстраиваться не нужно: дух старой «Иглы» конца восьмидесятых остался прежним. Он очень отчетливо чувствуется в новом фильме: как в обшарпанных подвалах и квартирах, так и в крутом горделивом герое Цоя, во всех немыслимых выкрутасах и словечках Баширова, в нацарапанных на стенах гадостях и случайных фразах из телевизора.

Сюжет фильма «Игла Remix»:

Моро (Виктор Цой) – певец и музыкант, который дает подпольные концерты. Официально же он работает кочегаром. К нему обращается бывший одноклассник Спартак (Александр Баширов) с предложением получить за 2 минуты на подпольных боях столько денег, сколько он зарабатывает за 2 года. В полночь происходит бой с Эпштейном – чемпионом по боям без правил, но бой не закончен, так как всех вяжет ОМОН. Моро дают 15 суток. Он приезжает в Алма-Ату с целью выбить денежный долг из Спартака. Последний желает показать свою силу и приводит на встречу свою банду. Но тут приходит Эпштейн с другим человеком, ведь Спартак должен и ему. Моро расправляется с бандитами, а Спартак обещает вернуть ему долг. Моро останавливается у своей бывшей подруги Дины (Марина Смирнова). Она занимается стрельбой и работает медсестрой. Вскоре Моро узнает, что она стала наркоманкой, а ее квартира превратилась в хранилище наркотиков. Герой решает увезти девушку на море, где лишает ее наркотиков, и через две недели она выздоравливает. Но после возвращения в город все начинается сначала. Моро идет к Спартаку за долгом. Но последнему нечем расплатиться, он прячется от кредиторов в заброшенном зоопарке, проявляя синдромы прогрессирующей шизофрении. Однако члены его банды показывают тайник Спартака, где он хранит все, что он занял или украл, работая клоуном, фокусником и директором цирка. Там же они встречают Зомбигерл, его бывшую ассистентку по сцене, которая теперь заперта в клетке. Моро отдают деньги, а выпущенная Зомбигерл приходит с пилой мстить Спартаку. Один из поставщиков наркотиков – хирург Артур (Петр Мамонов) – приходит к Дине домой за наркотиками. Моро отдает ему весь морфин, но Артур на лестничной клетке избавляется от содержимого упаков-

вок, так как ненавидит Моро и желает его смерти. За ним стоят влиятельные люди, они сначала подсылают к Моро шпану, которая должна была выбить у него наркотики, но он справляется с ними. Тогда они зимней ночью подсылают к Моро убийцу, который наносит ему два удара ножом. Моро падает на колени, но поднимается и идет. Он выживает и навещается с бывшими членами банды Спартака к хирургу Артуру. В конце фильма Моро выбрасывает ключи от квартиры Дины и возвращается домой, к сестре и отцу. В отличие от оригинала, где непонятно, выживет ли герой (Виктор Цой) в конце картины, в «Игле Remix» он остается живым.

Вот здесь можно рассказать о небольшом противостоянии между режиссером фильма Рашидом Нугмановым и Наталией Разлоговой, предоставившей Рашиду некоторые видео- и фотоматериалы, необходимые для съемок фильма. Наталии очень хотелось, чтобы в новом фильме было много графики с Цоем (собственно, поэтому и была привлечена студия "Doping-rong"), и категорически не хотелось, чтобы режиссер менял концовку. По замыслу режиссера Моро должен был вернуться домой к Дине и продолжать ее спасать. Наталия Разлогова же, наоборот, утверждала, что не нужно этого делать, приводила мнение самого Цоя, который хотел совершенно иную концовку в старой «Игле». Режиссер же стоял на своем, упирая на то, что «времена изменились», «молодежь совсем другая», «не поймут» и т. п... Только после упорных дружеских споров было все-таки решено, что Моро к Дине не вернется. В конце фильма герой Цоя, получивший смертельную рану и нетвердыми шагами уходящий в ночь, идет лицом к зрителю, как бы окончательно утверждая, что ОН ЖИВ.

Рашид Нугманов:

«Некоторые ошибочно полагают, что Моро выбрасывает ключи от квартиры Дины. В том числе Наташа так полагает. Но это не так. Ключи выпадают из кармана, когда Моро вытаскивает перчатки. Так и в сценарии было, так и снималось, так и Виктор отыграл. Я не стал снимать крупный план момента вынимания перчатки из кармана, полагая, что и без того ясно. Оказывается, есть зрители, которые интерпретируют действие по-своему, даже несмотря на то что Моро с удивлением смотрит под ноги, отреагировав на неожиданный звук падения ключей. Думаю, такие зрители видят то, что они хотят видеть, а не то, что сыграно. Свою роль сыграло и движение ноги Моро в сторону от ключей. Движение это, разумеется, не от брезгливости или страха, а от желания лучше разглядеть, что там брякнуло, но кто-то видит в этом совершенно другое. Ну в подобных двусмысленностях есть свой плюс, поскольку они позволяют интерпретировать фильм многомерно, чего я добивался всегда. Например, в другом эпизоде одни считают, что Моро погибает от удара ножом, другие (включая меня и Виктора) – что он выживает. В «Игле Remix» представлена версия, которая позволяет думать, что он выживает. Тем не менее желающие его гибели все равно могут представить, что он погиб и вся концовка фильма после удара ножом – это предсмертное видение Моро. В том числе и звонок сестре. Звонок Дине в оригинальной «Игле» следовал сценарию Баранова и Килибаева. Ни я, ни Виктор даже не рассматривали иной возможности. А вот в сценарии «Иглы Remix», который я написал в 2007 году, предложен альтернативный вариант: ночной звонок Моро сестре, она поднимает трубку, Моро говорит «сейчас приду», связи нет, а из коридора на нее смотрит отец, спрашивая, кто звонил, но она не знает. Так и сняли в декабре 2009 года. Однако при монтаже неожиданно оказалось, что эпизод с ответом Мирки ложится гораздо лучше сразу же после эпизода со Спартаком в ночном парке и перед посадкой Моро в поезд. Я много раз переставлял сцену туда-сюда, и все, кто видел варианты, соглашались со мной, что так лучше. В конце концов я остановился на этом варианте, и вместо отсутствия связи Моро в этой сцене просто молчит. Но тут же встал вопрос: а как быть со звонком Мирке в конце фильма? Можно было вернуться к первоначальной версии, когда Моро в финале звонит Дине, а можно было оставить закадровый голос Мирки: «Алло, алло». Опять же прокрутил друзьям оба варианта, и

тут мнения разделились поровну. В конце концов решил придерживаться своего же сценария ремикса, оставив закадровый голос Мирки.

Так сцена ответа Мирки ушла из конца в середину фильма, а в финале остался лишь кадр, когда она кладет трубку. Таким образом, в отличие от первоначального сценария ремикса, где предполагались два звонка Моро Мирке – в начале и в конце, теперь их стало три: в начале, в середине и в финале. То есть в начале он врет сестре, что звонит из Москвы, хотя уже приехал в Алма-Ату. Причина этого звонка – убедить родных, что он в Москве, поскольку приехал он нелегально, нарушив подписку о невыезде, и создать некое подобие "алиби", если поползут слухи, что кто-то увидел его в Алма-Ате. В сценарии оригинальной "Иглы" была дополнительная причина выяснить, есть ли кто дома. Он повторил свой звонок позже и, убедившись, что дома уже никого нет, пришел за своими вещами: кожаная куртка, перчатки, шарф. За этим занятием его застала Мирка, неожиданно вернувшаяся из школы. Брат и сестра, безмерно любящие друг друга, тут же заключили пакт, что сохраняют его визит в секрете. Мы сняли этот эпизод в оригинальной «Игле», но в финальный монтаж он не вошел (только кадр из него – в рекламный ролик). А в «Игле Remіx» Моро звонит Мирке второй раз после угрозы Спартака выдать всю информацию Эпштейну. На этот раз Моро ничего не говорит, лишь убеждается, что сестра в порядке.

Наконец, в конце фильма он звонит Мирке и говорит, что сейчас придет, и вот тут телефонная связь барахлит. Но Моро больше не находит нужным скрываться, он возвращается домой. Опять же поклонники версии убийства могут считать, что этот звонок воображаемый, представленный героем в последнюю минуту жизни.

Звонок Мирке и возвращение домой не означают, что Моро отказался спасти Дину. Этот вопрос, как и другие, остается открытым в традициях и в стиле "Иглы". Кто не желает ее спасения или не хочет видеть Моро с Диной, вправе считать, что он поставил на ней крест. Те, кто надеется на иное, точно так же имеют на то право и все основания. "Игла" не является ни однозначной пропагандой, ни нравоучительным опусом – ни в вопросах наркомании, ни в вопросах любви. Она предоставляет зрителю возможность решать за себя».

Музыкальное оформление в «Игле Remіx», безусловно, играет такую же важную роль, как в оригинальной «Игле». В новом фильме был представлен новый, оригинальный саундтрек, созданный оставшимися участниками группы «КИНО» Юрием Каспаряном и Игорем Тихомировым, которые, по сути, впервые за двадцать лет собрались в студии для совместной работы. Продюсером музыкальной части фильма стал Игорь Вдовин, кинокомпозитор, музыкант, певец, один из создателей и вокалист первого состава группы «Ленинград», основатель проекта «Отцы водорода», сотрудничавший с различными музыкантами и музыкальными коллективами («Messer Chups», «АукцЫон», «Колибри», «2ва Самолета», Земфира и др.).

За плечами Вдовина был не один успешный музыкальный и кинопроект. Особую роль в работе над саундтреком сыграл и бывший бас-гитарист «КИНО» Игорь Тихомиров: он нашел записи и оцифровал все кассеты. Бывший ударник «КИНО», а ныне известный в мире художник Георгий Гурьянов сыграл эпизодическую роль диджея. В записи музыки к фильму приняли участие Олег Гитаркин и группа "Messer Chups" – короли серф-рока в России, самая популярная русская рок-группа за рубежом, постоянно гастролирующая по миру. Совместными усилиями был создан искусный микс из классических хитов Виктора Цоя в совершенно новой аранжировке в исполнении музыкантов группы «КИНО».

Алексей Мажаев из «Музыкальной правды» похвалил аккуратные аранжировки Игоря Вдовина, который указан в трек-листе как соавтор знаменитых песен группы «КИНО»:

«Нужно сказать, что последний сумел справиться с ответственностью, накладываемой на него подобной формулировкой, и очень бережно подошел к ремиксам классики. Его вмеша-

тельство в песни столь деликатно, что почти не слышно. При всем уважении к Вдовину – и слава богу».

Всеволод Гаккель:

«Я в восторге от того, как наследием группы распорядился Юра Каспарян с Игорем Вдовиным».

Специально для саундтрека впервые была записана ранее не выпускавшаяся песня на слова Виктора Цоя «Дети минут», текст которой сохранил известный антиквар и музыкальный деятель Александр Липницкий, в прошлом музыкант группы «Звуки Му». Правда, с песней получился небольшой казус: по желанию алма-атинского спонсора фильма (являющегося по совместительству одним из спонсоров группы «Ю-Питер») исполнение ее было доверено бывшему лидеру группы «Наутилус Помпилиус», а ныне лидеру группы «Ю-Питер» Вячеславу Бутусову. Это вызвало некое недоумение и недовольство у Георгия Гурьянова, что не замедлило сказаться на его личных отношениях с режиссером.

Георгий Гурьянов:

«На участие в проекте "Игла Remix" я согласился только потому, что хотел по-настоящему красиво опубликовать Витину музыку. Ведь саундтрек к фильму "Игла" – единственный пример инструментальной музыки, написанной Виктором Цоем. А музыка эта – роскошная. Мне всегда было крайне обидно, что в самом фильме ее звучит так мало. Поэтому я и зацепился за возможность качественно выпустить на диске единственную до сих пор не изданную работу группы "КИНО": песни из фильма выходили на различных носителях, а инструментальная музыка – никогда.

В тот момент, когда Витя погиб, все вышло из-под нашего контроля и досталось нашим недоброжелателям. Участники группы "КИНО" оказались не у дел, нас слили, и на наших записях стали наживаться. Между прочим, я неплохо поработал, организовав в конце 1990-х эпатажное судебное разбирательство, которое помогло объединить нас: Юрия Каспаряна, Игоря Тихомирова и меня. Мы тогда безуспешно требовали признать нас соавторами музыки группы "КИНО". С тех пор мы уже неразлучные друзья. Тут вылезает Рашид Нугманов и предлагает качественно издать мою любимую музыку. Конечно, я уцепился за этот шанс. Не было намерений зарабатывать на этом какие-то деньги. Меня кормит другое – моя живопись. Но вдруг выяснилось, что затеяно все было только ради того, чтобы урвать свои три копейки. Мне было наплевать на это кино, потому что оно, по-моему, дерьмовое. Я изначально считаю провальной идеей, с которой выступили продюсеры фильма: "Цой – наш казахский герой!" Отец Виктора родился в Казахстане, ну и что с того? Это какой-то этнический наскок. Но я переживал за музыкальный момент, хотелось создать что-то достойное. Поэтому я предложил в качестве композитора фильма настоящий талант – Игоря Вдовина. При чем тут Олег Гитаркин и Вячеслав Бутусов? Идея привлечь их к проекту исходила от Нугманова. Дело в том, что продюсером фильма стал алма-атинский инвестор, являющийся спонсором Бутусова. Деньги вообще разрушительно влияют на мозги. Бывший бас-гитарист группы "Звуки Му" Саша Липницкий, в принципе интеллигентный человек, не совсем нам чужой, двадцать с лишним лет хранил неизвестный текст Вити "Дети минут" и вдруг отдал его этому алма-атинскому бизнесмену. А почему нельзя было передать этот текст группе "КИНО"? Уж мы, наверное, нашли бы, что с ним сделать. А в итоге музыку на него почему-то написал Вячеслав Бутусов. Все это так вульгарно и пошло! Но мне уже было ничего не поделать с этим. Я пытался действовать через адвокатов – не помогло».

Вот как прокомментировал ситуацию Рашид Нугманов:

«Я творец. Предоставляю оценить фильм другим. О том, что не понравилось группе "КИНО", а точнее, индивидуально Каспаряну, Тихомирову и Гурьянову, надо спросить у них. Если оставить в стороне чисто субъективно-оценочную болтовню и говорить лишь о фактах, то мне известно о единственной претензии, и она действительно исходила от Гурьянова, но не от Тихомирова и тем более не от Каспаряна, которого связывает с Бутусовым многолетняя творческая дружба и сотрудничество: он выступил резко против вокала Бутусова в "Детях минут". Но эта песня, написанная на слова Виктора, – плод творчества Каспаряна и Бутусова, и Гурьянов к этому не имеет ровно никакого отношения. Его недовольство представляет его личную точку зрения, а не точку зрения группы "КИНО". Когда я рассказал Игорю Тихомирову о претензиях Гурьянова, высказанных якобы от юриста группы "КИНО", Игорь только посмеялся. Работу над "Детями минут" мы планировали с Каспаряном задолго до запуска "Иглы Remix" – как минимум за год до того, и обсуждали разные варианты. Разумеется, я очень хотел, чтобы песней занялись музыканты группы "КИНО", и при этом неустанно уговаривал их воссоединиться не только в студии, но и на концерте в "Олимпийском", о чем даже договорился с Андреем Матвеевым, однако, когда пришла пора записи саундтрека, работали только Каспарян и Тихомиров. А когда в конце концов Каспарян показал мне уже готовую песню, записанную вместе с Бутусовым и группой "Ю-Питер", меня она впечатлила, и я включил ее в фильм. Правда, в первый вариант перезаписи вошла инструментальная версия без вокала, а в кинопрокатный вариант – с вокалом. Когда выйдет DVD, там будут обе версии в опциях. У меня всегда были теплые отношения с Гурьяновым, и даже если этот эпизод их несколько охладил, я надеюсь, что все со временем встанет на свои места. Мы, в конце концов, уже не дети. Не дети минут, да простит мне Виктор этот каламбур».

Георгий Гурьянов:

«Когда мне предложили поучаствовать в фильме "Игла Remix", я сказал, что без Вдовина работать отказываюсь. И он написал отличный саундтрек, только вот лучшие моменты не вошли, да и сам фильм слепили отвратительно. Хорошо, что образ Виктора Цоя – монумент, который не испортить, как ни искажай».

Рашид Нугманов:

«Георгий путает. Пригласить Вдовина мне посоветовал Дима Мишенин. И потом мы уже предложили эту кандидатуру музыкантам, в том числе Гурьянову, на встречу с которым я захватил с собой Диму. Георгий согласился, сказав, что Вдовин – один из немногих музыкальных продюсеров, с кем он мог бы работать, наряду с еще одной кандидатурой, которую мы ему также предложили, но предпочтение было отдано Вдовину. Правда, в конце концов, он и с Вдовиным над саундтреком реально не работал. Лишь слушал и оценивал его записи к фильму, да несколько раз появился в студии. Георгий также путается с саундтреком – в фильм вошли ВСЕ без исключения материалы Вдовина в их оригинальном виде. Лишь инструментал к сцене вмазки он по ходу работы подправил, убрав из него по просьбе звукорежиссера Андрея Худякова музыкальные щелчки, использованные как художественный прием. Игорь тогда еще посетовал, что ОТК душит искусство, однако представил не менее блестящую версию того же самого инструментала... И здесь яркий пример того, как личные фантазии занимают место фактов. Но надо знать Георгия. Обыденность – ничто. Свое отношение к ней – все. В этом Георгий. И таким его любят».

Игорь Вдовин:

«Беда в том, что Рашид сам не понимал, чего хочет. В какой-то момент он просто перестал кого-либо слушать – и получилось совсем не то, на что все рассчитывали».

Рашид Нугманов:

«Оценивать то, что получилось или не получилось, – полное право Игоря и любого другого человека. Но сетовать на то, что я не понимал, что хочу, и перестал кого-либо слушать, не вполне корректно. Игорь получал и одобрял все эпизоды сцен с подложенной музыкой. Я также несколько раз предлагал ему приехать в Москву на сведение и перезапись саундтрека к фильму, но он был слишком занят другой работой, по его же собственным словам. Даже “Детей минут” предлагал ему спеть с группой “КИНО” еще до того, как Каспарян с Бутусовым принялись за нее. Но Игорь как-то не отреагировал на идею, а я не стал настаивать, видя, с каким пиететом он относится к каноническому наследию группы. Ведь искусством, так же как и сексом, лучше заниматься без оков».

Главной темой картины стал ремикс песни «Дальше действовать будем мы», строчка из которой – «Мы пришли сказать вам о том, что дальше...» – стала довольно удачным слоганом к самому фильму.

Безусловно, кинофильм получил собственного зрителя. Правда, показы в кинотеатрах, откровенно сказать, шли в полупустых залах. Впрочем, у этого феномена есть весьма адекватное объяснение: кто сегодня пойдет в кинотеатр на «Иглу Remix»? В большинстве своем молодые поклонники нестареющего творчества Виктора Цоя да, может быть, еще те, кто помнит, как ходил в кинотеатры на «Иглу» в далеком 1989 году. Те, кому еще раз (и не раз) захочется проникнуться духом конца восьмидесятых, увидеть живого Цоя на экране и еще раз услышать знакомые до боли слова «...пожелай мне удачи в бою, пожелай мне...»

«Цой жив». Именно так написано на «стене Цоя» в Кривоарбатском переулке Москвы. Собственно, это верно. Он действительно жив. Жив и по-прежнему снимается в кино.

Часть 5. Документы

Интервью

За прошедшие тридцать лет о Викторе Цое вспомнили и рассказали уже, наверное, все, кто его знал. В этой главе я все же попробовал собрать несколько новых рассказов и воспоминаний людей, знавших Виктора лично и когда-либо общавшихся с ним. Некоторые воспоминания довольно сумбурны и малоинформативны, но я надеюсь, что рассказанное будет интересно.

Евгений «Титя» Титов

«...Цой никогда не звездил, он всегда соответствовал себе...»

Интервью 2011 года

Мы с Цоем были в принципе знакомы, то есть здоровались, – «привет-привет», но не более. Он знал, что я играю со Свиньей на бас-гитаре в «АУ (Автоматических удовлетворителях)», а я знал, что он известный исполнитель Виктор Цой, который когда-то, в начале своей карьеры, начинал как бас-гитарист группы «АУ (Автоматические удовлетворители)», то есть это нас немного роднило, типа, не чужие люди. С ним вообще трудно было бы вести долгую беседу. Так, например, после нашего концерта («АУ (Автоматических удовлетворителей)») на Пятом фестивале ЛРК в ЛДМе, на следующий день, я встретился с ним в фойе – он сидел на бетонном парапете у лестницы вниз, в гардероб, а я шел туда же в тубзик. Поздоровались, я сказал что-то типа: «Вот, бл...дь, нам вчера со звуком насрали – сначала отрубили на 20 минут, а потом врубили, но сделали все ручки вверх до упора, так что один рев был на сцене – трудно было играть – ничего не понятно, и поэтому лажи много было». – «А мне понравилось!» – говорит. «Ага, спасибо!» – говорю. А сам подумал: «Если ему это говно, что было, понравилось, то, если бы не проблемы со звуком, он бы вообще ох...ел» (шутка). Цой же «АУ (Автоматических удовлетворителей)» и Свинью знал только по раннему периоду, когда он сам с ними тусовался, тогда особо никто играть не умел, а у нас в 1987 году уже крепкая программа была, в тех же Шушарах на фестивале, например, мы очень хорошо прозвучали, достаточно мощно. А в ЛДМе было расп...ство, но не по нашей вине... Долго говорить о чем-то с Цоем было невозможно – это отмечали и другие товарищи, он сам редко вел разговор – если собеседник молчит, он тоже будет молчать, спросишь – ответит, но односложно, и опять молчит. То есть без стакана тяжело было общаться. А вот общих друзей у нас было очень много... Я же потом, когда он уже уволился, устроился работать в котельную «Камчатка», кочегаром, а точнее, зольщиком. Это была отличная работа: положено было работать по 2 человека (кочегар + зольщик) сутки через трое. А мы работали по одному человеку. Так как котлы были сравнительно небольшие и 1 человек вполне справлялся. И получалось, что в месяц достаточно отработать 3–4 раза, а остальные дни ты свободен. При том что, так как все были свои, легко было поменяться. Или просто за тебя кто-то мог отработать, а потом ему отдаешь деньги за смену – и все. Так, в последнее время, когда пошли гастролы и т. п., Цой сам мало работал, Башлачев тоже – когда они не могли, за них работали Фирсов, или Соколов, или другие. И всем было хорошо. А платили нормальные, по тем временам, деньги – 120 руб. + выдавали молоко за вредность, сапоги и другие принадлежности. Отапливали всего 1 дом (в подвале которого и была «Камчатка») – женское общежитие Строительного треста № 1. На 2-м этаже, в бойлерной, в двери, ведущей в душевую, была дырочка, об этом знали все кочегары, и иногда

было любопытно глянуть, как девки трут друг другу спинки и смывают с себя трудовой пот и строительную пыль. Некоторые кочегары иногда заводили более близкое знакомство с обитательницами верхних этажей, но это было, скорее, исключением. Все-таки общежитие было само по себе, а котельная – сама по себе...

...Марьяну Витя, конечно, любил. Если бы не любил, то не стал бы жить с ней. Марьяна была старше, опытнее, сильнее – очень волевая женщина. Она занималась и его концертами, и другими делами, очень много для него сделала. Он был за ней как за каменной стеной. Она познакомилась с ним, кажется, в гостях – пришла с кем-то за компанию, пообщались-посидели, она послушала песни и т. д. и, уходя, оставила свой телефон. Чуть ли не помадой на зеркале написала, как в кино. Так они примерно и познакомились. То есть получается, это она его выбрала из всех.

Если бы мы жили на Востоке, то Марьяна была бы главная, первая жена. (Кем она и была на самом деле.) Тут есть один важный момент: Марьяна – мать его единственного сына. А смысл любого нормального брака – в первую очередь желание иметь совместных детей. Чтобы просто «заниматься любовью» (и, возможно, любить друг друга в сексуальном плане), брак не нужен. Так что какие могут быть варианты и вопросы? Цой всегда очень уважал Марьяну, а полное уважение женщины – матери твоих детей – это и есть тоже любовь, не подростковая, а мужская. Для меня, например, как и для многих других, жена Цоя – Марьяна, без вариантов. Это как-то само собой разумеющееся. Я не знаком с Наташей Разлоговой, но не сомневаюсь в том, что она замечательная. Я думаю, у Цоя, когда он стал мегапопулярным, был большой выбор, и было бы странно, если бы он в этой ситуации сошелся бы с уродливой сварливой дурой, например. Он же сам не дурак был. Здесь нет и не должно быть никакого противоречия и противопоставления Марьяны, Наташи, возможно, еще кого-то. Зачем? Где-нибудь в Эмиратах или Турции было бы у Цоя 3 или 5 жен, и все бы его по-своему любили, и он бы всех по-своему любил, и жили бы они дружно и весело. Это все эмансипация виновата. А с Рикшетом Марьяна сошлась уже после Цоя. Из всей окружающей компании Рикшет был, кстати, самым видным парнем на деревне. Так что Марьяна опять выбрала лучшего. Она помогла Цою стать тем, кем он стал. Я считаю, что в тот момент Цою повезло с Марьяной. Неизвестно, что бы с ним было без нее – многие (большинство) талантливые музыканты спивались, старчивались, просто не могли реализоваться в силу мягкости характера, например. Или из-за плохой жены, которая убеждала их, что вся его музыка – х...ня, а детям (и ей) надо денег и побольше, чтобы папа сутками гулял с детьми – «как все хорошие папы» и т. д. Есть факт: при Марьяне, а не при ком-то еще, Цой стал тем, кем он стал. Значит, она – очень хорошая жена. Во многом она относилась к нему по-матерински, опекая его. А он, конечно, мог взбрыкнуть иногда, как взбрыкивают подростки на родителей. Она не только помогла ему «с военкоматом», она помогла ему реализоваться, что гораздо больше. Все, что она делала, было искренне. Но она была, что есть редкость в данной среде, практичным человеком и Цоя научила быть таким же.

Вот говорят, что Цой последние годы зазнался. Кто так говорит? Олег Котельников, старый друг Цоя, вряд ли такое сказал бы, так как это ерунда. Одно дело, что у человека крышка слегка едет, когда за короткое время он становится знаменитостью и он не сразу понимает, как себя при этом следует вести. И другое дело, что многие знакомые в этих условиях хотят большего панибратства, что может доставать, когда это происходит со всех сторон. Цой не звездил, он соответствовал себе. Он менялся, и менялось то, что вокруг него. Не все это правильно понимали и понимают ныне. Это надо чувствовать, словами не объяснишь. Популярность оказывает большое психологическое давление на человека, так что Цой, если сравнивать с тем, как это у других происходило и происходит, вообще мало изменился...

Игорь Борисов

«...Песни Виктора и звучание "КИНО" по-прежнему трогают, они по-настоящему хороши...»

Интервью 2012 года

Прошло почти 25 лет, и обстоятельства нашего знакомства с Виктором слегка размылись в памяти. Скорее всего, это было в мастерской художника и общего друга всех музыкантов Андрея Медведева (он ушел из жизни в 2010 году) в городе тогда еще Ленинграде, летом 1986 года. В маленькой мастерской под крышей дома на Загородном проспекте тогда вечерами и ночами встречались многие молодые, приятные и талантливые, известные личности петербургского музыкально-художественного андеграунда. А может, знакомство произошло и на совместных посиделках на берегу напротив Крестовского острова после концерта группы «КИНО» во Дворце молодежи, на Петроградской стороне. Или это случилось в Купчине – спальном районе Питера, у Георгия Гурьянова, чьи родители имели приятное обыкновение уезжать на все лето за город. К тому времени я уже 3 года как вернулся в Питер из Германии, бросил медицинский институт и играл в группе «Нате!» со Славой Задерием (экс-«Алиса»), Дмитрием Бучиным (ударные), Михаилом Малинным (бас) и Алексеем Козловым (keys). Так что это были обычные, часто спонтанные, встречи молодых людей, по-настоящему увлеченных музыкой, с беседами о новых пластинках, инструментах, распитием вина, прогулками по городу, походами на концерты и выставки. Однажды мы даже пересеклись в Алма-Ате, где Виктор снимался в фильме «Игла», а группа «Нате!» прилетела на гастроли (это было зимой 1987 года). Тогда, по некоторому совпадению, директором «Нате!» (правда, в уже ином составе) была Марьяна Цой.

Я не стану вносить себя в непомерно раздутый «список друзей Виктора Робертовича Цоя» – скорее, мы были хорошими знакомыми, немаловажно и то, что я был значительно младше Виктора, к тому времени группа «КИНО» уже была очень известной и многие, мне кажется, понимали, что это только начало. Так что я и не помышлял о том, что когда-нибудь, хоть и недолго, мне доведется сыграть с ними на одной сцене.

Виктор мне казался и кажется до сих пор человеком с исключительным чувством юмора и всегда полным доброй иронии. Я сейчас не говорю о том, каким он казался людям, приходящим на концерты «КИНО», каким его видела пресса или коллеги-музыканты Рок-клуба, а исключительно о том, каким он был в своем кругу, не на публике. Это нормально, когда человек с такой степенью узнаваемости становится слегка закрыт для общения, так что вполне возможно, что он да и все музыканты «КИНО» коллегам по цеху казались «молчаливыми одиночками». Однако мы частенько хохотали, комментируя те или иные музыкальные события Питера или Москвы. Виктор умел одной фразой описать свои ощущения об услышанном и увиденном, припоминая, как он охарактеризовал документальный фильм Алексея Учителя «Рок» и ту его часть, где главный герой – БГ – рассказывает о музыке и жизни андеграундного музыканта, – «слишком много "не хочешь писать, Глеб?"»³⁰ (в кадре БГ возится со своим ребенком, продолжая рассказ на камеру).

Я не уфолог и не мистик, чтобы судить о том, казался ли Виктор окружающим человеком «внеземным». Парнем «из нашего двора», как можно себе представить слушая первые альбомы «КИНО», он не был точно. Все «киношники» слушали очень много актуальной западной музыки. Мне кажется, это жизненно необходимо музыканту – знать «где и что происхо-

³⁰ Игорь имеет в виду интервью Виктора Цоя журналу «РИО». 1988. № 19.

дит». Хорошая песня – это не плод внезапного озарения замурованного в себе гения, а как раз результат осмысления всего, что творится в музыкальном мире и вокруг тебя.

Приглашение присоединиться к «КИНО» в очень коротком туре (кажется, 5 или 6 концертов) в Москве, в рамках премьеры фильма «АССА», поступило мне не лично от Виктора, хотя, думаю, это было его решение. Мне позвонил Юрий Каспарян. До этого у нас был опыт совместных выступлений в «Поп-Механике» Сергея Курёхина. Алексей Вишня, Виктор Цой, Юрий Каспарян, Игорь Тихомиров, Григорий Сологуб, Виктор Сологуб, Георгий Гурьянов, Андрей Крисанов, я составляли «электрогитарную группу инструментов» в мегапроекте Сергея. Это было по-настоящему весело – играть всем вместе «А олени лучше», имея в качестве фронтмена Кола Бельды в соболиной шубе, или дружно унисонить романс «Две гитары» с Борисом Штоколовым. Виктора не было в городе, и некоторое время мы просто репетировали гитарные партии у Юрия Каспаряна дома, моя роль как гитариста сводилась к дублированию гитарных риффов, таким образом Юра добавлял все остальные партии – так было ближе к студийному звучанию песен. Потом последовала неделя репетиций в ДК пищевиков на улице Правды (сейчас улица Достоевского). В Москву мы выехали с большущей компанией друзей, и еще больше присоединилось к нам в Москве. Группа играла сет из известных песен, уже вышедших в альбомах, было несколько новых – «Следи за собой», «Перемен!». Сами же гастроли выглядели в режиме вечеринка – концерт – потом опять вечеринка. Когда концерты завершились, часть группы вернулась в Питер. Потом, где-то через месяц, «КИНО» стало готовиться к концертам в Крыму, но я уже в них в качестве гитариста не присутствовал. Думаю, что Виктор все-таки органичнее себя чувствовал на сцене с гитарой в руках – и надобность во втором гитаристе отпала. Может, были другие причины – мы не говорили об этом, в конце концов я не был, так сказать, «официальным» членом группы. Не скрою, мне было приятно, когда в одном интервью, на вопрос: «Зачем в группе появился второй гитарист Игорь Борисов?» – Виктор ответил: «Мы просто подружились». Вот такая история.

15 августа 1990 года история «КИНО» закончилась. Осталась музыка, фильмы, воспоминания, фотографии. «КИНО» не запишет более ни одного альбома. Но то, что осталось, – потрясает! Как ребята с окраины за 5 лет превратились без чьей-либо помощи в группу № 1 в нашей стране? Думаю, ответ прост – они были и остаются чертовски талантливыми музыкантами. Вот весь секрет. Мы не так уж часто видимся в последние годы – все в непрерывных разъездах: Юрий Каспарян в турне с «Ю-Питером», я давно уже не играю на гитаре – занимаюсь совершенно иной, электронной музыкой как диджей, Георгий Гурьянов – профессор Новой академии изящных искусств и художник с мировой известностью, Игорь Тихомиров – саундпродюсер, – но когда это происходит, нам есть что сказать друг другу, мы даже слушаем «КИНО» иногда. И знаете, песни Виктора и звучание «КИНО» по-прежнему трогают, они по-настоящему хороши. Время вынесло свое решение. Будет очень жаль, если в России больше не появится группа, которая пусть по-своему, но сможет «дотянуться до звезд, не считая, что это сон...»

Дмитрий Бучин

«...Картина работы Цоя очень понравилась самой Катрин Денев...»

Интервью 18.01.2012 года

Году в 1982-м я как-то приехал в гости к Гене Зайцеву, отцу всех ленинградских хиппи, а у него уже были гости. На полу сидели два каких-то молодых парня, и играла музыка. Неплохая довольно-таки музыка. Спрашиваю, а что за группа играет? Гена мне и говорит: а вот эти парни и играют. Цой и Рыба. Дуэт. Им Гребенщиков помогал записываться, и у них получилось.

Вот так и познакомились. С Цоем я потом как-то редко довольно общался. А вот с Рыбой мы дружили, часто тусовались и проводили время вместе. Потом он даже попросил меня стать его крестным отцом, когда креститься задумал. Так что он мой крестный сын.

Я очень люблю Крым. И часто ездил туда отдыхать. И вот как-то поехал в Алушту и встретился там с «КИНО». Музыканты приехали туда концерты давать – «Звуки Му», Курёхин, «КИНО»... Мне постоянно встречался на пляже кто-нибудь из рокеров, то из Москвы, то из Питера. Ну вот, в общем, я подумал, поеду-ка я к питерским. И поехал. Стал с ними тусоваться. Там была большая компания. Человек пятнадцать. Все «КИНО» и их сопровождение... После фестиваля у них были гастроли, и вот я побывал с ними на гастролях... Мы встречались, тусовались у Игоря Бушланова, раз даже жили вместе (нам «Лицедеи» оставили особняк на территории закрытого пионерлагеря «Кипарисное»)... Помню, как-то загорали на пляже, и вдруг кто-то сказал, что в районе Адоларов были замечены дельфины. Мы с Каспаряном схватили матрасы – и к скалам. Приплыв, мы заняли круговую оборону, расположившись «лицом» друг к другу, дабы исключить возможность неожиданного нападения сзади, но дельфины так и не нарисовались.

...В 80-е годы в Питере, на Загородном проспекте, 40, находилась мастерская замечательного художника и человека Андрея Медведева. Клубов в то время не было (кроме «Сайгона» и Рок-клуба), и все выдающиеся деятели современного искусства бывали частенько в этой мастерской, а некоторые и вообще сутками оттуда не вылезали. Я не буду перечислять имена, нет смысла. «КИНО» были также частыми гостями, как в составе, так и по одиночке. Однажды внимание Виктора привлек разворот какого-то венгерского журнала по искусству, в котором была реклама авиакомпании «Малев», так родилось желание поживописничать. Андрей выдал загрунтованный холст на подрамнике (этого добра было в достатке), краски, кисти, и процесс пошел. Рекламка была разлинована на квадратики, изображение переносилось на холст карандашом, потом маслом, претерпевая значительные изменения, и через часик другой Виктор, насытившись процессом, решил, что, может быть, продолжит потом. Но потом не получилось, не нашлось времени. Было это в 1988 году. Картинка долгое время так и висела на кухне мастерской. Году в 1995–1996-м Андрей по причине финансовых проблем предложил мне, как близкому другу, приобрести эту картину. Полотно неоднократно выставлялось (Музей горской скульптуры – в честь 50-летия Тимура Новикова; в 2008 году в Нарвской крепости в день рождения города; на Гатчинском кинофестивале (произведения известных, у которых изобразительность – не главный предмет деятельности, т. е. музыканты, актеры, писатели и т. д.), где привлекла внимание и понравилась Катрин Денев. По мнению искусствоведов, это последнее произведение Цоя и единственное в стиле поп-арт (до этого были распространенные в 80-е годы квадратноголовые). В настоящее время картина продается, так что, если есть идеи, велком...

Алексей Гостев

«...Цой сказал мне: "У тебя очень крутая бабушка..."»

Интервью 22.03.2012 года

Разбирая ящик, набитый древними аудиокассетами, с намерением наконец-то их выкинуть, наткнулся на бесценное сокровище. С высоты высоких технологий (простите за каламбур) цена этому добру – 10 тенге, если не меньше. Для меня же это еще одна лазейка в XX век, во времена моей отчаянной юности, когда об Интернете не мечтали даже фантасты. На чудом сохранившемся пластмассовом сэндвиче с хромированной пленочной прослойкой, не поверите, еще фирмы «Тасма» – диктофонная запись концерта группы «КИНО». Этот акт неприкрытого пиратства я самолично совершил во Дворце спорта в один из февральских вечеров

1989 года. Тогда же состоялась моя первая и последняя встреча с Виктором Цоем. История довольно смешная. Я собрался взять у Цоя интервью и для храбрости всю ночь что-то пил со своим лучшим дружкой Сережкой. Зная за собой дурацкую черту в самый ответственный момент терять дар речи, мы с Сергеем написали какой-то странный манифест с претензией на шутку/юмор (помню только, что там был отсыл «в ЦК компартии и в ООН»). И с этой бумажницей отправились в гостиницу «Казахстан». В восемь (!) утра. Под пытками не скажу, почему мы поперлись в такую рань – очевидно, с перепою. Надо же было додуматься... 24-й этаж гостиницы, ломимся в номер люкс. Открывает дверь человек в халате, спросонья, с приятно знакомым лицом. С улыбкой говорит: «Вообще-то я еще сплю». Как будто даже извиняется. «А мы вас долго не задержим!» – говорю я сурово и вручаю Цою манифест. И еще мешок с яблоками (была у меня такая фишка – всем дарить апорт). На прощание прошу Виктора позвонить по указанному в письме телефону. Он улыбочиво кивает. «Ну-ну», – думаю... А вот дальше начинается глупость, которая едва не погубила мой грандиозный замысел. Вместо того чтобы отправиться домой, как минимум проспаться, как максимум дожидаться звонка, я весь день шлялся по городу и примерно раз в три часа трезвонил из автомата своей бабушке – справиться, не спрашивал ли меня кто. И вот в один из таких проверочных звонков бабуля огорошила сообщением, что звонил какой-то Виктор. «Я ему все точно передала, чтобы ехал во Дворец пионеров, где вы будете его ждать», – гордо сообщила моя Калерия Сергеевна. У меня земля ушла из-под ног. «Куда ты его послала?» – спросил я изменившимся голосом. «Ну это же Виктор Александрович, ваш руководитель астрономического кружка? Вот я ему и сказала...» Я бросил трубку и чуть не разревелся. А счастье было так возможно, так близко... Какой позор! Потом еще выяснилось, что разговор Цоя и бабушки был продолжительным: она сообщила ему все новости из нашей домашней жизни, как я прогуливаю университет, как мне «звонят всякие подлые твари и вешают трубку»... Вечером с лицом цвета испорченной вишни я постучался в гримерку музыкантов и попытался извиниться перед Цоем. «Да, я звонил вам, – остановил своей обезоруживающей улыбкой поток оправданий Виктор Робертович. – Должен сказать, У ВАС ОЧЕНЬ КРУТАЯ БАБУШКА!» И было мне счастье. И слушал я концерт в нескольких метрах от сцены, и записывал его на диктофон. Сохранились два трека – «Камчатка» и «Транквилизатор». А потом было историческое (для меня) интервью, аудиозапись которого, к великому сожалению, не сохранилась... Качество записи было ужасное, если у кого-то есть запись лучше, я только порадуюсь за него. Главное, в конце-то концов, атмосфера.

Из интервью В. Цоя корреспонденту газеты «Горизонт – Оркен» А. Гостеву:

– Остались ли среди тех, кто составляет круг друзей Виктора Цоя, компаньоны с ясельного возраста? Если да, то как вам удалось их не растерять?

– Нет, не остались... Не знаю почему. Ну, не остались, и все.

– Когда вы сочинили свое первое стихотворение? Можете ли сейчас воссоздать его по памяти, начитать?

– Я никогда не пишу стихотворений. Я пишу песни. Первая из них, я написал ее еще для первого альбома, называлась «Мои друзья».

– Насколько лично вас задела проблема взаимоотношения пацанов? Кого видели в вас сверстники – короля улицы, лидера или обычного мальчишку?

– Если и задела, то очень незначительно, потому что я с детства был «кошкой, которая гуляла сама по себе». С юного возраста занимался живописью, много времени тратил на это и как-то всегда держался немного отчужденно, сторонился всяких там компаний и... как сказать... никакого участия в общественной, дворовой, комсомольской жизни не принимал.

– Ну а сейчас, спустя годы, с каким чувством вспоминаете школу? Она для вас как причал, дом, каторга? Вообще, говорят, что современная школа воспитывает

ваает подлецов в духе марксизма-ленинизма. Да, это прискорбно, потому что Маркс и Энгельс меньше всего, наверное, мечтали о размножении в пространстве «волшебной страны знаний» жестокости, злобы, душевной глухоты...

– Ну, знаете, у меня мать учительница, мы очень часто переезжали из района в район Ленинграда. Поэтому естественно, что ни одна школа не стала для меня чем-то родным и близким. Да и потом, при нашей системе обучения, при советской культуре преподавания трудно хорошо относиться к школе.

– В каком возрасте у вас произошло первое свидание с музыкальным инструментом? Стала ли эта «помолвка» результатом родительских увещаний или собственного увлечения?

– У меня нет музыкального образования.

– Случалось ли вам изменять себе, привычкам, людям?

– Это глубоко личный вопрос и прессы не касается.

– Сколько вами в общей сложности освоено музыкальных инструментов?

– Что называть «освоено»? Теоретически я могу извлечь какие-то звуки практически из любого инструмента. Но играть могу только на гитаре.

– Попробуйте вспомнить самую значительную высоту, которую преодолели в детстве.

– В детстве нет.

– А в более зрелом возрасте?

– Вероятно, это было то, что я бросил в какой-то момент дело, которым занимался лет десять или одиннадцать. Конечно, на окончательный разрыв с изобразительным искусством – занятием давним и любимым – путем переключения на что-то совершенно бесперспективное (в то время игра на гитаре расценивалась как тунеядство и никому не нужное бречание) потребовались некоторые силы.

– Нужна ли нам сегодня такая армия, какой она является на данный момент? Ощущали ли вы на себе в свое время влияние дедовщины, что там вообще сегодня происходит?

– В армии я не служил. В нашей стране, как в армии, так и везде, происходит примерно одно и то же. Везде бардак, нет никакого порядка. Извините, говорю несколько бессвязно, устал.

– Интересное у вас общение с музыкантами группы «КИНО». В теннис играете, вместе что-то читаете в перерывах. А бывает так, что они отвергают что-то из ваших музыкально-поэтических идей? Сердитесь на них за это?

– Во-первых, они еще никогда ничего не отвергали, поэтому ссориться нам не приходилось. Когда люди хорошо друг друга понимают, вряд ли один из них может написать что-то ужасное.

– Место ли женщине в рок-музыке, и что все-таки рок собой представляет – культ силы или сферу влияния слабых?

– Теряюсь в определениях. По-моему, не то и не другое. Что касается женщины, то ей предоставлено место в роке так же объективно справедливо, как и во всякой другой области.

– Какое событие в социальной внутривластной жизни страны в минувшем году вас как-то по особому взволновало?

– Пожалуй, больше всего меня потрясло землетрясение в Армении. Конечно, оно показало, что так жить больше нельзя. Это был предел, призывающий поправлять то, что еще не поздно. Иначе... я не знаю, что может случиться.

– Интересно, в вашем ответе сейчас промелькнуло что-то потустороннее. А было ли когда-нибудь в жизни какое-нибудь знамение, которое впоследствии сбылось? Как вы вообще относитесь к картам, пророчествам ясновидящих?

– Не беру на себя смелость не верить во все эти вещи, но абсолютно уйти с головой в эту веру тоже не хочу. Меня вообще будущее никогда не занимало, я человек действия и живу сегодняшним днем.

– **И даже судьба перестройки и гласности вас не волнует?**

– Мне это безразлично.

– **А вы лично поверили в эти процессы?**

– Как можно верить или не верить в реально существующее? Необходимость перемен более или менее очевидна.

– **Вы, разумеется, в курсе тяжбы Константина Кинчева и журналиста Кокосова. Что думаете по этому поводу?**

– Знаете, я настолько привык не верить средствам массовой информации, что, поверьте, воспринимаю эти процессы с изрядной долей иронии. Ну что, вылили очередную лохань помоев на голову, вот и весь ответ.

– **Тот же Кинчев, как говорят, когда ему становится невыносимо тоскливо, уходит к бичам. А вы?**

– Мне просто уже некуда потеряться (*улыбается*). Во всяком случае, попытки такие я совершаю.

– **Макаревич в одном из интервью определенно высказался в адрес пишущих ему, что считает этих людей, мягко говоря, неумными. Сославшись, разумеется, на изречение Ахматовой. А у вас хватает времени отвечать своим корреспондентам?**

– Я вообще не отвечаю на письма трудящихся. Во многом потому, что у меня на это нет времени. Сам никогда в жизни этим не занимался. Только иногда, когда меня очень просят, я посылаю афиши или фотографии. Да, собственно, у этих людей и вопросов как таковых ко мне не имеется. Мне же в свою очередь тоже нечего им ответить.

– **Вы часто даете благотворительные концерты, перечисляя деньги в различные фонды? Их теперь так много...**

– Мы отыграли недавно подобные благотворительные концерты в фонд Армении. Но это происходило в Дании, потому что в Москве группе «КИНО» сейчас не разрешена концертная деятельность.

– **Известны ли вам случаи, когда люди, послушав ваши песни, как говорится, начисто переписывали собственную жизнь?**

– Мне иногда пишут о чем-то в этом роде, но я не знаю, на самом ли деле это так...

Роковая женщина

Своей счастливой звездой Виктор Цой во многом обязан жене. Самое большее, что Марьяна могла сделать в память о муже, – вырастить и воспитать их общего сына Сашу. О смерти вдовы лидера группы «КИНО» в июне 2005 года сообщили почти все российские интернет-ресурсы. Хотя при жизни отношение журналистского и музыкального сообщества к Марьяне было неоднозначным, скорее, негативным. Слишком явная параллель с Йоко Оно, которая после обретения прав на творческое и имущественное наследие Джона Леннона долгие годы жила под обстрелом критики. В каких только грехах не обвиняли бедную японку коллеги Джона и поклонники «Битлз». Та же история с Марьяной. Ей как будто мстили за то, что Цой ушел, а она осталась. Но после того, как две родные души встретились на небесах, все счета были закрыты. Для большинства московских и питерских музыкантов Марьяна навсегда останется «матерью русского рока», хотя сами они давно уже отцы и деды. А еще – девушкой Цоя, чья беззаветная любовь вкупе с титаническими усилиями сделали из дворового пацана неугасимую звезду. Вряд ли об этом знает подросток, выводящий краской на стене наивную строчку «Цой жив!». Мы, «воспитанное жизнью за шкафом» поколение восьмидесятых, благо-

дарны Марьяне за возможность слушать старые и новые записи «КИНО» в безупречном качестве. За концерты и благотворительные акции памяти мужа. За неустанную и многотрудную деятельность. За любовь.

Мы были знакомы 15 лет – с того дня, как в декабре 1990 года решился позвонить ей на Ветеранов и сообщить, что я – тот самый молодой журналист, который с каждой оказией передавал ей алма-атинские яблоки сорта «апорт». И как был приглашен в гости – итогом рандеву стало очень хорошее интервью, которое я назвал «Сказка с несчастливym концом». После этого мы довольно часто виделись. Раньше Марьяна часто бывала в нашем городе. Она дружила с замечательной писательницей Генриеттой Кан. В такие приезды мы гуляли по городу и поднимались на Чимбулак, где маленький Сашка своими восторженными воплями останавливал катания лыжников. Однажды Марьяна чуть было не снялась на «Казахфильме» – в картине «Дикий восток» ей предложили роль хозяйки таверны.

Марьяна любила повторять, что жизнь с ней так же трудна, как на просыпающемся вулкане. Она из тех женщин, которые входят в твою судьбу раз и навсегда. Это роковые, в двояком прочтении дефиниции, женщины. Яркие, прямолинейные, бескомпромиссные женщины с железным характером. Недоброжелатели называли Марьяну «женщина-танк», «мечта подкаблучника». Я же думаю, что спокойный и уравновешенный Цой, который шел по жизни с осторожностью кошки, чувствовал себя рядом с такой женщиной, как в бронированном автомобиле. Увы, в ТОМ автомобиле он оказался один и незащищен. Свою особую привязанность к этой женщине я объяснял тем, что моя первая девушка и будущая жена внешнеюстью и манерами весьма напоминала Марьяну. Эту природную игру архетипов мы обсуждали в нашу последнюю встречу, когда пили коньяк в кафе на Петроградке. Это было в 2002 году... «Людей порой связывают настолько тонкие и необъяснимые нити. Вот я, как ты знаешь, терпеть не могу журналюг, отгоняю их от себя едва ли не палкой. А с тобой мы столько лет дружим. При том что твое интервью с Цоем было ду-рац-кое!» – смеясь, говорила Марьяна. И – через паузу: «А теперь вот не знаю, Лешка, сможем ли мы увидеться еще раз. Видишь, как меня разрезали?» Слово «рак» тогда не было произнесено, хотя Марьяна очень откровенно, в деталях рассказала, как Рикошет, ее гражданский муж, обнаружил у нее уплотнение в груди и запаниковал. Он вскоре присоединился к нам, коньячная бутылка опустела на глазах... Но я и предположить тогда не мог, насколько все серьезно и каким мучительным для всех будет финал болезни. Через пару недель я получил от нее имейл: «Готовлю многочасовой марафон к 40-летию Цоя. Собирайся. Другого такого концерта может не быть». Я так и не собрался. Марьяна оплачивала авиабилеты, а я непонятно с какого перепугу уехал отдыхать в Турцию. Чего до сих пор простить себе не могу. Больше мы не виделись.

Четыре года Марьяна мужественно гнала от себя страшную болезнь, как тех ненавистных ей журналюг. Превозмогая мучительные боли, до последней минуты повторяла: «Я нужна своему Сантеру»...

Марьяну похоронили на Богословском кладбище, рядом с могилой Виктора. Лучшее, что она могла сделать в память о муже, – вырастить и воспитать их общего сына. Александр занимается компьютерной версткой в одном издательстве, делает и продвигает сайты, играет в одной продвинутой и интегрированной в Европу группе. Под псевдонимом – он никогда не светил свое родство со знаменитым отцом. Рядом с Сашей замечательная девушка. Все у него будет хорошо – так хотели его мама и папа...

Антон Галин

«...У "КИНО" очень любопытная музыка...»

Интервью ?? года

С Цоем мы познакомились в общем-то случайно, хотя если вспоминать всю нашу компанию – Гурьянов, Свинья и прочие, – нас ничего по жизни не связывало (типа, в одну школу ходили, в одном доме жили и т. п.), все произошло в одно время примерно и обычным образом, оказались общие знакомые, которые, впрочем, куда-то испарились впоследствии, а мы стали плотно тусить и оттопыриваться вместе, хотя почему это произошло, не знаю, видимо, есть какая-то мистическая составляющая. Как и с тем, как я о его смерти узнал.

Мы ловили с Цоем голубей, раскрашивали их под попугаев и отпускали, но это просто эпизод, не очень значительный в череде всех бесконечных отжигов и приколов, которые мы тогда устраивали.

Мне почему-то запомнился тот приколы, как мы, надев нелепые наряды, ходили по городу толпой человек 10 и говорили, что мы комсомольцы из Львова, просили показать нам город (почему из Львова, не знаю, просто по приколу) и так, покуражившись, шли куда-нибудь выпивать.

По поводу творчества. Я никогда не был фанатом «КИНО», и вообще в среде моих общих знакомых все смеялись, что Цой – рок-звезда. И тому были основания – в принципе это калька западной музыки, которую мы тогда слушали ("Nico", "Stranglers", etc). А основные любители Цоя просто не знали западных аналогов, все рубились от "Nazareth", "Deep Purple", "Sweet". Но мы-то знали, и нам было смешно. Да, под конец он действительно изменился не в лучшую сторону – это правда... Ничего неземного в нем не было. Способный был – да. Он неплохо рисовал, кстати.

А вообще для того периода, да и не только для того, можно сказать словами Гете (если не ошибаюсь): «В каждом из нас есть искра таланта, но не каждый способен себе признать, что она разгорится в костер».

Да, на мой взгляд, у «КИНО» любопытная музыка, но не более. Я никогда не играл с Цоем и был всего лишь на одном его концерте в Рок-клубе. И все. Сегодня о «КИНО» я ничего не думаю. Значимости особой не вижу, у молодежи сегодня другие кумиры, и это нормально. Это так же, как и Курёхин, – теперь это выглядит очень сомнительно с точки зрения искусства. Слушать его невозможно – скучно. Хотя как личность, говорят, был ничего. Вот Егор Летов для меня действительно значимый как личность и настоящий поэт, которого слушаю с удовольствием.

Что касается смерти Цоя, то на случайность это мало похоже, с моей точки зрения. Хотя специалисты говорят, что заснуть за рулем – это возможно. С его смертью у меня мистический случай вышел. О его смерти я узнал, когда был в Южной Корее на гастролях с театром, где я работал в то время. Подходит ко мне корейский менеджер и спрашивает, не знаю ли я мистера Че, музыканта из Петербурга. Почему он ко мне подошел, не знаю, я вроде не один был, еще 15 человек труппа. Я говорю, Че не знаю, а Цоя знаю. Он говорит, напиши фамилию, как пишется. Я написал TSOI (говорили по-английски, естественно). Он посмотрел и говорит, он погиб в автомобильной катастрофе. Я говорю, не, наверное, не он, а потом уже выяснил, что нет такой корейской фамилии Цой, а есть Че. Вот так я понял, что это он, хотя до конца не был уверен, пока домой не приехал...

Из всех его песен «Звезда по имени Солнце», пожалуй, единственная, которая, когда играет где-нибудь, не вызывает у меня отторжения, с музыкальной точки зрения...

Марк Шлямович

«Сегодня всем нужен такой, как Цой...»

Интервью 16.01.2012 года

Родился я в Вильнюсе, в августе 1985 года по распределению попал в Таллин. У меня есть родственники, такие как троюродный брат, который ближе, чем все родные, вместе взятые. Когда, будучи подростком, студентом, я в 1978 году поехал к нему в Питер и попал на концерты, то крыша моя поехала полностью. Причем на концерты я ходил таких групп, как «Август», в которой Саша Титов был, «Земляне». Потом еще и еще, и я понял, что все... Подумал, чем я могу помочь в этом мире? И вот придумал, что буду журналистом. Тогда я решил начать писать, а там разберемся. Начал регулярно писать, и у меня есть статьи. Например, моя первая в истории статья про фестиваль «Литуаника» вышла в газете «Молодежь Эстонии». Оттуда есть фотографии Наташи Васильевой, где Боря Гребенщиков изображен (сейчас модны такие фотографии) на фоне лампы, как будто это нимб. И это было вообще... О них стали писать с таким пиететом, как и я там... И вот, будучи в Питере, я решил обзвонить всех приятелей и взять у них интервью. Взял Витин телефон. Это было время, когда все были близки. Вот было, как, примерно, конец 60-х годов в Лондоне, когда все группы были близки, все друзья. Это была общая тусовка – музыканты, некий общий котел, который выдавал на-гора уникальные вещи. То же кафе «Сайгон» – некарикатурное место, там действительно можно было пойти и выпить кофе. Я помню, мы с Борей Гребенщиковым туда пошли, он, как всегда, был в имидже, искал долго 40 копеек на маленький кофе. А этих денег у него не было. Вы представляете, вот звезды. Он не хотел показать, что это так вот – нет денег.

Я познакомился с Сашей Куссулем, скрипачом группы «Аквариум», царствие ему небесное, уникальный был человек, и он меня познакомил с Борей и ввел к нему в дом. Так что сначала это был «Аквариум». И первый концерт, который я организовал в ДК им. Яна Креукса в Доме Братства Черноголовых, был концерт «Аквариума». Это куча историй. Но история с «Аквариумом», конечно, это ничто по сравнению с историей «КИНО». Второй, конечно, была группа «КИНО», которая как бы особняком в то время стояла. И вот как бы все эти люди сделали меня... Я когда увидел их, у меня так просто пасть открылась... Я думаю, что выглядел полным идиотом тогда. Они, несомненно, чувствовали какое-то тепло, исходящее от меня. Я смотрел на них, просто как на богов. Сейчас-то, конечно, когда знаешь миллион людей и понимаешь, что видел все и вся, общаешься со всеми совершенно на равных, без какого-либо никому не нужного пиетета. А тогда – да...

И вот в то время я сделал первые концерты и познакомился с ними. Первые вот концерты в Таллине, если уже о «КИНО» говорить. И у меня, конечно, сразу возникла симпатия к ним.

Как я уже говорил, по распределению я попал в Таллин, и через неделю мне стало скучно. Представляете, молодой парень в неизвестном городе, неизвестно как и чего. Сделать хотелось что-то. И я решил концерт организовать. А там была такая директриса в этом ДК... Тогда еще такая обстановка была – все запрещено. И вот она мне говорит: «Ну вы там пригласите... Решите как-то эти проблемы...» Какой-то мой знакомый помог, собрали деньги по 30 рублей, и вот – группа, аппаратура и прочее.

Когда на концерт приехала группа «КИНО», я помню, они все были в черном. Почему Дом Братства Черноголовых так знаково звучит – «киношники» все в черном и Братство Черноголовых... И вот приехали они такие красавцы в черном, еще с ними приехали Дима Конрадт и Наташа Васильева, легендарные питерские фотогафы.

Вот сейчас, задним умом, понимаю некоторые особенности: например, почему Густав, барабанщик, был таким – не таким, как все, или почему Юра так выглядел. А тогда я смотрел и думал – блин, как круто это все...

В Старом городе совершенно уникальная обстановка была. Причем Дом Братства Черноголовых – это было такое, как масонская ложа, здание, зал такой совершенно в готическом стиле. Это просто была труба, это фантастика просто... Кстати, буквально в 50 метрах там находилось здание КГБ. Я выходил на сцену, объявлял их – на фотографиях видно. В этом ДК были крутые фирменные стаканчики, и я вот всем их вручал, каждому музыканту, как

память об этом. Помню, что поскольку был концерт, то все приехали с инструментами, один Густав приехал, держа руки в карманах пальто. Ходил там... И за полчаса до концерта он объявил мне, что у него нет барабанных палочек. Вообще. А вы представьте себе ситуацию – нет ни музыкальных магазинов, нет ничего вообще... Это было, как, скажем, сейчас вот резко «Шаттл» найти. Срочно. Нереально просто. Я или кто-то там нашел ему пионерские палочки... В общем, ужас просто был.

У меня был знакомый в Доме офицеров флота – начальник, какой-то капитан-лейтенант. И он говорит, берите, мол, кабинеты под проживание. Дал матросиков, и они там, проклиная все на свете, сдвинули-вынесли всякие диваны и мне сказали, что можем занять эти комнаты...

Концерт был, я могу сказать, просто труба. Помню, как журналист я там всех позвал, даже Бориса Туха, такого циничного, прожженного журналиста, вальяжного начальника отдела культуры газеты «Вечерний Таллин». Он пришел такой весь, которому все до фени, доверился, значит... И вот после концерта я подошел, спросил: ну как впечатления, концерт? И он мне сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь. Он сказал: «Мне показалось, что этот Цой трахнул всех сидящих в зале, независимо от пола». Я думаю, это высочайшая характеристика. Вот такая ситуация была...

И вот, значит, подошла ночь, я повел всех туда, в комнаты. А они все, подстрекаемые Густавом, не пошли туда просто. Фактически денег было 30 рублей, и они взяли эти деньги и пошли на улицу. Прямо напротив, в ста метрах, была гостиница. Одна из знаменитых гостиниц того времени... И там были номера. Они заплатили деньги и устроились в гостинице и потом на следующее утро рассказывали, как там здорово – мини-бары и все такое... Вообще, если говорить о Таллине, там было финское телевидение – два канала. Тогда весь город просто замирал, когда по тем каналам шло кино, к примеру «Эммануэль» показывали. Это было просто круто...

А Наташа Васильева осталась в комнатах, в той, где должен был ночевать Цой. Там над кроватью висел огромный такой контрабас, много лет висел, лет 10... Наташа легла в кровать и утром, когда проснулась, потянулась, встала и начала двигаться, этот огромный контрабас со скрипом рухнул на эту кровать, которая 10 лет не двигалась никогда...

Мы с «КИНО» гуляли по городу, у меня было много фотографий, но у меня украли много. Я раньше собирал коллекцию всего, а потом меня обокрали... А были совершенно уникальные вещи. К примеру, Витя Цой подарил мне на кассете музыку, которую записали для фильма «Игла», когда фильм только начинал сниматься. Саундтрек. Безумно обидно. Или там Майк Науменко покойный записи давал мне... И вот после этого я как бы к этому очень спокойно отношусь. В общем, мы просто гуляли, и Дима Конрадт фотографировал – четыре человека в черном, в черных пальто... Прически такие – а-ля «Дюран Дюран», только некрашенные, и вид был еще тот на самом деле. Парочка фотографий осталась у меня в архиве. Никогда их не вытаскивал... Мы действительно вот как-то подружились. Вообще Витя по большому счету был хрупкий, вежливый, корректный человек. Он не из тех, которые нос задирают или еще что-то там. Вежливый... Для меня это очень приятно, неожиданно было.

Позже, когда мы подружились, по просьбе Марьяны я встретил, помог по-человечески поселиться ее маме с подругой, когда они приезжали в Таллин на экскурсию. Я тоже был у них дома, у Марьяны...

Была поездка на «Литуанику». Концерт был. Но могу сказать, что, с одной стороны, концерт был по большому счету, если сейчас говорить, не самым удачным для группы «КИНО», потому что были проблемы со звуком – гитара не строила. В зале все было хорошо, все были в черном. У Юры Каспаряна еще гитара была такая белая, эффектная, но почему-то она не строила, и Витя был в подавленном состоянии. Наверно, были какие-то внутренние раздраи... После концерта мы с «КИНО» зашли в пивной кабак, и все налегли там на экзотику, пивные уши-ножки. А я взял себе шашлыки, потому что знал уже, что это такое. Только я отвернулся,

смотрю – Витя из моей тарелки шашлыки хакает. Тоже, видать, не любитель экзотики был... Тогда они приехали со всеми теми людьми, которые вокруг были, – Африка, Крисанов и др. Люди не мои, если честно... Это все друзья Густава были. Для меня «КИНО» – это, конечно, Юра Каспарян, Витя, Игорь Тихомиров и барабанщик Георгий Гурьянов. Про Сашу Титова я не говорю – это для меня совершенно близкий человек, которого безумно уважаю, но он все равно для меня больше аквариумский...

Ну а потом мы стали дружить. Понимая, что надо как-то жить, мы с Марьяной придумали концерт – Витя отвечает на вопросы, играет на гитаре... Поезд из Петербурга в Таллин приходил два раза в день – утром: один раз в 6 и второй раз в 9 утра. Мы договорились, что они приезжают, и я встречаю их с поезда, который приходит в 6 утра. И вы представляете, наверное, как бывает... Я жду, поезд приходит, все выходят, а их нет. Это была полная труба. Потом уже, когда все вышли, где-то там вдалеке два человека под руку идут – это Витя и Марьяна. Их не видно совсем было – снег еще в марте, зима, темно, 6 утра. И вот это состояние я помню, когда поезд пришел: все уже вышли и ушли, а ты стоишь... Не потому, что ждешь еще, а потому, что ты обескуражен и не знаешь, что делать. Ну, в общем, мы встретились. Витя был невыспавшийся, мы поехали ко мне в общагу, Витя лег в мою кровать прямо в своих белых кроссовках. Когда проснулся, он уже был бодренький, с удовольствием поел холодных пельменей, и мы пошли настраиваться.

Горхолл – это тоже замечательное место, тогда современнейшее. Олимпиада-80, все эти яхт-гонки проводили в Таллине, поэтому там настроили всего тогда... Это был совершенно современный зал, и у него был выступ прямо к морю... Зал на 200 мест, такой уютный, маленький, ну, в общем, уникальный, отдельный. И там два вечера подряд проходили Витины творческие вечера...

Я совершенно не представляю, кто и что там записывал. У меня не было ни фотоаппарата, ничего. У меня просто в душе все это... Мы с другом приехали, ходили с ним в кафе, за какие-то копейки покупали пирожные «негритята», кофе, конечно, сидели... То есть все уходило на более или менее какую-то еду и окупало дорогу... У Марьяны был день рождения... Да, я устроил их в крутую гостиницу опять-таки. И вот мы, сидя в номере (это было 3–4 марта 1988 года), пили шампанское. Но Витя был такой, какой-то не очень... Чувствовалось, что между ними какая-то трещина уже... Такой вот был раздрай...

После я в местную газету написал статью, даже помню название – «Пепел твоих сигарет». Такой уникальный текст был. «Пепел твоих сигарет – это пепел империи». Я написал о том, что Марьяна является душой и много делает для «КИНО», но когда Витя увидел эту газету, то был очень-очень взбодрен со знаком минус...

...Когда-то в Вильнюсе велись съемки фильма Надин Трентиньян с Мари Трентиньян, дочерью знаменитого французского актера, и музыку писал Бертран Канта, музыкант группы "Noir Desir". И я снимался в этом фильме, в эпизоде. Закончилось там все трагично – Бертран убил Мари, суд был. На съемках я вспомнил, что когда-то группа «КИНО» пригласила меня на концерт, который был в СКК в Питере в мае 1990 года. Я понимаю, что сегодня это круто, но тогда программа состояла из проверенных хитов и не было ни одной новой песни... Честно говоря, я не люблю вот этого... Ну, это неважно сейчас. В начале, на разогреве была вот эта группа, "Noir Desir", и их там закидали чем-то. Вышел Витя и сказал: «Если вы уважаете нас, то...» Ну и так далее, но неважно. На съемках я подошел к Бертрану Канта, и он так круто вспомнил о Вите, мол, Витя, да... Он к Надин, той актрисе, подошел и всем сказал, что вот человек, который знал Витю и т. п. И мы там на плохом английском с ним как-то поговорили. Он такой позитивный, и столько теплоты было в его словах о Викторе...

Наталию я не знаю, никогда ее не видел. Ничего не могу о ней сказать... Марьяна же мне была очень близким человеком, я бывал у нее дома и с Рикошетом потом подружился. Рикошет – это тоже был уникальный человек. Каспарян тоже. Он совершенно не изменился – ни внешне,

ни внутренне... У Толмачева, который был администратором Айзеншписа, кстати, должны были сохраниться уникальные фотографии (он мне показывал их), сделанные по дискотекам, по городам и весям, как они там в кафе, на дискотеки ходили. Гурьянов там пел даже, они дурачились, ну просто так, в общем... У них был несбывшийся план Айзеншписа: они хотели сделать один огромный концерт, собрать миллион человек, в одном отделении – «Ласковый май», в другом – «КИНО». Вообще Толмачев много всяких историй, баек может рассказать...

Смерть Цоя – это, конечно, горе такое. Мне даже стыдно, я пережил многие смерти, и они меня не очень затронули. Но вот Витя Цой – да... Я просто приехал в Питер, отстоял 3 часа очередь на кладбище. Многие из тех, кто знакомы, лезли проститься как бы по благу, без очереди, а я отстоял с друзьями три часа, чтобы подойти к могиле, чтобы просто побыть с ним... Это утрата. Для меня это просто утрата, никакой мистики нет. Такие люди, как Цой, – это пантеры. С кошачьей пластикой они двигаются, как пантеры, по жизни, живут быстро, и в этом нет мистики – просто драма, трагедия. Это случай, когда впереди еще, несомненно, было много всего хорошего, как в кино, так и в музыке. И я согласен с БГ в том, что если взять аналог западной звезды, то Цой был таким воплощением западной звезды в Союзе. Равно как и Майк, который всегда был звездой – читал, списывал, все знал... Так и Цой был таким вот неким воплощением...

Сегодня всем по большому счету нужен такой, как Цой, человек, за которым будет тепло, на которого можно опереться, за которым будет как-то безопасно. Герой нужен всем. Не только молодежи, даже мне, 47-летнему... Для кого-то это актер, для кого-то спортсмен, еще какой-то там герой. То, что Витя – это символ, который перерос себя намного, это, конечно, гениально. Его песни гениальнейшие, просто гениальнейшие. «Сегодня над нами пролетит самолет... Следи за собой...» Я был на премьере этой песни. Это было как раз на первом творческом вечере, и у Вити лопнули две струны. И он говорит: «Вы подождете или так попоем?» И зал говорит: «Давай так!» Или «Когда твоя девушка больна»... Я ее услышал второй раз через несколько лет на последнем альбоме, сделанную, типа, в студии. Но мне больше нравилось, когда было все так – акустические двенадцатиструнные гитары, звучание было очень такое...

Цой жив сегодня, да. Я могу сказать, что очень многие годы не слушал его песни, выключал, уходил. И от каких-либо расспросов, связанных с «КИНО», уклоняться пытался. И недавно увидел так называемый последний концерт «КИНО» или концерт в «Олимпийском», кажется. Он на самом деле совсем не последний. Это просто ужас какой-то, это все не то. Мне довелось видеть то, что было раньше, в зале на несколько сот человек. Это всегда было такое единение душ, когда тыходишь в какое-то состояние и улываешь, и возвращаешься счастливым.

Музыка «КИНО» жива, и я думаю, что и через многие годы это будет актуально... и будет слушаться, и не забудется.

...Я не был никогда никаким Эпстаином для «КИНО» или каким-то крутым другом Цоя. Было множество людей, которые были «КИНО» важнее и ближе. Моя заслуга (если она есть) только в том, что у них благодаря мне были первые концерты в Прибалтике и они увидели других людей, немного отличных от тех, которые тогда ходили по улицам других советских городов, что они чувствовали тепло, исходившее от меня по отношению к ним. И я никогда не приписываю себе того, чего не было на самом деле...

Роман Альтер

«...Именно у нас в Киеве Цой заработал большие деньги впервые в жизни...»

Интервью 29.06.2012 года

Цой приехал в Киев, кажется, в мае 1985 года и выступал в одной из киевских квартир по улице Предславинской. А рядом было здание столичной прокуратуры. Тогда с Цоем приехал еще Майк Науменко... Концерт был в разгаре, когда неожиданно раздался требовательный звонок в дверь и вошедший участковый произнес фразу, которая впоследствии стала знаменитой в кругах киевских фанов группы «КИНО»: «Всем оставаться на своих местах. Проверка паспортного режима. Цой и Науменко – на выход!» Музыкантов и слушателей доставили в Московский райотдел милиции. К счастью, кассету с записью уникального концерта хозяину квартиры удалось спрятать...

Концерт в Доме ученых организовывал Шериф. Но привезли Цоя в Киев мы, а он только помог организовать сам концерт. Как раз это было в день рождения Цоя. Есть фотографии даже, где он с ромашками сидит... Мне они нравились больше всего, поэтому мы их и выбрали. «КИНО» в смысле...

Саша Шериф как-то узнал, что в Доме ученых можно провести какое-то мероприятие. Разумеется, ни о какой группе «КИНО» никто ничего не знал, и он как-то умудрился легко убедить директора пригласить перспективную молодежную группу. Зал был мест на сто. Забит был до отказа просто. Ученые, пришедшие на концерт, просто отвязались, размахивали галстуками и пиджаками... Была полная импровизация.

Шерифу тогда досталось. Во время концерта в зал ворвалась директор Дома ученых и, вытащив его за руку в коридор, потребовала немедленно прекратить «это безобразие». Она сочла группу «КИНО» фашистами и назвала их песню «Перемен!» настоящей диверсией... Шериф смог протянуть время в разборках с директрисой, и концерт благополучно был завершен...

Когда Сергей Лысенко задумал снимать свой фильм «Конец каникул», мы с ним сразу решили, что в фильме будет Цой. Впервые Сергей услышал группу «КИНО» у меня дома. Это была запись альбома «Сорок пять», и песни просто потрясали. Это была идеальная музыка для кино. И он решил снять фильм о рок-музыке.

И вот мы собрались и поехали в Питер. Пришли в Ленинградский Рок-клуб, нашли президента Колю Михайлова, и он помог нам связаться с Цоем. Забили стрелку...

Пришли в «Сайгон», стали ждать Цоя. При этом мы совершенно не знали, как он выглядит, но по фамилии догадывались, что он кореец. И вот наконец дождались, вошел Цой, и мы сразу поняли, что это именно он... Так мы познакомились с группой «КИНО». Когда мы встретились с Цоем, там же был и Курёхин. Мы и с ним познакомились, потом пошли в гости к Тимуру Новикову пить чай и обсуждать сценарий, который сразу же понравился Цою...

Они были очень бедные. Мы тоже были бедные, но все-таки у нас командировка была и были тогда деньги... Это был дипломный фильм, и в СССР на это еще выделялись средства, были командировочные, и мы чувствовали себя нормально. Кстати, Цой впервые заработал большие деньги именно у нас на съемках. Потому что он получил и как автор песен, и как актер главной роли. Он заработал нормальные деньги впервые в жизни... Жаль, что Цой фильм так и не увидел.

Говорят, что Цой в конце съемок конфликтовал с режиссером. Но это не так. Напряг был в том, что как раз грохнул Чернобыль. Но в этом не было нашей вины. С этими обвинениями больше всего выступал Тихомиров, а не Цой. Ему не нравилось, что мы во время Чернобыля были в Киеве. Просто по-человечески боялся. И это, наверное, была единственная претензия. У меня с Цоем всегда были хорошие отношения, потому что, если бы у меня с ним были плохие отношения, он бы не поехал в тур со мной потом... Мы провели тур буквально за полгода до смерти Цоя. Большой тур по Украине: «КИНО» с "Noir Desir". Они с ними выступали в Москве и в Питере. Еще группа «Красные» ездила с ними по туру. Толик Вексларский, мой друг... Мы проехали весь юг Украины за полгода до смерти Цоя. Последний тур... Его делали я и Володя Манаев, московский такой человек. Он знал места, а я знал Цоя... Есть

что вспомнить, в общем. Например, в Херсоне, когда «КИНО» выступали с "Noir Desir", мы погуляли неплохо... У меня много осталось фотографий с Цоем с концертов. И у Шерифа много тоже... История же ссоры «Красных» с «КИНО» – это глупость, конечно. Это Айзеншпис приехал и начал там передел финансов... Конечно, «Красные» не отказывались кататься в туре с «КИНО». Почему это? Людей просто подводит память... Каспарян никогда не ругался с Вексклярским, нет.

Был просто момент, когда приехавший Айзеншпис увидел, что я разговариваю с французом о гастролях во Франции, куда мы уже не раз ездили, он подумал, что я говорю о гастролях «КИНО», хочу прокатить их без Айзеншписа. И Айзеншпис наехал на меня просто... Это была непонятка с его стороны, в которой потом разобрались. А конфликт был один – со звукоорежиссером. Кажется, он из Уфы был... Но это так, мелочь.

О смерти Цоя я узнал из сообщений СМИ. Мое отношение к нему не менялось. Все время остается стабильным. Считаю, что он был гений. И тогда, и сейчас. Я думаю, что такого героя, как Цой, больше не будет... Похожего тоже. Цой занял свое место, и другого такого не будет. Его место никто не займет.

Роман Смирнов

«Цой всегда был сам по себе...»

Интервью 17.01.2012 года

Первый мой друг был Сережа Курёхин. Я еще не был знаком с ним лично, но уже многое слышал о нем и его закидонах. В общем, ехал я как-то в метро с Володькой Осипчуком, и встретились там с Курёхиным. Познакомились, и он пригласил нас на концерт «Поп-Механики» в ЛДМ. Это полулегальное мероприятие состоялось в маленьком зале где-то под самой крышей. Чтобы жить было веселее, я с самого утра сильно поддал. Так что весь день вылетел из головы. Отпечатался только вечер. Я был пьяный в жопу, вел себя вызывающе... Билеты у меня были мятые, я пытался протиснуться в зал, в общем, не получалось... Но это ерунда.

А я уже тогда имел представление о «КИНО», даже про Витьку Цоя слышал, песенки там поет он неплохие... Знал, что он кореец.

Тогда у той тусовки такое представление было, что режиссер – это такой толстый «папик», с козлиной бородкой, с деньгами и прочее. И они даже решили однажды дать мне по башке. Когда я об этом узнал – сперва веселился, а потом меня задело. Это как они мне собираются дать по башке? Нашел номер Цоя. И вот подхожу к телефону, беру трубку, звоню и говорю так, с наездом:

– Привет. Я Роман Смирнов. Ты кто такой? Чего хочешь?

– Привет. Я – Цой. Как живешь?

– Отлично.

– Это хорошо. Что делаете?

– Сидим.

– И я сию. Может, встретимся?

Я думаю, Цой, мой, да хоть кто. По башке дать хочет, блин.

– Давай.

Он мне говорит:

– Через двадцать минут у метро, у выхода, который ближе к магазину. Подойди туда, и мы с тобой разберемся.

– Как я тебя узнаю?

Он хихикнул так шкодно, помню... Вообще он всю дорогу растягивал слова и делал огромные паузы. Можно было уснуть, но тут он оживился, наверное, думал, что его не узнать трудно.

– Я буду в черном пальто. Длинном.

– А я весь джинсовый.

Ну и вот, значит, на Ветеранов мы договорились с ним встретиться. Он жил недалеко совсем от метро. Только в другой стороне.

Короче, я подхожу к метро, стою. Причем встал я, конечно, не там, где договорились, а у телефонных автоматов, метрах в ста, чтобы меня не застали врасплох. И вдруг внезапно появился человек в длинном черном пальто и конкретно просто прямо пошел на меня. Я сразу понял, что это он. Корейца ни с кем не спутаешь... Помню, как он держал руки в карманах, вращался на каблуках и смотрел по сторонам. Режиссера высматривал. Когда мы встретились глазами, мне показалось, что он очень удивился отсутствию у меня пузика и козлиной бородки...

Подходит ко мне, шкодно улыбается и руку из кармана тянет. Я думаю: «Во, бля, сейчас мне перепадет...» А он такой руку мне протягивает и спрашивает: «Привет. Ты вино пьешь?» – «Привет. Пью». – «А водку?» – «И водку». (А ты небось думал, что я с французского коньяка не слезаю.) Он такой: «Ну давай, сколько у нас будет всего?» И вынимает из кармана деньги. Я тоже вынимаю. В общем, насчитали, немного у нас вышло, и мы взяли 2 бутылки вина и пошли ко мне. По дороге глупо улыбались... Я потом много раз замечал, что Витьке более комфортно было молчать. Он почти никогда не говорил азартно. Когда говорил, будто слова из тюбика выдавливал. Медленно и тягуче... Пришли домой, прошли на кухню, разлили портвейн по стаканам, задрали ноги выше головы и стали перемывать кости знакомым, потом про то, как провели лето... Вот и все, так мы с Витькой и подружились.

Тогда модно было приходить в гости без звонка. Просто так, звонили в дверь, и все. Курёхин у меня дома такие сейшены устраивал...

Однажды Витька пришел ко мне вдвоем с Каспаряном. Они притащили гитары, стали что-то тренькать. Помню, у Каспаряна было на гитаре не шесть струн, а три, стоявшие вразброс. Постепенно выяснилось, что они едут с несостоявшегося концерта. Их пригласили в какую-то школу сами школьники. Они пришли, начали играть, но тут, как в анекдоте, пришел дворник и всех разогнал... И вот тут момент – если я Цоя считал молчуном, то Каспарян был еще хлеще. Из него слова нельзя было вытащить. Он только улыбался и покачивал головой... Я решил пошутить: «Звезда Рок-клуба Виктор Цой спивает песни с подъездной». – «Звезда Рок-клуба Виктор Цой поет все песни с подъездной», – серьезно поправил меня Витька. Он ко всему очень серьезно относился. Каспарян тот лишь улыбался и головой качал...

Потом был очередной рок-фестиваль. Его ждали. Впервые это было более чем гласно. Во Дворце молодежи... И пожалуй, единственное, что я запомнил из всего фестиваля, это Витькина «Группа крови». Он появился на сцене один. Один и начал. Потом вышла группа. Это были совсем другие песни. Совершенно другого Цоя. Раньше Витькиного героя отождествляли с ним самим, и это действительно было так. А теперь герой вырос. В нем появилось что-то пророческое. Казалось, это происходит помимо автора. Хотя, когда настоящее, всегда так кажется. Что-то невероятное было в составе «КИНО»... Два барабанщика, две бас-гитары... В зале не бесновались по инерции. Слушали. Закончил он тоже один. «Легендой». А после концерта я увидел его одного, сидящего в фойе с закинутыми на стол ногами. Он был выпивши. За его спиной висели плакаты с названиями выступающих групп, каждый мог поиграть в демократию и написать, что думает о той или иной группе. На афишах виднелось: «"КИНО" – говно». Рядом: «Из всех искусств важнейшим является искусство группы "КИНО"»...

Я не могу сказать, что я был другом Цоя, у него друзей, кроме Каспаряна, не было вообще, наверное. Он всегда был закрыт, такой темный человек. Но были моменты, конечно. Он не считал друзьями нас, он звездой был. Типа, мы все просто вот знакомые, а он звезда.

Каспарян же, конечно, был ему другом. Они как сиамские близнецы были. Попугаи-неразлучники...

«КИНО», как и все, тоже приходило без звонка, как я уже говорил. И вот как-то, значит, раздается звонок в дверь. Я открываю, и на пороге стоит Витя, один. И мы прошли на кухню и вдвоем сидим. Это были такие счастливые минуты. Он говорит: «Ром, у нас все будет хорошо, "КИНО" будет известной группой, все будет супер...» Я спрашиваю: «А сейчас что?» Он мне рассказывает, что сейчас он едет в Москву, потом в Казахстан, сниматься в фильме «Игла»...

И похоже, эти съемки многих заставили подергаться. Пока Цоя не было, остатки «КИНО» – Каспарян, Тихомиров, Густав, Марьяна – приходили ко мне домой тусоваться. И вот однажды все пришли, было не очень весело, я сразу понял, что команда затевает шухер.

– Мы уже давно не репетируем!

– «КИНО» – это еще не Цой! «КИНО» – это группа!!!

– Да мы альбом без Цоя записали!

И рассказывают, какой альбом крутой они пишут там. Типа, вот пока Цой там в кино снимается, мы тут такую музыку крутую сочинили... И вот тут, когда ситуация достигла накала, во время выступления Андрея Крисанова, который «КИНО» иногда на басу помогал, резко вступила Марьяна:

– А ты вообще какое отношение имеешь к группе «КИНО»?

И Андрюша сник, понял, что перебрал. Марьяша погасила всеобщий пафос, и бунт увял. Опять все стали терпеливо ждать, когда кончатся съемки, что приедет Витька и начнутся репетиции и концерты...

Марьяна говорила: «Этот фильм нужен группе. Подождите, это кино нужно для "КИНО". Успокойтесь».

Когда Марьяша приходила одна, я видел, что она тоже совсем не в восторге от ситуации. Однажды она плакала. Правда, пожалуй, это был первый и единственный раз, когда я это видел. Мы тогда сильно-сильно выпили... Там, несомненно, было много личного, и я туда не влезал. Не имел права влезать... и утешать тем более.

От Марьяны Витька ушел, да... Разлюбил. Он был честный человек. И ушел честно. Конечно, Маню жалко было, очень. Ребята мне рассказывали, что она его любила очень. Как и Рикшета потом...

А потом Витька приехал. И в сердцах говорил, что «КИНО» – это не группа. Что он еще соберет о...тельных музыкантов и сделает супергруппу. Он тоже там ждал, дергался и терпел...

После фильма неожиданно и внезапно Витька стал звездой. Когда я с ним познакомился, я почти ничего о нем не знал и почти не слышал его песен. Это был просто Витя. Витя Цой. Он мне нравился. Нравилась его дружба. А потом мне понравились его песни. И не было там рока никакого. Были друзья. Был Цой, СашБаш, Юрик, Марьяша, Густав... Был ништяк и портвейн...

Но постепенно атмосфера стала меняться. Из легкого шухера и большого беспредела – в престижную и богемную тусовку...

О смерти Цоя мы узнали, когда были на отдыхе. В Абхазии, в Нижних Эшерах. Мы сидели за столом, человек пятнадцать, выпивали что-то, кавказское гостеприимство, тосты за дружбу с Америкой, за Кавказ, за гостей. Телевизор был включен, но был выключен звук. На экране «Новости». И – Витькино лицо. Застывшее. Потом тревожное лицо диктора. Потом опять Витька, потом свечи. Финал «АССЫ». Я ничего не понял. Почувствовал себя заблудившимся щенком. Мне захотелось оказаться дома...

Когда я оказался в Москве, меня там ждали Рашид и Валерка. Они ездили на похороны в Питер. Забили меня подробностями. Рашид был в шоке... Мы сидели у меня, плакали. Рашид должен был снимать новый фильм, ничего не получилось... Я ему говорил, мол, Раш, не грусти, утешал как мог, искал ему кроссворды разгадывать... До сорокового дня он не вставал с дивана

и тупо решал кроссворды, вытягивая «Огоньки» из огромной кучи журналов, которую я ему принес. На сороковины он поехал в Питер. Один.

Тогда он спросил меня – поеду ли я в Питер с ним. А я не смог, просто чисто по-человечески. Не смог.

...Я закрывался очками от взглядов прохожих. Я затыкал уши наушниками. Я врубал на полную мощность «Ты выглядишь так несовременно рядом со мной...», «Восьмиклассницу», «...у-у-у – я бездельник – у-у-у – мама-мама» или «...группа крови на рукаве...» и летал. Дух захватывало. И иногда, сам того не замечая, я начинал подпевать ему в полный голос... И иногда мне казалось, что тот, о ком я думаю, действительно рядом со мной сидит, поет, бежит, летит...

Цой не был моим другом, не был. Он был сам по себе. И его смерть... такая... Он в машине своей как будто от всех отъехал... Просто куда-то отъехал.

Игорь Петровский

«...Цой был несомненным талантом...»

Интервью 20.04.2012 года

С Марьяной мы познакомились, будучи на подготовительных курсах Мухинского художественного училища. Это был конец 70-х годов, когда точно, я сегодня уже не скажу... Честно говоря, не помню дату, но обстоятельства нашей встречи запали мне в память очень хорошо... Это было в аудитории, мы сидели рисовали какую-то обнаженную натуру, и тут открывается дверь, появляются двое совершенно новых и незнакомых людей. Мужик с усами и баба с ним. У бабы волосы были длиннющие такие вот... Оба они были очень высокого роста, мужик был вообще просто безумного вида, страшный какой-то, я его как-то сразу невзлюбил, решил про себя – позже разберусь, что за люди такие...

И вот на первом же перекуре мы с ними познакомились, и выяснилось, что мужик-то – полный дурак, а вот девушка – совершенно наш человек, симпатичная тетка. Несмотря на внешний вид, она была очень достойной и очень интересной.

В общем, в скором времени Марьяна с этим своим Владимиром Блавацким разошлась, у нее случился роман с моим знакомым, Володей Федоровым. У меня, кажется, где-то даже сохранились фотографии... Володя тоже покойный уже несколько лет как...

Потом мы с Володей как-то разругались, а с Марьяной у меня установились дружеские отношения, без всяких там шур-мур и интима, на долгое-долгое время...

Как они с Витькой-то познакомились... Был такой приятель – Саша Бицкий. Одноклассник мой. У него день рождения в один день с Марьяшей. И он решил, что, поскольку все в одной компании, надо устроить объединенное празднование дней рождений. А она сказала ему, что свой день рождения отмечать не хочет, но если он хочет, то просто придет к нему на день рождения, и все. Как гость. Празднование всего этого состоялось в квартире, которую снимала тогда моя будущая и настоящая жена (хотя тогда она еще даже невестой моей не была). В общем, все собрались на пьянку и тут совершенно случайно в эту квартиру на огонек зашли Леша с Витей. И вот тогда-то Марьяна с ним и познакомилась...

В Цое уже тогда было вот это – губа вперед... Правда, самую малость, конечно, но они уже тогда начали писать свой «45», у них был материал крутой и вообще... С самого начала Цой был такой человек. Он точно и твердо знал, что представляет собой что-то очень значимое и что впереди у него большое будущее. Но тогда все это было только так, слегка заметно. Это потом перешло все границы... Собственно, из-за этого мы с ним и перестали потом близко общаться...

У Марьяны с Цоем было очень много общего. Такие яркие во внешности люди, с очень сильными характерами, в какой-то момент они просто потянулись друг к другу, это было довольно естественно... По моему мнению, они и разошлись именно поэтому. Из-за того же самого...

А тогда у Марьяны был роман с Игорем Гудковым. И вот в тот день, на том дне рождения, Марьяна, встретив Цоя, просто поняла, что роман ее с Панкером, собственно, подошел к концу и отношения с ним закончены...

С известной долей осторожности я могу сказать, что у Цоя в ту пору был роман с женой Майка Науменко, Наташей. Это правда. Конечно, я не думаю, что у них было все довольно серьезно, ничего такого. Наташа до сих пор сохранила к Цою глубокую симпатию, это не секрет. Все это я слышал от самой Наташи лично, что же касается Цоя, то от него я никогда не слышал по поводу романа с Наташей никаких комментариев.

Что касается Майка, то он очень тепло относился к Цою, рекламировал «КИНО» как угодно и где только мог. Конечно, отношение его впоследствии изменилось, но мне кажется, что именно Майк, а никак не БГ, был «отцом» группы «КИНО». Гребенщиков, он же вообще уже потом появился. Да и история его знакомства с Цоем в электричке – это совершенное вранье... На самом деле все было гораздо раньше. Цой тогда играл в группе «АУ (Автоматические удовлетворители)». Майк очень любил Свина, вообще всю эту фигню панковскую, рокерскую... Я-то во всем этом не очень разбирался... И вот когда из этого самого «АУ» появилась новая команда – Цой, Рыба и Олег, – Майк сказал, что это очень круто и их обязательно нужно слушать. Мы собрались на их «квартирнике», дома у Паши и Наташи Крусановых, пили вино, и ребята пели нам свои песни. Это было на квартире, которую Крусановы снимали, кажется, на Алтайской улице. Слушателей, то есть нас, было, конечно, немного, примерно человек десять, мы прослушали новоявленную группу, их творчество и пришли к выводу, что – да, на самом деле в них есть именно то, чего нам так не хватало тогда в жизни. В те годы очень многого не было на самом деле, всего не хватало... А вот в ребятах это было...

Я тогда слушал «Россиян» и думал – а на самом деле это хорошо? Или вот «Мифы» всякие есть. Интересное что-то такое тоже. А бывала фигня полная вообще. И ничего слушать не хотелось. Во время же прослушивания «Аквариума», «Странных игр», «Зоопарка» не возникало никаких вопросов. Я слушал и понимал, что вот это – классно. И вот когда появилось это новое трио, еще тогда совершенно без названия, это стало просто еще одним источником света и тепла. И Майку, который тогда уже был мэтром и знал что к чему, это сразу, естественно, запало в душу...

После того как Цой с Марьяной стали жить вместе, мы поехали в Крым. В Малоречку. Сейчас я совершенно не помню, чего мы потащились именно туда? По-моему, Цой с Рыбой там уже бывали раньше. Но, по крайней мере, идея туда поехать исходила как раз от Цоя. Типа, там все зашибись. Мы взяли и поехали. А как там было... По приезде нас всех дружно пробрал понос, девчонки обгорели на солнце... Цой сказал, что у него лечебная моча, все стали делать из нее компрессы... Мы жили в палатке на пляже, у нас сперли мясо, деньги быстро кончились... Есть было нечего, мы собирали бутылки, сдавали их... Витя с Марьяшей были хорошими пловцами, ныряли, ловили мидий, мы их чистили, жарили и ели... Чтобы всех развлечь, я ловил каких-то здоровенных пауков, ползающих под камнями, девчонки их жутко боялись... В общем, все довольно безумно было...

Что касается музыкантов «КИНО», то я Гурьянова знал еще давно. Еще даже до того, как Цой стал писать свои песни. Это был опять-таки конец 70-х, мы с Володей Федоровым снимали две комнаты на Тихорецком проспекте, в коммуналке, и к нам в гости приехал из Москвы весьма авторитетный хиппи того времени Шамиль Валиев. И вот, чтобы он мог как-то перекантоваться, мы вселили его к себе. Вот с ним Гурьянов и нарисовался тогда. Он был в то время очень прикольным, ходил в такой ужасной шапке, когда ее снимал, то у него было

много-много волос... Мы прожили с ними две недели, постоянно забивали косяки, и с ними было очень симпатично...

Каспаряна я узнал потом, познакомился с ним на дне рождения Дениса Киселева. Помню, уже знали «КИНО». И вот он зашел и не знал совершенно, куда сесть, чувствовал себя неловко совсем. Виновник торжества тогда его успокоил, сказав, чтобы он не терялся и что никто не будет ему задавать глупых вопросов о группе «КИНО», и тот повеселел... Тоже милый такой человек, Юра.

Никакого общего мнения о группе «КИНО» тогда в Рок-клубе не было. Каждый думал в меру своего понимания и восприятия. Я могу уверенно сказать, что группа «Зоопарк» (поскольку я ездил с ними, тусовался) никогда «КИНО» не завидовала. Да, у Майка была легкая неприязнь к Цою лично. Но никак не к творчеству группы. И конечно, никакой зависти по поводу бабла не было. Тем более что группа «Зоопарк» в то время рубила бабло гораздо больше, чем «КИНО».

Конечно, Майк никогда не следил за успехами «КИНО». Он никогда ничего не говорил по поводу их музыки, не критиковал, хотя я знаю, что он с легким скепсисом относился к песням Цоя после «Последнего героя». Майк всегда говорил, что пусть это все будет так, как есть.

Разлад в отношениях Майка и Цоя произошел тогда, когда Витя стал вести себя в какой-то мере неэтично, по-хамски, даже можно сказать. Хотя, может, это и не было хамством. Он не был хамом. Просто когда человек приходит в гости и кладет ноги на стол, это... Выглядит не очень и обижает хозяев. Это не только Майк испытал, это и я тоже ощутил, и еще куча людей... Встречаешься с ним, говоришь: «Привет, Вить», а он смотрит исподлобья, что-то цедит сквозь зубы, и не понимаешь – то ли он рад тебе, то ли говорит: «Пошел ты на х...». Это многие ощущали.

Вообще Цой всегда был молчуном. Марьяна – та мне ясна была. Я ее понимал очень хорошо. Я знал, что если она чем-то недовольна, то она так сразу, откровенно... В Вите я такого совершенно не ощущал. Он молчал и все держал в себе. Всегда.

Я не знаю, выделяло ли что-то Цоя из толпы... Для меня лично ничего такого особенного в нем не было. Я бывал на концертах «КИНО», на квартирниках и в Рок-клубе и никогда ничего не ощущал из ряда вон выходящего... Но вот, к примеру, моя мама до сих пор вспоминает, каким был Витя. Просто буквально растекается от осознания того, что она была знакома с Цоем. Причем знакома она с ним была задолго до того, как он стал легендарным и знаменитым. Она уже тогда говорила, что Цой – это нечто весьма и весьма выдающееся...

Сегодня Цой – герой, да. Я, конечно, считаю, что сегодня не нужно всего этого. Ни кумиров, ни героев. На фиг это все. Но то, что Витя был несомненным талантом, это очевидно. Это была личность. Совершенно независимо от моего личного мнения.

В смерть Цоя я поверил сразу. Где меня застала весть о его смерти, я совершенно не помню. Помню весть о смерти Саши Давыдова, Майка... А вот Цоя – нет. Никаких сомнений по поводу его смерти у меня никогда не было, людям свойственно умирать. Хотя некая мистика тут есть. Мистика того, что поэты уходят молодыми. Не могу объяснить этого никак, я не задавался никогда таким вопросом. Но мистика есть точно.

Что касается любимой песни... Вчера я слушал «Прогулку романтика», завтра будет что-то еще. Определенной любимой песни «КИНО» у меня нет...

В повести «Черный квадрат» написано, что Цой выжил, эмигрировал в Японию, а Майк стал министром культуры. Это бред, конечно, несомненный. Майк в жизни никогда не стал бы ничего возглавлять. Ему бы это и в голову не пришло. А Цою – тем более. Витя никогда бы такой фигни не сделал. Кстати, я часто слышу в разъездах по стране разговоры о том, что Цой жив. Время от времени его даже встречают, в Сибири там или еще где-нибудь... Как Элвиса в Америке. Кстати, был случай у меня такой. Я приехал в гости к приятелю, и вот, значит,

сидим, выпиваем, и заходит еще один чувак – вылитый Цой. Я чуть со стула не упал, говорю: «Витя???» А он так улыбается и говорит: «Да, я, выжил вот. Уехал». Ну это смех, конечно, чувак просто похожий. Кстати, все косят под того Цоя, молодого. И удивительно, никому в голову не приходит, что прошло 20 лет и Цою-то уже постареть пришла пора...

Сегодня я занимаюсь довольно ужасными вещами, я рисую, недавно вот тарелки фарфоровые вписался расписывать... Работаю дизайнером, обложки для книг делаю, марку для инаугурации Путина вот сделал... Но это смешно все на самом деле...

...У меня сохранились поделки, сделанные Цоем, – он дарил их моей жене. Слоник вот, к примеру, человечек орущий. Мы храним их много лет. Порой, правда, забываем об этих вещах, а, наверно, есть люди, которым эти вещи очень-очень важны и нужны, несомненно. Наверно, стоит когда-нибудь пристроить их в хорошие руки, а на вырученные деньги построить какую-нибудь беседку в городе. Храм дружбы имени Виктора Цоя, например...

Наталья Крусанова

«...Я до сих пор считаю, что крылья Вите дал не Борис, а Майк...»

Интервью 20.05.2012 года

Одним из первых я познакомилась с Лешей Рыбиным. Помню, что мы с Павлом Крусановым оказались вдруг у Леши на дне рождения. Там был еще Борис Гребенщиков и много всяких людей. Это был конец 1980 года. Потом я познакомилась с Марьяной. На дне рождения Ильи Куликова – басиста «Зоопарка». Ее пригласил Иша Петровский, так как Марьяна тогда жила в этом районе. Иша с ней подружился на подготовительных курсах в «Муху». Мне кажется, это было лето или осень 1981 года. Мы сидели в съемной квартире в Купчине, в составе: Майк, я, Паша Крусанов и Игорь Гудков по прозвищу Панкер и играли в карты. Паша и Игорь работали тогда в театральном институте и, естественно, знали всех студентов. Панкер работал в студии звукозаписи, Паша – в отделе показа всяких фильмов для студентов. Раздался звонок – на пороге стоят Максим Пашков, студент театрального института, и два парня, один из них был Виктор Цой, другой – Олег Валинский...

Обязательно надо сказать, что популярность Майка на тот момент, после выхода «Сладкой N...», была огромна. Цоя и Валинского же никто из нас не знал. Они скромно присели и помалкивали, пока Макс не сказал, что Виктор пишет песни и они хотели бы их показать. Мы при этом особенно не отвлекались и продолжали азартно играть. Виктор спел три песни (Олег подпевал, и, надо сказать, их голоса звучали очень красиво): «Мои друзья идут по жизни маршем», «Я – бездельник» и третью, сейчас просто не могу вспомнить, какую. Тут-то карты у нас из рук и выпали. Настолько это было свежо, красиво и неожиданно, просто, гармонично и великолепно. Даже повисла минута молчания... Потом Майк сказал Виктору, что тот может заходить к нему в гости. Я думаю, это была одна из самых важных минут для Вити... Я до сих пор считаю, что крылья Вите дал не Борис, а Майк. Он сразу поддержал его, и это ОЧЕНЬ важно. Так мы стали тесно общаться. Практически каждый день то у нас все сидели, то у Майка с Натальей на кухне (еще не вся коммуналка была заселена, и это было пока возможно)... У меня сохранилось несколько фотографий, где мы все около Рок-клуба с Цоем и Майком, они возникли недавно откуда-то. Сделал их Андрей Данилов, первый барабанщик «Зоопарка». Он сейчас живет в Петрозаводске... Я с ним познакомилась раньше, чем с Майком, он играл в своем институте в группе «Черная суббота» вместе с Шурой Храбуновым...

Марьяна и Витя увидели друг друга в конкретный день 5 марта 1982 года на совместном дне рождения Саши Бицкого (одноклассника Иши) и Марьяны.

Сегодня это все очень долго рассказывать, там ведь очень много всяких ответвлений, эпизодов и подводных камней... Хочу вот указать на неточность: Александр Николаевич Житин-

ский не писал о том, что Марьяна женила на себе Витю. Дело было иначе: на похоронах Рикошета, второго мужа Марьяны, Житинский сказал, что ему заказали книгу про Витю, я посоветовала ему, если он хочет узнать что-то новое, поговорить с Наташей Науменко на эту тему, так как Витя ее обожал – они часами разговаривали, ни с кем и никогда он так много и душевно не разговаривал. Наташа написала историю, какой она ей виделась, она исключительной порядочности и честности человек...

Иван Бахурин

«...Цой всегда и везде был эффектным...»

Интервью 28.01.2012 года

С Цоем я был хорошо знаком, но свидетелем на его свадьбе (как многие утверждают) я не был. В день свадьбы мне надо было быть в другом месте. Почему-то мне кажется, что свидетелем был Леша Рыба. Мы были у них дома на Блюхера на следующий день. Компания была еще та: Цой с Марьяной, естественно, БГ с Людкой, Липницкий, Жанна Агузарова (тогда она была известна как Ивонна Петерс), Рыба, Миша Фанштейн с тогдашней подругой Ирой Казанцевой (не к ночи будет помянута), Африка и ваш покорный слуга. Была задумка устроить пьянку, но она провалилась по причине почти полного отсутствия спиртного и средств. В основном пили чай и говорили кто о чем, вернее ни о чем. Витька угощал желающих маринованным корейским мясом, извлекая его из трехлитровой банки. Давно это было, подробностей не помню. Помню, что ехали с Блюхера на троллейбусе, поздно ночью, и было жутко холодно...

С Цоем мы пересекались регулярно, но все-таки были в разных компаниях. Несколько раз они обращались ко мне за советом, особенно когда стали уже выпускать за границу и надо было решать какие-то практические дела. Хорошо помню, как мы пошли в Рок-клуб на левое выступление группы «КИНО» с целью поддерживать его. По-моему, он и позвал. К тому времени вышла первая их «пластинка» на кассете, я ее много слушал, мне очень нравилось. Многом, кстати, тогда «КИНО» не нравилось. Короче, во время выступления звук был не очень, хотя Цой в жабо смотрелся эффектно и вел себя подобающе. Он вообще всегда и везде был эффектным. Слов было трудно разобрать, так что я цитировал всем окружающим, поскольку почти все помнил наизусть. После того концерта они стали довольно известны, но не были самыми модными. Помню, как ходили на съемку обложки для пластинки "RED WAVE" в садик Русского музея. Все музыканты пришли, как нормальные люди, одетые по погоде, но перед съемкой вдруг многие сняли шапки, куртки и тулупы. Было холодно. Из всех пришедших не снимались только я и Людка Гребенщикова, она была с коляской, где гулял Глеб, их с БГ сын. Цой же как пришел так и ушел, одет был не по погоде легко. Когда он стал знаменит, мы почти не виделись, разве что на «Поп-Механике» с Курёхиным, при котором было невозможно быть серьезным. Да и я часто и подолгу отсутствовал в Питере...

На похоронах его я не был, был за границей. После его смерти мы как-то подружились ближе с Марьяной. Встретились в самолете из Лондона, я летел в бизнесе и пошел найти знакомого в экономе – нашел ее. После этого несколько раз она обращалась за советом, что-то там было с деньгами, я не помню, но что-то ей помог. Впоследствии я узнал, что она стала щемиться с «КИНО» за деньги и права, мне это не понравилось, и мы как-то так спокойно разошлись... Затем я узнал, что она умерла. Вот и все. У меня остались фотографии в Питере, в старой квартире. Я приезжаю раз в год, каждый раз хочу все забрать с собой домой в Америку... На память. Но почему-то никак не получается...

Галина Кононова

«...Цой ходил в черных брюках и белой рубашке, и это его от всех отличало...»

Интервью 15.08.2012 года

Виктор не должен был ходить вообще ко мне. Он ходил только туда, куда ему нравилось. Ко мне на астрономию и физику, хоть физика ему и не нужна была, и к Людмиле Владимировне Козловской на спецпредмет. Он учился не как все ребята, после 9-го класса, а после 11-го, так как, когда его отчислили из художественного училища, он поступил к нам на специальность «резчик по дереву»...

В то время я очень любила играть на пианино на переменах. В учительской стояло пианино, и я там играла романсы... Виктор был восточный такой мальчик с большими глазами... Мальчики заглядывали в учительскую, стояли в дверях и отпускали шутки. Они прогуливали свои уроки, чтобы послушать меня, а я сердилась... И как-то Виктор сделал фотографию одну, когда я играла, и принес ее мне, подарил. А мне она не понравилась ужасно, мне показалось, что я нехорошо на ней выгляжу, и я зашвырнула ее за шкаф куда-то.

И вот в этом году нам меняли мебель, и из-за шкафа выпала эта фотография, которую делал Виктор Цой, и я так обрадовалась, и я там такая красивая. Удивилась прямо – почему я не понравилась себе тогда...

Мальчики, которые у меня не учились, откалывали всякие пошлости, стоя в дверях. У нас же учились в основном одни мальчики, девочек было мало, и муж безумно ревновал меня...

Он привозил меня на красной «Ауди», я была одета в модные джинсы, в белых сапожках, и мальчики все были в меня влюблены. И некоторые только сегодня мне признаются в своих чувствах...

И вот, значит, Виктор мне говорит: «А можно я буду приходить к вам?» Приходи, говорю. И он стал приходить. А потом спрашивает: «А можно я на уроке посижу?» Даже фотографии есть с уроков, как он сидит и смотрит на меня... Астрономией он очень увлекался, ему нравилось. Раньше вот готовились к олимпиаде, у нас были приборы, нам дали телескопы тогда, бинокли, и мы с ним ходили на улицу Маршала Жукова с телескопом, он тащил его на плечах, там для Пулковской обсерватории когда-то место готовили... И вот мы там с ним смотрели на звезды.

То, что он занимался музыкой, мы знали все время. У нас были вечера... Тогда же не было дискотек, были именно вечера. Мальчики выходили с гитарами, играли, но всем не нравилось, все говорили: «Какая гадость»... Ведь все слушали Кобзона, Лещенко, а то, что они играли, просто слушать было невозможно. И вот когда на линейках аппаратура ломалась, они играли что-то в стиле рок, зная при этом выносили... Было просто безумно весело...

Один раз нам сделал замечание секретарь по идеологической работе. Он пришел и увидел, что ребята сняли шторы со стен. У меня были фирменные джинсы, а они снимали и распарывали брезентовое затемнение, шторы, и шили себе джинсы, с трудом потом надевая их с мылом...

Еще ребята делали обувь сабо, деревянную, мебельными гвоздями все скрепляли и ходили. Цой же, кстати, в сабо не ходил. Он ходил в черных брюках и белой рубашке, и это его отличало от всех. И что я запомнила: периодически устраивали показ какого-либо фильма и на просмотр водили весь лицей в кинотеатр «Нарвский». Показывали военные фильмы, тематика-то была советская. И вот там Цой однажды выступал с ребятами в композиции, в спектакле «Незримая песня» на стихи Окуджавы. Они очень красиво выступали, девочки в белых платьях вышли... Чужие песни пели, про войну... И все заплакали, артисты даже... Мне тогда

очень понравилось, как он поет, потому что я до этого не слышала его особо, больше он восхищался моими романсами. И что меня поразило тогда, стихи-то он писал уже. Недавно я начала увлекаться творчеством Бальмонта, меня приобщили, и я нашла стихотворение Цоя, очень похожее на стиль Бальмонта... То есть можно сделать вывод, что Цой тоже читал Бальмонта и ему это было интересно тоже...

Когда погиб Цой, у меня была черная полоса в жизни: у меня погиб сын, умерла мать. И тут Цой... Я очень много пережила тогда. Мне было очень тяжело все это пережить... Все одновременно. Это трагично. Горе было тройне...

Людмила Козловская

«Цой был талант, можно сказать, от Бога...»

Интервью 15.08.2012 года

В то время, когда он учился у нас, он был очень молодой человек, такой же, как и все они, наши ученики... Конечно, он не был явным лидером. Но и никогда не участвовал в каких-либо драках, инцидентах... Ходил в черном свитере, белой рубашке, сапоги, помню, были такие высокие... Волосы длинные черные...

На переменах мы за учениками не следили, кто и как себя вел. А вот что касается уроков, то на уроках Цой, сидя за второй партой, слушал все довольно внимательно, никогда не болтал, и его никогда не выгоняли из класса. Он не был в этом смысле разгильдяем. Уроков он не прогуливал, и конспекты Цоя всегда можно было смело приводить всем в пример. Можно сказать, что это были точные копии моих конспектов. Там все было аккуратно записано и нарисовано... Цой был очень талантливым и вполне мог бы стать замечательным специалистом в нашей области, если бы пошел по этому пути. Но разве мы тогда могли знать, как сложится его судьба и какой путь он выберет?

Слушал он все внимательно и постоянно что-то рисовал в тетрадке. И вот в один прекрасный момент я заметила, что на ватмане он нарисовал мою голову в профиль... Рисовать Цой умел очень хорошо, талант был, можно сказать, от Бога...

Потом у ребят началась практика, диплом, и я почти перестала видеть Виктора у нас в лицее. Потом, после окончания, он изредка бывал у нас, играл в каком-то нашем ансамбле. Он уже тогда играл, да. Но чтобы я всерьез это воспринимала – этого не было... Подобные группы были в каждом ПТУ, играли на вечерах и танцах...

Это уже потом мы, учителя, случайно увидели афиши: «Виктор Цой и "КИНО"». ДК Горького». И мы все помчались на его концерт, сидели в административной ложе и удивлялись, что это наш Цой. Я прекрасно помню, как все говорили, что вот какой молодой, а поет правильные песни, проникающие в душу прямо...

Константин Кинчев

«Мне Цоя не хватает до сих пор...»

Интервью 31.01.2011 года

«Атаман» мне у Цоя нравился. Глубокая песня. «Не промахнись, атаман! Не заряди холостым!» Не стиль Цоя. Определенно. Ну да ладно с этим. Он-то сам, не думаю, чтобы был восхищен этой песней. Но песня знаковая. Как и «Следи за собой» и «Красно-желтые дни». Она у Натальи быть должна. А Цой и не включал ее никуда. И не включил бы... Она не особо длинная. Короче «Легенды»...

Цой с Натальей ко мне приезжал иногда, это правда. Виктор обычно песни показывал, пел. Наташа всегда молчала. Или уходила и спала, это было раза два, может. А так, слушала Цоя. Но не проявляла особого интереса к этому всему. Она вообще рок как-то не котирует... Она за Додолевым замужем сейчас, да. Евгений отличный человек, я с ним с начала 80-х знаком...

Игорь Тихомиров сотрудничал с Шевчуком. А Цой не любил Шевчука очень. Но о «ДДТ» как о группе он всегда уважительно отзывался. И мне вот Шевчук параллелен. Вне сцены с ним видимся редко...

Мне Цоя не хватает до сих пор. Говорят, людей незаменимых нет. А я готов с этим поспорить. Мне в равной степени не хватает и Саши и Вити. Они незаменимы по сей день. Да. Что есть, то есть. И Насте тоже, должно быть, не хватает Саши. И Егор отца не видел и не увидит... У меня вот дочь поступила в школу-студию. Хочет стать актрисой. Я ее в этом поддерживаю, как и буду поддерживать в любом начинании...

Михаил Кувшинов

«...Группа "КИНО" была настоящей семьей...»

Интервью 15.07.2013 года

Началось все с того, что в Москве на тот момент была одна действительно хорошая студия по тем временам – это студия Валерия Леонтьева, которую я собственными руками проектировал и собирал, и только-только она начинала работу... Она исключительно работала на самого Валерия, и посторонние там не писались никогда. И вот вдруг неожиданно Валерий и директор Леонтьева, Коля Кара, пришли с Юрой Белишкиным посмотреть студию и договориться насчет возможности записи альбома группы «КИНО». Я не могу сказать, что я в то время, как большое количество людей, фанател от этой группы, но, конечно же, что-то слышал, конечно же, что-то видел... И не только что-то, а конкретные совершенно вещи, и, в общем-то, обрадовался, потому что было достаточно интересно поработать в совершенно другом для меня тогда жанре – не очень знакомом, не очень понятном с точки зрения молодого, но уже достаточно профессионального музыканта.

Время было в общем-то такое... Быстрое, мгновенно меняющееся, и познакомиться и поработать с «КИНО» было очень интересно.

Через какое-то время состоялась встреча, ребята все приехали на студию, и в общем-то сразу, как говорится, с корабля на бал, прямо с поезда в работу, и наше знакомство было недолгим...

Сразу включились в работу. Так как у ребят не было опыта работы в какой-то более или менее профессионально построенной студии, они не представляли, что это отдельная акустическая комната, окно, пульт большой, колонки, приборы, какие-то навороты, правильная коммутация, туда-сюда... У нас первое время было даже некое разногласие: что важнее – качество записи или ее творческое содержимое. Но на самом деле все это достаточно быстро ушло. Дня через два мы нашли абсолютно полный контакт и понимание и работа меня полностью захватила. Насколько я помню, ребята тоже погрузились в творческий процесс, уже не обращая внимания на какие-то там технические непривычные для себя моменты. И достаточно быстро, насколько я помню за неделю, был записан альбом «Звезда по имени Солнце».

Есть одна маленькая ремарка.

В альбом изначально не входила песня «Звезда по имени Солнце», потому что ее не было... Или же она была, но не предполагалась к записи. Альбом планировалось назвать «Пачка сигарет», и песня «Звезда по имени Солнце» не была записана, и когда уже в последний день все приехали и собрались, для того чтобы прослушать целиком и полностью альбом,

Витя встал и сказал: «Вы знаете, как будет называться альбом?» Все немножко удивленно сказали: «А что, разве не "Пачка сигарет"?» – «Нет. Альбом будет называться "Звезда по имени Солнце"». На что все спросили: «А почему?» – «Да потому, что тут будет такая песня, мы ее сейчас запишем». И песня была записана буквально за пару-тройку часов в последний день, и тут же она была сведена... Это было буквально за день до Нового года, 30 декабря... Вот... И, отметив после этого шампанским все свершившееся, я проводил ребят на вокзал, и все уехали в Питер, договорившись о том, что после Нового года мы снова встретимся и запишем еще что-то... Что у меня вызвало второе удивление за этот день...

Когда я поехал их провожать, на вокзале случился казус. Не было билетов. Мы с Цоем подошли к кассе, и Витя спросил: «Есть плацкарт?» – «Нет». – «Есть купе?» – «Нет». И тогда Цой заявляет: «Мне СВ». Кассирша привстала, выглянула из окошка, оглядела Цоя и спросила: «Молодой человек, а у вас денег хватит на СВ?» Цой усмехнулся и ответил: «Хватит...» И вытащил деньги. Кассирша была в шоке...

Что касается самой работы, то это было рутинно, но весело, потому что помимо всего на студии происходило много интересных событий... Приходили какие-то люди, которых я узнавал исключительно по принципу, что где-то я их видел, но не знаю, кто это. Так как студия была абсолютно закрытая, на ней находилось только два человека – это я и охранник, который вообще никого не знал и был исключительно такой: «Что за бардак вы здесь устроили?» Все гонял... Так как ребята еще и жили на студии во время записи альбома, на раскладушках спали, то им от него доставалось. Жили в этой же студии, все ребята жили там... Витя пару раз не ночевал на студии, а куда-то уезжал, одну из ночей он провел у меня. Помню, моя бабушка, которая в то время была уже очень старенькой, будучи не в курсе вообще, кто это, что это и как, на следующее утро спросила у меня: «Миша, а Витя кто?» – «Музыкант». – «Ну надо же, музыкант, а такой воспитанный». И потом как-то, через какое-то непродолжительное время, слушая песни альбома «Звезда по имени Солнце», бабушка у меня спросила: «А это правда Витя поет?» Она конкретно совершенно подседа на две песни из этого альбома... Очень было все забавно, и действительно абсолютно добрые воспоминания от всего этого остались... Особенно от того вечера, когда Коля Кара проспорил Юре Белишкину ящик шампанского. Я не помню, по поводу чего был спор, конкретно не помню и не буду придумывать ничего. Но так как ящик был куплен под Новый год – из двенадцати запечатанных бутылок пять оказались почему-то с водой, а не с шампанским... Было время тотального дефицита, поэтому тоже была буря смешных и положительных эмоций на этот счет.

Что касается непосредственно работы... Она проходила по достаточно классической схеме: сначала записывались барабаны. Хотя в случае альбома «Звезда по имени Солнце» барабаны записывались на ритм-машинке RX-5. Густав ее достаточно быстро освоил... С Игорем Тихомировым они сплотились для записи более или менее приличных по тем временам партий... Значит, сначала писалась машинка, потом писался бас, потом Каспарян играл партии, которые потом начисто переписали, потому что они изначально никуда не годились, и Витя сидел, придумывал партии так, как они должны быть, и в последний момент, последние два дня, записывался голос на все песни. Причем голос сначала записывался в пафосный по тем временам микрофон «Деймонд» 57-й модели, который в то время очень любил Майкл Джексон, и ребята в первый раз увидели его вживую... Я не помню тогда, какими путями удалось его приобрести, было же время тотального дефицита, и нормальной техники не было, и как раз, буквально месяца за два, за три до записи альбома, был приобретен этот микрофон, который потрясюще, конечно, звучал. Но мы столкнулись с тем, что звучание группы «КИНО» как-то получилось не звучанием группы «КИНО», привычным для того времени. И в последний момент было принято решение все же перезаписать голос. Витя достал из гитарного кофра микрофончик, какой-то абсолютно бытовой... "International Panasonic" вроде какой – то японский или еще какой... Я долго заморачивался, как его подключить к предусилителю,

потому что разъемы не совпадали, ничего не совпадало... В общем, долго морочились, но потом довольно быстро переписали весь голос. Послушали и сказали: «Вот теперь "КИНО"!» Это было таким шокирующим моментом моего личного несогласия, потому что голос звучал частотно-динамически гораздо хуже, но было принято решение, что именно в этом виде он будет, хотя голосовой трек старого микрофона на пленке, конечно же, сохранился...

Что касается материала, то у меня абсолютно ничего не сохранилось, потому что в апреле 1990 года со мной связались по поводу того, чтобы что-то забрать... Искали широкую пленку (бутерброд), приехали люди Айзеншписа и забрали этот материал. Теоретически и практически у меня сохранилась всего лишь одна кассета, на которой были некоторые наброски к записи альбома. Какое-то странное совпадение: все, что касается работы с «КИНО», и всего, что его касалось, – вокруг этого всегда были какие-то мистические совпадения... Приехав с гастролей неделю назад, я начал разбираться дома со старым хламом, доставшим меня по всяким старым шкафам и углам. И вот, не далее чем вчера, разбирая один ящик, я нашел предположительно ту самую кассету. Я просто помню, как она выглядела, но она без надписей, безо всего, и я не уверен, что это она именно, но предположительно, скорей всего, это она. К сожалению, у меня кассетный магнитофон сломан, и я не смог ее послушать, но думаю, что в течение ближайших дней я с ней разберусь и уточню, она это или не она.

Что касается песни «Вопрос»... Я не знаю, кто были те люди, кто это все забирал-выкупал, но у меня на кассете, на одной из леонтьевских кассет, одна песня тогда сохранилась. Она не вошла в альбом, что-то такое было, ее забраковали, и когда «Реал рекордс» обратился с просьбой по поводу вот этой песни и мне принесли материал, я как раз нашел ту самую кассету и знал, что у меня на кассете есть, в не очень хорошем виде все это было, но все же лучше, чем у «Мороза». И вот эту песню, я уж не помню в каком году, издали... В общем, восстановлено это было как раз с той самой кассеты. Подозреваю, что на той самой кассете, о которой я сейчас говорю, у меня есть гораздо больше материала, видимо, даже не в тех версиях, в которых он вышел окончательно...

Наташа была на записи альбома, насколько я помню. Но я не интересовался личной жизнью ребят и помню только, что Витя пришел с Наташей, сказал: «Это Наташа». Да... И я ее очень хорошо помню, и еще вот вспомнил...

Студия – это была вообще довольно большая старая квартира, полностью переделанная под эту студию. Это на Преображенке было, здание это не сохранилось, его лет пять-шесть назад сломали и построили там какой-то гигантский монстр на этом месте... И была довольно большая комната, метров 30 наверное, это сама аппаратная, там стоял пульт, колонки, все необходимое оборудование, а также стояли два больших несуразных кресла с обшивкой из рыжего вельвета. И вот в одном из них, которое было ближе к окну, все время сидел Витя во время записи и все время что-то читал. На вопрос: «Витя, что ты читаешь?» – он ответил, что читает «Диалоги» Платона. Книга, которую ему как раз Наташа принесла, кажется... Что-то такое было, и он вчитывался в это, и сама книга была довольно странная, насколько я помню... Память может мне изменять, но, по-моему, книга была на французском языке. Там что-то с подстрочником было, с какими-то переводами, с такими чуть ли не рукописными комментариями... Какие-то вещи были выписаны там... Глубина... Он все время молчал на записи. Абсолютно все время тихо сидел, читал и пил шампанское. Это у меня совершенно четко отложилось в памяти.

Еще сейчас вспомнил... Начал вот говорить про это кресло... Витя сидел все время в кресле, и вот однажды над креслом появилась совершенно несуразная, какая-то кошмарная картина... Фанаты леонтьевские разные бывали, в том числе и художница какая-то, которая нарисовала гигантскую картину: Леонтьев в каких-то бинтах, полное ощущение, что шах ему и мат... У него там было жуткое выражение лица и вообще чернуха какая-то была... И я хорошо помню тот день, когда Витя зашел, не видя еще эту картину, сел в кресло, а потом так что-то

встал, обернулся, посмотрел, увидел эту картину и минут пять смеялся не переставая, потому что не мог прийти в себя от увиденного. Его это просто шокировало...

Один раз был тоже такой достаточно смешной эпизод. Выключили электричество, и Володя, охранник, побежал в магазин и купил свечи, для того чтобы на студии было хоть немного что-то видно. Работать было невозможно, конечно, но, по крайней мере, можно было что-то рассмотреть. И через несколько дней, из одной из этих белых свечей Витя вырезал фаллическую фигуру. Смешно было. Она, я помню, у меня потом долго хранилась в студии, в шкафу, и все прикалывались, спрашивали – что это, и я отвечал – это писька, которую сделал Цой. На самом деле все было довольно весело, и была такая рабочая обстановка... Если в первый день у нас была действительно накаленная обстановка, мы не понимали друг друга, я укорял ребят, что они технически неграмотные и не прислушиваются к тому, как надо, как должно быть, они не понимали, что происходит... В общем, у нас был даже такой небольшой конфликт по поводу того, что давайте мы уже найдем общий язык и начнем работать для успеха дела. Это все разрулил, в хорошем смысле слова, Юра Белишкин, который нас помирил-примирал с помощью очередных бутылок шампанского. В дальнейшем все пошло хорошо, ребята даже помирились с охранником, который гонял их постоянно, типа: куда пошел, куда бросил бумажку, зачем еду на столе оставил, тут тараканы заползут и все такое... В общем, там была такая жесткая атмосфера, но тем не менее к концу работы мы все практически стали друзьями, поскольку проводили время всю неделю вместе почти круглосуточно. Я жил совсем недалеко от студии и уезжал в 4–5–6 утра или уходил пешком, и часов в 12 дня мы уже начинали работать.

Сегодня могу сказать, что меня тогда поразило на студии, так это то, что они все были в одинаковых одеждах, мне это было в новинку, в то время когда все были разнаряженные, кто во что горазд, здесь была такая правильная строгость, и мне это очень понравилось тогда, и после этого я полюбил черный цвет, и он у меня до сих пор любимый. Там чувствовалась семья, и в то время Белишкин туда входил, несомненно... Меня поражало, как, например, они сидели на кухне, а он приходил туда и время от времени заботился обо всех и приносил поесть, попить и все такое... Они сидели, обсуждали какие-то свои дела, я принимал участие в этом и просто был поражен, насколько группа сплоченная, насколько это действительно одна семья, в которой конфликтов не было никогда и любые вопросы решались в узком семейном кругу. Это четко было видно.

После Нового года они вернулись, по-моему, чуть ли не второго числа, января, максимум третьего. И буквально меньше чем за неделю, за три-четыре дня, был записан так называемый французский альбом, который потом был назван «Последний герой». Но там была только запись, а сводился он, если не ошибаюсь, во Франции. Но они там, эти французы не понимали... Это была та же самая проблема, с которой и у нас все начиналось, подход был совершенно другой к этому ко всему...

После этого мы пересекались только на паре концертов в Москве, насколько я помню, я приходил на концерты, попадал в гримерку, и мы там долго сидели, что-то такое выясняли, общались... В 1990 году я пытался с ними встретиться на МузЭКО в Донецке, но, я так понимаю, тогда там уже рулил товарищ Айзеншпис, и я даже не смог попасть ни в гримерку, никуда – там уже тупо никого никуда не пустили. Там уже ситуация изменилась, и я вообще не понимал – что такое происходит, откуда этот персонаж появился и какого хрена... Но тем не менее...

Со мной был случай совершенно мистического характера, связанный с Цоем. Я никогда не придавал мистике особого значения, но слишком затянувшаяся череда проблем заставила все-таки обратить внимание на что-то... И обратить внимание на это что-то мне пришлось после того, как мне приснился Витя. Первый и единственный раз. Это было вот совсем недавно. Причем мне была его устами дана абсолютно четкая информация: откуда, что, как и что надо сделать. Я проснулся с очень странным ощущением, и первое, что я сделал, – это включил

телевизор. Как было сказано – включи телевизор, и первое, что ты увидишь, – будет ключ к решению твоей проблемы. Я включил телевизор, он почему-то был настроен на канал, который я никогда не смотрю, и то первое, что я увидел, – было то, что нужно. Я понял. Я пошел по этому пути, и, в общем-то, проблема решилась. Поэтому у меня еще более интересное отношение к этому ко всему. Это был достаточно затяжной сон, не короткий там какой-нибудь... Был достаточно затяжной и странный разговор...

Не так давно мне позвонил Белишкин Юра... Причем позвонил не на сотовый, а на домашний. Видимо, мобильного моего не было. Мама взяла трубку, потом мне просто передала информацию, что звонил Белишкин, похоже, тот самый, который у нас когда-то с Витей был... Он оставил свой мобильный, я ему позвонил, и мы договорились о встрече. А потом я был в Питере, позвонил ему, он приехал, отвез меня на студию и познакомил меня с ребятами из группы «Виктор». Предложил поучаствовать в записи альбома, сказал, что все там нормально, начал рассказывать про мистику, о том, что все это совпадение и тому подобное. Мы с ним посидели, повспоминали много чего по этому поводу. Потом, когда я прослушал то, что они там записали, я от работы этой отказался, как человек. Не вдаваясь в подробности – кому можно, кому нельзя... Просто он мне прислал прослушать песню, уже записанную, типа твое мнение, что можно с этим сделать... Я прослушал и написал ему: «Юра, а зачем все это? Если ты хочешь точную копию – тебе это удалось в плане звука, в плане звучания, в плане сдирания... А если же там какие-то мысли более серьезные по этому поводу, то я бы не стал в этом участвовать». Он очень хотел, чтобы я принял участие в записи этого альбома, как бы двадцать лет спустя, но я отказался...

Ко мне периодически обращались какие-то непонятные люди с вопросом, с коммерческими предложениями... Но я никогда не относился к музыке, к тому, что мне дорого как память, как к коммерции, и никогда направо и налево интервью не давал, и мне это не нужно. Я вообще к этому ко всему отношусь по-другому. И поэтому если я что-нибудь обнаружу у себя из записей «КИНО», я дам знать без вопросов и отдам их тем, кому это по праву принадлежит. По крайней мере, Саша имеет к этому отношение...

Дмитрий Конрадт

*«...Когда-нибудь я обязательно издам альбом фотографий группы
"КИНО"»*

Интервью 21.04.2012 года

Я был фотографом ЛРК, фотографировал «КИНО» на концертах и в жизни, Цой часто обращался ко мне с просьбой сфотографировать группу, мы с ним встречались, я делал фотографии... Когда Марьяна была в роддоме, у них уже родился Сашка, мы как-то встретились с Цоем на Петроградке, и он между делом сказал, что хотел бы навестить Марьяну в роддоме, и спросил, не знаю ли я где-нибудь поблизости какой-нибудь антикварный магазинчик. Он хотел Марьяне там что-то купить в подарок... А я как раз знал такой поблизости, подсказал ему... Мы даже вместе прошли туда, вдвоем... Правда, не помню, купил ли он тогда там что-нибудь...

Потом я бывал у него дома на Ветеранов, где случилась хорошая дружеская фотосессия, мы гуляли с собакой, потом курили на балконе... Удалось сделать несколько замечательных снимков. Хотя сам Цой для меня всегда был довольно закрытым человеком. И совершенно непредсказуемым...

Я ездил с «КИНО» на гастроли в Таллин, правда, фотографии оттуда получились не очень хорошими, было довольно темно, мы бродили по городу просто, и я фотографировал. Света тогда вообще было довольно мало и на концертах, поэтому получить качественные фото было очень сложно. К примеру, в Рок-клубе был свой свет. Но он был очень плохой, и я пытался

при съемке использовать свой... К примеру, на фестивале Рок-клуба 1986 года... Есть фотосессия с концерта в «Юбилейном», я много чего там снял, правда, Белишкин мешал, высоко держал свой нос тогда... Вообще, после того как Цой стал популярен, к нему стало довольно сложно подойти. И сам он стал по-другому общаться, возможно, это просто была некая «звездность», или же его просто все это достало, наоборот, все эти подходы...

У меня была идея издать собственный альбом фотографий «КИНО», а то в последнее время все меня дергают по этому поводу... У меня же сохранилось много фотографий, малоизвестных еще, а сегодня это очень ценно... И чем дальше, тем ценнее... Надеюсь, когда-нибудь я смогу все опубликовать и поклонники «КИНО» смогут порадоваться встрече со своим кумиром...

Виктор Елизаров

«...У Цоя была скромность в квадрате...»

Интервью 21.04.2012 года

Я был первым и последним штатным фотографом Ленконцерта. До меня были внештатные, я же был штатным именно в тот период – с конца 70-х по начало 90-х годов. И вот как раз в тот период я снимал и Пугачеву, и Леонтьева, и всевозможных звезд советской эстрады, был очень дружен с Игорем Тальковым... И с Виктором Цоем несколько раз пересекался.

Первое пересечение было в СКК. Мне очень хотелось попасть на концерт «КИНО» как зрителю. Мне очень нравились его песни и вообще... Я попал на концерт, стоял в первом ряду, слушал, был просто в восторге, меня очень поразила атмосфера, царившая на концерте в зале, зал был в экстазе, удивителен был весь этот бунт Цоя, его напор, его дух... И я, конечно же, захотел запечатлеть Виктора на фотографиях. После концерта я прошел за кулисы, нашел Витину гримерку и с удивлением увидел, что возле его двери полно детей. Меня это просто поразило... Дети лет 14–15, они толпились там всюду, пытались получить автографы, окружали Виктора плотным кольцом, смотрели на него, как на нечто божественное... На нечто совершенно неземное. Дети, они же тонко такое чувствуют...

Я подошел, попросил Виктора о фотосессии, он не отказал, и я пофотографировал его. Кстати, получились очень неплохие снимки. На белом фоне с гвоздикой, с сигаретой – очень удачные. Они впоследствии были во многих журналах и газетах...

Цой был очень тихим, молчаливым и совершенно был лишен какого-либо пафоса звезды. Он спокойно позволял себя фотографировать, был очень скромным человеком. Никакой звездности в нем не было совершенно, а вот скромность была. Очень завышенная скромность. Скромность в квадрате, я бы сказал. Конечно, несомненно, он ощущал себя звездой, но никогда этого не показывал. Он был доступен для людей. Какая звездность, если гримерка полна детьми??? И люди тянулись к нему. Он ко всем относился с некой радостью, как мне казалось тогда. Вообще, по моему мнению, Цой всегда находился в каком-то таком состоянии... Написания песен, что ли, в творческом полете. В состоянии постоянного творчества. И в то же время у него задумчивость была. Всегда и везде... Я пришел тогда домой и матери рассказывал об этом. Меня это очень удивило...

Потом была наша встреча на вокзале... Конечно, я никогда не был Цою другом. Нет. Об этом и речи нет. Просто получилось так, что я очень интересовался тогда группой «КИНО», мне нравились песни, хотелось вникнуть в их смысл, я искренне пытался понять. И вот я узнал, уже не помню от кого, что Цой сегодня едет в Москву на «Красной стреле». Его никто не провожал, и я рванул на вокзал в надежде его увидеть. У меня получилось, и опять-таки Витина скромность меня просто поразила...

Его внезапная смерть меня очень задела. Я поражен был. Когда кто-либо умирает, я всегда переживаю очень, а когда погиб Цой, я вообще долго переживал. В шоке был. В его смерть я поверил сразу, я стал звонить знакомым фотографам, рассказывать, мол, Виктор Цой в Риге погиб, ужас... Помню, верили не все, к примеру, Слава Гурецкий сказал, что нет, Вить, чушь, не может быть, какая Рига, какой Цой, это все слухи... А я вот поверил сразу. Я пытался попасть на похороны, хотел проводить Виктора в последний путь. Но там был обман, время несколько раз менялось, точного времени похорон я не знал, приехал уже после. На кладбище было очень много людей, конечно. Я не снимал там, просто тяжело было, да и снимать похороны – это не мое...

Помню, как ко мне в мастерскую, на проспект Славы, приходило много людей, поклонников «КИНО», за фотографиями Виктора. Я раздавал их бесплатно, и меня поразил один парень, кажется, его Дима звали. Так вот он жил на кладбище у могилы Виктора... Там вообще долгое время жили поклонники «КИНО». И меня этот факт тоже очень поразил...

Однажды ко мне обратился бывший директор группы Юрий Владимирович Белишкин, талантливый организатор. Он попросил для проведения вечера памяти Виктора Цоя фотографию размером 3 на 4 метра. Я растерялся, мне не на чем было напечатать столь большое фото, но Юрий уже договорился с фотографом театра Ленком, кажется, его тоже Виктором звали. И вот я взял негативы, поехал туда, и в тамошней мастерской вдвоем мы сделали несколько плакатов – фото Виктора с гвоздикой, с сигаретой... Мы печатали их с большим трудом, нужна была хорошая выдержка, нельзя было даже дышать, чтобы ничего не испортить. И у нас получилось. Кстати, один из этих снимков несли от Богословки до Рок-клуба, и этот сюжет попал в фильм Алексея Учителя «Последний герой». Можно сказать, что мы, фотографы, внесли свой вклад в память о Викторе... Донесли его до людей. Сохранили его образ на фото. И я горжусь этим.

Игорь Бушланов

«...Мечтаю отпечатать футболку с надписью "Я видел Ленина и Цоя"...»

Интервью 2012 года

С Цоюшкой мы познакомились в море в 1984 году. Мы ехали на «Комете» из Судака в Алушту. Вот в пути и познакомились... Каким был Цой как личность? Я тогда не задавался такими вопросами, а теперь тем более. Цой просто был мой дружок. И все. У меня были тогда свои заморочки в голове. И сейчас тоже. Мы с ним жили параллельно, иногда пересекаясь, что там мутить еще... это вопросы юного следователя.

В то время много кто выступал в Крыму. Кто конкретно, я уже и не помню. Помню, как мы сидели с Цоем на пляже, ныряли, поднимали бутылки со дна, сдавали и пили портвейн. Приходил он со своей группой «КИНО» ко мне в мастерскую, когда «АССА» снималась, и мы тусовались у меня... А вообще мне тогда очень нравилась группа «Телевизор». Вот, наверное, и все мое участие в тусовках с «КИНО»...

Сегодня мне очень сложно разобраться в значимости Цоя для общества и молодежи... Столько лет прошло... Я в себе-то разобраться не могу. Посчитайте, сколько лет Цою уже исполнилось... Считаю некрофилизмом все это, но мечтаю отпечатать футболку с надписью «Я видел Ленина и Цоя».

Цой погиб. Все случилось. Что думать еще – я не знаю. Что касается любимых песен Цоя, то у меня их много – «Группа крови», «Звезда» и несколько ранних...

Ольга Карпушина

Интервью 2012 года

Я Ольга, жена Игоря Бушланова. Игорь редко бывает в Интернете, он сейчас в Петербурге. Кстати, в декабре на «Камчатке» был его сольный концерт... У нас не сохранилось фотографий с Виктором, но память о нем сохранилась, это точно. Я иногда даже пытаюсь записывать какие-то брызги воспоминаний... Я очень люблю Цоя, и все песни «КИНО» у меня любимые. Как у Высоцкого. Почему-то последние дни я думаю о Витьке, как о младшем товарище Владимира Семеновича. Ведь если посудить – та же честность, напряжение души и экспрессия. И всенародная любовь. Хотя Высоцкий – очень русский поэт, а Цой не то чтобы пристрастен к Западу, но все-таки больше в этом направлении...

Игорь Черидник

«...Я запомнил Цоя приятным и глубоким человеком...»

Интервью 02.07.2013 года

Витю я знал с 1984 года. А расскажу про 1983-й. Я жил тогда на улице Купчинской, в доме № 24 (кстати, Юрий Каспарян жил в доме № 25 по той же улице). Там, в Купчине, на троллейбусной остановке, я частенько встречал странно одетых и очень необычных людей (один из них был восточного типа). К Рок-клубу я тогда отношения не имел, играл в начинающей команде «Скорая помощь» и еще в группе «Электростандарт» и на танцах. А еще подрабатывал на свадьбах в фирме «Невские зори». Когда уже в 1984-м, в конце года, мы с группой «АукцЫон» стали «известны в узких кругах», тогда-то и был наш первый концерт в клубе «Ленэнерго», куда и пришел Виктор.

После очень хорошего и теплого приема публики он подошел к нам и очень душевно и искренне поздравил, а мне крепко пожал руку и сказал, что ОЧЕНЬ КРУТО!!! Ну, а уже с 1987-го мы реально задружились! Я играл в группе «Игры», где время от времени участвовала и Джоанна Стингрей. Мы все (Джоанна, «КИНО», «Игры», Курёхин с «Поп-Механикой» и «АукцЫон», в котором я тоже еще играл) вместе концертировали, часто на одних и тех же площадках и фестах; на гастроли вместе ездили и т. д.

Однажды, в 1987-м или 1988-м (уже точно не помню), мы оказались у Александра Липницкого («Звуки Му») дома в компании Африки, Вити Сологуба, самого Липницкого, какого-то англичанина и Вити Цоя. Липа попросил Виктора сыграть на гитаре и спеть что-нибудь новенькое, и Витя стал петь... Это были новые на то время песни, еще только в гитарном виде (без аранжировок), которые потом стали альбомом «Группа крови»... Витя с таким кайфом их пел тогда...

Что касается того, что сегодня болтают про группу «КИНО», – это правда лишь отчасти. Они, конечно, были чуток «на понтах», но к нам (к группе «Игры») относились как к равным и «браткам». Витя, с которым мы прекрасно общались и были не раз на совместных увеселительных мероприятиях, никогда не отказывался петь, когда его просили. Всегда охотно соглашался. И вообще лично мне он запомнился очень приятным и глубоким человеком. А с Юрой Каспаряном мы до сих пор дружим. Мы с ним жили длительное время в соседних домах. Густав тоже недалеко от нас проживал. Вот он, пожалуй, наименее контактный и общительный из всех. А с Игорем Тихомировым мы дружили еще со времен группы «Джунгли». Он очень классный!

Что же касается того, что их не любили в Рок-клубе, то мне кажется, что это байка. По-моему, некоторые просто завидовали. Хотя у «КИНО» были очень разные концерты. И

провалы были. Я помню, что на лауреатском концерте в ЛДМ в 1986 году, после выступления группы «АукцЫон» (в которой я тогда играл), выступала группа «КИНО», и народ стал активно уходить с концерта. Я был в зале и услышал «ленивую», «вялую» и без огонька и драйва выступающую группу, да еще и Витя был не в духе и, может быть, плохо себя слышал, но пел мимо нот. Даже в тогдашнем «самиздатовском» журнале «Рокси» (Рок с интересом) была довольно разгромная статья на эту тему. Но я был на двух, максимум трех неудачных концертах, но примерно с десятков остальных, на которых я был, – **БЫЛИ ПРОСТО ЧУМОВЫМИ!!!** Был я и на сольном концерте Вити в том же ЛДМ, и народ там тоже «стоял на ушах». В общем – светлая память Вите Цою... А версий его ухода у меня две: 1) убрали; 2) нелепая случайность. Я склоняюсь к первой...

Элла Аграновская

«Я на всю жизнь поверила Виктору Цою...»

Интервью 06.08.2014 года

Стоял апрель 1988 года. В моем редакционном кабинете раздался звонок: вечером в Горхолле, по-русски звонко именовавшемся Дворец культуры и спорта им. В. И. Ленина, а по-эстонски – просто Linnahall, будет выступать Виктор Цой.

Пауза. Видимо, мне надлежало заполнить ее восторгом. Но я к рок-музыке отношусь, скажем так, достаточно спокойно. Нет, конечно, знала, кто такой Виктор Цой, более того, истошных воплей на предмет того, что рок губителен для нашей молодежи, никогда не исторгала, но и армию фанатов на единицу своей персоны не стремилась пополнить. Впрочем, у Цоя их вполне достаточно без меня.

– Спасибо, скорее всего, не получится.

Звонившая, администратор малого зала, была моей личной знакомой, поэтому себе позволила:

– Ты в своем уме? Это же Цой! Виктор Цой! Отменяй все дела и приходи! Ты меня слышишь?

– Это Цой, Виктор Цой, я тебя слышу.

И тут беседа, если этот обмен маловразумительными междометиями можно назвать беседой, приняла неожиданный оборот.

– Приходи, пожалуйста, ты меня очень выручишь. И приводи всех, кто захочет. Дело в том, что идея устроить «рок-гостиную» и пригласить Цоя – на моей совести. Но я вовсе не уверена, что наберется публика. Если зал будет пустой, начальство меня убьет.

Как уже отмечалось выше, я не была поклонницей рока, но все же руководила отделом культуры в газете «Молодежь Эстонии», той самой Эстонии, где, в отличие от других республик, никогда не делали вид, что рок-музыки у нас нет, более того, регулярно устраивали рок-фестивали.

Пустой зал на концерте Цоя – более абсурдное предположение трудно было придумать. Оказалось, доля истины в этих словах проглядывала: во-первых, концерт по каким-то причинам широко не рекламировался, во-вторых, Цой приехал один. Точнее, с женой Марьяной, но без группы «КИНО»: в малом зале был запланирован сольный концерт – Виктор Цой с гитарой.

Это резко меняло дело, поскольку, если совсем уж откровенно, громких звуков органически не выношу.

Если бы я сейчас решила начертать нечто вроде рецензии, на мониторе компьютера выскочили бы пыльные фразы про то, что это был незабываемый концерт – уникальный тембр голоса, лаконичная ритмика, отрывистые звуки негромкой гитары, угасающие в тишине. И все было бы сущей правдой, изрядно приправленной сиропом, что, безусловно, не про Цоя.

На протяжении всего концерта меня преследовали неконтролируемые ассоциации: мне 14 лет, я впервые слушаю песни Александра Вертинского. Кумир интеллигенции первой половины XX века, он давно вернулся из эмиграции, получил разрешение гастролировать, но только в провинции, к столичной сцене и к массовому слушателю допущен не был. Изданную в США пластинку, большую, намного толще, чем наши, моим родителям подарили друзья. Названия песен написаны по-русски, но латиницей. Щелчок, первые аккорды – и я на всю жизнь оказалась во власти этого странного, безголосого, поющего сердцем поэта.

Потом, в интервью, спросила Цоя про Вертинского. И услышала ответ, которого подсознательно ждала: «Вот Вертинскому мы верим. Как человеку, который чист душой...» И на всю жизнь поверила Виктору Цою.

А пока, скрежеща зубами, переживаю – нескончаемую череду фанатов с неумным изъяснением восторгов, автографы на случайных бумажках, изнурительную процедуру под названием «можно с вами сфотографироваться?». Кумир продвинутой молодежи второй половины XX века редкоотно терпелив.

Господи, наконец-то!

«А может, поговорим завтра? Встретимся здесь же и поговорим», – говорит просительно. «Давайте завтра вас сфотографируют для газеты, а поговорим сегодня. У меня ребенок болеет. Не знаю, как сложится завтрашний день».

Цой вопросительно взглянул на Марьяну (они тоже были молодыми родителями) и, не дожидаясь ответного взгляда, соглашается: «А давайте!»

Мы присели в гримерке друг против друга. «Вы меня не помните?» – спрашивает он неожиданно. Вопрос непонятен, что и выражаю недоуменным взглядом.

«А я к вам в редакцию приходил, с Курёхиным...» – «А-а-а... Ну да... Разумеется, помню».

Помнила смутно. Курёхин вошел, занял все пространство моего небольшого кабинета – и заискрился фейерверк остроумия. А ведь точно, с ним был приятный, скромный мальчик...

Сглаживая неловкость, быстро выпаливаю первый вопрос: «Скажите, Виктор, вам часто приходится выступать в такой тихой аудитории?»

На следующий день мне все же пришлось сопровождать фотографа Николая Шарубина на съемку, поскольку он категорически отказался проследовать в Горхолл в гордом одиночестве.

Вечером в большом зале ожидалась творческая встреча с известными кинематографистами. Шумная компания приезжих гостей заполнила служебное кафе Горхолла. За самым дальним столиком примостились Цой и Марьяна. Пробираясь к ним и близоруко щурясь, сначала не заметила Зиновия Гердта, с которым была знакома лет десять. Зиновий Ефимович помахал мне рукой. Я заметалась. Подлетела к Цою: «Извините, пожалуйста. Здесь Гердт, надо подойти... Вы ведь знаете Гердта?» Цой серьезно кивнул: «Конечно, знаю. Ну, не лично, но вообще знаю. Не волнуйтесь, мы подождем». Шарубин остался с Марьяной и Виктором. Я помчалась здороваться с Гердтом...

Позировал Цой на пустой автомобильной парковке рядом с серым саркофагом Горхолла. Это не оговорка – именно позировал, послушно устремляя взгляд в объектив. На ветру развевались белый шарф, полы черного пальто. Мелькнула мысль: белый, черный, серый – как выразительно смотрелось бы в цвете, жаль, пленка черно-белая. Велика ли разница при таком богатстве палитры? Тот, кто сечет в фотографии, меня поймет.

Интервью вышло в газете через несколько дней. В подзаголовке было сказано: «С лидером ленинградской рок-группы "КИНО" Виктором Цоем по многочисленным просьбам читателей беседует наш корреспондент». Фамилии корреспондента не было. По нынешним временам причина совершенно идиотская: за своей подписью мне надо было срочно опубликовать другой материал, а ставить фамилию автора дважды было не принято.

Конечно, можно было с этим интервью повременить, но фанаты достали звонками: «Когда про Цоя напечатаете?» Надоело от них отбиваться. Изумленные столь неуместной анонимностью коллеги – ведь это же Цой, Виктор Цой! – крутили пальцем у виска.

P.S. Фотографию стащили из редакционного архива в день выхода газеты.

Александр Бурцев

«...Цой был очень лаконичным...»

(отрывок из интервью А. Бурцева А. Андрееву, 11 марта 2009 года)

Я лично познакомился с Цоем на съемках своего первого фильма, это был демо-вариант, моя дипломная работа вгиковская, которая снималась на киностудии «Ленфильм». И вот Витя пел в этом фильме песню «Легенда», прямо сам, живьем. Вот там, значит, прямо на съемках, мы непосредственно и познакомились.

Песню мы выбирали на ходу, вообще все делалось на ходу. До того я знал Цоя, как и все остальные, только как слушатель, слышал его только в записях, когда во ВГИКе учился, все эти записи ходили: «Аквариум», «КИНО», «Зоопарк». Поскольку по телевидению его тогда не показывали, я не знал, как он выглядит. Время было малоинформационное, и когда я перебрался в Питер, попал на концерты и увидел его живьем, это было, конечно, еще то впечатление...

Идея фильма пришла от Шинкарева с Тихомировым. Они вдвоем мне эту идею выписали, потом я там дописывал, переписывал, но основной сценарий был их... Молодого человека, поющего песню, должен был исполнять первоначально Саша Башлачев, и вот как раз с Сашей Башлачевым я провел гораздо больше времени в общении, подбирая песню и готовясь к фильму. В фильме же реальные персонажи переплетаются с вымышленными, они играют самих себя, даже не играют, а просто присутствуют сами по себе как актеры... Такое вот сплетение реальности и вымышленности. Поэтому ничего не было странного в том, что был Башлачев, автор-исполнитель. И была выбрана песня уже. И буквально Саша погиб прямо в день съемок. Мы ждали его на съемки, у нас была вторая смена, мы его ждали, а он утром погиб... И с Сашей нет ни одной сцены, не удалось снять... При том что он уже был на студии и песня была выбрана...

И вот после смерти Башлачева этот эпизод непонятно стало, с кем снимать. И я пошел к Борису Борисовичу, стали думать, кто может Башлачева заменить в этом эпизоде. Он говорит: «Ну, заменить никто не может, но вот есть Витя Цой». И история как раз подходит по сюжету: человек добился всего своим трудом и с такой безызвестности стал кумиром молодежи. В то время слово «кумир» имело совсем иное значение, чем сегодня. Сегодня кумир – это медийное лицо, победитель «Фабрики звезд», там, я не знаю...

Ну и БГ сказал, что так, мол, и так, и мы как-то, где-то после очередного концерта, зашли с Тихомировым или с Шинкаревым к Цою. Это же была такая общая туса, все были тогда молоды, здоровы, и «митьки» тогда все бухали со страшной силой...

Мы подошли к Вите, поговорили, надо в фильме сняться, песню спеть... Все, без вопросов, без проблем, приду и спою. Скажите – когда, куда... Витя говорит: «Да ко мне, в мастерскую». – «А, знаю. Ну, приду...» Пришел, а съемочная группа в основном была молодежная, это же был первый мой фильм, он был малобюджетный, и в съемочную группу затолкали всю молодежь. Потому что более старшее поколение не понимало, что это за рок-н-роллы какие-то, «Аквариум», группа «КИНО»... Это их дети тогда и пришли в кино...

Когда Цой пришел на съемки, то вся молодежная часть съемочной группы была просто в полубомороке. Увидеть живого Цоя, который уже тогда в легенду превратился, это... Но он,

сколько я помню, в жизни не слишком отличался от сценического. Он такой же был, лаконичный. И глаза у него не были другие. Они были абсолютно открытые, и он больше слушал, чем говорил в быту. Ну, может, он с близкими друзьями болтал и по-другому себя вел, но, когда он в съемочную группу пришел, он лаконично себя вел. Полгруппы сидело под легким балабасом, это было нормальное состояние – все втихую притаскивали бухло, потому что одно дело – дисциплинированные актеры, которые знают, что они идут на работу, другое дело, что половина неактеров, для которых съемки – это развлекуха, шоу определенное... И конечно, они вот все под легким балабасом и находились. И вот пришел Витя, ему кто-то там втихаря тоже стакан накатил, и все были такие нормальные, веселые. Но даже в этой нормальной разговорчивой среде настоящих «митьков» он был молчалив... А он пришел еще в такой шубе какой-то, невиданной по тем не очень богатым временам... С постоянным дефицитом модных тряпок это выглядело эффектно очень... Я уж не помню, какая она была, но я помню, что появление вот этой шубы произвело достаточно мощный эффект...

Ну и несмотря на это бурное вступление, он говорит – ну как, что? Я ему – ну, то-то и то-то, он говорит: «Ну вот есть к моменту песни "Легенда", я ее мало на концертах исполняю, ее можно под гитару спокойно...» – «Ну давай...» Цой спел с первого дубля. Да там все с первого дубля снималось, потому что не было пленки, и очень редко снималось что-то со второго... А тут что – профессионал пришел, и выдал, и спел. И мы его, слава богу, сняли. И ничего там – свет не погас, камера не встала, ничего не произошло...

Андрей Хлобыстин

«Цой выдал идеальную версию русской культуры...»

Интервью 05.04.2013 года

Я был знаком с Цоем, поскольку в Петербурге молодежная культура соединилась с андеграундной художественной культурой. Проводником этому был Тимур Новиков. То есть с начала 80-х годов существовала достаточно сложная молодежная культура, со своей музыкой, со своей литературой, дресс-кодом, сленгом и так далее. Но в отличие от западной здесь не было рынка... То есть люди занимались музыкой только потому, что у них руки чесались. А не для того, чтобы это продавать. Об этом и не мечтали. То есть человек – он был художник настолько, насколько он был музыкантом. Человек мог позволить себе роскошь заботы о себе, как говорил французский философ Фуко – такой странствующий авантюрист, герой в общем-то... Сейчас таких почти не осталось вообще.

Я помню, что еще в конце 70-х можно было встретить на Невском осколки брода – стили, в общем, бездельников, или, как сегодня вот их называет новая версия, которую пропагандирует Шнур, – расп...ев, но она немного неверна. Хотя он ее и пытается активно проталкивать... Мне вот очень нравится мысль, что в Ленинграде рок играют герои, а в Москве шуты. Это точно. Я помню прекрасно, как, например, после концерта Цоя зал мгновенно опустел, на сцене играют любимые мной люди «Звуки МУ», и перед сценой прыгают всего пять-шесть человек... И тут сразу понимаешь отличие настоящего от псевдо...

Я, закончив художественный университет, работал директором петергофского Эрмитажа. В моем ведении было еще 4 дворца, типа Монплеизир, я был такой молодой карьерист, и у меня была нормальная поступательная карьера. У меня было много знакомых художников, которые слушали рок-музыку, и у меня был младший брат, который однажды, когда я пришел к нему, поставил мне послушать группу «КИНО» – песню «Транквилизатор». Мне показалось, что очень плохо играют, но очень так, как бы, вставляет... Как Достоевский – очень плохо написано, но соответствует всему... И тогда я понял, что что-то происходит рядом, что-то носилось в воздухе тогда.

На Невском появились молодые люди выбритые, в пальто, утыканные булавками... Словом – панк крепко пошел. Было хулиганье... Например, кафе «Автомат» было, и там можно было столкнуться с тем, как ты стоишь, ешь и замечаешь чью-то руку, которая в буквальном смысле выхватывает куски из твоей тарелки...

В итоге мы познакомились с какими-то ребятами, вышли на Тимура. И я, наслушавшись Цоя и Гребенщикова, бросил свой Эрмитаж и пошел работать в кочегарку. Не из каких-то там соображений протеста, мне просто хотелось выйти на этот круг лиц, потому что с ними было реально интересно. Я вошел в этот круг и всю последующую жизнь нахожусь в нем и несколько не жалею об этом.

Мы как-то с Тимуром и с Курёхиным идем в «Сайгон» и встречаемся там с Цоем, и за столом у нас беседа идет. И вот, помню, кто-то к нам подходит и так важно говорит Цою: «А давай я там на твоём концерте (а это были уже времена перестройки) запущу какие-нибудь самолетики Руста?» Цой с таким презрением отворачивается и так из себя: «Пф-ф-ф...» – и ничего на это не говорит вообще. К политике у нас было такое презрительное отношение всегда...

На первый концерт меня сводил приятель, который учился в Политехе... Концерт был в клубе «Политехника», где-то напротив метро «Лесная»... Я помню, концерт произвел впечатление, хотя там просто Цой с Каспаряном пришли с гитарами, спросили у зала: «Ребята, у кого есть электрогитара? Нет гитары? Ну ладно, придется так...».

Вот, собственно, и концерт. Все в восторге... Концерты были по каким-то залам, и Цой, конечно, играл почти всегда как хедлайнер. Группа «КИНО». Невероятно модные, живые, совершенно искренние, с чувством жизни... Тогда были «КИНО», «Странные игры» еще... Мне очень нравилось...

К Курёхину я попадал на телевидение, на «Музыкальный ринг» с «Поп-Механикой» по благу... Помню, встречались с Цоем у «мильков», у Вити Тихомирова. Например, художники тусовались, и там присутствовали Витя Цой и Гребенщиков, к примеру... В то время был такой замес, все вращались вместе. Хотя – это были недостижимые боги... Я помню вот концерт в ЛДМ, после него «киношники» вышли на какую-то застекленную террасу и играют в какую-то неведомую игру, подкидывая мячик ногами... Хаки-сак, кажется, называется... Вся молодежь на них, затаив дыхание, смотрит... Еще тогда была такая штука, типа перестроечная затея, стенгазета некая, и все-все приклеивали туда что-то, писали туда всякие пожелания. И я помню, там было написано: «Сравнится вряд ли кто с тобой – наш дорогой товарищ Цой».

Я помню, что мы с Аллой ходили на этот концерт и были поражены его песней «Следи за собой». У нас было с собой две бутылки вина, и когда Цой шел между рядами в зале, мы вручили ему одну бутылку белого сухого. Мы были искренне восхищены им. Он принял, благодарно кивнул так довольно...

В то время молодежь была очень активна. Однажды спускаемся на Невский проспект, у перехода видим толпу панков в коже и напротив них толпу каких-то курсантов. И вот они что-то друг с другом дискутируют, агитируют... Такая обстановка серьезная...

Непосредственно общаться с Цоем мне случилось в Нью-Йорке, уже когда мы выехали. Мы имели необычайный успех, на наши выставки приходили люди такие типа Джона Кейджа, Джона Палька, Ричарда Гира, Катрин Денев и так далее, мы перезнакомились с модной публикой того времени...

Я помню, как-то мы сидим в квартире... Квартира в три этажа, сидим на третьем, терраса нашего хозяина Пола Джадлсона, звонок в дверь, я спускаюсь вниз, открываю дверь – Цой стоит. Боже мой!! Какая встреча! Улица Ист-Сайда, такой респектабельный райончик... «О-о-о, Виктор, какими судьбами?» – «Да вот, никого дома не было...» А мы жили, по-моему, вместе с Африкой и Иреной, да... Они в отъезде были, и мы их ждали. А он пришел, говорит

– меня попросила какая-то знакомая продать матрешек. И он пришел с этими матрешками... В итоге он так и не дождался.

Мы просидели, проболтали с ним довольно долго, час-полтора... Мы только что были из Ленинграда недавно, а он там уже давно жил у Дэвида Бирна из "Talking Heads" или еще где-то... Цой нам рассказывал, какой Бирн хороший парень. Ездит на велосипеде, то есть все эти представления о миллионерах и лимузинах – ерунда, и этого нет совершенно. Помню, они готовились снимать фильм. Вот это, по-моему, важный момент, который мог бы быть, но не случился. Они должны были снимать фильм... Типа версию «Иглы». Недалекое будущее, молодежные банды, общение ведется на сленге, на русской версии английского языка, как в «Заводном апельсине». Положительного героя играть должен был Цой, а отрицательного чуть ли не сам Бирн, так сказать, в роли Мамонова... Я вот думаю, что если бы это случилось, то отношения между странами и культурами были бы чуть-чуть другими, потому что если бы это был хороший фильм, то произошло бы проникновение культур, произошло бы мощное узнавание, сразу бы люди узнавали друг друга...

Какую роль во всем этом сыграл Соловьев, я не знаю, но на нашу первую выставку он притащился с Ричардом Гиром, я помню. Я толком не знал, кто это такой (да и сейчас не знаю толком)... Просто я к тому, что вот оно и произошло – узнавание... Потом-то, конечно, уже в Нью-Йорке, я узнал, кто это такой и его творчество.

Тогда все одевались в черное. Я помню, что когда мы ехали в Новый Орлеан, то по дороге к городу, где-то в предместьях, остановились и зашли в кафе. А там сидят такие мужики в белом. А мы зашли – все в черном. И сразу видим, что-то не так. Ну, сразу никто не уходит, неловко. Подошли к стойке, что-то спросили и быстрее вышли от греха подальше... То есть этот дресс-код был очень важным и знаковым.

Потом у меня в памяти есть какие-то ситуации, связанные с годовщинами памяти Цоя... Фонтанка, 145... Какая-то годовщина. Я подхожу туда с двумя Георгиями, выходят ребята и говорят, что там все рыдают и слушают Цоя. Мы постояли, скривив физиономии, потом зашли, убрали группу «КИНО», поставили что-то веселое, и, собственно, началась нормальная вечеринка... То есть смерть – не повод лить слезы, хотя это личное дело каждого, конечно...

Вообще Цой на меня произвел впечатление интеллигентного, глубокого, умного и тонкого, остроумного человека. Я помню, мы с ним обсуждали последние новости, типа... смотрели «Бразил» Гильема. Он говорит: «Хороший фильм, но иногда дурной вкус проглядывает». В чем? – говорю. «Да вот, например, момент... там персонаж гибнет на улице... Попадает в какой-то вихрь, и его начинает облеплять газетами, и он понимает, что его нет, есть только газеты вот эти...» Цой тогда сказал, что вот это – довольно пошло... Я запомнил это тогда... Были у меня с ним еще мелкие какие-то встречи, осталось несколько фотографий где-то...

Цой был мистиком. Это весьма магическая фигура, вне всякого сомнения, естественно. На мой взгляд, он еще при жизни вошел в число таких вот малых богов русского национального пантеона. Поскольку сверху нам всегда навязывались такие мрачные бородатые личности, людоедского типа, портреты которых висели в школе, то Цой – это совсем иное было. Он стал в ряд таких людей, которые выдали идеальную версию русской культуры. Пушкин, Гагарин, Хармс, Цой вот... Они выдали версии, которые остались... Русская культура же не пошла путем Пушкина. Она пошла путем Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского... Цой выдал гармоничную российскую версию идеальную, ориентированную и направленную не на какого-то религиозного деятеля, какого-то начальника или философа. Она ориентирована на поэта. На певца. Вот Гагарин, к примеру, выдал идею выхода народа-хлебопашца к звездам, в космос. Но мы же тоже, по сути, в космос не пошли, сегодня ведь это толком никому не нужно...

При этом Цой всегда повторял, что «КИНО» – это поп-группа, что очень важно. Это его торжество же, торжество медиа, что всегда поражало леваков. Это был его путь. Путь чести. Это и есть основное, то, что сегодня утеряно. Цой вошел в пантеон таких вот светлых богов и

ориентиров и, несомненно, будет жить если не в веках, то, по крайней мере, живет сейчас... К примеру, вот как во Франции – Серж Гинзбург, которого слушают все поколения, от детей до бабушек, и все в нем что-то свое находят. Так и Цой – это гармоничная личность, которую слушает и гопник, и бизнесмен, и интеллигент, и каждый находит свое. То есть он как некий кристалл, который переливается так, при желании то с одной стороны, то с другой. В общем, это как русские народные пословицы и поговорки на различные случаи жизни.

Я могу твердо, уверенно сказать (и я люблю так говорить), что благодаря группе «КИНО» я сменил свою социальную ориентацию. Эти люди во многом повлияли на мою судьбу, за что я им бесконечно благодарен. Сегодня я по-прежнему общаюсь с музыкантами «КИНО», да. Моего сына Игната, маленького, к примеру, Каспарян учил играть на гитаре... И это здорово, очень...

Александр Флоренский

«Однажды Цой играл у меня...»

Интервью 26.01.2013 года

Однажды Цой играл у меня... Концерт происходил вечером в апреле (точной даты не помнит никто) 1985 года в нашей с Олей мастерской в Кузнечном переулке, 19. Пили болгарское красное вино. Цой забыл дома медиатор и ловко вырезал новый из пластиковой пробки от портвейна, найденной в мусоре.

Присутствовали: Виктор Цой, Марьяна Цой (тогда заметно беременная), Александр Флоренский, Ольга Флоренская, Владимир Шинкарев, Дмитрий Шагин, Виктор Тихомиров, Игорь Чурилов (художники только что образовавшейся тогда группы «митьки»), Елена Чурилова, Леша Шинкарев, Инга Новикова, Вася Антонов, Вадик Маркин. Это был далеко не единственный случай, когда Цой пел у меня в мастерской. Но этот концерт отличался от прочих: во-первых, он был запланирован аж недели за две, что для «митьков» 1985 года было крайне нехарактерно: во-вторых, он был записан! Запись производилась с помощью принесенного Игорем Чуриловым переносного кассетного магнитофона «Электроника-стерео» (помню, я с уважением прочел надпись на магнитофоне: «Встроенный электретный микрофон»). Единственной нашедшейся кассетой «МК-60» отечественного производства ограничилось время записи (Витька под конец разошелся и спел пару-тройку вещей, когда записывать было больше некуда). Где-то была фотка той самой кассеты «МК-60» качественная, но ее непросто будет найти... Она у меня участвовала в дизайне диска. Замусленная такая, с надписью фломастером «ЦОЙ». Она у меня без копии несколько лет крутилась, никто ж за особую ценность не считал это... А сегодня не представляю даже, где ее искать...

Уходя, гости по традиции оставляли автографы на стене в прихожей. Цой тоже взял фломастер и написал: «ЛУЧШЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЕНЬШЕ»...

Вообще мы с Цоем тогда довольно часто общались. Хорошо помню, например, специальные джинсы для беременных – их кто-то привез из-за границы жене Бори Гребенщикова Люде, та, родив Глеба, передала Марьяше Цой, а Марьяша, родив Сашу, – Оле, чтобы та рожала Катю. Саша был старше Кати на полгода, и поэтому я все время ездил к Цою забирать какие-то детские вещи, из которых Саша вырастал. Считалось, что это делается из экономии, потому что мы все жили небогато. В этой связи вспоминаю такой эпизод: Марьяна с Витей предлагают мне приехать и забрать какой-то стульчик для младенца. Новый стульчик стоит в магазине 4 рубля и, конечно же, не по карману молодым художникам. Я приезжаю к ним на проспект Ветеранов, купив портвейна на 10 рублей, и, загуляв, глубокой ночью еду домой на такси за 5 рублей, гордясь так удачно добытым стульчиком...

До 1990 года я не считал записанную тогда кассету особой ценностью и употреблял ее по прямому назначению, слушая в мастерской на разных, порой недоброкачественных магнитофонах. В 1990 году сдублировал ее и слушал уже копию, и только 18 февраля 1997 года, встретив Марьяну, догадался предложить оригинал в ее распоряжение. Между прочим, выяснилось, что я сохранил для человечества две редкие песни – «Молодой пастушок» и «Румба». Все помнят, что Витя их пел, а вот записей не осталось. Кроме моей!

Дальше события развивались печально – московский человек, которому Марьяна отдала кассету на оцифровку, умер, и оригинальная кассета пропала. Через несколько лет умерла и Марьяна. К счастью, я не потерял копию.

В конце 2012 года поклонник творчества Виктора Цоя, Виталий Калгин, связался со мной, обрадовался, что запись сохранилась, и сказал, что он и Саша Цой заинтересованы в выходе такого диска. Ну что же, «ЛУЧШЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЕНЬШЕ»!

Я даже написал заметку для вкладки в компакт-диск, который должен был появиться... Кроме этого, я делал дизайн для обложки самого диска – использовал там картинки, которые нарисовал в 1985 году для «будущих пластинок Цоя», когда никто из нас, конечно, не верил, что такие пластинки могут быть когда-нибудь официально изданы... Надеюсь, что диск когда-нибудь появится...

Дмитрий Мишенин

Интервью 09.04.2012 года

1. Начнем с основного. Как, где и когда ты познакомился с Георгием Гурьяновым, Наташей Разлоговой и «КИНО»?

С группой «КИНО», как и все мои ровесники, я познакомился в школе. Я никогда не был их поклонником. Мне нравились «Зоопарк» и Майк Науменко. Но когда я услышал альбом «Группа крови» – он произвел на меня сильное впечатление. Особенно саунд. Он оказался моднее и современнее всех. Включая нашумевший тогда винил «Энергия» «Алисы». Так в 1987 году я открыл для себя «КИНО». С Георгием Гурьяновым я живу в одном городе, и мы оба художники. Так что рано или поздно могли повстречаться на выставках или вечеринках. В 1999 году я запустил в России вместе с финским рекламным агентством проект бесплатных открыток, которые распространялись в ресторанах и клубах, и решил напечатать наряду с рекламой и чистый арт. Кроме "Doping-pong" в Санкт-Петербурге тогда из интересного была только «Новая академия», о которой печатал тогда мои материалы журнал «Птюч». Я пришел к Тимуру Новикову и получил от него благословение на новое и благое дело, а заодно и контакты всех новых академиков. Я выпустил на открытках многотысячными тиражами Ольгу Тобрултс, Егора Острова и Георгия Гурьянова. В тот момент мы и познакомились уже лично. Когда я приехал к нему в мастерскую на Сенной площади за слайдами, Георгий мне сразу понравился. Его стиль в одежде, куча виниловых пластинок, книжки Ярослава Могутина, подписанные кровью и спермой, вечный ремонт в квартире и агрессивная манера общаться с внешним миром оказались мне близки. Я сказал, что рад тому, что в этом городе есть еще один настоящий художник. Георгий оценил эту похвалу из моих уст. Поэтому, наверное, мы и подружались. С Наташей Разлоговой меня познакомила моя поклонница и ее воспитанница Магдалена Кроули. Наташа пригласила меня в Москву в 2008 году быть креативным директором одного крупного издательского дома, после того как прочла мой текст «Порнография – орудие революционера». Самое забавное, что ни ее, ни Георгия я никак не связывал и не ассоциировал с группой «КИНО» и Виктором Цоем. Просто никогда не думал на эту тему, и все. Они всегда были для меня отдельные и самостоятельные личности. И я не знал долго, что они вообще знакомы. Потом случайно в разговоре все это выяснилось, и я связал их заново спустя 20 лет. Наверное, такая история возможна только с реальным нефанатом группы «КИНО».

2. Известно, что Наташа Разлогова посоветовала Нугманову использовать эстетику "Doping-pong" в фильме и настояла на этом. Рашид был против? Или же в планах изначально было нечто иное?

Изначально Наташа и Магдалена взяли меня на встречу с Рашидом в ресторан. Там мы просто сидели, обедали и болтали о его разных кинопроектах. Они хотели, чтобы я в них поучаствовал. Какой из них должен был выстрелить, никто не знал. Мы первоначально стали общаться как друзья, все происходило неспешно, и спустя год, к тому моменту, когда в производство была запущена «Игла Remix», уже как-то само собой "Doping-pong" пригласили для участия в проекте. Рашид со времен Виктора внимательно прислушивается к рекомендациям Наташи. А Наташа рекомендовала "Doping-pong" как нечто из ряда вон выходящее, чем это и является.

3. Как ты вообще отнесся к идее о съемке «Иглы Remix»? Сразу привлекла идея подобного фильма? По словам музыкантов «КИНО», сам фильм изначально дерьмовый («Игла») и они взялись за работу над ним только затем, чтобы качественно выпустить на диске единственную до сих пор не изданную инструментальную работу группы «КИНО». Твое мнение о первой «Игле» и о второй? Считаешь ли ты, что фильм удался, получил своего зрителя, или же считаешь, что что-то можно было бы сделать иначе? Считаешь ли ты, что в фильме достаточное количество графики "Doping-pong", или можно было бы многое добавить и режиссер просто поступил по-своему? Насколько известно, Наташа Разлогова хотела видеть там намного больше графических изображений, и вообще...

Сначала я не понимал идеи «Иглы Remix» в кино. Рашид потратил не один месяц, чтобы объяснить мне свою идею авторской переработки своего оригинального фильма. И в какой-то момент я понял, что мне интересен этот киноэксперимент. Я считаю первую картину «Игла» талантливым арт-хаусом, который стал блокбастером из-за бума на советский рок и эпоху перестройки. «Игла» прозвучала благодаря своему времени. Выйди она раньше или позже, то исчезла бы без следа, как «Йя-Хха!» и «Дикий восток» – другие не менее талантливые работы Нугманова. В этом плане «Ремикс» тоже на 100 % дитя своего времени – апатии конца нулевого десятилетия. Эпохи, когда нет больше героев, нет никакой культуры, нет в принципе кино. Есть только YouTube и приколы. Цифровой арт, спасающий от невыносимой скуки бытия. Вот и получился киноприкол, место которому на YouTube. Но он вышел на большой экран, его показали по Первому каналу, и все ожидали блокбастера, а получили в этот раз настоящий арт-хаус. Все встало на свои места. В плане чистоты эксперимента я доволен результатом. Но в плане содержания – конечно, нет. Графики "Doping-pong" должно было быть действительно больше. Надо было делать радикальный ремикс. Делать стереоверсию. Мы обсуждали это задолго до перевода в 3D «Звездных войн». Но дальше обсуждений дело не пошло. Качество досъемок оказалось ужасным. Новые куски, в отличие от нашей графики, встали в олд-скул фильм искусственно и нарочито. Обработка нового материала была некачественной. Даже с графикой плохо справились в плане монтажа.

Претензии мои чисто технические. Непрофессиональный постпродакшн сделал из экспериментального фильма кинотрэш. Что, впрочем, меня не пугает и даже веселит отчасти.

4. Известно, что Рашиду Нугманову именно ты и Георгий Гурьянов посоветовали привлечь к работе над фильмом «Игла Remix» Игоря Вдовина. А как в работу над фильмом попал Олег Гитаркин? Впоследствии Георгий Гурьянов был недоволен тем, что, кроме Вдовина, были привлечены Гитаркин и Бутусов, которые, по его мнению, совсем были ни при чем. С чем связано? Писали, что с песней полу-

чился небольшой казус: по желанию алма-атинского спонсора фильма (являющегося по совместительству одним из спонсоров группы «Ю-Питер») исполнение ее было доверено бывшему лидеру группы «Наутилус Помпилиус», а ныне лидеру группы «Ю-Питер» Вячеславу Бутусову. Это обоснованно вызвало некое недоумение и недовольство у музыкантов «КИНО», что не замедлило сказаться на личных отношениях музыкантов и режиссера...

Когда зашла речь о том, чтобы привлекать к новой версии фильма новых авторов, я сразу предложил своих друзей – Олега Гитаркина и Игоря Вдовина, с которыми мы уже работали вместе над театром-цирком «Кракатук». Потом меня поддержал в кандидатуре Игоря Вдовина Георгий Гурьянов. Так мы и разделили в фильме – группа «КИНО» работает с Вдовиным, а комиксы "Doping-pong" озвучивает Гитаркин. Появление Бутусова было лишним и неоправданным и вызвало отторжение как у меня, так и у Гурьянова с Наташей Разлоговой. Моя идея как арт-директора фильма была записать новую песню – самой группой «КИНО» в полном составе, а на вокал поставить Игоря Вдовина, который не пел со времен «Ленинграда». К сожалению, Рашид не поддержал этот музыкальный эксперимент и пошел более простым путем, взяв Бутусова. Но он не в формате хулиганского жанра «Иглы Remix». И я считаю это решение большой ошибкой. Хотя сама песня сделана профессионально и поставлена Рашидом в правильное место. Но можно было лучше. Я всегда говорю именно об этом. Надо лучше. Иначе ничего хорошего не получится.

5. Твое отношение к Цою в то время и ныне? Что-то изменилось? согласишься ли ты с утверждением, что Цой жив и по-прежнему снимается в кино?

Когда "Doping-pong" делали свои комиксы с Виктором Цоем, мы утверждали их у его любимой девушки и старались, чтобы они ей понравились. Отношение было ко всему с любовью. Не к музыке, группе или кино, а к самому человеку. Благодаря этому нам удалось невозможное – рисунки могут спокойно существовать как в олд-скул «Игле», так и «Игле Remix». Наверное, потому, что в них Цой действительно живой. Кстати, комиксы нарисованы на аутентичных советских газетах 1987 года, и сквозь рисунки проглядывают заголовки старых статей. Время кричит и разговаривает с нами благодаря этому приему. После премьеры фильма мы сделали камерную выставку всей графики в Музее Фрейда, отделив ее от «Иглы Remix» и дав придуманное Наташей Разлоговой название Memento Mogo.

6. Какие моменты на съемках фильма тебе запомнились больше всего? Курьезы, приколы, нечто серьезное или мистическое?

Самым интересным лично для меня были собственные съемки с Сашей Башировым. Играть впервые в кино и сразу с таким классным и веселым парнем – это одно удовольствие. Я считаю, что мы сыграли кошмарно и отвратительно. Но именно эти грубые вставки с нами наглядно иллюстрируют полную деградацию героев нашего времени. Результат налицо. Как законченный деградант и декадант, я вижу, что все кадры с нами за пределами добра и зла. Это достойно худших лент Эда Вуда и Роджера Кормена. Мне даже стало интересно посмотреть целый кинокомикс про похождения клоунов-мошенников. Но при чем тут фильм «Игла» с Цоем, мне не ясно.

7. Каким образом в фильм попала Магдалена? Чья была идея привлечь ее к фильму? Кто впервые назвал ее талисманом фильма?

Так ее назвал Рашид на ОРТ в передаче «Закрытый показ» Гордона, куда мы вместе пришли. А идея снять ее в фильме была Наташи. Магдалена была всю дорогу координатором проекта. Ведь с нее все началось, и она свела меня с Наташей и Рашидом. Потом она блестяще озвучила сестру Моро, именно ее голос разговаривает с Виктором Цоем сквозь года. То, что

девочка 1990 года рождения попала в титры этого фильма, символично. А Магду в роли живой куклы мы снимали в последний момент уже не на «Мосфильме», а прямо в квартире у Рашида, в Даевом переулке, в котором они жили с Муратом и которую мы называли Нех...вый Хаус. И я считаю этот секундный фрагмент с ней, как и минутное появление Светланы Зомбиреллы в клетке, двумя главными украшениями «Иглы Remix». Лучше бы вместо меня и Баширова снимали бы приключения блондинки в костюме кролика и брюнетки с бас-гитарой наперевес. По-моему, было бы точно красивей.

8. Как ты оцениваешь свою роль в создании фильма? Арт-директор такого фильма – это очень и очень ответственная роль.

Я считаю, что мы все – Наташа Разлогова, Георгий Гурьянов, Олег Гитаркин, Игорь Вдовин и остальные участники этого проекта – помогали Рашиду сделать то, что он хотел. Нугманов в этой истории главный. Он повар. Наше дело было дать ему все ингредиенты, а он сварил свой суп. У нас всех разное отношение к тому, что получилось. Кто-то доволен. Кто-то разочарован. Я не удовлетворен результатом абсолютно. Но когда я вижу рисунки "Doping-pong" в HD на большом экране, Георгия, который диджит в чашке кофе Цоя, слышу "Messer Chups" в долби стерео на финальных титрах, то понимаю, что в современном российском кино нет ни одного фильма, где я могу увидеть все эти модные и актуальные вещи. А это значит, что даже только ради этого данный арт-эксперимент имеет право на существование.

9. Дим, вот еще созрел вопрос... Была идея установить памятник Цою в Элисте, и ты представил проект. По плану огонек зажигалки должен был гореть у Цоя в руках и каждый мог бы прикурить у Цоя. А какова была идея этого памятника в реале? Этим проведена параллель, что в песнях Цоя столько огня и энергии, что ее хватает зацепить людей даже сегодня, или нечто иное?

Однажды, в году 2009-м, мы пришли с Рашидом Нугмановым на какую-то встречу в Санкт-Петербурге в публичное учреждение, где шли обсуждения представителей очередного фонда с чиновниками из мэрии об установке памятника Виктору Цою. Во время работы над фильмом «Игла Remix» я часто оказывался на всякого рода странных мероприятиях, куда приглашали нас как «киноведов». Я послушал о неинтересных проектах и предложениях и предложил вслух свой вариант памятника Виктору по мотивам несостоявшегося фильма Рашида Нугманова по сценарию отца киберпанка Уильяма Гибсона «Цитадель Смерти». Недолго думая, я нафантазировал отличный памятник Виктору: он с лазерным мечом сражается с роботом-пауком на верхушке Александрийского столпа. Настоящий поп-арт. Смотрю на реакцию. Люди за столом смотрят на меня притихшие, не понимая вообще, о чем я говорю.

А я продолжаю: «...И японские туристы будут заходить на Дворцовую площадь, поднимать глаза ввысь, открывать рты от удивления и щелкать своими фотоаппаратами Виктора, который, держась одной рукой за ангела с крестом, другой поражает, как на иконе Георгий Победоносец, ужасного киберпаука, заползшего по столпу на самый верх».

Грандиозный синтез гиперреалистического пластика и классического камня. Я считаю, что делать обычные памятники необычным людям – это оскорбительно. Надо уважать их память. Поэтому, когда ко мне обратились за проектом памятника Цою в Элисте от Кирсана Илюмжинова, я предложил бронзовую фигуру Моро из знаменитых последних кадров фильма «Игла». Виктор прикуривает сигарету, и в его руках горит вечный огонь зажигалки. Никаких постаментов. Городская скульптура в человеческий рост прямо на главной площади среди прохожих людей. Чтобы любой мог его обнять и по-дружески прикурить у Виктора. Был сделан проект, но меня не удовлетворило исполнение тестового варианта и ограничение по эксплуатации вечного огня, и я заморозил проект до лучших времен и места. А на компромисс в данном случае я идти не готов: или как я хочу, или никак. Ведь этот памятник – мое кино...

Ирина Сокол

«Наши умы, способности, таланты, трудолюбие и упорство были подчинены одной общей задаче. Чтобы все поклонники группы "КИНО" смогли услышать "Атамана"...»

Интервью 28.11.2012 года

Даже теперь, спустя какое-то время после съемок фильма «Цой-КИНО», меня не покидает особое ощущение... Ощущение того, что я прикоснулась к чему-то особенному, экзистенциальному и штучному. Мурашки по коже по-прежнему пробегают на первых аккордах «Атамана»... Для себя я это назвала «синдромом причастности», и никогда ранее, как и никогда потом, я не ощущала подобного при работе над фильмом. Работать в качестве шеф-редактора фильма мне предложила Наталия Разлогова, мотивировав это тем, что «я не нарушу атмосферу "КИНО"». Смысл ее слов я поняла позже, когда познакомилась со всеми участниками процесса – членами группы, сыном Виктора Александром (который не только снялся в фильме, но и был его арт-директором и композитором) и режиссером-постановщиком картины Евгением Лисовским, сыном Наталии. За вычетом технического персонала все участники процесса оказались «свои»...

Еще до съемок мы договорились о том, что, когда фильм выйдет в эфир, мы не станем его ни с кем обсуждать: ни со СМИ, ни с друзьями, ни с коллегами... Именно эту мысль Наталия сформулировала в эпиграфе к ленте: «Мы никогда и ни с кем его не обсуждали, не станем делать этого и сейчас...» И действительно, все собрались с одной лишь целью – чтобы те, кому Виктор Цой был близок и дорог, смогли услышать его песню «Атаман» в исполнении группы «КИНО». Этот эпиграф родился в самом конце постпродакшена, мы сомневались в его целесообразности, но потом все же решили заявить авторскую позицию: дело в том, что изначально предполагалось сделать фильм без закадровых комментариев, но в процессе монтажа стало очевидно, что они необходимы...

В процессе работы над фильмом заново встретились и вновь оказались рядом люди, которые были когда-то одной семьей, – Саша Цой, сын Виктора Цоя, и Женя Лисовский, сын Наталии Разлоговой. Последний раз они виделись мальчишками и так трогательно хихикали, когда обнаружили себя – Саша пятилетним, а Женя одиннадцатилетним – на кадрах домашнего видео, снятого на любительскую камеру. На даче в Прибалтике Юрий Каспарян, который тогда увлекался восточными единоборствами, демонстрировал мальчишкам спортивные приемы, а Цой снимал. И если ребята с той поры изрядно подросли, то Каспарян с годами не изменился ни капельки – та же сдержанность, сталь в голосе, спокойствие, уверенность и неспешность... Я помню, что все время ловила себя на мысли, что мы не просто делаем фильм о «КИНО», мы фактически становимся участниками, свидетелями истории, ведь ни один из «киношников» после гибели Виктора не давал интервью на эту тему... Все они хранили молчание, поскольку совершенно невозможно передать и описать их отношения и их музыку, они были не просто семьей – эти люди, без преувеличения, были родственными душами, бандой...

На старых кадрах хроники мы видели их всех – Виктора Цоя, Юрия Каспаряна, Георгия Гурьянова и Игоря Тихомирова – в самом начале истории группы «КИНО», когда эти молодые парни были еще вне истории: они писали свою музыку, исполняли ее и делали это совсем не ради чего-то и кого-то, а для себя, искренне наслаждаясь процессом и свободой. Именно свобода была бы основным словом, которое я бы произнесла в описании «КИНО».

Идея сделать фильм к юбилею Виктора принадлежала Наталии Разлоговой и Константину Эрнсту – они знакомы много лет и оба трепетно относятся к наследию «КИНО». Эрнст дал съемочной группе абсолютный карт-бланш. Кстати, я была свидетелем того, что генеральный

директор Первого канала увидел фильм за три часа до эфира, когда уже ничего невозможно было бы поправить. Ни один из нас, отправляющихся тогда в Питер, точно не представлял себе, как все будет выглядеть по факту... Ведь жизнь развела героев фильма, и теперь предстояло восстановить затерянный мир «КИНО», а для этого нужно было заново познакомиться и найти общий язык. Большую роль в успехе картины сыграл режиссер фильма Евгений Лисовский. Увидев клуб Саши Цоя, он тут же оценил его эстетику и решил, какой будет основная, генеральная линия «рассказчика». Это он придумал снять ленту в форме диалога Цоя-младшего и Наталии, которая делится с ним своими воспоминаниями, открывая ему многое о его отце... Клуб будто бы был создан специально для такого разговора... И разговор в нем был настоящим, без дублей и подготовок. То был первый съемочный день, и, помню, все нервничали жутко, кроме Наташи и Саши, которые как-то странно привычно и как ни в чем не бывало углубились в свою беседу и будто даже не замечали трех камер, кучи осветительных приборов и снующих туда-сюда за их спинами ассистентов и редакторов...

Вымотались тогда все просто жутко, а мы с Наталией в промежутке между съемками еще поехали в питерское кафе «Дом Быта» – встретиться с Георгием Гурьяновым и поговорить с ним без камер. Как он эффектно вошел! Его появление было словно мощный взрыв какого-то неизвестного человечеству снаряда, такого яркого, необычного, но при этом странно гармоничного и не ослепляющего... Этот энерголуч невозможно было пропустить даже скучающему постороннему посетителю – красивый до безумия, с огромными голубыми глазами, с гордой прямой спиной, холеный и стильный, безумно обаятельный, в то же время скромный и какой-то трогательный... Его худоба еще сильнее подчеркивала присущую Георгию инопланетность... Они с Наташей обнялись как старые друзья и заказали по острому-острому том-яму, при этом щедро добавляя в суп соус табаско... Чуть позже я обратила внимание, что точно так же ест этот свой любимый суп и Саша Цой...

Вторым человеком, впечатлившим меня едва ли не больше, чем Гурьянов, стала мама Марьяны Цой, Инна Николаевна. Господи, думала я на протяжении трех часовых съемок у нее дома, дай здоровья и долголетия этой светлой, умной, обаятельной, потрясающей женщине! Нехорошо подчеркивать возраст дамы, но Марьяшиной маме, на секундочку, 88 лет! И она вспоминала такие подробности, так артистично и юморно рассказывала о рок-н-рольных временах, так живо шутила... Ее потом было сложно монтировать – очень непросто было выбрать самые яркие фрагменты ее интервью – все ее синхроны хотелось показать зрителю... Инна Николаевна, так мне тогда показалось, не просто наблюдала за процессом становления и развития «КИНО», она была участником этого процесса... И Виктору она была очень близка, но ни в коем случае даже и не упомянула об этом... Все было и так очевидно...

С «киношниками» не просто было работать. Каждый из них – человек с характером, не привыкший давать интервью и не любящий «съемки на камеру и всю эту показуху». Нам приходилось часто напоминать им, что все, что они делают, они делают ради юбилея Цоя и «Атамана». Поймите правильно, они не были капризными, отнюдь, просто это совершенно особенные люди, сейчас таких больше нет, и сравнить их мне не с кем... Никогда за всю свою более чем десятилетнюю практику работы журналистом я таких не встречала. Особенности – вот, пожалуй, то слово, которым я описала бы их. Как только они, вместе с Наташей и Сашей, уселись за стол на берегу Невы, где мы записывали первое интервью, стало очевидно, что эти люди – родственные души: они понимали шутки друг друга с полуслова, перебивали друг друга и при этом не теряли линии повествования, переглядывались одним им понятными взглядами и смеялись над одним и тем же. Эта общность – энергетическая и, если угодно, душевная – сразу же бросалась в глаза тем, кто просто наблюдал за ними. Как интервьюируемых, их не нужно было даже направлять, задавать вопросы – это все было лишним, мы, по сути, просто включили камеры и оказались вовлечены в их воспоминания. «Киношники» никогда не давали интервью о Викторе, не давали они его и сейчас, они просто позволили нам поснимать их раз-

говоры, поприсутствовать в своей реальности. Самое забавное заключалось в том, что никто из «киношников» не мог вспомнить, как и откуда взялась песня «Атаман»! Мнений было много: расхожую версию о том, что эту песню забраковали из-за схожести с творчеством «Алисы», они отвергли. Так или иначе, но точно вспомнить и рассказать о происхождении «Атамана» не смог никто...

...В день записи клипа мы долго не могли приступить к съемкам. Несколько часов выставляли свет и камеры. Записывали «Атамана» всего минут 20 – три или четыре дубля, но подготовка была изматывающей. Я очень переживала, чтобы герои «не перегорели», знаете, когда вся энергия выходит еще на этапе подготовки и человек просто сдувается на включенной камере. Георгий Гурьянов, мне казалось, нервничал... Профессионален и точен Тихомиров... Как всегда спокоен Каспарян... Саша Цой за стеклом наблюдает за происходящим... Я уселась на пол в углу студии и сидела там без наушников – настолько мне хотелось поймать эту атмосферу. И парни отыграли безупречно!.. В их же инженерке на стене мы обнаружили расписание записей в студии, где в датах 10–11 мая значилось «КИНО»... Это стало одним из первых кадров фильма... Мы сблизилась во время съемок. Никогда не скажу «подружились», нет, но «киношники» перестали с недоверием и подозрительностью взирать на наши многочисленные кофры с аппаратурой, ослепляющий свет софитов, пропало опасение в их глазах. В какой-то из вечеров после съемок мы пошли на ужин в ресторан, не вспомню названия, на Конюшенной площади, известный такой в Питере ресторан. Его гости узнали участников нашей компании, включая Сашу Цоя, и менеджер в конце ужина подарила всем по скидочной карте. Она раздавала конверты, произнося вслух фамилии: «Каспарян, Гурьянов, Тихомиров... Цой...» Георгий сидел рядом со мной, и, наверное, только я услышала такой глубооокий вздох. Он тихо произнес: «Никогда не думал, что еще когда-то это услышу...» – и тут же улыбнулся своей неповторимой улыбкой!

Мне жутко интересно было познакомиться с Сашей Цоем – он представлялся мне совершенно иным. Надменным, что ли, гордым... Ведь по сути он – единственный наследник и имени и творчества отца, мальчик, к которому с самого детства приковано внимание и журналистов, и фанатов. Но этот красивый, высокий, худой и молчаливый парень оказался безмерно обаятельным и душевным, открытым с близкими людьми, нежным с Леной – его супругой, и точно так же, если не больше, увлекшийся идеей создания фильма, как и все мы. Во время съемок Саша впервые увидел Гурьянова, и этот знаковый момент нам удалось включить в фильм. Я даже не знаю, кто из них волновался больше: их рукопожатие было историческим...

Монтаж фильма шел ускоренными темпами, мы совсем выбивались из сроков – много было чисто технических сложностей: навороченная графика, архивы, которые никто никогда не видел; многочасовые исходники Джоанны Стингрей, которые Саша раздобыл для фильма, домашнее видео, фотографии... Саша, как арт-директор картины, сам создавал графическое оформление, и даже музыкальное сопровождение к фильму мы писали отдельно – в студии музыканты на разных инструментах наигрывали мелодии «КИНО»... По телевизионным меркам времени у нас было катастрофически мало... Узнав о том, что дату эфира подняли по сетке на день раньше, наш монтажер Саша Архипов тихо сказал: «Это невозможно, фильм не выйдет в эфир»... И тогда все просто переехали в монтажку... Запаслись энергетиками, печеньем, кофе... Наталия облюбовала себе диванчик в монтажной, а Женя с Сашей и вовсе четыре дня не выходили из Телецентра! В какой-то момент мне стало просто страшно за их здоровье... За день до выхода фильма в эфир руководство попросило продемонстрировать черновой вариант картины музыкальному критику газеты «Коммерсантъ». Тогда я не без удовольствия протестировала наше творение на первом и небеспристрастном зрителе с хорошим, надо сказать, музыкальным вкусом, то опытом точно... И это было как в том анекдоте – «наблюдение за наблюдающим в два раза дороже»: удовольствие я получила огромное! «Как вам это удалось???» – первое и единственное, что я услышала от него на титрах...

...И знаете, я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос... Наверное, сработало то самое, экзистенциальное... Наши умы, способности, таланты, трудолюбие и упорство были подчинены одной общей задаче... Чтобы все поклонники группы «КИНО» смогли услышать «Атамана»... И главное – парни из группы «КИНО» прониклись этой идеей! Это они, по сути, сделали невозможное, это им удалось вернуть Цоя в его исторический контекст – и фильм стал отличным подарком Виктору ко дню его рождения!

Письма (из почты Виктора Цоя)

Как известно, группа «КИНО» получала много писем от поклонников. Куда они присылались? Читал ли Виктор Цой адресованные ему письма?

Из воспоминаний **Марьяны Цой:**

«За всю жизнь Витя не выбросил ни одного письма. До последнего дня я отдавала ему всю корреспонденцию, приходящую и на мое имя, и на Рок-клуб. Витя очень дорожил этими письмами, но отвечать на них было физически невозможно. Если одному написать, другой обидится, а ведь это тысячные кипы! Хотя Витя не раз говорил мне, что приходят письма, на которые хочется ответить. Кстати, они до сих пор живы, эти письма».

Юрий Каспарян:

«Вот про письма я ничего не знаю. Их было очень много. Но куда они приходили? Ведь у Виктора не было постоянного жилья. То есть он, конечно, был где-то прописан, но... Он как-то сетовал на это, но дальше разговоров дело не шло. Виктор возил с собой целый мешок фанатских писем, каждое читал. Лично мне писем никто никогда не писал. Мне звонили. Да. Звонили домой моим родителям и говорили, вот, мол, у меня ребеночек от Юры. Мама никогда не ругалась, наоборот, говорила: "Ну что ж, давайте, привозите, посмотрим..."».

Джоанна Стингрей:

«В 1989 году мы часто летали в Ленинград по делам, Виктор в то время уже окончательно обосновался в Москве вместе с Наташей, и возвращались мы из Ленинграда с мешками, полными писем. Мы садились в конце самолета и читали их. Виктор старался читать все письма, они очень много для него значили, он понимал, что ему выпала особая миссия в жизни».

Инна Николаевна Голубева:

«Да, я собирала Вите письма, которые приходили на наш адрес. Я же с Витей еще интриговала, честно скажу. Письма Цою шли чемоданами. Телефонные звонки, поздравления с праздниками и прочее. Открытки со словами "ты стал папой", "я рожаю, в родильном доме"... И вот, значит, письма приходят, и среди них одно такое письмо. Харьковская девица пишет. Портрет такой в большом конверте, какая она красавица. И пишет: "Витя, любимый, почему получается, что ты звонишь тогда, когда меня нет дома?" И тут я поняла: ее кто-то разыгрывает, парни или подруги. Говорят ей, что звонил Виктор, и она потом себе места не находит. И это все длилось год, наверное. Я откладывала ее письма отдельно. Там про Сашу было, про Разлогову, как они все будут жить, про их любовь и сколько детей у них будет... Это все бесконечно было. А про Марьяну ничего не было. Она ее не воспринимала просто. Нет ее. Есть Разлогова, есть Саша. Не думаю, что она не знала по поводу Вити и Марьяны... Все это было обмусолено всей страной...

Витя же периодически приезжал, с Наташей они снимали квартиру, и вот он приехал, пришел к нам. К Сашке, естественно. Я говорю: "Откуда же ты теперь?" Говорит: "Из Харькова". О, я тут и начала спрашивать, расскажи, как тебе город, как тебе что... И вот Цой сказал: "Знаете, Инна Николаевна, в Харькове со мной произошла странная история". Я, как ищейка, сидела, слушала, вникала во все. "Да что было-то?" – "Ну вот, пою я, и вдруг сквозь милицию и охрану ко мне прорывается девица, непонятно как, все ахнули, и говорит мне: "Здравствуй, это я..." "Ну, ее тут же скрутили, уволокли..." И я чувствую, что на него это произвело впечатление, потому что он мне сказал дальше: "Это очень опасно". И пальчиком погрозил мне, вот так...

Ведь могла же и полоснуть чем-нибудь в припадке ревности. Все, что угодно. Толпа, которая его охраняла, растерялась совершенно, не была готова, челюсти у всех отвисли.

Часто писали из Средней Азии: "Пришлите Витину одежду. Мы хотим поминальный обряд совершить..." Кому чего, в общем. Марьяне писали: "Отдай Сашу, тебе он не нужен. Вити нет, а тебе он не нужен. Нужен нам, мы воспитаем". <...>

Одна девчонка приходила к нам домой, расцарапала Марьяне лицо... Сашка вызвал милицию, ее забрали в кутузку, потом звонят, спрашивают: "Что будете делать? Дело возбуждаем?" И Марьяна ее пожалела. Она писала потом еще, эта девчонка, корявым почерком... После смерти Виктора целый мешок писем я отдала Валентине Васильевне, а она его отдала потом Свете Власовой».

Письма письмами, но Цой к 1989 году начал замечать свою бешеную популярность. Как вспоминал Рашид Нугманов, Виктор сам ему сказал однажды: «Все меньше хожу по улицам. Представь, подскочит какой-нибудь сумасшедший и даст тебе дубиной по голове...

Георгий Гурьянов:

«Да. Цою письма писали тоннами. И мне писали очень много. Цой был очень деликатен с аудиторией, с поклонниками, и с большим вниманием к ним относился. И меня всегда одергивал: просил не вести себя развязно перед людьми, которые тебя любят, ценят и вообще. Он был очень серьезен, глубоко все это чувствовал и не любил в отношении к этому развязности и хамства. Мне тоже много очень писали писем. Очень много девушек писали, мне даже кошмары снились, преследовали меня. Снилось, как я душу во сне навязчивых поклонниц. Потому что они не все выглядели, как Ульяна Цейтлина и Дженни Яснец».

Олег Соколов:

«Цой любил Наташу, и фанатки его не интересовали вообще! Их таскал только я... И мне порой за это в шутку выговаривали... Гурьянов же вообще себя сдержанно вел в этом плане, никакого вольнодумства. Просто было видно, что творческая личность».

Сохранилось немало писем от поклонников «КИНО», адресованных как лично Цою, так и всей группе. Письма приходили на адрес Виктора в Ленинграде, на адрес Рок-клуба. Если внимательно почитать отдельные письма, то можно понять, что на некоторые из них Виктор все-таки отвечал, высылал фотографии группы и свои автографы. Об этом он даже как-то сам говорил в одном из своих интервью... Мама Виктора, Валентина Васильевна, сохранила немало писем к ее сыну, в архиве Наташи Разлоговой тоже сохранилось довольно большое количество последней почты Цоя.

По воспоминаниям родных Виктора, письма, подобные тем, что приходили от фанатки из Харькова, разумеется, были не единственными письмами такого плана. Например, писала еще девушка из Луганска. Таких писем было много, но эти были особенно выдающиеся. Ее письма были весьма смешны по содержанию, и Цой многим зачитывал некоторые строки из них. Она писала ему из деревни, про хозяйство, и так все расписывала, что создавалось полное ощущение, что они живут вместе и он просто уехал на гастроли. Девушка описывала свою жизнь, рассказывала про соседей и так далее, в общем, писала так, как пишут близкому человеку, который в теме. Письма приходили регулярно и всегда заканчивались словами типа «ждем тебя, а то трудно тут, в огороде, без тебя».

В Уфе находится уникальный исторический документ – письмо Виктора Цоя, адресованное одной из его многочисленных поклонниц.

Виктор Цой:

«Некоторые девушки влюбляются в актеров, рок-звезд. Я этих девушек не знаю, поэтому как к ним относиться – тоже не знаю. Не скажу, что это мне очень приятно, хотя, наверное, любому мужчине такие письма безразличны».

Галина Гареева:

«Много лет тому назад одной уфимской студентке довелось пережить очень непростую жизненную ситуацию. Влюбленный в нее мальчик покончил жизнь самоубийством в одном из уфимских студенческих общежитий: он просто не пережил отчаяния оттого, что не смог защитить ее от насилия. Эту трагическую историю тогда очень быстро замяли, свидетелей трагедии отправили по домам. Но душевные раны тех, кто так или иначе соприкоснулся с этой ужасной, несправедливой смертью, оставались долгие годы. Некоторое время спустя в Уфе состоялся концерт группы "КИНО". После выступления к Виктору Цою смогла протиснуться хрупкая маленькая девочка с огромными заплаканными и полными отчаяния глазами, она протянула ему записку, в которой с юношеской непосредственностью рассказала о своем горе.

– Напишите о нем песню! – просила она своего кумира. – Ведь он так вас любил и вам верил.

В техникуме, где она училась, никто и подумать не мог о том, что однажды Виктор Цой ей ответит, но это действительно произошло. Небольшой помятый листок с быстрым размашистым почерком девочка хранила много лет, как самую дорогую свою реликвию, и не показывала посторонним людям, боясь, что те могут оскорбить лучшие чувства.

В 2012 году с большим трудом ее уговорили показать эту записку, это письмо миру – именно сейчас оно крайне необходимо всем поклонникам "КИНО". В нем – все: от забытых идеалов до представлений о жизни и любви, о том, что ради любви можно и жизнь отдать. Именно сейчас эта история бросает вызов нашему безнравственному, меркантильному обществу...

Тема молодых людей, уходящих из жизни очень рано, в самом начале, "на взлете", была очень близка Виктору Цою. Не случайно в одной из самых известных его песен – "Звезда по имени Солнце" – есть такие строчки:

Кто живет по законам иным и кому умирать молодым.
Он не помнит слова «Да» и слова «Нет».
Он не помнит ни чинов, ни имен.
И способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон.
И упасть опаленным Звездой по имени Солнце.

Возможно, известный музыкант чувствовал ответственность перед теми, кто безоговорочно верил ему и принимал каждое слово его песен как откровение и призыв к действию.

«Буду очень рад, если мои песни как-то помогут тебе», – написал Цой в ответном послании».

Чтение чужих писем считается смертным грехом, во многих письмах есть просьбы к Виктору никогда никому не показывать их, но в нашем случае это не просто личные послания, а своеобразные объяснения в любви поклонников кумиру. Во многих письмах находились рисунки, фотографии. Виктору писали тысячи людей. К сожалению, письма не всегда находили адресата. Иногда на конверте значилось: «Ленинград, группа "КИНО", Виктору Цою» или «Ленинградский Рок-клуб. Виктору Цою лично в руки». Но если даже указывался точный

адрес, это не гарантировало, что письмо найдет Виктора – он не жил по месту прописки. Быть может, часть писем, оставшаяся без ответа, и дала основание предположить, что Виктор пренебрежительно относится к словесным изъяснениям поклонников, что выкидывает письма, не распечатав конверта и не прочитав ни строчки. На деле же все обстояло по-другому. Виктор читал ВСЕ письма. Кстати, то, что сегодня можно опубликовать хотя бы малую часть почты, поступившей на имя Цоя, говорит о том, что письма эти не только читались, но и хранились.

Стилистика авторов писем сохранена, я позволил себе лишь опустить фамилии писавших, поскольку, как бы там ни было, письма все-таки вещь довольно деликатная.

* * *

«Дорогой Виктор Цой! Если бы Вы только знали, как я Вас люблю! Я знаю, что фанаты Вас уже достали, но все же решила написать. Я не прошу, чтобы Вы присылали ответ, нет, я этого недостойна. Хотя мне всего 13 лет. Но я уже успела узнать, что такое любовь. Раньше я думала, что любовь – это цветочная поляна, на которой есть только радости и счастье, но сейчас я поняла настоящий смысл этого красивого слова "Любовь". У меня есть две самые лучшие подруги, и они тоже очень Вас любят! У Нади (ей 17 лет) 16 Ваших фотографий, у Ани (ей 12 лет) – 4 фотографии, ну а у меня всего 25 фотографий и 4 значка, было 5. Я знаю что Вам сейчас 27,5 лет и что 21 июня Вам исполнится 28. Мы вдвоем будем его обязательно отмечать. 21.06. – самый лучший день в году, т. к. в этот день родился гениальный человек – Виктор Цой! Рок-группу "КИНО" я обожаю, "ДДТ", "АЛИСУ", "НОЛЬ" – уважаю, а "Ласковый май" – ненавижу.

Маша, 13 лет
7 класс
Ленинград
15.02.1990

P.S. Если Вы уважаете своих фанатов, то прочтите это письмо. Пожалуйста! Группа лучшая "КИНО". Остальное все – говно».

* * *

«Я думаю, ты не выбросишь это письмо. Уже за это тебе спасибо. Когда-то я обладала чудесным даром, я говорила с Вами посредством Вашей музыки. Я слышала то, что не слышал ни один человек на свете. Но потом... Потом все стало, как у всех. И сегодняшний день – подтверждение этому. Я пишу стихи. И вот некоторые я дарю тебе.

Где?

Город на луне – это лишь во сне.
Шляпа на гвозде, где?
Песня на струне тоже лишь во сне
Слякоть, шлак везде, где?
Я на высоте так же лишь во сне
А мой дом в огне. Где?

Я тебе не нужна только плакать к чему?
Не тебе одному – не нужна никому.

Моя слабость смешна —
Хохотавших пойму, все стерплю, все приму.
Не нужна никому.
Может, в слезах вина
Схоронюсь, как в дыму,
А там смерть обниму – не нужна никому...
Все было просто, как задумано,
Все было так, как быть должно,

А то, что я себе придумала,
Смешно, смешно, смешно, смешно...

Спасибо! Вот и все! Желаю счастья в этой жизни! 10.06.1990 г. Луганск. Марина».

* * *

«Здравствуйте, Виктор Цой! Вас я видела всего лишь два раза по телевизору. Совсем о Вас ничего не знаю. Хотела бы узнать о Вас побольше. Вы мне очень симпатичны, поэтому я решила написать Вам письмо, хотя сделать это очень сложно. Если Вы не против, то напишите мне по обратному адресу, я хочу с Вами переписываться. Я буду ждать. Приезжайте к нам на гастроли в г. Усть-Каменогорск. До свидания! Надеюсь Вас увидеть. Жанна Н. 16 лет. Усть-Каменогорск».

* * *

«Здравствуй, Витя! Я тебя люблю. Это не шутка, не розыгрыш, это правда. Витя, а почему ты носишь черное? Вообще-то, по правде сказать, мне тоже черный цвет нравится. Меня зовут Марина. Мне 15 лет. Я учусь в 9 классе. Я человек настроения, но не очень общительная, неразговорчивая, но разговор поддержать смогу. О внешности писать самой нескромно, но подруги говорят, что симпатичная, стройная. Я всерьез занимаюсь спортом, люблю готовить, домашнее хозяйство, чтоб в квартире было уютно. До свидания. Марина, г. Пермь-90».

* * *

«Привет, Виктор! Это я – Воробьева Лена, красноярка, которая пишет тебе каждый день... Сегодня вспоминала, как я ходила на твой концерт. В перерыве между песнями пошла (нет – побежала!!!) дарить тебе цветы. Я на тебя тогда так налетела! Из зала даже закричали: "Витек! Не отвлекайся!" А на другом концерте я подошла к тебе с цветами, а ты говорил что-то своим ребятам. Я стояла и ждала, когда ты меня заметишь. Ждать пришлось долго, аж в зале завожушались! Но больше всего мне запомнилось то, как на самом первом твоём концерте в нашем городе 1.12.1989 мы с подругой кричали из зала: "Цой! Выходи!", когда тебя еще не было на сцене, а "Парниковый эффект" уже закончил свое выступление. А когда ты вышел на сцену, мы закричали: "Витек! Давай!", и ты тогда улыбнулся. Мне было очень интересно: улыбнулся ты, потому что услышал нас или потому что тебе приятно, что тебя любят в Красноярске. Но когда ты начал петь, я забыла обо всем! Меня ничего не волновало! Первой ты пел "Песню без слов". Все, что ты пел, я знаю наизусть, как свои собственные песни. 4.12.1989, выйдя из зала с концерта на 18.00, я тут же купила билет на концерт в 21.00 и чуть с ума не сошла, когда на самом последнем концерте после песни "Группа крови" ты помахал нам – зри-

телям, поклонникам. Я тогда побежала дарить тебе цветы, ты посмотрел на меня и улыбнулся своей умопомрачительной улыбкой! У тебя особенная улыбка, не такая, как у всех людей. Ты был весь в помаде, ну и я еще свой след оставила у тебя на щеке... С той минуты я вижу тебя лишь на фото и во сне... Мой Цой... Цойка... Ночка (потому что всегда в черном)... Я ходила на 5 концертов, 5 раз дарила тебе цветы и 5 раз умудрилась тебя поцеловать... На всех фотографиях, которые я сама снимала и печатала, ты получился такой хорошенький. Просто котик. Фотографировала я тебя очень много. Просто во время концертов смотрела на тебя, вижу: о, какая неотразимая улыбка! Сфотографировала. О, чудесный жест! Сфотографировала. Мой друг фотографировал меня, когда я дарила тебе цветы, когда я тебя целовала. Еще есть фотография, где ты весь в помаде. Какого только цвета помады не было на твоём лице. Это предел! А знаешь, как я узнала твой адрес? В прошлом году я участвовала в рейтинге "Актер". Мне прислали твою фотографию и краткую биографию, откуда я узнала, что ты родился в 1962 году и живешь в Ленинграде. Потом я писала одновременно в два каких-то ленинградских института и просила узнать твой адрес или прислать адрес адресного бюро. И вот недавно из одного института ответили и прислали адрес бюро. И вот я, написав туда, получила ответ – твой адрес, куда и пишу сейчас! Трудно сейчас передать мое состояние! Я ведь трудилась ради этого письма целый год! И вот результат! Елена. Красноярск».

* * *

«Уважаемый Виктор Цой! Очень прошу, извините, что я отнимаю у Вас драгоценное время, но я являюсь поклонником группы "КИНО", и Вы стали моим настоящим кумиром. Мне 17 лет, живу я в Туапсе, а учусь в Ленинграде. Я мог бы написать много лестных слов в Ваш адрес, но Вы их, наверное, привыкли часто слышать, и я лишь попрошу Вас, чтобы Вы написали свой автограф, и я буду очень счастливым человеком. Но тот факт, что Вы читали мое письмо, уже очень радует меня. И последнее, если Вас заинтересует, хотя мне даже становится смешно, но все-таки я пишу песни в Вашем стиле, так что я могу прислать несколько своих работ, может, Вы их поиграете и что-нибудь получится. Но это все нереально, наверное, очень прошу Вас, пришлите свой автограф на фотографии и, если Вас не затруднит, несколько слов. Очень буду ждать от Вас весточку. Заранее благодарю Вас и прошу извинения за то, что отрываю от работы или еще от чего-нибудь. Спасибо большое за Вашу музыку, песни и за все. Ваш горячий поклонник и тезка – Витя. Желаю успехов в творчестве, создания хороших песен, счастья и всего самого-самого наилучшего! Пожалуйста, свой автограф напишите на своей фотографии. И я буду очень счастлив, если Вы возьмете на память мою. Виктор».

* * *

«Город-герой на Неве – Ленинград, улочка Рубинштейна, домик 13, Лен-рок-клуб. Цою. Цой, привет! Грядет апрель – Всемирный месяц кочегаров. С чем тебя и поздравляем. Анфиса и Сотоварищи. Столица нашей Родины город-герой Москва».

* * *

«Виктор! Поздравляю тебя с праздником – Днем Советской Армии и Военно-морского флота! Желаю крепкого здоровья, успехов во всех делах, счастья в личной жизни и всего самого-самого лучшего! Широкий путь и небо голубое, улыбки солнца, радости, любви и счастья самого большого желаю я тебе от всей души!

А. Разина. Киев, 1990».

* * *

«Виктор! Поздравляю тебя с днем Советской Армии и Военно-Морского флота. Желаю тебе счастья, здоровья. Успехов в труде и личной жизни. Моя религия – рок, молитва – рок-песня, мой идеал человека – Цой, я живу ради тебя. Н.С.О. с. Барышево. Аня».

* * *

«Дорогой Виктор Цой! Поздравляем Вас с 23 февраля. Желаем Вам всего самого наилучшего: мирного неба над головой, счастья, вечной красоты, которую Вы имеете, не болейте, не скучайте и будьте всегда в хорошем настроении. Аня, Маша, Надя».

* * *

«Виктор! Я скажу все, что думаю о тебе. Хотя я и не люблю тебя, но испытываю к тебе сильнейшую симпатию. Слушаю твои песни. Они укрепляют мою душу, воспитывают и помогают жить. Пишу тебе вот по какому поводу. Моя подруга Жанна Т. испытывает к тебе гораздо большие чувства, чем я. Она тебя любит и боготворит. Ты ей снишься. По моей подсказке она написала тебе письмо (интересно, получил ли ты его?). В нем она называет тебя на «Вы», но, по-моему, зря. Не такой же ты уж старый? Она очень надеется, что ты ей ответишь. Она уже стала думать, что твое письмо придет в солнечный день (т. к. солнце, твоя звезда). Короче – ты меня понял. Это глупо, наверное, надеяться, но она ждет ответа. Пожалуйста, ответь ей. Она понимает и ценит твои песни, слышит за несколькими фразами глубокий смысл. Молчание – золото. Это относится к тебе? Может, поэтому у тебя такой стиль, что ты мало говоришь? Мне кажется, что ты честный, спокойный, довольно благородный. Этим все сказано. Ты добился довольно стабильной популярности. Однако бурный успех тебя не балует. Кстати, а почему группа называется "КИНО"? Ты стал для меня идеалом, почти Богом. Я не люблю тебя до одури, как Томка (опять-таки не бурный успех, а стабильная популярность). Но ведь Бога необязательно любить, правда? Ты будешь помогать мне выстоять в этой трудной жизни, сам того не зная. Без идеала я не смогу жить. Будь моим Богом! Если будет несколько свободных минут. Не ленись ответить на вопросы. Помни, что от того, ответишь ты мне или нет, в какой-то мере зависит моя будущая судьба. Не дай мне разочароваться в жизни! Люблю твои песни... Но не знаю: правильно ли я их понимаю? Что ты хочешь сказать, например, словами: «сесть на электрический стул или трон»? Я вижу у этой фразы 2 значения:

- 1) Сесть на электрический стул или электрический трон – то есть все равно, куда садиться, так и так один конец – смерть.
- 2) Сесть на электрический стул или трон – в буквальном смысле – умереть или вознестись.

Пой поконкретнее, пожалуйста. Буду ждать ответа! Да, вот еще что, чуть не забыла. Что мне выбрать символом веры? Не крест, правда же? Маргарита. Боровск».

* * *

«Здравствуйте, Виктор! Поздравляю Вас с днем Советской Армии. Желаю Вам успехов в музыке. Будьте всегда жизнерадостным и счастливым. Вы очень красивый человек. Красивыми я называю людей, у которых красивое лицо и внутренний мир, а о Вашем внутреннем мире я сужу по песням. Сколько живу, еще не видела красивых людей, кроме Вас. Говорят, что Вы

замкнутый, недоверчивый. Я Вас не знаю, поэтому не знаю, какой Вы, но люблю. Да, не знаю, но люблю. Ваша Наташа. Саратовская обл. г. Балаково».

* * *

«Здравствуй, Витя! Мы тебе писали одно письмо, теперь пишем второе. Это уже известные тебе (если ты читал первое письмо) Света с Наташей. Поскольку у нас только твой адрес, нам писать некому, хотя мы очень любим как "КИНО", так и многие другие группы Лен. Рок. Клуба.

17 февраля мы приезжали на могилу Саши Башлачева, а заодно и заехали к тебе, но в квартиру позвонить побоялись (вдруг выкинешь, все-таки мы не знакомы). Но, может быть, в следующий раз (это будет 1 мая) наберемся смелости (наглости) и все-таки позвоним в твою квартиру. Поскольку в Твери дикая скука, в свободное время заняться нечем, мы стараемся как можно чаще приезжать в Питер на тусовки – хоть какое-то развлечение. С нетерпением ждем твоих новых песен. Извини за такие сумбурные записки в конверте. Не ответишь, ну и пусть – напишем в третий раз. Привет Юре, Игорю и Густаву. 28.02.90. Света, Наташа. Калинин».

* * *

«Привет, Витя! С днем рождения тебя! Хоть и с запозданием. Надо было тебе раньше приезжать. Творческих успехов тебе и всего-всего! Молодец, хороший последний диск записал. Спасибо тебе и твоим мальчикам. Привет от новых хиппи – маленькая пока организация по спасению: а) человека от самого себя; б) мира от этого человека с помощью музыки. Философия загнивает, не доходит до людей добро. Правильно делаешь, что двигаешь ее. Не удивляйся, если не увидишь на стадионе девчонку в хиппозном снаряжении – это не обязательно. Главное – действие. И если ты захочешь покопаться и поискать единомышленников или группу, с которой неплохо посотрудничать, – можешь, если хочешь, поиграть с нами (не обязательно один). Понимаешь, нам нужны люди, с которыми можно посоветоваться, как лучше, что стоит свеч, а что – нет. Да и обмен опытом неплохая вещь. Мы плюнули на продюсеров – они всегда нас втискивали в рамки (так бы мы наверняка вышли), за нас многие брались, причем не требуя денег. Но мы хотим свободы, не жить под гнетом, да еще и под творческим. Записали 2 диска, я сейчас пишу рок-оперу. Обожаю играть и петь. Меня брали на "Мосфильм" на главную роль, но, ты знаешь, надоели Маленькие Веры. Решила шпарить на гитаре и петь вместе с ней. Теперь меня и ее водой не разлить, а сейчас и с группой. Я не наскучила? Ну вот. Но диски писать с моим голосом в домашних студиях невозможно – постоянный зашкал. Слишком сильный для нашей техники. Музыка хорошая, запись – позор. Если ты стремишься действительно изменить этот мир, позвони по телефону... Вместе легче. А розы от девчонки в белой кофте и пышной бежевой юбке тебе. Жду. Рита».

* * *

«Виктор! Мне нравятся Ваши песни. Вы действительно напоминаете человека в черном, как Владимир Высоцкий и Шекспир. Но это с одной стороны. У Вас необычные песни. В то время как у других музыка давит, и остается только орать, чтобы не оглохнуть, на Ваших концертах мне захотелось поразмышлять. У меня много друзей, но мне с ними скучно. Я готова долгие вечера слушать Ваш голос. О Вас пишут чуть ли не во всех газетах и журналах, но лично я из этого о Вас знаю лишь 0,0001 %. Написано много и в то же время – ничего. Наташа, г. Ленинград».

* * *

«Здравствуй, Виктор! Вот узнал твой адресок и сразу сел писать тебе письмо. Во-первых, большущее спасибо за твою музыку, за твои песни, большое спасибо!!! Но вообще цель моего письма другая. Я хочу собрать свою рок-группу, и поэтому мне важны любые советы "стариков" этого жанра. Напиши поподробнее, как вы начинали, где взяли инструменты, аппаратуру, как выходили на большую сцену, как записывали альбомы и т. п. Меня интересует все-все-все!!! Ну еще, если нетрудно, напиши биографию "КИНО". Я до сих пор не могу узнать первоначальный состав группы, везде пишут только нынешний. Ну, вот и все. Скорей всего, ты не ответишь на мое письмо, тебе их приходят тысячи, и ты, наверное, их даже не читаешь. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты ответил мне, ведь мне все это так важно. Ну, ты, наверное, понимаешь меня. Ну все, буду с огромным нетерпением ждать ответа! Пиши!!! Андрей, г. Городок».

* * *

«Здравствуйте, Виктор! Я давно хотела написать Вам, но слышала, что Вы, даже не читая, выбрасываете письма. Я, конечно, понимаю, что у Вас, наверное, мало времени, да и желания отвечать на все письма. Но еще я обратилась к Вам потому, что через одного человека я отправила Вашу фотографию, чтобы Вы поставили на ней свой автограф, но до сих пор Вы не прислали ее. Не думаю, что Вам трудно расписаться, а я была бы очень благодарна Вам за автограф. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы не остались равнодушным к моему письму и не отказали мне в ответе. Я не навязчива, но, наверное, мне бы этого очень хотелось. Если Вы не захотите отвечать, то пришлите, пожалуйста, фотографию, если можно, с автографом. С уважением, Наташа. 16 лет. Москва».

* * *

«Здравствуй, Виктор! Я не знаю, как к тебе обращаться, на "ты" или на "Вы", поэтому извини за вольность. То, что ты делаешь – это здорово. Это уникально! Не прими это за фанатство. За какую-нибудь влюбленность... Нет. Это просто признание. Я и хотел бы с тобой общаться, но не могу. Мне очень трудно в этой жизни. У меня умерла мать, погибла любимая девушка. Я потерял вкус к жизни. Сколько раз я сидел с ножом на кухне, собираясь отправиться на тот свет. Ты прости меня за это письмо, но ты – единственный человек, с кем мне хочется поделиться всем. Извини, но твои песни вернули меня к жизни. Но если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день. Не хотелось бы в тебе разочаровываться... Я этого очень боюсь. Не доставляй мне разочарования. Ответь, пожалуйста, на это письмо, и, если можно, я буду иногда писать тебе. Сейчас я слушаю: "А он придет и приведет за собой весну..." И я в это верю. Я верю в тебя, поверь и ты мне. Не оставляй без ответа мое письмо. Я очень прошу тебя об этом. Оставайся таким, какой ты есть. Всего хорошего. 23.03.1990. Юрий. Днепропетровск».

* * *

«Здравствуйте, Виктор! Я так хочу, чтобы мое письмо было прочитано Вами до конца. Вы скажете – еще одна взбалмошная поклонница прибавилась в том незримом списке. Но я не

отнесу себя к рьяным поклонникам группы "КИНО". Я хочу просто поговорить с Вами. Мне очень жаль, что это не диалог, а монолог, по которому Ваши глаза промчатся с усмешкой.

Мне скоро 22 года, но я всегда была так одинока, но добавлю – я сама отказываюсь от своего счастья. Я, наверно, пишу очень замысловато, но я не знаю, от какой фразы можно прийти к этим простым 3 словам, в которых я выражаю свою любовь к Вам. Мне очень хочется назвать тебя на "ты", но этим я выскажу, наверно, неуважение, но извини, все же я дальше в моем послании буду обращаться на "ты" и от этого ты станешь чуточку ближе. Хотя для меня ты всегда был самым близким. Знаешь, у меня никогда не было своего парня, я вообще не могла никого полюбить, так как во всех я видела только тебя. Я так хочу, чтоб ты поверил мне, эти строки идут от чистого сердца.

Я не знаю, одинок ли ты, но я завидую той твоей избраннице хорошей завистью. Ты подумаешь, у девчонки совсем нет гордости, раз она пишет такие письма. Но это письмо всегда будет единственным. Тебе, вероятно, много пишут, и ты не хочешь читать такую ерунду. Я прихожу на твой концерт уже 3-й раз, только чтобы увидеть тебя, Виктор. Подойти к тебе невозможно, да и глупо навязываться к уставшему человеку. Я стою всегда очень близко к сцене, хотя мне не очень приятно торчать среди подпитых парней, среди дикого визга и толкотни, но я счастлива тем, что так близко могу видеть тебя. Я не могу знать, испортила ли тебя слава, но от этого ты не кажешься мне высокомерным.

Мне нужно было сегодня, 18 июня, выйти на работу, но я не вышла, потому что нет сил уехать из Архангельска, пока здесь есть ты. А я живу в небольшом городе на юге области. Как только я подхожу к кассе за билетом до моего города, какая-то сила внутренняя не дает мне купить билет, откуда-то появляются слезы на глазах, и я ничего не могу поделать. Хотя знаю, что я взрослый человек и за свои поступки нужно отвечать, но тут я бессильна. Как только я подумаю, что не увижу тебя, мне становится ужасно. Если в тебе есть хоть капля сострадания, ты не станешь смеяться над моими чувствами и не позволишь письмо читать другим. Ты, наверно, когда-нибудь тоже сильно-сильно любил, и, если твое состояние было неразделенным, ты поймешь меня.

Ты знаешь, везде пишут, что ты, Виктор, одинок, но почему так, ты не думал? Что тебе мешает, хотелось бы мне услышать. Это ужасно, когда ты один, но сейчас самые лучшие друзья оказываются предателями и сваливают все на нашу страшно тяжелую жизнь.

Если бы ты был на моем месте, как бы ты поступил? Я имею в виду письмо. Кому такие глупости могут прийти в голову? Да если все начнут писать, то у тебя будет огромная коллекция. Нехорошо вмешиваться в личную жизнь, но я так хотела бы знать о тебе все и вообще быть с тобой.

Я знаю, что буду лучше одна, чем выходить замуж за нелюбимого человека. Я никого не могу избрать, просто ко всем парням испытываю полное равнодушие, и поэтому я одна. Но так ведь лучше, согласись, чем врать себе, другим, и еще в таких случаях говорят – сердцу не прикажешь. Я так хочу, чтоб ты жил в моем городе и был просто обыкновенным парнем, но тебя, наверно, всю жизнь звезда твоя будет звать в путь. Все же неплохо, когда есть цель в жизни. Твоя цель, наверно, новые песни. Виктор, тебе интересно жить? Я имею в виду, хотел бы ты чего-нибудь другого, изменить жизнь? Наверно, тебе скучно от такого письма, но я так хочу понять тебя. Когда ты очень устанешь после концерта, когда тебе попадет на глаза мое письмо, быть может, на миг ты вспомнишь меня. Ты веришь мне, что я пишу о боли моего сердца, я не пытаюсь ничего сочинять? Вообще не терплю наигранность и обман. Я думаю, чем ты занимаешься сейчас, днем, на улице очень жарко, ты готовишься, быть может, к концерту. Твой телефон постоянно звонит, ты раздражен, а может, и нет. А если бы я знала твой номер, я не смогла бы удержаться и обязательно позвонила, но многое нельзя сказать по телефону. Знаешь, я по образованию медик, но, наверно, не по призванию, раз не в состоянии вылечить свою душу. Моя мама говорит мне, что в моем возрасте глупо жить грезами. Она чуть не

ежедневно пытается меня знакомить, в общем, я понимаю ее, каждая мать желает ребенку счастья. Но из-за этого ее непонимания между нами ширится пропасть. Плохо, когда родители пытаются навязывать свои интересы. Когда я ей прямо сказала, зачем я еду в Архангельск, ее негодованию не было предела, и мы даже поссорились. А твоя мама, наверное, полностью поддерживает и доверяет тебе.

Я так хочу видеть тебя близко, твои глаза, потрогать твои волосы, лицо. Ты не обижайся на такие глупые строки, хотя для тебя это все равно. Говорят, надежда умирает последней, а еще говорят – от судьбы не уйдешь. Я не знаю, чему верить. Я не хочу, чтоб надежда моя умерла. Уж лучше я буду жить грезами, чем наяву с другим и без любви. Мне так хочется крикнуть тебе: "Позвони мне или напиши". Но я понимаю, что я не единственный экземпляр в своем роде, и если всем писать... Но все же я хочу быть твоим другом. Может быть, ты найдешь минуту в этой суматошной жизни и напишешь мне хотя бы «отстань». Я думаю, ты не станешь отвечать, ведь ты не обязан вести переписку со всеми девушками Советского Союза. Да тебе же некогда, мне этого не понять. Твоя жизнь, вероятно, занята до предела, некогда даже оценить проделанное. Но, если ты всем нужен, это здорово почувствовать, правда? Тебе приятно осознавать себя популярным, нужным, ведь так? Значит, ты не одинок. Я утомила тебя письмом, но я не хочу заканчивать. Я просто счастлива от одной мысли, что, может быть, пробежишься по нему и запомнишь что-нибудь... Хотя зачем? На прощанье я хочу пожелать тебе той звезды, которая зовет в путь, и обязательно хорошую подругу, которая бы ценила не звездное великолепие, а просто видела в тебе надежного, порядочного, честного и доброго друга. Я очень-очень хочу, чтоб ты был счастлив в этой жизни. Не обижайся, Виктор, если мое письмо недостаточно грамотное, зато от души. С уважением Наташа. А мне не пиши, лучше новую песню напиши. 18.06.1990 года».

* * *

«Здравствуй, Виктор – ангел-мучитель! Пишут тебе Ольга и Светлана, нам по 17 лет. Мы писали по несколько раз во все инстанции, куда только можно, с просьбой, чтобы тебя пригласили в Кисловодск. Но все как-то впустую, ни ответа, ни привета. Теперь додумались написать в ленинградскую горсправку. Чтобы нам дали адрес Рок-клуба. И вот сегодня, 12.02., получили письмо с адресом. Получили и не верим своим глазам. Теперь пишем письмо лично тебе, этот момент мы ждали целую вечность. Пишем, а у самих все трясется, и слезы текут. Как раз сегодня в школе нам сказали, что ты к нам должен приехать в 20-х числах этого месяца, и мы вообще впали в шок, так как все к одному. О Витя, если бы ты знал, как мы тебя любим, даже больше этого. Целыми днями обходим киоски "Союзпечать", книжные магазины с надеждой найти что-нибудь о тебе. Облазили все библиотеки города и повырезали все твои фотографии и статьи из журналов. Каждой новой фотографии безумно рады. По телевизору не пропускаем ни одной молодежной передачи. Постоянно смотрим "Взгляд". А когда ты сам присутствовал в студии, отвечал на вопросы и спел три песни, это для нас была вообще крайность, потолок! Не так давно слышали по радио, как группа подростков, которые любят только тебя с "КИНО" и не признают больше ничего, они организовали так называемый "союз Цоя". Так вот они до полу-смерти избили одного парня за то, что тот всего лишь сказал, что ты хрипишь. Мы с огромным удовольствием сделали бы то же самое, если бы тебя хоть малость оскорбили. С огромным трудом достали плакат и бобину с концертом "Это не любовь" и были невообразимо счастливы, но нам все мало, хотелось бы больше и больше! О боже!!! Когда же ты перестанешь нас мучить, выжал из нас все соки, когда ты осчастливишь нас своим приездом? Сколько можно ждать? Фильм "Игла" шел у нас раз пятнадцать, и все 15 раз мы его смотрели. Четыре раза ходили на "АССУ", хоть фильм и туфта. Весь фильм спали, кроме кадров, где промелькнул твой образ и где ты пел. Знаем, что ты снялся в фильмах "Рок вокруг Кремля" и "Рок". Где они? Почему

о них ни слуху ни духу? А где твои диски за 9 лет работы? Лично в нашем городе есть только "Ночь". И ее уже нет, так как мгновенно разбирают. А где все остальные??? Мы так тобой больны, что любыми путями решили поехать и поедem этим летом в Ленинград и поставим перед собой задачу: увидеть тебя. Хоть одним глазком, хоть издалека. И увидим! И никуда ты от нас не денешься! Если уж мы решили, то так и будет. Витенька!!! Мы тебя очень-очень просим и умоляем. Ответь нам хотя бы двумя словами, не говоря уже о письме. Нам главное знать, что ты его прочел, чтобы знал, что в Кисловодске живут такие, как мы, которые тебя очень любят и ждут. Думай о нас, что хочешь. Может, мы и дуры, что такие фанаты. Но ничего не подделаешь. И спасибо, что ты такой есть. Наш кумир. Идеал. Не будь эгоистом, приезжай почаще. Если тебе нетрудно, напиши в двойном экземпляре. Нас же двое. А отошли в одном конверте. Только просим, умоляем, не поленись, ответь нам!!! Передавай привет своим ребятам. Если не приедешь, то в нашей смерти просим винить Цоя В. Р.! Приезжай, тебя ждут! Пока. 12.02.1990. Кисловодск».

* * *

Когда Наталия Разлогова передала мне эти письма, у меня сразу возникла мысль попробовать разыскать кого-либо из адресатов. Интересовало все: как ребята пережили смерть Виктора Цоя в далеком 1990 году, как они прожили эти 20 лет без него, что они думают о роли Виктора Цоя в современном мире. Это было очень сложно, была проделана колоссальная работа по поиску хотя бы кого-то из тех, кто писал письма. Сами понимаете, насколько сложно искать людей по адресам через 20 с лишним лет... Но удача улыбнулась мне, и были найдены две девушки, письмами которых я располагал.

Жаворонкова Марина из Перми и Воробьева Елена из Красноярска.

Марина, которой в 1990 году было 15 лет, 12 февраля 1990 года отправила Виктору Цою (на адрес Рок-клуба) письмо, которое мы приводили чуть выше. Вместе с письмом и признанием в любви девочка вложила в конверт свой нарисованный простым карандашом портрет. Письмо было открыто, значит, Виктор получил и прочел его.

Марина Жаворонкова:

«Впервые я увидела "КИНО" в "АССЕ", песня "Перемен!" очень понравилась. Я стала интересоваться, что это за группа, какие еще есть песни, стала собирать альбомы... Я одна из всех подруг любила и люблю русский рок. Потом вышел фильм "Игла", в марте 1990 года группа "КИНО" приехала к нам в город, я сходила на концерт, мне очень понравилось. О смерти Цоя как узнала, уже не помню, вроде бы в дневных новостях по телевизору рассказывали. Сперва не поверила, конечно, но потом поняла, что это действительно так... Без Цоя "КИНО" – это уже не "КИНО", а так, просто группа. И мне не понравились последние аранжировки... Цой жив, конечно. Пока человека помнят и любят, значит, он жив. А так я вообще особо не удивляюсь. Рок жил, рок жив, рок будет жить».

Сегодня Марине за сорок. Она по-прежнему живет в Перми, не замужем, но воспитывает двух чудесных девочек, по-прежнему слушает Виктора Цоя и любит черный цвет...

Елена, которой в апреле 1990 года исполнился 21 год, впервые написала письмо Виктору тоже на адрес Рок-клуба. Затем, через некоторое время, она узнала домашний адрес Виктора и стала отправлять письма каждый день, надеясь на ответ. Сколько было отправлено писем с ноября 1989 года, наверное, не помнит даже сама Елена, но только у меня находится более сотни ее писем к Виктору... Елене посчастливилось побывать на пяти красноярских концертах «КИНО», взять автограф у самого Виктора Цоя... Как известно, в Красноярске группа

«КИНО» выступала в ДС «Енисей» в период с 1 по 4 декабря 1989 года. Вот что пишет одна из местных газет:

«Десять концертов дал в Красноярске абсолютный победитель всех проводимых в СССР хит-парадов 1988 года Виктор Цой. Четыре вечера подряд пяти тысячный Дворец спорта "Енисей" заполнялся до отказа поклонниками группы "КИНО". Лидер группы, в отличие от других рок-звезд, вел себя на сцене очень спокойно и корректно. Обычно за все выступление более трех фраз: "Здравствуйте!", "Спасибо" и "До свидания" человек в черном не произносил. Несмотря на это, публика, завороженная его песнями, неистовствовала в зале, выражая восторг во всю мощь своих легких. Правда, до конца фанам не давали развернуться переодетые сотрудники ОМОНа, пресекая все попытки молодежи танцевать и поджигать какие-либо предметы. Но некоторая часть публики шла на ухищрения, выражая свои эмоции не в зале, а прямо на сцене. Наверное, многие помнят, как на одном из концертов девушка, передав цветы Виктору, бросилась к нему на шею и застыла в сладострастном поцелуе, долго не выпуская ошалевшего от такого поступка музыканта».

Елена Воробьева была той самой бросившейся Виктору на шею девушкой. Сегодня Елене уже 50, она живет там же, в Красноярске, растит дочь и очень редко вспоминает о своей прошлой любви к Виктору Цою.

Вместо заключения

В этой книге сделана попытка отделить образ Виктора Цоя и людей из его близкого окружения от медийных предрассудков и слухов, которые накрыли толстым слоем всех участников событий за долгие годы существования «легенды о последнем Герое». Поскольку любая жизнь – это, с одной стороны, факты, а с другой – интерпретации свидетелей, я попытался восстановить факты и дать возможность всем желающим высказаться.

Возможно, то, что видели люди из окружения Виктора, кому-то придется не по вкусу, ведь все правдивое нехудожественно... Или же, наоборот, что-то покажется приукрашенным и субъективным, но в мою задачу не входило развлечение читателя выдуманными историями. Я старался быть максимально «научным» и объективным, максимально последовательным, хотя моя личная точка зрения и точки зрения некоторых людей, чьи комментарии были использованы, расходятся не только друг с другом, но и с общепринятым мнением.

Тридцать один год назад Цой погиб. Порвалась струна. Но, как и прежде, играет его невеселая песня. Как и прежде, вспыхивают в ответ на слова его песен спички и зажигалки. Мы все по-прежнему с ним. И, несомненно, он чувствует это. Да, Виктор Цой не поет нам новых песен, мы никогда не увидим его в новых фильмах, не будет больше давки на его концертах, но он по-прежнему в своей философской, меланхоличной манере объясняет нам, что жизнь не так плоха, как это иногда кажется...

В августе 1995 года давний знакомый Виктора Алексей Дидуров сказал: «...В России на уличных стенах пишут самое важное: “Коля” + “Оля” (вечная истина), “Эта сторона улицы наиболее безопасна при артобстреле” (ленинградский мотив), “Все козлы” (всероссийский стон). Когда-то в песне “Война” Виктор Цой спел: “Но кто-то станет стеной, а кто-то плечом, под которым дрогнет стена”. Он не встроился в стену так покорно, надежно и прочно, как требуется от каждого кирпичика, чтобы стена была стеной. Он не стал стеной, но не вышло стать и тем плечом, под напором которого она дрогнула бы. Да и возможно это вообще? Но он стал именем на этой стене».

Ясно одно – Цой жив. И это не миф, это реальность.

Помимо интервью, взятых автором книги лично в период с 2009 по 2019 год, в книге использованы материалы сайтов и информационных ресурсов:

<http://m666.ru>

www.yahha.com

<https://vnnews.ru/culture/54044-organizator-kinoprob-kincheva-privlekla-vozmozhnost-priekhat-v-okulovku-na-mashine.html>

<https://specialradio.ru>

<http://marss2.livejournal.com/2479220.html>

<http://v-r-soy.livejournal.com/87194.html>

<http://velikiynovgorod.bezformata.ru/listnews/kinoprob-kincheva-privlekla-vozmozhnost/57493089/svoboda.org>

<http://vkontakte.ru/club7110175>

<http://www.online812.ru/2011/03/11/007/>

<https://7days.ru/caravan/2017/4/aleksey-vishnya-kak-molody-my-byli/2.htm>

<https://www.youtube.com/watch?v=sH0zJn2cYoU>

<http://soundrussia.ru/post?id=4682>

<http://kinolover.narod.ru/podrobnaia.htm>

<https://vk.com/andreykamchatka>

<http://kino6.chat.ru/mariana.htm>

<http://coijiv.ucoz.net/index/0-6>
<http://www.nneformat.ru>
http://kuznecovkns.narod.ru/aleksandr_titov.htm
<http://www.clubkamchatka.ru>
<http://vmiremusiki.ru/viktor-coj-i-ego-filmy-video.html>
<http://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/zhiveje-vseh-zhivyyh-viktoru-coju-segodna-ispolnilos-by-50-let-150521062012/>
<http://www.tula.rodgor.ru/gazeta/818/memory/7638>
<http://www.rockhell.spb.ru/musicians/kino/a60.shtml>
<http://forumok.org/topic2544.html>
<http://groupkino.narod.ru/troi.htm>
<http://blog.i.ua/community/466/528993/>
<http://menestreli.ws/Kino/Publ/Night.htm>
<http://www.artplex.ru/statyi/velikieiznamenitye/ya-kosmicheskiiycheburashka>
<http://newspaper.moeonline.ru/view/211233.html>
<http://mkommunar.ru/index.php?lev1=14&id=12225>
<http://www.forum.vn.ua/archive/index.php/t-5704-p-2.html>
<http://www.ytime.com.ua/ru/50/1152>
<http://kino-group.ru/content/view/15/28/>
http://www.e-reading.club/chapter.php/142782/43/Rok-Samizdat_-_Ura_bum-bum%21_1990_%2305.html
<http://www.kinoman.net>
<http://1723.ru/forums/index.php?showtopic=73>
<http://www.newlookmedia.ru>
<http://atn.kharkov.ua/newsread.php?id=24006>
<http://www.inform.kh...le&sid=893>
<http://zhzh.info/publ/4-1-0-5218>
https://www.pravda.ru/society/fashion/models/27-11-2012/1136120-foto_rok-0/
<http://www.colta.ru/articles/cinema/1711>
<http://teron.ru>
<http://4x4garage.ru/forum/viewtopic.php?id=204>
<http://jan1972.livejournal.com/757.html>
<http://sashadozhily.livejournal.com/7807.html>
http://krivoyroghistory.blogspot.ru/2011/08/blog-post_15.html
<https://pozdnyakoff-69.livejournal.com/9426.html>
<http://bratsk.org/news/show/20219.html>
<https://radiatoroma.livejournal.com/695705.html>
<http://forum.myriga.info/index.php?showtopic=2041&st=20>
<https://29.ru/text/gorod/313043833864192.html>
<http://www.pravdasevera.ru/?id=1051779387>
<http://renataforum.mybb.ru/viewtopic.php?id=10>
<http://vrt.al.ru/biograf.html>
http://www.markarbejde.ru/m/s/tsoy_marianna_igorevna_-_lichnaya_jizn
<http://www.bulvar.com.ua/arch/2010/42/4cbde277a397c/>
<http://blog.i.ua/user/519897/?p=116>
<http://www.kino.rockvideo.ru>
<https://vnnews.ru/culture/60078-aleksandr-tsoj-otstoyal-pravo-na-muzyku-otsta.html>
http://funeral.spb.narod.ru/necropols/bogoslovskoe/tombs/m_coy/m_coy.html
<http://www.kino-shnik.ru/kinopressa44.htm>

<http://polittechno.livejournal.com>
<http://www.mkset.ru/news/highlife/1114/>
http://sorkino.ucoz.ru/index/tigry_chasto_umirajut_molodymi_bibl/0-432
<http://kino6.chat.ru/mariana.htm>
<http://tsoy.hoha.ru/int8.html>
<http://www.sobaka.ru>
<http://kino-fan.ucoz.ru>
<http://ru-tsoy.livejournal.com/249734.html>
<http://www.newsland.ru>
<http://www.gorod.lv/novosti/112205>
<http://raving-sane.livejournal.com/83575.html>
<http://www.vesti.ru>
http://www.etoya.ru/blogs/about_music/2011/8/18/18210

Использованы материалы газет и журналов:

Газета «Красноярский Комсомолец», журнал «Собеседник», газета «Аргументы и факты», газета «Комсомольская правда», газета «Правда Севера», журнал «Рокси», журнал «РИО», журнал «Караван истории», газета «Ленинская смена», газета «Трибуна», журнал «Fuzz», журнал «**RollingStone**», газета «**Сельская молодежь**», журнал «**Советский экран**», журнал журнал «TimeOut», газета «**Московский Комсомолец**», газета «**Музыкальная правда**», журнал «**Родник**», еженедельник светской хроники «Бульвар Гордона», газета «Вечерний Киев», «Музыкально-театральный вестник», газета «Комсомольское знамя», журнал «Окорок», газета «АТВ», газета «Новый взгляд», журнал «Собака. ru», журнал «Медведь», газета «Труд7», газета «Молодая гвардия», газета «Смена», журнал «Коре Сарам», журнал «Ровесник», «Молодой ленинец» и другие.

Использованы материалы и цитаты из книг:

– А. Житинский, М. Цой. Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы. СПб.: Новый Геликон, 1991.

– А. Житинский. Цой forever. СПб.: Амфора, 2009.

– П. Крусанов, Н. Подольский, А. Хлобыстин, С. Коровин. Беспокойники города Питера. СПб.: Амфора, 2006.

– А. Рыбин. «Кино» с самого начала. Смоленское областное книжное издательство «Смяднь». Редакционно-издательский центр А. Иванова «ТОК», 1992.

– М. Вольде. «Георгий Гурьянов: я и есть искусство». М.: «АСТ», 2017.

– В. Гаккель. Аквариум как способ ухода за теннисным кортом. СПб.: Геликон-Плюс, 2007.

– А. Кушнир. 100 магнитоальбомов советского рока. М.: ЛЕАН, АГРАФ, КРАФТ+, 1999.

– А. Рыбин. Майк. СПб.: Амфора, 2010.

– А. Житинский. Альманах рок-дилетанта. СПб.: Амфора, 2006.

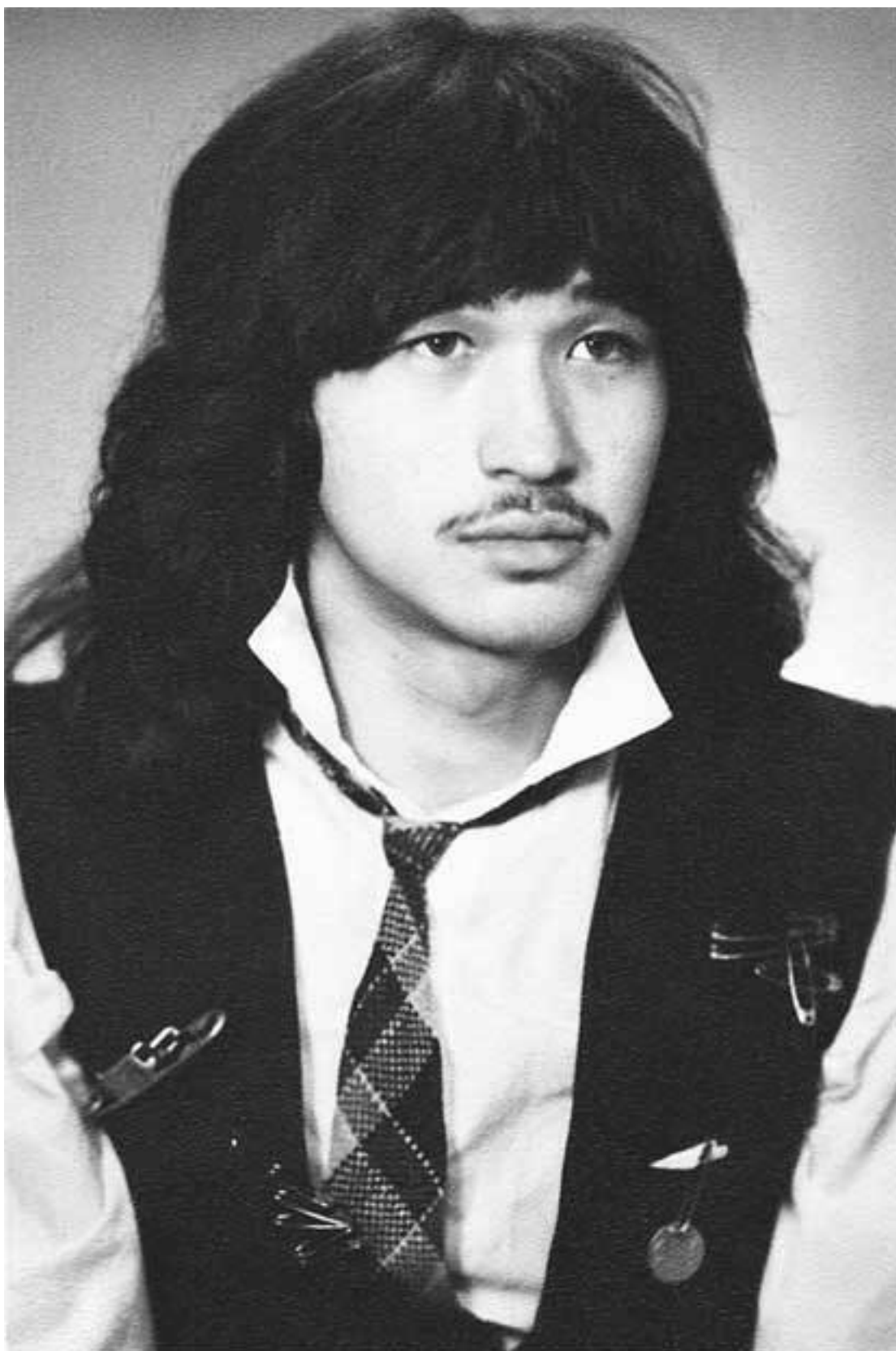
- Виктор Цой. М.: Леан, 2001.
 - Виктор Цой. Звезда по имени Солнце. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
 - Знак кровотечения. Александр Башлачев. Спб.: Лимбус Пресс, ООО Издательство К. Тублина, 2011.
 - А. Рыбин. «Кино» с самого начала и до самого конца. Р.: Феникс, 2001.
 - Виктор Цой. 100 страниц. М.: Нота-Р, 2004.
 - Б. Барабанов. «АССА». Книга перемен. СПб.: Амфора, 2008.
 - Ю. Айзеншпис. Зажигающий звезды. Записки и советы пионера шоу-бизнеса. М.: Алгоритм, 2005.
 - Это сладкое слово «Камчатка». М.: Антао, 2005.
 - Н. Барановская. Фрагменты книги «По дороге в Рай...» СПб.: Новый Геликон, РИЦ Ток, 1993.
 - Е. Андреева. Тимур. «Врать только правду!». СПб.: Амфора, 2007.
 - Е. Додолев. Легенды нашего рока. М.: АСТ, 2017.
- Использованы фрагменты материалов из радио- и телевизионных передач:
- документальный фильм Александра Липницкого «Еловая субмарина. Дети минут», ч. 2.
 - программа «Культурный слой. Цой жив. Рок 80-е». 2005 год, Пятый канал.
 - программа «Содержание» на Финам FM, 15.08.2010.
 - прямой эфир радио «КП» и телеканала «Комсомольская правда», июнь 2012 года.
 - радиопередача «Летопись». «КИНО» – «Группа крови», «Звезда по имени Солнце». «Черный альбом». «Наше радио».
 - программа «До 16 и старше...», Москва, осень 1988 года.
 - документальный фильм «Виктор Цой. Группа крови». ОРТ, 2010.
 - радио Эхо Москвы. Передача Аргентум: Эфир 20.03.2005.

В книге использованы интервью Виктора Цоя разных лет, а также частные воспоминания и материалы из архивов:

Бориса Гребенщикова, Игоря Лунёва, Павла Краева, Александра Долгова, Алексея Вишни, Сергея Жарикова, Александра Титова, Павла Кондратенко, Андрея Тропилло, Александра Евтушенко, Ольги Слободской, Натальи Тихомировой, Дмитрия Шагина, Владимира

Рекшана, Николая Михайлова, Александра Астрова, Марины Тимашевой, Егора Белкина, Архимеда Исакова, Сергея Лысенко, Михаила Садчикова, Владимира Головёнкина, Нины Барановской, Евгении Глюкк, Сергея Борисова, Сергея Фирсова, Андрея Машнина, Александра Сенина, Владимира Занина, Сергея Шапрана, Андрея Бурлаки, Игоря Сукачева, Алексея Дидурова, Наташи Васильевой-Халл, Артема Липатова, Натальи Бурд, Ольги Лехтонен, Наталии Максимец, Юлии Даниловой и других.

Иллюстрации

Виктор Цой. 1979 год. Фото из архива семьи Цой

Витя Цой. 1965 год. Фото из архива семьи Цой

Свадьба Роберта и Валентины Цой. Фото из архива семьи Цой

Гулянка в Дачном у Александра Максименко. Виктор Цой, Андрей Панов, Евгений Юфит, Антон Галин. Ленинградская область, 7 ноября 1979 года. *Фото из архива Евгения Юфита*

Виктор Цой. 1982. *Фото – Алексей Вишня*

Электрический дебют группы «КИНО». Ленинградский рок-клуб, 3 апреля 1982 года.
Фото – Михаил Макаренко

Свадьба Виктора и Марьяны Цой. 1984 год. *Фото из архива семьи Цой*

Свадьба Виктора и Марьяны Цой. 1984 год. *Фото из архива семьи Цой*

Виктор Цой с сыном Александром на даче. *Фото из архива семьи Цой*

Виктор и Марьяна Цой. 1982 год. *Фото – Алексей Вишня*

Крым, лето 1984 года. *Фото из архива Валерия Алахова*

Виктор Цой и Алексей Рыбин. Ленинград, проспект Космонавтов, недалеко от дома Рыбина. Август 1982 года. *Фото – Алексей Вишня*

Виктор Цой и Алексей Рыбин. Ленинград, проспект Космонавтов, недалеко от дома Рыбина. Август 1982 года. *Фото – Алексей Вишня*

Алексей Рыбин, Марьяна и Виктор Цой. Подготовка к акустическому концерту в Темяшкино. Старый Петергоф, общежитие матмеха ЛГУ. 28 октября 1982 года. *Фото из архива Сергея Котегова*

Группа «КИНО». Фотосессия после концерта в рамках 2-го фестиваля ЛРК. Петергоф. 10 июня 1984 года. *Фото – Анатолий Азанов*

Джоанна Стингрей и Виктор Цой. Концерт «Спасем мир» в ЛДМ. 1986 год. *Фото – Виктор Лаврешкин*

Концерты «КИНО» в Риге. Зал института «Латгипрогорстрой», 6 сентября 1986 года.
Фото – Николай Краснопевцев

Группа «КИНО» в Кирове, 1986 год. *Фото из архива Владимира Головенкина*

Выступление «КИНО» в составе «Поп-Механики». ДК рижского Института инженеров гражданской авиации. 15 апреля 1987 года. *Фото – Николай Краснопевцев*

Виктор Цой. «Асса», 1986 год. *Фото из архива Наталии Разлоговой*

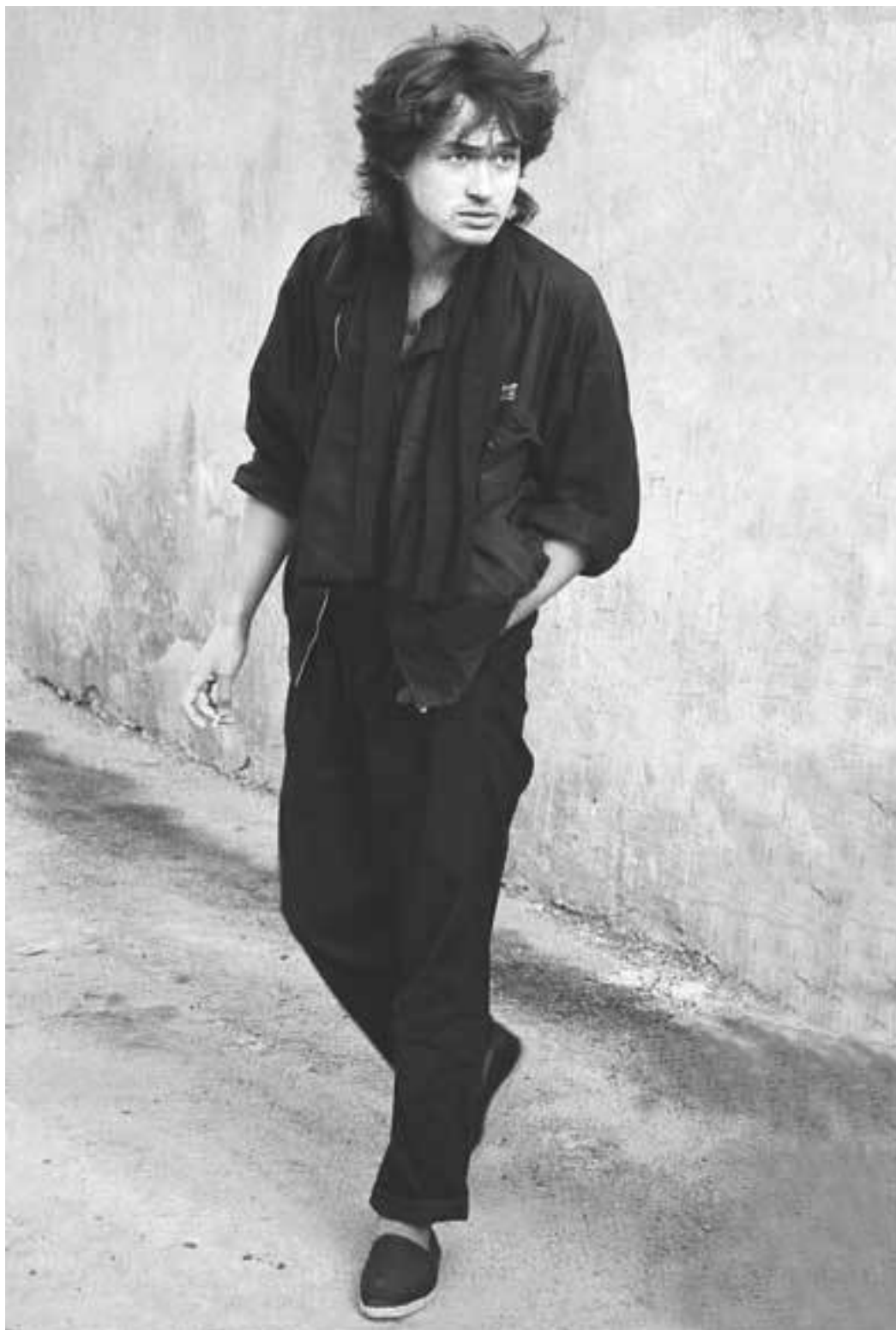
Виктор Цой. 1986 год. *Фото – Анатолия Азанова*

Группа «КИНО». Концерт в ДК «Невский», 4-й рок-фестиваль. Ленинград, 31 мая 1986 года. *Фото – Дмитрий Конрадт*

«КИНО» в «Зеленом театре» на съемках «Ассы». Москва, ЦПКиО им. Горького, 10 мая 1987 года. *Фото – Анатолий Азанов*

Виктор Цой в Одессе, 1988 год. *Фото – Юрий Бойко*

Виктор в гостях у Ирины Легкодух после концерта. Симферополь, 20 марта 1987 года.
Фото из архива Ирины Легкодух

«КИНО», 5-й рок-фестиваль. Ленинград, 1988 год. *Фото – Олег Скрягин*

«КИНО» в СКК, 28 октября 1988 года. Фото – Виктор Лаврешкин

Виктор Цой участвует в концерте «Поп-Механики». Фото – Виктор Лаврешкин

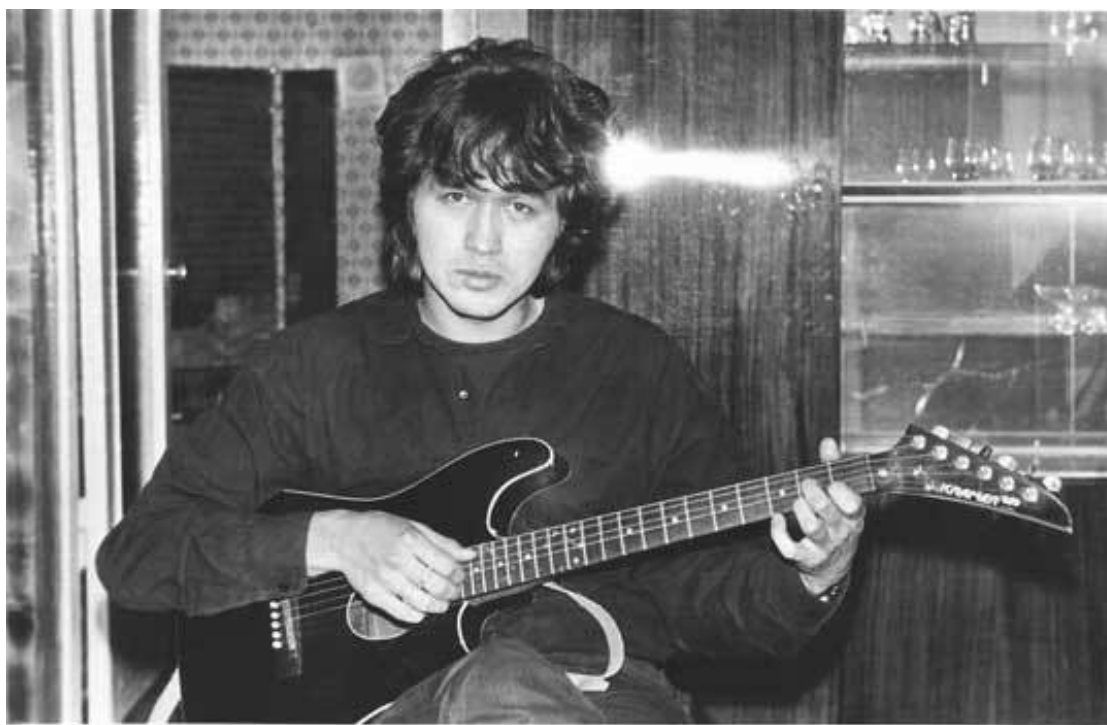
«КИНО». Фотосессия дома у Георгия Гурьянова, 1988 год. Фото – Виктор Лаврешкин

Виктор Цой и Виктор Елизаров, 1988 год. *Фото – Виктор Елизаров*

Виктор Цой в СКК, 1989 год. *Фото – Елена Константинова*

Виктор Цой Нижнем Тагиле. Ноябрь 1989 года. *Фото из архива Юрия Белишкина*

Виктор Цой на «Новой волне», ЛДМ, 17–18 мая 1988 года. *Фото – Елена Константинова*

Виктор Цой в Таллинне, март 1988 года. *Фото из архива Марка Шлямовича*

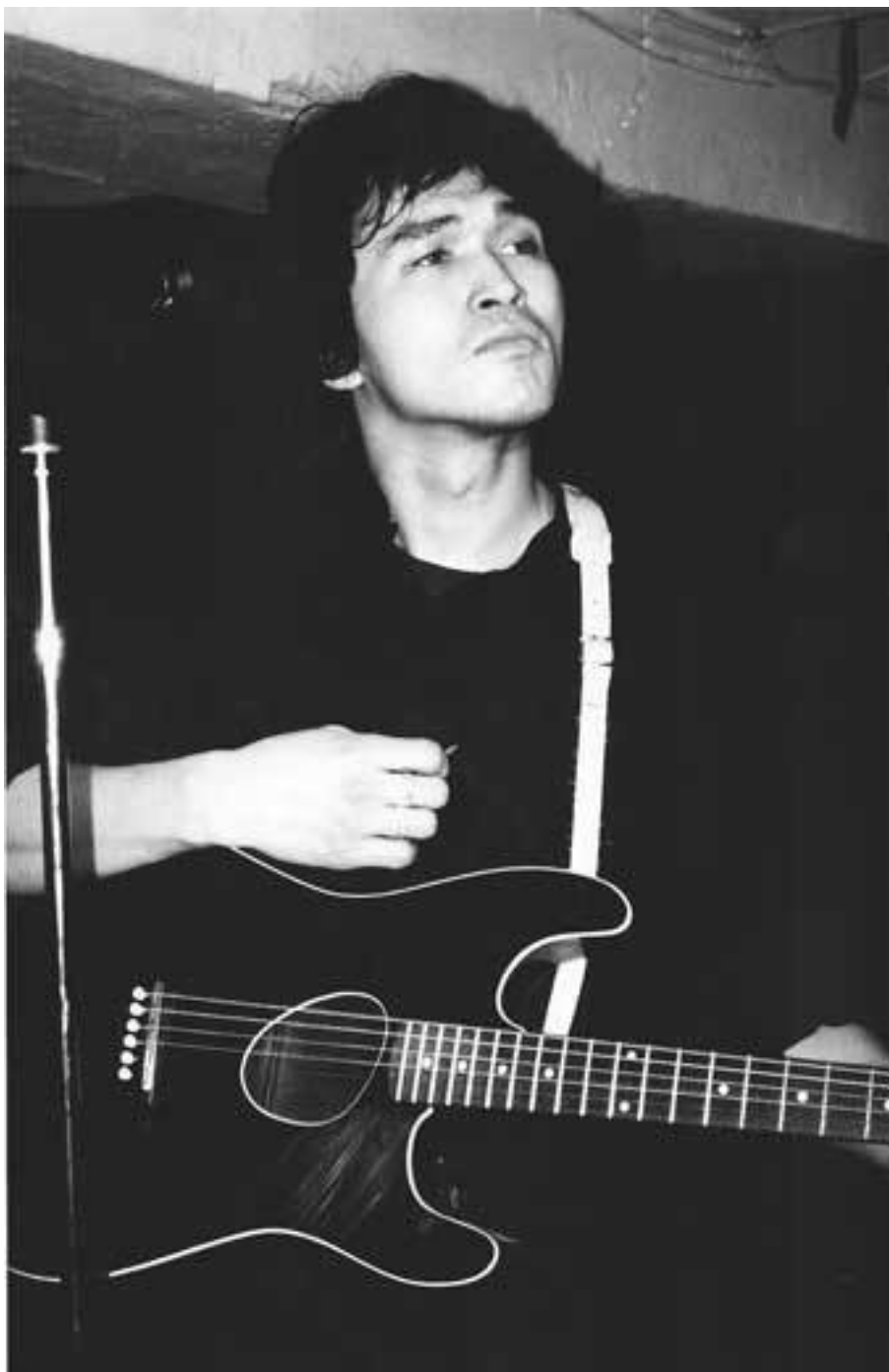
Виктор Цой и Константин Кинчев. *Фото – Виктор Елизаров*

Виктор Цой и Юрий Каспарян в составе «Поп-Механики». *Фото – Виктор Немтинов*

Виктор Цой и Наталия Разлогова. 1987 год. *Фото из архива Наталии Разлоговой*

«КИНО» в Дании. 1989 год. Фото – Йон Кальдан

«КИНО» в Риме. 1989 год. Фото из архива Георгия Гурьянова

Виктор Цой в Париже. 1990 год. Фото из архива Наталии Разлоговой

Виктор Цой в Японии. Май 1990 года. *Фото из архива Джоанны Стингрей*

Москва, 15 лет «Звуковой дорожке», СК «Олимпийский», 5 мая 1990 года. *Фото – Анатолий Азанов*

75 лет МК. Последний концерт группы «Кино». Москва, Большая спортивная арена «Лужники», 24 июня 1990 года. *Фото – Александр Астафьев*

Обращение группы «КИНО» к поклонникам. Студия Ленинградского телевидения, 17 августа 1990 года. *Фото из архива Наталии Разлоговой*

Рок-клуб, август 1990 года. *Фото – Виктор Лаврешкин*

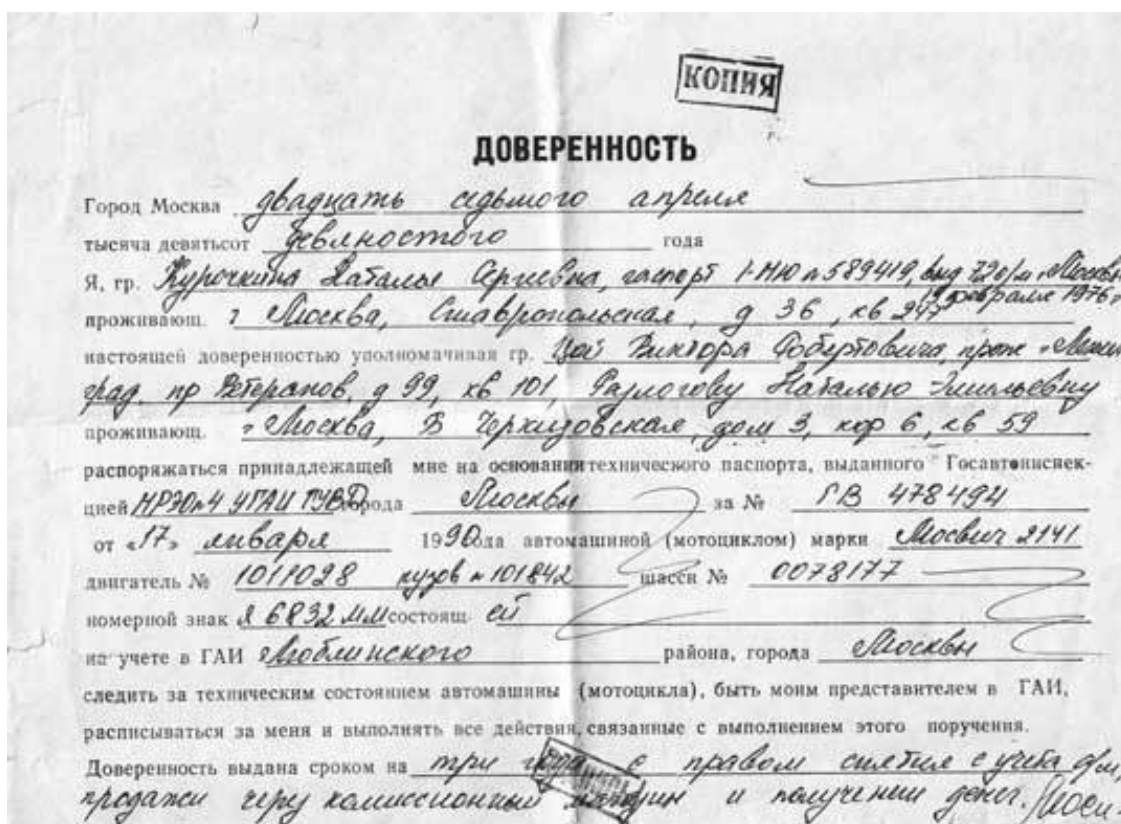
День похорон Цоя. Фото – Андрей Коткин

На Богословском кладбище. Фото – Виктор Лаврешкин

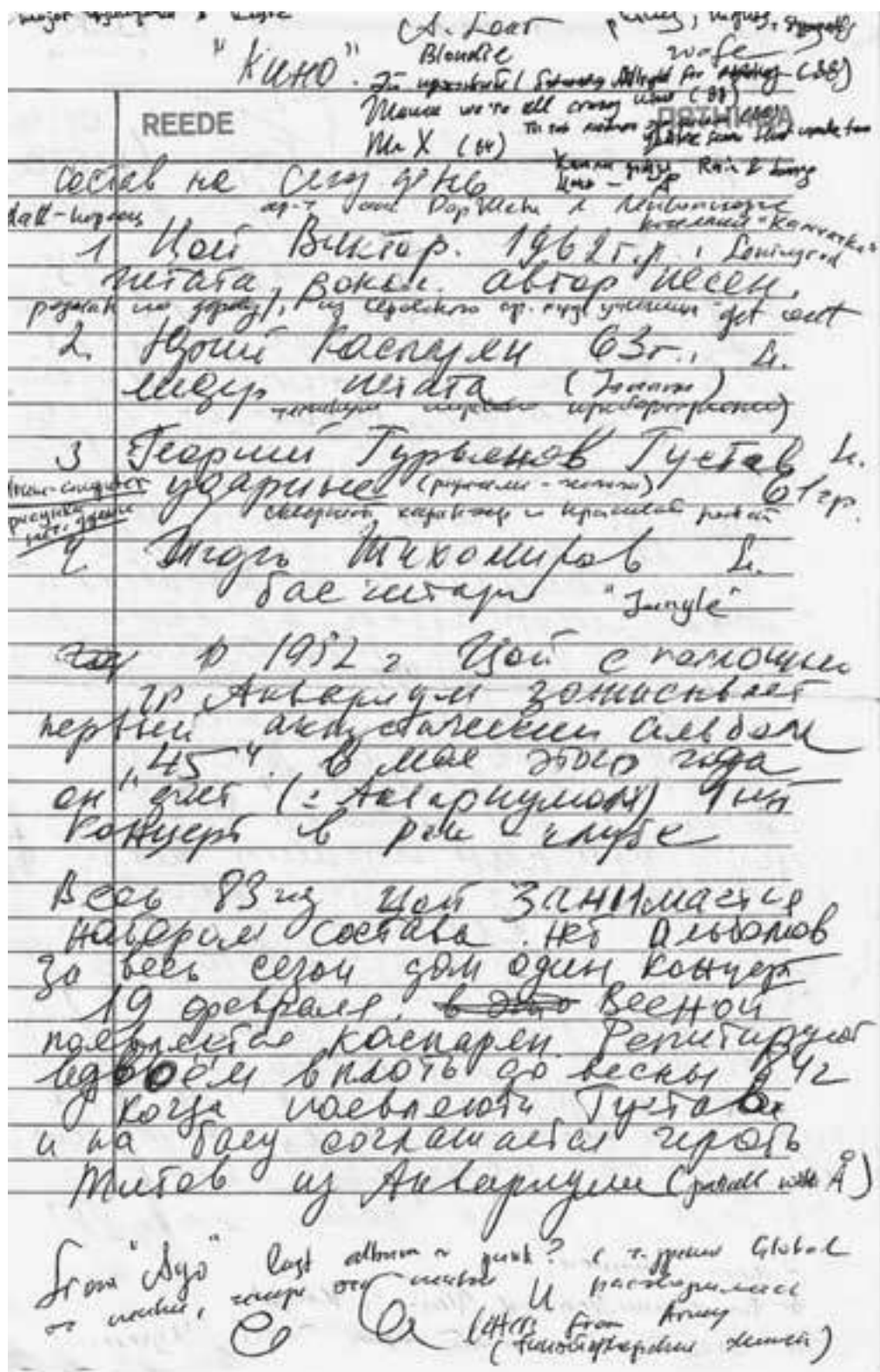
Фото из архива Наталии Разлоговой

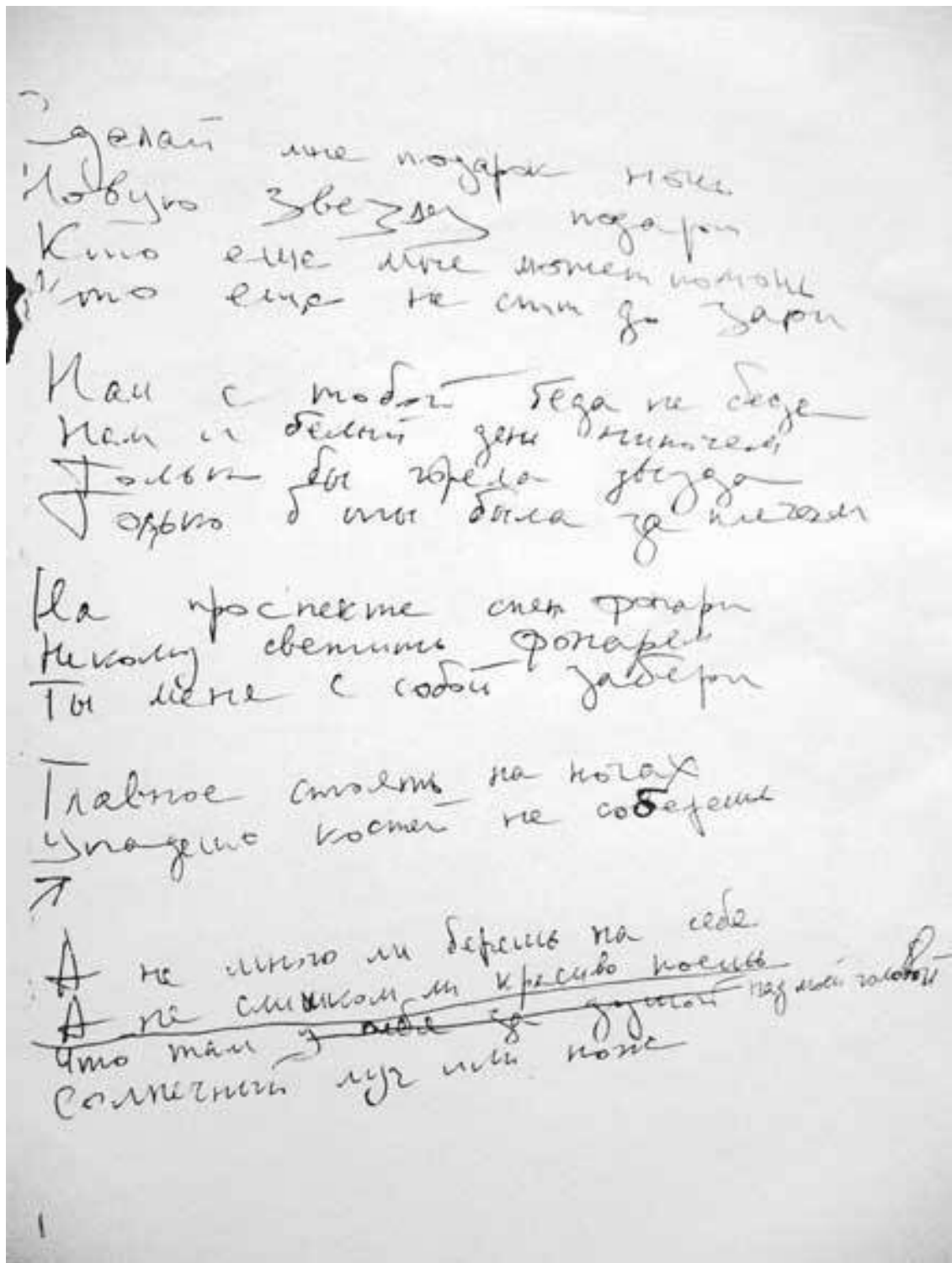
Личные вещи и документы Виктора Цоя. Из архива Наталии Разлоговой

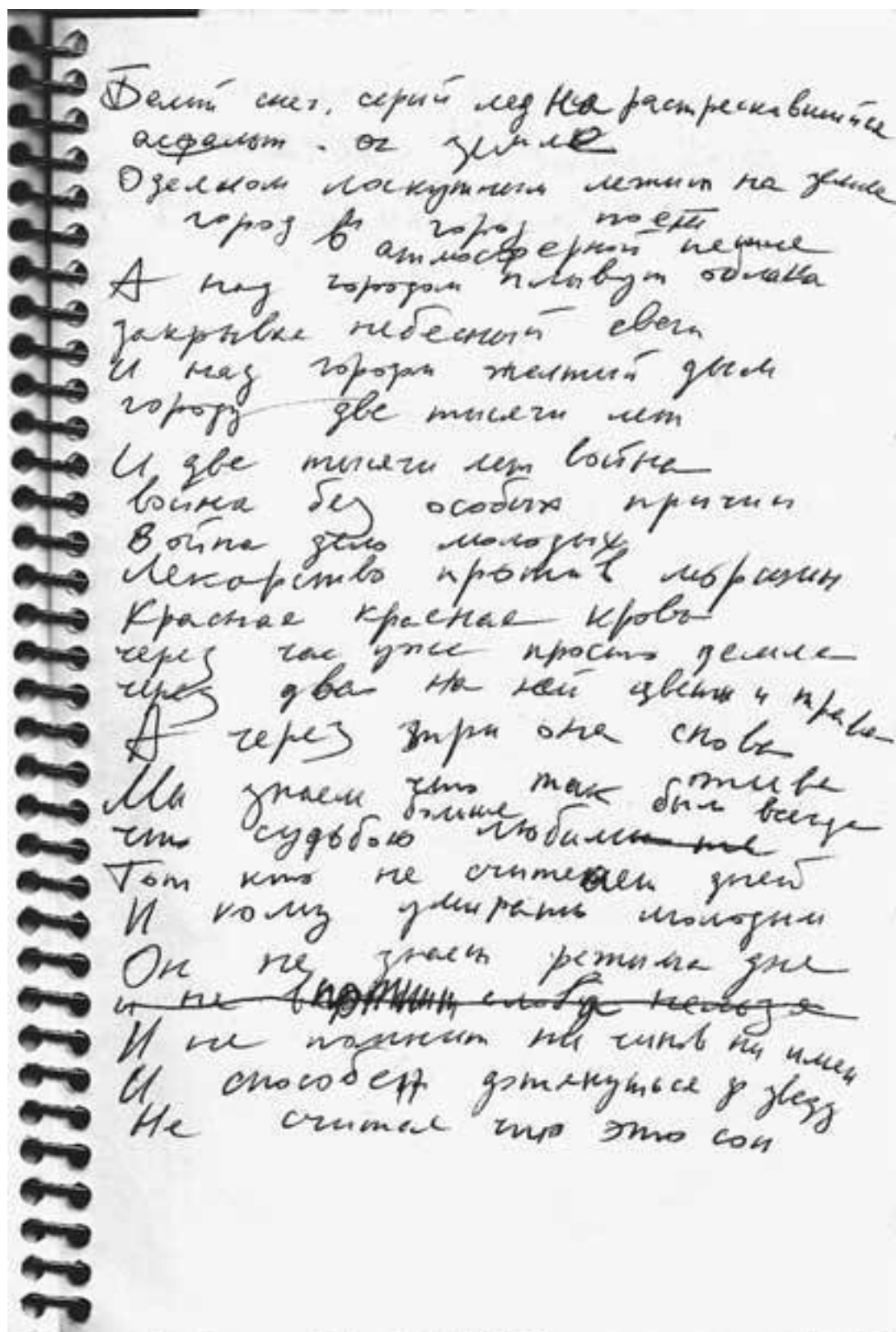
Фотография Наталии Разлоговой, раскрашенная Виктором Цоем. Из архива Наталии Разлоговой

Документы. Из архива Наталии Разлоговой

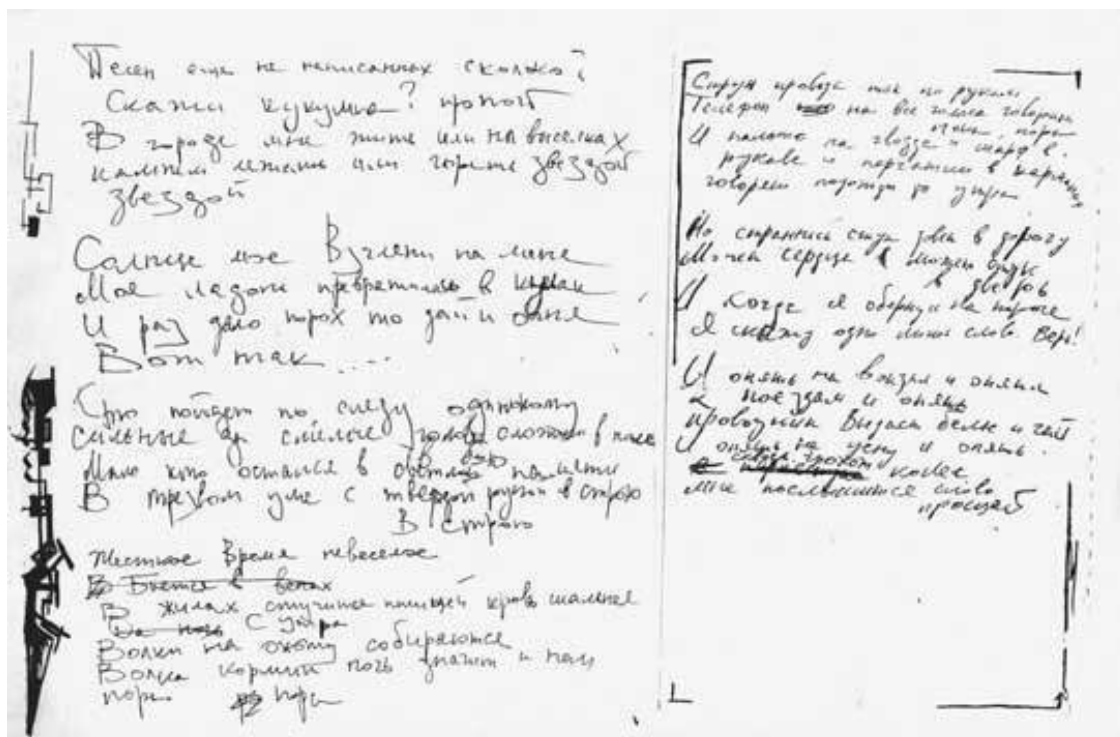
Безымянная рукопись из блокнота Виктора Цоя. Из архива Наталии Разлоговой

Черновик песни «Звезда по имени Солнце». Из архива Наталии Разлоговой

Резьба по дереву – «Грустный лев» работы Виктора Цоя

Черновик песни «Кукушка». Из архива Наталии Разлоговой

**Все находят время итти-
кто не уйдёт навсегда**

будущее меня никогда не занимало.
Я человек действия и живу сегодняшним
днём. В детстве и даже в юности я вёл ко-
роткий образ жизни. Я рано занялся рисо-
ванием, тратил на это много времени и всегда
переносился немного отчуждённо. Сторонил-
ся всяких там компаний, группировок.
Никакого участия в общественной, дво-
ровой, пионерской и комсомольской жизни
я не принимал." ... В. Цой.

Релизи

.. Для съёмок финальной
сцены „Ассы“ мы ищли го-
родскую квартиру, где должен
был петь Виктор Цой. Во-
руженцы зрителей, освеща-
ющих ночь множеством
огоньков зажжённых свечек.
Прикинулись: чтобы заполнить
площадь, нужно примерно
десять тысяч зрителей (где
взять?) Тут Цой предлагает:
„Надо людям сказать - все
придут.“
Я не понял: „Что, дать река-
му? Кто - все?“
Цой: „Да - там телефонных
банок; дальше само сделается.
Все соберётся.“
Ци действительно, к вечеру
собралось не 10, а 20 тысяч
зрителей С. Соловьёв.

Виктор, вы играете рок?
Нет. Я пою, что пою, а „Кино“
это всё - такая поп-группа.
В. Цой.

Вы собираетесь
ехать в Питер?
А хочется побывать в
какой-то Цоя? Сообщаем
релизаты: Питер, Блюкино, 15
Котельная Цоя, „Камчатка“
Трамвай №28
от Финляндского
вокзала.

Витя несмотря на всю свою детскую
„неуспеваемость“ был очень талантлив.
Как и Юра, он прекрасно знал английский.
В Дании интервью они давали исключи-
тельно на „инглиш.“ М. Сидчиков.

Ваша группа злая?
Очень добрая, добрее не видел.
Добрее нас разве что „Ласковый
май“. В Советском Союзе самый доб-
рый ансамбль - „Ласковый май“, а са-
мая добрая группа - „Кино.“
Ю. Каспарян.

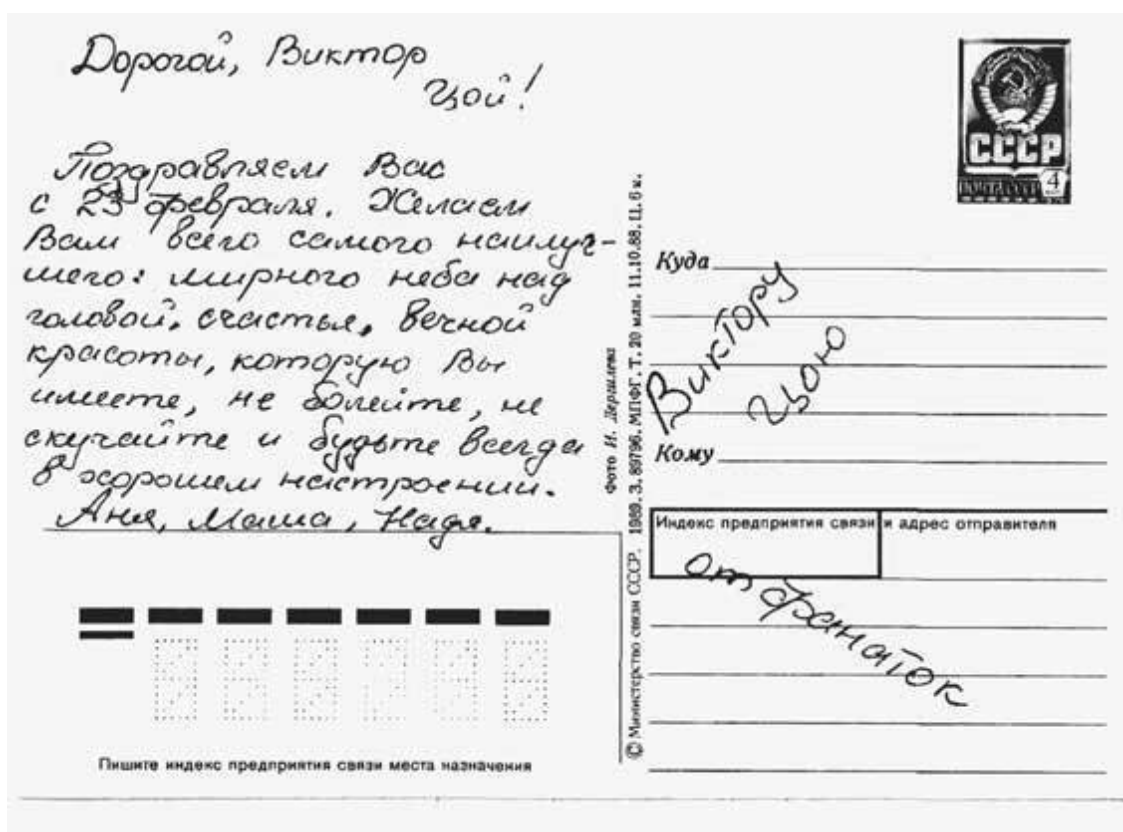
**Happy
Birthday, „Кино“**

- 23.02.1961г. Родился барабанщик
Георгий Гурьянов („Густав“)
- 17.04.1961г. Появился на свет от-
вратитель гитарист Игорь Тихомиров.
- 24.06.1963г. В Санкт-Петербурге ро-
дился гитарист Юрий Каспарян.
- 21.06.1962г. Родился лидер „Кино“ Виктор
Цой.

Фанатская газета. Из архива Марины Гребеньковой

Резьба по дереву – «Вождь». Из архива семьи Цой

Письма Виктору Цою. Из архива Наталии Разлоговой

Я Цой и я ^{сидит} один на свете
Такой. Хотя Цоев друг другу
Я видел завета в газете
Сидит, с медалью на груди

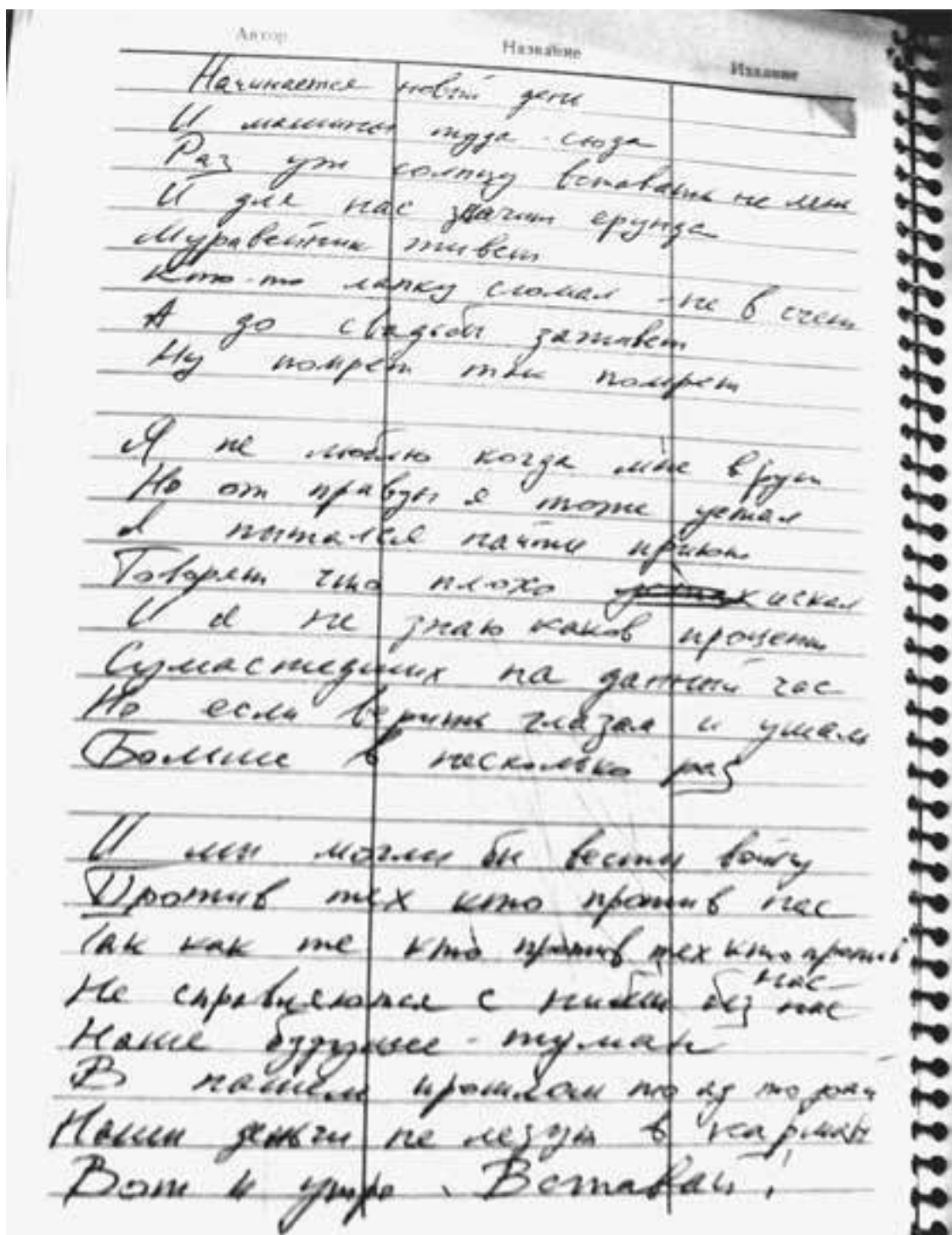
То был не брат ~~и не знакомый~~
Хотя со мной был тем же скотом
Не так красив как я ~~одинокий~~
Но все таки милее, прият

Есть у меня прозвище - Рыбе
Был прозван так за ~~что-то~~ нос
~~Сидит как камешек в воде~~
и ~~сидит как камешек в воде~~
Вот не устаю один вопрос

Козари победил ты потешался?
Других же слов не знает он
живет и раздвинул тому повеса
Что он не ёж не кот, не слон,

А Рыбе пылаю и в море
недостает воды ~~морская вода~~
Ему доходит до края мши
и он ~~как пылающий диск~~
~~прекрасен как звезда~~
Стоит, мощь детина вырос
и пауч в глаз себе упер
Наверно будет космонавтом
Кричат верблюды из за гор

Шуточная поэма Виктора Цоя, посвященная Алексею Рыбину. Из архива Марьяны Цой

Черновик песни «Муравейник». Фото из архива Виталия Калгина

Памятник на месте гибели Виктора Цоя. Латвия. *Фото из архива Виталия Калгина*

Виктор Цой в Одессе. Сентябрь 1988 года. *Фото – Юрий Бойко*